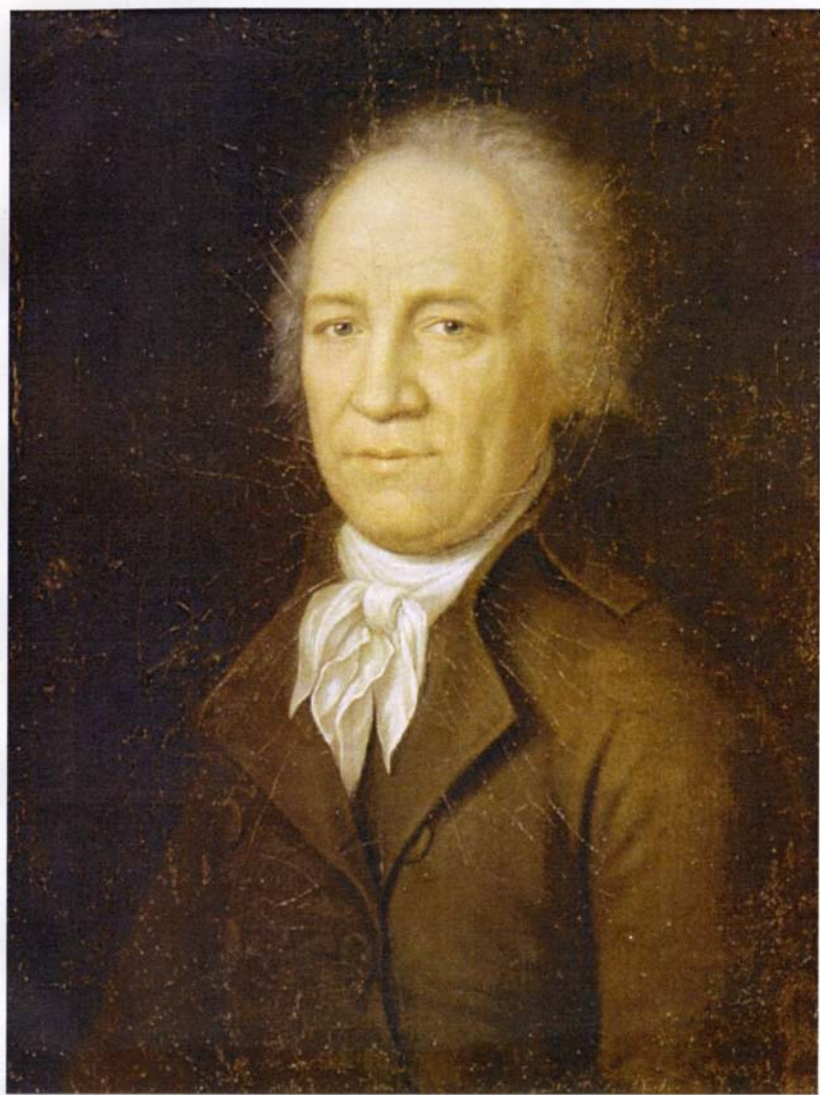

А. Т. Болотов

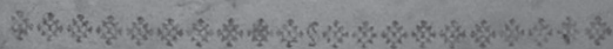
ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

ДѢТСКАЯ
ФИЛОСОФІЯ,
или
ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ
РАЗГОВОРЫ

между
ОДНОЮ ГОСПОЖЕЮ И ЕЯ
ДѢТЬМИ,
сочиненные
для поспѣшествованія
ИСТИННОЙ ПОЛЗЫ
МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

напечатана при Императорскомъ Мо-
сковскомъ Университетѣ.

1776 года.

А. Т. Болотов

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Санкт-Петербург
2012

УДК 82
ББК 84 Р1
Б 79

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»*

Вступительная статья, подготовка текста, комментарии
Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина

Болотов А. Т.

Б 79 Детская философия / Вступительная статья, подго-
товка текста, комментарии Т. В. Артемьевой, М. И. Микешина. СПб.:
ИД «Петрополис», 2012. 854 с.

ISBN 978-5-9676-0420-1

We thank Helsinki Collegium for Advanced Studies for excellent work-
ing conditions provided for our researches.

Авторы благодарят также Коллегиум инновационных исследова-
ний университета Хельсинки (Helsinki Collegium for Advanced Studies)
за предоставленные им великолепные условия научной работы.

© Т. В. Артемьева, статья, комментарии, 2012

© М. И. Микешин, статья, комментарии, 2012

ISBN 978-5-9676-0420-1

© ИД «Петрополис», 2012

Страсти души Андрея Болотова

Ларошфуко однажды заметил: «Философия торжествует над горестями прошлого и будущего, но горести настоящего торжествуют над философией»¹.

Вся мировая литература является иллюстрацией к этому горькому и точному замечанию. Вот, например, несчастная любовь. В борьбе с всепоглощающей страстью гибнут реальные люди и литературные герои — Тристан и Изольда, Элоиза и ее учитель философ Абельяр, Ромео и Джульетта, «новая» Элоиза — Юлия Жан-Жака Руссо, «русская Элоиза» — чувствительная крестьянка Лиза, «сентиментально» описанная Карамзиным, и, конечно, юный Вертер, покончивший с собой, не сумев перенести терзаний неразделенного чувства.

Страждущее человечество давно мечтает найти лекарство от душевных страданий, даже не подозревая, что рецепт его уже изготовлен и с успехом опробован одним российским мыслителем эпохи Просвещения.

Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833)² сделал философию путеводителем в мир спокойной, созерцательной и счастливой жизни и написал об этом несколько книг. Наиболее важные из них — сочинения под названием «Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» и «Путеводитель к истинному человеческому счастью, или опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благо-

¹ *Ларошфуко Франсуа де*. Максимы и моральные размышления. М.: Наука, 1993. С. 155.

² Имя А. Т. Болотова хорошо знакомо исследователям русской культуры XVIII — начала XIX вв. См.: *Щеблыгина И. В.* А. Т. Болотов: Гармония мира и души. М., 2003; *Newlin Th.* The Voice in the Garden: Andrei Bolotov and the Anxieties of Russian Pastoral. Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 2001; *Любченко О. Н.* Есть в Богородицке парк. Тула, 1984; *Бердышев А. П.* Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся деятель науки и культуры. 1738–1833. М.: Наука, 1988 и др. В данной статье внимание будет уделено главным образом философским взглядам А.Т. Болотова.

получии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго» — мы предлагаем современному читателю. Для специалистов в истории философии они станут важным источником исследования отечественной мысли, а для любителей — старинным рецептом, в котором можно почерпнуть забытые, но важные сведения.

Болотов — автор публикуемых текстов, вероятно, был единственным примером излечения от любви с помощью философии. Он описал этот случай в своих мемуарах «Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков».

Болотов познакомился с семейством своих дальних родственников и влюбился в их младшую дочь Пелагею Бакееву. Ему в то время было 25 лет. Девушка «лицом очень хороша, и рост имела прекрасный и пропорциональный, и фигуру представляла собою во всем прелестную, — но и жива, умна, приятна, ласкова и одарена всеми качествами, делающими девицу совершенною»,³ — пишет Болотов. И далее: «Вот, когда бы такую-то Бог послал мне невесту. Не желал бы я иметь лучшей. Ни в чем-то не нахожу я в ней ни малейшего несовершенства и недостатка! Какой ум!... Какая острота и проницательность! Какое сведение обо всем! Как ласкова, скромна и приятна в обхождении и как прекрасна собою! Какая нежность и белизна тела, какой румянец, какие это глаза, какие взоры, какая воровская улыбка и какие прелести во всем!... Нельзя, кажется, быть совершеннее»⁴.

Однако увлечение не лишило молодого человека рассудительности. Девушка приходилась ему дальней родней, была младшей дочерью и по обычаю должна была выйти замуж после старшей сестры. Кроме того, ее жених не мог рассчитывать на значительное приданое. Однако даже не это казалось Болотову непреодолимым препятствием. Гораздо более опасной ему виделась возможность

³ Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. 1738–1793 (далее — Жизнь и приключения Андрея Болотова). Т. II. СПб., 1871. Стб. 368.

⁴ Там же. Стб. 385. «Воровская» здесь означает «лукавая», «быстрая», «живая» (см.: Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 (Воздух — Выпись). Л.: Наука, 1988. С. 70–71).

утраты эмоциональной свободы. Ему хотелось самому контролировать свои чувства, а не следовать им слепо: «Господи! что это такое?.. Только и мыслей что об ней; только она, да она!.. Уж даровое⁵ ли, право, это?.. Уж не влюбился ли я в ее? И не любовь ли уже это шутить надо мною изволит?.. Чего доброго: прелестьям таким немудрено хоть кого заразить!.. Однако, я... я... я покорно благодарствую! Мне сего бы очень не хотелось. Пропади она, эта любовь и со всеми ее сладостями! Мне как можно надобно от нее остерегаться. Заразит, проклятая, так и сам себе не рад будешь»⁶. Последняя встреча развеяла все иллюзии. Девушка не разделяла интерес Болотова к жизни в деревне и откровенно демонстрировала отсутствие интереса, когда он показывал ей свою усадьбу, «к тому присовокуплялась и примеченная мною в ней отменная привязанность к московской суетной светской жизни и совершенный недостаток в таких склонностях, какие хотелось мне иметь в своей будущей подруге, то все сие, а при всем том и самый недостаток приданого и удерживал меня не только от сватовства, но даже и от объявления ей любви своей»⁷. Болотов хотел найти «товарища», равного себе по воспитанию, интересам и достатку, поэтому решил отказаться от этой партии, стараясь «употребить все, что только могла предписывать мне философия моя к преодолению страсти моей»⁸.

Сказано — сделано: «Не успел я сим образом сам о себе усумниться и воспринять некоторое подозрение, как при помышлении дорогою на досуге час от часу более о том, пришла мне на мысль вся прежняя моя философия и все правила ее, которым положил я следовать во все течение жизни моей. Я вспоминал все, что предписуется ею в таких случаях, и положил с того же часа начать преоборать страсть сию, употребляя к тому все предписуемые ею средства. И как главнейшим средством почиталось то, чтоб не давать мыслям о том возобновляться часто, но чтоб оные прогонять и пробудившиеся тотчас засыплять опять, то и практиковался я в том

⁵ Даровое — беда, напасть.

⁶ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 385.

⁷ Там же. Стб. 426.

⁸ Там же. Стб. 430.

во всю дорогу, и имел в том, как казалось, и успех довольно хороший»⁹. Конечно, это было непросто: «Не так легко и скоро можно было произвести в действо, как я сперва думал, а потребно было к тому все философическое искусство и наблюдение всех правил, предписываемых к тому ею. И не один раз принужден я бывал делать себе превеличайшее насилие и с слезами почти на глазах выгонять из головы лестныя и приятныя помышления и напоминания об ней, а производить, напротив того, противоположныя и такія, о которых известно было мне, что они всего скорее и удобнее силу страсти уменьшить и ее, наконец, совсем обессилить и засыпать могут. И могу сказать, что ни при котором случае я изящною Крузиевою философиею, а особливо его наукою телематологиею¹⁰ так много не воспользовался, как при сем. Она помогла мне всего более преодолеть в сей раз всю любовь свою и чрез немногие дни успокоить себя почти совершенно»¹¹.

Христиан Август Крузий (Crusius, 1715–1775), немецкий философ и протестантский теолог, был одним из самых известных и противников популярной в XVIII веке рационалистической философии Христиана Вольфа (1679–1754). Уже одно это обстоятельство могло привлечь Болотова, прошедшего увлечение философией Вольфа и глубоко в этом увлечении раскаявшегося. Болотов полагал, что Вольф чересчур рационалистичен, и что это может войти в противоречие с верой: философия «вольфианская и хорошего христианина превращала почти всегда в худого или паче в самого деиста и маловера»¹². В своих мемуарах он признается, что чтение сочинений Вольфа носило прежде пропедевтический характер: «как скоро, по прочтении оной Вольфианской философии, сделался я способным к чтению и пониманию книг, содержащих в себе и самые важные и высокие материи, и получив к такому чтению превеликую охоту, стал и доставать и выбирать к чтению более такие»¹³. Вольф

⁹ Там же. Стб. 431.

¹⁰ Телематология — учение о воле и ее свободе.

¹¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. I. СПб., 1870. Стб. 984.

¹² Там же.

¹³ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 60.

приохотил Болотова к чтению философских книг, но не научил в них разбираться, поэтому когда ему стали попадаться в руки «вольнодумческие и такие, которые мало помалу и совсем неприметным и нечувствительным образом, стали вперять в меня некоторые сумнительствы о истине всего откровения и христианского закона, и совращать меня с пути доброго»¹⁴, молодой человек оказался в сложной ситуации и «едва не сделался и сам совершенным деистом и вольнодумцем»¹⁵. Утрата веры была бы для Болотова духовной катастрофой, но он сумел предотвратить ее чтением теологических сочинений Крузия. Таким образом, Крузий спас Болотова не только от несчастной любви, но и от мировоззренческого кризиса.

Достоинством системы Вольфа была систематизация, строгая терминология, доказательность. Все это сделало его систему привлекательной для преподавания, недаром вольфианство изучалось в российских университетах и церковных школах фактически до конца XIX века. Крузий считал Вольфовскую систематику «иллюзорной», не был согласен с концепцией предустановленной гармонии, полагал, что Вольф вслед за Лейбницем не видит разницы между реальными связями и их отражением в логике понятий. Если Вольф полагает, что виды познания различаются по степени приближения к истине, причем самым совершенным является познание математическое, стоящее выше философского (знание причин явлений) и исторического (знание просто фактов), то Крузий считает, что философское и математическое познание различаются по объекту исследования. Предметом первого является реальное, предметом второго — мыслимое. Крузий также полагает, что природа Бога принципиально непознаваема¹⁶. Этот пункт должен был быть особенно важен для Болотова, так как именно включение Бога в контекст доказательного дискурса казалось ему несовместимым с верой.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Жучков В. А. Конструктивно-полагающая природа познания и понятие нравственного закона у Хр. А. Крузия // Из истории немецкой философии XVIII в. (Предклассический период). М., 1996.

Крузий говорит о том, что свобода является главной нравственной ценностью, а добродетель является залогом счастья. Этическое учение Крузия о воле и свободе, сформулированное в главе «Телематология» «Руководства к разумной жизни»¹⁷, произвели на Болотова настолько сильное впечатление, что он выучил эту главу наизусть¹⁸ и перевел на русский язык¹⁹.

Больше всего Болотов ценил философию за ее способность приносить душевное равновесие. Среди книг, оказавших на него сильное влияние, было «славное сочинение господина Гофмана о Спокойствии душевном»²⁰. Это сочинение было переведено на русский язык и выдержало несколько изданий, хотя не все смогли извлечь из него пользу²¹. Среди источников, сформировавших его взгляды, Болотов называет также сочинения Иоганна Георга Зульцера (1720–1779), Иоганна Яков Душа (1725–1787), Уильяма

¹⁷ *Crusius Ch. A. Anweisung vernünftig zu leben: darinnen nach Erklärung der Natur des menschlichen Willens der natürlichen Pflichten und allgemeinen Klugheitslehren im richtigen Zusammenhang vorgetragen werden* Leipzig 1744.

¹⁸ «Новую науку г. Крузия о воле человеческой, или Телематологию, для лучшего понятия и незабвения выучил даже от слова до слова наизусть» (Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 57).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Стб. 896. Имеется в виду *Johann Adolf Hoffmann Zwey Bücher von der Zufriedenheit : nach den Gründen der Vernunft und des Glaubens*. Hamburg: Felginer & Bohn, 1742 (Иоанна Адольфа Гофмана О спокойстве и удовольствии человеческом / С немецкаго языка переведена г. Сергеем Волчковым. [М.]: Сенатская тип., у Ф. Гиппиуса, 1780).

²¹ В.И. Лукин писал своему собрату по писательскому цеху Б. Е. Ельчанинову: «Для того, что и ты при всех своих редких дарованиях, то есть при кротости, скромности и хладнокровии, иногда нетерпелив бываешь; не взирая на то, что, учась в К... прослушал ты неоднократно и бесплодно все части филозофии и, будучи между педантами, прочел раз пять-шесть, хотя и неохотно, Гофманово о спокойствии душ сочинение, редко оные успокоивающее» (Лукин В. И. Щепетильник // Русская комедия и комическая опера XVIII в. / Редакция текста, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М.; Л.: Искусство, 1950 [Электронный документ] http://az.lib.ru/l/lukin_w_i/text_0050.shtml. Проверено 08.08.2012).

Дерема (1657–1735), Джона Рэя (1627–1705), Бернарда Нивентайта (1654–1718), Джеймса Харвея (1714–1758), Иоганна Готтлиба Вальпургера (1690–1765), Иоганна Христиана Куно (1708–1783), Бартольда Генриха Брока (1680–1747), Ноэля-Антуана Плюше (1688–1761) и других. Болотов ориентировался преимущественно на немецких авторов, британских мыслителей он изучал в немецких переводах.

Задумав жениться, Болотов захотел приобщить к своим философским увлечениям свою супругу. Он видел в будущей спутнице жизни не только хранительницу семейного очага, но и «товарища», способного разделять его интересы. Для этого он задумал написать своеобразный «учебник»: «Мне хотелось, подражая некоторым образом госпоже де-Бомонт, изяснить таким же легким и удобопонятным образом для детей всю наиважнейшую часть метафизики или естественную богословию; а притом, все сочинение расположить так, чтоб оно могло послужить в пользу и будущей молодой жене моей»²². «Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей» написано Болотовым под влиянием популярных философско-педагогических сочинений писательницы Мари Лепренс де Бомон (1711–1780), известной современному читателю, а скорее, зрителю, по неоднократно экранизированной сказке «Красавица и чудовище», по мотивам которой С. Т. Аксаковым был написан «Аленький цветочек». Лепренс де Бомон разработала особый метод объяснения детям религиозно-философских проблем. Она сочиняла в виде диалогов между девочками и их наставницами небольшие сценки, в которых в форме вопросов и ответов разъяснялись сложные и непонятные вопросы. Действующие лица обычно носят «говорящие» фамилии, которые переводились как Добронравова, Благоразумова, Искреннева, Остроумова, Уединенова, а также Вертопрахова, Неугомонова и т. п.

Ее сочинения — «Детское училище, или Разговоры благоразумной наставницы с ея воспитанницами», «Правила для общежития,

²² Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 443.

или Наставление девицам, содержащее священную и светскую историю и географию», «Юношеское училище, или Нравоучительные разговоры между разумною учительницею и многими знатными ученицами», «Наставление молодым господам, вступающим в свет и брачные союзы: Служащее продолжением Юношескому училищу, где изъясняются должности как в разсуждении их самих, так и в разсуждении их детей», «Воспитание совершенное, или Сокращенная древняя история с показанием географических и хронологических мест», «Новый мантор, или Наставления отрокам как в вере и благонравии, так и в других полезных и свойственных возрасту их знаниях» — издавались и переиздавались в России десятки раз.

«Детская философия» написана в форме диалога между госпожой Ц** и ее детьми — Феонией четырнадцати лет и Клеоном тринадцати лет. Диалогическая форма дает возможность в наивных рассуждениях детей как бы разъяснять положения, сформулированные их воспитательницей, а с другой стороны, спровоцировать «вечные вопросы»: «Что такое мы? Откуда и отчего взялись? Где, в каких обстоятельствах и зачем живем, и что с нами вперед будет?» «Понятность» философского дискурса Болотова во многом объясняется образностью его текста, системой ярких и продуманных примеров. Он аллегоризирует и беллетризует изложение, насыщая его образами, доступными детскому пониманию, и почти не использует специальную терминологию.

Талант популяризатора соединяется у Болотова с оригинальностью исследователя, «систематичность» предполагает обладание эффективным методом. «Детская философия» предназначена дать полное представление о всех сферах знания. Однако задача, которую поставил Болотов в своем сочинении, отличалась от той, которую ставила Лепренс де Бомон, и выходила за пределы популярного изложения основ философских знаний и богословских представлений. Это гораздо более самостоятельное и творческое произведение, носящее, по замыслу автора, энциклопедический характер. Опубликовано не все произведение, а только первые две его части, посвященные проблемам метафизики и космологии. Части, оставшиеся в рукописи, обращены к естественнонаучным проблемам. Болотов полагал, что только разностороннее образование и, следовательно,

познание различных сторон мирового устройства может дать представление о цели и величии божественного замысла. Он пишет: «Какое бы понятие вы теперь о Боге и его свойствах и совершенствах не имели <...> но никогда вы не можете иметь совершенного и удостоверительного понятия о его премудрости, благодати и любви и прочих совершенствах, естли не будете знать физики»²³. Физикой Болотов, как и другие его современники, называл науку о познании мира, «в котором мы живем», — в отличие от богословия, которое изучает «тот свет». В этом смысле, «сия наука тесно сопряжена с натуральной богословиею... и может некоторым образом почтеться продолжением оной»²⁴. Болотов полагает, что знание не является самоцелью, оно необходимо для достижения благополучия. «Многие люди... весь свой век трудятся и стараются о распространении знания своего, а о употреблении в пользу приобретенных знаний своих совсем позабывают, следовательно скорлупу одну в орехе гложут, а ядра не замечают»²⁵. По его мнению, систему знания следует строить, исходя из ее полезности для человека, а то, «что человеку в жизнь свою знать надобно и что может служить к его благополучию можно включить в следующие три познания, а именно, во первых, чтобы знать Бога, во вторых, знать мир или свет, в третьих, наконец, чтобы знать человека или самих себя»²⁶.

В предисловии к «Детской философии» Болотов отмечает: «Познание Бога, мира и человека есть неоспоримо превосходнейшее, но вкупе и полезнейшее и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих»²⁷.

Характерной чертой российских философов часто был аксиологический характер их эпистемологических построений. Они пола-

²³ Болотов А. Т. Детская философия, или Нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей (далее — Детская философия). Наст. изд. С. 207.

²⁴ Там же. С. 208.

²⁵ Там же. С. 217.

²⁶ Там же. С. 215.

²⁷ Там же. С. 35.

гали, что цель познания — не в отыскании истины, а в достижении счастья. «Самая лучшая философия есть та, которая основывает должности человека на его счастье»²⁸, — отмечал Н. М. Карамзин. Так же и Болотов полагает, что познание мира необходимо человеку для понимания своего в нем места и «снискивании себе истинного благополучия»²⁹. В предисловии к «Путеводителю к истинному человеческому счастью» Болотов пишет о сознательном отказе от использования строго фиксированных понятий и философского категориального аппарата с тем, чтобы заменяя их символами, наглядными образами и аллегориями, можно было бы более эффективно, более «непосредственно» воздействовать даже на самого неподготовленного читателя, вовлекая и его в сферу философских размышлений. Целью познания является не осмысление истины, а достижения счастья, точнее, Истина и представляет собой путь к «благополучию человеческой жизни и средствах к приобретению оного». «Дело не в том состоит, — пишет Болотов, — чтобы знать все вещи в самую тонкость, но в том, чтобы знанием оным пользоваться»³⁰. Поэтому нужно писать как можно проще, ибо далеко не каждый сможет «понимать все сии философические истины, если бы я об них обыкновенными глубокого размышления и тонкого понятия требующими философическими словами говорил»³¹.

Познание самого себя не менее важно, чем познание мира. Болотов анализирует преимущества человека, понимающего цели и задачи, стоящие перед ним, и размышляющего о смысле собственной жизни:

Первая выгода и польза может проистекать вам от того то, что вы спознать самих себя и узнать что вы такое, и какую фигуру, вещь и тварь сочтаете собою в свете, можете наинужнейшим

²⁸ Карамзин Н. М. О любви к отечеству и народной гордости / Карамзин Н. М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 93.

²⁹ Болотов А. Т. Детская философия. С. 35.

³⁰ Болотов А. Т. Детская философия С. 217.

³¹ Он же. Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических рассуждений о благополучии человеческой жизни и средствах к приобретению оного. Наст. изд. С. 351–847

образом чувствовать все сии бесчисленные преимущесва, какими одарены вы от Творца пред другими тварьми <...>

Вторую выгоду и пользу можете вы иметь от того, что узнаете вкупе и все недостатки с нынешним вашим существованием сопряженные, так же слабости, коими человеки в жизнь свою подвержены, и все несчастные следствия о того проистекавшие и вам величайший вред производящие, в состоянии будете живее чувствовать оные и всю необходимую надобность в стараниях о поправлении недостатков, и о преодолении слабостей оных, и тем к истинной своей пользе побуждаться.

Третья и величайшая **выгода** и польза может проистечь вам от того то, что вы спознакомившись короче со всем существом своим, а особенно с душой своей и всеми обстоятельствами до ней относящимися, а особенно узнают, чем и каким образом можно человеку все дурные и пагубные в себе стремительства, склонности, страсти и привычки уменьшать, угнетать и отчасти совсем истреблять, а добрые возбуждать и увеличивать <...>

Четвертую выгодою может почестся то, чтобы получив обо всем том нужные понятия в состоянии будете всю жизнь вашу и деяния располагать так, чтобы они с назначением своим были сообразны и могли быть угодны вашему создателю и удостоиться его благоволения и ждать особливой его к себе милости.

Пятая выгода и польза произойдет для вас от того что, что в состоянии будете удобнее и с меньшим для вас трудом и отягощением исполнять все должности, коими обязаны относительно к Богу, к самим себе и ко всем прочим вместе с вами на свете живущим людям, ибо вы будете знать как вам за всякое дело именно и с самого начала приниматься и как удобней и лучше производить оное в действо, чего множайшие люди совсем не зная, имеют от производства хороших дел великие и нередко непреодолимые затруднения и от самого того всего реже их производят.

Шестую можете вы иметь от того ту **выгоду**, что пользуясь сим самопознанием можете вы уже здравее судить и о истинном благополучии и блаженстве, какое человек от нынешней жизни имеет и получить может, и не ослеплять себя ложными, и для искания сего не жертвовать всем своим временем и трудами: к доставлению же себе истинного, употреблять уже верные и истинные средства и чрез то великое делать оному поспешествование.

Наконец, **седьмая** и пред всеми наиважнейшая **выгода** от самопознания может быть для вас та, что она доставляя вам

множество разных житейских выгод покажет вам вкупе и вернейший путь к достижению бесценного блаженства и в будущей жизни, и будет вас побуждать к шествию по оному для приобретения сего не гибнущего сокровища³².

В «Детской философии» Болотов показывает разные точки зрения на понимание природы Бога и пытается найти слова, в одинаковой степени далекие как от обыденного непонимания, так и чрезмерной усложненности. Один из героев — мальчик Клеон задает один и тот же вопрос о Боге своей бабушке Луцинде и ученому соседу Грамотееву. Вот какие ответы он получает:

Луцинда

<...> Уже Бога не знать! Но разве ты в церкви никогда не бывал?

Клеон

Я бывал, бабушка, в церкви, но его там не видывал <...>

Луцинда

И, глупенький! И образов ты не видел?

Клеон

Образа я видел, бабушка. Их у нас дома много. Но ведь это не Бог?

Луцинда

О дурачок!.. Это его святой лик, а пред ним ты и молишь <...> Бог, знать, таков и есть, каким пишется <...> Лучше не умничать, а молиться прилежнее Богу <...>³³

Грамотеев дает ответ и вовсе непонятный ребенку: «Бог есть существо не повинно³⁴ и вина всяческим, сиречь всемогущий и всякия вины и естества преестественен»³⁵. Только мать может

³² *Он же*. Утренники семидесяти-семилетнего старца, состоящая в советах и наставлениях своим внучатам. Книжка IV, содержащая в себе замечания о должностях человека к самому себе. В Дворянинове, 1815. (ОР РНБ Ф. 89. Болотовы 56. Л. 6–7 об).

³³ *Болотов А. Т.* Детская философия. С. 87.

³⁴ «Не повинно» — не имеющее причины. Слово «вина» в XVIII в. имело значение «причина».

³⁵ *Болотов А. Т.* Детская философия. С.105.

растолковать как православный Символ веры, так и метафизические смыслы понятия. Вот как она беседует о Боге со своими детьми:

Фео́на

О, матушка! Пожалуйста же нам скажите, что такое Бог и какой он.

Г. Ц**

Изволь, моя радость! Я расскажу вам все, сколько мы о нем знаем иди знать можем <...> Его совершенно узнать никакому человеку невозможно. Он чрезвычайно велик, а мы пред ним чрезвычайно малы, и разум нам к тому не достаточен, чтоб мы его. Так сказать, насквозь могли провидеть, или, как называется, мыслями своими его постигнуть, почему он и называется *непостижимым* <...> Надобно самому Богом разве быть, кто его совершенно, и так совершенно, как самого себя узнать хочет <...>. Однако <...> мы знаем уже много об нем и с нас, конечно, и того будет довольно <...> Богом называем мы то, отчего мы, отчего свет, и все что на свете есть, начало и бытие свое получило <...> Например: вы родились от меня, я от батюшки, батюшка от дедушки, дедушка от прадедушки, тот — от другого, сей от третьего, и так все шло по порядку, покуда до первого человека дойдем, от которого мы се произошли. Итак, мой свет, первый сей человек не сам же собою родился <...> а надобно *чему-нибудь* быть, кто б первого человека сделал <...> Так же и со всем светом. Прежде сего того не было. Откуда же все это взялось? Ведь не само же собою сделалось? А надобно *чему-нибудь* быть, от чего бы это все начало и бытие свое получило <...> Отчего все взялось и началось и есть Бог <...> Он сделал небо, он сделал землю, он сделал первого человека и все прочее, и потому называем мы его *Творцом* и *Жиздителем* <...>

Бог не человек, а он Дух <...> Дух такое нечто, чего я тебе описать и пересказать не могу, для того, что здесь на свете ничего такого видимого нет, чтобы на дух походило <...> Он не *вещество*, но *отменное* от всякого *вещество* <...> Веществом называется то, чего мы либо видеть, либо слышать, либо осязать можем, или другими чувствами ощущать, и всякая такая вещь называется *вещественная вещь* или *материя* <...>

Думать надобно потому, что она сама не вещество, но дух, а дух духа видеть может <...> А теперь пойдемте дале и я скажу вам, во вторых, что это дух такая вещь, которая *жива*, а не так, как *вещественные вещи* <...> Бог не только жив. Но и *разум*

и *волю* имеет <...> Всякая бездушная и материальная вещь наиглавнейшее тем еще от духа отлична, что она ни мыслить, ни хотеть не может <...>

Итак, знайте, любезные дети, что Бог Дух *невидим, жив*, и имеет разум и волю и помните, что все сие называется и составляет *существо* Божеское <...> Это <...> Существо, которое мы Богом называем есть существо *всесовершеннейшее* <...> *Совершеннейшею* мы вещь называем тогда, когда она совсем хороша и в ней нет ничего худого и никакого недостатка нет <...> Таков есть Бог. Он имеет в себе все совершенства и доброты, какие только быть могут в наивысочайшем степени <...>³⁶

Болотов неслучайно перемежает глубокие рассуждения наивными замечаниями детей. Это квантует его философскую мысль, возводя ее от простого к сложному. Ему хватает смелости не прятаться за поэтикой метафизической терминологии, а поверять ее вопросам, которые стесняется задать интеллектуал, но которые являются насущными для всякого, постигающую премудрость философии.

Будучи совсем пожилым человеком и задумываясь о близкой смерти, Болотов пишет сочинение «О душах умерших людей»³⁷ (1823), где размышляет о «бессмертии душ наших», «состоянии, в котором выходят души из тел умирающих людей», «о последних временах света», «о новом мире и устройении оногo». Размышлениям о смерти посвящены также рукописи, хранящиеся в Библиотеке Академии наук, — «Предполагаемые наугад происшествия на том свете...» (1823) и «Старик со внуком...» (1822)³⁸. Эти работы также написаны в форме диалога, но уже деда и внука. Здесь Болотов выдвигает ряд мировоззренческих гипотез, пытаясь осмыслить и выразить сверхъестественные сущности на языке обыденных понятий и представлений. По жанру эти размышления напоминают своеобразную «философско-теологическую утопию», ибо Болотов пытается представить «обыденную жизнь», повседневность в мире

³⁶ Там же. С. 98–104.

³⁷ Болотов А. Т. О душах умерших людей / Подготовка текстов, вступительная статья, комментарии Т. В. Артемьевой. СПб.: Алетейя, 2006.

³⁸ Указаниям на эти рукописи мы обязаны, Томасу Ньюлину, автору книги о Болотове. См.: *Newlin Th. The voice in the garden.*

трансцендентных явлений. Он пытается постичь, как будет выглядеть «жизнь после жизни» с точки зрения обычного человека, боящегося смерти и готовящегося к встрече с неизбежным.

Сочинения Болотова отличает высокая степень мотивации, на- сущности рассматриваемых проблем лично для него. Это делает их убедительными, эмоциональными и доказательными.

В 1769 г. Болотов задумывается над написанием книги, кото- рая могла бы объяснить природу человеческих чувств. «Около сего времени получил я первоначальную мысль о написании система- тической книги «О благополучии человеческой жизни», от которой мысли впоследствии времени и имел мой «Путеводитель» свое про- исхождение»³⁹, — пишет он в своих мемуарах. Особенно интенсив- но он работал над ней в конце 1772 г., завершив ее в декабре. Книга писалась легко⁴⁰, так как являлась результатом многолетних разду- мий над природой чувств, страстей и возможностью укротить их с помощью разума. Болотов неоднократно читал ее своим друзьям и детям, чтобы «образовать их умы и сердца и полагать основание к любви христианского закона и добродетельной жизни»⁴¹. Для Бо- лотова высший смысл философии заключается не в постановке, об- суждении и даже разрешении проблемы, а в выработке четкого и яс- ного понимания правил жизни и пути достижения благополучия. «Словарь Академии российской» относит понятие «благополучие» к тому же синонимическому ряду, что «блаженство», «счастье», «совершенное удовольствие»⁴². Болотов справедливо замечает, что

³⁹ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. II. Стб. 844.

⁴⁰ «В рассуждении сей книги особливого замечания достойно то, что произошла она на свет совсем нечаянным и ненарочным почти образом: не делано было мною к тому никаких предварительных приуготовле- ний и планов; не сочинено никаких эскизов; не помышляемо собственно нимало о том, какую ей и сколь великою быть. Но мне так в один день и не нарочно вздумалось написать что-нибудь о счастии, — я сел и на- махал первое и начальное рассуждение» (Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. III. Ч. 15–21. СПб., 1872. Стб. 53).

⁴¹ Жизнь и приключения Андрея Болотова. Т. IV. Ч. 22–29. СПб., 1873. Стб. 111.

⁴² Словарь Академии российской. Ч. 1. А—Г. СПб., 1789. Стб. 214.

содержание таких понятий не очень понятно и не изучено: «Совершенно еще не исследовано, в чем бы собственно истинное благополучие состояло и какими точно способами или путями могло бы наиудобнее приобретаться быть»⁴³. Каждая философская система имела свой идеал совершенной жизни, свою терминологию и свои сверхзадачи. Это помешало философам прийти к общему мнению и затруднило выработку простых и ясных рекомендаций.

Болотов полагает покой, умиротворение, удовлетворение своим состоянием, благодарность Творцу за дар жизни легко достижимыми, нужно лишь понимать природу формирования страстей и научиться ими управлять. Все сочинение представляет собой развернутую метафору, поясняющую, как именно происходит превращение безобидного желания во всепоглощающую страсть: «Вот краткое аллегорическое уподобление тому, как душа наша сопряжена с телом. Все тело наше представляет корабль, руки, ноги и все прочие члены наружные, а внутренние наши части, внутренние машины. Нервы наши — струны, веревки и канаты, а душа — каюту»⁴⁴.

Этот «кают», или душа, является вместилищем как мыслей, так и «хотений и желаний». Болотов предлагает представить их в виде птичек и «зверков». И те, и другие принимают участие в управлении кораблем, причем именно мысли должны руководить желаниями, которые выполняют роль корабельных работников.

Что из себя представляет мышление? Это функция души. Ее единичные действия называются мыслями. Собрание различных мыслей об одном предмете называется «помышлением», а сравнение одних мыслей с другими — рассуждением. Внешние факторы и желания также имеют на процесс мышления большое влияние.

Болотов обсуждает взаимоотношение мыслей и желаний довольно подробно. «Кают», где они помещаются, является «душой» корабля, от сигналов, исходящих из него, зависит движение корабля в пространстве. Для этого обе душевные ипостаси должны

⁴³ Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 356.

⁴⁴ Там же. С. 403.

быть в гармонии и совместно вырабатывать общую стратегию, основываясь на данных чувств. Органы чувств представлены в виде различных механизмов, которые поставляют «душе» информацию об окружающем мире.

Интересно, что в современной Болотову пневматологии обычно никогда не анализировалась собственно структура души. Главный философский вопрос сводился к доказательству ее бессмертия и попытке объяснения способа соединения с телом. Автор «Путеводителя» предполагает, что «в усмотрении неизвестной внутренности души нашей является такой же чудный или еще удивления достойнейший порядок, какой и во всех прочих в точность далеко нам непостижимых делах великого Создателя нашего видим»⁴⁵.

Болотов показывает, что взаимодействие мыслей и желаний имеет довольно сложный характер и вовсе не сводится к главенству мыслей:

Первое и примечания достойнейшее распоряжение состояло б в том, что не всему одному великому множеству птичек и зверков назначено производить свои действия вдруг, но только по некоторому не большому количеству оных разом с тем, чтоб они могли во всякое время сменяться другими. И когда сии действуют или, так сказать, работают, тогда б другие находились в таком состоянии, которое подобно сну. Чего ради и придана им способность засыпать и просыпаться... Второе распоряжение сделано такое, что для помянутого нужного действования машинами могут они из сна своего на смену другим разбужаемы быть разными образами. Во-первых, своими собратьями, то есть птичками и зверками, как, например, птички другими птицами, равно как и зверками, а зверки отчасти также зверками, но наиболее птичками. Во-вторых, действием машин, в корабле находящихся и принуждающих иногда весь кают к принужденному и не такому движению, какое бы было надобно, но к такому, какое для сохранения целости судна необходимо требуется. В-третьих, разными наружными вещами и предметами⁴⁶.

⁴⁵ Там же. С. 428.

⁴⁶ Там же. С. 404.

Разумеется взаимоотношения мыслей (птичек) и желаний (зверков) не хаотичны и управляются высшими силами. Мыслями управляет память, рассудок и креативный ум («остроумие» или «изобретательная сила»). Болотов описывает принятие решения как сложный производственный процесс, совершаемый между руководящей тройцей и исполнителями:

Начальников над птичками, как выше уже упомянуто, немало. Главнейшие из нижних известны под именем памяти, рассудка и остроумия, или изобретательной силы, и всем им поручены разные должности. Первого из них можно уподобить равно как некакому нарядчику, который имеет в ведомстве своем тех птичек, которые не спят и бывают на работе, и может их удерживать долее на работе или ушедших опять возвратить, также из спящих наряжать, какие на смену другим надобны, и прочее тому подобное.

Второго можно уподобить равно как старосте или адъютанту, и должность его весьма важная. Он должен узнавать и осматривать каждую на работу пришедшую птичку, отличать одну от другой, также учреждать порядки при работах и назначать каждой, что делать, и прочее многое.

Третьего можно уподобить прожектору, и он должен упражняться в выдумывании и изобретении лучших и способнейших средств к производству всех наружных дел корабля или помышлять о том, куда бы судну лучше плыть и как бы лучше и способнее и скорее какое дело в действо произвести можно было. В случающихся между птичками его лекциях или экзерцициях, известных под именем размышление и рассуждение, имеет он особое и великое участие⁴⁷.

Высшим руководителем «которого уподобить можно генералу или самому владельцу» является разум. Он господствует и над мыслями и над желаниями. Однако немногая часть мыслей ускользает из-под его просвещенного внимания. Это те мысли, которые непосредственно возбуждают чувства, или, в терминологии болотовской аллегории, «которые должность имеют разбужать тех звер-

⁴⁷ Там же. С. 406.

ков»⁴⁸. Желаниями руководит свобода (или «произвол»)⁴⁹. Следует отметить, что понятие «произвол» в XVIII в. было свободно от отрицательной коннотации и означало просто «выбор».

Наши желания всегда жаждут пищи, поэтому следует следить и за тем, чтобы они были сыты, но не перекормлены, иначе, они увеличатся в размерах и будут требовать все больше. Так, из желаний они превращаются в привычку и страсть. Но нельзя морить их голодом, ибо отсюда проистекают горести и печали. Впрочем, если человек хочет избавиться от какого-либо желания, то ему придется успокаивать и ограничивать свои желания, которые будут сначала требовать новой пищи, а потом уменьшатся в размерах и уснут.

На этом свойстве и основана идея Болотова о возможности управлять своими желаниями и чувствами и подчинять их разуму. Душевная работа должна быть направлена на желания, «звериная» сущность которых должна быть «укрощена», ведь эти «душевные зверки могут портиться или баловаться, то есть из хороших и добронравных делаться злонравными и негодными»⁵⁰, капризничать, бунтовать, стремиться к власти, даже порождать себе подобных.

Желания могут быть врожденными — «коренными» и производными от них. Коренные желания могут быть «человеческими», а могут быть «скотскими», Болотов также называет их «стремительствами». Коренных желаний всего три: стремление к совершенству, стремление к соединению с совершенными объектами («стремительство к соединению себя с таким предметами, в которых мы видим и примечаем совершенства или в них оным быть думаем»⁵¹) и «совестное» стремление.

Стремление к совершенству представляет собой любовь к себе и желание стать лучше. Это коренное желание имеет множество производных: стремление к познанию, чувствам, размышле-

⁴⁸ Там же. С. 407.

⁴⁹ «Сей начальник известен под именем свободности или произвола» (Там же).

⁵⁰ Болотов А. Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 411.

⁵¹ Там же. С. 432.

нию, умозаключениям, выявлению причины вещей. Все это ведет к стремлению к познанию истины — «истиннолюбию». Искажение этого стремления порождает излишнее любопытство, суеверие и неверие. Истиннолюбие порождает ряд других желаний — стремление к совершенным формам («нам приятно, когда мы находим в чем истину или что-нибудь по правилам и порядочно расположенное, то происходит от того между прочим охота к разным увеселительным играм к стихотворству, музыке и тому подобное»⁵²); «желание поступать согласно с разумом, или все свои дела так располагать, как предписывает разум; никаких же нелепостей и здорных дел не делать»; «желание к совершенству нашего тела»; «желание к вольности как такого состояния, в котором во всех своих делах можно б нам было следовать своим рассудкам, а не распоряжать свои поступки по хотению других»⁵³.

Стремление к соединению с совершенными предметами, или любовное стремление вызывает к жизни желание любоваться прекрасными вещами, владеть ими, любить их.

Второе коренное желание, или любовное стремление, представляет собой стремление соединять себя с совершенными предметами: «Под сим стремительством разумеется вообще то общее и всем чело-векам свойственное от природы бескорыстное любление посторонних хороших и совершенства в себе имеющих вещей»⁵⁴. Стремление это может быть направлено как на реальные объекты, так и «умозрительные совершенства». Из него проистекает удовольствие, получаемое от красот природы, искусства, литературы. Стремление к нравственно совершенным и духовно богатым объектам порождает феномен привязанности и «чистейшей духовной любви». Эта любовь имеет иную природу, нежели родительская или «венерическая», и лежит в основе человеколюбия, или «любления всех человеков».

⁵² Там же. С. 431.

⁵³ Интересно, что, по мнению Болотова, желание к вольности порождает «желания к власти, богатству, дружеству и чести; а из сего, наконец, желание наружных признаков чести, например, славе, хвале, высоким чинам и достоинствам, рангам, титулам, комплементарам и прочее тому подобное» (Там же. С. 432).

⁵⁴ Там же. С. 432.

Третье человеческое коренное стремление — «стремление совестьное» носит принципиально иной характер. Совесть представляет собой оселок, на котором проверяется насколько дела и помышления согласуются с законом Божиим.

Животные, или «скотские», стороны нашей натуры также порождают определенные стремительства. Сложно перечислить все множество витальных потребностей — они относятся к питанию, сохранению здоровья, продолжению рода. Следует отметить, что по силе воздействия они превосходят человеческие. Голод, жажда или «венерическая» любовь способны полностью подчинить себе человеческое поведение. Если же они соединяются с человеческими стремительствами, то усиливаются многократно.

Все стремительства имеют внушительную генеалогию, однако все их предки имеют двоякое происхождение. Развивая свою аллегорию, Болотов сравнивает животные стремительства с корабельной командой, составляющей как бы часть судна, а человеческие — с пассажирами, которых берут на борт управители. Следует учесть, что «пассажиры» занимают господствующее положение, кроме того, они не зависят от корабля и могут продолжать свою деятельность и после его гибели. Душа бессмертна, а потому «кают», в котором они обитают, не может быть разрушен.

Вместе с тем, пребывание в составе корабля не проходит для «каюта» даром. Он может, например, быть приведен «в лучшее состояние». Этот процесс заканчивается с разрушением корабля. Также и душа — она совершенствуется, но только пока человек жив.

Желания, склонности и привычки не всегда способствуют человеческому совершенствованию. Они могут «производить беспорядки», воздействуя на разум и на волю. Все они разделяются на три «шайки»: «Во-первых, на такие, которых действия производят беспорядки между мыслями, во-вторых, такие, которые причиняют внутренние беспорядки и замешательства между желаниями, то есть в воле, в-третьих, кои и в разуме, и в воле совокупно делают замешательства»⁵⁵.

«Беспорядки» могут относиться и к разуму, это:

⁵⁵ Там же. С. 459.

1. Нежелание учиться и чрезмерное упование на собственный здравый смысл.

2. Склонность к предрассудкам, или вера в культурные мифы.

3. Невнимание.

4. Безосновательное любопытство и склонность к малозначимым деталям.

5. Суеверие.

6. Неверие.

К «худым склонностям воли» Болотов относит:

1. Нежелание действовать (лень).

2. Избегание неприятной физической активности (нега).

3. Чувственность, господство «скотских» желаний над человеческими.

4. «Отвращение или ненависть ко всяким обязанностям», включая обязательства религиозного характера.

5. Чрезмерное самолюбие.

6. Корыстолюбие.

7. Непостоянство.

8. Неустойчивость психики, то есть «жестокость пристрастий, или аффектов, и слишком великая способность к скорому и легкому воспалению в нас оных».

9. «Ужасное множество сбившихся с пути желаний, склонностей и стремительств», например, стремление к роскоши, торопливость, зависть, злорадство, свирепость, глумливость.

10. «Поврежденный нравственный или собственный душевной вкус».

11. Упрямство и своенравие.

Наиболее серьезными пороками Болотов считает честолубие, сребролюбие и сластолюбие, или роскошь.

Болотов полагает, что телематология дает ему возможность не только уменьшить нравственное зло в мире, но и исправить человеческую натуру. Для этого следует бороться с порочными страстями, склонностями, привычками — «одолевать» их как с помощью Божией («посредственное одолевание»), так и самостоятельно («непосредственное одолевание»). «Посредственное одолевание» Болотов не разбирает, он оставляет это профессионалам: «Ибо пер-

вое, то есть посредственное, на большую часть есть таинственное, невидимое, от нас скрытое и принадлежащее к великим таинствам Христианского закона, следовательно, не мое дело входить в сию важную материю, но я должен оставлять то нашим пастырям и учителям»⁵⁶. Что касается второго — «непосредственного одолевания», то здесь придется поработать самому человеку.

Болотов возвращается к своей пространной аллегории. Он пишет:

Представьте, дорогой читатель, себе в мыслях, что душа человеческая представляла бы целую область зверков и птичек, находящуюся в превеликой и такой расстройке, какую я прежде имел случай изобразить. То есть чтоб она наполнена была внутренними мятежами и беспокойствами, и всякий бы час происходили в ней замешательства и беспорядки. Причиною тому было бы то, что по случаю пременился порядок законного правительства, и что верховная власть природных и законных правителей похищена многими усилившимися бунтовщиками и злодеями, воюющими всегда между собой и приводящими всю область час от часу в худшее состояние, и что законные правители находились у них в порабощении и в неволе и принуждены б были от части исполнять поведения оных, от части быть в без действия. Верховнейшим законным начальником или самым владельцем почтите разум, а произвол — его товарищем и соправителем. Прочие же хорошие склонности — их офицерами, находящимся с государем своим в таком же порабощении, а бунтовщиками и злодеями — наши страсти и худые склонности⁵⁷.

Таким образом, избавление от пороков и борьба за нравственность представлены Болотовым в виде военных действий, которые и нужно вести по всем правилам. Сначала нужно выяснить силы неприятеля, его сильные и слабые стороны, затем попытаться освободить силы разума и воли⁵⁸, чтобы продумать план

⁵⁶ Там же. С. 491.

⁵⁷ Там же. С. 493–494.

⁵⁸ Болотов называет волю «произволом». При изучении его текста следует обратить внимание на изменение коннотации этого понятия.

действий. При этом нужно привлечь на свою сторону как можно больше бунтовщиков. Следует избегать больших сражений, а стараться изматывать неприятеля небольшими вылазками и хитростями. Человек слаб и может не выдержать серьезной борьбы со страстями. Он должен научиться покорять их постепенно и последовательно.

Чтобы одержать победу, человек должен постараться понять своего врага, то есть самого себя. Нужно честно признаться, какие пороки, слабости, дурные привычки сдерживают его духовное развитие, а потом последовательно избавляться от них. Лучше записать свои недостатки и время от времени сверяться с этим реестром, выясняя, с какими из недостатков труднее всего справиться.

Болотов пишет:

Сделав реестр своим страстям и худым склонностям, приступайте к новому и весьма надобному делу, а именно, к исследованию, которые из них сильнее и которые не таковы сильны и слабее, дабы чрез то узнать, которые для вас более или менее опасны. О сем можете вы судить чрез напоминание опять тех дел, которые по побуждению оных вы производили, а именно, из того, часто ли или не часто вы оным следовали и мало ли или много могли им противиться? В состоянии ли вы были их преодолевать или не в состоянии? Одни ли бывшие поводы и случаи стремления оные в вас возбуждали или они без всяких бывших поводов в вас воспалялись и к делам принуждали и так далее. Ежели найдете, что которой-нибудь страсти вы часто следовали или следуете; ежели приметите, что вы не были тогда в своей уже власти и не могли себя преодолеть; ежели окажется, что они и без поводов в вас сами возбуждаются или воспалялись от самой безделицы, то за верное кладите, что этот бунтовщик в вас очень силен и важен и достоин в особенности замечен быть, а по сему и о прочих рассуждайте и повторяйте как можно чаще и во всякое время таковое упражнение, которое вам после будет много пользоваться⁵⁹.

По сути, он предлагает каждому, вставшему на путь добродетели, завести своеобразный «франклиновский журнал».

⁵⁹ Там же. С. 515–516.

В «Автобиографии» Бенджамин Франклин пишет о своем смелом и трудном замысле достижения *морального совершенства*: «Я желал жить, никогда не совершая никаких ошибок, победить все, к чему могли меня толкнуть естественные склонности, привычки или общество»⁶⁰. Он так классифицирует качества, составляющих, по его мнению, 13 основных моральных добродетелей:

1. *Воздержание*. — Есть не до пресыщения, пить не до опьянения.

2. *Молчание*. — Говорить только то, что может принести пользу мне или другому; избегать пустых разговоров.

3. *Порядок*. — Держать все свои вещи на их местах; для каждого занятия иметь свое время.

4. *Решительность*. — Решаться выполнять то, что должно сделать; неукоснительно выполнять то, что решено.

5. *Бережливость*. — Тратить деньги только на то, что приносит благо мне или другим, то есть ничего не расточать.

6. *Трудолюбие*. — Не терять времени попусту; быть всегда занятым чем-либо полезным; отказываться от всех ненужных действий.

7. *Искренность*. — Не причинять вредного обмана, иметь чистые и справедливые мысли; в разговоре также придерживаться этого правила.

8. *Справедливость*. — Не причинять никому вреда; не совершать несправедливостей и не опускать добрых дел, которые входят в число твоих обязанностей.

9. *Умеренность*. — Избегать крайностей; сдерживать, на сколько ты считаешь это уместным, чувство обиды от несправедливостей.

10. *Чистота*. — Не допускать телесной нечистоты; соблюдать опрятность в одежде и в жилище.

11. *Спокойствие*. — Не волноваться по пустякам и по поводу обычных или неизбежных случаев.

⁶⁰ Жизнь Вениамина Франклина. Автобиография // Философский век. Альманах. Вып. 32. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 2. СПб., 2006. С. 229 (см. также «Автобиографию» Франклина на <http://ideashistory.org.ru/files/a32.html>).

12. *Целомудрие*. —

13. *Скромность*. — Подражать Иисусу и Сократу⁶¹.

«Идеальный американец» не только сформулировал цели и задачи внутреннего совершенствования, но и наметил пути практической реализации этой задачи: «Я завел книжечку, в которой выделил для каждой добродетели по странице. Каждую страницу я разлиновал красными чернилами так, что получилось семь столбиков по числу дней недели; каждый столбик отмечался начальными буквами соответствующего дня недели. Затем я провел тринадцать горизонтальных линий и обозначил начало каждой строки первыми буквами названия одной из добродетелей. Таким образом, на каждой строке в соответствующем столбике я мог по надлежащей проверке отмечать маленькой черной точкой каждый случай нарушения соответствующей добродетели в течение того дня»⁶².

Такой же «Журнал ежедневных занятий», или «франклиновский журнал», вел и Л.Н. Толстой, высоко ценивший Франклина и предлагавший опубликовать сочинения мыслителя в специальных изданиях для простого народа⁶³.

Болотов, вероятно, не был знаком с сочинениями Франклина. Среди авторов, которых он упоминает, нет его имени. Кроме того, моральные сочинения американского мыслителя стали появляться в русских переводах несколько позже того времени, когда Болотов работал над своим текстом⁶⁴. Вместе с тем, желание упорядочить

⁶¹ Там же. С. 230.

⁶² Там же. С. 231.

⁶³ См.: *Кириченко О. А.* Образ Америки в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» // *Философский век. Альманах*. Вып. 31. Бенджамин Франклин и Россия: к 300-летию со дня рождения. Ч. 1. СПб., 2006. С. 268–278 (см. также на <http://ideashistory.org.ru/files/a31.html>).

⁶⁴ Например: *Франклин Б.* Учение добродушного Рихарда. СПб.: Тип. Карла Шнора, 1784; Отрывок из записок Франклиновых: с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений / Перевел с французского А[ндрей] Т[ургенев]. М.: Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1799.

сферу нравственных исканий, придать ей систематический характер было весьма характерно для эпохи Просвещения.

Болотов также предлагает внимательно следить за изменением своего нравственного состояния, стараясь находить опору не только в своих душевных силах, но и в хороших книгах, беседах, следовать положительным примерам. Он советует стараться избегать общества и должностей, которые возбуждают порочные стремительства, не читать книг, которые могут ввергнуть в соблазн. Он резюмирует свои наставления следующим образом:

1. Старайтесь прежде всего узнать, какие в вас худые склонности, страсти и привычки есть и более над вами господствуют.
2. Узнайте натуру и свойства страстей и все их выгоды и слабости.
3. Примите твердое намерение освободить разум и произвол ваш из-под ига и повелительства страстей.
4. Укрепите произвол приличными ему упражнениями.
5. Запаситесь мыслями, способными противоборствовать страстям и уничтожать их действия.
6. Увеличьте как можно более хороших склонностей, а особливо противных нашим страстям.
7. Не возбуждайте в себе сами худых стремительств.
8. Рассматривайте основание и предметы всякого худого желания и склонности беспристрастно.
9. Пользуйтесь слабостями страстей, а особливо продолжайте сон их убегаением случаев, к возбуждению оных способных.
10. Ловите первые минуты, когда страсти возбуждаются, и пользуйтесь оными.
11. Примите однажды прямое намерение противиться страстям.
12. Не поддавайтесь им при искушениях и противьтесь до последних сил.
13. От худых успехов не ослабевайте.
14. Призывайте Бога себе на вспоможение и без Него не начинайте своего исправления»⁶⁵.

⁶⁵ Болотов А.Т. Путеводитель к истинному человеческому счастью. С. 600.

Последний пункт Болотов считает принципиальным, полагая, что верующий человек всегда имеет перед своим душевным взором образец и цель к которой и устремляет свои усилия.

Болотов не претендует на создание законченной системы: «Я не писал в нем [в своем сочинении] всю цепь философической системы, а только пользовался одним звеном оной, да и то без всякой философических доказательств; потому что я писал не для философов, а для простых и не так много ученых людей, и имел предметом себе одно нравоучение»⁶⁶. Конечно, наш автор лукавит, ибо его аллегоризм не противоречит ни логике, ни систематичности. Он пишет пространно, может быть, даже излишне подробно, особенно для нас, «постигающих» «за 90 минут» и Канта, и Сократа, и Спинозу. Однако Болотов делает философские рассуждения живыми, яркими, эмоциональными. Он непревзойденный мастер языка, сочетающий устоявшуюся научную лексику с простонародными, но точными выражениями. И возможно, в эпоху переводов и пересказов, внимательное чтение текстов этого замечательного русского мыслителя обогатит современного читателя новыми идеями и новыми формами их выражения.

Т. В. Артемьева, М. И. Микешин

⁶⁶ Там же. С.

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ,

или Нравоучительные разговоры между одною госпожою
и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной
пользе молодых людей

*Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят
хвалу Твою.
Пс. 50:17*

Часть I

Предисловие

Познание Бога, мира и человека, есть неоспоримо превосходнейшее, но вкупе и полезнейшее и нужнейшее познание из всех прочих познаний человеческих. Ибо, что нужнее для нас, как знать того, кто бытию нашему причиною и уметь на следующие великие вопросы ответить: что такое мы? Откуда и от чего взялись? Где и при каких обстоятельствах и зачем живем, и что с нами впредь будет? И когда не совершенно все сие знать: так, по крайней мере, чтоб не быть в рассуждении сих пунктов, совсем не знающим, а иметь хотя некоторое о том правильное и по нужде уже достаточное понятие? Человек о том не мыслящий и помышлять никогда не хотящий, почти не достоин того, что он носил на себе сие имя.

Но каково неоспоримо сие, и каковы ни нужны сии познания для всех, таково ж неоспоримо и то, что сии познания для молодых не таких людей, которые начинают только входить во прямую жизнь и себя разуместь, несравненно еще нужнее и полезнее, для людей возраста совершенного и со светом довольно уже ознакомившихся. Кому неизвестно, коль великие выгоды может иметь человек, имеющий о том от самой юности своей ясные и правильные понятия, глубоко в уме своем впечатленные, а того величайшие, когда в жизнь войдет с исправленным в юности еще сердцем и с основывающимися на оном склонностями благородными и полезными, а не такими, как и ему вредны и всему обществу предосудительны, основывающим всего чаще на невежестве и неправильных о сих вещах понятиях. Не великое ли облегчение имеет чрез то такой человек в снискивании себе истинного благополучия, и не всего ли чаще от таковых для всего общества проистекают великие пользы.

А когда сие справедливо, то могут ли когда-нибудь излишними и ненадобными почестся все такого рода сочинения, которые молодым и часто всего меньше о сих вещах знающим и приличным к тому наукам обучаться случая не имеющим людям, могли б служить некоторым руководством к сим столь нужным познаниям, а вкупе к удобнейшему исправлению сердец их? Сколько бы их

не было, но всегда они не будут излишними, бесполезными и ненужными. Вещей касающихся до того так много, все они так нужны и способны к совмещению понятий об них, так многообразны, что никогда о том довольно говорено быть не может

Вот обстоятельство, которое побудило меня, по мере сил, знания и возможности моей поспешествовать с сей стороны общей пользе, и предложением сего небольшого труда приумножить количество имеющихся уже в свете сего рода сочинений. Я не знаю и всего меньше могу знать, достигну ли я до цели моего желания, а знаю только, что за великое бы себе счастье, и наилучшим награждением моего труда почел, если бы мог принести им хоть малому числу моих юных сограждан существенную пользу, а из прочих хотя бы несколько сделать оным угождение

И как самое сие было наиглавнейшею целию желаний и трудов моих, то издавая сей небольшой и первый опыт нравоучительных моих сочинений: и прошу всех тех, кои возраст и разум уже зрелый и совершенной имеют, не принимать сего предприятия моего на свой счет, и не подуматъ, чтоб я сим сочинением своим собственно их учить отважился. О нет! Таковую смелость взять для многих причин был не в состоянии. Обстоятельства, что и долг знания моего того не требует, и недостаток знания и потребного к тому искусства, о котором я довольно сам в себе сведом, того мне не дозволяет, и бесомненность, что им все нужное и без меня довольно и предовольно известно, и что они не имеют нужды в возобновлении таковых наставлений, тем паче, что для них в рассуждении самих сих пунктов уже и без меня слишком много писано и говорено было в свете, и несравненно лучшими и такими людьми, которым я едва ли в ученики могу годиться, одним словом, все сие и множество других причин и обстоятельств, могли уже удержать меня от такой дерзости и принудить посвятить сей труд свой единственно детям, или таким молодым людям, кои от детства недалеко еще удалены. Почему несправедливо поступят те, кои насильно приняв нравоучение мое на свой счет, меня за оное яко взявшегося не за свое дело, обвинять похотят.

Но как самые сии дети, сии будущие заниматели наших мест в свете, которым нас совокупными силами помогать сама натура

обязует, не иному кому как им, а между прочим и самым таким принадлежать, которые в помянутых познаниях уже совершены, и кои в пользе или вреде, могущем произойти детям их от чтения книг, им в руки попадающимся наичувствительнейшее соучастие получать могут: то за необходимую должность почел я дать им в сем предприятии короткий отчет, и в коротких словах предупредить их как о всем намерении моем, так и о том, чего они в сем незнакомом еще им сочинении искать, и чего не искать не могут

Я начну с последнего, и смело могу всем родителям сказать, что они книжку сию детям своим без всякой опасности в руки давать и читать их допускать могут. Нет в ней ничего такого, чтобы могло их повредить или сделать худшими. Нет в ней ни малейшего, ни иного, ни потаенного и сахаром для удобнейшего поглощения облепленного повредить их могущего яда. Не заразятся они от чтения ее никакими опасными и вредными мыслями. Не на поится сердце их не чувствительно предосудительными склонностями и тому подобное. Одним словом, буде не можно будет им никакой пользы получить: то по крайней мере не получают они ни малейшего вреда и не сделаются худшими. С сей стороны могут родители быть совершенно безопасны

Что же касается до того, что в ней хорошего есть и какую пользу дети их от ней получить могут: то на сие не могу я никак ответствовать, ибо о том не мне, а самим им судить, и буде есть, что хорошее, примечать следует. А для меня было бы слишком глупо, не только похвалить свою работу, но и быть твердо уверенным в том, что о ней что-нибудь в особенности хорошее было: но я скорее и чистосердечно могу признаться, что в ней ничего такого нет, но что напротив того вся множеством погрешностей наполнена, от которых мне всего труднее было избавиться, когда сочинения и самых лучших и ученых сочинителей от погрешностей редко освобождены бывают. Почему не то скажу, что в ней действительно есть, а то, чего желал я, чтобы в ней было и к чему я ее назначал, дабы читатель сам мог видеть, сколь мало я еще в том успел и не находя далеко всего того, мог в справедливости моего признания удостоверится

Мне хотелось, чтобы дети посредством чтения находящимся в сем сочинении простых и самых детских разговоров, нечувстви-

тельно могли получить, о самонужнейших к сведению вещах, короткие, но koliko можно яснейшие и такие понятия, с которыми иные могли бы не всегда оставаться и ими одними по нужде довольствоваться, а другие и любопытнейшие получили бы охоту к дальнейшему распространению своих знаний, и к основательнейшему обучению тех высоких наук, из которых здесь нужнейшие и доказанные истины, без всяких тонких и глубокомысленных философических исследований и доказательств, равно как одни цветки для лучшего и удобнейшего понятия предлагаемы были. Нужнейшими к сведению вещами почитаю я упомянутые выше сего главные познания и вопросы, и намерение мое состояло в том, чтобы стараться, сколько можно, наичувствительнейшим образом, во-первых: вверить в детей лучшие и совершеннейшие понятия о Боге и его бесконечных свойствах и совершенствах, нежели каковые имеют обыкновенно взрослые дети и тем неприметно приучить сердца благонравных детей к лучшему сего великого существа почтению, и к нему любви и страху и через то положить твердейшее основание к дальнейшим учениям. Во-вторых: познакомить их, сколько можно ближе, и притом с лучшей и приятнейшей стороны с устройением и распоряжением мира и всех находящемся в оном известных вещей и связью между оными, на тот конец, чтобы они нечувствительно научились примечать из учреждения всех вещей бесконечную премудрость Божескую и его попечение о созданиях, и через то побуждены были к вящему его почтению и к любопытству узнать далее натуру, дабы потом в состоянии они были в жизни своей пользоваться тем приятным и преполезным искусством, которое известно под именем увеселения красотою и порядком природы, и в состоянии человеку приносить великие выгоды. В третьих: познакомить их, сколько можно, с собственным своим существом, то есть: самих с собою, дабы они по крайней мере хотя некоторое понятие имели о том, что они такое, как устроены, в каких обстоятельствах находятся, что им о теле, что о душе своей, и действия ее сил, склонностей и желаний думать и знать надобно, и каким наудобнейшим образом им самим собою владеть и себя ко всему доброму приучать, а от всего худого отучать, и чрез то истинному своему благополучию поспешествовать можно. В четвертых, по-

дать им правильные понятия о нашей жизни, о должностях которыми мы Богу, к самим себе и к другим людям обязаны, и о том, что им вообще в жизнь свою делать и чего не делать следовало бы. А, наконец, научить их иметь правильные понятия о благополучии, и о тех средствах, которыми они оному со своей стороны поспешествовать могут: и всем тем, сколько, можно, руководствовать и к исправлению разума и сердец их.

Вот весь план желания моего и его предметы, о которых хотелось бы мне наиглавнейшее говорить в сем сочинении. Признаюсь, что он велик и обширен, ибо всякой легко может усмотреть, что для достижения всего того, что для достижения всего того при-
нуждено уже не только входить во всю связь всей философической и некоторых других наук, и извлекать из всех обширных ее частей, а особливо из физики и морали все нужнейшие и приличные к тому истины, но буде хотеть, чтоб могла произойти от того детям какая-нибудь польза: то снисходить к детским умам и сообразуясь с оными, говорить так просто, предлагать все так коротко, так ясно и располагать все материи и перемены оными, таким образом, чтоб они детьми были, сколько можно, понятны, а паче всего не скучны, но приятны и любопытны, и таковы, чтоб они в детях не отвращение к себе могли произнести, но охоту к дальнейшему познанию вещей им нужных. И как ко всему тому не только знание всех оных наук, но особливая способность и искусство потребно, то все те ни мало не погрешат, кои усумнятся в том, что сия моих к тому было достаточно. Ибо, что касается до сего пункта, то я сам не обинуясь признаюсь, что я более желаю, чтоб такая полезная для взрослых детей книга, в свете кем-нибудь лучшим и способнейшим меня была сочинена, нежели уповаю и надеюсь, чтоб собственно моих сил к тому довольно достаточно было, и чтоб я таковою их снабдить был в состоянии. По которой причине не отваживаюсь не только сие обещать, но и вдруг отяготить публику длиннейшим сочинением, предлагаю только небольшой и такой опыт, о котором учинено одно почти начало и пройдена одна только материя, карающаяся до натурального познания Бога, как первого наиглавнейшего и наинужнейшего из помянутых познаний, да и к тому приступить в таком только намерении отважился, что если угоден будет сей опыт,

ежели он удостоится благосклонности публики, когда он не излишним признается и бесполезным и хотя несколько к тому полезным: то продолжу труды мои и с охотою приступлю к дальнейшему посвящению малых моих способностей пользе общества. Когда же воспоследует тому противное, то умолкну и не отважусь отягощать далее тем, что ей не угодно, но оставлю то другим меня способнейшим. Что та учинит, тем будет способнее, что сама сия книга так расположена, что в сем случае может тем и кончиться и не иметь нужды в продолжении.

Для самого сего и не отваживаюсь я ни мало просить публику о благосклонном принятии сего малого труда моего. Достоин будет он того, то не сомневаюсь, что последует сие само собою, а не достоин, то было бы глупо и не стыдно просить об удостоении того благосклонности, что он оного не достоин. Нет сие предам на произвол оной. А утруждаю оную одною такою только просьбою, которую не обвиняясь могу утруждать оную, а именно: чтоб мне благосклонно отпустить все погрешности, которые в сей книге окажутся и самое мое предприятие, есть ли оно будет не угодно, и отпустить для того, что я к нему иным чем, как одним усердием к общей пользе побужден был.

РАЗГОВОР I МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ ФЕОНОЮ И КЛЕОНОМ

ФЕОНА (*приехав из гостей от госпожи Доримены вместе с братом своим Клеоном*)

Здравствуйте матушка! Отпустите нам, что мы у тетушки ночевали, и вчера по приказанию вашему домой не возвратились. К ней третьего дня госпожа Бетида из города приехала, а с ней была и учительница ее, а для них не отпустила и нас тетушка и приказала вас просить, чтобы вы за то на нас и на нее не прогневались. она обещала и сестриц у нас ночевать дозволить, когда она к нам придет

Г. Ц**

Поэтому тетка была вам очень рада, Однако я думаю, что вы более для резвостей, нежели по теткиной просьбе ночевать у ней остались.

ФЕОНА

Нет, матушка, братец вам скажет, что у нас никаких резвостей не было и мы весь вечер на одном месте просидели и ничего не делали, как слушали

Г. Ц**

Да что же вы такое, светы мои, слушали? Ничто иное я думаю как сказку. Кто же ее вам сказывал? Конечно, была она хороша, что вы так пристально и охотно ее слушали, что о резвостях позабыли

КЛЕОН

Какую сударыня сказку! Это такая была сказка, которая сестрицу в слезы вогнала. И знаете ли матушка? она все сказки теперь проклинаят и никогда больше слушать не хочет

ФЕОНА

А и он матушка сударыня, только, что не плакал, а тоже и с ним было, что со мною

Г. Ц**

Это удивительно. Да что же такое с вами мои любезные дети было

ФЕОНА

Послушайте, матушка, я вам все расскажу, о чем я плакала. Вчера вечером были мы все вместе. Учительница госпожи Бетиды стала с тетушкою о науках разговаривать. С ними разговаривала и госпожа Бетида, а мы с братцем и сестрицей резвиться было начали. Но вы знаете, что Учительница госпожи Бетиды этого не любит. она стала нам говорить, что это дурно, что мы уже дети взрослые, что резвиться нам не годиться, чтобы мы лучше сидели, и когда сами не разговаривали, так бы других слушали. А я матушка по несчастью ей сказала, что разговоры мне их скучны, и что еже ли она сказочку скажет: то мы послушаем, но представьте сударыня себе, что со мною Бетида сделала. она, услышав это, начала меня на смех поднимать, и сказывала учительнице, что я до них великая охотница, и что у меня одни они да резвости на уме, и говорила будто я ничего не знаю, ни чему не учусь, а перенимаю только уборы и просила умышленно Учительницу, чтобы она о чем-нибудь меня спросила, и говорила будто я и того не знаю, что такое человек, о Боге и о законе будто я не аза в глаза не знаю. Одним словом,

будто я расту, так сказать, совершенною душой, или, как она говорила, в совершенном невежестве. Легко ли это матушка слышать? Братец, было вступился за меня и начал с нею говорить, но она его с поля согнала и так вопросами заметала, что принуждены были замолчать. Я чуть было еще при них с досады не заплакала

Г. Ц**

Вот, не правда ли моя дети? Не говаривала ли я вам давно, что от резвостей отвыкать время, и что вам смеяться станут. Когда бы вы прилежнее были и учились лучше, так бы вам смеяться не стало, и ты бы мой свет и в таком стыде никогда ни была и не плакала. Я думаю, вам очень стыдно было перед учительницей

ФЕОНА

Конечно, стыдно сударыня и я не знала, что мне со стыда делать. Но мы благодарим уже тетушку, что она и за нас вступилась. она оговорила самую госпожу Бетиду и сказала ей, что и сама она худо делает, что другим смеется, что она имела случай научиться, а мы нет, что мы тоже бы знали, что и она, ежели бы также учились. А потом, обратившись к учительнице, и об вас, матушка, говорила. она сказывала ей, что вы будто учены и много знаете, удивилась вам, что вы нам ничего не сказываете, и что мы уже таких лет, что понимать все можем. Потом говорили они с учительницей, как это нужно молодых детей обучать, а особливо таким наукам которые человеку всего нужнее в свете, а потом дошел и до сказок разговор. Учительница сказывала нам про одну молодую девушку историю, которую она знала, и сказывала, как она от охоты до сказок несчастною сделалась, и какой это вред, ежели не только сказки слушать, но хотя какие-то романы молодым людям читать и будто оправую¹ им почестся может. они много кой-чего другого с нею говорили, но я вам, матушка, всего так пересказывать не могу: но только все говорили они хорошее, и мы весь вечер слушать их не устали. Потом вмешалась и с братцем в их слова: и учительницу кое о чем спрашивали: и она матушка нам уже не смеялась, но чего мы не знаем, нам сказывала: и говорила, что мы довольно понятны и смысл хороший имеем. Жалела только, что мы не учимся, и говорила нам, чтобы мы резвости оставляли, а лучше бы учились. Рассказывала притом

нам как это хорошо быть умными и знать науки, и какую это пользу всякому принести может, а напротив того говорила она, как это дурно ничего не знать, быть глупою, и будто этого очень мало, ежели девушка только манжеты шить, да цветки делать, да кружево плести, да кошельки вязать умеет, а из наук ничего не знает, как только писать, да читать. она говорила, матушка, будто всему надобному не трудно и учиться, еж ли только охота будет. И вы не поверите, сударыня, что она а в такое смущение меня привела, что я с того же часа все свои шалости покидать предприняла, и братец резвиться более не хочет. Но вместе со мной уговорился, чтобы вас просить

КЛЕОН

Да, матушка, мы вообще с сестрицей вас просим: пожалуйста нам скажите, чему нам учиться, и что нужнее всего нам знать надобно и расскажите нам ежели, что знаете. А мы уже вместе с сестрицей обещаемся все, то делать, что вы приказывать станете, а шалости и резвости все кинем и вас прилежно слушать станем.

Г. Ц**

Поцелуйте меня, мои светы. Я весьма радуюсь, что вижу в вас такое усердие, и дай Бог, чтобы эта охота в вас продолжилась, которую вы к науке получили. Для чего мне вам любезные дети не сказать. я много чего подлинно знаю, и все вам с радостью расскажу, ежели только вы прилежно слушать, понимать и помнить станете. Я вам давно хотела это рассказывать, но вы все резвитесь, не хотите учиться, и, привыкнув к тому живучи у своей бабушки, больше шалости, нежели ученье любите, и я для того вам и не рассказывала, что вы слушать и ничего помнить не станете. А это такие вещи, о которых надобно думать, их понимать и помнить. К тому же необходима охота да прилежность надобна, а принуждением тут ничего не сделаешь. А ежели вы и от резвостей не отстанете, так и то будет мешать. Тут резвости позабыть уже должно, и то время, которое, вы на шалости и игрушки теряете, надобно уже на рассуждения о том, что я вам рассказывать стану употреблять. Учительница Госпожи Бетиды вам правду говорила, что вы дети взрослые и резвость к вам уже не пристала. Резвиться и десятилетнему ребенку уже дурно, а вы уже старше. Тебе Феона

пятнадцатый год, так ты уже почти невеста, а и тебе Клеон скоро четырнадцать лет будет, ведь уже время к службе приближается. Так хорошо ли ежели вы глупы будете и ничего знать не станете? Рассудите сами, по сие время вы только писать, да читать умеете, Этого ведь подлинно мало, а надобно знать гораздо больше, буде вы несчастными быть не хотите

ФЕОНА

Ах! сударыня, мы теперь сами уже видим, что учиться надобно: и для того просим вас, пожалуйста, матушка, нас поучите, чтоб нам перед госпожой Бетидою не стыдно было. А мы право, сударыня, резвиться уже не станем: и лучше то время на слушание вас употребим, которое мы в вечеру на резвости употребляли

Г. Ц**

Изрядно, мои любезные дети! Сдержите только слово и будьте прилежны. Мы можем каждый вечер понемногу о том разговаривать, что вам знать нужно. В день станешь ты, Феона, по обыкновению своему в трудах и в работах упражняться, а Клеон писать, а около вечера можем мы либо в сад пойти, либо в рощи, либо на поле и там станем, и прогуливаться и учиться

КЛЕОН

Да как же нам, матушка, ходя, учиться?

Г. Ц**

Для чего, мой свет, не учиться? Я вам стану рассказывать, а вам только слушать надобно, а слушать вам и ходя и сидя можно.

ФЕОНА

По этому, сударыня, и подлинно нетрудно будет учиться.

Г. Ц**

Конечно, мои любезные не трудно! Да не только никакого труда в этой науке нет: но вам еще и весела будет. я ручаюсь вам, что вы сами меня благодарить станет, а о том тужить, что вы давно того не знали. Пойдите же теперь, мои светы, раздевайтесь. Ежели успеем, так мы может быть, и сего дня еще начало тому сделаем.

КЛЕОН с Феоною вместе, целуя, матери руку.

Благодарствуем, матушка-сударыня, что вы нас учить обещали, а мы как можно уже будем стараться обещание свое исполнить.

РАЗГОВОР II МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

ФЕОНА

Вот матушка, мы дела свои отделили и пришли теперь вас просить, чтоб вы обещание свое напомнили.

Г. Ц**

Я радуюсь, мои любезные, что вы так прилежны сего дня были! В награждение сего сей же час исполню свое обещание, а и впредь даю вам слово, что чем раннее вы дела свои исправлять станете, тем больше рассказывать вам стану

КЛЕОН

Где же станете нам, матушка вы рассказывать, здесь или куда-нибудь изволите пойти с нами?

Г. Ц**

Мы лучше пойдем в сад, любезные дети. Теперь воздух такой приятной, к тому же нам никто мешать не станет. Там мы сперва погуляем, а потом кой о чем поговорим: а завтра уже вам по порядку все рассказывать начну

ФЕОНА

Пойдемте же, сударыня, когда вы изволите. Я же терпеливо желаю слышать ваше учение.

(Пришедши в сад и гуляя по аллеям).

Г. Ц**

Какая это приятная погода сего дня у нас, любезные дети! Вот, смотрите какой тихий, теплый и благоуханный воздух! Какая тишина, какое от деревьев благоухание, как поют птицы. Пойдемте же мы свету в лиственную беседку, которая на конце этой аллеи стоит и, там отдохнуть сядем, а между тем и говорить начнем. Птички не помешают разговорам нашим.

ФЕОНА

Пойдем, сударыня, да о чем говорить станем.

Г. Ц**

Прежде, нежели мы самое дело начнем, поговорим наперед, любезные дети, о том: чему вам всего нужнее учиться надобно. К тому же я знаю, что хотя у вас теперь охота и велика и вы, учиться желаете: но вы может быть, скоро наскучите и сию охоту потеряете.

И для того намерена я наперед обстоятельнее сказать, для чего вам учиться надобно, и почему сие учение вам нужно и полезно. Когда вы сие станете знать, так всякий раз как скоро на вас, любезные дети, скука или лень нападать станет: о том вы вспоминайте и это вас побуждать и подкреплять будет. А то я знаю, каковы бываете вы дети. Сперва, припадет у вас охота велика. Вы учиться начнете хорошо, но скоро сей жар простынет и в вас не только вся охота невидимо исчезнет, но нападет на вас скука, и до вас доведет, что вы к науке той получите омерзение, и ее совершенно возненавидите. И для того я боюсь, чтоб и с вами того не сделалось, а труды мои напрасны бы не были. А сверх того еще и то вам, любезные мои дети, сказываю, что сия наука не такая как прочие науки. К ней надобно особое рачение и прилежность, для того, что она нужнее и важнее всех прочих наук: почему и шутить ею не можно, а любое из двух делать, либо понимать и в память свою твердо затверживая никогда не забывать, либо уже ее с покоем оставить и до не дотрагиваться надобно. К тому же необходимо надобно чтоб вы возымали ко мне поверенность и ничего бы не скрывали от меня. И для того я наперед учить вас не стану, ежели вы мне сего чистосердечно не обещаете.

ФЕОНА

Я с моей стороны вам, матушка, даю сие обещание.

КЛЕОН

А я, сударыня, хоть побожиться вам готов, что ничего от вас таить не стану.

Г. Ц**

Для чего же вам, мои любезные дети, того и не делать! Вы знаете, что я ваша мать, а и про то ведаете, что вас люблю: так похочу я вам худого. Я все для вашей пользы стану делать. Вы еще молоды и что вам полезно, не знаете, а я, мои светы, вас старше и лучше знаю, что для вас хорошо, что худо: так надобно вам приказов и советов и слушать и мне более нежели самим себе верить: и на меня во всем полагаться. Ведь вы это исполните, мои любезные дети, и меня слушать станете? А я вас самих за то больше любить буду.

ФЕОНА и КЛЕОН (*целуя у матери руку*).

Как, матушка-сударыня, не исполнить, Мы с радостью это сделаем. И буде не верите, так извольте нам, хотя теперь же, что приказать, и вы увидите, сдержим ли мы слово или нет.

Г. Ц**

Я радуюсь, любезные дети, что вы такую охоту к послушанию меня являете и будто хотите, то я теперь же вам несколько советов дам. А мне, кстати, вам и поговорить о том надобно. Так слушайте же, любезные дети! Наука сия важная и много таких вещей в ней будет, которые не скоро понять можно, а вы еще молоды и ум ваш к совершенному и скорому понятию еще не способен. Так вы меня ни мало не стыдитесь, но как скоро чего не вспомните, или что вам темно и не понятно покажется, то тотчас меня о том спрашивайтесь. Я вам не поленюсь и в другоред, и в третье сказать. Сверх того, ежели вам, что на память другое придет, вы не знаете, то и о том меня можете спрашивать. Я вам сказывать буду. К тому же вам и то наперед сказываю, что разговоры мои не всегда могут быть веселы и для вас охотны, но временем о таких вещах вам сказывать будет надобно: которые по важности своей вам, как детям, скучноваты покажутся. И поэтому напоминаю вам, чтоб вы при таком случае тотчас мне просто сказывали, а не охотно отнюдь не слушали. Мы лучше тогда о, другом говорить, или перестать можем, нежели вам без всякой от разговоров моих пользы оставаться. А который день у вас и вовсе охоты меня слушать не будет: так не бойтесь мне, то открывать. Можно отложить, за нами никто не гонит, а времени всегда довольно на то будет.

ФЕОНА

О, матушка-сударыня, нам не только не трудно это исполнить, но мы сами еще просить хотели, чтоб вы нам про, то сказывать изволили, чего мы понять не можем или не разумеем. Я, сударыня, в благодарность вам еще такое обещание даю, что я с самого сего времени стану и от тех шалостей отучать, пристально стараться, за которые вы меня так часто бранить и осуждать изволите.

КЛЕОН

А и я, сударыня, вам тоже обещаюсь, и с сегодняшнего же дня с ребятами играть, и с людьми² резвиться, и к ним бегать отвыкать стану.

Г. Ц**

Поцелуйте меня, мои любезные! Я очень тому рада и вас очень благодарить за то стану, а еще больше радоваться и вас любить буду: еже ли, вы и от всех резвостей и худых дел таким же образом отвыкать постараетесь. И, еже ли, вы хотите мне поверенность сделать, и все мне открывать, что вы не делаете: то я вам в том помогать стану. Знаете ли вы о том, мои любезные, ведь это самая безделица и никакого труда не стоит: вы, только не знаете, как привыкаться, начать и приступить можно.

ФЕОНА

Великая бы ваша к нам милость, матушка, была, еже ли, бы вы нам о том сказать изволили. А я, сударыня, вам чистосердечно открываю, что я часто на себя досадовала, что я такие дела всякий день делаю, за которые вы на меня гневаетесь, и многажды думала от них отстать, но, не зная как отвыкать от того, отстать не могла.

Г. Ц**

Для чего, мой свет, мне вам не сказывать? Делайте только все, что я приказывать стану. Но этого всего вдруг вам сказать и вам от всего одним разом отвыкнуть не можно, а надобно от каждой вещи поособно отвыкать. И так можем мы по одной вещи кое когда брать, и довольно бы когда бы в каждую неделю вы по шалости покинули. Но теперь время нам о том говорить, что я вам сего дня сказать обещала.

ФЕОНА

Извольте, матушка-сударыня. (*Придвигается к ней поближе и целует у ней руку*). Я нарочно прилежнее стану о том слушать, и помнить, для чего нам учиться надобно, чтоб мне по приказу вашему того не забывать, и ежели станет скука или лень во мне появляться, ее тем от себя отгонять.

Г. Ц**

Вот слушайте, мои любезные дети, для чего вам учиться надобно. Каково это тебе, ежели люди станут говорить, что ты глупа, ничего не знаешь, а к тому же над тобой смеяться, тебя на смех поднимать станут, и к несчастью, ежели, это при чужих людях, и где-нибудь в большой компании случиться, не досадно ли?

ФЕОНА

Конечно, матушка, досадно: и я вам сказывала, что меня это вчера до слез довело.

Г. Ц**

Вот смотри же моя любезная! Это от того сделалось, что ты ничего не знаешь, и не училась. А, ежели, и впредь учиться не станешь, и ничего знать не будешь: то и впредь тебе смеяться станут. А, ежели, бы ты училась, то тебе бы не смеялись. Так что ж лучше, посмеяние ли везде или от того быть освобожденною?

КЛЕОН

Конечно, сие последнее лучше, матушка, а ведь надо мною еще больше смеяться будут, нежели над сестрицей.

Г. Ц**

Конечно, друг мой, от мужчины всегда больше требуется, нежели от женщины. Сестра твоя выйдет только замуж, и больше дома сидеть будет, а ты между народом в свете жить и обращаться должен, и ежели ты ничего знать не будешь, смеяться станут.

КЛЕОН К ФЕОНЕ

Так нет сестрица, станем учиться: матушка правду изволит говорить.

Г. Ц**

Но постойте мои дети, что вы еще слышали, Я прошу вас еще. Приятно ли это тебе, например будет, ежели бы тебе случилось где-нибудь быть в компании, и тут бы много других девушек, или мальчиков было, и ты бы увидела, что они больше твоего знают, и говорят со старыми и рассуждают, а за это все гости их почитали и любили, называли их умными и достойными детьми, а с вами не только никто говорить, но и смотреть бы на вас не хотел: для того, что вы ничего не знаете, и ни на что ответствовать не умеете. А к тому же, ежели бы по несчастию кому-нибудь из гостей вас о чем-нибудь спросить случилось, а вы того не разумея, не знали бы что сказать, или что-нибудь смешное и глупое соврали бы, то, что этот гость об вас подумает? Не стал либо он вам смеяться и другим сказывать, что вы глупы, ничего не знаете, растете дураками, напротив того других детей везде хвалить, называть их умными и любви достойными. Не завидно ли вам пред ними будет

ФЕОНА

Конечно, сударыня, я бы не знала, куда мне со стыда деваться, а на их месте очень охотно быть хотела.

Г. Ц**

А это, мой свет, и часто над тобою случаться будет, ежели ты учиться не станешь. Напротив того, не хорошо ли было бы, и не хотела ли бы ты того, чтоб тебя везде хвалить, все тебя любить и почитать стали? Ни приятно ли было бы тебе слышать, что тебя называют умною, постоянною и любви достойною девицей, прочие твои сверстницы тебе завидовать бы, а и старые бы говорить стали: ах, какая это разумная и хорошая девушка! Ну, есть ли бы у нас такая дочь, была! А о тебе, Клеон, говорить бы стали: ах, какой это драгоценный мальчик! Ну, ежели бы, все такие были. Не радость ли родителям таких детей иметь, и не счастливы ли они. А это все, мои любезные, только от того зависит, чтоб вы учиться стали.

ФЕОНА

Подлинная, правда, матушка. Вчера и учительница госпожи Бетиды то же почти с тетушкою говорила: и я сама слышала, как они умных девушек хвалили, а напротив того осуждали дочь госпожи Филиды. они называли ее злым, ни к чему годным ребенком, и говорили, что в ней пути не будет, и что несчастный тот человек, кому она в жены достанется. Я, матушка, уже тряслась, чтобы они про меня того же не сказали, извольте мне сударыня сказать, что это такое злой, и ни к чему годной дух иметь: и что мне делать, чтоб меня так же называть не стали?

Г. Ц**

Злыми и негодными детьми, тех, мои любезные, называют, которые ни чему не хотят учиться, все только резвятся, а притом упрямы, родителям своим непослушны, за всякую безделицу сердятся, бьют своих рабов, хотят, чтоб все так делалось, как им хочется, пересмевают посторонних, всех переговаривают, думают только об уборах да о щегольстве и сердятся на своих родителей, ежели, они того не дают, что для их прихотей надобно, и не смотрят ни на что, чтоб им говорено ни было, но все на своем поставить хотят. Таких детей, мои светы, никто ни любит, все их ненавидят и бегают как от чудовищей.

КЛЕОН

А когда они вырастут и будут большими, то также, матушка, их не будут любить?

Г. Ц**

Еще больше мой друг. Ребенку еще спускается, а большого никак уже оправдать не можно: и тот человек несчастен, кто смаленьку будучи злым, и вырастет таковым.

ФЕОНА

Ах, матушка! Куда бы я хотела, чтоб сего надо мной никогда не было. Скажите же, сударыня, чем мне от того избавиться можно?

Г. Ц**

Тем же самым, мое сердце, чрез самую ту же науку, о которой я вам говорила. она не только научает быть умными, но сверх того может научить как вам добродетельными такими быть, чтоб вас все люди любили, а сверх того еще чтоб вы во всю жизнь благополучны были. Сие вы получите: ежели только прилежнее будете и хорошее рачение употреблять станете

КЛЕОН

Как матушка? И умными мы будем и счастливыми, а ежели мы учиться станем?

Г. Ц**

Конечно, мои любезные дети! Учитесь только, а то вы во всю жизнь за то благодарить меня станете. Я для того вам и сказывала, что сия наука самая важная, и всего для вас нужнее.

ФЕОНА

Подлинно так, матушка, конечно, она нам нужна, ежели нас счастливыми сделаете. я никогда, сударыня не позабуду, что мне для того учиться надобно, чтоб люди не смеялись, чтоб меня все любили, и чтоб счастливою и благополучною сделаться.

Г. Ц**

Помните это всегда, мои любезные, оно вам много против лени помогать станет. Однако это не все, мои друзья, для чего вам учиться надобно. Много есть еще и других причин, для которых учение вам необходимо нужно, но я вам теперь об них сказать не могу, для того, что много кой чего вам знать надобно прежде, нежели мне вам их рассказать можно. И для того мы станем наперед о том говорить, а там вы

уже сами увидите, для чего вам учение нужно, и какую пользу оно приносит. Но сие отложим до завтрашнего вечера. Сегодня, видите, уже поздно. Пойдемте, любезные дети, проходимся еще несколько по саду, а там пойдем ужинать. Я думаю давно на стол набрано. *(Встает сама)*

КЛЕОН с ФЕОНОЙ. *(Вставая же)*.

Благодарствуем, матушка-сударыня, что вы для нас трудиться изволили. Мы все станем помнить, что вы ни изволили нам сказывать. И завтра прилежнее еще сегодняшнего дела свои исправлять будем, для того, чтоб вы нам также рассказать что-нибудь изволили.

Г. Ц**

Конечно, мои дорогие, расскажу, и обещание свое исполню: сдержите же и вы свое слово.

РАЗГОВОР III МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

ГОСПОЖА Ц** *(Пришед в сад и увидя детей своих по аллею ходящих)*.

Вы уже здесь, любезные дети, а я думала, что вы еще в работах своих упражняетесь.

ФЕОНА

Здесь сударыня. Мы уже с полчаса, как сюда пришли и вас дожидались.

Г. Ц**

Очень хорошо, светы мои! Не позабыли ли вы того, что я вам вчера сказывала?

КЛЕОН

Никак, сударыня, мы с сестрицею о том уже здесь и говорили. она говорила со мною, что ей очень хотелось бы, чтоб это правда была, что мы счастливы будем, когда учиться станем, однако она в том сомневается, и не думает, чтоб это так сделалось.

ГОСПОЖА Ц**

Поэтому она мне не верит, мой друг?

ФЕОНА

Нет, матушка, он на меня солгал вам. Я говорила только, что я не знаю, почему бы нас наука счастливыми сделала, а вам, сударыня, как мне не верить.

КЛЕОН

Никак я не солгал, а ежели не изволите мне поверить, то я вам расскажу, как она и говорила. Вот, сударыня, как мы стали о том говорить, так сестрица сказала: хорошо, ежели бы наука меня счастливой сделала, так бы на мне женился богатый, пригожий и знатный жених, и я была бы братец богата, были бы у меня цуки³ и кареты, ходила бы я в богатом платье, все бы мне кланялись, все почитали, одним словом: я бы знатная боярыня была. Как бы это хорошо было? Однако: «Братец, — сказала мне она, матушка, после того, — Я не понимаю, как бы это могло сделаться. Такие женихи выбирают сами красавиц, богатых и знатных невест, а я, братец, хотя собою и не дурна, однако не богата и не знатна. Как такому жениху на мне жениться, а наука может ли мне красоты, богатства или знати прибавить?» Не говорила ли ты этого, сестрица?

ФЕОНА. (*Закрасневшись*).

Ежели бы вы, матушка, не изволили нам приказать ничего от себя не таить, так бы я заперлась в этом, но теперь хотя мне и стыдно, однако приказание ваше мне дороже. Я признаюсь, что это говорила.

ГОСПОЖА Ц**

К чему тебе меня стыдиться, моя любезная, это очень хорошо, что ты признаешься. Я вижу из того чистосердечное ваше послушание и много тому радуюсь. А что ты не понимаешь, каким образом наука тебя счастливою и благополучною сделает, так это от того, что ты еще не наешь, в чем сия наука состоит, да и о счастье и благополучии ты мой свет не правое мнение имеешь, и в том его, полагаешь, в чем оно не состоит.

ФЕОНА

Как матушка? Разве не состоит в том счастье, чтоб выйти за богатого, знатного, пригожего и молодого жениха, и знатною и богатою госпожою быть?

ГОСПОЖА Ц**

Нет, моя любезная, счастливыми таких только те люди называют, которые сами ничего не знают, которые глупы и рассуждения не имеют. Одним словом простаки и подлый народ, а разумный и рас-

суждение имеющий человек, никогда, то одно счастьем не почитает, а знает, что собственно оно совсем в другом состоит, и что можно человеку совсем своим богатством знатностью злополучившим человеком быть. А чтобы ты лучше это понять могла, так я тебе, мой свет, живым примером докажу. Помнишь ли ты, как ономясь⁴ о празднике у нас две госпожи в гостях были. Одна приезжала цуком в раззолоченной карете, и со множеством лакеев и гайдуков, и одета была вся в наидрагоценнейшее платье, а другая на память тебе с нею же приехала, была не так богато убрана, только у нее четвероместная коляска четверней, и людей не так много было. Это ее родная сестра была.

ФЕОНА

А! Матушка, это, конечно вы про госпожу Фанни, да про госпожу Луцию говорите, которые у нас в то время обедали, и которых я впервые увидела?

ГОСПОЖА Ц**

Да, мой свет, я говорю об них. они были две дочери у отца, и приданное им было равное. Ты видела они обе собою хороши, а меньшая несколько пригожее большей. Фанни полюбилась одному знатному, богатому, пригожему и молодому дворянину. он стал свататься на ней и женился. От того она так и богата. Муж ее живет с ней более в городе, где он хороший чин имеет. По достатку своему живет он знатно, и знакомство все со знатными водит. А Луцию напротив того выдали за другого дворянина, который не таков богат, не таков хорош и не таков знатен был. Вместо того, что Фанни в городе и в каменных полатах живет, Луция с мужем своим не в большой и от города удаленной деревне жизнь свою провождает, для того, что муж ее не получая жалования, но будучи в отставке, принужден жить дома и одними доходами со своих не больших деревень довольствоваться. А потому ты видела, что и жена его не так богато убрана, и не с таким экипажем приезжала, как сестра ее. Ну что ж бы вы, мои любезные дети, об них подумали, и которую сестру за счастливую почли?

ФЕОНА

Конечно, большая, матушка счастливее меньшей.

ГОСПОЖА Ц**

Я наперед знала, что ты так скажешь, мой свет. Так-то и все те говорили и говорят, которые хорошего рассуждения не имеют, а тебе, моя любезная, скажу, что совсем тому противное. Фанни чрез замужество свое несчастною сделалась, а Луция гораздо счастливее ее. Вы не поверите мне, что большая сестра меньшей теперь завидует. Хотя, сперва во сто мер себя она счастливее сестры почитала. Не на память ли тебе, как ты кофей нам тогда наливала, и у нас разговор до мужей дошел, и не помнишь ли, как она тогда жаловалась?

ФЕОНА

Ах, матушка, теперь я вспомнила. Фанни, вздохнув, сказала, что она замужеством несчастна, и что сестра ее счастливее. Я это сама слышала, не понимала тогда, чтобы это такое значило: и хотела у вас нарочно о том спрашивать, да позабыла.

КЛЕОН к ФЕОНЕ

Да помнишь ли ты, сестрица, третьего дни, и у тетушки за столом об них же никак речь была, и учительница сказала, что Фанни замужеством очень несчастнее сестры своей.

ФЕОНА

Да, братец, об них и тут говорено было, и мне не удалось спросить об них обстоятельнее. Скажите нам, матушка, ежели вы что знаете об них.

ГОСПОЖА Ц**

Я знаю все, мои любезные дети, и вот каким образом это происходит. Еще я помню, как сватовство у них началось и как сговор был. Фанни будучи такими же мыслями набита, какое ты о счастья имеешь, ног под собою тогда не слыхала. она была смаленьку дурного нрава, своеобычлива, упряма, непослушлива и сердита. На мыслях у ней только уборы, щегольство да вертопрашество было. О пригожестве своем она очень много думала, и почитала себя великою красавицей и тем очень гордилась. Сваталось за нее много хороших и достойных женихов, но она об них и слышать не хотела. Иной был для нее небогат, иной собою нехорош, иной [не] нынешнего света, а иной незнатен был. Таким образом, всем им отказывала. Наконец

начал свататься нынешний муж за нее. Хотя о нем и сказывали, что он мот, но ей того нужды не было. Довольно, что он был богат, да пригож, да знатен, а больше всего, что нынешнего света. она от досады едва, было, не умерла, как у них сватовство расходиться было начало, а в какой радости не была она, как уже сговор сделался. она думала, что она счастливейший человек на свете, а мыслями своими уже Бог знает, где не была. Денно и ночью ей уборы да щегольство представлялось. она клала уже наперед, какое и какое платье она делает, и какие головные уборы вымышлять, как щеголять, как по гостям разъезжать она станет. Одним словом ничего не было, чтоб ее желаниям помешательство учинить могло. Сие все действительно и сделалось. Не успела она замуж выйти, как новое модное платье, новый модный убор, на Фанни смотреть надлежало. Не было месяца, чтоб на ней платья: и не было почти дня, чтоб на ней головного убора переменного не было. Но вот, мои любезные, как это все переменялось. Не прошло еще и двух лет, как она другим голосом заговорила. Мнимое ее счастье, до тех пор только пор продолжалось, пока муж любил ее. Но женясь только для красоты на ней, скоро он к ней привык, и она ему уже не такой красавицей казаться началась, и он ее уже не так любить уже стал, а дурной ее нрав помалу производил в нем к ней отвращение. Пока любовь еще была велика, до тех пор он всем желаниям ее угождал. она делала что хотела, и он ей ни одного слова не говорил, но как любовь его простывать стала, то начал он опаматываться. Хотя за ним и великие деревни были, но он холостой, еще великий непостоянник, мот и картежный игрок будучи, многие деревни промотал, а как женился, то на уборы жены почти и последние деревни заложа, деньги доставать принужден был. Но как жена уже не столь нужна, ему сделалась, так на многие ее требования и отказы начались. Фанни попривыкнув уже к щегольству, а будучи своенравна и вспыльчива, хотела было своим сердцем его утратить. Но это и последний конец его любви сделало. он и не поглядел на то, но привыкнув давно уже к шалостям и мотовству, он опять ко всему худому возвратился. Знакомцев и знакомиц у него много было, а гулять и забавляться без жены есть с кем. Что ему жена! К тому же и свет ныне таков, что на сие не смотрят. Из сего то времени началось несчастье Фан-

ни. Досада ее была неописанная, но напрасна. она начала мучиться ревностью, но и то не помогло. Наконец вздумала она мстить таким же образом. Начала искать и себе любовников и непостоянничать. Муж и не смотрел на то, но еще больше над ней ругаться и всячески ей досаждать начал. Но на все надобны были деньги, а для мужа и самого их мало было. Покуда приданное ее длилось, до тех пор она щеголяла, а как она и свое промотала, так принуждено было и мотовство ее остановиться. Ныне муж живет в городе и мотает, а она и то счастьем себе почитает, что он дозволил ей в своих деревнях жить, и для выезда карету да людей своих дал, хотя и эта деревня давно уже руках двух заложена. она же теперь никуда глаз показать не смеет, все ей хотя не в явь, однако стороною смеются и пересмевают, и она теперь жизни своей не рада, ибо ей так сказать и стен стыдно, и кто бы о ней не думал чего, так она в том подозревает уже каждого и тем мучится. И сию-то госпожу видели вы ономнясь в богатом платье. И так, рассудите сами, мои любезные дети, счастлива ли она, и в богатом ли платье да в уборах счастье состоит?

ФЕОНА

О, матушка, вы меня ажно в ужас привели. Того-то бы я никогда не думала, и представить себе не могла, чтоб сия госпожа, в самом деле, так несчастна была, какова с наружного вида счастлива, кажется.

КЛЕОН

А что же, сударыня, с Луцией сделалось, расскажите уже нам и о ней матушка.

ГОСПОЖА Ц**

Луция была счастливее сестры своей, но она того и достойна была. Я вам расскажу, любезные дети, о ней что я знаю. она с самого младенчества была от сестры своей отменна. Вместо того, что Фанни была вертопрашна, упряма и своеобычлива. Луция тиха, скромна и гибка была. Родители ее гораздо больше любили, нежели большую дочь, а более за то, что она была им послушлива, приказание их всегда исполняла, была не резва, а учиться принуждать ее было совсем не надобно. она сама к науке великую охоту имела. Через короткое время читать и писать она научилась совершенно,

а сверх того некоторую часть и арифметики, географии и истории знала. А будучи до чтения книг, которых у отца ее довольно было, охотница, чрез чтение много кой чего и из других наук научилась. До уборов она не такая была охотница, как сестра ее. она хоть все умела делать и одевалась изрядно, однако, ничего излишнего на ней не было, и она не тратила понапрасну на то время. Когда сестре ее новые уборы вымышляла, или в резвостях упражнялась, в то время Луция книги читывала, или что-нибудь шила и работала, а за то ее большая сестра не любила, но часто смеивалась ей и называла дурой. Но она за то не сердилась на нее, но любила чистосердечно. Нрава она была совсем хорошего, а хотя с малолетства и была сердита и упряма, однако, как выросла, то совсем от того отстала. она читала однажды в книге, что девушке сердитою и своенравною быть дурно. она и бросила то, но тихую не злобною и скромною быть старалась. Вместо того, что Фанни о красоте своей много думала, и почти от зеркала не отходила: Луция хотя лучше ее лицом была, однако, о том не думала, но казалось, будто она и не знала, что хороша. она ни мало тем не гордилась, а для того не много и мысли ее о женихах не беспокоили. она, зная, что, то не от ней, но от власти Божеской зависит, за кем ей быть замужем, никогда о том не думала, но всегда на его волю полагалась. Почему она и сестре своей не завидовала, когда ее замуж за богатого выдавали. Уже год тому прошел, как сестра ее замуж вышла, а за нее никто не сватался. Все женихи от ней для того отбегали, что она не нынешняя вертопрашка, но больше деревенская девушка, а к тому же и молода была. Наконец приехал ее нынешний муж из службы, и несколько времени спустя, за нее свататься начал. Родители, любя Луцию не хотели ее по неволе выдать, но спрашивали у ней, согласиться ли она за него выйти. она знала, что он не богат и не знатен, и сказывали, что он нынешнего света, и у него карет и цуков еще не было. Однако слышала она, что он не мот, но доброй постоянной человек был, а доброе сердце, она более знати и богатства почитала. Лицом он, хотя не красавец был, однако не дурен, но она знала, что к дурному лицу привыкнуть можно, а только к злому сердцу не привыкнет, а он хотя ничего прелестного не имел, однако, и противен не был. Чего ради она и не противилась родителям своим,

но, почитая это соизволением Божеским, на их волю отдалась. Все говорили тогда, что она сестры своей несчастнее, и что замужество ее для ней не выгодно. Но не успела она выйти за этого дворянина, как все другое заговорили и ее счастливою почитать начали.

ФЕОНА

Да что ж тому причиною было, и почему ее, матушка, счастливою почитают?

ГОСПОЖА Ц**

Потому что, моя любезная, что она теперь своим состоянием своим довольна, и ни на что жаловаться не может. Умными своими поступками сделала она то, что муж теперь о ней умирает, и не только крайне любит, но и почитает. А и он, будучи хорошего нрава и добрых свойств, любить себя, ее заставил. она скоро привыкла к нему и теперь не меньше его любит, как и он ее. Одним словом, они живут между собой так согласно, так хорошо, и так благополучно, что все им теперь завидуют, и образцом супружескому житию почитают.

ФЕОНА

Ежели не в труд вам, матушка, будет, так пожалуйста, сударыня, извольте мне сказать, как она это сделала?

ГОСПОЖА Ц**

Изволь моя радость! Тебе самой это годится. Ты девушка уже взрослая, и сама почти невеста. Вот, мой свет, каким образом: Луция как только вышла замуж, так первое старание о том у ней было, как бы привести себя в любовь и почтение мужу. она не следовала примеру тех жен, которые будучи собою, гораздо мужей своих лучше, ими брезговать, или гнушаться начинают. она не делала этого, мой свет, но зная, что это беды и несчастья за собою приносит, никогда того себе не представляла, что муж ее хуже. Не завидовала она и другим, что у них мужья пригожие, но говаривала еще сама себе: слава Богу, что я такого мужа имею, а многие и с кривыми, слепыми и с увечными живут, да не жалуются. Для чего же мне не быть довольною? Муж мой, хотя не красавец, однако, у него доброе сердце, да он же меня любит: для чего же и мне его не любить? Многие и с красавцами жизнь свою проклинаят, а я на мужа своего не в чем жаловаться еще не могу. он ко мне таков ласков, таков приятен, так

мне угождает. он знает, что я его лучше, а за то он так и любит и почитает меня. Для чего же мне быть против него не благодарною? Нет, стану и я его так же любить и почитать. Он делает все в мое угождение, стану же и я ему угождать, и делать все к чему у него желание есть. он меня за то еще больше любить станет. Для чего о том тужить, что я не за красавцем: мне надобно еще Бога благодарить, что он мне такого мужа дал, который не пьяница, не мот, не игрок, но постоянный человек, и нрав не суровый, но тихий и любовный имеет. Лучше ли бы для меня было, ежели бы я была за красавцем, да он бы злой и ненавистный человек были нрав здорный, упрямый и дурной имел, или всякую минуту ворчал и бранился, и мне бы слово сказать не можно было? Что же мне о том говорить, и тем не довольствоваться, что теперь имею. Я ведь не знаю каков бы другой муж был. Может бы, я несчастной сделалась, ежели бы за красавца, или за богатого вышла. Таким образом, она часто, любезные дети, сама с собою разговаривала, и не только чрез то утешалась, но и действительно, то делать начала. она сделалась к мужу, сама ласкова. она не упускала ни одного случая, чем бы мужу своему угодить ей можно было, и ни одной его ласки и приятства не пропускала, чтобы ему равномерным образом не ответствовать. Не следовала она ухваткам других жен, которые с первых дней стараются власть над мужьями получить, их под свой нрав подводить. она знала, что это дурно, и читывала до сего, что никакого добра там нет, где жена мужем владеет, а для того она и не льстила себе тем, но зная, что сам Бог то уже узаконил, чтоб женам во власти у мужей быть: никогда и не мыслила о том. А сие помня, старалась напротив того все склонности мужа своего изведывать. она примечала, что он любит и до чего охотник. А узнав и сама делала вид, будто тоже любит, и до того же охотница, а со временем и сама к тому привыкала. Когда усматривала она, что мужу ее что-нибудь надобно, так не допускала его до просьбы, или приказа, но сама его в том предупреждала. Напротив того хотя бы ей самой чего хотелось, но как скоро приметит, что мужу ее то не любо или противно, так тотчас желание свое покидала, и казалась будто совсем то позабыла. Одним словом, она ему во всем угождать, и при всяком случае сего мыслями согласоваться старалась. Сидит ли он дома, она сидит с ним, и не требует того чтоб

куда ехать. Едет ли он в город или в гости, ее с собою взять или дома оставить хочет, она не упрямится, не досадует, не ворчит и не дует-ся на него, но делает вид будто и сама того же хочет. Упражняется ли он в чтении книг, ибо и он, любезные дети, был до них охотник: она берет сама книжку и ему компанию делает. Делает ли он или упражняется в чем до домашнего, и экономии касающейся, она ему ни в чем не спорит, но сама ему помогать старается, имея за собой небольшой недостаток, живет он умеренно, и никаких излишностей не делает. она сама с ним согласуется, и никакими требованиями его не беспокоит. Для угождения ему многие прихоти свои она оставила, и не смотрела на то, что ей иногда и не без труда было от того отставать. Сими умными поступками, в многие месяцы она получила то, чего другие жены во всю жизнь свою ищут и не находят. Муж видя такое ее к себе усердие, любовь, ласку и приятство, сам против того бесчувствительным не был. Он любил ее прежде за красоту, а тогда более за доброе сердце и услужливость ее любить начал. А что всего лучше, он не мог, чтоб и не почитать ее за то. Другие жены стараются насильством мужей слушать себя заставить, а Луция хотя и не искала того, но прежде и скорее получила. Мужу ее, то очень приятно было, что она так слушается и во всем угождает, а будучи умен, не хотел он и сам быть тираном, и жену себе рабою делать. он не меньше и сам ей во всем угождать стараться начал, и желания жены своей, сколько ему можно удовлетворить. Напротив того она была умна, и ничего того не требовала и не хотела, о чем знала, что мужу ее противно будет, или он не с охотою то сделает. Таким же образом живут они теперь в совершенной любви, и жизнь подлинно благополучную провождают. Муж не делает ничего не спросив, или не посоветовав с женой своей, а жена ничего без воли и совета мужа не начинает. В доме у них ни слышно никогда браней, крику, воплей и шуму, но все тихо, смирно и хорошо. Хоть они не богаты, однако ни в чем недостатка не имеют. Живут они со всеми согласно, и добрыми своими поступками всех любить себя заставили. Все соседи им, любезные дети, завидуют, не могут, чтоб их не любить, не хвалить и не почитать, и я бы желала, чтоб и ты мой свет такое же счастье в замужестве имела, каким теперь Луция наслаждается, чтоб Бог дал тебе такого же мужа, какого она имеет.

ФЕОНА

О, матушка, я сама бы того хотела, чтоб я так же счастлива была, как госпожа Луция, теперь я не стану завидовать госпоже Фанни. она подлинно свое сестры несчастнее, и я бы не хотела быть на ее месте. Вы правду изволили сказать, что счастье ни в богатстве и в знати, а совсем в другом состоит, куда я, матушка, госпожу Луцию полюбила, она, конечно, очень умна, и я бы очень желала иметь с ней знакомство.

КЛЕОН

А я бы, матушка-сударыня, хотел, чтоб и мне Бог такую невесту дал, как вы про Госпожу Луцию рассказывали. Я бы сам тоже делать стал, что теперь ее муж делает, конечно, и он матушка умный человек.

Г. Ц**

Ежели вы, мои любезные дети, станете учиться, то может и вы, такое же счастье получите, какое они получили., и не только в суждении супружества, но и во всех других случаях.

КЛЕОН

О, матушка, я, конечно, стану учиться и вас слушать. Но пожалуйста мне скажите, в том ли одном счастье состоит, чтоб иметь такую жену, какова Луция?

Г. Ц**

О, нет, мой свет! Для счастья много и другого надобно. Это хорошо, чтоб на пример сестре твоей такого мужа, а тебе такую жену иметь, но это только некоторую только часть благополучия составляет, а для совершенного счастья много еще не достает. Я бы вам и то, мои любезные дети, рассказала, но сегодня уже поздно и нам время идти ужинать. Пойдемте мои светы, я, думаю, вы наскучили уже сидевши.

ФЕОНА

Нет, матушка, я бы рада, хотя до полуночи вас слушать и никогда бы не устала.

КЛЕОН

А я, сударыня, не видал, как и вечер прошел, так охотно я вас слушал. И ежели всегда нам ваши разговоры так приятны будут как сегодня, я, сударыня, никогда о резвостях не подумаю, но всегда

лучше с вами, нежели с людьми, да с ребятами время провождать буду.

РАЗГОВОР IV МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

КЛЕОН, *будучи с сестрою своею уже в саду, увидев мать свою к себе идущую.*

Знаете ли, матушка, мы уже давно здесь, и у нас с сестрицей опять спор сделался.

Г. Ц**

Да о чем же вы, светы мои?

ФЕОНА

Я вам сама, матушка, расскажу, о чем с братцем говорила. Вчерашней ваш разговор не вышел у меня из памяти, и давеча как шила, все я о том думала: что вы нам на последок сказать изволили, будто мы такое же счастье получить можем какое Луция имела, ежели мы учиться станем, но я вам признаюсь, что мне еще непонятно, каким образом это сделаться может, разве, матушка, и Луция чрез науку счастлива сделалась? Но вы нам этого не изволили сказывать. Напротив того думаю я, что Луция к тому ничего не помогла, что она такого мужа получила, а это сделалось нечаянным образом. Луция сама того не знала.

Г. Ц**

Нет, радость моя, и это не так как ты думаешь, Луция много к тому способствовала, и это сделалось не нечаянным случаем. А что ты еще понять не можешь, это от того, что вы еще не знаете, в чем та наука состоит, о которой я говорила.

ФЕОНА

Пожалуйте же, матушка, скажите нам, каким это образом сделалось, когда вы изволите говорить, что не нечаянным случаем было. Мне не терпеливо о том знать хочется.

Г. Ц**

Я вам хотела еще вчера это сказать, любезные дети, но уже поздно было, а теперь пойдем в эту беседку и сядем. Но слушайте и внимайте мои любезные хорошенько, что я вам теперь сказывать стану. Это очень важно и вам во всю свою жизнь сие помнить надобно.

ФЕОНА

Извольте, сударыня, мы с радостью будем слушать.

(входят в беседку и садятся на поставленные в ней канapé)

Г. Ц**

Что Луцию за сего жениха выдали, это сделалось не нечаянно, и не по слепому случаю, а сделалось это по воле божеской, и он это сделал, что Луцию не за другого, но за этого жениха выдали.

ФЕОНА

Да как же, матушка, это Бог сделал? Не уже ли он ему, или отцу Луцинину велел, чтоб он на ней женился, или тот за него ее выдал.

Г. Ц**

Нет, мой свет, он хоть им и не сказывал, однако это его было дело. Послушай только наперед, что я вам сказывать стану. Вам надо, мои любезные дети, знать, что хотя так и кажется нам, что все на свете по слепому случаю нечаянно просто делается. Например: нам кажется, что это так просто и по случаю сделалось, что у вас теперь отца нет, что я ваша мать, а вы мои дети, что мы живем здесь в деревне, что у нас есть люди и крестьяне, они на нас работают и нам служат, или что у вас в прошлом году брат умер, а теперь, например, тетка больна, дядя на войне убит, или вот, что намнясь⁵ у господина Эраста дом сгорел, брата его лошадь убила, а сын его в несчастье пришел. Все это нам кажется, просто и по случаю сделалось. Дом сгорел от того, что заронили. Лошадь ша-рахнулась, на сына господина Эраста недоброхоты напали, в дядю вашего пушечное ядро попало, а тетка от простуды занемогла, а на брата вашего оспа дурная пришла. Однако, все это не так, любезные дети, а делалось по воле и соизволению или попущению божескому, и не только это, но и все, что на свете, ни делается, на все либо соизволение, либо попущение божеское есть, а само собою и слепым случаем ничего не бывает, и не только с нами человеками, но то же и со скотом. Например, прошлою осенью у нас все коровы померли, зимою овцы почти все вымерли, намнясь бешеная собака мужика нашего укусила. Все сие так Бог изволил, да не только это, но и прочее, на все соизволение божеское есть.

Например, что вы думаете? Это так просто, что у нас теперь весна, а была зима, а скоро лето будет или вот, что солнце всходит

или заходит, светит, греет? Или что вот дождь или снег идет, ветер веет, мороз бывает? Или вот, например, что деревья и травы растут, и что на этом дереве яблоки, а на том груши или вишни, сливы растут или на этой траве цветки, а на этой ничего не бывает. Нам кажется, что это все просто и само собою делается, однако и это не просто, но по воле и распоряжению божескому бывает. Одним словом, ни одна пылинка на землю без воли его не упадет, а на все его либо соизволение, либо попущение есть.

КЛЕОН

Да почему же бы это, матушка, так было?

Г. Ц**

А вот потому, мой свет, что этого всего прежде не было. Не было ни неба, ни земли, ни солнца, ни месяца, ни людей, зверей, ни травы, а все это Бог сделал. он сделал небо и землю. На земле велел деревьям и травам расти, а потом сделал зверей, птиц и рыбы, и наконец, уже и людей сделал, и велел им на земле жить. И так, знаете, мои любезные дети, что ничего само собою ни сделалось, а все Бог сделал. А когда это все от него произошло, так ему все и принадлежит. А он, мои любезные, не только это сделал, но всем и управлять, и велит тому или другому делаться и происходить. Ибо у него все во власти, и он что ли захочет, все делать может. Например, ежели надобно чтоб дождь пошел, так он велит дождю идти. Ежели надобно чтоб ведро было, он велит солнцу сиять. Ежели надобно чтоб ветер перестал, он велит ему остановиться, и так далее, и сие то называется, что без его воли ничего не делается.

КЛЕОН

Да это, матушка, не с людьми, но, например, с ветром или солнцем так делается, а с людьми сударыня как? Неужели и с ними тоже?

Г. Ц**

Конечно, тоже, моя радость, да еще больше, потому что те вещи, о которых я вам говорила, бездушные, и такие, которые сами собою ничего делать не могут, и сделаны для человека, а человек...

ФЕОНА

Не прогневайтесь, матушка, что речь перебыю. Как, сударыня, разве и солнце для человека сделано?

Г. Ц**

Для человека, моя радость, и не только солнце, но и звери и птицы, все это для человека Богом сотворено.

КЛЕОН

А человек то, матушка, для кого сделан?

Г. Ц**

Ни для кого, мой свет, но для себя собственно.

ФЕОНА

Ну, матушка, извольте теперь вашу речь продолжать.

Г. Ц**

И так мои любезные дети, человек гораздо лучше всех сих вещей и они все для него сделаны, а когда с ними ничего без воли божеской не делается, то как с человеком чему сделаться. Например, на вас бы напал разбойник, и хотел бы вас убить, но чтоб вы думали? Убил либо он вас, ежели Бог того не захотел? Никак, мои любезные! он вам ничего сделать не может, ежели на то попущения божеского не будет: и вы знайте, что ни один волос с головы вашей без воли божеской пропасть не может, а все что с нами ни делается, на все соизволение божеское есть. Например: Бог захотел чтоб ваш отец, а мой муж умер, так и сделалось. Он попустил, чтоб у господина Эраста дом сгорел, он и сгорел. А ежели бы он того не хотел, так хотя бы нарочно зажигали, он бы не сгорел. И вот например тетка ваша теперь больна. Ежели Бог захочет, чтоб она умерла, она умрет, а ежели нет, так хотя бы все уже говорили, что она умрет, однако она встанет. Таким образом, мои любезные дети и с госпожой Луцией было. Бог захотел, чтоб она за этим мужем была, для того никто за нее до того времени не сватался, а хотя бы и много сватались, или она за него выйти не хотела, однако это сделалось бы. Против воли божеской никто не может ничего сделать.

ФЕОНА

Так потому-то матушка Луция за этого жениха вышла.

Г. Ц**

Потому, мой свет, а ежели бы на то воли божеской не было, то как бы она или он того ни хотели, однако никогда бы тому ни бывать, хотя бы десять лет они сватались, однако она за ним не была.

ФЕОНА

Да почему же, матушка, узнать, что на это воля божеская была? Ведь Луция сама за него захотела, а выдал ее отец. Разве бы Бог ему сказал, не выдавай за этого замуж, ежели бы он не захотел этого.

Г. Ц**

Он хотя бы того и не сказал, мой свет, однако бы сделал препятствие. Либо то, либо другое, что-нибудь помешало бы, и дело не сделалось, а они хотя бы уже в церковь приехали уже венчаться, однако и тут что-нибудь воспрепятствовало. А то их сватовство хоть и старались некоторые люди разбить, да и сама она не очень охотно за него шла, однако ни что не успело, и он на ней женился, и потому, мои светы, видно, что на то воля божеская была.

ФЕОНА

А, сударыня, так-то это делается, поэтому и меня матушка вы по воле божеской замуж выдадите: и мне сударыня за тем быть, за кем Бог захочет, чтоб я была.

Г. Ц**

Конечно так, моя радость, и не только тебе, но и братцу твоему на той жениться на ком Бог велит, А ежели Бог захочет, чтоб ты замужем не была, так хотя бы сколько женихов было, так ты ни за кого не выйдешь, а Клеон не женится, когда Богу то не угодно будет.

ФЕОНА

О, матушка, так я стану это помнить, и ежели выйду, когда замуж, то не буду ничего говорить, каков муж у меня не будет, но всегда помнить стану, что это так Бог хотел, чтоб я за ним была. И ежели, например, стану я хотеть за кого-нибудь замуж, а меня не станете отдавать или он не захочет на мне жениться, то не стану о том тужить или досадовать, а говорить себе буду, знать того Бог не хочет, чтоб я за этим женихом была.

Г. Ц**

Ты очень хорошее дело сделаешь моя радость, ежели так поступишь. Тебе не только досадовать за то не годится, что тот или другой тебя за себя не берет, но не надобно тебе и просить у Бога, чтоб тот или другой жених на тебе женился или говорить: дай мне Бог такого или такого жениха.

ФЕОНА

Да разве, матушка, Бог даст, ежели его о чем-нибудь просить.

Г. Ц**

Конечно, даст, моя радость, но с тем только, когда мы станем просить его умеючи, а ежели не так, так он не даст, а хотя и даст, так нам не взлюбится, и мы сами о том тужить станем, что просили.

ФЕОНА

Пожалуйте же, сударыня, нам скажите, как его просить умеючи, чтоб он давал, о чем мы его просить станем?

Г. Ц**

Нам не надобно, у него ничего именно просить. Например, ежели ты станешь у него просить, дай мне Боже такого жениха, какого ты соизволишь, так он тебе даст, и ты им будешь довольна. А ежели напротив того станешь говорить, сделай Боже, чтоб женился на мне этот жених, или дай Боже такого и такого жениха, например богато-того или знатного, так он тебе не даст, или хоть то и сделает, но ты в том расквасешься, и сама после о том тужить будешь.

ФЕОНА

Да для чего же бы, матушка, так было?

Г. Ц**

А вот для чего, мои любезные дети, ежели ты чего просишь так просишь ты для того, что ты того себе желаешь, а хочется тебе для того, что ты думаешь, что ежели это сделается, так для тебя хорошо будет, и для того ты и просишь. Но знайте, любезные дети, что мы никогда того сами не знаем, что для нас худо, что хорошо, и всего больше в этом случае обманываемся. Нам кажется, что для нас хорошо было бы, ежели бы то и то сделалось, однако часто совсем противное тому случается, и мы сами после того видим, что для нас то великим несчастьем было, и мы напрасно и к своему вреду того желали. Напротив того иное для нас худо и несчастьем и вредом кажется, а вместо того оно нам хорошо и великую пользу сделает. Возьмем себе в пример тех же двух госпож, о которых я с вами так много говорила. Госпожа Фанни думала, что для ней то великим счастьем будет, ежели она за того богатого и молодого дворянина выйдет, почему она так не терпеливо и желала за ним быть, а может и Бога о том просила. Напротив того вы видели, что она об-

манулась. Для ней то великим несчастьем было, и тогдашнее свое желание она теперь проклинает. Напротив того сестре ее Луции казалось, что для ней то не очень хорошо, что она такого, не другого мужа получает, однако после оказалось другое. Для ней то было великим счастьем, и теперь она тем очень довольна, а таким образом, мы и все при всяких случаях обманываемся, и пользу свою вредом, а вред пользою почитаем. Или возьмем себе другой образец в пример. Вы знаете соседку нашу Госпожу Ефимию, и слышали, что она претерпевает ныне от своего сына. Бедную скоро в гроб он вгонит. Намнясь до того дошло, что он ее, схватя полено, бил, а за то, что она ему говорить стала, чтоб он таких беззакониев не делал и так бы не беспутствовал. Вот скоро сгонят ее совсем со двора, ибо сын заложил уже все свое имение и уже просрочил. Со всем тем этот сын у ней любимый был. Я помню, как он еще родился и как маленький был. И она несколько обещаний наклала, чтоб он жив был. Несколько раз она с ума почти сходила, как он болен, бывал, итак, не крайне ли обманулась она, что просила Бога об его жизни. Теперь желаем тщетно, чтоб она никогда его не рожала, и чтоб Бог маленького прибрал.

КЛЕОН

Отчего же бы это так делалось, матушка, что мы себя обманываем?

Г. Ц**

Обстоятельно о сем, вы после узнаете, а теперь я вам только скажу, что это наиболее от того делается, что мы будущего не знаем. Мы видим только то, что теперь делается, и рассуждаем по теперешнему, а что впредь будет, того мы не знаем и знать не можем, для того в рассуждениях своих и ошибаемся. Например: нам кажется одна вещь теперь хороша и мы представляя себе, что впредь такие же обстоятельства будут, думаем, что и впредь она для нас хороша будет, напротив того на другой или на третий день, или несколько времени спустя, обстоятельства переменятся, а по новым обстоятельствам та вещь уже для нас вредительна и не годится, А иную вещь напротив того мы теперь худой почитаем и жалуемся о том, печалимся и тужим, что так сделалось, и ее несчастьем себе поставляем, а вскоре потом другое увидим. Обстоятельства пере-

менившись нам то в пользу и в благополучие обратили, и о чем мы сперва говорили, о том теперь радуемся, и сие очень часто с нами случается. Одним словом: мы не знаем, что с нами впредь будет. Бог же напротив того, мои любезные, знает все. он провидит будущее.

ФЕОНА

Как, матушка-сударыня, Бог знает все, что со мною впредь будет?

Г. Ц**

Знает мое сердце. он знает не только, что с тобою завтра, или после завтра, или на то или другой год сделается, но и то, мой свет, что ты завтра или несколько времени вперед делать и не только делать, но и говорить и мыслить станешь. он же не только одни твои дела, но и обо всех, сколько ни есть на свете людей, делах он также знает и от него ничего не утаится. Сверх того знает он, какие с нами случаи делаться станут, в каких обстоятельствах мы будем, а потому известно ему, что для нас хорошо, и что худо будет. И так ежели для нас что хорошо, так он сделает, а ежели худо, так нет.

ФЕОНА

О, матушка, поэтому Бог нас любит?

Г. Ц**

Конечно, мой свет, любит и любит очень много. он любит нас больше, нежели мы сами себя любим, и хочет, чтоб и мы его любили. И обещает тем больше нас еще любить, чем больше мы его любить станем.

ФЕОНА

Конечно, сударыня, нам надобно его любить, когда он нас так любит

Г. Ц**

Он того и хочет, мои любезные дети, и для того требует, чтоб мы всегда сие помнили, что он нас любит, а к тому же и то не забывая, что он лучше нашего знает, и все сделать может, на него во всем полагались. А по сему, растолкую я теперь и то вам, мои светы, для чего нам у него так просить Надобно, как я вам сказала. Например: ты, Феона, стала бы у Бога, чтоб на тебе тот и тот именно жених женился или бы ты за богатого или знатного вышла, но он знает

того человека лучше. он бы видал, что он дурной нрав имел, или наперед бы уже знал, что ты с ним жить будешь не благополучно, что он тебя любить не будет, или к тебе ревновать, тебя бить станет, или в какое несчастье сам придет и тебя приведет, или иное что, или что ежели тебе богатство дать, или знатною сделать, так ты испортишься и от того в крайнее несчастье и совершенную погибель придешь, и прочее тому подобное, и видя сие все, наперед он просьбы твоей и не исполнит, для того что он тебя любит, и не хочет того, чтоб ты несчастною была.

А когда ты от просьбы своей отстать не захотела бы, но беспрестанно бы о том ему докучала, так он хоть просьбу твою исполнит, но польза ли то тебе? Не станешь ли ты сама после о том тужить и раскаиваться?

ФЕОНА

Так, конечно так, матушка-сударыня.

Г. Ц**

Напротив того ежели бы о том же да не так стала просить, так бы не то вышло. Бude бы ты, например, стала говорить, когда тебе, Боже мой, угодно, чтоб я замужем была, то дай мне такого жениха, какой тебе угоден. Выбери мне сам его. Я полагаюсь на тебя в этом случае. Я не знаю что для меня лучше, а ты знаешь и меня любишь. Не сделай меня несчастной, а в прочем делай то, что тебе угодно. Так ему это очень приятно было бы. он конечно бы твоей просьбы втуне не оставил. Не было еще такого человека, которого бы просьбу Бог презрел, ежели она таким образом приносима была. Он выбрал бы тебе такого жениха, какого ты сама никогда не выбрала, а я тебе скажу и почему. он знает, мой свет, тебя коротко, он знает и всех людей, так он из них и выбрал бы такого, какой для тебя лучше. А когда это таким образом сделалось, так ты, конечно, уже состоянием своим была довольна.

ФЕОНА

О, матушка, у меня ажно сердце бьется, как вы изволите рассказывать, и это, конечно, истинная правда.

Г. Ц**

Я вам, мои любезные дети, это только примером сказала, каким образом надобно обо всем и при всяком случае Бога вам просить

и на него полагаться. он к таким особливую милость оказывает, и отменно пред теми любит, которые о нем никогда не помышляют, но все делают без разбору.

КЛЕОН

А я, матушка-сударыня, еще давеча, как вы рассказывали, сам себе положил с сего времени всегда и обо всем так Бога просить, как вы изволили сказывать, и при всяком случае на его волю полагаться стану. Никак, матушка, и госпожа Луция так же у Бога о женихе просила и на его волю полагалась.

Г. Ц**

Может быть, мое сердце, она девица умная была, читала книги, училась прилежно и конечно о том ведала. что так Бога просить надобно.

ФЕОНА

А, матушка, конечно чрез самое это она и способствовала к тому, что ей Бог такого мужа дал. Не на память ли вам, как вы давеча упомянуть изволили, что она сама к тому много помогла.

Г. Ц**

Помню, мой свет, и ты не ошибалась в том, что Луция много чрез то к тому способствовала. Однако много и кроме того другого есть, чрез что она к тому, как думать надобно, со своей стороны помогла.

ФЕОНА

Пожалуйте, матушка, нам и то уже скажите.

Г. Ц**

Скажу, мой свет, и более еще для того это сделаю, чтоб вывести тебя наконец из сомнения.

ФЕОНА

Г. Ц**

Из какого, матушка, сомнения?

Г. Ц**

Из того, что ты беспрестанно сомневаешься, что наука может тебя счастливой сделать. Когда я теперь вам расскажу, каким образом Луция способствовала, так вы, то сами увидите, а при том не только услышите в чем сия наука состоит, но увидите, почему вам ей учиться всего нужнее и полезнее.

ФЕОНА

Нет, матушка, я не сомневалась, но только не понимала.

КЛЕОН

Но, пожалуйста сударыня извольте только нам сказывать, мне очень хотелось о том знать, я со своей стороны вас о том прошу. *(целует у матери руку)*.

Г. Ц**

Вот, любезные дети, что и каким это образом происходило. Вам надобно знать, что Бог, хотя нас человекон не для кого, но собственно для нас самих создал, однако создал он нас не по пустому и не напрасно. Помните это, мои свету. Богу по пустому и напрасно, то есть без всякого намерения создать ничего не возможно. Таким образом, и мы не по пустому, но для чего-нибудь созданы. Сие Божеское намерение, между прочим, состояло в том, чтоб нас ему такими сделать, чтоб мы сами собою дела производить могли. Разумеете ли и понимаете ли вы это, мои свету? Вот я вам яснее и примером скажу. он не хотел нас сделать такими, чтоб мы подобны бездушным машинам были. И дела принужденные делали, но чтоб, мы сами собою и такие дела делали, которые собственно от нас самих зависят, например: не так мельница или часы. Мельница по неволе муку мелет, когда мастером так сделана, что ежели воду пустить, колеса и жернова вертеться и молотъ станут, а часы по неволе идут, когда пружина колеса вертит, и я не могу сказать, что мельница сама собою мелет, а часы идут. Ежели воды не пустить, а часы не завести, мельница молотъ, а часы идти не станут. Такими машинами Бог не хотел нас сделать. Но он хотел, чтоб мы сами собою дела делали, но того не довольно. он хотел, чтоб дела мы такие делали, которые ему не противны, но приятны были: однако он нас и тут не сделал принужденными. он сделал нас такими, что мы и противные ему дела делать можем, и дал нам на волю делать то, что мы хотим, доброе или худое. Доброе, мои любезные дети, называется то, что согласно с волей Божескою, или ему не противно. И тот человек называется добродетельным, кто доброе делает, а злое и худое напротив того то, что несогласно с волей Божескою и ему противно, и такой человек называется беззаконным и грешным для того, что и грехи то же самое, что худые

и Богу неугодные дела. Бог хотел, чтоб мы его любили, почитали, слушали и во всем ему угождать старались. Одним словом так жили и то делали, что ему угодно, и за то положил он намерение не только нас ныне счастливыми сделать, но и после смерти нашей нам гораздо еще счастливейшую и такую жизнь, дать, которая бы никогда конца не имела. А ежели, напротив того, мы не так станем жить, как ему угодно, но по своей воле и такие дела делать, которые ему противны и неприятны, то мы за то и будем наказаны, сделаемся несчастными и в такое состояние придем, которое нам несносно будет. Таким образом, любезные дети, он тех гораздо больше любить, которые так живут, как ему угодно, и не только любит, но об них и старается, оказывает им всякие милости и делает их счастливыми. А те которые живут не так, ему неугодны, для того, что он не может любить худое, а от того, мой свет, и Луция счастлива, а сестра ее несчастна сделалась.

ФЕОНА

Как, матушка, от этого, а не от иного госпожа Фанни несчастна, а Луция счастлива сделалась?

Г. Ц**

От этого, моя радость, Фанни еще смаленьку не так жила, как Богу угодно. она об нем не вспоминала, его не любила, но делала только то, что ей хотелось, а не то, что Бог хочет, а за то Бог ее сам не любил и не дал ей милости, и попустил ей сделаться несчастной, и ежели она не исправится, то еще более несчастна будет. Напротив того, Луция была смаленьку добродетельна, любила и почитала Бога, и старалась ему угождать и то делать, что ему угодно, а за то ее Бог сам любил, оказал ей милость, сделал ее счастливой. А ежели и впредь тоже станет делать, то Бог ее еще больше любить и больше милостей оказывать ей станет. И чрез то-то она, мои любезные дети, к благополучию своему способствовала. А ежели и вы станете делать тоже, что она, то и вас Бог будет любить, и к вам милостив будет. он и вас мои светы благополучными сделает.

ФЕОНА

О, матушка, я не смею вас просить, пожалуйста сударыня, ежели можно, нам скажите, как надобно нам жить, чтоб нас Бог любил,

и что такое хочет он, чтоб мы делали, и какие, матушка, дела худые и добрые, а ему приятны и противны. Мы бы сами тоже стали делать, что ему надобно, а того убегать и не делать, что ему противно.

Г. Ц**

Поцелуй меня за это моя радость, я очень тем довольна, что ты хочешь сие делать, а я вам, мои любезные дети, на то скажу, что в том самая та и наука состоит, которой я вас учить хочу. Я вам хотела рассказывать, что вам делать надобно, чтоб вы наконец благополучны и счастливы были, и чего не делать, чтоб вы несчастными не были, и как вам всю свою жизнь наилучше препровождать.

КЛЕОН

Неужели в правду в том сия наука, матушка, состоять будет? О как вы меня обрадовали, сударыня! Я, было, начал уже тужить, и вас о том просить, чтоб вы не другому, но этому нас поучить изволили. Я вам признаюсь, что я ничего не знаю, а это надобно.

Г. Ц**

Я сама, мой свет, знаю, что это для вас надобно. И вот не правду ли я вам, любезные дети, говорила, что сия наука всего для вас нужнее?

ФЕОНА

Конечно, сударыня нужнее, я сама теперь это вижу и не имею сомнения более, что сия наука меня счастливою сделает, и я тужу, что я давно этого не знала, и что вы матушка нам рассказывать не изволили.

Г. Ц**

Я бы вам давно, мои любезные дети, это рассказала, но вы были молоды, и всего понять не могли, а к сей науке, надобна память и прилежность. И так, помните мои светы все, что я с вами теперь говорила. Сегодня более нам говорить некогда, а завтра не буду я дома, так вы этого не забывайте, но вместо того чтоб резвиться, вы лучше между собой о том рассуждайте, а послезавтра мы далее говорить станем. Пойдемте теперь мои светы в хоромы.

КЛЕОН

Благодарствуем, матушка, что вы столько сегодня трудиться изволили, о сколько хороших вещей вы нам сегодня не сказали! Я их сударыня, конечно, стану стараться не забыть, и завтра весь день

о том помнить, и все сам себе повторять буду, что вы нам ни изволили сказывать, а что мне не понятно покажется, о том я вас, матушка, спрошу послезавтра.

Г. Ц**

Спроси, мой свет, пожалуй, это очень хорошо, когда ты обо всем станешь спрашивать, чего понять не можешь, я с радостью тебе мой свет сказывать буду.

ФЕОНА

А мне, матушка-сударыня, давеча много кой чего на ум попадалось, но я боялась вашу речь перебить, и для того у вас и не спросила.

Г. Ц**

Это бы нет ничего мой свет. Однако не худо ежели бы вы только не позабывали, что вам на память придет, и меня о том при другом случае спрашивали, а в то самое время, конечно, несколько мешать станете. Однако иногда спрашивайте меня в то время, а иное до другого времени откладывайте, но пойдемте мои светы. Вот слуга уже идет к нам, сказывать, что стол набран.

РАЗГОВОР V МЕЖДУ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ, а потом и с Луциною, одной старушкою

ФЕОНА (*пришедши после обеда в сад, увидев Клеона там уже находящегося*).

Что ты братец здесь делаешь?

КЛЕОН

Мне сказали, что ты сестрица в сад пошла, так и я сюда пришел и хотел с тобою что-нибудь поговорить, однако тебя нигде здесь не нашел.

ФЕОНА

А я пошла, было, тебя братец искать и хотела сама тебя сюда звать, чтоб о вчерашнем по приказу матушкиному поговорить с тобою. Но мне сказали, что ты уже пошел, так и я пришла.

КЛЕОН

Пойдем же, сестрица, на этот конец сада, здесь от солнца очень жарко, а там нашел я очень хорошее место, таково холодно и при-

ятно. Там можем мы под тенью деревьев ходя как себе хотим разговаривать, никто нам не мешает.

ФЕОНА

А я хотела бы в беседку тебя звать, однако думаю, что и там душно. Пойдем вправду туда, куда ты братец зовешь, и там, в холодку ходить станем.

КЛЕОН (*пришедши в аллею, которую с боку высокие деревья от лучей солнечных прикрывают*)

Вот, сестрица, не приятный ли холодок здесь и не хорошо ли? Я давеча здесь уже был, и один много кое-чего о вчерашнем нашем с матушкой разговоре думал.

ФЕОНА

Я не знаю как тебе, мне, братец, очень такие разговоры полюбились, и я бы хотела, чтоб всякий день матушка так же рассказывать изволила. Мне никогда это не наскучит, но напротив того я много кое-чему из них научилась, и того не думала, чтоб в три вечера столько я могла узнать такого, чего я прежде не знала, а к тому же еще так нужного. Ведь, братец, подлинно это для нас надобно и матушка правду нам говорила.

КЛЕОН

Конечно, сестрица, надобно. Я сам уже о том думал и мне столь же теперь хочется учиться, как и тебе, и я не знаю как ты, а я сестрица начал уже от резвостей отставать.

Давеча, как я дело свое окончил, так побежал, было, я в людскую избу, но вспомя, что матушка этого не приказывать, да и я сам ей от того отвыкать обещал, остановился и сам себе сказал: нет, не пойду я туда. Матушка мне не приказывает, и когда она говорить, так знать в правду это не хорошо, после того и пошел опять в хоромы... Думаю я, сестрица, уже и от голубей отстать и их более не любить. Матушка мне часто о том говаривала. Однако спрошу, я ее, почему это дурно голубей любить.

ФЕОНА

А я тебе, братец, и о себе тоже скажу. Давеча смотрелась я в зеркало и думала сама себе, куда я как хороша, но вдруг вспомнила, что матушка о госпоже Луции нам сказывала, что она немного

о красоте своей думала, и казалось будто о том не знает, что оно хорошо, вспомнивши это, сама себе сказала, стану и я тоже делать, что Луция делала, и тотчас в зеркало смотреться перестала. Куда я, братец, эту госпожу Луцию полюбила, мне хотелось бы, чтоб я точно все то делала, что она делывала.

КЛЕОН

А мне, сестрица, ее муж полюбился и я тужу, что не спросил матушку, не знает ли она, как и он смаленьку рос и что делывал. Я бы сам тоже делать стал.

ФЕОНА

Молчи братец! Матушка вчера сказала, что, может быть, она нас и познакомит с ними.

КЛЕОН

О! Я бы очень рад этому был, я бы стал, сестрица, обо всем у него расспрашивать, и что он делает, все бы стал перенимать.

ФЕОНА

А я бы госпожу Луцию стала просить, чтоб она все мне рассказывала, что и как она делала, будучи еще не замужем. Матушка правду сказала, что надобно знать, как приниматься и начинать, отчего-нибудь отвыкать, а без того очень трудно это сделать. Я тебе скажу, что давеча со мною было. Села я шить, братец, и понадобились мне ножницы. Девка, была тогда тут в горнице, и я велела ей подать их, но она негодная мне не скоро их подала. Я так на нее рассердилась, что хоть вспомнила, что матушка не велит драться, однако не утерпела, я но вскочив ее ударила. А после опомнилась и сама себе сказала: «За что я ее ударила? Это ведь дурно им не отвыкать от того надобно». После того думала я сама себе, отчего бы это мы сердились, однако не знаешь ли ты этого, братец?

КЛЕОН

Нет, Сестрица, не знаю, я ведь и сам, сударыня, часто ребят бью, и сам тоже намнясь думал, хочу когда-нибудь спросить о том матушку.

ФЕОНА

Спросим братец, она нам скажет, каким образом и отвыкать от того. она нам верно скажет.

КЛЕОН

Как не сказать, но знать сестрица, это очень дурно, что матушка так часто за то на нас бранится, однако я не знаю, почему бы это худо было.

ФЕОНА

Я думала уже о том, братец, и не понимала, однако, давеча вспомнилось мне, что матушка нам вчера сказала, что худо называется все то, что противно Богу или что не согласно сего волею, так я сама уже в себе мыслила, уж не для того ли и это худо, и не для того ли и матушка нам сердиться и драться не велит? Что это Богу противно.

КЛЕОН

О, сестрица, ты теперь меня на разум наставила. Конечно, сударыня, так и в том сомневаться нечего. Помнишь ли сестрица? Как она о Луции говорила. она сказывала нам, что Луция того не делала, что Богу противно. А Луция на память тебе никогда не серживалась и не дралась, так знать она для того этого не делала, что Богу противно? Да что более о том говорить? Я теперь более не сомневаюсь в этом.

ФЕОНА

О, так, конечно, я сердиться и драться перестану. Я сама теперь это помню, и делом же я сама на себя досадовала.

КЛЕОН

Не стану же и я, сестрица, с сего времени ни сердиться, ни драться. Матушка изволила говорить, что Бог тех не любит, которые не то делают, что ему угодно, и их делает несчастными, так я не хочу, чтоб мне несчастным быть.

ФЕОНА

Да, братец, это правда и я стану о тои помнить и как скоро рассержусь, то тотчас вспоминать стану, что это Богу противно и для того не только драться, но и сердиться не стану.

КЛЕОН

Хорошо бы так, сестрица, и я бы тоже делать стал: но такая беда, не утерпишь. Я часто так рассерживался, что сам себя не вспомню, и рад бы неведомо, что с собою сделать, однако спросим о том сестрица у матушки.

ФЕОНА

Да, братец, завтра же это сделаем, только чтоб не позабыть нам, а теперь вспомнилось мне еще из вчерашнего нашего разговора, о чем я тебя спросить хочу.

КЛЕОН

Что это такое было, сестрица?

ФЕОНА

А вот что, братец! Матушка, я думаю, ты помнишь, говорила вчера, будто Бог все знает, что с тобою или со мною завтра или несколько времени спустя, сделается, и не только о нас, но что будто и со всеми людьми что будет, он знает. Но хотела бы я ведать, знает ли он, что делается теперь с нами. Матушка говорила про будущее, и что Бог знает, что вперед с нами будет, а про теперешнее она не сказывала.

КЛЕОН

Никак, сестрица, она и о том упомянула. Мне думается, как ему того не знать, что теперь делается: когда он уже знает, что вперед будет.

ФЕОНА

А я, напротив, в этом сомневаюсь. Когда он знает, что теперь делается, так он поэтому уже знает, что мы теперь с тобою в саду, что мы говорим о нем, и что я тебя спрашиваю. Ведь этому уже так быть надобно.

КЛЕОН

Да, сестрица, я сам думаю, что так. Да для чего же бы ты в этом сомневалась?

ФЕОНА

Как ты этого, братец, не рассудишь? Но почему же бы ему это знать, что мы с тобою здесь по аллее теперь ходим и что говорим? Ведь его здесь нет, и мы здесь одни с тобою ходим?

КЛЕОН

Да где же бы он сестрица был? Я право не знаю.

ФЕОНА

Я, слыхала, что он на небе.

КЛЕОН

А когда на небе, сестрица, так он нас оттуда видит, а потому и знает, что мы здесь.

ФЕОНА

И, братец, как тебе не стыдно. Ну, хорошо, что мы теперь здесь в саду, и над нами ничего нет, а ежели бы мы были в хоромах или в палатах, так как же ему нас с неба видеть? Да и кроме того пускай бы он нас здесь видел, каким же образом ему знать, о чем мы теперь говорим с тобою? Не уже ли он оттуда с неба слышать может?

КЛЕОН

Может быть, и слышит, сестрица, почему мы это знаем.

ФЕОНА

И, вот ты опять уже, братец, говоришь нескладное. Но добро пускай на твоём будет, что он слышит. Но скажи, ты мне, почему же бы он знать мог, о чем я или ты теперь думаешь? Ведь он у нас на мыслях не был. Тогда говорил ты, что он нас видит и слышит, но, скажи, теперь пожалуй, видит, что ли или слышит он мысли наши? Чтобы ты мне на это сказать изволил?

КЛЕОН (*задумавшись*).

Да, сестрица, я теперь уже сам не знаю, что вам на это сказать. Ты меня с пути сбילה, и я признаюсь, что я сам этого не понимаю.

ФЕОНА

Так спросим же мы, братец и об этом матушку! Мы оба знать, того не знаем, пускай она нас разберет с тобою.

КЛЕОН

Да, сестрица, конечно, нам об этом спросить надобно. Да, стой, вот мне что теперь еще на ум вспало. Говорили мы теперь, сестрица с тобою, что как Богу с неба нас слышать можно, и ты спорила, что ему нельзя: так, скажи же, ты мне, каким же образом он слышит? Когда мы его о чем-нибудь просить станем. Теперь ты на матушку сослаться не можешь, ты сама помнишь, она ведь вчера изволила говорить, что Бог слышит, и еще сама учила, как нам его просить надобно.

ФЕОНА (*ударив, издеваясь брата тихонько по щеке*).

Смотри, какой ты вор^б, ты ведь это нарочно в насмешку выдумал.

КЛЕОН

Да, не шутите сударыня! Я вас без шутки спрашиваю.

ФЕОНА

Нечего шутить, братец. Я право сама этого не знаю, и нам надобно и об этом матушку спрашивать.

КЛЕОН

Так, сестрица, мы многого еще не знаем, и матушке много нам рассказывать надобно, а особливо я стану просить, чтоб она это хорошенько растолковала: — мне кажется это очень нужно нам ведать.

ФЕОНА

Да, братец, от этого много зависит. Ежели мы станем сомневаться в этом, так будет нам и в том сомнение, что он нас счастливыми и благополучными сделает, ежели мы станем так жить, как ему угодно. Рассуди сам. ему ведь надобно наперед знать о том знать, что мы как жить станем, а мы еще и того достоверно не ведаем, точно ли он знает все, что мы делаем.

КЛЕОН

Вы правду говорите, сестрица, но теперь солнце уже низко, пойдемте отсюда. Становится уже не так жарко, и нам ходить уже и по всему саду можно.

ФЕОНА

Пойдем, братец! Я сама хотела тебя звать, Я в сих куртинах давно не была, пойдем туда, братец, поглядим, много ли у нас будет яблок и груш. *(Когда они ходили, то, увидев Феона, что Клеон часто останавливаясь, то на небо, то на деревья, то на землю смотрел и задумывался, спросила его.)*

О чем ты, братец, задумываешься? Конечно, ты опять в чем-нибудь сомнение находишь?

КЛЕОН

И не одно, сестрица, и очень много я непонятного нахожу.

ФЕОНА

Что же, братец, тебе еще непонятно, кажется?

КЛЕОН

Мне вспомнилось, сестрица, что матушка вчера нам сказывала, будто все, что ни есть на свете, для человека Бог создал, но давеча увидел я большого червяка на яблоке: не уже ли и он, сестрица, для человека сделан? Мне кажется, он нам еще убыток делает, и яблони у нас портит. Почему же бы он для нас был сделан?

Напротив того думаю я, что для нас еще лучше было, когда бы червяков этих никогда не родилось.

ФЕОНА

Да, братец, а меня давеча какая-то козявка укусила, и я тоже думала, что и ты.

КЛЕОН

Еще же, сестрица, давеча взглянул я на небо и увидел солнце, облака и сам себе подумал, хотелось бы знать, как это Бог делал? Ведь солнце не близко отсюда? Разве Бог туда ходил?

ФЕОНА (*задумавшись*).

Ты меня самое в сомнение привел, братец, я конечно не понимаю и сама этого, а сверх того много другого, мне непонятно теперь кажется: например, вода ведь у нас на земле, братец? Кто же ее на небо поднимает, что оттуда она к нам дождем идет? А зимой снег, каким образом делается?

КЛЕОН

О, сестрица, много, много мы, поэтому еще не знаем.

ФЕОНА

Постой братец мне теперь мудреное на ум вспало. Хотим мы знать, как Бог-то и то сделал, или каким образом он слышит, или знает? Но знаем ли мы еще наперед братец, что такое Бог и какой он такой?

КЛЕОН

Ах, голубушка сестрица, ведь я, право, в самом деле, не знаю, а знаю только понаслышке. Не знаешь ли ты, сестрица?

ФЕОНА

Хороши же мы с тобой, братец, я столько же о нем знаю, сколько и ты, и не глупы ли мы с тобой братец? Что, не зная его о том знать хотим, как он небо и землю и другое что делал.

КЛЕОН

Помолчи, сестрица, мне послышалось, что некто нас кличет.

ФЕОНА

Кличет братец, только я не знаю кто. Но не замай⁷, братец, они сами к нам придут, а мы между тем еще поговорим. И так, братец, скажу я тебе, что мне очень хочется знать, что такое Бог, и я думаю завтра же матушку просить, чтоб она о нем нам рассказала.

КЛЕОН

А и я, сестрица о том же тебе только сказать хотел... Вот сударыня кто нас кликал, это госпожа Луцинда наша бабушка-старушка, вот она к нам идет.

ФЕОНА

И братец, что мне теперь надумалось, спросим-ка мы ее, не знает ли она, что такое Бог.

(Луцинда, запыхавшись).

О, дети, замучили вы меня! Куда это вы зашли?.. Уж я вас искала, искала и на силу сюда добрела... Сказали мне, что вы пошли в рощу... Я там была. Оттуда на пруды ходила, вас нигде не нашла.... Да спасибо уже этой девушке, она меня сюда проводила.

ФЕОНА с КЛЕОНОМ *(подбежавши к ней и ее целуя).*

Здравствуйте, бабушка, что вы сударыня у нас так давно не бывали? Матушка и вчера об вас говорить изволила.

ЛУЦИНДА

Не досужно было, мои светы! А то бы я давно к вам притащилась, а сегодня услышала, что матушка поехала в гости и вы одни дома...

ФЕОНА

Благодарствуем сударыня, что вы нас напомнили. Пожалуйте бабушка в хоромы.

ЛУЦИНДА

И. нет, мой свет, я и сюда на силу добрела, куда мне теперь идти далее.

ФЕОНА

Так не изволите ли, бабушка, в эту беседку отдохнуть пожаловать. *(К девке).* А ты пойди вели нам между тем чаю приготовить.

ЛУЦИНДА *(пришедши в беседку).*

Что же вы, мои светы, без матушки делали?.. Теперь вам воля, и вы небось все резвитесь... а Клеонушка уже раз с десять на голу-бятне побывал.

ФЕОНА

Нет, бабушка, мы не резвимся. Вы того сударыня не знаете, что мы с братцем все резвости уже бросили.

КЛЕОН

А я, сударыня уже и на голубятню почти не хожу, и сегодня ни однажды еще там не был.

ЛУЦИНДА

Что такое, мои светы? Нельзя этому стать, чтоб вы резвости бросили.

ФЕОНА

Да так сударыня, мы с братцем для того здесь и в саду были, что резвиться не хотим.

ЛУЦИНДА

Что же вы здесь делали, здесь еще лучше вам бегать и резвиться?

ФЕОНА

Нет, бабушка, мы с братцем разговаривали.

ЛУЦИНДА

Да о чем же таком вы, мои светы, разговаривали? О резвостях, я думаю.

КЛЕОН

Нет, сударыня, мы с сестрицей говорили о деле и о таком деле, которое нам очень нужно.

ЛУЦИНДА

О! О! не в правду ли о деле? Уже и дело я думаю подлинно нужное. Небось, как вам к матери подольститься и новое себе платье выпросить?

ФЕОНА

Никак сударыня, о платье у нас и на уме не было, а мы говорили с братцем, как нам учиться.

ЛУЦИНДА

Да разве вы еще не выучились, мои светы? А я думала, что вы уже давно грамоте умеете.

ФЕОНА

Грамоте мы, сударыня, уже давно умеем! Да этого, бабушка, очень мало, нам многому еще учиться надобно.

ЛУЦИНДА

И! И, мои светы, я и грамоте не умею, да век прожила, а когда вы грамоте умеете, так на что вам более учиться?.. Дитятки! Чем больше будете знать, тем скорее состаритесь.

ФЕОНА *(Взглянув на брата своего и усмехнувшись)*.

И, бабушка-сударыня, как это вы изволите говорить, что нам учиться не надобно. Вам бы нас к тому побуждать еще надлежало. Учиться вам, сударыня, теперь не надобно для того, что вы уже стары, а мы только жить начинаем, и не хотим быть несчастными.

ЛУЦИНДА

И, мои други, я много видала и таких несчастными, которые многим наукам умели. Это все не потому, мои светы.

ФЕОНА

Нет, бабушка, потому! О которых вы знаете, может быть не таким наукам учились. Наука науке не указывает, а мы, сударыня, такой науке учиться хотим, которая нас научит счастливыми быть.

ЛУЦИНДА

Это бы хорошо, мой свет! Я бы сама хотела, чтоб с маленьку этой науке научилась, так я, мой друг, в жизнь мою так несчастна не была. Однако не слыхала, чтоб такая наука была, и мне кажется это все пустое. Кому счастливым быть, тот будет счастливым, а кто уже на несчастье народился, тот всю жизнь горе свое мыкать станет.

ФЕОНА

А мне думалось, бабушка, это не потому, а мы сами тому причиной, что счастливы или несчастливы.

ЛУЦИНДА

И, мой свет, это не правда, а я слыхала, что лучше молиться Богу прилежнее, чтобы и я вам советовала лучше, нежели учиться.

КЛЕОН

Мне бабушка сказывали, что вы превеликая охотница Богу молиться, скажите нам, сударыня, как вы молитесь, так бы и мы так же бы делать стали?

ЛУЦИНДА

И, дитятко, я уже стара, и вам где так молиться и вставать к заутреням. Кладите только земных поклонов по больше.

КЛЕОН

Когда вы бабушка так много молитесь? И как сказывают, ни заутрени, ни обедни, вечерни не пропускаете, но все в церковь ходите, так я думаю, вы сударыня верно знаете, что такое Бог?

ЛУЦИНДА

И нет мой свет, не уже ли ты о сю пору не знаешь этого?

КЛЕОН

Не знаю, бабушка, скажите нам, ежели вы знать изволите.

ЛУЦИНДА

Как мне не знать, мой свет! Уже Бога не знать! Но разве ты никогда в церкви не бывал.

КЛЕОН

Я бывал бабушка в церкви, но я его там не видывал.

ЛУЦИНДА

И глупенький, и образов ты не видал.

КЛЕОН

Образа я видел, бабушка! Их у нас и дома много. Но ведь это не Бог?

ЛУЦИНДА

О, дурачок! Что это ты говоришь, это его святой лик, а пред ним ты и молишь

КЛЕОН

Сударыня, я слышал, сам, что это его лик, но я бабушка вас спрашиваю, не знаете ли вы, что такое сам Бог?

ЛУЦИНДА

Глупенькой, как ты это спрашиваешь, что Бог. Он Бог. Чего тебе более хочется?

ФЕОНА

Бабушка-сударыня, братец не того спрашивает: он не знает где Бог и какой он.

ЛУЦИНДА

И, ты дурочка, что ты это говоришь, как ты этого не знаешь?

ФЕОНА

Воля ваша бабушка, а мы право не знаем

ЛУЦИНДА

Так вы оба еще глупы, не осердитесь на меня. Бог на небе. Как вы этого по сю пору не знаете.

КЛЕОН

Мы это, слышали, бабушка, что он на небе, да мы не знаем какой он.

ЛУЦИНДА

Опять уже за то же, ты право как малой ребенок: не видал ли ты как он на образах пишется?

КЛЕОН

Это я видал бабушка, на образах все люди написаны.

ЛУЦИНДА

Ну! Чего же ты больше хочешь? Бог знать таков и есть, каким пишется.

ФЕОНА

Мы это уже и сами бабушка думали, что он такой, как на образах пишется, тут он написан человеком, но потому нам это и непонятно, ведь, бабушка, землю, небо и все, что ни есть на свете Бог создал?

ЛУЦИНДА

Бог дитятко!

ФЕОНА

Ну, каким же образом он солнце, небо и землю делал, когда он такой, как человек и как он с неба нас услышит, когда мы ему молимся. Того-то мы не знаем.

ЛУЦИНДА

И! Дети, где вам это знать, перестаньте и говорить о том. Бог убьет, когда вы так про него говорить станете. Молитесь только ему.

ФЕОНА

И, бабушка-сударыня, за что ему нас убить, он нас любит, а мы же не худое говорим. Разве это сударыня худо? Когда мы хотим знать, что он такое, к тому же как нам ему молиться? Когда мы его еще и не знаем.

ЛУЦИНДА

Эх, дети, вы истинно завретесь. Я не знаю, чего вам хочется, и что вам это попало? Ведь вам не в попах быть и не в духовном чине? Ну, на что же это вам знать?

КЛЕОН

Да разве сударыня одним попам это знать надобно? Мне кажется и всякому человеку знать бы это не худо

ЛУЦИНДА

Эх, все вы не то говорите, я уже сказала вам, что лучше не умничать, а молиться прилежнее Богу.

КЛЕОН

Сударыня, да мы то-то и хотим, и для того-то вас спрашиваем о Боге, чтоб нам усерднее молиться было можно, а то я признаюсь, бабушка, что я по сие время был очень ленив, и мне всего скучнее, как бывало покойная бабушка, у которой мы прошлого года жили, заставит молиться Богу и читать каноны.

ЛУЦИНДА

Ну, так вот сам ты еще грамотник. Сам умеешь читать каноны, и их много читывал, а говоришь, что не знаешь и меня старуху спрашиваешь, не уже ли ты в них не нашел ничего о Боге?

КЛЕОН

Сударыня, это я помню, что в них много о Боге упоминается, но ей-ей вам признаюсь, что я и сотой доли того не разумею, что в них читывал, да и всего меньше о том думал, а старался всегда только о том, как бы скорее их промолоть и уйти резвиться.

ЛУЦИНДА

Ну, так вот сам же ты признаешься, а когда бы ты читал прилежнее, так бы ты и нашел все... О. когда бы я грешница умела их читать, я бы денно и ночью читала все акафисты и каноны, и тогда то бы я могла тебе все и все рассказать.

КЛЕОН

А ныне вы разве сами не знаете, бабушка, а мы ей-ей не сомневались в том, что вы знаете. Да как бы кажется уже не знать Бога такому старому человеку как вы, которой уже столько лет на свете живет. Уже Бога вам не знать?.. Да как же вы ему молитесь?

ЛУЦИНДА

И! Фу, батька мой я ведь не басурманка! Уже мне Бога не знать, чтоб я была за дура? Господи помилуй (*сама крестится*), как мне его не знать? Я всегда ему свету нашему молюсь. (*увидев, что Клеон усмехнулся, рассердилась*) Изрядно, ей-ей изрядно. Вы меня уже и на смех поднимаете, ну уже и басурманкою сделали: смотри пожалуй.

ФЕОНА

О, бабушка-сударыня, братец не почитает вас такою. Вы, конечно, слова его не так разумели. Как он, так и я ни мало в том не сомневаемся и довольно знаем, что вы не только православная Христианка, но и великая богомольница.

КЛЕОН

Конечно, я всегда это скажу, и сам много раз видывал, как вы, бывая иногда у нас, по утрам и вечерам молитесь и кладете неведомо сколько земных поклонов, и потому мне и знать хочется, как, по крайней мере, вы тогда себе Бога-то представляете, как вы ему молитесь.

ЛУЦИНДА (*Час от часу более в сердце приходя*).

Нет, нет, детки, рано бы вам надо мною так издеваться и меня старого человека поднимать на смех. Вы бы вспомнили, что я вам не чужая: смеяться бы право вам еще не годилось.

ФЕОНА

Ах, бабушка-сударыня, мы вам ей-ей не смеемся, и у нас всего меньше на ум вас поднимать на смех.

ЛУЦИНДА

Что ты мне, моя радость, рассказываешь? Я ведь сама видела, как твой вертопрашный⁸ братец усмехался. Ничего не бывало, а ему захотелось надо мною только пошутить. Не сделайся-ка он лучше сам басурманом, как ныне уже рассказывают, многие такие есть. Вот дай-ка ему только по-басурмански болтать научиться, так скоро уже посты не посты, образа не образа будут, да и самого-то уже Бога неведомо чем почтут, а про мать-то бедную уже и не говори.

КЛЕОН

Воля ваша, бабушка, хоть вы на меня и гневаетесь, только я ей-ей не виноват, усмехнулся просто и без всякого умысла, да и спрашиваю я более для того, что таким басурманом мне быть не хочется, о каких вы говорите.

ЛУЦИНДА

Добро, добро мой друг, ты стал ныне, вижу я, умник и постояница, однако, пожалуй оставь меня с покоем. Пускай я не знаю ничего, пускай я дура, спрашивай, кого хочешь, и кто умнее меня. Иной оттолкнет уже тебя от себя.

ФЕОНА (*Увидев идущего еще к ним гостя, живущего в одной деревне с госпожой Луциндой небогатого и пожилого господина*).
Ах, вот и господин Грамотеев.

ЛУЦИНДА

Вот и вправду он уже приехал, ну, слава Богу, а то было, я уже его заждалась. Я вам и позабыла сказать, что он хотел за мной за-

ехать, и что мы вместе с ним смолвились ехать сегодня к вашей тетушке Доримене... (*К Грамотееву*). Поди-ка, поди-ка, батька мой. уже я тебя света моего заждаюсь. Увези ты меня отсюда. С пути меня этот молодец согнал (*указывала на Клеона*) легко ли, басурманкою уже сделал, хоть бы ты уже, куманек дорогой, за куму свою вступился и ее защитил.

Г. ГРАМОТЕЕВ, поздоровавшись с детьми:

Умилосердитесь, что у вас такое, спор, что ли и о чем таком?

КЛЕОН

Ах, нет, ничего батюшка, мы так между собою разговаривали.

ЛУЦИНДА

Какое ничего?.. Теперь знать труса праздновать... Это ведь не со мною, поговори-ка вот с ним его позабудешь уже на смех поднимать, а то быть тебе надо мною над старым человеком смеяться.

КЛЕОН

Сударыня, я никак над вами не смеялся, так и теперь ни мало не трушу, а готов и господина Грамотеева о том спрашивать и просит мне тоже растолковать, ежели ему не будет противно.

Г. ГРАМОТЕЕВ

Да, умилосердитесь, скажите, пожалуйста, что это такое, и о чем таком у вас был разговор. Ежели, что знаю, для чего мне не сказать. С радостью моею готов вас в том удовлетворить и спор ваш решить.

ЛУЦИНДА

Чего, кум дорогой, таки житья мне этот молодец не дал. Сказывай я ему что такое Бог, да где он, да какой он, да как он слышит, когда мы молимся и так далее. Свое ли истинно затевает.

Г. ГРАМОТЕЕВ

Да что же это все вопросы, кажется не дурные, и дело-то все в том только состоит.

ФЕОНА

Не в чем ином, батюшка, братец очень любопытен это знать, и вздумал спросить о том госпожу Луцинду, а ей показалось, что он смеется, и она на него рассердиться изволила.

ЛУЦИНДА

Не лги! Не лги, мать моя на живого человека. Сердца у меня не было. Я его всегда люблю, а мне досадно было, что он не свое за-

тевает. Теперь, слава Богу, вот пускай говорит с кумом. он читывал книги, и сказать ему все может.

КЛЕОН

О, я бы за великое одолжение себе почел, ежели бы мне то господин Грамотеев сказать изволил

ГРАМОТЕЕВ

О, батюшка, это дело великое и высокое, однако я сам, сколько знаю, расскажу.

КЛЕОН

Пожалуй, батюшка, одолжите нас тем, а нам неведомо как хочется знать, что такое Бог.

ГРАМОТЕЕВ

Изволь, батюшка. Бог есть существо неповинно и вина всяческим: сиречь всесилен, всемогий, и всякие вины и естества преестествен⁹.

КЛЕОН, который с великим вниманием сим словам слушал.

Как батюшка как?

ГРАМОТЕЕВ

Вот я расскажу вам и в другой раз, повторять тоже только не такого скоро.

КЛЕОН, задумавшись.

Воля ваша батюшка, извините меня, что я скажу, что я из всех ваших слов ни одного не понял, и хоть вы мне два раза пересказали, ничего не разумел, и не знаю, что это такое: (*к сестре*) не поняла ли ты, сестрица?

ФЕОНА

Нет, братец, как-то и мне это непонятно.

ЛУЦИНДА (*к детям*)

О, о это не бабушка-старушка! Тут-то понимаете: (*к Грамотееву*) ай, кум, спасибо, право ей-ей спасибо!

КЛЕОН

Сударыня, я ни мало не стыжусь тем, что разум мой не в состоянии этих слов понять. (*К господину Грамотееву*) Да умилосердитесь, батюшка, русские это слова или нет.

ГРАМОТЕЕВ

Конечно, русские!

КЛЕОН

Да, что же они так непонятны, не можно ли, батюшка, вам растолковать нам простее, что это значит? Я истинно не знаю, что такое и первое слово существо значит.

ГРАМОТЕЕВ

Что такое существо, вы говорите?

ФЕОНА

Да батюшка, что такое существо, так же что такое не повинно и вина всяческим, всего этого я не понимаю, невиноватое ли, что ли? Но, как же опять и виноватое всему?

ГРАМОТЕЕВ (*Запинаясь*).

Существо!.. Существо.

ЛУЦИНДА (*Приметив, что и дорогой ее кум всего меньше в состоянии будучи истолковать сии слова, в пень стал*). Нет, нет, а волен Бог и с вами и с любопытством вашим, а нам некогда с вами долго раздобарывать. Пора нам, куманек дорогой, в свой путь ехать. Их ведь не переслушаешь. она замучит вопросами.

ФЕОНА

И бабушка сударыня, что вы так спешить изволите, еще успеете приехать.

ЛУЦИНДА

Нет, нет дети, ей-ей пора! Лошаденки плохие, ведь не скоро дотащимся (*Встает, идет*)

ФЕОНА

Умилосердитесь сударыня, хоть чашку чаю прошу выкушать, вот он уже готов и идут нас звать.

ЛУЦИНДА

НУ, хорошо, хорошо, чаю пойдем, напьемся, только ни одного слова более о Боге, и так мы нагресли окаянные неведомо сколько.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, мы не станем более о том ни одного слова говорить, когда вам не угодно.

ГРАМОТЕЕВ

Да и в самом деле некогда, а можно до другого случая оставить.

Пришедши в хоромы и после чая, проводив госпожу Луцинду, сказал сестре

КЛЕОН

Что сестрица, какова тебе бабушка показалась?

ФЕОНА

Я братец давеча на силу укрепилась, и чуть было не захохотала, как мы вопросами своими до того довели, что она не знала, что нам ответствовать, и уже скорее домой убираться вздумала, она бы, может быть, долее у нас пробыла, ежели бы мы ее в стыд не вогнали.

КЛЕОН

А я сестрица, чуть было так же не рассмеялся, как она не зная, что говорить, сердиться было и браниться начала, таким образом, и она и сам ее кум столько же знают, как и мы сестрица.

ФЕОНА

Еще меньше, братец и я не понимаю, как это люди живут и состарятся, а о том узнать не стараются, что для них нужно. Кажется, чтобы нам нужней того как знать, кто таков тот кто нас и свет, в котором мы живем сделал, у которого мы все во власти и который нас и благополучными и неполучными сделать может и без которого воли ничего на свете не делается.

КЛЕОН

Да, сестрица, я сам этому дивлюсь, однако мы и сами того не знаем, да и никогда может быть знать не стали бы, ежели бы такого случая с нами не сделалось, и матушка нас учить не стала.

ФЕОНА

Конечно, братец, мы не стали бы сами того знать, и я давеча думала уже, теперь нам смешно это кажется, что госпожа Луцинда не знает, но она человек старый и старинных людей, ей то пристительно, она и грамоте не умеет, а какого бы нам с тобой было, есть ли бы это с нами случилось, например: мы были бы где-нибудь в гостях и нас так-то бы стали спрашивать, как мы давеча ее спрашивали, и стали бы нам смеяться. Когда бы и мы так же не знали, что говорить: уже то тем-то другим отходить начали.

КЛЕОН

Это правда, сестрица, но я думаю, что много таких людей на свете, которые того не знают, а нам и надобно, сестрица, это узнавать стараться. Госпожа Бетида намнясь не даром тебе смеялась,

она, конечно, все это ведаёт. И молчи, сестрица, мы станем матушку просить, чтоб нас учила скорее, и когда мы кое чему понаучимся, так, когда опять свидимся с ней, то она нам уже не насмеётся. Мы сами уже ей вопросы задавать станем.

ФЕОНА

Сестрица приказывала мне третьего дни, госпожа Бетида опять к нам скоро с учительницей будет, и тетушка хочет с ними к нам приехать и нас у матушки опять к себе выпросить, так хорошо: ежели бы мы к тому времени что знали.

КЛЕОН

Мне думается, что когда учительница госпожа Бетида проведёт, что мы учимся, она нас полюбит. Помните ли сестрица, она и тогда нас не смеялась.

ФЕОНА

Да, братец, она человек разумный, и поверишь ли? Я её тогда хотя в первый раз видела, однако полюбила. Я ей буду очень рада, как приедет, но вот уже поздно братец, я думаю, скоро матушка уже из гостей приедет, надобно идти в хоромы.

РАЗГОВОР VI МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

КЛЕОН (*пришедши в сад и увидев Феону к нему идущую*).

Скоро ли матушка сюда придет?

ФЕОНА

Я теперь её спрашивала, братец, и она изволила мне приказать наперед сюда идти, а сама скоро за нами быть обещала, да вот она уже идет.

Г. Ц**

Давно ли вы уже здесь меня дожидаетесь?

ФЕОНА

Я только теперь пришла, а и братец недавно пришел, матушка!

Г. Ц**

Сегодня пойдем мы дети на этот конец сада, и там подле прудка под дубом сядем и разговаривать будем. Скажите мне, что вы без меня вчера делали, и говорили что-нибудь между собой и помните ли все, что я вам сказывала?

КЛЕОН

О, матушка, мы вчера почти весь день в саду пробыли и с сестрицей и говорили и спорили, и хотим у вас много кой чего теперь спрашивать.

Г. Ц**

Очень хорошо, любезные дети, спрашивайте, пожалуйста. Вам это много поможет когда вы, таким образом, чаще разговаривать и спорить между собой будете.

КЛЕОН

Вы изволили, матушка, третьего дня нам сказать, что Бог все то, знает, что с нами вперед будет, того не изволили сказать, знает ли он то, что теперь с нами делается? Я говорил, что знает, сестрица мне спорила в том, и мы отложили до вас, чтоб вы наш спор разобрали.

Г. Ц**

Знаете, любезные дети, Бог знает все. он знает, что с вами было, что вперед будет и что теперь делается.

КЛЕОН

Вот сестрица, не правду ли я говорил?

ФЕОНА

И о том, матушка, знает, что мы теперь в саду и с вами разговариваем?

Г. Ц**

Конечно, знает, моя радость! он видит и то, что мы теперь идем, и знает, что говорить хотим. Одним словом, он знает, что теперь я, что ты и брат думает.

КЛЕОН

Что, сестрица, не моя ли, правда? Я сударыня, тоже говорил.

Г. Ц** *(пришедши к тому месту, куда шли и севши)*

Сядем же вот здесь дети, и слушайте прилежно. Я вам начну то сказывать, что обещала, но что это вы друг на друга взглядываете? Или вы не хотите сегодня слушать?

ФЕОНА

Никак, матушка, а мы не смеем вас просить, чтоб вы нам сегодня иное рассказать изволили.

Г. Ц**

Для чего не сказать, моя радость, скажите только мне, о чем вам знать хочется.

КЛЕОН

Мама-сударыня, хочется знать, каким образом это Бог знает, что с нами делается? Видит что ли он, матушка?

ФЕОНА

Так же и где он?

Г. Ц**

О, мои любезные дети, это вы сами узнаете, когда я вам расскажу, что такое Бог.

КЛЕОН

А мы, сударыня, хотели о том вас и просить, чтобы вы нам пожаловали об нем рассказали. Мы вчера, матушка, много с сестрицей о том говорили, и госпожу Луцинду спрашивали.

Г. Ц**

Что ж, мой свет, сказала она вам?

ФЕОНА

Нет, матушка, но она на нас за то было еще рассердилась. что мы ее о том спрашивали.

Г. Ц**

Она сама того не знает, хотя великая богомольница. Я вам скажу, любезные дети, что на свете много таких людей, которые денно и ночью молятся, ни заутрени, ни обедни не пропускают, а о Боге очень мало знают, да и узнать не стараются, хотя это самое начальное и нужное дело.

ФЕОНА

Мы, сударыня, для того и просить вас хотели, что это нужное и первое дело.

Г. Ц**

А я и сама вам, любезные дети, прежде всего, сказывать хотела, а более для того, что это начало и основание всей науке нашей. Когда бы сего не рассказать, так вся наука худую бы пользу вам принесла. Послушайте дети, я вам расскажу, почему это начальная вещь, вам и то знать надобно.

ФЕОНА

Пожалуйте, сударыня!

Г. Ц**

Вот, моя радость, почему наука сия такая, которая бы вас научила счастливыми сделаться, а счастливыми быть вы без того не можете, есть ли не станете так жить, как Богу угодно, и то делать, что он хочет, а он между прочим хочет, чтоб вы его любили, почитали, то же делали, что он делает. А как вам его любить и почитать, когда вы его знать не станете? Можете ли вы, например, человека любить, о котором вы хотя и слышали, что он есть на свете, однако никогда его не видали и не знаете каков он?

ФЕОНА

Это правда, сударыня, как мне того любить, кого я не знаю.

Г. Ц**

А когда вы не станете Бога любить совершенно, то не станете и делать, что он хочет, а когда сего не будет, так не будете вы и благополучны, и вот для чего вам о Боге обстоятельнее знать надобно, а сверх того как вам, например, его просить, почитать и на него надеяться, когда вы не будете достойно и бесспорно знать, что он просьбу вашу услышит, и вас не оставит и помиловать может.

ФЕОНА

О, матушка, пожалуйста ж нам скажите, что такое Бог, и какой он.

Г. Ц**

Изволь, моя радость, я расскажу вам все, сколько мы о нем знаем или знать можем.

КЛЕОН

Да разве, сударыня, и вы его совершенно не знаете?

Г. Ц**

Не только я, мой свет, но и никто на свете его совершенно не знает.

ФЕОНА

Для чего же бы сие так, матушка, было?

Г. Ц**

А потому, моя радость, что его совершенно узнать никому человеку невозможно. он чрезвычайно велик, а мы пред ним чрез-

вычайно малы, и разум наш к тому недостаточен, чтоб мы его, так сказать, насквозь могли провидеть, или, как называется, мыслями своими его постигнуть. Почему он и называется *непостижимым*. Вы сами после, любезные дети, увидите, почему его и постигнуть не возможно, в том признаетесь.

КЛЕОН

Поэтому, сударыня, и я не буду его совершенно знать, а мне хотелось бы его так коротко знать, как самого себя.

Г. Ц**

Нет, мой друг, это будет великая дерзость, ежели требовать и хотеть того, чтоб мы его так коротко знали, как самих себя. Помните это, любезные дети, тому надобно самому богом разве быть, кто его совершенно и так совершенно, как самого себя узнать хочет, а созданию никакому не возможно. Однако вы о том, любезные дети, не тужите. Мы знаем уже много о нем, и с нас, конечно, и того будет довольно. Слушайте только прилежно, и затверживайте в памяти, что вы от меня об нем услышите.

КЛЕОН

С радостью, матушка, готов все слушать.

Г. Ц**

Вот, любезные дети, слушайте: Богом мы называем то, отчего мы, отчего свет, и все, что на свете есть, начало, и бытие свое получило. Понимаете ли вы это, мои светы?.. Я вам лучше примером изъясню. Например: посмотрите на сию яблоню, скажите мне, откуда она взялась? Ведь она не сама собою сделалась и выросла, а надобно откуда-нибудь, или отчего-нибудь ей взяться?

КЛЕОН

Да вы нам, матушка, изволили сказывать, что эту яблоню покойный батюшка наш посадил.

Г. Ц**

Так, мой друг, посадил ее ваш отец, но она не сама же выросла, а сеял он почки.

КЛЕОН

Так, сударыня, она от почки выросла, так как теперь и мои растут, которые я сеял на огороде.

Г. Ц**

Глупенький, а та почка, которую отец твой сеял, откуда взялась? Ты скажешь из яблока, но я спрошу далее: откуда сие яблоко взялось? ведь с другой яблони? Ну а сия яблоня откуда взялась?.. Положим, что эта яблоня произошла от другой, та от третьей, та от четвертой, и так далее. Но, наконец, ведь, надобно, быть какой-нибудь первой яблоне, от которой бы прочие размножились. Пускай бы их тысяча тысяч было, но надобно ведь первой быть? И от той то яблоне спрашиваю я: откуда она взялась? Ведь она же не сама же собою выросла, и почка не сама же собою сделалась?

КЛЕОН

Да для чего же бы ей и самой собою не можно было вырасти, так как вырастают простые деревья в лесу? Почем знать, может, и первая яблоня также сама собою выросла.

Г. Ц**

Ах, нет, любезные дети, сему стать никак не можно. О самых лесных деревьях вы обманываетесь, ежели думаете, что они сами собою вырастают. Ведайте, что ни одно из них и не только дерево, но ниже последняя травинка сама собою и из ничего вырасти не может, но вырастает либо из рассеявшихся или птицами, или ветром, или иным каким случаем нанесенных, родившихся на других травах и деревьях семян, либо от корней и ветвей других, и прежде их уже бывших трав и деревьев. И каждое произошло от другого, а то от третьего и так далее, а само собою и от себя ничто не вырастает, и вырастать не может. Мне жаль, что вы еще ничего об устройении мира и всех на оном вещей не знаете и не слышали, но есть ли охота ваша к учению так долго продлиться, что я и о том вам буду сказывать. То вы сами увидите и признаетесь в том, что такого удивительного, порядочного и премудрого устройства вещам, каковы деревья и травы суть, никаким образом не можно самим собою ставиться. Но надобно не отменно происходить от других им подобных, а тем от третьих, сим от четвертых и так далее. А первым самим произойти от чего-нибудь иного от них отменного и такова, которое бы само собою могло их таковыми сделать, а как с ними, а так и со всеми другими вещами в свете.

КЛЕОН

И с людьми так же, матушка?

Г. Ц**

Конечно также, мой друг, человек несравненно мудрее, еще сделан, нежели деревья, и того меньше мог сам собою составиться. Почему и с ним такое же было происхождение, например: вы родились от меня, я от батюшки, батюшка от дедушки, дедушка от прадедушки, тот от другого, сей от третьего, и так все шло по порядку, покуда до первого человека дойдем, от которого мы все произошли. И так, мой свет, первый сей человек не сам же собою родился, или первая та яблоня не сама же от себя выросла, а надобно чему-нибудь быть, кто первого человека сделал или первые деревья произвел? Ведь их сперва не было?

ФЕОНА

Я думаю также, сударыня, и с землей.

Г. Ц**

Также, моя радость и не только с землей, но и со всем светом. Прежде всего того не было. Откуда же все это взялось? Ведь не само же собою сделалось? А надобно чему-нибудь быть от чего бы это все начало и бытие свое получило.

ФЕОНА

Конечно так, матушка!

Г. Ц**

А то самое, любезные дети, от чего небо, от чего все взялось и началось и есть Бог. он это все сделал. он сделал небо, он сделал землю, он сделал первого человека и все прочее и потому называем мы его *Творцом* и *Зиждителем* неба и земли и всего, что есть на свете.

КЛЕОН

Да, какой же, сударыня, он? Человек что ли он?

Г. Ц**

О, нет, мой свет, человек всего этого сделать не может. он человека самого сделал, а человек может ли человека сделать? Человек не только человека, но и песчинки и пылинки сделать не может, а такую громадину, как этот свет, может ли человек сделать? Нет, мои любезные? Бог не человек, а он *Дух*.

ФЕОНА

А какой матушка дух? Такой, как этот? (*сама дует*)

Г. Ц** И, нет, моя радость, это не дух, а называется это дыхание.

ФЕОНА

Да, какой же он, матушка?

Г. Ц**

Дух такое *нечто*, чего я тебе описать и пересказать не могу, для того, что здесь на свете ничего такого видимого нет, чтоб на дух походило. Обстоятельнее о нем после вам растолкую, а теперь только скажу, что он не вещество, но отменное от всякого вещества.

КЛЕОН

Я, сударыня, и того не знаю, что такое вещество называется.

Г. Ц**

И о том вы после обстоятельнее услышите, а теперь знайте, что веществом называется то, что мы либо видеть, либо слышать, либо осязать можем, или другими чувствами ощущать, и всякая такая вещь называется вещественная вещь или *материя*. Например: землю, воду, пламя, деревья и прочее мы видим, ветер, стук, голос мы слышим, или вот траву, дерево или платье мы руками осязать, или ухватить можем, и такие все вещи называются вещественными или материальными вещи, а дух, мои любезные дети, не такие как сии вещи, он от них отменный.

ФЕОНА

Так поэтому, сударыня, мы Бога видеть не можем.

Г. Ц**

Не можем, мое сердце, потому что он дух, а не вещество, а дух мы не можем видеть, для того, что глаза наши так уже сделаны, что духа видеть не могут.

КЛЕОН

И никогда мы, матушка, Бога не увидим?

Г. Ц**

Увидим, мой свет, но разве тогда, когда мы умрем.

КЛЕОН

Да, чем, же и каким образом мы его тогда увидим, сударыня?

Г. Ц**

Хотя точно того сказать не можно, каким образом и чем мы его увидим, но только думать надобно, что душой, моя радость, потому

что такого плотного тела, какого нынешнее, тогда на нас не будет, которое теперь душе нашей видеть его мешает.

ФЕОНА

Да, почему же, матушка, душа наша его увидеть может?

Г. Ц**

Думать надобно потому, что она сама не вещество, но дух, а дух видеть не может.

КЛЕОН

Как, матушка, и душа наша такой же дух, как и Бог?

Г. Ц**

Такой же, мой свет, а потому и говорится, что Бог создал человека по образу своему и по подобию. Однако есть между ними и чрезвычайная разница, о которой я вам уже после расскажу. И так поняли ли вы и разумеете ли теперь, что такое дух?

ФЕОНА

Поняли от части, матушка!

Г. Ц**

Таким образом, помните же вы теперь, что Бог *Дух и не видим*. А теперь пойдем далее, и я скажу вам во-вторых, что этот дух такая вещь, которая *жива*, а не так как вещественные вещи. Например: видите вы сию палочку, или вот сей камень, они ни движения, ни жизни не имеют, ежели их с места не сдвинуть, или ничто их не тронет, так они вовеки тут продолжают, и потому называются они бездушные вещи, а не живые. А такова и вся материя, а дух напротив того жив.

КЛЕОН

Да, как же это, матушка, мы живы и движение имеем? Вот я руки и ноги движу и сгибаю, разве и рук и нога моя дух? Но вы, сударыня, изволили сказать, что духа видеть не можно, а руку и ногу я вижу.

Г. Ц**

Нет, друг мой, рука или нога не дух и двигаться сама не может, а все тело наше принадлежит к вещественным или материальным вещам, а что мы живы, это оттого, что душа в нас жива и руки и ноги чрез нее движение имеют. Вы сие из того заключить можете, что как скоро душа из человека выйдет, то тело его будет мертво и никакого движения не имеет.

КЛЕОН

Вот, сударыня, ажно это почему.

Г. Ц**

Потому-то, мой свет, а из сего вы видите, не глупы ли те люди, которые мертвых боятся. Могут ли они что сделать без души?

ФЕОНА

Да, как же, матушка, сказывают, что будто мертвые ходят?

Г. Ц**

И, это пустое, моя радость, однако, я расскажу о сем суеверии при другом когда-нибудь случае, а теперь станем говорить о давешнем. Таким образом, знаете вы теперь, что всякий дух жив, но сего недовольно: вам надобно далее знать, что Бог не только жив, но и *разум* и *волю* имеет. Сие я вам также яснее расскажу. Знайте, мои любезные дети, что всякая бездушная материальная вещь наиглавнейшее тем еще от духа отлична, что она не мыслить, ни хотеть не может. Например: посмотрите на сей камень, и скажите мне: мыслит ли он о чем и хочет ли он чего-нибудь?

ФЕОНА

Нет, сударыня, как ему мыслить.

Г. Ц**

А для того он не мыслит, что он не дух и в нем души нет, а мыслить и хотеть может только дух, и ему сие только свойственно.

КЛЕОН

Поэтому, сударыня, и в нас мыслит и хочет душа наша?

Г. Ц**

Конечно, душа, мой друг и ты сам, надеюсь, чувствуешь, что не рук или нога твоя мыслить хочет, а другое нечто.

КЛЕОН

Да, матушка, это правда.

Г. Ц**

И так знайте, любезные, что бог *Дух невидим, жив и имеет разум и волю*, и помните, что все сие называется и составляет *существо* Божеское.

ФЕОНА к брату

Вот ажно, братец, что такое существо называется, которого слова мы вчера разуметь не могли, как нам Г. Грамотеев сказывал.

КЛЕОН

Да, сестрица, теперь я уже знаю.

Г. Ц**

А не помните ли дети, как он вам сказывал?

ФЕОНА

О, сударыня я от слова до слова помню. Как мы спросили его, что такое Бог: так он сказал нам: «Это Бог есть существо не повинно и вина всяческим, сиречь всемогущ, всемогущ и всякия вины и естества преестествен». Из которых слов мы, матушка, ни одного не могли понять, а особливо удивительно мне показалось слово *вина всяческим*.

Г. Ц**

О, мои любезные дети, это произошло оттого, что вы сего языка совершенно не понимаете. Это говорено на языке славенском, а не на русском. Однако, Господин Грамотеев вам о Боге очень справедливо сказал: хотя я не сомневаюсь, что сам того не разумел, что вам сказывал, и о Боге не лучше понятие имеет как и его соседка. Со всем тем сей ответ и сие понятие о Боге очень коротко и недостаточно, и далеко всех его свойств и совершенств не изъясняет. Что касается до слова *вина всяческим*, так не думайте, чтоб тут виною, то есть, какую-нибудь проступку называем и на славянском языке значит сие слово, то, что мы на нашем языке причиною называем. Почему, словом, *вина всяческим* не иное что изображается, как-то, что Бог причиною всем вещам, то есть, что все вещи им произведены на свет, так как вы от меня то уже слышали.

ФЕОНА

Вот, сударыня, что это такое. Теперь пожалуйста нам, матушка, скажите: где же находится Бог. Этого вы нам еще не изволили скачивать.

Г. Ц**

О, не будьте таковы скоры, мои любезные. Что вы еще видели? Я вам только вкратце рассказала, в чем существо Божеское состоит, а вы думаете, что уже и все. Нет, мои любезные дети, мне еще много вам о Боге рассказывать, и вы не будьте нетерпеливы. Я нарочно вам все подробно рассказываю, чтоб вы ясное

понятие о Боге получили. Вот теперь я вам расскажу, какие он имеет свойства и совершенства, а тут и до того дойдет, где он находится.

ФЕОНА

О, матушка, так извольте же сказывать. Я не буду не терпелива, сударыня!

Г. Ц**

Вот, моя радость. Вам надобно теперь знать, что это невидимое, духовное и разум и волю имеющее существо, которое мы Богом называем, есть существо *всесовершеннейшее*. Помните это, любезные дети, сие слово очень важно и из него очень много следствий простекать будет.

ФЕОНА

Пожалуйте, сударыня, растолкуйте нам сие слово обстоятельнее, чтоб мы могли лучше его понять, когда оно так важно.

Г. Ц**

Изволь, моя радость, я вам сие яснее расскажу. *Совершенной* мы вещь называем тогда, когда она совсем хороша, и в ней ничего худого и никакого недостатка нет, но все свойства и действия ее, и все, что до нее касается совершенно или хорошо. Ну, положите же, чтоб одна такая вещь была, которая бы все совершенства или доброты в себе имела, какие только быть могут и какие только представить себе можно, а того бы всего в ней не было, что только худым недостаточным и не совершенным назваться может. Одним словом, ничего бы не было ее лучше и совершеннее. Таков-то есть Бог. он имеет в себе все совершенства и доброты, какие только могут быть в наивысшей степени. Напротив того худого или несовершенного ничего в нем нет, равно как и никакого недостатка, ему приписать не можно. Например: мы, смотря, на какую-нибудь вещь говорим: ах, вся она хороша, только это, да это в ней худо, сего, да того в ней не достает, а о Боге сим образом сказать не можно. В нем никакого недостатка и несовершенства нет, потому и называется он *всесовершеннейшим* существом.

ФЕОНА

Да, почему же бы, матушка, он такое *всесовершеннейшее* существо был.

Г. Ц**

Потому, моя радость, что ему инаковому и не всесовершенному быть никак не можно, ибо как скоро положить, что есть Бог и такое Существо, от которого все вещи со всеми своими совершенствами начало и бытие свое получили, так следует уже само собою, что ему самому такому быть надобно, который бы все совершенства в себе имел. В противном случае, ежели ему какой-нибудь недостаток или несовершенство приписать, то надобно уже чему-нибудь другому быть, чтобы его совершеннее было, а тогда уже не он, а та вещь будет Бог, чего быть не может. О Одним словом, несовершенному Богу так быть не можно, как не можно сей воде сухой быть или чтоб она не мокра была.

КЛЕОН

Когда, матушка, Бог так как вы изволите нам сказывать, всесовершеннейшее Существо, так поэтому он, сударыня, ничего худого и сделать не может?

Г. Ц**

Конечно, нет, мой свет. Сие было бы в нем великое несовершенство. Мы и людей тех называем злыми, которые худое или злое делают. А Богу можно ли злым быть?

КЛЕОН

Не прогневайся, матушка, что я у вас еще одно слово спрошу. Давеча изволили вы нам сказывать, что Бог не человек, а дух, пожалуйста же мне скажите, какой он собою, на человека или на иное что он походит, и сколь он велик?

Г. Ц**

Ты меня кстати о том спрашиваешь, мой свет. Я сама только хотела вам сие сказывать. Слушайте, любезные дети, я вам теперь такое нечто скажу, чего вы до сего времени, конечно, не знали. Бог очень велик, и так велик, что ни вы, ни я, да и никто величину его понять не может. Вот, посмотрите, любезные дети, на солнце, ведь оно далече отсюда?

ФЕОНА

Далече, матушка. И я думаю, что отсюда до него так будет, как от Москвы до Петербурга.

Г. Ц**

Нет, моя радость, ты очень ошиблась.

КЛЕОН

Не уже ли оно далее, матушка?

Г. Ц**

Конечно, далее и вот как далее. В Петербург мы однажды только две недели ехали, а ежели прямо по воздуху дорога была к солнцу, и мы бы туда поехали так же бы скоро ехали, то знаете ли дети? Мы и в тысячу бы лет до него не доехали.

ФЕОНА (*ужаснувшись*).

Что вы, матушка, говорите, не в правду ли, сударыня, оно так от нас далеко.

Г. Ц**

Что вы тому так дивитесь? Я вам еще очень мало, дети, сказала. В тысячу бы лет мы и половины бы не переехали.

ФЕОНА

О, матушка, возможно ли чтоб такая ужасная даль до него была?

Г. Ц**

Какая это еще даль, любезные дети. Когда я буду рассказывать вам как далеко от нас звезды, так вы не то еще заговорите.

ФЕОНА

Не уже ли они еще далее, матушка?

Г. Ц**

Сие, ты тогда узнаешь, моя радость, а теперь нам не о том говорить надобно. Но я заставлю вас теперь думать. Думайте, что я велю.

ФЕОНА

Извольте, сударыня.

Г. Ц**

Думайте и представляйте себе в мыслях одну какую-нибудь вещь, которая бы например так велика была, чтоб длиною своей она отсюда до солнца доставала, а в ширину и высоту так же велика была как в длину.

ФЕОНА задумавшись.

О, матушка, какой это ужасной громаде быть надобно?

Г. Ц**

Но, постойте, мои любезные дети, и думайте только. Ну, думайте теперь, чтоб сия вещь еще вдвое столько же велика была... Прибавьте ее еще. Положите, чтоб она еще в десять раз была больше...

КЛЕОН

Хорошо, я думаю, сударыня.

Г. Ц**

Еще в двадцать раз больше... Еще во сто раз больше... В тысячу раз больше.

ФЕОНА

О, сударыня, у меня ум уже помутился. Но на что изволите приказывать нам это думать.

Г. Ц**

А вот на что, мое сердце. Хотя бы сию преужасную громаду не только таковою, но и в тысячу, в миллион, в тысячу бы миллионов раз больше себе вообразить, и как бы велика и огромна она, тогда ни казалась, но Бог...

КЛЕОН

Что это, сударыня, не уже ли Бог так велик?

Г. Ц**

Не только так, мои любезные дети, но сия неслыханная громада пред ним и столь велика, быть не может, как одна пылинка против целой и превеликой горы песка.

ФЕОНА, ужаснувшись

О, сударыня, что это изволили сказать. Куда поэтому, каков велик наш Бог?

Г. Ц**

Одним словом, любезные дети, он так велик, что все величины против него ничто суть. К величине его ничего прибавить невозможно. Коротко, величине его конца нигде нет. Например: думайте и посылайте теперь мысли свои вверх и до тех пор пусть они летят покуда не нашедши конца утомятся. Теперь вниз под землю также думайте, потом направо и налево и во все стороны ваши мысли пускай летят, но нигде конца не находят. Что вы думаете, измерите ли вы величину всего этого места? Однако, не смотря, на то Бог действительно величиной своею во все стороны бесконечен, и дух сей всю сию непостижимую обширность занимает, и потому называется *неизмеримый*.

ФЕОНА (*ужасаясь*).

Возможно ли, сударыня, чтоб это так было? Я без ужаса о том и мыслить не могу.

КЛЕОН

А меня, матушка, вы в трепет приводите. Когда он таков ужасно велик и всю сию обширность занимает, так я думаю, что ему уже и здесь быть надобно?

Г. Ц**

Конечно, мой друг, он и здесь есть и не только здесь, но везде и во всяком месте. Куда мы не пойдем, куда не оборотимся, везде он есть, и хотя бы мы в землю скрылись, и там он нас найдет, и нет нигде такого места, где бы его не было. Одним словом, он везде и на всяком месте и все места наполняет.

КЛЕОН (*вскочив с места своего*).

О, в какой вы меня страх привели, матушка, я не знаю что...

Г. Ц** (*увидев и Феону крайне удивившуюся*).

Садись опять, мое сердце. Я радуюсь, что в тебе такое движение вижу. Лучше употребить сей случай в пользу. И с сего времени возымейте почтение и страх к такому великому Богу и Создателю своему.

ФЕОНА (*вздохнув*).

О, сударыня, как такого великого Бога не почитать и не бояться!

КЛЕОН

А я, сударыня, с сего времени, конечно, уже Богу молиться так перестану, как я маливался, и уже не буду кое-как мотать рукой и наболмош читать молитвы, но всегда, матушка, буду вспоминать, что Бог тут и меня видит, и для того молиться стану ему прилежно.

Г. Ц**

Ты очень хорошее дело чрез то сделаешь. А так, мои любезные дети, и всегда молиться надобно, и с Богом так говорить, как будто ты его пред собой видишь. Такие молитвы ему приятны.

ФЕОНА

Поэтому, матушка-сударыня, можно и везде ему молиться, и не только в хоромаш и где образа есть, но и в саду и на всяком месте?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, хоромы и образа не просвещают. Бог на всяком месте слышит. А не просвещает и то, мои любезные дети, чтоб стоять пред образами по несколько часов и молиться, или заутрени и вечерни не пропускать. Можно Богу и ходя и сидя и лежа молиться. Бог только одного усердия требует, и я вам, любезные дети, сказываю,

что иногда один усердный вздох к нему во сто мер ему приятней, нежели длинные, но без всякого усердия читанные молитвы.

КЛЕОН

Для чего же это образа у нас, матушка? И как же Бог на них человеком пишется? Когда вы изволите говорить, что он Дух и такое великое существо?

Г. Ц**

Образа у нас для того, мои светы, чтоб мы, на них взглянув скорее вспоминали Бог, и к нему дух свой возносили, и сие, более для таких, которые прямо о Боге понятия не имеют, так как, например подлой народ. К тому же нам образа иногда самим Богом почитать и им так молиться как Богу, не надобно. Но пред ними только из почтения к изображенному на них лицу поклоняться должно. А молиться, мои светы, надобно в самое то время мыслями тому Богу, который создал небо и землю. А человеком он для того пишется, что его никак написать нельзя. Вы, сами подумайте, мои любезные, как на такой маленькой дощечке, какова икона, такое великое существо, уместить, которое ни во что вмещено быть не может, но во все стороны бесконечно распространяется, к тому же как можно красками и кистью такой Дух нарисовать, который невидим и совсем на вещество не походит? Но чтоб как-нибудь его да изобразить, то не нашли ничего другого, как только, чтоб не писать его в образе человеческом. А в знак того, что он прежде света еще был, и пишут его не молодым, но с сединами украшенным, как вы, я думаю, на образе Господа Саваофа сами приметили.

ФЕОНА

А, матушка, это на большой картине, которая у нас в зале в переднем углу стоит.

Г. Ц**

Да, моя радость, и в этом виде являлся он некоторым пророкам в старину.

ФЕОНА

Как же, сударыня, разве его кто-нибудь видел?

Г. Ц**

Видели, мой свет, однако в подлинном его виде, потому что самое Существо Божеское, как я вам сказывала, никто видеть не может. И для того являлся он человеку в таком образе, чтоб им его

видеть можно было. Например: иному в виде огненном и горящего пламени, и иным в образе человеческом.

КЛЕОН

Да на той же, матушка, картине и другой человек с крестом написан, а над ним голубь. Чтобы это значило, сударыня? Разве у нас не один Бог?

Г. Ц**

Нет, у нас, мои любезные дети, Бог один. И вам это надобно никогда не забывать, но твердо помнить, что Богу ни одному быть никак не возможно. И он не только один, но при том и *неразделимый*. А что на картине другой человек и голубь написан, это другое и такое значит, чего мне вам теперь сказать еще не можно.

ФЕОНА

Да, чего же, матушка-сударыня?

Г. Ц**

Для того, моя радость, что это очень великое и важное дело, о котором бы я вам хотя и сказала, но вам теперь того понять еще нельзя, а надобно наперед много другого еще знать. А скажу вам только теперь, что этот другой человек Христа, а голубь Святого духа изображает. А что это такое, вы узнаете тогда, когда мы о Христианском законе говорить станем, и до того времени вам подождать надобно.

ФЕОНА

И о других образах вы нам, матушка, в то же время скажете?

Г. Ц**

Скажу в то же время, мои светы, я вам расскажу, что значит это распятие, которое у нас впереди спальни стоит, и что образ Рождества Христова Богоматери и обо всех прочих, что у нас в спальне и в других покоях стоят. А теперь, мои любезные дети, станем продолжать давешнюю речь, и вы знайте, что это божеское совершенство, что он так велик, называется иногда его *величие*, а иногда *бесконечность* и *неизмеримость*. А что он везде и все наполняет, это мы называем его *вездесущием*.

КЛЕОН

Не прогневайтесь, матушка, что я у вас еще спрошу. Давеча вы изволили сказать, что Бога для того старым пишут, что он прежде света был. А давно ли он, сударыня, и откуда он взялся?

Г. Ц**

Так давно, мои любезные дети, что ему никогда начала не было. Знайте, мои светы, что жизнь его никогда начала не имела. И не было такого времени, не было и одной минуты, когда бы его не было. он всегда был и всегда будет, и потому называем мы его *безначальным и вечным* Богом.

КЛЕОН

И никогда, матушка, конца ему не будет?

Г. Ц**

Никогда, любезные дети. Жизнь его как начала не имела, так и конца иметь не будет. И какое бы долгое время мы не могли выдумать. Однако все оно ничто против его пребывания.

ФЕОНА

Как это, сударыня?

Г. Ц**

А вот как, моя радость. Ежели хочешь это яснее понять, так опять тебе по давешнему мыслить надобно. Представь себе, например, в мыслях десять лет. Ведь это долго? Умножь это в десять раз. Это будет сто лет, и такое время называется век. Ну, положи теперь, чтоб одна такая большая куча мелкого песка насыпана была, чтоб верх ее до самого солнца, которое я вам сказывала, как далече, доставал. Сколько бы вы думали, в ней песчинок числом было?

ФЕОНА

О, бесконечное множество, матушка, где их счислить.

Г. Ц**

Теперь положи, чтоб каждая песчинка сто лет была. Сколько же лет всех это будет? Ты ужасаешься, но того не довольно. Положи теперь, чтоб другая такая же преужасная гора песка была, но чтоб каждая уже песчинка столько лет составляла, сколько в давешней во всей горе было. Каково теперь тебе такое число лет кажется?

ФЕОНА

О, сударыня, его понять невозможно и оно все наши мысли превосходит, какое это бесконечное множество!

Г. Ц**

Со всем тем какое это время тебе ни велико кажется, однако оно и мерою Божескому пребыванию быть не может.

КЛЕОН

Какою мерою, сударыня?

Г. Ц**

Вот видишь, мой свет, ежели мы хотим что-нибудь измерить, то нам надобна к тому мера, которою бы нам мерить, например: длину мы аршинами или саженьями меряем, и как бы например отсюда до солнца ни далече, однако все бы аршином, каков он ни мал, измерить можно было. Но для измерения долготы Божеской жизни, все то ужасно великое время и в меру еще мало, одним словом, он вечен, а вечности никакой ум и никакое созданное существо измерить и понять не может, а надобно ее тому мерить, кто сам бесконечен.

ФЕОНА

О, сударыня, я от одного помышления о том в трепет прихожу.

Г. Ц**

И так, видите, любезные дети, какова долга божеская жизнь, а как вы теперь конца ее не сыскали, так и начала ее не найдете. Хотя вы столько же или еще тысячу миллионов раз больше лет прежде сотворения света положите, но и в то время он уже был. А хотя бы вы еще столько наперед положили, но и тогда начала ее не найдете, одним словом, его никогда не было.

КЛЕОН

О, сударыня, какому это великому Существо быть надобно, когда оно так бесконечно! Я думаю, матушка, что хотя бы мы его и увидели, но никогда бы его совсем понять не могли.

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и ты теперь сам видишь, почему его понять и постигнуть совершенно невозможно, так как я вам давеча сказывала. Не только мы, мой свет, но и никакое создание, которое сотворено, того Существа понять не может, которое *никем не создано, и ни от кого не зависит*.

КЛЕОН

Да разве, сударыня, бог такое Существо, какое вы сказывать изволите?

Г. Ц**

Да, мой свет! Мы созданы от Бога и причиною тому, что мы находимся Бог, и бытием своим мы зависим от Бога. Ежели он на-

пример захотел, чтоб нас не было, так мы тотчас в ничто обратимся и не будем. А он напротив того, любезные дети никем не сотворен и причиною тому, что он находится он сам, и бытием своим он ни от кого не зависит. Больше его ничего нет и быть не может, одним словом, он сам собою и от себя, почему и называется сие его совершенство *самобытность* Божеская, а он существом *неповинным*, а сверх того знайте, мои любезные дети, что он *и никаким переменам не подвержен*.

КЛЕОН

Что это такое сударыня?

Г. Ц**

А вот как, моя радость! Мы, например, подвержены переменам, родимся малы, потом вырастем более, а наконец состаримся, или сперва бываем глупы, там становимся от часу умнее. Или теперь таковы, а по прошествии нескольких лет совсем инаковы будем, и все состояние наше переменится, и это называется быть подверженным переменам, а Бог напротив того всему тому не подвержен, но каков был, таков всегда и будет. Великость его ни прибавиться, ни убавиться не может, равно, как и в прочих его свойствах никакой перемены не происходит, почему и называем мы сие его совершенство *непрерывностию Божеской*.

КЛЕОН

О, сударыня, конечно, это правда, что он великий, непостижимый, а при том всесовершеннейший Бог.

ФЕОНА

Вот, братец, не правду ли я тебе вчера говорила, что мы не знаем Бога? Сколь мало мы его еще знали братец.

Г. Ц**

Вы еще и теперь, мои любезные дети не все о нем знаете.

КЛЕОН

Как, матушка, не все, разве не все еще вы нам об нем рассказать изволили?

Г. Ц**

О, дети, вам еще много об нем знать надобно. Но сегодня уже нам некогда более говорить, видите уже поздно, пойдемте уже ужинать. Помните только, любезные дети все, что я вам сегодня ска-

звала. Это очень важно и вам никогда этого из памяти выпускать не надобно. Вы увидите после сами, как это для вас нужно.

ФЕОНА

Конечно, матушка, станем помнить, и я неведомо как вас теперь за то благодарю, что вы нас, таким образом, учите, какая это прекрасная наука.

РАЗГОВОР VII МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

Г. Ц** *(пришедши, вместе с Феоною в сад и увидев Клеона в углу одной аллеи на колени повергшегося, ему сказала)*

Что ты мой свет, здесь делал?

КЛЕОН, застыдившись.

Ничего, матушка.

Г. Ц**

Как ничего? Мы вот видели, что ты делал, на что тебе, мой свет, стыдиться? Ты не худое делал. Это очень хорошо, и я тому очень радуюсь, что в тебе такую чувствительность вижу.

КЛЕОН

О, матушка-сударыня, я вам все расскажу, что делал. В сад сюда я еще давеча пришел, и все ходил и о вчерашнем думал. И вы не поверите, сударыня, в какой ужас я пришел, когда себе представил, сколь велик и бесконечен наш Творец, а вспомнивши, что он везде и на том месте, где я стоял и подле меня был и меня видел в такой страх и ужас пришел, что не мог удержаться, чтоб не упасть пред таким великим Существом на землю и ему не поклониться.

Г. Ц**

Очень хорошо, мой свет, что ты это сделал, а так надобно и всегда делать, когда ты это вспоминать станешь. Вам, мои любезные дети и о том его просить надобно, чтоб он дал вам разум и понятие и сам бы вас научил, как вам жить, и делать то, что ему угодно. Я вам сказываю, мои светы, что хотя я вам и расскажу, однако это не поможет, и вы не можете сами собою одни то делать, ежели он вам помогать не станет. Одним словом, всегда ему это говорите: «Господи, научи нас так жить и то делать, что тебе угодно». И когда вы его таким образом просить станете, то ему будет очень приятно, и он, конечно, вам поможет.

КЛЕОН

Но, пожалуйста, сударыня, мне скажите, каким же образом он нас учить станет? Неужели он нам сказывать будет, что делать?

Г. Ц**

Нет, мой свет, он будет тебе помогать невидимым образом, и ты сам того знать не станешь, когда он тебя учить станет, проси только его о том.

ФЕОНА

И вы, матушка, не знаете, как он помогает и учит?

Г. Ц**

Он помогает в этом случае разными образами, и я вам скажу несколько примеров тому, но сядем наперед под этим деревом... он делает это двояким образом: во-первых не допускает он до исполнения худых и ему противных дел, например ты начнешь какое-нибудь худое дело делать, но он сделает, что ты вдруг опомнишься и вспомнишь, что это худо, и остановишься. Во-вторых подает он случай к хорошим делам. Ты, например, ходишь где-нибудь ничего не думаешь, или что-нибудь постороннее мыслишь: но вдруг попадется тебе какая-нибудь вещь на глаза, ты взглянув на нее вдруг получишь мысли о Боге, которые тебя либо к благодарности, либо к почтению к нему, либо к послушанию и тем к исполнению хорошего дела побудят, прочее тому подобное. Однако, знайте, мои любезные дети, что он нам одни только побуждения дать может, а принудить нас к хорошему или до худого по неволе не допустить никогда не может. И так зависит то от нас, хотим ли мы тем побуждениям следовать или нет.

ФЕОНА

Когда это так, матушка, то я стану стараться всегда примечать, и ежели со мною это случится, то конечно я не пропущу такого побуждения.

Г. Ц**

И не надобно, мой свет, пропускать. Ну, скажите же вы мне: все ли помните вы что вчера я вам сказывала.

ФЕОНА

Я все, сударыня, помню, и вчера долго не спала, но все о том мыслила, а особливо о вечности. Я мыслила, так как вы изволи-

ли сказывать, представляла себе оную гору песка и то бесконечное множество веков, и многожды в изумление приходила. Наконец подумала я, матушка, когда бы такую длинную жизнь иметь могли, как Бог имеет, как бы это хорошо было!

КЛЕОН

И я, матушка, о том же давеча думал.

Г. Ц**

Что же хотели ли бы вы такой длинной жизни?

ФЕОНА с КЛЕОНОМ

Конечно, сударыня, как бы не хотеть!

Г. Ц**

Так знайте же, что вы действительно такую жизнь иметь будете.

ФЕОНА

Что это изволите вы говорить, матушка? Разве мы не умрем? Как бы я этому рада была!

Г. Ц**

Что ты, моя радость, так смерти боишься. Ее бояться никогда не надобно. Вы хотя и умрете, но жить никогда не перестанете. Мы живем, мои светы, душою и я вам вчера сказывала, что тело наше вещественная вещь и жизни не имеет, а душа никогда умереть не может, но так же бесконечно жить станет, как Бог живет.

КЛЕОН

И вовсе это бесконечное множество лет жить она станет?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, однако немного этому радуйтесь. Хорошо, ежели вы такое бесконечное множество лет жить станете, но сия жизнь счастлива и благополучна была. Но что будет, если сия ваша бесконечная жизнь несчастна и так мучительна будет, что вы с превеликой радостью умереть хотели бы, но не умрете, а во веки веков несноснейшей жизнь иметь будете.

ФЕОНА

Боже нас сохрани от этого, матушка.

КЛЕОН

А меня и одни мысли о том приводят в трепет.

Г. Ц**

Со всем тем сие, скорее всего сделаться может, любезные дети, ежели вы сами не остережетесь, то неминуемо в сие несчастье попадете, от которого уже и освободиться не можно будет.

ФЕОНА, ужаснувшись.

О, сударыня, вы меня ужасно как этим испугали. Я в трепет прихожу, как скоро о том подумаю. Извольте же нам сударыня сказать, как нам остеречься и до того себя не довести.

Г. Ц**

Я вам расскажу, как это сделать можно. Вам надобно, мои светые, знать, что Бог нас не для нынешней, но для той бесконечной жизни создал, о которой вы слышали, и создал нас с тем, чтоб мы в эту бесконечную жизнь счастливы были, и она бы нам крайне веселая и благополучная была. Однако неисповедимой его воле угодно было не прямо нас в сию благополучную жизнь ввести, но он вложил душу нашу наперед в сие тело и определил, чтоб мы с сим телом назначенное им некоторое число лет жили на земле, и себя к той блаженной жизни наперед приготовили.

ФЕОНА

Как, матушка, приготовили?

Г. Ц**

Так, мои любезные дети, как я вам намнясь сказывала, то есть: он, посадив нас сюда на землю, дал нам на волю делать, то, что хотим доброе и худое. Однако же приказал, чтоб мы живучи здесь делали все то, что он предписал, и что ему угодно, за то обещал он бесконечное блаженство. И так, мои любезные дети, ежели мы живучи на земле станем так жить, как он велел, то он после смерти сделает нас счастливыми, и мы станем жить с ним вместе бесконечно и неописанным блаженством наслаждаться. Напротив того ежели не послушаем, и жить станем не так, как он велел, а так как нам хочется, то мы того не получим, но вместо блаженства во всю ту бесконечную вечность такую мучительную жизнь иметь будем, какую никак себе вообразить невозможно. Таким образом, видите сами, что та будущая жизнь будет по нынешней учреждаться, и какова была сия, такова и та будет.

ФЕОНА

О, как не хотеть так жить как Богу угодно, и такого блаженства получить не желать. Не с ума ли тому человеку сойти надобно, который бы того не захотел, но самовольно до такой пагубы себя доводить вздумал?

Г. Ц**

Совсем тем не дивись этому, мой свет, таких людей...

КЛЕОН

Неужели есть такие люди, матушка?

Г. Ц**

И очень много мой свет, напротив того таких, которые добродетельно и так живут как Богу угодно очень мало.

ФЕОНА

Возможно ли, матушка, чтоб они так глупы были и себе добра не хотели?

Г. Ц**

Со всем тем как ты тому не дивишься, однако это так, и я вам рассказываю, бойтесь и вы чтоб и вам сотоварищами им не сделаться и числа их не приумножить.

ФЕОНА

О, Боже нас от того избавь, матушка.

КЛЕОН

Никак, сударыня, я таков глуп, конечно, же не буду.

Г. Ц**

Не говорите того, любезные дети, вы рассуждаете по теперешней вашей чувствительности. Но вы еще молоды и сами себя коротко не знаете. Вы не знаете тех обстоятельств, в которых человек находится. Сие всего легче с вами сделаться может.

ФЕОНА

Какие же это обстоятельства, матушка? Пожалуйста нам и об оных скажите (*целует у матери руку*).

Г. Ц**

Я бы вам сказала, моя радость, но этого будет много, и мы о том в другое время и тогда говорить станем, когда очередь до человека дойдет, и я вам о нем рассказывать буду. Вы о нем ничего не знаете, и для того теперь я вам только то скажу, что хотя Бог и сделал че-

ловека таким, чтоб он доброе больше любил, нежели злое, и пользу свою вреду предпочитал и все то охотно делал, что Богу угодно. Однако, знайте мои любезные, что этот человек при одном случае Бога не послушав, себя ужасно повредил и от того сделался уже несовершенным, стал злое любить больше нежели доброе, вред предпочитать пользе, а к исполнению воли и приказаний божеских получил великое нехотение, и ему уже все то трудно и тяжело сделалось, что Бог делать велит. А с такими обстоятельствами мы уже и все на свете родимся, и потому теперь таких людей много, которые самовольно в вечную пагубу себя приводят.

ФЕОНА

О, как бы мне хотелось, сударыня, все сие обстоятельнее знать. Однако что делать, буду уже терпеть до того времени, а теперь только прошу, пожалуйста матушка, скажите нам, в чем же бы трудность состояла, о которой вы упомянуть изволили.

Г. Ц**

В том, моя радость, что человеку надобно себя неволею принуждать к исполнению того, что Бог хочет, а от природы он к тому почти не способен. От природы он, мои любезные дети, более к тому склонен и более к тому охоты и желания имеет, что Богу противно, как например: и вы сами, мои светы, более к резвостям, к шалостям, к сердцу, к брани и прочему склоны, нежели к доброму, и такому что Богу приятно. А и все люди таковы. Они более к злу, лени, суетностям и ко всяким порокам и беззакониям склонны, нежели к добродетелям, и почти всякое доброе дело они неохотно делают. И для того надобно человеку необходимо от того отставать, что ему приятно, одолевая свои склонности, истреблять любимые охоты, и более Бога, нежели своего сердца слушать. А ко всему этому надобно ему себя принуждать, а сие то принуждение ему и тягостно и тяжело кажется.

ФЕОНА

Когда только в том вся трудность состоит, сударыня, чтоб самих себя принуждать, то я уж, конечно, сама на себя смотреть не стану. И хотя бы это принуждение меня и до слез доводило, однако я и на то не погляжу, но всегда себе представлять стану, что получение бесконечной и блаженной жизни дороже мне всего, и того конечно

стоит, чтоб я себя временем принуждала и не то делала, что мне хочется, но то, что Богу угодно.

КЛЕОН

А я, матушка, все свои худые охоты брошу и от всех привычек отставать стану, которые Богу противны, как бы мне то тяжело не было.

Г. Ц**

О, любезные дети, какое бы хорошее дело вы сделали, есть ли бы это исполнить твердое намерение взяли, а я вам напротив того скажу, что вся сия трудность только при начале тех дел бывает, и чем чаще будешь делать, тем легче то становится, и наконец никакого труда уже в том не будет. А хотя бы и того не было, то одно то себе, любезные дети, представьте, тысяча ли лет или один год лучше? Сто ли лет или бесконечное множество веков дороже? Наша здешняя земная жизнь как бы долга не была, однако все она против будущей бесконечной жизни ничем почестся может. Пускай положить 60 или 70 или 100 лет она будет, но что это против того бессчетного и бесконечного множества лет, которое вам после смерти жить будет? И так сами, любезные дети, рассудите, что лучше, сто ли тет весело и по своим прихотям, а бесконечное число лет в несносном мучении и горести жить, или в эту короткую земную жизнь несколько трудов претерпеть, а после нескончаемою и блаженною жизнью наслаждаться?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, что может нынешняя жизнь значить! Я бы ее и всю в величайшей горести и несчастье прожить охотно хотела, если бы только знала, что мне за то вечная и блаженная жизнь дастся.

Г. Ц**

Да не надобно еще и того, моя радость. Бог требует, чтоб мы только прямое и твердое намерение возымели так жить, как ему угодно, и исправлению своему только начало учинили и прямо стараться о том начали, а то он сам уже помогать и нас до блаженной жизни доводить стараться хочет, да не довольно еще того, любезные дети, он обещает таким людям не только в будущую жизнь блаженство, но и в нынешнюю земную жизнь всякое благополучие, и во всех их делах успех делать.

КЛЕОН

Чего же нам лучше этого хотеть, матушка? Мы, сударыня, конечно, станем стараться с сестрицей то делать, что ему угодно.

Г. Ц**

А я вам, любезные дети, сказываю, что вы еще больше к тому охоты получите, когда все что надлежит о Боге, узнаете. Вы увидите, какие он к нам милости оказывал и сколь его любовь к нам велика и тому более еще удивитесь. Но прежде надобно мне вам вчерашнее докончить.

ФЕОНА (*с Клеоном вместе целуя у матери руку*).

Извольте, сударыня!

Г. Ц**

Вчера рассказывала я вам каков Бог существом своим, и описывала его бесконечную величину и вездесущие, так же сказывала я вам, что он живое, духовное и разум и волю имеющее Существо. А теперь вам, любезные дети, расскажу, какая разница между его и нашим разумом находится, как малы пред Богом мы, так мал и разум наш пред его разумом. Каков он сам бесконечен, таков бесконечен и разум его. Возьмем в пример наш разум и поговорим о нем, сколь человеческий разум ни мал, но и он нас часто в удивление приводит, каких вещей не может он выдумать, и не говорим ли мы часто, куда как мудрен сотворен от Бога человек? Но пускай он будет довольно велик, и положим ему, например, какую-нибудь величину, теперь умножайте эту величину, любезные дети, например, Василий умен, Петр его вдвое умнее, Григорий во сто раз обоих, а Иван в тысячу раз всех их умнее был бы, или положите, чтоб этот разум был вдвое, потом втрое, потом вдесятеро, там всотеро, а наконец в тысячу раз лучше. Ведь он довольно уже велик будет? Однако все еще умножить его можно. Можно еще в десять, во сто, в тысячу, в миллион, в тысячу тысяч миллионов раз, но все его еще более умножить можно. Но это все еще мало, надобно больше. Теперь мы его только с минуту времени говоря умножали, станем мы например его целый день, целый год беспрестанно миллионами умножать, однако, хотя бы мы целый миллион лет говорили и его умножали, и каков бы бесконечно велик он тогда бы не был, однако все сие, любезные дети, ничто против божеского разума. Этот

можно все еще прибавить, а божеский разум так велик, что к нему прибавить уже ничего невозможно.

ФЕОНА

Я, сударыня, все с вами мыслила, однако такого разума представить себе не могу, к которому бы ничего прибавить было не возможно.

Г. Ц**

А потому, мой свет, божеская премудрость, или разум и непостижимым называется, что его никак понять и постигнуть невозможно. Довольно он бесконечно велик и о величине его можете вы лучше по величине божеского существа заключить. Представьте себе как велику нашему разуму быть надобно. Находится он в душе нашей, а душа как велика, того хотя я теперь вам и не скажу, однако вы по крайней мере заключить можете, что она не больше всего тела нашего, например: вы сидите теперь здесь и разумом думаете, но этого разума в хоромаш или в городе теперь нет, но он в вас, да и в тебе например Феона, не во всей он. Ты сама в себе чувствуешь, что рука или нога твоя не мыслит, а напротив того сама в себе ощущаешь, что мыслит в тебе нечто в голове, следовательно и разуму твоему и душе в одной голове быть надобно, да и в той не во всей ты ощущаешь, и тут, что нос, уши, глаза, борода или затылок твой не мыслит, а надобно мыслям в передней и верхней части головы быть, а велика ли и вся сия часть головы?

КЛЕОН

Поэтому, сударыня, и душа наша в голове?

Г. Ц**

Надобно думать, мой свет, что в голове, потому что мыслит в нас не тело, а душа, а мы чувствуем, что сии мысли у нас в голове происходят и так, видите, что душе нашей не очень великой быть можно, однако и в ней такой удивительной уже разум, рассудите же, какому великому разуму быть надобно в таком Духе, который так велик, что нигде себе пределов и конца не имеет.

ФЕОНА

Да, сударыня, очень велику.

КЛЕОН

Да разве он, сударыня, во всем, Бог.

Г. Ц**

Во всем, моя радость, где есть Бог, там есть и его разум. Он, например, здесь, он здесь и мыслит. Он и на небе, он там мыслит, одним словом, как он не велик, он всем собою и вдруг мыслит.

ФЕОНА

Это правда, что непостижимая его премудрость.

Г. Ц**

Вы ее еще мало знаете. Я вам о разуме божеском только в рассуждении его великости рассказала. А как божеская премудрость велика, вы увидите тогда, как мы о том станем говорить, с какой премудростью свет и все вещи на нем сделаны. Но это не принадлежит к сегодняшнему нашему разговору, а теперь я вам расскажу, чем только разум божеский от нашего отличен. Вам надобно знать, что он не так думает, как мы.

ФЕОНА

Как же , матушка?

Г. Ц**

Совсем не так, любезные дети. Мы мыслим о каждой вещи особю, а он нет, но обо всех вещах вдруг. Например, мы станем теперь об этом дереве мыслить. Вот мы мыслим только о нем, а другого у нас ничего на уме нет. А как скоро мы о чем-нибудь другом мыслить станем, например, об этой беседке или о сем розовом кусте, тогда в нас уже прежней мысли о древе нет, но в нас уже мысль об одной беседке или кусте. И так у нас всегда по одной только мысли бывает, а две или три мысли или многие вдруг, никак нам мыслить не можно, понимает ли себе это дети, представьте себе сие хорошенько.

ФЕОНА

Я, сударыня, понимаю. Вот и это также, например, я стану теперь думать о Москве и я думаю о ней, но в то же время ведь не думаю о Петербурге. Но как скоро я о Петербурге стану думать, то уже о Москве не думаю, и так у меня одна какая-нибудь мысль на уме, либо о Петербурге, либо о Москве, а не обе вместе.

КЛЕОН

И я, матушка, это понимаю, например, когда думаю о вас, то не думаю уже о сестрице, а когда о сестрице стану думать, то уже о вас думать перестану не так ли матушка?

Г. Ц**

Так мои, любезные дети, а Бог не так думает. он думает и об этом дереве и беседке и о розовом кусте и о Москве и о Петербурге и обо мне и о вас и обо всем этом он вдруг, а не по одиночке думает. Да не только о сих вещах, но и обо всех вещах что ни есть на свете он думает вдруг и обо всех их знает. Например, не только о солнце, о месяце и о звездах и о земле, но и обо всем, что на небе и на земле есть и делается, например, не только обо всех землях, городах, деревнях и дворах, но и о каждом человеке, скотине, дереве, одним словом, что ни есть на свете, он вдруг и разом думает.

КЛЕОН

И об этой мушке, матушка, он думает, что вот теперь по руке у меня ползает?

Г. Ц**

Конечно, моя радость и не только об этой мушке, но вот и об этой травинке, да что я говорю, и о каждой этой песчинке, мои любезные дети, и обо всех песчинках и пылинках, что ни есть на свете, он думает и думает еще вдруг и в тоже самое время, когда он о человеке, скоте и прочем думает.

КЛЕОН (*удивляясь*)

О, сударыня, какой это разум у Бога!

Г. Ц**

Велик и постижим, мое сердце, но вы еще больше удивитесь, когда о его знании узнаете. Например, вот ухвачу я горсть песка с этой дорожки. Скажите вы мне, знаете ли вы, сколько в моей горсти теперь песчинок?

ФЕОНА

Почему, сударыня знать, ведь я не считала их, я думаю вы сами, матушка, не изволите знать.

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и не только я, но и ни один человек на свете того не знает. И я вам это только для того говорила, чтобы вы лучше могли увидеть, как наше знание пред божеским мало, и какая между ними разница.

КЛЕОН

А Бог, матушка, разве это знает?

Г. Ц**

Не только знает, сколько их счетом, но он ведает и то, как каждая песчинка лежит стоймя ли, ребром ли, или боком, и не только он знает, сколько в моей горсти, но он ведает, сколько и во всем свете их.

КЛЕОН

И о людях, матушка также он знает.

Г. Ц**

Как, моя радость, не знать, когда уже он о таких последних и малых вещах, как например, о песчинках, травинках, мушках и червячках знает, то как ему не знать о человеках, для которых он все это сделал. Он не только, мои любезные дети, знает, сколько их счетом, но знает сколько и волос у каждого а голове, и не только это, но знает, что каждый из них делает, говорит, думает и желает.

ФЕОНА

О, матушка, вы меня в изумление приводите!

КЛЕОН

А я, сударыня, теперь уже и то понял, почему это так делается, о чем я сего дни поутру сомневался, мне давеча вспомнилось, что вы нам намнясь еще сказывали, что он обо всех людях знает. Но я, сударыня, думал, как этому возможно стать, ведь на свете людей много, то, как Богу обо мне теперь думать? Может быть, он теперь о ком-нибудь другом думает, а до меня очередь еще и не скоро придет. Но я, сударыня, того не знал, что у Бога такой разум, которым он обо всех вещах вдруг думает, и теперь тому рад, что это знаю.

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и ты это твердо себе в память затверди и всегда помни. Я вам скажу, любезные дети, что это вам великую пользу в жизни вашей принесет.

КЛЕОН

А какую, сударыня? Пожалуйте нам скажите.

Г. Ц**

Когда вы это станете всегда помнить, то вы не будете так глупы, как многие другие люди, которые этого не зная и не помня, великие погрешности делают, и от того в несчастье приходят.

ФЕОНА

Каким же образом, сударыня, это делается?

Г. Ц**

Они, любезные дети, не зная того, почему Бог все на свете знает, сами в себе думают, Бог де на небеси и далече, и оттуда де как ему все видеть и знать, что мы делаем, а для того и самые величайшие беззакония и Богу противнейшие дела делать не боятся. Но вот еще какая в них глупость есть, любезные дети. О иных делах они сами знают, что они худы, самих их совесть убивает, но они на то не смотрят. Но производят сии дела еще в тайном или сокроуенном месте, и так чтоб их люди не видели. Таким образом, сами вы рассудите, не крайняя ли эта их глупость и не смешно ли это? Хотят от людей утаиться, а то позабывают, что от Бога никак и нигде им утаиться не возможно.

КЛЕОН

О, матушка, я сам часто так думал и много кое-чего тайком от людей делал, а с сего времени, конечно, уже стану это помнить.

Г. Ц**

Ежели бы я не знала, что это для вас надобно так бы я вам, любезные дети и не говорила. И так, вы можете сами теперь рассудить, не великая ли вам это подпора при исправлении вашем будет? Например: ты, станешь, какое-нибудь худое дело предпринимать, но вдруг вспомнишь, что хотя ты это от людей и утаишь, но от Бога никак не скроешь, и что он везде и подле тебя, и все что ты делать ни станешь, увидит и узнает. А вспомнивши, что это дело ему противно и он за это накажет и тебя несчастным сделает, того, мой свет, и делать не будешь.

ФЕОНА

Конечно, матушка, вы самую правду говорите. Я как бы скоро это вспомнила, то без всего бы того делать не стала, как бы мне того не хотелось.

Г. Ц**

И с добрыми делами так же вам и в рассуждении их это помогать станет. Например: тебе вздумалось бы или случился случай какой-нибудь хорошее дело сделать, однако либо лень вам мешать стала, либо тяжело и неприятно это вам показалось, но ежели вы

вспомните, что Бог подле вас и ежели вы сделаете то, он конечно это узнает и вас за то наградить не преминет. А напаятовав при том, что это дело не только ему приятно, но он его делать и приказывает, вы его, любезные дети, и послушаетесь и то сделаете.

ФЕОНА

Поэтому подлинно матушка великая польза от того произойдет, ежели всегда это памятовать.

Г. Ц**

И не только это, но и кроме сего и другая польза от того бывает. Например: такой человек, который сего не знает и не помнит, не может никогда спокойным быть, он либо того, либо другого беспрестанно опасается и боится. А для того, чтоб он не удостоверен, что Бог так подле нас близко и ему при всяком случае помощь свою подать или от какого несчастья защитить может. Почему такие люди в превеликое малодушие и трусливость впадают. Как скоро им в каком-нибудь опасном месте быть или ехать случится, и того в превеликий страх, а иногда и в совершенное отчаяние приходят. Напротив того, ежели кто в том твердо удостоверен, что Творец его везде и на всяком месте есть, и куда бы он ни пошел, и где бы ни был, везде он с ним и подле его находиться, тот уже никогда в такое малодушие впасть не может, но помня всегда присутствие божеское, а притом ведая, что он про него знает, никаких опасностей не боится, и для того при всяком опасном случае скорее всего к Богу прибегает, и его как тут находящегося о помощи просить и на него уповать.

КЛЕОН

О, сударыня, стану же и я это всегда делать и знанию божескому удивляться.

Г. Ц**

Я вам еще не все, любезные дети, об оном рассказала. Разум и знание божеское еще одним от человеческого отлично. Мы можем только настоящее или прошедшее, или о будущем думать, а он и это все вдруг думает. Например: когда мы о том думаем, что теперь делается, как например, что мы в саду и между собой разговариваем, то мы уже не думаем, что вчера, третьего дня или за год перед сим делали.

КЛЕОН

Да мы, матушка, вспомнить можем.

Г. Ц**

Это так, мои светы, однако когда мы вспомним, что тогда с нами делалось и о том станем думать, то мы уже об теперешнем не думаем. Или когда станем думать, что мы завтра или через неделю будем делать, тогда уже ни о настоящем, ни о прошедшем не думаем. А Бог, любезные дети, как о том, что прежде сего делалось, так и о том, что и впредь будет делаться, думает так как о теперешнем и все вдруг и одним разом. Ему не надобно наперед о том думать, что вчера ты делал, а потом, что сестра или я вчера или намнясь¹⁰ делала. Но он это все вдруг думает, и не только, что вчера или завтра, но что, например за тысячу лет вперед будет.

КЛЕОН

Поэтому-то ажно он, сударыня знает, что со мной во всю мою жизнь делаться будет.

Г. Ц**

Потому-то, мой свет, и ты это всегда помни, а при том и того не забывай, что он не только будет знать, что ты делать, но и мыслить и говорить станешь, и для того надобно всегда на его волю полагаться и никогда того не говорить, для чего надо мной то или другое делается, но быть всем и всегда довольным. Для того, что мы не знаем, что для нас во вред или в пользу служить будет, а знает только то один Бог.

ФЕОНА

Так, матушка, и я буду стараться всегда довольной тем быть, что Бог ни соблаговолит со мною сделать.

Г. Ц**

Похвальное это будет дело, моя радость, а сверх того не мало и к благополучию твоему поспешествовать будет. Но теперь уже поздно, любезные дети, время нам перестать, а завтра расскажу я вам о воле божеской, так как сегодня о разуме рассказывала. Пойдемте, мои светы, и походим несколько по аллеям, а потом сходим в рощу. Ужинать еще рано, а время только такое чтоб гулять.

КЛЕОН

Извольте, сударыня, к тому же мы давно в своей роще не были.

ФЕОНА

А я, сударыня, пойду между тем в хоромы и велю стол приготовить.

РАЗГОВОР VIII МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

ФЕОНА, *пришедши в сад, нашла брата своего на одной травяной площадке лежащего, и увидев, что он на траву пристально смотрит, его спрашивает:*

Что ты братец это смотришь?

КЛЕОН

Пойди сестрица ко мне и сядь подле меня. Я смотрю здесь на диковинку, и ты вместе со мной посмотри.

ФЕОНА (*сев подле него*).

Что бы это такое было, братец?

КЛЕОН

Посмотри, сестрица на этот голубой и на этот аленький цветок, как они прекрасны, как нежны и как хороши, ни лучший мастер таких сделать не может. Ты, сестрица, хотя и хорошо цветки делаешь, но сии тысячу раз всех твоих лучше.

ФЕОНА

Конечно, братец, лучше и мне где такой сделать, сии цветки природные, и их Бог сделал.

КЛЕОН

Тому-то я и удивляюсь, сестрица, мне вспомнились вчерашние матушкины слова о божеской мудрости и я долго на цветки смотря думал, и чем более на них смотрел, тем более в удивление приходил. Посмотри только, сестрица. Стоят они недалеко один от другого и на той же земле. Каким же образом они так различны? Они совсем один на другого не походят. Один, видишь, голубой, а другой аленький, — от чего бы это так было? А к тому же и листочки на них разные, на том кругленькие, а на этом узенькие. А вот сколько еще и на одном этом цветочке разных полосочек, иная полосочка черненькая, иная желтенькая, а иная беленькая. Но как же, сестрица, ведь весь цветок на одном стеблишке вырос, а это стеблишко зеленое, откуда же взялись сии разные краски?

ФЕОНА

Да, братец это очень мудро сделано.

КЛЕОН

Да так мудро, сестрица, что из одного этого цветка можно уже заключить, что тому мастеру очень мудрому быть надобно, кто такую диковинную вещь сделал, и матушка правду нам изволила сказать, что божеская премудрость бесконечна.

ФЕОНА

Но хотелось бы мне, братец, знать, как это Бог делал и чем, ведь у него рук нет?

КЛЕОН

Я, то же, сестрица, думал, и мне хотелось, еще знать из чего это он делал. Вы, например, делаете цветки из шелку, из бумаги или иного чего, а сии цветки из чего сделаны, я уже не понимаю.

Г. Ц** (*которая, пришедши так же в сад и увидев детей своих разговаривающих, нарочно для слушания их разговоров за шпалеру притаилась, и до сего времени их слушала*).

Я вам скажу из чего и чем, любезные дети.

КЛЕОН (*вскочив*).

А, матушка, когда вы это пришли сюда, сударыня? Мы, сестрица, так с тобой заговорились, что и не заметили как матушка к нам пришла.

Г. Ц**

Сидите, сидите дети, я сама подле вас здесь сяду, я пришла сюда еще давеча и все вас слушала и тем очень довольна, что вы, таким образом, между собой говорите, поцелуйте меня за то, мои светы.

КЛЕОН, целуя у матери руку.

Я, сударыня, дивился и говорил об этих цветочках с сестрицей.

Г. Ц**

Это очень хорошо, я это все слышала, слышала и то, что вам знать хочется, и я хочу теперь ваше желание удовлетворить. Бог сделал сии цветки, любезные дети из ничего и не только их, но и весь свет он из ничего сотворил. А каким образом и чем он делал, это вы узнаете, когда о его всемогуществе услышите. Вчера рассказывала я вам о его всеведении, то есть: о его разуме и знании. А сегодня буду уже и о его воли говорить, и вы увидите, любезные

дети, что и она также от человеческой отлична, как его разум и премудрость.

ФЕОНА

Извольте, матушка-сударыня.

Г. Ц**

Вот видите, мои светы, ежели мы что-нибудь взять или делать хотим, то прежде мы о том подумаем, а там захотим, а потом уже посредством своих членов то и в действо приведем. Следовательно, ко всякому делу надобно не только хотение, но и действие членов, понимаете ли вы это мои дети?

КЛЕОН

Пожалуйте, сударыня, скажите мне это каким-нибудь примером.

Г. Ц**

Вот как, моя радость, например: мне хочется теперь этот цветок к голове пришпилить, которой на сем цветничке стоит, но он сам ко мне не прилетит, а мне надобно наперед встать, к нему подойти, его сорвать, сыскать булавку, а потом уже к голове пришпилить, и все это надобно душе делать, для того, что ноги мои сами не пойдут и руки не станут делать, ежели душа ими действовать не будет. И так, надобно ей прежде те члены или так сказать инструменты в моем теле в движение привести, которые меня с земли поднимут. Потом надобно ей мои ноги в движение приводить, чтоб они шли, потом руки сгибать и так поворачивать, чтоб они этот цветок ухватили и сорвали, а наконец уже чтоб взяли булавку и пришпилили. А ежели бы всего этого не делать, то бы и цветок пришпилен не был, а остался на своем месте и таким образом и все мы дела делаем.

ФЕОНА

О, матушка, сколько ажно душе дела, да как же мы этого, сударыня. не знаем.

Г. Ц**

Так уже Бог, любезные дети, сделал, что мы этого не замечаем, к тому же я только вам одну поверхность сказывала, а ежели бы вы в том ведали, какое бесчисленное множество машин в нашем теле, и какое множество пружин, мышек¹¹ и других орудий для одного того душе нашей в движение приводить надобно, чтоб рука наша

поднялась или чтобы нога согнулась, то бы в превеликое удивление пришли и сами бы увидели, что хотя бы души нашей о том и знать, и когда бы разума нашего столько не было, чтоб все сии ее действия понять и разуместь.

КЛЕОН

К чему же, матушка, изволите вы это нам сказывать?

Г. Ц**

Для того, чтоб вы разность между нашей и божеской волей лучше понять и усмотреть могли, потому что такие труды и действия для исполнения всякого дела только нашей воле предпринимать надобно, а Богу, любезные дети, всего того не надобно. У него всех этих членов, то есть ни рук, ни ног нет, так и действовать нечем, а делает он все одной только волей, а не так как мы со вспоможением нашего тела и членов. он, например, чего-нибудь захочет только, так тотчас то и сделается. Например: ежели бы хотелось вам, чтоб этот камень, что здесь подле беседки лежит, Бог в Петербург перенес, то ему не надо его ни поднимать, ни нести не надобно, но он только бы захотел, чтоб этот камень там был, так он там и очутится.

КЛЕОН (*удивившись*).

О, сударыня, какая ажно у Бога воля.

Г. Ц**

Погоди! Ты еще больше удивишься, моя радость. Воля божеская от нашей не одним тем разнится, но она и в рассуждении могущества и силы нашей отмена. Наша воля не все может сделать, а много ей и не возможного есть и она делает только то, к чему в ней силы и могущества довольно, но этой ее силе пределы положены, а потому она того и сделать не может, что ее силы превосходит.

КЛЕОН

Как это матушка, я сударыня этого не понял?

Г. Ц**

Вот как, мои светы, камешек этот с места поднять на другое отнести, или давешний цветок сорвать потому мы можем, что в воле и в душе нашей довольно к тому силы находится, а к чему в нас силы нет, того хотя бы нам хотелось, но сделать не можем. Например: вот стоит вишня и цветет, нам бы хотя и захотелось, чтоб вишни на ней теперь спели, но можем ли мы это сделать?

ФЕОНА

Как сударыня это сделать!

Г. Ц**

А потому, моя радость, не можем мы этого сделать, что в воле нашей к тому силы нет, и что сие ее силу превосходить, как например, мы не можем сделать, чтоб в сию минуту мы в Москве или в Петербурге очутились или бы вот, чтоб сия юбка из голубой алой вдруг сделалась, а такого, любезные дети, очень много, чего мы сделать не можем.

КЛЕОН

Конечно, сударыня, я мало ли бы чего хотел, но так не делается. Например, я бы хотел, чтобы хоромы наши теперь каменными палатами сделались¹², но возможно ли этому статься?

Г. Ц**, усмехнувшись.

Добро, мой свет, мы живем и в деревянных. Но, слушайте, к чему я вам это сказала, и так видите вы, что мы не все можем сделать, а Бог напротив того, любезные дети, может все сделать. Для него ничего не возможного нет. он бы, например захотел, чтоб на этом месте, где мы сидим, вместо земли и травы вода сделалась, то тотчас бы она и была. он бы захотел, чтоб на этой яблоне теперь же яблоки спели, они бы тот час и выросли, а таким образом и все, что вы не вздумаете, Бог может сделать, и на все лишь только одно его хотение надобно.

ФЕОНА

Так поэтому, матушка, он и свет таким же образом сотворил?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, он лишь только захотел, чтоб он был, так он и сделался.

КЛЕОН

О, матушка, так он его недолго делал, и очень скоро. Куда это какая всесильная у него воля!

Г. Ц**

Недолго, мой друг, и ты сам рассуди, долго ли чего захотеть, а ему более ничего и не надобно было. он не всякую вещь поособно делал, и ему не надобно было, например: сперва это, а потом другое дерево, а там третье делать, но он их всех вдруг сделал.

ФЕОНА.

О, сударыня, вы разобрали теперь анамняшный¹³ спор с братцем. Помнишь ли, братец, как мы с тобой говорили, каким образом Бог солнце или небо делал?

КЛЕОН

Да, сестрица, теперь я сам уже вижу, более в том не сомневаюсь, но пожалуйста мне матушка еще растолкуйте, из чего Бог свет и все сделал.

Г. Ц**

Я вам и сие растолкую, мои светы, и вы знаете, что наша воля и в этом случае от божеской отлична. Человек сам собою не может никакой вещественной вещи сделать, а это один только Бог сделать в состоянии.

КЛЕОН

Как, матушка, такой вещественной вещи, о каких вы нам третьего дни сказывать изволили? Я, сударыня, помню что вы вещественными вещами такие называли, которые либо видеть, либо руками ухватить можно.

Г. Ц**

Да, друг мой, такой.

КЛЕОН

И, матушка, когда такой, так разве не мог бы я давешних палат построить, ежели бы у меня деньги были, я бы их неведомо какие сделал, а они, сударыня, ведь вещественная вещь.

Г. Ц**, рассмеявшись

Опять стала ты, но посмотрим, как же ты, мое сердце, палаты строить стал ни из чего?

КЛЕОН

Так же бы, сударыня, я бы нанял каменщиков, накупил бы камней, извести, велел бы навозить песку, а потом бы и класть начал.

Г. Ц**

Так из кирпичей же бы ты их стал делать. Но кирпичи-то кто сделал.

КЛЕОН

Люди же, сударыня, а я и сам видел, как кирпичи делают, и мог бы сам по нужде кирпич сделать.

Г. Ц**

О, глуп ты еще мой друг! Как ты это все не рассудишь, ты ведь бы их стал делать из глины, а глину, песок и камни можешь ли ты сам сделать?

КЛЕОН

Да, матушка, я ошибся, и о том не рассудил.

Г. Ц**

И так, знай, мой свет, что не только палаты, но ни одной пылинки сделать мы не в состоянии. А что мы делаем, то делаем уже из других вещей, которые уже есть на свете. А вновь и такого чего на свете нет, мы ничего сделать не можем. Богу же, любезные дети, других вещей не надобно, но он сделать из ничего все может. и сие приносит уже с собою его совершенство. А таким образом он и свет из ничего создал.

КЛЕОН

А из сделанных вещей может ли он что сделать, сударыня?

Г. Ц**

Как же ему не мочь, когда уже он из ничего все сделать может.

ФЕОНА

По крайней мере, думаю я, матушка, что нам что-нибудь в ничто обратиться можно.

Г. Ц**

Ни синего же пороха¹⁴, моя радость! Как мы ничего нового сделать, так ничего и сделанного в ничто обратиться не можем, а и это только один Бог может.

ФЕОНА

Да как же, матушка, например: когда мы зимой печи топим, то сколько деревьев тут сгорает, ведь сии поленья в ничто обратятся и их уже не будет?

Г. Ц**

Никак, мой свет, поленьев хотя не будет, и нам так кажется, что они пропадут, но в самом деле из них ни синя пороха ни пропадет. Вы не знаете еще как деревья и прочие вещи сделаны, и не ведаете того, что огонь сделать может. О чем вы после услышите, а теперь я вам скажу, что дерево составлено все из маленьких частичек и сии только между собою связаны. А огонь сию только между ими связь разрушает, а из частичек ни одна не пропадет.

КЛЕОН

Да куда же они, матушка, денутся?

Г. Ц**

Иные, мой свет, останутся в угольях, и из них сделается зола. А иные, которые легче, дымом в воздух выходят. И так они все в свете и ни одна из них не пропадет.

КЛЕОН

О, сударыня, как мудрено поэтому все сделано, и мог бы я подумать, чтоб так и с поленом было?

Г. Ц**

Это еще не великая диковинка, мой свет, и ты гораздо больше удивишься, когда я вам обо всей натуре рассказывать стану. Но теперь не надобно нам отставать от давешней речи. И так, видите, любезные дети, чем воля божеская отлична от нашей. Мы делаем во-первых все вспоможением нашего тела. Во-вторых, нам не все сделать можно, но много невозможного есть. А, наконец, мы вновь и из ничего сделать никакой вещи не можем. А Бог, напротив того, все и из ничего сделать может и ему ничего не невозможного нет. Не видите ли из сего, что Бог всесилен, и его воля такова же бесконечно велика, каков он сам бесконечен. он из ничего весь свет создал, и ежели ему угодно будет, он весь свет в ничто обратить может.

ФЕОНА

О, матушка, вы меня в ужас приводите.

Г. Ц**

Конечно, так, моя радость, ежели он захочет, чтоб мы теперь на этом месте пропали, то и дух наш не помянется. Однако бояться этого не надобно, мои любезные дети. Бог каков всесилен, таков же и милостив и напрасно никого не погубит. Но напротив того надобно только всегда это помнить, и никогда таким великим и всемогущи Богом не шутить. Но вспоминая, коль мы пред ним малы и не мощны, его бояться и от часу более почитать и его слушать стараться надобно.

ФЕОНА

Конечно, сударыня, и я с сего времени всегда стану об нем с почитением говорить и мыслить и ему всеми моими силами угождать, и его послушать стараться.

Г. Ц** Сие тебе самой, Моя любезная, в пользу обратиться. И такой человек, который о всемогуществе и везде присутствии божеском удостоверен, имеет великие пред тем преимущества, кто сего не знает, или будучи в том не твердо удостоверен, никогда о том не мыслит.

КЛЕОН

Какие же бы это преимущества, матушка, были?

Г. Ц**

Многие, мой свет, и я вам скажу только несколько примеров. Например, первый может здесь и на земле благополучно, весело, спокойно и не смущенною жизнью наслаждаться, и сие скоро себе приобрести. Напротив того, другой никогда этого сокровища не найдет, но всю свою жизнь в беспрестанных заботах, сомнениях, печалях, суетах и беспокойствах препровождать принужден, и никогда прямым благополучием наслаждаться не может.

ФЕОНА

Каким же бы это образом и от чего бы так было?

Г. Ц**

А вот таким, моя радость. Ежели человек о везде присутствии, всеведении, всемогуществе божеском и о прочих его совершенствах не твердо удостоверен, и живо себе всего этого не представляет, такой человек как бы ни старался спокойным быть, но никогда не будет, для того что он при случающихся себе нуждах опасных или противных случаях, или несчастьях, крепкой у себя подпоры и такого убежища не имеет, в которое бы ему убежать и себя защитить возможно было. Молитвы его, его хотя бы он, например, и много Богу молился, будут худой успех иметь, для того что они по большей части с сомнением сопряжены. А упование и надежда его на Бога очень слаба и ему подпорою служить не может, для того, что он не будучи о всемогуществе божеском удостоверен, в получении от него себе помощи сомневается, имеет на него недоверку, и многажды несчастья свои так великими ставит, что и божескую помощь малою и не достаточною против их почитает, и от того, мои любезные дети, такие люди иногда в совершенное отчаяние пришедши, в такую бессмысленность впадают, что сами себя либо убивают, или закалывают, или иным каким образом умерщвляют,

и через то, думая от того несчастья избавиться, в вечную погибель себя ввергают.

ФЕОНА

Как же, сударыня, поэтому важно о вседеприсутствии, всеведении и всемогуществе Божеском удостоверенным быть? Вы меня, сударыня, в ужас приводите, рассказывая, до какой крайности себя довести можно, ежели того не помнить.

Г. Ц**

Конечно, моя радость, важно, а посмотрите, как и полезно. Ибо такой человек, который в том удостоверен, и всегда помнит, что Бог и Творец его не только везде и на всяком месте есть, но и все знает и *всемогущен*, на него уже не так как тот уповает, а и молитва его будет уже усердна и действительна. Он может жить как за каменной стеной, ничто его утратить не может. Забот и печалей он никаких больших себе не знает, и в отчаяние никогда себя не приведет. Нужда ли ему в чем случится, или надобно ли ему, что он просит того у Бога, и несомненно верит, что Бог ему то и даст, ибо знает, что ему все можно. Беда ли, напасть ли, или несчастье какое ему случится, он первое прибежище к Богу принимает, а в мало-душии и отчаянии никогда не приходит, но знает, что Бог Всесилен и его, конечно, от того избавить может, а для того он на его помощь и надеется, а ее Бог всегда ему и подает.

Не случилось ли вам, мои любезные дети, бывая у тетки нашей Доримены, видать одного немолодого уже дворянина, который недалеко от нее живет и часто к ней приезжает.

ФЕОНА

А, это вы, сударыня, конечно, про господина В** говорить изволите. Мне случилось его видать, он о прошлом празднике у них еще был.

Г. Ц**

Да, мое сердце, о нем. Он, таким образом, как я вам сказывала, все свою жизнь препроводил и можно сказать, что он живой пример добродетельному и благополучному житию показал. Он, мои любезные дети, часто нам сказывал, что твердое и несомненное удостоверение о везде присутствии и всемогущи божеском он всего на свете выше почитает и говорит, что он за все свое благополучие

и за всю свою спокойную жизнь, одному только этому удостоверению благодарить должен. Мы сами тому свидетели, что он при бывших ему несчастьях и печалях не только в малодушие не впадал, но ниже знака, горести и смущения в себе оказывал, но таков же спокоен и весел бывал, как бы ничего не было и как он завсегда бывал.

ФЕОНА

По справедливости великая польза от того, стану, конечно, и я, сударыня, стараться то же делать. Благополучие свое мне нужно, для чего же мне того не делать, что ему помогать может.

КЛЕОН

И все, матушка. Бог исполнит, о чем бы я его не попросил?

Г. Ц**, усмехнувшись

И, нет, мой свет! он хотя и все исполнить может, потому что ему ничего не возможного нет. Однако, он не все исполняет, для того что он не захочет следовать твоим дурачествам, и то делать, чего ты например из дурачества и не рассуждения твоего просить у него станешь. Например: ты попросишь у него такого чего-нибудь, чего ему без чуда сделать невозможно, так он его без важной причины и для твоего дурачества, конечно, делать не станет.

КЛЕОН

А что такое, матушка, чудо? Я хотя и слышал про чудеса, однако я право, сударыня, не знаю.

Г. Ц**

Чудом, мой свет, называется такое приключение, которое против устроенного в натуре порядка делается. Вам надобно знать, что Бог создавши свет, определил для всех приключений особливый порядок, по которому все уже и происходит. Например: каждая тяжелая вещь упадет на землю по установленному уже так порядку в натуре. Поэтому же порядку и человек не вдруг вырастет и большим делается, но должен, сначала родиться малым, потом час от часу вырастать и наконец сделаться великим. Напротив того, ежели бы такое что-нибудь сделалось, что сему порядку противно, то называется чудо. Как, например, чтоб железо стало плавать или, чтобы река вверх потекла. И такие противные установленному порядку приключения, Бог, хотя, любезные дети, и может сделать

и делает, однако без важных причин он устроенного самим им порядка нарушать, никогда не станет. И так, мой друг, ежели ты захотел у Бога просить, чтоб сия сухая палочка расцвела или бы солнце еще на часок остановилось, и вечер подольше бы продлился, то он, хотя и может сие сделать, и некогда действительно и делал, однако для тебя того бы не сделалось. А потому что ты такую просьбу из одного дурачества приносить бы стал, а для глупости твоей такому великому делу сделаться, конечно, не годится.

КЛЕОН

Да, я, матушка, конечно, такой просьбы и приносить не стану. На что мне, то чтоб палочка расцвела или солнце остановилось?

Г. Ц**

Я знаю, мой свет, что этого ты не станешь требовать, однако и без того много есть таких вещей и приключений на свете, о которых мы Бога просим, а ему без чуда учинить не возможно, и таких то просьб надобно остерегаться.

ФЕОНА

Ежели вам не в труд, то пожалуйста, матушка, нам скажите, какие бы это вещи были?

Г. Ц**

А вот какие, моя радость. Я бы занемогла и лежала при смерти, а по устроенному от Бога распоряжению отошло бы уже мое время и мне бы умереть долженствовало, почему уже и в теле моем такие перемены и движения давно начались, которые неминуемо в назначенное время лишат меня жизни. Но вы бы, например, любя меня и обо мне жалея, стали бы плакать и у Бога просить, чтоб для вас, мою жизнь еще на несколько лет продолжил, то вы бы стали просить его об учинении чуда, потому что ему надлежало бы уже в моем теле все те перемены и движения силой разрушить, которые болезни моей причиною! И так, хотя бы он сие и мог бы сделать, однако для вашей же неблагорассудительной просьбы, конечно, того не сделает, потому что вы стали бы этого просить, а не знали сами для чего просите. Я думаю вы того не забыли, что я вам намнясь сказывала, что мы того отнюдь не знаем, что для нас вредно или полезно. А, таким образом, может быть и моя смерть вам в пользу обратится, следовательно вы о пустом бы просить стали, а Бог того и не сделает.

КЛЕОН

А ежели, матушка, просить бы у Бога, чтобы он мою жизнь далее продолжил, сделает ли он то?

Г. Ц**

И того не надобно никогда нам делать, а вам надобно себе в память затвердить, что вы не знаете того, что вам полезнее и что вредительнее, а знает про то только Бог, чего ради вам совсем в его волю отдавать не надобно. Пускай он с вами делает то, что ему угодно, а вам о том ни мало заботиться не надлежит. он уж знает, что для вас надобно или нет, или, что чего лучше, а потому и жизнь вашу тогда пресечет, когда для вас наипользнее будет. И для того, не надобно, нам его и о продолжении жизни своей просить, но до того себя доводить стараться, чтоб нам нужды не было, долго или коротко мы на сем свете жить станем.

ФЕОНА

О, сударыня, мне кажется это очень трудно сделать. Человек животолюбив и ему всегда жить хочется. Мне кажется, что тем бы лучше для меня, чем дольше бы я на свете жить стала.

Г. Ц**

Нет, моя радость, ты обманываешься. Нам не всегда долговременная жизнь полезна бывает, а вот для чего нам и Бога просить о том не надобно, ты, например занемогла бы и боясь умереть, стала у Бога просить, чтоб он у тебя жизни не отнял, думая в себе, что это для тебя будет лучше, когда бы встала и пожила подольше, но Бог может быть совсем тому противное думает. Мы не все знаем, а он всеведущ. Он может бы видел, что ты до того времени никаких тяжких грехов не делала и ему тебя помиловать и милости своей удостоить можно, а впредь может быть он бы предвидел, что ежели ты от болезни своей освободишься, то в какое-нибудь преступление впадешь, или его позабывши, беззаконную и злобочестивую жизнь вести станешь и чрез то милость его себе потеряя, до вечной гибели себя доведешь или иное что-нибудь тому подобное. То он, любя тебя и нехотя до гибели допустить просьбы твоей и не послушать, а лучше лишить тебя скорее жизни и сделает вечно благополучною, нежели послушать глупой твоей просьбы, на краткое время тебе удовольствие, а во веки несчастною сделать.

ФЕОНА

О, матушка, я, конечно, этого не знала, и с сего времени, сударыня, не стану о том Бога просить. Но лучше в правду все ему поруча, говорить ему буду. Боже мой, дай мне столько жить, сколько для меня полезнее и тебе угодно, и буде ты видишь, что для меня полезнее будет, чтобы я нынешним годом умерла, то и я умереть нынешним годом хочу, лучше мне скорее умереть, нежели милости твоей вовек лишиться.

Г. Ц**

Поцелуй меня, моя радость, ты очень разумно это сказала, и я бы хотела, чтобы ты всегда также думала, как теперь говоришь.

КЛЕОН

Поэтому, сударыня, и о счастье Бога просит не надобно?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, не надобно, а надлежит всегда тем быть довольным, что мы имеем и отнюдь того не говорить, для чего я не таков богат и не таков знатен или счастлив, как тот или другой человек. Знайте, мои любезные дети, что мы такими словами очень много Бога гневим.

КЛЕОН

А мне казалось бы, что это несомненно для меня полезнее бы и лучше было, ежели бы я богаче, знатнее и счастливее сделался.

Г. Ц**

Нет, мой друг, я давно вам сказывала, что только так нам думаться, а будущего мы не знаем. Ты, например, с малым достатком счастливо, весело и спокойно живешь, а с большим достатком сего бы не было. А Бог, может быть, видит, что ежели тебя богаче или знатнее сделать, ты в какое-нибудь большое несчастье впадешь, и жизнь твоя так огорчится, что ты сам себе не рад будешь, или, например: ты впадешь в пороки и чрез то вечного блаженства лишишься. Бог, мои любезные дети, все знает. он знает, что мы стали бы тогда делать, когда бы мы богаче или знатнее, а ведает и то какие и следствия от того произойдут. А таким же образом он знает, что мы станем делать, ежели в прежнем состоянии останемся или еще беднее, или скуднее будем, а потому он обстоятельства наши так и учреждает. Из сего можете вы теперь, и о том рассудить для чего многие богобоязливые

и добродетельные люди гораздо и беднее, и несчастнее порочных и незаконных живут. Для того, что для них бедная жизнь лучше нежели большой достаток и имение. И для сих причин надобно всегда и довольным быть в каком бы мы состоянии не находились, и счастливыми или несчастными мы были бы. Разумные люди по справедливости такое состояние и истинным благополучием почитают, когда человек всем доволен и до того себя разными способами доводить.

ФЕОНА

Пожалуйте, сударыня, мне скажите, какие бы это разные способы были чрез которые себя до того довести можно, чтобы всем довольным быть. Мне думается, что это многого труда стоит.

Г. Ц**

Этих способов много, мои любезные дети, и я об них вам при другом случае расскажу, а теперь уже поздно. И так, скажу я вам только, что однажды от господина Б** слышала. Он сказывал нам, как он себя до того доводил. Он употреблял к тому одни только размышления и беспрестанно себе представлял, что мы ничего собственно не имеем, а все нам от Бога дано и все его, а не наше, и дано и дается нам от него даром без всякой нашей заслуги, а из-за одной милости. А таким образом размышляя, сам себе говаривал, для чего мне тем довольным не быть, что мне дано, а на то досадовать, для чего не дано более мне. И то даром дано, что у меня есть, а с какой стати требую я больше того? Нет, я лучше стану за то Подателя благодарить и милостью его всегда довольствоваться, а такой глупости никогда не делать, чтоб за его же добро да на него же и досадовать. Он волен дать, кому сколько хочет. Мне ему указать не можно: вот каким образом сей разумный дворянин сам себе говаривал, а через самое то, любезные дети, он себя до такого состояния и довел, истинно счастливую жизнь препровождать.

ФЕОНА

Это бы, матушка, и немногого труда стоило, и я бы с радостью тоже делать стала, ежли бы я чрез то спокойной и довольной сделалась.

Г. Ц**

Конечно, не многого, моя радость, а особливо ежели разумные при том меры предпринимать, но время нам уже идти, мои любезные дети, уже темно становится.

КЛЕОН

Благодарствуем, матушка, что вы для нас столько трудитесь. Мне ваша наука от часу приятнее становится.

РАЗГОВОР IX МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

КЛЕОН (*увидев сестру, вошедшую в сад, в котором он уже был*).
Что вы так долго не бывали, сестрица?

ФЕОНА

Матушка, не знаю, какое-то письмо получила, а за нею и я замешкалась. Однако скоро будет.

КЛЕОН

А я, сударыня, вас уже давно здесь дожидаясь и все ходил и размышлял. Я напоминал, сестрица, что матушка вчера, третьего дня и прежде рассказывать изволила, и удивлялся сам себе, что как много я теперь уже пред прежним знаю, а особливо о Боге. Я так, сказать, сестрица, ничего прежде не знал.

ФЕОНА

И я, братец, также, а хотя и слыхала некогда сии слова, что он всемогущ, всемогущ и вездесущий, однако, чтоб это собственно такое было, о том никогда и на ум мне не приходило подумать. Теперь хотелось бы мне матушку спросить, что такое *всеблагий Бог*, которое слово мне непонятно, хотя я часто читывала в наших церковных книгах. Ведь благое у нас называется худое, например, говорим, куда какой благой ребенок.

КЛЕОН

Это ты правду говоришь, сестрица, я сам этого не понимаю. Однако, надобно чему-нибудь только не худому быть. Помнишь ты, матушка нам сказывала, что в нем ничего худого нет.

ФЕОНА

Кстати ты сие сказал, братец. А я хотела спросить, каков тебе наш Бог кажется, а я час от часу более к нему почтения получаю. Прежде сего говаривала я о Боге без всяких мыслей. На всяком часу бывало несколько раз Бога назовешь, а иногда об нем и не подумаешь. а теперь, братец, уже я сама на себя досажую, когда проговорюсь и упомяну слово божие из легкомыслия или между шутками,

как-то у нас и первое. Вот тебе Бог порукою, ей Богу, дай Бог и прочее и стараюсь чтоб мне того уже не делать, но Бога вспоминать всегда со страхом и почтением.

КЛЕОН

Нельзя и не так, сестрица, а особенно когда вспомнить, что он везде и всемогущ. Поверьте, сестрица, я в такой трепет прихожу иногда от размышления, что, остановясь, замолчу и не смею ничего промолвить, а от того, что думаю, что стою пред таким великим Богом, и неведомо как тому рад, что теперь уже гораздо больше прежнего знаю.

ФЕОНА

Нам за то матушку благодарить должно.

КЛЕОН

Да еще я тебе, сестрица, скажу, что мне господин Б** полюбился. Ему надобно весьма разумному человеку быть и ежели увижу я его у тетушки, то постараюсь вступить с ним в разговоры, и короче с ним познакомится. Знаешь ли, сестрица, я давеча случай имел в некотором случае ему последовать и удостоверится в том, что матушка вчера нам сказывать изволила. Был я, сударыня, на голубятне и смотрел своих голубей, есть у меня один голубь очень хорош и так хорош, что я его больше всех люблю. Но что же, сестрица сделалось? Не успел я сойти с голубятни, как где ни взялся ястреб и у меня его задрал. О как мне его жаль было! Поверишь ли, сестрица, чуть было не заплакал. Но вдруг и нечаянным образом вспомнил, что нам матушка сказывала, как в таком случае поступить и мне равно кто на ухо шепнул, чтоб я отведал следовать ее наставлениям. Тотчас я, сестрица остановился и сам себе сказал, что же я так о сем печалюсь. Голубь сей ведь не мой был, а дал мне его Бог, и он был божий, а ему угодно было у меня его опять отнять. Он велел ястребу прилететь и у меня его задрать. Что же мне это досадно? Бог и надо мною может все сделать. Сим образом начав, стал я далее размышлять и вспоминать все то, что матушка говорила. И ты не поверишь, сестрица, что я о голубях совсем уже позабыл. Теперь сам себе дивлюсь, что мне не жаль его, а жаль было только тогда, когда я размышлял, и вся трудность была сначала, когда я начинал думать. Но, ах, сестрица, вот и матушка.

Г. Ц** (*вышедши из боковой аллеи, где идучи она последний разговор Клеонов слышала*)

Ты очень хорошее дело, мой друг, сделал и видишь теперь сам, не правда ли моя, я вам сказывала, что только при начале трудность? А так, любезные дети и при всяких печалях и противных случаях поступать надобно. Печали наши более от того велики и несносны нам бывают, что мы отдаемся им в волю и сами себе в таком случае помочь ни мало не стараемся. А ежели бы поступали по известным в таком случае правилам, то и вполовину бы та печаль не такова была велика.

ФЕОНА

Ежели не в труд, то пожалуйста, сударыня, скажите мне, какие же бы то были правила, мне кажется они очень нужны.

Г. Ц**

Конечно, нужны, моя радость, но жаль, что их много и мне все их теперь пересказывать будет слишком долго, а расскажу, то при другом случае. Однако чтоб тебя удовлетворить, то скажу тебе, хотя об одном примечании наидостойнейшем. Сие правило состоит только в том, что нам в таком случае тотчас стараться надобно о том не думать, а думать что-нибудь другое и тому противное. Вы услышите и увидите сами, то после обстоятельнее, для чего сие надобно, когда я вам о том рассказывать буду, каким образом все в душе нашей происходит. А теперь только скажу, что печаль наша более от того велика, что мы беспрестанно о той вещи, которая, например у нас пропала, думаем и вспоминаем как она хороша, как нам мила была и прочее. А это-то и беда в таком случае. От того не чувствительно умножается желание, которое нас до слез и горести доводит. А надобно совсем тому противное делать или бы вовсе о том позабыть стараться. И как скоро мысль в голове о том появится, ее скорее какою-нибудь другой мыслию заглушать, либо нарочно о той же вещи да с противной стороны думать, например: вспоминать все ее недостатки и погрешности, и чем она худа была. А всего лучше ежели взять прибежище свое к Богу и мыслить о нем как давеча Клеон мыслил. А при том и то себе представлять, что та вещь не такая была, чтоб она во веки пропасть не могла, а когда бы нибудь ей пропадать и прочее тому подобное.

ФЕОНА

О, сударыня, как это надобно? Я сама теперь вижу, что печаль более от того делается, что мы беспрестанно о том думаем. Она-нясь облила я нечаянно ленточку чернилами. Я все о ней думала, думала я весь день, мне ее жаль было, и я тужила. А на другой день как я ее схоронила и об ней более не думала, то и тужение все пропало.

Г. Ц**

Я бы вам, любезные дети, еще более о сем случае рассказывала, но теперь не досужно. Получила я письмо из города и мне завтра или послезавтра надобно со двора будет ехать. И я не знаю, не проеду ли я в город, и не проживу ли там дня два или более. А мне хотелось между тем остальное, что осталось вам еще знать о Боге, рассказать, чтоб приехавши оттуда нам уже о чем-нибудь другом начать разговоры.

ФЕОНА

Да разве, матушка, еще не все нам о Боге рассказать изволили?

Г. Ц**

О нет, моя радость! Я вам описала только его Существо и начальнейшие свойства и совершенства. А хотя сие и наиплавнейшим почестся может, однако есть еще некоторые его свойства, о которых я вам еще не рассказывала. Правда, хотя мы уже и много кое-чего касающегося до них при случаях упоминали, однако вам необходимо знать их подробно тем паче, что они великого примечания достойны. А особливо надобно вам ведать причины, почему Бог все оные свойства и совершенства имеет, дабы после вы уже никакого сомнения не имели.

КЛЕОН

Извольте, сударыня, мы с радостью будем слушать.

Г. Ц**

По сие время рассказывала я вам, любезные дети, вообще о Существе и начальнейших его свойствах и совершенствах, а именно о том, что он духовное, живое, великое, вездесущее, самобытное, вечное, непременное, всеведущее и всемогущее Существо, а теперь расскажу вам о том его совершенстве, которое известно под именем *премудрости божеской*.

КЛЕОН

О какой же это премудрости божеской вы изволите говорить? Мне кажется мы о том, сударыня, третьего дня говорили.

Г. Ц**

О, нет, мой друг! Мы говорили только вообще о его разуме и о его всеведении, которое не надобно, никогда смешивать с премудростью. Правда, сие свойство проистекает уже из все совершенства божеского и из бесконечного величества его разума, однако совсем другое значит, нежели всеведение. Всеведение его состоит в том, что он обо всех вещах и делах и не только действительно бывших, настоящих и ли впредь быть имеющих, но и самых возможных, или таких, которые в таком или ином случае могли бы произойти, наисовершеннейшее иметь сведение или знание. А премудрость его напротив того состоит в том, что он все свои дела наипремудрейшим, то есть, наилучшим, совершеннейшим и благоразумнейшим образом всегда распоряжал и производил в действо. Ныне распоряжает и в действо производит, и впредь распоряжать и в действо приводить будет. И ни в чем никакой погрешности и ошибки не делал и не делает. Сие его совершенство ничто так хорошо не доказывает, как устройство созданного им сего света. Вы не поверите, любезные дети, что все вещи в оном и вся связь и все распоряжения между оными так премудро, так хитро, так искусно и с таким премудрым рассмотрением и преудивительным порядком сделано, что тому никак довольно надивиться невозможно. А многие вещи так мудро устроены, что никакой человеческий ум постигнуть их не может. После ежели мы станем о том говорить, так вы сами то увидите и в том признаетесь. И тогда-то только можно сказать, что вы прямо узнаете, сколь велико и бесконечно премудро то Существо, которое сей свет создало и в бытие привело. Чего ради я теперь много о том и говорить не буду, а коротко вам скажу, что по сей бесконечной своей премудрости он как при создании мира ни одной и самой последней вещи и никакого порядка напрасно и по пустому не произвел и не сделал, но все вещи наилучшим образом соответствуют друг другу и каждая из них назначена к чему-нибудь, и имеет причину, для чего она так, а не иначе устроена или распоряджена, так и по сотворении одного

управлял и управляет он им наипремудрейшим и наипочтительнейшим образом и так как лучше управлять никоим образом невозможно. Самое сие и причиною тому, что ничто в свете без его соизволения и попущения не делается и не происходит. он же, любезные дети, без премудрейшего рассмотрения не на что не соизволяет и без того ни чему происходить не попускает, чтоб тому какой-нибудь важной и довольной причины не было.

ФЕОНА

Да как же, сударыня, мне случалось слышать, что в свете много есть беспорядочного, излишнего и такого, без чего по видимому можно было обойтись?

Г. Ц**

О, нет, моя любезная! Это, слыхала ты от таких людей, которые не правильно рассуждают или одним наружным видом обманываются. В самом же деле, буде что и беспорядочно и излишним нам кажется, так это происходит от того, что мы всего в тонкость рассмотреть не в состоянии, также, что не можем усматривать и тех причин о которых я упоминала, и предвидеть тех следствий какие из того со временем проистекут. И ту надобность для которой то было надобно. Одним словом, любезные дети, вам надобно твердо удостоверенными быть, и никогда не позабывать той великой истины, что *Богу не возможно по пустому, или напрасного делать*, а все делал и делает он для какой-нибудь причины.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, однако желала бы я, чтоб вы пожаловали изъяснили нам сие еще каким-нибудь образом.

Г. Ц**

Изрядно, моя радость, я тебе сие каким-нибудь примером растолкую. Например: вот стоит у нас уже долго хорошая и сухая погода, Многие жалуются уже, что все засохло и дождя желают, однако они говорят, сами не знают что, в самом же деле сие ведро не без причины и может быть для нашей же пользы. Бог, конечно, уже лучше нашего знает, для чего теперь оно, а не ненастье, и ему нам указывать не годится. Помните ли вы, как прошлого года выпал у нас о Троицын день снег. Все испугались и думали, что хлеба замерзнут, а после увидели сами, что снег сей был не без причины.

Под кореньями у хлеба завелось премножество червей, и они все от снега и стужи подошли, и так полюбилися самим нам этот снег. А таким образом, любезные дети, и все делается, и нам не надобно никогда гневить Бога, и говорить, для чего сие так, а не иначе. Одним словом, Бог все делает для причины, и мы сих причин только не знаем и не всегда их усматриваем.

КЛЕОН

Не прогневайтесь, матушка, что я у вас еще одно слово спрошу. Вы, сударыня изволили нам сказывать, что Бог Всемогуш, а когда он все может сделать, то почему же бы не возможно ему было чего-нибудь по пустому сделать? Он ведь волен делать, что изволит.

Г. Ц**

Так, мой свет, Бог всемогуш и может все сделать. Однако, сие о таких делах говорится, которые его совершенствам не противны. А ежели по пустому что-нибудь сделать, так это будет не согласно сего совершенствами, а такого ничего Бог сделать не может, для того что он все совершеннейшее Существо.

ФЕОНА

Мне, сударыня, это как-то не понятно, и я желала бы, чтоб вы нам так же каким-нибудь примером изъяснили.

Г. Ц**

Изволь, моя радость, я вам рассказывала, что Богу необходимо надобно быть все совершеннейшему и такому Существо, в котором бы никакого не совершенства не было. Следовательно, надобно и всем его свойствам таковыми же все совершеннейшим и бесконечным быть, каков он сам совершенен и бесконечен. А в том числе и разуму и могуществу его. Почему мы назвали его всеведущим и всемогушим? Ну положим же теперь, что он что-нибудь по пустому сделал и посмотрим что из того выйдет. Возьмем себя в пример, что мы много кое-чего напрасного и по пустому делаем. Это делается ни отчего иного, как от того, что наш разум не всесовершенен и сила не всемогуша. Не говорим ли мы часто, испортивши или не сделав какого дела, что мы напрасно трудились, и того-то, да того наперед не предвидели и не сделали? И не от того ли произошла пословица, что мы всегда задним умом? А не доказывает ли сие, что у нас разума довольно не было, чтоб все предусмотреть,

что тому делу помешательства сделать, или мы не могли всего того отворотить? Или не делаем ли много кое-чего в надежде, что оно будет служить к желаемой пользе, а после усматриваем, что оно не годится и той пользы нам не приносит, чего ради то опять и бросаем? И не доказывает ли сие равномерно несовершенства нашего разума, и не то же ли и в сем случае выйдет, что мы не могли предусмотрывать, будет ли от того действительно то действие для которого мы то назначаем.

КЛЕОН

Конечно, так, матушка, я сам часто много кое-чего порчу, а после сам о том тужу, что предосторожности не взял и по пустому трудился. ономнясь вздумалось мне, картинку и человека нарисовать, однако, часа четыре писал, но не мог нарисовать и так бросил.

Г. Ц**

Это стало, что ты не умел и твоего разума не доставало. А тоже самое и в рассуждении Бога, любезные дети. Ежели бы он, например, что-нибудь по пустому или напрасно сделал, то стало что либо разума его не доставало предусмотреть, что то не надобно, или не возымеет своего действия и будет тщетно, либо не было столько силы, чтоб так сделать. Дабы та вещь для чего-нибудь была, а не даром, и не было бы никаких ей помешательств. А как о Боге сего сказать и ему такого несовершенства приписать никак не можно, то и следует само собою, что ему ничего напрасного, тщетного и по пустому сделать не можно.

ФЕОНА

Теперь, сударыня, я уже поняла и сама вижу, что Богу ничего по пустому сделать не можно. Сие, в самом деле, было бы несогласно сего совершенством.

КЛЕОН

А я, сестрица, и те червяки вспомнил, о которых помнишь ты говорила омнясь со мною. Мы еще не знали для чего бы, они на свете были, а поэтому и они для чего-нибудь Богом сделаны, хотя нам так и кажется, что они не надобны.

Г. Ц**

Конечно, для причины, моя радость и сия причина только нам не коротко известна. А таким образом надобно вам, любезные

дети, и всякий раз заключать и как скоро что-нибудь и чтоб такое ни было, покажется вам самим в свете беспорядочно или излишне, то вы тотчас приводите сие себе на память, и не отваживайтесь отнюдь судить и рядить дела толь великого и бесконечного Существа пред которым мы прах и ничто. Помните всегда, что ваш разум, пред разумом и премудростью божескою ничто есть, и что между ими никакого сравнения сделать не можно. Следовательно, ум ваш далеко уже к тому не способен, чтоб мог разбирать и рассуживать дела бесконечною премудростью произведенные и ныне производимые. И потому в таких случаях не только сами тотчас заключайте, что весь мнимый беспорядок кажется вам от того, что вы во всю связь вещей не проникаете, и не знаете всех бывших, настоящих и будущих происшествий в свете. Так равно когда и других подобное тому говорящих и дела божеские пересуживающих услышите, то на мнения их не полагайтесь и их мнениям не следуйте, но тотчас заключайте, что то дело, конечно, в самом деле каким-нибудь образом, да не так как они говорят, и что все их рассуждения происходят от такого же неведения и недостатка в вникновении и что им столь же не надлежало дерзать, пересуживать дела и правление такого великого Господа, у которого небо и земля и самое их дыхание во власти, и который их бесконечно премудрее и знающее.

КЛЕОН

Слушаем, сударыня, и я верно всегда это буду помнить.

Г. Ц**

Но сего довольно на первый случай о премудрости божеской. Впредь наговоримся мы о том довольно, а теперь пойдем, любезные дети, далее и поговорим еще об одном свойстве божеском, которое на том же совершенстве имеет свое основание.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня.

Г. Ц**

Скажите мне, любезные дети, может ли тот назваться совершенным, кто бы например доброе не любил, а любил бы напротив того худое? Ведь сие великое бы несовершенство было.

КЛЕОН

Конечно, сударыня, об этом никто спорить не может.

Г. Ц**

А когда это несовершенство, то может ли оно быть в Боге? Нет, скажете вы, а это и в самом деле так, а потому и знайте, любезные дети, что совершенство божеское уже то с собою приносит, что ему доброе необходимо всегда любить, а худое не любить надобно. И помните, что сие свойство собственно называется *святость* или *святыня*, хотя сие слово иногда и в другом разумении употребляется.

ФЕОНА

Так то-то называется *святость*?

Г. Ц**

Сие-то, моя радость, и вам не менее примечать и при том всегда помнить и знать надобно, что Богу, как Всесовершенному Существу, всякое зло и всякое дурное дело не может ни коим образом приятно, так как, напротив того, всякое доброе и хорошее дело противным быть. И что сие самое причиною тому, сто он хочет и нам повелевает, чтоб и мы всегда делали и любили дела добрые, к которым он имеет благоволение, а от всякого зла имели бы отвращение, а того меньше худые и злые дела сами делали, и самим тем ему уподоблялись.

ФЕОНА

Вот, сударыня, для чего. О, так стану же я о том во всю жизнь стараться.

Г. Ц**

Ты не худое, а очень хорошее дело сделаешь и я бы советовала тебе к тому себя не только сим, но и мнением о *правосудии* божеском побуждать.

КЛЕОН

Да вы, матушка, о правосудии божеском еще не изволили ска- зывать. Что это такое, разве и это свойство божеское?

Г. Ц**

Конечно свойство, и свойство такое, о котором я теперь стану вам сказывать, и которое особливому примечания достойно, поче- му надобно вам, любезные дети, с особливым вниманием об оном слушать.

ФЕОНА

Извольте, сударыня.

Г. Ц**

Свойство сие проистекает из того же все совершенства божеского. Ибо как Существо сие наисовершеннейшее, то натурально надобно уже ему между прочим быть и правосуднейшему, и такому, которое никому и никакой неправды, лицемерия и неправосудия сделать не может, что было бы в нем великое и такое несовершенство, какого ему иметь никак не можно. Сие правосудие состоит наиболее в том, что он наисправедливейшим образом все наши дела ценить и достойные наказания наказывать. Ибо надобно вам, любезные дети знать, что как мы созданы им свободными, то есть такими созданиями, чтоб могли мы непринужденно и не по неволе, а сами собою и произвольно всякие дела как добрые, так и худые делать и производить. И к добрым он нас не силою и не неволею принуждает, а хочет и требует, чтоб мы самопроизвольно и из единого к нему послушания добрые и такие дела делали, которые ему угодны. То и сделались чрез то мы, с одной стороны способными к получению за них от него награждения, а в противном случае, то есть когда похотим сему великому нашему Господу повиноваться, но станем ослушаться и делать не то, что повелевает, а то, что он именно запрещает, сделались способными к получению за то достойного наказания. Сие следует уже само собою и столь необходимо, что Богу уже никак не можно нас за всякое доброе дело не наградить, а за всякое худое не наказать, потому что он в противном случае был бы не правосуден, каким ему быть не можно.

КЛЕОН

Вот, сударыня ажно это почему.

Г. Ц**

Потому-то, мой свет, и сии, то награждения и наказания производит он наисправедливейшим и правосуднейшим образом. Ибо, как по всеведению своему знает он наиточнейшим образом, сколь велико всякое наше доброе или худое дело то и награждает и наказывает он их по мере доброты или худобы оных, а особливо, что до наказания касается.. Ибо, что принадлежит до награждения, то святым его свойствам ни мало не мешает кого-нибудь и более на милость наградить, нежели чего он достоин, буде то угодно ему станет, а наказать, кого более, нежели, сколько он заслужил и до-

стоин. он для сего своего совершенства никак не может, ибо в сем случае был бы он не правосуден и несправедлив, каким ему быть никак не можно.

ФЕОНА

О, сударыня, поэтому сие свойство божеское великую составляет для нас важность.

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и я вам сие еще давеча сказывала, а и теперь повторю, что вам сие не отменно помнить и притом твердо удостоверенными быть надобно, что никакое доброе наше дело, какого мало оно ни было, не может остаться без награждения, а злое и худое без наказания, и сие простирается так далеко, что самые по видимому не значащие наши добрые и Богу угодные дела верно награждаются, а злые накажутся. Поверите ли, что в самом таком случае, когда шли вы например по дороге, и нашли бы больного человека, лежащего при ручье, и который не мог бы сам встать и напиться, и он бы стал вас просить, чтобы вы почерпнув воды напоили его, и вы сие столь малое и ничего не значащее одолжение ему сделали, то и сие не осталось бы никак без вознаграждения.

ФЕОНА.

О, как велико правосудие и милость божеская!

Г. Ц**

Конечно, велика, но надобно знать, что и в рассуждении наказаний он таков же правосуден и хотя бы худое дело очень мало было, и мы его самую безделицей почитали, однако и тут оно без наказания остаться не может. Одним словом, по сему правосудию своему он не может нам никакой вины отпустить, но всякую наказать должен.

КЛЕОН.

Да как же, матушка? Но добро, извольте говорить, я после спрошу.

Г. Ц**

Знаю, мое сердце, о чем ты спрашивать хочешь, ты после о том и услышишь, а теперь надобно вам знать, что сколь награждения божеские для нас бывают велики, так напротив того и наказания его чрезвычайно страшны и тяжелы. Ибо как всякое наказание бывает

за вину, а вина тем больше, чем больше тот, пред кем ее сделаешь, а делаем мы их пред великим и бесконечным Богом, то следует из того, что им надобно чрезвычайно великим и столь бесконечным быть, каков сам Бог бесконечен.

ФЕОНА

О, сударыня, как это страшно!

КЛЕОН.

Что касается до меня, то мне как-то сие удивительно, и я как-то не очень сие понял, не можно ли, матушка, растолковать мне сие яснее?

Г. Ц**

Я тебе лучше изъясню сие примером. Например: ежели бы скотница наша ударила без всякой причины другую бабу по щеке, ведь она виновата была бы и заслужила себе наказание? Но есть ли бы она не бабу, а пришедши сюда в хоромы, ударила в щеку твою маму¹⁵, которая управляет домом, что равна ли бы ее вина была или нет?

КЛЕОН.

Не, сударыня, она бы более повинилась.

Г. Ц**

А ежели бы еще и не маму, а прямо меня, Госпожу свою в рожу ударила, более бы ее вина была, и столько ли же ее наказать бы надлежало, сколько за то, есть ли бы она свою сестру такую же бабу ударила?

КЛЕОН.

О, нет, матушка, ее бы гораздо больше тогда наказать надлежало.

Г. Ц**

Да почему же бы, мой свет? Ведь она равное бы дело сделала, и как ту, так и меня, только в щеку ударила, следовательно, и наказанию надлежало бы быть равному.

КЛЕОН

Того я не знаю почему, только воля ваша, ее надо бы больше наказать.

Г. Ц**

Это правда, мой друг, я тебе скажу и причину тому. В первом бы случае повинилась она пред равной себе бабою, к которой она никаким особливым почтением не была обязана. А во втором предо

мною, а я ее больше, следовательно, и наказание надобно быть больше, а ежели бы провинилась она пред таким, кто бы еще больше меня был, то бы и того еще больше наказанию быть должно. А таким образом должно и о проступках против Бога и о наказаниях заключать.

КЛЕОН.

О, сударыня теперь я вижу: почему наказаниям надобно быть великими и бесконечными. Но еще хотелось мне, матушка, у вас спросить об одной вещи, а именно: каким, же образом Бог, когда и чем наказывает нас?

Г. Ц**

О, мой друг, сей пункт, также великого примечания достоин. Вам надобно знать и не менее сие всегда помнить, что Бог в рассуждении награждения и наказаний оступает наипремудрейшим и не всегда одинаковым образом. По святым своим и нам неисповедимым судьбам иногда сниспосылает он нам оные в самую нынешнюю жизнь, а иногда и по большей части оставляет оные до того времени, когда мы вступим в будущую и прямо настоящую нашу жизнь. И когда по учению Христианского закона общий всем делам разбор и суд будет.

Да и в самой нынешней жизни иногда награждения и наказания последуют очень скоро и почти очевидно, а иногда долгое время спустя, и тогда когда ему заблагорассудится. Наконец самые сии награждения и наказания бывают в здешней жизни не одинаковы, но различны и такие, какими Бог кого наградить или наказать за лучшее признает. И потому иного награждает и наказывает он тем, другого иным, а третьего третьим. А все сие и причиною тому, что многие в сем пункте в мнениях своих погрешают, и не примечая сих божеских награждений и наказаний думают, что беззакония довольно не наказуются, а добродетели не награждаются, и весьма не справедливо ропщут на своего Создателя, и тем неведомо как грешат перед тем, которому предуказывать никакого не имеют они права, и который в тысячу раз лучше их знает, как кого чем и когда наградить, или наказать.

КЛЕОН

Но, хорошо, это, сударыня, в нынешней жизни. В ней много есть чем можно Богу нас наградить, например: честью, богатством, знатностью, здоровьем и тому подобным, или наказать болезнями, несчастьями и прочее, но в будущей-то жизни, сударыня, чем он

нас награждать и наказывать будет. Ведь там надеюсь в таких вещах нам не будет нужды.

ФЕОНА

О, братец! Кстати ты это спросил, мне самой давно уже хотелось матушку спросить, правда ли то, что я от своей няни, да и от многих слыхала, будто станут нас на том свете в огненной реке мучить, в смоле варить и прочее тому подобное?

Г. Ц**

О, мои любезные дети, что касается до сего пункта, то в чем собственно будущие награждения и наказания состоять будут, того никто достоверно не знает, да и никак нам того понять и узнать не можно. Причиною тому то, что они не отменно должны будут согласовываться с обстоятельствами будущей нашей жизни, так как нынешняя согласуется с обстоятельствами нынешней. А сии обстоятельства будущей нашей жизни от нас скрыты и нам ни мало, не известны, и мы всего меньше знаем, какое будет на нас тогда тело, и в состоянии мы будем им таким же образом чувствовать приятности и прискорбия, как чувствуем мы нынешним, а не зная сего, не можем мы потом судить и ничего о том с достоверностью заключать, какое собственно, то блаженство, и какое наказание будет, которых мы бесспорно себе после смерти ожидать должны тем паче, что самому Богу не было угодно нам о том в подробности открыть. А все что мы знаем, состоит в том, что будущее награждение и блаженство будет таково не оценено и хорошо, что мы такого состояния в нынешней жизни никак вообразить не можем, и как бы не воображали, но оно все будет лучше. А равномерно и наказание столь тяжело и столь для нас мучительно, что мы никоим образом здесь представить себе того не можем, и как бы себе жестоким ни воображали, но оно все будет хуже и тяжелее, а притом и длится вечно. Одним словом, в рассуждении сего пункта, тщетно будет все наше любопытство, и мы должны довольствоваться тем, что знаем, и не стараться открыть то, что скрыть от нас угодно было нашему Создателю.

КЛЕОН

Вот, сударыня, ажно это как! А я истинно сего не ведал а думал в правду, что нас в сере и смоле варить будут, как о том я смаленька наслышался. Однако вы, матушка, еще пуще устрашили. По вашим

словам может быть еще хуже будет, и многие, может быть охотно похотели кипеть в сере и смоле, а не в таком мучительном состоянии быть, какое там будет.

Г. Ц**

Почем знать. Сие всего легче статься может. Когда будущее несчастье наше будет таково, каково мы себе вообразить здесь не можем, то должны мы всего худшего ожидать.

ФЕОНА.

Ах, что тогда с нами будет! Я трепещу и от одного помышления, но когда бы мы избавились от того.

Г. Ц**

Это ни от кого иного как от тебя самой зависеть будет. Постарайся здесь в сии немногие дни, которые ты на земле жить будешь, так и избавишься, и всю вечность в таком же неудобвообразительном и неоцененном счастье, радости и веселии препровождать станешь, каково неудобвообразительно и неописанно несчастье будет.

КЛЕОН

А что касается до меня, то теперь-то я вижу какая в том великая надобность, чтоб жить здесь хорошо и так как Бог хочет. У меня с ума не идет, что вы нам сказывать изволили.

Г. Ц**

Но, ах, к нам приехали какие-то гости. Пойдем дети встречать их. По всему видать, что завтра мне не выезжать. они у нас верно ночуют, итак может быть завтра удосужусь я окончит вам материю о Боге.

ФЕОНА.

Очень бы хорошо, сударыня, это было.

РАЗГОВОР X МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

Г. Ц** (*проводив гостей и пришедши с детьми в сад*).

Ну, насилу я сжила гостей со своих рук, но, слава Богу, нам еще осталось время сколько-нибудь поговорить между собой.

КЛЕОН.

Да, матушка, и я тому неведомо как рад, и боялся уже, чтоб они не пробыли у нас до вечера, и чтоб мне не лишиться удовольствия слышать то, о чем мне нетерпеливо знать хочется.

Г. Ц**

А о чем таком, мой друг?

КЛЕОН.

О, сударыня, у меня вчерашний наш разговор, а особливо то, что вы нам при конце сказывать изволили, не выходил ни на минуту почти из памяти. Я воображал правосудие божеское и те наказания, которым мы подвергнемся, и признаюсь, что меня они очень смущали и приводили в страх и ужас, и как мне неведомо как о том более поговорить хотелось. То вздумалось мне с давешним нашим гостем завести о том разговор в то время, как мы с ним давеча поутру здесь в саду гуляли, а вы, матушка, с матерью его в хоромаш были. Я не сомневался, что он о том что-нибудь знает, потому что казался он мне разумным и знающим человеком, и ласкался уже наперед, что я от него что-нибудь полезное услышу. Но что же, сударыня, сделалось? Я долго не знал как бы мне довести до того слово, но по счастью я вился к тому наиудобнейший случай: увидели мы, сударыня, что несли в виду нашем хоронить мертвеца, и услышали вой плачущих его родственников. Видно было, что, то был умерший ребенок, ибо гробик был маленький. Я пользуясь сим случаем, сказал тогда, будто сам себе, но так чтоб гость мог слышать. Хотелось бы неведомо как знать, что с сим ребенком на том свете будет? Мы таки большие, получим либо награждения за наши добрые дела, либо наказание за наши худые дела, чрез то либо счастливы, либо крайне злополучны будем. А сей ребенок, который, верно, еще ни худа, ни добра не делал и которого Богу ни наградить, ни наказать еще не за что, какую то жизнь получит?.. Сказав сие, взглянул на я на гостя, и требовал от него так сказать глазами, не может ли он того мне сказать. Ибо словами его просить почитал я за неучтивость, так как он был мне человеком совсем еще незнакомым.

Г. Ц**

Что же, мой друг, удовольствовал ли он твое желание, что тебе сказал?

КЛЕОН

Что, матушка, он меня неведомо как удивил, и я тужил уже, что с ним зачал сию речь. он лукавым образом усмехнувшись, равно как меня на смех поднял, и потрепав меня по плечу, сказал: «И, братец,

пожалуй, этакому вздору не верь. Все это пустяки и бабьи сплетни. Каким тебе там награждениям и наказаниям быть. Поверь, что ничего этого не будет, и этому ныне разумные люди смеются, а верят тому одни только глупцы и суеверы».

ФЕОНА

Что ты, братец, говоришь? Не ужели вправду он этакой вздор тебе сказал?

КЛЕОН

Конечно, вправду и мне лгать на него не для чего. Но сего было еще не довольно. Но как мне слова его показались сомнительны, и я сам, усмехнувшись и не хотя с ним спорить замолчал, то он, шпыняя¹⁶ надо мною далее, спросил меня, неужели я вправду так суеверен и не хочу его словам верить, и не дождавшись моего ответа, захохотавши говорил: «Когда, братец, ты этому не веришь итак крепко старины держишься, так пожалуй-ка пожалуй, Расскажи нам свою премудрость, почему же бы, сударь, наказания и награждения были, и чем бы ты изволил доказать сию басенку?»... Признаюсь, сударыня, что он сим вопросом и шпынским смехом совсем меня испугал, и в такое смятение привел, что я вдруг тогда доказать ему сего был не в состоянии.

ФЕОНА

И, братец, уже не мог ты вспомнить того, что матушка вчера и на сих днях нам сказывать изволила. Ежели я была на твоём месте, так бы я прямо в глаза сказала, что Бог еще знает некоторое вранье, то ли, которому я верю, или то о котором он уверяет, и буде бы он хотел, так бы тотчас ему и доказала.

Г. Ц**

Но чем же бы ты, моя радость, ему доказала?

ФЕОНА.

Сударыня, я бы ему ничем иным как правосудием божеским доказывать стала. Сперва доказала бы я ему, что Богу надобно быть не отменно правосудному, а потом и то, что ему посему правосудию своему не отменно как добрые дела наградить, так худые наказать надобно, и когда в нынешней жизни, так и в будущей.

Г. Ц**

О, голубка моя! Но ну естли бы он тебе сказал, что он и тому еще не верит, чтобы мы после смерти другую жизнь получили,

и что он и сие таким же вздором и бабьими враками почитает как и первое, так тут-то что бы ты ему сказала?

ФЕОНА

И, сударыня, неужели бы он таков глуп и незнающ был, чтоб такую нелепость говорить начал? Да я бы его сочла и Бог знает каким, и более говорить с ним не стала, но сказав, что мне слова его непонятны и превосходят мои понятия, не стала бы с ним как с незнакомым человеком более спорить, но либо завела другую речь, либо его оставила.

Г. Ц**

Сие последнее лучше и разумнее было бы, что ты могла с ним сделать. Вам молодым и весьма еще мало знающим людям от таких людей, каков по видимому сей молодец, надобно как от огня бегать. И с ними отнюдь в такие разговоры не входить, а то они вам и Бог знает, что наказать и неведомо какие вредные мысли в голову вселить в состоянии. Мне очень жаль, что я не знала, что сей щеголь таких мыслей, и не могла тебя Клеон предостеречь от него. Но хотела бы я знать, чем же ваш разговор кончился.

КЛЕОН

Сударыня, теперь я вижу, что и мне так-то бы поступить надобно было, как сестрица говорит. Но я так-то поспешил, и ему самым тем правосудием божеским доказывать было начал, но не успел я о будущей жизни упомянуть, как он самыми теми словами мне сказал, как вы, равно как на ум у него будучи говорить изволили, а именно: что он и будущей той жизни не верит, и что о ней что ни говорить, так все вранье и басни

ФЕОНА

Да что ж ты, братец, на это сказал?

КЛЕОН

Что, сестрица! Я вступился за то очень горячо, и стал было с ним много говорить, но после тужу что-то и делал. Он меня и все мои слова только на смех поднимал и совсем меня в дураки поставил и до того довел, что я не знал почти, что с ним говорить. И неведомо как был тому рад, что попался ему бегущий по полю заяц на глаза, которого не успел он увидеть, как ему не до разговоров со мной было. Он взбегался, взметался, вскричал, завопил и сделался

как с ума сошедший. Тужил, что не было с ним его любезной сучки, спрашивал, нет ли у нас борзых собак, охотник ли я до оных, езжу ли на поле, много ли у нас зайцев и прочее тому подобное. Но я так на него сердит уже был, что ни одного слова почти не отвечивал, но сказал коротко, что у нас ни собак и ничего нет.

ФЕОНА

Эх, братец, когда с ним спорил, так бы тебе его спросить, что же по его мнению с нами будет, когда мы умрем.

КЛЕОН

Было это у нас, сестрица, в разговоре. Он говорит, что с нами ничего не будет, и что мы как умрем, так совсем пропадем.

ФЕОНА

Вот какой вздор. Не с ума ли он сошел?

КЛЕОН

Да одно ли это, сестрица, мало ли чего и другого и какого вздора он не говорил. По его мнению, вряд ли в нас и душа-то есть. Иное истинно, сестрица, ажно ужасно слушать, сударыня, а иному я сам хохотать принужден был. Да что же еще. он говорит, будто не он один, а многие-то так думают. Не уже ли это правда, матушка? Мне кажется, он лжет на других. Кому иному можно такой вздор иметь в голове.

Г. Ц**

Что касается до сего последнего, а именно, что многие такими мыслями заражены, так это слишком правда. К несчастью времен наших размножилось сие зло слишком в народе, и сии вздорные мысли и подобные тому, заразили многих людей. Но что сожаления всего достойнее, то не одних молодых ветреные и не основательные мысли имеющих людей, на которых и дивить уже нечего, но есть между ими в самом деле многие впрочем разумные, постоянные и такие люди, которым бы всего уже неприличнее иметь таковые мысли, и от которых бы всего меньше того ожидать надлежало

КЛЕОН

Но умилюсь, сударыня, что же бы тому причиною было. Ведь они с чего-нибудь сие да взяли же

Г. Ц**

Ах, любезные дети, причин тому слишком много, и мне жаль, что теперь некогда о том вам в подробности рассказать. Однако

не думайте, чтоб все их подобные сему мнения имели какое-нибудь основание. О, ведь, мои любезные, они всего далее от истины удалены, и есть ли не хотите чтоб вы погибли и во веки несчастными были, то прошу вас, а не только, что советую, чтоб вы отнюдь ничему такому не верили, несмотря как бы вас кто ни стал уверять, но и доказывать, и как бы вероятно вам то ни казалось. Но почитайте всегда все таковые мысли сущей отравой и себе ядом, и поверьте мне, всего меньше причину вас обманывать имеющей, что ничего нет сего несправедливее, и что большая часть говорящих сие, такие люди, которые погружаясь в порочную и незаконную жизнь или имея к тому великую склонность, и всего меньше надежду имея быть после смерти благополучными, охотно в сердце своем хотели, чтоб то была правда, чтоб в нас ни души, ни будущей жизни не было. Дабы им можно было в сем случае на свете сем жить ничего не боясь, и без угрызения совести делать все, что им хочется. И потому стараются себя насильно в том уверить, чтоб никакая опасность о будущих наказаниях их не тревожила. В самом же деле большая часть из них говорят истинно сами не зная что, и сотовой из них не знает тому ни малейших доказательств, а забрал такие пагубные мысли себе в голову по единой наслышке от других не более его знающих, и для той же причины то утверждающих. Самые лучшие из них не иначе как прельщены несколькими на свете бывшими вредными людьми, искавшими славы в том, чтоб развратить сердца и умы многих людей, восстать против самого Бога и его закона, и умевшими, к несчастью, ядовитыми и прельстительными своими сочинениями не чувствительно влить сей яд в сердца многих невинных, а иногда и самых впрочем разумных людей, и довести их до того, что они прельстись мнимыми их высокими мыслями, и поверяя одним их словам, даже до того себя забывают, что в угождение им делаются врагами самому Богу, и вкупе с ними против самого Создателя своего вооружаются. Однако, чтоб они и все обожатели пагубных их мнений ни говорили, чтобы не утверждали, и как бы ни старались истину заглушить и свет на свой лад перевернуть, но для них свет и обстоятельства оного не переменятся и истину они никогда не преодолеют.

ФЕОНА

О, сударыня, поэтому был наш гость опасный человек. Поверите ли, я к нему теперь ажно отвращение получила.

Г. Ц**

То подлинно, что опасный, и вам с ним осторожней надобно обходиться, буде он впредь к нам приезжать будет. Но что я говорю, вы в жизнь свою ни одного его, а много таких найдете. Обходитесь со всеми ими осторожнее, и чтоб вам быть от них в лучшей безопасности, то не входите никогда с ними о том в разговоры, покуда вы не вырастете большими, и покуда случай не допустит вас прочесть все то, что против всех таких развратителей на свете было говорено и писано.

КЛЕОН

Разве это было, сударыня

Г. Ц**

Конечно, мой свет, ибо как сие зло слишком велико и вредно, и как все таковые не только сами от недоразумения в бездну погибели погружаются, но не знаю, что за утешение в том находят, чтоб и других, а особливо молодых и незнающих людей такими же пагубными мнениями заразить и в несчастии товарищами себе сделать, то ученые и в неосновательности таковых мнений довольно удостоверенные люди и не преминули всю неосновательность оных во многих книгах и сочинениях наияснейшим образом доказать, а истину защитить. И вы знайте, любезные дети, что нет ни одного их мнения, ни одного их возражения, которое бы не было оспорено и опровергнуто, и которого бы неосновательность к стыду самих изобретателей оных не была наияснейшим образом доказана, и о сих-то книгах и сочинениях я упоминаю.

ФЕОНА

Но как же, матушка, когда такие сочинения есть, то для чего же не читают их те разумные люди, о которых вы давеча сожалели.

Г. Ц**

О том надобно самих их спрашивать, а не меня, а я только скажу, что большая часть из них от самой сей оплошности в числе несчастных людей находятся. Большая часть из них не только не читывала, но и не знает, что они есть на свете, а ежели бы они

осторожнее были, и прежде нежели такому опасному вздору поверили, немного поусумнились и спросили, нет ли чего еще против того говоренного, и правда ли еще то что они говорят? И есть ли бы наперед их прочли, то верно знаю, что многие бы вместо обожания к нему сущее отвращение получили, как тому многие и примеры есть.

КЛЕОН

О, сударыня, не скоро я теперь таким молодцам поверю, но и первое спрошу, обстоятельно ли они все то, знают, и читали ли они что против того на свете писано

ФЕОНА

Да кто им велит, братец, сказать правду, они и первое тебе скажут, что читали и готовы тебе в том побожиться.

КЛЕОН

Да я, сударыня, таков глуп не буду, чтоб тотчас им в том и поверил, Но когда бы они похвастать мне захотели, так я им скажу: «Очень хорошо, так по крайней мере я всего того еще не читал, а до того времени не хочу входить в сие опасное и неизвестное мне дело, и говорить о том, чего я не знаю». И так пожаловали бы они до того времени подождали и меня оставили с покоем.

Г. Ц**

Это все будет лучше и всего разумнее, мой друг. Я бы желала, чтоб многие таким же образом поступали. Дело бы и для них и для всех было лучше.

ФЕОНА

Да, сударыня

Г. Ц**

Но мы заговорили уже, любезные дети, о сем постороннем деле, надобно нам к продолжению своих разговоров приступить. Мне очень хочется окончить с вами в сегодняшний вечер всю материю о Боге. И так оставим сих господ с покоем умничать как хотят. А станем говорить свое, и о том, что они враньем называют. Пускай оно вранье, но я знаю, что оно в тысячу раз вам будет полезнее и в угодность их враньем никогда не сделается. Ну, скажи же ты мне Клеон, уже не усумнился ли ты вправду в чем, и не поверил ли господину Вольнодумову.

КЛЕОН

И, сударыня, уже бы я ему более нежели вам поверил. Никогда этого не будет. Однако хотел бы я, чтоб вы мне что-нибудь в подтверждение о награждениях и наказаниях сказали. Они у меня с ума не идут

Г. Ц**

О, мой друг, я бы могла тебе неведомо, сколько доказательств наказать, но это будет слишком долго, и обо всем том услышите вы вперед довольно и предовольно, и сами увидите, что всему тому статья никак не можно, что они говорят. А теперь только скажу, что достоверность будущих награждений и наказаний не только правосудием божеским, но и самим тем доказать можно, что мы сделаны свободными, то есть такими, что можем по произволению своему и доброе и худое делать, и в сем пункте чрезвычайно отменны от прочих животных. Да мало ли чем еще. Самое то, обстоятельство, что не все наши добрые дела в здешней жизни награждаются, а худые наказываются. Многие истину сию подтвердить могут.

КЛЕОН

А каким же это образом, сударыня?

Г. Ц**

А вот, каким, мой друг. Все мы это видим, и никто в том спорить не может, что не все беззаконники в нынешней жизни наказание получают, а добродетельные награждаются. Но многие из первых, не смотря на все свои злодеяния, в благоденствии живут и умирают, а из последних, не смотря на всю свою благочестивую и добродетельную жизнь, весь свой век в горестях, печалях и несчастьях препровождают. И когда сие неоспоримо, то подумайте, может ли сие так остаться, и согласно ли сие будет с совершенствами нашего великого Бога? Ежели положить, что так останется, то не крайнее ли то будет от него несправедливое? И возможно ли чтоб он будучи столь великим Существом и самовластным Создателем, Владетелем и Правителем мира, мог без всякого взыскания и наказания оставить таких ничтожных тварей, каковы мы человеки, которые употребляя во зло свою свободную волю, отваживаются ему делать послушание, презирать его повеления и иногда даже до такого чрезвычайного дерзновения доходят, что забыв, что он их Создатель,

Бог и такой Господь, которого небо и земля трепещет и у которого все, вся вселенная и самое их дыхание во власти, и пред которым они, нежели паутина. Самого его ни во что почитают, поднимают на смех и ругаются его повелениями, идут против его самого, делают из всего того, что он нам сам открыть соблаговолил, сухую игрушку, и хотят насильно себя из-под его власти исторгнуть? Возможно ли, говорю, сему стать, и что б он никакой отмены и никакого преимущества не сделал? Напротив того тем, которые его как должно почитают во всем ему повинуются и во всем ему угождать стараются, чтоб он сих сравнял с оными? Подумайте, возможно, ли такому не правосудному Богу быть, и можно ли без ужаса подумать о том? Ах, любезные дети, одному помышлению о сем надлежало бы нас в страх и трепет приводить.

ФЕОНА

То подлинно, что так, сударыня.

Г. Ц**

Но когда Богу необходимо надобно быть все совершеннейшему и между прочим правосуднейшему, то всего натуральнее уже можно заключить, что все таковые злодеяния без наказания, верно, не останутся. Когда же в нынешней жизни не всегда и не со всеми они бывают, то не выходит ли само собою, что надобно неотменно быть другой после смерти, в которой бы как сии ненаказанные беззакония наказались, а ненагражденные добродетели наградились? А что они здесь не наказуются и не награждаются, так это зависит от произволения премудрейшего нашего Создателя и от судеб его неиспытанных, о которых мы знаем, что они всегда справедливы и праведны, и с бесконечною его премудростью согласны.

КЛЕОН

Да, сударыня, это конечно так.

Г. Ц**

Но хотя бы сего и сему подобных многих других доказательств бессмертию наших душ мы не имели. Так, наконец одно то могло бы нас удостоверить, что сам Бог именно нам сие открыть некогда соблаговолил, и о будущих наказаниях и награждениях нас удостоверял. И так разве мы и ему самому не хотим верить, и самого его делаем лжецом.

КЛЕОН

Как, сударыня, разве это бывало?

Г. Ц**

Конечно, бывало, и бывало не однажды, как вы после довольно услышите

ФЕОНА

Так как же ему-то уже не верить! И можно ли, сударыня, уже сомневаться в том? Такому великому всесовершенному Богу, можно ли сказать неправду и нас обманывать.

Г. Ц**

Ты, сама рассуди, моя радость, а между тем знайте, что самое сие обстоятельство, что он неправды никакой не может сказать, а того меньше делать, и составляет особое его свойство известное под именем *праведности* и *правдивости*, по которому нам бесспорно должно верить, что он бесконечно правдив и всегда обещания и слова свои исполняет верно. Но что наш Клеон так задумался?

КЛЕОН

Что? Сударыня, вы сими последними словами меня еще пуще прежнего устрашили. Теперь не сомневаюсь я более ни мало о будущих наказаниях, и признаюсь, что меня привело сие в великое замешательство. Теперь представляю я себе Бога чрезвычайно страшным, и что с нами бедными будет, когда он так справедлив и бесконечно правосуден? Погибшие мы твари.

Г. Ц**

О, не будь так отчаян, мой друг, но ведай, что каков Бог с сей стороны страшен, таков с другой приятен и любезен. Ты еще не обо всех его свойствах слышал, но мне осталось вам рассказать теперь еще об одном его свойстве, и о свойстве таком, которое тебя неведомо как ободрит и сделает то, что ты Бога полюбишь.

КЛЕОН (*с радостью*)

О, матушка, так извольте же сказать, куда бы я того хотел.

Г. Ц**

Ведайте, мои любезные дети, что Бог сколь с одно стороны правосуден и страшен, столь, с другой милостив и человеколюбив. Сие происходит от того, что он таковою же бесконечною

любовью к своим созданиям преисполнен, каковы велики и бесконечны, и все прочие его свойства и совершенства. Сие под именем любви и любви божеской известное его свойство, таково, что я довольно слов не найду вам величину, неизмеримость и неоценность оной изобразить. Как бы вы ее себе не представляли, но она все больше.

КЛЕОН

Но в чем же, сударыня, состоит сия любовь божеская?

Г. Ц**

Она состоит в том, любезные дети, что он созданиям своим, а в том числе и нам, всякого добра желает, и ему приятно, когда мы благополучны. Одним словом, он любит нас не иначе как отец детей своих. Но, о когда бы вы знали, сколь сия любовь его велика! Какие дела он из единой сей бесконечной своей любви к нам предпринимал и предпринимает, какое попечение об нас всегда имеет, какое сожаление о погибающих самовольно, какое старание о преклонении нас к добру и о приведении на лучший и спасительный путь употребляет. Так же сколь он к нам милостив, сколь без всяких наших заслуг благосклонен и щедр, сколь охотно нам всякое добро нам делает, сколь снисходителен к просьбам самых беззаконнейших, и сколь не скор к предприятию достойного и заслуженного нами наказания. Вы удивились бы сему, и сердца ваши вспламенились бы к нему наитеплейшей любовью.

КЛЕОН

Но когда же вы, матушка, о сем рассказать нам изволите, теперь что ли?

Г. Ц**

О нет, мои любезные, теперь было бы долго, ибо надобно знать, что об одном сем пункте неведомо, сколько говорить бы можно было. Все это узнаете вы после обстоятельно, когда мы о свете, о правлении оного, о бывших в нем происшествиях, также и о христианском законе говорить будем, а теперь надобно мне вам только короткое понятие о любви божеской дать, и то сказать, что из сей любви божеской истекают четыре особые свойства, известные под именем благодати, милости, милосердия и долготерпения божеского, и истолковать, что каждое из них значит.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, а благо мне давно знать хотелось, что такое значит всеблагий Бог, которое слово мне слышать случалось. Ведь благое называется, сударыня, худое.

Г. Ц**

О нет, моя радость, благое совсем не то значит и тебе сие славенское слово не так разуместь надобно как в разговорах употребляется, но благое значит тоже, что мы в разговорах добрым называем, а под именем благодати божеской разумеется то, что он нам не только всякого добра желает и оное делает, но делает с великою охотою, и так как отец своим детям всякого добра желает и им всякое доброе охотно делает. Примечайте это, любезные дети! И знайте, что для самого того он и хочет, чтоб мы все не только благополучны, но и так блаженны были, каков он сам блажен, и для самого того во всякое время и всеми средствами нас к тому доводить, преклонять, побуждать, и наконец, что всего важнее, сам не видимым образом нам в том помогать старается.

КЛЕОН

Но умилосердитесь, сударыня! Когда он таков благ и милостив, то не можно ли бы ему нас по неволе заставить добрые дела делать, дабы мы благополучны были?

Г. Ц**

О нет, мои любезные дети. ему нас как к добрым делам всегда неволею принуждать, так до худых неволею всегда не допускать, никак не можно, и не можно для того, что мы сделаны однажды свободными созданиями, так как я вам уже не однажды сказывала, а не такими как прочие животные. В сем случае были бы мы равно как машины или часы заведенные, и когда бы мы поневоле все делали, так бы нас и наградить и благополучными сделать было не за что. Ибо, судите сами, можно ли часам за то спасибо сказать, что они верно идут, или бранить, что они погрешают? они ли тому причиною, и чем они правы или виноваты, когда уже так, а не иначе мастером сделаны, и не мастер ли всему причиною? А так равно и с нами. От нас требуется не невольные, а произвольные и прямо от нас зависящие дела, и Бог хочет, чтоб мы из единой к нему любви и послушания, а не так сказать из под палки делали дела добрые,

а худые оставляли, и сие для того, чтоб можно ему было нас за то благополучными сделать. Почему видите, что самая та же благодать и любовь тому причиною.

ФЕОНА

Вот, сударыня, как важно это, стану я сие помнить.

Г. Ц**

Помнить сие, конечно, надобно. Что же касается *милости божеской*, то под сим словом собственно разумеется то, что Бог нам помянутое всякого рода добро, не только по нашим заслугам, но всего чаще без всяких наших заслуг делает. Помните сие, любезные дети, и знайте, что сие свойство божеское превеликого примечания достойно. По правосудию своему он нас награждает за дела по достоинству, а по милости осыпает часто щедротами своими, и гораздо больше нежели мы того достойны.

КЛЕОН

Да разве это, сударыня, ему можно?

Г. Ц**

Конечно, можно, ибо как сие хорошее дело, то оно ни мало не противно его прочим совершенствам, но паче составляет особое и такое совершенство, которое для нас всего утешительнее и драгоценнее. И о как счастлив тот человек, который сих милостей его удостоится, и оные с должным благодарением принимая, час от часу множайших удостаивается! А напротив того, коль несчастлив тот, который принимая сии милости без всякой благодарности, оными ни мало не уважает, или того хуже, не почитая их такими, насильно их от себя отвергает, и тем наконец как недостойной того оных лишается, и теряет сокровище, которого ничто не может быть драгоценнее.

ФЕОНА

О, сударыня! В какое чувство привели вы меня, матушка, у меня ажно слезы навернулись.

Г. Ц**

Радуюсь, мое сердце, что в тебе такое чувство вижу, и желала бы, чтоб ты смолоду к таковым блаженным чувствам привыкла, и помышлениями о милостях божеских чаще себя к тому поощряла. О! В какую бы пользу обратилось бы вам сие и какое бы пре-

имущество получили вы пред многими, когда бы с младых своих лет сделались Богу любезными и его милостей удостоились! Поверьте, что ничто так человеку не полезно, как примечание и признание всех ниспосылаемых от Бога к ним милостей, и частое о том помышление и напоминание, и ничто не может нас так много в любви и почитанию его поощрять, как сие напоминание.

КЛЕОН

О, сударыня как бы мне хотелось о сем по более с вами поговорить. Однако отложу то до другого случая, а теперь дозвольте мне спросить, чтоб такое под именем *милосердия* божеского разумелось.

Г. Ц**

Под именем *милосердия* разумеется то свойство божеское, что он так нас любит и так к нам снисходителен, что сколь он не велик, сколь ни страшен, но не презирует и просьбы самых злейших беззаконников, хотя бы того они нимало не достойны не были. Но как скоро, хотя бы самый беднейший человек к нему воздохнул и с истинным усердием к нему прибегнуть, и его милости просить восхотел, так он по милосердию своему и его не презирует, и к нему обращается и делает ему всякое возможное добро и все то, что по его премудрому усмотрению ему сделать и оказать можно.

ФЕОНА

О, как это утешительно.

Г. Ц**

Что же касается до последнего его свойства известного под именем *долготерпения* божеского, то, о любезные дети, не меньше и оно для нас утешительно как и прочие. Состоит оно в том, что Бог по бесконечной своей любви к нам, не тотчас нас за наши худые и беззаконные дела наказует, так как мы того достойны и как правосудие его требовало бы. Но наказания сии отлагает от времени до времени, и по любви, благости и милосердию своему и сожалению об нас, колико можно, щадить и иногда долгое время медлит и беззакония терпит, ожидая нашего обращения. К наказаниям же не прежде приступает, как уже тогда, когда либо никакой надежды о нынешнем покаянии и обращении не останется, либо зло уже слишком и так увеличится или такого, что оного ему для других

святых и ему известных причин терпеть далее не можно. Вот каков милосерден к нам и с сей стороны наш Производитель.

ФЕОНА

Конечно, сударыня, и теперь вижу я, что и сие его свойство великого примечания достойно.

Г. Ц**

Ты правду говоришь, моя радость. И вам сие всегда помнить, однако, притом и то знать надобно, что вам никогда не должно сие долготерпение худые дела делать, как-то за многими водится. Не позабывайте никогда, что Бог хотя и долготерпелив, но помянутые наказывать его побуждающие причины и дление его долготерпения нам никогда неизвестно, а потому всего скорее мы можем в том обмануться и скорее наказанию подвергнуться, нежели думаем.

КЛЕОН

Теперь дозвоьте мне, матушка, еще одно слово у вас спросить. Я все ваши слова слушал и хотя молчал, но не меньше приходил в чувство как и сестрица. Но одного только я не знаю и такого о чем еще вчера спросить мне хотелось.

Г. Ц**

Очень хорошо, теперь спрашивай себе, пожалуй.

КЛЕОН

Умилосердитесь, сударыня! Когда Бог нас так бесконечно любит, когда так к нам милостив, милосерден, долготерпелив, такое сожаление об нас имеет и так много желает, чтоб мы были благополучны, то для чего же не можно бы было ему вам вины и преступления наши прощать?.. Ведь бы сие отпускание наших вин было бы не дурное, а хорошее дело и не противное его любви?.. Из милости хотя бы он нам их отпускал.

Г. Ц**

Нет, мой свет, любви бы хотя было сие не противно, но противно бы правосудию, а вам надобно знать, что Богу как все совершенному Существо, не иных можно дела, как такие делать, которые бы со всеми его свойствами были согласны и некоторому из них не противны. Однако, не думайте, чтоб и в сем случае оставлены мы были без всякого утешения, Но ведайте, что по самой сей бес-

конечной божеской любви и по желанию нам добра и сожалению об нас, сей же самой великой и правосудной Бог изыскал наконец такое средство, посредством которого оно ни мало не нарушая своего правосудия, нам грехи и преступления наши отпустить и чрез то нас от вечного наказания избавлять может.

КЛЕОН

Не вправду ли сударыня?.. О, как вы меня сим обрадовали! Что же вы нам до сего этого не сказывали.

Г. Ц**

Конечно, правда. Почему же бы нам и просить его, чтоб он нам грехи наши отпустил, как мы о том его ежедневно просим. А не сказывала я вам сего для той причины, что о сем услышите вы после.

КЛЕОН

Но каким, же это, матушка образом и чтоб то было за средство?

Г. Ц**

О, мои любезные дети. Сие средство составляет великое дело и уму нашему непостижимое таинство. Обстоятельно о том узнаете вы после, а теперь только скажу, что самое сискание сего средства, есть основанием всей связи христианского закона, который мы исповедуем, и что сим толь для нас утешительным и неоценненным средством могут пользоваться не все, а одни только исповедующие закон христианский.

КЛЕОН

Как, сударыня, так не все люди?

Г. Ц**

Нет, мой друг, а одни только христиане имеют сие преимущество, да и те не все имеют сие преимущество, да и те не все могут ими пользоваться, а только одни наблюдающие все те условия, под какими сие отпущение грехов обещано.

КЛЕОН

Какие это условия, сударыня?

Г. Ц**

Все это узнаете вы после, а теперь скажу, что и носящих на себе имя христиан, всех без разбора для того сей великой и неизреченной милости удостоить Богу было не можно, что многие бы в надежде на то и пользуясь свободною своею волею, умыш-

ленно грешить и богопротивные дела делать стали, и никому бы не было нужды производить богоугодные дела. Так же что было бы крайне не согласно сего правосудию, ежели бы всех их без разбора простить и не сделать никакой отмены между злыми и добродетельными. Для самого того и положены Богом и предписаны некоторые условия, и определенно, чтоб только те одни могли пользоваться сею не заслуженною милостью, которые из послушания и в угодность Богу самопроизвольно захотят стараться об исполнении тех условий, состоящих вообще в том, чтоб не только всему тому верить, чему учит нас закон Христианский, но и стараться исполнять все то, что он предписывает, и жизнь свою так вести, чтоб она сколько можно согласнее была с волею божеской.

ФЕОНА

О, сударыня, так поэтому Христианский закон очень важен? Надобно же нам и его узнать стараться.

Г. Ц**

Бесспорно, и тем паче, что без того вы тщетно на себе имя Христиан носить будете. А из сего можете вы заключить, сколько много погрешают и теряют те, кои сей спасительный закон ни малюго уважения не удостоивают, или того хуже, отвергая ему верить не хотят.

КЛЕОН

Что касается до меня, то теперь-то я вижу, что Бог нас, конечно, более любит, нежели мы его. Стану же я стараться сам более его любить с сего времени.

Г. Ц**

Конечно, и надобно, мои любезные дети, и не только любить, но почитать и бояться. Вы видите теперь каков наш Бог. Как с одной стороны велик, бесконечен, непостижим, всемогущ и правосуден, так напротив того с другой и милостив, и по всему можете уже сами рассудить, что нам не надобно все употреблять неизреченную его к себе любовь милосердие, и можно ли уже пенять человеку, когда он на все его к себе милости несмотря, беспрестанно упорствовать станет, и его воле не повинаясь, после неминуемому себя наказанию подвергнет. Однако, все сие еще не против того, что впредь о божеских нам милостях услышите.

Любовь и милосердие его к нам, конечно, не изречено, и мы того ни мало не заслужили. И так, помните же, любезные дети, все то, что вы от меня слышали, Теперь рассказала я вам все, что до Бога вообще касается, и что вам на первый случай об нем знать надобно было. И вы ведайте, что все сие можно одним разумом узнать, кроме только пункта касающегося до отпущения грехов, а сие равно как и прочее наиважнейшее, что вам о Боге узнать еще осталось, сказывает уже нам закон Христианский, но сие узнаете вы тогда, когда обстоятельства допустят нас также поговорить, как мы и теперь о натуральном познании Бога говорили. Будьте только прилежны и имейте охоту слушать и не скучайте, а за мной дело не станет, как приеду я из города домой, тогда стану с вами о свете, а потом собственно о человеке говорить. Я расскажу вам, сколь знаю, что такое весь сей свет, указывает на небо и во все стороны. Так и сие наше земное обиталище, как он и все вещи в оном устроены Богом, и все то, что нам о правлении божеском им известно. А потом, что такое человек собственно, как он устроен, в каких обстоятельствах он находится и как ему надлежит жить и что делать и чего не делать, и как ему себя к доброму приучать, а от худого отучать наиспособнее на тот конец, чтоб он был благополучен. Из всего тог вы еще больше изящность и непостижимость божеских свойств и совершенств усмотрите, о которых я теперь только вкратце рассказала, и удивление ваше еще более увеличится.

ФЕОНА (*целуя у матери руку*)

Благодарствуем, сударыня, что вы нам столь много хороших вещей рассказать изволили. Теперь я уже не боюсь, Госпожи Беттиды, и хотя не на все, а уже на многое могу ей ответствовать

КЛЕОН

А я, сударыня, обещаю со своей стороны во все, то время, что вы проездите, ни однажды не резвиться. Мы с сестрицей довольно найдем упражнений. Мы станем с нею о слышанных от вас вещах разговаривать и чрез то ничего не позабудем.

Г. Ц**

Очень хорошо, мои любезные дети, а я в воздаяние, зато привезу обеим вам по гостинцу.

РАЗГОВОР XI МЕЖДУ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ,
а потом приехавшею к ним гостью, госпожою Мелиндою,
дочерью одной соседки

КЛЕОН (*пришедши в сад, и увидев сестру*)

Где вы, сестрица, так долго были? Я искал вас везде, но нигде не мог найти. Два раза был здесь в саду, ходил в рошу, однако нигде вас не было.

ФЕОНА

Я только теперь сюда пришла, а была в нижнем саду и расспрашивала мужика, который приехал из города. Он сказывал, что будто слышал, что матушка сего дня домой приедет. Однако, я не очень тому верю.

КЛЕОН

Для чего же, сестрица, не верить? Матушка уже пятый день как со двора поехала, время уже домой быть. Куда бы я рад был, есть ли бы она сего дня приехала, Завтра бы начали продолжать наши разговоры, а ежели бы рано приехала, так стал бы я и сего дня еще просить, чтоб она хотя немного с нами поговорила.

ФЕОНА

Я сама, братец, нетерпеливо ее дожидаясь, и мне хочется очень знать, о чем бы таком собственно она начала сказывать. О Боге она нам теперь уже все пересказала, и знаешь ли, братец, что я сделала?.. Во все сии дни думала я обо всем, что матушка говорила, и не только думала, но чтоб лучше не позабыть, взяла пол-листа бумаги и записала на нем все божеские свойства и совершенства по порядку, и после затвердила их наизусть и теперь могу все пересказать по пальцам.

КЛЕОН

Ты очень хорошо сделала, сестрица, напрасно не сделал и я того же. Однако, расскажите мне, как вы написали, так бы я сегодня же ввечеру это сделал.

ФЕОНА

Я написала вкратце и немногими словами, и ежели тебе надобно, так я тебе от слова до слова перескажу. Сперва я написала, в чем существо божеское состоит, а именно, что он *великий Дух*, имеющий

жизнь, также разум и волю, а потом написала я, что он Существо наисовершеннейшее и переписала все его свойства и совершенства, а именно: 1) его вечность, 2) самобытность, 3) неперенность, 4) вездесущие, 5) всеведение, 6.) всемогущие, 7) премудрость, 8) святость, 9) правосудие, 10) праведность, 11) любовь, 12) благость, 13) милость, 14) милосердие, наконец, 15) долготерпение.

КЛЕОН

Вы это право хорошо, сестрица, вздумали, и признаюсь, что я бы так порядочно пересказать не мог, как вы теперь пересказали.

ФЕОНА

Так не позабыл ли ты, братец, наших разговоров?

КЛЕОН

Как, сударыня, я чтоб их позабыл. О нет, сестрица, я их верно не позабыл, а напротив того сам, сударыня, об них все ходя по саду и в роще, размышлял, и ты спросила бы, сколько у меня просьб и вопросов матушке приготовлено. Я жду и не дождусь ее.

ФЕОНА

О чем же таком ты хочешь ее просить, и что спрашивать?

КЛЕОН

Мало ли о чем, сестрица, иное находил я себе не понятное и мне хочется, чтоб она мне объяснила то более, а иное такое, о чем мне нетерпеливо скорее знать хочется, и о чем я хочу ее просить, чтоб она как можно скорее мне о том рассказала.

ФЕОНА

Да что же бы такое тебе было очень непонятно, скажи ка братец, может я лучше твоего поняла и могла бы объяснить тебе?

КЛЕОН

Я не думаю, сестрица, чтоб и ты о том знала, потому что матушка о том нам еще не рассказывала. Например: какое бы то средство было, которое Бог сыскал для отпущения вин наших, не нарушая своего правосудия? Ведь этого не знаешь и ты сестрица? Матушка изволила нам сказать, что перескажет нам при другом случае. Однако, мне хотелось бы того гораздо скорее. Поверишь ли, сударыня, что мне это божеское правосудие и поныне с ума не идет? Вчера я часа с три разве об одном этом думал, и в великий страх пришел, а особливо вспоминая, что Богу без того средства ни малейшей

вины отпустить нам невозможно, но за всякую будем мы наказаны, да еще и наказания столь ужасно великие будут. Ведь ужаснуться надобно это напомнив, рассуди сама сестрица, как много и как часто можем мы пред Богом провиниться, а особливо: когда мы еще не знаем всех тех дел и вещей, которые ему противны, также и того, как нам от сих отречься, или пользуясь тем неизвестным еще нам средством, от наказания за них избавиться.

ФЕОНА

Это так, братец. Я сама о том уже размышляла, однако, нам надобно взять терпение, а между тем утешаться размышлением о божеской к нам любви и милости. Матушке уже знать по причине невозможно нам теперь того пересказать. И так, пускай сударь рассказывает она нам, что изволит по порядку.

КЛЕОН

То так, сударыня, однако мне хотелось бы знать и прежде. Я тебе скажу и для чего. Не помнишь ли ты, как в последний разговор матушка изволила упоминать, что мы великое преимущество получим, ежели с молодых лет постараемся сделать себя Богу любезными и приятными. То сие слово не выходит у меня также из памяти, и меня так тронуло, что мне неведомо как захотелось, как можно скорее таким сделаться? Я думал сам в себе, куда бы это вправду хорошо было, есть ли бы Бог меня смаленька удостоил особенной своей любви и милости. Поверишь ли, сестрица, во мне сердце с радости, так сказать, прыгало? Как скоро воображал себе, что в сем случае со мной было, и какие бы я имел выгоды. И первое уже, что имел бы я причины ничего на свете не бояться, а напротив того, не иного чего как доброго ожидать себе мог. Ибо подумай сама: когда бы Бог меня в особенностях любить стал, то не стал ли бы он обо мне иметь особенное и попечение, и в самом деле, как отец о своем сыне стараться.

ФЕОНА

То так, братец.

КЛЕОН

Но, о, сестрица, ты спросила бы, в какую радость одно сие слово меня приводило. Я останавливался на сем слове и сам себе говорил: о, как это будет хорошо, есть ли у меня, в самом деле, отцом

будет, то самое великое и всемогущее Существо, которое не только меня, но и весь свет создало, и у которого все во власти, и которое все сделать может, что захочет, и которое всегда подле меня находится, меня и обстоятельства мои видит, и наиточнейшим образом и лучше всех знает, что для меня вредно, что полезно, которое никакого зла не только делать, но и желать мне не может. Но напротив того скорее от всякого зла меня сохранить в состоянии, и которому всего легче сделать меня неведомо как благополучным, и есть ли захочет осыпать всякими благодеяниями, к которому всего скорее могу прибегать и на которое смело я могу во всяком случае полагаться и от него всякого защищения надеяться. Ибо чего ему такому Всемогущему не можно сделать. Поверишь ли, сестрица, что все сии и тому подобные мысли, в такую радость сердце мое приводили, что я не отважился почти и ласкать себя надеждою, чтоб вправду мог нажить себе такого Отца, и рад бы уже был и неведомо каким счастьем себе почел, есть ли такое великое и всемогущее Существо мне, хотя бы не Отцом, а хотя бы другом и приятелем было. И в сем бы случае я неведомо как счастлив был.

ФЕОНА

Ах, братец, ты еще лучше моего сделал, что в таких прекрасных мыслях упражнялся. О, как мил мне твой поступок, и как трогаешь и как прельщаешь ты меня им! Самому Богу, надеюсь приятны были сии мысли, и ему мило было смотреть на тебя таким образом рассуждающего.

КЛЕОН

О, когда бы это было вправду, и когда бы я того удостоился, чтоб ему было приятно, куда бы я тому рад был, всегда бы это я стал делать! Но постой, сестрица, я тебе далее и то расскажу к чему сию речь начал. Не успел, сударыня, я сим образом хорошенько поразмыслиться, как почувствовал в себе неведомо какое желание, как можно о том стараться и с того же времени неотменно того искать и добиваться. Но тут сделался вопрос, каким же образом можно мне скорее до того дойти? Ничего еще мы с тобой не знаем, что нам именно делать и чем себя до того доводить, чтоб Богу мы угодны были. Матушка не изволила нам еще сего сказывать, и Бог еще знает когда будет о том говорить. И так, думаю

я неотменно и как можно просить матушку, чтоб она мне поскорее рассказала, что мне делать, а особливо, как мне к тому именно приступать и начинать то делать. Это мне пуще всего знать хочется, а то иное бы и рад сделать, да не умеешь как, и буде ей не можно теперь начать, а неотменно надобно говорить о другом и как она изволила упоминать, о свете, то нельзя ли между теми разговорами нам помаленьку о том сказывать? Но как не знаю, послушает ли меня матушка, то вспомнив намяшний матушкин совет, чтоб нам самого Бога о том просить, чтоб он нас научил так жить как ему угодно. Стал я, сестрица, на колени, и вообразивши себе присутствие божеское, стал просить и говорил: «Великий Боже! Когда ты вездесущ, то бесспорно видишь меня и мое теперешнее желание быть тебе угодным и приятным, а когда всеведущ, то бесспорно знаешь о том, что я не знаю еще того, что мне именно делать и как до того доходить, чтоб был я тебе мил, а когда ты всемогущ и все сделать можешь и тебе мое намерение не противно, то помоги мне сам скорее то узнать и до того достигнуть, чтоб ты меня любил, и чтоб мог я смело тебя моим Отцом называть и на тебя как на Отца во всем надеяться. По недостижимой премудрости твоей легко мы можем найти и способы к тому. Услышь просьбу мою, великий Творец!

ФЕОНА

Полно, братец, о сем не могу далее слушать тебя без особого чувства... Куда право ты какой. Тебя расцеловать за это надобно. Самую ты меня неведомо как к тому же поострил. Но молчи, братец, оба попросим вместе о том матушку и как ей нас не послушать, но хотелось бы мне знать, чтоб такое стала она нам о свете рассказывать, не уже ли мы и о свете столь же мало знаем, как знали о Боге.

КЛЕОН

Может быть сестрица! Матушка недаром изволит говорить, что нам знать надобно и о свете. Да не помнишь ли, что она однажды упоминать изволила, что мы тогда только прямо Бога и премудрость его узнаем, когда узнаем устройство сего света? О когда это было, то с охотою моею стал бы ее слушать! Мне очень хочется час от часу больше узнать Бога. А устройство света я в самом деле не знаю, да и дивлюсь еще тому, почему же бы это матушка знать изволила.

ФЕОНА

Этому дивиться не чему, матушка наша училась и читывала очень много, да знать она уже знает, когда рассказывать нам хочет, и знать и то нам очень надобно. Но что мы стали здесь на одном месте, братец, пойдемте, проходимся по саду. Погода такая хорошая, мы можем и ходя говорить.

КЛЕОН (*ходя с сестрой по аллеям и цветникам и, взглянув на небо*).

Да вот и первое сестрица! Я уже не знаю, посмотри-ка, сударыня, на это, да вот на это облако (*указывает на облако*) вот они оба по одному небу бегают, как же так, сестрица! Беленькое то кажется стоит, а это которое потемнее бежит да и очень скоро.

ФЕОНА

Да, братец, вижу и сама тому дивлюсь: ведь когда бы бежать, так бы надобно обоим им бежать, а и стоять также. разве, братец, одно одного выше.

КЛЕОН

И то статься может, хотя нам и кажутся они оба равно высоко, но нет, сестрица, как же бы нижнее то не упало, когда оно ниже верхнего, так поэтому оно уже не по небу бегаёт, почему же оно так летит, и что его держит, что оно не упадет?

ФЕОНА

И, братец, оно очень легко, как ему упасть, не видывал ли ты, как перышки по воздуху летают, так-то я думаю и облака? Видишь ли ты какое это легонькое облачко, небось оно пера не тяжелее.

КЛЕОН

Воля твоя, сестрица, я не хочу с тобою спорить, только этого не знаю. Но скажи же ты мне, как высоко оно когда не на небе?

ФЕОНА

Не бойся, оно очень высоко, братец, нам чуть его видно, но постой сударь, спрошу я у тебя сама, чтоб ты думал, куда эти облака летят и где деваются? Каждый почти день они друг за другом летят. Где их такое множество уже берется, братец?

КЛЕОН

Вот сударыня, сколько мы уже нашли такого чего не знаем, а ежели еще поискать, так более вещей найдется, которые нам ни мало незнаемы.

ФЕОНА

Погоди на часок, братец, мне слышалось что кто-то растворил в сад двери, не за нами ли идут? Не матушка ли приехала?

КЛЕОН

Конечно, приехала, вот и коляску от крыльца повезли.

ФЕОНА

Гости, гости, братец, да вот они к нам идут, пойдем к ним на встречу, да кто бы это такой был, я издали не рассмотрю?

КЛЕОН

И, сестрица, как ты не видишь, это госпожа Мелинда, дочь госпожи Филиды, но откуда бы она взялась и где мать ее?

ФЕОНА (*подбежав*)

Здравствуйте, матушка. Откуда вы взялись? Уже как давно мы с вами не виделись

Г. МЕЛИНДА

Здравствуй, моя радость. Это правда, что мы уже давно не виделись. Мы пробыли всю зиму и весну в Москве.

ФЕОНА

Да не теперь ли вы из Москвы, сударыня?

Г. МЕЛИНДА

Теперь, жизнь моя, едем, да уже какое, радость моя, беспокойство! Какая это проклятая пыль! И как это в карете душно.

ФЕОНА

Да где ваша матушка, сударыня, не в хоромы ли изволила пойти? Что же мы, братец, здесь медлим?... Пожалуйте матушка в хоромы.

Г. МЕЛИНДА

Нет, моя радость. Матушки моей в хоромах нет. Она еще не бывала, а мне идти туда не хочется, я и так в карете как в тюрьме все завесившись сидела и наскучила, и для того услышав, что вы в саду, прямо к вам пошла, чтоб прогуляться. Не согласитесь ли походить со мною по вашему саду, я его уже давно не видела.

ФЕОНА

Ежели вам это угодно, так пожалуйста, сударыня, мы очень тому рады будем. Да как же вы это матушка одни? И где осталась госпожа Филида.

Г. МЕЛИНДА

Матушка моя заехала вместе с вашей матушкой на часок к Господину Эрасту, навестить его в печалях.

КЛЕОН

Да где же вы нашли нашу матушку?

Г. МЕЛИНДА

Мы съехались, сударь, с нею на дороге, она ехала домой, а мы из Москвы также домой пробирались, и так согласились, чтоб заехать ночевать к вам, а между тем заехать к господину Эрасту.

ФЕОНА

Не слыхали ли вы, матушка, долго ли они там сидеть хотели и скоро ли будут?

Г. МЕЛИНДА

По крайней мере часа три надеюсь, просидят. Они хотели было и меня туда же завести, но мне смерть в такой дом ехать. И для того сколько я могла упрячилась и насилу, насилу перемогла, чтоб мне сюда одной наперед ехать. Рассуди, радость моя, что за гости, сиди, сиди часа три, не удастся ни одного слова промолвить. Ведь скука возьмет, все про печали, да про болезни говорят, да про судьбы божеские толкуют, и пристать никак не можно, а сиди только да зевай.

ФЕОНА

Однако, сударыня, не худо и посетить бедного человека. Господин Эраст теперь, я думаю в великой печали. Не давно у него дом сгорел, небось, он еще и не выстроился, к тому же и сожительница его очень больна, и так он рад этому посещению.

Г. МЕЛИНДА

И, матка моя, невидальщина его радость и посещение, поехала бы я себя мучить, мне веселье мое дороже. Чего я не видала и что забыла там? Вонь, небось, такая, что сидеть нельзя, духота не-сносная. Одним словом, напоить небось нечем, от жажды умрешь. Да прикажите, радость, кофию, а не чая для меня сварить, да чтоб сливки были погуще.

ФЕОНА

Тотчас будет готов, сударыня, а ты поди, братец, прикажи, чтоб попроторнее приготавливали.

Г. МЕЛИНДА

Ну, в чем же ты, жизнь моя, время свое препровождаешь? Небось, вы в деревне от скуки пропали, и я не могу не дивиться Госпоже Ц** вашей матушке. Как таки так и сама себя и вас как в тюрьме в деревне заключила, хотя бы для вас уже она в Москву поехала.

ФЕОНА

Никак, сударыня, нам и в деревне не скучно, а в Москву матушка для того не ездит, что нам в Москве жить не позволяет недостаток наш. Деревни у нас небольшие и доходы малые.

Г. МЕЛИНДА

И как тебе, свет мой, не стыдно это говорить. За вами помнится мне около 300 душ, да вам, чтоб в Москве жить было нечем. Это Бог знает, на что походит. Поверишь ли, сударыня, ежели бы я была на твоём месте, то бы ни пить, ни есть не стала, а до того довела, чтоб в Москве жить. За нами, сударыня, не многим больше вашего. Да сохрани Господи, ежели бы матушка, не захотела которую зиму в Москву ехать. Я бы в тот же день слегла в постель и чаю подлинно бы занемогла. Небось, поехала бы и по неволе.

ФЕОНА

Воля ваша сударыня, а я того с моею матушкою сделать конечно была бы не в состоянии и не смела бы.

Г. МЕЛИНДА

И, моя жизнь, поэтому ты с излишком от матушки своей застращена и ее чересчур боишься? от этого сударыня надобно отвыкать. Это очень подло и ныне смеются уже тому, кто так раболепствует.

ФЕОНА *(усмехнувшись)*.

Никак, сударыня, я не застращена, и не так матушки боюсь как вы думаете. А почитаю ее как свою родительницу, и за удовольствие ставлю исполнять то, что она приказывает мне, или желать изволит

Г. МЕЛИНДА

И, моя радость, это того смешнее. она мало ли чего захотела бы, или приказывать стала, так то все и делать и всем их своенравиям и следовать? Нет, моя жизнь, я бы уже к тому, конечно не сродна была.

ФЕОНА

Может быть, сударыня, что вы к тому не сродны, а что касается до меня, так я совсем противоположного с вами мнения. Я думаю, что когда меня матушка любит, и видя что она всегда о пользе моей старается, и все то что ни приказывает, мне же в пользу служит, так надобно мне и саму ее любить, и для чего же не исполнять того, что она приказывает, или не быть довольною тем, чего она желает. она не к худому все делает. Например: она хотела бы чтоб мы учились, так нам поэтому, сударыня и не учиться?

Г. МЕЛИНДА

О, матка моя, всего-то бы это смешнее было, ежели вам о сию пору еще учиться.

ФЕОНА

Как бы вам, сударыня, это ни смешно было, однако, я ни мало тем ни стыжусь, что мы учимся.

Г. МЕЛИНДА

Ты удивляешь меня радость, не ужели ты вправду еще учишься? Поверить, жизнь моя, нельзя, что девушка пятнадцати лет еще учиться. Ха! Ха! Ха! Да чему бы ты такому, мой свет, еще учишься?... Какой такой науке? Ах! Как это смешно.

ФЕОНА *(будучи недовольна)*

Когда вам это так смешно кажется, так на что вы спрашиваете, сударыня? Это не такая наука, которою бы шутить было можно, и для того не прогневайтесь, что я вам и не скажу какая это наука.

Г. МЕЛИНДА

И, матка моя, что такова чувствительна? Мне кажется я вас еще не обидела своим вопросом, да вот мне скажет ваш братец, когда вы не хотите сказывать или стыдитесь

(К Клеону, который в самое то время вошел в сад).

Скажите, батюшка, пожалуйста, какой науке вы с сестрицей учитесь?

КЛЕОН *(не слыхав и не зная, что они говорили).*

Прекрасной, сударыня, и такой какой лучше быть не можно.

Г. МЕЛИНДА

Да как же она называется, батюшка, и чему она учит.

КЛЕОН

Я, сударыня, не знаю, как она называется, только знаю, что она нам очень нужна, и учит, как нам себя счастливыми сделать и очень весела.

Г. МЕЛИНДА

О, поэтому, надобно это какой-нибудь особой науке быть, о какой я не слыхивала.

КЛЕОН

Конечно, сударыня, не слыхивали, да и учимся мы ей не так, как прочим наукам учатся. Мы, так сказать, играючи ей обучаемся. Матушка изволит с нами гулять и нам рассказывать, а мы только слушаем. Вы бы сами, сударыня, эту науку полюбили, если бы знали какая она и слышали.

Г. МЕЛИНДА

Поэтому, я пред вами несколько виновата, моя радость. Отпусти, моя жизнь, этот проступок. Я не знала всего этого, а думала, что вы какой-нибудь другой и обыкновенной науке учитесь. А теперь вижу, что этой науке надобно быть хорошей, а особливо, когда учатся ей играючи и гуляя. Я гулять превеликая охотница, расскажите мне, моя радость, об ней обстоятельнее, может быть и я ее полюбила.

ФЕОНА

Никак, сударыня, вы никогда ее не полюбите, вы к тому не сродны.

КЛЕОН (*удивившись, видя сестру свою осердившуюся*).

Я не понимаю, сестрица, для чего бы вы так сурово госпоже Мелинде ответствовали.

ФЕОНА

Вы не слыхали, братец, что мы прежде сего говорили. Мелинде очень это смешно, что мы учимся. Она смеется и тому, что мы матушку слушаем, а спрашивала и вас, братец умышленно, чтоб узнав какая это наука, ее после на смех поднять. На что же нам об ней сказывать? Вы знаете, что это не такая наука, которая шутить собою дозволяла.

КЛЕОН

О, сударыня, когда это так было, так я сожалею, что не зная начал было сказывать, теперь и я того уже не сделаю (*к Мелин-*

де), но позвольте себя, сударыня, спросить: почему бы вам это так смешно казалось, что мы матушку слушаем и учимся.

Г. МЕЛИНДА

Куда каковы вспыльчивы вы оба, мои светы, и когда требуете от меня усиленно, так я не обинуясь скажу, что мне смешно что вы учитесь, а того еще смешнее, что вы так крепко за науку свою стоите. Ежели бы вы в Москву со своею наукою показались, так бы давно уже вас все пересмеяли.

ФЕОНА (*усмехаясь*)

А мне, сударыня, смешно, что вы так говорите. Я хотя в Москве и не жила, однако, слыхала довольно, что там очень много таких, которые учатся и держат нарочных к тому учителей и мадам, да никто им не смеется, да я не знаю, чтоб в том и смешного было когда человек старается узнать своего Создателя, и что например: как ему жить, чтоб все его дела угодны были Богу, и он бы наконец не впал в вечную погибель.

Г. МЕЛИНДА

Ха! Ха! Ха! Теперь уже я вас не спрашиваю, сама, матка моя, проговорила... Догадалась уже, сударыня, какая ваша наука: Ха! Ха! Ха! уже подлинно наука, самая веселая и приятная, только со всею ее веселостью волен Бог, да и она: пускай кто хочет дурачиться и учиться, а я бы, конечно, была не намерена тому следовать. Вы правду, свет мой, сказали, что я тому не сродна и ее не любила, да и вам дружески советую, чтоб вы лучше о том молчите. Сохрани Бог ежели бы вы так в Москве проболтались, публично бы сударыня освистали, и пальцами бы указывать на вас начали... Да можно ли чему смешнее быть (*сама смеется*), учиться такому скучному вздору. Ведь вам не в полах быть и не в проповедниках. Поверь, матка моя, что ты первый пример этому делаешь, и ей-ей никто тебе не последует. Ха! Ха! Ха! Учиться уже богословии, можно ли не смеяться? Что сударыня, семинария или гимназия у вас, а ваша матушка не профессоршею ли быть хочет?

ФЕОНА

Называйте, как хотите эту науку, сударыня, и хоть век не только ей, но хотя нечему не учитесь, только, пожалуйста, сударыня, оставьте мою матушку в покое. Не прогневайтесь, что я так говорю: вам ее на смех поднимать не годится. она вас умнее, и более знает,

что в свете хорошо, что худо, и мы в тысячу раз ей более поверим, нежели вам, как бы вам все смешно ни казалось. Я сударыня не сомневаюсь, что она будет выговаривать вашей матушке, когда услышит, что вы так ею издеваетесь.

Г. МЕЛИНДА

Не очень спасибо, я того устрашаюсь, матушка ваша, хотя бы мне самой стала выговаривать, так бы я не покраснела, что смешно, то смешно, я бы ей и в глаза сказала.

КЛЕОН (*который до сего времени стоял в стороне и только Мелинде дивился*).

А своей матушке, вы чаю уже бы в глаза плюнули, ежели бы она вас за то бранить вздумала.

Г. МЕЛИНДА

Никак сударь, она бы никогда до такой подлости не дошла. Это бы хуже было неведомо чего, или как ныне говорится алабуржуаз¹⁷, чтоб за такую безделицу бранить. она меня не в таком подобострастии содержит, чтоб ни слова промолвить я не смела. она знает нынешний свет, и ведаёт как это дурно.

КЛЕОН

Хорошо сударыня, может быть это и правда, только вы меня в том не уверите, живите вы со своей матушкой, а я бы не хотел быть на вашем месте.

(*сказав сие пошел Клеон прочь, и отходя тихонько сказал на ухо Феоне*). Перестань сестрица об этом с нею говорить, вы видите какая она. Разве хотите вы чтобы и вас она разругала. Я более терпеть не могу, вот другая Фанни.

ФЕОНА

Перестанем, матушка, об этом спорить. Братец спрашивал меня, где мы станем кофе пить. Не изволите ли в беседку пожаловать.

Г. МЕЛИНДА

Очень хорошо, матушка моя.

ФЕОНА

Пойди же братец, прикажи приносить в беседку

МЕЛИНДА, идучи с Феоной в беседку

Боже мой! Ах как я запыхалась! По сию пору и не вижу того (*сама отряхивается*), тьфу какая пропасть! А все сударыня ваша

коляска это сделала. От дома господина Эраста я ехать принуждена была до вас в ней, а в карете они поехали, куда какая это дрянь ваша коляска, в ней чаю прадеды ваши езжали.

ФЕОНА

Никак сударыня, она очень недавно делана, тому и трех лет нет, как матушка ее купила.

Г. МЕЛИНДА

Так вы нарочно ее купили? Тому-то я бы не поверила. Матушка ваша с излишком уже старины держится. Уже эдакой гроб купить, для чего бы не карету.

ФЕОНА

Да у нас столько достатка нет, чтоб карету со всем набором содержать. Да к тому же по здешним дорогам и ездить в них дурно.

Г. МЕЛИНДА

Это пустое жизнь моя, да лучше ли того ныне последнее уже то чтоб карета была да и карета, надобно быть необходимо модной.

ФЕОНА

О, сударыня, так поэтому нам всякий год и кареты переменять надобно бы уже было, ежели и на них такая же мода как на платье, да у нас столько и достатка не будет.

Г. МЕЛИНДА

Да как же изволишь государыня моя? Не уже ли не хочешь ты себе и платья модного сделать? Это бы всего смешнее было. Пожалуйте сударыня скажите, есть ли у вас чепчик алагрек, или алапровиданс, или прибор алеклипс^(*).

(*) Модные названия, бывшие у нас около того времени в употреблении, в которое сие писано. Я не отважился переменить сие место и согласоваться с нынешними и тем оскорбить нежный слух обожающих с излишком моду. Смешное в чрезмерности сего обожание в прошедшем нам приметнее нежели в настоящем, и приведение оных в пример тем выгоднее, что осмеяние оным читать могут без досады самые те, которые их прежде обожали, и кои первые готовы бы были освистать того, кто бы теперь той моде последовать вздумал. К тому же, какие бы новейшие моды не привести в пример, так не будут ли они чрез самое короткое время таковыми же старыми. (Примеч. А. Т. Болотова.)

ФЕОНА

Что это матушка за чепчик? Я сударыня таких знаний еще и не слыхивала.

Г. МЕЛИНДА хохочет

Ха! Ха! Ха! Как это вы говорите? Еще вы не знаете, что такое алагрек, алапровиданс и алеклипс? Всего уже это смешнее, мне кажется и последнему мужику надобно уже знать, в какой чести и славе ныне эти слова и уборы, а вы еще не знаете. Теперь я более уже не дивлюсь. Видно... Видно, что матушка ваша вас очень нарядно воспитывает. Уже этого не знать. Можно бы поверить было сему то-то, и первое дело чтоб вам теперь знать, какие уборы и какой фасон платья и прочего в моде, и тому-то бы, а не такому вздору о каком вы давеча упоминали, учиться надлежало? Это я в глаза вашей матушке скажу, что она дурно делает. Нет, нет, я хвалю в этом случае свою матушку. она дала мне на волю одевать и убирать себя как я хочу, и купить, что мне полюбится. Да и сама для меня спрашивает, какие новые моды. Прошлою зимою не успели мы в Москву приехать, и я эти новомодные уборы увидела, то матушка мне с первого слова полтора рубля пожаловала на платье и на уборы, и я за одни чепчики дала 50 рублей, а платье из одной новомодной тафты более 70 рублей мне стоило. Да посмотрите моя радость, что это за чепчики и какая прелесть! Теперь уже несколько помараны, однако и тут прелести своей не потеряли, а о платье я уже не говорю. Какая это тафта! Как хорошо сшито! Поверите ли лучше всякого штофа, и мне истинно жаль его здесь надевать в деревнях! Ты сама рассуди моя радость, кому на него смотреть и для мужиков ли я надену такое сокровище.

ФЕОНА

Очень хорошо сударыня, а моя матушка для того мне, конечно, и не делает такого платья, что носить здесь не перед кем, а сверх того полтора рубля для нас не такая безделица, как может быть для вас, сударыня. Прошлою зимой за недородом хлеба мужикам нашим есть было нечего, и мы принуждены были последние деньги покупку им хлеба употребить, да нимало о том и не тужим, а довольны тем, что они у нас по миру не ходили как у других.

Г. МЕЛИНДА

И, как тебе свет мой не стыдно, такую пустошь говорить. Уже бы для мужиков стала я себя принуждать и платья не делать. По мне хотя бы все они с голоду переколели. Великая мне нужда, что они по миру пойдут, да хотя бы матушка такое дурачество сделать захотела, чтоб на последние деньги хлеб купить, так бы я до того не допустила. Я прежде бы занемогла, а не дождалась того, чтоб нам не быть в Москве и мне нового платья не иметь.

ФЕОНА

Очень изрядно сударыня, только я с вашим мнением и в сем случае не согласна, а за главное себе правило почитаю, стараться во всем угождать моей матушке, а вы как хотите поступайте со своей.

КЛЕОН (*прибегав*).

Пожалуйте, сестрица, в хоромы, матушка и Госпожа Филида изволила только теперь приехать, я для того и кофе не велел сюда подавать, да знаешь ли с ними приехала и Госпожа Бетида с учительницей.

ФЕОНА

Не вправду ли братец, о как я ей рада! (*к Мелинде*) Так пожалуйста же матушка, пойдемте в хоромы. Долго ли вы у нас пробудете?

Г. МЕЛИНДА

Не долее чем до завтра, моя радость. Нам есть нужда быть дома, и матушка неведомо как спешит. Мы и на дороге почти не останавливались.

ФЕОНА

Разве какая большая нужда.

Г. МЕЛИНДА

Никак, моя радость, по моему мнению самая безделица, и я не знаю для чего так спешить. Ежели бы от меня зависело, то бы я из Москвы никогда не поехала. Здесь в деревнях как в тюрьме сиди, а там моя радость как это весело. Всегда комедии, оперы, маскарады, гульбища. Можно ли сменить с деревенской жизнью?

Часть II

Известие для читателей

*Читавшие первую часть сей книги, да соблаговолят припомнить, что кончилась она бывшим у Клеона и Феоны с госпожой Мелиндой. Мы оставили их одних дома дожидającychся приезда госпожи Ц** их матери, которая возвращаясь из города заехала с госпожой Филидой посетить одного своего соседа, и что, приездом оных домой, бывший их по саду разговор, принужден был прерваться и они пошли все в хоромы.*

*Теперь надобно знать, что пришедши в оные, нашли они не только их, но впервых чаяния своего, и других неожиданных гостей, а именно госпожу Доримену, свою тетку и с нею девицу Бетиду с ее учительницею, о коих говорено было при начале первой части. Легко можно заключить, что приезд их много обрадовал нашего Клеона и его сестру. А особливо сия последняя была сим случаем чрезвычайно тронута, и мучилась уже нетерпеливостью найти скорее случай к разговорам, дабы оказать пред ними свое знание, и тем некоторым образом отомстить обиду и насмешку, учиненную некогда ей госпожою Бетидою. Но как они с госпожою Ц** съехались нечаянным образом у господина Эраста, и оттуда в одной карете до дома госпожи Ц** ехали, то имела сия госпожа время, как учительницу, так и саму госпожу Бетиду предварительным некоторым образом об обучении детей своих и об их прилежности уведомить, и благодарить, при том первую за подаяние к тому повода. Сие произвело, что учительница и г. Бетида совсем уже другое мнение об ее детях получили. И для того по приезде своем и по взаимном приветствовании стали уже с ними гораздо ласковее и приятнее прежнего обходиться. Госпожа Бетида рекомендовала себя Феоне в особое дружество, и не только от того была уже далеко отдалена, чтоб по прежнему над нею смеяться, но напротив того ласкалась к ней всеми образами. Сие было причиною, что и Феона прежнюю свою на нее досаду совсем оставила, и сама стала почитать ее уже приятельницею.*

Они вскоре вступили между собою в дружеские разговоры, и конечно бы дошли до важных материй, есть ли бы третий их товарищ, а именно госпожа Мелинда: сия модная или с позволения читателя лучше сказать: вертопрашная девушка им в том препятствия не сделала. Веселой или паче сказать ветреный ее нрав не мог иметь покоя. Ее жизнь состояла в том, чтобы только смеяться, хохотать, петь, вертеться, прыгать и говорить о платье и о моде. А как была она притом у матери своей в великой воле, и привыкла делать, что хочет, то и не могла она тут сидеть долго на одном месте. Но тотчас собеседницам своим сделала предложение, чтоб идти в другой покой, и оставить старух разговаривающих между собой. Ибо принуждение, которое она, по крайней мере, для благопристойности при них терпеть принуждена была, сделалось наконец уже ей несносно. Не успели они выйти, как поднят, был ею уже великий шум. Она, не зная госпожи Бетиды, и сочтя ее такой же деревенской жительницей, как и Феону, начала тотчас с великой живостью с нею говорить, рассказывать новые моды и хвастать своим знанием. Госпожа Бетиды, которая недавно сама приехала из города и не меньше ее все знала, тотчас ее сложение заметила и будучи от природы несколько к насмешкам склонною, вздумала играть с нею тогда комедию. Она притворилась, будто ничего не знает. Легко можно заключить, что сие Мелинду еще пуще поострило. Она сочла себя пред ними увышенною, и дала полную волю всем пристрастиям своим. Что она в одну минуту им наговорила, и чего не насказала сим, по мнению ее, деревенским дурам? Все моды, все новые платья, и все покрои, цветы, ленты, бахромки, чепчики, обыкновения, обряды и одним словом все было ей знакомо и известно, и все почти она имела у себя. Сим она еще далеко не удовольствовалась. Надобно было еще на товарищах своих все опорочить. Сим она еще далеко не удовольствовалась, ибо почитала, что незнание их дает ей над ними право и господствие. Она начала сперва с Феоны, как со своей давнишней знакомки, и каких пороков она в ней не нашла? И платок у ней не так был повязан, и кофточка не так сшита, и вырезка не такая, и материи такой уже не носят и так далее, но это все пороки были одного рода, потом дошла она до других. Она начала

осмеивать ее поступки, и говорила ей, что и сидит она не по моде, и ходит по-старинному, и каблуки у нее низкие, и кланяется она не так, и говорит, не картавя и прочее: одним словом все было не по моде и все худо. Не успела она бедную нашу Феону совсем одурачить и в ничто поставить, как обратилась к самой Бетиде, и хотя не зная ее коротко, так вольно и бесстыдно с нею поступать и не отважилась, однако не преминула сделать некоторые критические примечания о ее чепчике, кройке и прочем, и хотела далее продолжать. Как Бетиде будучи уже не в состоянии более удержаться от смеха, в слух захохотав, ей сказала: не прогневай-тесь матушка, я сама только третьего дня из Москвы приехала, а того и половины не видала, что вы нам рассказывать изволили, хотя во многих самых лучших домах бывала.

Если бы в госпоже Мелинде была хотя малая часть смиренно-мудрая, то могло бы сие совсем ее пристыдить. Но не такого духа была наша Героиня. Ее лицо не на то было рождено, чтоб могло природным румянцем краснеться. Она сочла сие за ничто, и поставив в смех, сама еще старалась обратить сие в шутку. Но как бы то ни было, однако с того времени перестала она более говорить о платье и уборах, но всему явлению сделала перемену. Она вынула из кармана несколько лоскутков бумаги и сказывала, что то самые новые песни, и в купе начинала их тананакать¹⁸ и расхваливать своим подругам. Потом захотелось ей танцевать и прыгать, чтоб Феоне показать какие контратанцы¹⁹ танцевали на последнем маскараде. Она побежала по залу, куда за ней и те по неотступной ее просьбе следовать принуждены были. Там началось у нее прыгание и скаканье. Она принуждала и товарищей своих тоже делать, и промучила их сим и другими своими разностями во весь вечер так, что госпоже Бетиде и Феоне наконец уже крайне наскучила, и они неведомо как были рады, что по счастью поспевший ужин, сделал всему тому окончание.

На другой день проспала госпожа Мелинда до десятого часа, ибо так требовала мода, которую она обожала, по чему разбудить ее не могла и сама мать отважится. Но не такова была госпожа БЕТИДА Она стараниями своей учительницы давно уже от того отвыкла, и встала с нею как скоро день стал. И как тогда

наиприятнейшая погода и лучшее время по году было, то взяв одну служанку в проводники, пошли они в сад, чтоб на приятном тогда утреннем воздухе прогуляться. Не успели они туда пройти, как пошла за ними и Феона, которая почти вместе с ними вставши с поспешностью одевши, спешила сделать гостям своим компанию, а в самом деле надеялась во время сей прогулки, иметь удобный случай к важным разговорам, который разговор между ими теперь и последует.

РАЗГОВОР XII МЕЖДУ ФЕОНОЮ И УЧИТЕЛЬНИЦЕЮ ГОСПОЖИ БЕТИДЫ,

в котором равно и сия девица, а после и Клеон имели свое участие

УЧИТЕЛЬНИЦА (*целуясь с Феоною*)

Здравствуй, моя радость! Все ли благополучно вы почивали?.. И не для нас ли вы так рано встали сегодня? Ежели для нас, то я стану, ей-ей, сожалеть, что мы вас обеспокоили.

ФЕОНА

Никак сударыня! Какое это беспокойство? Я и без того привыкла уже всегда рано вставать. Матушка наша изволила нам сказать, что это гораздо лучше и здоровее для нас будет, когда мы вставать будем ранее. А мы, за должность почитая всем приказаниям ее следовать, согласились с братцем сделать в сем случае себе принуждение. Но скоро так уже к тому привыкли, что теперь никакого отягощения от того не было, так и без того для таких дорогих гостей ничего бы не почла себе в отягощение.

УЧИТЕЛЬНИЦА

О, какую перемену вижу я в вас с номняшнего²⁰ времени. Поверите ли госпожа Феона, что вы совсем уже иною сделались. Я вчерашний вечер нарочно примечала все ваши поступки и слова, и не могла довольно нарадоваться, видя вас во всем почти переменяющуюся, и уверяю теперь, что и Бетида моя не станет уже более над вами смеяться.

БЕТИДА

Бессомненно сударыня не стану, но вместо того имею уже ныне истинное к госпоже Феоне почтение, и признаваясь, что и тогдаш-

ний случай мне теперь совестен. Дружески прошу мне то отпустить.

ФЕОНА

Совсем труда не стоит о том просить сударыня. Я была тогда всего того достойна, и теперь не только никакого сердца на вас за то не имею, но и чувствую еще некую благодарность, ибо насмешка ваша мне в великую пользу обратилась.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Да, моя радость! Матушка ваша рассказывала нам, что вы с самого того времени охоту учиться получили, и я не могла нарадоваться, слыша от нее о вашей прилежности, охоте и рачении. Могу сказать, что все благодетельные и прилежные дети для меня милы и приятны, и я не могу налюбоваться, видя прилежное и такое дитя, которое к наукам имеет охоту. Учитесь, учитесь, любезные дети! Нельзя ничему лучше и полезнее для вас быть таковой науке, какой вас матушка обучает. Признаюсь, что это женщина примерная, и госпожа Доримена и половину еще тех достоинств ее мне не описала, какие я теперь в ней примечаю. Поистине можно сказать, что она ученая госпожа, и вы под предводительством такой родительницы можете тысячу польз получить и счастливыми сделаться. Вчера рассказывала она мне план намерения своего, каким порядком вас она учить, намерена, и в чем состоит сия наука. Вы слышали все Бетида, однако я не имела времени сказать вам об истинном удивлении и что я о том думаю. Теперь откровенно признаюсь, что род обучения сего совсем особенный и не иначе как крайне полезен и способен, быть может. Хвалю госпожу Ц**, что она сие средство избрала и желаю сердцем, чтоб она и до воужделенного конца намерения достигла, которое она с толиким успехом начала.

БЕТИДА

И так подлинно обучаетесь вы с братцем всякий вечер?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, обучаемся, и как скоро вечер начнет приближаться, то матушка наша изволит с нами выйти в сад, и начинает нам рассказывать всякие вещи. О! Каких хороших вещей она нам уже не насаждала, и сколь веселы нам сии минуты! Всякий вечер изволит сказывать нам и новое, все нужное и все такое, что нас

в удивление приводит. Поверите ли, сударыня, мы не можем устать ее слушаючи, и не однажды еще не наскучили нам ее разговоры, так они приятны и хороши!

БЕТИДА

Что же вы теперь о ваших сказках думаете?

ФЕОНА

О, сударыня! Пожалуйте мне об них и не упоминайте. Я давно их бросила и стыжусь теперь, что была до них охотница. Много есть вещей и без них, которые нам ведать, и на узнание которых время употребить надобно.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Конечно так, моя радость. И вы сделаете очень хорошо есть ли и впредь такую же охоту и прилежность иметь будете, какую имели до сего, как ваша матушка мне сказывала.

ФЕОНА

Для чего же сударыня и не иметь, когда видим из того очевидную пользу, и когда наука сия нас после счастливыми может сделать.

БЕТИДА

О! Как я сожалею, что мы от вас сегодня ехать принуждены будем, а то бы усиленно попросила госпожу Ц**, чтоб она при нас один вечерний разговор с вами имела, и надеюсь она склонилась бы на мою просьбу? Поверите ли, мадам, (*обратясь к учительнице*), мне неведомо как хочется слышать порядок и род сих разговоров, о которых теперь так много наслышалась, но жаль, что необходимые нужды госпожи Доримены скорого отъезда требуют.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Я сама не менее вашего того желала бы, но что делать когда препятствия отворотить не можно? По крайней мере употребим теперешний случай в пользу. Госпожа Феона надеюсь согласится на наше требование и расскажет нам вкратце содержание всего того, что она на сие время выучила, и тем докажет нам справедливо ли все то, что нам матушка ее о ее памяти и удобопонятии сказывала.

ФЕОНА

С радостью моею готова исполнить ваше повеление, сударыня. И как мы еще не гораздо много времени имели учиться, то при-

знаюсь, что и выучились немногому, и ежели то выключить, что матушка нам о сей науке и ее великой полезности рассказывать изволила, то прочее касается до единого Бога. Теперь уже радость моя (*оборотясь к г. Бетиде*) я не такова незнающа в рассуждении этого пункта как прежде была, но имею о Боге хорошее понятие. Матушка нам все изволила рассказать, что нам об нем ведать надобно, и ежели изволите, то теперь же расскажу вам все то, что я о его существе свойствах и совершенствах знаю.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Вы нам обеим сделали бы чрез то великое удовольствие.

ФЕОНА

С радостью готова сие учинить... И так прежде скажу, что сего великого и бесконечного нашего Производителя, не только нам, но никакому созданию совершенно знать и постигнуть не можно. Для того, что никакое конечное существо бесконечного постигнуть не может. И для того, должны мы довольствоваться одним только знанием какое мы по конечности своей об нем иметь можем и отнюдь не дерзать хотеть вящего²¹. Все же то, что мы об нем при вспоможении единого на нем разума знать можем, состоит в следующем: во-первых, что он начало и причина бытию всех вещей и всему свету который мы видим. От него все произошло, он все сотворил, и сотворил из ничего единым своим всемогущим хотением и словом, ибо само собою вещи сделаться никоим образом не могли и должны были кем-нибудь сделаны быть. Во вторых, что сей великий Производитель, существом своим всесовершеннейший, и имеет в себе все совершенства, все доброе, что только быть может, и лучше и совершеннее ее никакой вещи нет и быть не может. В третьих, что существо его состоит в том, что он такая вещь, которую мы не только видеть, но ни вообразить себе теперь не можем. Для того, что его ни с чем в свете сравнить не можем, а мы только то себе и воображать можем, что на свете есть и что мы с видимыми вещами сравнить можем. Одним словом, он дух, а всякий дух мы теперешними глазами видеть не можем. Существо же всякого духа состоит в том, что он может мыслить и хотеть, которые свойства называются разум и поля. В четвертых, что из прочих свойств и совершенств его, первое есть то, что он вечен: то есть бытие его

не имело начала и не будет иметь конца. Второе то, что он самобытен, то есть, как все прочие вещи имели свое начало от него, так напротив того он ни от кого не произошел, но бытию своему сам причиною и ни от кого не зависит. Третье, что он всегда непременин, но каков совершен был, таков совершен всегда есть и всегда будет, и что совершенства его не прибавиться, ни убавиться не могут. Четвертое то, что он чрезвычайно велик и одним словом бесконечно велик, и все величины против его ничто суть, и что нет такого места, где бы его ни было, одним словом, он наполняет все, находится во всяком месте, почему и называется сие его совершенство везде присутствием. Пятое то, что разум его бесконечно велик и весьма отменен от нашего. Мы не можем и о двух вещах вдруг и в одно время мыслить. Он обо всем мире и обо всех находящихся в нем вещах вдруг мыслит, и знает, и потому сие его совершенство называется все ведение. Шестое то, что и воля или хотение его отменно от нашего тем, что он всемогущее, и что для произведения всего ему только захотеть надобно, и для него ничего невозможного нет, и потому называется сие совершенство его всемогущием. Седьмое то, что он бесконечно блажен, и к блаженству его ничего присовокуплено быть не может. Восьмое, что он бесконечно премудр, то есть, что все дела свои он наилучшим и всепремудрейшим образом делает, а по-пустому ничего делать не может. Девятое то, что он бесконечно свят, то есть, что он доброе в наивысочайшем градусе любит, а худое ненавидит. Десятое то, что он бесконечно правосуден, то есть, что всякое доброе дело необходимо награждает, а злое наказывает. Одиннадцатое то, что он бесконечно праведен или правдив, то есть, что он неправды никакой не может делать, но напротив того обещания свои исполняет верно. Двенадцатое то, что он имеет и любовь всесовершеннейшую, которая, между прочим, состоит в том, что он созданиям своим всякого добра желает, и что ему приятно, когда мы благополучны. Тринадцатое то, что он нам охотно всякое добро делает, которое свойство и называется благодать божеская. Четвертое на десять то, что он доброе нам и без наших заслуг делает, которое свойство его называется милостью. Пятое на десять то, что он не презирает просьбы и самых беззаконных людей, почему и называется сие свойство его милосердием.

А шестое на десятое наконец, что он по бесконечной благодати любви и милосердию своему не тотчас нас за преступления наказует, но щадит и терпит иногда долгое время и потому свойство называется долготерпением Божеским. Вот сударыня! Теперь все, что я о Боге знаю, рассказала вам вкратце и одни только поверхности, и готова бы тому и доказательства и изъяснения предъявить, есть ли бы время не столь короткое было.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Сего и не надобно, моя радость! Мы и тем довольны, и я неведомо как радуюсь, что вы с таким хорошим успехом учитесь, и все так твердо и порядочно помните, что вам ваша матушка рассказывала. Продолжайте, мои светы учиться далее, самое небо вам поможет!

БЕТИДА

Признаюсь сударыня, что и я с крайним удовольствием слушала слова госпожи Феоны, и не могу, чтоб не приписать ей достойную похвалу. Какое это прекрасное начало!.. Но дозвоьте мне сударыня спросить, разве матушка ваша ничего еще вам о христианском законе не сказывала, что вы ни одним словом о том не упомянули?

ФЕОНА

Нет сударыня, мы еще о том ничего не слыхали, но матушка изволит говорить, что о том разговаривать еще рано, и что прежде того нам многие вещи слышать надобно. Теперь намерена она нам сказывать, не знаю, что о свете, и мы нетерпеливо ожидаем того времени.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Госпожа Ц** очень и благоразумно в сем случае поступает. Она видно хочет наперед их изъяснением всех других вещей к тому приготовить, да бы тем удобнее могла она изобразить им всю великую важность откровения и таинств христианского закона.

ФЕОНА

Так, сударыня! Матушка сама изволила нам сие не однажды сказывать. Но дозвоьте сударыня мне вас спросить, что же бы такое о свете нам знать надобно было, и для чего бы знание об нем предследовать²² долженствовало? Я много буду одолжена, есть ли вы мне краткими словами о том скажете.

УЧИТЕЛЬНИЦА

С великою охотою, моя радость! Знание о свете принесет вам великую пользу... Но постойте. Вот пришел ваш братец. (*К Клеону*) Здравствуйте, мой свет! Так ли вы умны как ваша сестрица?

ФЕОНА

О, конечно, сударыня! Я ручаюсь вам за брата, что и он все тоже знает, что и я, и слушает и примечает еще прилежнее моего.

УЧИТЕЛЬНИЦА

О! Какая это пара детей драгоценных! И как счастлива госпожа Ц**, имея таких сокровищ! Поцелуй меня, мой свет! Я не могу, смотря на вас, нарадоваться.

КЛЕОН, *поблагодарив учительницу, сказал потом сестре своей:*

Матушка изволила послать меня проведать, где вы находитесь, и просит, чтоб пожаловали в беседку, куда они все согласились идти кофей кушать, и скоро в сад будут.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Очень хорошо, мой свет! Для чего же и нам туда не идти и им компанию не сделать?

БЕТИДА

А госпожа Мелинда ужели встала?

КЛЕОН

Нет, сударыня! Она еще почивает, и мне сказывали, что сама госпожа Филида три раза ее будить ходила, однако она ее не слушает, и не встает, и для того положили уже ее не дожидаться.

БЕТИДА

Ха! Ха! Ха! По сю пору спать. Какая это удивительная модница! О, мадам! Ежели бы послушали вы вчера ее разговоры вы бы из терпения вышли. И поверите ли мне, вчера госпожа Феона жалка стала, совсем ее бедную одурачила и ни во что поставила, хотя сама ее башмака не стоит, и нам так она наскучила, что мы рады были, что нас ночь с нею разлучила.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Госпожа Мелинда, девица модная и светская, почему и наблюдает она все то, что повелевает мода. Однако вам, мои светы, а особливо тебе госпожа Феона, как девице живущей в деревне, не советую я последовать ее примеру. И хотя последование моде совсем

и не отвергаю, однако надобно знать посредство, и не выходить за надлежащие пределы, ибо и всякая добрая вещь будет худой, есть ли превзойдет, свои границы.

ФЕОНА

Вы бы, сударыня, много меня одолжить изволили, есть ли бы сказали, мне, как в сем случае поступать наилучше.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Все состоит в наблюдении того только правила, моя радость, чтоб не всякому ветру следовать, и не быть так ревностным к подражанию и последованию новым модам, как ныне весьма многие бывают. Поверите ли, что ничего смешнее нет человека, обожающего моду до такой крайности, что всякая новая перемена ему беспокойствие и мучение наводит, и он до тех пор спокоен не бывает, покуда себе того не сделает, не взирая, хорошо оно или худо. Не можно ли по крайней мере взять на несколько времени терпения, и обождать, покуда та мода несколько уже общею сделается, или по крайней мере многие уже ей и самые постоянные последовать будут, а не тотчас, завязав глаза, следовать первым выдачкам, или того еще хуже стараться самой быть помянутою выдачкою, и будучи разумным человеком спешить самовольно записаться в сообщество вертопрашек, кои вместо мнимой похвалы по большей части брань и хулу получают. Поверьте, мои любезные дети, что чрез такое ревностное подражание модам никогда разумнее не сделаетесь, и ни кем разумнее почтены не будете. Человеку молодому не такими наружными безделушками и ничтожностями себя украшать надобно, и ничего глупее нет, как в одном том все совершенства полагать, чтоб на первой на тебе новые моды видели. Глазам всякого разумного человека противна новая мода, когда он ее впервые видит. Он не преминет повторить вновь обыкновенные свои сему злу и непостоянству народному проклятию, и выбрать затейщика и подражателя. На что же тебе подавать к тому повод, чтоб тебя умные люди бранили, другие приписывают то: скажу вам только слово одного славного нравоучителя, который при таких случаях отзывался, что лучше хочет слышать похвалу от одного разумного человека, нежели хулу от ста глупцов, которые сами не ведают, что хорошо и что худо, и что хвалят и хулят. Одним словом не надобно от всех отставать и не надобно делаться

и выдачкою, к тому же и между многочисленными завсегда модами делать благоразумный выбор и следовать более тем, которые находят от всех апробацию, и которых меньше прочих хулимы бывают.

ФЕОНА

Благодарствую, сударыня, за ваше наставление, я постараюсь оное никогда не позабыть, но исполнить сие правило. Теперь прошу вас, сударыня, напомнить давешнее обещание и рассказать нам с братцем то, что давеча было уже начали.

КЛЕОН

А о чем таком сестрица хотела рассказывать вам госпожа учительница?

ФЕОНА

О том, братец, для чего нам знания о свете иметь надобно, о котором матушка нам рассказывать начинать намерена.

КЛЕОН

О, сударыня! Так и я вас о том покорно прошу, и не меньше сестрица чувствовать буду одолжение ваше.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Для таких дорогих детей не почла бы я себе ничего за труд. Итак ведайте, мои светы, что знание света вам для многих причин и весьма надобно, и составляет очень великую важность. Во-первых, какое бы понятие вы теперь о Боге и его свойствах и совершенствах не имели, и как бы пространно матушка вам не описывала и ни изъясняла, но никогда не можете вы иметь совершенного и удостоверительного понятия о его премудрости, благости и любви, и прочих совершенствах, естли не будете знать физики.

КЛЕОН

Не прогневайтесь сударыня, что у вас спрошу. Что это такое физика? Это слово я впервые еще слышу?

ФЕОНА

И, братец, как тебе не стыдно перебивать речь. Мы уже так к тому привыкли, что позабыли, что это не матушка, а госпожа Учительница, с которою мы теперь разговариваем.

УЧИТЕЛЬНИЦА

О, нет ничего, моя радость, это не только простительно, но и похвально. Всякую вещь лучше понимать с основанием, и для чего же

не спросить, когда чего не знаешь. Сие ни мало и никогда не постыдно. Лучше спросить и узнать, нежели не зная заключать, что знаешь.

ФЕОНА

Нам, сударыня, дозволила матушка таким образом себя всегда спрашивать, и братец наблюдал в сем случае старую свою привычку.

УЧИТЕЛЬНИЦА

А вы мне дозвольте похвальное его требование и удовлетворять. (*К Клеону*) Вот, батюшка, я вам скажу, что такое физика. Это мой свет самая та наука, которая научает нас познавать тот свет, в котором мы живем, и которую матушка вам начинать теперь хочет.

КЛЕОН

Не погневайтесь, сударыня! Матушка не изволила нам сказывать, что она особливой науке учить начинать нас станет, и хотела продолжать всю прежнюю.

УЧИТЕЛЬНИЦА (*задумавшись несколько и потом усмехнулась.*)

Так, мой свет, вы правду говорите, потому что сия наука тесно сопряжена с натуральною богословиею, которой, по-видимому, вас матушка по сие время учила, и может некоторым образом почестся продолжением оной, хотя вы совсем уже о других вещах слушать принуждены будете.

КЛЕОН

О, сударыня! Конечно, вы в чем-нибудь в мнении своем ошибаетесь. Матушка наша не называла никогда ту науку натуральною богословиею, которой нас учила, но она сказывала только нам, что это такая наука, которая нас счастливыми сделать может.

БЕТИДА

О, как это смешно мадам! И как хорошо и приятно умеет господин Клеон спрашивать.

УЧИТЕЛЬНИЦА

Ты, мой свет, не проникаешь в заключающуюся тут тайну, которую теперь я несколько открываю... Госпожа Ц** имеет конечно какое-нибудь особое намерение, и нарочно для чего-нибудь не называла им ту науку, которой их обучала. Сколько я примечаю,

то она либо выбирает из всех наук лучшие и нужнейшие вещи, и предлагает им особливую систему, либо сообщая им все называет общим именем наукою благополучия, чем она и в самом деле почестся может... (*К Клеону*) Так, мой свет, может быть я в мнении своем погрешаю, но какая бы то наука ни была, однако теперь будете другой учиться, и матушка вам совсем о других вещах рассказывать будет.

КЛЕОН

О, сударыня, что же будет, естли сия другая наука, не такова весела будет как прежняя, которую мы так довольны были?

УЧИТЕЛЬНИЦА

О нет, мой свет, сего ты не опасайся. Матушка ваша рассказывать вам станет, как сделан сей свет. Из каких вещей он состоит? Какие в нем происходят действия, перемены и прочее. А все сии вещи любопытство ваше еще более возбудить нежели уменьшить могут, и потому не сомневаюсь в том, чтоб она вам наскучила, но больше уповаю, что она для вас веселее и приятнее еще будет. (*К Бетиде*) Ибо рассудите, когда не могли им наскучить высокие вещи касающиеся до познания совершенств и свойств Божеских, то может ли скучить известная вам физическая наука?

БЕТИДА

Конечно, нет, и она им еще веселее будет. (*К Феоне и Клеону*). Нет! Нет, мои светы! Я вам порукою в том, что вы сию науку полюбите. Я сама ей училась и она меня веселила чрезвычайным образом. Вы услышите тут как делается дождь, гром, град, снег, облака и прочее. Одним словом, тысячу вещей узнаете вы таких, которых прежде не знавали. И вы не повторите сударыня, (*оборотившись к Феоне*), что вы научившись сей науке, станете уже на все смотреть другими глазами.

КЛЕОН

Дозвольте мне, сударыня, вашу речь на часок прервать, и сказать одно только слово. Описание ваше сей новой будущей науки меня хотя и прельщает, и я ее не зная уже полюбил, но последнее ваше слово опять меня встревожило. Вы изволили сказать, что мы будем смотреть на все другими глазами. Но какими это другими глазами сударыня? У нас ведь одни глаза?

УЧИТЕЛЬНИЦА

О, Клеонушка! Ты разумною своею глупостью и меня рас-смешил. Не прогневайтесь, что я вас так назвала. Я ей-ей всеми твоими поступками довольна, и беру на себя ответственность за Бетиду. Она вам, конечно, самую правду, но только аллегорическим образом сказала. А в самом деле значит сие то, что вы на все вещи с некоторым уже рассуждением взирать станете, и все они уже в ином и лучшем виде вам представляться будут. Одним словом, самые те, которые остаются теперь без всякого примечания, и мимо которых, вы ныне тысячу раз ходите, ничего об них не мысля, в состоянии будут вас останавливать и заставлять о себе думать, а чрез то не только пользу, но великое увеселение вам производят.

ФЕОНА

Поэтому сударыня она подлинно нужная наука?

УЧИТЕЛЬНИЦА

Конечно моя радость. И я вам давеча сказывала, что она крайне нужна, а особливо для того, что вы тогда премудрость, любовь и власть Всемоущего Создателя нашего почти очевидно видеть будете, и чрез то несказанным образом умножите и свое к нему почтение и любовь, следовательно, свое счастье и благополучие.

ФЕОНА

Это еще того важнее сударыня и я неведомо как нетерпеливо ей скорее учиться желаю.

УЧИТЕЛЬНИЦА

А я не премину нарочно попросить вашу матушку, чтоб она для лучшей вашей пользы сопрягала физику с нравоучением, и тем произвела сугубую пользу. Но что я говорю! Сия мудрая госпожа сама не преминет употребить все то, что к лучшей вашей пользе служить будет.

КЛЕОН

А мне, сударыня, все давешние другие глаза не идут с ума. Кажется, каким образом вещам мне уже в ином виде представляться. Как, например: вот дерево, неужели оно иной вид получит?

БЕТИДА

Ха! Ха! Ха! Как это право вы смешны, господин Клеон.

УЧИТЕЛЬНИЦА

А я напротив того дивлюсь его примечанию, ибо посмотрите, пожалуйте, он не теряет ни одного слова. Но добро, господин Клеон, жаль только мне, что время теперь коротко, а, то бы изъяснила вам сие обстоятельство яснее. А теперь только повторю, что это самая, правда и вы конечно в том не сомневайтесь. Вы сами сие после увидите и признаетесь, что я не солгала. А теперь пора уже нам идти в беседку. Я вижу, что пронесли туда кофейный прибор, почему думать надобно, что и матушка с гостями скоро будет, однако в окончание скажу вам одно сравнение, которое вас к вящей охоте к сей науке побудит. Скажите мне, господин Клеон, ежели бы случилось вам сквозь великолепный город проехать в самую темную ночь, имели бы вы об нем какое-нибудь понятие или нет, и пользовало бы то, что вы в нем были?

КЛЕОН

О, сударыня, со мною это некогда и было, я проехал однажды с матушкою сквозь Тверь, но ежели спросят меня, каков сей город, то ей-ей ничего не знаю. Ибо проехали мы сквозь в самую глухую и темную полночь, и сколько раз тужил и досадовал я, что его не видал.

УЧИТЕЛЬНИЦА

А таково мой свет, бывает и со всяким человеком, которой проживает весь свой век на земле, не стараясь узнать ее здания, великолепия и красот. И как вы хотя были в Твери, но ее не видали, так не знаете теперь света, хотя вы в нем живете, и не будете впредь знать, когда о том не постараетесь. Не спрашивайте меня о сем более, а только помните и учитесь, и тогда-то скажете, солгала ли я, или правду сказала. Ну вот, уже идет из хором ваша матушка.

БЕТИДА

Знаете ли, мадам, что я наконец вздумала? Я хочу отомстить г. Клеону за давешнюю насмешку, и хочу постараться, чтоб он и вправду другими глазами посмотрел. Вы знаете, что у господина Б** есть микроскоп, я положила неотменно оной на несколько времени выпросить, и сообщить на подержание господину Клеону.

УЧИТЕЛЬНИЦА

О, это очень бы хорошо было, но попросите уже у него и воздушного насоса и других инструментов. Вы много их одолжите, сделав чрез то им немалую пользу.

КЛЕОН

Я, сударыня, хотя и не знаю, что такое микроскоп, однако сие отмщение от госпожи Бетиды будет мне крайне приятно, и как могу некоторым образом заключить, что то, конечно, что-нибудь могущее служить мне в пользу, что приношу сударыня вам за то крайнюю благодарность.

РАЗГОВОР XIII МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ
КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ.
ИЗВЕСТИЕ

Гости, бывшие у госпожи Ц**, недолго у нее были, после обеда они тотчас же разъехались. Госпожа Фелида продолжала путь свой, а госпожа Доримена с Бетидою и ее учительницею спешила для того, чтоб поспеть к одному своему родственнику, к которому она для важных нужд ехала, и где несколько времени побыть была намерена. Она дала обещание, возвращаясь оттуда заехать опять к госпоже Ц** и пробыть у ней дня два или три, которым обещанием госпожа Ц** и особливо ее дети крайне были довольны, из которых Феона свела с госпожою Бетидою хорошее дружество, а Клеон получил к ней почтение. Проводивши гостей, и несколько отдохнувши, не хотели дети наши упустить хорошей погоды или паче сказать, мучившись нетерпеливостью, убедили мать свою к тому, чтоб она пошла с ними в сад, и в тот же еще день разговоры свои или науку продолжать начала. Вошедши, они следующим образом говорить начали.

Г. Ц**

Рады ли вы были, любезные дети, гостям нашим, и ты, Феонушка, госпоже Бетиде и Мелинде?

ФЕОНА

Очень, сударыня рада, а особливо я крайне довольна была госпожою Бетидою. Какая это разумная девушка! Поверите ли, хотя ее только в третий раз вижу, и прежде имела на нее некоторую досаду, но ныне ее так полюбила, что желала бы с нею всегда иметь компанию.

КЛЕОН

И я, сударыня, могу сказать, что она прекрасная и приятная девица. Мы много с нею в саду давеча говорили, и она как к сестрице,

так и ко мне очень была ласкова. И знаете ли матушка! Она мне обещала какой-то микроскоп от господина Б** достать, и говорила, что он нам будет очень надобен.

Г. Ц**

Конечно, мой свет! И это бы очень хорошо было, но не позабыл ли ты поблагодарить ее за то, и попросить, чтоб обещание свое исполнила?

КЛЕОН

О, нет сударыня, я тогда же ее благодарил, а при отъезде, провожая ее, старался ей о том напомнить, и нарочно поцеловал у ней руку, чтоб сим лучше обещание свое она исполнила.

ФЕОНА

Я это давеча видела. И знаете ли, матушка? У него с нею все споры были, и он ими ее все в смех приводил давеча, а при сем случае заставил он ее смеяться, прося, чтоб она не позабыла ему другие глаза достать.

Г. Ц**

Какие это глаза, мой свет? Уж не влюбись ты у меня в нее.

КЛЕОН

И, сударыня, что вы это изволите говорить? Она девица разумная, а что касается до других глаз, то у нас о том с нею спор был, и она, помянутый мной микроскоп, другими глазами называла.

Г. Ц**

Да, мой друг, этот прекрасный инструмент может по справедливости другими глазами казаться, и вы об нем от меня услышите вперед довольно. А теперь скажите мне, какова вам Мелинда показалась, и рады ли вы ей были?

ФЕОНА

О сударыня! Какая это мудреная и странная девка! Ежели бы вы изволили знать, что она делала, и что с нами говорила, то не однажды бы из терпения вышли. Поверите ли сударыня, она обеим нам с госпожою Бетидою, резвостью, вертопрашеством и ветреностью своею как горькая редька надоела. Все у нее только Москва да моды на уме, и о ком ни говорила, так всех либо скотами, либо олухами, а женщин алгиньями называла, и никого лучше себя не ставила.

КЛЕОН

Хотя сама, ей-ей, и оной ноги госпожи Бетиды не стоит. Со мною она хотя ничего не начинала, но поверите ли сударыня, ажно омерзела мне своими поступками.

Г. Ц**

Ах, мой друг! Для чего так неучтиво о девице говоришь? Ведаешь ли ты, естли проведает она, что ты об ней такого мнения, то никогда за тебя не пойдет.

КЛЕОН

Сохрани меня от того Боже, чтоб я когда-нибудь и сам на ней жениться подумал. Разве людей уже на свете не будет.

Г. Ц**

О, мой друг! Так у тебя мыслишки о женитьбе уже есть. Но позволь мне тебе сказать, что это еще рано. И для того перестанем-ка мы о том говорить, а лучше скажи ты мне Феона, что с тобою учительница говорила, и чем ты ее так удовольствовала, что она публичным образом тебе великую такую похвалу приписала, что мне самой стыдно уже было?

ФЕОНА

Она, сударыня, спрашивала меня, чему мы учимся. И я принуждена была по требованию их рассказать им вкратце все, что я о Боге знаю. Разве сие считает она за удовольствие?

КЛЕОН

Напротив того, и она нам сударыня много одолжения сделала. Она нам рассказывала важность и надобность той науки, которой вы теперь учить нас хотите. И разве вы сударыня ей сказывать изволили, чему вы нас учить изволили, чему учить намерены. Ибо она называла ее и именем и как теперь помню физикою, и говорила, будто она совсем не такая наука, как прежняя наша, и совсем отменная, почему было я испугался, и думал, что она не такова весела будет.

Г. Ц**

Это правда мой свет, что физика совсем особливая наука, однако она не знает точного намерения моего, да и знать ей не можно, потому что я рассказывала ей вкратце. Я хотя физике учить вас буду, однако не такой как она думает. Собственно наука называемая

физикою весьма пространна и глубокомысленна, и вы ей порядочным образом обучаемы быть не можете. А я по примеру прежнему буду выбирать из нее одни только нужнейшие вещи, или так сказать лучшие цветки, и сказывать вам только то, что к моему намерению надобно.

ФЕОНА

Но не можно ли вам, сударыня, нам объявить, в чем состоит подлинное намерение ваше?

Г. Ц**

Сие хотя бы теперь для вас и не надобно, однако и сказать можно. Вот слушайте, любезные дети. Все то, что человеку в жизнь свою знать надобно, и что может служить к его благополучию, можно включить в следующие три познания. А именно: во-первых, чтоб знать Бога, во-вторых, знать мир или свет, в-третьих наконец, чтоб знать человека или самих себя. Но сии три слова заключают в себе великое множество других знаний. И как все сии нужные знания получаемы были человеками не вдруг и не в одно время, но час от часу стараниями их приводимы были в лучшее совершенство, да и поныне приводятся. А между тем их великое и такое множество собралось, что никоим образом в одну книгу всего вместить невозможно сделалось, то за благо рассудили между всеми сими различными знаниями сделать разбор, и разделить их по разности материи на разные классы, дабы тем с лучшею способностью можно было о распространении знания в каждом роде вещей стараться. А от того и произошли весьма многие и особливые науки, как например богословие, философия, физика, математика и прочие, и каждая наука говорит о чем-нибудь особливом. Например, богословие о Боге, физика о натуральных вещах и так далее. Но как всякая из сих наук писана систематическим образом, то есть все вещи в ней как некая цепь связаны. Притом, главнейшее старание употребляется входить в рассуждения всех вещей в самую тонкость и подробность, так и надобно им учиться необходимо по книгам, а не таким образом как мы в разговорах. К тому же вы, мои любезные дети, к тому еще неспособны.

КЛЕОН

Да для чего же мы, сударыня, к тому неспособны.

Г. Ц**

Для того, мой свет, что у вас разум еще незрелый, и вы все понимать еще не можете. В них такие тонкие и глубокие вещи есть, кои не иначе, как зрелым и таким разумом понимаемы быть могут, который обо всем уже порядочно рассуждать может. А вы мои свет-ты до того не достигли, но разве года чрез три или четыре ты, мой друг, к тому способен будешь.

КЛЕОН

О, сударыня, а я думал, что уже все понимать могу.

Г. Ц**

Нет, мой свет! Да тебе так высокомысленну быть никогда не надобно, а хотя бы ты подлинно все понимать в состоянии был, однако тебе надобно всегда думать, что ты не все понимать можешь, и знаниями своими отнюдь не гордиться. Человек должен век жить, век учиться.

КЛЕОН

Да скажите, сударыня, когда мы не можем еще понимать наук, то для чего же вы им также нас учите. Ведь мы сударыня понимаем же, я право все помню, что вы не изволили сказывать, да кажется и понимал все как надобно.

Г. Ц**

Это правда, что ты понимал, но это и понимать тебе можно. Но ты мой друг еще не выслушал всей моей речи. Я рассказала вам только о происхождении наук, а о намерении моем еще не объявила.

КЛЕОН

Так пожалуйста же нам объявите и о намерении своем.

Г. Ц**

Итак я, зная, что вы порядочным образом помянутые высокие науки учить еще не в состоянии, к тому же может быть время, случай и обстоятельства не дозволят вам и впредь учиться, предприняла учить вас их совсем особливим образом, а именно, выбирать из всех наук самые нужнейшие вещи предлагать вам их в разговорах приятным и таким образом, чтоб вы понимать могли, а в самые тонкости и подробности отнюдь не входить, потому, что они вам скучны быть могут, к тому же по нужде можно и без них обойтись, а особливо тебе, Феона.

ФЕОНА

Да как же, матушка?

Г. Ц**

Потому моя радость, что ты женщина, а всякой женщине в самые тонкости наук углубляться почти совсем излишнее. А довольно когда она некоторое посредственное понятие об них иметь будет. Дело не в том состоит, чтоб знать все вещи в самую тонкость, но в том, чтоб знанием оным пользоваться. А пользоваться можно столько же хорошо имея и посредственные о вещах понятие, сколько и имея и самое совершеннейшее, а такое понятие чрез разговоры наши ты и получишь. И так останется тебе только, чтоб ты полученное о вещах знание не употребляла всуе, но им пользовалась. А не так бы сделала, как многие люди, которые весь свой век трудятся и стараются о распространении знания своего, а об употреблении в пользу приобретенных знаний своих совсем позабывают. Следовательно, скорлупу одну в орех гложут, а ядра не замают. Что же в таком знании, хотя б оно было и наисовершеннейшее, и не тщетно ли их труды пропадают?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, так и мне кажется, такой случай подобен тому, что естли б поставили перед мной целую корзину прекрасных яблок и других плодов, а я бы их стала все только перебирать и ими любовалась, а ни одного бы не съела.

Г. Ц**

Рассуди, же не глупа ли бы ты тогда была?

ФЕОНА

Конечно, бы глупа, сударыня, и глупее бы меня быть не можно. Однако я до такой глупости довести себя никогда не уповаю, а по крайней мере буду всеми образами стараться, чтоб пользоваться моими знаниями.

Г. Ц**

Дай Боже, чтоб ты и успех в том имела. Я много бы и с моей стороны тому радовалась. Ибо в таком случае труды и старания мои не пропали бы по-пустому.

КЛЕОН

Да разве, сударыня, есть такие люди, которые знания свои не употребляют в пользу?

Г. Ц**

Не только есть, но и весьма много таких людей на свете. Я сама видала многих ученых людей, знающих важнейшие науки наисовершеннейшим образом, а жизнь свою совсем развратно провождающих, и чтоб ты например о тех людях думал, которые бы богословию и нравоучение не только сами совершенно знали, но и других бы многих сим наукам обучали.

КЛЕОН

Да я, матушка, еще не знаю, чтобы это за науки были. Вы ведь сударыня нам о том еще не сказывали.

Г. Ц**

Да, я позабыла, что вы еще о том не слыхали, однако это не мешает, я тебя спрошу другими словами. И так, чтобы ты о тех людях думал, которые бы например о Боге, о его свойствах и совершенствах и о всех должностях человеческих наисовершеннейшее понятие имели, и не только бы сами знали, что им в жизнь свою делать надобно, и чего не делать, но и других бы многих учили? Чтобы ты об них заключал в давешнем случае?

КЛЕОН

То, сударыня, что они сие знание употребляют в пользу. И мне кажется чем они обстоятельнее все знают, тем исправнее все исполняют, что им делать надобно, и например, чем совершеннее знают, как человеку жить надобно, тем лучше и живут.

Г. Ц**

А я тебя, мой свет, совсем о противном уверю, и скажу, что многие из сих при всем своем обширном знании, еще хуже живут, нежели наш скотник, который, как вы ведаете сами, ничего из вышеупомянутого не знает, но со всем тем прямо добрый человек. И вы сами знаете, что его не только никогда еще ни за что не бивали, но никто и не бранил почти. Вот видишь, мой свет, на свете ныне люди, каковы. Вперед вы более о том от меня услышите, а теперь только скажу, что боюсь, чтоб и с господином Клеоном того же не сделалось.

КЛЕОН

С кем это сударыня?... со мною?

Г. Ц**

Да, моя радость, с тобою.

КЛЕОН

И, матушка, матушка! Что это вы, сударыня, говорить изволите? И почему так худо изволите обо мне заключать? Боже меня от того сохрани? Неужели я таким глупцом захочу быть, и скотнику нашему преимущество над собою дам. Нет, сударыня! Пожалуйста этого не думайте, я до такого дурачества никогда не дойду.

Г. Ц**

Это бы очень и хорошо было, и я бы много тому радовалась. Однако со всем тем немного же ты на теперешнюю свою храбрость полагайся, времена переходчивы. А ты, мой свет, ничего еще на свете не видал, и из лет младенческих почти еще не вышел. Как приумножатся твои лета, так и мысли другие в голову пойдут. Вы молодые молодцы всегда склонны позабывать все то, что вы в молодости своей выучили, и вместо того что б с преумножением лет, получив зрелейший разум, о продолжении учений своих и о том стараться, чтоб час от часу в знаниях своих совершеннейшим делаться и ими пользоваться. Вы совсем и то бросив позабываете, что и прежде знали, а чрез то, сняв узду с пристрастий своих, и дав совершенную волю сердцу своему, забродите, наконец, в такие пропасти, из которых никакая человеческая рука вас освободить не в состоянии, и где наконец погибаете невовратно.

КЛЕОН (*подумав несколько*).

Нет, пускай кто хочет себе делает и позабывает, я сударыня, конечно до такой крайности дойти не уповаю, но имею на одну вещь несомненную надежду, которая меня верно до того не допустит.

Г. Ц**

Нельзя ли, мой свет, и нам сообщить, какая бы такая эта вещь была, на которую ты надеешься?

КЛЕОН

На что это вам сударыня? Вы сами знать изволите и сами мне это сказывали. Однако ежели вам весь порядок моих мыслей сказать, то ведь это, сударыня хорошее будет дело, ежели я все узнанное не только не позабуду, но еще стараться стану более узнавать, и сии знания употреблять себе в пользу.

Г. Ц**

Конечно, мой свет, хорошее и с тем особливим преимуществом, что оно будет служить к твоему благополучию.

КЛЕОН

Ну хорошо, сударыня, когда это хорошее дело, так бесспорно оно и Богу не противно. Ибо вы изволили нам сказывать, что он доброе бесконечно любит, как напротив того, злое или худое бесконечно ненавидит. Ну когда же Богу это дело приятно, то он бесспорно мне и даст, когда я его о том просить стану, ибо вы изволили нам сказывать, что он по благодати свое созданиям своим охотно всякое добро делает, а по милости своей делает сие добро и без заслуг наших. Ну знаю же я теперь, что он вездесущ и всеведущ, следовательно просьбу мою, верно, услышит. А наконец, ведая, что он Всемогущ и все сделать может, то для чего же мне твердо и не уповать, что он сие сделает, и для чего же в том сомневаться.

ФЕОНА

Постой братец, ты еще одно позабыл. Матушка изволила сказать, что это дело будет служить к твоему благополучию. Ну вспомни же теперь, что Бог к созданиям своим наисовершеннейшую любовь имеет, которая в том состоит, что он созданиям своим всякого добра желает, и ему приятно, когда мы благополучны, следовательно тем охотнее исполнить нашу просьбу.

Г. Ц**

О, подите ко мне и поцелуйте меня, любезные дети. О, как я вами довольна, и как умны вы становитесь! Заключайте всегда при всяких случаях таким образом, нельзя сего быть лучше, и ты не погрешил Клеон, взяв надежду на Бога. Это средство одно может тебя от всего худого предохранить, а в добром вспоможении сделать, а не сомневайся только о его вспоможении, и веруй бесспорно, что он сие сделает. Бог не преминет и наградит тебя за то. Ибо когда вы сие все помните, то не забыли, надеюсь и того, что он и правосуден и всякое доброе дело награждает. Могу сказать, что вы мне великое удовольствие сделали, и я в воздание за то сегодня же начну вам сказывать о свете. Может быть успею я хотя вступление к тому сделать, и вам предварительное понятие дать.

КЛЕОН (*целуя с сестрой у матери руку*).

Вы много нас тем обрадуете сударыня... Мы для самого того все сие время с нетерпеливостью и ожидали вас.

Г. Ц**

Очень хорошо, любезные дети, но наперед перейдем на сии дерновые канаве: здесь солнце в глаза нам начало светить.

Пришедши туда и севши все трое, Клеон по одну, а Феона по другую руку у матери, начала она несколько подумав и собравшись с мыслями, следующим образом говорить:

Ну, мои любезные дети, по сие время, говорили мы об одном Боге, и я рассказывала вам о его существе, свойствах и совершенствах. Теперь обратимся мы и к другим предметам, и посмотрим на дела рук его. Станем говорить о его созданиях, или о всех тех вещах, которые кроме Бога на свете бытие свое имеют, и оное от него получили. Посмотрим на устройство сего мира общее. Станем рассматривать устройство разных частей, из которых он состоит, а из того всего примечать премудрость великого производителя нашего. Мы увидим, с какою непостижимою премудростью все на свете и создано и учреждено. Увидим, какое попечение он обо всем имеет, а из того станем извлекать весьма важные для нас пользы.

ФЕОНА

Учительница госпожи Бетиды, рассказывая нам о важности начинаемой вами науки, сказывала, между прочим, что какое бы мы совершенное понятие о божеской премудрости и любви и прочих его совершенствах не имели, но никогда не можем твердо удостоверены быть в том, есть ли не будем знать физики или науке о мире. Правда ли это или нет, сударыня?

Г. Ц**

Конечно, правда, моя радость. Из прежних разговоров узнали вы оные свойства и совершенства только по моим сказкам, и мысленным заключениям. А теперь как станем рассматривать создания, так увидите вы очевидные тому доказательства. Всякая вещь будет вам служить свидетельством премудрости или много какого свойства божеского, следовательно, и удостоверять вам в справедливости всего того, что вы от меня по сие время о Боге слышали. А от того произойдет следствие, что вы тем большее по-

буждение иметь будете любить и почитать такого великого создателя. А сие натурально много уже поспешествовать будет вашему благополучию.

ФЕОНА

О, сударыня, когда для этого знать надобно мир, так я с особливym вниманием слушать и примечать буду.

Г. Ц**

Есть, любезные дети, и кроме того другая надобность знать о мире. Человеку великий то стыд, ежели он, живучи на свете и весь свой век, прожив, а не будет знать того, где он живет или жил. Не самое ли тоже будет, как например, есть ли бы ты жила во весь свой век в одном доме, и не хотела бы никогда из покоев выйти и посмотреть, каков этот дом снаружи, и как он весь построен. А довольствовалась бы тем, что ты тот покой внутри видела, в котором ты живешь.

ФЕОНА

Конечно так, сударыня! Я бы очень глупо сделала.

КЛЕОН

А не менее и я не хотел бы быть таким человеком. Но дозвоьте мне, сударыня, спросить, каким же образом можем мы узнать свет? Ведь он надеюсь очень велик, и где нам везде быть и все видеть?

Г. Ц**

Да того и не надобно, мой свет, ибо чего не можно нам видеть, то видели другие и нам сказывали, следовательно, довольно и того, что мы от них то знаем, чего сами видеть не в состоянии. Однако совсем тем, мне надобно вам и то наперед сказать, что в этом случае все знание человеческое несовершенно. Знайте, что Богу угодно было человека не так создать, чтоб он сам собою тотчас весь свет узнать мог. А он положил в него только к тому способность и хотел, чтоб человек старался сам исподволь и мало по малу все и от часу более примечать и узнавать. Самые древние предки наши знали очень мало о мире, и имели об нем мудреное понятие. Потомки их старались узнавать его более и сие познание до самых нынешних времен час от часу приумножается более. И хотя наверное сказать можно, что мы теперь, в тысячу раз более уже свет знаем, нежели предки наши знали. Однако совсем тем и тысячной доли

всего еще не знаем, хотя ежедневно о том многие наиприлежнейше стараются.

ФЕОНА

Да для чего же бы, матушка, по сие время всего узнать было невозможно. Ведь свет давно уже стоит и можно бы уже много узнать?

Г. Ц**

Очень много и знают уже, моя радость, а всего узнать для того невозможно, что в свете есть много разных вещей, которые так мудро сделаны, что многих из них никакой ум человеческий постигнуть не может. А и прочие узнавать великого искусства и труда стоит. Для узнания всего должны мы по большей части одни свои чувства, то есть, либо зрение, либо слышание, либо вкус, обоняние и осязание употреблять. А есть тысячи таких вещей, которых мы сами чувствами узнать не можем. Например, иные вещи очень от нас далеко, и мы их обстоятельно рассмотреть никак не можем. Иные чрезвычайно мелки и малы. Иные совсем невидимы и для того принуждено было сыскивать какие-нибудь вспомогательные средства, и выдумывать инструменты, которые бы глазам нашим помочь могли. А об иных вещах совсем по другим догадываться и доходить. Но ко всему тому надобны труды, прилежность и любопытство, а сверх того знание многих наук, но как к сим трудам не много охотников сыскивается, то натурально и успех во всем не гораздо мог быть великий, а особливо в прежние века. Науки были долгое время в худом состоянии, охотников до них мало, следовательно, рассматривать и узнавать было некому. А как в нынешние времена науки везде процвели, и много охотников и трудолюбивых и любопытных людей нашлось, то натурально и узнавать стали более, и во сто лет и узнано больше, нежели в 5000 лет. Однако, со всем тем есть множество еще таких таинств натуры, которые не открыты. Да думать надобно, что никто их и по окончании мира не узнает.

КЛЕОН

Я хотел, сударыня, у вас давно уже спросить, что это такое натура называется? Пожалуйте мне матушка это растолкуйте.

Г. Ц**

Мне и надобно вам это слово, любезные дети, конечно, растолковать. Слово натура употребляется во многих и различных случа-

ях, и знаменуются иногда им разные вещи. Но, в самом деле, значит оно не иное что, как сопряжение всех вещей в свете, или как бы вам яснее сказать, весь тот порядок, который Богом в свете между вещами устроен. Почему когда говорится, что это натурально, то разумеется, что то уже по устроенному в свете между вещами порядку само собою так следует. Впрочем, надобно вам знать, что натура по-русски называется естество, также иногда и природа. А в иных случаях в разговорах знаменуется и Бог натурою. Например, когда говорится: это и это так натура произвела, что не иное что значит, как та вещь Богом уже так сделана и для того не надобно, никогда натуру Почитать Богом. Натура сама собою ничего произвести не может, потому что она сама ничто как порядок устроенный Богом. А порядок может ли что-нибудь сам собою сделать?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, не может, а его самого надобно кому-нибудь наперед учредить, и это бы всего смешнее было, еже ли бы натуру почесть Богом.

КЛЕОН

Еще я матушка спрошу у вас одно слово... Все ли вы сударыня знаете, что по сие время узнано о свете, и все ли нам пересказать изволите?

Г. Ц**

Я вам расскажу любезные дети все, насколько я знаю, или сколько вам по крайней мере теперь знать надобно.

КЛЕОН

Да разве не все теперь нам знать надобно?

Г. Ц**

Конечно, не все мой свет, а довольно, когда вы знать будете одни нужнейшие поверхности, а в самую тонкость как я уже прежде сказывала входить никоим образом не можно, потому что к тому надобно наперед учиться многим наукам и всей философии порядочным образом, а к тому ваш молодой ум еще не способен. Когда будете старше тогда можете сами и без меня в самую подробность входить.

КЛЕОН

Да как же сударыня, еже ли нам что непонятно будет?

Г. Ц**

О таком вы меня спрашиваете, я буду стараться вам по возможности растолковывать, однако вам не столько непонятного сколько невероятного случаться станет. И я наперед уже знаю, что вы мне во многом верить не станете.

КЛЕОН

Никак сударыня, я вам во всем поверю.

ФЕОНА

А я матушка, конечно, такова глупа не буду, чтоб слова ваши неправдою почесть.

Г. Ц**

Как вы меня ни уверяйте, однако я тому не верю, а знаю, что этому необходимо воспоследовать должно, и для того наперед вам сказываю, чтоб вы лучше мне открывались в том, что вам невероятно покажется, нежели стыдась сказать, наполовину будете верить и в сомнении оставаться.

КЛЕОН

Не знаю, почему бы это так было. А мне кажется, я готов вам во всем верить.

Г. Ц**

Нельзя моя радость! Ты и в первом слове мне не поверишь.

КЛЕОН

О, матушка, напрасно изволите это говорить. Извольте сударыня это слово сказать, какое бы оно ни было, и как я ему не поверю?

Г. Ц**

Очень изрядно, только ты скажи его по самой сущей правде и не лги... Ну поверишь ли ты этому?.. Я вам сказываю, что земля на которой мы живем кругла как яблоко, что люди кругом на ней живут, и что есть и под нами люди, которые к нам ногами, а вниз головою ходят. Поверите ли вы этому?

КЛЕОН

Да... Да... сударыня!.. не знаю... не знаю, что сказать, а ежели хотите правды, то признаюсь, что мне это невероятно. Как людям под нами быть? Разве там другое небо и другая земля?.. Но как им головою вниз ходить?

Г. Ц**

Вот глупенький! Чья правда?.. Не моя ли? А таких случаев очень много случаться будет.

ФЕОНА

Да неужели, матушка, это воистину так, как вы изволите говорить?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и в том никакого сомнения нет только не так как брат твой говорил. Другого неба и другой земли нет, а небо тоже что у нас, и земля та же, на которой мы живем.

ФЕОНА

Еже ли бы кто другой, а не вы нам это сказывать изволили, так бы никогда я этому не поверила, а вам сударыня должна теперь уж поверить. Но пожалуйста сударыня скажите, когда земля та же, так поэтому к тем людям и дойти можно?

Г. Ц**

Конечно, можно моя радость. Да всякий год к ним и от них к нам множество и кораблей и людей сюда ездит, и еже ли бы захотели мы, то бы и нам туда съездить было можно.

КЛЕОН

Куда бы мне этого хотелось. Посмотрел бы я какие там люди и какая там земля.

ФЕОНА

И! Как тебе братец не стыдно! Успеешь еще сударь съездить, не перебивайте речи, надобно о деле говорить, а не пустое. (*К матери*) Нет! Воля ваша матушка, мне все это непонятно. Да каким же образом сударыня очутиться там небо наше, когда те люди под нами?

Г. Ц**

Это для того тебе непонятно, моя радость, Что ты еще не знаешь как устроено небо, да и землю не так себе представляешь, как я тебе сказывала. Представляй ее себе круглую как шар, или как совершенному яблоку быть надобно. А не так например, как тарелку круглую.

ФЕОНА

Как яблоко или как шар, сударыня? Такой шар, что в кегли играют?

Г. Ц**

Например хотя такой, что во всей поверхности этого шара живут люди, и ходят ногами по земле, а головою прочь от ней. Да вот постой, моя радость, я представлю вам это примером, и вы лучше увидите. Мне вспомнилось, что у меня есть в кармане citron, так я вам на нем покажу. Но пойдёте наперед в беседку, здесь что-то ветрено. *(Вынимает свежий citron и булавки, и обтыкивает кругом его оными, не дотыкая булавки совсем в лимон, а оставляя понемногу.)*

КЛЕОН *(смотря прилежно)*.

Да на что же это матушка в лимон втыкаете вы булавки?

Г. Ц**, обтыкав кругом весь лимон булавками.

А вот на что мой свет. Этот citron пускай будет наша земля, которая действительно на эту фигуру походит. А эти булавки люди, живущие на земле, а булавочные головки были бы головы людские. И так смотрите теперь, каким образом земля сделана, и как люди на ней живут. Видите одни булавочки теперь наверху, другие под исподом. Положим же теперь, чтоб эти верхние булавочки были мы, так не придется ли эти нижние под нами, и не вниз ли они головами, а к нам ногами?

ФЕОНА *(удивившись)*.

Вот ажно как?... Да, теперь я матушка это уже вижу...

Но как же сударыня вот эти булавки *(указывая на боковые)* уже совсем на боку и головками в стороны, как же они не попадают, или вот эти исподние, каким же образом они на земле держаться, ведь они не привязаны?

Г. Ц**

То-то и удивительно, моя радость, что они не попадают. Но это уж так сделано Богом, и сие в самом деле можно почестъ таинством натуры, которое по сие время еще достоверно не узно. Мнение ученых о том двоякое, иные говорят, что Бог вложил в землю такую силу, которая все вещи к себе притягивает, ибо известно, что как здесь, ежели бросить камень вверх так он упадет на землю, так и там если бросит камень вниз, то он упадет опять на землю же. А другие напротив того, что это не от того, а держит и жмет все вещи к земле, особливого рода воздух или некая особая материя

называемая эфир, и сие мнение еще более походит на правду, а в самом деле как это делается никто достоверно не знает.

ФЕОНА

А я бы сударыня сказала, что первое вероятнее. Воздуху, мне кажется, как бы держать?

Г. Ц**

Это не потому моя радость: ты не знаешь, что такое еще воздух.

КЛЕОН (*который во все это время на лимон смотрел*).

Дивлюсь я, сударыня, всему этому... Да как же матушка земля кажется нам плоска, а не кругла?

Г. Ц**

Так мой свет, но это от того, что мы круглоты ее приметить не можем. Ежели бы земля была не велика, то бы и покатошь и окружность ее была видима и приметна, а то она очень велика, следовательно, и на ста верстах круглота очень невелика, и не может быть видима, а кажется плоскою.

ФЕОНА

Не прогневайтесь, матушка, что я еще одно слово скажу. Нельзя ли нам сударыня знать, почему узнали, что земля наша кругла, а не плоска?

Г. Ц**

Для чего моя радость, я вам это скажу. В прежние времена думали все и почитали, так как и ныне простой народ незнающие думать, что земля плоска, а не кругла. И сие до тех пор продолжалось, покуда не найдена Америка, и покуда не стали прилежно всего рассматривать. Правда хотя и древние философы из затмений солнечных и лунных заключали, что земле надобно быть круглой, однако совсем тем представляли они ее себе более тарелкою, нежели яблоком или шаром, и незнание всех на свете земель было наглавнейшею тому причиною. Но как скоро четвертая и новая часть света лет за двести пред сим найдена, то увидели совсем тому противное.

КЛЕОН

Не помешаю ли я матушка вам, когда спрошу, что это за новая часть света, и как она найдена? Об этом я никогда не слыхивал.

Г. Ц**

Нет, моя радость, не помешаешь, и мне можно тебе о том на коротких словах рассказать. Тебе надобно знать, что на свете не одно наше государство, а есть очень много других. Например вот в эту сторону (*указывая на полночь*²³) несколько влево живут подле нас шведы и норвежцы, в эту (*указывая на запад*) живут подле нас поляки, а за ними немцы, там французы, гишпанцы и португальцы, а по сторонам несколько других народов. А в эту сторону (*указывая на полдень*²⁴) живут от нас турки и татары. И в одну только сторону (*указывая на восток*) простирается наше государство и Сибирь до самого моря, хотя и тут в правую сторону живут китайцы и многие другие народы. Одним словом, на свете очень много народов и государств, и все они довольно обширны, но того не довольно. Вам надобно знать, что все сии государства окружены большим и широким морем, и все земли разделены на три части, из которых одна и та, в которой мы живем, называется Европа и простирается отсюда на запад, другая называется Азия, и лежит на восток, а третья Африка, которая лежит вот сюда на полдень. Все сии земли и государства были уже известны, потому что из государства в государство переходить и ездить было можно. А чтоб такое затем широким морем было, которое окружает все сии земли, и называется океаном, того никто не знал, и потому почитали его бесконечным, и никто не отваживался искать его конца. А о землях и думали, что их только на свете и есть, сколько знали, и более нет, и земля плоска. Но как в нынешние веки кораблеплавание приведено в лучшее состояние, и по морю можно стало с меньшим страхом, нежели прежде ездить, также и любопытство народов увеличилось, то нашлись охотники отважиться ехать в это большое море и искать его конца. Но что же впоследствии, любезные дети. Это было в Гишпании, откуда этот корабль отправился. Он поехал все в западную сторону и ехал очень долго. Несколько месяцев кряду и почти год они на этом пути были, но ничего кроме воды и моря не видали. Наконец приходило уже им есть и пить нечего, они хотели было воротиться уже назад, как вдруг и нечаянно в такой ужасной дали увидели землю, о которой до того времени никто не слыхивал. Они сошли туда и узнали,

что эта земля так велика, что почти равна всем трем частям света, которые до того были знаемы. Сию-то новорожденную землю называли они Америкою, и об ней-то я вам сказывала.

ФЕОНА

Да почему же бы матушка из этого заключить, что земля наша круглую фигуру как этот лимон имеет? Может быть, сударыня, за тою землею еще другие такие же земли есть?

Г. Ц**

А вот почему моя радость, как скоро нашли сию новую и четвертую часть света, то увеличилось любопытство народа, они тотчас старались ее объехать, и увидели, что и она окружена почти кругом морем. В намерении не найдут ли они еще каких земель, поехали они еще далее на запад, но что же бы вы думали, куда бы они приехали? К нам сюда назад и к тем землям, которые были известны, а того еще удивительнее, поехали вот в эту сторону на запад, и все ехали в одну сторону, а приехали уже вот с этой стороны с востока, следовательно, сзади, и оттуда можно было им уже сухим путем до того места прийти, откуда они поехали. Потому-то догадались уже, что земля круглая, и всю ее кругом объехать можно.

ФЕОНА

Это, конечно, удивительно, сударыня, и хорошее доказательство, что земля круглая. Поэтому и всякому обойти ее можно?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и ежели бы например пойти с этого места в которую-нибудь сторону, и идти и ехать все прямо, то придешь опять на это место сзади, и это уже довольно доказывает, что земля круглая.

КЛЕОН

Вот ажно как это, сударыня, а мне право никогда бы не пришло в голову. Теперь я уже поверю, что земля кругла, хотя мне и кажется она плоскою.

Г. Ц**

Что она кажется плоскою, тому причиною глаза наши. Я вам любезные дети, в подтверждение того, что земля кругла, а не плоска, и другое доказательство скажу. Глаза наши видеть только тогда могут, когда им ничто не мешает, а ежели им что мешает, так они

видеть не могут. Например, можешь ли ты сквозь эту стену что-нибудь в саду видеть? Ведь нет, моя радость? Стена тебе мешает, и ты сквозь ее не видишь, а так-то и с землей нашей.

КЛЕОН

Как это, матушка? Тут мешает нам стена, а там что нам мешает? Место случается ровное и гладкое и ничего нет, как бы не видеть есть ли бы она кругла была? Мне вспомнилось теперь, сударыня, как мы прошлого года в степную нашу деревню ездили, и ехали к Тамбову. Какая это большая степь тут, и какое ровное место. Как же не видно было, что земля кругла, а казалось все ровно гладко и плоско.

Г. Ц**

Очень хорошо, и ты мне кстати эту степь напомнил. Я тебе самым сим примером докажу, что земля кругла, а не плоска. Но наперед возьмем в пример себе какое-нибудь здесь поближе место. Вот смотрите в окно любезные дети. Видите ли вы наш погост?

КЛЕОН

Видим сударыня.

Г. Ц**

Но видите ли вы наш лес который позади погоста? Ведь нет? Но для чего же вы его видеть не можете, ведь между нами и лесом никакой стены нет?

КЛЕОН

И, матушка, хотя никакой стены нет, да лес стоит сударыня туда несколько ниже, и видеть нам этот пригорок и высокое место, где погост стоит, мешает. А ежели бы этого пригорка не было, и было бы ровное место, то бы как его не видеть? Я бы и Бог знает, как далеко увидел?

Г. Ц**

Очень хорошо мой свет! Так тебе этот пригорок, следовательно, земля, видеть лес мешает, а ежели бы было ровное место, так ты бы увидел? Но возвратимся мы к давешней степи, об ней ты сам говорил, что она ровна и гладка, то для чего же ты не мог очень долго города Тамбова увидеть, ведь он выше нашего леса? В нем высокие церкви есть, так бы для чего его тотчас не увидеть, как мы в степь въехали? Например, от села Лысых Гор, ведь тут ни горы, ни сте-

ны нет? Да помнишь ли ты всходил еще на земляной вал, который в степи и оттуда смотрел? Для чего же был Тамбов невидим, и ты не прежде его увидел, как когда мы уже недалеко от него были?

КЛЕОН

Этого я не знаю сударыня, пожалуйста мне скажите.

Г. Ц**

Ни для чего мой свет, как для того, что земля кругла. Тамбов стоит уже несколько ниже, и между им и селом Лысыми Горами, земля хотя и кажется ровной, однако, в самом деле выпукла, и составляет небольшой пригорок, как здесь между лесом и нами, а как мы это высокое имеющее место переехали, то и Тамбов нам виден стал. А по сему сравнению должны о всей земли заключать, а именно, что нам дальние места для того не видны, что они лежат чем далее, тем ниже, и нам видеть их округлость земляная мешает. Но на сухом пути все еще не так приметить можно, как на море. Земля бывает и неровна, а воды глаже быть не может. Так для чего бы чрез море другого берега или города, какого видеть было не можно? Но как скоро верст сорок отъедешь от берега, то и берега не видно, а одно только небо, да вода видна кругом.

ФЕОНА

А, матушка, теперь сударыня я это вспомнила, как мы третьего года из Петербурга в Ревель ездили, и я этому еще дивилась, что ничего и никакого берега видно было не видно, как скоро мы на море выбрались, Да разве сударыня и море кругло и выпукло? Как же воде-то матушка быть пригорком? Она ровна ведь, сударыня, и тотчас бы в ту сторону потекла, которая, например, лежала ниже.

Г. Ц**

Конечно, кругла моя радость! И как давеча земля Тамбов, так тогда нам вода Ревель видеть мешала. А что она не течет ни в какую сторону и не уходит, это уже так сделано Богом, и принадлежит к тому же таинству, о котором я давеча упоминала. Когда, например, те моря, которые теперь здесь под нами (взяв лимон, указываю) не могут проситься все вниз, так уже тому дивиться нечему, что в стороны они никуда не текут. А сверх того выпуклость их по величине земли почти глазам нашим неприметна. Да не помнишь ли ты

еще как мы подъезжали тогда уже к Ревелю, нам его еще не видно было, а матрос с мачты уже увидел.

ФЕОНА

Очень помню сударыня! Да и то теперь мне вспомнилось, что как и вы его увидели, так я долго его не усмотрела, и насилу, насилу увидела одну только колокольню, и то только ее кончик. Почему же бы это так было?

Г. Ц**

Для самой той же круглоты моря. В то время оставался уже тот пригорок или холм водяной невысок, и матрос с мачты, будучи уже выше нас мог чрез оный холм, Ревель видеть, а мы как подъехали и поднялись несколько выше чрез самый тот же холм, сперва один только кончик колокольни, а потом чем ближе стали подъезжать, и чем тот холм нам меньше видеть мешать стал, тем больше колокольня, а потом уже и другие кирпичи, а наконец и весь город увидели. Равно, так как в случае нашего примера. Ежели бы в нашем лесу поставлен был длинный шест, или была бы такая колокольня, то бы мы отсюда только голову видеть могли, а ежели бы на пригорок взошли, так бы и все увидели.

КЛЕОН

Теперь я сударыня в том не сомневаюсь, что земля кругла. Но пожалуйте, матушка, скажите нам, куда же солнце закатывается?

Г. Ц**

Для чего моя радость! Теперь можете уже вы и это лучше понять. Оно любезные дети, никуда не закатывается, а опускается только ниже, равно как туда под гору, и нам его только за этою горою не видно, а оно все светит, и когда не нам, то тем людям, которые там под горою и ниже нас живут. Вот видите любезные дети, теперь нам хотя оно уже и не видно, а ежели бы верст двести или триста далее на запад пойти, так бы оно было там еще видно. Ежели бы отойти в самую сию еще минуту верст тысячи четыре, а так бы оно еще там высоко было, и до вечера далече, одним словом, чем далее туда идти, тем оно выше, и у дальних еще самый полдень, а у иных оно только всходит.

ФЕОНА

Вот, сударыня, ажно это как!

КЛЕОН

А в эту сторону (указывая на восток) поэтому чем далее, тем темнее?

Г. Ц**

Конечно, моя радость! У нас еще светло и еще заря, а верст за сто в эту сторону уже и зари не видно, а далее туда уже давно смеркалось, а еще далее, уже и самая полночь, а вместо того завтра утром у нас еще темно будет, а у них солнце давно взошло, одним словом, всегда уже это так, что когда у нас ночь, так там день.

ФЕОНА

Разве Америка-та сударыня под нами прямо лежит?

Г. Ц**

Да моя радость! И ежели бы можно было прокопать здесь яму сквозь всю землю, так бы можно было ею в Америку дойти.

КЛЕОН

Так поэтому, матушка, солнце наше теперь в Америке светит?

Г. Ц**

Конечно моя радость в Америке, и там теперь оно только что всходит, а как у нас будет полночь, тогда у них будет полдень.

ФЕОНА

Да разве у них матушка дни теперь маленькие? Ночи ведь у нас теперь невелики?

Г. Ц**

Конечно моя радость! А зимою когда у нас ночи большие, так там дни длинные, однако совсем тем надобно вам знать, что это не во всех местах. Долгота дней и ночей зависит от других обстоятельств, о которых вы еще не знаете. Есть такие места в свете, где по несколько месяцев все ночь непрерывная, а в других все день беспрестанный, А напротив того есть и такие места, где во весь год дни и ночи равные, одним словом, это зависит от положения мест и от других обстоятельств. Я бы вам и то рассказала, однако оставлю то до другого случая, к тому же теперь и поздно. Нам время идти ужинать.

ФЕОНА

Благодарствуем матушка-сударыня, что вы трудиться изволили. Я сударыня право того не чаяла, чтоб наука о мире так весела была, как теперь я вижу.

КЛЕОН

И мне сударыня она очень полюбилась.

РАЗГОВОР XIV МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

КЛЕОН (*пришедши с Феоною в сад*)

Что ты, сестрица, о вчерашнем нашем с матушкой разговоре думаешь? А я сударыня, довольно всему тому надивиться не могу, и никогда бы тому не поверил, что под нами люди есть. Есть ли бы матушка, обо всем нам так не растолковала. Теперь уже все это статься может, да тужу сестрица, что много кое-чего спросить ее мне тогда не вспомнилось.

ФЕОНА

А о чем таком братец?

КЛЕОН

Первое о том, когда нашли впервые Америку, то были ли там какие люди, и также по нашему города и деревни, или нет? Второе, ежели были, то какие они, такие ли как мы?

ФЕОНА

И, братец, тебе только одна Америка попалась. А мне сударь много кое-чего другого вспомнилось. Я позабыла спросить о том, какое у них там внизу небо, и каким же образом наше туда зашло? А того еще больше, я не понимаю того, каким образом, и на чем же земля держится, когда она кругла как шар? Поэтому надобно уже ей на воздухе быть, а ежели на воздухе, то как же она вся не упадет?

КЛЕОН

Этого уже я сам не понимаю, и надобно нам, конечно, спросить о том матушку.

ФЕОНА

Не худо братец спросить и о том, о чем ты давеча говорил. Мне самой знать бы хотелось, какие там люди... Да вот матушка уже идет!

Г. Ц**

Давно ли вы здесь, дети, и о чем говорите?

ФЕОНА

Недавно сударыня! И начали было с братцем о вчерашнем говорить. Нам много кое-чего непонятного нашлось, и мы уговарива-

лись вас матушка просить, чтобы вы нам как в том, так и в некоторых других вещах рассказать изволили.

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость! Скажите только, что мне вам рассказывать?

КЛЕОН

Нам хотелось сударыня знать, были ли в Америке в то время какие-нибудь люди, когда в первый раз туда здешние приехали, и ежели были, то такие ли они как наши, так же были ли там по нашему города и государства, и какие?

Г. Ц**

О, дети! Это много вам рассказывать надобно, да к тому же и не принадлежит это к нашей науке, а есть о том особливая наука, которая не только об Америке, но и то учит, какие государства, земли, владения, города, народы, моря, обыкновения и прочее, во всем свете находятся.

КЛЕОН

О, матушка, так и этой науке надобно быть очень хорошей? Да как же она сударыня называется?

Г. Ц**

Она называется географией или землеописание, и наука очень нужная и надобная.

ФЕОНА

Я бы сударыня очень желала и эту науку знать. Не поучите ли вы нас и этой науке? Я думаю, и братец учиться ей согласится?

КЛЕОН

Конечно, сестрица, соглашусь. Мне давно хотелось знать: как живут народы на свете, и я бы очень тому рад был, есть ли бы, матушка эту науку знала, и нас бы поучить изволила?

Г. Ц**

Я ее, конечно знаю, любезные дети, и тот труд охотно на себя приму, чтоб вас поучить этой науке, только надобно знать, что географии так учиться не можно, как вы теперь учитесь, то есть разговорами, ей надобно учиться по книгам и ландкартам, и так разве определить к тому поутру или после обеда по одному часу на день.

ФЕОНА

Нам все равно как бы ни учиться довольно, когда бы мы только учены были.

Г. Ц**

Ежели вы так усердно желаете, то мы уже с завтрашнего дня начало учиним. Определим к тому третий час после обеда. Таким образом не помещает нам нимало география продолжать теперешнюю нашу науку. Ну скажите же мне, что вам еще непонятно?

ФЕОНА

Я хотела у вас сударыня спросить о том небе, которое у тех людей, которые под нами. Вы изволили вчера говорить, что оно тоже самое что здесь, каким же образом оно туда зашло? Того-то я не знаю, да и то сударыня мне непонятно, на чем земля наша держится, когда она кругла?

Г. Ц**

Я тебе о сих обеих пунктах расскажу моя радость. Ты небо себе не так представляешь, как оно в самом деле есть, и не имеешь еще никакого об нем понятия. Нам кажется оно подобно опрокинутому на землю большому котлу, который краями достает до земли. Но это только так глазам нашим представляется, а в самом деле совсем оно не так устроено, и вы узнаете о том после с великим удивлением, а на теперешний случай представляйте себе, что другой такой же котел есть внизу под нами, который краями вместе сошелся с нашим. А земля бы в середине этого котла была, так как, например желток яичный был бы посреди всего яйца.

КЛЕОН

А такое же сударыня и там небо, и так же месяц на нем есть и звезды?

Г. Ц**

Конечно, мой свет, и самый тот же месяц, который у нас. Он светит и нам и тем, а и звезды также есть, только вы всего этого еще не знаете.

ФЕОНА

Да на чем же сударыня земля та держится, когда она в середине?

Г. Ц**

Ни на чем моя радость! А только на воздухе, но со всем тем она не падает никуда. Бог так уже это сделал. Но этому дивиться еще

нечему. Я вам скажу любезные дети, что и кроме нашей земли, есть на свете много и других таких же шаров, которые все также на воздухе, однако не падают.

КЛЕОН, удивившись.

Как это сударыня? Другие такие же земли есть как наша?

Г. Ц**

Нет мой свет! Я тебе сказала только, что такие же шары как земля наша, а земли ли они или нет и какие подлинно они, того за ужасною их дальностью рассмотреть невозможно. Примечено только, что некоторые из них огненные, а другие темные, почему догадываются, что им из земли состоять надобно.

ФЕОНА

Да велики сии шары, сударыня, о которых вы нам рассказываете?

Г. Ц**

Очень велики моя радость. Некоторые из них, немного чем меньше земли нашей, другие гораздо меньше, а некоторые напротив того гораздо больше земли нашей. Есть, любезные дети, такие из этих шаров, которые в тысячу и в миллион раз больше земли нашей.

ФЕОНА (удивляясь с Клеоном).

Как это? В миллион раз больше земли нашей!.. Что это сударыня изволите вы говорить! Это ужасным громадам быть надобно! Да разве земля наша очень невелика матушка?

Г. Ц**

Никак моя радость! И земля наша довольно велика, и вы сами увидите, велика она или нет, ежели вам сказать, сколько верст, например, кругом ее, и сколь она толста.

КЛЕОН

Да разве это, сударыня узнать можно?

Г. Ц**

Хотя не так достоверно, что б в одной версте ошибка не была, однако уже с довольною вероятностью это исчислено. И так знайте, любезные дети, что земля наша так велика, и толста, что есть ли бы на этом месте, где мы сидим, прокопать можно было всю землю насквозь, и эту яму копать сквозь самую ее средину, так как бы, например, яблоко сквозь самое гнездо где зерна даже до самого

другого края земли, то эта бы яма была без мало двенадцать тысяч верст длиною^(*).

ФЕОНА

Велика сударыня, и ежели она так толста, так уже кругом ей гораздо больше быть надобно, и когда ее объезжать, то не скоро объедешь.

Г. Ц**

Конечно, мой свет! Кругом всей земли, ежели ее обойти по поверхности, придет слишком тридцать семь тысяч верст, следовательно ежели бы поехать прямо чрез нее, и на всякий день переезжать по сту верст, то бы ровно целый год надобно было ехать, покуда всю ее объедешь.

КЛЕОН

О, матушка, так поэтому очень немного, а я думал, что и в десять лет ее не объедешь, а год безделица, я бы сам согласился объехать, есть ли бы кто, меня товарищем взял.

ФЕОНА

И, братец, как тебе не стыдно это говорить, разве ты не слыхал, что матушка про это время только с тем говорила, ежели бы всякий день по сто верст переезжать, и ехать, не останавливаясь, а ты можешь ли всякой день по столько переезжать, да есть ли такая прямая и дорога?

Г. Ц**

Конечно, нет моя радость! Но везде мешать будут реки, степи, горы, болота, озера и моря, и остановок и препятствий много будет, которые и преодолеть будет невозможно, следовательно, в самом деле в год и шестой части не объедешь.

ФЕОНА

Но пускай сударыня будет земля не велика, пускай в год не объехать бы можно было, но совсем тем, есть ли иные шары в тысячу, или как вы говорили, в миллион раз больше земли нашей, то каким это ужасным громадам быть надобно, и сколько бы лет надобно было, есть ли бы их также объезжать как давеча мы о земле говорили!

^(*)А именно, по новейшим счислениям — 11917 верст (*Прим. А. Т. Болотова*).

Г. Ц**

Конечно, моя радость! И это услышите вы в то время, когда мы о каждом шаре особо говорить станем.

КЛЕОН

Да где же такие ужасные и огромные шары матушка? Как же мы их не видим?

Г. Ц**

Они от земли очень далеко моя радость! И так далеко, что если бы на них простыми глазами смотреть, то они очень малы нам кажутся, я уже ввечеру вам покажу некоторые из них, и вы мне, конечно, не поверите, чтоб это были такие большие шары, а скажете, что это ничто иное как звезды.

ФЕОНА

По крайней мере, знаете вы, сколько их, матушка?

Г. Ц**

Конечно, знаю моя радость! И не только их всех по именам, но и как они далече отсюда, и что делают.

КЛЕОН

Да разве их как называют, сударыня?.. Так пожалуйста же матушка уже все нам об них расскажите, что знаете.

Г. Ц**

Очень хорошо любезные дети! Я и без того хотела вам об них рассказывать, но только надобно вам слушать прилежно, а более того верить, ибо вы много невероятного услышите, и для того не забывайте только, что вам сомнительно покажется, и спросите о том после, а теперь дайте мне вам весь порядок без помешательства рассказать.

ФЕОНА

Слушаем матушка.

Г. Ц**

Ничто, любезные дети, не может нам столь много величества и всемогущия божеского доказать, как здание или устройство всего нашего мира. Ежели бы можно мне было ваши глаза так вооружить, чтобы могли они все это пространство (*указывает на небо*) видеть, и все то ясно рассмотреть, что там происходит и делается, то впали бы в такой трепет и ужас, из которого бы мне вас и вы-

вести было бы трудно. Вы увидели бы чудеса чудес, и не знали бы что думать. Все сделано, все расположено и все устроено тут так хитро и так велико, что ум человеческий сам в себя войти и от удивления остановиться должен. И так надобно вам, любезные дети, не так себе представлять, как обыкновенно все об нем думают. Не думайте, чтоб это синее покрывало, которое там видите (*указывает на небо*) подлинно подобно котлу было, или из чего сделано.

КЛЕОН

А я сударыня хотел давно у вас спросить, что это такое, из чего сделано?

Г. Ц**

Мы называем это небом и обыкновенно думаем, что оно из чего-нибудь сделано и не гораздо далеко, также что солнце, месяц и звезды в нем утверждены и по нему бегают, однако это совсем не так, любезные дети. Что синее нам кажется, это не что иное как ужасная даль и пустота, а и солнце с месяцем и звездами не в одном отсюда расстоянии. Месяц гораздо ближе одного, а звезды гораздо далее, да и те не все равны, но иные больше, иные меньше.

КЛЕОН

Я сударыня ономнясь долго на них смотрел и это видел, иные так малы, что их почти видеть не можно, а иные кажутся гораздо более и яснее.

Г. Ц**

Таким образом, которые больше всех, те знайте, что гораздо ближе к нам, а которые меньше, те час от часу далее. Величину сего ужасного пространства вы тогда лучше усмотрите, когда я вам о расстоянии солнца и звезд рассказывать буду. А теперь представляйте только себе, что это пространство и пустота чрезвычайно велика и не только в одну эту сторону вверх, но и сюда по сторонам и сюда вниз, и всюду она так далеко простирается, что и конца ее никак усмотреть не можно. Позабудьте же теперь землю и самих себя, и думайте об одном этом пространном и пустом месте. Положите, чтоб это все пустое место было.

ФЕОНА

Извольте, сударыня! Я представляю себе эту ужасную пустоту.

Г. Ц**

Внутри этой пустоты, угодно было Богу расположить оные огромные шары, которые называем мы планетами. Расположил он их не в близком друг от друга расстоянии, но очень далеко, и все они сделаны из темной и непрозрачной материи, но чтоб на них не темно, а светло могло быть, также бы и не холодно, то угодно было Богу создать один особливо такой же шар, но всех тех гораздо больше. Этот шар сотворил он светлый и весь огненный, и утвердил его в самой середине между оных темных шаров и планет, так чтоб они все кругом этого светлого шара были, и от него свет и теплоту получали. Понимаете ли вы это?

ФЕОНА

Понимаем сударыня, и я уже догадываюсь, что этот большой огненный шар, конечно, либо солнце, либо месяц. Как только это мне удивительно, как оно так велико? Не уже ли оно больше земли нашей?

Г. Ц**

Ты угадала моя радость! Этот огненный большой шар в самом деле наше солнце и всех других небесных шаров чрезвычайно больше. Наша земля пред ним очень мала и солнце слишком в полтора миллиона раз более оной.

КЛЕОН (*удивившись*).

Тому-то бы я уже точно не поверил. Возможно ли сударыня, чтоб солнце было больше земли нашей, да еще в полтора миллиона раз? Не поверил бы я истинно, есть ли бы, кто мне сказал, что оно не два раза больше земли нашей. Да как же сударыня оно нам так мало, кажется?

Г. Ц**

Мне вас обманывать и лгать кажется не для чего, и Солнце, в самом деле, так велико, а что оно нам мало кажется, то это от того, что оно чрезвычайно от нас далече. Не помнишь ли ты, как однажды при тебе в Москве снимали один крест с церкви, и ты дивился еще, как яблоко, что было под крестом, так велико, а наверху казалось очень мало?

КЛЕОН

Это я помню, сударыня.

Г. Ц**

А потому должен ты заключать и о Солнце. Всякая вещь кажется нам тем меньше, чем от нас далее, а до Солнца помнишь ты

какая даль, ведь я вам однажды примером о том сказывала? Как ему малому не казаться?

ФЕОНА

Что, матушка-сударыня, на него смотришь? Он и всему не будет верить, и только вам делает остановку.

КЛЕОН

Никак сударыня! Я хочу, во всем удостоверится, и матушка за то на меня не прогневается. Вот теперь я уже поверю, что Солнце велико, извольте матушка далее говорить.

ФЕОНА

Пожалуйста сударыня скажите мне, что же сии шары делают, на одном ли месте они стоят?

Г. Ц**

Нет, моя радость! Они не стоят на одном месте, но беспрестанно катаются по воздуху, или лучше сказать бегают или летают кругом солнца, всякий по своей дороге.

ФЕОНА

Удивительно сударыня это! Да на что же бы, чем так бегать, и не лучше бы стоять на одном месте?

Г. Ц**

Это сделано не без причины моя радость, ежели бы им стоять на одном месте и непоколебимо, то бы освещался и нагревался от солнца всегда один бок тех шаров, который к солнцу, а на другом боку, который напротив солнца всегда бы было темно и холодно. А то на бегу своем теперь они оборачиваются так, как например: ежели покатить здесь на полу этот лимон (*взяв лимон, покатила*), то видите дети, он и вперед катиться и на дороге сам кругом себя все оборачивается, а потому все бока тех шаров могут быть попеременно против солнца нам освещаемы и нагреваемы быть.

КЛЕОН, удивляясь.

Вот сударыня ажно для чего они бегают!

ФЕОНА

Воля ваша матушка, мне кажется, все еще невеликая причина, им бы можно было, и на одном месте стоя кругом оборачиваться, ведь также бы стали все бока освещаться.

Г. Ц**

Это, правда моя радость, однако совсем тем они бегают, и это угодно было Богу уже так сделать. А впрочем, глаза наши нас в том не обманут. Нам ясно видно, что они бегают и уже исчислено и известно, во сколько времени каждая планета обегает кругом солнца и сколь скоро оборачивается. Также примечено и то, что они не в одном расстоянии от солнца всегда бегают, но иногда к нему несколько ближе, а иногда несколько далее отбегают.

ФЕОНА

О, сударыня, мне хотелось бы все это знать.

Г. Ц**

Вы и услышите все это после, а теперь надобно мне сказать, что не одни сии большие шары на свете, что около солнца бегают, а есть еще и другие, которые их гораздо меньше, которые также темные и как думать надобно из земли состоять, и также от солнца получают свет и теплоту, но около солнца бегают они уже своею дорогою и не так как первые.

ФЕОНА

Да как же сударыня?

Г. Ц**

А бегают они с теми темными шарами, и даны им равно так как товарищами, почему и называются сии маленькие шары драбантами или спутниками, в том разумении, что они никогда от них не отстают, но куда бежит большой шар, туда бегут и они с ним и ему спутешествуют.

ФЕОНА

Да на что же бы это так было, матушка, не знаете ли вы тому причины сударыня?

Г. Ц**

А вот для чего моя радость! Не которые из помянутых больших шаров или планет гораздо далее от солнца нежели наша, следовательно, ежели оттуда на солнце посмотреть, то бы оно еще гораздо меньше казалось, а по тому натурально следует уже само собой, что там не таково и светло от солнца как здесь, а для того и приданы им сии товарищи, чтоб они им светили и чрез то прибавляли света, которого они от солнца мало получают.

КЛЕОН

Да как же им светить сударыня? Вы ведь изволили сказать что они темные?

Г. Ц**

Это не мешает, что они сами темные и состояли бы например из земли, не смотря на то, они только греть не могут, а светить им тем же светом можно, который они сами от солнца получают. Но об этом я вам после расскажу.

ФЕОНА

А поскольку сударыня сих спутников у каждой планеты?

Г. Ц**

Число их не равно, моя радость, а правду сказать, может быть они не все еще за дальностью и усмотрены. По сие время примечено их около одной планеты пять, около другой четыре, а около третьей один, а у прочих ни одного еще не усмотрено, у которых может быть и нет, а особливо у тех, которые близко к солнцу, которым и одного солнечного света довольно.

ФЕОНА

Да мы сударыня еще не знаем, сколько всех и больших то шаров, которых вы планетами называли, пожалуйста нам скажите.

КЛЕОН

А и то уже пожалуйста ,скажите, как они называются.

Г. Ц**

Число сих больших шаров или планет не очень велико, их всего только пять, а называем мы их для различения именами прежних языческих идолов, а именно. Первая называется Сатурн, другая Юпитер, третья Марс, четвертая Венера, пятая Меркурий, однако это только около нашего солнца, а то может их еще и более есть.

ФЕОНА

Как это, матушка! Разве не одно у нас Солнце?

Г. Ц**

Ученные люди догадываются, моя радость, что и каждая звезда, которых на небе так много, не иное что, как такое же солнце, как наше, и что они нам для того только так малы кажутся, что до них преужасная и непостижимая даль.

ФЕОНА

Да почему же бы это догадывались, сударыня?

Г. Ц**

Потому что примечено мой свет, что они огненные и стоят также на одном месте как солнце, а сие и подало причину думать, что и они такие же солнца, как и наше, и что надобно и около их таким же шарам или планетам бегать, как около нашего солнца. Однако это одни только догадки, а может быть, там планет и никаких нет.

КЛЕОН в крайнем удивлении.

Пожалуйте матушка на часок остановитесь. Как это сударыня?.. Не извольте говорить далее, я после спрошу.

Г. Ц**

Я вижу моя радость! И знаю уже то, о чем ты спросить хочешь, и чему ты так удивился. Не правда ли, ведь о Солнце?.. Ты конечно тому удивился, что я сказала, что оно стоит?

КЛЕОН

Да, матушка, это правда, и вы, конечно, проговориться изволили.

Г. Ц**

Отнюдь не проговорилась мой свет! Солнце действительно стоит на одном месте, да я вам, мне кажется, это уже сказывала.

ФЕОНА

Никак матушка вы не изволили сказывать.

КЛЕОН

О, нет, матушка! Да можно ли этому стать, мне всего уже это невероятнее, как ему стоять, ведь мы не слепы, и видим всякий день, как оно всходит, бежит и заходит, да и вы сами всегда говорите и нас спрашиваете, высоко ли солнце и скоро ли закатиться.

Г. Ц**

Это я знаю, но говорится это потому, что мы уже так привыкли говорить. А в самом деле, дети, оно стоит, а что нам кажется, что оно бежит, так это так нам потому кажется, что земля сама с нами вертится, так как я вам про планеты сказывала.

КЛЕОН (*еще более удивившись и усмехаясь*)

Сударыня, как этому стать?.. Не прогневайтесь матушка, что я чуть не рассмеялся, вытерпеть ей богу невозможно... Уже земля

наша оборачивается, так поэтому и мы с ней кружимся, и также вверх ногами иногда бы ходим, как американцы. Как бы этого сударыня нам не видать ежели бы это была правда?

Г. Ц**

Вот смотрите, какой бездельник!²⁵ Он меня на смех уже поднимает. Разве я тебе дура попалась? Но добро, я тебе это прощаю, ибо ведаю, что это с первого вида очень смешно и невероятно кажется, а довольна буду тем, когда сам после признаешься, что это не так невероятно, как тебе теперь кажется, и тому поверишь. Однако этого доказательства надобно тебе за вину подождать до тех пор, пока я все о небесном здании расскажу, а между тем должно вам мне поверить, что солнце стоит на одном месте, а земля действительно оборачивается кругом, и день и ночь ни от чего иного, как от сего оборачивания делается.

ФЕОНА (*которая между тем взяла лимон и смотрела*)

Да сударыня, это несколько и на правду походит, например, когда вот этот бок к солнцу у этих людей (*указывает на булавки*) светло, и у них солнце над головами, следовательно, день, а у сих (*указывает на противный бок*) тогда ночь, им солнца сквозь землю не видно. А у этих (*показывает на другие два бока*) поэтому утро, а тут вечер и солнце им чуть видеть. А как сударыня вся земля оборотится (*оборачивает лимон*), то уже у этих день будет, а у прежних ночь^(*).

^(*) Для удовольствия любопытства читателя и для яснейшего показания, как сие делается приложен на конец сей книжки на таблице 1 и под фигуною 1, рисунок, где литера А пускай представляла бы Солнце, литера Б земляной шар, литера В бок земли, освященный лучами солнца, Г, другой бок, находящийся в тени и темноте, Д лучи солнечные, Е тень земная, цифры же 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 пускай представляли бы людей живущих в разных местах по поверхности земного шара. Следовательно, у жителей означенных числом 1 будет Солнце казаться высоко и будет совершенный день. У жителей, означенных числом 2 будет оно казаться низко и вечер, у означенных числом 3 будет оно едва видимо и заходить. У тех же жителей, которые означены числом 4 будет оно уже не видно, а только одно зарево, и от того вечерня заря. Напротив того, у всех жителей под числом 5 будет темно и совершенная ночь, 6 будет утренная заря, у 7 восхождение

Г. Ц**

Конечно моя радость! Правда это так совершенно и делается, как ты говорила.

ФЕОНА

Так не такая же ли матушка и Земля планета, как и те, о которых вы сказали?

Г. Ц**

Такая же моя радость! И во всем им подобная, ибо не только также, как и те кругом себя оборачивается, но и также вместе с ними и наряду кругом Солнца бегают.

ФЕОНА

Как сударыня, также и кругом Солнца бегают! Как же это она не упадет?

Г. Ц**

Конечно, бегают, а упасть ей все равно, стояла бы она на одном месте или бегала, все на воздухе же ей держаться надобно. Знать уже не упадет и Бог так сделал, что ей никуда упасть не можно.

ФЕОНА

Да, сударыня, все равно, и поэтому она, конечно, планете или тем большим шарам подобна?

Г. Ц**

Она и кроме того подобна еще им и потому, что как у тех есть товарищи, или как я вам говорила спутники, так есть и у нее такой спутник.

ФЕОНА

Да где же он? Что мы его не видим сударыня?

Г. Ц**

Как не видеть! Ты его очень часто видишь. Этот спутник наш, не что иное как Месяц.

солнца, а у 8 утро. Но когда Земля оборотится так, что жители означенные числом 7 придут на то место, где были 1, а 1 на место, где были 3, сии же на то место где были 5, а 5 на 7, то натурально уже будет у седьмых полдень или совершенный день, у первых вечер, у третьих ночь, а у пятых утро, ибо они подвинутся уже далее (*Прим. А. Т. Болотова*).

ФЕОНА

И, матушка, вы меня ажно удивили. Я было хотела у вас про него только что спрашивать, и думала, что вы об нем позабыли... Да как же, сударыня, вы говорите, что он наш товарищ и спутник? О тех изволили вы сказывать, что они маленькие шары, а месяц наш велик, почти таков же велик как Солнце?

Г. Ц**

О, нет моя радость! Он очень не велик и гораздо меньше не только Солнца, но и Земли нашей, а что он равен Солнцу кажется, это только от того, что он несравненно ближе Солнца к нам. А ежели бы он на том месте был, где теперь Солнце, то бы его и не видать было, так бы мал уже он нам казался.

ФЕОНА

Ну это хорошо сударыня, но как же вы изволили говорить, что те спутники шары темные, а не огненные, так разве и Месяц наш такой же темный шар, а не огненный.

КЛЕОН (*опять усмехнувшись*).

Уже месяц темный?... Что уж более говорить. Воля ваша сударыня!, я этому никогда не поверю.

Г. Ц**

О, бездельник, ты и этому смеешься, и куда каков ты не вероимчив²⁶.

КЛЕОН

Да как сударыня этому поверить! Ведь мы видим всегда, что он светлый, да не только сам светлый, но и нам ночью светит.

Г. Ц**

Добро мой свет. Я тебе это принуждена еще доказать, и хотела бы я знать, что ты тогда заговоришь.

КЛЕОН

Не знаю сударыня, как бы вы могли меня в том уверить. Я твердо в том стою, что Месяц светлый.

Г. Ц**

А я тебя мой свет уверяю, что он сам собой темный, непрозрачный и как думать надобно земляной шар, а светлым кажется только оттого, что освещается он Солнцем, или, что солнечные лучи отбрасываются к нам от него назад.

ФЕОНА

Да как же может он так ясен быть, когда он земляной?

Г. Ц**

Это возможное дело, моя радость! Всякая освещаемая солнцем вещь вдали очень ясна, и вы возьмите себе в пример, когда летом солнце светит на поле и маленькое облако его заслонит, тогда, то место на поле очень темно, а где светит солнце, там очень светло перед тем.

ФЕОНА

О, сударыня, это я часто видала, иногда эта тень идет по полю полосую, а за нею иногда другая такая же темная полоса, а между ними светлые полосы, я еще часто этим люблюсь.

Г. Ц**

А когда сии светлые полосы уже вблизи так ясны перед темными, то вдали всей Земле, освещенной от Солнца гораздо яснее быть надобно, а особливо когда на оную из темного места смотреть. Я уверяю вас, что если бы взойти на Месяц и оттуда на нашу Землю посмотреть, то и она такова же ясна была как и Месяц. А что и нам от Месяца светло, тому доказательством может служить каменная белая стена, на которую солнце сияет. Ты сама, я думаю, помнишь, как мы были в Петербурге, и квартира наша была подле каменных палат и окнами к оной, помнишь ли, как было у нас светло в горнице, от того, что на стоящую против окошек каменную белую стену сияло солнце.

ФЕОНА

Это я помню, сударыня! Только почему же бы узнали это, что Месяц непрозрачный, и сам не светит, но получает свет от Солнца.

Г. Ц**

Я вам расскажу это в коротких словах, любезные дети. Впервые, что он не огненный, можно из того приметить, что его днем не видно. Есть ли бы он был такой же огненный как Солнце, то для чего же бы ему и днем также не светить, как ночью, или для чего он ни мало не греет, и теплоты мы от него никакой не чувствуем?

ФЕОНА

Да это правда, сударыня! Однако может быть он имеет особый какой свет, который при солнце не виден или может быть какой прозрачный.

Г. Ц**

Я тебе и на то скажу, моя любезная! Положим, например, по-твоему, что он прозрачный и сам светит, Скажите же вы мне, чтобы в таком случае воспоследовало, естли бы ему так прийтись трафилось²⁷, чтоб он прямо между нами и Солнцем и против самого оного был? Ведь когда он прозрачный, то бы он не заслонил нам Солнце, а можно бы было и сквозь его оное видеть. А хотя бы и непрозрачный был и Солнце бы заслонил, то не виден ли тогда был собственный свет его?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, чему-нибудь из сих случаев, а быть бы надобно было.

Г. Ц**

Со всем тем ни которое из тех случаев не бывает, но всякий раз, когда Месяц таким образом прямо против Солнца стоять трафляется, то заслоняет он совсем все или часть оного, и тогда ясно видно, что он твердое и темное какое-нибудь тело, потому что насквозь его ничего не видно, да и сам он черен кажется. А иногда за ним и все-го Солнца не видно, так что посреди дня делается темно, которое приключение обыкновенно называем мы солнечным затмением^(*).

ФЕОНА

А, матушка, так от того то затмение солнечное делается? А я давно у вас о том спросить хотела. Да, сударыня, это, кажется, довольно доказывает, что Месяц сам собою темен.

(*) Для лучшего изъяснения как солнечное затмение делается изображено сие на 1 таблице тремя фигурками, а именно: 2, 3 и 4. Вторая и третья изображает Солнце, затмившееся Месяцем, так, как оно во время затмения глазам нашим представляется, в которых фигурах числа 1 изображают Солнце, 2 — месяц, а 3 — часть Месяца, которая заслонит и чрез то иногда более, иногда меньше затмит Солнце, четвертая же фигура изображает, как сие затмение в натуре происходит. Число 1 означает тут Солнце, 2 — месяц, 3 — землю, 4 — тень месяца, достигающую до земли, 5 — то место на земле, с которого тогда затмение видно, в котором случае, ежели Месяц все Солнце собою заслонит, бывает тогда темно, а 6 число означает путь, по которому Месяц кругом Земли бежит (*Прим. А. Т. Болотова*).

Г. Ц**

Но и кроме того, мой свет, есть и другие тому доказательства, например, когда случается Месяцу так стать, что между им и Солнцем прямо наша Земля придется, и солнечным лучам за Землею нашей на него светить не можно, то для чего же он весь помрачается и становится темен? Ведь ежели бы он имел собственный свет, и не получал бы и не заимствовал одного от Солнца, то бы светел был и в то время. А то противное тому делается, но как скоро в тень, которая от земли простирается, он войдет, то потемнеет, и не прежде начнет сиять, как опять из оной тени выйдет.

ФЕОНА

О, сударыня, не сие ли приключение называется затмением лунное ли месячное, которое я и прошлого года видела, но не знала что такое?

Г. Ц**

Самое сие, моя радость, и оное приключение ежегодно почти случается^(*).

ФЕОНА

Да как же, сударыня, Месяц, тогда хотя и помрачился, и не таков светел был, однако все его можно было видеть, хотя он и красноват казался.

Г. Ц**

О, это не от того, мой свет, чтоб он сам собою красен был, а произошло ни от чего иного, как оттого, что он был тогда в самом дальнем от Земли расстоянии, ибо надобно вам знать, что месяц не в одной пропорции всегда от Земли около оной бежит, но временем далее, временем ближе. А как их тень, бываемая от Земли, чем далее простирается, тем слабее уже становится, то когда Месяцу случится тогда бежать ближнюю дистанцию от Земли, то войдет он в самую густую тень земную, и тогда

^(*) Чтобы можно было яснее усмотреть, как лунное затмение делается, изображено сие на первой таблице фигуною 5, число 1 означает Солнце, 2 — Землю, 3 — тень земную, а 4 — Месяц, затмившийся, по шестивии в тень земную (*Прим. А. Т. Болотова*).

его вовсе не видать, а ежели он бежит по дальней дистанции, то лучи Солнца достигают его некоторым еще образом, и тень земная слаба, и не может его помрачить, чтоб он всего света, получаемого от Солнца лишился, и потому-то кажется он тогда нам красным и потусклым, а таким было его затмение, когда ты его видела.

ФЕОНА

Теперь я более не сомневаюсь в том, что месяц темное и твердое тело, только хотела бы у вас спросить, каким это образом месяц прибавляется и убавляется, и как это он рождается, также где он в то время когда его не видно?

Г. Ц**

Я тебе расскажу и это, моя радость. А особливо для того, что и сие будет вам служить доказательством тому, что Месяц собственного света не имеет. Когда бы, например, был бы он весь светлый, и состоял бы из огня, или из чего-нибудь другого ясного, то не должно ли бы ему всегда одинаковому и такому быть, каков он в то время, когда полон, так, как наше Солнце, которое всегда уже одинаково. Но для чего же он не таков, но состояние фигуру свою переменять. Когда он рождается, то чуть его видно, кажется он узеньким только серпом, и со всяким днем прибавляется этот серп, и до тех пор, покуда полон сделается. Но не успеет полным сделаться, как опять убавляться начинает, и до тех пор убавляется, покуда совсем пропадет. Что же бы это значило? Не уже ли все новые месяцы в правду рождаются, делаются?

ФЕОНА

Я этому давно, сударыня, дивилась, и не знаю, как делается вновь. Как месяцу кажется, делаться, он все также, и те же в нем пятнышки, это я заметила.

Г. Ц**

И в самом деле он всегда тот же, а что он рождается и прибавляется, это происходит от различного только положения его против Солнца, в то время, когда он нам невиден. Например, когда он стоит прямо против нас и против Солнца, и нам можно всю его освещаемую половину и так сказать прямо в лицо видеть, тогда мы называем его полным месяцем, и это обыкновенно так его бок или

целая половина, которая к Солнцу, ибо надобно знать, что и Месяц весь никогда освещаемый не бывает, а только одна его половина. И вы сами приметьте, что всякий раз, когда мы смотрим на полный Месяц, тогда Солнце у нас прямо в затылке и под Землей, а иногда и сверх Земли, как то при вечере иногда видно. Когда же Месяц так зайдет, что к нам стоит другой его противной первому, и солнцем неосвещаемый бок, а освещенной от нас и нам ничего из оного не видно, а именно в такое время, когда Месяц стоит в той же самой стороне, в которой у нас тогда и Солнце и так сказать к нам спиною, тогда, по видимому, у нас вовсе Месяца нет, для того, что мы его видеть не можем. Когда же положение Земли и Месяца против Солнца опять переменится, и Месяц будет находиться не в самой той стороне, в которой тогда Солнце, но несколько в стороне, и Солнце от него в правой руке, тогда стоит Месяц к нам, так сказать, ребром, и мы половину только освещаемого бока его видим, а вся другая половина нам не видна, для того, что она темная и в тени находящаяся, и в сие время представляется он нам полукругом, и мы называем это первою четвертью. Чем ближе стоит он к той стороне где Солнце, тем меньше видно нам из освещаемого его бока, и потому-то кажется он нам иногда узеньким только серпчком, и мы говорим, что он родился, что не иное значит, как то, что Месяц начал из той стороны, где солнце подаваться далее и становится так, что освещаемый его бок начал нам понемногу показываться, и вы сами приметьте, что всякий раз, когда мы ни смотрим на молодой месяц, то Солнце всегда у нас недалеко от него в правой руке. Чем же далее он от Солнца подается, тем более нам и освещенного бока видно, и тем более и толще его серп сделается, которой, как вы солнце можете приметить, всегда имеет опуклость или горб свой в ту сторону, где находится тогда солнце. И сие продолжается до тех пор, пока Месяц станет прямо противную против солнца сторону, и сие будет прямо позади нас. Тогда, как я вам сказывала, виден нам будет уже весь его освещенный бок, и он нам кажется круглый и огненный. Как же скоро, подаваясь от часу далее, подвинется он опять ближе в ту сторону, где тогда Солнце, то освещаемого бока начнет нам опять час от часу меньше казаться, и то-то мы называем ущерб месяца, которая убавка до того продолжается, покуда нам

опять один только краешек освещенного бока будет виден, им тогда кажется нам Месяц таким же узеньким серпчком, как был при рождении, с той только отменой, что сей серпок горбом своим уже в другую сторону.

ФЕОНА

От чего же бы это, матушка, так было?

Г. Ц**

От того, моя радость, что и Солнце тогда от него в другой стороне, и как было при рождении в правой, так при исходе месяца находится уже в левой руке от Месяца. А оттого-то самого нам первая четверть видна только по вечерам по заходе солнца, а последняя четверть только по утрам и пред восхождением солнца.

ФЕОНА

Вот, сударыня, ажно это как! Ах! Как это хорошо, и как мне полюбилось. Теперь буду же я знать от чего это месяц родиться, час от часу прирастает, а потом убывает.

Г. Ц**

Так-то моя радость, и сие доказывает тебе наияснейшим образом, что Месяц сам собою темный шар, и свет свой получает от Солнца. Но, что же наш Клеон так замолк, уже ли ль ты поверишь теперь свет мой?

КЛЕОН

Что, сударыня, я уже давеча увидел свою погрешность, но не смел уже и говорить, а теперь и подавно в том удостоверился, а особливо вспомнив, что я недавно и сам, смотря на молодой Месяц в подзорную нашу трубку, другую половину Месяца хотя не ясно, однако мог видеть и приметить, что она темная.

Г. Ц**

Чего же тебе хотеть более моя радость, когда ты сам это видел.

ФЕОНА

Как это, братец! Ах, жаль, что я этого не видала. Всегда ли это, матушка видно, так бы когда-нибудь и я посмотрела?

Г. Ц**

Нет, моя радость, не всегда, а только тогда, когда случится воздух чистый и ясный. Иногда можно это и простыми глазами приметить, а особливо кто зорек, еще кажется, что другая половина

окружена тоненькою ясноватою ниточкою, что от тогдашнего воздуха нам так кажется^(*).

ФЕОНА

О, не пропущу же я ни одного молодого месяца, и буду стараться, чтоб мне это как можно увидеть.

Г. Ц**

И так знайте, любезные дети, что Месяц не огонь, а такой же темный шар, как и прочие драбанты²⁸ или спутники около планет. А теперь надобно мне вам сказать, что Месяц двойную работу отправляет. Во-первых, бегаёт, беспрестанно около Земли нашей, а между тем не отстаёт и от нее, но бегаёт вместе с оною и около Солнца, равно как и прочие спутники планет.

ФЕОНА

Да, разве и они, сударыня, также кругом своих планет бегают?

Г. Ц**

Конечно бегают, и не только бегают, но также имеют и затемнения, как и наш месяц.

ФЕОНА

О, сударыня, как ажно все это мудрено Богом устроено!

Г. Ц**

Ты еще больше удивишься, когда мы обстоятельнее обо всех сих планетах говорить станем. Но теперь видите, дети, уже очень поздно, нам говорить остается очень мало времени, а расскажу я вам

^(*) Каким образом происходит с приумножением и убавлением месяца и все прочее, то можно усмотреть яснее из рисунков изображенных фигурую 6, 7, 8, и 9 на второй таблице. Фигура 6 изображает народившийся месяц, где число 1 означает солнце, 2 — его лучи, 3 — месяц, 4 — освещенный лучами и видимый нами тогда край, а фигура 7 таким же образом означает исходящий месяц. Из фигуры 8 можно усмотреть, как иногда нам народившийся месяц весь виден. Фигура же 9 изображает все происхождения при умножении и убавлении месяца. Где числа 1 изображает солнце, 2 — землю. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, месяц в разном его положении против Земли и Солнца. Ко всякому из них протянутыми линиями изображено, по какой части видно в тогдашнее время с Земли из освещенного Солнцем месячного бока (*Прим. А. Т. Болотова*).

только вкратце, которая планета ближе, которая далее от Солнца кругом оно бегает.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, а я было еще давеча хотела у вас о том спрашивать.

Г. Ц**

И так помните, мои любезные дети, что ближе всех бегает около солнца *Меркурий*, которая планета меньше всех прочих. После *Меркурия* бегает *Венера*, которая далее гораздо *Меркурия* от Солнца. В третьем порядке бегает *Земля* со своим Месяцем или Луною, который от нее никогда не отстаёт. В четвертом порядке и далее земли нашей бегает *Марс*, а наконец в ужасной отдаленности бегают последние две и величайшие планеты *Юпитер* и *Сатурн* около солнца. *Юпитер* из них больше всех планет, однако, бегает ближе *Сатурна* к солнцу, и имеет четыре спутника или месяца. А *Сатурн* хотя и меньше *Юпитера*, однако, бегает гораздо еще далее, имеет не только пять спутников, но и кроме их некоторое около себя великое кольцо, которое также ясно, как и наш месяц, и весь сей порядок течения или бегания планет около нашего солнца называется *системою* Солнца нашего, или как бы лучше назвать *подсолнечною* нашею^(*).

КЛЕОН

А сколько бы их, сударыня, было не изволите ли вы знать?

Г. Ц**

Хотя много раз старались их перечестъ, и уже несколько тысяч начтено и всем имена даны, однако все их перечестъ не было способа, потому что их ужасное множество, а сверх того иные так далеко, что их видеть почти не возможно. А к вящему удивлению примечено, что они прибавляются вновь и убавляются, ибо не давно усмотрены некоторые звезды вновь, которых прежде не видывали, а иные вовсе напротив того скрылись.

^(*) Великая система изображена на таблице III (*Прим. А. Т. Болотова*).

Таблицы, на которые ссылается Болотов предполагалось поместить в 3 части. На с. 369, которая имеется в некоторых экземплярах издания, помещено «Известие», в котором говорится: «Фигуры, о коих упоминается в примечаниях к сей части разговоров, приложены будут к третьей части сей книги». Эта часть не была напечатана (*Прим. Т. А. и М. М.*)

ФЕОНА

Да не та ли, сударыня, звезда, что с хвостом была, о которой мне однажды рассказывали?

Г. Ц**

Нет, моя радость, а звезда обыкновенная, а что до той звезды с хвостом принадлежит, то это была не звезда, но некоторый род такой же планеты как и прочие, о которых я вам сказывала, и между ею и теми только та разница, что те бегают около Солнца всегда уже по одной дороге и порядочно, а эта сбегав от звезд обежала около Солнца и опять туда ушла и скрылась, и потому и называют их заблудшими *планетами* или *комета*ми, ибо такие кометы уже не один раз показывались и обегали около нашего Солнца.

ФЕОНА

Еще одно слово хотела бы я у вас спросить, матушка, да куда же простираются сии звезды? Не уже ли им конца нет? И что бы там далее за ними было?

Г. Ц**

Бесконечному числу быть никак не возможно, и как бы их много ни было и сколь бы высоко и далеко они не находились, однако необходимо надобно иметь им где-нибудь конец. Сколь этот конец далеко узнать способа нет, только то с некоторою вероятностью утверждать можно, как то некоторые из философов и утверждают, что выше всех этих звезд надобно быть чему-нибудь наподобие скорлупы, которая бы весь мир в себя вмещала, и что этой скорлупе надобно состоять из воды. И сию-то скорлупу, есть ли то правда, можно почесть подлинным и высочайшим небом.

ФЕОНА

А выше сего неба, матушка, что?

Г. Ц**

Там более уже ничего нет, кроме одного Существа Божеского, и там-то оно сияет уже в полном своем величестве и славе, и потому-то говорится обыкновенно, что он живет на небесах.

ФЕОНА

О, сударыня, в какое удивление привели вы меня всем сегодняшним рассказыванием. Я рано как в другом свете теперь, а не в прежнем, все у меня месяцы, планеты и звезды на уме.

Г. Ц**

Не надобно, только всего этого позабывать, любезные дети. Мне надобно будет очень много с вами о том еще говорить, но теперь время нам идти уже ужинать. После ужина нарисую я вам на бумажке как и месяц прибавляется и убавляется, и как солнечные и лунные затмения делаются, и как планеты около Солнца бегают и прочее.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, мы тем лучше всего того не забудем.

КЛЕОН

Благодарствую матушка, что вы для меня сегодня так много говорить изволили. Признаюсь, что я виноват пред вами, и был слишком не вероимчив, и вам делал остановку. Но мне это сперва очень чудно показалось, однако теперь начинаю всему тому верить, что вы рассказывать изволили.

РАЗГОВОР XV МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ ФЕОНОЮ И КЛЕОНОМ

ФЕОНА (*пришедши в сад и несколько походив и размышляя, потом увидев Клеона*).

О, братец, насилиу я тебя нашла, сколько хотелось мне с тобою поговорить!

КЛЕОН

А мне, сестрица и того больше. Меня вчерашнее, что мы слышали, в такое сомнение привело, что я и ночь и весь сегодняшний день о том все думал, и чем более думаю, тем более мудреного, непонятного и удивительного нахожу. Более всего мне это невероятно кажется, как земле бегать и вертеться, а солнцу стоять, не уже ли бы мы не могли ничего приметить, а то посмотри сестрица на сии облака, вот как они и туда и сюда бегают. Не доказывают ли они, что земля стоит?

ФЕОНА

А я, братец, о себе скажу. Я также долго не спала, а думала все, как это планеты бегают, как их так много, как они велики, и в такое любопытство вошла, что нарочно высылала девку на двор посмо-

треть, не прочистилось ли на небе, и не видны ли звезды, и хотела идти и сама смотреть, не увижу ли я тех больших шаров, но по несчастью было на небе облачно и ничего не видно, и так принуждена я была остаться, а вспомнила только бывшую недавно светлую ночь, и как я в то время их видела.

КЛЕОН

Эту ночь я сам, сестрица вспоминал, но то-то мне и удивительно, что таких шаров было тогда нигде не видно, а видны были только одни звезды, но и те кажутся все рядышком.

ФЕОНА

Это правда, братец. Так они нам кажутся, но может быть они самом деле одна другой далее. Но хотелось бы мне очень знать, почему бы это все узнали, каким образом все там происходит и я, конечно, спрошу о том матушку.

КЛЕОН

Я, сударыня, вчера хотел еще спросить, но не было уже времени. Да вот матушка уже к нам идет.

Г. Ц**

Небось, вы все о вчерашнем думаете, дети?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, о вчерашнем, все нам еще удивительно и все такое, чего мы никогда не слыхивали. Мы и сегодня хотим вас просить, чтобы вы о том же говорили, и рассказали нам, каким образом это все узнали.

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость! Я вам и это расскажу, и вам будет служить сие лучшим подкреплением. Итак знайте, что любопытство людей было всему тому причиною. Еще в самые древние времена старались уже они рассматривать небо, однако как не доставало им многих потребных к тому вещей, а особливо надобных к тому инструментов, то не могли никогда они узнать совершенно весь порядок, но имели о здании небесном чудные и неправильные мысли. Они принуждены были довольствоваться одним только зрением простыми глазами, и хотя ими еще очень мало увидеть можно, но со всем тем, они те планеты также и обеих кругом солнца усмотрели, хотя они простым глазам подобны прочим звездам кажутся

ФЕОНА

Да почему ж, сударыня, могли они это приметить?

Г. Ц**

А потому, что они, смотря очень часто и прилежно на небо, приметили между звездами разность. Они увидели, что большая часть звезд стоят неподвижно, и казались утвержденными быть к небу, а другие, напротив того, переменили свои места и по небу ходили, и для того называли они те неподвижными звездами, а сии ходящими, или планетами, и заключили, что им надобно быть гораздо ниже и на свободном воздухе. Примечая далее, усмотрели они, что сии ходячие звезды имеют течение свое около Солнца, и что от одного одна другой далее. А таким образом мало-помалу они больше примечаний делали, однако все они были несовершенны. О величии сих планет, и о прочем они ничего достоверного не знали, да может быть и по сие бы время никто того не знал, есть ли бы по счастью не изобретены были зрительные трубы.

ФЕОНА

Какие это трубы? Не уже ли такие, какая есть у нас подзорная трубка?

Г. Ц**

Такие, моя радость, и вам надобно знать, что это весьма нужный и надобный инструмент. Польза от них в том состоит, что мы отдаленные вещи можем явственнее и лучше видеть.

КЛЕОН

Да, сударыня, я часто в нее смотрю на погост²⁹ свой, и в нее видно все, что там ни делается, а простыми глазами того не видно.

Г. Ц**Совсем тем наша маленькая и негодная трубка. В эту трубку ничего на не небе не увидишь. Те же трубы, о которых я говорю, гораздо больше. Есть такие, которые длиною сажень десять и более, и в такие трубы смотрят на небо и на звезды.

ФЕОНА

О, сударыня, посмотрела бы я в эту такую трубу, в нее я думаю все велико и явственнее кажется?

Г. Ц**

Конечно, все явственнее, и потому-то как скоро они выдуманы, то уже другое все на небе примечено. Планеты показались уже

гораздо больше. Усмотрено также, что они не огненные, а такие же как наш месяц, состоящие из какой-нибудь твердой и темной материи. Что свет свой получают они от солнца. Примечено также, потому что они равно как месяц прирастают и имеют ущерб. А что они друг друга далее, заключено из того, что они друг за друга заходят и задних заслоняют своей тенью. Одним словом, все, что я ни говорила мало-помалу примечено. Наконец науки пришли в совершенство, и ученые люди не только все оное усмотрели, но нашли средство отсюда с земли все и измерить. Они исчислили их величину и отдаленность.

ФЕОНА

Да как же, сударыня, они мерили, ведь не ходили же они туда?

Г. Ц**

Да и не для чего ходить, а можно и без того помощью тех же и других потребных к тому инструментов смерить, сколь например Солнце от которой планеты, или от нас далече.

КЛЕОН

Так они это верно знают, сударыня?

Г. Ц**

Конечно верно, и не только отдаленность, но и весь бег этих планет, обращение и течение их им так уже ныне известно, что они за сто лет наперед узнать могут, где которая планета тогда будет, или например, когда солнечное или лунное затмение будет. Это они так коротко знают, что могут без всякой ошибки, не только год и месяц, но и день и час и минуту, назначить, в которую такое затмение начнется, сколько времени продолжится, и когда окончится. Вот видите до чего дошли уже люди, а вы не хотите тому верить, что земля вертится и бежит, солнце стоит. Ведь это они же приметили и узнали, и почитают уже за самое бесспорное дело. Теперь рассудите же сами, когда они впрочем, ошибаться не могут, то как уже в этом им самим себя обманывать?

ФЕОНА

О, сударыня, всего это я еще не знала. Теперь я уже стану все-му верить, и вспомнила сама, как прошлого года затмение было. Мы из календаря задолго перед тем знали, когда оно начнется, что так и сделалось.

КЛЕОН

Теперь матушка и я уже никак в справедливости всего того не сомневаюсь. И когда они все это так коротко знают, то хотелось бы мне знать, каково же велико в самом деле наше солнце и все те планеты, также сколько бы верст, например, до месяца и до прочих планет и до солнца было? Пожалуйте нам матушка это скажите.

Г. Ц**

Изволь, моя радость, я вам это расскажу. Вы можете лучше из того величину всего мира усмотреть, а из того уже, так сказать, из опыта узнать, каков велик наш Бог и все вселенный Создатель.

ФЕОНА

О, куда я этому буду рада!

Г. Ц**

И так слушайте, любезные дети, еще до того времени, как большие зрительные трубы найдены, и когда мир еще гораздо меньше почитали, нежели каков велик он в самом деле, и каков ныне усмотрен, всяк смотря и простыми глазами на небо и на великолепный этот свод, украшенный только многими светилами и только множеством звезд испещренный, не мог, чтоб не дивиться этому и не признать, что тому надобно великому Господу быть, кто такую ужасную громаду сделал и так прекрасно изукрасил.

ФЕОНА

Это самая правда, сударыня!

Г. Ц**

Но как трубы найдены, и все обстоятельнее рассмотрено и узнано, то все сие здание еще в тысячу раз великолепнее, славнее и великого Создателя достойнее представилось. Поистине, любезные дети, ничто не может нам так ясно величества и всемогущия нашего Творца доказать как преужасная величина всего сего мира, и огромность тех ужасных шаров, которые там (*указывает на небо*) по воздуху катаются. Вы сами сие усмотрите, когда обо всем прилежно рассуждать станете. Ибо хотя и невозможно нам все, а особливо ужасное то пространство, где неподвижные звезды находятся, также и величину за превеликою отдаленностью в самую точность измерить, однако, по крайней мере, в том удостоверены

мы, что им не измеримо великими быть надобно. Возьмем наперед нашу Землю в рассуждение, и ее величину рассмотрим. Я вам уже вчера сказывала, как она велика. По новейшим и надежнейшим исчислениям выходит, что естли здесь, например, яму до самой середины земли прокопать, то была бы она 5958 верст с половиною глубиною. А ежели бы эту яму сквозь всю землю прокопать, то бы длинною была она 11917 верст. Не ужасная ли толщина, любезные дети?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, ужасная, и я думаю, что ежели бы можно было этою ямою ехать, то бы в два месяца сквозь землю не проехал.

Г. Ц**

Конечно бы не проехал. Еже ли бы в таком случае и по сто верст на всякий день ехать или туда опускаться, то бы к тому уже целых 120 дней, следовательно, 4 месяца надобно бы было.

КЛЕОН

А ежели бы в эту яму бросить камень, как бы скоро он туда долетел?

Г. Ц**

Ежели положить, чтоб он так скоро летел, чтоб по сто верст во всякой час вниз опускался, то бы и тут ему целых 6 суток лететь надобно бы было, покуда бы он до того края долетел.

КЛЕОН

О, сударыня, по справедливости далече!

Г. Ц**

Какая это еще даль против тех, о которых вы услышите. Теперь надобно вам не позабыть, что эта мера называется *диаметр* или поперечник нашего земного шара, потому что столько верст только поперек и сквозь землю. А ежели оную кругом по наружности обмерить, то хотя бы она повсюду равна была, и ни гор и ни долин не было, и мерить бы прямо, то пришлось бы тридцать семь тысяч четыреста пятьдесят три версты. Не ужасная ли величина одного нашего земного шара? И хотя бы нам при одной нашей Земле остаться, то не доказывает ли и один этот ужасной величины шар, что сделан он великим Господом. Ибо разберите только,

какому множеству надобно в таком огромном шаре земли и прочих вещей, из которых он состоит, быть? Не преужасное ли множество?

КЛЕОН

Непостижимое думать надобно множество, и мне кажется, что этого никак исчислить не можно.

Г. Ц**

Никак, мой свет, исчислить это очень скоро можно, но только надобно нам сыскать к тому миру. Это исчисляется кубическими верстами.

ФЕОНА

А какие это сударыня кубические версты?

Г. Ц**

Я вам расскажу, любезные дети, что это такое. Представьте себе, например, какое-нибудь ровное поле, на этом бы поле обнесен был забором такой огород и четырехугольное место, которое бы и вдоль было на версту и поперек на версту, такой четырехугольный огород называется квадратная верста, а ежели бы тот забор так высок сделать, чтоб он вышиною на целую версту был, и насыпать бы этот огород полон и по самый верх забора земли, то называется все это количество земли кубическая верста земли.

КЛЕОН

Вот сударыня ажно это как, и таких-то кубических верст, изволите вы говорить, можно узнать, сколько во всем земляном шару будет?

Г. Ц**

Конечно, можно мой свет, и не только, сколько кубичных верст во всей внутренности земного шара, но сколько и квадратных верст на поверхности оного.

КЛЕОН

О, хотел бы я это знать.

Г. Ц**

А вот, мой свет, сколько поверхность нашего земного шара содержит в себе. 446 миллионов 327 тысяч и 401 версту квадратную. А внутренность всего земного шара, восемьсот восемьдесят шесть

тысяч четыреста восемьдесят миллионов 606 тысяч и 286 кубических верст^(*), не ужасное ли множество земли?

ФЕОНА

Конечно сударыня ужасное и непостижимое множество.

Г. Ц**

Со всем тем, как бы Земля наша вам ни велика казалась, однако, как я уже вчера сказывала, она еще гораздо меньше многих других и почти всех небесных шаров, которые нам видимы. Два или три только шара или планеты ее несколько меньше, однако, и те ужасной и удивительной величины.

ФЕОНА

Которые же планеты меньше земли нашей, и как они велики?

Г. Ц**

Меньше земли нашей только *Меркурий*, *Марс* и *Венера*. Однако не думайте, чтоб и они гораздо малы были. *Меркурий* почитается самую меньшую из всех планет, а и того поперек слишком пять тысяч верст.

КЛЕОН

Как сударыня поперек?

Г. Ц**

Также как я вам про землю сказывала, то есть, ежели бы прокопать в середине его насквозь, то сия бы поперечная линия слишком 5 тысяч верст длиною была.

ФЕОНА

О, сударыня, как ажно и он велик, но когда он таков толст, то уже кругом его гораздо больше быть надобно?

Г. Ц**

Конечно больше кругом придется слишком 16 тысяч верст, и ежели бы таким же образом переезжая на каждый день по сто верст около его объезжать, как мы о земле говорили, то целые бы

(*) Нашего земного шара:

в поперечнике 11917 верст

в окружении 37453 верст

в поверхности 446327401 кв. верст

во внутренности 86480696286 куб. верст (Прим. А. Т. Болотова).

два месяца и 20 дней ехать надобно было. Вот как велика и самая меньшая планета, любезные дети!

ФЕОНА

Да, преужасная и это громада сударыня, но во сколько же раз меньше она земли нашей?

Г. Ц**

Почти только в десять раз, моя радость! Прочие планеты час от часу уже больше этой. Например, Марс только впятеро меньше земли нашей, и поперек его более семи тысяч, а вокруг слишком двадцать две тысячи верст. А планета *Венера* не многим чем только поменьше земли нашей. В поперечнике ее слишком одиннадцать тысяч верст, а в окружении более 36 тысяч верст, вот каковы сии маленькие шарики!

КЛЕОН

Очень сударыня малы. Это правда?

Г. Ц**

Конечно не велики, мой свет, против остальных двух планет *Юпитера* и *Сатурна*. *Сатурн* несколько поменьше *Юпитера*. Но и тут я опасаясь, что вы такое великое число верст понять не можете, сколько на примере в его окружности, поверхности, или во внутренности будет. В одном поперечнике или диаметре его слишком сто тысяч верст, а в его окружении более трехсот тысяч наших верст, следовательно, его однажды поперек, а землю нашу уже три раза кругом объезжать надобно, а ежели кругом его объезжать и таким же образом по сто верст в сутки ехать, то бы и в восемь лет его не объехал, а о поверхности и внутренности его что уже мне упоминать? Довольно он чрезвычайно велик.

ФЕОНА, удивляясь.

Восемь лет, и так еще скоро ехать, и не объехать! Боже мой, надобно конечно быть ему великому.

КЛЕОН

А *Юпитер* еще того больше сударыня?

Г. Ц**

Конечно больше. *Сатурн* полагается только в шестьсот сорок четыре больше земли нашей. А *Юпитер*, в 1225 раз. Один поперечник его составляет слишком 127 тысяч верст. Почему в окружении

его уже более 400 тысяч верст придет и около его в 10 лет объехать невозможно. Не ужасная ли махина, любезные дети?

ФЕОНА

О, сударыня, конечно ужасная и сколько в нем земли уже быть надобно?

Г. Ц**

Но каковы велики сии ужасные громады вам ни кажутся, однако, они очень малы, и почти ничто против того огненного шара, который мы *Солнцем* называем. Сей преогромный шар колико тем пред всеми планетами преимуществует, что он сам свет и теплоту им дает, и приятными лучами своими все оживотворяет, так превосходит он и величиною и окружностью своей всех прочих. Каков *Юпитер*, ни велик, однако ежели искать какого-нибудь сравнения его величины с величиной *Солнца*, то едва ли он и таков велик будет, каков велик простой орех пред большою тыквою. Наша же земля едва ли с репное семечко против этой тыквы будет. Вы сами рассудите, любезные дети, один поперечник сего огромного шара, миллион 387 тысяч 139 верст, а чему уже надобно прийти в его окружности, поверхности и внутренности?

КЛЕОН

Я думаю, сударыня, его и в двадцать лет не объедешь.

Г. Ц**

О, нет мой друг, в окружении его более 4 миллионов верст. Так ежели бы его объезжать, и также по сто верст на каждые сутки ехать, то без малого 120 лет ехать бы надлежало.

ФЕОНА

О, сударыня, какая не слыханная громада! Поверить бы истинно не возможно, а особливо когда посмотреть, каков мал этот шар глазам нашим представляется!

Г. Ц**

Со всем тем это самая справедливость. Величину его считать всего легче и вернее можно, потому что этот шар всегда нам виден, а нужно только узнать, сколько в поперечнике его, а что до поверхности касается, то уже самая безделица.

КЛЕОН

А сколько бы на примере в его поверхности, сударыня?

Г. Ц**

Преужасное число! Поверхность его содержит в себе более 800 тысяч миллионов квадратных, а во внутренности его более 17 биллионов кубических верст. Одним словом *Солнце* с лишком в полтора миллиона раз величиною своею более *Земли* нашей.

ФЕОНА

О, сударыня, я не знаю как уже больше удивляться всему этому.

Г. Ц**

Конечно, моя радость, все сие крайнего удивления достойно. И так видели вы, сколь ужасны разные величины одних тех планет или шаров, которые в системе нашего солнца или около одного по воздуху кругом носятся. Однако сие еще не все, а может быть и незнатнейшие в мире нашем. Потому что о неподвижных звездах, хотя они и в самые лучшие зрительные трубы только золотыми точками, или огненными шариками, или лучше сказать искорками кажутся, с некоторою вероятностью заключают, что они такие же солнца и также как наше свои системы и планеты имеют, которые кругом их обращаются, и когда величиною своей не более нашего солнца, то по крайней мере не меньше одного. Нам же только для того так малы кажутся, что ужасно от нас далеко находятся.

ФЕОНА

Да может ли уже это и статься сударыня?

Г. Ц**

Есть ли подлинно около звезд планеты, того по сие время точно еще не примечено, следовательно достоверно и знать не можно, а догадываются только, потому что на что же бы столікому множеству преогромных огненных шаров быть а особливо когда звезды нашей земле никакой пользы не приносят? Но положить хотя бы планет там и не было, так не великое ли уже множество самых сих видимых звезд, любезные дети, и не должно ли ужаснуться, когда себе представить, что все сии золотые точки, которыми наше небо испещрено, столь ужасные и не слыханные огненные шары, как наше Солнце?

ФЕОНА

Конечно очень много и удивления достойно. Поверите ли сударыня, что я теперь уже другие мысли о небе имею, и без ужаса на него смотреть не могу.

Г. Ц**

Этого не довольно, моя радость, а надобно притом и к Богу мысли свои обращать, и его величество прославлять и дивиться. Вы видели теперь ужасную величину сих светил небесных. Разберите же сами, любезные дети, не доказывают ли каждая звезда великое всемогущие Создателя нашего? Подумайте! Все эти шары из чего-нибудь ведь сделаны? Но откуда же вся эта материя взялась? Кто мог иной столько материи найти, сколько для сделания столикого множества не измеримой огромности шаров надобно было? Или кто мог столь предупредительные дела сделать, как не одна Всемогущая Десница? Ах, любезные дети! Какого почтения не должны мы иметь к такому великому и всесильному Господу!

ФЕОНА

Это правда, сударыня, я не смею об нем и подумать, столь велик он мне теперь представляется.

КЛЕОН

А я, сударыня, признаюсь из номняшнего вашего рассказывания, и знал я сколь велик Бог, однако, тогдашнее с теперешним сравнить никак не возможно.

Г. Ц**

Вы еще более, любезные дети, всемогущие и величество его усмотрите, когда более здание мира узнаете. По сие время рассказывала я вам только о величине сих шаров, а теперь послушайте как они далеко друг от друга, или например, от Солнца или от Земли нашей отстоят. Это не меньше того удивления достойно.

КЛЕОН

А я, сударыня, хотел было только у вас спрашивать о том. Вздумалось мне, что когда они так велики и все около Солнца бегают, как же они, поворотиться могут, и как друг за друга не цепляют? Поверите ли, я уже и боялся и думал: ну естли один такой шар на другой нечаянно набежит и его с дороги собьет, или совсем разломит и он упасть принужден будет, и ну естли ему прямо на нашу землю упасть трафится, что с нами тогда будет? Совсем он нас задавит и праху нашего не останется!

Г. Ц**

О, мой свет, этого опасаться нечего. Не так все от премудрого Создателя нашего устроено, чтоб такому беспорядку произойти можно было, напротив того все устроено и распоряджено преудивительным порядком. Все сии шары бегают около Солнца в таком равновесии и порядке и в такой отдаленности, что из одного того премудрость Зиждителю усмотреть можно. Каждому показано уже свое место и дорога, по которой он с начала света по сие время бегают и на шаг в сторону не сбивается. А и расстояние между ими так велико, что некоторый шар на другой не только набежать, но и свет солнечный ему заслонить не может. Один только Месяц наш, и месяцы прочих планет заслоняют иногда несколько Солнце, но и то заслонение не более часа только продолжается и ничем почестся не может.

КЛЕОН

Так я этого не знал, сударыня, и бояться уже не стану.

Г. Ц**

Конечно не для чего, мой свет, и вы послушайте как они далече. Только надобно нам, любезные дети, какую-нибудь сыскать меру, которая была бы больше. Ибо мера верстами чрезвычайно мала и не способна, да и вы столько чисел в голову не вместите. Положим, чтоб из Солнца во все планеты стрелять из пушки ядром, и это бы ядро летело туда всегда с одной скоростью, и в каждый бы час перелетало по сто верст и так счислив во сколько времени это ядро в каждую планету прилетит, можете вы лучше их расстояние понять.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня!

Г. Ц**

И так мы начнем с *Меркурия*, любезные дети. Сия планета бежит всех ближе к Солнцу. Однако, и тут она очень далече от него. Ежели бы помянутое ядро из пушки с Солнца к нему выстрелить, то ему целых бы 64 года и 198 дней, до дороги, по которой *Меркурий* кругом Солнца бежит, следовательно и до него лететь бы надлежало. Потому, что от солнца до *Меркурия*, более 56 миллионов верст.

ФЕОНА, удивляясь.

О, сударыня, как ажно первая планета от него далеко.

КЛЕОН

Да ведь он матушка между Землей и Солнцем, так поэтому уже от него до Земли очень близко, когда он так далече от Солнца?

Г. Ц**

А так близко, мой свет, что ежели бы давишное ядро отсюда с Земли к *Меркурию* выстрелить, то бы оно во сто лет до него не долетело, а надлежало бы ему целых 104 года и 223 дня лететь^(*).

КЛЕОН

Что это вы сударыня говорите! Поэтому Земля наша от Солнца и Бог знает как далече?

Г. Ц**

Это ты увидишь после. А теперь надобно нам посмотреть как далеко *Венера* от Солнца и от Земли. Эта планета бежит около Солнца также между нами и Солнцем, только она ближе уже к нам Меркурия, а далее одного от солнца. По вернейшим исчислениям от солнца до ней более 1000 миллионов верст. Следовательно, есть ли бы давешнему ядру от Солнца до ней лететь, то бы оно не прежде как в 126 лет и 63 дня до ней долетело. Вот какое ужасное между нею и Солнцем расстояние!

ФЕОНА

Что мне теперь вздумалось сударыня? Не про сию ли Венеру, за несколько лет пред сим говорили, что она сквозь Солнце проходила? Как же сударыня, разве она в то время ближе была к Солнцу?

Г. Ц**

О, нет, моя радость! Это было 1761 и 1769 году³⁰ и проходила хотя самая эта планета, однако она была и в то время столько же далеко от Солнца, как ныне, да и проходила она не сквозь Солнце, а только идучи дорогою своей, против самого Солнца, так при-шлась, что нам ее видеть можно было.

КЛЕОН

Сколь же велика она в то время казалась?

^(*) От планеты *Меркурия* таблиц:

до Солнца 56444870 верст,

до Земли 91639865 верст (*Прим. А. Т. Болотова*).

Г. Ц**

Очень не велика, и только маленьким черным пятнышком.

ФЕОНА

А как же далеко она от Земли нашей, сударыня?

Г. Ц**

Около 40 миллионов верст. А ежели бы тому ядру отсюда к ней лететь, то бы оно могло уже и в 45 лет и 219 дней долететь^(*).

ФЕОНА

Вот как ажно и от нас она далеко. Я матушка нарочно у вас об этом спросила. Я вспомнила как тогда многие этого случая боялись, и думала, что *Венера*, дотронется до Солнца и нашей Земле неведомо какой вред от того произойдет. Я и сама тому верила, а теперь уже вижу, как эти люди обманывались, и есть ли чего страшиться, когда она так далеко и от Земли и от Солнца проходила.

КЛЕОН

А я, матушка, неведомо как тогда трусил. Мне сказали, что тогда уже и представление свету будет. Но теперь меня не обмануть.

Г. Ц**

Из этого ты можешь видеть, как худо незнающим быть. Однако, станем продолжать свою речь далее. И так о *Меркурии* и *Венере*, вы слышали, теперь очередь до нашей Земли дошла. Она третий круг делает около Солнца. Посмотрим, как далеко и она от Солнца бегаёт.

ФЕОНА

Извольте матушка-сударыня.

Г. Ц**

Расстояние от Земли до Солнца хотя из давних времен почитается было весьма велико однако в исчислениях всегда некоторым образом ошибались, наконец, при бывших помянутых прохождении Венеры узнали уже достоверно. Чего ради сего случая более ста лет астрономы и ученые люди с великою нетерпеливостью дождались, и по счастью с желаемым успехом, что им надобно было приметили

^(*) Планета *Венера*

от Солнца — 108128899 верст

от Земли — 39945784 верст (*Прим. А. Т. Болотова*).

и узнали. И по сим-то новым и достовернейшим исчислениям оказалось, что от Солнца до Земли 148 миллионов 74 тысячи 693 версты, следовательно давешнему ядру от Солнца до нас и отсюда до него целых 168 лет и 326 дней лететь бы надлежало.

ФЕОНА

О, какая это ужасная даль, сударыня.

КЛЕОН

А я думаю, что ежели бы дорога была к нему, и нам самим туда ехать было можно, то бы мы и во всю свою жизнь до него не доехали.

Г. Ц**

Конечно нет!.. Ежели бы нам ехать, и мы в каждые сутки по сто верст переезжали, то не прежде как в 4056 лет до него доехали, а в таком великом множестве лет сколько жизней человеческих.

ФЕОНА

А до Месяца, сударыня, нашего как далече, скажите вы нам о том, матушка?

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость, что ты мне об нем напомнила. Я и о величии его позабыла вам сказать. Он не очень велик, любезные дети, и меньше еще *Меркурия*. В поперечнике его и полу-четверти тысячи, а в окружении и 11 тысяч верст не будет, следовательно, ежели бы его объезжать, и в каждые сутки по сто верст ехать, то бы можно уже было его в 115 недель объехать. Одним словом, он почти втрое меньше земли нашей, а расстоянием он от нас только 295 тысяч 593 версты, следовательно давешнее ядро долетело бы до него в 17 недель с половиною, а нам естли бы можно было к нему ехать, то бы в 8 лет и 4 месяца к нему доехали.

ФЕОНА

Это будто близко и он будто мал, матушка, я все считала его гораздо ближе и меньше.

Г. Ц**

Но как бы вам расстояния сии велики ни казались, однако они еще очень малы пред прочими. Позади нашей земли бегают около Солнца четвертая планета *Марс*, которая, хотя меньше Земли нашей, однако гораздо далее оной от солнца. Расстояние между ним

и солнцем так далеко, что давешнее ядро в 256 лет и 272 дня насилу бы туда долететь могло, ибо от нас еще до него слишком 77 миллионов верст, следовательно и от нас тому ядру слишком 88 лет до него лететь бы надлежало^(*).

КЛЕОН

Хорошее это перепутье, сударыня!

Г. Ц**

Но какая еще это даль против расстояния оставшихся двух планет, *Юпитера* и *Сатурна*. Сии, а особливо последней, гораздо далее от солнца отдалены. До первого, то есть до Юпитера, тому бы ядру 871 год и 53 дня, а до Сатурна, целых 1612 года и 223 дня лететь бы надлежало^(**), не преужасная ли даль, любезные дети!

ФЕОНА

Конечно преужасная сударыня!

Г. Ц**

Со всем тем, любезные дети, я только среднее расстояние всех сих планет полагала. Но они не в одном расстоянии от Солнца около оного бегают, но в некоторые части года еще далее от оного отбегают. Но хотя бы положить, чтоб весь их бег всегда в одном расстоянии от Солнца был, то и тогда не преужасное ли пространство к тому надобно, чтоб им такие большие круги около Солнца давать и притом друг другу никакого помешательства не делать? Вы удивились бы когда услышали, сколько верст надобно бы было каждой планете обежать, покуда она однажды около Солнца обежит. Но я не хочу вам о каждой планете сказывать. Довольно когда мы *Сатурна*, как самую отдаленнейшую планету в пример себе возъ-

^(*) Планета *Марс*, расстоянием:

от Солнца — 224912644 верст,

от Земли — 77537960 верст (*Прим. А. Т. Болотова*).

^(**) Планета *Юпитер*, расстоянием:

от Солнца — 762884680 верст

от Земли — 614809947 верст

Планета *Сатурн*:

от Солнца — 1412647138 верст

от Земли — 1264572455 верст (*Прим. А. Т. Болотова*).

мом, и велим давешнему ядру по его дороге около солнца кругом обежать. Что бы вы думали, во сколько лет оно обежало?

ФЕОНА

Я думаю, что оно и в тысячи две лет не обежало бы.

Г. Ц**

Конечно не обежало, а надобно бы ему целых 6548 лет и 246 дней бежать.

ФЕОНА

О, сударыня, какому это великому кругу быть надобно!

Г. Ц**

Но как не ужасно это пространство, однако, столько места одни планеты нашей солнечной системы занимают, а что уже о расстоянии сказать, которое между ними и звездами находится. Я вам сказывала уже любезные дети, что они не все в равном отсюда расстоянии, но друг друга выше стоят. Так же вы и то слышали, что они, по крайней мере, столько же велики, как наше Солнце, но когда и самого первого и ближайшего к нам ряда звезд, они так малы кажутся, что почти никакая зрительная труба их увеличить не может. То какой ужасной отдаленности надобно и между сими ближайшими звездами и землей быть, рассудите сами? Самая ближняя к нам неподвижная звезда, называемая *Сириус*³¹, кажется отсюда нам слишком 27 тысяч раз меньше Солнца, хотя она, в самом деле, еще гораздо более и по исчислению некоторых астрономов [в] 73 тысячи раз больше Солнца. Но хотя бы она в самом деле и равна была оному, то и тогда уже сей звезде 27 тысяч раз далее Солнца быть надобно, и помянутому ядру не прежде как в 4 миллиона 676 тысяч 185 лет до оной долететь было возможно.

ФЕОНА

О, сударыня, это уже и Бог знает как далече.

Г. Ц**

Совсем тем, моя радость, это почти ничто против того, когда о неизмеримой длине и ширине, высоте и глубине всего небесного здания рассудить. В таком расстоянии как звезда *Сириус*, по исчислению только 13 звезд, а другому надобно по крайней мере столь же далеко быть от первого, как этот отсюда, а третьему от того столько же. А сколько всех этих рядов того и рассмотреть не можно. Столь

великое множество сих светил небесных! Одним словом, все пространство небесного здания неизмеримо, и известен один только Бог о том, сколь велик весь наш мир, а уму человеческому величина его непостижима.

ФЕОНА

Конечно так сударыня, и человеку только что удивляться всему этому остается.

Г. Ц**

Удивляться и надобно, моя радость, Вы сами рассудите, можно ли только взглянуть на небо и о всех вещах рассудить, которые там есть, чтоб в самое то время не признаться, что небеса по справедливости проповедуют славу Божию. Может ли кто на неизмеримое сие здание (*указывает на небо*) глаза свои обратить, и из него не узнать, что это дела рук Божеских? Мы удивляемся преогромной величине нашего земного шара, да в том и не погрешаем. Но ежели рассудить, коль много превосходят ее прочие шары, или мыслями своими взойти на небо и оттуда на не посмотреть, то в каком виде представилась бы она тогда? Не точкою ли бы и не пылинкою ли одною и вся она в сравнении против прочих или всего мира нам показалась? А такова она мала и в самом деле?

ФЕОНА

Конечно так, сударыня, и человеку только что удивляться всему этому остается.

Г. Ц**

Удивляться и надобно, моя радость! Вы сами рассудите, можно ли только взглянуть на небо и о всех вещах рассудить, которые там есть, чтобы в самое то время не признаться, что *небеса по справедливости проповедуют славу Божию*³². Может ли кто на неизмеримое сие здание (*указывает на небо*) глаза свои обратить и из него не узнать, что это дела рук божеских? Мы удивляемся преогромной величине нашего земного шара, да в том и не погрешаем. Но, ежели рассудить, коль много превосходят ее прочие шары, или мыслями своими взойти на небо и оттуда на ее [Землю] посмотреть, то в каком бы виде представилась она тогда? Не точкою ли бы и не пылинкою ли одною и вся она в сравнении против прочих или всего мира нам показалась? А такова мала она и в самом деле.

ФЕОНА

Конечно так, сударыня и я думаю, что не только с неба, но ежели бы взойти и на *Сатурн*, то бы и оттуда ее совсем не видать было, или бы показалась она самою маленькою звездочкою.

Г. Ц**

Самая правда, моя радость! И так разберите же сами, сколь мала и не важна она и вся во всем мире? А сие учит нас, любезные дети, чтоб мы и в самом деле ее презирали, и живучи на ней не так много о ней думали, как обыкновенно делается. Но мысли и желания свои лучше к небу и Создателю всего мира обращали, а тем бы отнюдь не следовали, которые все свое блаженство на такой маленькой пылинке ищут, и всю свою жизнь в поте и труде, гоняясь за безделицами, препровождают.

КЛЕОН

Я и давеча, сударыня, это думал и дивился, как много обманывали мы себя до сего времени, думая, что Земля-то одна и есть на свете.

Г. Ц**

Ты еще больше станешь удивляться своему незнанию, когда мы далее обо всем этом говорить станем. Мне еще многое вам рассказывать надобно, но сегодня уже поздно: видите, почти уже смеркается. Пойдемте походим несколько еще по саду, покуда ужинать поспеет.

ФЕОНА

Благодарствуем, сударыня, что вы так много нам рассказывать сегодня изволили. Самая правда, что мы света до сего не знали.

Г. Ц**

Только не надобно позабывать, любезные дети, а что до меня касается, то я обо всем вам сказывать готова.

РАЗГОВОР XVI МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

КЛЕОН с сестрой в саду.

Мне, сестрица, из головы нейдет все то, что матушка нам о здании небесном рассказывала. Эти ужасные и огромные шары и неизмеримая их отдаленность все понятия превосходит, и почти верить всему невозможно.

ФЕОНА

Конечно так, братец, но это более для того нам так невероятно кажется, что мы никогда этого не слыхивали, а ежели рассудить, то сомневаться в том не нахожу я никакой причины, да еще и тому и очень рада, что это так, а не иначе, ибо чрез то получила я о Боге гораздо лучшее понятие. Ты не поверишь, что я вчера, как мы с тобою были на дворе и на звезды смотрели, со страхом и трепетом на небо взирала и величеству божескому дивилась. Но вот идет уже к нам матушка, мы и не видали, как она приблизилась.

Г. Ц**

Где же нам дети сегодня разговаривать, воздух видите не гораздо тепел, и так пойдем мы лучше в свою беседку (*входят и садятся*). Скажите же вы мне, помните ли вы все, что я на сих днях вам сказывала, и о чем вы теперь говорили.

ФЕОНА

Конечно, помним, матушка. А я еще сегодня поутру все нужнейшие вещи и записала для памяти. Только как-то спуталась я в тех числах, как планеты велики и сколь они от нас далеко, и хотела вам бумажку свою показать, и просить, чтоб вы пересмотрели.

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость, однако я напишу тебе лучше сама таблицу о величине и отдаленности всех планет, а притом нарисую на бумажке все беги планет, чтобы вы видели, как они около Солнца бегают.

ФЕОНА

Благодарствую, сударыня, А я очень тому рада буду.

КЛЕОН

А я, матушка, вам скажу, что вчера, как вы изволили лечь, мы с сестрицей нарочно на двор выходили смотреть на звезды. Куда как их, сударыня, много.

Г. Ц**

Конечно, много и так много, что без ужаса о том подумать не возможно. Видели ли вы, любезные дети, что ими все небо испещрено, и в ином месте, так они часты и мелки, что и рассмотреть не можно, сколько их в тех кучках находится. Однако, надобно знать, что хотя их и много кажется, но простыми глазами и видимых тех не усмо-

тришь. Ежели бы случай был посмотреть вам в зрительную трубу, то бы удивились вы, увидев еще гораздо больше их, вы заметили бы, что и самые те места ими наполнены, которые простым глазам кажутся, пусты и где никаких звезд не видно. А сверх того и в зрительную трубу не все они отсюда видны. Отсюда можно нам только одну половину неба видеть, а вы помните, надеюсь, что такая же другая половина внизу под нами есть, которая не меньше испещрена звездами как и эта.

ФЕОНА

О, сударыня, поэтому их еще гораздо больше, нежели мы думали. Мы, смотря на них, с братцем вчера о числе их спорили. Он говорил, что их сот шесть, а я сударыня утверждала, что более тысячи.

Г. Ц**

А я скажу, что вы оба погрешали. А их так много, что точное число их определить ни один человек не в состоянии. Я вам сказывала, что они рядами друг друга далее и вы слышали уже, что в первом ряду только 13 звезд, но в другом уже гораздо больше, а в третьем и того больше, и так далее, а сколько таких рядов, того никто не знает. Но хотя положить их двадцать рядов, то число звезд уже до сорока тысяч простираться будет. Совсем тем в одном так называемом Млечном Пути, как думают, более 40 тысяч звезд.

КЛЕОН

Какой это сударыня Млечный Путь?

Г. Ц**

Не заметили ли вы вчера на небе одну длинную полосу. Сия-то полоса называется Млечным Путем.

ФЕОНА

А, сударыня, мы ее видели, и братец думал, что это белое облако, однако я ему еще говорила, что это на облако не походит. Так неужели, сударыня, это все звезды?

Г. Ц**

Конечно, звезды, хотя того простыми глазами рассмотреть не можно, а в лучшие зрительные трубы они так малы и близко друг подле друга кажутся, что насилу и ближайшие рассмотреть можно, а задних и в трубы не видать, почему думают, что их тут бесчисленное множество. И так рассудите, не доказывает ли одно

число сих преогромных огненных шаров, что надобно тому чрезвычайно великому, всемогущему и непостижимому существу быть, кто всех их сделал и по местам расстановил.

ФЕОНА

Конечно, так, сударыня, да еще хотела я у вас спросить. Как мы выходили вчера на двор и смотрели на звезды, то был тут и наш Иван, матушка. Он указывал нам семь звезд в кучке, и говорил, что это Лось. Так чтобы это такое было и почему называют их Лосем.

Г. Ц**

Не только сии семь звезд, но и все прочие имеют свои названия, и это для того, любезные дети, сделано, чтоб тем способнее было их сыскивать и примечать. Однако надобно вам знать, что не всякой звезде особое имя дано, но разделены они все по кучкам, по несколько звезд вместе, и эти кучки названы уже кой-какими именами. И называются вообще созвездия, а порознь каждая, например: созвездие Лебедь, Медведица, Колос³³, Орион, Андромеда, Колесница³⁴, Жезл Яковлев, и прочее тому подобное, и потому есть ли надобно когда о какой-нибудь звезде говорить, то говорится, например: эта звезда в созвездии Лебедя, а именно в шее оного. Хотя на небе никаких таких фигур нет и представляют себе только так астрономы и звездочеты. Но что наш Клеон так задумался?

КЛЕОН

Я думаю о звездах, сударыня, и признаюсь, что мне все еще не вероятно, чтоб они так велики были, как наше Солнце.

Г. Ц**

Как бы тебе сие ни вероятно не было, однако все ученые люди в том согласуются, что всякая неподвижная звезда не только такова же велика как наше Солнце, но и действительно такое же Солнце как наше.

КЛЕОН

Да почему же бы сударыня они это утверждали?

Г. Ц**

А вот почему мой свет. Во-первых потому, что они чрезвычайно велики, ибо некоторые из ближних звезд, которых величину некоторым образом чрез инструменты вымерять можно, еще гораздо больше Солнца нашего оказались, а что они очень малы нам ка-

жутся, это от того, что они чрезвычайно от нас далеко отстоят. Вторых, что они свет и сияние собственно от себя имеют, а не от Солнца, как например, наш Месяц и планеты заимствуют.

КЛЕОН

Вспомнили вы теперь, сударыня, о планетах. О, эти планеты, вчера как мы ночью с сестрицей выходили, то едва было не сломил я головы от них.

Г. Ц**

Как это, мой свет?

ФЕОНА

Чего матушка, все ему хотелось их найти и увидеть как они по небу катаются, и для того не удовольствуясь тем, что с крыльца все небо пересмотрел, но сошел долой и разве с час все по двору, с места на место переходя, смотрел, но в одном месте пятился, пятился назад, да и набрел задом на бревно и так хорошо чрез него перекувырнулся, что я со смеху надселась.

КЛЕОН

Было так сударыня, но славу Богу, что не ушибся, однако и сама ты сестрица чуть было не упала.

Г. Ц**

Изрядные же вы астрономы, мои светы! Но впредь надобно быть осторожнее, можно и на одном месте стоя все видеть. Но что же, мой свет, нашел ли ты хоть одну?

КЛЕОН

Ах, нет матушка! Сколько я не старался искать таких звезд, которые бы двигались, но никак не мог усмотреть. Уже я и Ивана заставил вместе с собою искать, также ребят и девок, но все мы не могли приметить, ни одной такой звезды, ни из больших, ни из маленьких, а все казались как прикованы к небу, и только что блистали. И как же это, матушка, мы их не видали, разве их тогда ни одной не было, или они бегут да не скоро, что их бег приметить не можно?

Г. Ц**

Конечно, не скоро, мой свет. От того ты и не смог их никак приметить. Правда, они хотя там и скоро бегут, и в один час по несколько тысяч верст убегают, но нам по отдаленности их кажется, что движутся они очень тихо.

КЛЕОН

Как это по несколько тысяч верст, разве это узнать можно? Но кто же там бег их мерил?

Г. Ц**

Конечно, можно, да и не великого труда стоит, ибо когда расстояние их от Солнца и вся длина их пути около одного знакома, а и то довольно примечено, во сколько времени они однажды кругом Солнца обегают, то не трудно уже узнать, сколько верст они в каждые сутки и каждый час убегают.

КЛЕОН

О, когда это сударыня известно, то не можно ли нам, матушка, сказать, во сколько же дней обегает каждая из них кругом Солнца?

Г. Ц**

Для чего, моя радость, я и то вам с охотой расскажу. Ведайте, любезные дети, что премудрый устроитель, как в расположении их друг от друга и в показании каждой особого пути, так и в определении времени их около Солнца обегания поступил с особой премудростью. И тем которые ближе к Солнцу повелел короче времени на сем окружном пути своем препровождать, нежели тем, которые далее, тем и долее препровождают время в своем обегании, а именно, самой ближней планеты, то есть *Меркурию*, велено путь сей только в 88 дней, то есть без мала в три месяца оканчивать, и потом опять вновь начинать, а *Венера* отстоящая уже от Солнца далее обегает около одного уже в 224 дня, то есть с небольшим в 7 месяцев, за нею следует Земля наша. Сия, бегая уже далее препровождает на сем пути 365 дней, то есть ровно год. А *Марс*, как уже далее нас бегают, то и время ему более назначено. Сия планета не меньше уже как 687 дней, или без малого в наши 2 года путь свой оканчивает. Что же касается до обоих дальних планет, то как они несравненно далее от Солнца бегают и круги превеликие дают, то и время несравненно более на обегание около Солнца употребляют. *Юпитер* не прежде, как в 4333 дня, что учинит без мала в 12 лет однажды около Солнца обегав, опять на свое место приходит, а *Сатурн*, ровно 10759 дней или целых 29 лет с половиною на сем пути препровождает, следовательно, есть ли бы мы с вами на сей планете жили, то у нас бы один год только прошел, а здесь бы в сие время целых 29 лет миновало.

КЛЕОН

Вот, сударыня, какое ажно сделано учреждение и какие же там большие годы? Нет, не хотел бы я там жить, там пропадешь со скуки: 29 лет половина века человеческого.

ФЕОНА

То подлинно, что так братец, но смотри же напротив того, как малы годы в *Меркурии*: в одном нашем годе тамошних четыре. Тут-то бы пожил, не увидел бы, как годы летели, и то и дело бы весна да лето с осенью и зимою переменялись, и то и дело плоды и овощи новые.

Г. Ц**

Добро, моя радость. Не лучше ли нам остаться там, где живем, а то чтоб в Сатурне еще не замерзнуть от стужи, а в Меркурии не испечься от зноя солнечного.

ФЕОНА

То так сударыня, лучше остаться на прежнем своем месте. А между тем дозвоьте мне, сударыня, спросить, в одну ли сторону все планеты бегут, или не в одну, а одна другой навстречу, или каким иным образом?

Г. Ц**

О нет, моя радость! Когда все прочее порядочно устроено, так и в сем случае не можно быть беспорядку. Всем им назначено бежать в одну сторону, а именно, от запада на восток. И они бегут одна за одною и никак не путаются, и с пути своего ни на волос не сбивались и не сбиваются, хотя несколько тысяч лет уже бегают. Одним словом, все движение их так измерено, и так происходит порядочно, что ни малейшего не происходит беспорядка, и не можно тому довольно надивиться.

ФЕОНА

Вот, сударыня, стану же я это знать.

КЛЕОН

А мне, сударыня, вспомнилось теперь еще одно, о чем я вас спросить собирался. Вчера, как мы на небо смотрели, и я с Иваном нашим искал и не мог никак найти движущейся звезды, то сказывал мне Иван, что он часто сматривал на звезды, но никогда таких не видал, а приметил, что будто все звезды вдруг или, так сказать,

все небо имеет движение и с восточной стороны все к западной подвигается. Он указывал мне еще ту белую полосу о которой вы упоминали, и говорил, что она, конечно, на небе, ибо вместе с ним все с места на место подается. Теперь, говорил он, вот видите вы, сударь, где она, но изволите-ка часа чрез три опять выйти на двор, и тогда увидите вы, что она далеко уже на другом месте, но звезды все те же подле ей, которые прежде были. Я дивился сударыня, этому, и хотел выйти, но заспавшись позабыл, и так хотелось бы мне ведать, правда ли это или нет?

Г. Ц**

Конечно правда, мой друг! И он тебе нимало не солгал, хотя то совсем не так происходит, как он думает. Но хорошо, что ты сие обстоятельство мне напомнил. Оно тебя уверит наконец совершенно в том, чему ты долго не хотел верить.

КЛЕОН

А в чем таком сударыня?

Г. Ц**

Вот, что Земля наша вместе с нами беспрестанно вертится. Ибо надобно вам знать, что в сем случае нас глаза наши равно так, как и в рассуждении Солнца обманывают. И небо со звездами никак не движется, а хотя бы и двигалось, так нам того глазами приметить никак было бы не возможно, а что нам кажется, что оно движется, так это происходит от того, что мы с землею не стоим на одном месте, а беспрестанно движемся с западной стороны на восток оборачиваемся. Одним словом, в сем случае обманывают нас глаза точно так, как во время езды по какой-нибудь реке на большом судне, и есть ли смотреть тогда на находящиеся вдали на берегах леса и деревья, все они кажутся движущимися и бегущими прочь от нас, хотя ни одно из них с места не трогается, а движемся и удаляемся мы от них.

ФЕОНА

О, матушка, этот случай я довольно знаю, и не однажды приметила. И так-то сударыня это происходит?

Г. Ц**

Так-то, моя радость! А что сие действительная правда, то можете вы теперь сами уже усмотреть, ибо вы теперь уже знаете, как устро-

ено небо, какое это ужасное пространство, сколько там в преужасной отдаленности друг от друга расстановлено солнцев и планет, сколь они велики, и что делают, и, наконец, что за зверь наша земля, и какую неприметную почти песчинку составляет, и вся она в сравнении со всею величиною огромного здания всего мира. И когда все уже вам известно, то теперь судите сами, что есть ли хотя малый вид вероятности, чтоб Земля стояла все, а небо и все сии миллионы ужасных и преогромных шаров, около сей столь малой пылинки оборотилось? Сходное ли бы это с разумом было, и не выйдет ли из того наивеличайшего беспорядка и подобного тому, что в случае, когда хотели мы изжарить себе на вертеле курицу, не вертел кругом оборачивать стали, но весь бы дом и со всею кухней и огнем кругом ее вертеть вздумали³⁵. Не сушая ли бы это была глупость?

ФЕОНА

Конечно, сударыня! Легче курицу вертеть.

Г. Ц**

Так судите же теперь сами, можно ли премудрому Создателю при всех прочих своих порядочных делах сделать в одном сем случае такой великий беспорядок?

КЛЕОН

О, конечно, нет и теперь-то сударыня, я прямо в том удостоверился. И как доволен, что вы мне сие изъяснить изволили.

Г. Ц**

Сие обстоятельство, не только тебя, но и всякого могло бы в том уверить, кто хотя малое понятие о небе и о земле имеет.

КЛЕОН

Теперь дозвоьте мне матушка еще у вас спросить на что же бы такие звезды созданы были, а особливо такое великое множество оных?

Г. Ц**

Настоящая причина тому неизвестна, а знает ее один тот, кто их создал и ими управляет, а хотя ученые люди говорят много кой-чего о том, однако все их мнения одни только догадки и основываются на заключениях.

ФЕОНА

Пожалуйте матушка расскажите мне, какого собственно они об них мнения?

Г. Ц**

Прежде сего думали все, что и они равно как Солнце и Месяц для украшения неба и освещения Земли созданы, но сие мнение только до тех пор продолжалось покуда лучшего знания о здании небесном не получили. Но по изобретении зрительных труб, и по приведении астрономии в лучшее состояние, как скоро примечено, что они гораздо далее Солнца, также что имеют собственное свое сияние, величиною своею чрезвычайно велики, и стоят равно как и наше солнце на одном месте, то другого не оставалось им заключать, что и они такого же свойства и существа, как наше солнце. А сие мнение подало след ко многим другим заключениям, а именно, что когда они во всем подобны нашему Солнцу, и такие же солнца как наше, то надобно и им не по-пустому созданными быть. Но как известно, что они не только Земле нашей, но и всей системе никакой пользы не приносят, да и не имеют никакого с ней действия, то догадываются, что и звезды имеют такие же системы, и что также и у них есть по несколько собственных планет, или таких же темных шаров, как наши, которые кругом их бегают, и свет и темноту от них получают, и наконец полагают, что и Солнце наше не что иное, как такая же неподвижная звезда как они, и что есть ли бы можно было стать между Солнцем и ими, то бы их с Солнцем различить было не можно.

ФЕОНА

О, матушка, этому почти верить не можно, какому множеству темных шаров надобно уже тогда быть, есть ли бы хотя по одной планете, у всякой звезды положить, и на что же бы столь великому множеству сих шаров там по воздуху кататься. Мне право, сударыня, это невероятно.

Г. Ц**

Может быть там таких планет, как наши, в самом деле и нет. Почему и я вам сказывала, что только так догадываются, однако со всем тем и положить сие дальней противности нет. Дела Творца нашего неисповедимы, только то известно, что ему напрасно и по пустому столь великое множество ужасной огромности огненных шаров создать и без всякой пользы оставить невозможно. Они созданы для чего-нибудь важного, и конечно не для одного того, чтоб

они блеском своим испещряли небо, или бы нам в ночное время столь мало светили.

ФЕОНА

Да не будет ли, матушка, противно его совершенствам, еже ли положить, что около звезд такие же планеты есть как около нашего Солнца.

Г. Ц**

Никак моя радость, а напротив того будет служить сие к вящему прославлению его величества и славы, и докажет нам, что мы имеем Бога, который и делами своими таков же непостижим как и существом своим, а с другой стороны удостоверит нас, что мы пред ним гораздо малы и ничтожны.

ФЕОНА

Конечно, так сударыня, ежели все сие положить, что вы нам о звездах сказывать изволили, и в самое то время о Земле нашей подумать, то и вся она почти ничто против всего мира, я думаю ее и не видать будет между столь великим множеством сих светил и планет небесных.

Г. Ц**

Ты самую правду мой свет говоришь, Земля наша в самом деле чрезвычайно мала, против всего мира, но когда сие справедливо, то что уж будет человек против всей Вселенной, когда он чрезвычайно мал и против Земли нашей, и не должно ли ему с трепетом всегда о великом Зиждителе мира помышлять, а не только хочет все его дела исследовать.

КЛЕОН

О, конечно, так сударыня, и мне кажется, что и вся наша Земля против всей величины мира не более того, как одна песчинка или небольшой камушек против целой большой горы, а человека я уже не знаю как сравнить. Мне кажется, что и против пылинки его положить еще много.

Г. Ц**

Едва ли не так моя радость! А из сего можешь ты уже усмотреть сколь великая то будет глупость, когда такая ничтожная пылинка, каков человек, который не только все непостижимые дела бесконечного Создателя своего, но и тысячной доли оных понять

и постигнуть не может, совсем тем захотел бы судить и рядить дела Господни, и говорить, для чего то или другое не так сделано.

КЛЕОН

О, сударыня, это было бы непростительная дерзость и такому человеку конечно разве с ума сойти надобно.

Г. Ц**

Совсем тем, любезные дети, таких людей на свете много. Они не смысля не аза в глаза, и не зная и сотой доли из всего того, что и вам по сие время известно, однако пересуживают и критикуют дела Создателя своего. Равно так как бы они его умнее были, и более его ведали, что дурно, что хорошо, и что лучше или хуже. Не крайняя ли это глупость? И не должно ли от того остерегаться?

КЛЕОН

Не только глупость, но я почитаю сие за самое величайшее дурачество, и во всякое время того остерегаться стану.

Г. Ц**

Так и надобно, мой свет, и ты это всегда помни, и не подражай в сем случае никому, хотя бы кто по видимому самый разумный человек был.

КЛЕОН

Неужели, сударыня, и разумные люди в такое же дурачество впадают.

Г. Ц**

На свете всяких много, и говорится в пословице, в семье не без урода, так и между разумными есть иные, которые в сем случае еще хуже самых простаков себя делают.

ФЕОНА

Но от чего же бы это, матушка, было?

Г. Ц**

По большей части от неосторожности и не старания узнать все то, что до здания и устройства мира касается. Сии люди услышав, что их иные разумными называют, думают, что они уже все знают, а мало-помалу к тому привыкнув, так разумом своим ослепляются, что готовы на все давать свои решения и утверждать, что все то в самом деле лучше и совершеннее, что лучшим кажется их хотя далеко еще несовершенному разуму. А привыкнув к тому в рассуж-

дения других вещей не ставят наконец ни во что, говорить и рассуждать таким же образом и о делах Божеских, позабывая, что они и тысячной доли оных не разумеют, да и узнать никогда не старались. Но сие было еще не так виновно, есть ли бы они при том одном и оставались. Но нет, они тем еще недовольны. Но погрешая сами, хотят, чтоб и другие в такое же дурачество впадали, и для того стараются всеми образами и других убедить, чтоб они тому же последовали, к несчастью, иногда имеют в том и успех возжеланный?

ФЕОНА

Как это так, сударыня?

Г. Ц**

А вот таким образом, когда попадется им какой-нибудь олух ничего не знающий, и такой слушатель, который разинув рот, готов все слушать, и всему тому верить, что он говорит, не разбирая, или не будучи в состоянии сам разобрать, сходно ли то с правдою или несходно, что они утверждают. Коротко, вы представьте себе собственный свой пример. Вы теперь слушаете и верите всему тому, что я вам сказываю, но положим, что б на месте моем случился быть такой глупый умница, не легко ли бы мог он вас, не знающих еще ничего, уверить во всем, что ему хотелось бы, и сделать в дурачестве своем товарищами.

ФЕОНА

Да, сударыня, это бы могло, конечно, и очень легко сделаться, и слава Богу, что мы не такого, а вас имеем у себя учительницей. От вас мы не можем того опасаться.

Г. Ц**

Конечно, не можете, любезные дети, и это бы всего было смешнее, есть ли бы я хотела вас в чем-нибудь таком уверить, что несправедливо. Но как я не всегда могу с вами быть, то для того я вам сие сказывала, чтоб вы впредь имели осторожность, и не всякому духу верили.

КЛЕОН

О, стану же я, сударыня, вперед от всех таких людей остерегаться, и как бы меня кто ни уверял, что на свете то и другое худо сделано, никому не буду верить, но тотчас, что он сам того не знает, и что та вещь конечно не так, как он говорит. Из всего того, что вы

нам о свете сказывали, легко уже можно заключить, что божеская премудрость неисповедима, и дела его человеком совершенно постигнуты быть никак не могут.

Г. Ц**

Это очень будет разумно! И ты правду говоришь, что из одного того уже, что я вам о здании света сказывала, можно уже непостижимость божеских дел усмотреть. Но это сказывала я вам только вообще и вкратце о расположении огромного здания Вселенной. Когда же я буду вам сказывать о тех вещах, из которых свет и земной шар наш составлен, то, как давеча дивились вы чудной и непостижимой величине небесных светил и шаров, так или еще более дивиться будете, чрезвычайной и непостижимой малости, как первых частиц, так и составленных из них тел, и увидите, что чудное устройство оных не меньше доказывает разум и премудрость божескую.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, и мы с радостью будем слушать.

КЛЕОН

А и мне не меньше сестрицы о том знать хочется, однако дозвольте мне, сударыня, спросить вас одно между тем слово. Пожалуйте, матушка, мне скажите: все ли вы теперь уже нам о небе рассказали, что вы знаете?

Г. Ц**

О, нет мой свет, еще далеко не все я много еще кой чего знаю, чего вы еще не слыхали, но рассказывать все то, будет слишком много, мы и так уже довольно о небе говорили, и мне кажется, что на первый случай с вас и сего довольно будет.

КЛЕОН

Я бы сударыня не устал слушать, хотя бы вы еще столь же об нем говорить и нам рассказывать изволили.

Г. Ц**

Не все вдруг моя радость, надобно что-нибудь оставить и для переды. Таких вещей в натуре очень много, которые примечания достойны и есть ли нам к одним приставши о всех подробностях говорить, то мы не переговорим обо всех и в целый год. А я вам сказывала, что нам надобно не только об одном свете, но и о других вещах, говорить, которые вам знать столько же или более нужно как оные.

КЛЕОН

Это хорошо сударыня, я бы сам желал скорее обо всех нужнейших вещах узнать. Однако, мне жаль будет, если я не все буду знать о небе. Сия материя мне очень понравилась, и я боюсь, что другие вещи не таковы будут для меня любопытны.

Г. Ц**

Не тужи о том, мой свет, нам много еще случаев будет упоминать о небе, и чего ты теперь не слышал, то можешь услышать после, а о прочих вещах также не заботься, они не меньше любопытны, как и прочие, и я тебе в том порукою, что они тебе не наскучат.

КЛЕОН

Когда так, то с охотою же буду их слушать, и что если они вправду таковы же любопытны, тогда можно уже сказать, что это прямо прекрасная наука.

Г. Ц**

Конечно любопытны, и ты сам это увидишь и тужить о том не будешь, что мы перестанем о небе говорить, а начнем что-нибудь иное.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, пожалуйста, извольте только сказать, что смотреть на брата?

Он готов об одном целые сутки расспрашивать, если ему дать волю.

Г. Ц**

Это не худо моя радость, и доказывает, что он имеет любопытство, а любопытство иметь молодому человеку всего лучше. Поверите ли, я тем очень довольна, что в нем оное примечаю, ибо знаю, без любопытства человек ни к чему не годится, и ему все науки никакой почти пользы принести не могут. И так не смотри на сестру, Клеон, будь всегда, мой друг, таков же любопытен, как теперь.

КЛЕОН

Вот, сестрица, не слышишь ли, что матушка изволит говорить? А ты мне всегда говоришь, что я слишком любопытен. Теперь извольте, матушка, рассказывать, что вы намерены были.

Г. Ц**

И так, любезные дети, слышали вы все, что для связи всего огромного здания того мира касается, в котором мы обитаем. Те-

перь оставим мы небо со всеми его светилами, и со всеми бесчисленными и огромными его шарами в покое, пускай они вертятся и катаются около Солнца, и отправляют ту должность, для которой они зиждителем назначены. А мы обратим нашу речь к тем вещам, которые к нам ближе. Станем говорить о нашем Земном шаре, который назначен для собственного обиталища нашего, и вещах как в нем и на нем находящихся, так и окружающих оной. Посмотрим, как все тут устроено и распоряжено премудрым нашим Создателем. О, сколь много надобно мне вам рассказывать, и каких диковинок, не услышите вы, дети. Я могу вам наперед сказать, что все тут наипремудрейшим образом устроено и расположено, и нет такой вещи, которая бы не заслуживала удивления, есть ли ее порядочно разобрать и рассмотреть. Одним словом, я вижу повсюду столь много чудес, что не знаю почти с чего бы начать, и о чем бы вам вперед сказывать.

КЛЕОН

Не противно ли вам, сударыня, будет мое слово? Давно уже нам обоим с сестрицей хотелось знать, каким образом сии облака (*указывает на небо*) бегают, из чего они составлены, как они не упадут, и откуда в них вода берется? И так не можно ли вам с них начать сказывать, ведь и они, надеюсь до нашей земли принадлежат?

Г. Ц**

Конечно, до нашей. Однако мне об них вам рассказывать теперь начать не можно.

ФЕОНА

Да для чего ж, сударыня?

Г. Ц**

Для того, мой свет, что прежде нежели могу вам все сие растолковать, вам много кой-чего другого знать и слышать надобно. Вы ничего еще не знаете о стихиях, и как о существе, так расположении и связи оных, а без того не можно вам понять и давешние вещи, кои на том основание свое имеют.

КЛЕОН

Конечно, сударыня, не знаем. Я не слыхивал того, что такое стихии называются, и так когда это наперед нам знать надобно, то не можно ли нам это рассказать?

Г. Ц**

Очень хорошо, а мне кстати о том и говорить вам всего прежде надобно. И так знайте, любезные дети, что стихиями в общем раз-
умении и наиболее называются огонь, воздух, вода и земля, но...

КЛЕОН

О, матушка, когда стихии ничто иное, как огонь, воздух, вода
и земля, так сии вещи мы очень коротко знаем.

ФЕОНА

И, братец! Как тебе не стыдно, ты все, сударь только у матушки
речь перебиваешь. Почему нам точно знать все сии вещи?

КЛЕОН

Да как, сударыня, этого не знать, уже не знать, что такое воздух,
огонь вода и земля. Я не сомневаюсь, что это и наш Ванюшка-ду-
рачок знает.

Г. Ц**

Хорошо, мой свет, но что ты мне на сие скажешь, когда я тебе
скажу и уверю, что не только Ванюшка-дурачок, но сам ты все сии
вещи столь мало знаешь, сколько я китайские танцы, а я их никогда
не видывала.

КЛЕОН (*усмехаясь*)

Дивлюсь, сударыня, я этому и не понимаю. Как бы кажется
не знать?.. Однако, когда вы изволите говорить, и так может быть
и не знаю.

Г. Ц**

Конечно, не знаешь, да не только ты, но сама я и не только,
я но и лучшие мудрецы и ученые люди совершенно и в самую под-
робность того не знают, что такое собственно огонь, воздух, вода
и земля.

КЛЕОН

Воля ваша, матушка, а мне все это удивительно! Господи по-
милуй!... Как это кажется не знать? Ведь мы, сударыня, не слепы,
и все сии вещи всякий день видим. Вода вот подле нас в сажелке³⁶.
Воздух! (*указывает на оный*). А и огонь всякий день видим.

Г. Ц**

Так, мой свет, это мы все видим и знаем, но это знание наше очень
не совершенно, и касается только до одной поверхности. Столько,

сколько ты, знают об них не только все, но в самом деле и Ванюшка-дурачок. Но все это мнимое знание не далее простирается, как только до того, что мы все эти вещи видим и ведаем, что они есть на свете, а чтоб собственно так были, как устроены, с такими действиями и обстоятельствами сопряжены и прочее тому подобное, то знают очень немногие, а совершенно в самую внутренность сих вещей проникнуть еще никто по сие время не был в состоянии.

ФЕОНА

Вот, братец, не правду ли я давеча говорила, что ты не знаешь. (*к матери*). Конечно, сударыня, мы ничего о том не знаем.

КЛЕОН

Нельзя того сказать, сестрица, чтоб мы ничего-таки не знали, и только одно то ведали, что они есть на свете. Мы мало ли кое чего знаем и другого об них. Я сам, сударыня, много уже знаю.

Г. Ц**

Очень хорошо, мой свет, расскажи же нам, что ты об них знаешь, и начни, например, с огня.

КЛЕОН

А вот, сударыня, что. Я знаю, как огонь можно сделать, умею его из уголька выдуть, знаю, как его высечь из огнива можно и спичкой серною засветить. А недавно, сударыня, я узнал, как его из двух палочек вытереть можно. Далее знаю я, сударыня, как его зажечь, сделать, чтоб он горел более, или когда надобно менее, а наконец, знаю, сударыня, как его и чем скорее или медленнее и потушить и уничтожить можно. Да мало ли я и другого кой-чего об нем знаю.

Г. Ц**

Довольно и сего, моя радость, я из сего покажу, что ты очень мало еще об нем ведаешь. Самые сии примеры нам сие доказывать могут. Например: ты говоришь, что ты умеешь его сделать, выдуть из уголька, высекать из кремня или вытирать из палочки. Хорошо, и я в том не спорю, что ты умеешь. Но скажи ты мне, знаешь ли ты то, каким образом, и от чего это так делается, когда подуешь, например, в уголек и прислонишь лучинку, так делается полымя. Ведь полымя, мой друг, от уголька и от лучинки отменная вещь. Откуда же оно возьмется и от чего такая прекрасная вещь делается? Ты скажешь, что лучинка загорится. Но отчего же и откуда из лучинки-то оно бе-

рется, и чтоб такое его производило? А так и в рассуждении высека-
ния: скажи ты мне, отчего же это берутся искры , из кремня ли или
из огнива они выходят? Что бы они такое были, отчего они так скоро
льнут в трут или в жженую тряпицу и после производят огонь и по-
лымя. Но сие все не так. Ты можешь сказать, что там огонь из уголька,
а тут из кремня и из огнива выходит. Но давешние твои палочки луч-
ше всего докажут твое незнание. Скажи ты мне, отчего от них огонь
делается, когда ты станешь их тереть, и откуда он тут берется?

КЛЕОН

О, матушка, вы меня замечали вопросами и все такими из кото-
рых я и на один не умею вам ответить. Теперь, сударыня, я вам
признаюсь, что я всего того не только не знаю, но мне и в голову
никогда не приходило о том и подумать.

Г. Ц**

Не только сего, но и многого другого не знаешь. Это еще самые
малейшие вещи, а ежели далее тебя порасспросить, то ты еще бо-
лее увидишь, что знание твое об огне еще очень мало. Ты видишь
и знаешь одни только наружности или самые поверхности, напри-
мер, видишь горящее полымя, но чтоб оно такое было, из чего бы
состояло, и каким это все образом делается, того отнюдь не знаешь,
а сколь мало знаешь об огне, столь же мало и о других стихиях. На-
пример, посмотрим, чтоб ты знал о воздухе?

КЛЕОН

Я, сударыня, так теперь в неведении своем удостоверен, что
уже не отваживаюсь ничего вам сказывать о прочих стихиях, ведая
наперед, что знание мое коротко и недостаточно.

Г. Ц**

Конечно, мой друг, мало и недостаточно. Например: о воздухе ты
ведаешь, что он есть, но не знаешь какой он, откуда он берется, отче-
го делается ветер, и прочее тому подобное. А также и о воде: ты ви-
дишь ее и знаешь, что она мокра и холодна, и что течет, но чтобы она
такое была, как составлена, и отчего бы она текла, и легкие вещи на
ней плавали, а тяжелые тонули, и прочее тому подобное, того ты не
ведаешь. А что о воздухе и об огне я говорила, тоже и о земле, разу-
меется. Земля, кажется нам более всех стихий известна, однако верь,
что вы и тысячной доли всего того не знаете, что до ней касается.

КЛЕОН

Всему уже теперь, сударыня, я верю, когда вы мне огнем доказать изволили, и куда бы я желал, когда бы вы нам все то рассказали.

Г. Ц**

Я, конечно, вам, любезные дети, все то и расскажу, что я сама о том знаю. Ибо мне вам о том и без просьбы нашей сказывать бы надобно было.

ФЕОНА

Дозвольте мне, матушка, спросить, для чего бы нам надобно было все это в подробности знать?

Г. Ц**

Для того, моя радость, что без того, как я вам уже сказывала, не можно вам получать порядочного понятия об устройении земли нашей и всех вещей на оной находящихся. Вам надобно, любезные дети, знать, что все почти вещи на свете из помянутых стихий премудрым Творцом составлены и составляются.

КЛЕОН

Как! Сударыня!.. Из огня, из воды, из воздуха и из земли?.. Тому-то бы уже я не поверил, есть ли бы не вы изволили сказывать.

Г. Ц**

Это с первого вида и действительно невероятно. Сверх того вода, земля, воздух и огонь, только в общем означении называются стихиями или элементами, а в тесном же означении под сим словом разумеются самые первейшие частички, из которых все находящиеся в свете и нами видимые и ощущаемые тела и вещи составлены. Помянутых же элементов или стихий мы видеть не можем.

ФЕОНА

Для чего же не можно нам оные видеть?

Г. Ц**

Для того, что сии первые частички, называемые стихиями чрезвычайно малы, что не только глазами, но и сквозь лучшие увеличительные стекла нам оных видеть и усмотреть не можно.

КЛЕОН

Да как же мы, сударыня, воду, огонь и землю видим.

Г. Ц**

О, это мы видим не самые первые частички, из которых, например, вода или огонь составлены, но только составленные из них уже большие тела, и в таком случае, когда их много.

КЛЕОН

Да разве, сударыня, и вода состоит из таких же частичек?

Г. Ц**

Конечно, и ты можешь потому заключить, что она раздробляется. Не случилось ли тебе брызгать, или видать как брызжут?

КЛЕОН

Как сударыня не видать? Я часто дивился тому, что такие маленькие капельки водяные тогда делаются.

Г. Ц**

Со всем тем, какова бы капелька воды мала ни была, но тебе надобно знать, что и она еще не цельная, но из многих частичек составлена.

КЛЕОН

Как это?... И самые те маленькие капельки, которые я оные на-медни видел, из многих частичек составлены?

Г. Ц**

Конечно, и может быть из несчетного еще множества и многих тысяч.

КЛЕОН

Сударыня?... Это превосходит уже всякое понятие!

Г. Ц**

Знаю, что теперь тебе сие непонятно. Но когда далее услышишь, то не столь невероятно тебе сие покажется. Но постойте, дети, что это за мужик к нам идет?

ФЕОНА

А, матушка, это из села Зайцева, мне случилось его однажды видеть.

Г. Ц**

Разве приехала госпожа Цецилия, или нет ли от нее писем? Вот конечно письма. *Мужик подает письма. Г. Ц** их читает и, оборотясь детям, говорит:*

Так я угадала! Госпожа Цецилия приехала вчера в свое село с сыном, и просит усиленно³⁷, чтоб я приехала к ней.

КЛЕОН

Что же, матушка, изволите ли вы к ней ехать?

Г. Ц**

Нельзя не ехать, и завтра же как свет, конечно, поеду, мне надо с нею видаться, и о многих нуждах переговорить.

КЛЕОН

Так поэтому мы опять, сударыня, лишимся удовольствия слышать ваши разговоры?

Г. Ц**

Что делать, мой друг, что нам опять помешательство, однако, я скоро опять назад буду, и не надеюсь там пробыть более двух или трех суток. А вы можете между тем с сестрой повторить все то, что вы от меня слышали, а как приеду, то начну уже вам рассказывать подробно как о стихиях, так и о прочем устройении природы.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня, а мы конечно с братцем время свое по-пустому препровождать не станем.

КЛЕОН

А сегодня, матушка, изволите ли вы, что нам еще рассказывать?

Г. Ц**

Нет, моя радость, нам уже некогда более говорить, видите, что уже поздно, а к тому же мне и мужика кое о чем порасспросить еще надобно. Пойдемте, други мои, в хоромы, скоро нам и ужинать надобно.

ФЕОНА

Благодарствуем, сударыня, что вы для нас трудиться изволили. Дай Бог, чтоб вы скоро к нам назад приехали и опять с нами здесь говорить начали.

КЛЕОН

А я всякие минуты считать буду во время вашего отсутствия, так нетерпеливо хочется мне далее слышать.

РАЗГОВОР XVII МЕЖДУ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ,
а потом госпожою Луциндою.
ИЗВЕСТИЕ

По отъезде госпожи Ц** Клеон с Феоною согласились всякий день после обеда ходить в сад и разговаривать о разных материях. Они не преминули учинить того и в тот первый день, и Феона, вошедши в сад и нашедши брата своего в оном, говорила следующее:

ФЕОНА

Ты, братец, уже здесь? А я послала было малого³⁸ тебя искать, и звать ко мне в сад.

КЛЕОН

Я, сударыня, уже более получаса здесь один ходил, дожидаясь тебя, и кой о чем рассуждал.

ФЕОНА

Скажи и мне о чем ты думал?

КЛЕОН

О многом, сестрица! Сперва думал я обо всем том, что матушка нам о небе сказывала. Куда как мудрено все сделано! Поверишь ли, сестрица, чем более я рассуждаю, тем не понятнее и мудренее все мне кажется. Уже я думал, думал, да и стал, и куда бы мне хотелось, сестрица посмотреть, как эти огромные шары, которые матушка называла планетами, там (*указывает на небо*) бегают и ворочаются. Надеюсь, происходит сие с превеликим шумом, сестрица?

ФЕОНА

Бессомненно, я и сама братец не однажды о том о том уже думала, и ничего бы не желала, а есть ли бы только можно было вознестись туда на высоту и на все там посмотреть, что происходит, а особливо хотела бы я взлететь выше всех планет и в самую середину между звезд. Куда бы какое прекрасное зрелище представилось тогда моему зрению. И вверх бы у меня над головою было множество солнцев и по сторонам множество и под ногами множество. Повсюду бы я ими была окружена, и куда небось светло там, братец?

КЛЕОН

Конечно светло, надеюсь. Я и сам желал бы там побывать, но что делать когда того человеку не можно. Я бы уже не хотел

так высоко взлетать, а доволен был, есть ли бы мог хотя на одной и ближней к нам планете , например, на Марсе или Венере побывать.

ФЕОНА

Что же бы ты хотел там делать? Матушка ведь сказывала нам, что сии планеты темные, огненные.

КЛЕОН

Для самого того и хотелось бы их в близости видеть и посмотреть, какие они, земляные ли или иные какие? И ежели земляные, то какая же земля? Такая ли как наша или нет, и есть ли на них по примеру нашей горы, реки, леса, деревья и прочее.

ФЕОНА

Да, братец, хотелось бы и мне это знать. Жалею, что не спросили мы о том матушку. Может быть она это знать изволит.

КЛЕОН

Не думаю я, чтоб и матушка изволила это знать, ты помнишь сколь далеко сии планеты от нас, а когда так далеко, то можно ли кому видеть, что на них есть.

ФЕОНА

Да, братец, это правда, мне кажется, что и в зрительную трубку, какова бы она велика не была, сего не видно. Совсем тем хотелось бы мне знать, для чего бы такие огромные шары были сделаны. Матушка изволила нам часто говорить, что Бог по пустому ничего не делает, да ему и не можно. И так надобно ведь быть какой-нибудь причине, для чего они созданы?

КЛЕОН

Почем знать сестрица может быть и там такие же люди есть как мы, и может быть и они также для людей сделаны?

ФЕОНА

И, братец, чего уже ты не затеешь. Уж там таким же людям быть, как здесь, можно ли тому статься?

КЛЕОН

Что ты ни говори, сестрица, а это легко статься может, и когда не люди, так другие какие-нибудь живые твари. Мне уже не однажды на ум приходило, да я тебе скажу, почему я и догадывалась, что этому так быть можно.

ФЕОНА

Скажи-ка, братец, скажи!

КЛЕОН

А вот, сестрица, почему! Ты помнишь, что матушка изволила говорить, что наша Земля не стоит на одном месте, но словно также кругом Солнца бегают как и прочие планеты. И не на память ли тебе, что она изволила сказывать, что и землю нашу действительно такую же планетою почесть можно как например *Марс* и *Венеру*, между которыми она бегают?

ФЕОНА

Это я помню, братец.

КЛЕОН

Ну, сударыня, когда наша Земля точно такое же дело отправляет, как прочие планеты, или когда сим планетам точно также наряду с нашей Землей кругом Солнца бегать велено, и они также от Солнца освещаются как Земля наша, то рассуди сама, сестрица, не легко ли статься может, что и на них также люди или иные какие создания есть, а без того, на что же бы им освещаться Солнцем и так же там днями и ночами делаться?

ФЕОНА

Да, братец, это твое слово достойно примечания и этим самым меня привел в сомнение. Мне вспомнилось теперь еще, что матушка нам сказывала, что у некоторых планет также и месяцы есть как у нашей Земли, да еще и не по одному, а у иных четыре, у иных пять. Так на что же бы сим месяцам быть, есть ли бы там живых тварей не было?

КЛЕОН

Вот видишь, сестрица, не правду ли я говорил?

ФЕОНА

Так, братец, однако, я не отваживаюсь еще почитать сие достоверным. Мне все кажется невероятным, чтоб там люди могли быть, лучше спросим о том матушку.

КЛЕОН

Очень хорошо, сестрица, а кстати спросим, есть ли там также и стихии как у нас, то есть огонь, вода и воздух? Я не менее и об них давеча до тебя рассуждал и находил множество вещей мне не-

понятных, о которых хочется мне при случае спросить матушку. А пуще всего непонятно мне, как это можно такой маленькой капельке воды, о какой мы тогда говорили, быть на великое множество частичек разделенной, и хотелось бы очень знать, какие бы сии частички были кругленькие ли так как капельки или не кругленькие.

ФЕОНА

Мало ли чего мы с тобою, братец, не знаем. Я сама много таких вещей находила, на которые прежде без всякого примечания смотривала, а ныне они меня в удивление и сомнение привели. Давеча, братец, как встала, увидела я в своей конторке отпотевшее окошко. Сперва оно равно как заиндевело, потом стали делаться маленькие капельки, которые к стеклу равно как привязаны были, потом капельки сии час от часу более становиться стали, и все окошко отпотело. Я смотрела на сие долго и всему дивилась, а после пришлось мне в голову, откуда бы взялись сии капельки и вода. У нас в конторке никакой воды не было, да и на дворе ясная и сухая, а не мокрая была погода. К тому же как бы воде сквозь окончину пройти, а после того я еще более удивилась, как открывши одну половину окончины прошупала снаружи, желая посмотреть, мокра ли она или нет, и увидав, что снаружи она вся сухая была, тогда не знала уже я каким это образом делается.

КЛЕОН

Да, сестрица, это вправду мудрено, да и я не меньше твоего вчера в вечеру удивился молнии, ты, надеюсь, ее не видала. Это было очень поздно. Вышел я, сударыня, на двор не ведая нимало, что была тогда над нами великая туча. Не успел я переступить через порог, как осветила меня и весь наш двор преужасная молния. Я обмер тогда, испугался, думая, что весь наш двор тогда загорелся. Но после легши спать сам себе подумал: как же это? Молния та кажется огонь, а ничего она не зажигает. Давеча и по навесам и по соломенным крышам она сверкнула, а ничего не зажгла. Разве огни у нас не одинакие, и этот огонь не зажигает? Но откуда бы он, сестрица, взялся?

ФЕОНА

Как, братец, откуда? Из тучи.

КЛЕОН

Но в тучу-то каким образом огонь зашел? Да и кроме того мне вспомнилось, что я видал молнию и без тучи на приятном небе. Еще у нас ее называют зарницей.

ФЕОНА

Да, братец, это вправду удивительно и непонятно, но постой, мне вспомнилось еще нечто. Чтоб ты думал теперь о громе, братец, где он гремит?

КЛЕОН

Ты меня смутила сим вопросом, сестрица. Сперва думали мы, что он на небе, но теперь помнишь ты, что матушка о небе сказывала, как оно высоко, так неужели он там гремит, и неужели оттуда он слышен.

ФЕОНА

Бог знает, братец, этого я сама не понимаю.

В самое сие время схватилась она своего платка, и вспомнив, что она его в хоромах позабыла, брату сказывает:

Ахти, братец, я позабыла платок в хоромах, я побегу за ним, а ты подожди голубчик здесь меня.

Феона отходит. А между тем Клеон ходит по саду и размышляет о натуральных вещах и дивится, находя уже всякую вещь для себя непонятною, и готовится спрашивать сестру свою, но она возвращаясь с поспешностью ему сказала:

Сказать ли тебе, братец, радостные вести!.. К нам гости едут, да кто бы ты думал?.. Госпожа Луцинда, наша бабушка-старушка.

КЛЕОН

Не в правду ли, сестрица? О, как я рад!.. Да кто тебе это сказал?

ФЕОНА

Иван наш ездил на торг, и теперь, приехав, сказывал, что он ее объехал не далече за нашей рощей и говорил, что она спрашивала о нас, дома ли мы, конечно, она ведает, что матушки нашей нет дома.

КЛЕОН

Побежим же, сестрица, к нашим садовым воротам, что к про-улку, там мы увидим, как она поедет, и ее встретим.

ФЕОНА

И ведомо так, братец, пойдем туда поскорее. Она скоро уже будет.

КЛЕОН (*идучи к воротам*)

Что мне вздумалось, сестрица, станем-ка мы опять госпожу Луцинду кой о чем спрашивать.

ФЕОНА

И, братец, она опять рассердится и опять уедет.

КЛЕОН

Нет, сестрица, мы ее сердить не станем, надобно примечать, как скоро она станет сердиться, так надобно начать другую речь.

ФЕОНА

Очень хорошо... Так послушай же как мы сделаем, надобно кому-нибудь из нас к ней подольститься, и ни в чем ей не противоречить, а другому спрашивать. Но молчи, я уже знаю, как сделать. Ты только не порть дела, и примечай, что я буду делать. Но вот она уже едет, некогда мне тебе все сказывать.

КЛЕОН (*увидев г. Луцинду, поравнялась против них*)

Здравствуйте, бабушка, милости просим на перепутье к нам жаловать. Куда это вы изволите ехать?

Г. ЛУЦИНДА (*к повозчику*)

Стой, стой, Андреич! Дай мне выйти из колясочки... Ванька, Ванька, поди поддержи меня, чтоб я не упала. Что ты, блядин сын, уснул, что ли на запятках и не видишь.

КЛЕОН, подбегает.

Пожалуйте, бабушка, ручку, я вас поддержу и помогу выйти.

Г. ЛУЦИНДА

И, дитя, где тебе меня держать, я сама убьюсь и тебя задавлю... Слышишь ли, глухой, пошел скорей.

Вздремавший, в самом деле, ее слуга согнувшись приходит и вынимает из коляски, а она обнимая детей говорит:

Здорово, здорово, детушки! Матушка ваша прислала к вам челобитье³⁹.

ФЕОНА

Здравствуйте, сударыня! Да где изволили вы нашу матушку видеть?

Г. ЛУЦИНДА

Она ко мне на часок заезжала. Дай ей Бог здоровья! От ней услышала я, что вы одни остались дома. Для того-то вздумала я к вам заехать и у вас ночевать.

ФЕОНА

Благодарствуем, бабушка, что вы нас жалуете, не забываете. *(Целует у нее руку)*.

Г. ЛУЦИНДА

И, дитя, Бог меня убей, когда мне вас позабыть. Вы мне всегда милы как родные, и я всегда молюсь за ваше здоровье.

ФЕОНА

Велика ваша милость, сударыня, милости ж прошу пожаловать в хоромы.

Г. ЛУЦИНДА

И, нет, дитя, лучше в сад, у вас стоят хором беседки.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня!.. А ты, братец, поди, сударь, прикажи лошадок-то бабушкиных отложить, да накосить им хорошенькой травки, Да небось, братец, у нас и овес есть, так прикажи сударь и овса им целый четверик дать. Бабушка к нам редко жалует, и у нас ведь редкая гостья.

Г. ЛУЦИНДА

Да, батюшка, прикажи их выпрячь. Клячонки худые, насилу дотащились к вам.

КЛЕОН

Очень хорошо, сударыня, все будет сделано.

Отходит, а между тем Феона повела Г. Луцинду в сад и, провожавши, в беседку разговаривала с нею о посторонних вещах, откуда пришел Клеон и сказал:

Все сударыня сделано. Травы велел я при себе положить. Она есть накошенная, а и овса у нас много. Послал за старостою и велел столько дать сколько лошади сами есть станут.

Г. ЛУЦИНДА

Спасибо, батюшка! Дай Бог тебе здоровья. Ты ко мне всегда ласков... Но, эх, блядка, что я сделала. Враг затмил у меня память!..

Везла было, батюшко, к тебе парочку голубчиков, такие хорошие двухохлые. Но позабыла, свет мой, стара стала и беспамятна.

КЛЕОН,

Благодарствую, бабушка. Однако они мне не надобны. Мне, сударыня, уже в них нет нужды, я уже и до своих сделался неохотником и в неделю однажды на голубятне не побываю. Не то уже у меня, сударыня, в голове.

Г. ЛУЦИНДА

Да что ж такое, мой умник? Не собака ли уже? Не делаешься ли ты у нас до собак охотником, пропади они совсем окайнные. Плюнь, батюшка на них, у меня и муж покойник от них в могилу пошел. Это проклятая охота и разорительная!

КЛЕОН

И, нет, бабушка, у меня ни одной собаки нет, да я их и не люблю.
ФЕОНА

Да что бабушка! Не лучше собак попадись ему какие-то науки, он и спит и видит только их. Пожурите, бабушка, хоть вы уже его за то. Я хотела вам давно на него пожаловаться, а то меня уже и не слушает. Право ему с ума сойти.

Г. ЛУЦИНДА

Так-таки-так, мой свет! Ты правду говоришь, что ему с ума сойти. Я это давно уже думала и намнясь еще заметила, что не бывать тут доброму. Дурно, сударь, нехорошо это, что ты это затеял? Ведь тебе не семи пядей во лбу быть. Жил бы ты как покойник твой дедушка живал. Покойник, я его помню. Какой это был добрый человек! Дай Бог ему царство небесное!

КЛЕОН

Дедушка мой, сказывают худо грамоте умел, так поэтому и мне сударыня не уметь и ничего не знать. К чему же я буду годен? Мне не хочется, сударыня, чтоб меня глупцом называть стали.

Г. ЛУЦИНДА

Как бы не так!.. Никто тебя право глупцом не станет называть. Дедушка твой пусть худо умел грамоте, но право был разумный человек. Никто бывало не смел его обидеть. Приказные дела были у него все наперечет, и люди добрые у него спрашивались.

КЛЕОН

Статья может сударыня, но я слышал, что таких людей ябедниками⁴⁰ называют и их не любят?

Г. ЛУЦИНДА

Никак свет, ябедником его никто не называл. Да что же бы ты думал о ябедниках, мой друг? Чуть ли нездоровье на животе у того, кого так-то называют. Я многих знавала, которые разбогатели от того. Да вот и сосед мой, господин Чужехватов, я помню как он был самый бедный человек и в таких же колящонках стаскивался как и мы грешные, а ныне посмотри-ка кареты, не кареты, лошади не лошади, а о деревнях его и говорить нечего. Какие это села, какие деревни у него! Однажды он завел меня в них, так я и глаза растеряла. А все сказывают, достал он через свою ябеду. Я сама помню, что все это было не его, а чужое. И Бог ведает, как это он достать умел. То-то, знать, умок-та. Тому-то бы ты перенимал Клеонушка, и тому-то бы учился.

КЛЕОН

Хорошо! Бабушка! Уже этому учиться. Нет, нет, нет, сударыня, волен Бог и с ним и с селами и с деревнями, а я того не хочу. Уж бы стал я этому учиться!.. Сохрани меня от того Бог! Мне кажется лучше тем жить, чем Бог благословил, а учиться чему-нибудь лучшему и таким наукам, которые для нас полезнее и Богу угоднее.

Г. ЛУЦИНДА

Да, вот наживешь ты себе много с другими-то науками. Жолвь⁴¹ в нос, а не хлеб ты получишь. Каким ты там наукам учишься? Небось как болтать по-бусурмански: фар, фар, фар⁴², да вот скоро и сам таким же бусурманом сделаешься как они.

КЛЕОН

Никак, сударыня, мы никаким иностранным языкам не учимся, да и некому нас учить.

Г. ЛУЦИНДА

Чему же такому ты там учишься? С неба, что ль, как звезды хватать?

КЛЕОН

Никак, сударыня.

ФЕОНА

Нечего никак, сударь. Я бабушке все расскажу, что ты ни делаешь!.. Вы почти угадали, бабушка. Я хоть подлинно не знаю, чему такому он учиться, но часто слыхивала, что он что-то про звезды говорит. Не успеет, сударыня, смеркнуться, как он выходит на двор смотреть на звезды, указывает на небо, рассуждает и говорит сам с собою.

Г. ЛУЦИНДА

Так! Вот истинно так!.. Ахти, что это такое? Ну, что ж ты это, мой свет, на звезды смотришь? Выбираешь, что ли ты, которую тебе лучше схватить. Схвати, батюшка и для меня одну, которая пояснее. Например, хоть ту, что мы зарницей называем. Я бы ее на полочку в передний угол положила, так бы она мне вместо огня светить стала, а то у меня лучины нет, а свеч купить не на что.

Услышав сие дети не могли чтоб не захохотать. Сама Феона сколько не крепилась и не притворялась, но не могла, чтоб не засмеяться, а Клеон, захохотав, говорил:

Не войдет, сударыня, и не уместится!.. Полочка ваша мала, и не только полочка, но и вся ваша горница ее в себя не вместит.

Г. ЛУЦИНДА (К Феоне)

Вот, вот, matka моя. Он уже и знает, как она велика. Ахти он и вправду их хватать затевает.

ФЕОНА

Что вы, сударыня, еще слышали, послушали бы вы, что мне он об них сказывал. Он говорит, что подлинно знает, сколь они велики, и сказывал мне, что иные больше Земли нашей.

Г. ЛУЦИНДА

Ха! Ха! Ха! Ах, батька ты мой! Кстати ли это? С чего ты это взял? И можно ли тебе это знать? Перестань ради Бога.

КЛЕОН

Конечно, сударыня, знаю. И ежели изволите, так я вам расскажу, сколько и верст кругом всякой.

Г. ЛУЦИНДА

Полно врать, Клеонушка, ты уже заврался, и это уже всего смешнее.

КЛЕОН

Никак, сударыня, я не заврался, а ей-ей, знаю, и готов вам побожиться, что около той звездочки, которую вы для себя схватить приказываете, и которую мы зарницей называем, слишком 36 тысяч верст кругом.

Г. ЛУЦИНДА

Тьфу, батька мой! Христос с тобою... полно тебе врать.

КЛЕОН

Чему вы так дивитесь, бабушка? Я, верно, вам рассказываю, что она так велика. А есть, сударыня звезды, которые и во сто раз этой больше. Например, около Юпитера более 400 тысяч верст.

Г. ЛУЦИНДА (*К Феоне*)

Мать ты моя! Что это такое? Право не даровое.

ФЕОНА

Я, сударыня, уже не знаю, извольте сами рассуждать.

Г. ЛУЦИНДА

Чего, matka моя? Я боюсь уже не помешался ли братец твой в разуме?

КЛЕОН (*усмехнувшись*)

Никак, сударыня, я с ума еще никогда не сходил, а что так, то так. Вольно вам не верить. Вы не поверите, может быть, и тому, что Солнце в несколько тысяч раз больше всей Земли нашей, также, что оно стоит на одном месте, а Земля наша кругом его бежит, и всякий день перекувыркивается и вертится, и что...

Г. ЛУЦИНДА, *сочтя, что Клеон, в самом деле, в уме помешался, и что на него нашла дурь испугалась. Вскрикивает с места, хватая Клеона, призывает Феону на помощь, и кричит.*

Ахти! Мать ты моя! Он вправду с ума сошел, и на него нашла теперь блажь. Аминь, аминь. Христос с нами! Тьфу, батька ты мой! Сила крестная с тобой, перекрестись Клеонушка!

Крестит его, сие увидав не могли дети утерпеть, чтоб опять не захохотать, что старуху еще пуще в ужас привело. Она увидев, что и Феона хохочет и помирает со смеху до слез, на нее закричала:

Ну, а ты, что хохочешь, барышня? Шутка ли это, и походит ли на смех, что брат с ума рехнулся, как тебе не стыдно? Пойдите, сударыня, пошлите к дьяку. Да нет ли, полно, здесь кого? Девушка, а девушка!

Выходит из беседки

Ахти, нет никого! Экое горе, не знаю, что мне с ним делать.

Возвращается к хохочущим детям, суется, и опять Клеона крестит и говорит:

Аминь, аминь, во имя Отца и Сына, Христос с тобою, батяня мой.

Сие еще пуще заставило детей смеяться. Клеон, насаждая со смеху, прерывая голос, говорит:

Право, сударыня, так, Земля вертится с нами, а Солнце стоит, что это вы затеяли, что я с ума сошел? Я вам скажу еще, что и под нами, сударыня, люди есть, которые ходят вниз головой, да и сестрица вам это скажет.

Г. ЛУЦИНДА, *зажимая рот Клеона.*

Перестань, батюшка, перестань врать такой вздор... Опомнись, свет мой!... Ахти, какая беда, ребенок с ума сошел, бедненькое дитя! Что теперь с госпожою Ц** будет? Она умрет с печали На него одного у ней и надежда была вся.

ФЕОНА

Пожалуйте, бабушка, не заботьтесь о том, братец никогда с ума не сходит, он в совершенной памяти.

Г. ЛУЦИНДА

Что ты, дитя, мне рассказываешь? Я вижу сама! можно ли такую нелепость говорить не сошедши с ума.

ФЕОНА

Воля ваша, бабушка, а это все правда, что братец вам говорит.

Г. ЛУЦИНДА

Как, это правда, что солнце стоит, а земля бежит и вертится?... Где же у нас глаза-то, для чего же мы того не видим?

ФЕОНА

Что вы не говорите, а это правда, я вам скажу еще, что и Месяц такая же Земля, как наша, и что он не огненный и также по воздуху летает, как земля наша, а не на небе.

Г. ЛУЦИНДА

Испугавшись еще более.

Ну еще того лучше, над ними над обоими что-то подеалось, и оба они никак в уме помешались. Ах, какая беда и несчастье! Что мне делать? Не подумали бы еще на меня, что я над ними что

сделала. Да на ту беду я одна с ними и никого нет. Побегу скорее кликать людей.

Сказав сие, и не слушая ничего, бежит в хоромы, поднимает крик, перетревоживает всех людей. Уверяет всех, что дети с ума сошли, люди не знают, что думать, ни то дети с ума сошли, ни то она. Отводят ее в особливую комнату, а Клеон с Феоною отстав от нее, говорили между собою:

КЛЕОН

Какая это комедия, сестрица! Что это мы наделали?

ФЕОНА

А у меня, братец, со смеху уже голова болит. Поверишь ли, я от роду так много не смеивалась, как теперь, и не думала сама, чтоб до того дошло, чтоб она и меня сумасшедшею почитать стала. Но пора нам сию комедию кончить. Пойдем, сыщем и уверим ее, что мы с ума не сошли.

КЛЕОН

Хорошо, сестрица, но как же нам ее уверить? Ведь она всему тому не поверит, что мы сказывали.

ФЕОНА

Разве сказать, что мы все это нарочно говорили, но я боюсь, что она осердится и сочтет, что мы ее на смех поднимали.

КЛЕОН

Как бы то ни было, однако пойдем скорее искать ее в хоромы, мы и не видали того, что взошла туча, и висит уже над нами.

Вошедши в тот покой, где Луцинда находилась.

Феона, вошедши наперед:

Что вы, бабушка, от нас уйти изволили?

Г. ЛУЦИНДА

И, барышня, как не уйти? Мне показалось, что и ты в уме помешалась, но девушки вот уверяют, что ты в совершенном уме и разуме. Но где же Клеонушка, и опомнился ли он, бедненький?

ФЕОНА

Опомнился, сударыня, ежели вам так угодно, и скоро сюда будет.

Г. ЛУЦИНДА

Да давно ли над ним такое несчастье и такой грех? Часто ли на него такая блажь находит, и ведает ли про то ваша матушка?

ФЕОНА

Он, сударыня, давно это и прежде говорил, но с ума, поверьте мне, никогда не сходил и всегда в хорошем рассудке, а это, что вы слышали, не знаю, где-то читал, да и поверил. Я уж сама на него за то ругалась.

Г. ЛУЦИНДА

Не вправду ли так? Так слава же Богу! А я было об нем затужилась, да где же он? Дайте мне на него посмотреть.

КЛЕОН, *вошедши*.

Что это вам вздумалось, что я с ума сошел? Я благодарю Бога, в совершенной памяти.

Г. ЛУЦИНДА

Теперь я сама это вижу. Да и сестрица твоя меня уверила, она сказала уже мне, от чего ты и говорил такой вздор. Ну, хорошее ли это, Клеонушка, дело? Ты ведь меня на смерть перестрашал. Вот плоды твоих наук! В какой такой проклятой книге ты это читал, уже не в раскольнической ли какой?

КЛЕОН

В какой-нибудь, сударыня! Но я уже не стану более такого вздора говорить.

Г. ЛУЦИНДА

И не говори-таки батюшка! Это сущий вздор! Можно ли этому стать, чтоб земля летала и вертелась, ведь ты не слепа, мой друг, что она стоит, а когда бы летала и вертелась, так мы бы видели.

КЛЕОН

Пусть так, бабушка! Я не буду того говорить.

В самое сие время сверкнула молния, и загремел сильный гром.

Г. ЛУЦИНДА, *перекрестись, и сказав: свят, свят, свят, говорила:*

Молитесь дети Богу. Видите, какая гроза.

Увидев маленькую постельную собачку в горнице.

Ах, девушки, девушки, выгоните скорее собаку из хором.

ФЕОНА

Да куда, бабушка, ее выгонять? На дворе засечет ее дождь, да и другие собаки разорвут. А это собачка матушкина.

Г. ЛУЦИНДА

Чья бы она ни была, только в хоромах теперь быть ей не годится. Вон, вон, ты окаянная! Велите, матушка, ее скорее выгнать.

ФЕОНА

Да для чего же, сударыня?

Г. ЛУЦИНДА

Для того дитя, что во время грозы вселяется в них нечистый дух, наше место свято. Так страшно, чтоб громом в нее не попало, а подле ее не убило бы и нас.

КЛЕОН

Да разве, бабушка-сударыня, гром все дьяволов убивает?

Г. ЛУЦИНДА

Я слыхала исстари, что надобно собак для того выгонять.

КЛЕОН

Умилосердитесь, бабушка. Ежели громом все дьяволов бьет, так каким же образом третьего года разбило у нас церковь, и весь иконостас испортило, а прошлого пред окном у нас грушу раскололо, а однажды лошадь у нас убило, разве и тут все были нечистые духи?

Г. ЛУЦИНДА

Молчи, молчи, дитя, вот опять молния.

Крестится

Такое ли теперь время дьявола вспоминать надобно.

Крестится и его проклинает.

ФЕОНА

Спрошу я у вас, бабушка! Вы надеюсь, изволите, знать, чем таким это убивает гром?

Г. ЛУЦИНДА

И, дитя, как ты этого не знаешь? Стрелою, мой свет, и есть ли хотите, так я вам когда-нибудь покажу. У меня есть громовая стрела⁴³. Я еще даю с ней многим воду от колотья.

КЛЕОН

Воля ваша бабушка, а я этому как-то худо верю. Прошлого года, как убило у нас лошадь, так мы всю ее осматривали, и не нашли ни маленького знака, а есть ли бы убита она была стрелою, то ведь бы

рана была, да и стрелу можно бы было найти, однако мы сколько не искали, а не нашли.

Г. ЛУЦИНДА

Вот, вот, ты уже опять начал завираться. Я тебе рассказываю, что у меня стрела есть. Чего тебе больше?

Крестится опять увидев молнию.

Аминь, аминь, аминь.

ФЕОНА

Я, сударыня, не такова, как брат. Я вам поверю, что стрелою, но скажите мне, бабушка, кто же ее стреляет.

Г. ЛУЦИНДА

И, дитя, почему нам это знать, небось, Илья-пророк.

ФЕОНА

Почему же сударыня, Илья-пророк?

Г. ЛУЦИНДА

Потому, мой свет, что не уже ли ты не слыхала, что это ведь он по небу на огненной колеснице ездит, что мы громом называем (*услышав, что загремел гром*) Вот, вот, как он батюшка наш покати́лся.

КЛЕОН

Да как же, бабушка, разве у нас два пророка Ильи? Вот извольте послушать. Гром теперь в двух местах, и в одно время гремит. Вот в стороне к погосту, и вот в другой стороне, конечно две у нас теперь тучи.

Г. ЛУЦИНДА

Куда ты право, какой Клеонушка, ничему не хочешь верить. Ей-ей в тебе пути не будет.

КЛЕОН

Никак, сударыня, я готов всему поверить, есть ли что с правдою сходно, а что напротив того мне кажется сомнительным, то для чего же о том мне не спросить?

Г. ЛУЦИНДА

И, дитя. Я тебе давно говорила, что чем более будешь знать, тем скорее состаришься. Знай-ка ты то, что знавали отцы наши. Они немного знали, а хлеб ели.

ФЕОНА

Слава Богу, прочищается, насилу прошла туча.

КЛЕОН

Подбежав к окошку.

Да во здесь уже совсем прочистилось. Но ах, сестрица, посмотрите-ка сюда в эту сторону. Какая это прекрасная радуга.

Подходят все к окну и смотрят.

ФЕОНА

Двойная еще, братец. Ах, как это хорошо, какие это прекрасные колеры⁴⁴. Но хотелось бы мне знать, что это такое, и как это делается на небе?

КЛЕОН

Бабушка, надеюсь, изволить знать, скажите сударыня нам.

Г. ЛУЦИНДА

Я бы сказала, но то-то беда, что ты ничему не веришь, а все только и знаешь, что спрашиваешь, кто тебе не ответствуется.

КЛЕОН

Нет, сударыня, я уже поверю, и не буду спрашивать.

Г. ЛУЦИНДА

Как она делается, я доподлинно не знаю, но что она делает, это я знаю. Вот видите, дети, обеими этими концами опускается в воду, и ее в себя всасывает, и вот туда-то, (*указывает на небо*) вода та идет, идет по ней!

КЛЕОН

Ну, бабушка, теперь я вам поверю. От того-то, конечно, у нас и дождь бывает?

Г. ЛУЦИНДА

От того-то, мой свет, и ты всегда помни, что радуга всякий раз к дождю бывает.

КЛЕОН

Но что, бабушка, хочется мне еще знать, чем бы таким она воду в себя всасывала? Рот что ли у ней?

Г. ЛУЦИНДА

И нет, дитя, я слыхала, что воду она черпает серебряною чарочкою или ковшиком.

КЛЕОН, *захохотав.*

Ха! Ха! Ха! Можно ли этому стать?.. Не прогневайтесь, бабушка, ей-ей, не можно утерпеть, чтоб не смеяться... Уже серебряною чаркою черпает!.. Чего вы не затеете!.. Да, как же это она черпает, серебряная ведь чарочка невелика и можно ли ею столько воды начерпать, сколько к нам из одной тучи упадет?

Г. ЛУЦИНДА, *осердившись.*

Ну, спасибо, государь мой, право спасибо... Старого ты меня человека на смех поднял. Тому-то ты учишься, и за тем-то я к вам приехала? Спасибо! Благодарствую! Я помню, как и матушка твоя родилась. Я и ее, да и тебя на руках нянчила, но не чаяла того, чтоб ты надо мною насмеяться стал.

ФЕОНА, *которая сама не меньше смеялась, но только скрытно.*

И, братец, как тебе не стыдно! Хорошее ли это дело смеяться, дай матушке приехать. Ей-ей, сударь, я скажу, уже посмотри, что тебе будет.

Г. ЛУЦИНДА

Как таки так, моя голубушка, совсем меня дурой сделал. Легко ли мне это?.. Истинно век изжила, а не бывало того надо мной, чтоб такой молокосос надо мною смеялся, как твой братец.

ФЕОНА

Что с ним, сударыня, делать? Он самый верченый. Отпустите, сударыня, это ему. Он от глупости это сделал, и впредь того делать не станет.

Г. ЛУЦИНДА

И, мать моя, да я с ним ничего и говорить не стану. Он, видишь, умница ныне стал! Он и давеча, конечно, надо мной только смеялся.

КЛЕОН

Виноват, бабушка-сударыня, пощиплите меня хоть за ухо, да простите. Впредь право не стану смеяться.

Целует у нее руку.

Г. ЛУЦИНДА

Ну, ну. Бог тебя простит, льстивец! Только впредь не смейся же ты мне, старому человеку. Да нет, нет, полно мне с вами о таких делах говорить. Вы меня вправду дурой сделаете.

ФЕОНА

Перестаньте, сударыня. А кстати, и некогда более, на стол уже набрано, и вот несут водку, не изволите ли, бабушка, пожаловать.

Отходят ужинать.

ИЗВЕСТИЕ

*Госпожа Луцинда пробыла у детей до половины последующего дня. Дети хоть и старались заманить ее опять в разговоры, но она остерегалась, да и они увидев, что она о свете столь же мало, как и о Боге, знает, перестали ее спрашивать, а с нетерпеливостью дождались матери. Но госпожа Ц** не прежде, как через неделю возвратилась. Они не преминули рассказать ей бывшее у них в саду приключение, чему не меньше и она смеялась. А как они по обыкновению своему для продолжения разговоров своих в сад пошли, то начался у них разговор последующий.*

РАЗГОВОР XVIII МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

Г. Ц**

Ну, так и почла вас бабушка-старушка наша сумасшедшими.

ФЕОНА

Почла, сударыня, и куда все как смешно было. Не могу вспомнить, как бежала она вот здесь почти без памяти. Позабыла всю свою тягость, и чуть было, споткнувшись, не упала.

Г. Ц**

Ей несколько сие и простительно, и на ее много давить не можно. Она в первый раз от роду сие услышала, но есть люди, которые во сто раз ее разумнее, но немногим чем ее лучше. Они будучи сами в знании о свете наивеличайшими невеждами, не могут терпеть, чтоб и другие о распространении оного старались. И тотчас, неведомо какими людьми тех почитают, от которых такие слова услышат, какие вы с вашей бабушкой говорили. Но скажите мне на каком мнении остались вы о громах и молнии? Не поверили ли тому, что она вам сказывала?

КЛЕОН

Можно ли, сударыня, поверить? Со всем тем нельзя же не признать, что ее рассказы нас с сестрицей в превеликое любопытство привели. Мы много с ней о сем после того разговаривали, но как увидели, что сами о том ничего подлинного не знаем, то положили вас матушка просить, чтоб вы нам рассказать о том изволили.

Г. Ц**

Конечно, расскажу, любезные дети, однако не теперь, но в свое время, для того, что наперед вам надобно много иного знать, а без того вам будет непонятно. Однако, между тем знайте, что все то, что она вам сказывала, есть в самом деле суший вздор и нимало не походит на правду.

КЛЕОН

А теперь, надеюсь, станете вы нам сказывать обстоятельно о стихиях.

Г. Ц**

Да, мой друг. Мне необходимо вам наперед пересказать об них, как о начальнейших вещах. Но материя сия может быть будет для вас темновата, так не поскучайте ею, любезные дети.

ФЕОНА

Никак, сударыня, мы готовы все слушать с охотою, и помним то довольно, что вы нам однажды сказывали, что вы ничего пустого и ненадобного нам сказывать не станете.

Г. Ц**

Конечно так! И вы в том на меня положитесь, и так слушайте же, любезные дети.

КЛЕОН

Извольте, сударыня.

Садятся подле матери на дерновое крыльцо на уступ.

Г. Ц**

Прежде нежели начну я вам сказывать то, что до разных вещей, в свете находящихся, касается в особенности, надобно мне наперед несколько поговорить о всех их вообще и изъяснить вам некоторые нужные вещи, до всех их вообще принадлежащих. И так надобно вам, любезные дети, знать, что Материальный свет

составлен вообще из вещей двоякого рода. Одни называются тела или корпусы, а другие атомы или первоначальные частицы, кои в тесном означении, как я вам говорила, называются стихиями или элементами.

КЛЕОН

Остановитесь, матушка, пожалуйста на часок... Давно изволите вы твердить частицы и тела, но я признаюсь, что мне это как-то непонятно. А особливо не знаю я, что вы телами называете, не уже ли вы про это тело говорите (*указывает на свое тело*).

Г. Ц**

Вопрос твой очень кстати, потому что мне, прежде, всего вам о телах и понятие дать надобно... Нет, мой друг, я говорю не об этом теле. А знайте, что телами вообще называются все те вещи, которые будучи из многих частей составлены, могут раздробляемы или опять на многие части разделяемы быть.

ФЕОНА

Да таких вещей на свете и много найдется?

Г. Ц**

Конечно много. Вот повсюду (*указывает кругом себя*) окружены мы телами. Одним словом, весь свет составлен наиболее из тел, и что мы видеть и осязать можем, это все тела.

КЛЕОН, *удивившись*.

Как, сударыня, все то тела, что мы видим и осязать можем? Да я вот вижу кирпич, неужели и он тело?

Г. Ц**

Конечно, тело. Да ты сам знаешь, что он состоит из множества песчинок и глины, которые только соединены вместе, а не меньше и то тебе ведомо, что его расколотить и опять в пыль истолочь можно.

КЛЕОН

О, сударыня, это я знаю номнясь, я сам колотил кирпич и расколотил его в тысячу кусочков.

Г. Ц**

А когда он составлен из многих других вещей, и опять может разрушен быть, так и стал он тело. Помните это, любезные дети, я повторяю вам это нарочно в другой раз.

КЛЕОН

Хорошо, сударыня, Но пожалуйста мне скажите о деревьях. Мы ведь их также видим, следовательно, и они должны быть тела. Но как же, матушка, не уже ли и они также составлены из других частей? Как же мы того не знаем?

Г. Ц**

Бессомненно, мой свет, составлены из множества разных вещей и частиц, и притом наиудивительнейшим образом, что ты после сам узнаешь, когда я вам рассказывать стану о том как деревья растут.

ФЕОНА

И это, матушка, вы изволите знать? А мне, сударыня, давно хотелось знать, как это они растут?

Г. Ц**

Конечно знаю, и вам после расскажу. А теперь можете о деревьях потому заключить, что они тела, что их изрезать, изрубить и искрошить можно, или они сами сгнить и разрушиться могут.

ФЕОНА

Да, это правда. Теперь я вспомнила, как вы нам однажды о полене и дровах сказывали, как они огнем разрушаются.

КЛЕОН

И животные, матушка, тела? Например, вот эта козявка или вот ваша постельная собачка.

Г. Ц**

Конечно тела, и составлены из множества разных частиц, которые только наиудивительнейшим и почти нам не постижимым образом связаны, отчего они составляют одну вещь. Сверх того знаете вы тоже об них, что они в мелкие части разрушены быть могут.

КЛЕОН

Ну, хорошо, сударыня, это все крепкие, или по крайней мере твердые вещи, но вода-то как же, сударыня? Ее мы видим и осязаем, и потому сказал бы я, что и она тело. Но вы знаете, что она жидка и льется, и ее как ни сжимай, так вместе не сожмешь и не съютишь⁴⁵, и не сделаешь кусочка. Я уже много раз пробовал.

Г. Ц**

Со всем тем и она действительно состоит из тел, да и вся, например, вот здесь в сажелке, одним телом называться может, и ты

можешь потому заключить, что она на мелкие части разделяется. Возьми-ка горсть ее и брось, погляди как она рассыплется. Да вот не помнишь ли ты, как мы говорили номнясь о брызганье? Ты сам видел, на какие она мелкие частички разделяется.

КЛЕОН

Да, сударыня, это я помню, и теперь могу сказать, что она и поэтому может назваться телом. Но только все еще я в сомнении. Вы изволили говорить, что все тела состоят из частей между собой связанных, но вода-то, сударыня, знать не имеет между собой никакой связи, что она так рассыпается.

Г. Ц**

Никак, мой свет, и сама вода имеет между своими частичками, из которых она составлена, связь, но только связь сия отменная от той, какая в других телах находится. Примечайте это, любезные дети! Тела хотя все имеют то общее свойство, что они состоят из многих других частиц, которые между собой связаны, но сия связь между оными частичками не во всех телах одинакова, но весьма многообразная. У иных она твердая и крепкая, у иных она не такова тверда и слабее, а у третьих наконец очень слабая, неприметная, и такая, что очень легко может быть уничтожена.

ФЕОНА

Поэтому, сударыня, и разрушать сию связь в иных телах скорее и легче можно, а в других уже труднее, и не таково способно?

Г. Ц**

Конечно, моя радость, и ты это очень разумно заключила, а чтоб вам лучше можно было видеть, то докажу я вам то и примерами.

Встает, и идет к сажелке, выбирает два камешка, один крепкий, другой древесный, да еще кусочек засохшей глины, и приносит их к детям.

Посмотрите, любезные дети, вот два камешка. Оба они составлены из бесчисленного множества частей, но связь между сими частями у них не одинакова. Вот у этого камешка (*показывает им крепкий*) она очень твердая и крепкая. Она так тверда, что этот камешек и обухом не расколотишь.

КЛЕОН

Конечно, сударыня, не расколотишь, я уже не однажды их камнями расколачивал, но никак их не расколотишь. Эти камешки я знаю.

Г. Ц**

Ну, посмотрите же теперь, вот на этот другой камешек (*показывает им дресвяный*⁴⁶) он такой же кажется, как и тот, но связь между его частями не такова уже крепка. Вот поглядите, я его этим же камешком при вас расколочу. *Раздробляет его другим камнем.*

ФЕОНА

Да, матушка, теперь мы, сударыня, видим.

Берет в руки кусочки и рассматривает.

Посмотри, братец, какой хорошенький этот камень в середине. А, матушка, не эти ли частички, сударыня, и частички из которых он составлен. Посмотрите, вот какие маленькие звездочки.

Г. Ц**

О, нет, моя радость, это далеко еще не те первые частички, о которых я вам давеча упомянула Это, правда, его части, но сии части опять из других состоят, и еще гораздо мельче раздроблены быть могут.

КЛЕОН

А этот кусочек глины на что вы, сударыня, в руках держать изволите?

Г. Ц**

На то, мой свет, чтоб показать вам, что тут связь частей еще слабее. Вот видите, любезные дети, это ведь такое же тело, составленное из множества песчинок, которые только между собою связаны. Но связь сия очень слаба, и так слаба, что я ее пальцами разрушу, поглядите, (*раздавливает кусочек*).

ФЕОНА

О, сударыня. Это прямое и очевидное доказательство!

Г. Ц**

А сим образом и о всех твердых телах заключать вам надобно. Теперь пойдем далее! Я вам расскажу, что вам еще о сей внутренней связи в телах примечать следует. В давешнем камешке все частички связаны между собою наитвердейшим образом. Почему я хотя его

и расколотила, но не весь в дребезги, а он раскочился только штук на пять или шесть, следовательно, в сих штучках связь осталась еще непоколебима, и каждая из них составляет опять целое тело.

КЛЕОН

Конечно, сударыня. И их разве опять колотить и разбивать.

Г. Ц**

Напротив того, в других телах связь си не такова, и частички не таково крепко, но отменным и таким образом между собою связаны, что легко могут двигаться и подаваться. Однако со всем тем равно, как друг к другу чем прилеплены, и так плотно, что их совершенно друг от друга отделить не можно. И для того ежели такое тело рукою давить станешь, так частички не рассыпаются, но между собою только подаются, и дают место пальцу, и такие тела называются *мягкие*.

ФЕОНА

А, матушка, оттого-то они мягки?

Г. Ц**

Оттого-то, моя радость, а ежели хотите то видеть из примера, то я вам скоро покажу. Из таковых-то связанных частичек состоят по большей части травы, и тысячи иных мягких вещей, да короче, вот самое тело наше такое-то.

КЛЕОН (*давит себе икру на ноге*).

Да, сударыня, это вы изволите правду говорить, того-то мне никогда не приходило в голову.

ФЕОНА

Поэтому, сударыня, и кофточка моя, и прочее платье из таких-то тел состоит.

Г. Ц**

Из таких, моя радость, а оттого оно и мягкое. Но теперь примечайте, любезные дети, третье генеральное различие между сею связью частичек. В мягких телах они хотя слабо между собою связаны, однако друг от друга не скоро отделиться могут. Напротив того в иных телах они не только чрезвычайно слабо между собою связаны, но и скоро и весьма легко друг от друга отстать и отделены быть могут. В сих они равно как друг с другом слеплены и сом-

кнулись, но при малейшем движении могут отставать и отдаляться. И таковые-то тела называются все жидкими или текущими.

КЛЕОН

А, матушка, поэтому такая-то вода та сударыня, и потому-то она жидка.

Г. Ц**

Потому-то, мой друг, а не только вода, но и все прочие жидкие вещи, например, масло деревянное, ореховое, маковое, миндальное, конопляное, молоко и прочее. И ежели хотите, так я вам покажу, как частички сии сливаются. Вот пойдем к сажелке.

Приходит к сажелке, обмакивает палец в воду, накапывает на ладонь одну капельку и говорит:

Вот, смотрите дети, это одна капелька. Она состоит из множества частичек. Вот я возьму другую капельку(*обмакивает опять палец, и наносит другую каплю*) и опущу на первую. Вот не успела она дотронутся до первой, как стекаются они вместе, и все частички, перемешавшись между собою слипаются, и составили уже тотчас одно тело. Но каково скоро и легко они сольнулись, таково скоро и способно они опять друг от друга отделены быть могут. Вот посмотрите: (*раздавливает каплю*) где теперь капелька?

КЛЕОН

Их, матушка, она пропала, а я было стал только на нее смотреть, и мне пришло было многое в голову, о чем я вас спросить хотел. Но куда же, сударыня, частички, составляющие прежде тело капельки, делись?

Г. Ц**

Они рассыпались теперь по моей ладони, отчего видите вы теперь она мокра, и точно так, как бы, например, взяла я кусочек ссохшегося песка и его раздавила.

ФЕОНА

Ах, как это мудрено, сударыня, признаюсь, что до сего времени я сего не ведала.

КЛЕОН

А меня, матушка, завели вы в превеликое любопытство. О, сколько вещей хочется мне знать и вас о том спрашивать!

Г. Ц**

Не то еще будет, любезные дети, дай-ка нам подальше разговорится о натуральных вещах, вы увидите чудеса чудес.

ФЕОНА

И это, сударыня, мудрено, и в удивление привести может?

Г. Ц**

Я вам сказываю, любезные дети, что вы не столько еще удивитесь. Но теперь станем продолжать свою речь. Итак помните вы, что все тела на свете разделяются на *твердые*, *мягкие* и *жидкие*, и сему различию не что иное, как разная связь их частичек причиною.

КЛЕОН

Но пожалуйста, матушка, нам скажите: чем же таким сии частички между собою столь многообразным и удивительным образом связаны. Мне, сударыня, нетерпеливо сие знать хочется.

Г. Ц**

О, мои любезные дети, это великое дело, и составляет наивеличайшее и такое таинство натуры, из которого всего более премудрость Зиждителя видима.

КЛЕОН

И никто, сударыня, того не знает?

Г. Ц**

Совершенно и точно, того можно сказать, что ни один человек на свете не знает. Да и вряд ли когда-нибудь человеческий разум все касающееся до того пункта постигнуть может. Однако нельзя же того сказать, чтоб человеческий разум многого уже из того не узнал. Много уже мы отчасти чрез опыты, отчасти по догадкам знаем. Но жаль, что вы еще малы, и мне в самую подробность о том входить с вами не можно. Когда вырастете более, так я вам расскажу все, что я до сего касающегося знаю.

КЛЕОН

Ах, какое горе! Для чего я не велик? Но по крайней мере не можно ли вам что-нибудь нам о том сказать?

Г. Ц**

Что можно вам понять, то я и без того сказала бы. И так будьте довольны в сем случае тем, когда я вам скажу, что сия связь между

частичками происходит отчасти от самих их, или от разных их фигур и свойств, отчасти же от посторонних причин.

КЛЕОН

Как это, матушка, я не понимаю.

Г. Ц**

Вот, ты сам видишь, сколь понятие твое еще коротко, однако, сие мне тебе растолковать можно. Я говорю, во-первых от самих их: ибо надобно тебе, мой друг, знать, что первые частички из которых все тела составлены, и которые, помнишь ты, называла я стихиями, или лучше сказать, атомами между собою, созданы премудрым нашим Творцом неодинаковыми, но весьма много-различными.

КЛЕОН

Какими же, сударыня?

Г. Ц**

Точно какими, того мы подлинно знать не можем, для того, что они чрезвычайно малы, и нам их усмотреть никоим образом не можно. Однако, по многим примечаниям с достоверностью можем заключить, что они различны и неодинакового подобия, как например, иные круглые, иные гладкие, иные шероховатые, иные равно как узелками, иные твердые, иные мягкие, третьи упругие или такие, что могут сжиматься и опять раздаваться. Наконец, иные темные и непрозрачные, другие прозрачные и нашим глазам невидимые. А от сего различия и проистекает то, что есть ли много их вместе совокуплены будут, то иные сами собою могут уже друг с другом слипаться, и некоторым образом больше или меньше связываться, а другие, как например совсем круглые, того не могут. Понимаете ли вы это, любезные дети? Ежели не понимаете, то докажу вам каким-нибудь примером.

КЛЕОН

Понимаем, сударыня, однако не худо, есть ли бы вы нам изволили доказать примером.

Г. Ц**

Хорошо, мой друг. Возьмем себе в пример какие-нибудь побольше вещи (*думает*), да вот, например, репные и морковные семена. Надеюсь вы видали их у нашего садовника?

КЛЕОН

Как, сударыня, не видать. Первые еще такие кругленькие. Последние все еще с зазубринами.

Г. Ц**

Изрядно!... Так представим же себе, чтоб это были первые частички двух разных родов, и станем из них делать тела. Возьми наперед репные семена и отведай, можно ли тебе съютить их так вместе, чтоб из них составился комочек.

КЛЕОН

Кто, сударыня их съютит, они все будут рассыпаться.

Г. Ц**

А отчего?.. Ведь от того, что они все круглые и гладкие... Но возьми же ты морковные семена, и отведай то же.

КЛЕОН

Сии мне, кажется, съютить, и комочек сделать из них можно. Они и без того кучками лежат и пристают друг к другу.

Г. Ц**

Конечно, можно, для того, что они равно как с крючками и зазубринами, которыми они друг за друга прицепляются сами и одни других держат. А таким-то образом и первые частички некоторых тел могут уже сами собою некоторым образом связываться и составлять тела.

ФЕОНА

Так, матушка, истинно так, теперь и я вижу, и совершенно понимаю, как это бывает. Ах, какой это прекрасный пример! Это все равно, как набрать горсти репейника или собачек⁴⁷, что пристают к платью, ведь и они также друг с другом сольнутся?

Г. Ц**

Конечно, сольнутся, и этот пример еще лучше первого, и сие вам доказать может, как частички сами собою связываться могут.

КЛЕОН

И в самом деле этот еще лучше: я однажды превеликий ком из них налепил. Однако это только же такими частичками, быть может, которые, например, подобны морковным семенам и репейнику с зазубринами. А из круглых-то как же, сударыня, тела делаются. Разве из них тела не могут быть?

Г. Ц**

Нет, могут, но уже не таким, а разными другими образами. Например, во-первых положим, чтоб сии кругленькие частички были сами собою клейки, и могли бы друг к другу прилипать, то рассуди, не могли ли они, также сольнувшись, составить комочек или тело?

КЛЕОН

Да, сударыня это правда. Мне вспомнилось теперь об одном случае, который может тому примером быть. Нынешней весной случилось мне однажды быть в саду подле нашего садовника, и смотреть как он прививки прививает. Тут лежала подле его прививочная смола. Я ее схватил, и признаюсь начал дурить. Я катал из нее маленькие шарики, и клал друг на друга в кучку, наконец, хотел было их взять, погляжу они сольнулись все вместе. И какая это прекрасная фигурка сделалась! Внутри все дырочки и скважины, ибо шарики одними только боками друг к другу и то понемножечку прильнули. Я долго на них смотрел и дивился, как они держатся, по куда наконец садовник спросил смолу и их отнял у меня.

Г. Ц**

Вот точно пример, мой друг, и хорошо, что ты это вспомнил. А из сего можешь ты заключить, что подобным сему образом и первые круглые частички могут быть липкими, и друг к другу прилипать, ибо всемогущему Богу ничто не мешало создать их такими, и снабдить их сим уже свойством.

КЛЕОН

Конечно, так, сударыня, но есть ли бы они были не такие, и не могли бы друг к другу прилипать, то как же тут им друг с другом соединится?

Г. Ц**

Можно и тут, но только уже надобно посторонним каким-нибудь и другим вещам их связывать, или соединению их поспешествовать, и сие-то вам во-вторых примечать надобно.

КЛЕОН

Как это так, матушка?

Г. Ц**

А вот как, мой свет! Это может разными образами происходить. Возьмем, например, давешние репные семена, или, например, горо-

ха, и положим, чтоб его какие-нибудь другие тела сжимали вместе, например, ухватим его в горсть и сожмем крепко, или насыплем репных семян в сию табакерку, или в хрустальный стакан, ведь не будут ли они там лежать в кучке и составлять из себя тело?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, будут. Стакан их не пустит рассыпаться.

Г. Ц**

Ну, представьте же себе, чтоб стакан представлял другие тела, которые бы таким же образом снаружи их сжимали, так не будут ли они также держаться вместе или короче сказать. Возьмем шапку орехов, и положим в закроме овса в самую середину. Не будут ли орехи там лежать в кучке будучи овсом со всех сторон сжимаемы?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, будут, и теперь видим, что сим образом бесспорно могут из круглых частичек делаться тела.

Г. Ц**

А каким образом из круглых, таким же образом могут они составляются и из других частичек, которые бы не круглую, но, например, продолговатую, четвероугольную, плоскую или иную какую имели фигуру, с тем только весьма важным и надобным примечанием, что чем бока их друг с другом в множайших пунктах будут прикасаться, тем они плотнее и тверже лежать могут.

КЛЕОН

Как это, матушка? Я, сударыня, не гораздо это понимаю? Пожалуйста, изъясните мне сие несколько более.

Г. Ц**

А вот каким образом, мой друг! Ежели круглое какое тело сложить с другим круглым, например орех с орехом, или горошину с другой, то не одною ли они почти точкою, или немногим, и так сказать, чуть только друг к другу прислоняются, так как ты сам давеча о смоляных шариках говорил, следовательно, как их плотно ни укладывать, но всегда одними только бочками они друг к другу прикасаться будут, а от того и не могут они лежать плотно и твердо, но тотчас развляться, есть ли их станешь в крутую кучку класть. Напротив того есть ли тела некруглые, а бока имеют плоские, то на-

турально они плотнее друг к другу лягут. Например, представь ты себе несколько маленьких кирпичиков.

КЛЕОН

О, сударыня, теперь это я рассудил. Конечно плотно, и можно их так уложить, что никакой скважинки между ими не будет. Мне вспомнилось теперь, как я однажды смотрел на нашу плиту, на которой краски трут, удивился еще, как это так плотно ложится на ней курантик⁴⁸.

Г. Ц**

Да, вот это изрядный пример, из чего ты можешь сам усмотреть, что курантик к плите всем своим боком прикасается. Теперь примечайте, любезные дети, чем бока, у которого тела глаже, тем и плотнее они друг с другом ложатся, и тем в множайших пунктах друг друга дотрагиваться могут. Помните это, любезные дети. До сего примера впредь будет нам часто доходить дело.

КЛЕОН

Очень хорошо, сударыня, я конечно не забуду.

Г. Ц**

Вот теперь слышали вы, как из круглых и других тел могут делаться тела. Но сие еще не все, любезные дети! Они могут и другим образом делаться, например: накладем из давешних орехов кучку. Ведь как их не укладывать плотно, но между ними все будут скважины и щели?

ФЕОНА

Конечно, сударыня, будут.

Г. Ц**

Но накатаем же мы теперь из давешней прививочной смолы маленьких и таких катышков, которые бы могли пройти в скважины между орехами. Насыплем ими все сии скважины, и пожмем немного орехи... Скажите, что последует? Не сольнутся ли они все в кучку, и не сделается ли из них комок или тело?

КЛЕОН

Как, сударыня, не сделается! Они сольнутся так, что их хотя бросай, так они не развалятся.

Г. Ц**

А таким-то образом могут и из первых круглых частичек составиться тела, есть ли они будут перемешаны с другими липкими.

А тоже, или похоже на то, может быть, есть ли они перемешаны и с такими, кои бы, например, были с зазубринами. Например положим с давешними морковными семенами, чтоб перемешаны были репные или другие какие. Так первые, связываясь друг с другом, будут между собою держать и круглые.

КЛЕОН

О, сударыня, это я видел в самом деле. У садовника нашего перемешались как-то морковные семена с горчичными, и он неведомо сколько труда имел для отделения их, и принужден был по зернышку выбирать.

Г. Ц**

Сим то или подобным сему образом связаны и связываются все тела на свете. Одни тела связывают других, а те совокупно третьих. Иные связаны собственно сами собою, другие снаружи посторонними телами держатся в своем соединении, третьих связывают во внутренности посторонние и другие тела и так далее. Одним словом, ни в чем так премудрость Зиждителя не очевидна, как в сем случае. Все вещи на свете, друг друга держат, сжимают, связывают, движут, сохраняют в целости или разрушаются. И все точное внутреннее устройство одному только Богу, как Устроителю, известно. А человеческий разум хотя и много уже знает, но во все проникнуть далеко не в состоянии. Как, например, есть и в рассуждении давешней связи многие тела, коих во внутреннюю связь мы никак проникнуть, и до тех добраться не можем, которыми сии тела связаны, и потому другого не остается заключать, что есть еще некоторая особая и такая между первоначальными частицами связь, которая единому Богу известна.

КЛЕОН

О, сударыня, это подлинно удивительно, и вы правду говорили, что из натуральных вещей нам всего яснее премудрость Божескую усмотреть можно.

Г. Ц**

Вы еще самое малое начало, любезные дети, видели, но тогда, конечно, вы не то еще скажете, когда несколько подробнее о великой многообразности тел, находящихся в свете, и о чудном их между собою сопряжении услышите. Но теперь надобно бы мне вам еще несколько слов о той же связи сказать. Я вам подавала только

об ней некоторое общее понятие, и изъяснила примерами, дабы вы по крайней мере знали, какая сия связь бывает. Но какие бы собственно посторонние тела наиболее на сию связь премудрым Создателем употреблены были и употребляются, того еще не слыхали.

КЛЕОН

О, сударыня, это я давеча хотел у вас уже спрашивать, но не посмел вам помешать.

Г. Ц**

Но добро, дети, об этом поговорим уже завтра, а сегодня видите уже поздно. Между тем не позабудьте только всего того, что вы от меня сегодня слышали, и на чем мы остановились.

КЛЕОН

Что касается до меня, то я верно не позабуду ни одного почти слова. Мне очень как-то все сие полюбилось.

ФЕОНА

А и мне, матушка, материя сия была приятна, и ни мало не скучна.

Г. Ц**

Радуюсь, мой свет, что она вам понравилась, тем охотнее и я буду впредь продолжать, и тем полезнее для самих вас она будет.

РАЗГОВОР XIX МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ

Г. Ц** (*пришедши в обыкновенное время в сад с детьми*).

Что же, любезные дети, не позабыли ли вы вчерашнего? И помните ли, на чем мы остановились?

КЛЕОН

Как, сударыня, позабыть? Я нарочно старался повторить в памяти моей все-то, что вы сказывать изволили, и ежели угодно, то расскажу вам вкратце в чем наш вчерашний разговор содержался.

Г. Ц**

Очень хорошо, мой друг, так всегда и надобно делать. Ибо чрез то лучше затвердится в памяти, и не так скоро позабудется. Ну, слушаем же, о чем таком мы говорили.

КЛЕОН

Вы, сударыня, изволили говорить с нами о телах. Изъясняли нам, что такое тела, какое в связи внутренних их частей различие,

от чего иные тверды, другие мягки, а третьи жидки. А после изъясняли нам, как различны частички их составляющие, и каким разным образом они другими частичками и телами могут быть связываемы.

Г. Ц**

Так, мое сердце! И остановились мы на чем?

ФЕОНА

Это дозвольте уже мне сказывать. И я не меньше братца все помнила. Остановились мы, сударыня, на том, что вы хотели нам сказывать, какие бы собственно те посторонние вещи и тела были, которыми наиболее тела связаны и связываются, ибо сего мы еще не слышали.

Г. Ц**

Так, моя радость, начнем же теперь говорить.

КЛЕОН

Извольте, сударыня. А мы будем охотно слушать. (*Садятся подле матери в полу беседке лиственной*).

Г. Ц**

Итак, ведайте мои любезные дети, что на всю связь тел из посторонних тел употреблены и употребляются премудрым Создателем наиболее те стихии, которые у нас под именем огня, воздуха, воды и земли известны.

КЛЕОН, удивившись.

Как это, сударыня, огонь и воздух тут же?

Г. Ц**

Да, мой свет, что тебе так удивительно?

КЛЕОН

Как, сударыня, не дивится! Вы изволите говорить из посторонних тел, так не уже ли и огонь, и воздух тела?

Г. Ц**

Конечно тела, и ты узнаешь сам после и поверишь, когда мы об них подробно говорить станем.

КЛЕОН

О, сударыня, в этом-то бы я уже никому не поверил, есть ли бы не вы мне то сказывать изволили.

ФЕОНА

А мне, сударыня, всего чуднее, чтоб сии вещи могли что-нибудь связывать. Казалось бы, как огню, воздуху и воде что-нибудь свя-

зывать? Первой бы скорее сжечь мог, а вода бы только намочить могла.

Г. Ц**

Но как вам ни удивительно, но это правда. Сии вещи не только большую часть тел связывают и содержат, но некоторые из всех сих стихии наиболее и состоят. А не менее того надобно знать, что самые сии же стихии и к разрушению находящейся в телах связи употребляются и способствуют.

КЛЕОН

Это еще и того чуднее, матушка! Куда бы я хотел, сударыня, чтоб вы нам это каким-нибудь примером изъяснить изволили!

Г. Ц**

Для чего не изъяснить!.. Я вам изъясню и то, а после и другое, и для изъяснения первого возьму такой пример, который ты довольно знаешь. Ты ведь ходишь смотреть, как у нас кирпичи делают, и видал все, что ни делают при том?

КЛЕОН

Конечно, сударыня, видал и могу сказать, что по нужде мог бы сам кирпич совсем сделать.

Г. Ц**

Ну, хорошо, мой друг, этот кирпич тебе все и докажет. Рассмотрим, все производство сей работы. Скажи ты мне, как бы ты стал кирпич делать и из чего?

КЛЕОН

Мне надобно наперед глина и песок.

Г. Ц**

Ну, это такие вещи, из коих кирпич состоять будет, или в некотором разумении его части. Положим теперь, чтоб этот песок сам был сухой, а и глина бы не мокрая и сухая и толченная. Что бы ты стал делать, и каким образом стал бы их съючивать вместе, и делать кирпич.

КЛЕОН

Я бы, сударыня, положил глину и песок в творило, велел бы влить воды, и потом мять.

Г. Ц**

Да на что ж бы ты велел влить воды?

КЛЕОН

Да как же, сударыня, на что? Без нее никак не можно. Сухой песок и глина не съются, надобно глину размочить, а без того как их сомнешь. Они все рассыпаться будут.

Г. Ц**

Слава Богу, вот одна уже стихия есть, без которой обойтись не можно. Из сего не видишь ли Клеон, что и одна вода может уже между песком и глиною сделать некоторого рода связь. Песок и глина смешавшись с водяными частичками уже не станет рассыпаться и из них сделается тело. Но тело все еще не твердое, а мягкое, из чего видно, что связь сия не очень крепкая и частички еще все между собою подаются так, как я вчера вам сказывала.

КЛЕОН

Да, сударыня, это так, и вы правду изволите говорить, что частички подаются. Я это помню, что как станут делать кирпич, то глину можно, как хочешь сгибать и убивать. Она все подается.

Г. Ц**

Ну, посмотрим далее, чтоб ты стал с кирпичом делать?

КЛЕОН

Я бы, сударыня, сделавши кирпич, положил его в покрытой сарай.

Г. Ц**

Да на что ж бы ты это сделал?

КЛЕОН

Для того, сударыня, чтоб он обчах и высох на ветре.

Г. Ц**

Слава Богу, вот уже другая стихия, то есть воздух, без которого обойтись не можно. Ты сам теперь скажи, от чего мягкий кирпич сделается чрез несколько времени, полежав в сарае, твердым не от воздуха ли?

КЛЕОН

Да, сударыня, от воздуха.

Г. Ц**

Ты говоришь от воздуха, но не знаешь. Но я тебе, мой свет, скажу: кирпич твой от того более мягок, что водяных частиц положено было в глину слишком много, и более, нежели для союза глиняных

частиц и песка между собою было надобно. Но как ты положишь на воздухе, то наружный воздух по свойству своему все излишние водяные частички из кирпича вытянет в себя, и на место то сам входит, и делает связь между глиною и песком гораздо тверже. Все частички между собою свяжутся крепче, и не будут уже подаваться, а оттого пропадет и мягкость, но уже кирпич сделается ломок, хотя не гораздо еще крепок. Но что же бы ты после того с кирпичом своим стал делать?

КЛЕОН

Я бы, сударыня, положил его в обжигательную печь, и порядочно бы обжег, и тогда бы он у меня был уже готов.

Г. Ц**

Слава Богу, настоящую твердость твоему кирпичу должен дать огонь. Ну, что ж иное это значит, как не то, что огненные частички при обжиге входят в промежутки глиняных и песчаных частичек, и связь между оными делают наитвердейшею, и такую, что кирпич сделается твердостью своею подобен камню. И так не все ли четыре стихии в кирпиче твоём имеют участие?

КЛЕОН

Так, сударыня, и теперь уже я не могу сомневаться, видя такой очевидный пример.

ФЕОНА

А я, матушка, неведомо с каким любопытством ваш разговор с братцем слушала. И куда как мне этот пример понравился. Уж не однажды я думала и сама себе говорила. Вот сколько раз и сама я видала, как кирпичи делают, а того, что теперь я слышу, мне и на ум не приходило. Я смотрела без всякого примечания, а теперь есть ли случится, буду уже с лучшим любопытством на все смотреть.

Г. Ц**

Таким образом, любезные дети, сей пример довольно вам доказал, что огню, воздуху и воде, тела связывать можно. Итак, не сомневайтесь вы в том, и ведайте, что многие тела, и действительно, либо всеми сими стихиями, либо некоторыми из них, одною какою-нибудь из них связаны, связываются, и в своей фигуре и твердости содержатся, к чему однако в рассуждении других тел, многие

и другие вещи помогают, как вы о том после услышите. А теперь разрешу и второе ваше сомнение, и докажу, что самыми теми же стихиями в некоторых телах внутренняя между частичками оных связь и разрушается или разрушена быть может.

ФЕОНА

Очень хорошо, сударыня!

КЛЕОН

А я с крайним любопытством буду слушать.

Г. Ц**

Для яснейшего доказательства, что стихиями связь и в самых крепчайших телах может разрушена быть, предложу вам какой-нибудь знакомый же вам пример. Посмотрите вот на этот камень, что здесь лежит. Кажется, на что, его уже крепче, не только обухом, но и долбнею⁴⁹ его не расколотишь. Но положить его только в огонь, и хорошенько, пожечь, так он сам у нас рассыплется. Не видали ли вы, как намнясь у нас известь жгли.

КЛЕОН

Как, сударыня, не видать, я часто туда хаживал.

Г. Ц**

Ну, так вот тебе точный пример, Это были точно, такие же камения, как этот, которыми тогда всю печь наклали, с ними более ничего не делали, как несколько дней сряду, и до тех пор жгли, покуда они все раскалились, и как огонь красны сделались, потом дали им остыть.

КЛЕОН

Но что же, матушка? Я видел и как их и вынимали, они все были целы, и такими же еще камениями?

Г. Ц**

Да разве ты не видал, что после с ними делали, и не лил никто при тебе на них воды?

КЛЕОН

А, матушка, видел и не только видел, я и сам это делал. Не успеешь влить воды, как он зашипит, и пойдет дым, и после тотчас весь он развалится, и сделается из него, как мука. Я, сударыня, не мог еще надивиться всему этому, и не понимал, каким это образом и отчего так делается.

ФЕОНА

Как, братец, камень-то в муку развалится?

КЛЕОН

Да, сестрица, ты разве этого не видывала. Посмотрите, как это хорошо. Какое начнется шипение и журчание, а особливо ежели этот камень положить в воду. Но молчи, у меня есть спрятан камешек, я уже тебе покажу.

Г. Ц**

Когда ты это видел, так на что ж тебе лучшего доказательства? И отчего иного можно происходить сему, как не от того, что огненные частицы при пережигании вошли в скважины каменных частичек, и находящуюся между оными связь разрушили, но не совсем совершенно, а чего они не dokonчили, то сделала вода, и все частички уже совсем друг от друга отделила так, что они принуждены были развалиться.

КЛЕОН

Да, сударыня, я вижу, что это так, хотя прежде мне того и в голову не приходило. Этот пример подлинно хорош. Но совсем тем пожалуйста мне, матушка, скажите, правда ли то, что мне тогда наш печник сказывал? Он говорил, что не всякий камень сим образом в известь пережечь можно, но что иные, как ни жги, так они остаются тверды?

Г. Ц**

Конечно не всякий, и он тебе правду говорил, да и я не обо всех вам сказывала. Иные в самом деле к тому не способны.

КЛЕОН

Отчего же это так?

Г. Ц**

Оттого, мой свет, что не все камни из одинаких частиц составлены, да и не во всех одинакая связь между оными частичками находится, а потому иные сим образом и разрушены быть не могут.

КЛЕОН

Вот, сударыня, отчего, а я того не ведал.

Г. Ц**

А таким образом, любезные дети, и прочие тела стихиями либо всеми совокупно, либо некоторыми из них, либо одною которою-

нибудь разрушаются. А есть и такие, которые и той и другой особо разрушены быть не могут.

ФЕОНА

Ежели не в труд, так пожалуйста, матушка, скажите несколько примеров тому.

Г. Ц**

Очень хорошо, моя радость. Таких вещей в которых связь один огонь разрушать может, надеюсь, вы сами множество знаете. Все вещи кои, попросту говоря, сгорают, суть тела такого рода, и многие другие.

КЛЕОН

Как, сударыня? В дереве огонь не только связь разрушает, но и всего его сжигает!

ФЕОНА

И, братец, не уже ли ты позабыл, что матушка нам о дровах в печи намнясь еще сказывала?

КЛЕОН

Да, матушка, я виноват. Теперь я вспомнил, что вы изволили сказывать, что они только нам кажутся, что сгорают, а в самом деле разрушается только связь частичек, из которых дерево состоит.

Г. Ц**

Конечно так, и об этом вы узнаете обстоятельнее, когда мы об огне говорить станем. Теперь же надобно тебе знать, что тоже и о других сгораемых вещах разумеется, что я вам тогда о дровах сказывала. Все сии вещи от сгорания не уничтожаются, но разрушается только в них связь между частичками, и частички остаются целы, и тут же в свете, хотя мы их уже не видим. Одним словом, вам надобно это твердо помнить, что первых сих частичек, из которых тела состоят, сколько создано Богом при начале создания мира, столько и ныне есть, и ни одна из них не пропала, хотя нам и кажется, что многие не только частички, но и целые тела пропадают и уничтожаются.

КЛЕОН

Вы нам это, сударыня, и прежде изволили сказывать. Но признаюсь, что этот пункт всякого в сомнение привести может, однако я конечно вам поверю, и надеюсь, что вы нам со временем все докажете?

Г. Ц**

Конечно, сколько можно докажу, но теперь, мой друг, станем продолжать давешнюю речь.

КЛЕОН

Очень, хорошо сударыня.

Г. Ц**

Что мы теперь об огне говорили, то можно сказать и о воздухе. Он также разрушает связь между частичками в телах, но с той только отменой, что как огонь разрушает скоро, так напротив того воздух медленно и не скоро.

КЛЕОН

Разве так-то, сударыня? А, то было, вы меня крайне удивили, и я готовился уже вас спрашивать.

ФЕОНА

Воля ваша, матушка, а мне как-то и теперь не очень понятно. Мне, кажется, я ни одного не знаю такого тела, которое бы разрушалось от единого воздуха?

Г. Ц**

А я тебе скажу, что ты напротив того знаешь много таких вещей, и всякий день их видишь.

КЛЕОН

Как это всякий день вижу? И, матушка-сударыня, может ли это случиться?

Г. Ц**

Конечно видишь, ибо все те вещи, которые гниют, и сгнивать могут, суть те тела, в которых воздух внутреннюю связь разрушает.

ФЕОНА

Что вы это, матушка, изволите говорить? Неужели они гниют, вправду от воздуха?.. Таких вещей я подлинно много знаю, и всякий день вижу, но думала всегда, что они сами собой гниют, а чтоб воздух тому причиною был, того мне никогда на ум не приходило.

КЛЕОН

Да и мне, матушка, я никогда себе того не представлял, и могу сказать, что мне это очень удивительно.

Г. Ц**

Со всем тем это справедливо, и воздух отчасти один, отчасти при вспоможении воды, а иногда и лучей солнечных, теплоты и земли, премножество тел ежедневно разрушает, и приводит к согнитию, почему по справедливости может назваться наивеличайшим губителем вещей натуральных.

КЛЕОН

Пожалуйте, матушка, скажите мне, хотя один пример?

Г. Ц**

Я тебе готова сказать хоть целый десяток, а всего лучше возьми ты в пример свежее мясо. Не успеет оно летом сутки или двое на воздухе полежать, как начнет портиться, и скоро совсем согниет, и тому ничто иное, как воздух и теплота причиною. Он разрушает связь частиц составляющих мясо, и наконец, совсем разрушит и сгноит. Или не знаешь ли ты о дереве? Не гниет ли оно, лежа на воздухе, и не согниет ли наконец совсем, хотя и нескоро? В первом случае гноит более воздух, а дерево он гноит вместе с водою лучами солнечными, да мало ли чего и кроме сего согнивает?

КЛЕОН

Да, матушка, гниет много, и вы меня изъяснением своим, конечно в том уверили. Но хотелось бы знать, сударыня, куда в согнивших телах частички деваются? При сгорании уходят иные, как вы нам сказывали, с дымом на воздух, другие производят золу, трети угли. Но при согнитии куда они деваются, того я не знаю. Ибо сказать, чтоб они пропадали, того я уже не отваживаюсь. Вы нам только теперь сказывать изволили, что они не пропадают.

Г. Ц**

Конечно не пропадают, но остаются тут же в свете. И иные упдают на низ, и тут разваливаясь, смешиваются с землею, а другие и большая часть выходят в воздух. Самое давешнее мясо может вам сие доказать. Тебе не однажды, надеюсь, слышать случалось дурной дух и вонь от согнившего мяса или иного чего.

КЛЕОН

О, сударыня, это я часто слышал, и хотел еще давеча вас о том спрашивать, не зная, что бы это такое, и от чего делалось.

Г. Ц**

Это ничто иное, как помянутые частички мяса, или иного какого тела, выходящие в воздух.

ФЕОНА

А, сударыня, оттого-то ажно бывает вонь и дурной запах от иных вещей. Я во истину сего не знала.

Г. Ц**

От того, а не от иного чего. Теперь осталось мне сказать вам, что таким же образом и вода может в иных телах внутреннюю связь разрушать и разрушает.

КЛЕОН

Этого нам, хотя и не изволите уже сказывать, сему мы уже и так поверим. К тому же я еще давеча находил сам примеры мне то доказывающие.

ФЕОНА

А какие, братец?

КЛЕОН

И, сестрица, не уже ли ты не можешь сама догадаться. Да вот, сударыня, возьми кусочек сахара, ведь это, сударыня, тело, да и тело еще твердое. Ну, капни на него хоть одну капельку воды и посмотри, что будет? Не растает ли он весь и не разойдется ли? Или положи его в чашку налитого чая, не пропадет ли он?

ФЕОНА

Да, братец, ты меня надоумил, теперь и я это вижу, да и не один сахар, и много таких вещей есть, которые в воде расходятся, например, квасцы, соль, купорос и прочее. Поверишь ли мне стыдно, что я так была глупа и сего не догадалась.

Г. Ц**

Вот дети, вы уже теперь и сами могли догадаться. Это очень хорошо, и мне остается только присовокупить к тому две вещи, достойные примечания.

КЛЕОН

А, какие, сударыня?

Г. Ц**

Во-первых то, что и при сем случае можете вы видите, что разрушается водою одна только связь оных тел, частички же не пропада-

ют. Вкус в воде делающийся от сахара — сладкий, от соли — соляной, от квасцов — кислый, вам наияснейшим образом доказывают, что частички в воде.

ФЕОНА

Так, матушка, истинно так, но куда какая диковинка! До случая же все, братец. Приходило ли тебе в голову? А мне истинно не приходило.

КЛЕОН

И я тоже о себе сказать могу.

Г. Ц**

Во-вторых, из того, что помянутый, на пример, кусок сахару положенный в воду, в ней делается невидимым, можете вы заключить, и наияснейшим образом видеть, что много есть вещей на свете, которые мы глазами нашими видеть не можем, но о которых бытии должны удостовериться другими уже чувствами. Но если бы не доказывал нам вкус, то бы можно заключить, что кусок сахара пропал со всеми своими частичками, потому что мы их в воде не видим.

ФЕОНА

Сударыня, это того еще достойнее примечания.

КЛЕОН

Да, сударыня, это, конечно, правда, и теперь вижу я, что это и не об одних сахарных или соляных частичках сказать можно. Мне кажется, что тоже самое доказывает нам и давешняя вонь. Мы ее также не видим, но чрез обоняние наше действительно знаем, что она есть.

Г. Ц**

Поцелуй меня, мой свет. Я очень довольна сим твоим заключением. Привыкай сим образом и впредь заключать. Но теперь нам, любезные дети, пора уже и перестать говорить. Видите ли, что уже почти смеркается, и нам время идти ужинать. Итак, окончу я, подтвердив вам, чтоб вы все сказанное мною помнили, и не почитали бы сие таким маловажными вещами, каковыми они кажутся. Вы увидите, что сии изъяснения о телах и действиях в них стихии впереди вам очень сгодятся, и что я не без причины наперед вам их так подробно изъясняла. Не кирпичи и не известь нам была нужна:

сии вещи делаются искусством рук и ума человеческого, и всем известны, и я вам об них наиболее для того говорила, чтоб показать, что сим и подобным сему образом надобно и о других и тех вещах рассуждать и заключать, которые натура производит. И о, когда бы знали, какие дела производит она, как в недрах земных, так и всюду и всюду, и как подобным сему образом безместные тысячи тел ежедневно составляет и разрушает, и сколь важные действия отправляют помянутые стихии. В какое бы удивление вы пришли, и как бы много стали дивиться делами Создателя устроившего все и вся, не только с непостижимою премудростью, но никакой вещи без особого намерения и без того, чтоб она не приносила никакой пользы. Дай-ка нам немного далее поразговорится, и с натурою более познакомится, а то я уверена я, что вы не однажды станете восклицать: «О, сколь велик и премудр наш Создатель, и сколь не постижимы для нас дела рук его!»

ФЕОНА

Поверим, сударыня, когда и сие нас не мало уже удивляет. Дай Бог, чтоб скорее могли мы все нужное узнать и услышать.

КЛЕОН

А меня, матушка, вы в такое любопытство привели, что я и ночью буду о том думать, и не только не устал слушая, но целые сутки готов бы слушать.

Г. Ц**

Наслушаешься еще довольно, мое сердце, была бы только охота. За нами никто не гонит, и я готова вам сказывать. Завтра ежели не помешают гости, которые ко мне может быть по утру из города будут, так станем продолжать разговор свой далее. И я расскажу вам такие вещи, которые будут еще любопытнее прежних, и вам верно не наскучат.

КЛЕОН

Однако, смею ли вас, сударыня, спросить о чем бы собственно вы нам завтра сказывать изволили.

Г. Ц**

Это услышишь ты сам завтра, а теперь я только по тебе скажу, что нам много еще о натуре и о свете говорить осталось, и что мне вас постепенно в познание его вводить надобно. Это равно, как не-

кое огромное и великолепное здание или храм, наполненный чудесами чудес и бесчисленными диковинками. Я же всеми прежними разговорами моими растворила вам, так сказать, только дверь в сие здание, и ввела вас на одну только ступень входа, а теперь надобно нам далее идти и осматривать, что внутри одного находится.

ФЕОНА

Сударыня, вы прельщаете меня и одним описанием сего храма, или лучше сказать, сей науки о натуре! Куда бы хотелось мне скорее в него войти и пользоваться зрением на внутренние украшения его. О. как я сию науку полюбила.

КЛЕОН

А я о себе ничего уже не говорю, а только молю Бога, чтоб нам каких дальних помешательств и остановок в продолжении наших разговоров не было.

Конец второй части

П р и м е ч а н и я

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ,

или Нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми, сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей

Печатается по изданию: *Болотов А. Т.* Детская философия, или нравоучительные разговоры между одною госпожою и ее детьми сочиненные для поспешествования истинной пользе молодых людей. Ч. 1–2. М.: Напечатана при Императорском Московском Университете, 1776–1779.

Текст приводится в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, за исключением некоторых лексических особенностей автора.

¹ Оправданием.

² Имеется в виду со слугами.

³ Цуг — шестерка лошадей, запряженных попарно.

⁴ На днях.

⁵ На днях, недавно.

⁶ Хитрец, лукавец.

⁷ Не замай — не задевай, не тронь

⁸ Вертопрашный — ветреный, легкомысленный.

⁹ Грамотеев приводит катехизисное определение. Вина — причина. Неповинный — не имеющий причины.

¹⁰ На днях, недавно.

¹¹ Мышца, мускул.

¹² Хоромы — большой деревянный дом, палаты, большой каменный дом, дворец.

¹³ От анамнись (ономнись, намнись) — недавно, несколько дней тому назад.

¹⁴ Ни синя (синь) пороха — ничего нет.

¹⁵ Мама, мамка — надзирательница над кормилицей и няньками.

¹⁶ Шпынять, от: шпынь — колкий насмешник, резкий и дерзкий остряк, балагур, шут.

¹⁷ *A la bourgeoise (фр.)* — буржуазно.

¹⁸ Тананакать, таныкать, танакать, тананыкать — мурлыкать, напевать.

¹⁹ Контратанец, контрданс — бальный танец, исполняемый парами, располагающимися друг против друга.

²⁰ Номняшнего — недавнего. Номнясь (намясь, ономясь) — недавно, на днях.

²¹ Вящий — больший, лучший, более верный, надежный.

²² Предследовать — предшествовать.

²³ Полночь — север.

²⁴ Полдень, полудень — юг.

²⁵ Бездельник — тот, кто совершает противозаконные, бесчестные поступки; плут, мошенник.

²⁶ Вероимчивый — доверчивый, легковерный.

²⁷ Трафить, трафлять — совершать что-нибудь удачно, ловко, угодить.

²⁸ Драбант — спутник, телохранитель.

²⁹ Погост — несколько деревень; село с церковью, церковь с пристройками и кладбищем.

³⁰ Прохождение Венеры по диску Солнца было предсказано Кеплером. Это явление происходит периодически, с промежутками времени в 105,5 года, 8 лет, 121,5 года, 8 лет и т.д. В 1761 г. наблюдение приобрело международный характер. Иностранные астрономы обратились в Петербургскую академию наук, чтобы иметь возможность вести наблюдения с территории России. Особый интерес к прохождению Венеры по диску Солнца 26 мая 1761 г. был связан с новым методом определения солнечного параллакса (расстояния до Солнца), предложенным в Эдмондом Галлеем, для чего необходимо было вести наблюдения из разных точек. Экспедиция в Сибирь оказалась неудачной из-за плохой погоды. М. В. Ломоносову, который наблюдал данное явление из Петербурга, удалось открыть атмосферу на Венере, что было им описано в статье «Явление Венеры на Солнце, наблюденное в Санктпетербургской императорской Академии наук мая 26 дня 1761 года».

³¹ Сириус.

³² Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. Пс 18:2–7.

³³ Возможно, Кротос.

³⁴ Возможно, Большая медведица, которая называлась иногда Колесница Карла.

³⁵ Ср.:

Случились вместе два Астронома в пиру
И спорили весьма между собой в жару.
Один твердил: «Земля, вертясь, круг Солнца ходит»;
Другой, что Солнце все с собой планеты водит.
Один Коперник был, другой слыл Птоломей.
Тут повар спор решил усмешкою своей.
Хозяин спрашивал: «Ты звезд течение знаешь?
Скажи, как ты о сем сомненье рассуждаешь?»
Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав,
Я правду докажу, на Солнце не бывав.
Кто видел простака из поваров такова,

Который бы вертел очаг кругом жаркова?» (*Ломоносов М. В.* «Случились вместе два Астронома в пиру...» // *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 695).

³⁶ Сажелка, сажалка — пруд, небольшой водоем.

³⁷ Усильно — упорно.

³⁸ В данном контексте — слуга.

³⁹ Челобитье — поклон.

⁴⁰ Ябедник, ябеда — крючкотворец, сутяга.

⁴¹ Жолвь — желудь.

⁴² Ср. Сатирическое стихотворение Сумарокова «Хор ко гордости», написанное для характеристики «превратного света»:

Гордость и тщеславие выдумал бес.
Шерин да берин, лис тра фа,
Фар, фар, фар, фар, люди, ер, арцы,
Шинда шиндара,
Транду трандара,
Фар, фар, фар, фар, фар, фар, фар, ферт.

(*Сумароков А. П.* Избранные произведения. Второе издание. Л., 1957. С. 281).

⁴³ Громовая стрела — сплавленный ударом молнии песок, а также ископаемая окаменелость, чертов палец.

⁴⁴ Колер — краска, цвет.

⁴⁵ Съютить — соединить, сблизить.

⁴⁶ Дресва — мелкий щебень, крупный песок, образующийся при разрушении некоторых горных пород. Дресвяник (дресвяк) — пласт слежавшейся дресвы; дресвяный камень.

⁴⁷ Собака — колючка, репей, репейник.

⁴⁸ Курант — пестик (камень) для растирания красок.

⁴⁹ Долбня, долбуха — деревянный молот, колотушка для забивания клиньев, трамбовка.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ К ИСТИННОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ СЧАСТИЮ,

или опыт нравоучительных
и отчасти философических разсуждений
о благополучии человеческой жизни
и о средствах к приобретению онаго

Часть I

Предисловие

Здесь видите вы, дорогой читатель, пред собою Опыт нраво-учительным рассуждениям о такой материи, которая не иначе как важною почесться может, а именно о благополучии или блаженстве человеческой жизни. Я бы мог их без всякого предисловия оставить, естли б некоторые обстоятельства не принуждали меня сказать вам слова два наперед об оных. Может быть, подумаете вы, что я, сочиняя оные, подогревал только старые щи или говорил о сей материи то, что говорено было уже довольно и без меня в свете, но сие меня не беспокоит. Ежели удостоите ее прочтением, то найдете, может быть, что это и другого рода кушанье, или по крайней мере щи, да не таким манером сваренные, как вы думаете.

Вкусны они или не вкусны, о том надобно вам, а не мне рассуждать. Повару всякое свое кушанье хорошо кажется, и ему как о том судить, так и того желать не можно, чтоб он на вкус всякого едока потрафил. Это дело известное, и было бы излишнее того требовать. Сколько людей, столько разных вкусов, и что одному хорошо, то другому дурно кажется. Что о том говорить! Но есть другой вопрос, который поважнее оного, а именно: питательно ли оно или не питательно, здорово или вредно человеку? Но о сем не все едоки, а одни врачи рассуждать могут, и повар не всем, а им только в сем случае отвечать должен.

Но как и врачи бывают не все равные, а притом будучи таким же подвержены слабостям, как и другие человеки, легко, либо по каким-нибудь предрассудкам, либо по одному наружному виду поспешно заключая, погрешить могут, и не редко называя кушанье таким, каким оно не бывало, и погрешают, то легко статься может, что и с моим тоже самое случится. Для сей причины за нужное почел я сим господам на ухо шепнуть, чтоб они пожаловали не много остереглись и не слишком скоро делали свои решения, но благоволили бы припомнить, что наружность бывает иногда и обманчива, да и повару иногда самому отчасти врачебную науку знать, или

по крайней мере по предписанию какого-нибудь доктора кушанье свое составлять можно. Мое точно такого рода. И так пожаловали бы они по одной только новости сего кушанья, и по наружным его и может быть с их правилами и мыслями не согласующимися признакам не скоро заключали, но исследовали бы оное в тонкость, да и тогда, буде что не сходное с их правилами им покажется, не со мною бы, а с тем господином доктором имели дело, которого предписаниям я следовал. Я тому уже не виноват, что лечит он людей иною методою, а виноват ли или не виноват только потому, что следовал его предписаниям.

Но в сем случае пускай сами они разберут, должен ли я был или не должен ли о безвредности оных быть уверен, когда будучи сам долгое время болен и искав тщетно от многих докторов и лекарей помощи, не пользу, а вящей только вред от них получил и предписаниями помянутого только доктора при помощи Божеской наконец избавился, обмогся и благодарить Бога мало помалу прихожу в состояние и выздоравливаю? И великая ли в том моя вина, когда я, зная, что и многие такой же болезни подвержены, а метода помянутого доктора в нашем любезном отечестве не гораздо известна, по долгу человечества вздумал и для них такое кушанье сварить, какое мне самому мне принесло пользу, а не следовал правилам и предписаниям иных, коих о бесполезности, а отчасти и вредности искусился также собственным своим опытом? Кто помянутый доктор и как он прозывается, о том не для чего мне им сказывать. Если бы они о должности своей радеют, и истории их науки нынешнее оной в свете состояние и все обстоятельства, касающиеся до ней ей ведомы, то не можно, чтоб новый сей доктор был им неизвестен, он довольно знаменит в свете.

Но сего довольно для господ лекарей. Что касается до прочих едоков, то им о кушанье моем следующее только в предуведомлении скажу. Оно здорово, это правда. Яду в нем и отравы никакой нет. С сей стороны не можно им ничего опасаться, и вред от него тогда только они получают, когда сами уже слишком много его объедаться станут. Но в таком случае и всякое кушанье и не только кушанье, но и лучшее лекарство в яд обратится может, и тому уже не я буду виновен. Сколько им есть, сама натура и рассудок их научит.

Вольно будет им следовать оной. Однако и то должен сказать, что оно не можно грубовато, и потому не на всякого вкус придет. Иным может быть покажется оно суровенько, другим слишком солоно, третьим горьковато, иным кисло и так далее. Но что делать, когда я повар не по моде и кушанье мое не французское, а немецкое. Кто имеет вкус слишком нежный или желудок привыкший к одним только французским кушаньям и о здоровье своем мало радеет или, будучи болен, себя считает совершенно здоровым, тот, пожалуй, себе одного не кушай, а оставляй тем, которые, радея получше о своем здоровье, соглашаются охотно глотать и горькие пилюли и кушать самые грубые и невкусные им пищи, когда б только они им пользовали и они бы могли бы уверены быть, что получают оттого великие выгоды.

Наконец, осталось мне сказать, что, может быть, я в приготовлении моего кушанья учинил многие поварам обыкновенно свойственные и простительные погрешности, то есть иных приправ не доложил, иных переложил, иное не доварил, другое пережег и так далее. Но в сем случае надеюсь приобретет мне извинения то, когда чистосердечно признаюсь, что я еще не совершенный повар, но не иначе себя считаю, как учеником поварским, по которой причине и не отважился и назвать кушанье мое кушаньем, а назвал его только опытом кушанья. Дальнейшее упражнение, и когда оно придет на вкус многих, побудит меня стараться о приведении впредь искусства своего в лучшее совершенство.

Вот все, о чем я хотел, дорогой читатель предуведомить. Аллегория сия столь удобопонятна, что вы надеюсь избавите меня от труда изъяснять оную далее. Теперь судите сами, как хотите, и делайте, что вам угодно. Вы будете не отменно принадлежать к числу либо простых и разного состояния едоков, либо врачей, то есть ученых и философов. Сие слово может вам служить свечкою, которою в состоянии вы будете разогнать темноту предследующей аллегии. Я, желая вам получить такую ж пользу, какую я сам имел: есмь

Всегдашний ваш
Доброжелатель
Писано в моей кухне
1772 года.

ВСТУПЛЕНИЕ

Истинное благополучие или блаженство нынешней человеческой жизни было всегда великим предметом, к которому и древних и новых веков многие ученые люди равно как к некой знаменитой цели направляли свои мудрствования. Ежели беспристрастно рассудить, то материя об оном по справедливости и достойна того, чтоб быть ими так много уважаемою, и к исследованиям до сего пункта принадлежащим прилагаеть были такие усердные труды и старания, какие они в разные времена о том прилагали. Ибо кто не согласится в том, что благополучие есть такой пункт, которого важность довольно изображена быть не может? Не всего ли надобнее, не всего ли полезнее для нас благополучие наше? Но когда благополучие для нас такая важная и столь надобная вещь, то может ли что полезнее и нужнее тех исследований быть, какие о нем ученые и прежде предпринимали и иные предпринимают? Поистине можно сказать, что сколько бы о том не говорено было, но никогда не можно сказать, чтоб было довольно. Материя сия так обширна и сопряжена с такими обстоятельствами, что всегда найдется многое, о чем говорить и надобно и можно. Одним словом, она может всегда ученым людям подавать повод к испытанию сил разума своего в рассуждениях касающихся до сего пункта, тем наипаче, что сколько много о том по сие время славными учеными мужами говорено не было, однако, она далеко еще вся не только не исчерпана, но, так сказать, и то совершенно еще не исследовано, в чем бы собственно истинное благополучие состояло и какими точно способами или путями могло бы наудобнее приобретемо быть.

Причиною тому были многие обстоятельства, а между прочим наиболее разнота и неосновательность философических систем, которые помянутые в древности ученые люди в учениях своих следовали. Всякий из них держался той, которую он имел на случай в молодости своей выучить и затвердить, а потому уже и о сей материи рассуждал так, как его система от него требовала, а как по несчастию не редко мешались в том и пристрастия их сердец, то и произошла оттого та удивительная разница, какая в рассужде-

ниях их о сем пункте примечается. Ибо иное ли что могло оттого проистечь, кроме того, что всякий старался ковать железо по своему образцу и приводить его в такую форму, какая у него имелась обжимка.

От сего натурально и проистекло то следствие, что многие из них не избавились от великих погрешностей и забродили мыслями своими в такие Лабиринты, из которых не могли наконец никак выдраться. Но сие в рассуждении слабостей человеческого разума было бы и простительно, естли б не делалось чрез то в сей важности сего пункта великого ущерба и уменьшения. Люди, увидев между лучшими людьми столь великую в рассуждении сей материи несогласие, не осмеливались некоторому из них твердо верить, но паче более склонны были к заключению, что все они едва ли не кругом и не около ли себя ходят и сами чего ищут и что говорят подлинно не знают. А из того впадали в извинительное сомнение, что истинного благополучия на свете нет или оно состоит не в том, в чем они утверждали, но в том, в чем большая часть смертных людей полагает и ищет.

Естли в тонкость и беспристрастно разобрать, то найдем, что причину помянутых погрешностей было наиболее: во-первых, удаление от натуры и недостаточное согласование мыслей своих с видимых распоряжением оной и нынешними ее обстоятельствами; во-вторых, недостаточное знание о внутренних происшествиях в душе нашей и о действиях сил ее и желаний и неприлагание о удобовозможном познании оного надлежащего старания. А от второго то, что глодали они по большей части одну скорлупу на орехе, а до ядра мало или вовсе не дотрагивались и чрез то мимо самой вещи ловили и рассматривали ее тень и по одной делали свои разбирательства.

Правда нельзя того сказать, чтоб новейшие веки не имели в том пред прежними несказанного преимущества. Науки, пробудившись от своего прежнего и столь долговременного сна и просветивши умы человеческие, научили уже их порядочнее мыслить и рассуждать, по чему мнение новейших философов и в рассуждении сей материи не только здравее и основательнее прежних, но гораздо уже обстоятельнее. Но как и сие про-

свещению не вдруг сделалось совершенно, а мало по малу приходило и приходит в совершенство, то не могло и в сии веки того миновать, чтоб некоторые не впадали хотя другого рода, однако в подобные тому же погрешности. К вникновению в сокровенную внутренность души нашей требовалось великого искусства, глубоких разумов и долговременных и прилежных примечаний и опытов. Ибо когда сия благородная часть существа нашего от глаз наших, так, например, как воздух и другие невидимые вещи, скрыта, то и не осталось другого средства, как наиприлежнейшим образом и в самую тонкость примечать ее видимые и приметные действия, предпринимать к объяснению иных вещей собственные опыты и потому уже делать как о существе, так о силах и свойствах оных свои заключения.

Но как не всякий имеет довольно охоты пуститься на столь великий и столь многих предосторожностей требующий подвиг и не всякий имел довольно в том терпения, то натурально и не могло сие познание иначе как весьма тихими стопами от времени до времени возрастать и увеличиваться и притом не быть со многими замешательствами сопряжено. А потому, чем прилежнее принялись стараться о познании души, тем основательнейшие рассуждения начали появляться в свете и о благополучии нашем.

Ныне третий уже век идет, как учинено было тому прямое начало, и во все сие время не было без людей, которые приводя прочие части наук в лучшее совершенство, между прочим и о приведении помянутого познания в лучшее совершенство прилагали свое старание. Успехи их были в том разные. Чем более наблюдаема была кем беспристрастность, тем лучший и успех тот в том получал. Наконец, середине нынешнего века предоставлено было тем в особенности прославиться. Некоторые люди имели особое счастье получить в том успех вожденный, и с сего времени попали мы на лучшую тропу, ведущую нас, так сказать, к окну, в которое мы несколько более в тайное сие святилище заглянуть и о внутренности его рассуждать можем. Потомки наши и последующие веки, может быть, будут еще нас в сем случае счастливее.

Между тем, должны мы довольствоваться тем, что имеем. И как самое сие сделало людей способнейшими уже и к основа-

тельнейшим рассуждениям об истинном благополучии и о средствах к достижению оного и показало им, так сказать, надежнейший и прямейший путь, к оному ведущий, то самое сие и побудило меня в пользу моих сограждан испытать силы свои в рассуждениях о столь великой и важной материи; тем наипаче, что новые сии открытия не так еще в свете знакомы, чтоб были всем ведомы, а того меньше в нашем любезном отечестве, где и прежние пред толь малым и коротким временем сделались известными.

Сие в состоянии уже приобрести мне извинение в том, что я отваживаюсь говорить о такой материи, о которой говорено было уже довольно в свете и такими людьми, пред которыми я себя не иначе как молокососом почитаю. Всем известно, коль многие на свете ученые люди приобрели себе тем бессмертную славу!.. Но Боже меня сохрани, чтобы я похотел оную у них похищать или их опорачивать. Слава их да останется всегда с ними и в своем цвете! Однако сие не мешает мне сказать, что и они были такие ж люди, как я и все мы, то есть способные к погрешностям. Источник сих погрешностей я изобразил и признаю, что они в том не виноваты, что иногда погрешали. Не они причиною тому были, что в их времена не более о душе знали, нежели ныне. Они сами, может быть, переменили б свои мнения, естли б жили в нынешнее время. Итак, я не иное что предпринимаю делать, как вкратце говорить о том, что они говорили, с той только разницей, что следовать буду не таким правилам, каким они следовали, но в основание всем рассуждениям своим положу помянутые учиненные вновь в душевных наших силах и свойствах оных открытия и примечания, которые им были неизвестны; и все сие единственно только на опыт и для того, дабы подать чрез то повод другим и разумнейшим людям к дальнейшим о сей материи размышлениям и побудить к приведению ее в лучшее совершенство.

Но как всякая новая вещь сопряжена с тем следствием, что бывает сначала темновата, естли не сказано будет несколько слов наперед об оной, то самое сие и принудило меня как сие Вступление рассуждениям моим предпослать, так несколько слов и об них читателю моему сказать в предуведомлении. В них находиться будут двоякого рода исследования. Во-первых, есть ли или нет истинное

благополучие в свете и может ли оно или не может человеком приобретать бы можно было. В обоих родах сих испытаний буду я следовать помянутым открытиям и правилам новейших философов. Известное отвращение, какое имеем мы обыкновенно к сочинениям великого пространства, и опасность, чтоб один вид величины книги не прогнал у многих охоту к прочтению оной, не дозволит мне входить в самую подробность и утверждать все предложения мои ясными доводами и тонкими философическими доказательствами; но принуждать станет стараться вмещать ее колько можно в теснейшие пределы. Я готов бы для сего согнуть все, так сказать, в колечко и сделать книгу мою такой малою, как хотел бы может быть читатель; но со всем тем предвижу, что все старания мои в сем случае будут бесплодны. Ибо хотя то и правда, что можно б все на коротких словах пересказать, но что будет оттого пользы? Не одни ли верхушки я принужден буду в сем случае схватывать и не дам ли я ядро ореха только на языке подержать, а вкус одного узнать отниму способы? Нет! К такому роду сочинений я не привычен, да и за самую излишность почитаю и трудиться в таковых. Я оставляю то другим, кто желает время и труды свои сим по пустому тратить, а сам не хочу людей, так сказать, только по губам мазать. Желание мое, напротив того, состоит в том, чтоб читателям моим подать обо всем столь ясное понятие, какое только мне без дальнего увеличения книги им подать можно, дабы сделать чрез то книгу свою для них сколь можно полезнейшею.

Для сих причин и прошу благосклонных читателей мне то отпустить, есть ли я в последующем не всегда держаться буду главного моего предмета, но входить иногда в некоторые посторонности. Важность и надобность иных вещей может быть станет меня к тому иногда по необходимости принуждать, а желание принести чрез то читателям вящую и существительнейшую пользу побуждать к таким предприятиям и посторонностям. Об одной из сих посторонностей я наперед уже вижу, что мне ее предпринять будет надобно, а именно, чтоб прежде приступления к предложению собственных средств и правил к удобнейшему приобретению благополучия предпослать несколько целых рассуждений, касающихся

ся вообще до существа наших желаний, до их свойств и до других касающихся до них примечания достойных обстоятельств, как, например, о природном оных состояний, о сделавшемся между ними замешательстве и повреждении, о произошедшем от того так называемом нравственном зле, о вредных от него следствиях и о генеральных правилах к удобнейшему истреблению и уменьшению оного и так далее. Не поскучайте ими, дорогой читатель! Но паче, прочтите их со вниманием, буде хотите прямо прочими рассуждениями моими пользоваться. Они суть камни, положенные в фундамент всему моему зданию, и знание об них будет вам не бесполезно. Вы найдете в них то, чего в других книгах не скоро найти можете, а сверх того они некоторым образом в состоянии будут наградить весь тот недостаток, который в сей книге находится будет и который принадлежит до самого подробного практического руководства, к которому, не входя в великое пространство, мне никоим образом приступить будет не можно. Ибо из помянутых рассуждений можете вы, буде пожелаете, сами уже после, как из некоего источника, почерпать заключения, что вам делать и как к чему сначала приступать надобно.

Но не одну сию пользу вы от них получите. Они правда хотя и не совсем тесно сопряжены с главным моим предметом, но по крайней мере к великому объяснению прочей материи служить будут, а сверх того получите вы чрез них хотя не полное, а некоторое уже понятие о самых тех новых открытиях, о которых и упоминал выше; следовательно, отчасти уже узнаете, что по исследованиям новейших философов о внутренности души нашей и свойствах ее сил известно. Одним словом, вы можете чрез то уже познакомиться уже несколько со своею душой, страстями, склонностями и желаниями и узнаете, что это в нас за звери, и как с ними нам лучше ладить и под свою власть приводить можно, и чрез то сделаетесь способнейшими к столь нужному, славному и похвальному самих себя обладанию; умалчивая о том, что без того и вся прочая материя будет вам темна и неудобопонятна, и вы, не зная сего, не можете прямо и оною пользоваться.

Вот все, о чем хотел я упомянуть в сем первом отделении моей книги. Теперь время приступить мне к самому делу.

РАССУЖДЕНИЕ I

О благополучии вообще и о искании оного

Всем нам то сродно, чтоб благополучие себе желать, и я не надеюсь, чтоб нашелся кто-нибудь на свете, который бы счастливым быть не хотел. Сие природное всем желание является в нас с самого младенчества и тогда еще, когда мы сами себя еще совершенно не познали, и продолжается до тех пор, покуда смерть глаза наши закроет. Какого бы звания кто ни был или в каких обстоятельствах ни находился, но ежели дела его рассмотреть, то найдется, что все они на желании благополучия основаны были. Одним словом, не погрешая сказать можно, что желание благополучия не только каждому человеку свойственно, но и знатнейшее пред всеми прочими желаниями есть.

Сие общее желание сродное себе и действие во всех производит. Ибо как каждое желание нас к удовлетворению себя понуждает, так равномерно и желание благополучия беспрестанно принуждает нас все свои силы и возможности к приобретению благополучия своего употреблять и всякий час о том стараться, почему и натурально каждый человек не только благополучия желает, но его и ищет.

По сим двум обстоятельствам казалось бы то бесспорно, что благополучию на свете быть и от многих сыскивану и приобретаемому быть надлежало. Ибо когда из опыта видим, что в каждом человеке желание к нему есть, то не должно ли заключать, что оно от великого Создателя нашего не втуне нам дано. Когда мы о сем высочайшем существе довольно знаем, что все дела его премудры и совершенны и ни одного из них напрасного и нестройного нет и быть не может, то лъзя ли нам подумать, чтоб он такое всеобщее и во всех наших делах наивеличайшее участие имеющее желание тщетно в нас вложил, и мы совершения оного напрасно ищем? Таковое мнение конечно бы незаконно и такое было, которое с свойствами великого нашего Зиждителя несогласно.

Но не должно ли по справедливости удивляться, когда толь великой истине мы, так сказать, противное видим? Не известно ли, что сколько мы благополучия своего усердно желаем и ищем, столько и жалуемся на то, что его нет, и мы никогда найти его не можем?

Ибо, хотя то и правда, что мы многих людей на свете счастливыми называем и совершенно благополучными их быть думаем, но может ли сие довольным почестся? Мы, как посторонние люди, по внешнему только виду и обстоятельствам так об них заключаем, но как мы всего скорей в таком случае обманутся можем, то сего конечно недостаточно. А надобно, чтоб они сами в том могли признаться и о себе то беспристрастно засвидетельствовать, но сего-то мы почти и не находим. Человек, какими бы преимуществами счастья одарен ни был и сколь бы много ни имел причины себя благополучным почитать, но никогда сего не сделает. Всегда ему чего-нибудь недостает, и он, благополучие свое несовершенным почитая, завсегда оно еще ищет. Спроси, кого хочешь или короче войди в самого себя и чистосердечно рассмотри, доволен ли ты совершенно своим состоянием, так всегда тому противное увидишь. Пойди в огромные палаты, которые ты благополучия обиталищем считаешь, и спроси там у самых тех, кои любимцами счастья быть кажутся, ты такой же ответ, как в самой мизерной хижине от беднейшего человека, получишь. А именно: что состояние их весьма еще не таково, каким ты его считаешь, и что к благополучию их еще многого недостает. Одним словом, кого бы ты ни спросил, все тоже тебе, буде не захотят сами себя обманывать, скажут. Не должно ли ж по сему противное первому положению и то заключать, что благополучия на свете нет, когда толь многие миллионы людей оное тщетно сыскать стараются?

Но от чего ж бы такое удивительное несогласие или лучше сказать противоречие делалось? И которой же стороны при толь сомнительных обстоятельствах наилучше держаться, когда первая неоспоримым доказательством, а вторая ежедневными опытами подтверждается? Какие меры в таком случае принимать, когда, следуя одной, согресишь пред Создателем, а следовать другой ежедневные опыты или, так сказать, собственные глаза наши нам запрещают?..

Для самого сего и был сей пункт всегда предметом многих трудов наичужнейшими и мудрыми людьми единственно для того предпринимаемых, чтоб какое-нибудь посредство тут сыскать. И вот что из всех их рассуждений и заключений выходило на конец. А именно:

Во-первых, что совершеннейшее благополучие есть и ему не быть не можно. Во-вторых, что оно совсем не в том состоит, в чем большая часть людей его полагает. В-третьих, что в самом совершенстве его в нынешней жизни получить нельзя, а только до некоторого знатного градуса или степени доводить можно, получение же совершенного предоставлено будущей жизни. А в-четвертых, на конец, что и помянутый градус с тем только условием приобрести можно, когда благополучие прямым и натуральным путем и надлежащими способами искано и приобретается будет.

По сему можно уже нам теперь на тот вопрос ответить, для чего люди благополучия не находят. Из вышеописанного следует уже само собою и каждому усмотреть можно, что они, во-первых, в мнении своем о благополучии обманываясь, не в том его полагают, в чем оно действительно состоит, а, во-вторых, не зная его, не той дорогою к нему идут и не теми средствами ищут, какими надлежало.

Как же по сему нам и дивиться тому, что они благополучия своего не находят, когда большая часть людей не только его собственно не знают, но и узнать никогда не стараясь, только принятому однажды мнению и склонностям своим следуют? Не самое ли то же представляют они, как следующий пример одного развратного человека столицу Государя своего с великим рачением ищущего?

Один человек вздумал бы, например, идти к Государю своему и просить себе от него награждения, которого он себя достойным признавал. Положим, что родился он и вырос в деревне и никогда того не слыхивал, где Государь живет и как тот город прозывается, а притом до глупости самолюбив и так упрям был, что не хотел ни у кого о том спросить, но обо всем довольное знание сам иметь надеялся. Он, отправившись в путь, пошел по первой дороге, которая ему попалась, и вышел на другую, которая была более первой. Тут он увидел он многих других людей, по той же дороге идущих, ибо она лежала к одному городу и была большая. Он, наслышавшись с младенчества, что Государь живет в городе, тотчас пошел по ней и с нетерпеливостью ожидал, когда к нему прибудет. Вскоре после того увидел он его и, обрадовавшись всею силою своею, поспешать в него начал. Наконец достиг он до сего города. Но как оной весьма еще не тот был, где Государь живет, то он втуне его тут найти ста-

рался. Однако, следуя своему упрямству, не хотел никого спросить, где бы ему Государя сыскать возможно было, а услышав только, что в несколько оттуда расстоянии другой и более сего город есть, заключал, что Государя для того только в сем городе нет, что он невелик, и думая, что он, конечно, в том большом городе живет, туда более путь свой продолжать начал. Хотя по упрямству своему он и ни у кого о дороге туда не спрашивал, а пошел по той, которая туда лежать ему казалась, но так случилось, что он не ошибся и чрез несколько времени благополучно туда прибыл. Однако он и тут Государя не сыскал. Ибо и сей город еще далеко от его резиденции отстоял. Со всем тем, хотя сей человек и увидел ошибку, однако, беспрестанно в своем упрямстве пребывая, оную исправить не хотел. Он, услышав, что в дальнем оттуда отстоянии есть город гораздо еще сего больше, туда идти положил, но выбирая опять сам дорогу, по несчастию совсем не по той пошел, которая туда лежала. Сия дорога, заводя его сперва в разные небольшие городки и местечки, села и деревни, которые он без всякого примечания проходил, наконец, в леса и непроходимые пустыни его завела. Тут принужден он был и голод и всякую нужду претерпевать, а временем от часу более заблуждаясь в такие места заходил, где от зверей и разбойников великой опасности подвержен был. Наконец, вышел он опять на дорогу и пришел в город. Но упрямство его и тем еще не переборолось, но он, опять о настоящей дороге не расспрашивая, на удачу путь свой продолжать начал, но чем далее он шел, тем более всяким бедствиям и опасностям подвергался и искомого места никак найти не мог. Часто принужден он был на дороге ночевать, часто, заходя в степи, по несколько дней пищи и питья лишаться, часто в руки разбойников попадаться, которые его с ног до головы ободрали. Многажды предпринимал уже он и назад возвращаться, но чрез то еще больше заблуждался. А сим образом из города в город переходя, всю свою жизнь в беспрестанном беспокойстве и во многих трудах и опасностях препроводя, до тех пор он сие дурачество свое продолжал, покуда силы его ему служить не перестали. Тогда не оставалось ему другого, как остаться на одном месте и, питаясь людскими подаяниями, о суетном своем предприятии и тщетных трудах, но уже поздно раскаиваться.

Не глупое ли сего человека было предприятие? И не смешно ли бы на него смотреть, когда бы он, например, сим образом скитаясь из Киева в Казань, из Казани в Тобольск, из Тобольска в Архангельский город, оттуда в Астрахань и так далее сумасбродствуя, ходил? Но сколь недостаточным делом сие не кажется и коль то не справедливо, что едва ли сему подобный глупец на свете сыщется. Однако, ежели сей пример к поступкам большей части людей сравнить, то почти самое то же, хотя в другом образе, мы найдем.

Ибо не истинное ли подобие тому, когда человек, не зная, в чем благополучие состоит и какими средствами приобретается, также, не спрося никого о том и не распровадав наперед об истинных способах, оное искать предпринимает? Не так же ли и принужден он будет заблуждаться и всеу труды свои употреблять, и не всему ли тому ж неминуемо, наконец, он себя подвергнуть будет должен. Ежедневные опыты доказывают нам сию истину, и один только пример, взятый из человеческой жизни, может нас в справедливости того удостоверить.

Возьмем только в пример благополучие свое в богатстве полагающего и ищущего человека и посмотрим, не то же ли самое станет он делать, как тот человек, о котором я выше говорил, и разумнее ли его он поступит. Нам только одни звания, да немногие обстоятельства переменить надобно. Вместо государя положим искомое благополучие, а город пускай будет богатство, в котором он его найти чает. Как тот сумасбродный человек для того только обстоятельно проведать не старался, где и в каком месте Государь его живет, что твердо в мнении своем удостоверен был, что он в большом городе живет, и он его без проводника сыскать сможет, так и сей для того осведомиться о том наперед не хочет, в чем истинное благополучие состоит, что бесомненно оное в богатстве полагает, и, в сем мнении пребывая, по примеру первую дорогу берет, которая только след к богатству показывает. Путешествие с сопряженными при том трудами и беспокойствами того сравним, например, с теми трудами и беспокойствами, которые сей человек при снискании себе богатства необходимо иметь должен. Всякому известно, что оно нам даром не достается, и коль многих трудов и беспокойств оно нам стоит. Но станем дальше продолжать. Как тот,

пришед, наконец, в город, Царя в нем не нашел и путь свой далее в другой и больший город продолжать начал, так и сей то же самое сделает. Вместо первого того и небольшого города, пускай не весьма великое богатство будет. Не так же ли и он, как тот, обрадуется, его увидев, и не почтет ли себя уже при конце пути своего, когда к оному приблизится и вступит? Но долго ли сие мнимое его благополучие продлиться, и что выльется, наконец? Не так же ли и он, как тот, чрез короткое время себя обманувшимся почтет и потом о продолжении пути своего помышлять станет? Каждому известно, что мы малым богатством недовольны, и как скоро его в некотором градусе получим, так еще множайшего возжелаем. Не точное ли подобие тому, что, как тот Царя в том городе не нашел, так сей благополучия в малом богатстве не нашел, оного гораздо в величайшем искать похочет. Вот оба они и до большого города доходят и оба, опять обманувшись, желаемого не находят. Вящее богатство нас только к величайшему побуждает, а удовольствовать, конечно, не в состоянии. Что иное остается тогда, как следовать стремлению сему? Однако обстоятельства могут перемениться, и дорога столь же бедственна быть может, как тому была злополучна. Вместо того, что тот не той дорогою пошел, положим, что сей также заблудился и неприметно такие средства к получению богатства употреблять начал, которые не правы и законам противны. Не заведет ли сей путь и сего в дебри и пустыни преужасные? Не будет ли и он также многим опасностям подвержен? Не так же ли и он многие ночи не спать, по несколько дней не пить, не есть и во многие беды и напасти впадать и от них с великою иногда нуждой избавляться станет? И не можно ли также сказать, что как тот весьма глупо сделал, что, приметив заблуждение свое, не воротился, так и сей не разумнее был, когда зная, что неправые средства всегда зло за собой приносят, а несмотря на то на них отважился, и уже очевидно бедствия видя, на путь правый возвратиться не помышлял? Да хотя бы сии заблуждения и не с правыми средствами сравнить, то случающиеся нам нечаянные убытки, незапные помешательства намерениям и разрушение замыслов наших и рождающиеся от того печали, досады и прочих родов душевные прискорбия, не те же ли самые пустыни, леса и пропасти непроходимые? Не видим ли мы многих

людей от таких ударов во гроб или от великой печали в совершенное отчаяние себя ввергающих? А сколько здоровья чрез то теряется, я уже и не упоминаю. Не то же ли самое сие как утопать, в руки разбойников впадать и всего последнего спокойствия своего лишаться? И не так же ли и при сем случае многие сна, пищи и питья по несколько дней лишаются? Не воздыхают ли иногда о прежнем состоянии своем и не желают ли, но уже поздно, чтоб они никогда столь опасного пути не предпринимали?

Сколь согласно было путешествие сих двух человек с начала и по сие время, так и продолжение и конец не может быть различен. Как тот всю жизнь при беспрестанных трудах, беспокойствах и опасностях, скитаясь сим образом понапрасну, препроводит и, наконец, все силы свои истощив, в каком-нибудь отдаленном угле жить и, нужнейшим образом потеряв все, питаться станет, либо в сих путешествиях и жизнь свою окончит, будучи либо зверьми растерзан, либо разбойниками убит, либо водою потоплен, так и сей, либо всю жизнь свою с беспрестанными заботами, печальями и беспокойствами препровождая, втуне благополучия своего искать, станет, или также, будучи каким-нибудь несчастным ударом поражен, жизни своей лишится. А хотя бы и всего того не случилось, и он бы величайшее богатство на свете получил, то и с тем желаемого бы благополучия не нашел, ибо сопряженные с великими богатствами тысячные беспокойства, всегдашние заботы, хлопоты и печали конечно не таковы, чтоб человека благополучным быть допустили.

Итак, не может ли нас один сей пример в справедливости положения моего удостоверить? Но каков согласен сей пример с путешествием того сумасбродного человека, таковы согласны и все прочие. При искании благополучия в чести, славе, больших чинах и в роскоши то же самое произойдет, как от искания его в богатстве.

Но как большая часть людей единственно в сих вещах благополучие полагают и ищут, то может ли что иное последовать как то, что они никогда его не находят. Они до тех пор его не сыщут, куда прямою дорогою не пойдут и в том его искать не станут, в чем натура ему быть определила. Сколько б кто не презирал сии столь многократно уже повторяемые слова, но всегда на том останется,

что натура не переменится, и порядок ее для упрямства их не переделается.

Таким образом, из всего вышеписанного следует само собою то, что человеку прежде всего прямое о благополучии понятие получить надобно, а потом уже приступать к своему путешествию и оное приобретать начинать. Рассмотрим же теперь, в чем бы таком сие благополучие состояло.

РАССУЖДЕНИЕ II

О том, в чем бы собственно состояло благополучие человеческое?

Всякое положение бывает тем основательнее, чем больше утвердится доказательствами и очевидными доводами. Сии доказательства, а особливо когда они ясны и удобопонятны, могут нас скорее и лучше уверить, нежели тысяча уверений, в пустых словах состоящих. Человек уже от природы таков, что одним уверением никогда не доволен и прежде не уверится совершенно ни в чем, пока сам того не узнает, почему бы именно то так, а не иначе было. Чего ради и мне по сему поступить теперь следует. Я бы мог без дальних исследований сказать, в чем наше благополучие состоит, но для помянутой причины того делать не хочу. Многие словам моим не поверят, как бы я их в том ни уверял, а особливо когда они не согласны с их мнением будут. Я пойду лучше другою дорогою и, вникая несколько глубже в обстоятельства, принадлежащие до благополучия, заставлю их самих то усматривать и ту истину из них извлекать, которую я утвердить стараюсь. Сами они пускай будут толь великой вещи решителями!

Рассмотрим же теперь, какие именно те вещи суть, в которых мы обыкновенно благополучие полагаем, и разберем все случающиеся притом обстоятельства подробно. Но прежде, нежели мы далее пойдем, надобно наперед нам о значении слова благополучия согласиться, дабы после от разного разумения никакого не согласия не произошло. Я разумею под сим словом самое то, что просто, хотя неправильно, счастливым состоянием, а от ученых верховнейшим или высочайшим благом, или просто блаженством называется. Или, яснее сказать, самую лучшую вещь, которой человек в своей

жизни желает и которая для него, по мнению его, действительно лучше. Мне кажется, что никто в том спорить не станет, что сия вещь — не иное что, как благополучие наше, ибо возжелал ли б человек чего иного, когда бы только он совершенно благополучным был, и благополучие — не цель ли всех наших желаний есть?

Следуя сему значению, станем же теперь рассматривать, какую вещь мы всего лучше на свете почитаем? Я не буду к мнению одних ученых людей привязываться, но стану вообще и обо всех людях говорить. Но какое удивительное не согласие увидим мы при сем случае? Благополучия хотя все до одного желают, но в мнении своем об нем весьма много друг от друга отходят и не согласны. Ежели мне различные мнения одних древних ученых и славных мужей описывать, то конца бы не нашел. Блаженный Августин, учитель западной церкви упоминает, что в тогдашние времена больше трехсот таких различных мнений о верховнейшем благе было. Крат искал высочайшего блага в счастливом мореплавании, Симонид — в дружестве, Архип — в выигрыше баталий, Эпикур — в роскоши, Антисфен — в славе после смерти, Фемистокл — в знатности рода и в прочем тому подобном¹. Но все сии их мнения более в удивление нас привести, нежели к сему моему намерению служить нам могут. Обратимся лучше к самим себе и ко всему человеческому обществу.

Тут мы, хотя не столь великое, однако довольное уже несогласие найдем. Один почитает благополучием своим то, а другой совсем иное. Адриан, например, ничего бы более не хотел, как богатым быть. В великом стяжании полагает он все благополучие свое и того только желает. Ему кажется, что когда бы только он богат был, то бы ничего другого не потребовал и состоянием своим доволен был. Бетулий всего лучше великолепный дом, множество служителей и великие деревни почитает. Вафрон того бы только хотел, чтоб в богатом платье ходить и в великолепном экипаже ездить. Гулоз, напротив того, разумнее их и желает, чтоб он только в бедности не находился и никакой нужды не претерпевал. Дамон счастливым бы себя почел, когда бы имел детей и наследников по себе. Эраст — когда бы никогда и никакой печали не имел. Ипполит — когда бы всегда здоров был.

Напротив того, Клеон имеет героический дух и желает только в славе находится. Приобретение славного имени наилучшим ему благополучием кажется, и он всего паче того и желает. Леодин устремляет все желание свое к тому, чтоб только в знатном достоинстве находиться и многими другими повелевать. Максим о том только помышляет, чтоб все почитали его. Неолид — чтоб быть в состоянии неприятелям своим отомстить, и прочее тому подобное.

Наконец, Оронт покойную и роскошную жизнь только любит и потому единственно то за благополучие себе почитает, чтоб всегда хорошее кушанье и питье иметь. Полиевкт желает только множество друзей и с ними веселую по своему нраву компанию иметь. Симилий доволен бы был, когда бы ни до чего дела иметь он не мог, но всю жизнь свою в лени и праздности препроводить мог. А Трифон, наконец, благополучия своего в любострастии и в веселом обхождении с женским полом ищет.

Вот какая различность в мнениях и желаниях человеческих, и каждый со мной согласится, что не только сие, но еще вящее различие между человеческими желаниями найдется. Но отчего бы все сие происходило? Ученые приводят в доказательство тому разные темпераменты или свойства натуры человеческой и по различности оных им более склонности к одним нежели к другим вещам приписывают. Имеет ли сие мнение основание свое или нет, я этого разбирать не хочу, да и к намерению моему не принадлежит. Мы обратимся опять к благополучию человеческому.

При столь различных мнениях о вещах, благополучие составляющих, необходимо нам опять затруднение явится, а именно, избрание из них, которое бы наиважнейшее было? Хотя все их некоторым образом и можно в три пункта соединить, а именно, в желание богатства, во-вторых, чести, а наконец, роскошной и сластолюбивой жизни, но которое из сих трех благополучие наше составит, то едва ли определить возможно. Но чтоб речь сию не распространить, положим на примере, чтоб во всех сих вещах совокупно человеческое благополучие полагалось, и человек тогда бы благополучен был, естли б и великую честь, и богатство, и все удобства к препровождению роскошной и веселой жизни имел.

Но хотя мы разные желания людей сим образом и согласили, однако сего еще не довольно. Нам должно еще рассмотреть, твердо ли сие положение и может ли оно с прочими нашими обстоятельствами согласоваться? И для того спрошу: таково ли сие благополучие, чтоб всякому человеку его получить возможно было? Может ли всякий человек или по крайней мере большая часть людей до того достигнуть, чтоб они в таком высоком градусе и честь, и богатство, и все средства к роскошной жизни имели, чтоб никакого преумножения сему своему мнимому благополучию не желали?

Верно могу надеяться, что все противное тому в ответ мне скажут. А когда это быть не может? Когда всем человекам до всего выше упомянутого достигнуть невозможно, когда нельзя им всем и знатным и богатым быть и роскоши в высочайшем градусе наслаждаться, когда сие, говорю, нестаточное дело, то самое сие неосновательность сего пожелания нам доказывает. Человечи все имеют единоравное к благополучию своему стремление. Они все его желают. Им всем и получить его должно! Не следует ли из сего само собою, что и вещам, в которых благополучию состоять, таким же быть надлежит, которые бы всякому человеку приобрести возможно было?

Таким образом, хотя и втуне, но принужден противное многим сказать, что благополучие, конечно, в богатстве, чести и роскоши не состоит и состоять не может. Что делать, когда мы натуры переменить не можем, и она останется всегда такою, какою однажды устроена! Со всем тем знаю, что многие сим доказательством будут недовольны и мысли свои, конечно, не переменят. Богатство и честь с роскоши всегда высочайшими благами пребудут и не смотря на все представления и доказательства единым средством к благополучию почитаться будут. Что делать, когда мы столь упрямы, что насильно хотим черное признавать белым, хотя бы нас собственные наши глаза о противном уверяли?

Однако, чтоб не совсем опечалить богатство и честь обожающих, то надобно признаться, что хотя сии вещи благополучия нашего и не составляют, однако совсем ненужными почестся не могут. Всякая вещь может в пользу нам служить, когда только правильным образом

употребится. Но мое намерение не в том состоит, чтоб о том теперь говорить. Мне надобно продолжать прежнюю материю мою.

Когда сим образом благополучие не в богатстве, не в чести и не в роскошах состоит, то по крайней мере в чем-нибудь ином ему состоять надобно. Рассмотрим же для того несколько ближе желания наши и обстоятельства, которые до них касаются. Может быть, найдем мы нить, по которой до клубка добраться можем, или след, путь к благополучию показующий.

Нам надобно, во-первых, рассмотреть, для чего бы именно мы всех вышеупомянутых вещей желали? Или что бы такое то собственно было, чего мы при получении того себе ожидаем? Я, разбирая обстоятельства сих желаний, нахожу, что каковы они с наружного виду сами собою и ни различны, но конец² или предмет всех их едва ли не один, а именно веселие³. Многим покажется сие невразумительно, и для того не обходимо мне сие объяснить надобно. Итак, возьмем в пример человека, желающего богатства, и вникнем несколько ближе в обстоятельства желаний его.

Адриан желает богатства и почитает в нем благополучие свое. Но не для того ли он его желает, что, получив оное, надеется в состоянии быть множество желаний своих удовлетворить, которые в нем есть, и кои удовлетворить он не в состоянии будучи, некоторый род внутреннего неудовольствия и досады оттого терпит, а от сего исполнения желаний своих не веселия ли одного он желает, которое тогда получить от того может? Например: он, будучи небогат, принужден многие недостатки претерпевать. И дом у него не таков, какого бы, например, он себе желал, и платье хуже людского, и слуг, лошадей и другого ничего нет. Он видит ежедневно, как другие знакомцы его живут, как достаточнее его, как все надобное имеют и ни в чем нужды не претерпевают. Он рад бы им всем сердцем своим последовать, но недостаток не позволяет ему сего. Доходы малы, денег нет, с нуждою их необходимое достает. Все сие досаждало ему и его беспокоит. Он завидует богатым, называет их благополучными, а себя несчастным, желает быть таким же, как они, и все то иметь, что они имеют, а все сие ни чрез что иное получить чает, как чрез одно только богатство. Но для чего он всего того с такою нетерпеливостью желает? Не для того ли, что

через то веселее жить надеется? И не одно ли веселие, ожидаемое от исполнения множества удовлетворения требующих желаний, есть конец всех помышлений его?.. Чувствуемое при одном воображении сего желанного богатства увеселение его свидетельствует нам о справедливости сего заключения... Посмотрите только, какую предварительную радостью наполняется его сердце, когда он, воображая только богатство, сам с собою, например, говорит. Ну! Когда бы я таков богат был? Ну! Когда бы у меня столько-то и столько тысяч было? А!.. Чтобы тогда такое было! Я бы был благополучнейший человек в свете и мог бы тем веселиться, чем бы только вздумал. Не играет ли и не прыгает ли уже наперед его сердце от радости! А радость сия не свидетельствует ли о истине моего предложения?

Не для того ли Дамон детей и наследников себе иметь желает, что ими веселиться надеется? Радость при одном воображении сияет из глаз его, и он, ничего не получив, веселится уже, помышляя, каковы бы дети его были хороши, как бы мог ими повелевать и какое бы увеселение при старости они ему делали. Какое же веселие, в самом деле, иметь он уповает, когда одно напоминание так много его веселит? И не сие ли одно веселие предметом всего безмерного его желания есть?

Сим образом разбирая, и при всех прочих случаях тоже самое найдем. Славы ль, чести, высокого ли достоинства, роскошной ли жизни, хорошего ли дома или прочего того подобного кто бы желал, но когда все сии желания раздробить, то в самом своем основании будут они все одинаковы. Изо всех выльется, наконец, веселие, и веселия одного все чрез получение оных вещей ищут.

Сие открытие будет действительно нам служить на путь к благополучию выходящим. Ибо когда мы теперь знаем, что одно веселие и радость есть та вещь, которой все люди генерально желают и ищут, то нетрудно уже нам, следуя сим путем, и до прямого благополучия добраться, и о существе оного правильное заключение сделать. Не доказывают ли выше объявленные обстоятельства, что нам его не в вещественных вещах, но собственно в душевном состоянии искать надобно? Не следует ли из них, что не богатство собственно собою и честь с прочими вещами нас

благополучными сделать могут, но те многие увеселения, которые мы притом иметь будем? Ибо возьмем только в пример следующее: одному человеку давали б великие сокровища, но только с тем, чтоб он до них не касался, а довольствовался бы только тем, что они его. Станет ли сей человек за благополучие свое сии великие сокровища почитать? Мне кажется, что он, конечно, от них откажется, ибо довольно знает, что они ему ни малого увеселения, ни принесут, когда употребление оных не в его власти состоять будет. Не очевидно ли сие доказательство, что он благополучие не собственно в богатствах, но в сопряженных с оным увеселениях ищет. И не то же ли выйдет, наконец, что не вещественные вещи сами собой, как то: сокровища, дома, дети, честь, пища и питье и прочие тому подобные вещи, а только одно душевное состояние, как то веселие благополучие человеческое составляет.

Но сего еще не довольно. Нам надобно далее сим путем идти и прочие обстоятельства рассматривать. Мы нашли, что благополучие наше одно веселие составляет и что богатства, чести и роскошей для того желаем, что они множество увеселений принести могут. Но как в свете много есть богатых и славных и во всех роскошах жизнь свою препровождающих, которые чрез то многие увеселения иметь могут, то явится опять вопрос, для чего ж бы они себя благополучными быть не почитали? Для чего ж бы жаловались еще, что они недовольны и что, не смотря на то, к благополучию многого им еще не достает. Я другого не нахожу, кроме того, что, конечно, веселие их, не смотря на все сии полученные вещи, не совершенно, что, конечно, при всем том многие помешательства веселиям своим они имеют, и чрез то скуки, досады, прискорбия и неудовольствия чувствуют. А сие, в самом деле, и справедливо, и нас самое сие и обманывает, когда мы их благополучными почитаем. Нам кажется, что когда они богаты, велики и славны и все преимущества света сего имеют, то уже могут делать все, что хотят, и никакого недостатка в увеселениях своих иметь не могут, но в том-то мы ужасно и обманываемся. Они при всех своих выгодах и несмотря на все мнимые увеселения, тысячи всегда имеют неудовольствий. То одно, то другое всегда их дух тревожит и беспокойство, наводя в порядке увеселений

ежечасное помешательство, делает, а чрез то уменьшается цена увеселений их, и все сладости оных как желчью огорчаются. Не самая ли причина есть, для которой они благополучия своего чувствовать не могут?

Что ж следует из сего иное, как не сие, что благополучию человеческого в таком веселии состоять надлежит, которое бы всегда непрерывно, твердо и такое было, чтоб никакие помешательства ему не мешали. Оно действительно в том и состоит и в том всегда полагаемо быть должно. Ибо принять только в рассуждение. Не почитет ли всякий за истинное и совершенное себе благополучие, когда бы он всегда весел, всегда в радости и никакой скуки, печали и неудовольствия не имел и иметь бы не опасался? Может ли что-нибудь прелестнее и драгоценнее такого состояния быть, и не достойно ли оно именем истинного и совершенного благополучия называется.

Но, где же нам (скажут на сие многие) такого совершенного благополучия искать? В каких вещах можно такое непрерывное и целое веселие найти, которое бы никакого помешательства никогда не имело? Поистине (скажут они далее), сие невозможное дело, и сами теперь мы скажем, что не только богатство, честь и роскошь, но ничто на свете нам сего приобрести не может. Мы рождены уже так, что вся наша жизнь непрерывною цепью печалей и досад назваться может. Не успеем мы родиться, как знак чувствуемого неудовольствия уже слезами и криком своим изъясняем. А в продолжении жизни нашей не каждый ли день мы множество в скуку, неудовольствие и печаль нас приводящих вещей и случаев над собой видим. Можно ли когда-нибудь от того освободиться, и не доказывает ли сие, что такого совершенного благополучия никому на свете получить не возможно?

Все сие весьма справедливо, и против правды спорить никому не можно. Однако можно мне на то сказать, что я еще не говорил того, чтоб такое совершенное благополучие в нынешнюю жизнь на свете получить кому возможно было, а утверждал только, что истинному благополучию ни в чем, как в таком непрерывном веселии, состоять должно. А тоже и теперь еще говорю, и мнение сие защищая, на все возражения отвечать готов, какие бы не вздумал мне кто делать.

Есть ли кто вздумает, собственным моим оружием, меня преоборая, представить, что сие с собственными моими словами согласоваться не может, и напомнить, что я выше сего сам утверждал, что когда все люди имеют врожденное в себе желание к благополучию, так ему такому и быть надобно, чтоб всем его получить возможно было, то я на сие возражение, которое по справедливости наивеличайшим почестся может, следующее отвечаю:

Все сие положению моему нимало не мешает. Ибо хотя и то правда, что никому в сей жизни такого благополучия получить не возможно, но может ли кто достоверно утвердить, что жизнь человеческая не далее сего временного света продолжается? Войдет ли кто из имеющих здравый рассудок в такое дурачество, чтоб с окончанием сей жизни и совершенное окончание всего нашего существа полагать. Поистине, сие самое неразумнейшее и всему здравому разуму противное и такое мнение будет, которое только страстями из преисполненного сердца проистекать может. Все прочие довольно знают, что нам другая и гораздо совершеннейшая и такая жизнь предстоит, которая конца иметь не будет. Все мы в том бессомненно и наитвердейшими доказательствами удостоверены. А хотя бы кто и всему тому не веря, противное тому заключать захотел, то самое же то, чем он меня преодолеть думает, и самое то врожденное во всех стремление к благополучию может ему доказательством служить, а именно, когда мы видим, что во всех людях, не выключая ни одного человека, неутошимое желание жить и благополучным быть врождено, а беспрестанно жить и совершенное благополучие получить в сем свете никак не можно, и потому сие желание тщетное быть кажется. Богу же, как всесовершеннейшему существу, ничего втуне и напрасного сделать никак не возможно, а желания сии никем иным, как им в нас вложены, и потому тщетными и неисполненными быть никак не могут, то не само ли собою из сего следует, что мы, конечно, не для одной нынешней жизни произведены, но что нам бессомненно другая и такая жизнь назначена, в которой бы мы все то получить могли, чего в нынешней жизни получить не можем. А именно, беспрестанно жить и совершенным благополучием наслаждаться.

Вот короткое доказательство бессмертия души нашей, и притом такое, которое отвергнуто быть не может.

Таким образом, можем мы из всех вышеупомянутых обстоятельств следующие истины извлечь и усмотреть. Во-первых, что истинное благополучие не от богатства, не от чести, не от роскошей и не от прочих вещественных вещей собственно зависит... Во-вторых, что оно единственно в веселии, происходящем от исполнения наших желаний, состоит. В-третьих, что сему веселию непрерывному и непоколебимому быть надобно, ежели ему совершенное благополучие составлять. В-четвертых, что такого веселия нам в нынешней жизни приобрести никак не можно. А в-пятых, что такое счастливое состояние человек только в будущей жизни получить и оно надеяться может.

Знаю, что многие, при сем некоторое неудовольствие почувствуя, скажут: по сему-де нам в нынешнюю жизнь никакого благополучия ожидать и искать не можно. Но сим в утешение следующее служить может.

Всеблагий Создатель, созидавая нас для великих намерений и между прочими назначивая к бесконечной и блаженнейшей жизни, а для особливых своих судеб наперед на сию кратковременную жизнь нас определяя, конечно, не был столь жестокосерд, чтоб нас на одну только бедность и всегдашнюю печаль и скуку и несчастную жизнь осудить. Нет! Сие несогласно было бы с его бесконечными совершенствами, и нам сего, конечно, приписать ему никак не можно. Правда, хотя так уже сделалось, что мы чрез преступление свое всему тому неминуемо себя подвергли и маловременную сию жизнь многогорестною и несчастною для себя сделали; однако великий сей производитель на все то не смотря, по человеколюбию своему все средства к тому употребить не преминул, чтоб все оные прискорбия, печали и труды наши, по крайней мере, сделать нам сносными и их некоторым образом усладить. Чего ради не вовсе лишены мы всего благополучия, но всеблагий Зиждитель, еще далее поступив, нас в такое состояние привел, что мы до знатной степени благополучия достигнуть можем, так что хотя мы совершенного благополучия получить ныне не можем, однако чрез употребление старания своего и пра-

вильных средств себя уже до того довести можем, что оным в высоком градусе наслаждаться и чрез то предвкушение будущего блаженства иметь можем.

Сия да будет шестая и самая та истина, которая к теперешнему моему намерению наиглавнейше принадлежит и собственно до нынешнего благополучия касается, а именно: что хотя в нынешнюю жизнь благополучия совершенного получить и нельзя, однако можно нам оное в знатном градусе иметь. Или яснее сие предложение изображая: хотя нам такого веселия надеяться нельзя, которое бы беспрерывно и непоколебимо было, однако оное до знатного совершенства и до того довести можно, чтоб оно большую часть нашего нынешнего времени и жизни занимало.

Вот краткое исследование, в чем состоит существо благополучия нынешней жизни! Теперь пойдем далее и посмотрим, великий ли успех мы в том, и под каким условием иметь, и до сколь великого градуса мы оное довести можем. Последующее рассуждение сделает сему пункту некоторое объяснение.

РАССУЖДЕНИЕ III

О разных степенях благополучия человеческого

Когда уже нет никакой возможности, чтоб человек в нынешнюю кратковременную жизнь мог приобрести истинное и совершенное себе благополучие, и когда истинна сия довольно доказана и так очевидна, что не остается в том никакого сомнения, то не самая ли была бы глупость, если бы кто захотел себя тем ласкать и стал бы искать невозможного и, так сказать, усиленно против рожна переть. Но не должно ли по справедливости в сем случае довольствоваться тем участком оною, какой нам снискать можно и к приобретению которого по милости человеколюбивого нашего Создателя не лишены мы еще способов. Когда нет у нас столько достатка, чтоб построить себе огромный и всеми спокойностями снабженный каменный дом, то не самая ли неволя велит довольствоваться уже и деревянным и таким, какой построить находимся мы в силах. Не лучше ли иметь, по крайней мере, какой-нибудь дом, нежели не иметь никакого, и жить без всякого покрова и быть подвержену

всем суровостям погод, как то: зною, дождю, ветру, стуже, морозу, метелям и прочему тому подобному. Не рады ли мы в таком случае не только дому, но и беднейшей хижине или самому шалашу, могущему нас хоть несколько укрыть от помянутого беспокойства? А равно так и с благополучием нашим. Сие сравнение очень прилично оному. Каменным огромным домом можно почесть совершенное благополучие, а разного рода прочее строение — разные возможные степени оною; суровости же воздуха и погод — разные печали и несчастья жизнь нашу огорчающие. Все сие я для того говорил, чтоб тем доказать, что как между оными строениями есть великая разница, и одни имеют гораздо более спокойностей, нежели другие, и шалаш, например, хотя может нас укрыть от дождя, ненастья и прочих суровостей погод, но не так хорошо, как землянка, а сия не — таково хорошо, как хижина, а сия — не так, как порядочная, хотя черная изба, а пред сею порядочный деревянный дом несравненное имеет уже преимущество; так точно и того благополучия, которое мы здесь найти можем, могут быть разные степени, из которых одна может быть совершеннее другой, а та — третьей и так далее. Все зависит от того, какой род здания для укрывательства от непогод и с какими предосторожностями мы себе соорудить пожелаем и сколько трудов к тому приложим. Похотим когда мы, не хотя поднять дальних трудов, довольствоваться бедным шалашом, шалаш мы и иметь будем и с ним тот градус спокойства, какой ему свойствен, но в сем случае не для чего и пенять, что много еще зла и беспокойства мы иметь будем, от которых шалаш укрыть нас будет еще не в состоянии; умалчивая о том, что прочность сего рода строения очень мала и кратковременна, так равно и приобретенный им покой подвержен будет скорому и частому уничтожению и подрыву. Хижина требует уже множайших трудов для построения, но зато может и нас уже более укрыть от суровости погод и подолее простоять без повреждения. Для построения порядочной избы требуется трудов еще более, но зато можем мы уже в ней от всех суровостей погод надежнее укрыться, и недостаток будет только тот, что простое состояние сего рода строения не может снабдить нас всеми спокойствиями, порядочному и совершенному дому свойственными. С простою избой много сопряжено еще обстоятельств,

которые нас беспокоить могут. Наконец, порядочный деревянный дом может уже наградить и сей недостаток и нас не только от всех суровостей погод защитить, но и внутри себя приобрести нам все желаемые спокойства, но зато не гораздо ли больше и трудов для построения оного потребно.

Сие есть истинное подобие разным степеням благополучия, которое мы в сей жизни снискивать и приобретать можем. Как при всех оных строениях, все зависит от меры прилагаемых трудов, стараний и хорошего во всем распоряжения, а даром и без трудов ничего не достается; так и при искании благополучия, величина и совершенство оного будет согласовываться с употребленными к тому нашими трудами и стараниями; и как и в рассуждении строения, вся прочность, красота и спокойность оного зависит от надлежащего выбора материалов, сделання хорошего фундамента, употребления при строении всех предосторожностей и наблюдения приличных к тому правил; так и прочность и совершенство нашего благополучия зависеть будет от выбора истинных, а не ложных средств, от положения наперед хорошего фундамента, надлежащего распоряжения наших дел и предприятий и наблюдения пристойных притом правил и осторожностей. Наконец, как всякое деревянное строение подвержено может быть со временем многим несчастным приключениям, могущим его либо повредить, либо разрушить до основания, так равно и снисканная всякая степень благополучия в нынешней жизни не освобождена от таких же бедствий, могущих его очень скоро повредить или разрушить до основания и чрез то ввергнуть нас опять в прежнее беспокойное состояние. И как помянутые повреждения строению от двояких причин произойти могут, то есть либо от собственного нашего небрежения и неупотребления всегда надобных починок и осторожностей, либо от посторонних и совсем неотвратимых причин, как например, от вихрей и пожаров, так равно и здание благополучия нашего от двояких причин может претерпевать бедствия, из которых одним мы собственно сами, а другим посторонние и неотвратимые случаи могут быть причиною.

Теперь было бы слишком пространно, если б захотел я далее в сие сравнение углубляться и сравнивать все частные случаи и об-

стоятельства, касающиеся до вещественного строения, с таковыми же частными обстоятельствами душевного и невещественного здания нашего благополучия. Довольно, когда вообще скажу, что все обстоятельства одного ни с чем лучше сравнены быть не могут, как с обстоятельствами деревянного разных родов строения. И сего уже довольно к изъяснению того, что всякому о разных степенях того благополучия заключать должно, которое нам в сей жизни приобрести можно.

Итак, не трудно уже будет всякому заключить, что степени благополучия не можно быть никак одной и одинакой, но необходимо надобно быть им разным. Тот же пример и сравнение может нам сие наияснейшим образом доказать. Ибо, как не все на свете люди могут одинакой доброты здания себе воздвигать, так не все и до одинакой степени благополучия себя доводить. Как многие ни сил, ни достатка, ни знания, ни потребной охоты к сооружению себе хорошего и всеми спокойностями снабденного дому иметь не могут, но один всегда иметь будет многие пред другими в том выгоды и преимущества, так равно многие и к приобретению знатной степени благополучия не всегда могут иметь все потребные к тому знания, охоту и трудолюбие. А из сего не следует ли само собою, что из людей ленивые и мало о себе радящие завсегда будут жить когда не на дворе и без всякого покрова, так, по крайней мере, в малых и негодных хижинах, а рачительные и прилежные в хороших и покойных домах будут покоем наслаждаться.

Однако для всего вышеупомянутого не должно ж всякому отчаиваться и не иметь надежды соорудить себе когда-нибудь дом довольно покойный или приобрести довольно уже знаменитую степень благополучия. Утешением для сих может служить то, что при искании благополучия все не от достатка и богатства, как при строении, но более от охоты и старания зависит; следовательно, в случае худого успеха по большей части всякий сам себе всю вину приписывать должен. При сем невещественном строении материалы все уже готовы и не надобно их ни купить, ни с трудом доставать, ни издалека привозить; но мы носим их все с собою и потребна только охота к употреблению оных и знание к выбору лучших и прочнейших. Благий Создатель наш, толь милосерд был к роду

человеческому, что не только не отнял ни у кого способов к приобретению довольно уже знаменитой степени временного благополучия или к построению довольно уже покойного дому, но преподавал к тому все желаемые средства и дал полное и ясное наставление. Итак, кто ж тогда виноват будет, когда не похотим мы последовать предписаниям сего премудрого Архитектора, но, следуя более глупому своему разуму и развращенным стремлениям сердца, будем прямо идти на супротив и дома свои не из пристойных и твердых материалов строить, а по мнимому своему благоусмотрению употреблять к тому такие материалы, которые всего меньше приличны к такому строению, как, например, лед, снег, солому и маленькие палочки. Можно ли из всего того сгородить большой, крепкий и прочный дом? И есть ли смешнее того, кто б хотел такого роду дом громоздить себе на тонком льду или на самой воде? Со всем тем, если бы в тонкости разобрать, то многие сим образом дом благополучия своего не только сродят, но досадуют еще и слышать не хотят, если бы кто суетность их изобличать и лучшие средства предлагать им станет.

Но время уже мне сию аллегория оставить и, говоря яснее, приступить к моему намерению и изъяснить, в чем бы собственно сии разные степени благополучия состояли, дабы можно было всякому иметь яснейшее о том понятие.

Мне можно все сие на трех почти словах изобразить. Ибо как по исследованию нашему истинное и совершенное благополучие ни в чем ином, как в непрерывном и таком веселии состоит, которое бы не пресекаемо было никакими печалью и неудовольствиями, и до какого нам в нынешнюю жизнь достигнуть нет возможности, то не следует ли само собою, что собственные части благополучия суть веселия, а недостатки или несовершенства и помешательства оно — печали и неудовольствия? Следовательно, и то благополучие, которое человеку в нынешнюю жизнь приобрести можно, не в ином, как в такой жизни состоять может, в которой, с одной стороны, наслаждался бы он сколько можно множайшими веселиями, а с другой, сколько можно более освобожден был от всяких неудовольствий, как то: скуке, досады, уныния, горести и печали и прочих тому подобных неприятных чувств? А из сего не легко ли

всякому заключить можно, что разные степени земного благополучия единственно в разном количестве помянутых веселий и претерпеваемых неудовольствий состоят и что человек тем счастливее и благополучнее, чем более он в жизнь свою увеселений, а меньше печалей и всякого рода неудовольствий иметь будет; а тем благополучие его гораздо меньшей степени будет, чем более, напротив того, он печалей и неудовольствий, а меньше радостей и веселий иметь будет?

Из сего заключения проистекают сами собой следующие следствия: первое, что для вышеупомянутого обстоятельства степеней благополучия не иначе может быть как чрезвычайно много. Второе, что самую высочайшую степень благополучия, до какой человек в нынешнюю жизнь достигнуть может, собственно означить и изобразить нет никакого способа. Третье, что собственные средства к приобретению благополучия не в ином чем состоять могут, как в снискивании множайших увеселений и в отдалении от себя сколько можно всех неудовольствий, какого бы они почти рода ни были.

В сем последнем по справедливости состоит все великое искусство находить благополучие. Однако не могу же и того не сказать, что сколь в немногих словах оно замыкается, столь великую, напротив того, слова сии имеют силу и столь великое требуется к тому рачение, а не менее того и рассмотрение от человека. Ибо надобно знать, что не все известные нам в свете роды увеселений могут составлять части сего благополучия, но только одни те, которые к тому премудрым Строителем нашей природы назначены и с его святою волею согласны; а другие, напротив того, производя после множайшие печали и досады и причиняя нам существенный вред, благополучию более мешать, нежели поспешествовать могут. Так, напротив того, и не все неудовольствия в нынешней жизни прямо оному мешают, но есть такие, которые не только помешательства благополучию нашему не сделают, но, будучи основанием и средствами к получению многочисленных увеселений, оному поспешествовать могут. Одним словом, все приумножения оных веселий и отдаление неудовольствий не должно выходит из своих пределов, но располагаемо быть так,

чтоб чрез искание нынешнего и несовершенного благополучия не могли мы после лишиться совершенного ожидающего нас в будущей жизни, но напротив того, чтоб было оно средством к получению оногo.

РАССУЖДЕНИЕ IV

Касающееся вообще до средств к достижению до благополучия

Всякое дело можем мы с лучшим и надежнейшим успехом в действо произвести, когда наперед те способы с прилежанием и в самую тонкость рассмотрим, чрез которые нам оные в действо производить надобно. Доследуя сему неложному правилу, рассмотрим же теперь и те средства, чрез которые нам благополучие наше искать следует.

Средства к приобретению нашего благополучия состоят вообще в снискании веселия и в отдалении от себя печалей и неудовольствия. Нам надобно умножать свои увеселения и уменьшать, сколько можно, неудовольствия, буде хотим быть благополучными. Но можно ли нам рассуждать о том, каким образом нам сие наиспособнее в действо производить, когда наперед поближе не познакоимся с сими веселиями и неудовольствиями; не узнаем их существа и с приближением не рассмотрим, чтоб такое собственно было веселие и неудовольствие? Правда, нельзя того сказать, чтоб оба сии слова и все вообще под ними понимаемые приятные и неприятные чувства человеческие не были каждому по одному званию своему довольно известны. Кто не знает, например, что такое веселие, радость, удовольствие, утеха и забава или печаль, горесть, скука, досада, неудовольствие, грусть, смущение, уныние, беспокойство и прочие тому подобные разные звания неприятных наших ощущений? Но для нашего намерения сего знания не довольно: нам надобно ближе веселие и неудовольствие рассмотреть и узнать, чтоб такое оно собственно было? От чего начинается, преумножается, уменьшается и уничтожается, дабы чрез то могли мы знать, каким образом наиспособнее можно нам как первые в себе производить и увеличивать, так вторые уменьшать или вовсе уничтожать стараться.

В сем разобрании необходимость велит нам почерпнуть нечто из философии. Но, как и между философами не все одинакого о том мнения, то последуем тем, которых мнения сходне с правдой и согласнее с самою практикою^(*).

Мы начнем с веселия и рассмотрим наперед, что такое оно и от чего в нас делается. Ежели мы хотя малое примечание на происходящее в душе нашей действие употребим, то скоро увидим, что веселие ни от чего иного, как от исполнения какого-нибудь нашего желания делается. Не видим ли мы то ежедневно, что, когда мы чего-нибудь желали и то делается, тогда мы обрадуемся и сделаемся веселы? Не короткое ли это и не очевидное ли доказательство, что веселию тому одно желание предшествовало, которое в нас до того времени было и исполнения требовало? Но что ж бы мы веселием при том называли, как не то состояние души, в котором она тогда находилась, когда помянутое исполнение желания ее происходило? То и подлинно и в самом деле так и в том не остается никакого сомнения, ибо, хотя и случается часто, что мы бываем и тогда веселы, когда никакого желания по-видимому не предшествовало, однако мы в том обманываемся и заключаем только по наружному виду, а в самом деле, хотя мы и не ощущали никакого желания, но оно

^(*) Чтoб избавить себя от всех критик, то за необходимое почитаю здесь сказать, что я как в сем случае, так и во всех последующих и до души и внутренних ее действий и склонностей касающихся рассуждений, последовал мнениям новейших философов, которых система хотя в свете довольно прославилась, но у нас в России не уповаю, чтоб многим была известна. И сие для того, чтоб в случае, естли кому покажется, что сомнительно, то сие происходит от несогласных мнений их системы с той, которой я заблагорассудил следовать. Почему и доказательства тому да соболаговоят они искать в той философии, а меня освободить от нареkania (*Прим. А. Т. Болотова*).

Болотов имеет в виду прежде всего философию Христиан Август Крузиуса (Крузия, Crusius, 1715–1775). Важная часть учения этого философа состоит в этической интерпретации сущности бытия. Реализация божественных замыслов состоит в развитии человеком своих нравственных и познавательных способностей (*Прим. Т. А. и М. М.*).

действительно было. Ибо надобно знать, что не все желания души нам известны, и не все мы их, так сказать, ощущаем, но есть много сокровенных, которых мы никогда почти не ощущаем, хотя б они в высочайшем градусе в нас действовали. И такое-то сокровенное желание насыщается или удовлетворяется тогда, когда при сделавшемся веселии мы ни о каком предшествующем желании не ведаем. Я мог бы сию истину доказать многими примерами, естьли б только не завело меня сие в великое пространство, чего ради довольно будет одного следующего для объяснения. Например, я нимало не желал и не ожидал себе ни от кого подарка, но как одному приятелю моему вздумалось ко мне прислать, то обрадовался я тому и чувствую веселие. Кажется, что при сем случае никакого моего желания не предшествовало, однако это только так кажется, а желание действительно было, а именно, тайное и, хотя не собственно к подарку стремящееся, однако такое, которое мы вообще к приумножению своего добра в себе имеем, а как тот подарок добро мое приумножает, то и часть помянутого общего желания, насытившись, веселие произвела. А тоже и о прочих тому подобных случаях разумеется.

Равным образом и неудовольствия наши со всеми прочими неприятными чувствами, кои так много веселию, следовательно, и благополучию нашему мешают, ни от чего иного как от тех же в душе нашей находящихся желаний происходят. Все сии ощущения хотя разными званиями называются, но в самом основании своем от одного и того же источника проистекают, а именно, от раздражения или не исполнения желаний от того, когда противным оным делается. Ибо хотя то и правда, что печаль от неудовольствия, а скука от досады некоторым образом отличными быть кажутся и действительно различны, но сие только от некоторых особых с раздражением желаний наших сопрягающихся обстоятельств и условий происходит, и различные сии чувства более разными степенями неудовольствия, нежели в самом деле отменными и особливими почестся могут. Равно как тоже самое и в рассуждении разности между веселием, радостью и удовольствием примечается. Но что обстоятельно и в подробность разбирать было бы слишком пространно и принадлежит более к философии, нежели к тепереш-

нему намерению. Здесь же надобно при одних начальных и общих причинах веселия и неудовольствия оставаться.

Таким образом, утверждаю я, что все сии разными званиями изображаемые душевные состояния, как то: печаль, горесть, скука, досада, неудовольствие, грусть, смущение, уныние, беспокойство и прочее тому подобное, единственно от раздражения наших желаний происходят. А сие и доказать без всякого труда можно, и для удостоверения в том весьма малое примечание потребно, ибо возьмем только несколько примеров в рассуждение. Например, Трифон теперь в превеликом неудовольствии и печали находится, ибо он получил письмо, которым его уведомляют, что он того чина получить не может, которого просил, добивался и надеялся он. Рассмотрим же, от чего в нем неудовольствие и печаль произошла? Ежели последовать обыкновенному нашему мнению, то кажется, что сие неполучение чина его беспокоит, уведомляющее же в том письмо его в печаль ввергнуло и в нем неудовольствие произвело. Но может ли письмо, как само по себе бездушная вещь, или, по крайней мере, сие уведомление, которое такое же ничтожное обстоятельство, какое-нибудь действие, а особливо в душе произвести, когда оно само от другой причины зависит и к произведению действий способности не имеет. Нет! Сие так только нам кажется, а ежели ближе сие обстоятельство рассмотреть и вникнуть в самую душу человеческую, в которой сие неудовольствие произошло, то найдется совсем тому иная причина. В Трифоне превеликое желание было оный чин получить, и он его как своего величайшего благополучия ожидал и надеялся, а сему желанию противное произошло, и оно не удовлетворялось, а от того самого и произошла в душе его та перемена и состояние, которое у нас под именем неудовольствия и печали известно.

В справедливости сего, думаю, каждый согласится, ибо в том никто не усомнится, что в Трифоне, например, такого желания не было. Он и сам о том ведал. Однако, случаются иногда такие же случаи, о каких я выше, говоря о веселии, упоминал, а именно, что мы иногда, будучи в скуке, в досаде, печали и неудовольствии ни о каком желании не сведомы, которое бы притом не исполнялось. Например, Иустин печалится и горюет, что его жена больна. Клеон в превеликую досаду приведен, что его сосед обидел и землю от-

нял. Хрисанфу скучно жить в деревне и в уединении и прочее тому подобное. Но, ежели рассмотреть, то тоже самое выйдет, а именно, что в Иустине всегда было желание, чтоб жена его была здорова; в Клеоне — чтоб все его имение было в целости; в Хрисанфе — быть всегда между людьми и в компаниях, а всем сим желаниям их противное делается, и они от того неудовольствие чувствуют. Одним словом, какие бы сомнительные обстоятельства в рассуждении обоих сих пунктов ни случилось, но вообще можно утвердить, что все роды веселия и неудовольствия единственно от исполнения или от не исполнения желаний наших происходят.

Чтоб лучше можно было нам понять, каким образом сие происходит, то представим все сие себе в каком-нибудь вещественном подобии. Многочисленные и разные в душе нашей желания по разным их действиям, свойствам и примечаемым обстоятельствам можно уподобить многим разным вещам. Я, рассуждая, которое бы сравнение к теперешнему случаю было приличнее, нахожу следующее. Желания в сем случае можно нам сравнить с некими живыми и всегда голодными зверками, в душе нашей находящимися и временем на цепях прикованными, а временем с цепей спускаемых и по воле ходящих. Сии зверки имели б такое свойство, что могут спать и просыпаться и во время сна лежать смирно и спокойно, а когда проснутся или разбужены чем будут, то голод их начинает действовать, и чем чаще они будут разбужаемы, тем более умножится их алчность во время сего голода по мере оногo, тревожатся они минутно, мечутся на цепях, рвутся и стараются их прервать и получить волю. Удастся им сие, то делаются они необузданными, начинают бегать, всюду соваться и во всей душе производить многие замешательства. Когда же в обоих сих случаях увидят они кусок пищи, то того часа обрадуются, начинают заблаговременно махать хвостом и ластиться. Когда же получают, то и более того радуются, прыгают, играют и веселятся, поелику велик был их голод. Когда же, напротив того, вместо удовольствования их пищею кто или что-нибудь станет их дразнить, намеряться их бить, то приходят они в злобу, ярость и бешенство, рычат, режут, мечутся и свирепствуют, и сие до тех пор продолжается, покуда они мало помалу опять усмиряют и в прежнее состояние возвратятся или опять заснут

или усыплены будут. Когда же случится так, что вместо кормления и дразнения они по шерсти глажены и приласкиваемы и уговариваемы будут, то в таком случае, хотя они и не гораздо радуются, однако не бесятся, но стоят смирно или еще маханием хвоста некоторый знак удовольствия оказывают.

Какие перемены от того в человеке происходят, не трудно теперь будет усмотреть, а именно, когда какой зверек или желание спит и лежит смирно, тогда человек о насыщении или исполнении оного и не помышляет. Как скоро проснется, то человек не только уже о той вещи думает и помышляет, но старается исполнить и получить желаемое, то есть удовольствовать зверка, мечущегося и желающего пищи. Когда же он увидит вблизи исполнение желания своего или когда начинает оно уже исполняться, тогда не получив, радуется и веселится наперед так, как зверек машет хвостом и ластится. Когда же исполнится желание, или зверек получит пищу, то человек чувствует веселие, и чем более было желание, или зверек голоднее, тем более и человек радуется и веселится. Далее, как в зверке радость сия недолго продлится, но скоро минется, так тоже и с человеком бывает. Напротив того, биение и раздражение зверка можно уподобить противным желаниям нашим происшествиям, а ярость, злобу и бешенства зверка — с нашими печальми, досадами и неудовольствиями. Следовательно, чем более зверек раздражен будет, тем и досада, и печаль наша нам чувствительнее. Наконец, третье состояние то, когда желание наше не исполняется, однако и противное ему не происходит, а человек льстит надеждою, что оно некогда исполнится. Сие можно уподобить с глажением и приласкиванием зверя, чрез что желание, или зверек, усмиряется и делается кротким, а мы не ощущаем тогда ни радости, ни печали, а спокойны духом. Что ж касается до известных и неизвестных наших желаний, то можно уподобить первые таким, например, зверкам, которые б жили снаружи и были видимы, а вторые таким, которые держались бы в конурах и были невидимы, и потому о пребывании в нас первых мы имеем, а о вторых не имеем сведения, а чувствуем только следствия насыщения или раздражения оных. Вот аллегорическое уподобление, могущее о происшествиях в душе нашей подать нам довольно уже ясное понятие.

Исследовав сим образом, от чего веселие и неудовольствие в человеке делается, нетрудно уже нам будет и то усмотреть, чрез что веселиям нашим поспешествуемо быть может, и они вновь производимы и приумножены, а неудовольствия уменьшаемы быть. Ибо когда всякое веселие от исполнения какого-нибудь ясного или сокровенного желания в нас происходит, то не следует ли само собою, что чем более и чаще наши желания насыщаемы, или помянутые выше сего зверки кормлены, будут, тем больше и чаще иметь мы будем веселие и радость? Напротив того, чем реже нашим желаниям случаться будут помешательства, или зверки раздражаемы, тем меньше и реже иметь мы будем печалей, досад и неудовольствий? А из всего того не то ли следствие произойдет, что и благополучие наше чрез то будет более?

Знаю, что теперь многие меня остановят и сделают следующее и по мнению их весьма важное возражение. Пускай все сие так! Скажут они мне: пускай благополучие состоять будет во многих и частых веселиях и в малых и редких неудовольствиях и пускай первые от насыщения, а вторые от раздражения желаний наших происходят, но скажи, пожалуй: в нашей ли воли то состоит, чтоб желания наши всегда исполнялись, и в силах ли мы не допустить до того, чтоб им никогда или очень редко препятствия и оскорбления случались? Не доказывает ли противное тому ежедневное искусство? Не видим ли мы всякий день тысячи примеров, доказывающих нам, что человек далеко не в состоянии желания свои исполняться насильно заставлять, равно как силою своею отвратить, чтоб им никакого противного действия не происходило. Коль многие и бесчисленные имеем мы в жизнь нашу желания и коль малая часть из оных совершается. Напротив того, коль великие тьмы оных остаются не только без исполнения, но претерпевают и противодействие, а все то отвратить в нашей ли возможности и власти состоит? Не от посторонних ли и таких вещей и обстоятельств сие исполнение оных зависит, которых распоряжение отнюдь не в нашей власти состоит. Не всякий ли день принуждены мы против воли и хотения своего видеть, что желаниям нашим противное делается, а совсем тем отвратить того не в состоянии? А при таких обстоятельствах, каким же образом нам веселия свои приумножать, а уменьшать печали и неудовольствия?

Признаюсь, что возражение сие справедливо и с наружного вида составляет великую важность. Однако дозвоьте ж и мне сказать против него несколько слов. Я еще не все выговорил, и, может быть, найдутся вещи, могущие доказать, что известное мне сие возражение далеко не составляет такой важности, какую иметь оно с первого вида кажется. Правда, не могу в том спорить, что не в нашей власти состоит распоряжение посторонних вещей и обстоятельств, от которых исполнение и неисполнение наших желаний зависит. Известно то и неоспоримое дело, однако, дозвоьте ж и мне спросить: о всех ли желаниях наших можно то генерально утвердить и нет ли напротив того или не могут ли многие и такие быть, которых исполнение отчасти в совершенной нашей власти состоит, отчасти от таких посторонних вещей зависит, которых распоряжение состоит в нашей воле, и к тому либо не многие труды и старания, либо одно только наше хотение потребно? А равномерно, не бывают ли многие и неудовольствия, печали и досады, которых уничтожение или, по крайней мере, уменьшение зависит собственно от вас и от хотения нашего? Кому неизвестно, что одарены мы к тому потребною силою и не лишены способов, могущих облегчить сии неприятные чувствования? Знаю, что многие не будут знать, что мне на сии вопросы отвечать, но, напротив того, те, которым действия души нашей и касающиеся до них обстоятельства короче знакомы, беспрекословно в том со мною согласятся.

Когда же сие справедливо, что желания в нас не одинакого состояния, но обстоятельства, касающиеся до них, подвержены великой многообразности, то не выслушав всего предложения моего прежде времени и обвинять меня ничем не можно. Я еще того никогда не говорил, чтоб все наши желания могли удовлетворены и насыщены быть, и того не требовал, чтоб все неудовольствия нами отвращаемы были, но знаю и утверждаю сам, что как многие желания, на все старания наши несмотря, останутся без исполнения, так и многие неудовольствия неотвратимы; а потому и утверждал, что благополучие наше не может быть совершенно. Однако сие не приносит с собою того следствия, чтоб и все желания не могли нами насыщаемы, а неудовольствия отвращаемы быть. В сем случае тщетно бы они премудрым Создателем в нас и врождены

были, но чего утвердить все благоразумие запрещает. Но, напротив того, надобно знать, что как в прочих вещах, так и в сем случае непостижимая премудрость нашего Создателя удивления достойна.

Сей великой натуры нашей Строитель не вложил с начала в нас ни одного такого желания, которое бы не могло исполнено и насыщаемо быть, но с тем только различием, что не все они в нынешнюю жизнь исполнения ожидать могут, но по большей части исполнение предоставлено будущей жизни. Но сего было еще не довольно. Самые те, которые исполнены быть могут, сделаны разного и такого состояния, дабы исполнение некоторых зависело от самих нас и было бы не с великим трудом сопряжено, а других — от посторонних вещей и сопряжено с множайшими трудностями. Намерения великого Создателя притом клонились к тому, чтоб мы делали сами между сими желаниями разбирательство и не давали бы волю им по своему хотению в нас действовать и нами обладать, но чтоб владели мы оными и, производя в себе более такие, которые легко исполнены быть могут, могли во всегдашнее время производить в себе веселия и радости. От таких же, которых исполнение не так легко, но трудное и зависящее от посторонних и не в нашей власти состоящих вещей и обстоятельств, колико можно остерегались, их угнетали и не допускали б себя сколько можно до неудовольствий, печалей и досад, а чрез все то были б собственного своего благополучия соорудителями и поспешествователями.

Вот каково было намерение великого Создателя. И он ли уже виноват тому, что мы сему предписанию, имея совершенную волю, не следуем, но полюбив более с трудным исполнением сопряженные желания, их одних в себе возбуждаем, их одних в себе питаем, им одним дали совершенную волю собою обладать и их одних насыщать стараемся, позабыв, что сие от посторонних и не в нашей власти состоящих причин вещей и обстоятельств зависит? Чему же теперь дивиться, что редко они насыщаются, что большая часть оных, на все наши старания несмотря, остаются без исполнения, и мы чрез то всю нашу жизнь в бесчисленных заботах, печалях, досадах и неудовольствиях провожаем? Не довольно ли уже сего будет в ответ на сделанное мне возражение? Не означалась ли теперь истинная всем неисполнениям желаний наших причина, и не прав-

ду ли я говорил, что поминутное возражение не такой еще великой важности, каково оно нам с первого вида представляется.

Но как же нам при таких обстоятельствах быть и что ж нам делать, спросят меня, может быть, теперь некоторые? То, отвечаю, что буде хотим благополучными быть, то надобно нам все желания свои поприбрать хорошенько себе в руки, обуздать те, которые слишком увеличились и получили над нами могущество и волю, привести их себе в послушание, делать между всеми желаниями разбирательство, не допускать усиливаться и действовать им без разбору, но возбуждать в себе более такие, которые легко удовлетворены быть могут и при исполнении которых не бывает дальних препятств и затруднений. Те же, которых исполнение либо противно воли нашего Создателя, либо со многими препятствиями сопряжено, сколько можно усмирять и угнетать, или, по крайней мере, в такое состояние приводить, чтоб они нас не беспокоили, но мы от пребывания их в себе ни радости, ни веселия, однако, напротив того, ни печали, ни неудовольствия не имели, но они б были спокойны, которое посредственное и при искании благополучия весьма достопамятное состояние происходит от того, когда одному какому-нибудь желанию не делается исполнения, однако и прямо противного ему действия не совершается, то есть оно не раздражается, но, напротив того, надежда есть, что оно некогда исполнится, и мы в том не имеем сомнения, от чего желание наше тогда уже нас не тревожит и не беспокоит, но мы в рассуждении его находимся тогда в таком состоянии, которое под именем спокойствия известно. Наконец, чтоб во всех неожиданных и внезапно нас постигающих противных случаях, прискорбностях и неудовольствиях не давали волю им усиливаться, но все силы свои прилагали к усмирению начальной тому причины и чрез то к облегчению оных. Вот все то вообще, что нам делать надобно, и вот в чем состоит все искусство находить себе благополучие.

Да, скажут мне, может быть, некоторые. Это мы все слышим и все сие было бы хорошо, да то беда, что, по пословице говоря, всякий раз в рай, да грехи не пускают. Всякий ли в состоянии такой разбор между желаниями делать и ими по произволению своему действовать? В силах ли мы все то в действо производить, что вы говорили?

Конечно, в силах. Ответствую на сие, и сомнения в том, конечно, быть не может. Немногие слова могут нам сию истину доказать. Когда б не было возможности нам сие в действо производить, и мы бы к тому потребной силы не имели, то не для чего бы и Создателю нашему сделать такой распорядок, о каком я выше говорил. Но чтобы делать часы, когда не снабдить их пружиною, чрез которую могли б они иметь действие? Не должно ль бы тогда то же было о Боге заключить, как о часовом мастере, то есть, что он тщетно и бесполезно дело сделал и напрасно трудился. Но можно ли сие учинить, не учинив великого пред ним беззакония? Нет, любезные читатели! Великий Создатель наш не таков. Он ничего напрасного не делал, а по сему святейшему правилу поступил он и в сем случае. Сделав распоряжение, как чему быть и происходить, не преминул снабдить нас и всеми потребными к произведению того в действо силами, а именно: для рассматривания и узнавания всего одарил нас разумом, а для возбуждения и укрощения желаний наших и для обладания оными снабдил нас драгоценною свободою, или произволом⁵, как такую души нашей силою, которая, как и разум, нас над скотами и другими животными превозносит. Одним словом, он ничего не упустил, чтоб сделать нас к тому способными. И уже не он виноват, что мы не хотим сами преимуществами сими пользоваться и сии драгоценные силы, сии другие преимущества не к тому употреблять, к чему они назначены.

Теперь не знаю уже я, чтоб мог мне кто возразить что важное. Ибо если б кто вздумал сказать, что не всем нам все сие довольно известно и что очень мало таких, которые о желаниях наших и касающихся до них обстоятельствах не имеют ни малейшего сведения, то на сие коротко скажу, кто ж нам не велит о том стараться? Кто ж запрещает входить в себя и несколько ближе самих себя узнать стараться. Не употребляем ли мы неописанные труды и не препровожаем ли целый век в узнавании посторонних и по большей части таких вещей, без знания которых мы всегда бы пробыть могли? Но что нужнее того, как самих себя знать? Какая вещь ближе к нам и драгоценнее самих себя? И не уж ли во всю нашу жизнь не можно найти свободного времени, которое бы на узнание себя мы употребить могли. Я умалчиваю уже о том, что сему всем

прочим знаниям предшествовать бы надлежало? И так не бедная ли сия и не самая ли пустая отговорка будет? А не многим чем лучше могут быть и другие, какие в возражение против сего пункта предложены быть могут.

РАССУЖДЕНИЕ V

О существе и свойствах желаний человеческих вообще

Когда благополучие человеческое состоит в множайшем количестве веселий, а в меньшем числе неудовольствий и печалей, и когда веселиям и неудовольствиям начальною причиною суть наши желания, которых от насыщения первые, а от раздражения вторые происходят, и потому при искании благополучия своего все зависит от того, чтоб мы старались о исполнении наших желаний, а не допускали до того, чтоб им противное делалось; желания же наши не все равно легко и удобно удовольствования быть могут, и потому нам между ими разбор делать надобно, и как, с одной стороны, стараться должно такие угнетать и усмирять, которых насыщение со многими препятствиями сопряжено, так, напротив того, такие в себе возбуждать и питать надобно, которые легко удовольствованы быть могут, то из всего сего не следует ли само собою, что буде хотим при искании благополучия своего желаемый успех иметь, то необходимо и, прежде всего, надобно нам поближе с желаниями нашими познакомиться и узнать все те из касающихся до них обстоятельств, о которых знание к сему великому намерению потребно. Ибо натурально можем ли мы прямо приступить к делу, когда не будем знать не только то, какие бы собственно из бесчисленного множества наших желаний были те, которые легко и удобно и которые с трудом и неудобно могут насыщаемы быть, но и о том не будем иметь сведения, какого существа наши желания, какие имеют свойства и чем, собственно, можем мы их возбуждать и увеличивать, или обратно угнетать и уменьшать.

Великая и необходимая надобность сего знания причиною тому, что я для лучшего усмотрения не за излишнее почел изъяснить сие примером. Иоанн имел бы, например, великое желание получить себе одно добыточное место. Он добивается уже несколько лет сего

чина, не жалеет ни трудов, ни хлопот, ни убытков и употребляет все, что только можно. Но всегда мешает ему либо то, либо другое, и всегда встречаются неожиданные и неотвратимые почти препятствия. Бедняк измучился и весь испрожил, но и ничего не получает. Сие приводит его в превеликое огорчение. Он досадует сам на себя, на правительство, на властей, на соперников и на все на свете. Денно и ночью тужит и горюет о потерянных напрасных трудах и прожитых все многих деньгах и приходит почти в отчаяние. Что ему в таком случае делать? По силе вышеписанного правила следует ему стараться сие желание чина, как такое, которое нелегко удовлетворено быть может, но великие препятствия имеет, уменьшить или, по крайней мере, успокоить стараться. Но бедный не знает, как за то и приняться. Он рад бы сам о сем чине позабыть, но не может. Всякий день вспоминается он ему вновь, возбуждает в нем к себе желание и досаду, что бездельники или иные какие обстоятельства ему в том помешательство делают, а по сему не следует ли ему прежде узнать, чем и каким образом можно ему желание свое уменьшить и в такие пределы привести, чтоб оно его более не беспокоило? Хрисандр жалуется, что вся жизнь его не иное что есть, как сущее сплетение горестей, досад, забот, печалей и неудовольствий, и что он не помнит, когда бы был весел и имел бы какую-нибудь радость и удовольствие. Из вышеписанного заключил бы он, что, конечно, в нем действуют более такие желания, которым быть не надобно и кои благополучию его мешают, и что надобно ему такие возбуждать в себе старания, которые бы благополучию его поспешествовали, а прежние сокращать и уменьшать, но Хрисандр не знает об них ничего, и не только как сие в действо наиудобнее производить, но и того никогда не слыхивал, какие бы то именно желания были. Не крайняя ли же ему надобность иметь о том достаточное сведение и может ли он без того предпринять, что надобно?

Для сих причин не бесполезное бы дело было, если бы в пользу всех желающих искать себе истинного благополучия разобрать в тонкость все, что до желаний наших вообще и до разных их свойств, действий и других обстоятельств в особенности касается. Но я должен признаться, что сколь сие дело, с одной стороны, полезно, столь, с другой, трудно и теперешним моим намерением

несогласно. Во-первых, для того, что материя сия так пространна, что в границы сочинения сего далеко вмещена быть не может. Во-вторых, будучи самою философическою, так тонка и глубокомысленна, что многим, а особливо не учившимся высоким наукам, совсем почти будет непонятна, и потому на них только скуку нагнать, а пользы принести никакой не в состоянии будет. По которой причине и не отваживаюсь я приступить к сему делу, но предоставлю желающим все то в подробности знать, осведомляться о том в известной под именем телематологии новой и полезнейшей философической науке. Сам же по мере сил своих постараюсь в пользу любезных моих читателей сообщить им хотя неполное, но всему тому изображение, которое бы для них было удобопонятно и по нужде могло б уже достаточно быть для подания им, по крайней мере, о самонужнейших вещах довольно ясного понятия.

Сие учиню я теперь следующим порядком: сперва скажу им вкратце все то, что им о существе желаний наших знать необходимо, а потом расскажу о некоторых общих желаний наших свойствах, о которых знание не меньше будет надобно как и прочее. Все сие буду я стараться изображать сколько можно простейшим и наияснейшим образом и для лучшего в том успеха, где надобно брать для вспоможения себе разные примеры и аллегорические уподобления, и желаю только, чтоб вы, дорогой читатель, последующими строками не наскучили, но удостоили бы своего внимания.

Итак, что касается до начального существа всех наших желаний, то довольно, когда скажу, что все наши бесчисленные желания не что иное суть, как долго продолжающиеся и, так сказать, в привычку обратившиеся действия одной из главных сил души нашей, которая известна под именем воли. Ибо надобно знать, что душа наша имеет две главные силы, из которых первая и начальнейшая называется ум, или смысл, и посредством которой мы мыслим, а вторая общим именем называется воля. И сия есть самая та, которая производит в нас всякие хотения и от которой все наши дела происходят.

Обе сии силы хотя наитеснейшим образом и так между собой сопряжены, что одна без другой, а особливо воля без смысла быть никак не может. И как первая в другой, так и вторая в первой вза-

имно действуют, однако сами между собой весьма различны, и действия их весьма не одинакие.

Примечания достойно, что главные сии душевные силы не бывают никогда без действия, но действуют беспрестанно, и что самое сие составляет жизнь души нашей. Что сие справедливо, то доказывают наши сновидения, ибо когда мы и спим, и тело отдыхает, а душа не знает сего отдохновения, но работает беспрестанно, почему мы и во сне мыслим и хотим.

Частные, или единичные, действия первой силы, то есть ума, называются собственно мыслями, а собрание многих об одной вещи мыслей — помышлением, а сравнение одних мыслей с другими — рассуждением. Не входя в подробное и к намерению нашему не надобное логическое истолкование всех ума нашего действий, скажу только то, что сия главная сила души нашей побуждается к действию и к произведению разных мыслей разными причинами. Во-первых, тайным некаким врожденным побуждением. Во-вторых, наружными вещами и предметами. В-третьих, действиями второй силы, или хотениями. В-четвертых, наконец, собственными своими прежними действиями.

Чтоб сие яснее изобразить, представлю примеры. Во-первых, нечаянно и без всякого намерения происходящие иногда в нас мысли доказывают первое положение. Во-вторых, одному человеку не случилось бы, например, никогда видеть и слышать о славном плоде ананас, и он не имел бы об нем никогда мысли. Но как скоро он его увидит, то и произойдет в нем мысль об ананасе. Следовательно, посторонняя сия вещь и наружный предмет, действуя чудным устроением натуры в его чувство, зрением называемое, принуждает ум произвести новую и прежде небывалую мысль о ананасе, а таким образом наружные и нами видимые, слышимые, вкушаемые, обоняемые и осязаемые вещи и предметы производят и ежеминутно большую часть наших мыслей. В-третьих, я не помышлял бы теперь нисколько о еде, а мыслил о другом, но вдруг мне захотелось есть и тогда тотчас произойдут помышления о пище, следовательно, тогда хотение есть побуждает ум производить мысли о пище. А что сие действительно так, то всякому и то может служить доказательством, что когда мы похотим, то можем ум наш не-

сколько часов сряду об одной вещи думать заставить. В-четвертых, что самые мысли об одной вещи могут ум наш побудить к произведению других мыслей, в том тоже доказательства дальнего не требуется. Например, я вспомнил теперь Москву, так помышление об ней произведет во мне мысли и о Иване Великом.

Естьли что есть чудное и непостижимое, так можно почесть то, что сии единичные действия ума или мысли, будучи однажды произведены, не перестают длиться долгое время, но по наступлении других мыслей, так сказать, только засыпают и дожидаются до того времени, покуда случится уму произвести опять новую и подобную той же мысли. Тогда тотчас равно как просыпается прежняя спящая мысль и возымеет прежняя спящая мысль и возымеет прежнее действие, к которому просыпанию может ум и так ее принудить. Сие происхождение называется память, а чем чаще такие одинакие об одной вещи мысли разбужаемы бывают, тем живее и долговременнее или тверже становится о том наша память.

Наконец, великого примечания достойна еще одна важная сила нашего смысла, известная у философов под именем внутреннего ощущения, или сведения, или самая та, которую просто называем мы разумом. Посредством сей силы имеем мы как о самих себе и о пребывании нашем в свете, так и о самых действующих в нас мыслях знание и тем несказанно возвышены пред прочими животными, которые, по всему видимому, сей силы не имеют и потому называются бессмысленными или, свойственнее сказать, неразумными. Пребывание помянутой в смысле нашем силы производить весьма великие и важные во всех мыслях наших действия. Какие они, о том было бы слишком пространно говорить, и довольно, когда скажу, что все то, что мы называем здравым рассудком и совершенным действием разума, единственно от ней зависит. Впрочем, какая отмена во всех мыслях произойдет, как скоро действие сей силы каким-нибудь случаем пресечется или сделается ей помешательство иметь полное свое действие, то можно усмотреть из состояния смысла в малолетнем ребенке, также опьянившегося, в горячке лежащего и бредящего и с ума сшедшего человека, в которых во всех по случаю главная сия сила тогда не действует.

Вот все, что о первой силе души нашей для нашего намерения при теперешнем случае сказать находил я за нужное. Но как немногие сии примечания для последующих за сим дальнейших исследований будут очень важны, то да позволено мне будет в пользу слабых и к тонкостям не привыкших умов для лучшего удобопонятия изъяснить все сие каким-нибудь аллегорическим уподоблением.

Итак, ежели хотеть кому о действиях сил нашего смысла яснейшее иметь понятие, то надобно единичные мысли представить себе в вещественном виде и в подобии некаких живых разного рода птичек, которыми б была, например, душа наша наполнена. Сии птички имели б свойство засыпать, спать и просыпаться. Большая часть из них находилась бы всегда во сне, а не спала б только самая малая и такая часть, какая по неизвестному нам устройению души в одно время действовать только может. По чему можно сказать, что сия малая часть находится всегда на работе и сменяется ежеминутно другими разбужающимися птичками и по смене засыпает. Главные силы смысла нашего, известные под именем памяти, рассудка, остроумия и прочих тому подобных, представляя бы, например, некоторого рода начальников над помянутыми птичками, и действие их состояло б в том, чтоб птичек сменять, будить, делать между ними разбор и сравнения, рассчитать на разные партии, производить разные ими экзерциции и прочее тому подобное. Помянутая же примечания наидостойнейшая сила — сведение — представляла бы главного над всеми птичками начальника и учредителя, который обо всех действующих и неспящих птичках имеет ведение и может как всеми почти птичками, так и вышеупомянутыми нижними начальниками командовать и повелевать, и от присутствия и учреждения сего главного начальника происходил бы весь известный в помышлениях и рассуждениях наших порядок, а без него приходило бы все в превеликое замешательство и беспорядицу. Ибо упомянутые нижние командиры не в состоянии одни наблюдать весь нужный порядок и составлять то, что мы называем разумом.

Далее надобно себе вообразать, что действие помянутых работных птичек состояло бы, например, в чрезвычайно проворном и разноманерном летании и в произношении разных гласов и пения и что действия сии начинаются с того момента, как скоро они про-

снуты или разбужены будут. Пение бы их было необходимо для многих причин надобно, а особливо для наших желаний. Но сего довольно будет о первой душевной силе, теперь приступим ко второй, или воле.

О сей второй и под именем воли известной силе примечается вообще, что действия ее предполагают всегда наперед мысли и воображения и распоряжаются по оным, как по некоей модели или образу. Частные или единичные действия воли называются хотениями, которые на разные роды разделены быть могут, но здесь о том говорить будет пространно. Довольно, когда скажу, что простое хотение не должно смешивать с желанием. Первое продолжается очень недолго и перестает скоро, напротив того, желанием или стремительством называется такое хотение, которое и без намерения и без предприятия нашего несколько времени не переставая продолжается. Например, хотение есть то, когда человек хочет сесть, лечь, встать, идти, бежать, что-нибудь руками делать и говорить, что весьма коротко продолжается и перестает. А желание управлять уже частными и мелкими хотениями и есть то, когда человек хочет, например, богатым или славным быть, которое хотение не только один час, но несколько лет или во всю жизнь продолжается непрерывно. Сего рода непрерывных действий или желаний находится в душе нашей не только бесчисленное множество, но они подвержены великой между собою многообразности, имеют разные свойства и сопряжены с различными обстоятельствами. И как нам наиболее до них нужда, то оставляя прочее, изъясним нужное к ведению об них сколько можно яснее и подробнее.

К достижению сего конца необходимо надобно мне употребить также какое-нибудь уподобление, ибо без того будет сия материя для иных темновата и скучна, но признаюсь, что мне всего труднее найти такую вещь, которая бы могла прямо и во всем с нашими желаниями сравнена быть. Однако, сколько мне кажется всего способнее уподобить их некоторым образом разного рода зверкам, так как я их отчасти уже и в предследующем рассуждении уподоблял оным. Чего ради изображу то такую ж аллегориею.

Итак, ежели хотите вы, дорогой читатель, о действиях воли и желаний наших и о их между собою, равно как и с мыслями, со-

пряжений и разных, касающихся до них обстоятельств или паче о всей душе нашей и действии и в теле получить краткое, но ясное понятие, то последуйте за мною воображением своим в следующую аллегорю.

Сперва вообразите себе, чтоб человек сам собою представлял бы некоторого рода корабль или хитрейшего устройства и из бесчисленных между собою связанных машин составленную и плавающую по морю вместе с бесчисленным множеством других разного рода больших и малых подобных ему или не подобных судов мельницу.

Сей корабль управляем бы был в своем плавании чрез движение и действие устроенных во внутренности и наружности оною машин. Сии машины имели б между собою чудное сопряжение и в нужнейшем между ними месте вложена бы была некая живая и от всех их существом своим отменная вещь, которую сравним, например, с некаким одушевленным и во всегдашнем произвольном движении находящимся каютом⁶.

Кругом сего места находились бы самоважнейшие машины, а от других проведены б были, равно как проволоки и канаты, которых бы концы находились с каютом в неизвестном, хотя нам, но таком содержании, что кают при каждом движении своим мог бы до некоторых из них дотрагиваться и чрез то приводить машины в корабле в действие, а тем и весь корабль принуждать к движению и плаванию.

Вот краткое аллегорическое уподобление тому, как душа наша сопряжена с телом. Все тело наше представляет корабль, руки, ноги и все прочие члены наружные, а внутренние наши части, внутренние машины. Нервы наши — струны, веревки и канаты, а душа — каюту. Теперь пойдем далее.

Представьте себе далее, чтоб в помянутом каюте заперто б было бесчисленное множество животных. Сии животные были б двоякого рода. Одни из них походили б на разного рода птичек, а другие разного рода на зверков. И почтите первыми наши мысли, а вторыми наши хотения и желания вообще.

Все сие сделано не по-пустому, но для того, чтоб нужное и многообразное движение каюта и чрез то действие всех машин и ко-

рабля зависело б от действия находящихся в каюте зверков; а каким образом им действовать назначено учить их птичкам своим пением. Следовательно, собственными управителями должныствовали б быть птички, или мысли; а производителями или работниками — зверки, или хотения. И сии последние не могли б без первых никоим образом действовать.

Теперь представьте себе далее, что между всеми помянутыми птичками и зверками устроены б были от природы много различные и преудивительные порядки и распоряжения и приданы б им были разные свойства и совершенства.

Первое и примечания достойнейшее распоряжение состояло б в том, что не всему одному великому множеству птичек и зверков назначено производить свои действия вдруг, но только по некоторому не большему количеству оных разом с тем, чтоб они могли во всякое время сменяться другими. И когда сии действуют или, так сказать, работают, тогда б другие находились в таком состоянии, которое подобно сну. Чего ради и придана им способность засыпать и просыпаться, как о том уже упоминал и после упомяну подробнее.

Второе распоряжение сделано такое, что для помянутого нужного действия машинами могут они из сна своего на смену другим разбужаемы быть разными образами. Во-первых, своими собратями, то есть птичками и зверками, как, например, птички другими птицами, равно как и зверками, а зверки отчасти также зверками, но наиболее птичками. Во-вторых, действием машин, в корабле находящихся и принуждающих иногда весь кают к принужденному и не такому движению, какое бы было надобно, но к такому, какое для сохранения целости судна необходимо требуется. В-третьих, разными наружными вещами и предметами. Сие последнее распоряжение всего более примечания достойно и происходит сие таким образом. На корабле снаружи находится несколько особых и наихитрейшего устройства машин, подобных, например, трубам, музыкальным инструментам и прочему тому подобному, в которых посторонние вещи и предметы так, как бы, например, ветер, стужа, теплота и всякие вещи могли б производить действие и принудить их делать то, к чему они назначены. Сии машины как скоро начнут

действовать, как протянутыми от себя особыми струнами с не постижимою скоростью простирают свое действие до самого каюта и, принудив его к особому движению, разбудают в нем нескольких птичек, а сии уже разбудают и зверков.

Первая из сих чудных машин подобна некаким двум зеркалам и укрепленным на поверхности корабля в особом и неподалеку от каюта находящемся месте, и устройство которой всего для нас чуднее. В них изображаются все наружные и посторонние вещи, мимо которых кораблю плыть случится, равно как в зеркале. Но удивительно то, что сие изображение, как молния, добегаёт того момента до каюта и разбудает там такую птичку, какая той вещи свойственна, которая в зеркалах изображается. Сия машина известна под именем чувства зренья, а зеркала — под именем глаз.

Другая подобна некаким двум трубам или валторнам, приделанным к кораблю также в особых местах неподалеку от каюта. В сих производит действие всякий звук, и от того происходит то, что мы называем слышанием. Машины сии, известные под именем ушей, для корабля весьма нужны и разбудают очень часто находящихся в каюте птичек и зверков.

Третья подобна двум некакого рода мехам или насосам, и чрез посредство их можем мы нюхать и обонять, а душа получать о том мысли, что дурно и что хорошо пахнет. Легко можно догадаться, что сие говорится о носе и ноздрах.

Четвертая подобна некакому небольшому движущемуся рульку или лопаточке, сделанной для разных и весьма нужных употреблений. Сия лопаточка покрыта многими кожами и убита нежными и такого особого устройства гвоздиками, что не успеет какая вещь до них дотронуться, как действие того простирается того момента до души и производит в ней мысли сладка ли или горька, пресна ли или кисла, или какой вкус имеет та вещь.

Пятая и чудная машина состоит в некакой особой и чудного устройства коже, которой снаружи все судно обтянуто и под которой находится бесчисленное множество маленьких гвоздиков, или бородавочек, из которых от каждой протянута струнка, и как скоро какая вещь к коже прикоснется, как действие по струне простирается до каюта и разбудает в нем мысль о той вещи и производит

знание крепка ли или мягка, тепла ли или студена, гладка ли или корява та вещь, что все известно под именем осязания.

Третье расположение состоит в том, что между птичками и зверками учреждены некакого рода нижние и высшие начальства, отменные у птиц, отменные у зверков. У сих властей и начальников состоят прочие, а особливо работающие, равно как под командою и ими управляются, разбужаются, сменяются и к работе принуждаются.

Начальников над птичками, как выше уже упомянуто, немного. Главнейшие из нижних известны под именем памяти, рассудка и остроумия, или изобретательной силы, и всем им поручены разные должности. Первого из них можно уподобить равно как некакому нарядчику, который имеет в ведомстве своем тех птичек, которые не спят и бывают на работе, и может их удержать долее на работе или ушедших опять возратить, также из спящих наряжать, какие на смену другим надобны, и прочее тому подобное.

Второго можно уподобить равно как старосте или адъютанту, и должность его весьма важная. Он должен узнавать и осматривать каждую на работу пришедшую птичку, отличать одну от другой, также учреждать порядки при работах и назначать каждой, что делать, и прочее многое.

Третьего можно уподобить прожектору, и он должен упражняться в выдумывании и изобретении лучших и способнейших средств к произведению всех наружных дел корабля или помышлять о том, куда бы судну лучше плыть и как бы лучше и способнее и скорее какое дело в действо произвести можно было. В случающихся между птичками его лекциях или экзерцициях, известных под именем размышление и рассуждение, имеет он особое и великое участие.

Сии суть наиглавнейшие нижние начальники, однако есть и кроме их другие, о которых в подробности упоминать было бы слишком пространно.

Над всеми сими есть, наконец, как выше уже упомянуто, главный начальник, которого уподобить можно генералу или самому владетелю. Сей известен под именем сведения или разума. Он имеет полную власть над птичками и сколь важен, о том изъяснился я уже выше. Чего ради, не повторяя того, упомяну только, что не все птички состоят под его командою; но есть некоторые, над

которыми не имеет он никакой власти, да и знания об них не имеет, а именно те, которые должность имеют разбужать тех зверков, от которых действий зависит действие внутренних машин в корабле, и сие для того, чтоб не наделал он беспорядков. Кроме сего надобно заметить, что он великую власть имеет и над зверками и должен иметь о сохранении надлежащего между оными порядка всегдашнее попечение.

Что касается до зверков, то начальства у них отменны уже от птичьих и походят более на семейства. Их находится превеликое множество, но поименно исчислять их теперь не для чего, для того что о том будет после в особом рассуждении подробно говорено. А здесь упомяну я только то, что вообще до них касается, и скажу, что они-то собственно суть наши многообразные желания, управляющие хотениями, как мелкими и работными зверками, и что над всеми ими есть также главный начальник, подобный равно как генералу. Сей начальник известен под именем свободы или произвола и таков же важен у зверков, как разум у птичек. Он может ими управлять, их разбужать, усыплять, приказывать и запрещать работать по своему произволению и производить многие другие важные действия; одним словом, всеми зверками и самыми птичками командовать и употреблять их на свои надобности. Посредством сего-то важного зверя может судно плавать, куда оно само хочет, и то делать, что пожелает, а не принужденно. Коротко, сии-то оба главные начальники над птичками и зверками, или над мыслями и хотениями, то есть разум и произвол, и дают нам над скотами неизреченное преимущество и производят то, что мы можем все наши дела произвольно, а не принужденно делать и потому способны к награждению и наказанию. А всего более примечания достойно, что для них-то, собственно, и души наши бессмертны и никогда умереть и уничтожиться не могут.

Четвертое устройство состоит в том, что все нижние начальники зверков, или желания, имеют разного рода свойства. И как сей пункт есть самый тот, который наиболее примечания достоин и о котором подробное знание необходимо для последствия в сей книге надобно, то поговорим о том несколько пространнее и познакомимся чрез то короче с сими внутренними в нас жильцами.

1.

Первое свойство всех желаний наших, или, как мы их назвали, начальствующих зверков, состоит в том, что они могут спать и разбужены быть так, как о том уже прежде отчасти было упоминаемо. Спят они тогда, когда им не дается воля властвовать над работниками и самим работать и когда на работе другие их братья такие же зверки находятся и командуют хотениями. Большая часть из них не имеет к тому определенного и назначенного времени, но спят до тех пор, покуда по какому-нибудь случаю разбужены будут. Разбужаются же они, как выше упомянуто, пением птичек или действием мыслей, а иногда и другими зверками, однако чрез посредство же мыслей, то есть одни зверки разбудят птичек, а сии уже других зверков.

2.

Второе свойство состоит в том, что желания наши, или так названные зверки, всегда голодны и хотят и могут насыщаемы быть. Как они сами не вещественные, а духовные вещи и только действия сил душевных суть, то, натурально, и пища их должна быть духовная и не вещественная. Сия пища состоит в происшествии некоторых дел и перемен между посторонними вещами, к которым собственно каждое желание устремляется. Ибо каждое желание, или зверек, имеет собственный и особый себе только одному свойственный предмет, к которому он стремится. Как, например, иной стремится или желает того, чтоб весь корабль имел более в себе наружных совершенств и украшений. Другой — чтоб снабжен он был нужными материалами и снарядами. Третий — чтоб сей корабль другие корабли почитали, его слушались, делали ему угодность и не делали б вреда и так далее или, простее говоря, иной имеет предметом себе честь, иной почтение, иной богатство, иной роскошь и так далее. И когда то произойдет или исполнится, к чему он так стремится, тогда зверек на время становится сыт или насыщается. Примечания достойно, что сделано от природы уже такое учреждение, что с сим насыщением сопряжено уже для зверка великое удовольствие и радость, и потому всякий раз, как исполнится то, чего он желает, чувствует он великое веселие и от того равно

как прыгает, веселится и играет. От самого того, как я уже прежде изъяснил, и происходят все наши удовольствия, радости и утехи. Однако надобно знать, сие насыщение и сопряженная с тем радость недолго продолжается, но велика только сначала, а потом мало-помалу начнет уменьшаться и дойдет до того, что голод, опять появившись, начинает свое действие, и зверки беспокоят.

3.

Третье свойство наших желаний состоит в том, что всякий из помянутых зверков как с одной стороны чрезвычайно любит то, к чему он стремится, напротив того, смертельно ненавидит противного. Итак, если воспоследует тому происшествию, которого он желает, совсем противное, то чувствует он превеликое прискорбие и приходит в такое состояние, как бы его кто бил и дразнил, отчего мечется, рычит, визжит и сердится он. Сие, как я и прежде о том упоминал, известно под именем раздражения или неудовольствования наших желаний. Легко можно заключить, что и сие неприятное состояние равномерно не долго продолжается, но также только сначала бывает сильно, а потом мало-помалу ослабевает, и зверек возвращается в прежнее свое состояние. А что от самого сего раздражения желаний все наши горести, печали и неудовольствия истекают, о том имел я случай упоминать прежде, а чем они могут быть уменьшаемы быть и зверек скорее в прежнее состояние приведен быть, о том впоследствии и при конце сей книги довольно говорено будет.

4.

Четвертое свойство желаний наших состоит в том, что они могут успокаиваемы и умиряемы быть. То есть, помянутые зверки в такое состояние приводимы быть, чтоб они не сыты и не голодны были; следовательно, ни веселия, ни прискорбия не чувствовали, но находились бы в среднем или спокойном состоянии. Происходит сие от того, если то происшествие, к которому зверек, или желание, стремится, хотя не исполняется, однако и противного ему не происходит, а, напротив того, надежда есть, что желание его когда-нибудь совершится. Сие среднее и под именем спокой-

ствия известное состояние можно уподобить тому, как бы кто стал зверка гладить, ласкать и уверять, что он насыщен со временем будет, а только б потерпел и погодил. От чего он сделается смирен и не станет мешаться, так как во время голода делает. Каким образом в сие состояние их приводить можно, о том теперь не упоминая, для того что о сем, как весьма важном пункте, после в особенности и пространно говорено будет.

Все сии три последние свойства великого примечания достойны, ибо на них, как на некоем фундаменте, вся связь здания сей книги оснуется, почему не излишним я почел повторить сие, не смотря хотя я о том упоминал уже в предследующих рассуждениях.

5.

Как из всего помянутого явствует, что все, сколько ни есть в нас зверков, или желаний, от природы голодны и хотят быть насыщаемы и веселы. В веселии ж состоит существо благополучия: то побочным образом происходит от того, что все желания имеют стремительство к веселию и благополучию. Из сего нетрудно теперь усмотреть, от чего то происходит, что все люди, какого бы они состояния ни были, хотят благополучными быть, и ни один из них не хочет быть несчастным. Ибо каковы б они ни были, но во всякое время действует в них множество желаний, которые все, какого б рода ни были, хотят насыщения и ненавидят противного.

6.

Как описанное выше сего насыщение желаний или зверков может производимо быть двояким образом, то есть происходит либо от происшествий между посторонними вещами, относящимися к пользе всего судна, или человека, без чувствительного его к тому содействия, например, от чести, почтения и прочего тому подобного, либо от таких происшествии, которым корабль своим плаванием и действием, или человек сам своими разными делами, поспешествовать должен и для того сам трудиться, например, снабжать себя пищей, снискивать разными образами богатство и прочее тому подобное. Все ж сии дела, как из вышеописанного явствует, должны зависеть от движения каюта, или души, а душу в движение

приводить должны желания, или часто помянутые зверки, то и происходит от того натуральное следствие, что многим зверкам для насыщения своего должно самим трудиться и, так сказать, работать. Для сей причины натура и вродила им шестое свойство, состоящее в том, что имеют они склонность к трудолюбию или к упражнению и не любят быть без дела. Сие приносит уже то с собою, что всякий зверек не успеет проснуться, как стремится уже к делу и не хочет быть праздным, но старается всегда быть в деле, управлять хотениями и сам работать и действовать каютом и чрез него такими машинами в судне, каких действие к намерению его надобно, то есть принуждать человека ходить, ездить и другие разные дела делать и предпринимать, какие потребны для произведения того в действо, чего он желает.

7.

Седьмое свойство желаний наших, или душевных зверков, состоит в том, что они не хотят, чтоб работа и труды их пропадали тщетно и предпринимаемы б были по-пустому. Отчего и происходит оное натуральное и всякому человеку свойственное неудовольствие, которое он чувствует в то время, когда дела его не идут впрок и ими не достигается до желаемого, а, напротив того, удовольствие, когда дела его имеют успех вожденный.

8.

Восьмое и великого примечания достойное свойство желаний наших состоит в том, что они, или помянутые душевные зверки, могут портиться или баловаться, то есть из хороших и добронравных делаться злонравными и негодными. Для изъяснения сего надобно мне сказать, что между ними натура устроила сперва наилучший порядок. Все они не только хорошими и добронравными произведены, но сделано между ними такое распоряжение, чтоб одни из них повиновались другим, а сии находились под властью у третьих и так далее, а все они жили б между собою в мире, любви и согласии и все совокупно были б в совершенном повиновении у обоих главных начальников судна разума и свободы, или произвола, которым обоим придана была довольная

способность управлять ими как надобно и не давать ни которому излишней воли, а наблюдать между ними такой порядок, чтоб все они могли получать свое насыщение, и человек наслаждался б от того непрерывным веселием и чрез то наисовершеннейшим благополучием. Но по некоему несчастному для всего человеческого рода случаю, о котором после упомянется, нарушился весь сей в душе натуральный порядок и сделалась превеликая между ними расстройка и замешательство и от того началась непрерывная междоусобная брань и война. Иные зверки начали между собою заводить разные и вредные всему обществу партии. Другие, будучи назначены быть нижними начальниками, захотели быть высшими и похитить власть у самых главных и чрез то сделаться мятежниками и бунтовщиками, а не успели получить всю власть, как, не будучи произведены к правительству и не умея порядочно управлять судном, подали и подают поводы к происшествию превеликих внутренних и наружных нестроений, беспокойств и замешательств и чрез то ввергают его в превеликие бедствия и напасти и нередко доводят оное прежде времени до самой гибели. В таковом-то несчастном состоянии родимся уже мы ныне и от того более и происходят все наши беды, напасти, несчастья и все то, на что мы в жизнь нашу жалуемся. От чего все сие делается и как они балуются, изъяснится из описания последующего девятого желаний наших свойства.

9.

Все помянутые беспорядки и замешательства происходят ныне от того, что желания наши, или душевные зверки, имеют натуральное свойство, состоящее в том, что они могут увеличиваться и уменьшаться. Сие свойство превеличайшего примечания достойно, почему желал бы я, чтоб вы, дорогой читатель, все касающиеся до него обстоятельства в особенности заметили. Для вас сие будет очень нужно и полезно; ибо я хочу вам теперь аллегорическим образом изъяснить, от чего происходят и каким образом делаются в нас склонности, привычки и страсти, и чрез то познакомить вас ближе с сими всегдашними внутренними и столь для нас пагубными нашими злодеями и врагами, дабы вы, узнав их натуру и все ка-

сающиеся до них обстоятельства, могли, если пожелаете, скорее с ними сладить над ними господином.

Итак, вообразите себе, что все наши или, по крайней мере, большая часть желаний, или зверков, имели б такое свойство, что могли б сами собою увеличиваться или уменьшаться, или из маленьких зверков, равно как раздуваясь, делаться большими зверями, а из больших, сжимаясь, делаться маленькими. Сие увеличение происходило бы таким образом. Всякий раз, как ни случится зверку проснуться и начать свое действие, как начинает он увеличиваться или раздуваться и увеличивается с каждою минутою более во все то время, покуда он не спит и работает, что продолжается до тех пор, покуда он опять заснет; следовательно, делается он тем более, чем долее он бодрствовал и работал. Напротив, как скоро действие его пресечется, и он принужден будет, не имея дела, заснуть или к тому другими зверками принужден будет, то не успеет заснуть, как с той минуты начинает он таким же образом ежеминутно, но гораздо уже медленнее и тише уменьшаться. Сие уменьшение продолжается постепенно во все то время, покуда он спит, и если на то довольное время ему дастся, то приходит он в прежнее свое состояние и в природную свою величину. Напротив того, если столько времени спать ему не удастся, а каким-нибудь случаем он разбужен будет прежде, то просыпается уже он в такой величине, в какой тогда его застанут. Следовательно, чем скорее его разбудят, тем величайшим он и проснется. А как он и во время вторичного действия таким же образом вновь увеличиваться должен, а в нем еще от прежней прибавочной величины есть великий остаток, то натурально уже следует, что ему при вторичном действии, а особливо если оно столько же времени продолжится, надобно будет уже более и, так сказать, втрое против натуральной своей величины увеличиться; следовательно, и, заснув, надобно ему уже втрое более иметь времени против прежнего для пришествия в природную свою мализну. Однако он придет, если довольно времени иметь будет. Когда же до того не допуститься, и по случаю опять вскоре разбужен будет, то, проснувшись, уже нарочитой величины во время третичного действия увеличиться он уже несравненно более против прежнего; а в четвертый раз еще того более; в пятый

— еще больше и так далее. И естли по случаю он часто будится, долго действовать, а мало спать и отдыхать будет, то сие увеличение продлится до того, покуда он в такую величину дойдет, какой больше ему иметь по распоряжению натуры не можно.

Вот закон, который для увеличения и уменьшения предписан нашим желанием от натуры. Но как сие весьма важное и наивеличайшего примечания достойное дело, то для способнейшего сего напоминания вообразим все сие в каком-нибудь увеличенном виде. Положим, например, чтоб желания наши, или зверки, в натуральном своем состоянии были все величиною противу самой маленькой мушки или букашки, а самая большая величина была бы, например, против слона. Теперь, следуя вышеупомянутым правилам, станем смотреть, как они из мушки могут сделаться слонами.

При первом действии положим, например, чтоб зверек или мушка не более увеличился, как с пчелку. Сия пчелка должна опять мало-помалу начать уменьшаться, как скоро действие желания окончится, или зверек заснет. Она и уменьшится, и зверек сделается опять с мушку, естли только дастся ему довольное время спать, а когда он до того дойдет, то натурально и проснется он опять, ежели разбужен когда будет не с пчелку, а с мушку величиною. Но как сие происходит уже гораздо медленнее, и к такому уменьшению времени несравненно более против того надобно, во сколько он увеличивался, то нередко бывает, что зверек далеко до того еще не допускается, но разбужается прежде времени и часто тогда, когда он только начал уменьшаться и с полупчелку еще не сделался, то есть в скором времени после первого действия или от скоропоследующего повторения человеком самого того ж дела, то натурально должен он и проснуться в такой величине, в какой его застанут, например, в половину, в две или одну треть пчелки. При втором действии, увеличившись, сделается уже он величиною против большого жука. Теперь легко можно рассудить, что когда из пчелки сделаться мушкою требовалось долговременного сна, то, заснув величиною с жука, натурально надобно иметь ему уже гораздо более времени, буде хотеть сделаться мушкою, и когда в первом случае было, например, довольно к тому одного дня времени, то во втором и трех дней к тому уже мало. Естли ж и в сей раз он вскоре и ве-

личиною, например, против шершня разбужен будет и начнет опять действовать, то при сем третьем действии делается уже он величиною с небольшую птичку или маленького какого зверка, например, с мышь, из которой, заснув, по-прежнему с мушку сделаться ему и подавно не таково способно, как из пчелки, и к тому уже гораздо должайшее время и уже нескольких недель надобно. Естли ж он и впредь всегда часто будет разбуживаем, и ему мало будет даваться времени спать и уменьшаться, то в четвертый раз делается уже он величиною против крысы, в пятый — с хомяка, в шестой — с кролика, в седьмой — с кошку, в восьмой — с зайца, там с лисицу, после того с собаку, там с теленка, затем с медведя, после того с буйвола, а затем с лошадь, а потом с верблюда — и так далее, покуда, наконец, дойдет до того, что со слоном сравняется и не в состоянии уже будет более увеличиться. Тогда просыпается уже он во всякое время в одинаковой величине и более уже не увеличивается, кроме того что потерянную во время сна часть величины своей опять возвращает. И такое-то слишком увеличившееся желание, естли оно хорошее или еще не гораздо увеличилось и называется привычкой, а ежели худое и слишком уже увеличилось — страстью. Теперь нетрудно уже всякому усмотреть, от чего то делается, что от маленьких и небольших привычек мы гораздо в скорейшее время отвыкнуть можем, нежели от больших и самых страстей наших, которые в нас и воздержание многих лет совсем истребить не может. Ибо хотя то и правда, что и слон сам собою делается по прежнему мушкою, естли б только он никогда не мог быть разбуживаем, но спал бы так долго, чтоб, мало-помалу уменьшаясь, сделался сперва с верблюда, там с лошадь, там с собаку и, наконец, с мушку, как то мы из опытов видим, как, например, что и самая сильная любовная связь чрез долговременную отлучку сама собою совсем почти истребляется. Но как сие очень редко случается, а сверх того, чем более становится зверь, тем меньше имеет охоты спать и более к действию, то натурально всякая безделица может его уже разбудить и многие найтись к тому случаи. А нужно только ему проснуться, как, побывав уже однажды великим, захочет он опять таким же или еще величайшим сделаться, и потому уже гораздо скорее и способнее увеличиваться и потерянную чрез сон величину

возвратить может. Вот причина, почему отвыкшие от чего-нибудь легко и скоро опять к тому ж привыкают, что в особенности в суждении худых страстей приметно.

Из всего вышеописанного следует само собою, что находящиеся в нас в бесчисленном множестве желания никогда не могут быть одинаковой величины, но величина их ежедневно уменьшается или увеличивается. Иные из них велики, другие меньше, а третьи тех меньше и так далее, и между всеми происходит всегдашняя перемена.

Теперь надобно мне далее изъяснить, от чего то делается, что нам страсти свои преодолевать всегда великого труда стоит, а иногда совсем почти невозможно. Сие нетрудно мне уже теперь учинить. Ибо нужно только знать, что всякое желание имеет свойство тем сильнее действовать, чем оно, или помянутый зверек, будет больше. Когда зверек еще мал и, например, с пчелку, тогда действует он очень слабо и едва только в состоянии душу приводить в движение и принуждать человека к делу, и когда проснется, то никакого труда не стоит его преодолеть или заставить его опять спать, буде то надобно. Ибо в сем случае можем мы пользоваться находящимся в душе нашей главным над всеми желаниями командиром, или генералом, о котором упомянул я уже выше и который под именем произвола известен. Сия драгоценная сила, или знаменитейшей и отменный от всех прочих зверек, может в один миг принудить проснувшегося зверка заснуть и перестать действовать. Когда же зверек уже более величиною и, например, с хомяка, тогда действует он уже несравненно сильнее и в состоянии гораздо скорее принудить человека к какому-нибудь свойственному себе делу. Однако и тогда можно еще будет его без дальнего труда преодолеть, естли только мы захотим. Правда, начальствующему зверку, то есть произволу, хотя уже и множайшего труда будет стоить его принудить силою ко сну и к уменьшению, однако все еще он его одолеть и им повелевать может, и сие даже до тех пор, покуда зверек не сравняется уже величиною своею против самого его. Ибо надобно знать, что и самый сей желаний наших повелитель имеет отчасти такое же свойство увеличиваться и уменьшаться и делаться слабее и дюжее, хотя гораздо с меньшей скоростью и способностью, нежели про-

чие, и более находится в одинаковом состоянии и величине. Для лучшего усмотрения надобно нам и ему какую-нибудь примерную величину определить. Итак, пускай сей генерал-зверек был бы величиною только со льва. Из сего нетрудно уже усмотреть, что ему, или, лучше сказать, самому человеку, до тех только пор всеми желаниями своими повелевать и по своему хотению ими распоряжаться можно, покуда ни которое из них величиною своею не превзойдет величины льва. Как скоро которое-нибудь сравняется с ним, тогда льву хотя и можно такого зверка преодолеть, однако уже не добром, а силою и принуждением. Таковой зверек делается уже некоторым образом подобен бунтовщикам и мятежникам и не много смотрит на повеление своего начальника, но, возгордясь, хочет уже сам быть большим и сделаться над всеми повелителем, и лев, или произвол, принужден уже с ним драться и силою принуждать к чему надобно. Но все сие не составляет еще дальней важности. Зверек находится еще в определенном своем месте и сидит, как в назначенной конуре или будке на цепи; следовательно, произвол, хотя с трудом, а может его преодолеть. Но как скоро зверек делается уже гораздо более льва и, например, с медведя или барса, тогда получает он великую перемену. Он выдирается из своей конуры, где за величиною своею уместиться не может, срывается силою своею с цепи и делается уже явным бунтовщиком и таким беспокойным мятежником, с которым уже и лев сладить не может. Ибо он против его делается уже бессилен, но зверек похищает у него власть и начинает уже по своему хотению повелевать и властвовать над прочими хотениями и желаниями. Одним словом, вся республика зверей и птиц получает тогда иной вид и приходит в превеликий беспорядок и замешательство, которое тем бывает больше, чем бессмысленнее и глупее тот зверь, которому сим образом увеличиться и верховную власть беззаконно получить случиться. И тогда, собственно, получает такой зверь имя господствующей страсти и владычествует над всею душою, а вкупе над всем человеком, то есть угнетает в нем все другие склонности и желания, кои его меньше, не дает им не только действовать, но и в появ появиться и принуждает поневоле человека то только одно наиболее делать, к чему он стремится. И тогда не успеет такой сильный зверь проснуться, как не может уже человек его преодо-

леть, но делает и предпринимает то, что к насыщению той страсти служить. И несчастлив тот человек, в котором много таких господствующих бунтовщиков находится!

Вот происхождение страстей наших! Однако не должно думать, чтоб сие зло вовсе было не исцелимо, но есть средства, которыми и такое сильное и слишком увеличившееся стремление низложить и когда не совсем истребить, так до того довести можно, чтоб оно состояло в повелении у свободы, или нашего произвола. Нужно только человеку твердое принять намерение и, приступив к тому, как надобно, наблюдать некие особые правила. Но было бы слишком пространно, если бы хотел я теперь о том в пространстве говорить. Впереди будет к тому наилучший случай, чего ради оставляю то до того времени.

10.

Десятое и великого ж примечания достойное свойство наших желаний состоит в том, что из одного желания могут другие желания происходить или родиться. Ежели изъяснить сие тою же аллегорией, то можно сказать, что часто помянутые зверки имеют свойство рождать от себя детей, внучат и правнучат и тем размножать род свой в великом множестве. Многим покажется сие смешно и удивительно, однако это справедливо, и примечания доказывают нам почти очевидно, что многие желания происходят от других, те — от третьих и так далее, покуда дойдем до первоначальных или самих материй, которые вместе с нами уже рождаются и ни от каких других не происходят и для того в отмену другим названы коренными стремительствами. Таковых начальных или природных желаний, или зверков, в нас очень мало, а большая часть уже после родившихся или всякий день вновь рождающихся. Какие они, о том буду я говорить после, а теперь только скажу, что в рассуждении рождения оных и других касающихся до них обстоятельств примечается несколько весьма достопамятных вещей, а именно:

1) Рождение новых желаний происходит не прежде как в то время, когда старое желание, или зверек, по случаю получит уже довольную величину, а когда еще мал, тогда он к тому не способен.

Итак, всякому желанию надобно сделаться наперед великому, буде хотеть, чтоб он производил детей.

2) Чем больше зверек, тем множайших может он и детей производить, однако не более, сколько им натура определила.

3) Сии рожденные зверки, или из других произошедшие желанья, питаются сначала своей матерью и вместе с ней совокупляют свое действие, но после отделяются от нее, начинают собственное хозяйство и действие и делаются сами способными к произведению детей, а первым внучат, о которых тоже разумеется, что и о первых. Из чего легко можно заключить, что от одного природного усилившегося стремительства, или зверка, может произойти целая фамилия зверков, или желаний, и от самого того в душе бывает их несметное множество.

4) Примечания достойно, что между всем сим образом произошедшими от одного начального зверка желаниями, или зверками, находится равно как некий союз родства и дружества. Они наблюдают между собою порядок и согласие, и младшие состоят всегда в повиновении у старших; а особливо, когда они живут еще вместе с оными и сами новыми начальниками фамилий не сделались, и редко случается, чтоб между произошедшими от одного праотца потомками происходили ссоры и вражда, а чаще то, что многие из них совокупно и попеременно действуют и в работе своей друг другу помогают, равно как в случае, естли у какого зверка делается с каким зверком из другой фамилии, или семейства, ссора и вражда, то, как родственники, стоят друг за друга и помогают ему одолевать противника. Сие придает им много силы, а особливо, когда сие с худым случится, и от самого того и происходит, что они скорее побеждать, нежели побеждаемы быть могут.

5) Не менее примечания достойно и то, что они имеют все между собою взаимную любовь, и как матери любят детей, внучат и правнучат, так и сии внучата своих отцов, дедов и прадедов. Сия любовь приносит то уже с собою, что все они в переменах состояния другого принимают некоторое участие. То есть, когда одному которому-нибудь удастся насытиться, то радуются и веселятся и все ближние его родственники, а когда случится оскорбленным и раздраженным быть, то и все горюют о том и печалются. Из сего

нетрудно уже усмотреть, как то, от чего иногда печали наши бывают столь сильны, а радости велики, ибо в таких случаях не только одному, но многими желаниям вдруг делается удовольствие, так и то, от чего радости и печали наши бывают недолговременны. Ибо натурально из такого множества желаний не можно, чтоб все могли удовольствуемы быть, и никогда б ни которому из них не делалось досады; и так хотя бы одному или несколькими и сделалось удовольствие, так воспоследовавшее вскоре потом многим оскорбление прежнюю радость и веселие уменьшить долженствует, равно как и сделанная одним досада удовольствием других в скором времени уменьшаема бывает.

б) Но всего вышеупомянутого еще не довольно. Сколько произведенные зверки связаны между собою союзом любви и дружества, столько ж или более любят они все главного своего праотца и почитают его, как отца и главного над собою начальника, и состоят всегда у него в повелении. Что касается до него, то и он соответствует им равномерным образом и не только всех их любит, но во всякое время старается их защищать и помогать им, так сказать, до последней капли крови. Сия обоюдная их любовь приносит уже с собою то следствие, что благоденствие и злополучие детей зависит всегда от всегда от благоденствия или злополучия семейств их начальника. Ибо как скоро сей праотец их велик и имеет власть, то и они все у него равно как под крылом и не боятся никаких напастей; ибо хотя бы которому-нибудь из потомков и случилось какое зло, например, оно было б угнетено, то есть из великого малым сделано, или б отнято у него команда, так праотец постарается тотчас опять привести его в прежнее состояние и опять вспоможением своим увеличить, буде только сам он находится в силах. Но как скоро самое коренное желание, или их праотец, атакован и уменьшен будет, тогда и все они без него опешат и равно как лишившись своего начальника и покровителя приходят в уныние, нестроение и в малодушие и не только не могут уже с такой живностию действовать, но теряют много, а иногда совсем всю величину свою и вместе с ним погружаются в крепкий сон. Из сего явствует, что угнетение начальных или, так сказать, коренных стремительств несказанно важнее угнетения малых или от него произошедших желаний.

В сем случае, можно сказать, отрубаются только небольшие веточки с дерева, которые не преминут опять тотчас вырасти, а в первом отрубается или повреждается целый большой сук с дерева, с которым малые ветви уже сами отпадают. Вот причина, отчего в пороки погружившемуся и исправить себя желающему человеку то весьма мало пользует, естли он временно и только от малых своих и неважных худых привычек отучать себя станет, а о заграждении самого источника, или уменьшении самого главного стремительства, помышлять не станет. Ежели сравнить душу с колодезем, а желания — с разными ручьями, из него проистекающими и паки на многие другие и малые ручейки разделяющимися, то в сем случае можно уподобить такого человека малому ребенку, старающемуся унять течение воды запруживанием прудков на самых дальних и малых ручейках, вместо того, чтоб ему заградить воду в самом том месте, где она из колодца вытекает, в котором случае все прочие ручейки сами бы обсохли.

11.

Кроме всего вышеописанного примечается еще очень важное в рассуждении желаний наших обстоятельство или свойство, а именно, что многие из них могут делаться аффектами, или воспаляющимися пристрастиями. Чтоб изъяснить сие удобопонятнее, то я возьму прибежище мое к той же аллегории и для изъяснения скажу, что между всем множеством обитающих в душе нашей зверков есть некоторые особого от прочих свойства, состоящего в том, что в случае разбужения могут они вдруг и с превеликою скоропостижностью увеличиться и из маленьких сделаться превеликими, например, из мушки в один почти миг с собаку или лошадь или самого слона, и вспыхнуть как порох. Сих зверков можно уподобить лютым каким-нибудь зверям или гадам, например, барсам, крокодилам, аспидам, риноцерам⁷ и тому подобным, тем наипаче, что они очень неугомонны и когда по несчастью сорвутся с цепей своих, то приводят всех зверков и птичек в каюте, или мысли и желания в душе, превеликое и такое нестроение и замешательство, что нередко нарушается весь порядок, и проистекают от того великие и часто опасные для всего человека следствия и по-

вреждают все его здоровье или иногда в один миг лишают жизни. Все сие доказывает, что сей род опасных зверков можно почесть внутренними и опаснейшими нашими врагами и злодеями и для того сколько можно от разбуживания злейших из них остерегаться. Сего не можно будет прежде учинить, покуда не познакоимся мы с ними несколько ближе и не узнаем подробнейших касающихся до них обстоятельств. Итак, о сих неугомонных зверках надобно в особенности примечать следующее.

1) Разбужаются они также мыслями, или птичками, как и прочие желанья и зверки.

2) Проснувшись хотя они и скоро увеличиваются, однако не во всех человеках с одинаковою скоростью. Но в иных скорее, в иных медленнее, да и между собою в сем случае несколько различны.

3) Увеличиваются они постепенно, а не вдруг делаются большими, то есть не вдруг делаются со слонов, а сперва из мушки в пчелку, там с птичку, кошку, собаку, медведя и так далее, хотя сие происходит скоропостижно.

4) Сие увеличение умножается тем скорее, чем становятся они более, а покуда они малы, до тех пор увеличиваются медленнее.

5) Способность к скорейшему увеличению делается тем более, чем чаще они будут разбуждаться, а чем реже они будут просыпаться, тем ленивее становятся и тем с меньшею способностью могут воспаляться и увеличиваться.

6) Во время увеличения своего до тех пор, равно как и прочие желанья, состоят они под властью общего своего генерала, или произвола, покуда они величиною своею не превзойдут величину оною. А превзошед его величину и сорвавшись, так сказать, с цепи, выбиваются из под его власти и получают над всем каютом такое господствие, что все зверки и птички и самые главные начальники принуждены уже пред ними пашевать⁸ и хорониться в щели.

7) Таковое зло было бы весьма для человека вредительно, если б натура не сделала уже наперед некоторого от того лекарства, снабдив их другим и много неугомонный их нрав побеждающим свойством, состоящим в том, что они не могут уже долго быть в одинаковом величины своей состоянии, но, побыв несколько

времени и смотря по различию обстоятельств долее или короче в своих пыхах⁹, начинают мало-помалу опять уменьшаться и, сделавшись по-прежнему с пчелку или мушку, засыпают и успокаиваются. В которое время восстанавливается в душе опять прежний порядок. Можно сказать, что сие великое для нас уже спасение, а без того погибшие бы мы были люди, почему желал бы я, чтоб сие обстоятельство вы, дорогой читатель, в особенности заметили, тем паче, что впереди до него часто будет доходить дело.

8) Еще примечается за ними то, что неугомонность сих мятежников так велика, что они не только сами собственными своими птичками разбужаются, но так чутки, что иногда самая безделица и совсем посторонние и другим зверкам свойственные птички или мыши их разбудить могут. Одним словом, они великие охотники к работе и готовы со всяким действующим зверком, или желанием, просыпаясь, соединять свое действие и ему помогать.

9) Наконец, примечается, что все они двоякого рода; одни из них, так сказать, хорошие, а другие злые и худые. Наиглавнейшие из хороших известны более под именем 1. удивления и 2. радости, а из злых 3. страха или боязни, 4. пугания или ужаса, 5. гнева или вспыльчивости со своими отродьями, как то любовоместия, ревности и прочее, 7. тоски или трепета, 8. отчаяния и некоторых других. О чем о всем после в приличнейшем месте, равно как и о возможном преодолении оных, упомяну я подробнее.

Сии, то одиннадцать свойств желаний наших суть наиболее примечания достойны, прочие же уже не столь важны, чего ради упомяну я об них только вскользь.

12.

Двенадцатое свойство желаний, или зверков, наших состоит в том, что действия их не во всех человеках одинаких совершенств, но у одних они действуют живее и могут скорее увеличиваться, а у других ленивее и увеличивается медленнее. У одних они сильнее и непреоборимее, а у других не таковы сильны и могут с меньшим трудом одолеваемы и уменьшаемы быть. У одних действие и величина их длиться долее, а у иных короче. А от всего того и проистекает разнота человеческих нравов, или так называемых

душевных темпераментов, известных под именем сангвинический, холерический, меланхолический и флегматический и смешанный из всех их или из некоторых из оных натуры; но о чем для тесноты места в подробности говорить я оставляю.

13.

Тринадцатое свойство желаний наших состоит в том, что каждое желание, стремясь к вещи, стремится вкупе и к средствам, чрез которые ту вещь получить можно. Например, человек, желая быть в Москве или в Петербурге, имеет вкупе желание и к езде туда, как к средству.

14.

Четырнадцатое свойство известно под именем мужества, или великодушия, и состоит в способности к легчайшему преодолению случающихся препон и трудностей при насыщении желаний наших, чему противопоставляется малодушие и трусливость. Оно также не во всех человеках одинаково.

15.

Пятнадцатое свойство желаний наших состоит в том, что некоторые из них при действии своем производят во внутренности и наружности нашего тела некоторые перемены. Как, например, радость, скорое движение крови, а иногда и приятные слезы и смех, гнев, истечение желчи из его пузыря и от того происходящие во всей внутренности и наружности лица чувствуемые и видимые перемены, пугание, трепетание сердца, печаль, слезы и вздохи и так далее.

16.

Шестнадцатое свойство желаний наших состоит в том, что всякое из них хочет иметь о вещах, к которым стремится, яснейшее понятие. То есть всякий зверек любит, чтоб помогали ему в действии множайшее число птичек и как можно лучше пением своим означали ему ту вещь, к которой он стремится, для которой причины и дана им способность разбужать птичек и приумножать количество работающих.

17.

Семнадцатое свойство желаний наших состоит в том, что всякий зверек любит, так сказать, свою жизнь и хочет быть в целости, то есть стремиться к своему бытию, без чего натурально ему действовать не можно. От сего-то свойства и происходит то общее всем человекам и беспредельное желание и любовь к жизни; также и то, что мы хотим жить бесконечно и когда умрем, так чтоб и имя наше было живо. Свойство сие составляет великую важность и доказывает нам бессмертие души нашей.

18.

Осьмнадцатое свойство желаний наших есть то, что все они стремятся не только к настоящему, но и к будущему. То есть всякий зверек имеет желание, чтоб желаемую вещь не только ныне, но и впредь получить было возможно. От сего-то происходит общее во всех нас и толь великое к предбудущим вещам желание.

19.

Девятоенадесять свойство наших желаний состоит в том, что всякое стремится к возможности желаемой вещи, то есть всякий зверек желает, чтоб получение той вещи, которою он насыщается, было и возможно. От того происходит склонность наша пользоваться случаями к исполнению своих желаний, также и то, что мы имеем отвращение и от возможности могущего случиться нам зла, или желаниям нашим противодействия.

20.

Наконец, двадесятое свойство желаний наших известно под именем так называемого нравственного или, лучше сказать, душевного вкуса. Для изъяснения сего должен я, следуя той же аллегории, сказать, что все помянутые зверки имеют равно как чувство вкуса и могут разбирать, что для них приятнее и лучше других вещей. От того самого происходит, что о всех делах в свете не все люди одинаких, но разных бывают мыслей, но обыкновенно одна и самая та ж вещь одним кажется лучше, а другим хуже, иные находят в том, а иные в другом приятность. Впрочем, о сем душевном вку-

се примечается то, что он бывает иногда хорош, иногда испорчен и портится так, как телесный наш от частого и развратного употребления какой вещи, и что также его портить и исправлять можно. Наконец, сие свойство потому наиболее примечания достойно, что от самого того и прискучивают нам от долговременного и частого употребления такие вещи, которыми сначала мы очень веселились, а противные вещи со временем бывают сносными.

Сии суть разные и наизнатнейшие свойства желаний наших. Все они достойны примечания тем паче, что в последствии сей книги при многих случаях надобность будет ссылаться на оные. Но как число их немало, и они читателем легко могут быть позабыты, то не за излишнее почел я для лучшего напоминания сделать им при сем сокращенный реестр, в немногих строках состоящий. Они суть следующие: а именно.

Все желания наши:

1. Могут спать, и разбужаемы быть.
2. От натуры голодны и хотят и могут насыщаемы быть.
3. Ненавидят противного и могут оскорбляемы быть.
4. Могут успокаиваемы или умиряемы быть.
5. Стремятся к веселию и благополучию.
6. Хотят быть в деле и работать.
7. Не любят трудиться тщетно.
8. Из добрых, могут делаться негодными.
9. Могут увеличиваться и уменьшаться привычками.
10. Могут производить другие желания от себя.
11. Могут воспламеняться и делаться пристрастиями.
12. Не во всех человеках одинаких совершенств.
13. Стремясь к вещи, стремятся вкупе и к средствам.
14. Имеют разную степень мужества.
15. Производят некоторые перемены в теле.
16. Стремятся к ясному о вещах понятию.
17. Хотят быть целыми и иметь свое бытие.
18. Стремятся к будущему.
19. Стремятся к возможности вещи или предмета.
20. Имеют вкус, и от того истекают разные душевные вкусы.

Вот все, что намерен я был о существе и свойствах наших желаний, равно как и об общем расположении между ними и мыслями нашими, сказать, и сего на теперешний случай будет довольно. Теперь не знаю, не наскучил ли я вам, дорогой читатель, своим враньем и болтаньем, и не сочтете вы все вышеговоренное совсем излишним и посторонним делом. Также угодна ли вам или не угодна моя аллегория и изобретенное мною сравнение мыслей наших с птичками, а желаний — с зверками. В обоих случаях прошу меня извинить и быть уверенными, что я все сие не для чего иного делал, как для произведения вам существительнейшей пользы. Ибо не зная в подробности свойств желаний наших и сопряжения их с мыслями и другими силами души и не получив о том сколько можно яснейшего понятия, не можно будет вам с хорошим успехом созидать духовное здание благополучия вашего, кое, как прежде я уже довольно упомянул, от частейшего насыщения их зависит. Равно как не можно архитектору с хорошим успехом прочного вещественного здания созидать, если бы он о натуре и качестве материалов не будет иметь достаточного сведения. А что я о них как о зверках говорил, то не уповаю я, чтоб вы не могли из всего предследующего усмотреть, что я далеко от того удален, чтоб их в самом деле почитать живыми зверками, но что под сим уподоблением говорил я для подания вам об них лучшего и удобнейшего понятия, а особливо таким читателям, которые может бы не в состоянии были понимать все сии философические истины, есть ли бы я об них обыкновенными глубокого размышления и тонкого понятия требующими философическими словами говорил, и не одел бы сии душевные и невещественные силы и действия сил в птичье и звериное платье. Не все читатели мои могут быть философы и без скуки читать тонкие философические рассуждения, а тем меньше во всей обширности понимать и помнить оные. Итак, надеюсь, что все выше упомянутое мне как теперь благосклонно отпущено будет, так и впредь отпустится, если я сию же аллегория иногда напоминая, таким же образом нужное изъяснять буду. Я окончу сие против чаяния моего увеличившееся рассуждение следующими многими примечаниями.

Во-первых, из всего вышеупомянутого, надеюсь, могли вы, дорогой читатель, сами усмотреть, что и в усмотрении неизвестной внутренности души нашей является такой же чудный или еще удивления достойнейший порядок, какой и во всех прочих в точность далеко нам непостижимых делах великого Создателя нашего видим. Теперь признаться надобно, что о душе нашей мы еще очень малое знаем, и все выше говоренные и аллегорией изъясненные вещи извлечены только из примечаемых нами ее действий, которым мы довольно надивиться не можем. А какие бы чудеса увидели, может быть, мы, естли б могли когда-нибудь в самом деле заглянуть во внутреннее устройство оной, которое нам совсем неизвестно.

Во-вторых, из предследующего изъяснения многообразных свойств желаний наших не будет трудно вам самим, дорогой читатель, отчасти уже усмотреть, каким образом и чем желания нам в себе производить, увеличивать, также уменьшать и угнетать можно. А именно, когда каждое желание наше, или зверек, разбуждается птичками, или мыслями, увеличивается от частого просыпания и повторения своего действия, одолевается произволом и разумом и не может действовать, когда не будет действия мыслей, то нетрудно уже заключать, что всю важность составляют помянутые птички, или мысли, также обе знатнейшие силы нашей души — разум и произвол, и извлечь следующие четыре общие и генеральные правила.

1) Хотим когда мы возбудить в себе какое желание, то надобно стараться производить в себе о той вещи живейшие мысли, к которой то желание стремиться долженствует, или разбудить наперед поболее приличных птичек, от чего проснется уже и сам зверек. О правилах, при том употребляемых, упомяну я при других случаях.

2) Хотим когда мы увеличить какое желание, то надобно только почаще его разбуждать и давать ему свободу долее действовать.

3) Хотим когда мы уменьшить в себе какое увеличившееся желание, то надобно только стараться о том, чтоб оно реже просыпалось, но как можно долее и более спало, а когда проснется, чтоб меньше действовало, от чего уменьшится оно само собою.

4) Хотим когда мы, чтоб проснувшееся желание скорее опять заснуло и меньше имело времени увеличиваться, то нужно только,

скорее помощью произвола прогнать из головы о той вещи мысли, то есть остановить и принудить заснуть птичек, переменив их другими, то заснет зверек тотчас сам собою, ибо без птичек, или мыслей, действовать не может.

Вот общие и в немногих словах состоящие, однако, не смотря на то, наивеличайшего примечания достойные правила. Сами вы видите, что на них, как на четырех столбах, оснуется все здание искомого благополучия, и притом легче можете заключить, что они дальнейшего изъяснения достойны. Однако сего за теснотою пределов сего рассуждения учинить мне теперь не можно. Чего ради скажу только сие, что хотя все вышеупомянутое зависит от наших мыслей, мысли же наши состоят в нашей власти и подвержены власти разума и произвола, и мы их всегда, когда хотим, возбуждать и прогонять можем, однако, несмотря на то, есть еще очень много нужного, о чем в рассуждении сего пункта в подробности знать необходимо надобно, но о чем упомяну я впереди, когда о истреблении нравственного зла в X рассуждении говорить буду, где о том и смотреть надобно. Теперь же по порядку надобно мне к поименному исчислению находящихся в душе нашей знатнейших желаний приступить и вам, дорогой читатель, таким же образом рассказать, какие собственно находятся в нас желания и в каком они между собою содержании, каким я теперь об общих до всех их касающихся обстоятельствах говорил, и чрез то с ними и с душою еще ближе познакомить.

РАССУЖДЕНИЕ VI

О начальных и врожденных желаниях
и о происходящих от них других желаниях

При искании благополучия того еще очень не довольно, когда мы будем только знать, какого существа наши желания, какие они имеют свойства и чем могут возбуждаемы, сокращаемы и угнетаемы быть, но не меньше того и то знать потребно, какие бы собственно сии желания были, а особенно наиглавнейшие и те, от которых прочие, как от матерей, имеют свое происхождение и которых увеличение или уменьшение несравненно важнее прочих. Без сего

знания не можем мы прямо приступить к исканию своего благополучия и ожидать от стараний своих хорошего успеха.

Для сей причины за необходимое почел я и сей пункт не опустить из моего примечания и постараться упомянуть и об нем хотя вкратце, но, по крайней мере, сколько к намерению моему необходимо надобно. Ибо обстоятельное разобрание сей материи по странству своему далеко не может вмещено быть в пределы сего сочинения.

Таким образом, надобно знать, что не все желания наши происходят от других, но самое сие в предследующем рассуждении упомянутое и изъясненное их свойство приносит с собою уже то последствие, что порядку сих друг от друга родящихся желаний не можно быть бесконечному, и потому надобно быть первым, которые бы ни от каких других уже не происходили, но врождены бы были в нашу душу. Таковые врожденные желания можно по справедливости назвать коренными, потому что прочие от них, как от корней, имеют свое происхождение.

Но прежде, нежели скажу, какие бы собственно сии врожденные, или коренные, желания были, надобно мне включить сюда следующие три примечания. Во-первых, что сии главные коренные желания суть всем человекам общие, и нет такого человека, который бы не имел оных, потому что мы все с ними уже родимся. Во-вторых, что они в самом начале и происхождении своем добрые, а не худые. В-третьих, что они двоякие: одни из них свойственны только человекам и потому называются человеческими, а другие у нас общие с другими животными, то есть такие, какие есть и у нас и какие точно имеют и скоты, и называются они обыкновенно скотскими коренными желаниями или стремительствами. Которое различие великого примечания достойно.

Мы начнем теперь с первых, то есть с человеческих. Число сих примечания наидостойнейших коренных и врожденных в нас стремительств весьма невелико. Их всего только три. Но я сожалею, что не имеют они такого общего названия, которое бы могло подать об них всякому понятие. Может быть, происходит сие от того, что редкие доходили до познания и примечания оных. По которой причине и принужден я их так называть, как называют их философы.

1.

Первое человеческое коренное желание есть стремление или склонность к собственному нашему совершенству или желание видеть состояние свое в надлежащем совершенстве и оное от часу совершеннее делать. Сила сего стремления побуждает нас желать и делать все то, чрез что думаем и надеемся мы привести самих себя в совершеннейшее состояние, несмотря какие бы то совершенства ни были — существительные или побочные и случайные. Одним словом, под сим стремительством разумеется некоторым образом собственная наша и всем человекам свойственная к самим себе любовь. А как о сем стремительстве впереди часто будет упоминаться, то для кратчайшего выражения назовем его просто стремительством к совершенствам.

Важное сие природное стремительство производит от себя многие другие и различные желания, а от сих родятся уже третьи и так далее, но все сии произведенные желания не во всех уже человеках бывают в одинаком множестве и величине и могут почтяться случайными. Наиобыкновеннейшие и известнейшие из них суть следующие.

Во-первых, желание приводить разум свой в лучшее совершенство или им действовать. От сего ж желания родятся: 1) желание или охота наполнять колико можно множайшими понятиями, 2) желание чувствовать, 3) желание размышлять или охота к выдумкам, 4) желание делать заключения, 5) желание испытывать причину вещей и прочее. И как чрез все то можно дойти до познания истины, то все оные желания можно вообще назвать стремлением к истине, или истиннолюбием, которого стремительства примечания достойная часть есть желание ясности. — Впрочем, когда помянутое истиннолюбие собьется с пути, как то часто со всеми желаниями бывает, то могут из него излишнее любопытство, суеверие, неверие и бесчисленные другие желания родиться. — Наконец, как по причине истиннолюбия нам приятно, когда мы находим в чем истину или что-нибудь по правилам и порядочно расположенное, то происходит от того между прочим охота к разным увеселительным играм к стихотворству, музыке и тому подобное.

Во-вторых, от желания совершенств родится желание поступать согласно с разумом, или все свои дела так располагать, как предписывает разум; никаких же нелепостей и здорных дел не делать.

В-третьих, от желания совершенств родится желание к совершенству нашего тела. Как-то к силе, крепости и проворству членов и телесных упражнений и таких художеств и наук, которые чрез употребление наших членов производятся, как-то охота к пению, писанию, игранию на инструментах и прочее тому подобное.

В-четвертых, от желания совершенств родится желание к вольности как такого состояния, в котором во всех своих делах можно б нам было следовать своим рассудкам, а не распоряжать свои поступки по хотению других. А из сего желания родятся уже желания к власти, богатству, дружеству и чести; а из сего, наконец, желание наружных признаков чести, например, славе, хвале, высоким чинам и достоинствам, рангам, титулам, комплементам и прочее тому подобное.

В-пятых, наконец, от желания совершенств родится желание пользоваться вещью всею, ибо с совершенством согласнее иметь и пользоваться всею вещью, нежели одною частью оной. Сие желание достойно великого примечания, потому что в случае, когда собьется с пути то бывает поводом ко многим и величайшим дурачествам и упрямствам.

2.

Второе человеческое коренное желание есть стремительство к соединению себя с таким предметами, в которых мы видим и примечаем совершенства или в них оным быть думаем. Оно от первого отменно тем, что по силе первого желаем и ищем мы собственного своего совершенства и для своей пользы, а по силе сего соединения с совершенствами желаем мы и без помышления о себе и о пользе, которую бы мы от того ожидать и получить себе могли, но единственно для того, что они совершенства суть. Коротко под сим стремительством разумеется вообще то общее и всем человекам свойственное от природы бескорыстное любление посторонних хороших и совершенства в себе имеющих вещей. Почему для

кратчайшего выражения и назовем его короче и проще стремлением любовным.

От сего не менее важного коренного общего стремительства родятся также многие иные, но такие желания, которые не во всех человеках в одинаком количестве и величине, но случайными почестся могут. Ибо как по силе сего стремления мы со всякою такою вещью в некоторый союз или соединение вступить желаем, в которой мы находим и видим совершенство или хорошее, то и происходит из оногo.

Во-первых, желание видеть и смотреть на совершенное или любоваться хорошими совершенными и прекрасными вещами, потому что сие смотрение составляет уже некоторый род соединения.

Во-вторых, желание совершенными вещами владеть, их употреблять и ими наслаждаться. Стремление сие клонится к обоим родам бываемых в вещах совершенств, то есть к так называемым умозрительным и вещественным. По чему от соединения с умозрительными совершенствами следствием бывает увеселение красотою, пригожеством, украшением и убранством вещей, а от соединения со обоими родами совершенств увеселение картинами, рисунками и живописью, прекрасным строением, садами, музыкою, стихотворством, красноречием и так далее.

В-третьих, из всех происходящих от сего коренного стремительства желаний ни которое так многого примечания не заслуживает, как стремление нравственной, или духовной любви; следовательно, его в особливости в рассуждение принять надобно. Оно состоит ни в чем ином, как в такой склонности или желании к соединению себя с другими разумом одаренными духами и человеками или к такой бескорыстной и духовной любви к ним, когда мы в делах их такое участие берем, что все то, чего они хотят, или все их намерения не иначе как собственно своими почитаем, стараемся им угождать и увеселяемся их благополучием без всякого притом помышления о собственной нашей пользе, но единственно для примеченных в них совершенств. Легко можно усмотреть, что под сим разумеется существо самой чистейшей духовной любви, которая имеет следующие свойства, а именно: 1) что мы стараемся любимому нами сим образом угождать, 2) веселимся благополучием его как своим

собственным, 3) служим ему охотно и даром, 4) ищем взаимной от него любви, 5) хотим, чтоб он был с нами одного мнения, 6) стараемся быть ему подобными, 7) любим с ним разговаривать и охотно во всем ему уступаем, 8) любим быть и находиться с ним вместе, 9) охотно ему во всем верим. Однако любовь сию не должно смешивать с любовью между отцами и детьми, также и с венерическою, а равномерно и с самолюбием, а наконец, вообще с тем знаменованием, когда всякая склонность некоторым образом любовью называется. Впрочем, сия духовная любовь разделяется на чистую и нечистую, или корыстолюбивую. А из стремления к соединению с совершенствами родится склонность к натуральному и природному человеколюбию, или люблению всех людей.

3.

Третье человеческое коренное стремление отменно уже существом своим от обоих предследующих и по справедливости наивеличайшего примечания достойно. Оно известно под именем стремления совестного и требует уже дальнейшего изъяснения. Совесть не иное что есть, как рассуждение о доброте и худобе наших дел или, так сказать, мысленной пробильный оселок¹⁰, на котором познается, согласны ли наши дела с законом Божеским или ему противны. А совестное стремление, которое тому основанием, есть природное всем нам стремление, побуждающее нас к познанию и исполнению Божеского нравственного закона, то есть понуждающее нас Божеские законы почитать правилом, по которому бы нам все свои дела из послушания к Богу и для зависимости нашей от него распоряжать, а в противном случае опасаться Божеского наказания. По которой причине всякий раз, когда мы то наблюдаем, сие стремление насыщается, и мы от того чувствуем наиприятнейшее увеселение, а когда не наблюдаем, то совесть наша нас мучит и угрызает. Впрочем, было бы слишком пространно, если бы о важном сем коренном стремлении в самой подробности говорить. Материя сия слишком тонка и не всякому удобопонятна. Чего ради я, напомянув, что в последствии сей книги при многих случаях будет о том много упоминаться, то только теперь скажу, что под сим стремлением можно разуметь врожденную в нас склонность,

побуждающую нас, равно как пружиною, к исполнению всего того, что Богу угодно, и к должному Ему повиновению и послушанию. Или короче: на сию склонность собственно целит Священное писание, когда говорит, что закон у нас на сердце написан.

В каком состоянии в нас стремление, о том говорить будет много, а только то скажу, что оно далеко не в таком градусе величины, в каком ему быть должно, но сбито с пути, что и подало ученым повод совесть разделять на разные роды, как-то на достоверную и сомнительную, на правильную и заблудшую, на предследующую и последующую, на худую и добрую. А состояние сего стремления разделять на спящее и проснувшееся и так далее; но что в подробности рассматривать пределы сего сочинения мне не позволяют.

Вот все, что до человеческих коренных стремительств принадлежит и о чем упомянуть почел я за надобное. Теперь приступим к скотским, или таким, которые мы вместе со скотами и прочими животными имеем и которые натурально можно почесть временными и одной только нынешней жизни свойственными. Потому что они предметом себе имеют вещи, касающиеся только до скотской нашей натуры, а именно движения, пропитания, размножение своего рода и непосредственное чувственное наслаждение телесными благами.

Собственное число сих коренных скотских стремительств назначить никоим образом не можно и потому остается только их разобрать и включить в разные классы. Ученные разделяют их на два класса; и к первому принадлежат всякого рода стремления, побуждающие нас к действованию некоторым образом в нашем теле, а ко второму — желание видеть тело свое в некаком определенном состоянии. Пространное и обстоятельное всех сих разных желаний разобранье было бы самым излишним и скучным делом; чего ради включу я здесь некоторые только общие до них касающиеся примечания.

Итак, во-первых, надобно знать, что к сим желаниям принадлежат вообще все те, которые имеют предметом себе наше тело и его состояние, как, например, желание к хождению, сидению, лежанию, упражнению нашими членами, сну, к пище и питию, глядению, слышанию, обонянию и различному осязанию, к совокупле-

нию, любви к детям, питанию оных, к здравью и, одним словом, ко всему тому, от чего произойти в нас может приятное телесное чувство или ощущение.

Во-вторых, что состояния, в которых мы тогда находимся, когда сии желания насыщаются, называются телесными увеселениями. Напротив того, когда им противное происходит, — телесными при-скорбиями и болезнями.

В-третьих, что сии скотские стремительства по большей части действуют в нас сильнее человеческих, и потому противодействие оным бывает нам слишком чувствительно, как, например, голод, жажда и телесные недуги и болезни.

В-четвертых, наконец, что сии скотские стремительства нередко иногда действие свое сопрягают с действием человеческих стремлений, то есть с желанием совершенств и любовным стремительством и их отродьями, от чего действия оных тогда бывают наисильнейшими. В пример тому возьмем как вообще любострастие, так в особливости венерическую любовь. В случае которой совокупляются многие стремительства совокупно, и потому действие оной бывает столь удивительно, сильно и скоропостижно.

Вот все, что я за нужное почел вкратце упомянуть о главных наших желаниях и о происходящих из них других, а от сих — прочих. Но признаюсь, что я сообщил им только, так сказать, родословную и так коротко, как только мне возможно было. Почему легко могу заключить, что иным будет она скучна, а другим темна и непонятна. Чтоб сему некоторым образом пособить, то да позволено мне будет присовокупить к сему краткое всему тому аллегорическое изъяснение. Я возьму прибежище мое к самой той же аллегории, которою изъяснял я свойства желаний, и испытаю, не могу ли продолжением оной подать вам, дорогой читатель, простейшее о сей важной материи понятие или, по крайней мере, предложить удобнейшее средство к скорейшему напоминанию сих коренных стремительств.

В предследующем рассуждении упоминал я, что зверки, управляющие судом, или наши желания, родятся от других и имеют, так сказать, отцов, дедов и прадедов, также что между ними есть начальства и власти. Сии-то их праотцы суть помянутые выше сего

коренные стремительства, которые вкупе отправляют должность и их нижних начальников.

Теперь представьте себе, чтоб все сии праотцы были двоякого рода. Одни как судовщики или матросы, а другие как пассажиры или посаженные на суда управителями. И сочтите первыми скотские, а вторыми человеческие коренные стремительства.

Должность первых, или судовщиков или матросов, состояла бы только в попечении о внутренности и наружности судна. Они должныствовали бы действиями своими приводить судно в различное движение, снабжать его потребными для действия внутренних машин материалами, производить самые внутренних и внешних машин действия, также приготавливать на старых судах новые суда и спускать оные, так сказать, на воду для размножения флота и награждения бывающего всегда в нем от пагубы и разрушения многих судов ущерба и прочее тому подобное; о чем в подробности изъяснять было бы слишком много. До прочего ж им нет никакой нужды; почему и дление их работы до тех только пор продолжается, покуда корабль цел и находится в своем плавании. Когда ж чудная сия машина каким-нибудь образом разрушится, например, потонет или внутренняя связь машин испортится или оные так смелются, что каюту, или душе, работать и ими действовать будет не можно, тогда пресекается и их действие, и они по отлучении каюта из корабля, не имея уже более своих предметов, то есть машин, которыми они действовали, погружаются в глубокий сон. Что с ними далее воспоследует, и навсегда ли сей их сон продлится или когда-нибудь они опять разбужены будут, того неизвестно. Легко только может статься, что будет когда-нибудь время, что они опять разбужены и действовать будут, то есть в таком случае, если Создателю всего света угодно будет первые частички разрушившихся и сгнивших судов, которые натурально пребудут навсегда целы, ибо без воли Создателя ничто не в состоянии их уничтожить, опять собрать и, построив из них новые и отменного и лучшего уже сложения суда, или тела, вложить в них самый тот же кают, или душу, который в них был, что для него столько же возможно, сколько возможно было создать их при начале. И тогда может быть в устроенных новых судах, или телах, неизвестных нам внутренних машин можно

будет сим матросам, или стремительствам, опять начать прежнее свое, хотя уже совсем отменное от нынешнего, действие. Однако всего сего неизвестно. А по крайней мере то только из сего видно, что такое воскресение мертвых с новыми и просвещенными телами, о каком говорит Священное писание, далеко не таково нестройно, как то некоторым кажется.

Что касается до другого рода зверков, или пассажиров, то сии отменны уже от первых весьма многими обстоятельствами и имеют пред ними несравненные преимущества. Они обладают ими как господа, и все почти судовщики и матросы состоят у них под властью и под командою, кроме некоторых, которым поручены особливые и до действия самими внутренними и важнейшими машинами касающиеся должности и которые не мешаются уже ни в какие другие дела и не состоят ни у кого под командою, ниже у самых главных начальников судна, а отправляют свое и до сохранения всего судна в целости касающееся дело. Прочие же все подвержены власти пассажирных зверков и должны как свои определенные дела, так и то делать, что им надобно. Потому что сии пассажирные зверки, или человеческие стремительства, суть собственные и всегдашние жильцы в каюте и никогда не отлучны от души. Одним словом, они представляют собою правителей судна, а помянутые матросы, или скотские стремительства, равно как нижние и случайные работники.

Примечания достойно, что действие сих пассажирных зверков хотя и простирается до самого судна, однако уже чрез посредство матросов, а не непосредственное, и потому сие действие их может почестся только побочным и случайным, а существенное, важнейшее и всегдашнее их действие имеет совсем другие предметы, и они стремятся не к вещественным, а к духовным вещам. Ибо как весь кают, в котором они обитают, не так тесно с кораблем и с внутренними машинами оного сопряжен, чтоб не мог никоим образом без него быть и действовать в случае разрушения или потопления корабля с ними вместе погибнуть, а вложен в него и с машинами соединен только на время и для управления оным и с ним никогда погибнуть не может, но в случае разрушения судна того момента вынимается вон и остается в целости, то для самого того и посажены в него такие птички и зверки, или врождены мысли

и стремительства, которые могли бы и без корабля, то есть без тела, в нем, или в душе, беспрестанно действовать и производить свою чудную и непостижимую и для жизни живого сего каюта необходимо надобную работу. И сие-то суть те самые пассажирные зверки, или человеческие стремительства, о которых я теперь говорю. Действие их бессомненно продолжается и после гибели судна, то есть после смерти нашей, что доказывают нам многие обстоятельства, а между прочим самое их существо и некоторые свойства оных, а особливо те стремления, кои в нынешнюю жизнь никоим образом совершенно насыщены и удовольствованы быть не могут, как, например, желание непрерывной жизни и благополучия. Что все много уже бессмертие душ наших доказывает.

Из всего вышеписанного легко можно уже заключить, что сим знаменитейшим пассажирным зверкам нет ни малой нужды до собственных действия машинами в судне, которых они и не разумеют, почему они о том и не заботятся, как им действовать, а оставляют и повелевают то производить матросам, как к тому определенным работникам, сами же о важнейших и высочайших вещах помышляют и пекутся, а именно.

Как помянутым кораблям, в которые они с каютом своим на время для управления ими вложены, назначено плавать по морю и не только одним, но со многими другими разного рода судами, с которыми они имели б многоразличные дела и сообщения, но чтоб сии дела и сообщения происходили порядочно и так, как главному всего Устроителю, или всего флота Государю, надобно. Следовательно, плавали б они сколько сами для себя, столько и для других судов, а паче всего для произведения, к чему они как все вообще, так и каждое в особенности назначено, то самые сии вещи и составляют предметы помянутых пассажирных зверков или паче их главнейших начальников трудов и попечения; а чтоб все могло способнее в действо произведено быть, то сим начальникам и распределены разные должности, а именно.

Первому из них поручено старание иметь о собственных пользах всего каюта и корабля, и он должен бдеть и пещися о том, чтоб как весь корабль, так в особенности кают и внутренность оного находилась всегда в хорошем и совершенном состоянии и порядке,

и приводим был час от часу в лучшее совершенство; тем паче, что корабль, а особливо кают, с начала своего не в самом совершенстве спускается на воду и подвержен еще многим несовершенствам и должен уже во время плавания своего сам себя приводить в надлежащее совершенство, почему и требует всегдашнего исправления. Почему и стремится сей начальствующий зверь, или человеческое коренное стремительство, всегда к приведению судна и каюта в лучшее состояние и для вспоможения себе производить от себя детей и внучат. Что он как сам собою, так и детьми своими чрез посредство работников, или матросов, и производит в действо. Из сего нетрудно усмотреть, что сего зверя можно уподобить некакому камериру¹¹, или дворецкому, пекущемуся о экономии и пользах внутреннего и наружного своего дома, то есть каюта и корабля, или души и тела.

Примечания достойно, что должность его состоит более в том, чтоб имел он попечение не столько о пользах и совершенствах всего корабля, сколько каюта. Причиною тому то, что корабль составляет его внешний и временный, а кают — внутренний и всегдашний дом и обиталище, которого деление и сообщение с другими каютами и без корабля, то есть после разрушения одного, продолжится навсегда. К приведению ж его в лучшее состояние назначено только то время, в которое находится он будет в корабле; ибо после исправит его уже будет не можно.

Второму поручена совсем другая и к сообщению с другими судами и вещами относящаяся должность. Он не имеет уже никакого попечения о пользах и совершенствах своего судна и каюта, но, оставляя заботится о том первом, помышляет сам уже о том, как бы ему с другими судами и вещами обходиться и поступать; иметь с ними такие дела, какие по предписанию начальника флота надобно, и сохранить со всеми ими взаимную любовь, дружбу и согласие. Для которой причины и врождена в него склонность любоваться всеми совершенствами, какие он в других судах, каютах и вещах находить будет, и стремление, побуждающее его бескорыстно любить как их всех, так и главного начальника и государя всего флота, или общества всех судов, дабы ему все назначенное, как собою, так и детьми своими удобнее можно было производить в действо и к нужным ка-

сающим до того делам побуждать первого своего товарища камерира. А по всему вышеописанному можно уподобить его министру, имеющему в ведомстве своем иностранные дела и заключающему союзы и трактаты с другими областями, то есть кораблями. Из чего видно, что должность его составляет великую важность.

Третьему их товарищу поручена отменная и обеих преследующих важнейшая должность. Он сделан над ними надзирателем и должен смотреть, чтоб оба они исправно наблюдали свою должность, не сбивались с пути и не предпринимали ничего излишнего. Одним словом, чтоб все дела свои так располагали, чтоб чрез то могло достигнуть до того намерения, к какому судно назначено или до какого весь флот кораблей в море от главного Государя своего отправлен, и не происходило никакого в делах их беспорядка и чрез то во всем флоте замешательства. Коротко он представляет поверенную от Государя особу или, так сказать, отправляет должность прокурора, который все дела обоих товарищей своих, равно как обоих главных командиров судна разума и произвола должен пересматривать и критиковать и, ежели дела их происходят порядочно, тем веселиться и их за то хвалить, а ежели что худое приметит, тем огорчаться и за то их осуждать, бранить и напоминать им их должности и сказывать им, что в таком случае делать и силою своею к тому их побуждать.

Сии суть главные нижние начальники пассажирных зверков. Легко можно усмотреть, что я под именем первого, или камерира, изъяснял человеческое коренное стремительство к совершенствам. Под именем второго, или министра, — любовное стремительство, а под именем третьего, или прокурора, — стремление и существо совести.

Теперь следовало бы мне таким же аллегорическим образом изъяснить и прочие происходящие от сих коренных стремительств и выше сего вкратце исчисленные многообразные желания, но как сие завело бы меня в великое пространство, я же не пишу здесь систему телематологии¹² и всего нравоучения, а только касаюсь до того вскользь и сколько к намерению моему надобно, то умолчав о том, оставляю сравнение оных самому читателю, которому, следуя сим путем, не трудно уже будет самому то учинить.

Что ж касается до обоих главных начальников судна, то есть разума и произвола, то об них, как о главнокомандующих всеми птичками и зверками, я уже упоминал прежде. По распоряжению натуры должныствовали б они иметь полную власть над обоими помянутыми нижними начальниками камериром и министром, с прокурором же быть в великом согласии и ничего не предпринимать без его совета и иметь его у себя, как некое святилище, в великом почтении.

Вот устройство, сделанное натурою во внутренности души нашей между ее силами. Теперь следовало бы мне в подробности изъяснить, в каком точно содержании должны между собою быть помянутые оба нижние начальствующие стремительства, то есть стремление к совершенствам и стремительство любовное, также в таком ли они, в каком надобно или в каком действительно находятся они как между собою и детьми своими, так с другими и главными начальниками ныне и прочее тому подобное. Но и сие завело б меня в великое пространство, а притом и принадлежит собственно до нравоучения, а не к моему теперешнему предмету. Однако как некоторое о том знание иметь и при искании благополучия необходимо почти надобно, то определю я к тому особое рассуждение и по мере сил своих все нужное изъяснить постараюсь.

РАССУЖДЕНИЕ VII

О состоянии, в каком находятся в нас наши
главные желания вообще

Премудрый Создатель, созидаая мир для великих намерений, создал и нас, конечно, не без причины. Такому великому и всесовершеннейшему Существу можно ли что делать по-пустому, когда всякое пустое и без всякого намерения сделанное дело и мы за великое несовершенство в себе почитаем? Итак, нет в том ни малого сомнения, что и мы произведены и на сей земле жить назначены, конечно, для чего-нибудь и на какой-нибудь конец, а не по пустому.

Следовательно, самый долг велит нам не только сей конец, или намерение божеское, узнавать стараться, но и всегда оный содержать в своей памяти, дабы можно было все свои дела так распола-

гать, чтоб они могли согласны быть с сим великого Производителя нашего намерением, а того удаляться, что может противно быть оному.

Сие упомянул я для того, что без того не можно нам правильно стараться о приобретении благополучия своего. Ибо самому сему благополучию не должно ли быть такому которое бы не противно было помянутому намерению и с ним согласовывалось? И не тщетный ли наш труд будет, естли мы в таких вещах оные полагать и искать станем, которые с оным намерением не согласуются и ему противны? Ибо можно ли его найти в том, в чем ему быть не назначено и в чем никогда его не бывало?

Не входя в подробные исследования и доказательства и оставляя то философам, скажу только, что всеми здравыми рассуждениями, заключениями нашего разума доходим мы, что концу, на который мы, человеки, созданы и на сей земле жить назначены, в следующем состоять должно, а именно.

Чтоб мы общими и совокупными нашими произвольными, а не принужденными стараниями приучали души наши к добродетели и оную б производили и укрепляли и чрез то приводили бы души наши в рассуждении нравственного их состояния от часу в лучшее совершенство, а притом дозволение имели бы без предосуждения добродетели благими сего света или вещами, в нем находящимися, к спокойствию и увеселению своему наслаждаться и пользоваться. После чего переселены мы будем в другую и бесконечную жизнь в том нравственном состоянии наших душ, в каком сия перемена их застигнет. Во которой жизни добродетельные совершенно блаженными учиняться, а непослушные наказаны будут и в которой как награждения, так и наказания будут располагать по пропорции добродетелей и не добродетелей, или так называемых пороков и беззаконий.

Вот конец, на который дана нам нынешняя жизнь. А из сего не следуют ли сами собою следующие важные и великого примечания достойные следствия.

Во-первых, что самым первым и главным концом есть не иное что, как производство добродетели, или учреждение наших дел во всем согласно с волею Божескою, ибо всякая добродетель не иное

что есть, как действия, согласующиеся с волею нашего производителя. И потому добродетель должна быть у нас всегда пред глазами, и мы ее всего выше и больше в свете почитать и производить стараться должны.

Во-вторых, что увеселение и сопряженное с тем временное благополучие не иначе можно почестъ, как побочным концом нашей жизни. Следовательно, мы одного потоплику только искать можем и должны, поколику то без предосуждения добродетели яко главного и первого намерения учиниться может.

В-третьих, что мы необходимо должны быть уверены, что, когда мы к такому намерению наипремудрейшим Создателем назначены, то необходимо уже одарены от него всеми потребными к тому силами и способностями, чрез которые бы мы до того достигнуть и сие намерение исполнить были в состоянии. В противном случае было бы тщетно назначивать нас к намерению, а притом сделать нас к исполнению того неспособными.

В-четвертых, что сие намерение должны мы исполнять самопроизвольно и без всякого принуждения. Самое сие обстоятельство делает нас способными к получению награждения и к наказаниям.

В сходствие всего вышеупомянутого премудрый Творец, одарив нас толь многими совершенствами, между прочим снабдил нас свободностью, или произволом, посредством которой силы можем мы из дел любые выбирать — либо добрые, либо худые — и следовать таким желаниям, каким сами заблагорассудим.

Сии желания, как выше уже довольно упомянуто, не все в нас врождены, но только немногие, прочие же происходят уже от них во время жизни нашей; но о всех их вообще можно сказать, что они в самом начале своем добрые, а не злые, злыми же делаются они от худого и злого употребления нами. Премудрый Творец вложил в нас только немногие и начальные желания, к произведению же прочих придал им только способность, равно как и к тому, чтоб все как они, так и происходящие от них, могли увеличиваться и уменьшаться. Сие же увеличение и уменьшение оных подвергнул нашему произволу. И все сие учинил не без причины, но для того, чтоб исполнение добродетели и получение будущего и нынешнего благополучия зависело б от нашего произвола, и мы сами б были

тому некоторым образом виновниками. И так с его стороны учинено все, и теперь зависит только от нас, хотим ли мы согласоваться с его распоряжением и все врожденные в нас способности и силы употреблять к тому, к чему они устроены, и чрез то исполнить намерение, к которому мы назначены.

Чтоб некоторым образом сие важное обстоятельство яснее изобразить, то скажу, что не без причины даны нам не иные, а те коренные стремления, какие мы имеем. Наиважнейшее из оных, а именно, стремление совестное, долженствующее нас ежеминутно побуждать к исполнению воли Божеской, дано нам для того, чтоб мы не могли извиняться незнанием того, что делать, и неимением к тому дальнего побуждения. Ежели рассудить о необходимо сопряженных с сим природным стремлением врожденных понятий о Боге и о его законе, то не погрешая можно сказать, что закон Божий написан у нас в сердце и к исполнению оного вложена в нас такая пружина, которая бы могла нас не только ежеминутно к тому побуждать, но и всегда быть наставником и руководителем, естли б только могла иметь совершенное свое действие и ей не деланы были нами помешательства. Стремление к совершенству дано нам для того, чтоб оно, побуждая нас приводить себя в лучшее состояние и совершенство, могло быть некоторым образом подпорою первому, естли б только действие оного пребывало в своих пределах и стремление сие не взяло верх над первым, наконец, третье коренное стремление, или любовь к совершенствам, или склонность к соединению с оными, то есть любовное стремительство, назначено к тому, чтоб мы силою оного не только равномерно ко многим хорошим делам имели побуждение, но как бесчисленные желания, от сего стремления происходящие, легче и скорее прочих могут насыщаемы быть, то во всегдашнее время могли б наслаждаться бесчисленными увеселениями, а чрез то совершаться побочный конец нашей жизни, естли б только оное в надлежащей своей величине могло всегда действовать.

Одним словом, все желания наши не с тем в нас вложены, чтоб они по своему произволу действовали, но чтоб находились они в надлежащем и таком распоряжении и друг у друга в повиновении, какое надобно. А именно, чтоб совестное стремление имело

верх пред обоими прочими, сии же не более бы действовали, как сколько без предосуждения первого быть может. Но так ли в нас происходит и в таком ли они друг у друга повиновении и между собою содержании находятся, о том остается теперь еще спрашивать.

Желал бы я, чтоб мог на сей вопрос сказать ответ не отрицательный! Но что делать, когда сего не можно и когда неволя велит признаться, что нынешнее расположение желаний наших и содержание между оными далеко не таково, каковому ему быть надобно. Вместо того, чтоб иметь верх совестному и любовному стремлению и всеми прочими обладать, ныне имеет верх стремление к совершенству и по несчастию так усилилось, что всеми прочими обладает; а что важнее всего, за величию сего стремление совестное так мало угнетено, что вместо величайшего действия имеет такое, которое действием почти назвать не можно.

Естли спросят меня, что ж бы сие мешало и какие следствия от того произошли? То скажу, что не иные, как печальные. Не успело сие стремление взять верх, как произвело во всей человеческой душе величайший беспорядок. Все склонности и желания пришли в превеликое замешательство. Те, которым бы наиболее в человеке действовать и увеличиваться надлежало, сделались угнетены, малы и потеряли всю величину своего действия, а места их заступили новые и происходящие от стремления к совершенству, с тою еще несчастною особливостью, что, вышедши из надлежащих пределов и соединившись с скотскими стремительствами, лишились натуральной своей доброты, сделались злыми и худыми. Величина их превзошла величину свободы и произвола. Они сделались по аллегории нашей барсами, медведями и слонами и потому взяли над человеком полную власть. Связали ему, так сказать, руки и ноги. Сделали его себе рабом, произвели и в разуме и воле его превеликое нестроение и господствуют над ним по своей воле, побуждают или, паче сказать, неволею заставляют его делать не то, что надобно, а то, к чему они сами стремятся. А от всего того и произошло то несчастное последствие, что большая часть людей ныне вместо вышеупомянутого намерения, или конца, на который их жизнь назначена, почитают тем только свой мамон¹³, или ложное совершенство, и ему одному служат и ему работают. О Боге же,

о его законах и о истинном своем благополучии всего меньше помышляют и радеют, а чрез то всю жизнь свою в непрерывных почти хлопотах, заботах, печалях и неудовольствиях препровождают. Можно ль же хуже сих каким следствиям быть?

Естьли спросят меня теперь, о всех ли людях сие сказать можно и во всех ли произошел сей внутренний в душе нашей беспорядок? То скажу, что, конечно, во всех, потому что мы по несчастию с тем уже все и родимся на сей свет.

Сие бесспорно иным удивительно и странно покажется, и найдутся, может быть, такие, которые пожелают знать, отчего бы это так делалось? Но я не знаю, ответствовать ли им на сие или нет, для того, что ответом на сие, может быть, вооружу против себя некоторых, которые нежность своих мыслей выводят из границ, и коим ответ мой, может быть, покажется столь странным, что они не преминут меня и все сочинение мое поднять на смех. Однако что делать, когда я столь глуп, что сажу почитаю черною, и что глаза мои не столь острозрительны, как у них, и не могут в ней приметить никакой белизны. Естьли могут они мне доказать и в том совершенно уверить, что сажа бела, а снег черен, а не бел, то и я согласен буду с их высокими мнениями и не буду более того утверждать, а до того времени да не прогневаются они на меня, что я, следуя самой истине, не обвиняя скажу, что кто бы что ни говорил, но то останется справедливо, что всему вышеупомянутому повреждению и замешательству, происшедшему во внутренности души нашей, ни что иное как падение нашего праотца Адама причиною. В нем первом по несчастью произошла сия перемена, а от него наследовали и наследуют потом все его потомки. И сие самое может служить великим и очевидным доказательством истине Христианского закона и всего откровенного Слова Божия.

Естьли б стал кто, любопытствуя, далее меня спрашивать. Каким же образом это делается, и мы, по-видимому, невинно со своей стороны терпим соучастие в несчастных следствиях падения нашего праотца, то сим, не обвиняясь, признаюсь, что сего вопроса решить я не в состоянии. Потому что сие принадлежит к тем тайнам, которые угодно было от нас для неисповедимых своих судеб сокрыть великому нашему Производителю. Почему и им советую

в сем пункте далее не любопытствовать, но довольствоваться тем только одним, что нам открыто. Довольно, когда ежедневное искусство доказывает нам, что сие наследие праотеческого греха действительно есть и мы на свет с тем уже родимся. А что о том нам знать не дано, почему и каким образом сие происходит, так не могут ли быть тому разные причины? Почему знать, может быть, это такое таинство, которого знание в пределы нашего разума не вместимо? Может быть, причиною тому, что мы ум и прочие совершенства имеем не в бесконечном градусе? Может быть, требовали того другие какие неисповедимые творца нашего намерения? — Одним словом, что о том много говорить. Довольно, когда мы уверены, что такое великое и всесовершенное Существо, каков наш Бог, как ничего напрасного и несовершенного делать, так и худое попустить без причины не может; не можем ли мы из того с достоверностью заключать, что, конечно, он имел к тому уже свои святые причины, и сие одно не в состоянии ли уже усмирить все наше излишнее любопытство и нас успокоить!

Напротив того, если б кто пожелал не в сем, а в том любопытствовать, отчего и каким образом в Адаме сие замешательство во внутренности души произошло, то и до сего хотя одним разумом дойти не можно, но если взять себе в вспоможение откровенное нам в священном писании Божеское слово, то уже не столь трудно будет сделать вероятное заключение.

История, сообщенная нам в оном о сем важном приключении, подает нам желаемое всему изъяснение. Мы читаем, что Адам по создании своем с Евою введен был в Эдемский сад, наполненный всякими изобилиями, где дозволение ему было все есть, что пожелает, кроме плода с одного дерева, до которого запрещено было дотрагиваться. Что иное сие значит, как то, что всемогущему Богу для известных ему и нам не открытых намерений угодно было поставить Адама на пробу и видеть, послушает ли он его или нет. Не древо и не плод с него был важен, но важность состояла более в том, предпочтет ли Адам повеление Божеское своему хотению. Для чего сия проба учинена была, того нам не открыто, но ежели рассудить о воспоследовавших от непослушания Адамова ужасных и великих следствиях, то можно уже с вероятностию заключить,

что проба сия для каких-нибудь важных причин была надобна. Священное писание повествует нам, что до того времени имел Адам все те совершенства, с какими он создан в полном градусе. Разум его был просвещен. Животные и вся почти натура ему повиновалась; а посему с вероятностью можно заключить, что и желания в душе его были в надлежащем порядке и таком содержании друг против друга, какое надобно, то есть что стремление совести, или к повиновению Божеской воле, было больше стремления к собственному своему совершенству. Может бы и осталось оно навсегда так, естли б он выдержал пробу; может бы сохранил он чрез то все свои преимущества и совершенства и воля бы его уже так освящена была, как воля ангелов, и чрез то бы не мог уже более делать такие дела, которые Богу неуютны, или, по крайней мере, не было бы ему и нам с ним таких помешательств, какие мы ныне претерпеваем. Но по несчастью сего не воспоследовало. Адам пал и лишился своих преимуществ.

Священное писание описывает обстоятельно все происшествие сего падения. Дьявол, сей отпавший проклятый дух, имел причины завидовать человеческому блаженству и стараться преклонить его к преступлению Божеского повеления, дабы чрез то ввергнуть и человека в такое ж несчастье, в каком сам находился. Средства, чем можно возбудить желание, были ему довольно известны. Он ведал, что нужно ему только возбудить в Еве и Адаме стремление к собственному совершенству и сделать его больше совестного стремления, как не в состоянии уже будут они противиться и охотно на желание его согласятся. Для сей причины, разговаривая с Евою в виде змеи, ничем иным их к тому не убедил, как помянутым средством. Он старался уверить их, что естли они вкусят плод от запрещенного дерева, так будут совершенством своим подобны самому Богу. Ибо ведал, что таковая мысль может увеличить и воспалить их стремление к совершенству. Что и воспоследовало. Ева не успела услышать, что они будут несравненно совершеннее и равны Богу, буде съедят плод с того дерева, как мысль сия воспалила тотчас желание к собственному совершенству, а чем больше сделалось сие, тем меньше принуждено было сделаться стремление к повиновению Богу. Тогда не могли уже они владеть собою и учинили то,

чего желал дьявол и к чему усилившееся тогда в них стремление к совершенству побуждало.

Следствия, происшедшие от того, известны; почему мне о прочих говорить не для чего, а я то только упомяну, что, между прочим, сожаления достойно было и то, что с того времени усилившееся стремление к совершенству удержало свой верх над прочими коренными стремительствами и произвело в душе весь тот беспорядок, о котором я упоминал выше, и все уже Адамовы потомки стали родиться с оным и потому охотнее делать то, что Богу противно, нежели то, что ему приятно и надобно. И сие — то есть истинное происшествие так называемого нравственного зла, о котором так многие и различные от ученых бывают толки и рассуждения.

Я окончу рассуждения сие тем, что хотя по силе вышеупомянутого мы и родимся уже с тем, что стремление к совершенству в нас несравненно более стремления совестного, и потому мы, так сказать, от природы уже более ко злу нежели к добру склонны, однако не должно думать, чтоб все люди равно сему злу подвержены были. Большая часть худых желаний рождаются уже во время растения нашего и продолжения жизни, почему много в сем случае зависит от воспитания, худых привычек и сообщества с порочными людьми. Но как бы то ни было, однако не можно сказать, чтоб кто-нибудь совершенно от худых желаний освобожден был, а разность состоит в том, что внутреннее душевное повреждение в одном человеке более, нежели в другом.

Таким же образом не должно и того думать, чтоб сие зло совсем неотвратно или вовсе без лекарства было. Правда, корень оного так глубоко в нас вкоренился, что едва ли кто оный истребить может, однако для уменьшения в себе сего зла не лишены мы всех еще способов. И, во-первых, хотя с трудом, однако можем мы и сами оное нарочито уже уменьшить, буде только того похотим и с прилежанием стараться станем, а во-вторых, можем пользоваться в том постороннею помощью и тем награждать недостаток сил своих. Сию помощь обещал нам сам человеколюбивый Создатель наш и требует к тому только нашего начала и хотения. Сей пункт есть по справедливости примечания достойнейшим и такой, который делает нам Христианский закон наидрагоценнейшим. Ибо сию

помощь можем мы не иначе как посредством одного получать и чрез то скорейшим путем, как до временного несовершенного, так потом до вечного и совершенного благополучия достигать, а без него и одними своими силами едва ли мы когда-нибудь что важное произвести можем.

Вот все, что я за нужное почел упомянуть вообще о состоянии наших желаний. Признаюсь, что сие не совсем еще любопытно-го человека удовлетворять может. Он пожелает обстоятельнее ведать, какие бы собственно следствия от помянутого повреждения в душе нашей, или нравственного зла, происходят и какие бы способы и средства могли употребляемы быть к истреблению или, по крайней мере, к уменьшению одного, дабы, ведая поименно все наши худые склонности и желания и средства к истреблению оных, мог принимать свои меры и тем стараться о приучении себя к добродетельной жизни и к исполнению чрез то того конца, на который он назначен. Но как самого того и намерение мое требует, ибо, во-первых, без добродетели и благополучие ничто и нам не будет пользоваться, а во-вторых, самое помянутое нравственное зло, или худые наши склонности, всего более благополучию мешают, ибо от них происходят наиболее все наши досады и печали и неудовольствия, то за необходимое почитаю и о сем вкратце упомянуть и к тому назначить особые рассуждения.

РАССУЖДЕНИЕ VIII

О нравственном зле, или о худых наших склонностях

Когда главный конец, на который жизнь наша назначена, есть добродетель и когда нам временное благополучие наше потопику только искать должно, поелику то без предосуждения добродетели чиниться может, добродетельной же жизни ничто так не мешает, как находящееся в нас так называемое нравственное, или душевное, зло, то есть усилившиеся худые склонности и желания, побуждающие нас к противным воле Божеской и не согласующимся с добродетелью делам; и когда первейший долг человека состоит в старании сие зло сколько можно истреблять и уменьшать стараться, к сему же приступить прежде не можно, покуда мы о сем нрав-

ственном зле и худых наших желаниях не будем иметь довольного сведения, то думаю, что всякий со мною в том согласится, что исследование сего зла будет не излишним, но паче полезным и надобным делом. Сие побудило меня назначить к тому сие рассуждение и в оном вкратце изобразить все то, что к сему пункту относиться может.

Под именем нравственного зла вообще разумеются такие склонности, кои не согласны с волею Божескою и которые наиболее под именем порочных желаний известны. Порядок велел бы мне теперь исследовать в тонкость, откуда бы сие вкравшееся в свет зло имело свое происхождение? От ограниченности ли нашего существа или натуры, как многие думают, или от иных каких причин оное произошло и происходит. Но сие исследование не только завело б меня в великое пространство, но, будучи совсем постороннее и притом тонкое философическое дело, не принадлежит к теперешнему намерению моему, чего ради я не хочу тем много прискучивать вам, дорогой читатель, но вкратце только скажу, что сие зло происхождение свое имеет ни от чего иного, как от злоупотребления нашей свободы, или произвола, состоящего в том, что человек сею драгоценною и великую важность составляющею нам данною от Бога силою не так пользуется и не на то употребил и употребляет, к чему она назначена, но на худое и противное воли божеской.

Вот подлинное и такое оногo происшествие, которое вкпе объясняет нам и то, почему сделался человек оногo виновным и подверг себя чрез то Божескому наказанию. Разум наш сие говорит, а Священное писание подтверждает и объясняет далее сию истину. Оно присовокупляет к тому то, до чего одним разумом дойти мы не можем, а именно, что поспешствовало и поспешествует к тому много прельщение злого духа, то есть дьявола. Однако ему одному собственное происхождение и причину оногo приписать не можно, ибо в сем случае был бы человек с своей стороны не виноват и мог бы оправдаться, что не он, а злой дух тому причину. Следовательно, было бы несправедливо наказывать человека за то, что не от него произошло, но такой несправедливости Богу как все-совершенному и притом правосуднейшему существу учинить никак не можно. Сие обстоятельство достойно великого примечания

тем паче, что оно служит к разрушению двоякого и весьма важного заблуждения, которым многие люди в рассуждении сего пункта бывают подвержены. Оба они составляют крайности и стремнины, которых великая причина есть остерегаться всякому здравый рассудок имеющему человеку. Одна из них та, что иные люди уже слишком много приписывают дьяволу и все свои худые дела на его счет полагают и, обвиняя его одного, себя тем, но тщетно оправдать думают. А другая в том, что иные люди принимают совсем противную сторону и не только поспешествованию или прельщению от дьявола, но и ни самому сему злему духу на свете быть не думают. Но сии господа подумали б, что утверждает первое, то есть, чтоб злым нашим делам причиною был один дьявол, противно не только нашему разуму, но и самым божеским совершенствам. А утверждениям второго, то есть, чтоб дьявола вовсе не было, опровергается вдруг все откровенное слово Божие, говорящее толь во многих местах и очень ясно о бытии сих злых духов. Они забывают то, что ежели сие опровергнуть, то надобно опровергнуть вкупе и всю связь Христианского закона. Но сие, несмотря на все усилия и старания противоборников оного, едва ли кем когда-нибудь учинится может. Сколько в том по сие время ни говорено было и сколько суетность разума человеческого ни устремлялась против оного и ни старалась одолеть сию великую божественную и непреборимую истину или, короче, сколько самые оные злые духи ни употребляли свою хитрость к пагубному сему для человеков, а для их вожделенному опровержению и сколько они в том ни успевают, однако, несмотря на то, истина сия останется на век непреборимою, и врата адовы ее не одолеют. Но не моя должность о сем далее говорить. Я оставляю то богословам, сам же, упомянув о сем только мимоходом, поелику то к моему намерению требовалось, пойду далее.

Ежели спросят меня теперь, каким же образом поступить и какие мысли иметь в сем случае? На то скажу, что благоразумнейшее и притом надежнейшее и безопаснейшее дело будет, ежели между обеими помянутыми крайностями избирать среднюю дорогу и злые наши дела приписывать собственно и наиболее себе и злоупотреблению нашей свободной воли, а дьяволу приписывать только прельщение, то есть хитрое поощрение к тому человеков,

однако не всегдашнее и не такое, которое бы мы одолеть и которому воспротивиться не могли, но такое, которое одолевать нам есть возможность. Следовательно, прельщение его нам ни в малое оправдание служить не может. Сие будет и с Священным Писанием, и с учением Христианского закона, и с самым разумом нашим согласно. Ибо и сей хотя и не может сам собою до того дойти, что злые духи есть и что прельщение от них делается, но, по крайней мере, не может опровергнуть, чтоб им таким, какими описывает их Священное Писание, и такому от них прельщению, о каком выше упомянуто, не было возможности быть. А когда разум наш говорит, что сие не невозможное дело, так сего уже довольно.

Дальнейшие доказательства тому я оставляю; потому что сие не только не принадлежит к моему намерению, но и многим нежным слухам и так называющимся высоким духам, привыкшим о том инако помышлять, материя сия будет слишком не по вкусу. Я бы и сего не упомянул, если б не побуждал меня долг защищать всякую истину.

Однако, как многие может быть найдутся, которые охотно желают знать, каким бы образом возможно было злым духам прельщать нас к злым делам и в чем бы сие прельщение состояло? То сим в удовольствие присовокуплю я еще несколько слов о сей важной материи.

Подлинного о сем важном пункте сказать ничего не можно, потому что существо силы и действия сих злых духов всего меньше известны, а вероятно заключить можем следующее. Из Священного Писания видим мы, что сии злые духи в начале своем составляли лучший и совершеннейший род созданий, нежели мы, человеки; следовательно, одарены были против нас множайшими силами и совершенствами разума и воли; то есть, чтоб разум их в состоянии был более знать, нежели наш, а воля более в действо производить, нежели наша. Сколь велик их разум и сколь сильна воля пред нашею, того мы не знаем. Но положим, чтоб разум их, между прочим, так далеко пред нашим преимуществовал, чтоб он знал в точность внутреннее устройство душ наших и сопряжение разных их сил между собою и действие оных. Чего всего в тонкость мы не знаем, а воля бы их, или сила, так далеко простиралась, чтоб могла

чрез какие-нибудь посредства производить во внутренних души нашей действиях некоторые перемены. Ограничим сию силу воли его и положим, чтоб она не далее простиралась, как только до наших мыслей, и вся перемена, производимая злым духом, состояла б в том, чтоб он мог возбудить в душе нашей мысли какими-нибудь неизвестными нам средствами. Свободность же наша, или произвол, чтоб совсем был освобожден от его наветов, и он не мог бы на оный непосредственно действовать; следовательно, нас к чему-нибудь неволею принудить. Все сие положить не противно разуму, и сего положения довольно будет для изъяснения всего дела.

Ибо как из сообщенного мною в V Рассуждении аллегорического моего изъяснения души, ее сил и действий, которое на сей случай прошу читателя напомнить, явственно, что все дела наши происходят от движения души и действия в теле, душа же в движение приводится хотениями и стремительствами; хотения же возбуждаются и увеличиваются мыслями; мысли же разбужаются в нас паки движением души, происходящим от действия наружных наших чувств и других внутренних в теле между машинами одного действий, то не следует ли само собою, что злomu духу произведением каких-нибудь неизвестных нам, а ему известных действий в наших чувствах или во внутренности нашего тела, нужно только привести душу в известное ему движение и чрез то возбудить в ней надобные ему мысли и привести их в такую живность, чтоб они могли возбудить какое-нибудь ему надобное желание и оное до того увеличить, чтоб оно величиною своею превзошло величину свободы и чрез то довести нас до того, чтоб мы тому желанию последовали и произвели б какое-нибудь худое дело, а чрез частое повторение того обратили б сие желание в привычку и сделали страстью. Теперь спрошу я, естли во всем сем какой-нибудь вид невозможности? А естли сие так, то не останемся ли мы с своей стороны, несмотря на его прельщение, злomu делу виновны? Потому что дело произошло только от того, что мы дали волю злomu духу себя обмануть; то есть оплошностью своею допустили его оные мысли и желания в нас возбуждая увеличить и довести до того, чтоб оно превзошло величину нашей свободы, до которой собственно он сам касаться не может. А мы не допустить до того на-

ходимся всегда в силах и в состоянии над мыслями своими во всякое время господствовать и их останавливать, как то довольно из опытов известно; а сверх того и я после докажу подробнее и вкупе предложу средства, какие к тому удобнее употреблять можно.

Вот в чем только по вероятности состоит все прельщение злых духов. А если бы напомнить приведенную мною историю о падении Адамовом, то происшествие тогдашних обстоятельств подтвердит сие положение, так что мы сомневаться в том почти уже не можем. Ибо если бы сие не так было, и можно было дьяволу Адама и Евы иным образом прельстить и принудить его к преслушанию Бога своею силою, то на что бы ему предпринимать такие околичности и такую хитрость, какую он употребил? На что бы сказывать им и уверять, что они подобны будут Богу, если бы съедят от запрещенного дерева? Не явствует ли из сего, что ему нужны были только их мысли и возбуждение тех, которые сами собою стремление к совершенству возбудить могут, а о прочем был он уже уверен, что само собою воспоследует, если бы только Адам и Ева в самом начале не остереглись? И не виноваты ли они, что дали себя обмануть, не употребили в пользу своей свободы и не выгнали ею сии пагубные мысли в самом начале из головы и чрез то не удержали желания быть равным Богу, но допустили так ему увеличиться, что им его после за малостью произвола одолеть было уже не можно?

Сим, надеюсь, довольно уже изъяснил вам, дорогой читатель, происхождение нравственного зла вообще; теперь обращусь к самому предмету сего моего рассуждения, или к подробному исчислению всех следствий оного и происшедших от того вновь и ныне происходящих в человеках худых склонностей и желаний.

Падение Адамово и происшедшее от того нравственное или так называемое моральическое зло произвело великую перемену во внутренности души нашей. Я уже упомянул, что между прочим усилившееся стремление к собственному совершенству одержало уже свой верх и сделалось так велико, что не только прочие оба сделались его гораздо меньше, но и самый наш произвол, будучи пред ним бессилен, совсем его одолеть не может. А как по натуральному свойству наших желаний всякое увеличившееся наше желание в состоянии уже производить от себя множество других желаний,

которые таким же образом увеличиться и опять от себя детей производить могут, то последовало сие и с стремлением к совершенству. Оно не преминуло произвести множество других желаний, которые все, будучи подкрепляемы своим начальником, сделались также сильны и произволом с трудом одолеваемы. Но притом одним еще не осталось. Но как по сокровенному от нас таинству природы следствие Адамова падения простерлось и на всех его потомков, и все они рождаются уже с тем, что стремление к совершенству в них слишком велико, то натурально стало уже и во всех производить многие другие желания, клонящиеся к разного рода совершенствам, хотя не во всех человеках одинакие. Но как сии совершенства многообразны, как, например, существенные и побочные, истинные и ложные, а разбираемы должны быть разумом и мыслями. Всякое же желание иметь натуральную способность действовать в разуме и принуждать его к произведению свойственных мыслей, то и последовало от того несчастное следствие, что усилившиеся и более прочих действующие желания к совершенствам вмешались в дела сил разума и произвели в них великие беспорядки и довели до того, что силы разума, или помянутые в аллегории моей начальники птичек, сбились с пути и начали совершенства полагать в ложных и таких вещах, в чем их не бывало, и ложные почитать истинными, а побочные — существенными и так далее. К тому присовокупилось еще другое печальнейшее следствие, а именно, как помянутый происшедший в душе беспорядок был причиною тому, что и произвол в человеках сделался бессилен и принужден потерять главную свою команду и власть над желаниями и сделаться почти рабом помянутым усилившимся желаниям, то пользовались сим его изнеможением и все скотские стремительства, или те склонности, кои в аллегории моей названы матросами. И как их предмет есть тело и должность их состоит в стараниях о снабдении оного нужными вещами, а человеческое стремительство к совершенству, или так названный мною камерир, с происшедшими от себя отраслями, с одной стороны, о том же, то есть о проведении тела человеческого, о его пользах и об отвращении ему зла стараться должен. Следовательно, с сей стороны оба рода сих стремительств согласны, то натурально не препятствовали они друг другу, но паче со-

единяли силы свои, совокупно действовали и взаимно одни другим помогали и от самого того вышли из пределов, в которых бы им по учреждению натуры быть следовало, и так между собою перемешались, что произошло от того несказанное множество новых совсем беспутных и тех желаний, которые под именем худых склонностей более известны и коим я ниже сего сообщу родословную, так сказать, роспись. Прочие же все, а особливо добрые и главные, названные мною министром и прокурором, потеряли природную свою величину и сделались против них слабы и немощны, а от того самого и произошло, что вся сия душевная республика птиц и зверей, или все сборище наших мыслей и желаний, находится ныне по большей части в людях в великом нестроении. Управляют ею не природные и не законные начальники, но глупые, здорные и несородные к правительству бунтовщики и мятежники, то есть помянутые происшедшие от смешения скотских стремительств с желаниями совершенств худые склонности и желания. И вся область души наполнена бунтами, мятежами и внутренними беспорядками и возмущениями. Главные же и природные начальники, то есть разум и произвол с помощниками своими министром и прокурором, должны либо во всем им повиноваться и делать то, что они хотят, либо находиться в великом изнеможении и, так сказать, сидеть в изгнании и заточении и редко уже и не во всех просыпаются, выпускаются наружу и производят свои, но слабые уже действия, и не иначе могут получить прежнюю свою власть и господствие, как при вспоможении уже самого Бога и при употреблении к тому от человека трудов и стараний.

Вот следствия происшедшие от падения Адама; кто не видит, что они весьма для нас важны. Однако самое помянутое Божеское вспоможение делает уже сие зло не совсем неизлечимым, и нам есть еще средство избавиться от того, буде только мы похотим и сами о том постараемся, ибо и в сем случае правосудие Божеское требовало того, чтоб оставить произвол наш в своем действии.

Теперь приступлю я к исчислению оных худых желаний, склонностей и привычек, или к сообщению их, так сказать, родословной помянутым душевным бунтовщикам и мятежникам, кои по самой справедливости внутренними нашими и злейшими злодеями по-

честься могут. Все они могут на три рода, или на три шайки разделиться и по действиям своим относиться либо к разуму, либо к воле, либо к обоим совокупно. То есть, во-первых, на такие, которых действия производят беспорядки между мыслями, во-вторых, такие, которые причиняют внутренние беспорядки и замешательства между желаниями, то есть в воле, в-третьих, кои и в разуме, и в воле совокупно делают замешательства. А чтоб лучше можно было их понимать и помнить, то можно вам, любезному читателю моему, буде угодно, воображать себе видом разного рода зверей и давать им такие имена, какие самим вам заблагорассудится. Ибо если бы мне сие делать, то заведет меня сие в великое пространство. Чего ради я, то оставив, упомяну об них только вкратце, да и то только о знатнейших, ибо все по бесчисленному их множеству исчислить никоим образом не можно. Я начну с тех, которые относятся к разуму.

I.

Относящиеся к разуму, или производящие в мыслях наших, или между птичками, беспорядки худые склонности и желания суть следующие:

1. Склонность оставаться при темных и неясных о вещах понятиях. Сие бывает основанием всем заблуждениям и замешательствам в мыслях и неохоте к наукам и учению. Сего зверка можно сравнить, например, с ослом. Однако, несмотря на то, находится в человеках великая отвага полагаться тотчас на собственные свои рассуждения, а особливо в нравоучительных материях, несмотря каковы б неосновательны его мнения ни были. От того и происходит, что большая часть людей, несмотря на все свое невежество и скудоумие, имеют склонность почитать себя умными и как не могут без досады сносить, если бы их кто глупцами назовет, так не любят, если бы кто их мнения опорочивать станет.

2. Склонность к предрассудкам, под именем которых разумеются такие недоказанные мнения, которые в нас в такую привычку обратились, что мы и не знаячи им следуем. Они усиливаются в нас либо от того, когда разум наш привыкнет одинаким образом о чем-нибудь мыслить, либо вкупе и от того, если бы интересуются

при том некоторые наши хотения. От того и происходит, что многие люди не хотят иногда верить наияснейшим доказательствам какой-нибудь истины единственно только для того, что они противное тому с младенчества или издавна затвердили. Обыкновеннейшие и наизнаменитейшие в людях предрассудки суть следующие: 1) когда они все происшествия в свете приписывают неперемennomу року, или судьбе, и думают, что всем вещам необходимо уже так происходить надлежало, как они происходят; 2) когда они воображают себе ложный конец, на которой свет назначен, и забирают себе в голову, что Бог мало о человеческих делах печется; 3) когда они слишком уже на себя во всем надеются или уже с излишком себе не доверяют — и прочие многие.

3. Наружное и внутреннее небрежение или невнимание. От которой склонности и происходит то, что многие люди, хотя и часто слышат важные и до пользы самих их касающиеся разговоры, но пускают их, так сказать, мимо ушей и ни мало не хотят о том подумать, а того меньше войти в себя и когда-нибудь себя рассмотреть. От того же самого происходит и нелюбление многих читать важные и до сущительной пользы человеческой касающиеся сочинения и книги или читают, но без всякого внимания и зеваючи и проч.

4. Излишнее любопытство, то есть склонность и охота к узнаванию и распроедыванию посторонних и до нас не касающихся приключений для единой только новости оных, несмотря хотя б то с упущением иных важнейших дел происходило. Коль бесчисленные худые следствия производит сия худая привычка, о том не для чего мне упоминать; также и о том, что перенашивание вестей из дому в дом и делание чрез то всяких сплетней от того же самого имеет свое происхождение и прочее тому подобное.

5. Суеверие, состоящее в склонности сокровенные силы, которыми свет и человеческие приключения управляются, без всякой разумной причины и здравого рассуждения и наизнатнейше в таких вещах искать и полагать, которые к тому нимало не способны. Коль многие и разные, а иногда совсем глупые суеверия бывают в народах, о том было бы слишком пространно упоминать. Всем они довольно известны.

6. Неверие, под которым именем разумеется склонность не верить ничему такому, чего не можно ощущать чувствами или понимать в совершенной ясности, хотя бы находилось тому довольно и столько доказательств, сколько надобно, или сколько та вещь в своем роде иметь может. Недоверка, сомнение и неверие в рассуждении Христианского закона суть отродия оного. Подверженной тому или заразившейся по случаю какими-нибудь предосудительными мыслями о нем человек не может упокоиться покуда себя подлинно или ложно уверяет, что возможно быть еще высшей степени удостоверения, которого он и требует; а в противном случае старается опровергать, несмотря хотя бы тому делу такое количество доказательств было, которое бы обязывало уже всякого разумного человека то принять за истину, хотя бы и не присовокуплялось к тому другого рода удостоверения или б оно было не возможно. Причем он всегда склонен новые сомнительства вышаривать и выискивать, а при всем том нетерпелив разрешения оных выслушивать. Склонность же оставаться при своих мнениях побуждает его внимание свое только к тому устремлять, что подтверждает его мнения, а отвращает от того, что в состоянии было принудить его покинуть оные.

II.

Относящиеся же к воли худые склонности и привычки, или несложные повреждения сей души нашей силы наизнатнейшие суть следующие.

1. Лень, или привычка от таких дел убежать, которые нам тягостны и единственно для того, что они нам тягостны. Под некоторыми условиями происходит от сей привычки склонность к предприятію совсем не надобных и до нас нимало не принадлежащих дел и предпочитать маловажные важнейшим.

2. Нега, то есть слишком великое отвращение от всякого рода телесных неприятностей.

3. Чувственность, или склонность к исканию благополучия своего в вещах или предметах до наших чувств, как то зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, касающихся. Сей склонности подвержена большая часть людей и она находится во всех в великом сте-

пени. Гоподствие скотских желаний над человеческими есть одно отродие от оного; и от самого того проистекает, что люди более о телесных, нежели о душевных благах или совершенствах стараются и пекутся.

4. Отвращение или ненависть ко всяким обязанностям. Сему злу всего обыкновеннее бываем мы подвержены, а потому и происходит от того упорство против введенных порядков и уставов. Тайная ненависть к Христианскому закону и к тем людям, которые его хранят, почитают и защищают. Тайное желание, чтоб не было у нас Бога или, по крайней мере, чтоб не было нам нужды иметь с ним никакого дела, а иногда отвращение от всех благоразумных и по правилам учрежденных дел. В сем несчастном состоянии то природное и невинное желание к вольности, о котором имел я случай прежде сего упоминать, находится в великом заблуждении. Все же сие зло от владычества над нами негодных желаний имеет свое происхождение, а какие худые следствия от того проистекают, о том довольно известно.

5. Испорченное или поврежденное самолюбие, которое ничто иное есть, как от увеселения мнимыми своими совершенствами происходящая привычка себя пред другими без причины и без дальнейших намерений предпочитать и требовать того, чтоб нас и другие предпочитали. Которая привычка, увеличившись, обращается в страсть, многие худые следствия за собой приносящую.

6. Корыстолюбие, состоящее в том, когда мы во всех своих делах собственную только свою пользу или интерес высочайшим предметом имеем, а из любви и должности ничего делать не хотим. Сей склонности, как известно, подвержена большая часть людей.

7. Непостоянство, происходящее от того, что мы в негодных вещах слишком много доброты ищем, а, напротив того, доброту в совершенных и хороших предметах не усматриваем, и от того бываем в предприятиях своих и намерениях не тверды и непостоянны и получаем склонность к переменности.

8. Жестокость пристрастий, или аффектов, и слишком великая способность к скорому и легкому воспалению в нас оных. От сего проистекают непомерная склонность к смеянию, вспыльчивость и склонность к гневу и любомщению, излишняя пужливость и бо-

язливость, великая способность к печали и горести и отчаянию и прочее тому подобное.

9. Ужасное множество сбившихся с пути желаний, склонностей и стремительств. Как, например, желание иметь завсегда одни только редкие или все новые вещи; или желание, чтоб все делалось скоро-наскоро; стремление к тому, чтоб всегда играть, шутить, балагурить и прочее тому подобное. Некоторые из таковых произведенных желаний и склонностей уже так с пути сбились, что не только в них некоторые обстоятельства исправления требовали б, но в них и ничего уже доброго не осталось, и они сделались уже совершенно злыми и негодными. Такового рода суть, например, следующие: 1. Зависть, то есть такое душевное состояние, когда благополучие иного производит в нас досаду и неудовольствие, и для того стараемся мы того его лишить и охотнее б видели, чтоб того лучше никто не имел, нежели б он, тем пользовался. 2. Зложелание, или увеселение чужим несчастьем, то есть когда мы радуемся о чужой гибели и веселимся тем, когда посторонним людям делается какой вред или несчастье. 3. Свирепство, состоящее в том, когда мы увеселяемся такою прискорбностью и печалью постороннего, которая им нами произведена, и мы тому сами причину подали. Род таковых же совершенно злых желаний есть. 4. Желание делать дела другим на зло или на смех. 5. Желание почитать другого глупцом или дураком. 6. Шпынство и поднимание на смех, то есть склонность утешаться воображениями истинных и мнимых пороков и погрешностей других людей, и прочее тому подобное.

10. Поврежденный нравственный или собственный душевной вкус, то есть когда мы, заблудившись, такими вещами утешаемся и почитаем их хорошими, в каких того нимало нет. Он бывает в людях весьма многообразен, и в сей класс, между прочим, принадлежат некоторые из бываемых мод и пустые и смешные иногда охоты и препровождения времени, например, с птицами, скотами и зверями и прочее тому подобное.

11. Упрямство и своенравие, которое по известности своей не требует дальнего изъяснения.

Каким, собственно, образом и манером как сии, так бесчисленные и другие повреждения нашей воли делаются, о том под-

робно говорить было бы слишком пространно, да и к намерению моему теперь того не требуется. Чего ради желающие в том далее любопытствовать, могут осведомляться о том в упомянутой мною философической науке называемой телематологиєю, которая разбирает все, что до человеческой воли касается. А я только скажу, что ежели в тонкость разобрать, то всему тому, наконец, причиною и виною будет либо совершенное неупотребление, либо употребление, да недостаточное, либо употребление совсем злое нашей свободы или произвола, которая сила должна распоряжать наши хотения.

III.

Теперь, не распространяя далее слов, упомянем и о сложных родах повреждения нашей воли, имеющих основание в обоих главных силах души нашей, то есть в разуме и воли совокупно.

Из сих поврежденных или худых склонностей и желаний примечания достойны наиболее только три, а именно, честолюбие, сребролюбие и сластолюбие, или роскошь; и как от того большая часть наших пороков происходит, которым мы всего чаще подвержены бываем, и потому они в особливости примечания достойны, то упомянем о каждом из них в особливости и начнем со сластолюбия.

1. Сластолюбие, или роскошь, в тесном знаменовании¹⁴ может почесться такою привычкою нашего нрава, когда мы одних таких увеселений без дальних намерений желаем и ищем, при которых мы либо по большей части не в действующем, а страдательном состоянии можем оставаться. Оно разделяется на телесное, которое телесного увеселения ищет, и мысленное, или душевное, которое к мысленным и духовным увеселениям стремится. Разного рода телесные сластолюбия суть следующие: 1. прихотливость, или лакомство, 2. объедение, 3. пьянство, 4. нежность, 5. сонливость, 6. венерическое сластолюбие, которое последнее паки бывает либо более любово-страстное, либо более влюбчивательное. Понятие о сих разных родах сластолюбия по их имени всякому известны и не требуют дальнего изъяснения. Чего ради я, о том умолчав, то только скажу, что сластолюбивые или роскошные имеют обыкновенно и многие другие пороки в себе, не для того, чтоб они из сластолюбия проис-

текали, но для того, что они сластолюбю всего меньше мешают, и потому тем желаниям, которые тому собственным основанием суть, в склонном к роскоши нраве не делается помешательства. Таковые суть: безмерная склонность к игре, к танцеванию и пляске, к веротопрашеству¹⁵, любопытству, великолепию¹⁶, щегольству, мотовству, расточению и к прочему тому подобному. Кроме сего примечания достойно, что роскошные бывают весьма непостоянны и переменны, потому что они обыкновенно и наиболее бывают сангвинической натуры.

В пространном же знаменовании¹⁷ называется иногда именем роскоши и сластолюбия заблудившееся желание нашего благополучия, и тогда так называемая ученая роскошь, или склонность и обыкновение упражняться в штудировании и науках единственно для своей забавы и увеселения составляет примечание достойный класс оной.

2. Честолюбие ничто иное есть, как склонность и привычка без дальнего намерения желать того, чтоб нас люди другим предпочитали. Лучшие роды оного стараются заслуживать то своими качествами и достоинствами и потому требуют и желают истинной чести, и такое честолюбие непорочно. Таковые люди желают либо внутренней чести и наружных признаков оной, которые наружною честью называются совокупно, либо одной внутренней честью довольствуются. Негодные же роды честолюбия требуют почтения и чести без всяких истинных достоинств, и потому такие люди либо думают, что они ее за природные свои дарования и за дарования счастья уже достойны, либо по ветренности принимают на себя притворный вид достоинств, либо употребляют всякие наружные средства, которым подлый народ удивляться, и за то другим того предпочитать склонность имеет, как, например, великолепие, пышность, титулы, обхождение с знатными людьми и прочее тому подобное; либо ищут уже чести силою и хитростью, обидами и притеснениями других, оклеветаниями и другими всякими несправедливостями. Одним словом, сколько разных родов благ и совершенств есть, для которых честолюбивыми одно состояние пред другими предпочитаемо бывает, столько и разных средств есть, которые честолюбие к своему концу и намерению употребляет,

и потому по разности средств и честолюбие разными званиями называться может, как, например, иной человек ищет чести в науках, и такое честолюбие может называться честолюбием ученым. Иной ищет чести в виде набожности или в ревности к закону и в спорах, до закона касающихся. Сие можно назвать духовным. Иной ищет чести чрез услуги, оказываемые другим с видом великодушия, и такое можно назвать величественным. Иной полагает честь в силе и крепости телесной и мужественных телесных упражнениях, и такое честолюбие можно назвать мужественным. Иной полагает честь в неустрашимой храбрости на войне и на драках, и такое называется воинским. Иной, напротив того, старается красотой и щегольством получить себе пред другими преимущество, и такое честолюбие можно назвать женским, или бабьим. Однако сие не должно смешивать с честолюбием женским, состоящим в снискании себе истинной чести от искусного домоводства. Иной думает вперить в людей высокие о себе мнения чрез разные рассказывания и думает снискать себе чрез то преимущества, несмотря истинные ли то или вымышленные были, и такое честолюбие можно назвать хвастливым. Иной ищет себе чести, привязываясь к самым бесполезным мелочам, почитаемым им важными вещами и направляя весь разум свой на оные, и такое честолюбие можно назвать педантичным. Иной старается снискать себе преимущество разными смешными телодвижениями, жестами и словами, свидетельствующими, по мнению его, о неустрашимости и мужестве его духа, и такое называется буянством. Наконец, мужской спесью и надменностью называется то, когда кто думает честь чрез то получить, что сам себя другим предпочитает, но только так, что старание его очевидно и сопряжено с великим неискусством. Сии суть наизнатнейшие роды честолюбия, однако, и кроме сих могут быть многие другие роды.

Впрочем, с честолюбием очень тесно сопряжен другой порок, известный под именем гордости. Под которым именем разумеется привычка себя пред другими для слишком уже высокого мнения о своих истинных или мнимых совершенствах более, нежели причина есть, предпочитать, и потому всегда и очень способно может из гордости честолюбие, а из честолюбия гордость со всеми свои-

ми отродьями, как-то со спесью, пышностью и тому подобное, происходить.

Впрочем, честолюбию противоплагается другой порок, называемый раболепностью и состоящий в обыкновении преимущества без всякого добродетельного намерения, а только от недостатка познания или для лености и от владычества над собой худых желаний презирать.

Наконец, со всеми сими различными родами честолюбия или любочестия не должно смешивать той чести или паче честности, которая состоит в честных поступках и делах. Сие нельзя назвать честолюбием, но люблением добродетели и правды, ибо все честные поступки и дела не иное что суть, как дела добродетельные, естли только сие слово не всуе употребляется, так как то иногда бывает, а именно, когда под именем честных поступков разумеются дела, нимало существа чести в себе не заключающие.

3. Что касается до сребролюбия, то под сим именем вообще разумеется тот порок, когда заблудившееся и к единственному владению имением идущее желание устремляется к безопасности вперед и мало-помалу от надлежащего своего предмета удаляется. Итак, сребролюбие в самом начале своем есть желание сколько можно поспешествовать безопасности своей в предбудущее время владением имения. Но как человек сей предмет мало-помалу позабывает, то и превращается оно потом в привычку желать владение имением и без дальних намерений, а от того и происходит то, что сребролюбивый не хочет уже приобретенного тратить, хотя бы того требовали и надобности. Он старается от часу получить более и довольствуется одним владением. Однако сребролюбие вообще не должно смешивать с собственным желанием денег или богатолубием вообще, которое сопрягается и с другими желаниями и богатства только как таких средств желает, чрез которые он до намерений своих достигнуть может; как, например, ленивый желает для того денег, чтоб ему не трудиться; роскошный — чтоб мог удовольствовать свои роскоши; честолюбивый — чтоб мог себя показать людям и произвести великие намерения и так далее; напротив того, сребролюбец желает владеть имением только для того, чтоб копить и умножать. Однако могут и с сребролюбием иные склонности сопрягаться, а от

того и происходят потом различные действия. Низкая степень сребролюбия состоит в том, когда человек деньги собирает и неохотно уже их тратит, никому же неправды и обиды не делает, и такое сребролюбие называется скупостью; а высокая степень в том, когда кто вредом и убытком других людей набогатиться ищет, и такое сребролюбие называется лихоимством. Ежели кто других недостаток терпеть допускает, сам же не допускает себя ни в чем до оскудения, такое сребролюбие можно назвать завистливым. А ежели кто и сам себя не жалеет, но собиранию богатства жертвует честью, покоем и увеселением своим, такой по справедливости может назваться скрягою, и так далее.

Вот краткое, но далеко еще не полное родословие господствующих в нас худых склонностей, и мне остается теперь о всех их вообще следующее заметить, а именно. Что когда которое-нибудь из негодных желаний так усилится, что свобода, или произвол наш, не может либо вовсе, либо по крайней мере того момента его преодолеть, то такое, как я уже прежде упоминал, называется уже страстью, для того, что человек принужден уже тогда по самой неволе ему следовать и терпит некоторым образом в душе страдание. Такая же страсть, по которой мы всего чаще действуем, называется господствующей страстью.

Сие можно б уже было мне окончить сие рассуждение, естли б не осталось мне упомянуть еще одно слово, а именно, что знание сего родословия не принесет нам дальней пользы, естли, помышляя об оных, не будем мы помышлять вкупе и о тех печальных следствиях, которые от них в обществе человеческого рода происходят, и о вреде, какой производят они в самом человеке. Сие по справедливости требовало бы подробнейшего рассмотрения и для того назначил я к тому особое рассуждение.

РАССУЖДЕНИЕ IX

О вредных следствиях, происходящих от худых наших склонностей и желаний

Хотя того по справедливости никому нет нужды сказывать, что от худых наших страстей и склонностей происходят в человеческом

обществе многие вредные и печальные следствия, ибо сие всем по несчастью слишком довольно известно, однако и то останется всегда истинною справедливостью, что ничто нас к стараниям к преодолению сих наших внутренних злодеев и к удалению от пороков, а к приучению себя к добродетели так сильно побуждать не может, как частое и сколько можно живейшее воображение всех оных вредных следствий, какие от худых наших склонностей как в обществе всего человеческого рода, так и во внутренности самих нас происходят.

Сие, равно как и то обстоятельство, что помянутые вредные следствия в самом деле не всем так довольно знаемы, чтоб о том упоминать не стоило, побудило меня назначить единственно сему сие небольшое рассуждение, а особливо для того, что и благополучию нашему ничто так не мешает, как оные.

Таким образом приступая к намерению, прежде всего скажу, что рассуждая о всех оных вредных следствиях нахожу я, что они некоторым образом на три рода разделены быть могут. Одни суть такие, которые от пороков собственно в самих нас происходят и нам вредят. Другие касаются до того предосудительного содержания, в которое мы чрез то с другими людьми впадаем или, короче сказать, которые вредят всему человеческому обществу. А третьи и важнейшие, наконец, касаются до того несчастного содержания, в которое мы чрез них с производителем мира и нашим Творцом и Богом приходим.

Я начну с первых, или с тех, которые от того в самих нас происходят. Вред, претерпеваемый нами от того, конечно, велик и примечания достоин. Мы чувствуем оный и в душе, и теле нашем и не иначе должны их признавать, как натуральным наказанием за наше упорство и нехотение повиноваться повелениям нашего Создателя. Вся наша душа, или, прямее сказать, все состояние душевных наших сил делается и остается чрез то несовершенным. Порочные наши желания основываются на единственном только собственном нашем самих себя обманывании, состоящем в том, когда мы вещам либо совсем ложное и не такое существо, какое они имеют, или, по крайней мере, ложную степень доброты и вредности, драгоценности и малоценности приписываем. Одним сло-

вом, худые наши желания подают повод нам всякий час себя обманывать, и мы не можем за ними правильно рассуждать о доброте и худобе вещей. То, в чем нималого нет добра, но паче в чем, кроме сущего для нас вреда, ничего не находится, по наущению их мним находить мы неведомо какие прелести и драгоценности и, надеясь получить неведомо какие себе пользы, тому следует и за сею мечтой гоняемся. Напротив того, такие вещи, которые в самом деле нам полезны и в которых кроме доброго ничего нет, мы упускаем совсем из примечания или, того хуже, мним находить в них худобу и для себя вред и от них бегаем и удаляемся вместо того, чтоб нам их искать долженствовало. Я мог бы доказать сие тысячами примеров, естли б не завело меня сие в великое пространство, чего ради, оставляя сие, пойду далее.

Сие собственно самих нас наше обманывание простирается еще далее и не до одного рассудка о вещах, но и до стараний наших о насыщении сих желаний наших касается. Мы, предпринимая дела для удовольствования оных, немилосерднейшим образом себя обманываем, думая, что тем все и кончится, когда мы то получим, чего желаем. Однако не только что иное, но самая практика доказывает нам совсем тому противное и то, что желания наши далеко еще тем не довольствуются, но делаются чрез то еще жаднее и начинают нас еще больше тревожить, что инако и быть не может. Самое существо и свойство оных то с собою уже приносит. Ибо как они не находятся в таком друг у друга повиновении, какое надобно и какое между хорошими желаниями бывает, а действуют и усиливаются по своей воле и без всякого препятствия, то необходимо должны они тем жаднее и голоднее делаться, чем чаще будет по них исполняемо, ибо сие станет только увеличивать их более и от часу далее удалять от совершенного насыщения. Возьмем в пример сребролюбие и честолубие. Может ли погруженный в сии страсти человек когда-нибудь доволен быть? Не всегда ли он захочет получить еще более богатства и чести, несмотря хотя б он имел с излишком много? Не почитает ли он тогда их себе наинадобнейшими, когда по-видимому стоит в них по уши? А сие и натурально, потому что во все то время, в которое он сего богатства или чести искал, желание его увеличивалось и час от часу умножалось. Что касается

до роскошных и сластолюбивых, то хотя сии одинаковыми предметами скоро прискучивают, но желание иметь на место их другие и новые перемены становится всегда более, в самом же нраве делается ко всему омерзение и чувства для ощущения приятности тупеет так, что, наконец, им ничто неприятно и не хорошо; что происходит от того, что и прочие наши чувства имеют так, как вкуса, свойство портиться, не выключая и самого душевного вкуса.

Третье вредное следствие состоит в том, что происходящее от пороков несовершенное души нашей состояние час от часу увеличивается. Из одного порока впадаем мы обыкновенно в другой и величайший, потому что все пороки в таком между собой сопряжении находятся, что из одного в бесчисленные другие впасть можно. Причиною тому то, что в душе такого человека нет того надлежащего верховного владычества добродетели, которая одна только может всеми силами, бесчисленными желаниями и побуждениями их управлять и содержать их в порядке. Сверх того, как преследующий порок душу нашу к высочайшей степени либо самой той же или другой суетности и злости предуготовляет, то натурально и злость всего нрава толиким же градусом должна час от часу увеличиваться и чем далее, тем хуже становится.

В-четвертых, следует само собою то, что пороки превращаются час от часу в величайшие привычки, которых истребление и преодевание чем далее, тем с множайшими сопрягается трудностями.

В-пятых, увеличивается в человеке чрез то упрямство, и он от часу становится несклоннейшим к приниманию добрым увещаний и к беспристрастному об них рассуждению. Напротив того, могущество предрассудков становится час от часу больше, а чрез все сие страсть от часу умножается, а возможность к истреблению оной от времени до времени уменьшается.

В-шестых, наконец, не иное что от всего поминутного последует, как то, что душа в такую попадает неволю, из которой не может уже освобождена быть никакими нравственными средством, и такой человек погружается совсем в пороки и не редко погибает, так сказать, и телом, и душою.

Вот в какое несовершенство приводят худые желания нашу душу. Но что же от сего несчастного состояния проистекает?

Не иное что, как бесчисленные неудовольствия, прискорбия, горести, досады и несчастья. Ибо как беспорядочные желания сбродом и без всякого порядка действуют, и одни другим противны, и потому не могут все совокупно удовольствованы быть, то происходит от того внутренний мятеж и беспокойство. Воспаляющиеся страсти и склонности воюют тогда между собой, и что одному из них в угодность делается, то бывает другому не в угодность и по большей части первое сие последнее едва только превышает. К противным же и не согласным с порочными нашими намерениями происшествиям не иначе как чрезвычайно много случаев быть натурально должно, потому что пороки не иное что суть, как мятежники против учрежденного Богом вешам порядка, и стараются, так сказать, плыть вверх реки против стремления водного. Не должно ли ж натурально встречаться с ними тысячи препятствиям и помешательствам и подать повод к бесчисленным досадам и неудовольствиям человеку; ибо натурально когда порочный дух не получает того, чего ищет, то терпит оттого досаду, и прискорбие его бывает тем больше, чем желание его было необузданнее. Когда же, наконец, такой человек приметит, что он сам себя обманул, то произойдет от того раскаяние, стыд, боязнь и угрызение совести; напротив того, пороки лишаются совсем того истинного и основательного увеселения, которое произошло б от добродетели.

Что ж касается до следствий от худых склонностей и желаний в рассуждении нашего тела и до вреда, ими в нем производимого, то о сем не для чего мне много говорить. Кому не известно, сколь многие и печальные следствия бывают порочной и неводержанной жизни? Я то только скажу, что они ни в чем ином состоят, как в многочисленных болезнях и, наконец, в преждевременной смерти, и мною, что сего уже довольно будет к изображению того, важны ли они или не важны.

Сии суть следствия, касающиеся до человека в особливости. Теперь посмотрим, каковы они в рассуждении всего человеческого общества и того содержания, о каком мы в случае пороков с прочими людьми находимся. Но надобно ли мне и о сем много говорить? Кому не известно, какой великий вред происходит от пороков в человеческом обществе? Не разрушается ли единственно от них союз

оного, от которого единственно от них союз оного, от которого единственно все благосостояние человеков зависит? Не вредит ли один другому, а сей третьему? Один обижает того, а сам от другого такие же обиды претерпевает! К каким неправдам, к каким утеснениям, к каким вероломствам, наглостям, беззакониям, злым или, паче сказать, зверским и человеку нимало не приличным и столь всему их обществу вредным делам не доводят человека негодные их склонности и желания? И не мешают ли они чрез то один другому в достижении как главного конца своей жизни, так и в наслаждении спокойствием и веселием. Я то только скажу, что ежели прямо рассмотреть, то большая часть зла, угнетающая человеческий род, не от течения природы, но от пороков происходит и что часто следствие порочных дел единого человека распространяются на многих других, делающихся от того несчастными.

Что касается до содержания, в каком мы в случае порочной жизни с прочими людьми находимся, то порочные дела делают нас обыкновенным образом другим людям ненавистными и производят то, что они нас не любят и не оказывают нам нужных услуг для того, что почитают нас того не достойными. А иных пороки наши доводят до того, что они готовы нам вредить для отмщения либо за себя, либо за своих приятелей, или опасаясь, чтоб такие порочные люди не могли впредь для нас быть вредными. Кроме сего многие пороки доводят нас до бесчестия и поношения и до того, что мы не можем быть никем терпимы, но как негодные от всех презираемы, или до того, что нас все честные люди, любя свою честь и спокойствие, как некоего яда бегают.

Наивреднейшими же бывают они в рассуждении того несчастного содержания, в какое мы чрез них приходим с своим производителем. Но о сем пункте, не знаю, говорить ли мне или нет? Ибо та несчастная истина мне слишком довольно известна, что мы дожили наконец до таких времен, что многие затыкают того момента уши и отвращаются и мысленными и телесными очами, как скоро речь дойдет до Бога и до наших к нему должностей; и вместо того, чтоб важнейшую сию материю всего более внимать, оную не только своим примечанием не устаивают и не только от нее отвращаются, но, как от огня бегая, даже до того доходят,

что в стыд себе ставят не только говорить, но и помышлять об оной; но и о тех неведомо, какие предосудительные мысли получают, которые, о том говорить по глупости своей предпринимая, тем нежный их слух раздражать отваживаются. Сия неоспоримая правда за верное меня уверяет, что и я многим не угрожу и от них не отменно включен буду в число глупцов, естли я в материю сию часто углубляться и им сими так от них называемыми старинными враками надоедать и наскучивать буду. Это я довольно знаю. Но что делать, что я заражен сею глупостью! Обычай, говорится, не клетка, с места на место не переставишь, а я как-то уже привык о том болтать и находить в том лучший вкус, нежели какой другие находят; и для того прошу помянутых господ мне, поелику сродному к слабостям, отпустить и позволить несколько слов сказать и о сем пункте. Тем паче, что они, естли им угодно, так могут сего и не читать и тем не раздражать своего слуха, но оставлять сие тем, которые такой же глупости подвержены, как я, и коих душевный вкус не так уже испорчен, чтоб они не могли терпеть таковых душевных пищей, но находить в них некоторые приятные и питательные соки.

Итак, вам, любезные мои товарищи, хочу я несколько слов о сем пункте сказать. Вам они будут не противны, и вы не заскучаете верно удостоить их своим прочтением.

Содержание, в которое впадаем мы чрез питание в себе худых наших склонностей и желаний и чрез производство по них различных дел, поистине достойно наивеличайшего примечания; и следствия, проистекающие от того, ужасны и несравненно важнее всех других, выше всего изочтенных. Тут дело касается до содержания не самих нас с собою и не с другими людьми, но с тем, который всех нас побольше и коего Имя без трепета мы вспомнить не должныствовали б. Ужасность одного содержания не многие слова избразить могут! Одного слова почти довольно к выражению оной! Довольно, когда сказать, что чрез порочную нашу жизнь приходим мы в вражду со своим Создателем и делаемся мятежниками, врагами, послушниками и противниками против Бога! Против такого всемогущего Существа, которое в один миг могло бы нас в ничто обратить, естли б только похотело и то учинить другие святыя его

свойства ему не мешали, и теряем чрез то несказанное множество неоцененных выгод и вкупе не только будущее, но самое нынешнее благополучие! Сего, говорю, одного довольно бы уже было для избражения нам всей важности!

Однако дозвольте мне еще сказать несколько слов тому в изъяснение. И так спрошу я только вас. Не таково ли сие великое Существо свойства, которое как доброе в бесконечном градусе любит, так, напротив того, всякое зло бесконечно ненавидит, и которому все такие от худых наших склонностей происходящие злые дела противны и ненавистны, и не для того ли самого он нам столь накрепко повелевает убегать оных? Когда ж сие неоспоримо и справедливо, то напомним же, кто бы сей таков был, кто сие нам повелевает и того хочет и желает, чтоб мы их бросили и старались не им, а тому следовать, что он нам предписует? Не бесконечное ли Существо, имеющее такую власть, что небо и земля повинуются его мановению, и коего одно слово могло весь мир создать и может опять уничтожить? Не такое ли, у которого в беспредельной власти не только что иное, но самая наша жизнь и дыхание состоит? Не такое ли, от которого мы все, что ни имеем, получили и у которого все, несмотря на наше мнимое владение и самих себя обманывание, состоит в совершенной власти? Ибо можем ли мы по справедливости почесть собственно своим, когда бездельной пылинки произвести из ничего не в состоянии и ничего с собой на свет не принесли, да и жизнь свою не сами себе дали и не от нас зависело родиться в таком звании и состоянии, в каком мы родились? — Не такое ли, которого от позволения бытие всех вещей начало свое получило и которое вкупе и нас создало, и натуру нашу учреждало, и лучше нашего знает, что для нас дурно, что хорошо, что вредно, что полезно, и нам добра всего паче желает? Не такое ли, которое всеми происшествиями в свете, следовательно, и благоденствиями, и несчастьями нашими по наипремудрейшему своему провидению управляет и их распоряжает, и без которого воли и пропущения ничего не делается?.. Не в правду ли думаем мы, что все происшествия в свете без его воли и попущения происходят, и он о наших делах не печется, и что мы сами ковацы собственного своего благоденствия? Или не в правду ли думать, что все проис-

шества в свете происходят по неперемному пределу и определенному наперед порядку и что чему назначено быть, то уже никак миновать и нам того ничем переменить не можно? Ах, нет любезные собратья! В обоих сих случаях совсем уже не кстати и слишком грубо обманом мы себя! Это две крайности, которые нас погубить могут и коих нам остерегаться надобно! Пускай говорит, кто как хочет, и сам себя насильно обманывать и натуру на свой лад переделывать старается, но истина останется всегда истина и во веки не преодолется, а натура для мнения их не переделается. Она останется всегда та ж и всем устроением своим всегда нам свидетельствовать и благовестить будет, что все не слепым случаем, равно как и не все по неизбежной необходимости делается; но что Производитель не только ее создал и распорядил, но ею произвольно правительствует и всегда имел, ныне имеет и впредь иметь будет об ней вообще и о созданных по образцу и подобию своему созданиях наипремудрейшее попечение и далеко от того удален, чтоб оставить их всех без всякого уже присмотра или так себе связать руки, чтоб в рассуждении их не мог уже учинить никаких перемен, не противных святым своим свойствам, а к пользе их клонящихся, как то в нынешние времена многие стараются себя уверить, позабыв, что они не бесконечны, а имеют ограниченный и такой разум, который как бы не старался, но все дела непостижимого постигнуть не в состоянии!

Итак, когда все сие справедливо и когда то неоспоримая истина, что неперменное распоряжение в течение природы касается более только до устройства вещественного мира; в рассуждении же духовного, или разумом и свободностью одаренных созданий, неперменное положение состоит в том, что всякое доброе от произвола их происходящее дело и производит добрые последствия, и когда-нибудь непременно наградится, а злое никогда добрых последствиями, а такое же зло само собою производит и необходимо долго ли или коротко накажется, естли сему показанными средствами предвзвено не будет; прочее ж зависит от произвола всемогущего нашего Бога, управляющего всем миром самовластно и могущего толь в вещественном мире делать перемены, коль часто то для каких-нибудь причин в рассуждении духовного, для которого тот создан,

востребуется. Зло же ему в бесконечном градусе противно, то разберите, какие следствия должны проистекать от произвольного последования и производства нами помянутого зла! Не должно ли оно по самому учреждению натуры производить нам паки зло и сверх того навлечь на нас не отменное наказание и справедливый гнев от Владетеля мира; потому что мы ему тем досаждаем и не только повеление его в ничто обращаем, но и желанию его противоборствуем? Но подумать только, кто и кому в сем случае противоборствует? Кто и кому досаждает и кто и кому не хочет повиноваться? Равный ли человек человеку или создание себе подобному созданию? Не сущий ли немощный червь такому великому властителю, от которого гнева не в состоянии его или нас никакая тварь избавить, естли он на нас, наконец, прольется, и мы продолжаемыми и на все его старания о исправлении нашем и поощрение к обращению на истинный путь несмотря, столь часто повторяемыми досадами, упорством, грубостью и противоборством во зло употребим его долготерпение и принудим его, наконец, себя по достоинству наказать.

Сие в состоянии, надеюсь, каждому изъяснить ужасность следствия от пороков. Однако сего еще не довольно, но кроме всего того, питая в себе худые склонности и следовав им только одним, большую часть наших дел предпринимая, не теряем ли мы бесчисленных и неоцененных выгод, а особливо не лишаемся ли мы чрез то в сем великом нашем, нас хотя бесконечно любящем, однако притом всякое зло бесконечно ненавидящем Создателе, наилучшего себе друга, милостивейшего благодетеля, вернейшего защитника и покровителя и, одним словом, наилучшего и такого отца, на которого мы во всякое время и во всем дерзновенно надеяться и полагаться можем, и под его покровительством счастливо, спокойно и бесконечно жизнь препровождать? Ибо разберите, хотя он и милостив, человеколюбив, милосерден и о всех печется, но так ли уже может обращаться к тем, которые того не достойны, но не хотят усильно того никогда и достойными быть, и всего меньше иметь о том какое-нибудь старание и попечение, но всю жизнь свою так препровождают, как бы над ними ни Господа, ни повелителя не было, или, того еще хуже, не только не исполня-

ют, но еще на смех поднимают его повеления? Должен ли он натурально им какую-нибудь отмену делать от тех которые сами его любят, о исполнении повелений его пекутся и усердно стараются включить себя в число тех, коих он удостоивает называть своими детьми, друзьями и любимцами.

Наконец, самые оные господствующие в нас и нами обладающие худые склонности и желания, не всего ли более отдаляют и отводят нас от любви, почтения и послушания сему великому страшному, но при том такому Существу, которого милость и любовь всего для нас полезнее, всего нужнее и всего прочего необходимо надобнее, а гнев всего ужаснее? Не они ли занимают все наше время, так что мы в целые годы, месяцы и недели не находим и нескольких немногих праздных минут на здоровое мышление о себе и о нем и о истинных своих пользах, но все свои дни и часы на помышления и старания об удовольствовании и насыщении сих внутренних наших злодеев не только в настоящее, но и в будущее и такое время, до которого сами знаем, что не доживем, употребляем и чрез то всего более истинному своему благополучию мешаем и оное не искать, но всякий час разрушать и ему препоны полагать стараемся!

Вот все, что я за нужное почел упомянуть вкратце. Теперь окончу сие сказав, что когда от худых склонностей и от происходящих от того порочных наших дел со всех сторон толь вредные следствия для нас проистекают; когда мы и в теле, и душе претерпеваем от того ужасный вред; когда и людям в ненависть приходим и вред всему обществу причиняем, а паче всего, когда гневим своего Создателя и к наказанию его себя приневоливаем, а чрез все то не только никакой пользы, кроме суетных и кратковременных и ложных увеселений не получаем, но паче и нынешнее временное и будущее вечное благополучие самопроизвольно теряем, то не должно ли всему тому по справедливости ежечасно нас побуждать к помышлению получше о своей истинной пользе и возможном уменьшении сего в нас обитающего зла, прилагая старание искать все удобовозможные к тому способы и не откладывая того от времени до времени, но приступать к тому чем скорее, тем лучше.

РАССУЖДЕНИЕ X

О возможности уменьшения нравственного зла и о исправлении нашем вообще

Теперь хочу я с вами, любезный мой читатель, о весьма важной и особенной материи говорить и просить вас об одной безделице, а именно, чтоб вы следующие строки удостоили благосклонным своим вниманием. Сделайте сие, пожалуйста. Может быть, не будете вы сами после в том раскаиваться. Да хотя б сего не было, так, по крайней мере, для меня это сделайте. Я испрашиваю от вас сего в награждение за все мои труды, которые имел я при сочинении сей книги для пользы моих сограждан и, в том числе, для собственно вашей предпринятой. И буде я чем-нибудь вам в оной угодил, так заплатите мне за то исполнением теперешней просьбы. Я употребляю ее к вам не для того, чтоб побуждало меня к тому какое-нибудь суетное или честолюбивое намерение. Нет, любезный читатель! Но усердие к собственной вашей пользе меня к тому поощряет. Мне хочется того, чтоб они в состоянии могли быть принести вам хотя маленькую существительную пользу, которую без того не можете получить, буде не удостоите их особенного внимания. Не сделайте того, чтоб я и в рассуждении вас принужден был вздохнуть о тщетности трудов, сему подобных и для таких же намерений предпринимаемых, для какого сей труд предпринят, и докажите, что вы более себя любите, нежели многие другие, и усерднее своей истинной пользы желаете.

Надпись сего рассуждения изъяснила, может быть, вам уже от части будущее содержание оного. Но как я и с сей стороны боюсь, чтоб вы не почли и сие рассуждение таким же, по мнению вашему, посторонним и к главному предмету сей книги не принадлежащим делом, каким все предыдущие, может быть, вы почитали, так и в сем случае принужден я вас просить, чтоб вы возымели об нем лучшие мнения и поверили б мне как сочинителю оных, что как сие, так и прежние с помянутым главным предметом сей книги, то есть показанием способов к снисканию благополучия, более связаны, нежели вы думаете. Сами вы после сие усмотрите и увидите, что не втуне и не по пустому изъяснил я сам и говорил так

много как о существе и свойствах, так и о происхождении и разных родах наших желаний, равно как и нравственного зла и следствиях оною и всем тем надоедал и наскучивал вашему слуху; да хотя б сего не было и хотя б сие такое же постороннее вранье было, так, по крайней мере, возьмите уже терпение прочесть и последнее. На многое вас стало, неужели на малое не станет? По крайней мере, будьте уверены, что сия посторонняя материя уже последняя и более сего я вам надоедать не стану, но приступлю к главному моему предмету.

Теперь, приступая к делу, повторю, что предмет сего рассуждения составляет не только важную, но и совсем особливую вещь. В предыдущих рассуждениях разбирал я, что такое нравственное зло, откуда получило свое происхождение и какие производит от себя следствия; а в сем хочу с вами, любезный читатель, о том говорить, есть ли нам или нет возможности к освобождению себя от сего пагубного для нас зла, и буде есть, то совершенно ли оно может истреблено быть или до какого-нибудь только градуса. И есть ли может сколько-нибудь уменьшено быть, то какими же бы собственно средствами могло то наиудобнее в действо производимо быть и что при том наблюдать следует. Вот будущее содержание сего и последующего за сим рассуждения.

Не многие сии слова, надеюсь, в состоянии были изобразить великую важность оною. Ибо есть ли что известнее и достовернее того, что весь человеческий род вздыхает под тяжким игом сего зла, и найдется ли кто-нибудь, который бы когда не явного, так, по крайней мере, сокровенного желания не имел быть от того освобожденным, то есть чтоб лишенным пороков и добродетельным человеком? Общее и хотя не равное и когда не подлинное, так ложное и притворное любление и почтение добродетели и омерзение и ненависть к порокам иное ли что, как не сие, доказывает? Отчего происходит то, что мы себя только не хотим исправить, а прочих всех за пороки и беззакония ежеминутно готовы казнить и вешать? Не первые ли бы мы готовы определение подписать, чтоб в свете никто никакого зла не делал, но чтоб все были неотменно честные и добрые люди и исполняли бы только добродетель? Не требуем ли мы того от всякого, кроме самих только себя? Не вздыхаем ли,

не смеемся ли, не осуждаем ли, не браним ли, не досадуем ли, не проклинаям ли мы всякий день злость и развратную жизнь других людей, а они не той же ли монетою самим нам отплачивают? Что иное, говорю, все сие доказывает, как не общую и врожденную в нас ненависть к порокам и природное люблению добродетели? — Но когда так, то скажите, почто ж мы не любим первых и желаем вторых только в других людях, а не в самих себе? К чему не хотим следовать сим самим Богом в нас врожденным святым стремительствам и тем явить в себе участок святого его свойства и подобия? Не доказывает ли сие, что в нас самих пагубное оное зло обитает и что не иное что, как оно, причиною тому, что мы, по словам Устроителя нашей натуры, в очах других людей сучок, а в своих собственных бревна не видим.

Когда же все сие справедливо и когда, по предыдущим рассуждениям, зло столь пагубные для нас производит следствия, то не истинный ли долг и не все ли благоразумие велит принимать сей пункт в лучшее уважение и почитать его таким, каков он в самом деле есть, то есть всех прочих вещей примечание и рассмотрение достойнейшим?

Мудрые и почитали его во всякое время таковым и удостоивали его потребными рассматриваниями. Но я желал бы, чтоб они в исследованиях, касающихся до сего пункта, между предметами делали лучший выбор и более бы то исследовать и находить старались, каким образом и какими средствами можно б было сие зло в нас уменьшать и оное из себя истреблять, нежели о происхождении сего зла и о различных одного родах умствовали. Правда, нельзя того сказать, чтоб оба сии пункта не были нужны. Оба они достойны рассмотрения, однако, несмотря на то, исследование последнего несравненно уже нужнее первого. Ибо что пользы в том, когда мы будем знать, откуда произошло то зло и в чем собственно оное состоит, когда не пойдем далее и не будем исследовать, можно ли и чем, и каким образом оное истребить или, по крайней мере, уменьшить в нас? Поможет ли нам одно знание наше? Не принуждены ль мы будем остаться при прежних жалобах, стенать под тягостью сего бремени и только то твердить, что мы несчастны, а пособить себе быть не в состоянии? Не доказывает ли нам того

ежедневное искусство, и не происходит ли от того то следствие, что большая часть нравоучительных наших книг наполнена только общими и подробными предписаниями, что делать и чего не делать нам должно, а как то делать или не делать и каким образом к тому удобнее приступить и желающему себя исправлять должно, о том всего меньше упоминается. Все только твердят: делай, делай! Исправляй себя, исправляй! А как то делать, и чего не делать должно, и как себя исправлять, того никто почти не сказывает. Итак, можно ли при таких обстоятельствах иметь старанию и трудам нравоучителей вожденное действие? И не представляют ли многие в сем случае собою таких врачей, которые больным и помощи от них требующим только сказывают, что в них такая да такая болезнь, то-то и то худо, сие да сие поправление требует, нужного ж к тому лекарства не только сами не дают, но иногда и не сказывают, какое оно, в чем должно состоять, где оное взять или каким образом его всякому для себя составлять и в какое время и когда принимать и употреблять надобно. Не выходит ли из всего вышеупомянутого, наконец, того следствия, что мы чрез то узнаем только час от часу больше величину нашего несчастья и тем более только получаем причины жаловаться на оное.

Итак, не распространяя слов и не ходя далее, остановимся на часок и разберем наперед, есть ли полно возможность к совершенному истреблению сего зла и к освобождению себя вовсе от досадных, худых и нам всем свойственных склонностей и страстей или вовсе уже нет? Вопрос этот важен, дорогой читатель! И как решение оного для всей связи моей книги необходимо надобно, то извините меня, что я по мере сил моих теперь оной разобрать постараюсь и отведаю, не могу ли я решить оного.

В сем случае желал бы я, чтоб мог ответствовать на сей вопрос по желанию многих. Но что делать, когда при размышлении о сем пункте нахожу, что существо вещи требует противного, а долг мне не велит подтверждать того, чему верить многих суетные их сердца преклоняют, но, напротив того, повелевает держаться самой истины, и белого черным не стараться насильно делать.

Сие сказал я для того, что из ежедневного искусства довольно мне известно, что есть многие люди, которые охотно бы пожелали

слышать, что истребление сего зла есть совсем невозможное дело. Кому не известно, что вошло уже в привычку утверждать, что многие худые страсти нет нам никакого способа истреблять и что человек родится уже с ними и натуры своей никак переменить не может? Не жалуются ли многие, что они родились уже таковыми, и от природы уже, например, злы, сердиты, вспыльчивы, мстительны, завистливы, честолюбивы, своенравны, скупы, непостоянны, сластолюбивы, ленивы, расточительны и прочее тому подобное, и тем одним все свои худые склонности и страсти извинить и себя оправдать стараются? Не все ли мы к таковым извинениям, как в помянутых, так и во многих других случаях склонны? Но сие и натурально. Кому хотелось бы быть виноватым и кто бы ни хотел быть чист, непорочен, и освобожден от всякого рода обвинений. И не от того ли самого происходит, что всякому их нас не мило, когда кто нас в наших погрешностях обличать и за них обвинять станет. Итак, все таковые, одну природу свою обвинять привыкшие, охотно бы хотели, чтоб то была подлинная правда, что им ее переменить и исправить никоим образом не можно. Но что делать, говорю, когда существо вещи велит другое говорить, и сама натура требует, чтоб освободить ее от напрасного ей нареkania!

В сходстве чего принужден я противное им и многим другим сказать, что невозможность сия далеко не такова велика, каковой они себе ее представляют; совершенной же ей быть никоим образом не можно. Знаю, что сие требует великого доказательства и объяснения, но и доказать сие не великого труда стоит, ибо я прошу только следующее принять в рассуждение.

Естьли б была совершенная невозможность переменить нам своей худой природы, то есть истребить господствующие в нас и от части с нами родящиеся худые склонности и желания, то не следовало б уже само собою, что мы со своей стороны уже вовсе не виноваты тому, что даем им над собою владычествовать и им во всех наших делах следуем. Ибо чем мы виноваты тому, что уже так рождены, когда рождение наше не от нас зависело, а переменить мы не в состоянии, и можно ли по справедливости обвинять и наказывать нас за то, что учинить не было нам никакой возможности? Как же скоро сие положить, то не последует ли само собою, что,

во-первых, Творцу и Богу нашему не можно и взыскивать от нас того, чтоб мы исправились и натуру свою переменили, потому что сему пресоввершеннейшему Существу не отменно надобно быть правосуднейшему, такое ж взыскание было бы несогласно с правосудием и ему неприлично. Во-вторых, не можно бы ему нам и предписывать того и давать нам законы, требующие именно сего исправления, потому что в сем случае стало бы, что он либо не ведает нашей натуры, либо требует от нас невозможного, но обоего сего положить никак не можно. Ибо натуру нашу не можно ему не знать, когда он сам ее учреждал и притом всеведущее Существо, а невозможного от нас требовать было бы несогласно с его бесконечной премудростью и противно его святым и бесконечным совершенствам. Не ясное ли и не довольное ли сие уже доказательство? Ибо не выходит ли из сего, что одному чему-нибудь быть надобно, либо тому, чтоб помянутой перемене и истреблению худых склонностей и страстей быть возможной, либо Богу нашему быть неправосудному, несправедливому и притом неблагоассудному? Но какая тварь отважится утвердить сие последнее о своем Создателе? И не все ли здравый разум имеющие согласятся в том, что такому Богу быть никоим образом не можно. Итак, не выйдет ли само собою, что помянутой перемене так называемой нашей натуры надобно быть не отменно возможной, и нам исправит себя есть способы.

Вот короткое, но непреборимое и такое доказательство, которым все верующие откровенному слову Божию могут быть уже довольны. Но как в нынешние времена есть по несчастью много таких, которые оных не уважают, но давая пред ним преимущество гласу суетного и развращенного своего сердца, хотя не иному чему, как одному своему к погрешностям и заблуждению всего более способному разуму следовать, и, позабыв, что он имеет определенные пределы и не бесконечен, делают его судьей всем делам и поступкам непостижимого и бесконечного своего Создателя и тем над самим им превознестись стараются, то знаю, что для них сие доказательство не будет еще составлять дальней важности. По известной их и пагубной склонности к возражениям, которые мне довольно известны, всего скорее они сказать могут, что они и того еще не знают, подлинно ли Бог такого исправления

от нас требует и того взыскивает, и что говорится о том только в священном писании, которое само еще требует доказательства; то сим господам я так же немногими словами сие требование и не касаясь до священного писания докажу, а именно, самым тем обстоятельством, о котором я впереди имел случай упомянуть. А именно, я прошу только их мне сказать: откуда же происходило бы то общее во всех человеках желание, чтоб другие люди исправились и отвыкли от пороков и худых склонностей? Отчего имеем мы, хотя слабую, но во всех человеках желание, чтоб другие люди исправились и отвыкли от пороков и худых склонностей? Отчего имеем мы, хотя слабую, но во всех человеках одинаковую любовь к добродетели? Отчего самых беззаконников трогают иногда добродетельные дела? Отчего в обществах и самых злодеев требуется наблюдение некоторых должностей, также правды, верности и других видов добродетели и наказываются обманы и неверности? Кто научил сердце наше ненавидеть всякое постороннее зло и быть защитником правды и добродетели и требовать от всякого, чтоб оказывана нам была справедливость и не делана никакая обида и зло? Не врождено ли во всех нас уже природное и самое то стремление, которое я прежде под именем совестного имел случай описать? А когда всего сего они оспорить не могут, то спрошу я их далее, что ж иное доказывает нам сие, как не то, что помянутое Божеское требование написано у нас уже на сердце и что собственное наше сердце нам на ухо шепчет, что Творец мира сего исправления от нас требует и хочет, чтоб мы тоже и прежде еще в самих себе в действо произвели, чего в других желаем. А когда справедливо то, что он сего и натурою и изустно требует, то надобно сему по предследующему доказательству быть уже и возможным. А сия возможность и делает нас уже виновными, когда мы уже сему требованию, будучи в состоянии, не последуем и не похотим о применении натуры своей или о исправлении своем приложить старания.

Теперь знаю, что многие, несмотря на все сии доказательства, на сем пункте упрутся и остановятся. Предрассудок, что натура наша непреоборима, слишком велик и так сильно в нас вкоренился, что не скоро может нас допустить в сей истине удостоверится, как

бы я и многие другие ни говорили, что страсти нам преодолевать и зло господствующее в нас когда не совсем истребить, так знатным градусом уменьшить возможно, и чтобы ни предлагали тому в доказательство, но всегда найдутся многие, которые в сем случае усмехнутся и не перестанут утверждать, что сие нестаточное¹⁸ дело и что противное утверждению моему доказывает ежедневное искусство. Кому не известно, скажут они мне, сколь не многие себя исправляют, и кто не знает, что, несмотря на наши старания и труды, мы в том дальнего успеха иметь не можем? И оспоримая ли то истина, что един Бог только безгрешен, а из человеков и праведник без греха не бывает? Одним словом, можно ли от природы вспыльчивому и сердитому, например, человеку сделаться смирным и кротким? Можно ли завистному позабыть свою зависть? Можно ли ленивому сделаться трудолюбивым, упрямому неупрямым, своенравному несвоенравным, честолюбивому смиренным, скупому щедрым и так далее? И сходное ли с разумом утверждать тому возможность, и погрешаем ли мы в том, когда полагаемся в сем случае на свидетельство и доказательство глаз наших..?

Говорите, государи мои, говорите, вы сказывайте все, что только можете вспомнить. Я все от вас буду выслушивать с терпением и дам вам волю, а сам, между тем, вам скажу, что все такие возражения происходят от самого сего господствующего в нас зла, о котором теперь речь идет. Оно, а не иное что, вас к тому побуждает. Оно влагает в вас сии мысли и старается вас о невозможности уверить, дабы вы на него когда-нибудь прямо не осердились и не вздумали б его из себя взашей выгнать. Пребывание его в вас и жилище ему мило. Оно, родившись с вами, готово и в гроб идти и не подумает никогда само выйти, буде вы его всегда ласкать и насильно в себе удерживать и защищать станете... Теперь все ли вы переговорили и все ли вы сказали? Ежели все, так я на все ваши возражения, которые мне довольно и без вас известны, следующее вам в ответ скажу, а именно: что все помянутые мнимые невозможности и трудности не иное что доказывают, как то, что сие пагубное зло слишком глубоко в сердцах наших вкоренилось и пустило в оных толь глубокие корни, что никакая человеческая рука одна и сама собою не в состоянии одного из него совсем исторгнуть.

Ба! закричите вы теперь, не дав мне далее говорить, не на нашем ли теперь случилось и не сам ли ты на то ж согласился и теперь прежнему противное утверждаешь? Никак, государи! Никак, пожалуйста, не спешите такими восклицаниями. Я еще не все выговорил, а вы не только не все выслушали, но и не все, может быть, заметили. Это правда, что человеку самому собою нет никакого способа совершенно истребить из себя сие обитающее в нас зло. Но что скажете вы мне, когда скажу, что сего от него именно и не требуется?

Вот новое противоречие, закричите, может быть, вы теперь опять. Никак! Ответствую вам: а я говорю то, что в самом деле есть, и хочу сказать то, чему многие, может быть, засмеются. Однако смех сих господ для меня не важен. Они пускай остаются при своих высоких мнениях, а я буду держаться истины, которой бесспорно верю и имею многие причины тому верить. А именно, что всеведущему Творцу и Устроителю нашей природы довольно было известно, сколь сильны действия вкоренившегося в нас по несчастью зла и сколь мы сами собою сделались уже слабы и немощны к совершенному истреблению и искоренению оногo. Но как он и прежде падения нашего не сделал нас машинами, а свободными существами, то те же самые святые причины, которые его к тому побудили, не допустили его и после оставить нас в таком состоянии, чтоб мы сему злу остались на век порабощены и не имели способов к преодолению оногo и чрез то быть подобным машинам или бессловесным животным. И что для самого того бесконечная его любовь и побудила его сыскать средство, которым бы сему злу пособить и нас в такое состояние привести можно было, чтоб мы могли прежде помянутое нравственное зло преодолевать, и когда не совсем истребить, так, по крайней мере, уменьшить знатным градусом и привести в такое изнеможение, чтоб оно остаточным своим действием не составляло дальней важности. Сие средство состоит в собственном его вспоможении. Он сам положил помогать нам в том своею десницею. А как ему уже ничего невозможного нет, то чрез самое сие делается и наше исправление, и применение природы в рассуждении нас возможным.

Чтоб далее сию великую истину изъяснить, то скажу, что и сие Божеское вспоможение не просто нам обещано и дается, но сопря-

жено со многими условиями. Наиглавнейшие из оных состоят, во-первых, в том, чтоб мы признались, что без его помощи сами собою себя исправить не в состоянии. Во-вторых, чтоб мы сему его обещанию бесспорно верили. В-третьих, принимались к нему прибежище и его о том просили. В-четвертых, старались бы неотменно изобретать себе сие вспоможение такими средствами, какие он сам предписал, и доходить до того такими путями, какие он назначил, то есть чрез принятие и последование всему его откровенному нам слову и вкупе Христианскому закону. В-пятых, и что важнее всего, чтоб мы неотменно сами наперед исправлению своему учинили начало, но и после всеми своими силами и возможностями тому поспешествовать старались, а не сидели бы без дела, но трудились в том сколько наших сил есть.

Сии суть наиглавнейшие условия, без которых нам оным обещанным вспоможением пользоваться, следовательно, натуру свою переменить и себя исправить никоим образом невозможно. Ежели ж спросите теперь меня, любезный читатель, для чего ж не просто Бог нам сие вспоможение дает и для чего должно происходить с такими околичностями, то на сие скажу, что сие в тонкость объяснить мне без объяснения наперед всей связи Христианского и толь для нас спасительного закона и важнейших одного таинств никоим образом не можно. Но как сие не только завело б меня в великое пространство, но при том и не мое звание входить в сие великое дело и изъяснять касающиеся до сего важные Богословские истины, то я, предоставляя самим вам искать дальнейшего объяснения в учениях нашего святого закона, объясню вам сие короткими словами и скажу, что все то предположить великий, премудрый и по-пустому ничего не делающий наш Создатель имел свои святыя причины. Наиглавнейшие из оных состояли, во-первых, в том, что по неизреченному своему человеколюбию хотел он, чтоб самое сие обещанное и ниспосылаемое нам его собственное и сильное вспоможение не делало б свободы, или произволу нашему, никакого насилия, но чтоб мы оставались при совершенном одного действии, а чрез самое то можно бы ему было, несмотря на сие постороннее вспоможение, исправление наше приписать самим нам и нас за то, так как за произвольное наше дело, наградить. Во-вторых, чтоб самое

сие могло служить средством к побуждению нас к охотнейшему последованию Христианского закона и чрез то преподавать нам легчайший способ к снисканию себе неоцененными оного и известными выгодами и в тех преступлениях отпущения, которые мы и до того учинили, да и во время самого исправления нашего по слабости нашей учинить всегда в состоянии и кои в противном случае неотменно вечно и бесконечно наказаны б быть должныствовали, а чрез все то отворить нам врата и вход в бесконечную и ту жизнь, где совершенное блаженство обитает.

Вот важнейшие причины всех помянутых условий, изъявляющие черты неизреченного человеколюбия нашего Зиждителя и вкупе великую важность, неоцененность и прелестные выгоды спасительного закона, основанного самим Богом. Ибо кто не видит из сего, что он нам необходимо нужен и полезен и что без оного нам как в исправлении нашем, так и в снискании благополучия нашего мало успеть можно. А все сие и объяснять вкупе и ту известную из опытов истину, что усердствующие прямо оному закону и пользуясь оным Божеским вспоможением действительно себя до весьма высокого градуса исправления довели и доводят, как то мы в примере толь многих угодивших ему видим и делам их, превосходящим, по-видимому, человечество, удивляемся, также и то, от чего не помышляющие об оном и мало об нем радящие столь слабы и к преодолению страстей своих и обитающего в себе зла неспособны.

Итак, из всего вышеописанного надеюсь довольно уже оказалось, что помянутое исправление по случаю падения нашего протца и от сделавшегося от того в душе нашей и прежде мною довольно изъясненного повреждения, хотя само собою и сделалось невозможным, но невозможность сия употребленными Божескими средствами уничтожена и сделалась возможным и таким, которое зависит от нашего произвола. А сие не оправдывает ли великого нашего Зиждителя во всех его святых и справедливейших от нас требованиях и взысканиях. Если б не было искупления, если б не обещана и ниспосылаема была нам от самого его помощь, если бы не предложено было нам от душевного нашего зла и болезни лекарства, исцелить оное могущего, тогда б не можно было и ему

от нас исправления нашего и исполнения святых его заповедей как такого дела требовать, которое мы по повреждению нашей натуры произвести не в состоянии, тогда б было сие требование несправедливо, но такого он и не требует. Но когда все сие учинено, когда нам снискана совершенная к тому возможность, когда предписаны нам самим тем которой учреждал нашу натуру и все происшествия бывшие с нею и нынешнее ее состояние довольно знает, способы, и показан путь, каким образом нам себя вылечить и исправить можно и когда все то подвержено нашему произволу и притом так облегчено, что сам Божественный Искупитель наш уверяет нас, что иго его благо и бремя его легко есть, то скажите, можно ли Творца нашего чем уже с сей стороны обвинить, и не справедливо ли он поступил и поступает, требуя от нас того, что к нашей истинной пользе служит? И он ли уже тому виноват, что мы не хотим предписаниям сего душевного нашего врача следовать и спасительные его повеления уважать и исполнять стараться, но более воображению своему, нежели святым и справедливым его уверениям верим? И чем можем мы уже оправдываться, того не учинив, когда учинить то было возможно и мы находились в состоянии? Ах, государи мои! Будет ли когда-нибудь время, чтоб мы опамятавались и слова и повеления господни удостоили лучшего уважения, нежели какими мы ныне их удостоиваем? Будет ли когда-нибудь конец тому общему заблуждению и самих себя ослеплению, в котором мы все находимся? Прекратится ли когда-нибудь тот душевный сон, в котором мы все погружены наиглубочайшим образом? Проснемся ли когда-нибудь из оного и, очнувшись, взглянем ли когда-нибудь на себя душевными очами? Или уже на век зареклись мы не просыпаться и не верить и не уважать словами того, которого всякий день устами исповедуем, но всем исповеданием своим и словами и повелениями его равно как играть и упоминать их только для препровождения времени. Но игрушка ли это, и на то ли нам они даны, чтоб ими только забавляться?

Но я удалился уже от главного моего предмета, и любовь к истине завела меня в великое пространство и в сию надобную посторонность. Отпустите мне сие, дорогой читатель. Теперь не буду более

вам скучать сими, может быть, неприятными вам доказательствами и изъяснениями, и приступлю к собственному намерению.

Итак, знайте, любезный читатель, что нравственное зло, или все худые наши склонности, страсти и привычки, одолевать нам, конечно, есть возможность, и что сие одолевание должно быть двоякое — посредственное и непосредственное. Под именем посредственного разумею я такое, когда мы будем пользоваться постороннею, то есть Божескою помощью, а под именем непосредственного то, которое мы непосредственно сами собою в действо производить должны. Оба они должны неотменно сопрягаемы быть неразлучно вместе и одно без другого быть никоим образом не может. Причину тому вы из предследующего, надеюсь, усмотрели. Ибо посредственное надобно для того, что мы слишком слабы и без Божеской помощи исправить себя не можем, а непосредственное для того, что Богу нам без собственного нашего старания и содействия упомянутую помощь подавать нам для сохранения нашей свободы и для других святых причин не можно. Почему необходимо надобно нам самим, призвав его в помощь, начинать и употреблять все к тому удобовозможные и те способы, какие нам в сем случае наш разум показать может.

Теперь порядок велел бы мне оба сии рода одолевания разобрать в тонкость и сказать вам об них все, что знать надобно, но я должен признаться, что мне в рассуждении обоих того учинить не можно. Ибо первое, то есть посредственное, на большую часть есть таинственное, невидимое, от нас скрытое и принадлежащее к великим таинствам Христианского закона, следовательно, не мое дело входить в сию важную материя, но я должен оставлять то нашим пастырям и учителям. Итак, могу я вам, дорогой читатель, услужить только в рассуждении второго и сказать, каким образом и чрез что мы сами исправлению нашему с своей стороны поспешествовать должны и можем и подать к тому по мере сил своих довольное уже, но хотя краткое и, буде осмелюсь сказать, отчасти на практике основанное руководство. Последующее рассуждение будет содержать оное, в котором найдете вы то, чего доныне вам читать, может быть, не случалось.

РАССУЖДЕНИЕ XI

О существе и порядке исправления вообще

Доказав в предследующем рассуждении возможность исправления и обещав сказать вам, дорогой читатель, каким образом и чем нам с своей стороны к тому поспешествовать должно и можно и какие средства предписывает нам к тому разум, исполню теперь мое обещание, но не прежде как попросив вас опять наперед, чтоб вы последующие строки удостоили своего благосклонного внимания. Сделайте сие, любезный читатель! Может быть, самым вам понравится последующая материя по своей особливости, а может быть, и по новости. Я предложу вам в сем рассуждении краткое описание одной войны, которая достойна любопытства и внимания. Когда охотники вы читать ведомости, так, по крайней мере, сочтите сие иностранными ведомостями, сообщающие известия о военных и внутренних происшествиях в некой особой и такой области, которая нам нужна и с которой сопряжена наша польза, и удостойте последующие строки хотя таким же вниманием, каким удостоили бы вы такие ведомости, когда не хотите их удостоить лучшего. Сверх того, наперед вам сказываю, что рассуждение сие не велико, и естьли вы не любите читать длинных пиэс, так в рассуждении сей не опасайтесь, чтоб вы слишком утрудились.

Итак, приступая к делу, прежде всего должен я вам сказать, что великое дело нашего исправления достойно наивеличайшего примечания и сколько можно подробнейшего разобранья и изъяснения. Однако я, жалея вас и боясь отяготить длинною материей, не отважился приступить к такому в сем рассуждении, а назначил к тому особо и за сим следующее, а в теперешнем для лучшего угождения вам положил сократить речь мою о сем как можно короче, но при том так, чтоб была она и не без пользы, а именно, чтобы в случае, когда не можете вы терпеть длинных сочинений, могло б и сие вам все нужное вкратце изъяснить, а ежели для вас сносны и длинные сочинения, когда б только были они полезные, то чтоб тем яснее и удобопонятнее могло быть и последующее, в котором содержаться будет дальнейшее сему изъяснение.

Размышляя о помянутом исправлении и о способах, каким бы образом мне наиспособнее, яснее и так все нужное вам вкратце изобразить можно было, чтоб вам тонкая сия философическая материя не могла наскучить, но была бы любопытна, иного кроме того не нахожу, что мне не отменно надобно взять прибежище мое к прежней моей аллегории, которой старался я изобразить все внутреннее состояние души нашей и обстоятельства, касающиеся до свойств и действий различных сил ее. И сие для того, что исправление наше должно на том, как на фундаменте, иметь свое основание, ибо все правила, касающиеся до исправления нашего, наиспособнее и всего надежнее могут извлечены быть из свойств наших склонностей и желаний. По которой причине естли вам была прежняя моя аллегория не угодна, я прошу вас, дорогой читатель, отпустить мне то, что я опять о мыслях и желаниях наших, сих невещественных сил и действий души нашей, под видом естественных птичек и зверков говорить буду. Вещественное такое их воображение, сколько я сам из себя и из других приметить мог, помогает много нам при сем нужном и важном нашем подвиге. Почему хочу, чтоб и вам оно столько ж пользовало, сколько самому мне.

Итак, позабыв на часок себя, представьте, дорогой читатель, себе в мыслях, что душа человеческая представляла бы целую область зверков и птичек, находящуюся в превеликой и такой расстройке, какую я прежде имел случай изобразить. То есть чтоб она наполнена была внутренними мятежами и беспокойствами, и всякий бы час происходили в ней замешательства и беспорядки. Причиною тому было бы то, что по случаю пременился порядок законного правительства, и что верховная власть природных и законных правителей похищена многими усилившимися бунтовщиками и злодеями, воюющими всегда между собой и приводящими всю область час от часу в худшее состояние, и что законные правители находились у них в порабощении и в неволе и принуждены б были от части исполнять поведения оных, от части быть в без действия. Верховнейшим законным начальником или самым владельцем почитите разум, а произвол¹⁹ — его товарищем и соправителем. Прочие же хорошие склонности — их офицерами, находящимся с госу-

дарем своим в таком же порабощении, а бунтовщиками и злодеями — наши страсти и худые склонности.

Теперь не трудно уже заключить, что существо всего желаемого исправления должно не в ином в чем состоять, как в освобождении помянутых начальников с их офицерами из их неволи и в приведении их в такое состояние, чтоб они могли помянутых бунтовщиков одолеть, низложить их силу, поработить себе и восстановить во всей области природный порядок и спокойство.

Теперь спрашивается, каким же образом все сие нам или, паче сказать, помянутым начальникам — разуму и произволу в действо произвести было бы наудобнее? Ибо легко можно всякому заключить, что никому иному, как им самим, то есть разуму и произволу, а особливо сему последнему, в том трудиться и наиглавнейшее работать надобно. Они должны себя освобождать. Они должны себя усиливать, и они должны одолевать своих злодеев и врагов.

Сей вопрос не трудно б было решить, естли бы не было одного обстоятельства, а именно, когда б оба сии главные начальники не находились в неволе и не приведены б были в такое изнеможение, что им не можно уже с усилившимися бунтовщиками, овладевшими всею областью, порядочную начать войну и преодолевать их собственною своею силою. В сем случае стоило бы им только восстать против оных, пойти на них грудью и, низложив силою оружия, взойти на трон правительства. Но как сие то самое обстоятельство, по несчастью, есть, и они слишком уж обессилены, а сверх того и злодеев к преодолению имеют не немногих, а многих, то легко можно рассудить, что силою тут им ничего сделать не можно, и все старание их к преодолению оружием или грудью будет тщетно.

Что же в таком случае делать, спросите вы? Иного не остается, ответствую, как следовать таким же обыкновениям и правилам, какие в вещественных и настоящих войнах между людьми в подобных сему случаях употребляются. А именно, когда не можно надеяться на свою силу, то надобно награждать недостаток сил хитростью и проворством, или так называемою политикою, и стараться неприятелей своих одолеть не столько силою, сколько умением.

Ежели спросите меня теперь, в чем же бы должна состоять сия политика, то скажу, что я, размышляя о духовной сей войне у раз-

ума и произвола со своими бунтовщиками, или у нас со страстями, нахожу, что она очень во многом подобна вещественной и настоящей, и нужно только переменить некоторые обстоятельства, как такие же правила употреблять можно, какие в оных употребляются, а по крайней мере, могут они показать нам след к усмотрению того, что нам делать надобно. В сходствие чего скажу, что и помянутая хитрость, и проворство не в ином в чем состоит, как в том, чтоб вести наперед войну не явную, а тайную политическую, состоящую в том, чтоб себя наперед разными средствами тайно усилить и привести в такое состояние, чтоб можно было с лучшею надежностью начать явную войну или противоборство, а неприятелям без бою причинить существенный вред и тем уменьшить их силу и привести в изнеможение и чрез то сделать хорошее и сильное к последующей войне приготовление.

Ежели спросите далее, какими ж средствами сие произвести можно и что притом наблюдать надобно, то скажу, что я в рассуждении сего пункта нахожу разные достойные примечания обстоятельства, из которых могут, извлечены быть толь многие ж и разные к наблюдению правила. В особенности же примечаю, что все военные действия нашего разума и произвола могут разделены быть на три рода и состоять, во-первых, в предварительных и тайных военных приготовлениях. Во-вторых, в первых и начальных военных предприятиях и более тайных, нежели явных над неприятелем поисках. В-третьих, в самих сражениях, или действительной войне. Чтоб лучше изъяснить, что именно, я под сими разными родами разумею и что к каждому собственно принадлежит, то упомяну о каждом в особенности.

Итак, что касается до предварительных и тайных к войне приготовлений, то они могут и должны состоять в следующем.

Во-первых, начало учинено быть должно тем, чтоб разуму и произволу нашему, или, лучше сказать, самим нам, стараться должно узнать в подробность и в тонкость все обстоятельства и состояние своих злодеев и бунтовщиков, то есть сколько именно оных, сколь каждый из них велик и силен, которые из них других важнее, сильнее, для нас опаснее и непреоборимее, то есть более усилились и имеют власти, дабы тем лучше можно было принимать против

них потребные меры. Сие составляет первое обстоятельство войны нашей, а сколь оно важно и примечания достойно можно потому заключить, сколь нужны бывают такие предварительные знания в вещественных войнах и коль много пользует когда мы будем наперед знать величину, силу и многочисленность наших неприятелей и не будем принуждены узнавать то после и с своим ущербом. Напротив того, сколь предосудительно воевать с таким неприятелем, о которого силах не имеем мы никакого сведения.

Во-вторых, надобно им стараться узнавать нравы и обыкновения своих неприятелей и другие касающиеся до них обстоятельства. Как, например, храбры ли они от природы в сражении или трусливы? Искусны и хитры или глупы и просты? Какие употребляют оружия? Чем питаются, откуда получают военные снаряды и амуницию? Отчего более усиливаются? Чем подкрепляются и так далее. Одним словом, все выгодные для них обстоятельства. Но одного сего не довольно, а надобно распроедование свое простираť далее и узнавать, не подвержены ли они каким природным слабостям, не боятся ли чего в особливости? Не можно ли и чем именно довести их до того, чтоб они сами собою пришли в расстройку и изнеможение? Чем скорее и удобнее можно им сделать диверсию и так далее. Одним словом, все невыгодные касающиеся до них обстоятельства, дабы тем удобнее можно было лишением первых, а поспешествованием сим последним их обессилить, сделать слабейшими и с ними потом скорее сладить. Сие составляет второе обстоятельство войны нашей, коего о важности можно по такому ж обстоятельству при вещественных войнах заключить. Ибо кто не знает, сколь много может нам поспешествовать в оных, естли мы подробные сему знания о неприятелях своих заблаговременно имеем и оными при случаях будем уметь пользоваться.

В-третьих, надобно разуму нашему и произволу стараться освободить себя под каким-нибудь видом из неволи и получить свободные руки. И как оба помянутые начальники не во всех людях сидят в совершенной заперти, а только у немногих, а у прочих по большей части только временно и на то только время сажаются под караул, когда господа бунтовщики выходят наружу и упражняются в своих делах, а в прочее выпускаются опять из-под оногo и на свободе хо-

дят, то следует само собою, что надобно им не отменно сими свободными минутами пользоваться и употреблять их на чинение дальнейших приуготовлений и для всего того стараться как можно далее продлить сие свободное время и всеми способами убежать неволи и посажения себя в оковы. Если ж у кого разум находится в легчайшем еще, но поноснейшем у бунтовщиков иге и поспешествует сам их вредным замыслам и тиранству, то стараться сие бесчестное иго с себя сбросить и, признав их своими злодеями, престать им столь подло раболепствовать. Сие составляет третье обстоятельство войны нашей, которое не менее важно, как и прочие.

В-четвертых, в помянутое свободное время, то есть когда оба помянутые начальники — разум и произвол находятся на свободе, во время недействия или в отсутствие бунтовщиков, то есть в то время, когда сии злодеи спят, надобно произволу нашему как соправителю и такой особе, которой представляет равно как фельдмаршала и вернейшего друга и наперсника своего Государя, всеми образами стараться себя усиливать природными своими упражнениями и тем равно как экзерцироваться или навывать лучше и проворнее владеть своими членами и оружиями и драться, дабы чрез все то укрепить природные свои силы и делаться к будущему сражению способнее, тем паче, что ему надобно будет после быть в самом огне и самому наиглавнейше с неприятелями драться на поединках. Сие составляет четвертое войны нашей обстоятельство, которое составляет великую важность. Ибо чем сильнее будет сей предводитель и герой, тем страшнее будет он своим неприятелем.

В-пятых, в то же время не надобно и разуму нашему, как государю, быть без дела, но не упускать такого свободного времени тщетно, но в оное, с одной стороны, фельдмаршалу своему произволу всеми возможностями помогать, а с другой — упражняться в разных размышлениях и делании действительных военных приуготовлений. Сии приуготовления состоят в следующем: 1) В тайном заготовлении всякого рода военных снарядов, припасов и амуниции, а особливо таких, которые более неприятелей вредить могут. 2) В набирании рекрут, или таких птичек, то есть мыслей, которые неприятелям противны, и с теми птичками драться могут, которые

обыкновенно присутствуют при действии бунтовщиков и их войсками почестся могут, и в доставлении их в такие места, откуда бы они тотчас могли призваны быть и на сражение выведены. 3) Но как сего не довольно, то о снискании себе из зверков единомышленников и приятелей и в приглашении их к себе на помощь, а особливо тех, которые от природы противны главнейшим бунтовщикам и за- всегда с ними готовы драться, дабы в нужном случае можно было их тотчас призвать на помощь и выставить на брань против самих их соперников и их помощью подкрепить в сражении произвол и тем удобнее победить неприятелей. Таковых единомышленников можно множество найти всякому, потому что они суть самые те порабощенные вместе с государями своими бунтовщикам нижние офицеры, или природные хорошие стремительства и склонности, которые находятся только во сне и в великом бессилии и изнеможении; итак, дело в том только состоит, чтоб их разбудить и неприметно увеличить, укрепить и снабдить всеми нужными им оружиями и военными припасами. 4) В снискании паче всего посторонней какой-нибудь помощи, то есть дружбу от сильного какого государя, дабы в нужном случае можно было пользоваться не только его защитением и покровительством, но и самым действительным вспоможением. Все сие составляет пятое войны нашей обстоятельство, важность которого я довольно изобразить не в состоянии.

Сии суть все те нужные и необходимо надобные предварительные военные приуготовления, о которых я упоминал выше. Все оные учинить имеют разум и произвол наш, или, паче сказать, сами мы, в помянутое свободное время наиудобнейший случай. Теперь пойдем далее и посмотрим, какие должны быть первые и начальные военные действия и поиски.

Вооружив себя исподволь помянутым образом и приведя себя в нарочитое уже состояние, а именно, снабдив себя и оружиями, и друзьями и помощниками и освободив себя и их из-под неволи, надобно обоим начальникам приступать к самому уже делу, то есть к воеванию с своими врагами. Однако и тут должны они употреблять великую предосторожность и не вдруг соваться к ним в глаза, но воевать сначала более хитростью, обманами и проворством и действовать более оборонительно, нежели наступательно, то есть

чтоб первые военные действия и поиски были более политические. В сходствие чего и должно им наблюдать следующее.

Первое, стараться всеми возможностями убегать от больших сражений и от кровопролитной, так сказать, брани и для того, во-первых, всего более остерегаться, чтоб самим не подать к тому повод и неприятелю случай к атакованию себя. Во-вторых, хотя бы он и сам стал искать случая или готовился уже учинить на нас нападение, так стараться добром или хитростью от него отделаться и убежать баталии. В-третьих, удерживать его как можно на одном месте и не допускать выходить, так сказать, из своего лагеря и приводить чрез то в ослабление, тревожить всегда маленькими партиями, не давая нигде спуску появляющимся малым его разъездам и фуражирам, и не прежде вступать с ним в бой, как по самой уже необходимости, то есть когда он сам нечаянно нападет, и нам себя оборонять должно. Одним словом, всеми средствами выигрывать себе длиннейшее свободное время. Все сие требуется не по-пустому, но для того, что сначала все действительные сражения с неприятелями не только для человека с великим трудом и отягощением сопряжены, но как сначала бунтовщики очень сильны, а мы к сражению ненавычны, то всего скорее могут такие неравные сражения оканчиваться с предосуждением и вредом наших полководцев, а с выгодою бунтовщиков и злодеев. Сие составляет шестое обстоятельство войны нашей, которого о важности можно заключить из того, сколь вредны бывают иногда таковые рановременные сражения в вещественных войнах и коль много разумные полководцы пользуются, проваживая неприятелей своих целые компании по-пустому и без дела и приводя в ослабление либо долговременным удержанием на одном месте, либо маршами и контрмаршами и деланием малых беспокойств, а между тем выигрыванием времени на получение множайших сикурсных²⁰ войск и о снабжении себя множайшим числом снарядов и припасов²¹.

Второе. Между тем как сие будет производимо, должно разуму нашему и произволу стараться делать над неприятелем тайные поиски, из которых первейшим может почестся то, чтоб какими-нибудь средствами лишить его всех тех выгодных обстоятельств, о которых я впереди упоминал и кои наперед узнать надобно. Как, например:

1) Прилагать старание отхватить от них магазейны²² и цейхаузы²³ с оружием и припасами или, тайно в оные вкрадываясь, их так перепортить, чтоб они к употреблению сделались неспособны, или того еще лучше сделать их самим им вредными. 2) Уничтожать те причины, от которых они усиливаются. 3) Преграждать им пути к получению помощи от своих товарищей — таких же бунтовщиков и к привозу и снабдению себя рекрутами и нужными припасами и прочее тому подобное. Все сие составляет седьмое обстоятельство войны нашей и пункт весьма важный и примечания достойный. Ибо кто не знает, сколь великие выгоды получаем мы в вещественных войнах над неприятелями, если бы нам удалось отхватить у них столь нужные и необходимо надобные им вещи. И не побеждается ли одним тем и без бою иногда неприятель?

Третье. Вторым и столь же или еще действительнейшим и для нас полезнейшим, а для неприятелей вреднейшим поиском можно почесть и то, когда разум и произвол наш станет стараться всеми возможностями поспешествовать и тем природным слабостям и невыгодным неприятелей своих обстоятельствам, о которых узнавании я прежде упоминал; как, например, стараться усыплять их и приводить в расстройку и внутреннее замешательство разными хитростями, то есть: 1) Стараться всеми образами доводить их до того, чтоб они далее спали и не действовали и, так сказать, стоя долее на одном месте, находились в праздности. Сие им всего более вредит, а нам пользоваться может, потому что в сем случае, равно как в вещественных войнах, не только они более ослабеют, но им труднее будет доставать себе и нужные съестные запасы и снаряды, а нам, между тем, свободное время будет делать над ними дальнейшие поиски и приготовления; 2) в случае, когда станет выходить из своего лагеря или предпринимать идти нас искать, то предполагать ему важнейшие препоны и стараться разными хитростями и движениями его устрашать и прогонять опять в прежний лагерь; 4) когда то не успеет, то в рассуждении опаснейших злодеев перехватывать у них путь своими восками, а ежели в скорости своих доставить не можно, так по нужде войсками самих их, но таких товарищей, которые бы были малы, не гораздо с ними согласны, а для нас не столь опасны и с которыми мы скорее потом уже сла-

дить можем, и чрез то делать тем задержки и остановки, заводить между ними междоусобные ссоры и несогласия и давать поводы друг с другом к сражениям и к причинению вреда и ущерба; а в рассуждении себя, чтоб сим случаем можно было пользоваться и получать время к доставлению своих войск и к прогнанию потом и всех их в прежние их логовища и к очищению поля. Все сие составляет осьмое обстоятельство войны нашей, и как всем тем можно им причинить наисуществительнейший вред, а себе без бою снискать великие над ними выгоды, то можно сказать, что сие обстоятельство достойно великого примечания.

Четвертое. Наконец, третий и последний, но наиважнейший политический поиск, который разуму и произволу над своими неприятелями чинить должно, состоит в том, чтоб в случае, естли пред следующие поиски не удадутся, и его не можно будет удержать от выступления из лагеря и от шествия к месту баталии или самому трону повелительства, то прилагать последние силы и стараться как можно захватить у него перед и занять помянутое место прежде его туда прибытия. Для изъяснения могущей произойти от того нас пользы должен я сказать, что сие одно почти обстоятельство несколько отменно от обстоятельств вещественной войны. Ибо в сих сражениях бывают в разных местах и где трафится, а в духовной войне для всех сражений у разума и произвола нашего с бунтовщиками находится только одно место, или поле, имеющее посреди равно как высокое, но крайне выгодное место, или гору, и весь успех в баталии зависит наиболее от того, кто прежде успеет захватить перед и взойти прежде на сию гору, разум ли и произвол со своими войсками или идущий на сражение бунтовщик. Ибо как и сама драка единственно о сей горе производится, по причине что с восшествием на нее и овладением оною сопряжена и власть повелительская над всею областью и состоит в старании одних о согнании других с нее и завладению оною, то натурально захватившему оную наперед будет несравненно уже выгоднее с нее драться и сбивать на нее лезущих, нежели другому лезть и на нее вздираться. Почему ни в котором случае не надобно и не полезно так проворство, как в сем, а особливо потому, что нередко и все дело тем кончится; ибо как скоро один успеет, оную заблаговременно захватив,

наполнить ее своими войсками и установить орудиями, то другому нечего делать, и он либо без всякого дела принужден будет прочь идти, либо, подравшись несколько и увидев невозможность, принужден будет оставить свое предприятие. Сие составляет девятое обстоятельство войны нашей и такое, которого важность довольно изобразить не можно, почему оно и достойно наивеличайшего примечания.

Вот в чем состоят первые и начальные военные действия и политические поиски. Теперь пойдем далее и станем говорить о последнем роде, то есть о действительных сражениях.

Когда уже всеми вышеупомянутыми средствами, с одной стороны, приведет разум наш и произвол, или паче сами мы себя, в нарочитое уже и несравненно лучшее пред прежним состояние и запасением себя нужными снарядами и многими сильными помощниками себя усилим и укрепим, а с другой — самими теми ж средствами без бою с наиглавнейших бунтовщиков собьем наполовину спеси и в знатное приведем уже изнеможение, тогда уже, пригласив упомянутого сильного постороннего союзника и друга в помощь и испросив у него в нужном случае себе подмоги и подкрепления, должно уже нашим главным начальникам — разуму и произволу, не упуская времени, ополчить себя мужеством и, приступив к самому делу или объявив бунтовщикам, так сказать, явную войну, положить твердое намерение при всяком случае как они ни попадутся навстречу их колотить и драться с ними до последней возможности. Таковое предприятие само собою составляет уже десятое и весьма примечания достойное войны нашей обстоятельство. Потому что от него, равно как и на вещественных войнах, очень многое зависит; ибо кто не знает, сколь много пользует нам, когда мы ополчим себя храбростью, неустрашимую отвагою и мужеством, и не побеждаются ли в сем случае часто и сильные бессильными? Напротив того, сколь вредительно, естли мы сердца наши наполним трусостью и малодушием, и мы не постараемся истребить оную из себя. Не бывает ли в сем случае того, что и сильные армии, несмотря на все свои многочисленные снаряды и орудия, побеждаются бессильными и слабыми, но имеющими только храброе и отважное сердце. Впрочем, таковое предприятие потому

наиболее надобно, что к сражениям случаи и прежде того времени и невольные бывают, а именно, когда неприятели нечаянно и во время еще самых наших приуготовлений нас атаковать и наши замыслы разрушить стараться станут.

По приступлении к такому предприятию должно потом неотменно и в действо оное приводить и, никогда оное не выпуская из памяти, в случающихся необходимых случаях к сражению, то есть когда бунтовщики захотят овладеть или овладеют уже горою, драться не оплошно, но храбро, мужественно и, так сказать, до последней капли крови и не прежде пашевать, как при самой необходимости и когда никоим образом устоять или согнать уже не можно. Сие составляет первоенадесять²⁴ и великого примечания достойное обстоятельство войны нашей.

Таковые сражения будут уже тогда натурально иметь гораздо лучший, хотя не всегда равный успех, и от того война может длиться долее или короче. Причиною тому то, что принуждено будет сражаться не со всеми бунтовщиками вдруг и разом, но с немногими поодиночке, а из оных бунтовщиков не все могут быть одинаково сильны; и так в рассуждении иных и тех, которые слабее, сражения могут оканчиваться в один миг, и герои наши того момента могут их низложить, прогнать или, совсем взяв в полон, себе поработить. А в рассуждении иных сражение может быть кровопролитное и продлиться долее, и победа зависит от искусства, проворности, терпения, храбрости и неустрашимости наших полководцев и их воинов, и чрез то бой оканчивается иногда благополучно, иногда худо; то есть поелику приложено будет к тому от первых старание. Одним словом, бой бывает равновесный и победа сомнительная. А в рассуждении третьих и самых сильных обстоятельства иногда могут быть и того хуже; победа не только бывает сомнительна, но в самом начале уже склоняться и обращаться на сторону бунтовщиков и бой оканчиваться к предосуждению разума и произвола. Бунтовщики, будучи слишком еще сильны, побеждают их либо скоро, либо не скоро, несмотря на всю их еще храбрость и проворство, а особливо когда с стороны разума и произвола учинена будет какая погрешность и оплошность, как, например, в случае, когда они, слишком скоро силы их убоявшись, придут в трусость, малодушие

и отчаяние и не приложат всего своего старания, не употребят всех орудий или будут иметь недостаток в снарядах, или не призовут на помощь своих союзников, или иметь будут мало оных, а особливо когда не призовут они в помощь помянутого постороннего помощника и государя. Из чего явствует, что успех в сражении наиглавнейше зависит от предследующих приготовлений и благоразумия предводителей. Им надобно быть и героям, и политикам и прямо разуместь, как с неприятелями и когда и каким образом драться.

Однако таковые случающееся несчастные случаи не должны приводить их в отчаяние, но паче делать их вперед благоразумнейшими и осторожнейшими. Первые такие неудачные сражения не должны они слишком много уважать, но помнить, что они им и не без пользы были, потому что всякое такое сражение низлагает уже много силы у бунтовщиков, нагоняет на них страх и уменьшает в них охоту вперед драться; чего ради разуму и произволу, претерпев однажды или дважды такое от бунтовщика поражение и узнав чрез то, сколь много он еще силен, надобно уже взять предосторожность и, продолжив на день первые тайные поиски и средства, самим, между тем, запастись против него новыми союзниками и оружием и потом не иначе уже против него выходить, как с приглашением к себе на помощь помянутого постороннего помощника и Государя, и кричанием к нему, и просьбой о помощи в самое то время, когда начинается сражение и предвидится опасность, поощряясь твердым и бессомненным упованием, что он поможет и что при его вспоможении победа получится, употреблять с своей стороны всю возможную силу и храбрость и драться сколько сил и возможностей есть. И тогда не может уже такое сражение окончиться неблагополучно. Неприятель много ли или мало, смотря по обстоятельствам, победится, а нужно с него однажды посбить спесь и принудить хотя немного ретироваться и место баталии оставить, как в другой раз он уже несравненно слабее будет драться и уже в бегство обратиться, а в третий и в четвертый — и того слабее и к великому удовольствию и триумфу совершенно разбит и поражен быть может; а впредь уже никакого почти труда не будет стоить его одолевать, и он до того доведен будет, что и в поле показаться не посмеет, а наконец, и совершенно в неволю взят и поработен

быть может. Сие составляет второнадесять²⁵ и последнее, а при- том наиважнейшее войны нашей обстоятельство и такое, которое требует наивящего примечания, ибо было бы слишком много, если б хотели мы вдруг и одним разом от всего зла избавиться и победить всех своих неприятелей, чего и в подлинных войнах не всегда требовать и ожидать можно, кольми паче²⁶ в сих, где не вдруг со всеми, а поодиночке с разными бунтовщиками дело иметь надобно. Но нам надобно потрудиться и взять терпение, а за то и победа над ними будет нам приятнее и торжество веселее.

Ежели спросите теперь, все ли тем кончится и получит ли война все свое чрез то окончание? На то скажу, что то редко случается, чтоб тем все уже кончилось. Правда, разум и произвол, победив и низложив главнейших своих злодеев и похитителей престола, и восходит хотя на престол законного своего правительства, но легко может опять его лишиться, если и вначале о сохранении и утверждении власти своей не приложит старания, да и после не будет о том иметь попечения. Причиною тому то, что побежденных злодеев своих преданием смерти вовсе истребить и тем все могущие вперед от них произойти беспокойства отвратить им нет способа. По несчастью они бессмертны, и всеми победами над ними можно только их уменьшить и чрез то привести в изнеможение и равно как посадить в неволю. Но из сей неволи легко могут они опять выдаться и наделать множество бед и беспокойств, если по оплошности правительства получать они и к увеличиванию себя удобный случай, и им заблаговременно не делается опять остановки, и они вновь в тюрьму заперты не будут. К тому присовокупляется еще другое несчастное обстоятельство, а именно то, что по великому множеству оных не все они равно сильно могут быть побеждены и равно приведены в изнеможение, но многие из них останутся, несмотря на свои поражения, сильны и, будучи от натуры очень хитры, лстивы, лукавы и проворны, в состоянии, сидячи в самой тюрьме, вредить обществу, и когда не сами собою, так возбуждением сообщников своих, находящихся на свободе, возжигать новые мятежи и беспокойства и колебать престолом разума и произвола, а нередко опять свергая оных с него, восходить на него сами или возводить своих товарищей. Отчего и происходит, что многие

исправившиеся впадают опять в пороки и в прежнюю незаконную и распутную жизнь, и тогда последнее зло бывает горше первого. Для всех сих причин следует уже само собою, что разуму и произволу о каждом побежденном своем враге и злодее не надо никогда позабывать, но иметь от него всегда опасность и осторожность и не только его, но и всех товарищей его стараться содержать в беспрерывной неволе, иметь за ними крепкий и прилежный присмотр, и как скоро применится, что который-нибудь из них поднимет опять нос и старается выдраться или по случаю из тюрьмы убежит, то того момента и не упуская ни малейшего времени, надобно его хватать и не давать усилиться. В противном случае, не успеешь оглянуться, как он соберет уже сильную партию и явится пред стенами столицы и готов потрясти оную. А чтоб все сие разуму и произволу учинить удобнее можно было, то надобно им, между тем, стараться час от часу более утверждать престол свой освобождением и усиливанием своих законных и бывших в заточении генералов и офицеров и стараться, чтоб они получили свободу упражняться в природных своих действиях и отправлять свои должности и чрез самое то восстановить в душе натуральный порядок. Ибо когда он сими верными рабами и подданными и прямыми подпорами престола окружен будет, тогда нечего уже будет бунтовщикам делать, но который бы и захотел что-нибудь злое предпринять, так генералы и без государей своих их угнест и с ними сладить во всякое время в состоянии будут.

Вот метода, которою должно воевать нашему разуму и произволу против своих злодеев и неприятелей! И вот краткое описание наиважнейших обстоятельств сей войны душевной и вкупе порядка нашего исправления. Теперь не знаю, какого мнения были и будете вы, любезный читатель, о сем моем аллегорическом изображении, и угодна ли она вам будет или негодна? Но только в том не сомневаюсь, что многим покажется сие одною только забавною шуткою. Они подумают, что я хотел их только позабавить, и, может быть, сочтя сие излишним, здорным и бестолковым умствованием, поднимут все вышеописанное на смех. Но я дам им волю и оставлю то делать, что угодно, а между тем, только вам, дорогой читатель, на ухо шепну, чтоб вы, ежели мила вам ваша польза, пожаловали

б им в том не следовали, но поверили б мне, что я во всем оном аллегорическом изображении не говорил ни единого почти слова излишнего и пустого и что из сей мнимой шутки и из всех обстоятельств сей шуточной войны выйдут, наконец, существенные и великого примечания достойные важности! Возьмите только терпение и выслушайте, что я далее в последующем рассуждении говорить буду. По сие время я только вам вскользь и мимоходом об обстоятельствах и состоянии сей войны упомянул и вам оную равно как издали и на театре представил, для того что боялся, чтоб вам пространством не наскучить; а в последующем рассуждении коснусь ее поближе, разберу в тонкость все обстоятельства, изъясню, что каждое малейшее из них составляет великую важность, и из каждого почти из оных можно извлечь нам весьма нужные и примечания достойные правила. Но труд мой был бы тщетен, естли б я, изображая все то, не постарался вкупе приобщить ко всем нужным вещам и потребного, хотя краткого, руководства. Сие я не премину сделать и, может быть, чрез то буду иметь счастье, что как вы, так и многие другие, возымеют выгоднейшие о аллегории моей мнения, и оная вам не такова сумасбродна и бестолкова, как теперь, покажется.

Конец первой части

Часть II

РАССУЖДЕНИЕ XII

Содержащее в себе подробнейшее и общее, хотя краткое, руководство к исправлению нашему, или показание практических способов к побеждению страстей и к увеличиванию хороших склонностей

Вот теперь дошел я, наконец, до особого пункта и начинаю писать одну пиэсу, о которой уже и не осмеливаюсь вас, дорогой читатель, просить, чтоб вы ее удостоили прочтением и благосклонным своим вниманием. Сказываю вам наперед, что она велика и так велика, что один вид оной легко многих устрасит и охоту от чтения отогнать может. И как я не знаю, какого рода к читателям вы принадлежите, то для самого того и боюсь вас утруждать моею просьбою, а паче предаю на вашу волю. Хотите оную читайте, хотите — нет!

Естьли находитесь в нестроении и сами с собою не соглашаетесь в мыслях в том, читать ли вам оную или не читать, то скажу вам на сие: естьли вы не имеете слишком великого отвращения от длинных сочинений, естьли вы не привыкли читать одни только романы и сказочки, естьли не противна вам нравоучительная и важная материя, естьли любите истинную свою пользу и не так ее забываете, чтоб и одна строка нравоучения в состоянии была нагнать на вас скуку и зевать заставить, естьли не сочли вы предследующее рассуждение пустошью и одним только враньем наполненным, естьли в состоянии оно было возбудить в вас любопытство узнать далее, что собственно такое вся аллегория моя значила, естьли хотите вы узнать, какими собственно средствами должно человеку себя исправлять и уменьшать в себе нравственное зло, или, как иные называют, моральное худо, и видеть ко всему тому общее и ближайшее руководство, одним словом, естьли вы исправление испорченной своей натуры не почитаете такою вещью, которая бы не достойна была внимания и примечания, и не все ваши минуты светскими и житейскими помышлениями так заняты, чтоб вы не могли и несколько их оторвать на помышление о душевном своем состоянии, или, лучше прямо сказать, о себе, то читайте и отважи-

вайтесь смело на сей труд, в котором, может быть, вы после не раскаетесь. Новость некоторых содержащихся в сей пиэсе рассуждений и советов, может быть, более вас увеселит и будет пользоваться, нежели вы думаете.

Напротив того, естли дух ваш так нежен, что не может сносить ни малых трудностей, естли вкус ваш так деликатен, что находит только сладость в сказочках и романах или, по крайней мере, в стишках, эклогах и тому подобных стихотворствах, грубости же нравоучения никоим образом терпеть не может и потому, не зевая, не можете вы прочесть и одной страницы важной материи, или естли заняты вы толь многими житейскими заботами, делами и попечениями, что они и теперь уже вам на ухо шепчут, что вам время возвратится к своим упражнениям и давно уже пора согнуть сию книгу и бросить в угол, естли глава ваша наполнена уже и теперь иными помышлениями о тысячи вещах и надобностях, и они тянут и отвлекают уже вас от чтения сего силою и уверяют, что вы уже и так замедлились и время неведомо сколько на пустяки потратили, вы же давно привыкли уже следовать одному только их гласу и повиноваться одним только их повелениям, то пожалуйста, не читайте, но ступайте туда, куда зовут вас мысли и желания. Я не хочу вам делать помешательства и вас останавливать, а того меньше подать вам повод к упущению чего-нибудь нужного. Легко статься может, что в сие время либо конюхи ваши, либо псары, либо портные и сапожник и другие мастеровые, либо прочие служители ваши сделать могут какую-нибудь важную для вас и такую погрешность, которую вы неведомо как бедою и несчастьем почесть можете. Итак, не хочу, чтоб от меня пришли вы после в досаду и в гнев и самого меня и вранье мое после за удержание вас не благословили изрядною и модною клятвою. Нет! Нет! Сего, право, мне не хочется. Я не для того пишу, чтоб меня бранили, и для того еще раз повторю, пожалуйста, не читайте, а ступайте туда, куда надобно, или думайте и предпринимайте, что вам угодно. Я вас нимало не удерживаю. А сие читать оставляйте тем, которые имеют не столь благородные мысли, как вы, но заражены той глупою подлостью, которую вы презираете и над которою вы слишком увышенными себя почитаете, то есть кои не забывают того, что они человеки суть, не сами

себя сделали, не по-пустому живут на свете и кои по глупому заблуждению за долг себе почитают помышлять когда-нибудь и о истинной и душевной своей пользе.

Итак, оставляя вас, милостивые мои государи, упражняться благополучно в своих делах и ими забавляться, обращаю речь мою к сим последним и скажу слова два-три о сем рассуждении.

Вы, государи мои, и, буде позволите мне так себя назвать, любезные мои товарищи, пожалуйста, не уstraшайте длину сего сочинения, но предпринимайте смело оное читать и не бойтесь утомиться. Оно так расположено, что можно вам раз с десять остановиться, буде вы утомитесь, и откладывая чтение до другого часа или дня. О! Как бы я желал, чтоб вы сие, но в ином только разуме сделали, то есть естли бы при конце каждого отделения останавливались, но не для того, чтоб утомление вас к тому побуждало, но для краткого помышления о том и напоминания того, что в них писано, и для внятнейшего затверживания того на память. Сколь счастлив бы я был, естли б чрез сие осталось у вас что-нибудь в памяти и, показавшись более примечания достойным, побудило вас потом испытать в действительной практике и увериться в том своим опытом!.. Счастье б мое в том состояло, что труды мои не пропали б тщетно, но принесли вам хотя некоторую малую пользу, которой, впрочем, принести вам они не в состоянии будут, естли вы, вскользь оные прочитав и равно как на почте проскакав, все виданное и слышанное того момента опять позабудете. Того чтения хотел бы я, чтоб и вы, государи мои, их не удостаивали, ибо для меня будет сие не великая утеха.

Теперь, чтоб излишним болтанием не увеличить более и без того пространного сочинения, приступая к делу, скажу, что в сем рассуждении содержаться будет ближайшее разобранье всех тех разных душевной нашей войны обстоятельств, о которых я вам в предсудующем рассуждении вскользь упомянул, с приобщением к тому нужнейшего краткого и такого руководства, какое подать мне место могло позволить. Для лучшего порядка разделил я оное на столько ж отделений, сколько было обстоятельств, или сколько главных и общих правил при исправлении нашем наблюдать следует. И теперь приступлю к началу.

1.

Первым и начальным обстоятельством при описании в предсудующем рассуждении духовной войны положил я то, чтоб разуму и произволу нашему стараться узнать все касающиеся обстоятельства до бунтовщиков в подробности. Это значит не иное что, как то, что, буде мы хотим себя исправить и привести внутреннее души нашей состояние в лучшее совершенство, то необходимо и прежде всего надобно нам в самих себя войти и стараться узнать, какие собственно господствуют в нас худые склонности и желания и которые из них других сильнее и дюже, то есть которые из них наиболее в делах наших имеют участие и нас к худым поощряют или владеют нами и сколько много превзошли они нашу силу, то есть действие произвола. Легко можно усмотреть, что без сего предварительного познания никоим образом не можно с успехом приступать к делу и к истреблению оных; ибо можно ли с успехом драться с неприятелями и стараться их одолеть, когда не будем знать ни числа оных, ни силы, ни других касающихся до них обстоятельств. Не то же ли в сем случае выйдет, как быть в глухую и самую темную полночь атакованным в лесу толпой разбойников и хотеть от них не только обороняться, но их еще преодолеть. Для сих причин можно первым и начальным правилом при исправлении нашем почесть следующее.

1. Старайся, прежде всего, в самого себя войти и узнать все господствующие в тебе худые склонности и желания, страсти и привычки.

Вот правило, которого важность я довольно изобразить не в состоянии и в рассуждении которого желал бы я, чтоб оно всеми любящими истинную свою пользу было более уважаемо, нежели как то в самом деле бывает. Могу сказать, что оно старинное и такое, которое внушаемо было всеми бывшими на свете нравоучителями, и при том такого рода, что оно должно почитаемо быть всему нашему исправлению начальным фундаментом, или основанием, и без которого все прочее не годится.

Но сколь оно ни важно, но, к сожалению должно признать, что оно всего меньше наблюдается. Все оное довольно знают; все с младенчества слышали и ежедневно почти его слышат,

и многие уверены о великой важности оно́го, но немногие приступают к блаженному сему делу, а того меньше совершенно оно́е наблюдают; но большая часть препровождают всю жизнь, нисколько о том не помышляя, и в целые десятки лет ни однажды не находят время к тому собраться, равно так, как бы они заклились никогда себя не знать, а только в узнавании других и посторонних и далеко не столь важных вещей препровождают все свое время и в том одном трудиться. Но что, казалось бы, нужнее и что важнее и необходимо надобнее того, как самих себя знать и помышлять о том, в каком состоянии в рассуждении душевных совершенств, как вечного нашего стяжания, мы живем и находимся? Неужели одно только тело наше, сия брэнная вещь, достойна нашего внимания, а бессмертная душа, которою мы живем, движемся и есмы, той чести от нас не заслуживает?.. Другие хотя не столь в сем случае нерадивы и несколько о том уже стараются, но старания их далеко несовершенны и такого свойства, что дальней или вовсе никакой пользы не приносят; потому что они предпринимают сие дело без дальнейших намерений и остаются при одном только познании, а далее ничего не делают и не пользуются оным, отчего труды их пропадают тщетно. Третьи предпринимают дело сие совсем развратным образом, то есть рассуждают о себе слишком пристрастно, и тем смешным образом сами себя только обманывать стараются и тем не пользу, а вящий только вред себе причиняют. Но что о сем много говорить? Кому не известно, коль велико общее всех нас о сем пункте нерадение, и надо ли изъяснять то далее и слова тратить по-пустому; ибо ведаю, что сколько б я не говорил, но многие люди, привыкшие слова самого Бога мимо ушей пропускать и оные примечания и внимания своего не удостоивать, конечно, не похотят удостоить внимания своего слова слабого и равного себе сочеловека. Чего ради, умолчав о том, буду говорить что-нибудь нужнейшее.

Ежели хотите, любезный читатель, знать, отчего бы в нас такое нерадение о самих себе происходило, то похвалю в сем случае ваше любопытство. Это знак мудрого и благоразумного человека, когда он всякому делу и вещи старается узнавать и рассматривать первейшую причину. Чего ради охотно вас в сем случае удовольствую

и скажу, что я о том думаю. Я нахожу, что наиглавнейшею причиною тому усилившееся и с пути сбившееся природное наше стремление к совершенству, или, короче сказать, ложное и поврежденное самолюбие с его отродьями. Оно побуждает человека смотреть всегда на себя с хорошей стороны, худую же пускать всегда мимо глаз для того, что и помышления об оной ему крайне противны и его раздражают. Одним словом, самое сие испортившееся стремительство составляет одно из главнейших и притом наихитрейшего, сильнейшего и такого бунтовщика, который, будучи главою многим партиям, между прочим, неусыпно о том бдит и старается, чтоб всякими происками не допустить разум наш, то есть самих нас, до познания и распроедывания их силы и всего состояния, ведая довольно, что от того всего скорее им подрыв учинится может. Чего ради и внушает он нам во всякое время, что мы так хороши, так совершенны, как лучше требовать не можно, и старается нас уверить, что в нас ничего худого нет, что все в нас хорошо, и ничто исправления не требует. Хитрости, которые он к тому отчасти сам собою, отчасти чрез единомышленников своих, таких же мятежников и бунтовщиков — как то: склонностью к темным понятиям, к предрассудкам, внутреннему невниманию, лению, чувственностью, упрямством, сластолюбием, честолюбием, высокоумием и многими другими — употребляет, неисчислимы и непостижимы. Ибо все сии готовы ему помогать, как скоро он того только требует и как скоро предвидится какая опасность и востребуется надобность. А от всего того и происходит, что человек всегда имеет от внутреннего самого себя познания отвращение и как огня того бежит, но и насмерть терпеть не может, ежели кто станет обличать его в пороках, и досадует на то, что его тем обвиняют. Что инако и быть не может; потому что в самое то время оскорбляется помянутый милый в нем зверек и бунтовщик и старается его уверить, что то все неправда и что в том далеко такой дурноты нет, какую сыскивают. А буде тем не проймется, то старается внушить ему какие-нибудь ложные извинения и уверить, что ему либо не было возможности того не учинить, либо причиною и виною тому не он, а что-нибудь иное, как, например, природа, слабость, немощь, случай, повод и прочее тому подобное. Вот отчего рассуждаем мы о худых своих

делах, склонностях и привычках всегда наипристрастнейшим образом и, так сказать, сквозь уменьшительное стекло и никогда не хотим представить их себе в полной их дурноте и в настоящем виде и посмотреть на них простыми глазами.

Ежели похотите теперь далее знать, каким образом нам себе в том случае пособить и чрез что скорее и удобнее сие правило исполнить и самих себя узнать можно, то любопытство ваше в сем случае того еще будет похвальнее; чего ради и в сем охотно вас удовольствовать готов и предложу вам краткое руководство.

Во-первых, помните, что это происходит от действия и хитрости помянутого испорченного самолюбия и изочтенных его товарищей, и для того старайтесь одолевая самих их наблюдением всех нижеследующих общих и генерально к одолению всех страстей служащих правил.

Во-вторых, отважьтесь когда-нибудь себя в сем случае переломить и к тому принудить. Положите твердое намерение не отменного сие сделать и невзирая трудно ли то или нетрудно, скучно ли или противно вам то будет, препроводить в том несколько времени. Определите, когда вам угодно, дни в месяц или в неделе, или часы в днях к сему полезному упражнению, то есть на вхождение в самих себя и на исследование худых своих склонностей, страстей и привычек и стыдитесь приносить отговорку, что вам нет времени и недосужно. Неужели в правду вы уже в неделю или в месяц несколько часов на то оторвать не можете. Пустое это, государь мой, и я не поверю, чтоб вы не говорили, но паче скажу, что вы могли бы и всякий день найти несколько минут свободных, естли бы только захотели, и престаи извинениями своими льстить и угождать своим пристрастиям. Итак, положив сие, наблюдайте то уже неотменно.

В-третьих, чтоб лучше и способнее нам внутреннее души своей состояние рассмотреть было можно, то вспомните все худые склонности, привычки и страсти, какие только в человеке обыкновенно бывают и которым вы во многих нравоучительных книгах найти можете подробное описание, а буде угодно, то для скорости пользуйтесь по нужде сокращенным мною впереди в VIII рассуждении кратким родословием оных. Сделайте всем им особый и сокра-

щенный реестр. Берите сию бумажку в руки и, рассматривая оную, останавливайтесь при каждой склонности и привычке и спрашивайте сами себя: не подвержен ли я сей страсти? Нет ли во мне сего зверка? и так далее. И буде найдете, что есть, то записывайте оную на особой бумажке, а которых нет, те отмечайте и проходите мимо. Чрез то получите вы всем своим врагам и злодеям роспись и узнаете количество своих неприятелей.

В-четвертых, при сем рассматривании реестра необходимо надобно вам наблюдать возможнейшую беспристрастность. Имейте в сем случае великую к себе недоверку. Помните, что вы наполнены множеством льстецов, обманщиков и хитрецов, старающихся для охранения себя и товарищей своих уверить вас, что в вас никаких худых страстей нет. Не верьте сей их лести. Вникайте в себя глубже, и чтоб вам лучше можно было лести их усмотреть, то призовите в помощь к себе память. Устремите ее на задние дни. Старайтесь напомнить все ваши дела и поступки. Также обращайтесь взор свой и на прежние, и на нынешние желания ваши. Спрашивайте себя, чего желали вы прежде усердно, и чего желаете теперь отменно пред прочим, и чему бы обрадовались чрезвычайно, если бы с вами то исполнилось. Рассматривайте сии желания беспристрастно и судите об них, хороши ли они или худы. И как все помянутые дела, поступки, равно как и желания, неотменно от действий каких-нибудь в вас стремительств происходили и происходят, то смотрите по реестру, какие бы из склонностей были тому основанием; судите по ним и о страстях, и о привычках ваших и узнавайте чрез то, какие в вас склонности есть, каких нет. Можно сказать, что сие одно и есть скучнейшее, но за то полезнейшее и необходимо надобнейшее дело, потому что сие составляет единое средство и, так сказать, тайный путь, которым мы в стан неприятелей своих вкрадываться и неприметно их узнавать можем.

В-пятых, сделав реестр своим страстям и худым склонностям, приступайте к новому и весьма надобному делу, а именно, к исследованию, которые из них сильнее и которые не таковы сильны и слабее, дабы чрез то узнать, которые для вас более или менее опасны. О сем можете вы судить чрез напоминание опять тех дел, которые по побуждению оных вы производили, а именно, из того,

часто ли или не часто вы оным следовали и мало ли или много могли им противиться? В состоянии ли вы были их преодолевать или не в состоянии? Одни ли бывшие поводы и случаи стремления оные в вас возбуждали или они без всяких бывших поводов в вас воспалялись и к делам принуждали и так далее. Ежели найдете, что которой-нибудь страсти вы часто следовали или следуете; ежели приметите, что вы не были тогда в своей уже власти и не могли себя преодолеть; ежели окажется, что они и без поводов в вас сами возбуждаются или воспалялись от самой безделице, то за верное кладите, что этот бунтовщик в вас очень силен и важен и достоин в особливости замечен быть, а по сему и о прочих рассуждайте и повторяйте как можно чаще и во всякое время таковое упражнение, которое вам после будет много пользоваться.

Вот краткое руководство к познанию своих худых склонностей, страстей и привычек. Я сожалею, что пределы моего сочинения и теперешнее намерение не позволяет мне вам сообщить подробнейшего. Чего ради я, сказав вам, что вы в сем случае много можете пользоваться предследующими моими рассуждениями, присовокуплю только сие, что когда все сие учинить и весь реестр перебрать в один раз не достанет вашего терпения, то чтобы не спешить в таком важном деле и от поспешности не сделать какой погрешности, то можете отложить иное до другого времени, и хотя не одним разом, но в несколько дней сие в действо производите. Что в том не будете иметь причины после раскаиваться и что немногие минуты, посвященные толь блаженному упражнению, не будут потерянными, но вы сами тем после будете крайне довольны, в том, пожалуйста, будьте уверены и не сомневайтесь. Польза от такого самих себя рассматривания, сколько мне собственный опыт доказал, бывает великая и иногда превосходит чаяние. Многие из небольших бунтовщиков так сего одного устрашаются, что самим сим уже обезоруживаются и становятся бессильными, а и прочим всем делается чрез то великий толчок, потому что нам известно уже делается их количество, величина и сила, и мы иметь будем дела уже со знакомыми неприятелями и можем брать против их лучшие и надежнейшие меры. Но сего довольно о первом обстоятельстве и правиле. Теперь пойдем далее.

2.

Вторым обстоятельством полагал я, чтоб разуму нашему не оставаться при одном знании количества и силы неприятелей своих, но стараться вкупе узнавать натуру и свойства оных, или каких они нравов и обычаев, то есть, с одной стороны, от чего более усиливаются, чем подкрепляются, что придает им более мужества, чем питаются, какие оружия против нас употребляют и каково ими дерутся; а с другой стороны, не имеют ли каких-нибудь природных слабостей, не боятся ли чего-нибудь, и нет ли каких средств к доведению их до того, чтоб они сами по себе ослабели и сила их и величина уменьшилась, одним словом, все выгодные и невыгодные для них обстоятельства. Это значит не иное что, как то, чтоб мы старались узнавать и помнить существо и свойства наших страстей и худых склонностей и прочие до них касающиеся обстоятельства, то есть в каком они друг против друга содержании, какие между ними происходят порядки и прочее тому подобное, дабы всем тем можно было в предстоящей войне пользоваться и одолевать злодеев не столько силою, сколько хитростью и умением. А из самого того и проистекает следующее второе весьма важное и требующее при исправлении нашем наблюдения правило, а именно:

2. Узнавай и помни натуру и различные свойства наших страстей, худых желаний и привычек, а особливо натуральные их выгоды и слабости, дабы тебе в нужном случае можно было ими пользоваться.

О сем правиле должен я признаться, что не всякому оное наблюдать можно; потому что не всякому помянутая натура и свойства наших страстей известны, и не всякий в состоянии оные сам из себя приметить и узнавать. Но как сие необходимо надобно, то другого не остается, как пользоваться в сем случае знанием тех, которые имели случай и способность узнать оные, и в сем случае поступить по примеру военного предводителя, который когда сам не в состоянии узнать нравы и обыкновения и другие обстоятельства своих неприятелей, то старается узнать то от тех, которые имели случай в неприятельском стане быть и практикой испытать помянутые их свойства и обыкновения. Я разумею под сими словами то, что всякому, желающему воевать против своих страстей,

но незнающему их свойств, должно брать прибежище свое к таким философам, которые в испытании оных в особливости трудились, и пользоваться их о том сочинениями.

Для сей-то собственно причины и старался я впереди исследовать и описать все свойства наших желаний, дабы мне теперь не было уже нужды входить в великое пространство. Почему можете вы, дорогой читатель, помянутым изъяснением моим по нужде пользоваться. Но как я там о всех свойствах говорил вообще и в подробности, а вы, может быть, не похотите взять на себя труд извлечь из оных нужные к сему правилу примечания, то, надеюсь, дозволите мне в сем случае сделать вам некоторое облегчение и напомнить вкратце, какие собственно из сих свойств и обстоятельств при предпринимаемом исправлении нам более помнить и примечать надобно.

Итак, в рассуждении выгодных для них обстоятельств примечать надобно следующие вещи, а именно:

Первая выгода состоит в том, что бунтовщикам сим во всякое время мило, выгодно и приятно, когда находятся и действуют в нас часто мысли о той вещи, к которой они стремятся, а особливо когда мы сии вещи станем воображать себе живо и ясно, смотреть только на нее с мнимой хорошей стороны, льстить себе надежду, что получить нам то можно; что от того произойдет нам великое увеселение, а того паче, когда мы сие увеселение в мыслях своих увеличивать и неоцененным почитать будем. При всяком таком случае надымается²⁷, так сказать, у сих бунтующих зверков сердце. Они получают более бодрости, делаются отважнейшими, следовательно, непреоборимыми. Причиною тому то, что таковые мысли и льстящие им воображения составляют во всякое время не только их необходимую пищу и провиант, но оружия, снаряды и военные припасы, которыми они нас поражают и кои для нас столь язвительны бывают. Почему мы в сем случае не иначе как сами даем им оковы себе ковать или протягиваем шею и даем в руки меч поражать нас, как им угодно, и поступать с нами, как с рабами и невольниками. Вот первое обстоятельство, от которого получают они великую выгоду.

Вторая выгода проистекает им от того, когда они часто просыпаются и долго бывают неспящими и действуют, то есть когда мы ча-

сто либо возбуждаем в себе о свойственных им вещах мысли, либо даем повод самим им возбуждаться, ищем к тому случаев и препровождаем в помышлениях о том долгое время. Из описанного мною в V рассуждении под № 9 свойства легко вы можете усмотреть, что во все сие время страсть с каждою минутою увеличивается и делается не только от часу сильнее и могуще, но и производит от себя многие другие страсти и желания, то есть детей и потомков, и тем равно как приумножает своих единомышленников и мятежников. Не следует ли из сего само собою, что мы сим не иначе как сами о погибели своей печемся и губителям нашим усердствуем, не даем им засыпаться, но стараемся будить и поспешествовать тому, чтоб они поболее над нами власти взяли и привели скорее до погибели.

Третья выгода проистекает им от того, естьли во время их сна и недействия не спят и действуют не противники их, то есть хорошие склонности, но их прочие товарищи такие же бунтовщики и мятежники, а особливо их отцы или дети, то есть согласные с ними или от них происшедшие другие наши страсти и худые желания. То есть, когда мы большую часть нашего времени препровождаем в делах, клонящихся к насыщению худых наших склонностей. Ибо по описанному мною под № 10 свойству всякий раз они много тем пользуются и с увеличением их отца или союзника и сами несколько увеличиваются и час от часу более укрепляются; ибо натурально, чем множайшее число будет в нас их единомышленников и чем они будут более, тем сильнее и непреборимее делается и вся их шайка, а от того и происходит, что вдавшемуся совсем в пороки человеку несравненно труднее себя исправить, нежели такому, в котором немногие только страсти находятся.

Четвертая и великая выгода проистекает им от того, естьли оставляются они в совершенном спокойствии и тишине и никогда не делается им никакого насилия и помешательства, но дается полная воля правительствовать всею душою и ее силами, и никто им в том не мешает. В сем случае усиливаются и размножаются они по своей воле, и чрез то сонмище их час от часу приходит в вящее усиление, а особливо когда законные правители, разум и произвол, находятся у них в таком загнании, что не только не смеют им воспротивиться, но охотно еще сами им во всем служат, раболеп-

ствуют, помогают и стараются их увеличить. То есть, когда мы никогда не помышляем о своем исправлении и побеждении страстей наших, а того меньше отваживаемся начинать с ними войну, но весь свой разум и хотения употребляем единственно на выдумывание и изыскание всех удобовозможных средств и случаев к насыщению, удовольствованию и увеличиванию сих хитрых и пагубных злодеев наших. Можно ли при таких обстоятельствах чему быть хорошему?

Пятая и великая ж выгода проистекает им от того, естьли они от помянутого выше сего нашего постороннего, сильного и о пользе нашей всегда пекущегося помощника находятся в совершенной безопасности и не имеют причины бояться, чтоб правительство их помощью его было опровергнуто. Кто таков сей посторонний помощник, не трудно всякому, надеюсь, усмотреть. Я довольно о нем говорил в предследующих рассуждениях. Коротко я разумею под тем Божеское вспоможение, и обстоятельство сие состоит в том, когда мы никогда и не вздумаем помыслить об нем прямо, а не только чтоб с усердием призывать его себе на вспоможение и пользоваться его обещаниями и тайными о пользе нашей попечениями; но весь свой век в таком забвении об нем пребываем, как бы нам до него, а ему до нас никакого дела не было. Ибо такое напоминание о нем, какое мы обыкновенно имеем, то есть состоящее в одних только словах, о которых сердце не имеет сведения, не можно почести напоминанием, и все почти равно, чтоб оно было, что не было. Ибо одним тверждением всякий день его святого имени и довольствуясь тем только одним, а никогда прямо об нем и от сердца помыслить или ему угодить не предпринимая, скорее мы ему досадить, нежели угодить можем. Кому не известно, что он сам о сем пункте нам некогда говорил? Итак, можно ли при таких обстоятельствах что хорошему быть и можно ли нам от вспоможения его получить пользу, когда мы хотя всякий день будем говорить «Господи! Господи!» или хотя твердить «помоги нам, Господи». Но как скоро он следы вспоможения своего показывать и нам разные случаи и поводы к принятию оного и к исправлению нашему так, как о том ниже сего упоминается, преподавать станет, так руками и ногами помощь его от себя отпять²⁸ и тому противиться и, так сказать, испужав-

шись приближения к себе же на помощь своего друга и наилучшего помощника, от него бежать и скрываться в недры своих злодеев и губителей и просить их о покровительстве будем. Не странен ли и не удивителен ли наш в сем случае поступок?

Наконец, легко может стать, что происходит им великая и важная выгода от некоей посторонней им подпоры и помощника, который радуется тому и веселится, когда в нас сии бунтовщики находятся в совершенном благоденствии, и старается их в том подкреплять и защищать всякими хитрыми и неизвестными нам средствами. Мы же в пользу одного когда стараться станем себя уверить, что его вовсе нет, а не только чтоб он нам делал какое-нибудь зло. Кого я под сим разумею, о том мне не для чего изъясняться. Кто тому верит, тот легко сам догадается, а поднимающему то на смех сказывать то будет самая излишность.

Сии суть наглавнейшие выгодные для страстей наших обстоятельства. Теперь не трудно всякому из вышеописанного усмотреть, что всеми сими нужными им выгодами снабжаем их по большей части сами мы и потому не иначе, как сами тому причиною, что страсти наши бывают в нас толь многочисленны, сильны и непреоборимы. Мы их сами воспитываем, кормим, увеличиваем, подкрепляем и снабжаем всеми оружиями, к погублению нас служащими, и отдаем все то, что их вредить может, и естли б только мы остереглись и сего не делали, то далеко бы он не таковы страшны для нас были. Ибо, в самом деле, большая часть из них от природы не столько храбры, сколько хитры, лукавы и обманчивы и воюют против нас не столько силою, сколько прелестями и обманами. Но хорошо им воевать и нами играть и, тиранствуя, забавляться, когда мы сами им в том пособляем, а без нашей бы помощи они ни к чему не годились, как то из нижеследующего описания их слабостей окажется.

Рассмотрим теперь, какие, собственно, слабости и невыгодные обстоятельства имеют наши страсти.

Первое невыгодное для них обстоятельство состоит в том, что они по учреждению уже натуры не могут беспрестанно находиться в действии и многие совокупно и вдруг упражняться в своей работе, но должны по самой необходимости сменяться и действовать

почти по одиночке или только немногие разом, а по смене должны засыпать и спать до тех пор, покуда опять по какому-нибудь случаю разбужены будут. Невыгодность, проистекающая из сего, для них очевидна и дальнего изъяснения не требует. Ибо из сего следует уже само собою, что не могут они беспрестанно увеличиваться, но, засыпая, принуждены опять уменьшаться и так много, как долго сей сон продлится. Легко можно заключить, что сие обстоятельство составляет великую и природную их, а для нас весьма выгодную и примечания достойную слабость.

Второе невыгодное для них обстоятельство состоит в том, что они не могут никоим образом действовать без действия свойственных себе и клонящихся к тому предмету, к которому они стремятся, мыслей и действуют и не спят только до тех пор, покуда есть в нас о той вещи мысли. Как же скоро их не будет, то есть как скоро другие мысли сих сменяют и начнут действовать, тогда они принуждены тотчас засыпать и начинать уменьшаться. Легко можно заключить, что и сие обстоятельство для нас очень выгодно.

Третье невыгодное обстоятельство состоит в том, что помянутые мысли, или так называемые птички, несмотря на всю силу и владычество наших страстей, не состоят в совершенной у них власти, но находятся во всегдашнем повиновении у главного своего начальника, то есть разума, следовательно, они сами собою их разбудить и ими совершенно повелевать не могут. Правда, власть их простирается и над ними иногда далеко, однако сие бывает только в то время, когда они, проснувшись, разработаются и находятся в полном своем действии. В сие время похищают они власть над ними у разума и самого его сажают, так сказать, в оковы и в тюрьму, или повелевают то делать, что им надобно. Но как скоро заснут, то во все время продолжающегося их сна освобождается разум из темницы, или оков, и командует опять мыслями вместе с товарищем своим произволом, и сие до тех пор продолжается, покуда другое какое стремительство, проснувшись, похищает вновь власть над оными.

Четвертое невыгодное обстоятельство состоит в том, что они не любят, чтоб действие их оставалось праздно и они трудились бы по-пустому. Ибо всякий раз, как сие ни случится, уменьшается

у них охота вперед к такому ж действию, и чрез то мало-помалу они ослабевать могут. Коль полезно по сему, естли б мы умели сим пользоваться!

Пятое и весьма важное невыгодное обстоятельство состоит в том, что всякое из них имеет своего сопротивника и оного на- смерть и даже до того ненавидит, что не может терпеть, как скоро и свойственные противнику его мысли появятся, а не только чтоб он сам начал действовать и увеличиваться. Причиною тому то, что по учреждению натуры само собою уже следует, что чем более становиться будет его противник, то есть прямо против его идущее доброе желание, склонность или привычка, тем должен он становиться меньше и толикими ж градусами уменьшится, колики- ми противник его увеличится. По которой причине ни который из неприятелей его так не страшен, как природный его соперник; ибо против других зверков в состоянии они долее и сильнее противить- ся и с ними бороться, нежели с оным.

Шестое невыгодное обстоятельство состоит в том, что всякий такой бунтовщик на смерть не любит и не может терпеть, естли вовремя действия его будет окружен он такими птичками, которые ему худую и гнусную сторону той вещи описывать и представлять будут, к которой он стремится, то есть когда мы во время самого действия, а того еще лучше при самом начале действо- вания в нас какой-нибудь страсти, о той милой вещи, к которой она стремится и нас побуждает, станем думать совсем противным образом, то есть воображать ее себе в гнусном виде, выискивать в мыслях все, что имеет она в себе неприятного, худого, смешно- го и мерзкого, и исчислять все ее гнусности и худобы и как мож- но оные увеличивать. Таковые мысли делают им превеликой вред и причиняют им равно как досадные и чувствительные раны и уяз- вления, принуждающие их ретироваться с поля и идти опять спать; которое обстоятельство может для нас быть очень выгодно, потому что таковые противные им мысли представляют сущую военную амуницию и огнестрельные оружия нашего разума, которыми он поражать может.

Седьмое невыгодное обстоятельство состоит в том, что полу- чаемое от насыщения их увеселение продолжается в рассуждении

некоторых из них недолго, но не только скоро пресекается, но от частого повторения сего насыщения уменьшается час от часу несколькими градусами и, наконец, делается совсем нечувствительна, и мы теряем совсем в том прежний приятный телесный и душевный вкус и не чувствуем уже и сотой доли того увеселения, какое прежде имели; а как сии увеселения и составляют сущительную пищу наших страстей, то натурально последует от того, что они от частого повторения хотя величиною и прирастают и увеличиваются, но труды и работа его остаются уже праздными, то есть они не получают уже того, чего искали, что причиняет им досаду; а как всякая досада посбивает много с них спеси, то можно и сим обстоятельством умеючи нам пользоваться и собственным, так сказать, оружием его преодолевать.

Восьмое невыгодное обстоятельство состоит в том, что большая часть из страстей наших просыпается неprovорно, но лениво и неповоротливо и не тотчас встают и начинают действовать, но исподволь и, так сказать, сперва продирают глаза, там потягиваются, а там сядут и потом-то уже встают и идут на работу, а между тем проходит иногда несколько минут времени. И как они в сие время далеко еще не таковы сильны, как совершенно очнутя, то происходит от того великая для нас выгода; потому что нам можно сими драгоценными минутами пользоваться и, употребляя provорство, отхватывать у них перед и нападать на них в самом сем расплехе и их еще изнеможении, как о том после упомянется.

Девятое невыгодное для них обстоятельство состоит в том, что собственные их братья, единомышленники и товарищи могут иногда им делать в работе помешательство и остановку; ибо по натуральному стремительству и охоте своей к работе могут они, проснувшись, стараться отхватить у них перед или отнять власть над работниками и принудить их спать; которое обстоятельство также для вас выгодно; ибо, пользуясь оным и умеючи, можем мы хитрым образом вредить собственными их единомышленниками. Но сие требует великой предосторожности и умения, как о том после более упомянется.

Наконец, десятое и всех прочих важнейшее невыгодное для них обстоятельство состоит в том, что они чрезвычайно боятся помяну-

того постороннего сильного неприятеля своим помощника. Один слух о нем наполняет, так сказать, сердца их трусостью, а когда увидят приближение его помощи, тогда не знают куда деваться и тотчас пашут и обращаются в бегство. Одним словом, сия слабость их есть наивыгоднейшим для нас и таким обстоятельством, которое достойно наивеличайшего примечания, потому что мы, пользуясь сею слабостью, можем их прежде и скорее одолевать, нежели мы сами того чаять и ожидать можем, и после иметь причину сами себе дивиться.

Сии суть все выгодные и невыгодные обстоятельства, касающиеся до обладающих нами страстей, или душевных бунтовщиков, и те свойства, которые нам наиболее помнить и в памяти всегда содержать стараться надобно, также из всех их извлекать себе выгоды и ими при всяком случае во время исправления нашего, или духовной войны, пользоваться. Легко можно заключить, что дело в том будет состоять, чтоб выгодных обстоятельств их как возможно лишать и не допускать их ими пользоваться, а невыгодные стараться производить и тем вредить их потаенным и политическим образом. Но каким образом сие наиудобнее в действо произвести, о том теперь говорить будем.

3.

Третьим обстоятельством духовной нашей войны полагал я, чтоб разуму и произволу нашему, как законным правителям, стараться освободить себя из неволи, в которую они бунтовщиками сажаются, и пользоваться теми свободными минутами, когда бунтовщики спят, а они находятся на свободе. Это значит то, чтоб мы старались разум и произвол наш, то есть самих себя, освободить из-под ига господствующих нами страстей и худых склонностей и привычек. Пункт сей весьма важен потому, что сие составляет первую и начальную степень нашего исправления и, так сказать, первое против неприятелей военное действие и противоборство, почему и происходит из того третье правило следующего содержания.

3. Прими твердое намерение и старайся освободить разум и произвол свой из-под ига и повелительства страстей.

Для изъяснения важного сего правила должен я сказать, что не во всех людях разум и произвол находятся у страстей под равным игом и повелительством. Есть люди, о которых подлинно можно сказать, что разум находится не только в оковах, но и сидит в совершенной темнице, то есть те, у которых он не просвещен и либо от природы туп и непроворен, либо не имел случая изостриться и сделаться проворным. Напротив того, в других находится он только в оковах, а в тюрьму сажается только во время самого насыщения и величайшего действия страстей, а в прочее время выпускается, хотя в оковах, на свободу и принуждается насильно употреблять силы свои на выдумывание удобнейших средств к насыщению страстей и чрез то поспешествовать им в их намерениях. Таковыми почитаю я тех, которые только в то время теряют весь свой разум и рассудок, когда страсти в самом своем насыщении и величайшем действии находятся. В прочее ж время и в других делах разумны и неглупы, но ум свой употребляют поневоле почти на выдумывание и изобретение удобнейших средств к насыщению и удовольствованию негодных своих желаний и прихотей. Легко можно рассудить, что сие иго хотя легче, но для страстей наших выгоднее, а для нас вредительнее первого; потому что в первом случае, по крайней мере, разум наш страстям нашим не помогает, а во втором сам им делает вспоможение и к вящему увеличению их поспешествует. Наконец, третий сорт людей находится того еще в легчайшем, но зато вредительнейшем иге. У сих людей разум их, будучи либо от природы остр и проворен, либо по случаю изощрен, освобожден из оков и ходит на свободе и сажается только под честный караул в нужное время. Причиною тому то, что услуга и вспоможение такого разума для страстей чрезвычайно нужны и полезны. Чего ради они по хитрости своей не только опасаются его раздражать, сажая в оковы и ожесточениями, но стараются еще всячески ему льстить и угождать, дабы он неволи своей не чувствовал и, отдавшись в обман, служил им верою и правдою и употреблял все свое проворство и искусство на их службу и тем поспешествовал их намерениям. Легко можно догадаться, что я под сим разумею тех людей, которые имеют либо от природы острый и проворный к выдумкам, либо наукам изощренный разум,

но притом испорченное и страстям предавшееся и смолоду неисправленное сердце. А равномерно означается из сего само собою, отчего то происходит, что науки обращаются иногда во вред и служат только к тому, что такие ученые люди в состоянии хитрее выдумывать способы к удовольствованию гнездящихся в сердцах их страстей и разными своими происками и хитростями производят иногда такие дела, которые бы иному и на ум никогда не взошли. Чему мы по несчастью во все времена, а особливо в нынешние, столь многие примеры видим.

Сего, надеюсь, довольно будет в объяснение сего правила; ибо из сего нетрудно уже усмотреть, что всякому, какого бы он рода ни был, необходимо и прежде всего надобно стараться опомниться, протереть свои душевные очи и усмотреть сию страстей хитрость и обман, и твердое предпринять намерение освободить разум свой из-под сего поносного и крайне вредного для него и для нас ига. Но вспомнив, что он сам рожден к верховному над всеми душевными силами владычеству, вздумать когда-нибудь искать своего права, и возвратить ему его высочество, которого по случаю лишился, и, согнав похитителей с его престола, возвести на него самого оного. Ибо натурально без предприятия сего твердого намерения не можно быть ничему доброму. Но он останется на век в своей неволе и в поносном и бесчестном состоянии и вместо имени государя носить имя льстеца, услужника и раба негодных бунтовщиков и собственных своих злодеев.

Что касается до его фельдмаршала и соправителя произвола, то судьба его тесно сопряжена с судьбою его государя и товарища. Когда тот находится в худом состоянии и несчастьи, тогда и сии не в лучшем его состоянии; потому что он не может от него отлучиться и привязан к нему всегдашней любовью и должен ему служить и повиноваться во всякое время. Однако собственный род неволи и несчастья сего фельдмаршала совсем отменен от неволи его государя. Я прошу напомнить, что оба они весьма разного и отменного существа, и разум сам собою по прежней аллегории моей представляет птичку, или паче верховного повелителя над всеми птичками, а произвол — зверка, или природного повелителя над всеми желаниями. А как и страсти наши такие же суть звер-

ки, то натурально произвол с ними одной природы, и одолевать их и драться с ними должен собственно он, а не иной кто. Следовательно, и они имеют причину почитать его себе вящим неприятелем и о содержании его в неволе иметь рачительнейшее попечение. Интерес их в рассуждении его состоит в том, чтоб он был сколько можно меньше и чрез то находился в таком изнеможении, чтоб не в состоянии был не только с главными из них бороться и их преодолевать, но чтоб и маленькие их единомышленники и товарищи превосходили его силу и могли его во всякое время преодолевать. Но как всем им никоим образом не можно без содействия его пробыть, а особливо при исполнении нами каких-нибудь дел, то что ж они, мошенники выдумали и в какую должность его употребили и употребляют? Они приставили его к самым нижним работникам, или хотениям, которые, собственно, работают и приводят наши члены в движение, и дали ему, так сказать, линек в руки, чтоб он принуждал тех к работе, которых работа им самим надобна и тогда, когда им пожелается. Далее же власть бы его отнюдь не простиралась, следовательно, он несет у них должность нижнего самого, так сказать, начальника или каторжного десятского, или погоняльщика и состоит в повиновении и власти у самых последних наших страстей и прихотей. Не сущее ли это злодейство и ругательство? И не стыд ли нам доводить себя до такого поносного состояния? А особливо когда нам есть возможность освободить его из сего несчастья и, увеличив, возвести на природную его степень высочества и силы.

Таким образом, об сии верховнейшие и для нас наидрагоценнейшие, но в самом несчастном состоянии находящиеся силы — разум и произвол — требуют от нас помощи. Легко можно усмотреть, что освобождение их из-под ига страстей зависит наиглавнейшее от нашего хотения. То есть чтоб мы прямо только возжелали то учинить и не упустили к тому удобных случаев. Наиспособнейшее к тому время тогда, когда страсти в нас спят и бывают без действия. В сии свободные минуты можем мы очень скоро их в лучшее состояние привести, когда только приступим прямо к делу и употребим к тому проворство. Каким образом сие учинить удобнее, о том последует теперь объяснение.

4.

Четвертым обстоятельством войны нашей полагал, я то, что нам пользуясь свободным временем, стараться надобно обучить наш произвол лучше и проворнее действовать и владеть своими членами, дабы он чрез то к сражению был способнее. Это значит, чтоб мы старались придать ему высшую степень силы, дабы он тем способнее мог в последующей с страстями войне с оными драться и их преодолевать. Из сего проистекает четвертое и весьма важное правило следующего содержания:

4. Старайся укрепить свой произвол приличными ему упражнениями.

Для изъяснения сего важного и самого, так сказать, политического правила, должен я сказать, что все помянутое укрепление состоит в том, чтоб мы старались его увеличить и довести до того, чтоб он сделался больше. Изъясняя в V рассуждении свойства желаний имел уже я случаи аллегорическим образом упомянуть, что и сия важная сила, или зверек, имеет такое ж свойство увеличиваться и уменьшаться, как и прочие желания, хотя не таково скоро, как оные. Теперь надобно знать, что как сей зверек уже отменен от них существом, то и увеличение и уменьшение его происходит от иных причин, нежели в рассуждении желаний. Те увеличиваются от частого просыпания и долговременного действия, а сей совсем не от того; ибо он от природы не склонен ко сну и не спит почти никогда, но осужден на всегдашнюю почти работу. Но вся сия непрерывная работа на волос его величины не прибавляет, потому что она по большей части бывает принужденная, и он работает из-под неволи. А увеличивается он от частого повторения природного себе своего и того произвольного действия, к которому наиболее он назначен. Теперь надобно знать, что он назначен, во-первых, к владычеству и повелительству над всеми желаниями, а не над одними хотениями. А как из помянутых желаний большая часть в нас худых, и все они над ним более или менее усилились, то, во-вторых, назначен он к преодолению и, так сказать, к борьбе с оными и к низложению оных. И самое сие преодоление в состоянии его только увеличивать. Одним словом, всякая одержанная им над неприятелями и послушниками своими победа и сделанное им принуждение

увеличивает его величину и придает ему более силы. В-третьих, назначен он к тому, чтоб он был всегдашним побуждателем разуму к производству хороших свойственных ему дел и, так сказать, при-неволивать его работать, как должно, а не так, как бы того наши страсти хотели.

Из сего не трудно уже усмотреть, что вся важность в том состоит, чтоб мы мало-помалу приучали его одолевать усилившиеся над ним страсти и желания. Легко можно заключить, что ему сию борьбу и сражение не с главными бунтовщиками и повелителями нашими, но с нижними их и теми сотоварищами сначала начинать надобно, которые не слишком еще величину его превзошли и над ним усилились, потому что с первыми явное сражение его будет не только бесплодно, но для самого его предосудительно. Ибо как он без всех приуготовлений и других вспомогательных средств, а особливо будучи еще очень бессилен, никоим образом сильных страстей преодолеть не может, то они его того часа победят, а всякая такая одержанная над ним на сражении победа ему дорого стоит, потому что с каждой теряет он обратно несколько своей величины и силы. С равными себе или немного его величину превзошедшими страстями, желаниями и привычками он уже смелее, надежнее и с лучшим успехом драться может. Одним словом, ему надобно стараться поприбавить сначала себе в руки ближних над собою приставников, корабельщиков и командиров, а усилившись победами над ними, добираться уже и до больших, так как о том ниже будет упомянуто.

Ежели пожелаете теперь знать, каким же образом нам сие в действо произвести можно, и почему узнать, которые страсти его очень сильнее и которые не таковы сильны, то похваля в сем случае ваше любопытство, охотно удовольствую вас кратким в сем случае и практическим руководством, только прошу оное, как примечания достойную вещь, заметить. Сколь велик наш произвол, и которые из наших страстей, желаний и привычек его слабее и сильнее, и которые из них он без драки одолевает, и которых, дравшись, одолеть может, и которых одолеть не в состоянии, можем мы скоро и легко узнать, буде похотим возыметь небольшое о самих себе и о делах своих внимание. Ибо существительное действие произвола состо-

ит в том, что мы посредством одного можем из двух или многих разных дел любое выбирать. Теперь надобно знать, что все дела наши суть троякого рода, а именно: 1. добрые; 2. худые; 3. посредственные, то есть ни добрые, ни худые или так называемые позволительные и такие, которыми мы Богу ни угодить, ни ими его прогневать, и за них ни награждены, ни наказаны быть не можем. Предположив сие, скажу вам далее, что выбор наш по действию произвола может касаться либо до одних добрых, либо до одних худых, либо до посредственных, либо до всех их вообще. То есть мы можем либо из двух, или многих разных добрых нам подлежащих дел выбирать любое и следовать и предпринимать одно из оных, либо всех их не предпринимать, либо из двух или многих разных худых дел выбирать также любое или произвольное и следовать или не следовать как ему, так и всем им; либо из двух или многих разных позволительных дел выбирать также любое и произвольное и ему следовать или не следовать; либо в случае, когда подлежат нам два или три разного существа дела, например, одно доброе, другое худое, а третье позволительное, то и мы из всех их можем любое, то есть либо доброе, либо худое, либо позволительное, выбирать и оное предпринимать или не предпринимать. Вот существо того произвола, который мы, человеки, отменно пред всеми прочими известными и произволом одаренными созданиями имеем; ибо что касается до ангелов и злых духов, кои также произвол имеют, то об них с вероятностью можем заключить, что в них он уже инаков, и действие одного в первых, то есть в ангелах, касается только до добрых дел. Они могут выбирать любые только из добрых и потому уже грешить не могут; а вторые, то есть злые духи, могут только выбирать любые из злых и худых дел, и сие сделалось уже так по неизвестным и сокрытым от нас происшествиям чрез отпадение их от Бога, как о том нам Священное Писание нечто малое повествует. Но я удалился уже от моего предмета. Теперь, возвращаясь опять к оному, скажу, что все разные роды помянутых дел могут нам быть не одинаково милы и противны, то есть из двух добрых дел одно милее и приятнее другого; одно труднее, а другое легче; к одному иметь мы можем более охоты, нежели к другому. Также из худых одно приятнее, а другое не таково приятно, и к одному

более, а к другому менее мы охоту имеем. Разнота сия происходит от величины тех находящихся в нас стремительств, желаний и привычек, которые нас к тому побуждают. Итак, по самой сей разноте можем мы с достоверностью судить и о величине оных, ибо если бы нам какие худые дела слишком милы и приятны, и мы никак не можем себя пересилить и переломить, чтоб их не делать, то за верное можем класть, что та страсть в нас слишком велика, и произвол один и сам собою ее преодолеть не может. Если бы они нам хотя милы и приятны, но мы можем, ежели похотим, их не делать; однако не иначе, как сделав к тому себе некое и более или меньше с неприятностью сопряженное принуждение, то о такой страсти за верное можно заключить, что она не слишком еще много превзошла величину и силу нашего произвола, и он может ее преодолевать, хотя не иначе, как с ней подравшись и возымев сражение. Ибо самая оная чувствуемая нами неприятность и труд и означает оную их внутреннюю между собою брань и сражение. Если бы ж, напротив того, худое какое дело нам хотя мило и приятно, но мы оное оставить без дальнего себе принуждения и не чувствуя никакого труда можем, то о сей страсти за верное кладите, что она слабее вашего произвола и у него находится в поработлении. Что касается до добрых дел, то о величине и мализне склонностей и желаний оных можем мы судить по величине и мализне нашей к тому охоты и чувствуемого при исполнении оного увеселения, как, например, когда мы какое хорошее дело предпринимаем охотно и без дальнего себя к тому принуждения, то сие означает, что стремление к тому в нас нарочито велико. Если бы ж неохотно, а делая себе некое насилие и принуждение, то значит, что стремительство к тому не слишком еще велико и что есть в нас противное ему худое стремление, которое тогда произволу нашему одолевать надобно; ибо от самого того и проистекает помянутая неохота и чувствуемая твердость; ибо с добрыми желаниями, как своими природными подданными, не имеет причины произвол драться и ссориться, но помогает им только в их действии. Таким же образом можем мы и по величине увеселения и неудовольствия о величине добрых и худых в нас находящихся желаний с некоторою достоверностью заключать, а именно, если бы, исполнив какое-нибудь хорошее дело, ощущаем

мы в себе чувствительное веселие, то есть когда мы крайне тогда сами собою довольны, ради и веселимся тем, что сделали, то за верное можно положить, что стремление к тому в нас нарочито велико; естли ж, напротив того, при исполнении не чувствуем никакого особого увеселения и оно нам не производит никакого внутреннего удовольствия, то заключать уже должно, что стремительство к тому в нас еще очень мало и неважно, и мы более для других причин оное дело сделали. А таким же образом, естли досада и неудовольствие при случившемся каком-нибудь оскорблении наших худых или добрых желаний велико, то за верное можно заключать, что и страсть и желание к тому в нас было велико. Естли ж неисполнение какого желания нас не слишком трогает и печалит, то заключать уже можно, что и желание само собою не велико. А то же самое можно и о третьем роде, то есть позволительных делах, заключить.

Вот пробильный камень, или оселок, по которому нам состояние наших добрых и худых склонностей, равно как и произвола, узнавать можно, и легчайшее средство к столь надобному самих себя познанию. Теперь не трудно уже усмотреть, каким образом нам произвол свой укреплять и усиливать должно и можно, а именно, все дело в том состоит, чтоб мы отважились на собственное самих себя принуждение и, во-первых, к предприниманию таких хороших, хотя не важных, добрых дел, которые без принуждения самих себя и без делания себе никакого насилия произвести мы не можем. Во-вторых, к оставлению и непредприниманию и маленьких наших худых дел, не взирая, что они нам милы и приятны, но к великодушному сего обманного веселия и приятности презиранию. Наконец, в-третьих, в самых беспристрастных и невиновных делах наблюдали бы точно сие ж правило и умышленно при выборе нашем давали тем преимущество, которые нам не столь приятны и милы, как прочие, но себя и в рассуждении их приневоливали; ибо все сие троякое самих себя приневоливание и переламывание укрепляет неведомо как наш произвол и делает его сильнейшим. От чего и происходит то известное всем обстоятельство, что в другой и в третий раз нам далеко такого труда не будет стоять себя к тому принудить, как в первый. Ибо произвол наш, от первой победы увеличившись, в другой раз удобнее с неприятелем своим

сладить может, а тем еще более увеличившись, в третий раз и того скорее с ним сладить, а наконец, и без сражения его преодолевать может, и мы без всякого отягощения, скуки и труда то предпринимать можем. Одним словом, нам надобно всеми образами стараться подавать ему как можно чаще случаи с неважными неприятелями своими драться. И как случаев к тому всякий день множество найти можем, то не трудно нам будет в короткое время таковыми часто получаемыми победами его знатным образом увеличить и приучить драться храбрее и проворнее. А тогда с Божескою помощью можем мы ополчиться и против главных наших врагов и злодеев. Но сего довольно будет о сем пункте. Теперь пойдем далее.

5.

Пятым обстоятельством войны нашей полагал я, чтоб разуму нашему также не быть без дела, но пользуясь свободным временем, то есть когда главные наши страсти спят и не действуют, и какие времена случаются с нами часто, при помощи произвола делать возможные приуготовления. И во-первых, снабжать себя и произвол разными оружиями и снарядами, равно как и рекрутами, или войсками; во-вторых, о снабдении себя помощными зверками; в-третьих, о снискании постороннего помощника. Все сие, как я тогда говорил, так и теперь повторю, достойно величайшего примечания и составляет такую важность, которую я довольно изобразить не в состоянии. Довольно, что весь успех в сражениях с главными бунтовщиками наиглавнейше зависит от того, довольно ли или не довольно иметь мы будем сих оружий и снарядов, солдат и помощников, и сильны ли они или не сильны против злодеев наших будут и действительнее ли действовать будут, нежели оружия оных. Но как не всякий может усмотреть, что собственно я под всеми оными приуготовлениями разумею, то надобно мне каждый из помянутых пунктов в особенности изъяснить.

Итак, надобно знать, что под именем оружий и военных припасов и снарядов разумею я собственно убеждения, или убедительные причины, а под именем рекрутов и войск собственно приличные и противные страстям нашим и такие мысли, которые могут сподручить и прогонять те мысли, по которым наши страсти действуют и кои почестся могут их войсками. Ибо собственное сражение

происходит более между птичками, или мыслями, как рядовыми, а произвол и страсти представляют с обеих сторон предводителей, или командиров. И сии-то надобные мысли и убеждения надобно разуму заготовлять заблаговременно и иметь их в готовности, дабы в нужном случае можно было тотчас их призвать и выставить на брань против войск неприятельских. Из сего самого проистекает пятое и примечания достойное правило следующего содержания.

5. Старайся запастись заблаговременно такими мыслями и воображениями, которые способны противоборствовать прелестям страстей и к уничтожению действия оных.

Чтоб далее изъяснить сие великого примечания достойное правило, то должен я сказать, что помянутые мысли и воображения, или так названные мною орудия, военные припасы и войска, могут быть троякие, одни такие, которые могут употребляемы быть самим произволом и разумом против всех страстей вообще. Такие называются общими и могут почесться равно как собственными их орудиями и такими войсками, которыми они сами командуют и во всякое время употреблять могут. Другие, напротив того, такие, которые не против всех страстей вообще, но против некоторых из них или одной которой-нибудь употребляемы быть и действовать могут. И такие называются особенными, и можно их почесть некими особенными и резервными войсками. Третьи же не собственно произволом, а под его главною командою помощниками его другими зверками, то есть хорошими желаниями, могут быть употребляемы и состоять собственно у них в команде; и потому разумом собственно в пользу и для снабдения их оными заготовляемы и запасаемы быть должны.

Ежели спросите теперь, для чего ж должно быть сие заблаговременное заготовление и какие бы собственно были сии мысли, о которых я теперь говорю, то на первое скажу, что заблаговременное заготовление оных необходимо, во-первых, для того, что поводы к сражению со страстями могут случиться совсем нечаянно. Они сами на нас и иногда совсем внезапно и с такою фурией нападают, что мы, не ожидая совсем того, всего скорее можем прийти в превеликую и такую расстройку и замешательство, что и имея в готовности оружия и войска с трудом первые ухватить, а вторые

против их вывести можем, кольми паче когда оных мы в готовности и при себе иметь не будем. Во-вторых, что страсти наши при атаке и нападении на нас употребляют столь великую хитрость, наглость и проворство, что нам не достает иногда времени и о защищении самих себя помышлять, а не только чтоб упражняться в выдумывании и приискивании нужных к преодолению их мыслей или в делании и приготовлении оружия и набирания войска. Им надобно уже быть готовым и в такой близости, чтоб мы того момента их схватить и употребить могли, то есть надобно, чтоб мысли сии на досуге и заблаговременно были приуготовлены и так твердо наизусть затвержены, как умножительная таблица или как твердо мы «Отче наш» знаем, дабы в нужном случае того момента могли мы оные вспомнить и возбудить их в душе своей. В противном случае натурально принуждены мы будем иметь в сражении успех не вожденный и дать себя разбить и собою овладеть неприятелем. От чего самого и происходит, что многие не в состоянии совсем действиям страстей своих противится, но при первой еще атаке кладут ружья и отдают себя в плен и в невольники. Вот причина, для чего заблаговременное заготовление надобно. И легко можно заключить, что она важна довольно.

Что касается до второго вашего вопроса, то я не знаю, что мне вам на оный ответить. Ибо если бы мне рассказывать в подробности, какие собственно мысли разумею я под помянутыми разными родами орудий, снарядов и войск и всех их пересказывать поименно, то принуждено б мне было наполнить тем одним целую треть книги или, по крайней мере, множество листов в оной и тем без нужды увеличить и без того, может быть, досадную вам величину оной. Причиною тому то, что они могут быть весьма многообразны и многочисленны, а особливо если бы пересказывать вам здесь и общие, и особенные, что не иначе как завело б меня в превеликое пространство. И для того сколько не льщусь я надеждою, что вы без скуки и отвращения все сие читаете, однако боюсь отяготить вас слишком великим и притом не совсем необходимым пространством. Но если бы мне и вовсе о том умолчать, так не менее боюсь, чтоб вы на меня не подсадовали и меня не обвинили, что я в самой нужнейшей материи не захотел вас удовлетворить

и умолчал о том, что умолчать всего меньше мне надлежало. Итак, будучи в сем настроении, другого не нахожу, как держаться середины и удовольствовать вас только отчасти, а прочее предоставить собственному труду вашему. То есть рассказать в возможной сокращенности, какого рода должны быть оные мысли, или войска, и откуда брать; также из каких материалов должны приготавлиемы быть и какие орудия и какие притом нужные вещи наблюдать надобно, и тем показать стезю, по которой идучи б можно было вам самим уже оные для себя заготовлять и делать.

Итак, что касается до существа войск, то я о том вам уже впереди сказывал, а именно, что сим мыслям надобно быть таким, которые бы страстям нашим были противны и во всякое время им не милы и неприятны; ибо такие, а не иные какие, могут с ними или паче с их мыслями, или войсками, драться. Одним словом, чем нешнее они будут оным, тем храбрейшими можем мы почесть их воинами и тем лучше на них надеяться. Вот примета, или мундир, наших воинов, по которому вы их вообще искать и находить и вербованием оных войско свое умножать можете! Вам нужно только в самих себе примечать, какие мысли и воображения как в сем, так в особливости наиболее в вас господствующим страстям во время действия их не по шерсти, как скоро множество их найти можете. Итак, примечайте же оные и, остановив, впечатлейте себе как можно тверже в память. Чрез сие будете вы их равно как воинов вербовать и делать их себе послушными. Сие есть общее правило к вербованию толь нужных воинов; но естли вы сего труда употребить не похотите, то расскажу вам те места и жилище, где вы воинов найти и те материалы, из которых вы орудия и припасы на досуге сами приготавливать можете.

Первое место, где вы множество их найти и по желанию, сколько вам угодно, вербовать можете, есть такие книги и разговоры, в коих упоминается о всех вредных следствиях, проистекающих для нас от пороков или обладания нами страстей. Каждая живая мысль о вреде, происходящем нам либо от всех, либо от какой-нибудь особой страсти, составляет уже воина, который тем храбрее, чем он живее и чем способнее привести нас в чувство. Итак, ищите таких мыслей в нравоучительных книгах и, буде далеко ходить

не хотите, то хотя в самой сей. В ней повсюду разбросано множество таких мыслей и выражений. Не упоминая о прочих, как впереди, так и позади, местах, в одном IX рассуждении вы множество их найти и целую роту их нанять можете, буде только похотите. Но хорошо, когда бы вы их целый полк или корпус набрали.

Второе жилище таких воинов, или мыслей, найдете вы, если войдете в пространное поле всех тех выгод и истинных польз, которые нам проистекут от того, когда мы страстям не будем поддаваться, но их храбро одолевать. То есть когда станете и сами помышлять и в книгах искать, и от других людей спрашивать, что от того для нас хорошего и выгодного произойдет, когда мы удалимся от страстей и пороков и не будем им следовать, и каждую мысль, изображающую пользу, ловить и замечать в памяти. Таких мыслей можете вы также множество найти как в сей, так и во многих других нравоучительных книгах, и всякая из них не с меньшим успехом драться может с неприятелем. Итак, вербуйте и их как можно более и накапливайте из них другой себе полк воинов. Воины сии, а особливо если их пообучить, дерутся еще храбрее первых.

Третье жилище оных можете найти во всех тех причинах, для которых нам преодоление страстей наших неотменно и необходимо надобно. Таких причин можно найти великое множество, и как каждая мысль, изъясняющая необходимость и надобность сего преодоления, может составлять уже хорошего воина, то набирайте из них себе третий полк или корпус, который не менее на сражении храбр и неприятелям страшен быть может. В сем случае можете вы также как сею, так и многими другими нравоучительными книгами пользоваться, где повсюду рассеяно множество таких мыслей.

Наконец, четвертый род воинов могут составлять различные мысли о возможности, вероятности и бессомненности сего преодоления. Из них можете вы себе составить также нужный резервный батальон, могущий сделать вам в нужном случае хорошее подкрепление, и вы легко можете их найти, если только похотите приложить старание.

Вот наизнатнейшие места, откуда вы можете получать множество рекрут и войск и тем в скором времени заготовить для себя

превеликую армию, которою всею или некоторою частью оной можете вы всякий раз пользоваться.

Что касается до материалов, из которых вам приуготовлять орудия и военные припасы, то как сими орудиями собственно можно почесть отчасти самые те ж прежде упомянутые мысли, отчасти же некие особые, нужные и противными страстям нашим воображения, то и материалы не иное что суть, как те вещи, которые должны тогда быть воображаемы. Какие они, то легко можно усмотреть из нижеследующего краткого описания существа наиглавнейших орудий, или, так сказать, духовной нашей артиллерии.

Первое и наивеличайшее орудие есть живое воображение присутствия Божеского со всеми его величественными и бесконечными свойствами и совершенствами. Это такое орудие, из которого и против одного выстрела никакая страсть без трепета устоять не может и которое одно целый полк воинов или, толпу мыслей, заменить может. Итак, буде хотите запасти себя сим толь нужным картауном²⁹, то приучите себя заблаговременно воображать живо присутствие великого вашего Создателя со всеми его величественными совершенствами. Я не просто говорю «приучите», ибо знаю, что не всякий может производить в себе сие воображение, не приучив себя к тому прежде. Великая разница сказать и говорить, что Бог везде и подле меня, от живого воображения его присутствия. В первом случае, и целый час говоря о присутствии Божеском, легко можем остаться мы бесчувствительны, а во втором — не можно, чтоб того момента некий трепет не проник все кости наши. Вот примета живому воображению, и таковому-то надобно ему быть, естли бы хотеть, чтоб оно нам пользовало. Ибо чем живее оно будет, тем действительнее будет и выстрел и тем сильнее поразит наших злодеев. Итак, приучите себя воображать Его так, как бы Он находился действительно подле вас и пред вами, окруженный славой и величеством, и вы пред Ним стоите, как пред всемогущим Творцом, Обладателем неба и земли и в тысячу раз более, нежели пред Государем, и притом святейшим, зло и всякое худо бесконечно ненавидящим и с гневом на то взирающим Господом и всесильным Властелином над вашей жизнью и дыханием и так далее. Вы увидите сами, сколь много вам такое воображение помогать станет,

естьли вы в нужном случае его в пользу себе и на прогнание тем негодных мыслей употребить похотите. И поверьте, что удивитесь сами, сколь сильно в состоянии поражать оно ваших недругов.

Второе орудие есть живое воображение величины мира и своей пред ним малости и ничтожности, а именно, когда мы станем воображать себе, коль велика и неизмерима вся вселенная и сколь мал пред нею и весь наш земной шар, а не только мы, а себя нам и пылинкою и самым маленьким неприметным червяком почесть не можно. Такое воображение также очень много нам против неприятелей помогает, и можно его почесть поражающим их великим же орудием, а особливо когда оно вместе с предследующим будет употребляемо, то есть рядом с ним поставлено и притом им искусные артиллеристы, то есть мысли наши, будут действовать.

Третье и весьма важное и нужное орудие есть живое воображение смерти, или той перемены, которая с нашим телом не отменно и неминуемо воспоследует, а именно, когда мы будем воображать себе живо, будто бы мы видим самих себя лежащих во гробах и погребаемых или уже согнивающих, или одни наши кости, валяющиеся по земле. Можно сказать, что неприятели наши сей пушки чрезвычайно боятся и стремглав от нее бегут, как скоро завидят. Кольми паче когда мы употребим для стрельяния из оной искусных артиллеристов, то есть выберем к таким воображениям приличные и более нас в трепет приводящие мысли. Впрочем, естьли хотите, чтоб пушка сия цельнее попадала и неприятелей более вредила, то стреляйте из нее и ядрами, и бомбами, то есть присовокупляйте притом и напоминание того, что помянутая и толь страшная перемена вашего состояния может быть гораздо скорее воспоследует, нежели вы думаете, и легко может статься, что меньше уже года или меньше уже месяца осталось до того времени, и что уже в тот же или в последующий день смерть вас постичь может, и что вы не можете поручиться, что вы и до скончания самого того дня верно доживете. Таковые и сему подобные мысли будут не хуже бомб действовать и неприятелей врознь разгонять.

Сии суть наиважнейшие и сильнейшие орудия, составляющие, так сказать, осадную артиллерию. Что касается до прочих и не столь важных, однако действительных, то их можно нагото-

вить нам великое множество и разных родов и настановить ими, так сказать, целые цейхгаузы, например, все живые воображения могущих с нами случиться великих и таких несчастий, о которых мы без трепета вспомнить не можем и о которых и одно помышление нас в содрогание приводит, составить могут целый парк пушек, мортир и гоубиц³⁰, которые будут очень хорошо действовать. И для того приищите такие воображения заблаговременно и приучите себя на досуге живо их себе как присутствующие воображать, что учинив, равно как научитесь из оных стрелять. Воображение горящего своего дома, умирающего наилучшего своего друга или родственника, или милой и нужной особы и прочее многое тому подобное составляют сего рода разные орудия.

Другой род таких мелких и разных орудий могут составлять воображения таких бывших с нами или впредь могущих быть приключений, кои нам обращались в превеликий стыд, так что мы долгое время и после того не можем их без внутреннего самих себя устыжения вспомнить. Многие из таковых пушечек бывают иногда очень цельны³¹ и производят очень изрядное действие, и для того напомните, не было ли с вами в жизнь вашу каких-нибудь сего рода приключений, и как скоро какое вспомните, то заметьте оное и приучите себя живо воображать. Всякое такое воображение составит особую пушечку, которая вам при случае очень сгодится.

Третий род таких же орудий могут составлять воображения таких случаев и приключений, которые производили в вас великое раскаяние и на самих себя досаду. Они несколько похожи на предследующие и не менее действительны быть и нам при случае пользоваться могут.

Вот описание существа нашей духовной артиллерии, из которого легко можете вы уже сами усмотреть, какие должны быть прочие и здесь за краткостью не упомянутые роды орудий. Теперь осталось мне сказать, что вам при всем этом приготовлении войск и орудий в особенности наблюдать надобно.

Во-первых, надобно вам стараться на вербованные свои войска как можно лучше обучить в сражении храбрее и проворнее драться. Это значит, чтоб вы снисканные убедительные мысли на досуге старались делать живейшими и приводить в такое состояние, чтоб

они скорее вас могли приводить в чувство и вас трогать, то есть помышляйте о тех вещах под такими словами, которые б были поразительнее. Чего ради примечайте, какие слова и изречения наиболее вас трогают и под такими точно словами и помните их.

Во-вторых, надобно вам стараться артиллерию свою привести в хорошее состояние и снабдить нужными припасами, а особливо обучить артиллеристов стрелять из нее цельно. Я впереди уже упоминал, что сие значит, а теперь повторю, что дело в том состоит, чтоб вы приметили, какими словами и мыслями можете вы живее возбуждать и производить в себе помянутые воображения и оные б затвердили в память, чрез сие запасетесь вы равно как припасами, а чрез частое повторение сих воображений обучите вы артиллеристов своих проворнее действовать.

В-третьих, надобно вам стараться как на вербованные войска, так и приготовленные орудия доставить в надежное, близкое и такое место, где б вы всякий раз, как они вам ни понадобятся, того часа могли их сыскать, ухватить и их против неприятелей выставить, или себя ими оградить. Ибо в противном случае, сколько бы вы их ни заготовляли, но они вам не будут пользоваться. Что это значит, о том изъяснился я уже отчасти впереди, а теперь повторю, что это значит то, чтоб вы все оные мысли так твердо в память себе затвердили, чтоб вы не только знали всех их наперечет, но того момента могли их вспомнить и возбудить и тем равно как призвать всякий раз, как они вам не понадобятся. Сим можете вы и при самом нечаянном нападении страстям своим учинить храбрый отпор и хитрость их уничтожить.

Теперь знаю, что вы, остановив меня в сем месте, скажете: все это хорошо, но все это скорее сказано, нежели сделано быть может. Скоро ли их затвердить в памяти? Неужели нам их наизусть учить, как маленьким детям, и ежели наизусть, то чего это и какого труда будет стоить? И время ли нам уже в том упражняться? Маленькие ли мы дети, что хотите вы нас заставить опять то делать, что в малолетстве не однажды в слезы приводило?.. На сие скажу вам, что естли вы сим образом рассуждать хотите, естли нет вам времени о истинной своей пользе помышлять, естли вы столь нежны, что не хотите и для очевидной своей пользы немногие труды предпри-

нять, естли все сие считаете вздором и пустотою, то не хочу вас ни к чему приневоливать, но паки скажу, что оставайтесь, государи мои, с покоем при всех своих увышенных мыслях и при всех своих прежних упражнениях. Я вам нимало не мешаю. По крайней мере, меня ничем не обвиняйте. Я пишу здесь для охотников и прямо истинной своей пользы желающих, а не для невольников, итак, никого и ничем ни приневоливаю. Сим же, как любезным моим товарищам желая далее услужить, хочу теперь предложить одно вспомогательное средство, помощью которого могут они и без дальнего труда все нужное в действо произвести.

Итак, ежели вы, дорогой читатель, принадлежите не к первым, а ко вторым и, любопытствуя, пожелаете знать, каким образом наиспособнее и скорее вам можно бы было все то в память затвердить, то скажу вам, что все сие учинить никакого дальнего труда вам стоить не будет, естли только можете вы сами с собою согласиться принять за благо следующий мой совет, и оный вам не таков противен и смешон, как многим другим, может быть покажется, а именно:

Упражняясь в снискивании помянутых выше сего мыслей и воображений, для лучшего и способнейшего незабвения записывайте все оные на бумажке такими выражениями, какие по примечаниям вашим наиболее вас трогать могут; возьмите на себя сей небольшой труд и поверьте, что он вам много поможет. Чрез сие средство со временем составится у вас им немалый реестр, который действительно можете вы почесть списком ваших войск и табелью орудий и припасов. Сей реестр нужно вам на досуг несколько раз прочесть со вниманием, как большая часть останется у вас уже в памяти.

Но как сей реестр может случиться великоват и так пространен, что для прочтения его час или полчас времени надобно, а в нужном случае далеко толикого времени нам доставать не будет, чтоб его и нужнейшее в нем приискывать, то, буде хотите, употребите другое и легчайшее еще средство, а именно, сделайте себе маленькую в 24-ю долю листа карманную памятную книжку, столь велику, чтоб вы ее всякое время могли при себе в кармане носить без всякого отягощения. В сию книжку самым мелким письмом внесите вы все оные в большем реестре находящиеся мысли наискорраченной-

шим образом и, так сказать, означая их только двумя или тремя словами. Чрез сие получите вы равно как краткую всем войскам своим рапортичку, которую вы одним взглядом пробежать и все нужное усмотреть и припомнить можете. Польза от такой книжки может быть великая, ибо, во-первых, трудясь над нею можете вы нечувствительно много затвердить себе в память и удобнее писанное после припомните. Во-вторых, хотя бы что и позабыли, так всякий раз и во время самого сражения можете вы, выхватив ее из кармана, справиться и припомнить, и такие случаи редко трафляться будут, чтоб вы не могли найти удобной минуты вынуть ее неприметно от людей из кармана и в не заглянуть. Но хотя б и сего учинить было не можно, так одно напоминание оной может вам припомнить многие записанные в ней мысли. А напоминать о себе она сама вам станет, ибо всякий раз, как ни положите вы в тот карман руку, она вам равно как скажется.

Вот вспомогательное средство, о котором судите теперь, как вам угодно, и хотите оное употребляйте, хотите — нет. Я предложил его здесь не для того, чтоб оно было необходимо надобно, но для того, что оно может употребляемо быть и приносить нам пользу, а особливо при начале нашего исправления, покуда мы со страстями нашими воевать не обыкнем, ибо после можем мы уже и без него обходиться.

Сим окончу я изъяснения сего общего о заготовлении войск и припасов правила. Теперь время мне приступить ко второму роду военных приуготовлений.

Во-вторых, полагал я, что разуму нашему в помянутое ж свободное время стараться о снабдении себя, или паче фельдмаршала своего, нужными помощниками и чрез то набирать мало-помалу себе друзей и товарищей, и тем умножать единомышленную себе партию и оную как можно увеличивать, дабы при подкреплении оных можно было смелее идти грудью против своих неприятелей и их скорее и с лучшим успехом, преодолевая, низлагать. Таковыми нужными ему помощниками не иные кто суть, как природные его подданные и верные рабы и офицеры, то есть всякого рода хорошие склонности и желания, и привычки. Но как все они или большая часть находятся в равномерном с государями своими за-

гнании и неволе, состоящей в великом изнеможении и слабости, происходящей от того, что они очень малы, то все помянутое тайное военное приуготовление состоит в том, чтоб разуму с помощью произвола стараться их тайным образом и умышленно увеличить, дабы они в нужном случае могли разбужены и призваны быть на помощь и проснулись бы уже не маленькими, а большими и естли б можно такими, чтоб величиною своею превосходили величину того бунтовщика, или страсти, с которою предпринимается тогда брань и сражение. Ибо тогда при помощи такого сильного помощника нетрудно уже будет нашему произволу с неприятелем своим сладить. Легко можно заключить, что чем более таких помощников находится будет в готовности, тем для нас лучше; ибо в сем случае во всякое время, когда ни востребуется их помощь, можем мы призывать нескольких из них к себе и выставлять против наших злодеев. Но из всех их нет надежнейших, как самых тех, которые имеют природную и персональную к главным нашим бунтовщикам ненависть, или те хорошие стремления, которые натурою своею прямо сопротивны господствующим наиболее над нами худым страстям, например: умеренность против роскоши, смирение против гордости, щедрость против скупости, любовь против ненависти, добротство против зависти, трудолюбие против лености, трезвость против пьянства, справедливость против неправды и так далее. Ибо такие помощники, как я выше уже упоминал, всего страшнее нашим злодеям, потому что самое увеличивание их само собою толикими ж градусами уменьшит величину противных им худых привычек, склонностей и стремительств, и сие уже натуральное и всегдашнее последствие, и потому увеличивание оных не только приуготовлением, но и великим предварительным тайным над неприятелем поиском почестся может. Итак, из всего вышеписанного можно извлечь шестое правило следующего содержания:

6. Старайся увеличить в себе как можно больше хороших склонностей и привычек, а особливо те, которые противны страстям, наиболее тобою обладающим или сильнейшим пред прочими, дабы тебе в нужном случае можно было ими пользоваться.

Важность сего правила так велика, что я ее довольно изобразить не в состоянии. Довольно, когда скажу, что наблюдение оного

для всякого человека необходимо, как для помянутых выше сего, так и для многих других причин надобно. Ибо сии хорошие склонности не только нам очень много помогать могут с меньшим трудом одолевать наших злодеев, но возбуждение и увеличение их и для исполнения самого того конца надобно, на который мы на сей свет произведены и жить на земле назначены; потому что без того не можем мы быть добродетельными. А сверх всего того, возбуждение и увеличение оных наитеснейшим образом сопряжено и с исканием истинного нашего как в сей, так и в будущей жизни благополучия, как о том в последствии сей книги довольно изъяснится. Итак, кто не видит из сего, что без того нам никоим образом не можно обойтись; и не довольно ли одни сии немногие слова всю важность сего правила изъяснить могут?

Теперь, не распространяя слов, поспешу к ответствованию на один важный вопрос, который вы, любезный читатель, и многие другие мне при сем случае, может быть, учините, а именно: вы спросите, может быть, меня, каким же средством и чем собственно можно нам умышленно увеличить в себе добрые оные склонности и стремительства и обратить в привычки?

Я не знаю, ответствовать ли мне вам на сей важный и похвальный вопрос в самой подробности или нет, потому что сие не трудно уже вам самим из предследующих моих рассуждений отчасти усмотреть, а сверх того, после, когда я о средствах к снисканию благополучия говорить буду, много раз о том будет упоминаться. Итак, боюсь, чтоб излишним повторением одного дела вам не наскучить. Однако как сей пункт великого примечания достоин и притом такой, который не отменно нам и всего чаще помнить надобно, то краткое о том напоминание и в сем случае не будет излишним. По крайней мере, принесет оно вам ту пользу, что послужит вам общим руководством, и вы тем способнее можете его впечатлеть себе в память и оным потом пользоваться.

Итак, надобно знать, что и хорошие наши склонности и желания точно таким же образом увеличиваемы быть могут, каким увеличиваем мы и худые; потому что все они между собою одинакой природы и одинаких свойств, и разность состоит только в их предметах, или пищах, к которым они стремятся; почему и правила, на-

блюдением которых сие увеличение в действо производимо быть может, должны извлекаемы быть из самой общей всем желаниям природы и их свойств различных. Порядок увеличения и правила, к тому принадлежащие, суть следующая:

1. Если хотите какое-нибудь хорошее природное стремительство в себе увеличить, то старайтесь его как можно чаще его из сна умышленно разбудить и подавать случай к действию; ибо оно увеличивается только во время действия.

2. Разбудить прилагайте старание, чтоб оно как можно долее действовало и не скоро опять уснуло для того, что оно с каждою минутою своего действия увеличивается от часу более, растет и делается сильнее.

3. Когда оно, наконец, заснет, то старайтесь, чтоб оно не долго засыпалось; но, не допуская до того всеми образами, при первом и удобном случае прилагайте старание его разбудить вновь и заставить действовать, и все сие для того, что оно во время сна опять начинает уменьшаться и с каждою минутою теряет несколько приобретенной величины своей.

Вот в чем вообще состоит все искусство увеличения наших хороших желаний. Но знаю, что сие руководство слишком еще недостаточно, и вы легко можете спросить, чем же таким нам удобнее его разбудить, бдение его продлить, а длительность сна сокращать можно. Похвально б было такое ваше любопытство, и я с охотою готов оное удовлетворить.

Что желания наши возбуждаются ничем иным, как мыслями, о том многажды я впереди уже упоминал, и сие не можно, чтоб вам было не известно, и потому не для чего мне о том повторять, а лучше сказать, каким собственно образом сие наудобнее в действо производить можно тем наипаче, что мне довольно известно, что не всякий к тому равно способен, и многие желали бы сие учинить, но не умеют. Но чему и дивиться и на них пенять не можно, потому что им неизвестны те правила, которые притом необходимо наблюдать надлежит. Итак, подобно знать, что возбуждение желаний из сна мыслями может быть двоякое: одно посредственное, а другое без посредственное. Под именем посредственного разумею я то, когда мы будем употреблять к тому вспоможение наших чувств,

а особливо зрения и слуха; а непосредственное, когда и без помощи чувств, а действуя только произволом и разумом, мы оные возбуждать будем. То есть когда произвол принудит разум о той вещи, к которой то желание натурально стремится, живо помышлять и думать; в сходствие чего и правила, принадлежащие к тому, суть двоякие, а именно.

Касающиеся до посредственного возбуждения желаний мыслями суть следующие:

1. Читайте такие книги, где бы изящность добродетелей и гнусность пороков была описана живыми красками и изображена была так, что без внутреннего чувства оные читать было не можно. Не скучайте сим чтением, но сделайте к тому привычку, и читайте не мимоходом, но входя в самих себя, помня причину и намерение, для которого читаете. Таковое чтение произведет вожделенную пользу; ибо как каждое читанное со вниманием слово рождает в нас множество мыслей, то сии мысли нечувствительно возбуждают в вас хорошие желания. Чтоб лучше и скорее можно вам было сим средством пользоваться, то заметьте или, того еще лучше, выпишите и затвердите лучшие и самые такие места в тех книгах, которые наиболее вас приводили в чувство и в состоянии были возбудить охоту и желание то делать. Таковые выписки и заметки могут почесться побудительными пружинами или оружием и амуницией наших хороших желаний. Запасайте их как можно более и снабжайте друзей своих сими нужными военными припасами, которые им, как вы после сами увидите, в нужном случае очень пригодятся. Вот первое вспомогательное средство, в котором помогает нам наше зрение и которое многим способствовало к их исправлению.

2. Ищите случаи к собственным разговорам о нравоучительных материях с другими человеками, а особливо добродетель любящими и почитающими людьми. Разговаривайте с ними о добродетелях и о изящности и полезности оных, и о похвальных любителях оных в тонкость. Таковые разговоры, а особливо с разумными приятелями, принесут вам великую пользу и в тысячу раз будут полезнее, нежели игра в карты и разговоры о модах, лошадях, собаках и судебных делах. Они в состоянии возбудить в вас хорошие желания и охоту к подражанию добродетелями прославившимися

мужам. Равномерное ж старание прилагайте не упускать и таких случаев, когда вам такие разговоры и от других слышать случится; ибо внятное слушание оных равномерно великую пользу принести может, как то из опытов довольно известно. Ибо кому не известно, коль великие действия производят иногда в сердцах человеческих хорошие и прямым красноречием и живностью наполненные нравоучительные проповеди. Одним словом, вам не надобно упускать ни единого случая, где б вы сами о добродетелях говорить или слушать что-нибудь могли.

Но все сие, то есть чтение нравоучительных книг и разговоры о добродетелях, останется тщетно и дальней пользы не принесет, естли вы при том одном останетесь и возбуждившиеся желания столь же скоро принудите опять заснуть, сколь скоро они проснулись, то есть когда тотчас, что читали или слышали, выложите из головы и позабудете. Ибо как в сем случае не дадите разбудившимся желаниям и нескольких минут поработать, а того меньше покомандовать работниками, или своими членами, то есть когда не предприимете никакого хорошего по побуждениям их дела, то можно ли им много увеличиться и не тотчас ли они опять всю прибавившуюся величину потеряют, естли они, заснув опять, долгое время спать будут? Вот причина, отчего многим чтение книг и слушание нравоучительных разговоров никакой пользы не приносят, но они остаются такими ж, какими были. Из сего проистекает необходимая надобность, чтоб одними сими посредственными возбуждениями не довольствоваться, но присовокуплять к тому и непосредственное, то есть зависящее не от чувств, а от действия собственного нашего произвола. Правила, касающиеся до того, суть следующие:

3. Каждый раз, когда вам ни случится либо чтением книги, либо каким разговором приведенну быть в некоторое чувство, и вы ощущать будете в себе проснувшуюся охоту к какой-нибудь добродетели, то, буде мила вам истинная польза, не оставайтесь как можно при том, но как скоро чтение или слушание разговора пересечется, то обратитесь к бедному нашему заключеннику произволу и велите ему убедить государя своего, то есть разум, чтоб он остаток власти своей, простирающейся до мыслей, употребил в пользу и не только

остановил бы еще на несколько времени те, которые тогда действовали, но и еще бы постарался разбудить множайшие мысли о той же материи, дабы чрез то не только дать время возбуждавшемуся хорошему стремительству подолее поработать, но и нечувствительно чрез то и как можно более увеличиться. Чтоб удобнее сие в действо произвести, то велите произволу стоять тогда так как на карауле и прогонять из головы вашей все появляющиеся посторонние и касающиеся до других материи мысли и желания, и противиться им всеми силами; а разуму вашему в размышлениях о той добродетели наблюдать следующие немногие правила, а именно:

Во-первых, силится как можно ее и то дело живее себе воображать и так, равно как присутствующее.

Во-вторых, воображать — и как можно живее — все то, что она сама в себе и в последствиях своих хорошего и приятного имеет; все же то от себя отгонять, что неприятную мысль об ней произвести может, например, сопряженную с нею скуку или труд и так далее.

В-третьих, воображать, что оное хорошее дело в действо произвесть вам есть возможность и ничто не мешает или, что вероятно и совсем бесспорно, вы в том хороший успех иметь можете.

В-четвертых, что учинить то вам как для сего, так и для многих других причин необходимо надобно. Изыскивайте сих причин как можно более и распространяйте свои мысли об оных далее. Таковых причин легко можно найти великое множество и если хотите, то предложу вам несколько в пример, а именно: 1. Что вам то хорошее дело учинить есть теперь удобный случай. 2. Что впредь может быть такого удобного случая не случится. 3. Что требует того собственный ваш долг, которым вы обязаны к своему Создателю, а именно, послушание сему великому Существо. 4. Что вы сделаете Ему чрез то угодность, и Ему будет мило, когда вы то учините. 5. Что требует того собственная ваша и истинная польза. 6. Что вы приумножите чрез то количество ваших нетленных и вечных сокровищ или приобретете такое имение, которого сама смерть лишит вас не может и которым вы навеки владеть будете. 7. Что такое хорошее дело не останется никогда тщетно, но пойдет впрок и последует за то вскоре или не вскоре, однако неотменно, вам награждение

и такое, которое, конечно, будет более, нежели вы думаете. 8. Что такие хорошие дела как к нынешнему временному благополучию, так и к будущему совершенному блаженству неотменно надобны, и без них обойтись вы никак не можете. 9. Что проистекут из того многие другие и бесчисленные для вас выгоды. 10. Что приобретет то вам и от самих других людей, а особливо от разумных, похвалу, любовь и почтение; ибо всякая добродетель мила честному человеку, а многих и беззаконников принуждает любить себя поневоле. 11. Что не первые вы собою образец тому должны делать, но что были многие такие же, как вы, люди, которые то в действо производили, и неужели только в вас силы нет им в сем случае подражать? И неужели вы так трусливы и малодушны, что не отважитесь, по крайней мере, и опыт тому учинить и изведать свои силы. 12. Что дление жизни вашей неизвестно, и вы не знаете, долго ли вам еще или недолго жить, и что, может, вы вскоре умрете, и то дерево срублено, в котором вам погребенным быть, а вы в жизнь свою мало добрых дел учинили и худо к будущей приготовились, так когда легко может стать, что жизнь ваша скоро пресечется, и вы о противном поручиться не можете, так не должно ли вам спешить исполнением хороших дел и употребить хотя достальное и, может быть, короткое время в пользу. 13. Что производство того дела зависит единственно от вашего произвола и мешает вам только самая безделица, а именно, что вы не хотите сами себя пересилить и поднять маленький труд, но что вам такая нега и слабость после дорого стоить будет. 14. Что в противном случае, то есть когда вы, поленясь, того не сделаете, проистекут вам от того великие бесполезности. 15. Что Творцу и присутствующему, и подле вас находящемуся, вас видящему и того ожидающему вашему Создателю и Господу будет неприятно и досадно, когда вы, будучи в состоянии то и Ему угодное, и себе полезное дело сделать, из единой бездельной лени и неги и малодушия или, того еще хуже, побоясь, чтоб вам свет за то смеяться и на смех поднимать не стал, не сделаете. 16. Ежели сие последнее вас от исполнения какого-нибудь хорошего дела отводить станет, то думайте, что для вас лучше и дороже — милость ли, любовь и похвала от такого Господа, у которого не только все ваше имение, но и самая жизнь и дыхание всегда состояло, состоит

и впредь во веки состоять будет в совершенной власти, и у которого все ваше благополучие и неблагополучие в деснице, или глупое и бессмысленное ругательство и насмешки от таких же слабых, немощных и заблудших человеков, как вы, и кои в нужном случае вам на волос пособить не могут и за вас ответственать не будут, но все от вас отшестятся³² и не замолвят ни одного слова? 17. Что не исполнив того, умножите вы внутреннее души своей повреждение, которое и без того велико и так далее.

Вот сколько причин насчитал я вам, могущих убедить к произведению того хорошего дела в действо! Однако они далеко еще не все, но можно их найти гораздо больше, естли вы сами пожелаете. Я изобразил вам только немногие для руководства, дабы вы знали, какого они рода. Теперь скажу, что таковые мысли и убеждения называются обыкновенно побудительными причинами и по нашей аллегории, как я прежде упомянул, составляют наших воинов орудие и амуницию, которыми вы желания свои снабжать и тем их крепчайшими и к сражению с неприятелем способнейшими сделать можете, и для того вам необходимо стараться надобно заблаговременно и на досуге себя оными как можно запасть более и иметь их довольно в запасном магазейне, дабы в нужную пору, когда делать их вновь будет уже некогда, можно было того момента оттуда достать и наградить недостаток и оскудение в оных у находящихся в сражении ваших помощников. Я разумею под сим, чтобы вы в праздное время, когда страсти ваши спят и не действуют, старались такие побудительные причины как сами выдумывать, так искать их в нравоучительных книгах, и чтоб их не позабыть и в нужном случае скорее вспомнить можно было, то записывайте и их двумя или тремя словами на листе бумаги или, когда угодно, в ту же карманную книжку, о которой я прежде говорил. И тогда такая книжка составит вкупе и помянутой весьма важный цейхгауз и магазейн, наполненный порохом, ядрами, свинцом и оружием, которым вы во всякое время пользоваться можете. Вносите в сию книжку не только то, что вы сами выдумаете или в книгах найдете, но что и от других людей касающегося до сего пункта нужного услышите, и для лучшего успеха не мешайте общих побудительных причин с частными, то есть с касающимися до каких-нибудь

хороших желаний в особливости, но вносите и те и другие порознь в разных местах и под особливыми заглавиями, дабы вы знали, где что в цейхгаузе вашем лежит, и не могли в поспешности зарыться и замешаться и чрез то упустить время.

Вот общие правила, чрез которые можете вы всякий раз, когда ни похотите, не только возбудить в вас хорошие желания, но продлить их действие и так усилить, что вы по оным охотно и без всякого труда и отягощения хорошие дела предпринимать и в действо приводить и чрез то троякую пользу себе получать можете: во-первых, существенно усиливать и увеличивать наши хорошие стремительства. Во-вторых, побочным образом и без брани низлагать и приводить в ослабление противные им и многие другие худые страсти и стремительства. В-третьих, получать от того наичистейшее и такое увеселение, которое прямо составляет части истинного благополучия.

Теперь осталось мне сказать, что недопущение тех хороших склонностей, которые вы увеличит хотите, до долговременного сна не требует дальнего изъяснения, потому что сие зависит от собственного вашего хотения и от наблюдения всех предследующих правил, а особливо от того, естли вы помянутую карманную книжку при себе носить будете. Она, попадаясь вам часто на глаза и в руки, может вам то напоминать и побуждать к возбуждению вновь ваших желаний, а чем чаще вы их возбуждать будете, тем скорее они увеличатся и, наконец, обратятся в привычку. А снабдя себя такими помощниками, вы смело уже к прямому делу с главными своими страстями и неприятелями приступить можете.

Вот все, что о увеличивании хороших склонностей и вкупе о всех предварительных военных приуготовлениях мне сказать при теперешнем случае могли пределы сего сочинения дозволить. Дальнейшее к тому, а особливо к приучению себя к добродетелям, руководство не принадлежит собственно к теперешнему моему предмету и притом не может никоим образом умещено быть в сию книгу; ибо в сем случае надлежало бы мне необходимо как все хорошие, так и худые желания перебирать по одиночке и о каждой склонности и привычке говорить особо, что завело б меня в превеликое пространство, чего ради, довольствуясь подав к тому краткое

и общее руководство, приступлю теперь к объяснению первых военных против страстей наших предприятий.

6.

Шестым обстоятельством войны нашей полагал я, чтоб разуму и произволу нашему, несмотря на все оружие, не вдруг соваться в глаза к злейшим и сильнейшим бунтовщикам и начинать с ними явную войну или, возгордясь своею силою, вызывать их, так сказать, на поединок или на сражение, но действовать сперва более оборонительным, нежели наступательным образом, а между тем предпринимать над ними тайные поиски и стараться, как можно убегая от кровопролитного с ними боя, и без сражения час от часу более низлагать их силу и, буде можно, совсем приводить в изнеможение или, по крайней мере, доводить до такого состояния, чтоб надежнее и безопаснее можно было с ними, когда они сами нападут, драться и им не только противиться, но получать над ними вожаделенную победу. Это значит, чтоб мы не старались умышленно возбуждать в себе злейшие и сильнейшие наши страсти и не подавали к тому сами случая и повода, но чтоб, напротив того, старались всеми возможностями от явного сражения с ними и борьбы удаляться и убегать сначала всех к тому поводов и случаев. Причину тому я изъяснил уже выше, а именно, что в случае самопроизвольного разбужения одному чему-нибудь быть должно — либо отдаваться им без брани и сражения опять в полон, то есть дать им собою овладеть и принудить произвести худые дела, либо начинать с ними неравный бой, который легко с худым успехом и к великому нашему предосуждению окончиться может, то есть что легко мы можем против оружия и силы их не устоять и им дать себя, поразив, взять в полон и низложить знатным градусом нашу силу. Из сего проистекает седьмое и весьма важное правило следующего содержания:

7. Не возбуждай в себе умышленно не только сам худые склонности и стремительства, но старайся убегать и таких случаев, при которых они легко возбудятся и тебя к злым делам преклонить могут, дабы тебе не было нужды с ними преждевременно бороться и, будучи еще не в силах, их преодолевать.

Нельзя довольно изобразить, сколь великую важность составляет сие правило и сколь великая польза произойдет от точного его наблюдения. Ежели прямо все бываемые при худых наших делах происшествия рассмотреть, то найдем, что по большей части нас к тому единственно случаи и поводы побуждали; а естли бы мы их не имели или от них удаляться старались, то и половины столько худых дел не делали б, коликим от небрежения своего делаем себя виновными. Множество примеров доказывают нам то ежедневно. Колико молодых людей погрузилось во все пороки единственно от того, что им к тому желаемый случай и повод был, и они по несчастью в компанию и сообщество с негодными и порокам подверженными людьми попали, которые им примерами своими ко всему худому повод подать в состоянии были! Коль многие из самых степенных уже мужей, а того лучше, самых тех, которые сединами и добродетелями уже украшаются, попадают иногда в сети пороков, будучи соблазнены случившимися поводами и наудобнейшими к тому случаями! Колико неправд и колико несправедливостей и нарушений наших должностей не делаем мы единственно от того, что имеем к тому случай и повод; а естли б их не было, то иное бы нам и на ум не приходило. Но что о сем много говорить? Всякому сие не инако, как довольно известно быть может. А когда и сами собою случающиеся случаи и поводы для нас опасны, то согласно ли будет с благоразумием и не опаснее ли того, когда мы сами без нужды оных искать и в такие места соваться станем, где пороки обитают и где необходимо они с нами встретятся и нас атаковать не преминут, как скоро увидят? Не лучше ли и не надежнее ли будет от таких случаев всеми возможностями убегать и сберечь силы свои для необходимых и таких случаев, где неотменно и по необходимости быть и с ними видеться будет должно, а между тем час от часу стараться тайными происками приводить их в изнеможение. В особенности же должно нам о наблюдении сего важного правила в рассуждении тех страстей стараться, которые скоро воспаляются и более прочих нами обладают и коих действие бывает наглее, сильнее, непреоборимее и опаснее прочих. С сими, будучи и всем нужным снабдены и подкрепляемы множеством помощников, дело иметь нам очень трудно, кольми паче когда мы еще слабы и не до-

вольно себя против оных укрепили. В сем случае уподобимся мы ягненку, вызывающему волка на поединок и задирающему одного на драку. Но сколь сражение у ягненка с волком может быть не равно, так не лучше будет и наше с оною страстью; и сколь скоро волк или медведь слабого ягненка задавить может, так легко можем и мы побеждены быть сильною страстью. Для всех сих причин и надобно нам иметь от них наивозможнейшую осторожность и не ходить в те леса, где живут волки и медведи, но паче убегать их всеми возможностями, а того меньше умышленно их задирать, а запастись себя и от нечаянных нападений хорошим прикрытием.

7.

Седьмым обстоятельством войны нашей, а первым поиском над неприятелями полагал я то, чтоб разуму и произволу нашему или паче самим нам на досуге и в свободное или то время, когда страсти наши спят, стараться отхватить у них магазейны с их пищею, амунициею, орудиями и снарядами; ибо надобно знать, что все то, что я прежде говорил об орудиях и снарядах хороших склонностей, разумеется также и о худых стремительствах и страстях. Они уже имеют превеликие запасные магазейны и цейхгаузы, наполненные помянутым оружием и припасами, и по несчастью сами мы без ведома нашего оные наполнять им поспешествовали и от самого того они так сильны и непреоборимы. Сии орудия и снаряды суть такие же невещественные вещи, каковы они сами, и состоят также во множестве убедительных причин или таких же помышлений, которые нас всего способнее и более к злым и худым делам при случаях и без случаев побуждают и преклоняют. Итак, надобно нам стараться искусным и проворным образом в сии их цейхгаузы тайно вкрасться и большую часть из орудий и снарядов их перепортировать и сделать к употреблению не способными, а с иных стереть тот яд, которым они напоены и обмазаны, и от того для нас наивредительнейшими бывают, а иные совсем похитить, перелить в свой калибр и присовокупить к своим орудиям и в свой цейхгауз для употребления в нужном случае против их собственных ядер и пуль; а чтоб они им более вредили, то напоить противным и таким ядом, который бы был для них наизвительнейшим. Легко можно заклю-

чить, что естли сей тайный поиск с успехом над ними учинен будет и они лишены будут своих наилучших орудий и снарядов, а мы, со своей стороны, не только своими, но собственными их довольно запасены будем, то несравненно уже легче и надежнее нам вооруженным с безоружными драться будет можно. Одним словом, помянутое похищение их орудий и припасов в состоянии само собою низложить знатным градусом их силу и уменьшить величину оных. А из сего нетрудно усмотреть, что первое сие военное против их действие составляет великую важность, почему и правило, протекающее из того, великого примечания достойно. Оно есть осьмое по порядку и следующего содержания:

8. Старайся основание и предмет каждого худого желания и страсти, а равномерно и все побудительные к тому причины исследовать и наиточнейшим образом рассматривать и лишить их оных или, по крайней мере, переделать иначе наисильнейшие из оных.

Изъяснение сего важного правила объяснить вкупе и предследующую аллегорю, которая может быть иным будет непонятна; а сопряженное с тем руководство покажет, коим образом наиспособнее сие в действо произвести можно. И так надобно знать, что всякие худые дела по стремительствам наших негодных склонностей предпринимаем мы всегда не без причины, а всякий раз для чего-нибудь или для какого-нибудь резона. Сии самые резоны и суть наиглавнейшие их побудительные причины, а мысли и воображения того — предметы наших страстей, что самое и составляет их оружия, провиант и снаряды; помянутое же их исследование и рассматривание составляет самый оный поиск, о котором я выше говорил.

Таким образом, надобно нам в праздное время наиточнейшим образом оные причины и предметы исследовать и рассматривать и чрез то равно как вкрадываться тайно во внутренний стан наших неприятелей и самые их цейхгаузы и магазейны, то есть, перебирая каждую из сильнейших наших страстей по одиночке беспристрастным образом рассматривать. Во-первых, чтоб собственно то такое было, что нас к тому побуждает? Выгода ли какая? Польза ли? Преимущество ли? Увеселение ли или другое что тому подобное?

И в сем рассмотрении вникать в самую тонкость и глубину оных. Во-вторых, подлинно ли оные выгоды, пользы и преимущества таковы велики, каковыми мы их себе воображаем? Не обманывает ли нас притом воображение наше, то есть подлинно ли те вещи так хороши, так прелестны и так снискания достойны, как мы думаем, и нет ли чего-нибудь в них ложного, обманного и только воображением нашим увеличиваемого, то есть помянутые выгоды и преимущества существительные ли и полезные и не мечтательные ли и ничтожные и такие, которые нам не в истинную пользу, а во вред обращаются? В-третьих, не покрыты ли они каким-нибудь приманым и, так сказать, скрытым в сахаре для нас ядом и притравой, то есть не прельщают ли нас каким-нибудь все чувства наши при едином воображении поражающим увеселением? И подлинно ли сие увеселение таково, каковым мы его быть думаем? Не кратковременное ли оно и не производящее ли после раскаяния и на самих себя досады или каких-нибудь иных худых следствий и нам существительного вреда? Всякое примеченное в рассуждении сего невыгодное для них обстоятельство поможет нам равно как стереть оный яд с них и себя привести от него в безопасность. В-четвертых, стараться рассматривать, не сопряжено ли с тем делом или не находится ли в самой той вещи чего-нибудь гнусного, гадкого, омерзительного или смешного, глупого и дураческого или, по крайней мере, не можно ли ее под каким-нибудь гнусным, гадким, мерзким или смешным видом воображать? Ежели есть или что приметится, то увеличивайте в мыслях как можно сие гнусность, гадость или омерзение в нас могущее произвести обстоятельство. Ежели спросите, на что ж бы сие надобно было, то скажу, что сие составляет наивеличайшую важность и произведет то, что мы тем равно как собственное их оружие напоим противным и самим им на пагубу служащим ядом.

Всеми такими размышлениями и изыскиванием невыгоднейших в рассуждении их обстоятельств отворим мы себе равно как вход в их магазейны и цейхгаузы и в них узнаем, перепортим и перемешаем все их орудия и снаряды. Но сие не принесет нам дальней пользы, есть ли мы при том одном останемся. Нам надобно стараться сей вход сделать себе во всякое время туда свободным, а не-

которые из их припасов, напоив, как выше упомянуто, противным ядом, совсем у них похитить и перенести в свои магазейны, дабы их в нужном случае против самих их употребить можно было. В противном случае иногда, а особливо во время сильной атаки и сражения, нам оный вход делается и несвободен. Чрез сие разумею я ни что иное, как то, чтоб нам для удобнейшего напоминания всех противных им мыслей и примеченных должностей их мнимых выгод и преимуществ, равно как всех найденных гнусностей и мерзостей, так опасностей и вредностей, от них происходящих, затвердить все их твердо в память и наизусть или записывать также на особой бумажке, или вносить особо в прежде помянутую мною карманную книжку, и тем равно как спрятать в свой магазейн и цейхгауз; и сие для того, чтоб во время наступающего сражения или в случае учиненного от них нападения, можно было того момента из оного нужные, как свои, так и сии оружия брать и то теми, то другими стараться их преодолеть. Польза, могущая проистечь от того, так велика, что я довольно изобразить того не могу. Довольно, что действие сих орудий, а особливо их собственных, так сильно и велико, что не успеешь иногда одно которое-нибудь им показать, как они, устранившись, обращают свой тыл и воспринимают бегство.

Теперь знаю, что многие краткостью сего руководства будут недовольны. Они пожелают, может быть, подробнейшего, а именно, чтоб я точно изъяснил, каким образом им предметы, основания и побудительные причины своих страстей рассматривать и какие именно худобы, гнусности они имеют и прочее тому подобное. Но я в ответ на то скажу, что мне того учинить теперь не можно, для того что тем увеличу слишком сие рассуждение, которое и без того велико сделалось, а сверх того я пишу теперь не систему нравоучения, а только касаюсь ее мимоходом; а ежели желание их исполнить, то надлежало бы войти в великую подробность; ибо кто не видит, что в сем случае следовало бы мне перебирать все в нас наиболее усиливающиеся страсти и говорить о каждой в особенности, потому что все они имеют разные предметы и разные побудительные причины, также и гнусности и худобы и вредные от них следствия не одинаковы, но иные имеют их больше, а иные меньше, и изъяснение всего того завело бы меня в великое про-

странство, а мне и без того еще много нужного упоминать остается. Но чтоб не оставить их вовсе без удовольствия, то в возможной сокращенности сообщу здесь некоторые только касающиеся до всех их общественности, или немногие истинны, на которых помянутые исследования основаниями быть могут, оставляя впрочем дальнейшего усматривать из других мест сей моей книги.

Итак. 1. Надобно знать, что все прелести главных страстей наших основываются по большей части на собственном нашем самих себя обманывании и неосновательном нашем мнении о тех выгодах, преимуществах и пользах, которые мы чрез то получить думаем, в самом деле сии выгоды не всегда получаются, а притом не таковы совершенны, каковыми мы их себе воображаем.

2. Надобно знать, что поощряет нас к тому сопряженное и ожидаемое нами чрез насыщение их увеселение, но сие увеселение по несчастью мы сами в мыслях более увеличиваем, нежели каково оно в самом деле есть, а сверх того обыкновенно кратковременно, ложно и притом имеет всегда худые и вредные последствия.

3. Надобно знать, что нет почти такой страсти, которая бы не имела природной в себе гнусности и мерзкого или, по крайней мере, смешного вида. Все худые страсти и желания от природы гадки и прикрыты только ядовитым сахаром, который глаза и ум наш прельщает. Сей яд нужно только обколупать, как природная их гнусность тотчас окажется, то есть нужно только прогнать все те мысли, которые клонятся к хорошей, нам приятной и милой стороне того дела, и рассматривать беспристрастно и равно как со стороны ее худую сторону или, по крайней мере, самое производство дела, как легко можно найти многие такие мысли, которые могут возбудить в нас омерзение или, по крайней мере, довести нас до того, что мы сами своей глупости рассмеемся.

4. Надобно знать, что нет почти ни единой худой страсти, которая бы не причиняла нам существительного вреда и не производила бы худых следствий; но ежели беспристрастно об них рассудить, то они либо самим нам существительно вредят, повреждая либо тело наше, либо душу, либо приводят нас в вредное и худое содержание с прочими людьми, либо предосудительное содержание с Богом, как о том я в особливости говорил; но сверх того и та истинна

останется в век непоколебима, что нам мнимые от них и ложные выгоды и пользы после и не только в рассуждении будущей жизни, но и в нынешней, когда не собственно нам, так детям нашим очень дорого будут стоять, и мы гораздо больше потеряем, нежели найдем, и верно уже за рубль полушки стоящую вещь купим. Итак, все такие и бесчисленные худые следствия легко можно исчислить, как скоро сделаться над страстями своими беспристрастными и строжайшими судьями, какими и быть во время таких исследований необходимо надобно; ибо в противном случае только самих себя обманывать мы станем.

Сии суть вкратце те истины, на которых могут основаться оные исследования и вкупе общие правила, по которым они предпринимаемы быть могут. Но более сего мне о сем говорить не позволяет место, чего ради поспешу к описанию второго и не менее важного поиска.

8.

Осьмым обстоятельством нашей войны, а вторым тайным поиском над страстями нашими полагал я то, чтоб стараться во время их сна чем-нибудь их повредить и довести до того, чтоб они уменьшились и чрез то обессилили. Или доводить неприятелей наших до того, чтоб они как можно долее находились в своем лагере и в самой праздности, и как можно стараться не выпускать их из оного. В чем сей поиск состоять должен, нетрудно, надеюсь, самим вам, дорогой читатель, из предследующего усмотреть; ибо как они увеличиваются от частого повторения действия, а, напротив того, имеют свойство во время своего сна с каждой минутой сами собою уменьшаться, то натурально весь поиск состоит в том, чтоб всеми возможными средствами продолжить сон их как можно долее и к тому употреблять разные происки и хитрости. Из сего проистекает весьма важное девятое правило следующего содержания:

9. Старайся всеми средствами уменьшить сильнейшие страсти свои чрез продолжение сна их, или не действия, и доводить их тем до того, чтоб они сами собою пришли в изнеможение.

Можно сказать, что правило сие составляет великую важность, и такое, которого наблюдение при предпринимаемой со страстями

войне, или своем исправлении, необходимо надобно. Ибо, средство сие можно почестъ наиудобнейшим и легчайшим к побеждению и низложению оных; ибо как вся сила их и господствие над нами единственно от того происходит, что они величиною своею превзошли величину нашего произвола, так как я, описывая свойства желаний под № 9, уже имел случай изъяснить, то нужно только уменьшить их до такой степени, чтоб они величиною своею сравнялись с величиною произвола или малым чем его превосходили, как бой у него с ними будет равный и преодолеть его невеликого труда и отягощения будет стоить, и тогда человек без затруднения уже может сам себя одолевать и пересиливать.

Ежели спросите меня теперь, чем же таким можно помянутый сон страстей наших продлить и чрез то их самих собою уменьшить, то скажу, что сие нетрудно вам самим уже предусмотреть, потому что я предпослал уже прежде генеральные касающиеся до сего пункта правила. Однако, чтоб вам скорее припомнить было, то напомним, что как все желания наши, как добрые и худые, разбуждаются вообще мыслями, или, по аллегории нашей, птичками, себе свойственными, то натурально дело в том только состоять будет, чтоб стараться удалять от себя таковые мысли, или не допускать сих птичек всходить, так сказать, на ту площадку, или театр души, на котором одном все они посменно действуют; но как скоро станут появляться, то выбивать их взашей вон и театр наполнять другими и до тех страстей не касающимися мыслями, или птичками. Вот все искусство и вся хитрость, чрез которую сон страстей по желанию и сколько угодно продлить можно; ибо без сих птичек, или мыслей, не могут они никоим образом просыпаться и действовать, но приуждены поневоле спать.

Казалось бы, что все сие невеликого труда стоило; ибо диковинка ли прогонять из головы такие мысли, какие не надобны? Всякий сам в себе ощутить может, что мы имеем природную силу, которую мыслями своими управлять можем, то есть разум и произвол. Однако я должен признаться, что опыты нам совсем противное иногда доказывают, и из них мы видим, что не всегда мы над мыслями своими имеем совершенную волю, но иногда мы бы и рады о чем не мыслить, но мысли лезут сами в голову, и мы их из головы вы-

гнать не в состоянии. Истину сию утверждая, сам за нужное нахожу и доказать, от чего сие и делается. Это происходит не от того, чтоб разум и произвол наш не в состоянии были повелевать мыслями, но от того, что об сии драгоценные силы во все такие случаи находятся тогда лишенными своей над мыслями команды и повелительства и что сия команда похищена у них тогда проснувшимися и в действии своем находящимися какими-нибудь желаниями, которые, будучи сильнее их, отнимают у них власть над мыслями и сами ими повелевают. А от того и не можем мы с произволом своим их выгонять по желанию своему из головы; но не успеем их с театра протолкать вон, как действующие страсти опять их на театр возведут; а как скоро мало пооплошаем, то они не преминут число их преумножить, а чрез их возбудить другие страсти и тем еще больше над нами усилиться. Одним словом, во всех таких случаях находимся мы в действительном, но не равном со страстями своими сражении, почему всего чаще ими и побеждаемся. Для самой сей причины и советовал я прежде таких неравных с ними сражений сначала как можно убегать, а стараться наперед их без сражения обессилить и употребить к тому то время, когда они спят, а разум и произвол наш находится на свободе и может повелевать самовластно мыслями. Одним словом, нам надобно помощью нашего произвола стараться не допускать их до того, чтоб они проснулись. А как проснутся и разбоятся, тогда негде нам с ними ладить, когда они слишком еще велики.

Чтоб знать, каким образом сие действо произвести наудобнее можно, то надобно напомнить, что возбуждающие их мысли возводятся на театр души нашей, или производятся в нас, трояким образом: во-первых, производят в нас негодные мысли иногда иные какие-нибудь действующие страсти и худые привычки, которые мысли возбуждают потом другие страсти. От чего и происходит, что попадаемся мы иногда нечаянно и неумышленно сильнейшим страстям нашим в сети, например: человек сел бы играть в карты для единого увеселения и совсем без намерения о выигрыше; но сия привычка к увеселению карточною игрою в состоянии во время игры произвести мысли и о выигрыше, и о прибыли, которые легко могут воспалить страсть корыстолюбия, а сия не только

вплести его в великую игру, но и довести до проигрыша. А тогда таким же образом воспалются многие и другие страсти, и человек сам над собою сделается не властен и помянутые многие совокупившиеся страсти могут наделать ему множество зол и довести его до таких дел, о которых он после, но тщетно сам раскаиваться будет. А что теперь о карточной игре я говорил, то тоже самое и о прочих страстях разумеется. Из чего следует само собою, что подверженному многим страстям человеку надобно остерегаться и от возбуждения самых малейших и отнюдь не надеяться на свои силы и уповать, что он в силах будет их преодолеть; ибо всего скорее в сем случае он обмануться может. Ему надобно помнить, что худые наши страсти находятся между собою в союзе и помогают друг другу тайным образом. Итак, и самым последним, не смотря на всю их малость и невинность, доверять не для чего, но обходясь с ними, иметь завсегда, так сказать, камень в кармане, то есть великую от них предосторожность. От сего и проистекает, что лень, праздность, а особливо вино и пьянство в состоянии и самого честного и добродетельного человека испортить и довести до многих худых дел и увеличить в нем многие другие страсти, и из лучшего человека сделать негодным.

Во-вторых, производит их сам наш разум и произвол, то есть когда мы, не имея никакой нужды, станем сами наедине помышлять о таких вещах, которые до насыщения страстей касаются. Таковые от оплошности самими нами произведенные мысли в состоянии таким же образом возбудить те страсти, а сии принудить нас произвести многие худые дела, которые бы никогда мы не исполнили, если бы сами по оплошности своей не стали о том помышлять. В справедливости сего нетрудно всякому человеку самому себя, употребив небольшое примечание, удостоверить. Начни только живо помышлять о самом насыщении оной страсти и о всем том, что оное прелестного в себе имеет, как почувствуешь того момента, что родится к тому и желание. Из сего натурально следует, что нам, а особливо подверженным многим страстям человекам, весьма остерегаться надобно углубляться в помышления о тех вещах и обстоятельствах, которые до насыщения тех страстей касаются, которым они наиболее подвержены; ибо в сем случае не иное что

будет, как показывать им их пищу, будить на работу и призывать к свирепствованию над нами. А коль дорого иногда нам таковая неосторожность и, так сказать, игрушка стоит, о том из предследующего заключить можно; ибо для самого того и предпослал я целое правило и счел одним из главных обстоятельств, чтоб нам всеми образами остерегаться самим возбуждать свои страсти.

В-третьих, производятся в нас негодные мысли наружными предметами чрез действие всех наших чувств, то есть зрением, слухом, вкусом обонянием и осязанием. Доказывать сие не нахожу надобности. Всем по несчастью слишком довольно известно, сколь сильное действие имеют наружные предметы на наши чувства, а сии в душе, и сколь скоропостижно в состоянии возбудить в нас негодные мысли, а чрез них того момента наши страсти, и доводить нас чрез то в бесчисленные погрешности. Кто не испытал сего несколько тысяч раз в своей жизни и кто не знает сего из собственного опыта? Не большую ли часть наших худых дел делаем мы по случающимся к тому многообразным поводам и случаям? И не первым ли поводом к тому бывают либо глаза, либо уши, либо язык и ощущение? И кому не известно, коль много в особенности поспешествуют видимые и слышимые нами примеры и образцы худых дел, по стремительству страстей производимых, и многие ли найдутся такие, которые б могли твердо и непоколебимо устоять против всех ударений, производимых им нашими чувствами, и сами собою ту простую, но справедливую пословицу отвергнуть, что льну подле огня лежать трудно, не загоревшись? А из сего не следует ли само собою, что нам необходимо и всеми силами стараться надобно удаляться всех поводов и таких случаев, где мы можем видеть, слышать, есть, пить или осязать, или иметь с такими вещами дело, которые в состоянии возбудить в нас согласные с главными страстями наши мысли, и чрез то самые оные? Ибо чрез сие средство всего способнее можем мы продлить сон наших внутренних злодеев и чрез то их без брани и сражения обессилить.

Таким образом, если вы хотите сон наших страстей продлить, то наблюдайте всегда рачительно следующие немногие правила:

1. Будучи наедине, не помышляйте сами никогда о тех вещах, которые касаются до насыщения той страсти, которую вы одолеть

хотите, но прогоняйте того момента из головы мысли от том, как скоро они покажутся и вы их ощутить можете, а особливо не давайте пощады тем, которые станут вам то дело представлять с хорошей и приятной стороны, но прогоняйте сих друзей вашей и толчки вон из головы.

2. Бегайте таких обществ и компаний, где производство тех страстей в обычае и не в презрении; ибо видимые примеры всего сильнее могут возбудить в вас оную страсть против вашего хотения. Считайте такие места для себя зараженными язвою или чумою.

3. Удаляйтесь и таких обществ, где в обычае есть и в разговорах, тем страстям благопоспешествующих, упражняться. И буде в такой беседе быть нечаянно случится, отвращайте свой слух от оного; ибо слышание столь же способно возбудить может мысли, как и зрение.

4. Не читайте таких книг и сочинений, которые способны к возбуждению тех страстей, которые вы одолевать хотите и какие по несчастью скорее других вам в руки попасться могут; а, по крайней мере, не углубляйтесь слишком в чтение оных и покидайте, как скоро почувствуете, что в вас какая-нибудь страсть возбуждается.

5. В упражнениях своих делайте разбор и сколько можно удаляйтесь таких, которые к возбуждению страстей способнее прочих, а особливо той, которая наиболее вам надоедает.

6. Не ищите таких чинов и должностей, кои множество случаев и поводов подают к нарушению наших должностей и к возбуждению опаснейших страстей наших, как, например, к мздоимству, неправосудию, к неправдам, похищению и прочему тому подобному. Не ставьте сами себе силков, в которые вы всего скорее попасться можете.

7. Примечайте, какие случаи и вещи в вас наиболее и чаще те страсти возбуждают, и старайтесь от того удаляться.

8. Наконец, чтоб во всем том лучший успех иметь было можно, но противоборствуйте лени, не погружайтесь в праздность, но привыкайте ко всегдашнему и бодрствующему трудолюбию и доводите себя до такого состояния, чтоб вам никогда не скучно было, одни ли бы вы были или с людьми. Сие сделает вам великое вспоможение; ибо множество примеров доказывает, что всегдашнее и об-

ратившееся в привычку упражнение в чем-нибудь полезном в состоянии всего более удержать нас от бегания и рыскания за своею погибелью и вышаривания повсюду себе яда и отравы; напротив того, лень, праздность и непривычка быть наедине многому злу бывает началом.

Сии суть общие и немногие, однако наиважнейшие правила, и сего будет довольно о сем поиске; ибо естли мне подробно говорить, какими средствами каждую именно страсть доводить до того, чтоб она долее пребывала в своем сне, то завело бы меня сие в неудобовместимое сюда пространство, чего ради, оставляя то самим вам, пойду далее.

9.

Как мы по природной своей склонности к оплошности и нерадению всего скорее в рассуждении предследующих осьми правил можем делать проступки и не умышленно, а по оплошности своей допускать иногда страсти наши до возбуждения; а, сверх того, часто случается и сущая необходимость быть в ненадобных местах и слышать вредные разговоры или находится в таких должностях и упражнениях, где неизбежны поводы к мыслям, страсти возбуждающим, и прочее тому подобное; и потому очень часто способные случаи к просыпанию наших страстей сами собою явятся могут, или говоря по аллегории нашей, мы очень часто с господами бунтовщиками встречаться можем, то надобно знать, каким образом с сильнейшими из них поступить надобно, естли мы с ними нечаянно и принужденно встретимся и предвидеть будем, что выдержать бой с ними не будем находится в состоянии, и для того охотнее бы хотели, чтоб они почивали еще долее, то есть, когда нам, например, куда-нибудь ехать, идти, где-нибудь быть или что делать необходимо надобно, и мы предвидеть можем, что там нашим страстям будет удобный случай пробудится, а нам предстоять будет опасность, то в сем случае другого не остается, кроме того, что, завидев оных издали, употребить последнюю хитрость и искать средства каким-нибудь образом добром от них отделаться и убежать с ними сражения. В сем случае состоит девятое обстоятельство войны нашей, а третий и последний политический над ними поиск, состоящий

собственно в том, чтоб пользоваться первыми и самыми теми минутами, в которые страсти просыпаются и в которые иные из них очень еще бессильны и не совсем еще проснулись, но продирают, так сказать, еще глаза, и стараться их в сие время опять усыпить и не допустить до вступления на театр душевный, или на место сражения, дабы они не вступили в совершенное свое действие, следовательно, препроводив короткое время без сна, не могли увеличиться. Легко можно заключить, что человеку при таких случаях иметь надобно о себе примечательное око и употреблять всегда великую осторожность, дабы не упустить сего драгоценного, но весьма короткого времени и в оное употребить какой-нибудь военный обман или хитрость; ибо естли упустить сей случай и дать страсти совершенно очнуться и выпустить, так сказать, на театр, то поневоле уже принуждено будет с нею драться; потому что она, завидев нас, того часа атакует, и мы либо ей повиноваться, либо в бой с нею вступить принуждены будем. Из сего проистекает десятое и весьма важное для нас правило следующего содержания:

10. Лови первые минуты, когда страсти возбуждаются, и, пользуясь оными, старайся не допустить их до совершенного действия.

Правило сие основывается на том, что в сие время разум и произвол наш имеет еще власть над нашими мыслями, которой тотчас лишится, как скоро проснувшаяся большая страсть совсем очнется и вступить в совершенное действие; ибо чем живее будет страсть, тем слабее станет становиться власть разума и произвола. Почему и все дело состоит в том, чтоб оба сии главные начальники не потеряли сего последнего времени, но собрав последние свои силы и власть, употребили оные себе на пользу. Ежели спросите, что ж бы нам в сем случае делать, то скажу, что с помощью разума и произвола надобно спешить употребить которую-нибудь из следующих хитростей: во-первых, ежели можно, то старайтесь когда-нибудь уклониться в сторону и уйти из глаз неприятеля, то есть удалиться из того опасного места. Естли того не можно, и оная страсть возбуждается каким-нибудь чувством, например, зрением, слухом и тому подобным, то старайтесь, во-вторых, себя пересилить и унять действие того чувства, например, естли то происходит от зрения, отвращайте свои глаза от смотрения на тот предмет.

Естьли от слышания, то удалитесь, чтоб не можно было более слышать, и так далее. Есть ли сие трудно и неспособно, то, в-третьих, примите на себя притворный вид, будто хотите страсти своей дать волю и сами ее постараетесь удовлетворить, только ищите уговорить ее добром, чтоб она дала вам немного только времени и немного потерпела. Сие средство, по-видимому, смешно, но опыты доказывают, что оно очень бывает действительно и способнее прочих к усыплению опять страсти, и для того надобно мне его более изъяснить. В сем случае надобно возбуждающуюся страсть вообразить себе в каком-нибудь вещественном виде, например, в виде гонящейся за тобою и тебя убеждающей женщины, и с нею порядочным образом разговаривать. Говорите с нею, или паче с самим собою, следующим, например, образом: «Знаю, что тебе, моя голубка, проснуться, поработать и есть хочется, но, пожалуй, на сей раз потерпи и меня оставь в покое. В другой раз я дам тебе совершенную волю и во всем подвергнусь твоему повелению. В сей раз только меня, пожалуй, послушай, или, по крайней мере, на часок подожди; будет тебе еще время наработаться и насыщаться. Время еще не все ушло и век не весь прожит. Вот, может быть, завтра или послезавтра, или вскоре случится опять такой же случай, и тогда сам уже постараюсь тебя насытить, только теперь погодите и лягте опять спать». Ежели сие не проймет, и она не отстанет и все еще вас беспокоить станет, то скидывайте понемногу с себя маску. Отсовывайте³³ ее, так сказать, докучающую и отстать не хотящую. «Отстань же ты от меня, — скажите ей, — и отвяжись. Ведь когда добро тебя неймет, так отстанешь и поневоле. Нарочно постараюсь, чтоб работа твоя тщетно пропала и ты не получила бы желаемого. Сказываю тебе, что тщетно ты льстишься насыщением. Не будет того; и как ты не прельщай, не послушаю». Сим и подобным сему образом старайся возбудить в себе гнев и привести себя на нее в сердце. Ни в котором случае сим пристрастием пользоваться лучше не можете, как в сем. Тут будет самое сие негодное пристрастие употреблено в великую пользу. А между тем, как сим образом с нею говорить будете, помышляйте тайно о последней хитрости, а именно, чтоб, покуда театр души, или самая она, не наполнилась мыслями, свойственными той страсти, поспешить наполнить

ее какими-нибудь другими мыслями и захватить тем место, и не допустить чрез то тех до восхождения на театр. Сие произведет то, что она и не хотя принуждена будет отстать и погрузиться опять в сон. И как сие средство всех прочих действительнее, то спешите им как можно и не упускайте удобного времени ни минуты; ибо каждая минута в сем случае дорога и неоцененна, равно как и в вещественных войнах великая важность состоит в ускорительном захватывании нужных проходов и дефилей³⁴, где неприятелю проходить, и в занятии выгодных и лучших мест; ибо известно, что самым тем не допускается неприятель иногда до атаки и нападения. Итак, берите прибежище к первой вещи, какая вам в скорости на ум попадется, и сильтесь как можно об ней живее думать. Вспомните какую-нибудь из своих нужд или домашних надобностей, а особливо нет ли у вас какой-нибудь предстоящей вам беды и опасности, и думайте о том сильнее. Напоминайте, не было ли с вами когда такого происшествия, которого напоминание в состоянии заставить вас самих себя стыдиться или раскаиваться. Думайте о том; одним словом, старайтесь всеми средствами возбудить в себе некоторую-нибудь из страстей, то есть либо гнев, либо печаль, либо боязнь, либо раскаяние; ибо как они воспаляются очень скоро и производят множество мыслей, то сии мысли, захватив место, не допустят войскам нашего злодея, то есть свойственным ему мыслям, занять оное и принудят его заснуть. Опасности же от самих их вы дальней иметь не можете, потому что действие сих страстей не долго продолжается, но пресекается скоро само собою, а вы, между тем, получите свободное время употребить другое что-нибудь и удалиться. Если все сие не поможет, то поступите далее. Возьмите прибежище к самим товарищам своих злодеев и старайтесь, по крайней мере, которого-нибудь из них, а особливо из слабейших, возбудить и довести до того, чтоб они с птичками своими те места захватили и не допустили на них сильного вашего злодея, напасть на вас готовящегося; ибо все равно, какие бы мысли не захватили театр или площадь душевную, только бы тех не допустить, то есть возбудите в себе силою произвола своего какую-нибудь иную страсть, но такую, с которою после вы легко сладить сможете, например, вспомните какую-нибудь свою привычку или любимое упражнение

и помышляйте о том как можно живее, и для лучшего в том и скорейшего успеха запасайте себя заблаговременно и, собираясь еще, например, идти или ехать в опасное место, такими лекарствами, то есть выдумывайте заранее, чем вам и какими мыслями захватывать тогда нужное место и не допускать страсть до нападения. А ежели хотите далее поступить, то, чтоб в суетах тогда иного не позабыть, начеркните двумя словами все нужное на бумажке или в записной своей книжке и справьтесь тогда, уклонившись куда-нибудь к уголку, с сею запискою и чрез то нужное напомните.

Вот разные средства, которыми без дальнего труда можете вы очень скоро и способно усыпить опять проснувшуюся или пробуждающуюся сильную и вам опасную страсть. Желал бы я, чтоб все сие не сочли вы, дорогой читатель, одною шуткою, каковую она снаружи быть кажется. Чего ради смело вас и, буде мне поверите, из собственного опыта могу уверить, что из сей мнимой шутки и игрушки выливается иногда весьма важное дело. Мне случалось не однажды отбояривать сим образом сильные и наглые страсти, и от них, к великому после удовольствию моему, как лисица иногда от неприятелей своих, хитростью отделяться, и мне удалось чрез то скорее иные страсти преодолеть и силу их низложить, нежели я сам мог думать и ожидать.

10.

Теперь упомянул я уже все, что касалось до политической войны с страстями нашими и осталось говорить о существительной, или о самых с ними сражениях. Но о сем речь моя будет уже короче, потому что я уже прежде говорил, что страсти наши должно стараться одолевать более политическою войною и без сражения, нежели кровопролитными сражениями; ибо нужно только сильнейшие из них помянутыми многоразличными средствами обессилить, а себя укрепить и вооружить, как большая часть из них сами от нас станут бегать и, зная нашу силу и храбрость, нас бояться и тотчас покажут тыл, как скоро мы им грудь свою и оружие покажем. Счастлив человек, кто себя до того довести может! Ибо в сем случае нечувствительно победит уже он на половину своих злодеев, и дело будет равно как на половину выиграно; ибо чем более станет

он помянутым образом усиливаться, тем более разум его и произвол получают власть и природное свое господствие, и человек тот приобретает то славное имя, что сам собою владеть и страсти свои победить может. Но как и во время продолжения самой оной политической войны, так и после нередко может, несмотря на все наши старания, доходить неизбежный случай до действительного с неприятелями нашими сражения, то теперь разберем, каким образом надобно нам драться.

Таковые сражения могут быть неодинаковы: иногда можем мы иметь дело с одною только страстью, иногда с несколькими вдруг. Разнота сия может происходить от разности случающихся поводов и случаев: иногда можем иметь дело с сильными, иногда с бесильными злодеями; иногда можем мы такие сражения предвидеть и взять предосторожность, а иногда нападают неприятели наши на нас врасплох и нечаянно. Все сие приносит уже с собою то последствие, чтоб нам, несмотря на все старания, вести с ними политическую войну, надлежит во всякое время быть в готовности к сражению и в довольном вооружении, а паче всего вперить в сердце свое неустрашимую храбрость и мужество, дабы в случае нечаянного и неизбежного нападения нам не ослабнуть и не сделаться негодными трусливцами и чрез то не подать повод к победе над собою; но приметив неизбежность сражения, не только великодушно против злодеев наших стать и, им храбрый отпор делая, всех их ударения отбивать но самим еще против их идти грудью и их атаковать и поражать своим оружием. Сие есть десятое обстоятельство войны нашей, из которого извлекается первоенадесять и очень важное правило следующего содержания:

11. Предприми твердое намерение противоборствовать своим страстям и будь всегда готов к великодушному и храброму отпору и сопротивлению ударениям оных, а особливо при случающихся неизбежных поводах и случаях к возбуждению оных.

Сие правило содержит в себе такое требование, которое хотя всякому можно исполнить, но не всякий на то согласится; ибо хотя сего от всякого истинный долг и прямая польза требует, и нет ничего полезнее и похвальнее сего предприятия, но, к сожалению, должен признаться, что ни в чем такого упущения мы не делаем, как

в сем случае. Мы привыкли уже так к слабости и малодушию, что боимся уже и одного вида своих неприятелей, и часто, увидев бездельного и совсем неважного из них, которому безо всего можно б было дать карачун, позабываем самих себя и отдаемся ему в полон и в неволю, равно так, как бы не имели мы никакого оружия и ни рук, ни ног к сопротивлению оным. Не постыдна ли по справедливости для нас таковая трусость? И не позор ли и не бесчестие ли для нас, что мы в сем случае уподобляемся хуже, нежели трусливым зайцам, которые, увидев неприятелей своих, стараются, по крайней мере, спастись бегством, а мы и того не делаем, но пешеем³⁵ и ослабеваем совсем при нападении от неприятелей, и ему без всякого сопротивления даем волю над собою тиранствовать, не смотря хотя б мы несравненно были сильнее, и нам очень малого бы труда стоило их преодолеть. Что сие справедливо, тому не требуется дальних доказательств. Кто из нас того не знает, что страсти нам вредны, и что дела, происходящие от них, худы и не хороши и нас доводят до пагубы? Не видим ли мы тому тысячи примеров? Не осуждаем ли мы их в других людях? Не вздыхаем ли сами, нося тяжкие их оковы? И не всякий ли сам в том признается, что нам необходимо их побеждать и себя из под ига и неволи их освобождать надобно, и что истинная наша и многообразная польза того требует? Но скажите ж, государи мои, для чего мы сего не делаем? Для чего остаемся при одних только жалобах? Для чего не вздумаем никогда вправду подумать об истинной пользе и об освобождении себя из-под их жестокого ига? Для чего уже так слишком малодушны, что боимся думать о том, а не только чтоб приступить к делу? Или в правду мы хуже старых баб и не можем устоять и выдержать самомалейшие их удары? Или не имеем мы никакого против их оружия? Или оно так заржавело, что нам его отчистить и из ножен вынуть не можно? Или с нас взята клятва и присяга, чтоб никогда не помышлять о сопротивлении против оных, но бессомненно верить, что нет уже никакой возможности освободить себя от сего ига и к побеждению сих злейших врагов наших? Или осуждены мы уже на век стенать в их неволе и носить на себе оковы их? — Ах, государи мои! Это все только их ложные уверения и хитрый обман, которыми они нас проводить стараются. Невозможность сию мы

более уже затвердили, нежели какова она в самом деле есть, и мы от природы далеко не таковы малодушны и немощны, но имеем врожденную в себе способность к храбрости и великодушию, которая только спит и не действует, и дело в том только состоит, чтоб их разбудить и захотеть сделаться героями и великодушно и смело пуститься на сей похвальный и нам прямо полезный подвиг. Героями и, что важнее, прямыми героями, можем мы в сем случае сделаться, естли только пожелаем, и чрез то получить бесчисленные выгоды и пользы; ибо ничто нам в сем случае не мешает: сердце наше от природы храбро, оружия мы имеем столько, сколько надобно, и можем мы его сами себе делать и доставать, и притом такое, против которого устоять неприятели наши не могут. Итак, зависит от единого нашего хотения и предприятия небольших трудов и твердого намерения. Но не стыдно ли истинно нам, что и такой безделицы или отваги, чтоб того прямо захотеть, мы иметь не можем? Не думаете ли вы в правду, что все неприятели наши непобедимы? Нет ничего несправедливее сего мнения. Коликое б множество их в сердцах наших ни обитало, но большая часть из них найдутся таких, которые против нас не устоят и единого храброго взора нашего устрашатся и спрячутся неведомо куда, как скоро приметят, что мы на них ополчимся, а и с самыми сильнейшими, хотя не таково скоро, но сладить всегда можем, буде токмо того похотим и не поскучим предприятием трудов, к тому потребных, и неоплошным³⁶ наблюдением нужных касающихся до того правил.

Знаю, что многие, несмотря на все сие, останутся при прежних своих мыслях и невозможность и трудность преодолевания страстей до последнего, так сказать, издыхания защищать станут. Но с таковыми нечего мне иного делать, как оставить их с покоем; потому что в рассуждении сих видно уже по всему, что они заклились на век быть рабами и невольниками своих бунтовщиков и позабыли, что они рождены сами ко владычеству над оными, и к подлой раболепности слишком привыкли и так себя унизили, что записались в число собственных своих злодеев, оруженосцев и защитников к бесчестию и поношению всего человеческого рода. С таковыми, говорю, мне нечего уже делать; они на смех поднимут, чтоб я и не вздумал о том им говорить, и далеко удалены от

того, чтоб принять что-нибудь в уважение. Чего ради оставляю сих господ с покоем, а обращаюсь к другим, не столь много еще самих себя позабывшим. В рассуждении сих желал бы я, чтоб они заключениями своими о невозможности и мнимой трудности при одолевании страстей своих не так скоро спешили, но пожаловали б отведали наперед сами собою то в практике, и тогда бы уже говорили; а то известно мне, что многие охотники в сем случае неведомо как Любомудрствовали, а сами никогда не отведывали практикою сию страшную трудность изведать и не отваживались на сей подвиг, а рассуждали о том по заочности. Я уверен, что они скоро переменят свои мысли и будут судить о том выгоднее, как скоро возбудят в себе героический дух и, храбро против их ополчившись, неустрашимое возьмут намерение при первом и удобном случае с ними сцепиться и изведать свою в сражении с ними силу. Коль желал бы я, чтоб многие сему совету последовали и предприняли б наконец отереть с очей своих мрак, дотоле их ослепляющий, и воспалить в сердцах своих огонь и рвение к такому похвальному подвигу, то есть положили б однажды, свергнув с себя оковы страстей, храбро к сопротивлению их ополчится. Верно бы они после тем сами были чрезвычайно довольны.

Ежели спросят меня теперь, в чем же бы собственно сие предприятие состояло, то скажу, что вся важность в том состоит, чтоб мы отважились к собственному себя преодолеванию и к великодушному презрению того увеселения, чем обыкновенно страсти нас прельщают и до всего худого доводят. Ибо я, исследывая причины помянутому и весьма обыкновенному нашему малодушию, другого не нахожу, что нас до требуемого предприятия наиболее не допускает опасение, что нам это будет трудно и скучно; что мы принуждены делать в сем случае себе великое и неприятное усилие и жертвовать приятным и все наши чувства пленяющим увеселением или забавою. И потому одно помышление о том в состоянии прогонять из нас к тому охоту. Но от того самого и происходит, что великодушное всего того презрение и мужественная отвага и на самого себя ополчение именуется и есть действительным и важным, а притом таким подвигом, которого требует от нас, во-первых, сам наш Создатель, во-вторых, наша истинная польза; потому что

самое сие составит уже великую добродетель, богоугодное и такое дело, которое втуне не пропадет, но нам принесет великие и в сей и в будущей жизни пользы. Что сей подвиг далеко не таков труден, каким его себе многие воображают, в том я уже упоминал выше. Правда, нельзя сказать, чтоб преодоление самих себя, то есть сражение с страстями, не сопряжено было с трудом и отягощением; но как сие неложно, так справедливо и то, что сия трудность бывает только в начале и в рассуждении сильных страстей только великовата, а чем далее, тем меньше; в рассуждении же не столь сильных и совсем сносна и уважения не достойна.

11.

Таким образом, положив однажды твердое намерение в случае нечаянного нападения от страстей с ними драться, должно то и в самом деле исполнять, и поступая по примеру храбрых воинов, сражаться с ними, так сказать, до последней капли крови, то есть употребляя все силы и возможности. Сие составляло одиннадцатое обстоятельство войны нашей, из которого проистекает второенадцатье правило следующего содержания:

12. При всяком неизбежном случае не поддавайся никогда страстям без сопротивления, но паче противоборствуй им мужественно и употребляй неослабно все твои силы и возможности к получению всякий раз над ними победы и споспешествуй к тому всеми удобовозможными средствами.

Легко можно усмотреть, что объяснение сего правила должно содержать в себе собственное руководство к сей брани, или точное наставление, каким образом нам с неприятелями своими наудобнее сражаться и что притом в особенности наблюдать надобно. Сие я и не премину теперь учинить, тем паче, что сражения с оными должны производимы быть с великим искусством и проворностью, буде хотеть, чтоб победа склонялась на нашу сторону, и мы ими скоро побеждены не были. Одним словом, нам надобно в сем случае подражать искусным полководцам, которые неприятелей своих стараются в самом сражении побеждать не столько силою, сколько хитростью и умением, и в том всегда лучший успех имеют, нежели те, которые дерутся просто и без затеев. Сие требую я более

для того, что мы имеем пред собою не столько храбрых, сколько хитрых и обманчивых неприятелей, могущих нас всякую минуту провести и обмануть, и от коих не можно нам иметь довольно осторожностей.

Итак, прежде всего замечу я то обстоятельство, что сей бой не всегда бывает равен; ибо из нападающих на нас неприятелей, как выше упомянуто, не все равно бывают сильны и многочисленны, но иногда нападет на нас какой-нибудь сильный бунтовщик один или при подкреплении своих товарищей, то есть других страстей, или мятежников; а иногда один или несколько слабых и не гораздо важных, так как и в подлинных войнах не всегда бывают большие баталии целыми армиями, но иногда небольшие стычки с малыми партиями и корпусами. Итак, о сих последних не для чего много говорить; ибо естли произвол наш по предследующему четвертому правилу хотя несколько подкреплён и увеличен будет, то с сими маленькими и бессильными неприятелями без дальних хлопот сделаться можно; ибо он их тотчас в состоянии будет одолеть, как скоро они покажутся. Чего ради лучше скорее приступить к делу и описать порядок большого и формального сражения с сильными неприятелями; ибо из того не трудно будет уже усмотреть, как поступать и с бессильными и слабыми.

Тут в подлинных баталиях разумный полководец старается, в первых, поспешить захвачением нужных и выгодных мест, дабы чрез то иметь над неприятелем лучшие выгоды. Сему примеру должно и нам подражать и всеми возможностями поспешить и захватить театр души какими-нибудь мыслями, равно как войсками, и чрез то не допустить страсть овладеть оным и наполнить своими войсками, то есть свойственными себе мыслями, и на нем укрепится, тем паче, что от содержания сего тесного места, на котором только и могут страсти с нами сражаться, зависит наиболее вся победа. Каким образом сие в действо произвести, о том не для чего мне говорить, потому что впереди говорил я о том обстоятельно; итак, присовокуплю только то, что захвачением сего места как возможно спешить и, несмотря на делаемую неприятелем диверсию и не жалея ничего, усиливаться надобно. Ибо когда удастся сие место заблаговременно захватить, то дело наполовину выиграно,

и часто в сем случае и сильный неприятель, ничего не сделав, принужден будет прочь отойти и нас оставить с покоем, а особливо когда мы, успев захватить себя на оном, немного поукрепим, приумножим свои войска, храбро первые ударения неприятелей и ядры оного выдержим и лезущие к нам в глаза на вал его войска, то есть теснящиеся в голову нам страстные мысли, от себя отобьем и оттолкаем, что и учинить нам не великого труда будет стоять; потому что мы находиться уже будем в выгодном пред ними месте, и равно как с горы их всех поражать и стремглав низвергать можем, по которой причине и атака неприятельская в сем случае не долго продолжается, но они, побившись, побившись — и по неволе прочь отойдут.

Естьли ж сего учинить по оплошности нашей или по какому-нибудь иному случаю не удастся, и мы допустим неприятеля прежде себя оное место захватить, тогда овладеть оным нам уже несравненно величайшего труда будет стоять; потому что мы принуждены будем силою его оттуда сгонять и, проливая кровь, то есть претерпевая некую неприятную трудность и отягощение, оное место у него отнимать, следовательно, необходимо с ним уже драться. Но и в сем случае несравненно выгоднее предпринимать сию атаку как можно скорее и, не теряя ни часа времени, сделать приступ, дабы, пользуясь еще его неустройством и не дав времени усилиться и укрепиться сикурскими, или помощными, войсками, можно было тем удобнее и, что важнее, без дальних хлопот с ним одним, то есть посредством только одного произвола, сладить и тем все дело кончить. В противном случае, ежели дадим время ему усилиться и возбудить другие страсти себе на вспоможение, тогда дело будет гораздо труднее и горячее. Легко можно заключить, что на первый сей приступ надобно нам идти, вооружив себя возможнейшею храбростью и отвагою: гнев, ярость и желание победы пылало б тогда из очей наших, и чего не достаёт нам в силах, то должно награждать храбростью. Существо сего первого приступа состоит в том, чтоб испытать, не можно ли нам возбуждшуюся и действующую в душе нашей страсть одолеть просто своим произволом, и не в состоянии ли мы себя переломить. «Прочь! — должно нам тогда к себе или к своим страстям, с сердцем говорить. — долой с места!

Мне оно надобно!.. не хочу... не слушаю ваших прелестей... не думайте меня победить» — и так далее. И в самое то время в самом деле надобно силится и выгонять из головы все ненадобные мысли. Естли приступ нам сей удастся, и неприятель не так еще усилится, чтоб учинить сего было нам не можно, то хорошо; когда же нас отобьют, то есть естли мы, будучи переломить себя не в силах, принуждены будем отойти, тогда не должно при том одном оставаться и от того приходить уже в робость; ибо, есть и другие средства, чем их оттуда согнать можно, а именно:

В сем случае, не упуская так же времени, надобно, с одной стороны, учинить на них равно как канонаду, или бомбардирование, бросая к ним самые те похищенные у самих их и напоенные ядом ядры, бомбы и карказы³⁷, о которых я выше в изъяснении осьмого правила говорил, о чем там справиться можно. К тому надобно присовокуплять и свои, кои им вредительны быть могут, о коих также в предследующих правилах было упоминаемо; для которой причины и надобно, чтоб все такие ядра, или низлагательные и противные страстям мысли, были в готовности и тотчас бы их вспомнить было можно. К сему прежде предлагаемая карманная книжка могла бы служить великим вспомоществованием; из ней, равно как из магазейна, можно бы было брать оные ядры, или противные мысли, и поражать ими своих злодеев. И как все сие произведет великую между ними расстройку и замешательство, то, пользуясь оным, надобно нам повторить приступ и не переставать их оными и канонадою до тех пор мучить, покуда они не одолеются и с места баталии, или той горы, сбиты не будут.

Но как между тем и они не поджав руки сидеть будут, но, имея таковые ж или еще действительнейшие и нам по прелести своей опаснейшие орудия и ядра, не преминут со своей стороны, нам равномерно ответствуя, стараться нас отогнать и низложить нашу силу, то следует само собою, что ни в котором случае не надобна так для нас бодрость и мужество для непоколебимого выдерживания всех их поражений, то есть великодушного презрения всех побудительных причин и прелестей, как в сем. Нам надобно мужаться и помнить, где мы и в каком деле находимся, и сколь много зависит от получения и потери победы, и для всего того позабыть на часок

свою негу и не уважать, трудно ли то терпеть будет или не трудно, но стоять храбро и неподвижно и помышлять только о поражении их с своей стороны. Однако чтоб они меньше нам вреда и беспокойства делали, то надобно отдеташировать³⁸ довольную партию для недопущения к ним привоза военных их снарядов, и стараться их отхватить, то есть иметь весьма примечательное о действии их око; и как скоро покажется в голове какая-нибудь новая им выгодная и нас прельщающая мысль, то оную в самом начале угнетать и прогонять взащей; чрез сие лишатся они своих снарядов и скорее нами побеждены быть могут.

Равным сему образом надобно примечательное око иметь и о том, чтоб не пришел к неприятелям нашим сикурс, то есть чтоб не возбудилась иная какая согласная с ними страсть им на подмогу. Всем таким посторонним вспоможениям надо делать преграду и не допускать их, как можно, всходить на театр и соединяться с атакованным неприятелем. Сие недопущение состоит в таком же заблаговременном отгонянии от себя первых мыслей, в голове у нас о том появляющихся; ибо когда в начале не захватится, то соединятся они тотчас с неприятелем, и мы с тем и с ним принуждены будем драться. Каким образом сие учинить, о том говорено было довольно выше.

Наконец, естли все сие не поможет, и неприятель столь силен или, например, полученным сикурсом так подкрепился, что нам не будет способа одним собственною своею силою и оными орудиями его одолеть, тогда, или еще с самого начала, должно брать к последнему и наидействительнейшему средству прибежище, а именно, к скорейшему призыванию какого-нибудь из тех сильных помощников и союзников на помощь, о заготовлении которых упоминал я прежде в изъяснении шестого правила, то есть возбудить как можно скорее находящуюся в себе какую-нибудь хорошую, но сильную склонность, или стремительство, и заставить ее действовать и тем равно как принудить сражаться с неприятелем. Каким образом сие учинить, о том говорено прежде, и так нет нужды повторять, а скажу только, что ежели сей союзник сильнее неприятеля и прямо разбужен будет, то дело скоро кончится; ибо, одно пришествие его обратит уже неприятеля в бегство и принудит очистить

место баталии, а особливо если случится выставлен быть против его природный его соперник, которого как я выше упомянул, он ни коим образом терпеть не может. Если ж не гораздо еще силен, то должны мы при помощи его учинить опять новый приступ или, того лучше, возбудить и призвать какого-нибудь другого и третьего, и к силе их приумножить свою собственную; тогда не можно уже будет никоим образом устоять нашему злодею, он принужден будет бежать и оставить нам победу и место баталии, где можем мы тогда кричать «ура!» и с торжественным триумфом возвратиться в свое отечество, то есть к своим обыкновенным делам и упражнениям.

12.

Вот порядок которым должно нам с сильными страстями драться. Из сего означилось само собою, сколь многих хлопот избавимся мы, если в самом начале, не упустив времени, захватим театр души иными мыслями и не допустим неприятеля оным овладеть и усилиться. Но как самое сие скорее всего упущено быть может, да и во время сражения по различию обстоятельств не всякий может иметь довольно терпения и храбрости и неустрашимости, и легко могут сделаны быть разные упущения и погрешности, также и неприятель наш случится иногда слишком пред нами силен и непреодолим, то натурально не можно тому быть, чтоб все такие сражения оканчивались для нас благополучно и мы одерживали бы всегда над страстями нашими победу, но часто будет случаться, что и они, несмотря на все наше сопротивление, нас одолевают, то есть доводить станут до исполнения какого-нибудь по стремительству своему худого и негодного дела. Сие послужит нам хотя великим пред осуждением, однако нам не должно от того приходить в отчаяние и давать себя тому так устрашить, чтоб мы не осмелились уже вперед с ними драться, но нам надобно, напротив того, победою тою надеяться впредь быть осторожнее, а претерпенному стыду надобно возбудить нас впредь к отмщению им сей обиды и к храбрейшему с ними сражению. Из сего проистекает третьенадесять и весьма важное правило следующего содержания:

13. Худыми первыми успехами при одолевании страстей не приводи себя в отчаяние и не ослабевай духом, но паче тем более по-

буждайся к храбрейшему впредь сопротивлению оным и учись из того искуснейшим образом одолевать их.

В объяснение сего важного правила должен я сказать, каким образом надобно нам таковые от страстей наших бывающие поражения обращать себе в пользу и тем вред, могущий нам от того воспоследовать, уничтожать; ибо если останемся мы при том одном, что нас победили, и далее не будем о том помышлять, то победители наши не преминут победою своею воспользоваться и наделать нам множество вреда. Сие-то самое надобно нам стараться отворотить и тем подражать разумным полководцам, которые как, с одной стороны, сколько стараются побеждать, столько ж или более победами своими пользоваться, так, с другой, если по несчастью побеждены будут, по крайней мере, пекутся о том, как бы воспрепятствовать тому, чтоб победители их не могли от полученной победы иметь дальней пользы и выгоды, а доводить до того, чтоб она не им, а самим нам больше пользовала. Какие пользы от того проистекают, и сколь похвально такое предприятие, то всему свету довольно известно. Кто не знает, что от самого того тысячи кровопролитных сражений и полученных побед остались тщетны и не принесли победителям никакой пользы, кроме только того, что уменьшили собственные их войска несколькими тысячами народа? И кому неизвестно, коль многие победители, научив драться побежденных, сами потом принуждены были терпеть от них зло и, будучи учителями, от учеников своих победы? Не в недавние ли времена видели мы тому примеры? А как вещественная война во многих обстоятельствах подобна духовной, о которой теперь мы рассуждаем, так и сие обстоятельство оной войны весьма удобно сравнено быть может с таким же обстоятельством духовной. Я, рассматривая дальнейшие оной происшествия, нахожу все тоже самое; почему без дальнего труда могу извлечь нужные к тому правила, каким образом должно поступать, если случится, например, какой-нибудь страстью нам побежденными быть.

Итак, когда случится такая неудача, то советовал бы я поступать следующим образом:

Во-первых, по претерпении победы войти в самих себя и устыдиться своей слабости и малодушия. Сей стыд стараться всеми об-

разами умножать и увеличивать изыскиванием всяких слов, могущих привести нас к устыжению; для того, что самое сие будет нам побуждением впредь к исправлению своей погрешности и к отмщению своей обиды храбрейшим подвигом. Извинять же себя отнюдь и ни под каким видом и ничем не надобно, для того что сие произведет худые действия и нас впредь сделает еще слабейшими. Чего ради надобно в сем случае над собою быть весьма строгим судиею.

Во-вторых, надобно возбудить в себе гнев и досаду на своего неприятеля, дабы чрез то поострить себя к лучшему и храбрейшему впредь с ним сражению. Гнев в сем случае будет не только невинен, но и хвалы достоин. И это один только случай, где мы его с пользою употреблять можем. «Добро, быть тому так, — надобно нам о своем неприятеле говорить. — Теперь удалось тебе меня победить, но впредь уже я не так с тобою поступлю. — Уже не дам себя провести и обмануть, и посмотрим, кто у нас кого переможет, ты ли или я». И так далее.

В-третьих, припомнить все бывшие при сражении обстоятельства и наитончайшим образом примечать и рассматривать, что подало ему более повод к победе над нами, чем в особенности неприятель нас более прельщал и чем наисильнее действовал, которое оружие его, или прельщение, было для нас язвительнее и жесточе, то есть мысль ли какая, предмет ли какой, слова ли какие или иное действие которого-нибудь чувства? Или что наиболее как ко всему тому несчастному сражению, так и к поражению нашему случай подало, и какие иные страсти той, с которой мы сражались, вспомоществовали? Чрез таковые и подобные тому рассматривания легко можем мы усмотреть и узнать хитрость нашего неприятеля и порядок, который употреблять на сражениях имеет он обыкновение. Что таковые рассматривания не иначе, как крайне полезны быть могут, о том не для чего мне сказывать; ибо кто не может сам заключить, что, приметив, что такое нас наиболее убедило то дурное дело сделать и дать себя победить, впредь того наиболее можем уже остерегаться?

В-четвертых, равномерным или еще точнейшим и беспристрастнейшим образом надобно, напоминая все происходившее,

рассматривать и все собственные свои поступки и поведения и стараться усмотреть все сделанные нами при том упущения и погрешности, а именно: все ли нужные и выше сего упомянутые предосторожности мы употребили, таким ли порядком дрались, как надобно, не сделали ли какого проступка и не упустили ль чего нужного из оплошности и нерачения, не споспешествовали ль сами и чем именно к получению неприятелем над нами победы, недостаток ли нашей храбрости или оскудение в снарядах, или не призвание помощников к себе на вспоможение подало более к тому повод, и что именно худого при том мы сделали и в чем проступились?

Одним словом, нам надобно все свои дела наистрожайшим образом рассматривать и, открыв свои погрешности, оные заметив, затвердить в памяти и положить впредь иметь лучшую осторожность и употребить то, что теперь упущено было, например, ежели недостаток был в храбрости, то положить впредь драться мужественнее; ежели упущено время, то положить быть поспешнее и не дать неприятелю себя уже обмануть и захватить прежде себя место; ежели канонада худо действовала, то снабдить себя лучшими орудиями, то есть запастись лучшими низлагательными и побудительными мыслями; естли непризвание никакого помощника, то положить впредь неотменно и заблаговременно призвать; ежели оной худо действовал и мало помог, так стало, что он еще мал либо худо нами возбужден был; в таком случае, положить впредь его более увеличить и возбуждать живее и лучше по предписанным правилам и так далее.

Естли ж окажется, что никаких дальних погрешностей делано не было, но за недостатком сил не можно было над тем неприятелем усилиться, то сие докажет, что он еще слишком силен; а из того последует само собою, что с таким неприятелем впредь надобно обходиться гораздо осторожнее и более остерегаться, чтоб ему чьнибудь не подать поводу к приближению. Напротив того, к продолжению его сна изыскивать все способы, а между тем, продолжать усильнее низлагать его политическим образом по тем правилам, какие сообщил я прежде, а особливо вымышлять как можно более низлагательных и таких мыслей, которые ему противны. От сраже-

ния ж возможнейшим образом удаляться и без самой необходимости в оное не входить. Когда ж велит необходимость, тогда усерднее уже место у него сначала захватить стараться и прогонять самые его передовые войска; а и в схватке не жалеть уже своей силы, но драться до последней возможности.

Вот чрез что мы можем уничтожить все могущие проистечь нам от победы над нами предосуждения, а неприятелям выгоды, но сие вкупе сделает нас нечувствительно способнейшими впредь к сражению и к побеждению наших неприятелей; а вторая схватка и докажет в самом деле всю могущую проистечь от того выгоду. Ибо как и одним хотя неудачным для нас сражением у неприятеля много пособьется спеси и он далеко уже не так силен будет во второй раз, то хотя бы мы и столько стали драться, как прежде, так уже легче победу получить можем. Ежели же получше осторожность во всем возьмем и проворнее поступим, то и гораздо способнее уже победить можем. В третий же раз победить нам его уже и гораздо легче будет, а в четвертый и того легче, так как я уже прежде сие говорил.

Сим образом, мало-помалу сражаясь и одолевая наши главные и сильнейшие страсти, можем мы, наконец, все или, по крайней мере, большую часть из них так низложить, что они нам далеко не будут уже столь вредительны. Когда же до того доведем, так не трудно уже будет и все их себе поработить и подвергнуть своему игу и повелительству и сделаться над самими собою господами. Тогда можно сказать, что мы возвратим законный престол нашему разуму и произволу, и блажен человек, кто до того себя довести может! Ибо такое состояние уже так близко от истинного благополучия, что может высокою степенью оного почестся, и человеку тому нужно только самому уметь им пользоваться и, вошедши в храм оного, оным наслаждаться.

Вот описание душевной нашей войны и изъяснения касающихся до оной обстоятельств, или те способы к непосредственному одолеванию страстей, которые мы со своей стороны при исправлении нашем употреблять должны и можем. Можно бы мне еще гораздо больше о сем пункте говорить, но я знаю, что и так уже наскучил вам, дорогой читатель, своим пространством. Теперь время мне при-

близиться к окончанию сего против чаяния моего увеличившегося рассуждения и попросить вас, чтоб вы мне сие отпустили. Усердие к пользе моих сочеловеков и любовь к ближнему меня завела в оное; она внушила б мне и того больше, естли б не вспомнилось мне теперь, что сие сочинение совсем не на тот конец, а на другой назначено, и что о сем говорю я только вскользь и мимоходом.

Итак, надобно мне поспешить к главному моему предмету и говорить о средствах к снисканию благополучия. Однако чтоб от поспешности не сделать сего рассуждения без окончания и чрез то несовершенным, то необходимость велит мне еще слова два или три вам сказать.

Окончание мое состоит в том, что мне хочется теперь вас, любезный читатель, спросить, какого бы вы об описанной мною духовной войне и о предложенных мною способах к исправлению нашего мнения были?.. Охотно бы хотел я от вас сие слышать. Но как сие, может быть, вам учинить не можно, то отвещаю, не отгадаю ли я ваших мыслей.

Мне кажется, что вы, прочитав сие, скажете: «Да! Нагорожено и напутано довольно; есть много натурального и похожего на правду, а много и такого, о чем Бог знает, как судить. Правда, с мыслей и вр... пошлости не берут, а умствовать никому не запрещено. Итак, говорить и растабарывать³⁹ все можно, но дело ли или не дело, что до того нужды... Да пускай (скажете, может быть, вы далее) и сие бы было дело, и ничего бы пустого в том не находилось, но естли не только сама, но хотя один вид возможности, чтоб человеку все такие затеи и вздоры в действо в самом деле производить и все предписанные правила в точности наблюдать было можно? Чего это будет стоить, естли во все такие мелочи, какие описаны, весь свой век углубляться и все то исполнять, что прочесть иному на неделю будет? Нет, государь мой (окончите вы), не можно сему быть, и из тысячи не найдется один, кто б таким героем похотел делаться, каковым вы всякому советуete. И вы не пользуете, а только то сделали, что многие, одним чтением наскучив, сей войны испугаются и бегать как от огня станут».

Вот что я о ваших мыслях думаю. Теперь не знаю, угадал ли я или не угадал, и выгоднее ли или еще хуже вы о труде моем су-

дить будете. Но как бы то ни было, но в том и несомнителен, что вам многочисленность предписанных правил, а того более, сопряженные с наблюдением оных бесчисленные хлопоты, также многообразность обстоятельств сей войны верно не полюбятся, и вы, может быть, хотели б, чтоб средства к исправлению нашему не таковы были трудны и не с столь многими хлопотами сопряжены. Но что, государь мой, делать, когда не в состоянии нахожусь в угождение вам переменить состояние натуры и исправить повреждение в душе нашей, дабы чрез то облегчить вам средства к исправлению. Не от меня уже душа наша такова, какова есть, и не я тому виноват, что столь много хлопот требуется, естли мы хотим одни и сами собою себя исправить. Моя вина в том разве состоит, что я говорил истинную правду и не хотел в важнейшей для человека вещи схватить по примеру прочих одни только верхушки, но для пользы оных, не взирая, угодно ли им то или не угодно будет, изъяснить им все в такой подробности, сколько мне было можно, дабы чрез то объяснить им и доказать следующие вещи:

Во-первых, что исправлять себя и страсти преодолевать для человека есть действительная возможность и что исправление зависит от собственного его хотения, усердия и прилежности.

Во-вторых, какой путь и какие способы покажет нам к тому собственно наш разум, то есть каким образом должно оно начинаться и производимо быть с нашей стороны.

В-третьих, со сколь многими хлопотами сопряжено сие исправление, то есть сколь многие требуются к тому особенности и такие вещи, о которых множайшие люди всего меньше знаю и помышляют.

В-четвертых, что от самого того и проистекает, что большая часть людей живут весь свой век в порабощении у страстей и никогда не помышляют освободиться из-под их ига, и что и сотая из них часть о том надлежащим образом не старается, а другие, хотя и стараются, но не имеют в том вожделенного успеха.

В-пятых, что сие последнее происходит более от того, что они, несмотря на все свое усердие, принимаются за сие дело и производят оное не так, как надобно, и воюют с хитрыми своими неприятелями, то есть с страстями, попросту без затей и стараются только

одолеть их своею силою, но от того во весь свой век с ними сладить и их преодолеть не могут. Но чему иначе и быть не можно, потому что силы наши одни далеко к тому недостаточны, чтоб могли устоять против жестокости и наглости страстей наших, которые не столько силою, сколько хитростью, умением и искусством одолеваемы быть могут.

В-шестых, наконец, что несмотря на все знание потребных к тому способов, одних сил наших никогда не достанет к наблюдению всех предписанных правил и к совершенному преодолению всех страстей наших; ибо как по несчастью страсти наши многочисленны и слишком в нас усилились, а притом многие из них так сокровенны, что мы их никоим образом усмотреть и коварство их проникнуть не можем, и чрез то злейших своих неприятелей не иначе, как вернейшими друзьями почитаем, то сии станут во всякое время нам мешать и стараться как не допустить нас до помянутого полезного подвига, так, хотя бы мы и предприняли оный, предполагать нам всякий час тайные препоны и разрушать наилучшие наши намерения, также не допускать до наблюдения всех нужных к тому правил и до достижения до намеренного конца. Почему сколько б мы ни трудились, но на все свои труды несмотря, невеликие выгоды получим над своими злодеями; ибо они по хитрости своей не упустят во всякое время стараться не допустить до того, чтоб мы полученными над ними победами могли много пользоваться и, претерпя с одной стороны вред, не преминут тотчас опять наградить тайным вооружением других и нами позабытых страстей, и чрез помощь их опять овладеть нами. Из чего проистекает то досадное следствие, что корень сих врагов неистребим, и нам не можно иметь довольно от них предосторожностей не только во всякое, но и в самое то время, когда нам по счастью удастся овладеть уже самими собою и взять верх над всеми страстями. Одним словом, нам, и победа оных, еще больше надобно иметь попечения, чтоб сохранить плоды, приобретенные толь многими трудами. В противном случае, в один миг и прежде, нежели мы думаем, может опровержено быть все наше владычество и мы низринуты опять в неволю и рабство, так как я о том уже прежде упомянул.

Вот что намерен был я изобразить в сем пространном моим изъяснением способов к исправлению, и в том, собственно, а не в ином чем состоит вся вина моя, естли то виною почесть можно.

Теперь приближаясь к окончанию, скажу, что когда находимся мы в таких обстоятельствах; когда страсти наши слишком многочисленны и хитры; когда одних собственных сил наших недостаточно к совершенному одолению оных; когда сие одолевание сопряжено с столь многими затруднениями и хлопотами и когда во всем том не можно ожидать и надеяться хорошего успеха, а исправление необходимо нужно и надобно, то не следует ли из того само собою, что нам необходимо надобно помышлять о каком-нибудь себе вспоможении, посредством которого можно б нам было как страсти свои и скорее одолевать, так и после от них быть в безопаснейшем состоянии.

Естли спросите теперь меня, где ж нам такое вспоможение взять и есть ли способ оное получить, то скажу, что конечно есть, и есть где не только взять, но никому оно не возбранено. Я не сомневаюсь, что вы уже догадываетесь, к чему привожу я речь и о каком вспоможении говорить хочу. Так, государь мой, вы не погрешаете в мыслях, естли думаете, что я хочу говорить о вспоможении Божеском. Об нем точно я теперь вскользь упомянуть хочу и тем окончить сие мое рассуждение.

Сие неоцененное вспоможение Божеское есть то, посредством которого мы все помянутые затруднения себе несказанно облегчить и страсти свои одолевать несравненно скорее и легче можем. Оно только в состоянии возратить нам наше господствие и сделать нас победителями страстей и скорее, нежели мы думать можем, а сверх того, и после быть подпорою нашему владычеству. Тысячи хлопот избавимся мы, как скоро к нему возьмем свое прибежище, и далеко не будем иметь нужды толь во многих сражениях, естли им вооружимся. Оно неприятелем нашим так страшно, что они и одного вида его бояться. Одна мысль о Боге в состоянии прогнать целую толпу негодных, или войск неприятельских, как скоро она заблаговременно употребится и прямо оживлена будет; и самый сильный злодей принужден стремглав бежать со своею армией от малого количества воинов, когда увидит их, облаченных в броню Божию.

Сама практика нам сие, а вкупе и то доказывает, сколь сильно, чудесно неоцененно и действительно вспоможение Всевышнего; а из того и проистекает четвертонадесять и последнее, но всех прочих важнейшее правило следующего содержания:

14. Как при начале своего исправления, так и во время оного, а особливо при самом одолевании страстей, призывай всегда на помощь себе Творца своего и Бога и бесспорно верь, что Он тебе поможет.

Правило сие как ни удобопонятно, однако требует необходимого объяснения. Я сказал уже, что оно всех прочих важнее, а теперь, то же повторив, скажу, что без сего все прочие будут недействительны, чему и причину изъяснил я уже выше. Итак, буде вам, дорогой читатель, мило ваше истинное благополучие; буде не хотите вы лишиться блаженства, предуготовленного в будущей жизни, а и в нынешней наслаждаться пред вкушением оного, и буде для самого того пожелаете приступить прямо к своему исправлению и похвальное намерение и отвагу примете вооружиться против страстей и освободить себя, наконец, из-под ига и рабства оных и, сбросив оковы, сложить с себя поносное имя их раба и невольника, то не предпринимайте сего дела, не призвав Бога и Творца своего себе в помощь, не отриньте в сем случае вам истинной пользы желającego и правду говорящего человека, а того важнее повеления и приглашения к тому вас самого оного вас любящего и всегда защищать и помогать с радостью вам хотящего и помочь всего лучше могущего Бога, не отвращайте своего слуха от сих слов, может быть, не по вкусу вашему писанных, не ставьте то себе в бесчестие, чтоб читать и говорить о сем Высочайшем Существо, и не думайте вправду тем себя опозорить, остыдить и обесчестить, что вы об Нем помнить, говорить и помышлять будете. Стыд ли то и бесчестие, что помышлять и усердствовать к тому, кто нас создал и от которого самое дыхание зависит, и у коего в беспредельной власти все наше злополучие и благополучие? Знаю, что времена наши уже таковы, что ничем уже так себя опозорить не можно, как сим; но, государь мой, я спрошу только вас, естли б вошла такая мода, чтоб люди стали для угождения свету бегать в реку и топиться или себе глаза выкалывать, сочли бы вы себя обязанными подражать тому и стали

бы вы тоже и только для того делать, чтоб вам люди не смеялись? Естли нет, и естли смех их в сем случае был бы неважен, так не уважайте же его и в давешнем случае. — Естли прямо рассудить, то господствующая ныне мода для угождения свету погублять себя невозвратно и с телом и душою гораздо еще хуже обеих прежде-помянутых. Не правду ли я говорю, и не признаетесь ли вы в том сами? Подумайте только беспристрастно. Естли так, то рассудите, что важнее? Ничтожный ли глупый смех безрассудных, самих себя позабывших и ничем вам помочь не могущих людей или собственная ваша и истинная польза, а того важнее похвала от самого того, который владеет миром? И стоит ли того, чтоб в угодность тем позабыть совсем сего и не сметь об нем промолвить слова и подумать? — Ах, государь мой! Исключите себя из числа людей, сему подобных, и выслушайте без презрения то, что я теперь о вспоможении Его говорить буду.

Божеское вспоможение при исправлении нашем так нам нужно и необходимо надобно, что я довольно того изобразить не могу. Но чтоб вам можно было оным пользоваться, то надобно мне хотя вскользь вам рассказать, в чем оно, собственно, и наиболее состоит и что с нашей стороны к тому требуется.

Итак, ведайте, что делаемое нам от Бога вспоможение есть многоразличное, и Всевышний по бесконечной премудрости, власти и человеколюбию своему помогает нам исправлять себя разными и сколько нам известными, столько и неизвестными образами. Вообще ж можно разделить Его вспоможение на посредственное и непосредственное. Первое, то есть посредственное, делает Он нам и по нашей и без нашей просьбы; и сие составляет примечание достойное Его о пользе человеков попечение и самое то, что мы говорим, что Он старается нас возводить на истинный путь. Второе ж и непосредственное ниспосылает Он нам наиболее по нашей только просьбе и под условием последования Христианскому закону. Но чтоб вы могли лучше усмотреть, то надобно мне об обоих сих родах вспоможения несколько слов в особенности вам сказать.

Итак, что касается до посредственного вспоможения Божеского, то оно состоит в следующем:

Во-первых, старается Он нам помогать в исправлении нашем, преподавая нам непостижимыми своими путями и распоряжениями обстоятельств всякие и совсем неожиданные поводы и случаи к слушанию и чтению таких книг и материй, так же к таким разговорам, которые нас могут приводить в чувство и в самих себя и побудить к предприятію самих себя исправить.

Во-вторых, старается Он нам разными образами преподавать случаи к производству добродетелей и Ему угодных дел и чрез то к возбуждению и увеличиванию хороших наших склонностей, что, как из прежде упомянутого мною видно, необходимо к исправлению нашему надобно.

В-третьих, при случающихся нам случаях к производству худых и противных Ему дел возбуждает иногда нашу совесть и посредством оной напоминает нам, что это худо и не надобно, и тем побуждает к преодолению оных, и чтоб мы остереглись и того не делали. Разные случающиеся нам от других людей увещевания и советы можно причислить к таким же тайным Божеским и неисповедимым о нас попечениям.

В-четвертых, и всего обыкновеннее, старается Он побудить нас к собственному самих себя исправлению разными отчасти ожидаемыми, отчасти неожиданными счастливыми для нас случаями и ниспосланиями нам в сей жизни разных благополучий и так называемого счастья, как, например, неожиданными прибытками, честью, избавлением от опасностей и прочим тому подобным. Ибо как всякое добро единственно Его даянием почестъ можно, то хочет он, чтоб мы, сие помня, к истинной к Нему и не в одних словах состоящей и такой благодарности прилежали, о которой сердце ничего не знает, и чтоб чувствовали мы то в своем сердце и старались Ему ничем иным возблагодарить, как лучшим исполнением Его воли, с чем необходимо уже сопряжено самих себя исправление. Но чтоб лучше можно было нам сие в действо произвести, то сделал Он и тому особое предуготовление, состоящее в том, что в самое время, когда случаются такие счастливые и радостные случаи, возбуждаются сами собою все наши хорошие склонности и приходят на короткое время в природную свою и надобную величину, так что разуму и произволу нашему стоит тогда только похотеть вступить

на свой престол и они б могли свободнее занять и удержать оный, естли б только мы похотели и не упустили бы сего удобного случая; а напротив того, сами опять, тотчас выложив все из головы, оные хорошие склонности в себе не угнетали и, не принудив их заснуть, в прежнее рабство страстям не поддавались, а иногда вместо благодарности к Богу еще худшими и пред прежними злейшими ему послушниками не делались; но чему уже не Он, а мы сами виноваты, и за то едва ли не будем ответственать.

В-пятых, наконец, тех, в рассуждении которых добро не успева-ет, старается Он доводить до того же конца иными уже и нам неприятнейшими средствами, а именно, попусшением разных несчастий, бед, напастей и болезней. В сем случае сделано также предуготовление, состоящее в том, что сама натура наша так устроена, что всякая почти печаль низлагает на время всю величину наших пристрастий, приводит нас в чувство и в самих себя и делает нас на несколько времени способными к начинанию с хорошим успехом. Великое дело нашего исправления! Но как о сем я впереди в последствии сей книги подробнее говорить буду, то теперь говорить о том оставляю.

Сии суть наиизвестнейшие и обыкновеннейшие роды Божеского к исправлению нашему поспешествования. Но и кроме того есть бесчисленные способы, которыми любящее нас Высочайшее Существо из сожаления и милосердия своего о нашем заблуждении неисповедимыми своими судьбами нам тайно помогать и нас на путь истинный возводить и без просьбы нашей старается.

Что ж касается до второго рода, или до непосредственного вспоможения, делаемого нам Богом, то оно состоит в том, что Он тайным, невидимым и для нас неприметным образом подкрепляет наш произвол при одолевании наших страстей и чрез то делает нас способнейшими к побеждению оных. Каким образом сие Он производит, до того мы разумом дойти не можем, но довольно, что Он сие делает, и мы о вспоможении Его не можем сомневаться, когда причину имеем иногда сами себе дивиться и не понимать, каким образом при призвании Его на помощь в состоянии мы бываем так скоро и удачно иные страсти победить, которые прежде одолеть не было никакого способа и возможности; и не можем инако, как при-

писывать то всемогущему Его вспоможению. Священное писание и учение Христианского закона открывает нам нечто о сем более; но о том говорить не принадлежит до моей должности, а довольно, когда скажу, что сие вспоможение предполагает не только уже нашу о том просьбу, но и последование Христианскому закону.

Из всего вышеописанного означается уже само собою, что Бог, хотя исправлению нашему со своей стороны и много спешествует, да и действительно помогает, однако не делает нам притом ни малейшего насилия, но все свое вспоможение распоряжает так, чтоб произвол наш остался при полном своем действии и чтоб польза, могущая произойти от Его вспоможения, зависела от нас и от употребления нашего произвола, то есть похотим ли мы или не похотим принять и пользоваться оным, как, например, в рассуждении первых: похотим ли мы преподаваемые нам случаи к слышанию или чтению приводящих нас в чувство материй употребить в пользу или мимо ушей пустим? Не упустим ли встречающихся с нами случаев к добродетельным делам втуне и исполним ли притом то, что Богу надобно, или уничтожим Его желание пропущением оных? А в случаях к исполнению худых дел уважим ли напоминания нашей совести или в ничто сие поставим? Также при ниспосылаемых нам от Бога всяких благополучных случаях, равно как при случающихся несчастьях, сделаем ли то, что надобно, и примем ли оные за благо, и употребим ли их в пользу, а не во вред? Когда учиним мы в сих случаях то, что надобно, и не пропустим сих посредственных Божеских к исправлению нашему спешествований тщетно, то Ему сие будет мило и приятно, и Он не преминет нам далее помогать как преподаванием впредь таких же, но удобнейших и нам приятнейших случаев, так и непосредственным вспоможением, естли мы о том Его надлежащим образом просить будем, а сверх того нас за то еще и наградить. Когда же мы того не учиним, то натурально не можем уже тем пользоваться, но сие послужит в вящее потом нам обвинение и произведет то, что мы не можем никоим образом оправдаться; ибо в сем случае скажут нам, что мы и имели вожденный случай, поводы и все возможности, но не хотели того и единственно для своенравия своего делать. Насильно же Богу нас исправить и к добру принудить без особли-

вых и важных причин никак не можно; потому что в сем случае не можно бы было уже нас за то ему наградить; ибо добрые наши дела были б уже принужденные и не от нас происходящие. Но когда и в рассуждении посредственного поспешествования требует Он неотменно нашего хотения и действия произвола, то кольми паче не может Он учинить непосредственного вспоможения, естли мы сами о том стараться и оного искать не станем. К сему требуется двоякое уже употребление нашего произвола: во-первых, чтоб мы Его о том просили и молили; во-вторых, чтоб мы сами учинили не только начало, но и после по мере сил своих со своей стороны делали тому поспешествование и не на одного Его в сем случае надеялись, но трудились бы и сами неоплошно, а довольствовались бы только тем, что Он труды наши благословит и силы наши невидимым вспоможением так подкреплять будет, что мы с сею сильною помощию скорее и легче страсти свои победить и хорошие склонности в себе возбудить и увеличить можем, и к тому далеко столь много трудов предпринимать не будем иметь нужды, какие бы в противном случае были надобны.

Вот все, что надобно знать об обстоятельствах, сопряженных с сим Божеским вспоможением. В сходствие чего, буде хотите себе пользы, то исполняйте всегда, любезный читатель, помянутые весьма важные условия, то есть примите прямое и усердное прибежище к своему Создателю и Богу, просите Его, чтоб Он вас научил и помог сам вам самих себя исправить и победить господствующие в вас страсти, и употребил бы к тому такие средства, какие угодны будут Его святой воле; признавайтесь в своей слабости и ожидайте от Него единого себе вспоможения. Таковая ваша молитва и ожидание не останется никогда втуне и не пропадет тщетно. Таковые просьбы Ему приятнее всех прочих; Он никогда их не позабудет, но напомним и не преминет исполнить оные, естли вы сами опять вспоможение Его от себя не отринете и не уничтожите, то есть естли вы при одной сей просьбе останетесь и сами к делу приступить и начало учинить не похотите.

Итак, для самого вашего благополучия не упускайте никаких случаев ни к чтению, ни к слушанию, ни к разговорам о нравоучительных, важных и таких материях, которые вас в чувство при-

вести могут. Ловите сии минуты и, сочтя их ниспосланными от Бога и первыми начатками Его вспоможения, примите их с благодарностью и употребите в пользу, то есть не забывайте их скоро, но принудьте себя к дальнейшему об них и о собственном своем состоянии беспристрастному размышлению. Сим сделаете вы уже исправлению своему начало и на блаженный путь вступите ногою. Помогаящему Богу будет сие чрезвычайно приятно, а еслили хотите Ему еще более сделать удовольствия, то, призвав его в помощь, отдайте, не можно ли вам в самое то удобное время приступить к помянутому прежде мною твердому и великому предприятию — к сопротивлению впредь всем страстям своим, или к объявлению войны им, и начать по предписанным правилам некоторые к тому приготовления. Всякая минута, препровожденная в таких упражнениях, будет Ему приносить новое удовольствие, а вам готовить новую пользу и выгоду.

Случится же вам когда нечаянный и удобный случай к производству какой-нибудь добродетели или оказия к соделанию какого-нибудь хорошего и угодного Богу дела, например, к вспоможению бедному человеку в нужде, к прощению кому-нибудь сделанной вам обиды и озлобления и к прочему тому подобному, то о коль приятно будет Богу, еслили вы и сего не пропустите, но напомним, что и этот случай ниспослан вам от Бога, и оной с благодарением приняв и попросив Его, чтоб Он помог сие хорошее дело сделать великодушно, на сей приятный Ему подвиг отважитесь и, угнетя отвращающую вас от того тайную страсть, себя принудите и то дело исполните! Всевидящий и в самое то время присутствующий и вас видящий и на все происшествие зрящий ваш Создатель крайне будет тем доволен и не преминет вам пособить и привести то приятное Ему и вами начатое дело к окончанию, и в начальное награждение за то того же часа напоить душу вашу чистейшим увеселением, а для награждения впредь достойным образом и более, нежели вы думаете, запишется сие ваше дело в животную книгу и никогда не забудется. Но хотя б и сего не было, так не великая ли и не приятная ли для вас и та будет выгода, что вы удостоитесь сделать чрез то приятное дело Тому, который над телом вашим и душою и над всем миром совершенный властитель? Одно сие может вас неведомо как пре-

клонять к хорошему и укреплять вашу силу. Отведайте только сие, вы сами то узнаете из собственного опыта. А таким производством хорошего дела сделаете вы уже прекрасное подвигу своему начало и в предпринимаемой с страстями войне великую выгоду уже над неприятелем получите.

Случится же когда вам какой-нибудь повод и удобный случай к производству какого-нибудь худого дела и вдруг почувствуете вы прежде исполнения оно, что совесть вам равно как на ухо шепчет и поминает, что это худо, что не надобно бы этого делать: ах! Не затыкайте слуха вашего от сего неоцененного гласа, но внушайте себе оный. Это глас самого вашего присутствующего подле вас и по прежней вашей просьбе о вас старающегося и отвести вас от того хотящего Бога и Создателя. Он, а не иной кто, напоминает вам сие посредством совести и нетерпеливо ждет, чтоб вы призвали Его на вспоможение и храбро на выдержание делаемой в самое то время от страстей атаки и нападения, отважились и при помощи Его на прогнание сих атакующих вас злодеев пустились. Одним словом, вы встретились тогда с неприятелем, и он вас уже атакует и пускает на вас бомбы и ядра, а всесильный наш Помощник стоит подле вас и ожидает только, чтоб вы сражение с ним зачали и Его на вспоможение пригласили, а не сделали бы негодным трусом и беглецом и тем сами над собою победы неприятелю не даровали. И коль будет приятно Ему, естли вы сего первого случая без испытания, по крайней мере, своих сил не пропустите, но как со своей стороны всевозможные и прежде предписанные средства употребите, так и Его, как при начале, так особливо во время сражения и в самое то время, когда приметите, что сил ваших уже не достает, усердное к Нему возьмете прибежище и Его о вспоможении попросите. Ни в котором случае не любит Он так охотно и сильно помогать, как тогда, когда нет уже никакой надежды на иную постороннюю помощь. Вы не поверите и не прежде в том удостоверитесь, как узнав из собственного опыта, что в таких случаях одна мысль и одно почти слово в состоянии неведомо как подкрепить наши силы и рассеять, как вихрем прах, все неприятельские войски, или прельщающие нас и в голову к нам теснящиеся негодные мысли. Нужно только вам живо в ту минуту вообразить, что Творец

ваш подле вас и вас видит, и простер уже десницу вам помочь, буде только вы хотите. Нужно вам только вспомнить, что вам должно и можно теперь наиприятнейшее Ему дело сделать и что Ему крайне будет мило, если вы великодушно прельщающее вас увеселение презрите, помощь Его примете и с нею храбро на неприятеля пуститесь; а напротив того, крайне будет неуютно, если ли вы ослабнете, оплошаете и обратитесь в поносное бегство. Нужно вам, говорю, сие и сему подобное тогда и как можно живее вообразить, как почувствуете в себе тотчас равно как некое одушевление: тогда не упускайте сего святого душевного чувства. Встрепенитесь, так сказать, духом и пуститесь храбро на неприятеля, сами в себе закричав: «Прочь, негодные мысли! Не хочу вас слушать. Творец мой и воля Его мне всего дороже, а гнев Его страшнее! — Сделаю Ему угодное и приятное дело, пересилю себя, не хочу прогневать того, который мне всякий час надобен». Потом обратитесь к Нему и скажите: «Помоги Ты сам, великий Боже! И награди недостатки сил моих своею всемогущей помощью». И так далее. — Какую пользу вам все сие принесет, о том узнаете вы, как скоро сим образом поступить отведаете. Довольно, когда скажу, что вы в один миг победу над неприятелем своим одержите и все прельщающие вас мысли рассыпать и сами собою овладеть можете, если только не делаете опять тотчас какой погрешности и прогнанным неприятелям по оплошности дадите время опять возвратиться и себя одолеть. А какие выгоды вам от такой победы произойдут, о том не для чего мне повторять, ибо я говорил о том прежде. Сим средством в состоянии вы будете всякий раз скоро с неприятелями своими сдвигаться и чрез то нечувствительно и гораздо прежде, нежели вы думали, знатною степенью себя исправите. Но не забывайте только за всякую такую одержанную над неприятелем победу приносить Помощнику своему должного благодарения и приписывать Ему одному то в честь и славу.

Случится ли же когда с вами какое нечаянное счастливое происшествие, то не пропускайте сего случая тщетно и без употребления его в пользу. Вспомните, что оно от Бога; а сия мысль возбудит в вас к нему благодарность. Благодарите Его не одними словами, но и делом, то есть охотнейшим впредь усердием о исполнении Его

воли и к деланию угодных Ему дел. Сие благодарение будет Ему приятнее словесных; однако и сих не надобно упускать. А чтоб они были действительнее быть, то напоминайте все прежние Его к себе благодеяния и поступите притом по тому правилу, какое я после во второй части сей книги в рассуждении сих случаев сообщу, и всем тем побудитесь более к своему исправлению и к побеждению известных вам страстей, которым вы наиболее подвержены. Польза от того произойдет вам несказанная; ибо, кроме прочего, побудите вы такими похвальными поступками и самого Творца и Бога своего к награждению вас впредь множайшими милостями; ибо Он несказанно охотнее старается доводить людей до исправления милостями, нежели наказаниями, и хочет только того, чтоб мы их чувствовали и принимали с истинным благодарением, а не презирали скорым забвением или, того хуже, приписыванием всего счастья своего своим дарованиям, проискам и стараниям, позабыв, что все дарования свои мы от Него получили; а происки и старания наши могли б всегда уничтожены быть, если б только Он захотел.

Если ж по неисповедимым Его судьбам угодно Ему будет наслать на вас какую болезнь или какое несчастное приключение, то бойтесь, и бойтесь всего более в сем случае роптать на вашего Создателя и досадовать, но паче знайте, что в большой части случающихся с нами несчастных приключении скрыты бывают неисповедимые нами Божеские премудрые и всего чаще к пользе нашей клонящиеся намерения; и для того не с роптанием, но с благодарением оные принимайте и извлекайте из них себе пользу. Каким образом вам в подробности в таких случаях поступать, о том не для чего мне теперь говорить; потому что о сем, как весьма много с исканием благополучия нашего сопряженном деле буду я говорить довольно в последствии сей книги.

Вот все, что хотел, любезный читатель, сказать о последнем и важнейшем из всех прочих правиле. Теперь не знаю, угрожу ли я вам или нет одним предприятием, а именно, собранием всех разбросанных в сем рассуждении правил вместе и представлением оных в сокращеннейшем виде вашему зрению. Я сделал сие для того, чтоб вы одним взглядом оные обозреть и тем лучше оные напомнить были в состоянии. Итак, если хотите вы себя исправить, то

1. Старайтесь прежде всего узнать, какие в вас худые склонности, страсти и привычки есть и более над вами господствуют.

2. Узнайте натуру и свойства страстей и все их выгоды и слабости.

3. Примите твердое намерение освободить разум и произвол ваш из-под ига и повелительства страстей.

4. Укрепите произвол приличными ему упражнениями.

5. Запаситесь мыслями, способными противоборствовать страстям и уничтожать их действия.

6. Увеличьте как можно более хороших склонностей, а особливо противных нашим страстям.

7. Не возбуждайте в себе сами худых стремительств.

8. Рассматривайте основание и предметы всякого худого желания и склонности беспристрастно.

9. Пользуйтесь слабостями страстей, а особливо продолжайте сон их убеганием случаев, к возбуждению оных способных.

10. Ловите первые минуты, когда страсти возбуждаются, и пользуйтесь оными.

11. Примите однажды прямое намерение противиться страстям.

12. Не поддавайтесь им при искушениях и противьтесь до последних сил.

13. От худых успехов не ослабевайте.

14. Призывайте Бога себе на вспоможение и без Него не начинайте своего исправления.

Сим окончу я сие мое длинное, но последнее уже побочное рассуждение. Естли я наскучил оным вам, дорогой читатель, то отпустите мне сие; естли не нашли вы в нем ничего полезного, так оставьте то другим, которые, может быть, найдут что-нибудь себе на пользу. Я, по крайней мере, знаю и удостоверен в том, что пункт, касающийся до способов к исправлению нашему, весьма важен и достоин уже внимания, тем паче что мало таких книг, где б говорено было о том в подробности, но более только твердится, что делать и чего не делать надобно; а как то делать и как не делать, о том мало упоминается, хотя сие всего бы нужнее было. Сей недостаток старался я по мере сил моих и сколько мне позволяло место наградить, тем паче что сие необходимо к дальнейшему последствию сей

книги надобно. И как теперь сие я уже исполнил и рассказал все, что вкратце упомянуть как о возбуждении хороших, так и о угнетении худых наших склонностей, находил за нужное, то приступлю к главному моему предмету, или сообщению подробных средств и способов к приобретению благополучия. Вторая часть сей книги будет содержать оные и, как уповаю, удовольствует любопытство читателя.

РАССУЖДЕНИЕ XIII

Содержащее в себе предварительное уведомление
о способах к приобретению благополучия и правилах,
к тому принадлежащих, вообще

Предпринимая теперь говорить о способах к приобретению истинного в сей жизни благополучия, должен я наперед оговориться, что мне к собственному предложению оных средств не так скоро приступить можно, как желал бы того, может быть, читатель. Существо толь важной вещи, каково для всех нас благополучие есть, не позволяет мне спешить в сем случае, но требует того, чтоб я прежде приступления к собственному моему намерению наперед исследовал и познал, на чем собственно помянутые способы или средства иметь будут свое основание, и в чем генерально они состоять могут, дабы чрез то всякий о действительности оных тем лучше мог быть уверен.

В сходствие чего должен я прежде всего заметить, что за основание всем нижеследующим средствам ничто иное я беру, как следующие три вещи: во-первых, существо самого благополучия как искомого предмета; во-вторых, существо и свойства душевных наших сил, которые при искании оного наиболее должны будут действовать; в-третьих, нынешнее и общее души нашей состояние и содержание, в каком ныне оные силы друг против друга находятся, и от перемены которого собственно благополучие происходить будет должно. Ибо со всеми сими вещами надобно помянутым средствам согласоваться, буде быть им не ложными, но действительно к приобретению благополучия удобными.

Для лучшего объяснения сего надобно мне мимоходом коснуться всех сих вещей и в возможной сокращенности упомянуть, для

чего бы, собственно, согласие оных средств с сими вещами было потребно и в чем бы оно состоять долженствовало. Следующее, надеюсь, в состоянии уже будет сделать тому желаемое объяснение, а именно:

1. Когда по всем в первой части сей книги учиненным исследованиям благополучие не в посторонних и наружных вещах, а во внутренности нашей души искано быть долженствует, и существо оно не в чем ином состоит, как в позволенном и добродетели, как главному концу нашей жизни, непротивном веселии или собственно в такой жизни, которая бы сколько можно более множайшими увеселениями и удовольствиями была преисполнена и колико можно освобождена от всяких неудовольствий, печалей и других душевных прискорбий, то следует само собою, что и средствам надобно быть таким, чрез которые мы в состоянии б были потребные к благополучию веселия снискивать и чрез то достигать до желаемого предмета.

2. Когда веселиям и неудовольствиям начальною причиною суть некоторые из описанных в первой части свойств всех обитающих в душе нашей различных желаний, а именно, во-первых, то, что они могут быть удовлетворяемы или насыщаемы, и от того в душе нашей то состояние происходит, которое мы удовольствием и веселием называем; во-вторых, то, что они могут, так сказать, оскорбляемы, раздражаемы или неисполняемы быть, и от того в душе нашей происходит некоторый род страдания и прискорбия, которое мы неудовольствиями, а разные степени оно другими подобному сему званием называем; в-третьих, то, что они могут в бездействие приводимы или усмиряемы и укрощаемы быть, и от того в душе нашей происходит среднее между веселием и неудовольствием состояние, которое мы спокойствием, или бесприскорбною называем; и из всего того натуральным последствием выходит то, что и благополучию нашему когда в нынешней жизни не можно быть в таком состоянии, чтоб все наши желания были удовлетворены, то, по крайней мере, надобно состоять в таком, в котором бы хотя некоторая часть желаний наших была исполняема, а большая часть прочих находилась в состоянии спокойствия, раздражаема ж была б колико можно малейшая часть оных, то следует само собою, что

и помянутым средствам надобно быть такими, чрез которые бы в состоянии мы были желания свои как до исполнения доводить, так и, усмиряя оные, приводить в состояние спокойствия.

3. Когда большая часть наших неудовольствий, горестей, досад, печалей и других неприятных чувствий, происходит от поврежденного внутреннего души нашей состояния и от того, что бесчисленные желания находятся в ней не в надлежащем порядке и друг у друга повиновении, но в превеликом беспорядке и замешательстве, и более действуют и господствуют над нами такие, которых исполнение либо с великим трудом и неудобностью сопряжено, либо кратковременное от того происходящее увеселение подает потом повод к множайшим еще неприятным чувствиям, и все сие наиболее благополучию нашему мешает и уменьшает оно несовершенство, то натурально следует из того, что и средствам к приобретению благополучия надобно быть таким, чрез которые б в состоянии мы были препятствовать, чтоб прискорбие и неудовольствие в нас не столь часто происходило, как то ныне бывает, и уменьшать те, коих нам убежать не можно.

Вот в чем состоит требуемое средств согласие; а по сему не трудно уже будет нам добраться и до того, к каким главным предметам должны они быть направляемы. Всякому легко будет заключить, что и помянутым средствам троякого рода быть надобно, а именно, одним касаться до приумножения наших веселий, другим — до споспешествования нашему спокойствию, а третьим — до уменьшения наших прискорбий и неудовольствий.

Что касается до того, в чем вообще состоять могут сии средства, то на сие коротко ответить можно, что они ни в чем ином состоят, как в немногих правилах, извлеченных разумом из всех вышеупомянутых вещей, как-то из существа самого благополучия и из свойств и нынешнего состояния наших желаний, которых правил надлежащее и рачительное наблюдение во всем оных пространстве будет созидать наше благополучие.

Вот почти все, что за нужное находил я предпослать наперед прочим моим в сей части находящимся рассуждениям. Теперь следовало бы приступить мне к собственному намерению, или сообщению оных правил, однако не излишнее еще будет упомянуть

несколько о порядке, который я притом наблюдать буду, и приобщить несколько других примечаний, касающихся до сего предмета. Я буду следовать при сем тому же порядку, а именно, сперва сообщу те, которые до приумножения веселий касаются, потом те, которые к споспешествованию спокойствия принадлежат, а после того те, которые нам к уменьшению наших душевных прискорбностей и неудовольствий, также горестей и печалей, руководствовать могут; а наконец, как все оные вещи или короче, все наше временное благополучие не иначе, как с одним великим и весьма важным условием искано быть долженствует, то есть чтоб мы потолику только его искали, поколику то без предосуждения добродетели, яко главного конца, на который жизнь наша назначена, быть может, для того, что собственное веселие есть только побочный конец, а первым и главным мы не себя собственно и не свое благополучие, а единственно добродетель почитать должны, а из всего того и в рассуждении веселия, спокойствия и прискорбия нашего проистекают некоторые особливые должности, то последним делом моим изъяснение сих необходимых должностей будет.

Может быть, подумают теперь некоторые, что всех оных правил не иначе быть может, как знатное количество; важность самой вещи натурально может побудить каждого к такому мнению; однако они в том обманутся: их очень немного, и все наши старания, касающиеся до приобретения благополучия, могут вмещены быть в малое самое количество генеральных, или общих, правил. Многие удивятся, когда скажу, что их всех только четырнадцать, из которых пять до умножения веселий, четыре до споспешествования спокойствию, а пять до уменьшения прискорбностей, неудовольствий и печалей принадлежат.

Однако не думай же никто, чтоб малое сие число приносило с собою столь же легкое и наблюдение оных. Число их, правда, не велико, и все правила в немногих только словах состоят, но значение сих слов великого пространства, а наблюдение оных на всю нашу жизнь довольно работы нам произвести может; со всем тем не должно же и сему давать себя опечаливать. Правда, благополучие наше не может нам доставаться даром, мы должны трудиться и, так сказать, в поте лица своего оное приобретать. Одно сие, что

мы всю натуру свою, так сказать, переделывать должны, буде хотим прямо благополучными быть, может уже довольно всякому доказать, что с исканием оного многие труды сопряжены. Но это уже натуральное последствие от описанного в первой части повреждения, происшедшего в душе нашей — и необходимо; ибо когда б сего несчастного повреждения не произошло, то не было бы нам никакой нужды не только в трудах, но и в искании благополучия, но были б мы и без того благополучны, потому что к тому созданы. Однако все сие не долженствует приводить нас в отчаяние, труды наши по крайней мере не пропадут тщетно, так как при нынешнем обыкновенном искании ложного благополучия всего чаще бывает, когда мы в искании оного век свой мучимся, трудимся и препровожаем и, наконец, ничего не находим и вместе с Соломоном восклицать принуждены: суета сует и всяческая суета! Но мы бесспорно достигнем ими до желаемого предмета и прежде, нежели мы думали, а сверх того сопряжены с ними неоцененные для нас и следующие выгоды:

Во-первых, посредством их приобретаем себе не только ныне благополучную, веселую и спокойную жизнь, но они вкупе будут созидать нам и будущее, вечное и совершенное благополучие после смерти, которое несравненно еще нужнее нынешнего.

Во-вторых, употребляя оные, не принуждены мы будем ожидать долгое время конца своих намерений и ласкать себя неизвестною надеждою, но с первым предпринятым трудом будем вкушать и плод оного и начало благополучия своего. А и впредь никогда они нам наскучить не могут, потому что по мере оных будет ежеминутно умножаться и степень благополучия нашего и нас к продолжению таких трудов от часу боле побуждать и заохочивать.

В-третьих, наконец, с каковыми трудами искание благополучия ни сопряжено, но труды сии далеко не таковы велики, какие мы иногда к умножению несчастья своего или к исканию ложного благополучия и самой суетности употребляем; потому что тут все не от посторонних и не в нашей власти состоящих вещей и обстоятельств, но более от самих нас и о нашего хотения и произволения зависит. Не надобны нам к тому будут ни знатные чины, ни великость имения и достатка, ни иные дарования счастья, но во всяком

роде жизни и во всяком состоянии мы оное находить и им пользоваться можем. Все зависит только от того, чтоб мы, очистив ум свой от мрака предассудков, твердое и прямое намерение приняли оное искать и за дело принимались так, как надобно и как удобнее быть может.

Последнее сие обстоятельство требовало бы по справедливости от меня того, чтоб я не только предложил общие правила, следующие к наблюдению, но показал бы и самые первые следы и приемы к действительному и удобнейшему наблюдению оных. Знаю, что сие всего бы было полезнее, и обстоятельство то мне довольно ведомо, что большая часть нравоучительных книг тем самым столь мало бывают действительны и немного пользы приносят, что в них предписывается только, что делать и чего не делать надобно, но каким образом то делать и как в самом начале и удобнее за то приниматься, о том ни слова не упоминается. Я желал бы усердно освободить себя от такого же нареkania. Но как сие с великим пространством сопряжено, то сколько ни помышлял, однако за сущую невозможность почитал вместить все подробные руководства в пределы сего сочинения, и другого не оставалось, кроме того, чтоб к генеральным правилам приобщить только с возможною ясностью все нужные каждому объяснения и доказательства, а руководство к каждому предложить только общее и такое, какое без дальнего увеличения книги мне уместить было можно. Чем прошу читателей моих по нужде уже довольствоваться, тем паче, что я первую часть сей книги так расположил, что из нее можете вы уже сами без дальнего труда извлекать подробнейшие ко всему руководство. Что касается до меня, то я принужден был оставить предприятие мое услужить вам в том до другого случая и назначить к тому иной и такой род рассуждений, в которых каждое бы из предложенных здесь правил было поодиночке предпринимаяемо, и предложено б было каждому подробнейшее руководство и показание, как наиудобнее каждое наблюдаемо и сему делу первое начало чинимо быть могло, что, может быть, некогда и впоследствии, естли Всевышнему угодно будет продлить мою жизнь и не лишить потребного к употреблению малого моего таланта в пользу любезных моих сограждан времени и способности.

Теперь ничего уже мне не остается, как приступить к предложению оных правил, чего ради окончу сие рассуждение, сказав, что последующие четыре рассуждения оные в себе вмещать будут.

РАССУЖДЕНИЕ XIV

Содержащее в себе собственные правила и руководство
к умножению веселия, как существительной части
благополучия нашего

Итак, дошел я теперь до главного и важнейшего предмета всего сочинения и хочу вам, любезный читатель, предлагать правила и средства к приобретению благополучия или, лучше сказать, показывать стезю и путь, по которому вам идти надобно, если вы до храма благополучия достигнуть хотите. Выслушайте меня с терпением и не отвращайте слуха вашего от советов, основанных на едином чистосердечии и прямую вашу пользу целью себе имеющих. Правила, которых к сообщению приступаю, достойны великого уважения; не лишите ж и вы их своего внимания и возьмите труд прочесть как их, так и приобщенные к ним объяснения и доказательства. Не поскуйте темными местами, находящихся в оных, и не подсадите, если что придет не по вкусу вашему и покажется либо излишним, либо слишком тонким и умозрительным. Вещи, от которых благоденствие нашей жизни зависит, требовали доказательств и доказательств таких, которые бы были неоспоримы и очевидны. Но первое учинить мне не было возможности, не входя иногда в небольшие философические тонкости. Не пугайтесь сих скучных, может быть, вам доказательств и не оставляйте для того продолжать чтение: их немного. Я старался сокращать их возможнейшим образом, а сверх того, за ними найдете вы простейшие и такие, которые, может быть, для вас не таковы скучны и удобопонятнее будут; ибо я старался, сколько мог, темноту первых награждать ясностью вторых. Но все они для вас будут бесполезны, если вы удостоите их своим примечанием. Всякой доказанной вещи верим мы гораздо лучше, нежели такой, которая не имеет доказательств, а чем доказательств более и чем они яснее, тем скорее можем и мы в них удостовериться. Сие сказал я для того, что пред-

вижу наперед, что некоторым из предлагаемых правил едва ли вы поверите, когда б оставить без всяких доказательств и не объяснить надлежащим образом.

Но я задержал уже вас, дорогой читатель, и наскучил, может быть, заговорившись о постороннем почти деле. Кушанье уже спело, время подавать на стол и вам кушать. В теперешний раз представлю вам пять соусов, каковы-то они вам покажутся и угодны ль-то будут. Что касается до меня, то я боюсь, чтоб вам и первое блюдо не было противно. Дай Бог, чтоб вы нашли в нем лучший вкус, нежели какой многие другие найти не в состоянии, и чтоб вы не принадлежали к тем людям, которым таковые пищи не по вкусу!

В преследующем рассуждении, говоря вообще о средствах к снисканию благополучия, упомянул я, что средства оные суть троякого рода и что к первому роду принадлежат те, чрез которые можно нам приумножать наши увеселения. Станем же теперь о сих средствах говорить и посмотрим, какими б способами и чрез наблюдение каких правил можно бы нам было приумножать наши веселия и чрез то существенную часть благополучия нашего сискывать.

I.

Первое и наизнатнейшее, а притом такое правило, которое всему нашему благополучию основанием почестся может, есть следующее:

Увеличь в себе прямо любовь к Богу и к другим человекам.

Вот первое средство к снисканию благополучия и правило, о котором наперед знаю, что оно уже многим, а может и самим вам, дорогой читатель, не полюбитися. Некоторые люди, не ожидая нимало такого правила, остановятся на сем пункте и не только встревожатся мыслями, но найдутся и такие, которые, усмехнувшись, не захотят читать далее, но по увышенным своим мыслям и мнимой великости духа, сочтя сие уже самым враньем, возомнят, что кроме вранья и впереди ничего не будет. Но сии господа да соблаговолят себе так думать, как им угодно. Не для них я сие пишу и не с ними иметь дело, но с теми, кои не дошли еще до того, чтоб почитать себя особыми и пред прочими человеками далеко превосходными

созданиями, но не отпираются еще от того, что они подобные всем прочим человеки, что равномерным с ними слабостям подвержены и что такую ж поврежденную имеют душу, как и они, и помня сие, не дошли еще до того, чтоб белое насильно делать черным или в треугольнике находить не три, а четыре угла, то есть о всех порядках, учрежденных в течении всех вещей на свете его Создателем, не так рассуждать, каковы они в самом деле, но так, как суетное и заблуждать могущее наше воображение нам представляет, а остерегаясь сего, не такое отвращение еще имеют от истины, как иные многие, но везде ее найдут. С сими любезными моими сотоварищами хочу я говорить и им сказать, что как бы мы не думали, как бы не рассуждали и как бы мыслями своими с одного предмета на другой не перебегали, или, короче сказать, как бы не вертелись, но то была и останется всегда непреодолимою истиною, что любовь к Богу и к другим человекам есть наиглавнейшим орудием, которым мы здание нынешнего и будущего благополучия созидать можем. Не все и верно не попустому, но для самой сей причины дана нам и Зиждителем нашим заповедь известная: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и ближнего своего, яко сам себя. Не все и Спаситель мира, на известный вопрос ответствуя, подтвердил, что в сей заповеди все Пророки и весь закон состоит. Не все и Павел, сей великий учитель мира, любовь столь великими похвалами превозносит и толь важною и необходимо надобною вещью почитает. Не все, говорю, все сие, конечно, было. Великий Зиждитель, производя сам существо наше, получше нашего знал натуру нашу, и потому, зная, что видел, что без сего благополучие наше быть никак не может.

Однако знаю, что все сие не может еще служить доказательством моему предложению. Многие найдутся, которым будет удивительно и непонятно, каким образом от любви к Богу и к другим человекам может происходить в нас веселие, о умножении которого здесь говорится. Сим в ответ я скажу, что сомнение их происходит от того, что они, может быть, в существо и свойство того врожденного стремления, которое любви есть основанием, не имеют полного и достаточного вникновения, и потому не могу заключить, что сие натуральным следствием быть может. Итак, в доказательство

того скажу, что как все то, что любимому нами приятно, по существу и самой натуре любви вкупе и в нас прямое увеселение производит, то и в то время, когда мы будем прямо любить Бога и других человеков, как всякое исполнение воли Божеской, так и всякое добро, случающееся другим человекам, будет вкупе и нас увеселять; напротив того, упрямство, своенравие и ненависть не иначе человека должна, как мучить.

Вот краткое философическое доказательство моему предложению. Теперь было бы слишком пространно, если бы хотел я доказывать и изъяснять сие далее в самой подробности. Однако, как и без всякого изъяснения оставить не можно, то скажу следующее: я уже имел довольно случаев упоминать, что всякое веселие делается в нас от того, когда удовольствуется или исполнено и насыщено будет какое-нибудь в душе нашей находящееся желание. Теперь надобно ж знать, что по философическим исследованиям свойств и действий души нашей примечено, что душа наша имеет в себе врожденное желание и стремительство к духовному соединению с такими предметами, в которых мы замечаем совершенства без всякого притом намерения о себе и о своей пользе, и что сие стремление — одно из наиглавнейших, и что из него как знатною отраслью происходит другое великое стремление, называемое духовною любовью, состоящее в стремлении к духовному соединению с разумными существами без дальних о себе намерений и единство для примеченных в них совершенств, то есть желаний такого состояния, в котором любящие друг друга обоюдные намерения и желания взаимно и без всякого дальнего в рассуждении себя намерения почитают равно своими собственными, в чем точно и состоит упомянутое духовное соединение; а от всего того и проистекают все те свойства и следствия любви, которые мы замечаем из опытов между связанных прямою дружескою любовью человеков. То натурально, когда будем любить прямо всех человеков, ежедневно будут случаться многие случаи, могущие насыщать сие врожденное стремительство и производить чрез то нам истинное увеселение. Пример сие лучше изъяснить и доказать может. Представим себе двух человеков, любящих себя прямою дружеской или духовною любовью. Не производит ли благополучие одного другому такой

же радости и такого ж увеселения, какое друг его сам от того чувствует? Не радуемся ли мы, когда хорошему нашему приятелю и любимому человеку какое счастье и благополучие случится и исполнится то, чего желал он силою? И не таким же ли образом и нас любящий человек веселится и радуется, когда нам что хорошее по нашему желанию воспоследует? Не доказывает ли сие веселие, что в нем желание было, и оно удовлетворено, и что сие желание клонилось единственно к исполнению желания друга его? Напротив того, несчастье и всякое зло, случившееся другу его, не производит ли и в нем прискорбия, сожаления и печали? Не подтверждает ли сие предложение мое и не доказывает ли, что, как в том печаль и неудовольствие от того произошло, что желаниям, бывшим в нем, противное учинилось, так печаль и сего изъясняет, что и в нем было к тому предмету стремящееся желание, и оному воспоследовало оскорбление?

Все сие предполагая, не натуральным ли следствием будет то, что естли б мы могли всех человеков так любить, как любим лучших своих приятелей, то всякое бы добро, случающееся другим, в состоянии было в нас такое ж удовольствие производить, какое сами они от того чувствуют? И сколь часто могли б мы иметь повод к таким же чистейшим увеселениям!

А что я теперь о любви к человекам говорил, то все тоже и о любви к Богу сказать должен. Стремление любовное в нас одно, следовательно, с такими ж обстоятельствами сопряжено и не иные какие, но такие ж и действия производит, да и доказать мне сие нетрудно. Я употребляю тот же самый пример: представим себе, чтоб мы Бога нашего так точно любили, как любим лучшего своего какого-нибудь друга, милостивца и благодетеля, и чтоб любовь была точно такая, какую иногда между любящих тесно друг друга человеков примечаем, то не будет ли любовь сия производить точно такие же последствия, как бываемая между человеков? Не таким же ли образом будет нам приятно всякое исполнение хотения и желания Божеского, как приятно исполнение желания нашего друга? Не будем ли мы от того наслаждаться с стороны приятнейшим увеселением и не всего ли чаще иметь случай и повод к таким увеселениям, когда, несмотря на все зло, господствующее в свете, многие

еще люди есть, которые исполняют в жизни многие дела, согласные с волею Божескою; а не ходя вдаль, не можем ли мы в самих себе искать сего утешения и, исполняя желания Божеские, вкупе и Ему, и себе чистейшее увеселение производить?

А чтоб освободить сие от всякого сомнительства и лучше уверить, что все сие действительно основано на самой истине и о воследовании того никакого сомнения иметь не можно, то в доказательство приведу собственное чувство тех, которые в жизнь свою в блаженном искусстве делать людей благополучными, или производить великие добродетели, имели многожды случаи упражняться. Вас, драгоценные украшения рода человеческого, вас я спрошу, не чувствовали ли вы тогда каких-нибудь в благодарной душе вашей происшествий, когда бедных обогащали, несчастных из несчастья извлекали, лишенным помощи помогали и другие сему подобные великие, добродетельные, великодушные и Богу и людям угодные дела производили? Подтвердите вы предлагаемую мною истину своим беспристрастным признанием и скажите, не чувствовали ль вы сами тогда некоторую душевную роскошь и чистейшее увеселение? Не надымалось⁴⁰ ли ваше сердце ваше? Не приходил ли сам великий дух ваш в наиприятнейший восторг от того? Не наливались ли очи ваши тогда нектаром неизреченной сладости, когда осчастливленные вами плакали пред вами, благодарение вам принося? Но от чего ж бы в вас такое приятное чувство тогда происходило? От чего веселились вы благополучием, содеянным вами другим человеком? Для чего сорадовались с ними и вы вместе, когда при делании того никакой собственной пользы предметом не имели, но паче то с некоторым еще для вас убытком сопряжено было, а и делали вы то не из тщеславия? Не принуждены ли вы будете признаться, что сами не знали, от чего сие происходило?

Предследующее мое примечание изъяснит вам сие, дорогие благодетели человеков. В вас удовольствовалось тогда сокровенное в душе вашей и вами без ведения вашего частым повторением добродетельных дел увлеченное врожденное желание, стремящееся к исполнению воли Божеской и к любви к человекам; и от того происходило то увеселение. А что оно было велико, то иначе и быть не могло, потому что насыщение сие было двоякое и, с од-

ной стороны, восхищала вас насыщенная любовь к Богу, а с другой — любовь к своему ближнему.

Но не одно сие нам справедливость моего предложения доказать может. Я могу сослаться и на собственное чувство всех человеков. Не чувствуем ли все мы не только при великих добродетельных делах, но и во всяком случае, когда мы что-нибудь доброе сделаем, некое приятное в душе нашей ощущение? Не бываем ли тогда сами собою чрезвычайно довольны, и не такое ли сие удовольствие, которого изобразить не можно? Одно сие общее всех чувство может уже доказать, что во всех нас стремительство к любви Божьей есть, но только не в одном градусе действует, и потому один более и чаще сим увеселением наслаждается, нежели другой и такой, в котором оно другими страстями более угнетено. Ибо добрые наши дела и все вообще добродетели не иное что суть, как вещи, желаемые Богом; почему и называем мы их волею Божескою, и как, производя оные, исполняем мы Божеское хотение, то по натуре любовного к Богу стремления насыщается чрез то и в нас оное. А что сие исполнение воли Божеской тому причиною, то доказывает нам далее то, что мы от исполнения воли Божеской не только в то время удовольствие чувствуем, когда сами оное в действо производим, но и в то время, когда другие ее исполняют. Я сошлюсь в сем случае также на собственное наше чувство и спрошу всех, не чувствуем ли мы в душе нашей приятного чувства, не радуемся ли и не веселимся ли и тогда, когда кто и посторонний при нас какое знаменитое и богоугодное дело делает, и не только при нас, но когда мы о ком сие и услышим? От чего ж бы иного сие происходило, и какую иную причину можно тому предъявить, кроме той, которую я изобразил выше?

Всего вышеупомянутого, надеюсь, уже довольно будет в доказательство, что от любви к Богу и к человекам веселие в нас происходить может; а по сему нетрудно уже всякому заключить, коль полезно и выгодно для нас увеличивание оной; ибо, натурально, чем более она в нас будет, тем более будет и увеселение, и чем чаще будем мы в согласных с нею делах упражняться, тем чаще наслаждаться и увеселениями оных. А к чему иному имеем мы столь частые случаи, как к оказанию любви своей к Богу и другим чело-

векам. Мешает ли что нам сие делать, и от посторонних ли вещей и не от нас ли самих все притом зависит?

Но сего к побуждению нас к тому еще не довольно, но есть и другие пользы, могущие служить еще более побудительными к тому причинами, ибо увеличение любви к Богу и другим человекам и частое по ней действие не только будет производить знатную часть нашего временного и истинного благополучия, но будет нам приуготовлять и в будущей жизни венец славы и вечного блаженства, а сверх того, сделает нас любезными Богу и всем людям. Самые неприятели и злодеи наши перестанут нас ненавидеть, когда увидят, что мы им мстим любовью, умалчивая о прочих пользах и выгодах, могущих произойти нам от того в общежитии, о которых не для чего мне пространно изъясняться — всем они довольно известны. Чего ради, не распространяя о том слов, скажу только, что от увеличения любви к Богу и людям, кроме всего вышеописанного, произойдет для нас сама собою великая и благополучию нашему поспешествующая выгода; ибо когда мы, любя одну вещь, натурально, не можем в самое то время ее и ненавидеть, то чем более будет умножаться любовь наша к человекам, тем меньше становится пагубная и в глубине сердец наших гнездящаяся сокровенная склонность к ненавидению их. А сие мало помалу истребить в нас и тот гнусный порок, который известен под именем зависти; а сколь многих внутренних досад и мучений мы чрез то вдруг избавимся, о том почти нет нужды изъясняться. Кому не известно, коль мучительна для нас проклятая зависть, коль много мешает спокойствию нашему и какие вредные и худые последствия за собою приносит? А можем ли мы уже тогда кому в чем-нибудь завидовать, когда любовь побуждает нас будет благополучия каждого постороннего человека желать и им веселиться? Не обратится ли прежняя мучительная досада в приятное для нас удовольствие?

Итак, когда вам, дорогой читатель, мило ваше благополучие и вы оное в правду, а не шутя, искать намерены, то начинайте сие великое дело увеличиванием в себе любви к Богу и человекам. Вот первая стезя, ведущая вас прямою дорогою к жилищу благополучия! Ступайте ею смело и не давайте никому себя сбить и свести с сего вернейшего пути! Многие найдутся, которые стараться

будут вас сманивать с оной и завести в дебри и пустыни. Не слушайте, пожалуйста, их, не давайтесь в обман, но, затыкая уши от их льстивых советов и убеждений, держитесь сей тропы, и шествуйте ею. Знаю, что первый вид оной вам не полюбится. Она от малой ходьбы по оной едва приметна и, по-видимому, так заросла тернием и колким кустарником, что с нуждою по ней пройти можно — но, ах! Не пугайтесь сего первого и обманного вида и знайте, что внутренние наши злодеи и тайные неприятели оную сим образом изгадили и нарочно вход на нее так тесен и непроходим сделали, чтоб всякий одним наружным видом оной пугался и терял охоту ею шествовать, но заключая, что шествие по сей стезе не иначе, как с крайним трудом и скукою сопряжено, бегал бы оной и выбирал бы лучшую, гладкую и широкую дорогу, которые они приготовили и на которой входы расчистили, размели, усыпали песком и усадили цветами испещренными. Не верьте сему ложному виду, это один только обман, устроенный для того, чтоб вас заманить в оный, а в самом деле сии прелестные, гладкие и украшенные пути и дорожки заведут вас в безводные степи, непроходимые топи и болота, в дремучие леса и в такие пропасти, где вы много нужды претерпите, тысячи бедствиям подвержены будете и не только благополучия всего меньше найти, но всего скорее и с телом и душою погибнуть можете. Нет, любезный читатель, нет, не ходите, пожалуйста, туда, куда призывают вас сии прельщающие виды и по коим идти убеждают вас многие наружные причины, а паче всего не прельщайтесь тем, что видите многих других людей, по ним идущих. Это правда, что в товарищах недостатку не будет, но что утехи в том, что и они, и вы вместе с ними только лишь заблуждаться и из одной опасности в другую входить и вместе потом нужду и горе терпеть и погибать будете? Во время нужды они вам ни на волос не помогут, да и помочь будут не в состоянии; потому что им тогда не до вас, а до самих себя довольно будет дела. Итак, что вам в таких товарищах, кои в сем случае столь же незнающие, как и вы, и вам бесполезны? Бегайте их, буде добра себе хотите, и ступайте лучше одни помянутою зарослою тропинкою, не утрущаясь нимало тернием и негладкости оной. Не скучайте первыми самыми трудностями и не думайте, чтоб весь сей в самом деле был таков скучен и труден,

каковым вам с первого вида представляется; но уверяю вас, что вы скоро и весьма скоро противное тому найдете и увидите. Не успеете вы несколько сим узким путем поотойти, как он час от часу уже шире, глаже и веселее будет становится и, наконец, в приятный, веселый и такой путь обратится, по которому идучи, вы радоваться и веселиться будете; скуки же и раскаяния никогда иметь не станете: повсюду найдете вы места приятные, прохладные снабженные всеми надобностями и могущие укрыть вас от всех суровостей непогоды, стужи и зноя, а скольких многих бед, напастей и опасностей вы избежите, когда сим путем следовать будете, о том и упоминать не для чего. Путеводителем и охранителем вам будет сам тот, который всем вещам начало учинил и который сам учредитель благополучия нашего; а под Его охранением и руководством вы ни с пути сбиться, ни в пропасть и бездну попасть не можете. Одним словом, сей путеводитель будет вам гораздо полезнее тысячи прежних и немощных товарищей.

Я льшусь, что вы, дорогой читатель, не потребуете от меня объяснения сей аллегории и что сами догадаться можете, о каких товарищах я теперь с вами говорил. Нетрудно вам усмотреть и мне не для чего сказывать, что я разумею под тем таких людей, которые благополучия своего совсем развратным образом и так ищут, где его никогда не бывало, и коих я в первом моем рассуждении сравнивал с скитающимся по свету и тщетно столицу государя своего ищущим безрассудным путешественником, и каковыми людьми весь свет почти наполнен. Если ж хотите, чтоб я вам яснее сказал, то знайте, что я разумею под тем таких людей, кои благополучия своего в чести, богатстве, знатных достоинствах и в других подобных сему суетностях и благих сего мира и такими путями ищут, какими многие другие обыкновенно до того достигают; о прямой же любви к своему Создателю и Богу, равно как и о истинной любви к своим сочеловекам всего меньше в жизни своей помышляют, и не только оную увеличивать, но и в некотором хотя градусе иметь не стараются, но паче и находящиеся в них малые частички оной час от часу уменьшают, равно так, как бы она была вещь совсем ненужная и к благополучию их непотребная. Но о коль много обманываются они в том, и сколь сильно погрешите вы и после,

но уже поздно раскаиваться будете, естли их примеру в сем случае последуете и по той же дороге пойдете, по которой они шествуют! Она гладка, в том я не хочу спорить, и вам весьма приятна и весела кажется, но о! когда бы наперед вблизи ее рассмотрели и в тонкость все издали вас прельщающие вещи исследовали, и беспрестанно поговорили с теми, которые всю жизнь свою по ней побродили и помучились, верно бы вы другое мнение об ней возымели и может бы их уверениям лучше, чем нежели моим словам, поверили, что вся видимая приятность сего пути вблизи далеко не такова велика, каковою она издали кажется, но что гладка и широка она только от того, что очень много по ней путешественников ходит, а красива от того, что тайные наши внутренние злодеи, то есть страсти, представляют глазам нашим ее сквозь уменьшительное и волшебное стекло, в котором все худобы ее кажутся малы и неприметны; напротив того, некоторые ложные и обманные украшения представляются очам нашим слишком великими и прелестными; в самом же деле она так хлипка и вдали преисполнена толь топкими, непроходимыми и опасными местами и переправами, что по ней с нуждою и в то время пройти можно, когда сияет солнце и стоит сухая погода, то есть когда идет все по нашим желаниям и никаких оным препон не делается. В случае ж небольшого ненастья и непогоды, то есть во время случающихся с нами несчастных и противных случаев, делается она топкою и столь непроходимою, что всякую минуту должно опасаться, чтоб не погрязнуть в тине и не слететь стремглав со скользких и опасных стремнин, коими сия дорога преисполнена. Все, ходившие ею, удостоверяют в том единогласно и признаются, что они кроме трудов, беспокойств, досад и раскаяния ничего почти не нашли, путешествуя оною, и что за получаемые иногда на ней увеселения принуждены были платить весьма дорогую цену, и, наконец, что, желаемого не нашед, принуждены были возвратиться назад и искать счастья иною и самою тою дорогою, которая здесь предписывается и которою все благоразумные люди шествуют и до желаний своих благополучно достигают. Спросите вы их, буде мне не поверите; а естли и их уверения и признания вам подозрительны покажутся, так прочтите ту книгу, которой всеми Христианами отдается более всех почтение и которая почитается за святейшую.

В ней найдете вы тому много кратные подтверждения и вкупе увидите то, сколько любовь важна и сколь она необходимо надобна.

Одним словом, любезный читатель, истинная любовь к Богу и к человекам есть необходимейшая вещь для нас в нынешней мало-временной жизни и вернейшее средство, чрез которое нам благополучие наше приобрести можно. Не будет когда оной, не можно быть и ничему хорошему. Она должна украшать все наши качества и добродетели, она должна придавать им надлежащую цену и без ней ни которая из них не годится. Послушайте, что об ней Священное Писание говорит, послушайте, каковою почитает ее тот, который некогда восхищен был до третьего небеси и непосредственно Богом избран был учителем мира и толкователем воли Господней: «Хотя б я, — говорит он, — всеми языками и не только человеческими, но и ангельскими говорил, но любви бы не имел, так буду только медь звенящая и бряцало звучащее. Хотя б я имел дар пророчества, знал бы все таинства, все науки и имел бы наивеличайшую и такую веру, что мог бы ею горы переставлять, но любви во мне не будет, так все то ничто. Хотя б я все имение свое роздал на содержание бедных и хотя бы самого себя предал и тело бы свое на сожжение отдал, но любви во мне не будет, так ничто мне пользоваться не будет»⁴¹. Вот что об ней говорит Священное Писание! Вот что свидетельствует Дух Святой устами апостола⁴²! Внемлите важные слова сии и не отвращайте слуха вашего от толь Божественных свидетельств; не думайте, чтоб они были несправедливы. Нет тут ничего ложного и несправедливого. Сама натура нам самое то же вопиет и повелевает, чтоб мы любили Бога и любили человеков, и доказывает, что сие необходимо надобно и нам крайне полезно и выгодно. Последуйте ж обоюдному сему гласу и держитесь любви!

Но я наскучил, может быть, уже вам моими убеждениями, отпустите мне сие, дорогой, читатель. Усердие о истинной пользе вашей меня завело в сию посторонность. Коль желал бы я, чтоб для вас такие убеждения были совсем не надобны и чтоб вы и без того в сей великой и святейшей истине были удостоверены, и любовь обитала б уже в вашем сердце! Но ах, любезный читатель! Я опасюсь, чтоб вы в сем случае по примеру некоторых и к великому своему предосуждению не погрешили и равномерно б о себе не заключили, что

в вас толь важная и надобная любовь к Богу и человекам уже обитает и находится в довольной степени. Берегитесь спешить таковыми заключениями! Ни в чем мы так скоро погрешить не можем, как в сем пункте, и ничто нам так не вредительно, как такое о самих себе мнение, в случае, есть ли оно будет неосновательно. Иногда думаем мы, что уже любим Бога и человеков наисовершеннейшим образом, но вместо того в самом деле еще очень далеко от того удалены бываем и любить никогда еще не начинали. Коль много людей подвержены бывают сему заблуждению, и коль легко статься может, что и вы к числу их принадлежите! Есть люди, кои ежедневно твердят, что любить Бога и любить ближних своих нам надобно, но сами любить не только никогда не начинали, но и прямого понятия об ней не имеют. Есть другие, которые мнят, что они о сей любви действительно стараются, но в самом деле не знают и того, в чем именно любовь к Богу и любовь к ближнему состоит и каковою она быть долженствует. Но таковые рановременные и неосновательные мнения всего более их от прямой любви к Богу и человекам отводят. Для сей-то самой причины и надобно нам в сем случае иметь к себе всегда недоверку и не скоро мнить о себе, что мы уже Бога и ближних своих любим, но наперед самих себя исследовать и не прежде заключать, как во зрелом и здравом рассуждении и во прилежном рассмотрении всего того, что до существа и свойств сей важной любви касается.

Не думайте, чтоб дело сие было маловажное и недостойное таких исследований. Нет, любезный читатель, оно велико и так важно, что я довольно того изобразить не в состоянии и могу сказать, что те очень много погрешают, которые об ней заключают легкомысленно. Любви сей надобно быть чистой и совершенной и далеко не такой, каковою ее многие почитают, и не в том состоять, в чем многие ее полагают. Есть люди, которые полагают ее в некоторых только наружных добродетелях, как, например, в наружном богопочтении, в великом богомолии, подавании милости, в неоставлении бедных и прочих тому подобных добродетелях, что все хотя хорошо, похвально и необходимо надобно, однако, несмотря на то, истинная любовь далеко еще не состоит в одних сих наружностях. Приведенные мною слова священного писания ясно доказывают,

что можно раздать все имения свои нищим и самое тело свое отдать на сожжение, но со всем тем любви не иметь. Что иное сие значит, как не то, что любовь не состоит еще в подаянии милостыни и тому подобных и тех добродетелях, какие у нас обыкновенно любовью к Богу почитаются? Нет, любезный читатель! Всевышний не такой любви от нас требует, но гораздо лучшей и совершеннейшей.

Ежели спросите меня теперь, в чем же бы, собственно, состояла истинная и та любовь к Богу и человекам, какая потребна к нашему намерению и какую иметь нам повелевается, то на сие не могу вам по желанию вашему ответить. Пределы сего сочинения не позволяют мне входить в рассуждении сего пункта в самую подробность, которая не иначе, как завела бы меня в великое пространство; ибо в сем случае принуждено б мне было входить во всю связь философического и богословского нравоучения и говорить очень много; чего ради принужден я вам сказать, что если хотите сие знать, так прочтите в священном писании книги Нового Завета. В них найдете вы точное и многократное существа и свойств оногo описание и можете тому последовать.

Однако, как и без всякого удовольствия вас оставить мне не хочется, то кажу вам, любезный читатель, что Бог требует от нас как к себе, так и к другим людям такой любви, которая бы не из одних уст, но вкупе и из глубины наших сердец происходила и была бы истинная, наивеличайшая и не в одних словах, но и в самих делах состоящая. Одним словом, чтоб любило Его наше сердце и любило прямо, всего более и так, как любить бы нам надлежало своего Отца, Господа, милостивца и благодетеля, а прочих людей ничем не меньше, как самих себя. Вот слова, которые могут уже вам служить ниткою, по которой, буде хотите, можете вы добраться до клубка, то есть, рассматривая точное содержание оных, можете без труда усмотреть, в чем должна состоять сия любовь и какие должна иметь действия. Сама натура может уже вам в сем случае руководствовать и показать то, что вам делать надлежит, если вы Бога и человеков прямо любить хотите.

Ежели хотите дальнейшего объяснения и желаете, чтоб я в сем случае сделал вам хотя небольшое вспоможение, то с охотою моею готов согласиться на ваше требование. Ничто для меня так не мило,

как таковое любопытство, и ничто так не приятно, как оказывать услуги мои в таких важных случаях моим сочеловекам. Последуем же сей стези и разберем наперед, в чем бы должна состоять любовь к Богу, а потом коснемся и до любви к своему ближнему.

Для усмотрения существа и свойств любви к Богу нужно нам только себе представить, чтоб имели мы у себя на земле в каком-нибудь великом и знатном господине или государе великого себе и такого милостивца и благодетеля, который бы любил нас не иначе, как отец, снабжал нас всеми потребностями и у которого жили бы мы под покровительством, и которого бы и со своей стороны не иначе, как отца и вернейшего друга любили и почитали; нам нужно, говорю, представить себе только такого друга и рассмотреть, каким бы образом стали мы с ним обходиться, как увидим уже отчасти, что должно нам делать и в рассуждении любви к Богу, а именно:

Во-первых, спрошу я, не стала бы ли любовь наша побуждать нас угождать всеми образами и во всем помянутому нашему милостивцу и благодетелю и охотно делать все то, чего бы он от нас требовать, желать и нам приказывать и повелевать стал? Не известно ли, что мы сим образом друзьям, милостивцам и благодетелям своим и угождаем и для угождения им предпринимаем охотно иногда самые претрудные дела, не поставляя оные себе ни в труд, ни в отягощение? Одним словом, не готовы ли бываем мы кровь свою пролить, чтоб только тем угодить такому милостивцу, которого мы любим и почитаем и в котором самим нам великая нужда? Не с радостью ли принимаем его повеления и не всеми ли силами и возможностями своими стараемся оные не только исполнить, но еще предупредить и превзойти его желания, дабы тем только доказать ему любовь свою и усердие? Вот первое и наиважнейшее свойство истинной любви, а точно такое же свойство должна иметь и любовь наша к Богу. В Нем имеем все мы несравненно величайшего, знатнейшего, сильнейшего и лучшего милостивца, благодетеля и покровителя, нежели в лучшем каком земном владыке и государе; ибо кого можем мы сравнить с оным? Следовательно, когда хотим его истинно любить, то не отменно должно и ему таким же образом во всем и всеми возможностями угождать стараться и все то, что он хочет и от нас требует беспрекословно, непринужденно, не почитая

за отягощение, без вздохов, но охотно и с радостью из единой внутренней склонности и любви к нему в действо производить и для угождения ему жертвовать всеми отводящими нас от того прихотями своими и желаниями. Таково точно поступка и требует от нас великий Создатель и в само том наиглавнейшее существо любви нашей к себе полагает.

Во-вторых, когда имеем мы у себя такого любимого нами земного благодетеля начальником и повелителем, о котором довольно уверены, что он нас истинно любит, никогда не позабывает, о пользе и счастье нашем всегда бдит и печется, то скажите, не бываем ли мы уже довольны всем тем, что сему благодетелю и повелителю нашему ни вздумается с нами сделать и предпринять? Не почитаем ли его хотения равно как своими собственными и не без досады ли сносим, хотя бы что случилось и не по нашим мыслям? Не стараемся ли самым тем ему доказать, что мы его любим? В сходствие чего, когда хотим иметь любовь к Богу, то должны во всякое время и его святою волею, судьбами и всем тем быть довольны, что Он ни будет устроить с нами. Вот второе свойство и опыт истинной любви, и оказания таких опытов желает от нас и Создатель, которому мы их тем паче и оказывать обязаны, что он не только наш милостивец и благодетель, но вкупе и совершеннейший и такой повелитель, у которого не только все наше счастье и благополучие, но самая жизнь, тело и душа наша в беспредельной находится власти, и о котором, наконец, мы довольно уверены, что Он наипремудрейшее, благоутробнейшее⁴³, милостивейшее, правосуднейшее и такое Существо, которое ничего по-пустому, без святых своих причины напрасно не чинит и не устрояет; а потому не самая ли натура велит нам всеми судьбами его и правлением быть довольными?

В-третьих, имея на земле у себя присутственного хорошего и любимого нами друга, не стараемся ли мы быть с ним как можно чаще вместе и препровождать время свое в приятном с ним обхождении и в поверенных разговорах? А ежели отсутствен, то не стараемся ли по крайней мере иметь с ним частую переписку и чрез то равно как некое духовное свидание и заочные разговоры? Сие составляет третье свойство любви, из которого проистекает таковая ж почти должность и в рассуждении любви к Богу, состоящая в том,

чтоб мы, предпринимая любить Бога, между прочим старались как можно чаще его напоминать, представлять себе его везде присутствие и с ним, как милостивцем благодетелем и наилучшим своим другом, втайне и в явь разговаривать и беседовать и повторять сие как можно чаще. Таковые разговоры, а особливо тайные и сокровенные, не меньшее, но несравненно лучшее увеселение могут нам приносить, нежели свидания с каким лучшим другом и любимцем. Нужно только к сему привыкнуть и вселить прямую любовь в сердце. Но с сим сопряжена еще одна важная должность, а именно: как Бога можно почесть хотя присутственным, однако невидимым, неслышимым и таким милостивцем и благодетелем, который по непостижимым своим и бесконечным свойствам и совершенствам нам коротко не известен, то необходимость уже велит нам стараться час от часу его более познавать и как сим познанием, так и всем тем, что оному поспешествует, увеселяться; ибо без достаточного познания всех божественных его свойств и совершенств не можно натурально нам никогда его прямо и так, как надобно, любить.

В-четвертых, как любовь наша к земным друзьям и наилучшим своим приятелям приносит с собою уже то следствие, что мы стараемся во всем, в чем можно, а особливо в нраве, уподобляться своим приятелям и перенимать у них все хорошие поступки и поведения, так равно и любовь к Богу должна иметь такое ж действие и побуждать нас во всем том уподобляться Богу, в чем без нарушения Его святой воли уподобляться нам можно, и в чем уподобляться ему он сам нам повелевает. Сие составляет четвертое и великое примечания достойное свойство любви нашей к Богу.

В-пятых, любовь к нашим друзьям и милостивцам приносит то следствие, что мы получаемые от них себе милости, благодеяния и одолжения стараемся как можно не позабыть, но, чувствуя к ним достойную за то благодарность, стараемся искать всяких случаев к возблагодарению им за то взаимными какими-нибудь услугами. Таковое точно следствие должна иметь и любовь наша к Богу. Она должна побуждать нас во всякое время помнить и не забывать все оказанные Богом нам благодеяния и милости, и как всякое добро имеем мы от Бога и его даянию оное приписывать должны, то обязует нас любовь к Богу иметь к Нему достойную благодарность

и стараться со своей стороны о взаимном возмездии. Но как Богу ничем мы за оные отслужить не можем, то сие возмездие должно состоять единственно в том, чтоб мы полученное от Него добро употребляли во благо и на то, что наиболее согласуется с Его святою волею, а не во зло и на противное Его хотению; ибо сим одним можем мы Ему возблагодарить за оные, да и Он сего одного от нас за то требует. Вот пятое свойство любви нашей к Богу, которое столь же примечания достойно, как и прочие.

Сии суть свойства любви к Богу, до которых мы по единому сравнению оной с любовью к нашим приятелям без труда добратся можем. Теперь пойдем далее и посмотрим, какие другие свойства показывает нам сама натура.

Итак, в-шестых, когда всякое истинное добро от Бога начало и происхождение свое имеет, то следует, чтоб и желания и требования наши истинных благ к Богу, как к единому истинному подателю, были устремляемы. Сие составляет шестое, следующее само собою из любви и такое свойство оной, которое вкупе и дальнейшим средством к сохранению и умножению сей любви служит. Таковые желания и требования называются в пространном знаменовании молитвою и молением, к чему принадлежит хвала и прославление Бога, изустные благодарения за Его милости, благодеяния и щедроты и, наконец, самые прошения о нужных и таких вещах, которые бы согласовались с Его святою волею, равно так, как мы и земных милостивцев и благодетелей во всякое время и повсюду хвалим, прославляем, благодарим в лице и заочно за их милости, и во всяких нуждах первое к ним берем свое прибежище и о чем надобно, их просим. Таковые моления к Создателю своему повелевает нам как можно чаще иметь сама натура и таковых требует от нас и сам наш Производитель. Пункт сей великого примечания достоин. Бог, будучи всех благ податель и самой тот, от которого мы все, что ни имеем, получили и впредь получить можем, хочет того, чтоб мы о том единого Его просили и от него всего ожидали, и ревнует, если мы того не исполним и на самих себя более надеяться станем, равно так, как и земному нашему благодетелю не иначе, как досадно быть может, если мы, будучи уверены, что он нам помочь может, находясь в нужде, не к нему, а к чему-нибудь иному и тако-

му, что нам пособить не может, возьмеем прибежище или на себя слишком уже много надеяться станем.

Таковая надежда на помощь и не оставление Всемогущего Бога составляет седьмое свойство любви, известное под именем упования на Бога; но которое, однако, легко может быть неосновательно и суетно, а именно, в таковом случае, если бы мы будем просить и ожидать от Бога таких вещей, которые не согласны с добродетелью и не составляют для нас истинных благих; или когда мы будем бесспорно ожидать того, о чем подлинно не знаем, составляет ли оно истинное благо и произведет ли действительную нам пользу? Таким образом, молитва неотменно должна, сопрягаема быть с упованием на Бога и добродетельною жизнью.

В-осьмых, как Бог бесконечно правосуден и существа своего переменить не может, следовательно, учиненные нами пред Ним преступления неотменно наказать должен, то когда мы Его любим, то напоминание и помышление о сем долженствует нас побуждать в великой осторожности, чтоб нам Его ничем не прогневлять и чрез то не принуждать милостивого и благоутробного, но притом всесовершеннейшего Бога себя наказывать, равно так, как и в рассуждении земных наших милостивцев, друзей и благодетелей самая любовь наша к ним побуждает нас всего того бегать, опасаться и не делать, о чем мы знаем, что то будет им противно и негодно и за то по должности и чину своему они нас неотменно наказать должны. Сие прогневление Бога ни в чем ином состоит, как в неисполнении того, чего он по праву от нас требовать может и к исполнению чего обязаны мы должностью. Таковая из любви проистекающая осторожность и опасение его прогневлять и называется детской боязнью и страхом, потому что нам его не иначе, как детям отца бояться надобно, которая боязнь весьма отменна так называемого рабского страха, состоящего в таком душевном состоянии, когда бы мы охотнее хотели, чтоб не было нам никакого дела до Бога. Но как сего не можно, то, почитая волю Его неизбежимым для себя худом, только для того оную исполняем, чтоб избежать чрез то наказания. Почему таковой страх не иначе, как величайшим пороком почестся может, и Всемогущему нашему Богу крайне противен; потому что он хочет, чтоб мы все требуемое

Им из любви и охотного послушания, а не из-под неволи и, так сказать, не из-под палки делали.

Девятое свойство любви к Богу состоит в том, чтоб мы ему воздавали должное почтение и почитали его выше всего на свете, чего он, будучи всех тварей бесконечно превосходнейшее существо и источник всех совершенств, по справедливости и достоин, и к чему обязаны мы наивеличайшею должностью. Впрочем, из сего почтения долженствует проистекать истинное подобострастие к Богу, то есть из почтения и познания нашей от него зависимости проистекающее отвращение от всех таких дел, которые не согласны с его святыми совершенствами, и в рассуждении содержания нашего против такого великого Бога нам не приличествуют.

Наконец, десятое свойство и опыт любви нашей к Богу должен состоять в том, чтоб мы к великому своему Богу оказывали наивеличайшую покорность и уничижение и всего меньше пред ним превозносились, но паче признавались бы пред Ним в своей ничтожности, помнили б, что он бесконечно пред нами превозвышен и мы пред ним прах и ничто, и потому приписывали бы все его милости и подвергали бы себя без всякого изъятия и прекословия всем его повелениям и правлению и охотно б принимали все то, что он с нами по святым своим и неисповедимым судьбам учинить ни соблаговолит.

Вот в чем состоит существо и вот какие свойства истинной и такой любви к Богу, какой он от нас требует. Теперь судите сами, любезный читатель, сколь отменна от сей любви та, какую многие иметь в себе думают, и сколь далека сия пред тою преимуществует. Сравните сию с оною и скажите: любовь ли то к Богу, когда мы ежедневно говорим, что любим, любим Бога, а ни малейшего почти угодного ему дела сделать не хотим, но всю свою жизнь, все дни и часы в таких делах препровожаем, которые ему крайне неуютны и противны; все же повеления и увещания его в ничто поставляя, об них и мыслить не предпринимаем. Походит ли то на любовь, что мы не хотим для угождения ему ни малейшего труда предпринять, ни малейшей склонностью ему жертвовать, ни малейшей страсти преодолеть и в угодность ему малейшее себе насилие и принуждение сделать? А когда что хорошее и предпринимаем,

так и то не для единого угождения ему, но для иных каких-нибудь себе пользе и выгоде. Изрядная любовь и изрядной оной опыты! Ах! Нет, любезный читатель, нет! Скройте с такою любовью: такая любовь не может и тенью любви назваться. И естли мы только такую любовь иметь будем, то от истинной еще так далеко отдалены будем, как небо от земли, и все наши повторения сего святого слова составлять будут пустой только звук, и по словам апостола, медь звенящую и бряцало звучащее⁴⁴. Нет, в такой любви немного проку, и такой иметь я бы вам не советовал. А естли хотите любить Бога, то любите получше и любите делом, а не одними словами. Старайтесь обратить сердце свое к нему, сделайте его ему совсем преданным и приучите оное любить его так, как стало б оно любить, естли б имели вы у себя на земле великого какого-нибудь милостивца и благодетеля или как хотели б вы сами любимы быть, естли б были на месте одного и имели у себя такого немощного и вами взысканного, хранимого, защищаемого, питаемого и благодеяниями вашими осыпанного раба и подданного. Но что я говорю? Вам должно любить его еще не сравнено более и любить так, чтоб вам для угождения Ему не тяжело было ничто предпринять и сделать, и чтоб вы для него охотно могли расстаться с любимейшими своими пристрастиями и бессмущенно жертвовать всем, что имеете у себя любезного и что от него получили, как скоро он того от вас потребует, и единственно только для того, чтоб тем только ему угождение сделать. Вот какая любовь мила будет вашему Производителю! И таковая-то в состоянии будет принести вам тысячи польз и выгод, умножить ваши увеселения и сделать вас благополучными; ибо в сем случае при всяком произведенном вами хорошем и богоугодном деле одно слово, что вы чрез то угодность сделали бесконечному своему Благодетелю, Творцу и Милостивцу, и одна мысль о сем в состоянии уже будет наполнять дух ваш сладчайшим и приятнейшим увеселением.

Но сего еще не довольно: пойдем далее по сей стезе, любезный читатель, и станем таким же образом и прочие свойства истинной любви сравнивать с свойствами любви ложной и мечтательной. Не излишнее сие будет дело, но полезное и нам крайне надобное; почему и уповаю я, что вы тем не поскучите и мне охотно отпу-

стите, что я задержу вас еще на минуту. — Я спрошу опять вас, любезный читатель, любовь ли то к Богу и походит ли то на истинную любовь, когда мы языком говорим, что Его любим, и устами исповедуем, что Он всемогущий и премудрый Вседержитель и Обладатель всего мира, без коего власти и соизволения ничто на свете быть не может, и когда не спорим и утверждаем, что происходящее с нами не инако, как по его воле и соизволению бывает, и что Он об нас во всякое время старается, печется и нас любит, а в самом деле не хотим не малейшего противного случая перенести охотно и без роптания, и быть довольными всеми Его судьбами и промыслами, но начинаем тотчас жаловаться, роптать, досадовать и печалиться, как скоро что-нибудь не по нашим желаниям и не так, как бы нам хотелось, сделается или происходить станет, равно так, как бы происходило то совсем без его соизволения, и в свете ни провидения, ни промысла Господнего не было, но все по слепому случаю делалось? Походит ли сие, говорю, на истинную любовь, и как можно сообразить с сим ежедневно повторяемые нами слова⁴⁵: да будет воля Твоя яко на небеси и на земли? Не выйдет ли из того сущее лицемерство, когда мы устами то, а сердцем иное говорить будем? И может ли тут уже прямая любовь к тому быть, когда изъявляем на кого всегдашнее неудовольствие, приносим жалобы, ропщем и негодуем? Нет, любезный читатель, не знак любви, а знак ненависти мы чрез сие оказываем; ибо истинной любви сие далеко не совместно, и она не может производить такого действия. Но кто прямо кого любит, и кто прямо удостоверен, что Творец об нем печется и промышляет, тот охотно и без малейшего роптания сносит уже все то, что сему великому Господу ни угодно с ним учинить; ибо ведает и не сомневается в том, что Он по любви своей к нему ничего злого и действительно вредного над ним не учинит и произойти не попустит. Вот прямой опыт и свидетельство истинной любви нашей к Богу! И коль счастливы были б мы и коль великая польза нам произошла, если б мы почаще сей опыт любви своей ему оказывали и охотно подвергались во всем его воле! Каких бы горестей и коликих досад и прискорбий мы чрез то избавились и сколь много поспешествовали б чрез то благополучию нашему, умалчивая о том, что мы, в сем случае снося все с терпением, самые

горести и печали в увеселение себе превращали! Ибо тогда самая та мысль, что мы чрез то делаем Богу угодное и приятное дело, могла бы дух наш наполнять великим и неописанным удовольствием.

Таким же образом спрошу я вас, дорогой читатель, может ли то с истинною любовью к Богу хоть мало согласоваться, когда многие, хотя всякий день и всякий почти час твердят святое имя Господне и из уст оное почти не выпускают, но сердца их ни малейшего при том не ощущают чувства, равно так, как бы у них тогда Бога совсем и на ум не было, и они только по привычке один церемониал и пустой звук устами своими произносили? А другие, еще того хуже, целый век препровождают, молясь и напоминая всякий день Бога и показывая вид, что они Его любят и Ему усердствуют, но о сем своем Боге столь малое понятие имеют, что когда об нем у них спросить, то либо ничего сказать не могут и в незнании своем признаться принуждены, либо предъявить, но такие мысли, которые очевидно величайшее их в сем случае невежество изъясляют, умалчивая о том, что многие совсем странное и такому великому Существо далеко непристойное понятие об нем имеют, а о святых и бесконечных свойствах и совершенствах ничего не ведают или, еще того хуже, делают развратные и такие толки и рассуждения, коих без ужаса слышать не можно. Можно ли, говорю, такие обстоятельства согласовать каким-нибудь образом с истинною любовью к Богу? Можно ли нам того прямо любить, о ком не хотим мы никогда прямо помыслить? Можно ли того любить, кого мы очень мало или вовсе не знаем? И можно ли, чтоб в нас любовь к Нему уже была, когда мы и познавать Его никогда еще не предпринимали, да и ныне никогда предпринять того не хотим? Можно ли, говорю, любить, когда мы никогда о великих Его свойствах и совершенствах живо не помышляли и оные себе прямо не воображали? Можно ли любить, когда мы никогда с Ним прямо и от сердца своего и так, как с присутствующим подле себя Господом, не говаривали, да и о разговорах таких не слыхивали, да и понятия не имеем? Нет, любезный читатель, любовь наша в сем случае будет весьма еще недостаточна. Ей не можно и начала своего до того возыметь, покуда не узнаем мы Бога несколько поближе и не доведем себя до того, чтоб помышления о Его свойствах и совершенствах и вооб-

ражение оных нас в трепет и содрогание приводили. Только тогда, а не прежде, можем мы прямо любить Его начинать и с Ним, так как надобно с Богом, говорить и разговорами такими неописанным образом увеселяться. О! Какого благополучия лишаются те, кои о сем никакого понятия не имеют и никогда в жизнь свою сего не испытывали и сего сладчайшего увеселения не ощущали! Сколь желал бы я, чтоб вы, дорогой читатель, к числу сих не принадлежали, и мне не было б нужды предпринимать невозможное почти дело, то есть уверять вас в том, чему вы, не испытав опытом своим, никогда не поверите, а именно, что нет ничего приятнее, нет ничего слаще тех разговоров, которые мы можем всякий час в тайне иметь с нашим везде присутствующим и таким Создателем, которого мы любим и почитаем себе милостивцем, благодетелем, защитником и покровителем, и о любви которого к себе не сомневаемся, и что таковые сладчайшие и с слезами радости соединенные разговоры наивеличайшую часть благополучия нашего составлять могут!

Таковое ж несогласие найдем мы, естли и прочие упомянутые мною свойства любви рассматривать и их с обыкновенною и несовершенною любовью сравнивать станем, как, например, когда истинная любовь должна необходимо иметь то свойство, чтоб мы любимой нами особе во всем старались уподобляться, то скажите, делают ли сие в свете, кои говорят, что они любят Бога? Стараются ли они Ему уподобляться и перенимают ли у Него что-нибудь, хотя малое? Ах! Сей важный пункт, несмотря что он нам в особливости подтвержден, у нас вовсе в забвении, и мы об нем всего меньше помышляем. Ежели спросите меня, в чем же нам должно уподобляться Богу, на сие отвечаю, что уподобляться нам должно Богу в том, в чем Он сам нам повелевает. Напомните, что о сем Спаситель наш некогда сказал: будете убо совершенны, яко же Отец ваш небесный совершен есть; будете убо милосерды, яко же и Отец ваш милосерд есть. Что иное сие значит, как не то, чтоб мы в нравственном нашем состоянии уподобились нашему небесному Отцу и Богу, или чтоб святые свойства Его воли были образцом, по которому и мы б свою волю устроили, то есть как Отец наш небесный свят и не любит всякое зло и неправду, а любит истину, так надобно, чтоб и мы в том же Ему уподоблялись и не любили зло и неправду, а любили

истину. Как великий наш Создатель любит всех человеков без изъятия, так надобно, чтоб и мы также всех и самих наших неприятелей любили. Как бесконечный Производитель наш милостив, милосерден, благоутроben, праведен и долготерпелив, так хочет, чтоб и мы таковыми ж были, и так далее. Одним словом, нам должно перенимать и за правило себе поставлять все Его нравственные свойства и совершенства, и в том состоит требуемое Им Ему уподобление.

Ежели спросите меня, к чему бы сие надобно было, то скажу, что надобно сие для трех причин: во-первых, для того, чтоб чрез то возвратить нам себе тот образ и подобие Божеское, по которому сначала созданы и коего чрез падение Адама мы лишились. Во-вторых, чтоб чрез такое уподобление нрав наш час от часу более согласовался с нравом Божеским, которое согласие к любви необходимо надобно и без коего она быть не может, как то мы и в примерах любви нашей к друзьям видим и довольно знаем, что без согласия нравов не может быть никогда истинной любви. В-третьих, что такое уподобление будет служить нам в великую пользу и сделает нас добродетельными и любезными Богу и чрез самое то и в нынешней и в будущей жизни благополучными. Вот к чему требуется и надобно все сие! Теперь подумайте, не достойно ли сие великого внимания, и сколь много мы еще удалены от того чтоб в сем случае исполнить Божеское хотение?

Что касается до пятого свойства, или достойной благодарности Богу за оказуемые Им к нам бесчисленные милости и благодеяния, то что мне и о сем пункте сказать? Не известно ли и не довольно ли известно, что и в сем случае мы далеко не исполняем того, что нам исполнять бы надлежало. Ежели рассудим беспристрастно о наших Богу благодарениях, то едва ли не найдем, что они в единых только словах, и то в немногих, пустых и таких словах состоят, о которых сердце наше ничего не ведает и не знает; о возмездии же Ему того всего меньше помышляем. Мы хотим только, чтоб Бог нам ежедневно добро делала и оказывал милости свои и благодеяния, и требуем того так, как бы Он к тому некаким долгом был обязан и долженствовал нам неотменно добро делать и исполнять наши прихоти и желания; сами же о том и помыслить не хотим, естли за что нам сие добро делать, достойны ли мы того, чтоб нам оказуемы

были всякие милости и благодеяния, принимаем ли мы оные так, как надобно, и стараемся ли Ему за то чем-нибудь отслужить? Ах! Сей последний пункт у нас всего меньше на уме бывает. Но что ж выходит из сего? Не сущая ли неблагодарность нашему Милостивцу и Благодетелю? Не то ли, что мы за милости Его хотя словами и сквозь зубы благодарим, но в самом деле нимало оные не уважаем или, того еще хуже, употребляя во зло, попираем их ногами своими? Изрядное благодарение и изящное любви нашей к Нему доказательство! Ах! Скрылись бы мы лучше с такою любовью и стыдились бы и говорить, что мы Бога любим и за милости Его благодарим. Нет поистине в нас и тени истинной и такой благодарности, какой Он от нас желает. Он хочет, чтоб мы оные чувствовали и чтоб милости его не пропадали тщетно, но мы б оные старались отслуживать, так как стараемся отслуживать и земным своим милостивцам и благодетелям, и тем любовь свою к Нему доказывали. Но в чем же бы должно состоять сие отслуживание? Ни в чем ином, как в употреблении во благо Им ниспосылаемых нам милостей и щедрот, то есть чтоб мы оные употребляли на то, на что Он нам оные дает и на что более хочет, чтоб мы их употребили. Не на то ли обогащает Он нас избытками, умножает наше имение, снабжает всякими надобностями, чтоб мы избытками сими снабжали других и помогали паки тем из своих сочеловеков, которые в том имеют великую надобность и терпят великую нужду?.. Но на то ли употребляем мы оные? Не совсем ли на противное тому? Не на приумножение ли наших роскошей, нашего мотовства, щегольства, великолепия и других подобных сему беспутств и суетностей, или не делаемся ли чрез то только сребролюбивее, к снисканию богатства алчнее и к приумножению еще более имения и достатка своего жаднее и ненасытнее? Не позабываем ли совсем тот конец, на который оные нам даются, и Божеское при даяние оных нам хотение? Помышляем ли мы тогда о снабдении бедных, о вспоможении нужным, о избавлении несчастных из бед и напастей, ими претерпеваемых? Не всего ли меньше мы о том помышляем и помним, и бывает ли нам досужно думать тогда о таких пустотах? Но напротив того, не препровожаем ли мы все свое время, не препровожаем ли дни и ночи в вымыслах и помышлениях только о том, как

бы нам распространить еще далее свои земли и приумножить еще более рабов, как бы одеть себя и их великолепнее, как бы построить дома огромнее и великолепнее, завести заводы многообразные, множить экипажи и другие подобные тому суетности сделать и в действо произвести? Не приумножаются ли с приумножением имени нашего и расходы наши? Не делаемся ли мы еще беднее? Не получаем ли еще более нужды в деньгах и не жалеем ли мы еще более тратить их на таковые не надобные расходы, каковых требует Божеское хотение, когда и на затеи наши денег самим нам не достает и мы денно и ночью помышляем о том, где бы их и на чем достать и себя ими снабдить было можно? Не правду ли я говорю, и не бывает ли всего того с нами? Но сего еще не довольно; поступим далее и посмотрим, каким образом и во что употребляем мы другие Божеские нам дарования. Не на то ли Бог одаряет нас природным разумом и хорошим рассудком, не на то ли ниспосылает случай к исправлению и просвещению нашего разума, чтоб мы оный на лучшее познание Его и Божественных Его свойств, воли и правления, и на способнейшее самих себя исправление, и на взаимное просвещение и исправление других своих собратий, имеющих в том оскудение, и другие сему подобные святые и до употребления разума касающиеся должности употребляли? Но на то ли употребляем мы оные дарования? Не всего ли меньше мы о том заботимся и помышляем? Не позабываем ли паче, что мы от Бога получили? Не присвоаем ли то самим себе и не употребляем ли все отменное искусство и способность нашего разума на разные только выдумки к способнейшему приумножению имени, чести и роскошей своих, также на дьявольские обманы, хитрости, происки, злословия и лукавства, на выдумывание удобнейших средств к удовольствованию страстей своих и как бы нам что-нибудь сколько правдою, а вдвое того неправдою себе присвоить и с предосуждением ближнего своего себе получить, и другие тому подобные злоупотребления разума? А ежели далее рассмотреть, то не найдем ли, что многие еще на гораздо худшее помянутые способности своего разума употребляют и вместо того, чтоб оной и на лучшее познание своего Бога и на выдумывание удобнейших средств к исправлению своего сердца и к умножению любви своей к Подателю своего

разума употреблять, оный позабыв, самих себя против самого Его ополчают и на выдумывание проклятых сомнительств, нечестивейших злословий, хулы на самого своего Производителя, Милостивца и Благодетеля и изыскивание хитросплетенных и ядом преисполненных возражений против святых Его откровенных истин для уловления тем не знающих и безрассудных и к привлечению невинных и легковверных в такую ж бездну погибели употребляют, в какой сами находятся. Великий Боже! Коль велико долготерпение и коль непостижимы судьбы Твои, коими Ты терпишь таких немощных, ничтожных и неблагодарных тварей, отваживающихся идти против Тебя и дерзающих Тебя злословить, причиняя тем великий вред между прочими Твоими созданиями!

Я надеюсь, что вы, дорогой читатель, мне в том не поспорите, что таковые забывшие самих себя люди действительно есть и по несчастью в нынешние времена в довольном множестве. Но оставим их и, пожалев только об их заблуждении, обратимся к другим предметам и пойдем далее. Скажите мне, не на то ли Всевышний ниспосылает нам разные чины и достоинства, не на то ли превозносит нас пред многими другими и украшает нас честью, снабжает властью и могуществом над прочими нашими братьями и такими ж своими созданиями, каковы и сами мы, и пред коими сами от себя не имеем мы ни малейших преимуществ, не на то ли поручает во власть нашу многие сотни, многие тысячи народа, и заставляет их нам служить, повиноваться и трудами своими нас кормить, поить, одевать, согревать, увеселять и снабжать всеми другими потребностями жизни, чтоб мы, сие за особый знак Его к себе любви почитая, помнили, благодеяния Его чувствовали и, соответствуя оным, низших себя и подчиненных Им во власть нашу людей более любили и ими с такою благодатью управляли, с какою управляет Он миром, и тем бы были в правлении Его почти как помощниками и святых Его намерений производителями. Но на то ли мы сии незаслуженные нами дарования употребляем? Не совсем ли на противное тому? Не превозносимся ли чинами и достоинствами своими? Не служат ли они нам наиболее только к тому, что мы впадаем от них в гордость, надмение и пышность, начинаем других людей презирать, над ними превозноситься, забирать себе в голову, что

мы лучшие и пред ними превосходнейшие создания, и что прочие люди для нас созданы и сотворены? Над подчиненными своими не тиранствует ли иногда совершенно и не поступает ли так, как бы в нас никакого человечества, сожаления, милосердия, любви и совести не было и в сердцах наших не обитало и как бы иногда с самыми скотами поступать не годилось? Но к чему мне далее изображать все злоупотребления чинов и достоинств? Кому оные не известны и кто оных не ведает? Я то только повторю, что сим и таковыми ли поступками надлежало нам свидетельствовать Богу нашу благодарность за его к нам толь особливые милости? Ах! Коль далеко удалена таковая благодарность от благодарности истинной и такой, какой Бог от нас требует, и коль не действительны будут в таком случае все наши изустные Ему благодарения, сколько б мы оных Ему ни приносили!

Тоже самое найдем мы, когда и о прочих милостях и благодеяниях Божеских к нам рассудим и сравним с оными свои поступки. На то ли, например, благословляет Он хорошими успехами все дела наши, чтоб мы за то Ему благодарили забытием Его и вящим ожесточением сердца нашего против Его повелений? На то ли избавляет Он нас от бед, напастей и болезней, чтоб мы того вовсе не чувствовали и благодарили Его вверганием себя еще в распустнейшую пред прежнюю жизнь и погрязали еще более в пороках и беззакониях? На то ли благословляет Он нас здоровьем, чтоб мы оное нимало не берегли, но к повреждению оного все удобовозможные меры снискивали и употребляли? На то ли одаряет нас особыми способностями к наукам и художествам, чтоб мы оные во зло и со-человекам своим во вред употребляли? Ах! Нет, не того Он от нас, но совсем иного и противного тому всеми сими и бесчисленными другими благодеяниями своими ищет и не до того нас доводить старается, чтоб мы чрез то еще худшими сделались, но Он хочет, чтоб мы сделались лучшими, все оное чувствовали и благодарили Его употреблением не во зло, а в благо все сих Его милостей.

Таким образом, видите вы, что и благодарность наша далеко еще не совершенна и нимало не согласуется с истинною и такою любовью к Богу, какую иметь надобно. О, коль великого достоин-сей пункт примечания! Я мог бы об нем еще более с вами говорить,

если бы не опасался, что сие заведет меня в великое пространство; чего ради прекратя, скажу только то, что чрез таковые неблагодарные поступки лишаемся мы весьма знатной части нашего благополучия и теряем произвольно тысячи увеселений, какими бы в противном случае могли ежедневно наслаждаться. Примечаете ли, к чему я сие говорю и к какой цели направляю свои мысли? Если нет, то в объяснение скажу, что если бы мы старались Бога за все Его милости в доказательство любви нашей к Нему выше изъясненным образом и как надобно благодарить, то могли бы получать очень часто наисладчайшие увеселения, а именно, тогда бы всякая милость, оказанная нами в сем намерении бедным, всякая услуга, одолжение и не оставление нужным, производили нам внутреннее утешение, так как я о сем прежде уже упоминал и доказывал собственными нашими чувствами. А сколь многие утешения может производить употребление разума нашего во благо и на познание Бога, мира и самих себя, и с какою приятностью сопряжены делаемые нами собратьям своим в сем случае вспоможения, то довольно известно тем, кои в жизнь свою в сем блаженном искусстве упражнялись. А таким же образом и прочие все из благодарности и любви к Богу проистекающие дела не иначе, как приятность и внутреннее душевное удовольствие в нас производить и веселить неотменно будут, если только будем делать их в сем намерении, а не для иных каких причин, и приучим себя извлекать из них сии увеселения, так как о том ниже упомяну.

Что касается до шестого свойства истинной любви к Богу, состоящей в приношения Ему наших прошений и молитв, то если рассмотрим и сей пункт, то и в нем в рассуждений многих найдем мы великое несовершенство. Не большая ли часть людей наблюдает в сем случае наружный только церемониал и молятся только либо для сотоварищества с другими, либо для наблюдения древних обрядов и обыкновений, или для того, чтоб не быть от людей зазираемыми? Но походит ли то на прошение и молитву к такому великому Господу и всех благ Подателю, каков наш Создатель есть, когда мы иногда и вид только едва хотим делать, что молимся, сердца же наши о том ни малейшего знания не имеют? Но что я говорю? Когда самые мысли притом находятся в отсутствии и совсем дру-

гими предметами и вещами заняты. Достойна ли таковая молитва молитвою назваться, хотя бы она несколько часов сряду продолжалась, и не сущее ли сие и самое то фарисейство, о котором священное писание говорит, и не лучше ли всего того один усердной вздох и восклицание будет, естли только от сердца происходить и прямо к Богу устремлен будет, так как о том там же упоминается? Нет, любезный читатель, такая молитва и тени той молитвы не имеет, какой хочет от нас наш Производитель. Не такового многоглаголения и не такого наружного церемониала Он одного от нас требует, Он хочет, чтоб с устами и сердце наше действовало, и чтоб мы молились и просили Его не принужденно, без отягощения, но из любви и не инако, как от Отца и своего Благодетеля и так, как бы мы с Ним с лица на лице находились и действительно пред Ним стояли, открывали Ему свои нужды и просили, как Отца, о Его вспоможении. И как таковую прямо усердную молитву въявь пред людьми не всегда отправлять можно, то для самого того и хочет, чтоб мы сколько въявь, а более того в тайне такие моления к Нему имели и как можно чаще повторяли. Но сколь мало таких, которые в жизнь свою к такой блаженной привычке себя приобучили, чтоб повергать себя всюду и всюду и всякой час в тайне пред Творцом и Создателем своим с пылающим любовью сердцем и находить в молении к Нему и разговорах с Ним наисладчайшее утешение, а проливая слезы восхищения, чувствовать неописанное увеселение! Не большая ли часть таких, которые о таковых Богу наиприятнейших и для нас блаженнейших молитвах и сведения не имеют и ни однажды бываемого при том утешения не вкушали и сладости оного не знают?

Ежели рассмотреть далее и самое содержание наших молитв, то и в оном найдем великое несовершенство. Из прошения и молений наших к Богу только те могут быть приятны, кои приносим мы Ему о важнейших и о таких вещах, которые нам сущестительно нужны и кои непротивны Его воле и добродетели; а мы, напротив того, заглушаем Его бесчисленными и неотступными просьбами о самых иногда безделицах совсем неважных и о таких вещах, которые Ему, как любящему нас и погибели нашей не желающему Господу, никоим образом для собственной нашей пользы услышать и испол-

нить не можно, и после негодуем, что молитвы наши не услышаны и просьбы не исполнены. Какое безумие и какая неосторожность! Мы рассуждаем о Боге по себе и думаем, что и Он о всех вещах также думает, как мы, и столь же надобными их для нас почитает, сколь надобными они нам по наущению страстей наших кажутся, и хотим иногда, чтоб Он грехам нашим был соучастник, помогал бы нам во зле и, исполняя наши негодные прихоти, поспешествовал бы нашей гибели, и, сами себя позабыв, пеняем, еслии того не исполнит, и жалуемся, что молитвы наши к Нему недоходны, а малейший противный случай всего скорее устами наказанием Его именуем, а сердцем жестокостью, оказанною нам от Него, почитаем и на то ропщем, позабыв, что многие из сих, весьма рановременно нами иногда наказаниями почитаемых бедствий, собственную для нас пользу потом производят и произошли от единой Его любви и милосердия к нам. А что уже мне о хвале, прославлении и изустном и публичном благодарении Бога сказать, которое часть наших истинных молитв составлять долженствует, когда ныне до того дошло, что многие и упоминать имя Божеское в компаниях и беседах опасаются и для того только, чтоб их на смех не подняли и не освистали, а не только чтоб хвалить и прославлять Его святое имя и свидетельствовать пред всеми чувствуемую к Нему за милости Его благодарность. Одним словом, со всех сторон поступки наши в рассуждении сего пункта требуют великого и весьма надобного исправления.

То же самое можно сказать и о уповании нашем на Бога, как седьмом и весьма важном свойстве истинной любви к Оному. Так ли мы на Него надеемся, так ли уповаем, как на такого всемогущего, нас всегда любящего и бесспорно о нашей пользе всегда пекущегося, погубить нас не желающего и такого Бога, Отца, Господа, Покровителя и Защитника надеяться и уповать надобно, которому ничего невозможного нет и который тысячу опытов любви, милости и неоставления своего нам в жизнь нашу уже оказал и впредь и завсегда то же делать обещает, и в исполнении обещания, о чем мы сомневаться не можем? Согласуются ли в сем случае слова наши с делом, и сии последние не доказывают ли совсем противное тому, и не явно ли свидетельствует, что мы ни малейшего почти

истинного упования на Него не имеем? В словах ли одних должно состоять наше упование и в том ли в одном, чтоб мы устами ежедневно только твердили, что мы уповаем на Бога и во всем на Него полагаемся и вручаем все Его воле, а не успеет малое что не по нашим желаниям и прихотям произойти, как приходим в малодушие, ввергаемся в сетование и печаль и позабываем совсем то, что прежде говорили, и поступаем так, как бы мы не имели никакого у себя помощника, защитника и покровителя, и как бы то без воли и попущения Божеского сделалось и Он бы не в состоянии был то отворать, естли б Ему то учинить было угодно? Ах! Скрылись бы мы лучше с таким упованием и стыдились бы лучше и говорить, что мы на Него надеемся и уповаем. Не упование то, в единое только пустословие и пустословие, Богу противное, а истинного упования в том и тени не бывало. Но что о сем много говорить? Кому несовершенство нашего упования неведомо и кто сему пороку не причастен? Я сожалею только, что неисполнением того теряем мы лучшее сокровище в жизни, которым бы нам владеть и наслаждаться было можно, то есть великую часть нашего временного благополучия, множество наисладчайших увеселений и в горестях наших наилучших подпор и утешений, так как о том я впереди в своем месте подробнее упомяну.

Не меньшее же несовершенство окажется, естли мы сравним и наш страх и боязнь Бога с тем, какой страх и боязнь нам иметь надлежало и который, как выше упомянуто, должен составлять осьмое свойство любви нашей к Богу. В том ли должен состоять истинной страх Божий, чтоб только устами говорить и твердить, что мы боимся Бога, а в самом деле ни малейшего вида страха и боязни к Нему не оказывать? Я выше сего уже изобразил, в чем состоит существо истинного страха и боязни к Богу, а именно, в том, что бы мы, будучи удостоверены и памятуя, что Он, хотя милостивейшее, благоутробнейшее, однако притом святейшее, правосуднейшее, всесовершеннейшее и такое Существо, которое никакого зла и преступления без наказания оставить не может, старались всеми образами остерегаться от того, чтоб Его худыми нашими делами и поступками не прогневать и чрез то не принуждать себя против хотения своего нас наказывать, и чтоб мы к тому не таким страхом,

как рабы к господину своему, но такую боязнью, как благонравные дети к такому отцу своему, которого любят и из любви прогневать опасаются, побуждались. Но так ли мы Господа своего боимся и такой ли страх в себе имеем? Верно солжем и вклепем на себя небылицу, естли сие утверждать вздумаем. За верное можно сказать, что и сотый человек не имеет в себе истинного страха детского; а естли отчасти и боится Бога, так боится так, как раб и невольник жестокого своего господина, и естли, что из страха Божия и делает и предпринимает, так делает только, избегая и устрашаясь наказания и гнева, а не с тем, чтоб делал сие из любви и нехотения на гнев привести своего Создателя и Его послушаться. Не первое ли у всех нас бывает то и слово, что мы за грехи свои мучиться будем, и что нам, боясь сего мучения, делать и Бога прогневать не надобно; о любви же к Нему при том ни слова не упоминаем? Не тем ли одним и страшаем мы и себя и других, когда к чему убеждать вздумаем? Следовательно, одно свойство Божеское напоминаем, а другое и то, которое бы могло нас наиболее побудить, совсем позабываем. Но что ж от того и происходит? Не таковое ли точно следствие, какое видим мы из опытов в земных примерах и в случаях, когда у какого милостивого, но притом строго господина, есть послушные, негодные и о любви к нему нимало не помышляющие и все из-под палки делающие рабы и подданные? Как сии, затвердивши одну строгость господина своего, привыкли уже все со вздохами, нехотя и из единого только страха и боязни делать и, однажды ожесточившись, час от часу более и так ожесточаются, что их оказуемые им с другой стороны от господина любовь и милости нимало не трогают: так и мы, затвердив уже однажды будущий гнев и наказание и правосудие Господне, что и делаем, так и делаем нехотя и со вздохами и равно как из-под палки и из принуждения и считаем себя уже на век и невозвратно погибшими, и тем только час от часу более в худых своих делах ожесточаемся и в пагубное и Богу наипротивнейшее впадаем отчаяние. А при таких обстоятельствах можно ли и требовать того, чтоб Божеские благи и благоутробие могли нас трогать и побуждать к любви к сему нашему Производителю, когда мы о том никогда не хотим и помыслить? Одним словом, за верное бы можно сказать, что естли б мы поболее о благостях

и благодеяниях Божеских к нам помышляли и, тем любить Его побуждаясь, из сей единой любви старались убежать от прогневления Его, как Отца своего, и любить и бояться Его, так как любят благонравные дети своих родителей, то дело едва ль бы не получше было и едва ль бы не скорее мы могли себя исправить, умалчивая о том, что самое сие могло бы великое поспешествование сделать нашему благополучию.

Наконец, много найдется недостаточного, естли мы и последнее оба свойства любви, то есть почтение и нашу покорность пред Богом, рассмотрим и сравним с обыкновенным нашим почтением и покорностью, Ему оказуемою. Такого ли почтения достоин великий всего мира и бесконечный Производитель от таких малых, немощных и ничтожных пылинок, каковы мы против Его, какое большая часть людей к Нему имеет? Такого ли подобострастия Он достоин и такую ли покорность и уничижение долженствовали б мы иметь к Оному, какую мы имеем? Походит ли то на истинное и достойное почтение, подобострастие и покорность, когда мы об Нем без всякого особенного почтения завсегда говорим и святое Его имя всеу всюду и всюду употребляем, когда слово Бог, вместо того, чтоб в трепет приводить долженствовало нас, нимало не трогает, когда при напоминании оного мы остаемся без всякого движения духа, когда отваживаемся судить и рядить, для чего в свете то и то не так сделано, делается и происходить, равно так, как бы Бог не умел оной создать, распорядить и им правительствовать, когда не хотим принимать с охотою и с безмолвием всего того, что Он по святым своим и неисповедимым судьбам ни соблаговолит с нами учинить и устроить, когда все повеления Его и подтверждения нимало не уважаем и грубейшее Ему послушание сделать за ничто ставим?.. Походит ли сие, говорю, на истинное почтение и покорность, и могут ли такие и многие другие сему подобные наши поступки с оным согласоваться? Ах! Они так от Него удалены, как небо от земли, и мы наигрубейшим образом лжем, когда говорим, что мы Его почитаем и оказуем Ему должную покорность. Не то бы произошло и происходить стало, естли б мы прямо Его и как надобно почитали и имели б к Нему подобострастие и покорность. В сем случае единая бы мысль о существе и свойствах нашего бес-

конечного Бога стала нас в приятной трепет приводить и каждое б Его слово стали мы почитать за величайшую святыню, а каждое повеление поставлять за величайшую важность и об исполнении оного помышлять денно и нощно.

Таким образом, видите вы, любезный читатель, что нынешняя наша и обыкновенная любовь к Богу далеко еще не совершенна и едва ли любовью назваться может, и признаться теперь сами можете, что она требует перемены и перемены великой, но необходимо надобной. Рассмотрите ж теперь сами себя и беспристрастно судите, какая любовь обитает в сердце вашем — истинная ли или ложная, и буде сия последняя, то старайтесь же ее исправить и увеличить. Приступите к сей великой и блаженной перемене, удовольствуйте желание любящего вас Создателя, который давно уже того от вас ждет и желает и с радостью готов принять вас в свои объятия и сам вам в сем великом деле помогать, как скоро вы начнете, к Нему прибегнете и Его о том попросите. Я уверяю вас, что вы тысячу раз ту блаженную минуту благословлять станете, в которую вы к сему великому намерению прямо приступите и в предприятии сего дела верно никогда не раскаетесь.

Но я заговорился уже слишком много об одном деле, и мне время уже идти далее. Извините меня, дорогой читатель, если я наскучил вам предследующею материею. Важность оной и обстоятельство, что на любви к Богу, как на некоем фундаменте, основывается наиглавнейшее все наше благополучие, завели меня в сие пространство. Теперь о любви к другим человекам буду уже с вами короче говорить и может быть так много не наскучу.

Что касается до любви к другим человекам, или к своему ближнему, то об ней вообще могу сказать, что она великое согласие имеет с любовью к Богу и сопряжена с нею наитеснейшим образом и неразрывно. Обе они друг без друга быть не могут, потому что одна на другой имеет свое основание, ибо любить Бога мы не можем, если не будем любить вкупе и человеков; а когда человеков истинно любить будем, то самым тем любовь и к Богу свидетельствовать станем. Причину тому не трудно вам уже самим усмотреть и заключить, почему сие так, а не иначе быть должно. В изъяснении свойств любви к Богу читали вы, что наиглавнейшим и первейшим свой-

ством, или паче самым существом сей любви, ничто иное есть, как охотное исполнение воли Божеской. Но как воля и хотение Божеское наиглавнейше в том состоят, чтоб мы ближних своих, то есть всех прочих человеков, любили, как самих себя, то натурально, не любя человеков, не можем мы любить и Бога. Вот причина, для которой и в священном писании говорится, что когда будем любить Бога, а брата своего ненавидеть, так то ничто иное, как ложь будет, и вот для чего любовь к ближнему столь многократно и сильно в оном как самим Спасителем, так и апостолами Его подтверждается.

Ежели пожелаете, чтоб я вам и сию любовь изъяснил и сказал, в чем истинная любовь к ближнему состоять должна, то на сие также немногими словами вам ответствовать могу и словами, сказанными, некогда Тем, коего каждое слово наивеличайшего уважения достойно, а именно: *вся убо, елика аще хотите, да творят вам человецы, тако и вы творите им: се бо есть закон и Пророцы*⁴⁶. То есть: поступайте со всеми людьми так, как бы вы хотели, чтоб они с вами поступали. Вот общее описание всей любви нашей к человекам и вкупе — общее наставление и предписание, как нам с ними обходиться и что против их делать и предпринимать надобно, буде мы их прямо любить хотим. Ежели вам сии слова священного писания не довольно важны кажутся или вы по несчастью привыкли иметь к ним некое ныне весьма обыкновенное отвращение, то прочтите книги древних философов и нравоучителей, говоривших по единому натуральному просвещению разума. Послушайте, что сама натура говорит. Вы найдете самое то же и увидите, что и они точно то же правило за главнейшее во всем нравоучении почитали и все единогласно нам внушают и твердят, чтоб мы делали все то людям, что себе хотим, а не делали б всего того другим, чего бы сами себе от них не хотели, и что в сих немногих словах вся связь нравоучения и все наши многочисленные должности замыкаются.

Вот короткий ответ на ваш вопрос и изъяснение существа истинной любви к человекам. Я бы вам мог сие далее изъяснить, если б не боялся, что заведет меня сие опять в великое пространство и что я вам тем наскучу. Чего ради оставляю самим вам извлекать из сих слов все проистекающие из них следствия и добираться до всего того, чем нам любовь свою человекам доказывать надобно.

Однако, как несмотря, что слова и правило сие всем довольно известно, оно всего меньше наблюдается, и потому любовь наша к людям далеко несовершенна и не такова, каковою ей быть бы надлежало и каковою хочет Бог, чтоб она была, то необходимость заставляет меня включить сюда хотя несколько слов в объяснение. Не поскучите ими, дорогой читатель, они не менее вам могут быть полезны, как и предследующие объяснения любви к Богу; а буде не вам, так, по крайней мере, другим, а особливо тем, которые чаще несправедливейшую приносят жалобу, что они ради б жить, как надобно, и делать то, что угодно Богу, но они не знают того, что делать, и их никто тому будто не учит. Мне хочется пристыдить их в сей лжи и доказать, что учитель у всякого есть, и учитель не наемный, но всегда при них находящийся, то есть собственное их сердце, и что естли б хотели только они вышеупомянутым словам и гласу самой природы следовать, так не было бы им нужды ни в каких нравоучителях, но собственные их чувства наставляли б их всегда, как им и против Бога и против сочеловеков поступать и как с ними обходиться.

Вот каким образом я сие им докажу: когда Спаситель наш нам сказал, что весь закон и все Пророки в том только состоят, чтоб нам то другим делать, что сами себе от них видеть и получить хотим; а того не делать, чего себе не хотим; когда самое тоже сама натура нам гласит и все светские нравоучители подтверждают; когда, говорю, истина сия неоспорима и правило сие всем нам довольно известно, и мы оному с младенчества наслышались, и когда, наконец, правило сие так ясно, так удобопонятно, так просто, что не требует никаких толкований и изъяснений и всякому оное самому довольно понять и разуметь можно, то к чему ж потребны нам нарочные нравоучители и не можно ли нам по нужде и совсем без них обойтись? Не может ли собственное наше сердце заступить оных место и быть нашим всегдашним учителем и наставником, то есть, не могут ли всякому собственные его желания и хотения быть в сем случае руководителями и сказывать, что нам делать и чего не делать надобно? Ибо неужели мы так глупы и нерассудительны, что не можем и того разобрать, что, собственно, хотели б мы, чтоб люди нам оказывали и чего б видеть от них не хотели, и потому узнать, что

нам и им делать и чего делать надобно? А когда сие учинить всякий в состоянии, то на что ж говорить, что мы не знаем и нас никто не учит, и тем прикрывать только свое нехотение исполнять повеления Бога и самой натуры.

Поистине можно сказать, что естли б мы поменьше старались себя во всяком извинять; естли б поболее уважали повеления Господни, почаще о самих себе и о должностях своих размышляли и поболее о истинной своей пользе, и, наконец, того бы ложного мнения у нас затверждено не было, что заповеди и повеления Господни трудны и исполнение оных неудобовозможно, то едва ль бы дело было не лучше, едва ль бы для нас не похвальнее и не полезнее. В таком случае легко бы всякий сам себе мог быть наилучшим наставником и нравоучителем и узнал бы скоро, что ему делать и чего не делать надобно; также и о возможности произведения того в действо престал бы сомневаться; ибо натурально, не в том ли одном долженствовало состоять все дело, чтоб нам во всякое время и всякий раз, как ни случится нам иметь с каким-нибудь человеком какое дело, становить в мыслях его на свое, а себя на его место, и самих себя спрашивать, чтоб, например, хотел я, чтоб он со мною сделал, естли б теперь он на моем, а я на его месте был? Сердце бы наше тотчас тогда шепнуло нам на ухо, и нам бы нужно только сему гласу его следовать.

Примеры сие наилучше доказать и объяснить могут; чего ради коснемся главнейших случаев и пробежим вскользь некоторые важнейшие до любви к ближнему касающиеся должности и посмотрим в практике, каким бы образом могла нас учить сама натура и наставлять, что делать.

Первою и наиглавнейшею должностью почитается то, чтоб мы ко всем прочим людям оказывали и имели истинную любовь, для того что они такие же точно создания, как мы, единым с нами Богом созданы, таковыми ж одарены преимуществами, к таковому ж концу назначены, и притом такие, пред которыми мы никаких существенных преимуществ не имеем, и с коими по распоряжению натуры назначено нам жить, обходиться, взаимно друг другу служить и помогать во всех надобностях, для того что как им наша, так не менее и нам их помощь и услуги необходимо надобны. Те-

перь спрошу я каждого, не хотим ли мы, чтоб нас все люди любили и любили б прямо чистосердечно и нелицемерно, и найдется ли кто, который бы хотел быть всеми нелюбим и ненавидим? Естьли ж хотим, чтоб нас люди любили; естьли требуют сего от них и уста наши и сердце; естьли первые мы готовы взыскивать и жаловаться, как скоро люди нас любить не будут, а по вышеписанному правилу нам то против людей делать надобно, чего б мы себе от них хотели, то не следует ли само собою, что и нам их обратно и таким же точно образом любить надобно, как хотели, чтоб они нас любили? Но почто ж не делаем мы сего и почто ж всего меньше о том помышляем? Отменные ли мы пред ними какие создания, что хотим и требуем только их к себе любви, сами же им равномерным ответствовать образом отнюдь не хотим и не намерены? Откуда взяли мы такое право, чтоб от них одних сего требовать, и кто нам одним такое преимущество пред ним дал? Не суетное ли только наше воображение и не пристрастия ли только наши? А в самом деле, не такое же ли точно право и они имеют самого того ж от нас требовать, как и мы от них? А потому не должны ли и мы так же их любить и любить искренно и чистосердечно, как хотим, чтоб они нас любили? Но что ж мешает нам сие делать? Не за начином ли только дело стало, и не знаем ли мы сами и не подтверждают ли нам многочисленные опыты, что редкие толь жестокосердечные найдутся, которые б не стали нас взаимно любить, когда мы их любить и знаки любви своей оказывать станем?

Это так, скажут мне на сие, может быть, некоторые; но, кажется, мы и без того ближних своих любим, и как же нам их любить более? Очень изрядно, скажу вам в ответ, государи мои, и очень бы хорошо, естьли б слова сии основаны были на справедливости, и вы сим мнением себя только не обманывали б. Но сего-то самого я всегда более и опасуюсь; ибо знаю, какие кичливости имеет в себе сердце наше, и сколь скоро и неприметно может нас обмануть в таких случаях и уверить в том, чего отнюдь еще не бывало. Чего ради советовал бы я вам в сем случае взять осторожность и не скоро спешить таковыми заключениями, но наперед самих себя и все свойства истинной любви рассматривать, и по тому уже заключать, имеете ли вы или не имеете такой любви к ближнему,

какой всего более и неотменно требует и повелевает иметь ваш Создатель.

Я не сомневаюсь, что многие нашли б в сем случае противное и устыдились бы прежнего своего мнения, но признаться бы принуждены были, что любовь их к людям далеко еще несовершенна и не такова, каковою ей быть надобно. Истинная любовь к человеку имеет также свои свойства, как любовь к Богу, и самими сими свойствами должно ее измеривать.

Ежели спросите, какие же бы сим свойства были, то на сие скажу, что их как самая та ж натура, или сердце наше, нам сказывает, так и священное писание описывает и изображает весьма явственно. Прочтите только проповедь, говоренную некогда на горе Спасителем нашим; прочтите послание избранного им в особенности апостола, как найдете вы уже довольно ясное как существа, так и свойство сей любви изображение. Одни следующие слова сего последнего вам много уже сии свойства объяснить могут, а именно: *любы, говорит он, долготерпит, милосердствует, любы не завидует, любы не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет свояси⁴⁷, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется об истине, вся любит, всему веру емлет, вся упоает, вся терпит, наконец, заключает он, любы николиже⁴⁸ отпадает⁴⁹*. Сии слова, говорю, могут уже вам и без меня довольно объяснить свойства любви совершенной.

Однако, еслили вам надобно или еслили противны слова священного писания и вам оное читать скучно, то пойдем другою дорогою, последуем самой натуре и посмотрим, не то же ли самое и она вещать будет.

Я спрошу теперь, во-первых, не хотели б ли вы, чтоб вам другие люди охотно и во всем услуживали и старались сыскивать к тому случай? Не приятны ли все такие без заслуг ваших оказываемые вам услуги? Не крайне ли вы бываете довольны такими людьми и не получаете ли тотчас любви к ним и некоторой привязанности? Напротив того, не досадно ли бывает вам, еслили родственники и приятели ваши, равно как и знакомцы, вам ни в чем служить не хотят, или когда ваши сделанные кому услуги пропадают тщетно и обратно не отслуживаются? Ежели сие так, то по вышеписанному

общему правилу не должно ли нам самим им равномерным образом соответствовать и таким же образом стараться во всякое время и при всяких случаях им охотно и чем только можно и без заслуг их услуживать, и причиняя такое же им удовольствие, чрез то себя им в любовь приводить и любить себя заставляя; а за оказанные вам от них услуги благодарить тем же в особливости и убегать от того, чтоб другие люди не были принуждены называть нас неблагодарными и добра непомнящими? Для чего ж не делаете вы сего или делаете, да мало? Не самая ли натура вас чему учит, и надобны ли к тому еще напominания?

Во-вторых, скажите мне, не хотели б ли вы того, чтоб все другие люди обходились с вами чистосердечно, праводушно, без лукавства и без обманов, но дружелюбно, ласково, учтиво и приятно, и не довольны ли вы бываете, когда находите сии качества в других людях? Напротив того, не досадуete ли и не имеете ли к таким людям отвращения, которые против вас лукавствуют и только о том думают, как бы вас обмануть и провести, и притом обходятся с вами грубо, зломысленно и коварно? Когда же сие так, и вы желали б, чтоб никто вам обманов не делал и так бы с вами не обходился, то не делайте ж сами того другим, но обходитесь чистосердечно, без лукавства и праводушно. Сим исполните вы должность, предписываемую Богом и самую натурою.

Таким же образом, в-третьих, не хотели б ли вы того, чтоб никто не имел к вам ненависти, злобы и зависти и не делал бы вам никакой неправды, зла и обиды, и не жалуется ли вы и не досадуete ли, есть ли кто к вам ненависть имеет и обижаet? Ежели так, то не имейте ж и вы к другим ненависти, злобы и зависти и старайтесь, чтоб вам никому и никакой неправды и обиды не делать, а особливо чтоб никому и ни в чем не завидовать; ибо всякая зависть ничто иное есть, как неудовольствие о Божеском правительстве миром и против его роптание.

В-четвертых, и что важнее всего, не хотели б ли вы, чтоб не только другие люди, но чтоб и самые те вас любили, которых вы по случаю обидели, раздражили и заставили себя почитать неприятелями и злодеями? Не было ль бы вам мило, естли б они вместо того, чтоб вам мстить за причиненные вами им обиды

и оскорбления, вздумали платить то ласкою и любовью? Не почли бы вы сие великим и достохвальным делом, и не были ль бы вы тем чрезвычайно довольны? Ежели так, то из сего можете сами заключить, что вам натура велит таким же образом и самым любить своих врагов и обидчиков и злодеев, не помнить зла, ими вам причиненного, и не пылать злобою и любомщением, но, напротив того, соответствовать им любовью и дружеством. Но почто ж не делаем мы сего, и почто не следуем сему гласу самой природы, но паче самое сие невозможнейшею вещью почитаем и о исполнении оной и слышать не хотим? С чего мы взяли, что сие несогласно с природою, и с чего затвердили однажды, что это совсем не можно и ненатурально, и не хотим никак сей мысли переменить? Одним словом, как бы мы не говорили, что сия заповедь тяжела и неудобопроизводима, однако натура для нас не переменится, а она говорит, что это делать надобно. А когда натура то велит, то надобно быть тому и возможным; потому что она ничего невозможного от нас не требует и требовать не может. Из сего видите вы, что и закон наш далеко в сем случае не столь жесток и несправедлив, как многие его в рассуждении сего пункта почитают, но свят, праведен и с природою согласен. Да можно ли ему и не такому быть, когда он основан тем, которой природу нашу лучше всех человеков знал и от которого ничто утаено быть не могло? Итак, когда все сие в здравое рассуждение принять, то едва ль бы не лучше было, естли б мы поменьше старались сей великой заповеди противоборствовать и ее отвергать, но вместо того поболее уважали слова, сказанные некогда о сем Основателем нашего закона, и ему б в сем случае поболее, нежели своими пристрастиям, поверили. Сей великой блаженства нашего Содетель, предписывая сию заповедь, и доказывающий возможность исполнения оной собственным примером, полагает в том самое существо истинной и совершенной любви к человекам и наилучшим доказательством любви нашей к Богу. Отпустите мне, что и приведу сюда точные слова сего великого Господа и напомним вам оные. Важность оных так велика, что желать бы надлежало, чтоб мы оные вместо нынешнего и весьма обыкновенного неуважения и поставления их в ничто, всякую минуту помнили и никогда не забывали. *Любите враги ваша, говорит Он, благословляйте клянущих*

*ция вы, добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящая вам напасть и изгонящая вы*⁵⁰. Вот собственное предписание Его! Но он при том одном не остается, он присовокупляет к тому доказательство и вкупе изъясняет, для чего сие надобно: *яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесех, яко солнце свое сияет на злыя и благия, и дождит на праведныя и неправедныя*⁵¹. Но и сего еще не довольно, Он продолжает далее изъяснять, и говорит: *аще любите любящих вас, кую мзду имаете, не и мытари ли тоже творят? И аще целуете други ваша токмо, что лишие творите, не язычницы ли такожде творят?*⁵² Вот доказательство, что без сего прочая любовь не действительна. Наконец, оканчивает Он речь свою наидостойнейшим примечания словом: *будете убо совершенни, яко Отец ваш небесный совершен есть*⁵³, напоминая сим, чтоб мы как в сем случае, так и во всем прочем уподоблялись и подражали поступкам нашего Бога, так как о том прежде было упоминаемо.

Я повторю, что извините меня, что я скучаю вам словами Священного Писания. Важность оных, согласие их с натурою и обыкновенное наше неуважение меня к тому приневолило. Теперь не буду более говорить о сем деле, но обращаюсь к другим предметам.

Сим образом исследовали мы четыре свойства любви, кои вкупе и четыре главные наши должности составляют, и нашли, что всякому не трудно б их самому узнать, когда б только он похотел исследовать собственные свои хотения и нехотения и по ним заключать об оных. Теперь не ожидайте от меня, чтоб я таким же образом стал упоминать и о всяких прочих наших должностях, проистекающих из любви к ближнему. Сие завело меня в великое и сюда далеко не в удобовместимое пространство, и было бы совсем излишним и ненадобным делом; ибо теперь можете вы уже без нужды сами идти сею стезею и держаться за данный вам в руки конец нитки и добираться ею до клубка, а мне остается только вам напомнить, чтоб вы не отходили ни на пядень от того правила, что нам других людей любить не иначе должно, как самих себя. Следовательно, судили бы обо всем по собственной к самим себе любви и во всяком случае становили б себя на место других, а их — на свое место. Ибо сие научит вас во всякое время, что вам делать

и чего не делать надобно, буде прямо их любить и должности свои исполнять хотите.

Теперь время бы уже мне было всю материю о сем первом правиле, касающимся до умножения веселия, кончить и приступить к предложению второго; ибо кажется мне, что я уже довольно изъяснил все то, что к доказательству неложности одного принадлежало, также привел довольно и причин, могущих нас побудить к наблюдению одного, то есть к увеличиванию в себе любви к Богу и человекам, и всем тем вам, любезный читатель, может быть, много уже надоскучил. Время бы, говорю, уже идти далее, если бы не оставалось мне одного небольшого дельца, а именно, исполнить одно обещание и ко всему вышеписанному приобщить краткое руководство, то есть сказать вам, любезный читатель, несколько слов о том, каким образом и какими средствами могли бы вы сию любовь наиудобнее в себе увеличить, если бы, например, то учинить почли за необходимо надобное и похотели. Может быть, не подосадуete вы на меня, что я вам сию услугу хочу сделать.

Итак, знайте, дорогой читатель, что средства к увеличиванию любви к Богу и человекам должны извлекаемы быть также из существа любви и прочих свойств желаний наших; ибо всегда чем ближе мы натуры всякой вещи держаться станем, тем лучший и надежнейший успех иметь можем в своих исследованиях. Итак, когда выше сего мы видели, что любовь не иное что есть, как душевное стремительство, или желание, так следует уже само собою, что возбуждаемо и увеличиваемо оно может быть теми же самыми средствами, какими все прочие желания возбуждаются и увеличиваются, и о чем в предследующих в первой части сей книги находящихся рассуждениях довольно было исследовано и упомянуто. Чего ради здесь вкратце уже сказать можно, что возбуждаемо оно должно быть помышлениями, а увеличиваемо как мыслями, так и частым повторением по оному действию.

Сие общее правило требует, однако, дальнейшего изъяснения. Помышления могут быть разные; итак, спрашивается, какими ж, собственно, помышлениями может любовное стремление наиспособнее возбуждаемо и увеличиваемо быть? К сему след должны нам показывать те предметы, к которым то желание стремится,

и как в нашем случае сими предметами не иное что суть, как совершенства; ибо любовь состоит в стремлении к соединению с разумными веществами для примечаемых в них совершенств, то следует само собою, что помышлениям оным должно быть о совершенствах, какие мы в Боге и в других людях видим и какие в них находятся. А как и совершенства бывают разные и могут принадлежать либо до разума, либо до воли, либо до обоих их совокупно и до всего существа, то и помышлениям надобно касаться до всего ж того, а особливо до совершенства воли; ибо опыты доказывают, что ничто так удобно любовь возжигать и увеличивать не может, как совершенства воли, или доброты оной.

Итак, ежели вы хотите, дорогой читатель, увеличить любовь свою, во-первых, к Богу, то советовал бы я вам наблюдать следующие немногие правила, извлеченные из всего вышеупомянутого, то есть из существа любви и свойств сего душевного стремительства, а именно:

1) Старайтесь о сем великом Существом как можно чаще помышлять, воображайте себе как можно живее все его бесконечные совершенства, а особливо бесконечную его благость к созданиям, любовь, щедроты и милосердие. Естьли ж о сих свойствах и совершенствах Божеских не имеете вы еще довольно ясного понятия, то, о! стыдитесь, что по сие время вы толь нужной вещи толь полезно познания не имеете и старайтесь оное себе снискивать.

2) Старайтесь напоминать как можно чаще все оказанные Богом и в особенности вам в жизнь вашу благодеяния и милости, воображайте их себе как можно живее и в самой подробности, присовокупляйте к тому и помышления о том, чтоб воспоследовало и в какие бы бедствия вы тогда впали, естьли б сих милостей и благодеяний вам оказываемо не было.

3) Представляйте как можно чаще в уме, сколь много вас и ныне Бог любит и сколь готов во всякое время к оказанию вам милостей, и какими выгодами и благодеяниями вы от него ежедневно пользуетесь.

4) Напоминайте и думайте живо о всех данных вам Богом обещаниях и каким благополучием вас наградить обещает, естьли вы повеления Его исполните.

5) Старайтесь чаще с Ним говорить, воображая как можно живее его вездесущие, говорите с Ним, как действительно подле вас находящимся и все ваши слова слышащим, неизреченно вас любящим и благополучия нашего желающим Благодетелем, Отцом и вкупе великим Господом и Обладателем всей Вселенной.

6) Напоминайте чаще вашу ничтожность, слабость и повреждение своей натуры, и сколь вы мало о себе можете, и что б было с вами, естли б человеколюбивый Зиждитель совсем от вас отступился, когда в каждую минуту подвержены вы можете быть многим бедствиям и напастям и не знаете, что прежде еще окончания того часа с вами воспоследовать может.

7) Сравнивайте Божеские благодеяния с вашими против Его поступками, размышляйте о своей неблагодарности и побуждайте себя стараться исправить то лучшею впредь к Нему любовью и послушанием.

8) Приводите на память себе все побудительные причины, могущие тебя побудить к любви Божеской, как, например, что вы величайшею должностью к тому, как создание Его, обязаны; что того Творец ваш не только желает, но и повелевает, и что, наконец, для собственного своего и временного и вечного благополучия вы то необходимо учинить должны, и учинить вам то возможно, и прочее тому подобное.

9) Читайте чаще такие книги, в которых о Божеских благодеяниях к нам говорится, и извлекайте нужные для себя из них примечания.

10) Наконец, старайтесь как можно чаще исполнением Божеских повелений и прочими прежде упомянутыми средствами оказывать действительно любовь свою к Богу.

Вот немногие правила, наблюдением которых можно уже будет как вам, так и другим увеличить любовь свою к Богу до знатного градуса.

Что ж касается до увеличивания любви к прочим человекам, то руководством к тому могут с пользою служить следующие правила:

1) Помышляя о человеках, смотри на них более с хорошей, нежели с худой стороны; примечай все то, что в них хорошее есть. Напротив того, забывай или мимо глаз пускай все то, что в них ху-

дого есть. Напоминай, что сие более от общего повреждения нашей натуры происходит, и имей для того к ним более сожаления, нежели досады.

2) Не исчисляй все их худые и порочные дела, но исчисляй хорошие и похвальные.

3) Не смечай того, что тебе от них, например, худого оказано, но, напротив того, старайся как можно чаще напоминать и живо воображать себе все оказанные ими тебе благодеяния, милости, приязни, ласки, доброхотства и услуги. Сие всего более может тебя побудить любить их.

4) Воображай их себе не иначе, как твоими собратями или такими ж точно созданиями, как ты сам. Напоминай чаще, что они с тобою одним Богом созданы, такими ж одарены преимуществами, к тому ж концу назначены и что ты лишнего пред ними ничего не имеешь. А что не все они одарены одинаким дарованиями счастья, то это не от них, а от учрежденного Богом порядка происходит, и что естли ты с сей стороны что лишнее пред ними имеешь, так сие произошло от произвола Божеского, которому ты за то и обязан более благодарностью. О содержании ж, в каком, собственно, каждый человек находится с Богом, ты ни малого не имеешь сведения и не ведаешь, что, может быть, презируемые тобою находятся еще в лучшей у Бога милости и благоволения, нежели ты.

5) О низших себя как вообще, так особливо тебе о подвластных не иначе помышляй, как с живым воображением претерпеваемого ими недостатка, нужды и бедности; а в рассуждении последних воображай и служение их к тебе, и что ты трудами оных пользуешься, и потом их себя питаешь, одеваешь и согреваешь, будучи хотя такой же точно человек, как они, и ни в чем от них не отменный. Сие станет уже много тебя побуждать к человеколюбию к ним и к такому правлению оными, какое согласно с волею Божескою.

6) О равных себе помышляй как о таких, которые в равном с тобою во всем находятся состоянии и одинакие имеют дарования счастья. Убегай от всех таких мыслей, которые в состоянии произвести в тебе к ним ненависть, досаду, гнев и зависть, но паче питай в себе более таких, которые бы могли побудить тебя к люблению оных как своих братьев и товарищей.

7) Высших никогда не представляй себе в мечтательном и обманчивом виде их светского благополучия, но напоминая оных, напоминай вкупе и то, что они, несмотря на свои знатные чины и великие достатки, не более твоего, а может быть, и менее благополучны; что они никогда не наедаются сытее твоего и не теплее живут, как ты, но, напротив того, чем богаче и знатнее, тем более хлопот, сует, забот, досад, горестей, печалей и всякого рода неудовольствий и душевных прискорбий имеют, потому еще злосчастнее. Сие избавит тебя от зависти к ним и побудит, напротив того, любить и их, как прочих.

8) Старайся сколько можно всем приятствовать и по возможности служить и приобретать себе более друзей и приятелей, дабы чрез то случай тебе был упражняться с ними в дружеской любви и тем склонность сию приводить в лучшее совершенство.

9) Наконец, как можно чаще напоминай все побудительные причины, которые тебя к любви ближнего твоего побудить могут, а особливо толь именныя повеления твоего Создателя и собственную твою от того проистекать могущую пользу. Не забывай и то приобщать, что сколько ты к ним любви окажешь, столько и от них себе ожидать можешь, и так далее.

Вот наиглавнейшие правила, могущие с пользою употребляемы быть для возбуждения и умножения любви к Богу и человекам. Признаюсь, что можно найти еще многие, но я уже сказал, что все оные здесь включать пределы сочинения моего не дозволяют. Я и так уже много говорил о сем пункте, а теперь время мне уже приступить к окончанию.

Итак, видели вы, любезный читатель, что любовь к Богу и человекам служить первым и наиглавнейшим средством к приумножению наших веселий и удовольствий, слышали тому доказательства, видели объяснение и, наконец, читали и руководство, каким образом и к увеличиванию оной наиудобнее приступать, чем начинать и способнее увеличивать; одним словом, вы вкусили уже теперь, говоря по прежней моей аллегории, первой мой соус и можете судить о вкусе оногo. Известен ли он вам или неприятен, вкусен ли или невкусен показался, и выберите ли меня или спасибо скажете, того не ведаю, а то только знаю, что вам надобно еще нечто напо-

следи вместо закуски, или конфекта скушать, без чего все помянутое кушанье, хотя бы вам и приятно показалось, не будет питательно и желаемого действия и пользы произвести не может, то есть мне надобно ко всему вышеописанному присовокупить еще одно небольшое правило, которое вам очень нужно и которое наблюдать надобно, естли хотите, чтоб все сие генеральное правило производило свою пользу, а именно:

По сие время сказывал я вам и много раз твердил, что из любви к Богу человекам проистекать могут наиприятнейшие и чистейшие для нас увеселения и что для самого и надобна она необходимо при искании благополучия. Но как самому сему начальному положению не всякий скоро поверить может, и легко станется, что многие, несмотря на все мои доказательства и уверения в сей великой истине, усомнятся, да и сами вы, дорогой читатель, в числе таковых находиться, может быть, будете, то чтоб освободить вас от всякого сомнительства, надобно мне, наконец, сказать вам и о том небольшом искусстве, или хитрости, которую вы при произведении проистекающих из любви к Богу и человекам многообразных добрых дел употреблять неотменно должны, естли хотите, чтоб они вам помянутое чистейшее и приятнейшее увеселение производили, а без того вы оное едва ли чувствовать будете, или хотя и будете, да очень малое и несовершенное. Сие небольшое искусство может не иначе почестся, как условием, под которым вам помянутым увеселением пользоваться можно, или солью, которою вам соус мой солить и приправлять надобно, и состоит в следующем:

Для удобнейшего извлечения из всех производимых вами хороших дел, к которым вас любовь к Богу и любовь к ближнему побуждать будет, нужного себе и чистейшего увеселения становите себя в мыслях тотчас на место того, до кого то дело принадлежать будет, а его на свое место, и старайтесь вообразить себе как можно живее, что это не он, а вы сами и точно в его обстоятельствах были, которой требует произведения того дела, и все то увеселение, которое б вы имели тогда, естли б сами вы, будучи в таких же обстоятельствах, как он, то себе от него получили. Как скоро сие сделаете, то уверяю вас и уверяю из практики, что вы точно такое увеселение тогда и чувствовать будете; ибо по свойству нашей на-

туры переселится оно нечувствительно в вашу душу и произведет в ней великую радость и наиприятнейшее удовольствие. Ежели вам сие темно и неудобопонятно, то изъясним сие небольшим примером, из которого, может быть, вы лучше усмотреть сие можете, а именно, когда любовь к ближнему и любовь к Богу побуждают вас станет оказать кому-нибудь важную какую услугу, например, помочь в нужде и бедности находящемуся беспомощному человеку или отпустить вину пред вами преступившему, или отмстить обидевшему вас каким-нибудь великодушным, любовным и им совсем неожиданным делом, и прочее тому подобное, то вообразите себе как можно живее, что вы, а не они находятся в помянутых обстоятельствах и что, например, не тот, а вы находились бы в такой нужде и бедности; увеличивайте как можно более нужду, претерпеваемую ими, со всеми ее следствиями, в мыслях представляйте себе, как бы вы охали, горевали и в каком бы были жалком состоянии и, наконец, как бы обрадовались и сколь бы довольны были, если бы иной кто вздумал вам нечаянно помочь; или чтоб вы, а не тот, сделали пред кем ошибкою и неосторожностью своею какой-нибудь великой проступок, и чтоб боялись за то гнева и наказания и ожидали б того неминуемо, и как бы обрадовались, если бы вам то великодушно отпущено было; или чтоб вы, а не он, вам какую обиду и злодейство сделали и после о том, но тщетно уже, рассказывались, и как бы вы, наконец, тронуты были, если бы вместо ненависти и отмщения вздумал он вам платить ласкою и любовью, и так далее. Наконец, воображайте себе, что всякое добродетельное дело неотменно великому вашему Творцу и Господу приятно; что Он оное видит и знает, и что с удовольствием на то смотрит и вас за то неотменно более любить и милостью своею награждать будет. Все такие помышления и воображения будут вам чрезвычайно полезны и произведут сугубую пользу, во-первых, если вы того дела еще не сделали, то они вас того момента побудят то сделать; если же уже сделали, то произведут в душе вашей наиприятнейшее удовольствие.

Вот небольшое, но важное правило, которое при производстве всяких добродетелей вам наблюдать надобно, и соль, которою вы оные посыпать и сами себя услаждать должны. Теперь мне более

нечего говорить, а время уже представлять вам другой соус; чего ради, окончив сие, обращусь к предложению второго правила.

2.

Второе главное правило, чрез наблюдение которого мы увеселения свои умножать и чрез то истинное благополучие себе созидать можем, есть следующее:

Приучи себя к мысленным увеселениям.

Важное и примечания достойное сие правило покажется многим также непонятно, и найдется очень много таких, которые сей род увеселений не только никогда не ощущали, но и никогда об нем и не слыхивали, хотя в самом деле оные знатную часть благополучия нынешней нашей жизни составлять могут и должны; потому что нам оные всего способнее и всего легче снискивать и производить себе можно, и к тому ни трудов, ни стараний не надобно. Для сих причин надобно мне сие правило необходимо изъяснить прежде, нежели приступлю я к доказательству оногo.

Я разумею под сим вообще то блаженное и неоцененное искусство, которое под именем искусства увеселяться естеством, или натурою, в свете известно. Сего довольно б уже было в объяснение для тех, которым наука сия известна, и которые из собственных опытов научились знать, что такое есть увеселяться естеством и сколь неоцененны для нас сии чистейшие душевные увеселения. Сии так называемые любители естества не потребуют от меня дальнейшего изъяснения, и мне и им немногими словами все дело пересказать можно. Но как в рассуждении их мне сие не великого труда стоит, так, напротив того, должен признаться, что в рассуждении прочих, а особливо таких, которым сей род увеселений не только никогда практикою ощущать, но и читать и слышать об них никогда не случалось, будет не только трудно, но почти и невозможно в коротких словах сделать нужное объяснение и подать им о том надлежащее понятие, но паче имею я справедливую причину опасаться, чтоб со мною в сем случае не было того ж, что с таким человеком бывает, которой предпринимает, например, от рождения слепому объяснять разность и красоту цветов и колеров и расхваливать какую-нибудь картину или глухому подавать понятие о при-

ятности пения и музыки. Но как не все люди таковы и не состоят либо в знающих сие искусство совершенно, либо в не имеющих об нем никакого понятия, но между обеими сими крайностями есть посредство, или такие люди, которые, хотя практикою в помянутом искусстве и не упражнялись, но, по крайней мере, имели случай о нем наслышаться или читать в каких-нибудь книгах и потому имеют уже об нем некоторое понятие, то в пользу сих можно мне будет с лучшею надежностью сообщить здесь краткое объяснение.

Итак, надобно знать, что увеселения, которые мы в жизнь свою иметь можем, суть троякого рода. Одни называются чувственные, потому что мы посредством наших чувств, как-то зрения, обоняния, слуха, вкуса и осязания, получаем, и сии чувства тогда услаждаются, почему для лучшего понятия можно назвать их телесными. Другие, напротив того, называются мысленные, потому что оные не посредством чувств, а чрез единые размышления в нас производятся. Сии для лучшего объяснения можно назвать духовными. Третьи ж могут быть совокупные, то есть такие, которые совокупно и мыслями и некоторыми нашими чувствами быть могут производимы, как, например, размышлениями при вспоможении зрения или слуха, к которым последним и принадлежат собственно все те увеселения, которые известны многим под именем увеселений красотою и устройением природы, или естества. Но здесь как о сих, так более вообще о всех мысленных, или духовных, увеселениях слово.

Размышляя об них, нахожу я, что они могут проистекать из разных источников и что изъяснение сих источников может быть в состоянии будет многим некоторым образом объяснить и все дело. Итак, во-первых, могут они проистекать от того, когда мы порядок и естественное, или природное, совершенство всех вещей на свете будем рассматривать и чинить о том надлежащие размышления; во-вторых, от того, когда станем измышлять и рассматривать, коим образом они побуждают и показывают след и руководствуют нам к добродетели; в-третьих, от того, когда мы будем примечать все сияющие из того следы великих и бесконечных Божеских свойств и совершенств; в-четвертых, от того, когда будем вникать и усматривать изящество человеческой премудрости как в вещах, произведенных художеством, так и в благоразумном распоряжении дел

их; и, наконец, в-пятых, от того, когда будем сами в себе ощущать, коим образом чрез то мы в познании истины час от часу более успеваем.

Нельзя довольно изобразить, сколь многие наичистейшие увеселения могут проистекать из генеральных сих источников и сколь благополучен человек, достигший в сем искусств до знатного града и упражняющийся в том часто. Такому человеку все уже вещи и самые такие, которые мы ногами попираем и ни малейшего примечания не удостоиваем, служат уже предметами врожденными в его желаниям, то есть стремлению к совершенству и к истине, стремлению любовному и совестному, и производят исполнительное увеселение. Такой человек может чрез одни свои размышления и хорошее употребление душевных сил своих чувствовать и наслаждаться почти всегдашним и непрерывным веселием, которое ему столько ж или еще более приятности произвести может, нежели владение и наслаждение другими не столь благородными благами сего мира.

Все сие и доказать не великого труда стоит; ибо как уже много раз мною упоминаемо было, что всякое веселие и приятность единственно от исполнения какого-нибудь в нас желания происходит, в нас же множество врожденных желаний есть, устремляющихся к совершенствам и к соединению с оными, также к истине и любви всех таких вещей, в которых порядок, доброта и совершенство видимы, и ко всему тому, что есть хорошее и доброе и с волею Создателя нашего согласное; всеми ж такими совершенствами весь мир, все устроение в оном и все окружающие нас вещи в самом существе своем наполнены, то не следует ли само собою, что сии желания толь часто будут насыщаемы и мы от того веселие и приятность ощущать, сколь часто оные совершенства мы усматривать и примечать станем? И не зависит ли все от того, чтоб мы, в себе хорошие и приличные к тому желания возбуждая и до знатной степени их увеличив, по оным действовать себя приучили?

Естьли же всего предследующего доказательства мало, и естьли сие иных уверить в том еще не может, что таковые увеселения действительно помянутым образом от размышления и примечания совершенств в вещах происходить могут, то для лучшего удосто-

верения сошлюсь на собственные чувства таковых сомневающихся. Скажите мне, отчего чувствуете вы в себе некое приятное ощущение, когда взираете на приятное и веселое какое положение места? Отчего приятнее вам красной день пасмурного? Отчего веселит вас весна и напаяет сердца ваши радостью? Отчего любуетесь красотой цветов многоразличных? Отчего веселитесь, въехав в великолепный город, который вы не видывали? Отчего мил вам вообще всякой порядок, и вы веселитесь, оный примечая? Отчего прекрасные сады, дома, здания, картины и прочие украшения вас утешают? Отчего происходит то, что вы, увидев иногда некую с великим искусством и хитростью сделанную вещь, не можете на нее довольно насмотреться и налюбоваться? И прочее тому подобное. Вот малая часть из известных самим вам примеров и случаев! Ответствуйте мне, хотя на них и сделайте чистосердечное признание: известна ли вам фундаментальная причина, от которой сии внутренние приятные и часто вас восхищающие чувства в душе вашей при таких случаях происходили? Бude нет, так поверьте ж, что тому не иное что причиною было, как то, что в вас находились сокровенные и вам неизвестные природные ко всему тому желания тогда насыщались, а от того по силе сделанного Творцом в натуре учреждения ощущали вы приятность и веселие духа.

Естьли ж скажете вы, что причиною тому были ваши чувства, а помышления в том никакого участия не имели, так противное тому вам тотчас докажу: возьмите, например, какую-нибудь искусством произведенную и такую вещь, которой составлению вы удивляетесь и красотой ее любуетесь и веселитесь, покажите ее какому-нибудь зверю или скотине и скажите, любитесь ли она ею, так как вы, или нет? А когда вам сей пример слишком груб и неприличен кажется, то покажите ее такому ж сочеловеку, как вы, только такому, который бы неспособен был делать таких здравых и обширных рассуждений, как вы. Покажите ее, например, малому ребенку или совершенному дураку, или хотя простоумному крестьянину и скажите, будут ли они ею точно так удивляться и так ей любоваться как вы? Не противное ли вы все увидите? Не подтвердите ли сами, что в скоте не произведет она никакого действия, а в ребенке, дураке и простоумном крестьянине хотя примечаете удивление, но далеко

не такое, как в вас? Но что ж иное доказывает мне, как не то, что в скоте вовсе такого желания нет, а в тех хотя и есть, но за недостатком еще правильных и пространных рассудков действует очень слабо? Следовательно, не рассуждения ли были всему главнейшею причиною, и не от того ли вы и увеселение толь чувствительное имели, что могли оную не только видеть, но и совершенства ее усматривать и об них делать надлежащие рассуждения?

Но когда вещи, произведенные искусством рук и изрядством разума человеческого, могут уже иногда приводить нас в такое удивление и толико утешать ум наш и сердце, то кольми паче способны к тому дела и вещи, произведенные десницею такого Существа, которого разум и премудрость бесконечна и непостижима, а власть и воля беспредельна? Что иное изъясляют нам все дела Его, как не следы непостижимой премудрости, беспредельной власти и неизреченной благодати? А какими иными вещами преисполнен свет сей, какими окружены со всех сторон мы, между какими живем, между какими движемся и есмы, как не между такими, и с трудом ли нам их доставать и искать надобно?

Но от чего ж, скажут теперь некоторые, не приводят нас все сии вещи в такое удивление и не производят в нас такого утешения, как иногда вещи, руками человеческими сделанные? От самих нас, отвечаю, и не от кого иного. Мы привыкли уже смотреть на них ежедневно без всякого помысла и не хотим никогда их удостаивать рассматриваниями своими и примечанием совершенств их, а от сего сие и делается. Самые вещи, художеством рук человеческих произведенные, самые те, говорю, которых пример вы в возражение приводите, докажут вам сие наияснейшим образом. Возьмем себе в пример простые и обыкновенные карманные часы: скажите, удивляемся ли мы уже оным, и делают ли уже нам они какое утешение? Не смотрим ли мы уже на них беспристрастным оком, и не от того ли сие происходит, что мы уже привыкли на них смотреть? Они нам уже не в диковинку, и мы о совершенствах, сопряженных с ними, не делаем никаких размышлений. Но то ли происходило б, если б мы, никогда оных не видывая и не слышав, что такое часы есть, впервые их увидели, и как все внутреннее сложение, так и действие их узнали? Не приведены б ли мы были в наиприятнейшее удив-

ление? Так, скажите вы, но это бы причинила их новость. Никак, отвечаю я, не новость, а размышления. Вы и ныне можете то же чувствовать, буде хотите; помыслите только об них хорошенько, рассмотрите их в тонкость, разберите, какое художество к тому требовалось, чтоб такую удивительную машину составить, какое искусство надобно было иметь тому человеку, которой впервые их выдумал и составил, какие проворные и искусные руки иметь было надобно, чтоб такую мелочь и так искусно выработать и обделать, сколько трудов к тому было приложено, сколько иных работ пред тем преследовать принуждено было, покуда серебро, медь, сталь и золото к сей работе могло употребиться и, наконец, какую пользу приносит все сие человеческому роду. Помыслите о сем хорошенько, говорю, и скажите, не будете ли вы чувствовать при том много-различного и приятного удивления и не в состоянии ли целой час препроводить в таких помышлениях, не чувствуя никакой скуки, но паче наслаждаясь удовольствием.

Доказав теперь, от чего натуральные вещи и все порядки, видимые в устроении всего мира, не приводят нас в удивление и не причиняют нам того утешения, к произведению какого они способны, скажу теперь, что справедливость того и сию способность их к тому могут свидетельством своим подтвердить те, которые знают то из собственных своих опытов и в изящной сей науке упражняются. Вас, любители естества, вас, сокровитного от многих и драгоценного сего сокровища обладателей, привожу я в пример и прошу о засвидетельствовании сей истины; уверьте вы сомневающихся в том собственными своими опытами, подтвердите бесстрастным признанием, что рассматривание собственных тварей и всего устроения природы всего способнее к напоению души нашей чистейшею роскошью и к приведению в приятной восторг наших мыслей и чувствий. Скажите им прямо и не стыдитесь тем, что иногда малая, ни к чему годная и ногами попираемая травинка, червячок, мушка или камушек в состоянии были вас остановить, подать повод к тысячи наиприятнейших помышлений, привести, наконец, вас в превеликий восторг и такое восхищение мыслей, что вы, сами себя позабыв, час или полчаса стояли на одном месте, находились в неопisanном увеселении и не однажды принуждены были оти-

рать слезы, катящиеся из очей ваших от внутреннего удовольствия и радости...

Пушай, умствуя, смеются тому те, которые сего рода увеселений не знают и не вкушали никогда оных сладости; довольно, что упражнения и увеселения такие милые вашему Создателю и что он для того толикими чудесами свет наполнил и по всюду его украсил, чтоб мы, оные примечая, делали себе их руководителями к познанию бесконечных его свойств, удивлялись делам рук его и, чувствуя от того наилучшее и чистейшее увеселение, соделовали себе веселие дней наших.

Коль желал бы я, чтоб вы, дорогой читатель, принадлежали к числу тех людей, коих я теперь просил о засвидетельствовании предлагаемой мною истины! Не было бы тогда мне нужды изыскивать дальнейшие неложности сего правила доказательства и уверять вас о приятности тех увеселений, которые нам от рассматривания красоты и устройства природы и порядка всех находящихся в оной вещей получать себе можно. Сами б вы от меня того уже не требовали, и я не имел бы причины опасаться, что еще не довольно ясно доказал мое предложение, которое далее доказывать не дозволяют мне пределы сего сочинения, тем паче, что дальнейшие доказательства в состоянии бы были нагнать только на вас скуку, а пользы бы от них мало было, естли бы случилось так, что вам сей род увеселений вовсе неизвестен; ибо увеселения сии такого рода, что о возможности их не прежде удостоверится можно, как искусившись в том собственным опытом.

Итак, вместо того, чтоб утруждать вас дальнейшими доказательствами, буду просить вас, дорогой читатель, что естли вам предложение мое еще невероятно, так поверьте мне до тех пор, куда вы не изведаете того собственным опытом и не узнаете практикою, правду ли я или неправду говорю. Я уверен, что вы согласитесь на мое мнение и верно увеселения сии полюбите, как скоро с ними познакомитесь и те способы узнаете, какими их находить и ими пользоваться можно.

Теперь, чтоб побудить вас к сему столь надобному и такому предприятию, в котором вы никогда не раскаетесь, надобно мне сказать вам несколько слов о тех пользах, какие могут проистекать

от наблюдения сего правила, и изъяснить то, для чего наблюдение оного при искании истинного благополучия нужно и почти необходимо надобно.

Прежде всего, дозвольте мне на минуту возвратиться к прежней моей аллегории и сказать вам, что, собственно, составляют сии увеселения при описываемом мною пути к жилищу благополучия. Наблюдение предследующего первого правила составляет собственный путь по которому вам идти надобно; а сим правилом изъясняю вам те побочные увеселения и забавы, которыми вы, идучи по иному пути, всякий раз и во всякое время, когда ни похотите, пользоваться и себя забавлять и чрез то помянутый, хотя и без того приятной путь, еще приятнейшим делать можете. Увеселения сии можно сравнить с приятнейшими местоположениями, окружающими путь оной, или паче, самыми от природы устроенными украшениями оного, которых великолепие и изящность никаким пером описана быть не может. Всевышнему угодно было усадить сей путь всюду и всюду оными и украсить его столь великолепным образом на тот конец, чтоб путешествующие сим путем могли, забавляясь оными, облегчать чрез то труды, с шествием необходимо сопряженные, и делать себе сноснейшими. И блаженны б были мы, естли б сии украшения в таком состоянии и остались, в каком они сначала устроены! Мы бы могли веселиться ими ежеминутно и тем иметь блаженное путешествие. Но, ах! Одно несчастное приключение, о котором мне теперь нет нужды напоминать, произвело великую перемену, оно причиною тому было, что все сии великолепные и забавные зрелища и предметы закрыты сделались от очей большей части людей равно как некою густою и непроницаемою мглою и туманом, так что не только идущим другими дорогами, но и шествующим самим сим путем не можно было ничего или, по крайней мере, весьма мало и то неявственно и сквозь туман их видеть. Вот причина, для чего большая часть людей не имеет о сих украшениях ни малейшего понятия, но весь свой век между оными живучи, их в подлинной красоте не видят и умирают, не выдав; а потому и не верят, чтоб они могли производить такие увеселения, о каких говорено выше. Но сколь великого сожаления сие и ни достойно, однако зло сие не совсем неисцельно. Люди хотя и потеря-

ли от природы ту выгоду, чтоб сии украшения могли прямо видеть и ими увеселяться, однако не лишены еще способов к отвращению сего зла и к приобретению себе опять возможности пользоваться тою выгодою, когда не завсегда и не в полном совершенстве, так, по крайней мере, временно и поколику кто пожелает, и употребить необходимо уже потребные к тому труды и старания, а именно, им долженствовало уже соорудить самим для себя некое зрению помогающее и такое орудие, которое бы в состоянии было разгонять тот мрак и представлять вещи очам их равно как сквозь полированное стекло в подлинном их виде, и сим орудием тогда пользоваться, когда им увеселяться оными украшениями похочется. От чего самого и происходит, что некоторые, снабдив себя сим весьма полезным орудием и употребляя сие вспомогательное средство, действительно оным пользуется и помянутые украшения видят, и ими всегда, когда ни захотят, увеселяются, и увеселениям цены не полагают; а другие, напротив того, и понятия о том не имеют.

Вот какие обстоятельства принадлежат до украшений пути, ведущего к благополучию. Из чего легко можете заключить о полезности и надобности увеселения оными, также и то, что и вам неотменно должно о снабдении себя сим просветительным орудием постараться и оное себе соорудить, если хотите оные видеть и ими увеселяться, а без того не можно вам будет иметь сию выгоду.

Теперь спрошу я вас, дорогой читатель, усмотрели ль вы, к чему я все сие говорил, и понятна ли для вас сия аллегория? Ежели нет, то изъясню теперь вам оную: под именем мрака и тумана разумею я воспоследовавшее по причине падения праотца нашего помрачение душевных очей наших. Человек сделался сам собою ни к чему хорошему не способен, а, между прочим, и к увеселению себя и сим родом увеселений. Некая непроницаемая и от страстей наших сплетенная завеса скрывает от очей большей части людей все те удивительные и зрения достойные красоты и стройности, которыми сей мир повсюду преисполнен и рассматриванием которых разумному человеку всегда себя наиприятнейшим образом увеселять можно. Большая часть людей проживает весь век в сем мире, не зная, и умирают, не видав великолепия и красот сего своего обиталища, и подобятся в сем случае таким людям, которые жили б, напри-

мер, в каком-нибудь наипрекраснейшем городе, но отправляли дела свои и из домов выходили только в ночное время или, по крайней мере, в сумерки и тогда, когда воздух наполнен густейшим туманом, а в ясную погоду и красные дни беспросыпно спали и никогда жилища своего в оные не видывали и видеть не хотели, следовательно, о всем великолепии оного имели б весьма малое, темное и недостаточное понятие и лишались бы того увеселения, которое они иметь могли, естли б похотели оное в ясные дни осматривать. Что ж касается до упомянутого мною зрению вспомогательного орудия, то под сим не иное что я разумею, как помянутое выше сего искусство, науку или умение веселиться красотою и устройством натуры, которое человеку самому себе снискивать надобно и коим он потом всегда, когда ни похочет, пользоваться может. Сие драгоценное искусство поистине можно сравнить с некаким волшебным орудием или инструментом, крайне полезным и весьма надобным для нас в нынешней жизни; посредством оного можем мы помянутую мглу от очей наших прогонять и все вещи в подлинном их и великолепном виде видеть, и от зрения сего получать себе наиприятнейшее увеселение так часто, как мы сами того пожелаем; оно отирает с очей равно как мрак и так оные просвещает, что все вещи представляются уже нам совсем в ином и совершеннейшем и зрения достойнейшем виде. В самых таких, которые мы до того презирали и ни малейшего примечания не удостаивали, находим мы множество примечания и удивления достойного. Но что я говорю? Самые те, которыми прежде мы гнушались и от зрения на них имели отвращение, превращаются в предметы, привлекающие к себе наше зрение и могущие возбуждать наше любопытство и утешать дух и сердце несколько времени. Одним словом, мы ощущаем в себе толь великую перемену, что можно сказать, что мы равно как перерождаемся, начинаем новую жизнь и входим в другой и великолепнейший свет, как скоро обучимся сему искусству. Тысячи наиприятнейших увеселений бывают плодом трудов наших, к тому употребленных, и увеселений таких, о которых другие никакого понятия не имеют и коих приятность никаким пером изобразить не можно. А что всего лучше, то увеселениями сими можем мы во все времена года и всегда, когда ни похотим, пользоваться и тем ус-

лаждать течение дней наших и облегчать трудности, сопряженные необходимо с нашею жизнью.

Вот первая польза, проистекающая от наблюдения сего правила, и первая причина, для которой бы вам о наблюдении оного старание прилагать надобно было. Теперь пойдем далее, и я расскажу вам, какие другие могут проистекать от того выгоды.

Во-вторых, надобно вам, любезный читатель, знать, что сей род увеселений совсем отменен от всех прочих родов увеселений и имеет пред ними великие преимущества. Наиглавнейшее из оных есть то, что они могут почесться непорочнейшими из всех прочих: никого мы оными не обидим, никому не сделаем досады, никто не будет вздыхать, жаловаться и иметь причину упрекать нас тем, что трудами его веселимся и забавляемся. Не повредим же мы ни тело свое, ни душу оными, не повредим и здоровья своего, так как то при многих других бывает. Но они не сделают ни другим, ни нам ни малейшего вреда и, кроме пользы, произвести ничего не в состоянии, из которых важнее всех то, что мы чрез то сделаем такое, чего хочет наш великий Производитель; ибо сей род увеселений наших Ему не инако, как мил и приятен; потому что Он для самого того и произвел свет, и украсил его бесчисленными красотою, и наполнил толь многими чудными и зрения и удивления достойнейшими вещами, чтоб мы оные не мимо глаз пускали, но усматривали, примечали и, зрением на них веселясь, ими пользовались и тем побуждались Его, как Творца и Устроителя оных, прославлять, хвалить, благодарить и возноситься к Нему сердцем своим и мыслями.

В-третьих, великим побуждением к тому может служить вам, дорогой читатель, и то, что сей род увеселений может побочным образом приносить нам многообразные и весьма важные иные пользы. Мы, упражняясь в сей науке и забавляясь в практике сими увеселениями, можем нечувствительно притом изощрять наш разум и исправлять наше сердце. Почтение к Богу увеличится, любовь к Нему умножится, добродетельная жизнь сделается милее, и мы получим более охоты к исполнению воли Божеской. В удостоверение того дозволю мне привести как многих других, так и собственной мой пример. Я, не обинуясь, могу признаться, что я тогда только начал иметь прямое понятие о великом нашем Производителе-

ле и тогда только узнал, какое это великое, непостижимое, важное, почтения, страха, любви и поклонения наидостойнейшее Существо, и тогда только начал учиться Его почитать и уважать все Его хотения и повеления, и тогда только начал познавать самого себя и свою пред ним ничтожность, как с блаженною сею наукою познакомился и посредством оной просветил свои душевные и телесные очи, и узнал как величину и огромное здание всей вселенной, так премудрое во всем оном всех вещей устройство, которое повсюду наияснейшим образом сияет, но до того времени было мне невидимо и неизвестно. Одним словом, я беспристрастно могу сказать, что я с того только времени и жить начал, ибо препровожденные до того в мраке и невежестве дни почитаю я за ничто и совсем за потерянные. А то же самое скажут вам и все другие, которые сию науку знают и ею, как надлежит, пользуются.

Четвертым побуждением к тому может служить вам то, что сие делать повелевает нам не только натуральной долг, но и сам Бог в святом своем откровенном слове. Раскройте только священное писание, как найдете вы повсюду о том напоминания и можете усмотреть, как часто прославляются там дела рук Господних и коль часто подтверждается нам познавать Творца своего из созданий.

Наконец, в-пятых, таким же побуждением может служить то полезное и в рассуждении намерения нашего наиважнейшее преимущество сих увеселений, что они такого рода, что нам оные никогда прискучить не могут, как то с прочими бывает, также что мы можем оными во всякое время, когда ни захотим, и притом даром и без всяких убытков и трудов пользоваться. Натура нам отверста всем и во всякое время, и никому не возбранен вход в сие увеселительное здание; проводники только иным к тому надобны, и в том состоит единое только препятствие; однако и сих проводников нетрудно найти, если кто только пожелает и приложит к тому старание.

Ежели спросите меня, кого ж и под именем проводников разумею, то скажу, что разумею под тем самих или сочинения таких ученых людей, которые в науке сей упражняются и, в ней искушившись практикою, могли б уже желающим во всем подать нужное руководство и вспоможение. Ибо признаться надобно, что не вся-

кий человек может сам собою узнать и обучиться сей науке, но многие совсем к тому не способны. Им надобна уже посторонняя помощь и такой человек, который бы когда не всей науке обучить, так, по крайней мере, на ту стезю их возвести мог, по которой бы им идти, естли они до желаемого предмета достигнуть желают.

Теперь не требуйте от меня, любезный читатель, того, чтоб я вам сию услугу теперь сделал: пределы сего сочинения далеко не способны к тому, чтоб можно было включить сюда желаемое руководство, которое как бы ни мало было, но заняло б великое пространство. К тому ж, не обинуясь, признаюсь, что я, будучи еще сам в сей науке учеником, учинить того нахожусь еще не в состоянии. Предприятие сие было бы сколько нужное, так, напротив того, великое и требующее многого времени, труда и великого рассмотрения, а особливо естли б сему нужному руководству быть такому, какое бы желал я, чтоб оно было, то есть такому, которое бы могло незнающим сей науки людям пользоваться и показать им простейший, наиудобнейший и скорейший путь к приобретению себе сего полезного искусства. Но к чему потребны лучшие способности, нежели какие я имею. Время, может быть, побудит способных к тому предприятию, труда толь полезного для человеческого рода, и к окончанию того, что многими уже с вожденным успехом начато. Ибо надобно знать, что многие уже трудились над сим пунктом и принесли великие услуги человеческому роду, и теперь желательно только, чтоб кто-нибудь взял на себя труд извлечь из всех трудов их и рассеянных по разным книгам и сочинениям наставлений нужнейшие вещи, и собрав оные, отведав, не можно ли составить из них некоторой особливою род порядочной систематической науки, могущей скорейшим образом к увеселениям сим всякому руководствовать, и по которой бы порядочно можно было и с основанием обучаться, как увеселяться красотою и устройением природы, и какой науки по сие время мы еще не имеем.

Однако, как я не сомневаюсь, что вы, любезный читатель, пожелаете от меня хоть нечто малое о сем слышать и, по меньше мере, чтоб я вам дал совет, что вам в недостатке такой науки делать и что предпринимать, естли вы, например, к снисканию себе помянутого искусства охоту получили и нужные к тому старания приложить

вздумали, то совет мой в том состоять будет, чтоб вы старались снабдить себя помянутыми о увеселениях красотою и устройением натуры в разных землях и трудами разных ученых мужей составленными книгами и сочинениями и оные почаще читали. Таковые книги послужат вам вместо проводников. Они служили самому мне великим вспоможением, и я не сомневаюсь, что и вам они не бесполезны будут и такую ж услугу принесут, какую мне принести были в состоянии. Читая их, можете вы не только наслаждаться уже приятнейшим увеселением, но мало-помалу и всему тому порядку нечувствительно научиться, которым должны располагаться быть требуемые примечания и рассуждения и извлекаемы из них нужные для нас увеселения.

Ежели спросите меня теперь, какие же бы то именно книги были, и есть ли они на нашем российском языке, то на первое отвечаю, что число их так многочисленно, что мне все оные пересказать вам нет способа, а коротко скажу, что они по большей части суть те, в которых физическая материя соединяема с нравоучением, и в коих сочинители увеселение красотою и устройство натуры главнейшим своим предметом имели^(*).

(*) Чтоб не оставить любопытство ваше совсем без удовольствия, то общу здесь звания хотя нескольких книг, которые в рассуждении сего пункта достойны чтения и вам много пользоваться могут, а именно:

1. Sulzern Versuch einiger moralischen Betrachtungen über die Werke der Natur, то есть: Зулцеров опыт нравоучительным рассуждением о делах естества, 1750.

2. — Unterredungen über die Schönheit der Natur, то есть: его ж разговоры о красоте природы, или естества.

3. Schilderungen aus dem Reiche der Natur und der Sittenlehre; nach allen Monaten des Jahres, то есть: изображения из царства натуры и из нравоучения, на все месяцы в году.

4. Derhams, Phisico-Theologie, то есть: Дергамова Физикобогословия.

5. Derhams, Astro-Theologie, то есть: Дергамова Астробогословия.

6. Ray, von der Weisheit Gottes in der Werken der Schöpfung, то есть: Рая, о премудрости Божеской в творениях.

7. Niewentit, von Wirklichkeit Gottes aus der Werken der Natur, то есть: Ниевентита, о бытии Божеском из чудес натуры.

Что касается до второго пункта, то с сожалением должен вам признаться, что на нашем языке по сие время очень мало таких

8. Hervey, Betrachtungen über die Herrlichkeit der Schöpfung in Gärten und Feldern 3 Theile, то есть: Гervеевы рассуждения о славе и великолепии созданий в садах и в полях, 3 части.

9. Reuschauer Gedanken über Werke der Natur, то есть: Рейшаура рассуждения о делах естества.

10. Wallburgens, Cosmotheologische Betrachtungen über die wichtige Wahrheiten in Reiche der Natur, то есть: Валбургеновы Космобогословические рассуждения о важнейших истинах в царстве природы.

11. Cuno's. Ode über sein Garten, то есть: Кунова ода на его сад.

12. Brokes irdisches Vergnügen in Gott, Брокова земное увеселение в Бозе.

13. Spectacle de la Nature, то есть: Зрелище природы, и прочие до приятной физики, а особливо до натуральной истории принадлежащие книги (Прим. А. Т. Болотова).

Зульцер, Иоганн Георг (Johann Georg Sulzer, 1720–1779) — немецкий эстетик и педагог. Ряд его работ были переведены на русский язык (например: Зульцер И. Разговоры о красоте естества: С его же нравственными рассуждениями о особенных предметах естественной науки / С немецкаго на российской язык переведенныя Михайлом Протопоповым. [СПб.]: При Имп. Акад. наук, 1777). Болотов имеет в виду работу Зульцера: Versuch einiger Moralischen Betrachtungen über die Werke der Natur / Von J. G. Sulzer ... Mit einer Vorr. von A. F. W. Sack, Berlin, zu finden bey A. Haude und J. C. Spener, 1750, а также Sulzer, Johann Georg Unterredungen über die Schönheit der Natur. Berlin : Haude und Spener, 1750.

Иоганн Яков Душ (Johann Jakob Dusch, 1725–1787) — немецкий поэт и писатель. Болотов имеет в виду его сочинение: Dusch, Johann Jakob Schilderungen aus dem Reiche der Natur. Hamburg; Leipzig: [s.n.], 1757–1760.

Уильям Дерем (William Derham, 1657–1735) — английский священник и натурфилософ. Болотов перечисляет его работы: *William Derham. Physicotheologie, oder, Natur-Leitung zu Gott: durch aufmercksame Betrachtung der Erd-Kugel, und der darauf sich befindenden Creaturen, zum augenscheinlichen Beweiss das ein Gott, und deselbige ein allergütigstes, allwetses, allmächtigstes Wesen sey. Zweyter Druck. Hamburg: Brand, 1732; William Derhams Astrotheologie, oder Himmlisches Vergnügen in Gott, bey aufmercksamem Anschauen des Himmels, und genauerer Betrachtung der himmlischen Körper ...*

книг находилось, не только сочиненных, но ниже переведенных с иностранных языков, и я не однажды уже сожалел, что трудящие-

Aus d. 5. vollst. engl. Ausg. in d. deutsche Sprache übers., u. mit e. Nachricht von den Scribenten, die durch Betrachtung der Natur die Menschen zu Gott zuführen bemühet sind, verm. von Jo. *Alberto Fabricio*. Hamburg: Felginer, 1728.

Джон Рэй (John Ray, 1627–1705) — английский натуралист. Болотов ссылается на немецкий перевод его труда: *John Ray. The Wisdom of God Manifested in the Works of the Creation* (1691).

Бернард Нивентайт (Bernard Nieuwentijt, 1654–1718) — голландский философ, ньютонианец. Болотов имеет в виду немецкий перевод его сочинения: *Het regt gebruik der wereltbeschouwingen, ter overtuiging van ongodisten en ongelovigen* Amsterdam, 1715 (Die Erkenntnüss der Weißheit, Macht und Güte des göttlichen Wesens. Franckfurt; Leipzig: Pauli, 1732).

Джеймс Харвей (James Hervey, 1714–1758) — английский теолог и писатель. Имеется в виду немецкое издание: *Erbauliche Betrachtungen über die Herrlichkeit der Schöpfung in den Gärten und Feldern* Hamburg; Leipzig: Grund & Holle, 1755.

Генрих-Фридрих Решауер (Heinrich Friedrich Reischauer, 1717–1785) — немецкий проповедник. Болотов указывает его труд: *Reischauer, H. F. Vernünftige Gedanken über die Werke der Natur* (1747).

Иоганн Готтлиб Вальпургер (Johann Gottlieb Walpurger, 1690–1765) — пастор и ученый. Имеется в виду его сочинение: *Walpurger J. G.: Cosmotheologische Betrachtungen derer wichtigsten Wunder und Wahrheiten im Reiche der Natur und Gnaden zur Verherrlichung ihres glorwürdigsten Urhebers zur Beschämung des Unglaubens und zur allgemeinen Erbauung*. Bde. 1–2.

Иоганн Христиан Куно (Johann Christian Cuno, 1708–1783). Болотов говорит о его сочинении: *Cuno J. C. Ode über seinen Garten*. Amsterdam: J. C. Schoots van Cappelle, 1750.

Бартольд Генрих Брок (Barthold Heinrich Brockes, 1680–1747) — немецкий поэт. Имеется в виду труд: *Brockes B. H. Irdisches Vergnügen in Gott*. Hamburg: Schiller & Kißner, 1721.

Нозль-Антуан Плюше (Noël-Antoine Pluche, 1688–1761) — французский священник и ученый. Болотов ссылается на его известный труд: *Abbé Pluche. Spectacle de la nature, ou Entretiens sur les particularités de l'Histoire naturelle qui ont paru les plus propres à rendre les jeunes gens curieux et à leur former l'esprit*. Paris: Veuve Estienne, 1732–1750 (*Прим. Т. А. и М. М.*).

ся в переводах не обращают взора своего на помянутые книги, толь много доброго в свете произведшие, и не возьмут на себя труд перевести на наш язык наилучшие из оных, чем конечно бы они несравненно более услуги оказали обществу, нежели переводами многих других, далеко не столь полезных, но паче иногда к развращению и растлению нравов служащих книг и сочинений.

Как же в сем случае быть? Спросите, может быть, вы, дорогой читатель, когда бы кто и хотел читать такие книги, но иностранных языков не понимает или таких книг достать не может. В таком случае другого не остается, как читать всякому поболее всякие физические и до натуральной истории касающиеся и на нашем языке отчасти уже находящиеся книги и сочинения. Из сих может уже каждый получить, по крайней мере, общее о связи всех вещей в свете понятие, а получив сие, не трудно уже ему будет самому усмотреть след, путь к помянутому искусству показующий. Все дело в том только состоит, чтоб мало помалу приучать себя на все смотреть иными и, так сказать, мысленными, или душевными глазами, и о всех видимых и невидимых, вещественных и невестественных в свете вещах отведывать чинить размышления и рассуждения, и извлекать разные до них касающиеся примечания, обращая оные так, чтоб они могли производить нам духовное увеселение.

Теперь знаю, что многие сим будут еще не довольны, а особливо те, которые к таковым размышлениям непривычны и как оные располагать, не знают. В удовольствие сих желал бы я включить сюда небольшое руководство, естли б только не завело меня сие в великое пространство. Чего ради другого не нахожу, как предложить только небольшое число правил, которые в сем случае с пользою могут ими быть наблюдаемы.

Итак, ежели хотите вы, дорогой читатель, знать каким образом наиудобнее приучать вам себя к увеселению красотою и устройением природы, то наблюдайте, по крайней мере, следующие правила:

Во-первых, приучайте себя мало-помалу взирать на все находящиеся в свете натуральные вещи, как особно на каждую, так и на общее собрание и связь оных, не так как на такие, которые вы многжды уже видали и всякой день видите и их довольно знаете,

но как на такие, каких бы вы, например, никогда еще не видывали и не знаете, и впервые тогда еще видите. Сила и действие воображения вам много в сем случае помогать может. Но к сему надобно неотменно себя приневоливать и мало-помалу привыкать, а без того воображение мало нам пользоваться может, для которой собственно причины и говорил я, что надобно себя к тому приучивать. Я не могу довольно изобразить, в каком отменном и великолепном виде представятся нам все натуральные вещи и весь вид и расположение оных, как скоро мы употребим сие средство. В самых тех, в которых мы прежде никакой красоты не находили, приметим мы уже красоту неописанную. Яхонтовый, например, свод неба, многообразные великолепные и переменные виды и мраморная пестрота облаков, а особливо при восхождении и захождении солнца, самое блистание сего небесного светила, пестрота и многообразность колеров на поверхности земной, разные зелени на деревьях и произрастениях, вблизи и вдали находящихся, вид вод ближних и дальних, разнообразность в видах земель и камней, также вид, фигура и расположение, особенное каждого произрастения, равно как животных, обитаемых в воздухе и на земле, и другие подобные тому бесчисленные вещи могут составлять предметы, могущие в восхищение приводить наше зрение, как скоро приучим мы себя смотреть на них так, как бы то в первый раз от роду было, и мы оных не видывали и не знали, что они такое, но стали б смотреть на них с примечанием и с сравнением других видов, какие мы видывали до того времени, и приравнивая оные к изображениям на картинах. В рассуждении сего последнего пункта любители живописи могут иметь пред прочими выгоду, потому что они способнее уже усматривать могут все наружные красоты, во всех оных предметах находящиеся и нами только от привычки не примечаемые. Сии во всякое время могут себя увеселять зрением на прекраснейшие такие ландшафты и картины, каких рука никакого живописца изобразить не может, и тем забавлять себя всякой раз, как им не захочется; потому что мы, буде только похотим, то во всякое время года, во всякую погоду и во всяком месте можем найти многие вещи, достойные нашего любопытного зрения, естли только красоту в них усматривать и примечать станем.

Во-вторых, возбуждайте в себе как можно более любопытство и рассматривайте все вещи, так сказать, вдоль и поперек, и примечайте все, что до них принадлежать и касаться может; ибо такие короткие рассматривания всего способнее заводить нас могут в лабиринты размышлений и подавать повод к бесчисленным духовным увеселениям.

В-третьих, сии примечания и рассматривания должны предметами себе иметь и наружное, и внутреннее всех вещей сложение, и мы должны замечать в уме своем все, что в наружном и внутреннем их составлении примечания достойного и от прочих отменного находить можем и не оставлять о том, как можно живее помышляя, любопытствовать и добираться до причины, для чего бы то так, а не иначе сделано и устроено. Сие тотчас родит в нас мысль о непостижимости намерений нашего Создателя и о бесконечной Его премудрости. Знание физики и ее частей может в сем случае великое сделать вспоможение, почему и чтение книг, до нее принадлежащих, великую пользу всякому принести может.

В-четвертых, надобно вам далее рассматривать искусство и мастерство, которым все вещи устроены, и рассуждать и мыслить об оном как можно живее и тонее. Сие возбудит в вас мысль о бесконечной премудрости Создателя, и может подать след ко многим другим полезным и увеселительным помышлениям и возбудить далее ваше любопытство. Известные и различные к увеличиванию малых вещей способные инструменты охотникам в сем случае могут приносить особую пользу и выгоду.

В-пятых, надобно вам размышлять и сколько можно более вникать в натуру, существо и свойство каждой вещи и во все обстоятельства, касающиеся до пребывания их в свете, как, например, помышлять о начале происхождения, жизни рождении, переменах, пище, плодородии, размножении, прозябении, увеличивании, уменьшении, смерти, уничтожении, возобновлении вещей и прочее тому подобное. Сие составляет неизмеримое поле для рассмотрения и неисчерпаемой источник для мысленных увеселений. Физика, а особливо натуральная история может при сем случае делать нам великое вспоможение.

В-шестых, помышляя далее, старайтесь вникать и колико можно усматривать и тот конец, или намерение, на который каждая вещь на свет произведена, и ту пользу, которую она в оном производит. Сие покажет вам след ко многим другим помышлениям, как, например, о различии соединения и связи их с другими вещами и созданиями, а чрез то можете вы повод получать удивляться премудрости Божеских намерений, и к тому как недостатком собственных своих вникновений, так и тем обстоятельством, что Богу ничего напрасного и без премудрого намерения создать не можно, побуждаться будете.

В-седьмых, надобно вам примечать и усматривать все хорошие свойства каждой вещи и, приравнивая оные к себе и к делам человеческим, извлекать из того себе нравоучение. Сей пункт можно почесть примечания наидостойнейшим, но притом таким, к чему не всякий равно способен быть может. Однако, естли хотите знать, каким образом сие делать и помянутые нравоучения извлекать, то в том могут вам помянутые мною книги руководствовать.

В-восьмых, при рассматривании вещей, сделанных искусством рук и ума человеческого, должны вы поступать точно по таким же правилам, а паче всего, раздробляя оные мыслями в начальные части, из которых они составлены, добираться помышлениями до начального произведения оных натурою, так, например, как я прежде вскользь о часах карманных упомянул. Можно сказать, что рассматривание сих вещей и сравнение оных с произведенными натурою может составлять такой же почти неисчерпаемый источник наиприятнейших мысленных увеселений, как и натуральных, естли только сие рассматривание надлежащим образом будет производимо. Оно в состоянии не менее побуждать нас к хвале и к прославлению нашего Создателя, даровавшего созданиям своим толь великие совершенства ума и знания и превозвысившего их толь много пред прочими видимыми нами животными.

В-девятых, наконец, в рассмотрении вещей не должно вам оставаться при одних видимых материальных вещах, но таким же образом рассматривать и невидимые, или паче духовные происшествия, как то: преудивительный порядок в правлении Божеском миром, непостижимые Его промыслы о людях и народах, неожи-

даемые разрушения человеческих замыслов и предприятий, естественные наказания худых дел, а награждения добрых, неиспытанность и глубину иных судеб Божеских и прочее тому подобное, что все не только великим же источником мысленных увеселений быть, но и великую пользу нам приносить может.

Сии суть вкратце те немногие правила, которые должно вам наблюдать при рассматривании вещей натуральных, естли хотите, чтоб рассматривание сие производило вам мысленное увеселение. Практика и упражнение покажет само собою, что вам далее делать и предпринимать и как более успевать в сем полезном искусстве, о котором за верное можно сказать, что оно не только может приносить нам тысячи наиприятнейших увеселений, но вкупе побуждать нас к удивлению, почтению и любви к нашему Производителю и к охотнейшему исполнению Его воли. Но сего довольно будет уже о сем правиле, теперь пойдем далее и посмотрим, в чем состоит третье средство, которым нам увеселения свои приумножать, следовательно, благополучию своему споспешествовать можно.

3.

Третье правило, которое для умножения веселия как существительной части нашего благополучия наблюдать надобно, есть следующее:

Приучай себя вообще к таким увеселениям, которые без дальних убытков и великих приуготовлений иметь и по состоянию своих обстоятельств удобнее получить можешь.

Сие правило кажется мне такого рода, что мне оное ни вдаль объяснять, ни доказывать нет нужды; всякому оно довольно вразумительно, чего ради немногих слов будет уже довольно.

Кому неизвестно, что мы от того более и мало увеселений в жизнь нашу имеем, что ищем оных все в новых, редких, драгоценных и таких вещах, которые не инако, как с великим коштом, великими трудами и стараниями доставляемы и приобретаемы быть могут, а не хотим довольствоваться малым и тем, что у нас есть и чем нас натура и счастье одарило? Все то для нас кажется мало, все то худо и всего того не довольно, что мы имеем и чем тотчас можем пользоваться и веселиться, а то и хорошо и прелестно, чего

у нас нет и в чем, по мнению своему, имеем мы недостаток. В каком бы мы состоянии и обстоятельствах ни находились, какими б выгодами и преимуществами пред множеством других счастьем одарены ни были, однако мы всем тем не довольны, все то нам не мило и не прелестно; а ежели спросите, для чего, то истинно сами не знаем. Одним словом, по простой пословице говоря, око наше не насыщается зрением, а ум — богатством. Почему и происходит то, что мы всегда настоящее пренебрегаем, а прельщаемся будущим и таким, чего у нас еще нет, и того ищем и добиваемся, несмотря хотя бы то с великими затруднениями сопряжено было, и нам оно не иначе, как чрез долгое время и по употреблении наперед многих трудов, стараний и убытков получить можно. Нельзя довольно изобразить, сколь много сие зло мешает нам наслаждаться благополучием и сколь вредные следствия за собою приносит. Довольно, что мы, чрез то окружены иногда будучи случаями к увеселениям, все оные из рук упускаем, а ищем иных и весь свой век проводим в одних желаниях и исканиях оных; а сколь странные и смешные происшествия чрез то бывают, о том упоминать почти не для чего. Не часто ли случается с нами то, что некогда Эзоп в басне своей о собаке написал? Не теряем ли и мы иногда в руках имеющееся увеселение, погнавшись за иным, которым по суетному нашему воображению другие наслаждаются, так как помянутая собака, имея кусок мяса во рту, потеряла оный, бросившись за тенью его, которую она в воде увидела? Да положить хотя, что мы не всегда такую неудачу имеем, а иногда искомое увеселение и находим, так и тогда долгое ли же время мы им наслаждаемся? Не самое ли поистине короткое и тотчас опять исчезающее? Не случается ли часто того с нами, что мы трудами многих лет покупаем такое увеселение, которое не более одного дня, но что я говорю, не более одного часа иногда продолжается? Одним словом, если хотя вскользь всю нашу жизнь и происхождение наших дел с сей стороны рассмотреть, то тысячу таких и подобных тому примеров найти можем.

Клеон имеет, например, умеренный и такой достаток, который наиспособнейшим почестся может к спокойной и благополучной жизни; все обстоятельства его, по-видимому, не иначе, как спешествовать тому могут; деревни его изрядные и хотя невелики,

но зато правление оных не сопряжено со столь многими хлопотами, как многочисленные, пропитать же и увеселять его без нужды могут; он имеет в них покойной дом, изрядные сады, леса, рощи, пруды, реки; служителей у него довольно; есть кому подать, принять и что надобно сделать; семейство у него изрядное, скота и всех прочих к жизни потребных вещей довольно; есть ему, чем себя одевать; есть, что пить и есть; есть, на чем и в чем ездить; наконец, есть у него друзья, приятели и соседы, с которыми он может знаться и обходиться и время свое с ними препровождать весело и приятно, а паче всего иметь он драгоценную вольность и может все делать, что хочет. Одним словом, он имеет, по простой деревенской пословице говоря, хлеба с душою, платье с ношу, денег с нужду, и ничто не мешает ему наслаждаться веселием и благополучием сей жизни; однако Клеон им не наслаждается, но, напротив того, во всегдашних только жалобах и негодованиях на скуку и неудовольствия пребывает; все ему немило, все неприятно и ничто веселить его не может, несмотря, что тысячи б людей нашлись, которые за наисчастливейших себя почли, естли б могли в таких обстоятельствах находится, в каких он находится. Но от чего ж бы сие происходило? От того, что Клеон всеми сими дарованиями счастья не доволен и что не умеет ими, или паче не хочет так пользоваться, как надобно. Всего вышеупомянутого для него мало и недостаточно, и деревни его малы и не состоят еще из тысячи душ, и лежат они в худых и не таких местах, в каких ему бы хотелось, и дом у него мал, худ и не довольно еще великолепен, и сады не довольно еще великолепны, и платье еще не богато и его не много, и лакеев мало, официантов нет, цугов переменных нет, экипажи не модные, стол не богат, музыка не гремит, соседей мало, а которые и есть, так не люди, а скоты и подлость, никакого увеселения с ними иметь не можно, нет балов и ассамблей, нет опер и комедий, нет смехов и игр; одним словом, нет ничего, что, по мнению его, может составлять приятную и веселую жизнь. Для сей причины Клеон и говорит, что ему в деревне жить скучно, невесело и невозможно и досадует на то, для чего всего того не имеет и иметь не может. Наконец, самое сие побуждает его оставлять деревню, ехать в город, добиваться прибыточного места, умножать имение и правдою, и неправдою, за-

купать деревни и снабжать себя всеми вещами, в коих он почитал себе прежде необходимую надобность. Но как все сие скорее сказано, нежели сделано и приобретено быть может, то какое следствие проистекает из того? Не иное, как то, что Клеон целую половину века своего в искании и добывании того принужден был препроводить, претерпеть тысячу противных случаев, бывать много раз в досаде, тоске, печали и горести, ползать, так сказать, на спине и брюхе, хлопотать, суетиться, не спать дни и ночи, истощать в трудах душевные и телесные свои силы, вредить свое здоровье, делать не то, что хочется, говорить не то, что на сердце, находиться в тысяче беспокойств и прочее тому подобное; но все это не мешает. Как бы то ни было, но Клеон под старость свою получает, наконец, все, к чему стремилось некогда его желание. Вот имеет уже он теперь вместо прежних деревнишек целые волости, дом у него огромный каменный, убранство великолепное, стол княжеский, экипажи ужасные; одним словом, он живет, как принц, в городе и ко всем забавам имеет вход отворенный... Но что ж бы вы думали? Получил ли он конец желаний своих? Ужели они все удовольствованы? Ужели освобожден уже он от всех противных и неприятных чувствий? Ужели находится в недрах благополучия?.. Конечно, скажете. Так, отвечаю; со стороны нам кажется уже то бесспорно. Но спросите ж вы самого его о том хорошенько, принудьте его к чистосердечному признанию; а буде он запирается станет, то поживите сами у него и приметьте всю его нынешнюю жизнь, вникните в его сердце и рассмотрите все дела его и поступки... Чудо поистине будет, ежели не найдете вы тому противное и не принуждены будете признаться, что благополучие его далеко еще не в таком совершенстве, в каком оно вам прежде казалось, но что степень оного не многим чем более той, какая была при прежних его обстоятельствах. Вы увидите, что он и ныне повседневно подвержен множеству неудовольствий; вы найдете, что все оные преимущества только тогда его веселили, когда он впервые их приобретал; ныне же он на них такими ж беспристрастными глазами смотрит, с какими сматривал на свои прежние. Вы услышите такие же жалобы и удивитесь, что всего того ему мало, что не достает ему тысячи еще вещей и что он и ныне еще о добывании оных мыслит, старается и трудится.

Ежели спросите, когда ж тому конец будет; тогда ответствую, когда ляжет он в великолепную гробницу, или, по несчастью до того еще не дошед, каким-нибудь неудачным успехом или противным случаем всех оных толикими трудами приобретенных выгод вдруг лишится и впадет в бездну горестей и отчаяния, которые наконец во гроб его низведут.

Пусть так, скажет, может быть, кто-нибудь из вас, дорогие читатели; но того нельзя отрещи, чтоб приобретение всех оных вещей и преимуществ не производило в нем никогда наиприятнейшего удовольствия и радостей, по крайней мере, сначала и тогда, когда он их приобретал. Не спорю и не хочу в том спорить, ответствую; но только желал бы, чтоб спросили его, коль многих трудов сии увеселения ему стоили, колико времени принужден он был оных дожидаться, какими беспокойствами он оные покупал, и сколь кратковременны все они были? Вы верно бы услышали, что помянутые беспокойства и труды и чувствуемые при том досады, прискорбности и неудовольствия далеко превозвышали оные, а чрез все то в самом деле и в рассуждении собственно себя ничего он особенного не получил. Клеон остался тем же Клеоном, то есть не вырос ни на полвершка более, не может ни наесться, ни напиться сытнее и не высыпаться более прежнего, выключая только то, что в то время был он здоровее и спокойнее и не находился в столь многих заботах хлопотах, как ныне. Но кто же ему мешал тогда всеми сими выгодами наслаждаться, и не мог ли он и без таких дальних околичностей сыскать довольно себе увеселений?

И подлинно, ежели прямо рассудить, то на пути, ведущем нас к увеселениям, не натура, а мы сами себе делаем преграды и затруднения. Она отворила сей путь каждому и сделала невозбранным и в том уже не виновата, что мы, не хотя взять самую ее в проводники и следовать приготовленную ею дороною, сами собою в сей путь отправляемся и встречающиеся с нами готовые мосты и гати, также ночлеги и украшения, прежде разбрасываем, сжигаем и разоряем, а потом сами вновь их строим и с великим трудом готовим и перебираемся, а не зная ближайшего пути, ведущего к храму увеселений, идем к нему окольными, заводящими нередко нас в пустыни, дебри, леса, топи и болота, в которых так

иногда запутаемся, что, не имея надежды выйти, приходим в отчаяние и погибаем.

Ежели ж спросите далее, какие же бы то собственно были увеселения, которые нам без дальних убытков и приготовлений искать и иметь можно, так на сие скажу, что все оные исчислять было бы сколько пространное, столько и излишнее дело; нетрудно всякому самому оные усматривать и находить. Сама натура и обстоятельства его могут показывать ему разные к тому пути и следы, только скажу, что большую и знаменитейшую часть оных могут составлять те, о которых упоминаемо было в обоих предследующих правилах. Однако и кроме их есть многие иные роды невинных, неубыточных и не с трудным исканием сопряженных увеселений, поговорите только о том с живущими в деревнях и прямо приятною, простою и невинною сельскою жизнью с разумом наслаждающимися сельскими жителями; поговорите с охотниками до садов и прямыми любителями оных; побеседуйте с любителями наук и учености и препровождающими в них и в чтении книг праздное свое время; спросите, наконец, знающих какое-нибудь ремесло и художество и упражняющихся в них по своей воле, без принуждения и для одного только увеселения; спросите у тех, которые похвальную привычку имеют при свиданиях с своими приятелями и друзьями не в пустословиях одних и не в бездельных играх, но в разумных, важных, полезных и увеселительных разговорах препровождать свое время; спросите, говорю, у всех их, пользуются ли они когда-нибудь увеселениями и часто ли претерпевают скуку? Верно услышите вы от них неожиданый и такой ответ, которому вы не поверите. Они накажут вам тысячи увеселений, которые в рассуждении их не инако, как непрерывную цепь составляют; они не лицемерно вам признаются, что никогда еще не имели причины раскаиваться в своих к тем вещам охотах; что они в состоянии веселить и забавлять их во всякое время; о скуке же они почти и понятия не имеют, и вы не думайте, чтоб они лгали и клепали себя тем, чего не бывало. Что вам это смешно и нескладно кажется, тому уже не они виноваты. Отведайте сами, изведайте то своим опытом: узнаете и вы, что ничего нет справедливее одного.

Все это одни бредни и вранье, скажете вы, и не видим ли мы часто противное тому, не видим ли и при всех оных случаях многих, не наслаждающихся дальними увеселениями и также жалующихся на скуку?.. Так, я охотно и на сие соглашусь и прошу только то припомнить, что я, говоря о том, вкупе и об одном условии упоминал, которое может быть вы не заметили, а именно, что все оные и многие иные подобные тому вещи могут только тогда производить множество увеселений, когда ими прямо и с разумом пользоваться, а без того и они нам дальних увеселений принести не могут, но паче, также как и прочие роды увеселений, нас в великие убытки, хлопоты, заботы, вожделения, досады и беспокойства ввергать могут. Всякая вещь до тех пор только хороша, покуда не выйдет из должных своих пределов; а в сем случае и всякая добрая вещь сделается худою. Не видим ли мы примеров, что в таком случае и великие добродетели обращаются в пороки, ежели из надлежащих границ выведены бывают? Итак, все зависит от умеренности и от умения; к сему же не всякий способен, а потому не всякий тем равно и веселиться может. Возьмем охоту до садов себе в пример, сколько есть охотников до них, но все ли они равно ими увеселяются? Всего меньше... Но напротив того, должно сказать, что увеселения, получаемые ими от них, бывают весьма разных степеней и что нередко бывает, что одного маленький простой садик может более и способнее увеселять, нежели другого огромные, драгоценные и великолепные сады. От чего ж сие происходит?.. От того, что первой умеет ими по надлежащему пользоваться и веселиться не только одною наружностью и зрением на оные, но и существом оных, и притом и чувствами и духом; а последний сего блаженного искусства не знает и веселится одною только поверхностью, или, так сказать, скорлупою на орехе. А от того и происходит, что первому сады его никогда прискучивать не могут, но всякий день в состоянии приносить ему новые, чистейшие и наиприятнейшие забавы, а последнему тотчас прискучивают, делаются уже не в диковинку и более не увеселяют. Но сему инако и быть не можно; потому что сей держится только за дверь сего храма увеселений, а тот входит во внутренность оного; сей веселится только зрением на наружную красоту его и помышляет только о том, как бы его

убрать и украсить получше, и все свое старание к тому прилагает, чтоб сделать его таким, чтоб он метался в глаза людям; а тот, помня более простую пословицу, что не красна изба углами, а красна пирогами, и последуя ей, наружность не более украшает, сколько позволяют ему его обстоятельства, но вместо того гребется во внутренность и веселится всеми теми бесчисленными утешениями, какими сей храм сама натура преисполнила, и имеет чрез то бесчисленные пред первым выгоды; ибо не только избавляется от всех излишних убытков, хлопот, забот и досад, сопряженных с содержанием огромных и великолепных садов, но увеселяется в них каждою вещицею, и нет такого места и уголка в его саду, которое бы не в состоянии было его остановить и по целому часу напаять душу его чистейшим увеселением. От того и происходит, что сего иногда бездельное деревцо и простой самый цветок может столько же или еще более увеселять, нежели того драгоценные ранжереи, партеры, фонтаны и статуи. От чего же сие происходит?.. От того, что тот не печется о белизне и нежности рук своих, не боится изнурить сил своих употреблением кой-когда и собственных своих трудов и с охотою к саду сопрягает вкупе охоту к увеселению натурой, или естеством, а сей от трудов почитает себя слишком возвышенным, не хочет унижить себя до такой подлости, чтоб руки употреблять на то, к чему они созданы, и боится испакостить их прикасанием к таким вещам, которые их замарать могут, а того блаженного искусства, как веселиться натурою, вовсе не знает и о том не слыхивал и потому и в садах своих не столько веселится, сколько воюет со своими садовниками и духом мучится. Вот истинный источник, из которого вся разность в увеселениях проистекает! А что здесь говорено о садах, так то же самое и о прочих вещах разумеется, которыми увеселяться нам сама натура и Производитель ее не запрещает.

Знаю, что многие найдут еще одно, по мнению их, весьма важное обстоятельство, которое им против всего вышеописанного возразить можно. Они легко сказать могут, что все сие хорошо; но как в таком случае быть, когда у кого ко всему тому ни склонности, ни охоты, ни желания нет? Иной рад бы, например, иметь охоту к хлебопашеству, домостроительству, к садам, рыбным лов-

лям, к наукам, к чтению книг и к прочим каким-нибудь рукоеслам и художествам, способным для препровождения праздного времени, и прочему тому подобному, но ему натура того уже не дала, и он нив чем из помянутых вещей не находит увеселения. Как в таком случае быть?.. Изрядно, отвечаю; возражение, по-видимому, справедливое и нет его обыкновеннее. Но что естьли можно доказать, что оно весьма худые и слабые основания имеет? Что скажем мы тогда? Не устыдимся ли, когда увидим, что тем себя мы только обманываем и что сие единственным извинением кичливости нашего сердца служит? Однако не хочу нарушать спокойствие ваше пространными тому доказательствами, но коротко скажу, что ничего нет легче доказать того, что натуру мы в сем случае слишком много обвинять никак не можем. Она произвела хотя небольшую и весьма надобную разность, однако, совсем почти не в том, в чем мы ее полагаем; вся разность по большей части состоит в разности так называемых темпераментов, или нравов, как то: холерического, меланхолического, флегматического и сангвинического. Но сия разность касается только отчасти до сложения нашего тела, отчасти до действий наших склонностей (о чем пространно говорить будет слишком много), а не до самых склонностей и желаний. Самые же склонности или, паче сказать, кладези или ключи, из которых склонности наши, как разные источники, ручьями проистекают, во всех человеках натурую произведены почти одинаково, и ни один человек не лишен оных; а возражаемая разность в склонностях и охотах человеческих происходит малою только частью от природы и наследственного прехождения от родителей на детей их, а по большей части от того, что сии ручейки либо с самого младенчества нашего не прочищены, либо при возрасте позасорились и в течении своем остановку получили, и вода в другую сторону и другими источниками потекла, то есть другие склонности и охоты места оных заняли, а сии заблаговременно и в самом начале угнели. Следовательно, по большей части все зависит от того, чтоб они прочищены и к действию способны учинены были. А что сие справедливо, то могут нам доказать сами опыты. Но самих вас, дорогие читатели, я в сем случае сошлюсь и спрошу, не случалось ли вам самим видеть или слышать множество таких примеров, что люди получают со време-

нем к тому великую охоту и склонность, к чему прежде никакой охоты не имели и к чему, казалось, что они нимало не сродны были? Не ходя вдаль, возьмем в пример всех тех мастеровых, которых мы поневоле иногда чему-нибудь учиться отдаем; не большая ли часть из них получают к тому охоту и склонность, и не в тех ли почти одних мы оной не находим, которые либо сами в том не старались, либо иные склонности и не о том мысли, либо совсем поврежденной нрав имели и к тому ни малейшего прилежания употребить не хотели. Коротко, если б дозволено мне было собственно в доказательство привести, то бы мог я своим примером, то утвердить; я, находясь сперва в военной службе, ни малейшей не имел склонности к сельской жизни и садам и сам о себе думал, что я к тому нимало не сроден; но сделавшись деревенским жителем, в короткое время получил такую, которую почти господствующею во мне ныне назвать можно. Отчего ж она произошла, если б ключа уже не было?

Итак, окончу я все сие, сказав, что все зависит единственно от того, чтоб мы сами постарались увеличить в себе те желания, которые приличны к тем вещам, от которых, например, нам без дальних коштов и без великих приуготовлений увеселения получать можно. Чрез сие можем мы со временем и нечувствительно произвести в себе к тому охоту и склонность; а каким образом наудобнее сие в действо производить, о том, надеюсь, не для чего мне опять то повторять, о чем довольно пространно было говорено в предсудующих моих рассуждениях, находящихся в первой части сей книги. Итак, всякий, желающий о том подробнее знать, да соблаговолит привести оное на память; а я двумя только словами скажу, что все искусство состоит 1) в частом помышлении о тех вещах, 2) в частом повторении таких дел, которые к тому свойственны и, наконец, 3) в небольшом себя к тому сначала приневоливании.

Но сего довольно будет о сем правил и средств к приумножению наших веселий; теперь пойдем далее и посмотрим, в чем состоит четвертое.

4.

Четвертое генеральное правило, наблюдением которого нам количество увеселений своих умножать можно, есть следующее:

Увеселениями наружных чувств наслаждайся умеренно и не слишком много.

Сие правило требует уже опять от меня некоторого объяснения и доказательства, а без того иным оно будет непонятно; чего ради следующего к тому, надеюсь, довольно будет.

Изъясняя второе правило имел я уже случай упомянуть, что все наши увеселения могут некоторым образом на три рода разделиться, а именно, на чувствительные, или телесные, на мысленные, или духовные, и на совокупные. О сих обоих говорено было тогда, а здесь о первых, то есть о чувственных, или телесных, в особенности идет слово.

Сии увеселения получаем мы посредством наших чувств, то есть зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания, или, короче, посредством нашего тела; почему они сколько чувственными, столько и телесными называться имеют равное право. Можно сказать, что сей род увеселений достоин особого примечания тем паче, что оные суть самые те, за которыми все люди наиболее в жизнь свою гоняются, их любят и предпочитают их слишком уже много мысленным, не делают между ними никакого разбора и самым тем, к великому своему пред осуждению, наивеличайшую погрешность делают. Они составляют предметы большей части их дел, трудов и стараний, и есть люди, которые в наслаждении сего рода увеселениями все блаженство и благополучие сей жизни полагают и ни о каких других и слышать не хотят, хотя тем несказанным образом погрешают. Для самого сего обстоятельства, равно как и для того, что от наблюдения вышепредложенного правила для нас великая и важная выгода проистекать может, не излишнее, надеюсь, будет, если мы об них поговорим несколько пространнее.

Я не знаю, надобно ли мне исчислять сей род увеселений в подробности и терять на то время или не надобно. Кажется, всякому могли б они довольно быть и без переписи известны и всякому из вышеописанного нетрудно уже самому заключить, что к сим увеселениями принадлежит все то, что может утешать и увеселять наши глаза, нос, уши, язык и все тело; следовательно, на что о том сказывать, что всякому и без меня известно. Чего ради лучше о том умол-

чать и приступить к чему-нибудь важнейшему и не столь коротко известному.

Прежде всего скажу, что все сии увеселения могут быть разделяемы разными манерами; во-первых, по числу наших чувств на пять разных классов, как то: на увеселения, происходящие от насыщения зрения; на увеселения, происходящие от насыщения и удовольствования слуха; на увеселения, происходящие от удовольствования нашего обоняния; на увеселения, происходящие от удовольствования нашего вкуса, и, наконец, на увеселения, происходящие от удовольствования нашего осязания; во-вторых, на позволенные и непозволенные; в-третьих, на вредные и полезные; в-четвертых, на произвольные и непроизвольные; в-пятых, на удобоприобретаемые и с трудом приобретаемые, и так далее.

Сие упомянул я для того, чтоб тем доказать, что не всеми оными без разбору нам пользоваться благоразумие дозволяет, но по силе предследующих правил и рассуждений одни те в число удобных к составлению благополучия нашего почитать, которые по справедливости могут названы быть позволенными, нам полезными и удобоприобретаемыми; таких же, как огня, бегать и остерегаться, которыми наслаждаться либо сама натура и ее общий с нами Производитель запрещает, либо нам наслаждение ими вред телесный или душевной учинить может, либо мы их не иначе, как с затруднениями получать можем. Какие бы сии разные роды увеселения ни были, до сего не трудно также всякому самому добраться.

Далее замечая, что все сии чувственные увеселения имеют двойное происхождение и происходят либо от удовольствования человеческих, либо от удовольствования и насыщения так называемых скотских желаний и стремительств. Что я под сим разумею, нетрудно всякому усмотреть, как скоро он благоволит напомнить, то что я в первой части сей книги о разности наших желаний говорил.

Наконец, надобно мне следующее весьма примечания достойное обстоятельство заприметить, а именно, что в рассуждение всех сих чувственных, или телесных, увеселений из опытов примечено, что они, а особливо те, которых нам по вышесказанному бегать и остерегаться надобно, имеют некое особое свойство, состоя-

щее в том, что они не только не могут долго продолжаться, но чрез частое повторение теряют свою силу, или степень своей величины, и час от часу делаются человеку меньше чувствительны, а наконец, не только не чувствительными, но уже ему и наскучивают и обращаются в отягощение. От чего сие происходит, о том в тонкость исследовать была бы самая излишность. По всему видимому, причиною тому устройство внутренних орудий и непостижимость связи машин наших чувств, которым вредно может быть, когда они часто одинаким образом действуют и чрез то терпят повреждение. Обстоятельство, что мы не можем долго на одну вещь без остолбенения глаз пристально и беспрерывно смотреть, и прочие тому подобные примеры подтверждают сию догадку; чего ради натура, произведя вышеупомянутое свойство сего рода увеселений, равно как мановением руки дает нам знать, чтоб мы чувства наши чрез частое такое принуждение к действию орудий их одинаким образом не доводили до повреждения; и чтоб нас к тому против хотения несколько принудить, то вложила в нас стремительство, чтоб мы при удовольствовании приличных к тому желаний искали всегда переменных предметов.

Теперь приступлю я к самому делу и скажу, что самое сие при-
меченное свойство и положено основанием сему важному правилу; ибо когда сама натура нам говорит, что частое повторение одинаких чувственных увеселений нам вредно и невыгодно, то что натуральнее того, как следовать ее повелению и от того как можно удаляться, то есть наслаждаться чувственными одинакими увеселениями не гораздо часто и не слишком много, дабы чрез то не тщетно употребить сей данный ею нам подарок, и его самим от себя не лишиться, но им надлежащим образом пользоваться?

Чтоб все сие простее и не так умозрительно изъяснить, постараюсь теперь доказать примерами. Пройдем вскользь все пять родов сих увеселений и коснемся нескольких примеров.

Начнем с увеселений, происходящих от удовольствования нашего зрения; кому не известно, коль прискучливы они, естли часто повторяемы будут, и коль много теряют величины своей от сего частого наслаждения? Пойдите смотреть какое-нибудь великолепное строение, пойдите в великолепный сад, посмотрите на

драгоценные какие украшения, диковинные и редкие вещи, новые и дорогие платья и вещи, прекрасные картины, на изрядство какого-нибудь зверя или птицы и, наконец, на самую красоту человеческую, в какое восхищение приходите вы в первый раз и какое увеселение чувствуете от того? Но походите туда почаще, посмотрите на то ежедневно и скажите мне по прошествии нескольких дней, с таким ли вы восхищением на то взираете, как в первый и последующие разы? Не должны ли вы будете признаться, что увеселение, чувствуемое вами ныне при зрении на оные, далеко уже не таково, как прежде было, и что иные вещи вас уже нимало не увеселяют, а другие, напротив того, уже и прискучивать начинают? Кому не известна сия истина и кто не испытал ее много раз в своей жизни? Надобно ли мне еще доказывать оную?

Ведаю, что вы мне не велите; и для того, оставляя сие, докажу таким же образом и второе предложение, то есть, что умеренное и не столь частое наслаждение сего рода увеселениями нам всю величину оного сохранить и нам оными во всю жизнь пользоваться допустить может.

Возьмем в пример какие-нибудь простые и известные в сем случае вещи... Скажите, например, не всем ли нам довольно известна весна и бываемые во время оной перемены природы? Не все ли мы оную множество раз видали? Не все ли знаем, как все происходит? Но несмотря на то, не веселимся ли мы все ею ежегодно? Не восхищаемся ли приятнейшим чувствием при приближении и по наступлении оной? Скажите, не бывает ли того с нами, что мы не можем зеленью травы, новою одеждою дерев, расцветающими цветочками и многими другими предметами довольно налюбоваться и навеселиться, несмотря на то, что мы все то уже несколько раз в жизнь свою видывали и тем веселились? Не часто ли случается с нами, что мы с величайшею нетерпеливостью ждем, чтоб развернулось какое-нибудь нам надобное деревцо или цветочек, и неведомо как любуемся им, когда то воспоследует, хотя в самом деле нам то не в диковинку, и мы то уже множество раз видали? Но отчего ж все сие происходит, и что причиною тому, что увеселение наше ничем не меньше прежнего, как не то одно, что мы перемены сии не часто видим и весною не всегда наслаждаемся?

Что сие действительно так, и что самые сии перемены нам далеко таковы приятны и чувствительны не были б, естли б мы гораздо чаще оные видели, то можем из того заключить, что конец самой сей весны нам далеко не таков приятен, как начало, потому что мы видеть оную мало-помалу уже привыкаем. Естли сего не довольно, то приведу я в пример охотника до цветов и держащего оные во весь год кругом у себя на окнах, и спрошу его, такое ли они ему увеселения приносят, как надворные, так ли он веселится ранжерейными своими гвоздиками, желтофиолями и левкоями летом и когда их всякой день цветущие видеть, как прочими надворными из года в год цветущими и редко видимыми цветами. Не потеряли ли они в рассуждении его большую часть своих преимуществ и способностей к увеселению зрения, и не от того ли сие происходит, что он видит их ежедневно и ему не в диковинку?

А как с сими натуральными вещами происходит, так точно и со всеми прочими. Чем реже будем мы зрением на какую вещь веселится, тем чувствительнее сие веселие будет и тем долее можем мы ею веселиться.

Обстоятельства, касающиеся до увеселений, происходящих от удовольствования нашего слуха, тоже самое нам доказать могут. Кому не известна приятность ощущения нашего при слышании какой-нибудь приятной музыки или пения? Какое веселие производит согласие и стройность тонов в сердцах наших? Но станем же мы все сие ежедневно слушать, долго ли пребудет утешение сие в одинаковом градусе? Не станет ли оно час от часу уменьшаться и не дойдет ли наконец до того, что она нас уже не только более увеселять не станет, но и прискучить в состоянии. А ежели бы мы сим увеселением не столь часто наслаждались, то верно бы во всю жизнь могли в одинаковом градусе оное чувствовать. Примером тому могут служить нам соловьи: коль утешно для нас пение сего воздушного музыканта, и не приятнее ли они всегда вольные нежели заключенные в клетках? Сии хотя также нас редкостью своего пения увеселяют, но иногда уже и наскучить могут; напротив того воздушные, производя нам сию утеху гораздо реже, никогда ни прискучивают, но всякий год одинаково увеселяют. Сие одно доказывает уже нам, сколь премудро учреждение природы, и какие

согласные с нашими чувствами сделаны в ней Зиждителем рас-
порядки.

Тоже самое примечаем мы и в рассуждении увеселений, про-
истекающих от удовольствования нашего обоняния. Какое при-
ятное ощущение получаем мы от благовония цветов, куритель-
ных порошков, вод и масл благовонных? Но нюхайте же то всякий
день и час, накуривайте покой всякий день порошками, и чтоб
дым не выходил, и скажите, так ли уже вам приятно будет благо-
воние оных?

Но оба вышеупомянутые роды увеселений не составляют даль-
ней важности и не столь великое участие имеют в делах и жизни
нашей, как последующие оба, то есть от вкуса и осязания проис-
ходящие. Сии по справедливости достойны того, чтоб принимать
их в дальнейшее примечание и говорить об них несколько по более.

Итак, что касается до увеселений, происходящих от удоволь-
ствования вкуса, то кому не известно, сколь скоро приедаются нам
и самые драгоценные яства и припиваются наилучшие напитки,
когда мы часто одно да одно есть и пить, а особливо не натураль-
ное, а ухищренное станем? Не доходит ли часто до того, что мы
в ином совсем вкус теряем и сладчайшее кушанье с меньшим ап-
петитом и вкусом едим, нежели иной самое простое и натураль-
ное? От чего ж иного сие происходит, как не от частого повторения
употребления одинакого кушанья? А как сие наиболее в рассуж-
дении сложных, дорогих и таких кушаньев примечается, которые
нам не столь натуральны, как простые, и пряностью своею орудия
чувствия нашего сильнее трогают, то не учит ли нас самое сие на-
блюдать в перемене кушаньев своих благоразумную различность
и не всегда употреблять хорошее, но переменить оное с грубым
и простым, дабы чрез то сохранить на должайшее время ту сте-
пень приятности, какую имеем мы, употребляя в пищу хорошие
и приятные кушанья? Что сие действительно от того последует,
тому в доказательство могут служить посты наши. Признаюсь, что
с сей стороны они особливую приносят нам пред прочими народа-
ми выгоду и преимущество; ибо не должен ли всякий признаться,
что употребляющие всегда в пищу мясо о той степени приятности
нашего вкуса и сопряженной с тем некоторой радости и понятия не

имеют, какую мы, разгавливаясь после постов, да и в самые четверги и субботы наслаждаемся.

Что касается до разных родов увеселений, имеющих начало свое от удовольствования чувства осязания, то тоже самое и об них сказать можно, что и о прочих. Кому не известно, сколь скоро прискучивает нам, например, излишняя теплота и стужа, долговременное лежание, сидение, ходьба, езда, разные телесные упражнения и прочее тому подобное, и все то, в чем осязание наше имеет некое участие? И сколь многие приятности могут получаемы быть от наблюдаемой в том благоразумной перемены и не слишком частого повторения одинакого увеселения и забавы, принадлежащей к сему роду? Невеликая важность всех оных вещей не позволяет мне далее о сих мелочах говорить и тратить на то время и труды. Чего ради, чтоб не распространить без нужды речь мою много, дальнейшее рассмотрение сего пункта оставлю я самим читателям, заметив только притом, что к сему же классу увеселений принадлежит некоторым образом еще одно весьма существительное и такое, которое иногда великие и важные содействия в прочих наших делах и предприятиях имеет. Но какое собственно оно, о том нет мне нужды сказывать; всем оно довольно известно, и читателю не трудно будет самому догадаться, к чему клонятся мои мысли, и сравнив с прочими, признаться, что и о сем роде увеселения тоже самое почти сказать можно, что и о прочих.

Всего вышеупомянутого, надеюсь, теперь довольно будет к изъяснению и доказательству моего правила, которое в самом деле, конечно, важнее, нежели оно с первого вида представлялось. Итак, ежели хотите вы, дорогой читатель, с сей стороны умножить количество ваших увеселений, то старайтесь, наблюдая сие правило, пользоваться чувственными увеселениями таким образом, каким велит сама натура, то есть умеренно и не слишком много, и притом делая между оными упомянутый разбор. Чрез сие умножится несказанно количество ваших увеселений; ибо в сем случае многие прискучившие вам уже вещи получают прежнюю свою способность к произведению вам увеселения и вместо того, что ныне вам во все нечувствительны, тогда вас увеселять будут. Если ж хотите, чтоб они вам еще более увеселение приносили и не так скоро при-

скучивали, так сопрягайте их с мысленными, также упражняйтесь при наслаждении оными в некоторых приличных к тому размышлениях, о каких в последующем теперь пятом правиле упомянется. Сие не допустит до того, чтоб они вам скоро наскучили, но паче поможет и произведет, что и простейшие и малые увеселения могут сделаться для вас великими и чувствительными. Но сего довольно уже о сем правиле; пойдем теперь далее и посмотрим, в чем состоит пятое и последнее.

5.

Пятое и последнее правило, наблюдением которого мы увеселения свои умножать, следовательно, благополучию своему споспешествовать можем, есть следующее:

Наслаждайся увеселениями всегда со сведением и многократным размышлением.

Сие правило требует не меньшего объяснения и доказательства, как и прежние, тем наипаче, что может почестся весьма важным и к умножению веселия вашего весьма действительным и полезным. Можно по справедливости сказать, что сие средство к умножению веселий не всякому известно. Оно состоит, так сказать, в одной сокровенной хитрости, которой научает нас сама натура, а именно в том, чтоб мы о каждом веселии своим не только имели совершенное сведение, но чрез посредство мыслей наслаждались им многократно и многообразно, то есть не только в то время, когда оно действительно наступило и происходит, но и прежде еще того времени, равно как и после; ибо из опытов примечаем мы, что веселием можем трояким образом наслаждаться, а именно: во-первых, еще задолго до того времени, как желания наши действительно получают исполнение, которое наслаждение можно назвать предследующим; во-вторых, в то самое время, в которое они исполняются, и такое можно назвать настоящим; в-третьих, по прошествии уже того времени, и сие можно назвать последующим.

Нельзя довольно изобразить, коль троякое сие наслаждение для нас выгодно и полезно, а особливо первое и последнее. Сии заслуживают потому более примечания, что как настоящее наслаждение, или собственное веселие, не всегда зависит от нас; ибо исполнение

наших желаний не всегда состоит в нашей власти, так, напротив того, оба другие, то есть предследующие и последующие, зависят собственно от нас, и мы можем ими всегда, когда хотим пользоваться.

Все искусство состоит в том, чтоб мы оное веселие, или удовольствие нашего желания, заблаговременно и прежде еще того времени, как оно исполнится, как можно живее себе воображали в мыслях в надежде, что мы некогда оное получим. Когда же оное наступило и желание наше в действительном исполнении, то наслаждались бы оным не просто, а со сведением и рассуждением об оном; наконец, и по прошествии оного старались бы, оное напоминая, опять себе как можно живее воображать. Все сие будет напаять душу нашу такою сладостью, которую изобразить не можно, и я то только скажу, что такое-то троякое наслаждение и достойно только называемо быть прямым наслаждением.

Чтоб сие лучше изъяснить, то исследуем все сии разные роды наслаждения по одиночке и начнем с предследующего.

Что воображение предбудущего исполнения наших желаний нас веселит и сердца наши радостью напаять может, в том, думаю, никто со мною спорить не станет. Кому не известна сия истина и кто не испытал ее много раз в своей жизни опытом? Что касается до меня, то я о сем роде наслаждения такого мнения, что почитаю его преимущественнее еще почти самого настоящего веселия, а особливо в том рассудке, что оным можем мы гораздо долее пользоваться, нежели настоящим, которое натурально очень кратковременно и скоротечно бывает. Разберите в тонкость сами все происхождение наших надежд и ожиданий, приметьте действия, происходящие во все время ожидания в душе нашей, как вы сами на то согласитесь и скажете, что я правду говорю. Не до того ли времени мы всякою ожидаемою радостью и удовольствием веселимся? Не до того ли наслаждаемся наиболее ею, покуда она еще не настала и покуда совершения желания нашего мы в точности не увидим? Как же скоро оно совершится, то хотя в то самое время и ощущаем в себе пылкое удовольствие и радость, но коль долго оно продолжается? Не с самой ли той почти минуты начинает оно понемногу уменьшаться; а не успеет несколько дней пройти, как уже и столько увеселения

мы не чувствуем, сколько чувствовали в то время, когда того еще не получили, а питались только достоверною надеждою получить оное? Истину сего не трудно бы доказать мне множеством примеров, если бы была в том какая надобность; довольно, когда один или два приведу тому в доказательство; возьмем, например, такой случай, чтоб нам обещан был от кого-нибудь приятной подарок, и мы бы того несколько времени ожидать принуждены были; или положим, что мы послали себе купить какую-нибудь весьма нам надобную вещь, которую мы давно уже с нетерпеливостью иметь желали; не веселимся ли мы ею уже наперед в мыслях во все то время, в которое ее ожидаем? Не ожидаем ли мы того, как некоего благополучия, и не думаем ли получить тогда целые горы увеселений? Но как получим, то верно и десятой доли того увеселения не получим, какое себе воображали, да и то тотчас минется. Что ж иное выйдет из того, как не то, что наилучшую пользу имели мы от нее во время ожидания оной? А такие случаи и примеры очень часто бывают.

Таким образом, не должно нам никогда упускать сего удобного средства к умножению наших увеселений, но все, чего мы желаем и что с некоторою вероятностью получить надеемся, надобно нам заблаговременно и так часто, как нам угодно, живейшим образом воображая, помышлять. Как мы будем тогда довольны, как веселы, и какие получим от того пользы и выгоды, как то получим и желание наше совершится! Чрез то будем мы в состоянии еще прежде получения ею довольно навеселиться.

Сим образом можно хотя нам получением всяких вещей мысленно наперед веселиться, однако легко можно заключить, что долг и благоразумие велит пользоваться нам средством в рассуждении только добрых или, по крайней мере, позволительных желаний. В противном же случае, если бы захотели мы сим образом веселиться будущим исполнением наших худых желаний, то была бы самая глупость; ибо тем поострили бы мы себя пуще ко злу и умножили бы негодное стремительство. И как от того не иначе, как худые следствия произойти и нам во вред служить могут, то не только не надобно нам льстить себя хорошею надеждою, но когда бы и мысли к тому сами появились, то надлежит преклонять их тотчас на

другой предмет или, того еще лучше, воображать себе все пред исполнением того могущие случиться препятствия и невозможности и сопряженные с тем для нас досады и неудовольствия, равно как и все вредные для нас следствия, могущие произойти от того, хотя б то исполнилось. Чрез сие средство можем мы уменьшить в себе много к тому желание и нечувствительно споспешествовать своему исправлению. Но как ласкание себя надеждами исполнением худых желаний для нас вредно, так, напротив того, полезно живое воображение исполнения добрых и богоугодных; ибо чрез то можем мы не только веселиться, но получать нечувствительное поощрение к исполнению добродетелей, особливо же когда мы, следуя сему правилу, изберем себе для воображения предметом получение будущей блаженной и бесконечной жизни, и ее себе часто и как возможно живее воображать станем. Нельзя довольно изобразить, коль многоразличные пользы может принести частое размышление и живое воображение оной и всех обещанных нам выгод и преимуществ. Я то только скажу, что сие может составлять весьма важный и лучший источник наших увеселений, и одно из наидействительнейших средств к снисканию благополучия. Для которой, собственно, причины и уважается толь много в священном писании надежда и толь часто подтверждается, чтоб мы оную неотменно имели.

Что касается до второго пункта, или до настоящего веселия и наслаждения, то оно несравненно будет более, когда мы оное со сведением и размышлением сопрягать станем. Под словом «сведения» разумею я то, чтоб мы сами в себе были сведомы мы о том, что мы наслаждаемся исполнением наших желаний. Сие покажется, может быть, многим удивительно и совсем излишним и нестоящим упоминания делом; они легко сказать могут, что мы и без напоминания сего довольно о веселиях своих сведомы, и неужели мы такие скоты, чтоб и того не знали, что мы веселимся? Так, отвечаю я, это правда, однако и то не ложно, что не при всех случаях сие бывает, но часто случается, что мы и без всякого почти сведения находимся в веселии и чрез то величину оного наполовину только чувствуем. К совершенному сведению того одного недовольно, чтоб мы знали, что веселимся, но надобно притом и мыслить и де-

лать приличные к тому размышления. Если спросят меня, о чем же таком надобно мыслить и что за размышления тут делать весьма многообразные, отвечаю: во-первых, надобно вспомнить, что желания наши исполнились, и что мы имеем теперь причину быть тем довольным и благодарить за то Бога. Во-вторых, надобно воображать себе все те препятствия, которые действительно были и благополучно миновались или которые могли случиться и все желания и старания уничтожить, да не случилось, и нам удалось их избавиться. В-третьих, надобно себе живейшим образом воображать все те выгоды, пользы и преимущества, которые мы чрез исполнение нашего желания получили. В-четвертых, надобно себе воображать всю ту досаду и неудовольствие и весь могущий нам произойти вред тогда, если б, паче чаяния, то за чем-нибудь не совершилось. В-пятых, помышлять о том, сколь много есть людей, которые подобного сему успеха не получают и таким увеселением не пользуются, и так далее.

Сим и подобным сему образом надобно всегда всякий случай, так сказать, вдоль и поперек рассматривать и об оном размышлять. Польза, конечно, произойдет от того великая и многообразная; ибо, во-первых, все такие размышления будут неведомо как чувствуемое нами тогдашнее увеселение умножать и увеличивать, и тогда лишь только можно сказать, что мы оным прямо наслаждаемся; во-вторых, счастливая удача в исполнении наших желаний будет поощрять нас к благодарности к общему всех происшествий в свете Властителю, то есть к нашему Создателю, который бы легко мог до того не допустить, если б ему то только было угодно; в-третьих, умножать любовь и благодарность к тем людям, которые в том имели, например, содействие, и к тому чем-нибудь помогли, и прочее тому подобное.

Но ни в котором случае наблюдение сего правила нам так не нужно, как в рассуждении сведения и помышления о настоящем нашем благополучии. В сем случае мы всего чаще погрешаем и чрез то упускаем из рук наивожделеннейший повод к приятнейшему удовольствию и увеселению. Коль много таких, которым тысячи резонов есть состоянием своим быть довольными и веселиться! Но они всего меньше им довольствуются и веселятся, а паче

почитают себя несчастными и горюют, для чего им того и того еще не достаёт. Но ничего б сего не было, и все горевание их обратилось бы в радость и веселие, естли б они только той погрешности не делали, что никогда не хотят о настоящем своем состоянии так помышлять, как надобно, а помышляют так, как не должно.

Знаю, что найдутся такие, которым сие покажется непонятно, и они похотят ведать, как это так и каким же образом они не так помышляют?.. С охотою моею на сие им ответствовать буду, тем паче, что сие весьма важным и примечания достойным обстоятельством почестся может. Вся помянутая и великая их погрешность состоит в том, что они привыкли всегда смотреть вверх, а не вниз себя. От сего самого не знают и не ощущают они благополучия своего, и от того самого считают себя и несчастными. А ежели б смотрели обратно не вверх, а вниз, то верно бы иное вышло, и они б дни свои в веселии и благополучии провождали. Чтob изъяснить, что такое «вверх» и «вниз» значит, то скажу, что общая у нас всех и наивредительнейшая привычка есть размышлять только о том, чего мы не имеем и что у других людей есть, которых мы себя почитаем счастливейшими; о том же, что у нас есть, а у других и несчастнейших нас нет, мы не слова не упоминаем, вместо того, чтоб о сем только помышлять, а о первом ни слова упоминать не надлежало. Сие-то значит вниз, а не вверх смотреть, и я не могу довольно изобразить, коль важно для нас наблюдение сего краткого правила. Коликих бы неудовольствий избавились мы при наблюдении оного, какое бы великое множество желаний могло в нас тогда либо насыщено, либо усмирено быть, естли б мы, рассуждая о всех своих выгодах и преимуществах в подробности, следующим, например, образом сами с собою говорить и рассуждать начали: вот это да, это у меня есть, сим да тем я наслаждаюсь, не должен ли я благодарить за то Создателя моего?.. Сколько миллионов людей есть, которые всего сего не имеют и за великое бы счастье почли, естли б могли на моем месте быть. Со всем тем не такие же они люди, как я? Не равные ли со мною во всем создания? Для чего ж они не таковы счастливы, как я, и кто тому причиною, что я имею пред ними толь многие выгоды? Не мог ли я в таком же чине и в состоянии родиться, как они? Не мог ли и я в таких же бедных и нужных обстоятельствах

находиться, как сии бедные и несчастные? Сам ли я благополучию моему виновником и себе ли одному за все то обязан и благодарить должен, что я имею. Правда, пускай я нажил, пускай приобрел то своими трудами и стараниями, но кто мне дал потребные к тому способности? Сам ли я оные себе приобрел и таким родился, и не могло ль в доставаниях всего того случиться мне тысячи препятствиям и меня до всего того не допустить? Не милостью ли я то должен почитать от Бога? Но чем я оную заслужил? И так далее.

Сии и подобные сему и часто предпринимаемые рассуждения скоро б довели нас до того, чтоб мы состоянием своим не только б были довольны, но им бы радовались и веселились; а естли б к тому и о том размышления приобщали, что когда и сие нам даром и без заслуги дано, то имеем ли мы справедливую причину негодовать, для чего у нас еще более и того да того нет, то скоро б перестали желать лишних прихотей, а польза от того произошла бы та, чтоб то было Богу угодно, и Он не преминул бы нас за то тем более одарить земными благами, которые бы нам тогда были тем приятнее, что были б неожиданные.

Что касается до третьего пункта, или до наслаждения прошедшими увеселениями, то и в сем случае сошлюсь я на собственные чувства каждого. Кому не известно то из опыта, коль приятное напоминание оставляют после себя все веселые наши прошлые дни и благополучные случаи? Не утешается ли дух наш оными, когда мы их в подробности воображаем? Напомните только дни младенчества нашего: коль приятны они нам кажутся! Напомните другие счастливые бывшие с вами случаи и обстоятельства, как во всем том удостоверитесь и не потребуете дальнейшего доказательства.

Но когда сие справедливо, так кто же нам мешает приводить почаще на память себе все сии случаи и, веселясь оными, в мыслях умножать тем количество наших увеселений? Натура нам сие не возбраняет, только б не был сей дар всеу и на зло употребляем, как то также легко случиться может. Что сего остерегаться должно, о том не для чего мне повторять; довольно уже о том говорено, что зло зло и родит, а добра от него никогда не бывает.

Сим окончу я объяснение сего правила, а вкупе и всего сего против чаяния моего увеличившегося рассуждения об умножении

увеселений, и скажу в окончание только то, что, хотя их немного и можно б найти еще некоторые, однако и сих, яко наиглавнейших, довольно уже будет на первой случай. Теперь не излишнее, надеюсь, будет, естли я вам, дорогой читатель, для лучшего незабвения оных напояну их краткими словами.

Итак, естли хотите умножить количество ваших увеселений, то 1) увеличьте в себе любовь к Богу и человекам; 2) приучите себя к мысленным увеселениям; 3) привыкайте к неубыточным и удобоприобретаемым увеселениям; 4) чувственными увеселениями наслаждайтесь умеренно; 5) пользуйтесь увеселениями разнообразно и не менее будущими и прошедшими, сколько настоящими.

Вот пять источников, из которых можете почерпать вы во всякое время множество увеселений, и вкупе те пять соусов, о коих упоминал я в моей аллегории. Теперь время переменить уже кушанье и нести другие четыре блюда, кои, может быть, не менее будут питательны, тем паче, что они существом своим несколько подобны предследующим, и в них по случаю много находиться будет и о том, что и кроме вышеписанного увеселения наши умножать и тем степень благополучия нашего возвышать может.

Конец второй части

Ч А С Т Ь III

РАССУЖДЕНИЕ XV

Содержащее в себе правила и руководство к поспешествованию⁵⁵
спокойствия, или к уменьшению количества наших
неудовольствий и прискорбностей

В преследующем рассуждении предлагал я правила и средства, которыми нам наши увеселения, как существительные части нашего истинного благополучия, умножать можно. Справедливы ли они или несправедливы, удобны ли к тому или неудобны, о том да благоволят рассуждать сами господа читатели, а я пойду теперь далее и буду говорить о том, как нам приобретать спокойствие души нашей, как такое состояние, когда желания наши хотя и не получают совершенного себе удовлетворения и формально не насыщаются, однако и противного им не делаются, и они не оскорбляются и чрез то находятся в таком состоянии, которое можно почесть средним между веселием и прискорбием, то есть спокойным и нас не тревожащим.

Как не однажды я уже имел случай упоминать, что мы всеми трудами и стараниями своими не можем далеко и много успевать в удовольствовании и насыщении наших желаний и в снискивании чрез то себе многих и частых увеселений; напротив того, не лишены еще способов, которыми желания свои когда не удовлетворять, так, по крайней мере, усмирять и успокаивать можем, и что сие не меньшим средством к сооружению временного благополучия нашего почестся может; то следует само собою, что правила, могущие нам к тому руководствовать, не меньшего примечания достойны, как и самые те, которые к умножению веселия нам след показывают, тем паче, что к сему можем мы в жизнь нашу иметь более способности. Следовательно, сие спокойствие, хотя не существительную, так, по крайней мере, знатнейшую часть нашего временного благополучия составлять долженствует.

Но в чем же бы состояло вообще все то, что мы со своей стороны в рассуждении поспешествования сему спокойствию учинить можем? В следующих двух пунктах: во-первых, в стараниях дово-

дить себя в такое состояние, чтоб желаниям нашим противодействия и оскорбления редко случались; во-вторых, когда же то будет уже неминуемо, и сие противодействие и оскорбление случится, то чтоб оно колико можно было меньше. Первое надобно для того, чтоб с уменьшением случаев к противодействию желаний уменьшилось и убавилось само собою и количество наших досад, прискорбностей, печалей и неудовольствий. Второе же для того, чтоб чрез то уменьшилась сила и жестокость тех досад, горестей, печалей и неудовольствий, которые случаются с нами по самой уже необходимости, и, как известно, толь много веселие дней наших нарушают, и кои отвратить мы находимся будем не в состоянии. Итак, о первом пункте буду я теперь рассуждать, а о втором говорить в последующем за сим рассуждением.

Таким образом, что касается до приведения себя в такое состояние, чтоб желаниям нашим могло редко противодействие и оскорбление случаться, то, предположив известное и впереди довольно изъясненное обстоятельство, что желания наши не все с равною удобностью насыщаемы и удовлетворяемы быть могут, но что насыщение одних гораздо с меньшими затруднениями сопряжено, нежели прочих, нетрудно уже будет нам заключить, что когда препятствующие желаниям нашим случаи, вещи и обстоятельства не состоят в нашей власти и мы ими по своему желанию и хотению распорядиться не можем, то все искусство к достижению помянутого намерения вообще состоять должно в том, чтоб мы число тех желаний, которых исполнение и насыщение сопряжено с великими затруднениями и кои подвержены частым противодействиям, колико можно в себе уменьшать старались; напротив того, умножали бы в себе число таких желаний, которых либо исполнение меньшим неудобностям подвержено, либо нам оные без дальнего труда усмирить и успокоить можно. Ибо, натурально, когда не будет причины, то не будет уже и действия, то есть когда не будет в нас частым противодействиям подверженных желаний, то нечему будет терпеть и противодействие; следовательно, чем меньше будет нас в оных, тем реже будет и противодействие случаться. А как все наши прискорбия, досады, печали и неудовольствия единственно от неисполнения и противодействия желаний наших происходят,

то, натурально, должно будет само собою уменьшиться и количество наших неудовольствий, как существительных препон нашему благополучию.

Но как все сие скорее сказано, нежели в действо произведено быть может, и найдутся многие, которые пожелают дальнейшего всему тому объяснения, равно как и руководства к способнейшему произведению того в действо, то предложу я теперь небольшое число общих правил, наблюдением которых мы наиспособнее и скорее до сего предмета достигнуть и спокойствию нашему поспешествовать можем. Они суть следующие:

1.

Первое и наиважнейшее правило к споспешествованию спокойствию нашего духа есть следующее:

Приучи себя к благороднейшим нравственным, или духовным, благам, а именно, к сильному желанию добродетели.

Сколь немногие слова сие правило в себе заключает, толь великого, напротив того, наблюдение оного требует пространства и важности. Ибо естли мне сие же правило не столь философическими, а простейшими словами выразить, то можно все оное в следующие немногие слова вместить: полюби добродетель и вожделей ее всем сердцем. Кто не видит из сего, что под сим вся связь нравоучения заключается? Сколь же должности наши многочисленны и исполнение оных коль обширно, то всякому довольно известно.

Итак, было бы слишком пространно, естли б предприял я сие правило в самую тонкость объяснять и доказывать всеми философическими доводами; ибо к сему надобно бы мне было писать целую нравоучительную книгу и входить во всю связь нравоучительной философии, а сие меньше с теперешним намерением моим и тесными пределами сего сочинения согласоваться может. Для сих причин другого не остается мне, как довольствоваться сколько можно кратким, но только таким объяснением и доказательством, которым бы читатели мои могли по нужде быть довольны.

Итак, прежде всего надобно мне изъяснить, что я под словом благороднейших нравственных благих разумею. Под сим философическим словом разумеется обыкновенно не иное что, как все то,

что согласно с законом Божеским, или с теми Божескими намерениями, которых производство требует и желает Он от созданных им разумных и произволом одаренных духов. И потому всякое согласное дело с волею Божескою может названо быть нравственным благом, или добром, как противное тому и несогласное — нравственным злом, о котором я имел уже случай говорить пространно в первой части сей книги. Слово же благороднейшее присовокуплено для того, чтоб отличить оное чрез то от неблагородных, на которые два рода философы обыкновенно благие разделяют, а именно, те из составляющих наиглавнейшее временное наше благополучие благих, которые не только нам приятность и удовольствие производят, но, содержа в себе самую материю добродетели, вкупе под некоторыми условиями по себе и награждение от Бога приносят, следовательно, всегда хорошее действие по себе оставлять могут, называют они благороднейшими благами, к каковому, например, принадлежит познание истинны, чистосердечная дружеская любовь и прочее тому подобное. Напротив того, неблагородными именуют те, которые состоят в единственном наслаждении позволительными увеселениями и которые, хотя главному концу нашей жизни, то есть добродетели, не поспешествуют, однако при надлежащем ограничивании и не мешают, как, например, телесные увеселения и прочее тому подобное. Из сего нетрудно уже усмотреть, что под словом приучения себя к благороднейшим нравственным благам не иное что разумеется, как приучение себя к таким желаниям и делам, которых исполнение не только нас увеселить может, но содержит в себе самое существо, или материю, добродетели.

Ежели спросят меня теперь о причине, для которой бы сие требовалось, то следующее краткое философическое доказательство скажу, а именно, когда помянутые нравственные благие, или, лучше сказать, духовное, а не вещественное добро от нас никогда отнято быть не может, и мы оного никогда не лишимся, то всегда в душе нашей много кой-чего такого находиться будет, чем мы себя утешать и увеселять можем, и, хотя б по необходимости и принуждены были терпеть какое-нибудь прискорбие и неудовольствие, так можем себя успокаивать, направляя мысль свою на помянутые бла-

городнейшие благие, которых мы не лишены и имеем. И как в случае имения в себе сих благ можем бесспорно быть о Божеской к себе милости, то и можем те желания, которым, например, тогда противодействие происходит, усмирять и в спокойное состояние приводить надеждою. Сего доказательства, надеюсь, довольно уже будет для ученых читателей.

Что ж касается до прочих и таких, которым такие умозрительные тонкие материи не так понятны и которым, натурально, все вышеупомянутое еще очень темно и неясно покажется, то с сими надобно мне другим голосом говорить и постараться изъяснить все удобопонятным и простым образом и примерами.

Итак, сим, прежде всего, скажу, что ежели они хотят благополучием в сей жизни наслаждаться и наиудобнейшим образом приобретать требуемое к тому душевное спокойствие, то необходимо надобно им наперед сделаться добродетельными или, по крайней мере, всеми силами своими стараться приучить себя к желанию, люблению и исканию сего душевного нашего сокровища и к украшению им души своей. Ведаю довольно, что многим сие не полюбится, но что делать? Не я тому уже виноват, что учреждение в натуре уже так сделано, что без того не можно нам благополучными быть и истинным спокойствием наслаждаться. Пускай иной, кто хочет, льстит им иными надеждами и показывает им иные и удобнейшие пути к нахождению благополучия, но я не хочу их обманывать и, так сказать, городить им пешки; но приятно ли им то или неприятно, буду говорить истину и правду, предавая, впрочем, на собственной их произвол, хотят ли они оной следовать или не пожелают.

Собственная причина, для которой я необходимо сего любления добродетели требую, есть та, что добродетельные дела нам не только великие пользы и выгоды приносят, но и оставляют после себя в душе нашей такие следы, которые нам наиприятнейшими и к достижению намерения нашего выгоднейшими почестся могут. Сколь многие и сколь неоцененные и приятные чувства они в нас производят, о том упомянул я уже отчасти в предсудующем рассуждении при изъяснении правила, касающегося до увеличивания любви к Богу; почему нет нужды мне опять тоже повторять. Но что

касается до другой и весьма важной пользы, которую они нам приносят, то она состоит в том, что сколь они способны к умножению наших веселий, так равно удобны и к поспешествованию нашего спокойствия и к утешению нас в наших несчастьях и противных приключениях.

Ежели спросите, почему ж бы они могли спокойствию нашему поспешествовать, или приводить нас в такое состояние, чтоб желаниям нашим реже противодействие случалось, то на сие отвечаю, что, во-первых, самое существо добродетели и учреждение, сделанное натурою, приносит то уже с собою. Ибо как добродетели должны происходить от желаний и нередко в самых оных желаниях состоять, желаниям же добродетельным натура уже положила меньше препон, нежели прочим, и многие из них тотчас уже получают свое и насыщение, как скоро возбуждены будут и начнут свое действие, то натурально в таком случае, когда в душе нашей будет более добродетельных, нежели негодных желаний, и противодействие терпеть будет почти некому, и способными к тому останутся по большей части только некоторые худые, которых совершенно истребить мы не в состоянии, следовательно, чрез то большая часть случаев к противодействию наших желаний сама собою уничтожиться. Во-вторых, как всякое добродетельное желание и по оному произведенное дело может почестся действительным душевным благом, или сокровищем, которые снискивать и ими владеть также мы можем, как вещественными, с тою только разностью, что они у нас не могут быть по примеру вещественных благ отняты, и мы владением оных во всю нашу жизнь наслаждаться и чрез сведение и напоминание о том по силе изъясненного мною в предследующем рассуждении пятого правила веселиться можем, то обстоятельство сие великое делает нам вспоможение и во всех таких случаях, когда случится неминуемое какое противодействие прочим в нас находящимися желаниям и когда мы от того печаль или неудовольствие чувствуем. Вспоможение сие состоит в том, что мы можем тогда тотчас обращать мысли свои на помянутые душевные наши сокровища и воображением владения оными производить себе увеселение, которое по сделанному уже натурою учреждению уменьшить тотчас чувствуемую нами, с другой сторо-

ны, печаль и неудовольствие и к успокоению того встревоженного в нас желания подаст повод. В-третьих, как все добродетельные желания и дела имеют то неоцененное преимущество, что делают нас приятными и любезными нашему Создателю и приносят за собою не отменно Его милость и награждение, в чем наиглавнейшее и состоит сих душевных наших сокровищ существо и неоцененность; и когда в случае добродетельного состояния нашего духа мы в получении оных и милости Создателя нашего к нам не можем ни мало сомневаться, то не следует ли само собою, что во всяком случае, когда, например, какое-нибудь наше желание не исполнится, мы всего скорее оное тем усмирить и успокоить можем, когда возвергнем печаль свою на Господа и по бесконечной надежде на Его милость твердо надеяться станем, что, когда желание наше ныне не исполнилось, так естьли исполнение оного нам в пользу, а не во вред служить может, то Бог по милости своей к нам впредь оному верно исполниться допустит. Сие в состоянии будет тотчас дух наш успокоить. А ежели б хотя и так случилось, что будущего исполнения невозможность нам слишком очевидна, то и в таком случае нам та же бессомненность о Божеской к себе любви и милости дух наш скоро успокоить может, и дело только в том состоит, чтоб мы твердо и как можно живее себе вообразили, что и самое оное неисполнение имело основание милость и провидение нашего Создателя, и что для того оному исполниться не допустил, что по все ведению своему видел, что исполнение того нам в великий вред и пагубу обратится и, ведая сие получше нас, для самого того по милости и любви своей к нам оному и воспрепятствовал, несмотря на то, приятно ли нам то будет или неприятно.

Все сие мог бы я множеством примеров изъяснить, естьли б не завело меня сие в великое пространство, и пределы сочинения моего мне то позволяли; также естьли б с другой стороны я не столь хорошего мнения о читателях моих был, что они и без меня воображением таких примеров все вышеупомянутое сами довольно и яснее усмотреть могут; чего ради, предоставляя то делать самим им и довольствуясь вышепредложенным, также сказав, что в следствии материя сия сама собою довольно изъяснится, поспешу теперь к предложению прочих правил.

2.

Второе правило, наблюдением которого мы спокойствию нашему много поспешествовать можем, есть следующее:

Получение и всегдашнее удержание земных благ не представляй себе никогда совершенно достоверным или крайне надобным.

Сие правило не требует ни дальних объяснений, ни глубоко-мысленных доказательств, ибо кому неизвестно, что под именем земных благ собственно разумеется, и надобно ли еще то сказывать, что к сему классу благих, или добра, принадлежит всякого рода стяжание, как, например, честь, богатство и, одним словом, все то, чем мы в жизни сей льстимся, чего ищем и что имением и стяжанием называем, и чего при окончании нынешней жизни лишиться будем должны, также что сии благие для отличения от душевных, о коих я в предследующем правиле говорил, потому могут названы быть по справедливости земными, что все такие суть, которыми мы только живучи на земле, или в нынешней жизни, наслаждаться можем? Равномерно, не надобно мне и о том упоминать, что наблюдение оного не сопряжено ни с какими дальними затруднениями. Всякому то усмотреть можно, что тут требуются одни только воображения и работа мыслей, которые, верно, не малейшего вреда нам причинить не могут. Итак, остается мне только изъяснить пользу, для которой наблюдение сего правила требуется, и подтвердить то немногими доказательствами и примерами.

Я могу верно сказать, что польза, могущая происходить от точного наблюдения сего правила, великого примечания достойна и заслуживает принимана быть в великое уважение. Может быть, многие не вдруг приметят, в чем все дело состоит, и потому покажется им непонятно, каким образом от того наше спокойствие проистекать может, когда мы получение земных благ достоверным и всегдашнее удержание оных необходимо надобным себе воображать не станем. Но они, верно, иным образом заключать станут и сами на то согласятся, как скоро то узнают, на чем правило сие основание имеет.

Основанием сему правилу принято известное уже читателям и много раз мною уже изъясненное обстоятельство, что всякое веселие и неудовольствие от того бывает иногда больше, иногда

меньше, что желания в нас не равно бывают велики. Я имел уже случай упоминать, что степень веселия, чувствуемая нами от исполнения какого-нибудь в нас желания, бывает всегда равна степени и величине того желания, которое тогда насыщается, а тому же равно соответствует и степень печали и неудовольствия в случае противного оному происшествия, так что мы тем и жесточайшую печаль, и прискорбие терпим, чем более было наше от той вещи отвращение или чем более было то желание, от противодействия которого наше неудовольствие получило свое начало; равно как, напротив того, чем меньше наше желание, тем меньшее чувствуем мы и неудовольствие. Когда же сие справедливо, то не следует ли само собою, что, буде хотим, чтоб случающиеся в жизнь нашу противные желаниям нашим происшествия нас меньше печалили и не производили чувствительных прискорбий, то необходимо надобно нам стараться уменьшить наши желания и не допустить до того, чтоб они были велики, а особливо такие, которым легко противное действие случиться может, то есть которых исполнение не от нас и не от таких обстоятельств зависит, которых распоряжение в нашей власти состояло б. Теперь кто же не знает, что желания земных благ суть все такого рода? Ибо в нашей ли совершенной власти состоит распоряжение всех тех случаев и обстоятельств, от которых исполнение сих желаний зависит? Не часто ли и не всего ли чаще состоят они в руке Божией или других человеков, или зависят от единой такой удачи и счастья? Коль же посему нужно и надобно нам не допускать сии желания до усиления, буде хотим, чтоб легко могущее воспоследовать неисполнение нам не толь было чувствительно!

Предположив сие, напомним далее еще одно обстоятельство, о котором я также неоднократно упоминал, а именно, что желания в нас вообще и наиболее усиливаются от помышления о той вещи, которой желаем. К сему присовокуплю я еще одно обстоятельство, известное нам от ежедневных опытов, а именно, что не всякого рода помышления их равно побуждать и усиливать могут, но одни к тому способнее, нежели другие. В особенности же великую удобность к тому имеют помышления о необходимой надобности нам того, чего желаем, и о вероятности получения оного; то есть когда

мы часто в мыслях не только ту вещь, но и то воображаем, сколь она необходимо надобна, как нам без нее обойтись не можно, какие выгоды мы чрез то получим, также сколь легко и бессомненно оное получить можем, ежели, например, употребим старание, и так далее. Такие помышления по справедливости можно почесть двумя главными мехами, которыми нам свои желания раздувать и увеличивать можно. Но как полезным сие может почесться в рассуждении желаний душевных благ, которые тысячи причин имеем мы стараться увеличивать, так, напротив того, нетрудно всякому заключить, что в рассуждении желаний, устремляющихся к земным благим, будет сие для нас вредно и весьма предосудительно, потому что мы чрез то предуготовим себя только к чувствованию сильнейших досад и неудовольствий, в случае, когда они против чаяния нашего не совершатся. Для сей-то собственно причины и не надобно нам никогда представлять их себе необходимо надобными и о исполнении оных думать, как о достоверной вещи; но, напротив того, самое же сие средство употреблять оборотно, то есть всякой раз, как придут на мысль сии желаемые вещи, о надобности оных размышлять совсем противным образом, а именно, представлять себе, что они нам не так необходимо надобны, как мы думаем; что мы можем обойтись и без них; что получение оных не принадлежит отнюдь к вещам, составляющим наше истинное благополучие, и, наконец, что самое сие получение подвержено многим препятствиям, и мы еще не можем поручиться и бессомненно надеяться, что все так и воспоследует, как мы надеемся, и так далее; одним словом, изыскивать все то, что хотя некоторой вид и причину иметь может к уверению нас о сей ненадобности и недостоверности получения сей вещи. Сия хитрость, которой нас сама натура научает, в великую может нам обратиться пользу; ибо когда то желание свершится, то сие не помешает нам чувствовать всю величину веселия, которое еще тем чувствительнее для нас будет, чем исполнение было неожиданное и надежда к получению меньше; ибо в сем случае желание, по примеру воспаляющихся пристрастий, вдруг воспламенившись, будет насыщаться.

Когда же воспоследует противное, и желание не совершится, то не произведет сие в нас дальней прискорбности по причине, что

мы уже давно ведали, что сему исполниться не можно и никогда исполнения оного за верное не почитали. Пример нам сие наилучше изъяснит; возьмем какой-нибудь случай в жизни человеческой и, например, честолюбие и желание высшего себе чина, и вообразим себе оба случая в примере двух человек.

Клеобул, например, не доволен бы был нынешним своим чином, но думал бы, что ему необходимо надобно высший; он считает себя достойным знатнейшего и потому желает себе повышения; он помышляет о том ежедневно, домогается, просит и ищет; наконец, ему обещают то сделать, но велят только подождать. Клеобул ждет сего с превеликою нетерпеливостью, почитает получение оного достоверным и не имеет в том сомнения. Сосед его Хрисанф подвержен бы был той же сей слабости; ему не противно б было повышение; он желает оного и некоторым образом просит, однако с тою только разностью, что никогда не воображает себе оное необходимо надобным, но думает, что хорошо, когда то ему удастся; однако ежели и не удастся, так не великая беда. Я могу, думает он, и без него пробыть; для меня довольно и нынешнего. Сверх того и делаемые ему обещания такого рода, что ему на них совершенно положиться никак не можно. По которой причине он никогда не воображает себе, что то получит бесспорно, но паче имеет более резонов в том сомневаться и ожидать противного. Положим теперь оба случая, а именно, чтоб оба они произведены или не произведены были в тот чин и рассмотрим, одинакия ли следствия в них от того произойдут.

В первом случае не обрадует ли обоих их получение оного чина? Не оба ли они будут чувствовать веселие? Но скажите, в обоих ли сие веселие будет в одинаком градусе? Не признаетесь ли сами, что Хрисанф будет чувствовать еще чувствительнейшее и единственно от того, что получение сего чина произошло сверх его чаяния и неожиданно и что его оный чин гораздо более и долее веселить будет, нежели Клеобула, которой, давно уже за верное почитая, оного ожидал? А во втором случае не противное ли тому последует? Можем ли мы за верное сказать, что неполучение оного в них равное неудовольствие произведет? Но паче не следует ли само собою, что неудовольствие и досада в Клеобуле несравненно будет боль-

ше, нежели в Хрисанфе? Но что ж бы тому иное причиною было, как не то одно, что Клеобул почитал оной чин необходимо себе надобным и получить оной бессомненно надеялся, но вдруг не по мыслям сделалось: желание его не исполняется и чин тот отдается другому, его, по мнению его, недостойнейшему. Он терзается и досадою, и гневом, и завистью и не может долгое время забыть и утешиться; напротив того, Хрисанфа сей противный случай почти не трогает, он переносит его почти с равнодушием и, качнув только головою, сам себе скажет: «Да!.. это я наперед видел, что сему так, а не как быть надобно... С Божьею помощью, пускай себе веселится им другой, а я останусь и при прежнем... С меня, благодарю Бога, и сего довольно; к тому ж я еще не знаю, где мне найти, где потерять можно...» А все сие Хрисанфа тотчас и успокоить может.

Сей пример, о натуральности которого никто не может сомневаться, довольно нам сию истину изъясняет; а каков он, таковы могут быть и всякого рода прочие. Почему нет нужды упоминать и говорить о том далее, но лучше поспешить к изъяснению другого до сего же правила касающегося обстоятельства, а именно:

Опыты доказывают нам, что душевные наши прискорбия, печали и неудовольствия чувствуем и терпим мы не при одних таких случаях, когда, например, не исполняются какие-нибудь наши желания и мы не получаем ожидаемой вещи, но и при таких, когда мы, например, лишаемся чего-нибудь такого, чем мы уже владели и что нам было мило и приятно. Прискорбности наши в сих случаях поистине еще превосходят первые, и самое сие побудить может некоторых спросить, что я в рассуждении сих случаев скажу. То же самое, отвечаю, и что нам и в сем случае сие же правило употреблять и от наблюдения одного такой же пользы ожидать можно. Правда, хотя и видится нам в том превеликая разница и, по видимому, не можно никак не согласить сие с изъясненными мною основаниями; ибо тут не примечаем мы никаких увеличивающихся желаний; однако это только нам так кажется, в самом же деле никакой нет разности. Прискорбия и печали наши проистекают из самого того ж источника, то есть что желаниям нашим чинится противное, и по тем самым обстоятельствам величина и мализна оных располагается. Вся разность состоит в том, что желания сии нахо-

дятся во внутренности нашей сокровенны и мы об них не имеем сведения. Почему и наблюдение того же правила сделает нам сии печали и неудовольствия гораздо сноснейшими, и все зависит только от того, чтоб нам не представлять себе все сии вещи необходимо надобными и такими, без которых уже нам никак обойтись не можно, а потеряние или лишение оных — невозможным, невероятным и нестаточным делом; но, напротив того, помышлять, что лишиться оных мы всего скорее и легче можем, да и потеряние оных почти вероятно; да хотя б и лишились, так от того не уголовная какая беда нам последует, но что можно нам без них пробыть, и прочее тому подобное. И за верное можно сказать, что такие предварительные помышления равным образом нам сугубую пользу принесут, то есть когда мы оных в самом деле лишимся, то сие знатным градусом уменьшит наше прискорбие и не допустит нас терпеть несносное страдание. Буде же того не последует, то владение и наслаждение оными сделается нам приятнее, и мы оной вещи так будем радоваться, как бы вновь ее получили. Что сие справедливо, то могут нам доказать также опыты и многочисленные примеры. Возьмем какой-нибудь случай из человеческой жизни; положим, например, чтоб у нас деньги были на ком-нибудь в долгу. Представляй же себе теперь, во-первых, что ты ими всегда владеть будешь; возьмешь, когда хочешь; что они тебе на всегдашнее время необходимо надобны; что лишиться тебе оных никак не можно, и так далее; и скажи, обрадуешься ли ты, когда тебе их возвратят? Не с равнодушием ли ты примешь оные? Напротив того, сколь велика твоя печаль будет, еслили они сверх всякого твоего чаяния каким-нибудь случаем пропадут! Не поразит ли сие тебя как громовым ударом? Не будешь ли ты от того терпеть жесточайшего прискорбия, не встревожит ли сей случай всю твою душу, так что долгое время того позабыть не можешь?.. Напротив того, представляй же ты теперь все то в противном виде, воображай себе в мыслях, что деньгам твоим вряд назади бывать; что получить тебе назад трудно и почти невозможно, считай их так, как уже потерянными, и думай притом, что для тебя сие не уголовная беда; что ты прежде без них был и впредь без них пробыть можешь, и прочее тому подобное; и скажи, такова ли уже чувствительна твоя печаль будет, еслили ты их действительно

лишишься? Не перенесешь ли ты сие уже терпеливо? Не скажешь ли сам в себе: «Да! Это я наперед знал и видел, что так быть и им пропасть надлежало». И сии слова не будут ли уже сущим бальзамом на рану твоего сердца и не в состоянии ли будут возвратить скоро твое спокойствие? Напротив того, с равнодушием ли ты уже их принимать станешь, естли против всякого чаяния они тебе возвратятся? Но не обрадуешься ли сему неожиданному возвращению равно так, как новому приобретению? И не на самой ли справедливости основана та простая пословица, что старой долг всегда нам вместо находки?

Вот небольшие примеры, могущие вам, дорогой читатель, изъяснить, сколь важно и необходимо надобно нам наблюдение сего правила, и коль полезно может быть оно во все продолжение нынешней нашей кратковременной жизни. Я не сомневаюсь, что по сим двум примерам то же самое и о всех прочих наших земных благих заключить можно; а равномерно и ту истину не оспорите, что помышления, какие я в рассуждении оных иметь советую, основаны не на собственном самих себя обманывании, но на самой справедливости. Ибо скажете: из всех желаемых нами и до сей одной жизни касающихся вещественных стяжаний не все ли такого рода, что о достоверном получении оных мы никак смело поручиться не можем? Кому не известно, коль часто в предбудущие времена переменяются обстоятельства и коль мало сию перемену предусмотреть мы в состоянии находимся? Не обращаются ли часто наилучшие наши надежды в ничто, и не часто ли принуждены мы бываем видеть противное всем нашим чаяниям и упованиям и такое, чего мы всего меньше ожидаем? Можем ли мы знать, что с нами и с другими завтра, а не только чрез год или несколько времени впоследствии? И можем ли в рассуждении чего-нибудь положиться, что то так, а не иначе будет? Но когда сие справедливо, и когда будущие времена и премена обстоятельств закрыта от нас толь непроницаемою завесою, то на что ж нам и забывать сие? На что ж и представлять себе получение желаемых земных благ достоверным и бесомненным, так как мы то всего чаще и обыкновеннее делаем? Но что ж выходит из того? Не то ли, что мы стараемся в сем случае самих себя только обманывать и насильно не хотим видеть и признавать

истинны, которая светлее солнца? Не лучше ли бы было, когда бы мы последовали в сем случае повелениям природы, которая верно не без причины и к нашей пользе скрывает от нас знание предбудущего и самым тем равно как изустно нам твердит, чтоб мы, будучи не в состоянии предвидеть будущее, никогда твердо и бесспорно не ожидали исполнения желаний наших и не полагали уже то совсем достоверным?

А то же самое и в рассуждении второго обстоятельства, или владения и удержания земных благ, сказать нам можно. Не всем ли нам довольно известно, и не всякой ли из нас имел в жизнь свою довольно случаев испытать собственным опытом, что самое владение наше земными благами всего скорее может подвержено быть подрыву и далеко не таково твердо, прочно, достоверно и непоколебимо, каковым мы обыкновенно оное себе воображаем? Скажите, чтоб такое из сих благ и стяжаний было, о чем бы могли мы верно и бесспорно сказать, что у нас его никто не похитит, и мы никогда его не лишимся? Честь ли, чины ли, достоинства ли, почтение ли, милость ли от кого, слава ли, деревни ли, дома ли, имения ли, сокровища ли и, наконец, родственники ли, дети ли, друзья ли, и прочее тому подобное, суть вещи, от нас неотъемлемые? Но ах! Это все суть вещи, которые мы в один миг и так скоро потерять можем, что не успеем еще, так сказать, оглянуться, как и след их простыть может. Не знаем ли мы, что иногда самая безделица, самое ничтожное и нами не предвидимое обстоятельство нас наилучших вещей и стяжаний лишить может, и не должны ли признаться, что все владение наше оными основано весьма на хлипком и слабом фундаменте и по самой справедливости может почтаться храниною, построенною на песке, которую в один миг и вода подмыть и ветры опрокинуть могут? Когда же сие справедливо, и когда мы то очевидно видим, то на что ж нам и обманывать себя, приписывая в мыслях им твердость и непоколебимость, и почитать их такими, что они никогда и никоим образом разрушиться не могут? На то ли, чтоб потеряние оных нам тем чувствительнее и мы злополучнее были? Не лучше ль бы было, если бы мы в сем случае последовали повелению самой природы и владение свое сими вещами не более уважали и не более почитали его достоверным и неотъемлемым,

каково оно в самом деле есть, и помышляли б об них так, как по предписанию сего правила должно?

То же самое найдем, естли мы третье предложение сего правила рассмотрим, а именно, чтоб нам не почитать все сии земные блага необходимо себе надобными. Мы найдем, говорю, и оное, на самой справедливости основанное; ибо естли беспристрастно об них рассудить, то большая часть из них такие, без которых нам, конечно, обойтись можно, и которые для нас далеко не столь необходимо надобны, каковыми мы их обыкновенно почитаем. Не такие же ли мы точно люди, как все прочие? Но сколько миллионов людей есть, которые всего того не имеют, однако живут и без нужды весь свой век без них препровождают. Не уже ли только им одним то можно, а нам никакой возможности нет? Неужели одни только мы пред ними так отменные создания, что нам без того никоим образом пробыть не можно? Но можем ли мы сие о себе утвердить? Не все ли обстоятельства доказывают нам, что мы во всем подобны им и никаких особых преимуществ не имеем? Не таковы же ли голы, слабы, немощны и скудны всходим мы на театр сего света и не в таком же ли точно состоянии и сходим с оногo, как и они все? Скажите, что такое приносим и относим мы с собою?.. Естли ничего, то не следует ли само собою, что все, что мы в жизнь свою у себя имели, было не наше и осталось не нашим, но принадлежало, принадлежит и впредь принадлежать будет свету или паче Вседержителю оногo, раздающему то, кому Ему бывает угодно? Но откуда ж мы взяли право присвоить то себе, искать и требовать того, как себе надлежащего и необходимо надобного, хранить, как свое собственное, и тужить обо всем, как о своем кровном и неотъемлемом стяжании?.. Удивительное поистине дело!.. То на получение и требование чего мы сами собою ни малейшего права не имели и не имеем, и что дается нам на время из единой милости и произвола общегo всех вещей Обладателя, присвоаем мы себе и так далеко себя позабываем, что данным нам не хотим еще довольствоваться, но требуем еще множайшего, говоря, что нам то необходимо надобно, равно так, как бы Учредитель нашей натуры не знал, что нам надобно, что нет, и не имел столько рассудка, чтоб рассудить по самой справедливости, чего кому более, чего меньше дать над-

лежало, и столько власти, чтоб мог тому то дать, кому что похочет, и у того то отнять, что Ему будет угодно. Скажите, государи мои, имеем ли мы право указывать Ему в сем случае, и что мы за звери, что отваживаемся делать Ему предписания, судить и рядить Его поступки и роптать, как скоро что не так воспоследует и нам то не дано будет, чего бы нам по глупому нашему воображению хотелось? Ах! Куда это забродим мы, любезные собратья? Коль далеко забываем себя и свою ничтожность, и не лучше ль бы было, если б мы поближе самих себя рассматривали и получше о владеемых и желаемых нами земных благих судили и помышляли? В сем случае верно бы совсем иное вышло и за верное можно сказать, что если б всем желаемым и столь много обожаемым нами и необходимо надобными почитаемым земным благом сделать реестр и оный беспристрастно рассмотреть, то большую бы часть из них принуждено было вычеркнуть и признаться, что они далеко не столь необходимо надобны, как мы их прежде почитали. Ибо если бы по самой строгости рассудить, то необходимо надобными себе вещами не одну ли пищу для утоления алчбы и питье для утоления жажды почитать мы себе должны? Самая одежда и дома, защищающие тела наши от суровости воздуха и погод, не повсюду уже к числу сих необходимостей приписываемы быть могут; а все прочие не такие ли, без которых нам по нужде уже обойтись можно, следовательно, не принадлежат ли уже к произвольным и таким даяниям Божеским, которых усиленно себе требовать никакого мы не имеем права, но за ниспослание которых мы уже в особливости Его благодарить должны и обязаны? Когда же сие так, то на что ж нам то и делать и почитать их себе крайне и необходимо надобными?

Таким образом, если мило вам, любезный читатель, истинное благополучие, если хотите вы истинным спокойствием наслаждаться и одним разом многих и бесчисленных беспокойств избавиться, то старайтесь, сколько можно, о наблюдении сего поистине весьма важного правила. Привыкайте на все вещи смотреть иными глазами и судить обо всех беспристрастнейшим образом. В особливости же получение и владение земными благами не представляйте себе достоверным и необходимо надобным; помните всегда и напоминайте, как можно чаще, что вы родились

наги и ничего и никакого права на свете с собою не принесли, и ничего опять из земных благ с собою не возьмете. Все было уже в свете, и все останется в оном; все ему принадлежало и принадлежать будет; все было и будет не ваше и вам только на время и на поддержание дано от вашего Создателя и от того, который над всеми ими имеет беспредельную власть и раздает их всем по своему благоусмотрению, не требуя о том ни у кого совета, и, наконец, который, верно, не лишит вас необходимо надобных вам вещей. Не забывайте ж далее и того, что будущее от вас скрыто и что в течении, переменах и обстоятельствах света вы не только ни малейшей перемены сами собою учинить не можете, но не в состоянии провидеть и знать, что завтра воспоследует, но что распоряжает их Тот, который вас и весь оный мир создал и им наипремудрейшим образом управляет, следовательно, что все наши стяжания состоят в Его беспредельной власти, и вы удержание оных никоим образом достоверным почитать и на все ваши надежды полагаться никак не можете. А сие помня, предавайте ж все в Его святую волю, берегитесь мешаться в Его дела, но довольствуйтесь всем тем, что имеете и что Ему вам дать было угодно, не заботясь о том, навсегда ли оным вам владеть от Него определено будет или когда-нибудь от вас отнято и по его премудрому усмотрению другому кому отдано будет.

Таковые помышления принесут вам бесчисленные пользы; во-первых, избавитесь вы чрез то одним разом многих тревожащих дух ваш беспокойств и опасений и убежите многих досад печалей и неудовольствий; ибо не будете уже иметь причины заранее мучить себя помышлениями о потере чего-нибудь вам милого и любезного, также досадовать на неисполнение каких-нибудь сильных желаний. Во-вторых, не чувствительно приумножится чрез то знатным образом количество ваших увеселений; ибо владение имеющимися стяжаниями сделается вам уже милее и приятнее по причине, что вы сии стяжания почитать станете уже не заслуженными, но вам из особой милости от Создателя вашего данными. В-третьих, самые действительные потери чего-нибудь из земных благ в состоянии вы будете сносить с лучшим великодушием и с меньшим прискорбием и печалью. В-четвертых, бу-

дет все сие много помогать вам в вашем исправлении и побуждать к прилежнейшему исканию благороднейших нравственных благих и совершенств душевных, то есть к украшению себя добродетелями и к снисканию сих сокровищ, кои неотъемлемы и кои единые назвать можем своими собственностями и с собою из всего света выносить можем, и кои искать повелевает нам сам Бог, говоря в откровенном своем слове, *чтоб мы старались приобретать сокровища на небесах, иде же не червь, ни тля тлит, ни татие не подкапывают, ни крадут*⁵⁶. Наконец, и что всего важнее, таковая ваша поступка будет согласна с самою натурою и притом такая, которая не иначе, как мила и приятна может быть нашему Производителю, и чрез самое то приобретет вам множайшую Его милость и любовь, которая одна достойна уже того, чтоб мы для ней все на свете предприяли и ничего себе в труд и отягощение не ставили.

Сего довольно будет в объяснение сего важного правила, теперь время идти далее и предложить вам прочие, к сему же пункту принадлежащие.

3.

Третье правило, наблюдением которого мы много спокойствию нашему, следовательно, и благополучию поспешествовать можем, есть следующее:

Сживи с рук излишние прихоти и желания.

Естьли б я не столь много уже впереди говорил о существе действия наших желаний, то бы сие правило надобно мне было в подробности изъяснять и доказывать; а теперь не предвижу уже я в том никакой почти надобности. Ибо, когда читатель уже ведаёт, от чего в нас прискорбие и неудовольствие рождаются, то нетрудно уже ему будет самому заключить, что когда поменьше в нас будет излишних и таких прихотей и желаний, которым всего чаще может случаться противодействие, то натурально меньше будет и возможных случаев к претерпеванию нам от того противодействия досад, печалей, горестей и всякого рода душевных прискорбий. И кто не видит из сего, что с убавлением сих прихотей и желаний сживем мы с рук множество и сих прискорбий и неудовольствий, толь много благополучию нашему мешающих!

Сего довольно уже почти в объяснение сего по самой справедливости весьма важного и примечания достойного правила, и мне остаются немногие только слова присовокупить к оному.

Ежели прямо рассудить и разобрать в тонкость все дела наши, то поистине должно признаться, что большая часть страданий и неудовольствий наших имеют происхождение свое от неисполнения не столько надобных и необходимых наших желаний, сколько сущих прихотей и излишних совсем вожелений. Мы позабываем свою натуру и не помним того, что она малым довольствоваться может; но все нам хочется более и все лучшего, например, мы одарены уже и так довольно честью, однако нет, сего нам мало, надобно ей быть больше. В деньгах у нас никогда не недостатка не бывало, всегда становилось их с нашу нужду; но нет, сего с нас не довольно, нам надобно богатым быть, нам надобно тысячами ворочать. Дом у нас покойный и мы без нужды в нем жить можем; но нет, он худ, нам надобно огромные палаты. Платья у нас довольно, и мы никогда еще стужи не терпели, и никто еще нас не презирал за оное; но нет, нам надобно лучшее, драгоценнейшее и всякий почти день переменное. Пешком мы никогда не ходим, лошади есть, ездить есть в чем; но статочное ли дело, всего того не довольно, надобно иметь цуги и экипажи, всякий год переменные и модные. Пить и есть нам есть что, и никогда еще не было, чтоб мы за обедом до сыта не наедались и не напивались; но нет, сего еще не довольно, мы не довольно еще сладко ели и пили, надобно лучший и драгоценнейший стол иметь. Люди нас и так любят и почитают, нам кланяются, а многие есть, которых судьба совсем под нашу власть без всякой нашей заслуги покорила; но всем тем и всего того нам не довольно, а надобно, что все нам кланялись, все обожали, все пред нам ползали, а во власти нашей многие сотни, многие тысячи состояли, и так далее. Но скажите, пожалуйста, можно ли нам всем знатным и богатым быть? Можно ли всем равными дарованиями счастья наслаждаться, и будет ли когда-нибудь нашим прихотям и желаниям конец? Достигнем ли мы когда-нибудь до желаемого берега и остановимся когда-нибудь жить на котором-нибудь островке беспредельного моря наших желаний, сего архипелага, наполненного бесчисленными острова-

ми? Весь ли нам век с опасностью живота и благополучия нашего переплывать с одного острова на другой и выбирать вселучший для нашего пребывания, а ни на котором не останавливаться и искать беспрестанно берега, которого вблизи не находится и которой скрыт от глаз наших непроницаемою завесою вечности и смерти? Не лучше ли будет не пускаться совсем в такое беспредельное море или остаться жить нам том острове, в который судьба нас завела и по произволению своему посадила, и без дальних хлопот и не вдаваясь в дальнейшие опасности, довольствоваться теми выгодами, какие мы на нем найти можем, и ими наслаждаться, а особливо когда и во всех оных островах представляющих сущее подобие разных состояний, существительные выгоды не великой разности и боле издали лучшайшими кажутся, нежели в самом деле суть?

Я прошу мне отпустить небольшую сию игру мыслей и малую сию аллегорию; помышления о суете наших прихотей и излишних желаний оную родили и в перо мое влияли. Теперь возвращусь я к моему предмету.

Таким образом, не самое ли благоразумие велит нам уменьшать, сколько можно, излишние наши прихоти и желания, но довольствоваться малым и следовать гласу самой природы? Сия верная путеводительница не заведет нас никогда в лабиринты, из которых, наконец, мы не можем выдраться, но поведет прямою и ближайшею дорогою, к благополучию ведущую. Мудрые ее советы никогда нас не обманут, и буде хотите вы ее спросить о том, как вам жить и желания свои распорядить, то вот, например, что от ней услышите: не желай чести, скажет она вам, но честного имени; не желай богатства, но только того, чтоб ты без нужды пропитать и содержать себя мог; не желай спокойностей тела и нежного оному содержания, но только пропитания и того, чтоб оно от прискорбностей освобождено было. Делая сие, скажет она тебе далее, и привыкнув к трудолюбию и мудрости, получишь ты всегда более того, сколько ты желал, и сей излишек нимало уже не будет тебе вредителен, но вместо того, как неожиданное и нежеланное тобою исполнение, будет причинять тебе чувствительнейшее увеселение. Вот что она тебе скажет! И все сие основано на непреоборимой истине.

Ежели все сие еще не довольно истину сию вам изъяснить было в состоянии, то исследуем сие несколько точнее. Начнем, например, с честолюбия; скажите, чтоб воспоследовало тогда, если бы мы довели себя до того, чтоб желание множайшей чести вовсе нас не тревожило, и мы бы были совершенно довольны тою, которую уже имеем, а со всем тем, когда бы, несмотря на то, нам Всевышний ниспослал неожиданное нами умножение нашей чести. Не крайне ли бы она была нам чувствительна и радостна? Не стали бы ли мы тем более веселиться, чем меньше оной ожидали?.. Так, скажете вы; но от чего ж бы сие делалось? От того, что сей случай подал бы тем повод угнетенному в нас и уменьшенному желанию чести вдруг и единственно для насыщения своего по законам воспламеняющихся пристрастий тогда увеличиться, и с ним тогда так произойдет, как с губкою грецкою: когда бы была она наперед в руке сжата и вдруг ее освободить, и она раздуется и получит всю величину свою, которому скоропостижному раздуванию оной натурою положено условием исполнение желания; ибо в случае неисполнения того мы не примечаем, но прискорбие соответствует тогдашней величине желания. А как сие с честолюбием бывает, так точно то же и с богатолубием происходит. Положите, например, чтоб мы довели себя до того, чтоб нас богатство нимало не прельщало, но мы совершенно довольствовались бы тем достатком, каким угодно было одарить нас нашему Создателю, не стало бы ли нас в сем случае всякое неожиданное оного умножение тем чувствительнее и больше увеселять, и не в состоянии ли бы мы были и малым умножением более увеселяться, нежели сколько веселят других знатные и великие приращения? А тоже самое можем сказать и в рассуждении прихотей, касающихся до услаждения наших телесных чувств: чем меньше мы оных иметь в себе будем, тем более будет приятность, чувствуемая нами при получении оных. Одним словом, все благие сего света будут с существительными нашими желаниями всегда еще в таком содержании находиться, что владение оными все еще нас приятнейшим образом веселить может, хотя бы и истребили мы из себя все излишние прихоти. Кто же не видит из сего, что сим причины прискорбия и неудовольствий наших знатным образом уменьшатся, а со всем тем причины такого увеселения, которое су-

ществом истинного благополучия почесться может, нимало не убавятся, но паче приумножатся?

В потребное исчисление всех оных прихотей и излишних желаний, которые нам с рук наших сживать надобно, входить и чем и коим образом сие удобнее в действо производить, вдаль изяснять почитаю я совсем за излишнее. Обо всем том я уже довольно впереди говорил, и все сие нетрудно усмотреть самому читателю, когда он все то соблаговолит припомнить, что я о сем как здесь выше, так и в предследующих и в первой части сей книги находящихся рассуждениях, а особливо о нравственном зле, о средствах к истреблению оногo, и в руководстве к исправлению, пространно и нарочно для того, чтоб здесь уже и не повторять, в особенности говорил; чего ради, умолчав о том, пойду далее. Важнейший предмет привлекает к себе мое внимание; поспешим же рассматривать оный, то есть последнее и важнейшее, касающееся до сего пункта, правило.

4.

Четвертое правило, наблюдением которого мы много спокойствию нашему споспешествовать можем, есть следующее:

Уменьши воспаляющиеся пристрастия и отдали себя от страстей.

Сие правило требует уже, конечно, пространнейшего объяснения и доказательства, нежели предследующие; ибо ведаю довольно, что многие на сем пункте остановятся и отчасти не будут совершенно усматривать, что я под именем воспаляющихся пристрастий собственно разумею и какое различие нахожу между ими и страстями, отчасти пожелают знать, каким образом от уменьшения оных может произойти споспешествование нашему спокойствию.

Для сей причины, равно как и для самой великой важности сего правила, необходимо надобно мне поговорить об нем несколько пространнее и в удовольствие любопытных для лучшего объяснения оногo сообщить им как о существе пристрастий, так и о прочих до них принадлежащих обстоятельствах все, что мне без дальнего распространения слов сколько пределы сего сочинения дозволить могут, сказать можно.

Итак, надобно знать, что под именем вспламеняющихся пристрастий разумеется собственно одно особое и обоим родам наших желаний, то есть хотительным и отвратительным, принадлежащее свойство, состоящее в применяющемся степени, или градусе, силы и слабости в действии человеческих желаний, но который градус действия от природы уже таков, что не может долгое время в одном состоянии пребывать, но скоро переменяется. Сей-то градус действия желаний называют философы аффектами, что на нашем языке за способнее признал я изобразить словом вспламеняющихся пристрастий; во-первых, для того, что самые сии слова точнее могут существо аффектов изобразить, ибо желание во время аффекта вдруг и так скоропостижно до высочайшего своего градуса увеличивается, что равно как порох вспыхивает и вспламеняется и чрез то производит во всей душе великий беспорядок, так что мы тогда ни порядочно и разумно рассуждать, ни средства к намерениям благоразумно употреблять не можем. Во-вторых, чтоб тем отличить их от страстей, которые хотя в таком же высоком градусе действия некоторых наших желаний состоят, но с тою только различностию, что градус действия сих продолжается долгое время в одинаковом состоянии и не так, как в случае аффектов, тотчас переменяется, как, например, разные наши к каким-нибудь вещам охоты, обратившиеся в страсть, как-то к звериной ловле, питью, к картежной игре, и прочее тому подобное.

В подробность исследовать, каким образом и от чего желания так сильно и скоропостижно вспламеняются, было бы сколько излишнее, столько и ненадобное к теперешнему намерению дело. Чего ради, не входя во всю философическую тонкость, скажу только, что примечаниям из опытов помянутое свойство обыкновенно принадлежит более до суетных, а не до всех желаний вообще, и что причиною тому наиболее неприметная скоропостижность наших мыслей и воображений.

Впрочем, все помянутое свойство имеющие желания могут на три рода разделиться: первые из них такие, которые вообще до обоего рода, то есть до хотительных и отвратительных желаний принадлежат, и таковое вспламеняющееся пристрастие есть удивление; вторые принадлежат к одним хотительным, которого роду

суть радость и смех; третьи — к одним отвратительным стремительностям, и таковые суть: страх, или боязнь, пугание, гнев, печаль, трепет и отчаяние и прочие каждому из них свойственные отродия.

Легко можно заключить, что нам не до всех их надобно иметь будет дело, а только до сих последних; ибо как удивление, так радость и смех, не препятствовать, но паче поспешествовать еще могут нашему благополучию, естли благоразумно будут управляемы. Чего ради об них совсем излишнее б дело было здесь далее изъясняться, а лучше то учинить в рассуждении последних, которые хотя по одному званию своему уже довольно каждому известны, однако не только не излишнее, но паче и надобное будет дело, естли приобщить здесь несколько слов к изъяснению того, в чем бы собственно сии аффекты состояли и от чего вообще делались. Итак, начав с первого, пройдем мимоходом их все по порядку.

Страх, или боязнь, ничто иное есть, как сильная степень нашего отвращения или нехотения предстоящего нам какого-нибудь зла или вреда. Почему чем величайшим злом себе мы какую вещь почитаем и чем ближе к ней находиться думаем или чем достовернее нам воспоследование того кажется, тем более увеличивается при таких обстоятельствах страх и боязнь наша. Также сильная степень отвращения, или нехотения предстоящего зла, которое происходит от нечаянного и скоропостижного воображения присутствия оного, называется пужливость, или ужас. Как мы во многих случаях склонны чаять и ожидать скорее злого, нежели доброго, то и происходит от того, что мы всякою нечаянною и скоропостижно сделавшеюся переменою страшимся и пугаемся, хотя бы о той вещи не им ли мы никакого еще полного и достаточного понятия; также когда всякое зло можно почести тем величайшим, чем меньше в состоянии мы находимся ему противоборствовать, то и подвержены боязни, страху и пужливости более такие люди, которые довольно противоборствовать тому либо не могут, либо не хотят, и о том сами в себе сведомы. Наконец, как мы присутствию или предстоянию нам зла тем более склонны верить, чем более имели прежде уже причины оного ожидать, то и происходит от того, что такие люди и страху и пужливости тем более подвержены, которые имеют злую и угрызающую их совесть. Сего довольно будет для

краткого объяснения натуры страха, боязни и пужливости; теперь пойдем далее.

Гнев, или, проще сказать, сердитливость, ничто иное есть, как сильная степень отвращения или нехотения, неправды или обиды, сопряженного вкупе с старанием изъяснить то наружно самим делом и употребить против того средства. Когда гнев действует сильно, то в скоропостижности своей легко может превосходить всю возможность к употреблению средств. В зверях и прочих животных та ярость и жестокость действия, которыми они бросаются на все то, что их опасностью устрашает, или что им ненавистно, имеют некоторое сходство с гневом; поелику рассуждать по наружности их поступок можно, однако истинного существа гнева он не имеют.

Любомщение следует обыкновенно из гнева, однако не сопряжено с ним необходимо, но есть нечто нравственное, а именно умышленное старание и вождение к наказанию обиды, неправды и озлобления. Впрочем, бывают при происхождении гнева двоякие случаи, а именно, нас раздражает либо то, когда мы что-нибудь единственно и без посредства для того неправдою и обидою почитаем, что оно нарушением должности и справедливости есть, либо для того, что мы то противным и несогласным с собственными нашими желаниями и намерениями делом почитаем и тем себя обиженными быть признаваем. Сие подало причину различить гнев на два рода и первый назвать чистым, или непорочным гневом, а второй — нечистым, или собственно сердцем, который последний род гнева тем бывает сильнее, чем более имеет он основание на честолюбии. Тот гнев, которой происходит в любящей душе от воображения, что любимая ему особа неправильным каким образом от него отвращаема бывает, называется ревнивость. Наконец, нередко случается и то, что мы рассерживаемся на бессмысленные и бездушные вещи и оказываем над ними действия своего гнева, хотя они нам никакой неправды не сделали и сделать были не в состоянии; однако сие происходит от нерассмотрительности и от того, что мы по скоропостижности или незнанию своему, таким вещам истинную вину приписывали.

Печаль есть изнеможение духа, делающееся от сильного и глубокого помышления о своем несчастье, а именно, всякое прискор-

бие поражает, или, так сказать, низлагает нашу душу, а в случае горести, или печали, бывает сие в высочайшем градусе. Почему печальный горюет только о своем злосчастии, средства же против того как при гневѣ, не употребляет. Те действия, которые горестъ и печаль тогда по себѣ оставляют, когда мы о причинах оной болѣе с сведѣніем не помышляем, производят в нас то, что мы сумраком называем. Сколько из опытов примечать можно, то помянутыми причинам печали суть помышления о потерянном каком-нибудь благе или добре, воображение тщетности наших желаний, воображения несчастной невинности и оскорбленной и обиженной любви. Когда же мы такіе приключенія с другими людьми видим и о том печалимся, то печалимся мы болѣе о возможности собственнаго нашего подобнаго тому несчастья. Вообще же, когда кто претерпел несчастныя приключенія, но не имѣет уже об них яснаго сведенія, то оставляют они послѣ себя в таком человѣкѣ некое унывное и невеселое состояніе духа, которое естли сильно и долго продолжается, можно назвать уныніем. Действія же, производимыя всякими темными ощущеніями страха и печали, когда они в высоком градусѣ бывають, называются смущеніем, а иногда тоскованіем и другими тому подобными званіями.

Отчаяніе есть столь высокая степень смущенія, или душевнаго замешательства, что мы состояніе свое толь крайне худым почитаем и такое сильное имеем к нему отвращеніе, что мы все к прежніе свои намеренія и старанія бросаем и покидаем и стараемся только при первом каком-нибудь и лучшем случаѣ высвободить себя из онаго, не разбирая того, как бы то ни удалось, худо ли или хорошо.

Вот краткое описаніе и исчисленіе генеральных воспламеняющихся пристрастій. Ежели бы исследовать далѣе, то можно бы найти некоторыя другія и специальнѣйшіе роды оных; однако как сие завело бы меня в дальнѣйшее пространство, то для намеренія нашего и сего довольно будет.

Узнавъ теперъ, что такое воспламеняющіеся пристрастія, не трудно уже будет всякому и ту причину усмотрѣть, для которой в теперешнем правилѣ уменьшеніе оных требуется. Кому не извѣстно, коль много все исчисленныя разныя роды оных мешають нам наслаждаться спокойствіем душевным, и кто не знает, какою

желчью растворяют они веселие дней наших и нарушают наилучшие в жизнь нашу увеселения? Поистине, естли беспристрастно разобрать, то едва ли не одни они и не волнование оных в душе нашей наибольшую часть несчастий дней наших составляют. Разберите только короче все дело, как сами то увидите. Коснемся, например, первого пристрастия, соединенного с отвратительными желаниями, то есть боязни и страха со всеми его отродьями, как-то ужаса, опасения, пужливости и тому подобное, и посмотрим, какое зло мы от него в жизнь нашу претерпеваем.

Я спрошу, не мучаемся ли мы им почти ежедневно? Не случается ли всякой день с нами таких вещей и таких обстоятельств, которые нас либо в страх и трепет, либо в ужас, опасение и боязнь ввергают? Коль многие вещи в состоянии в нас возбуждать сии пристрастия и тем не только нарушать спокойствие, но нас чувствительно мучить. Коль часто ощущаем мы от них трепетание нашего сердца и приходим иногда от самой безделицы и от самой ничтожности в страх и ужас? Одно неясно выслушанное слово приводит иногда нас вне себя; одно шептание других рождает уже в нас подозрение не ведомо какого зла, сердце наше поражающего; один внезапной шум, крик и стук пугает нас смертельно и доводит иногда до того, что мы насилу можем с духом собраться; небольшая боль в голове или в других каких членах, поражает уже нас боязнью смерти, и прочее тому подобное. Скажите теперь, не правду ли я говорю и не подтверждают ли сие собственные ваши опыты? Но вкупе признайтесь, что чувства сии, конечно, вам не производят никакой приятности и веселия, но всякий бы охотно согласился их не иметь и быть от них освобожденным.

Что касается до второго воспламеняющегося пристрастия, то есть гнева, со всеми отродьями его, то не сущим ли ядом спокойствию нашему и не впрямь ли желчью оной почесть можно, которою мы всякий день, но что я говорю? — всякий почти час, к сущему разрушению наслаждения настоящим благополучием нашим, морщась пить и глотать принуждены? Поистине могу сказать, что помышляя о сем мучительном и терзательном души нашей орудии, желал бы иметь хотя на один час Цицероновы уста, чтоб только мог читателям моим всю великость изобразить вреда, нам от того

происходящего. Но, ах! Сего не имею; самих их только прошу разоб-
брать сие дело беспристрастно и всю величину и важность одного
рассмотреть. Кому из вас, дорогие мои единоплеменники, не из-
вестно, сколь великое зло мы от него претерпевать принуждены?
Кто из вас найдет такой, который бы тысячу раз в своей жизни
мучительные действие одного ощущать не имел случая? Кто из вас
опровергает сию истину и не должен будет признаться, что ничего
нет легче, ничего способнее, ничего скорее, чтоб нам за что-нибудь
сердиться и досадовать оказывался случай? Нет такого дня, в кото-
рый бы освобождены мы совершенно были от сего мучительного
для нас упражнения. Когда не важное что и не прямо достойное
гнева, так не раздражают ли нас самые иногда безделицы, самое
ничто, самая пустота и самые не гнева, а смеха достойные вещи?
Одно слово иногда и такое слово, которое без всякого намерения
нас оскорбить кем-нибудь сказано, или еще такое, которое совсем
не так выговорено, как нам послышалось, не приводит ли иногда
нас в ярость и зверям только приличное бешенство, свирепство
и самое беспамятство? Как лютые звери опрокидываемся и броса-
емся мы на мнимого оскорбителя нашего и готовы были его живого
проглотить или в мелкие куски растерзать, позабыв, что он такой
же человек, что таким же слабостям подвержен, как и мы, и что
мы ничем его не лучше, и скорее еще то ж самое сделать можем,
и не помня того, что сказанное им слово наималейшего вреда нам
не сделало, и мы ни руки, ни ноги от того не потеряли. Скажите
далее, не случается ли часто того, что малейшая проступка раба на-
шего, проступка, ни от какого умышленного зла, но от одной срод-
ной всякому человеку и самим нам свойственной оплошности про-
изошла; одно, например, совсем неважное дело, не так сделанное,
как мы приказали; одна вещь, не так положенная, как воображению
нашему казалось лучше; один уроненной и расшибенной важной,
великой суммы— нескольких полушек стоящий сосуд и прочие та-
кие и сущие безделицы в состоянии нас вывести из себя, принудить
сделаться зверям подобными, лишиться разума, рассудка, всех дра-
гоценных наших качеств, возжечь огонь и пламя во всем доме на-
шем и довести нас до того, что мы извергами естества и бесчестием
рода человеческого сделаемся? Не бывает ли, скажите, того, что мы

с сими сочеловеками нашими, с сими собратьями, с сими товарищами своими, так поступаем, как нам и с бессмысленными скотами поступать натура запрещает? Не осыпаем ли мы их за то всеми клятвами, всеми злословиями, какие только глупое наше воображение вымыслить может? Не насылаем ли мы всех бед и не желаем ли мы на главу их всего зла на свете, какое только выдумать можно? Но тем еще не удовольствуясь, не терзаем ли мы иногда их, как алчные звери? Не мучаем ли и не тираним ли их немилосерднейшим образом и не затыкаем ли ушей своих от вопля и стенания оных? Но скажите, государи мои, достойны ли того такие безделицы, и за то ли нам с ними толь немилосердно поступать, что натура не тем жребием их одарила, как нас; что хотела нам сделать пред ними неслезанную выгоду; что определила их к вспомоществованию нам во всех нуждах и к освобождению нас от того, к чему она руки и ноги нам дала?.. Подумайте только о сем беспристрастно. Не обязаны ли мы ей и им за то благодарностью и любовью? А сия того ли требует, чтоб мы так своевольно и немилосердно с ними поступали и не хотели им простить ни малейшей вины и упустить ее когда без наказания, так по крайней мере без оскорбительного им злословия и клятв?.. А!.. Не думайте того, чтоб сие так осталось, но бойтесь, чтоб сие желаемое и призываемое на них зло когда-нибудь на собственную главу вашу не обратилось и самих вас не постигнуло.

Но я удалился уже от моего предмета. Мысли завели меня к другим материям, но вы меня в сем случае, дорогие мои читатели, извините. Главным предметом у меня благополучие ваше; итак, не мешает, что я напоминаю, где ни случится, то, что оному поспешествовать может. Теперь возвратимся назад.

Таким образом можете вы из вышеописанного заключить, что и простой гнев чрезвычайно много спокойствию нашему мешает и нам не иначе, как мучителен, в каком бы малом градусе он ни был. Теперь напомните ж упомянутые мною выше его отродия и скажите, коль часто и сильно страждет душа наша, когда напоена она любомощением, или желанием отмстить нашим недругам и врагам, или когда лежим мы в горячке ревности! Я оставляю самим вам судить, приятны ли нам все действия сих вспламеняющих страстей, и есть ли или нет, резон желать, чтоб мы от них освобож-

дены были, буде хотим прямо спокойствием и сопряженным с тем благополучием нашим наслаждаться.

Что касается до третьего воспаляющего пристрастия, то есть печали с ее отродьями, также и четвертого, то есть отчаяния, то обстоятельства, касающиеся до них, а особливо то, что они существенными препятствиями нашему благополучию бывают, читателям моим более известно, нежели мне о том еще изъяснять было надобно; чего ради, оставив сие, поспешу к другому и важнейшему предмету.

Все выше изображенные худые следствия, происходящие от воспаляющихся наших пристрастий, сколь сами собою ни важны и коль много ни могут нас побуждать к старанию о освобождении себя от оных, однако ничто нас к тому более побудить не может, как следующая непреодолимая и на опытах основывающаяся истина, а именно, что от бесчисленных душевных мучительств и прискорбий, происходящих от действия воспаляющих пристрастий, не может нас освободить никакое светское благополучие; и сие зло последует за нами всюду и всюду. На вас самих и в сем случае сошлюсь, дорогие мои читатели, непременно все вы разного состояния, и не одинакими одарены подарками счастья, и один другого, по-светскому говоря, счастливее, достаточнее и знатнее; сверх того, мало из вас таких будет, которые бы перемену счастья не знали из своего опыта и никогда пред прежним состоянием ни богаче, ни знатнее не делались, скажите вы все и признайтесь чистосердечно, произвело ли в вас приумножение вашей чести и достатка какую в сем случае перемену? Стали ли вы меньше пред прежним ощущать действия страха, боязни, гнева, печали и отчаяния? Освободили ли вас новые чины и новые богатства от сего зла? Но напротив того, не таким ж ли вы остались и тогда, какими были прежде, и не должны ли некоторые из вас признаться, что новые чины и множайшее богатство не только не уменьшили число ваших прискорбностей, произтекающих из помянутых источников, но паче оное еще приумножили? Дозвольте мне себе сказать, что вы нечистосердечно поступите, и сами себя, а не людей обманете, когда в том запереться похотите. Истина сия слишком известна, и все довольно знают, что ни чины, ни богатства нас от сих внутренних

злодеев защитить не могут, но паче еще более их питать и чаще раздражать в состоянии. Пускай, кто хочет, в том сомневается; что ж касается до меня, то меня никто о противном тому не уверит. Мне случилось видеть то своими глазами, когда по случаю несколько лет находился я при одном знатном человеке, который ныне давно уже в числе мертвых; сей вельможа одарен был всеми дарованиями счастья, какие только пожелать было можно: у государя своего находился он в милости и получал почти всякий день новые знаки его благоволения и щедрости; чинами одарен он был до избытка; имения и достатка имел он столько, что мог так жить и себя содержать, как владетельный принц; подданных имел у себя несколько тысяч, а сверх того поручены в управление ему были целые почти миллионы народа, от которых мог он получать такое почтение, какое только пожелать мог; одним словом, все шло по его желаниям, и ничего, по-видимому, не доставало к его благополучию; но чтоб вы думали, благополучен ли он был? Верно, скажете вы. Вы и не погрешаете в том; многие были такого ж мнения и терзались завистью, рассуждая о его благоденствии. Со всем тем в самом деле ничего того не было, но, напротив того, он злополучнейший человек на свете был; ибо сколь с наружной стороны казался он сидеть в самых недрах счастья, столько со внутренней находился в узах и оковах у внутренних своих злодеев, которые ежеминутно почти его наисвирепейшим образом мучили и тиранили. Помянутым вспламеняющимся пристрастиям, а особливо гневу, был он так подвержен, что вся тогдашняя жизнь его состояла в непрерывной цепи мучительных страданий, происходящих от гнева, боязни, печали и отчаяния. Не было такого дня, в который бы он во всякий час по несколько раз не сдерживался, и часто доходило, что он даже до того досерживался, что действительно занемогал, и просьбою подкомандующих своих, с которыми имел ближе дело, прашивал, чтоб они его ради Бога не раздражали и не сердили, хотя ни у кого и на уме не было его с умысла на гнев приводить, но всякий, жалея собственного своего покоя, того как огня бегал и остерегался. Из сего можно уже заключить, сколь несовершенным делали помянутые пристрастия его благополучие. Одним словом, он был в таких обстоятельствах, что я, будучи пред ним самое ничто, и весьма далеко

унижен, однако почитал себя несравненно его счастливее и ни для чего бы не хотел быть на его месте и в таких же обстоятельствах. Сей пример довольно уже доказать мне мог, что благополучие не от чинов и богатства и знатности зависит, но к тому внутреннее состояние и хорошее расположение наших душевных действий потребно.

Так, скажут многие из вас теперь, дорогие читатели, так, мы не хотим в том спорить, но охотно на все вышеописанное согласимся и охотно признаемся, что пристрастие сии для нас мучительны, и что нас от них никакие чины и состояния защитить не могут; но как же быть? Что делать? Мы ли тому виноваты? Рады ли мы тому, что такими уже родимся, и от нас ли то уже произошло, но паче не принуждены ль мы в сем случае жаловаться на натуру, что она нас такими произвела и таких внутренних злодеев в сердца наши вселила, которых мы одолевать никоим образом не можем?.. Говорите, говорите, отвечаю вам; высказывайте все, что вы только к извинению своему выдумать можете, я дам вам на то совершенную волю; но, наконец, спросив, все ли вы уже высказали, вас спрошу: подлинно ли вы уверены, что все возражения и жалобы ваши на сии пристрастия справедливы, и не замешались ли в том отрывки каких-нибудь предрассудков? Никак, скажете вы, они основаны на сущей истине, а того более на ежедневных опытах... Бог знает, государи мои, отвечаю я вам на это, так ли то подлинно все, как вы думаете; не можно ли то быть чем-нибудь и не так? Подлинно ли вы знаете то из собственных своих опытов, что сего зла никак предварить и у сих злодеев наших нисколько руки посвятить и на них уздечку или муштучек⁵⁷ наложить не можно? Пробовали ли вы когда-нибудь сих необузданных лошадок обездивить или уже бешенство их так казалось вам велико, что вы, считая их неприступными, не отваживались к ним и приступить, по примеру конюхов Филипповых, когда они необузданного Буцефала в руки свои получили? Не можно ли нам еще быть и Александрами? Напомните пример сей, историей нам сообщаемый. И тогда ведь все думали, что не можно никак сего коня укротить, однако Александр, будучи еще почти ребенком, противное тому доказал и нашел средство усмирить его. Не легко ли и в сем случае в самом

деле противное тому быть может, нежели как мы думаем, и не зависит ли, может быть, от того, что мы никогда хорошенько не пробовали и надлежащего искусства к тому не имеем?

Я не знаю еще и не хочу прежде времени ни в чем спорить, но только желал бы, чтоб вы, нижеследующее беспристрастно разобрав, ответствовали мне, имеет ли или не имеет сомнение мое в сем случае какое-нибудь основание. Сам я некогда подвержен был такому ж мнению и горюю стоял за пристрастия. Но вот что меня в сомнение приводит. Однажды вздумалось мне самого себя спросить, как же это так, во всей натуре примечаем мы в устройении ее изящнейший порядок, всякие действия имеют свои причины, все наипремудрейшим образом Создателем учреждено и основано, тысяча примеров доказывают и тысяча причин есть нам заключать, что бесконечный Производитель ничего напрасного не делал и делать не может, и великое б для Него было то несовершенство, ежели б Ему сделать что-нибудь напрасно и нескладно, и Ему такого несовершенства иметь не можно? Но когда прочее все не даром и не по пустому и на хороший конец сделано, так неужели одни воспламеняющиеся пристрастия наши Им на худой конец назначены? Неужели одни они таким нестройным и нескладным делом, каким они нам быть кажутся? Ибо когда мы созданы для бесконечной жизни и на тот конец, чтоб мы в оной наслаждались совершенным блаженством, которого предчувствие мы бы уже и здесь имели, то можно ли чему нестройнее быть, как вложить во внутренность души нашей таких злодеев, которые прямо рушителями благополучия нашего почестся могут, и притом отнять у нас всю власть и силу над оными? Нет, думал я далее, боюсь сим образом о Творце моем заключать и обвинять Его в таком нестройном и противоречащем деле. Надобно, конечно, быть чему-нибудь иному, и как-нибудь, да не так, как я думаю. Нельзя, чтоб не имел Он и при вкладывании в нас таких душевных свойств своих святых причин. Когда все прочее в самом существе своем способны к произведению в нас истинного благополучия, и зло происходит единственно от худого и от нас зависящего распорядка в действиях оных, так необходимо надобно и сим пристрастиям в самом начальном существе своем быть к тому способными и вместе с прочими поспешествовать к нашему

благополучию; а что они мучительны, так, конечно, происходит сие от чего-нибудь иного, и бесспорно от худого беспорядка, от нас зависящего. Когда мы одарены такою силою, что можем прочими свойствами и силами душевными обладать и, распоряжая действия оных, иные по своему хотению увеличивать, иные уменьшать, так, конечно, и уменьшение их подвержено нашей власти. Инако бесспорно быть не может; но как же сообразить сие с ежедневными опытами? Напоминание сего меня останавливало, и признаюсь, что я приходил в нестройность и не знал, что думать. Наконец, пришло мне на ум откровенное нам слово Божие. Будучи во тьме и мраке, с охотою отдернул я завесу, скрывающую от меня сей Божественный светильник нашего разума, и при свете оного, как сквозь подзорную трубу, стал рассматривать предмет, от очей моих удаленный. Но не успел я сего сделать, как тотчас я воскликнуть принужден был: ба! Чего мне далее искать и в чем сомневаться? Вот именно повеление Бога и Спасителя моего, запрещающее мне вдаваться слишком в сии мучительные пристрастия! Вот именно повеление, чтоб мы в их в себе уменьшали и ими владели, и употребляли ни на злое, а на доброе! Но когда повеления сии происходили от того, который натуру мою, устроая сам ее, лучше меня знает, как она устроена, так могут ли повеления сии быть неосновательны? Можно ли ему от нас требовать чего-нибудь невозможного, и не должно ли заключать, что он, конечно, видел, что нам то можно, когда то приказывал.

Признаюсь, что меня сие тотчас успокоило; и как я довольно ведал, что в сем Божественном светильнике очес наших не только повеления даваны, но и некоторые средства к произведению оных нам показаны и открыты, то стал я искать оных. Я присовокупил к тому советы философов и, находя в них сходство, предпринял по возможности своей обоим им следовать и испытывать то собственным опытом. И в прославление неценности оных за долг почитаю признаться, что труды мои были не тщетны, и я имел лучший успех, нежели какого ожидать и надеяться мог.

Итак, некоторым образом из собственной практики могу, вас, дорогие читатели, уверить, что хотя помянутые пристрастия, как природные, в нас вовсе истребить нет способа и не только вовсе истребить, но по сделавшемуся генеральному повреждению души

нашей без особенного Божеского вспоможения и до того довести не можно, чтоб они такое действие имели, какое им натура предписывает, однако того сказать отнюдь не можно, чтоб не состояло в нашей власти их знатным градусом уменьшить и до того довести, чтоб они меньше нас мучили и тревожили, и чрез то меньше мешали нашему спокойствию и благополучию. Но я и в правиле сем не совершенного истребления, но уменьшения оных только требую.

Вот, что отвечаю я вам на ваше возражение! Судите теперь, как хотите. Не поверите сему — оставайтесь с покоем и, буде хотите, так смейтесь и поднимайте все это на смех: меня сие не тронет. Буде поверите, так к вашей же то будет пользе. Но естли и при том не останетесь и похотите любопытствовать далее и знать, каким же бы образом то в действо произвести можно, так на то скажу, что обстоятельно о сем говорить было бы слишком пространно и сюда неудобовместимо. Материя сия обширна и велика, и в такое пространное поле пуститься несогласно с пределами сего сочинения. Естли скажете, как же нам быть, на то скажу: буде хотите сие знать, так читайте Священное Писание, вникните во всю связь неоцененного своего закона — вы найдете в нем все, что хотите. Естли тем не удовольствуетесь, то посоветуйте о сем с истинными и практическими христианами и философами; они вам дадут желаемое о том изъяснение и советы. Наконец, естли хотите и от меня, по крайней мере, что-нибудь о сем слышать, так с охотою моею соглашаюсь сделать вам сие удовольствие; и для того скажу, что при уменьшении в нас сих мучительных для нас воспаляющихся пристрастий вся важность состоит в том, чтоб мы умели за вещь сию с той стороны дотрагиваться, которая способнее прочих, и по примеру Александра, усматривать причину, от которой они в такое бешенство приходят. Буцефала его приводила в бешенство собственная его тень от солнца. Александр сие приметил и обернул его головою к солнцу, чтоб он не мог тени своей видеть, и тогда не трудно ему было на коня сего сесть. Таким же образом есть и у пристрастий наших тени, которые заставляют их воспаляться. Усматривайте сию причину и уничтожайте ее, а потом спешите, не упускайте удобного случая и хватайте в начале, когда еще они не гораздо воспалились, и тогда вам не трудно будет ими

овладеть. Александр дал сперва волю носить коню своему себя, куда он из сил выбился, и старался только на нем усидеть, а потом мог уже из него все делать, что хотел, и он час от часу делался уже смиреннее и покладливее⁵⁸, равно так и вы отважитесь при помощи Божеской на сей подвиг; не смотрите, что вам будет это сначала трудно, но крепитесь, как можно, чтоб оно вас в первой раз не одолело и вас с себя не сбросило. Оно, наконец, утомится, и нужно однажды посбить хорошенько спесь, как в другой раз будет уже легче, в третий — и того легче, а не успеете несколько раз повторить, как поверьте, что сами себе будете дивиться и не верить, как могли вы так скоро и легко победить сего непреоборимого злодея и укротить суровость его нрава. Тысячу раз будете вы сами себя за то после благодарить и воздавать хвалу Богу, подавшему вам в тайне сильнейшую в том руку помощи.

Ежели спросите меня далее, какие же бы то собственно причины были, от которых пристрастия наши воспаляются, так на сие скажу, что вы уже их знаете, и читали впереди. Я для самого того вкратце и разобрал существо пристрастий и исследовал причины, от чего каждое из них происходит. Прочтите их еще раз, и рассмотрите в тонкость, так вы их увидите и узнаете то, что всему причиною воображения наши. Приведите их в порядок, научитесь ценить все вещи по их достоинству и не придавая им такой цены и худобы, какой они не имеют. Перестаньте увеличивать всякое зло и обиды и оскорбления выше меры, а опасности и бедствия почитать чрезвычайными. Рассматривайте их почаще в тонкость, присоединяйте к тому напоминание всех побудительных причин, стыдитесь своей слабости, упрекайте себя ею. Отведайте употребить силы свои в природной величине оных. Возбудите в сердце своем истинное в сем случае героичество. Отведайте подражать в том многим другим, довольно в том прославившимся, и буде того не довольно, подражайте примеру Искупителя вашего, призывайте Его на помощь и, наконец, с бессомненною надеждою получения оной приступайте прямо к делу и, вооружившись на все при начале трудности, не смотрите на них много и ступайте далее. Все сие учинив, верно получите вы не только то, чего желаете, но и тысяча других от того произойдет вам польз и выгод.

Вот все, что я вам на сие сказать могу, и думаю, что сего уже довольно будет о воспаляющихся пристрастиях. Теперь время уже мне приступить ко второму предложению сего правила и поговорить с вами о том, для чего и каким образом надобно нам удалять себя от страстей, и тем заключить сие рассуждение.

Что страсти сущестительны, отменны от аффектов, или воспаляющихся пристрастий, и состоят хотя в увеличенном градусе силы действия желаний, но только в таком, который не так скоропостижно вспыхивает, но исподволь умножается, а умножившись и превзошед силу нашего произвола, долгое время в одинаком состоянии продолжается; о том я упоминал уже впереди; чего ради повторять мне то не надобно, равно как и в подробном исчислении оных не предвижу дальней надобности. Всякому довольно известно, что у нас под именем страстей разумеется, чего ради довольно будет, когда я упомяну несколько из оных. Любовная страсть может почесться наиглавнейшею из оных. Все прочие отродя оной принадлежат также к страстям. Излишняя и непомерная охота к игре, собакам, птицам, лошадям, щегольству, мздоимству и к прочим таким важным и не важным делам может названа быть также страстью. Одним словом, всякое суетное и негодное желание может почесться страстью, когда оно слишком и до того увеличится, что мы ее произволом своим одолевать не можем, но принуждены нехотя и по неволе ей следовать и делать то, что с истинным благоразумием несогласно, и что сами мы осуждаем и почитаем негодным делом.

Причина, для которой требуется удаление себя от всякого рода страстей, также не такого рода, чтоб многие не могли ее сами усмотреть. Кому не известно, коль многое нарушение спокойствию от них происходит? Правда, нельзя того оспорить, чтоб они нам и увеселений не производили. Для самого того и питаем в себе оные, и ежели б не было сего, то не для чего бы нам им и следовать. Но ежели прямо разобрать, какую великою ценою мы сии увеселения покупаем, к коль многим досадам, скукам, неудовольствиям, тоске, гневу, страхам, боязням, печалям и отчаяниям подают они нам повод, то поистине должно признаться, что сии сопряженные с ними неприятные чувства и душевные прискорбия далеко пре-

возвышают число увеселений, от них происходящих. Самая чистейшая и многими обожаемая любовная страсть коль мучительна нам и каким несметным множеством помянутых прискорбий преисполнена? Не с сущою ли желчию смешан нектар ее приятности? Одного сего поистине довольно б было к побеждению нас к старанию удалять себя от них, колико можно; однако и кроме сего есть и другая и важнейшая причина, нам их бегать повелевающая, а именно, те вредные, опасные и благополучию нашему прямо напротив идущие следствия, которые от них проистекают; ибо последование оным не только несогласно с главным намерением нашей жизни, но следствия оных бывают и телу и душе нашей крайне вредны, опасны и предосудительны. Кому не известно, коль часто впадаем мы от иных страстей в опаснейшие болезни, ускоряем свою смерть, делаемся на век калеками и уродами, ломаем себе руки и ноги, приходим в бедность и нищету, делаемся омерзением всему человеческому роду и, наконец, самому естеству? И так далее. Не меньше ж того кому не известно, коль много теряем мы, упражняясь в них, драгоценного времени? Коль многие невозвратимые минуты, часы, дни и годы теряются по-пустому и на самую иногда ничтожность и суету? Коль много упускаем мы через то случая к исполнению наших должностей и всего того, что нам Бог, натура и самый разум наш повелевает, и что к сооружению нашего нынешнего и будущего благополучия служить может? Наконец, к коль многим порокам, неправдам, обидам и всему тому, что на свете злом назваться может, подают они нам повод, и коль многие и пагубные следствия от всего того проистекают?

Все сие не достойно ли поистине наивеличайшего уважения и стоит ли того, чтоб нам, закрыв наши глаза, стоять за них горою и защищать их руками и ногами, а того хуже, выдумывать и изыскивать всякого рода извинения и сердиться еще на тех, которые об них говорят правду? Смейтесь себе, сердитесь, ругайте, презирайте и делайте что хотите, вы, господа защитники страстей. Никого иного, как самих себя вы тем вредите. Сколько б вы ни говорили, и как бы ни утверждали, что в треугольнике четыре угла, однако он всегда будет иметь три, и та истина во век останется непреоборима, что от страстей сущестительной пользы нам никакой нет, что они

худы, нам вредны и что нам их необходимо убегать и их из себя истреблять надобно, естли хотим быть прямо благополучными.

Знаю, что некоторые, а особливо те, которым помянутое предположение не мило и для слуха их неприятно, теперь закричат: эти-де рога давно уже были в торгу. Это слышали мы уже несколько сот раз, и господа нравоучители нам уши уже провизжали, говоря все то же, да то же, и повторяя то, что говорено было еще прадедами, и ничего более не делают, как старую погудку на новой лад перестраивают и старые щи только подогревают ... Но, государи мои, что ж иное им делать и где ж им взять любимых вами новостей? Рассудите, ведь они не портные, чтоб могли вам такое платье сшить, какое вы прикажете или какое воображению вашему наилучше быть казалось. Они ли тому виноваты, что порядок и устройство всех вещей в свете не переменяется, но стоит один и тот же самой, которой был прежде. Естли вы столько в силах и можете, то помогите им сей порядок переделать и все в свете и самого человека перелить в другую форму, тогда и они, может быть, другой и такой род нравоучения выдумают, который приятнее для ушей ваших будет. А покуда сего не учините, то другого им не остается, как следовать истине и говорить то, что она им внушает, несмотря, по моде ль то было или не по моде, чтоб следовать одному, да одному и держаться той старины, которой держались наши праотцы.

Но я удалился опять неведомо куда от моего предмета. Извините меня вы, любезные товарищи, которые не так еще страсти обожают, как оные. Теперь оставим мы сих господ рассуждать по их воле и хотению, и обратившись к прежнему предмету, поговорим лучше с вами о дальнейшем. Может быть, у вас давно уже было на уме меня спросить, можно ль же нам сии страсти одолевать? Конечно, можно, и более можно, нежели мы думаем. Разберите сами, когда я вам отчасти доказал, что можно и вспламеняющиеся страсти уменьшать, которые несравненно сих жесточе, то как уж сим быть таковым, чтоб их уменьшить не было возможности? Сии далеко не таковы сильны и скоропостижны, как оные, и самое оных существо нам сие доказывает.

Но как их уменьшать и истреблять, о том теперь, дорогие мои читатели, меня не спрашивайте. Довольно о том и предовольно го-

ворил я в первой части сей моей книги, и была бы непростительная излишность, естли б мне о том вновь повторять. Итак ежели, хотите о сем знать, то напомниме или прочтите вновь XII мое рассуждение, в котором в особливости и пространно говорено о способах и руководстве к исправлению, где найдете вы к тому довольное руководство.

Вот все, что находил я за нужное упомянуть о средствах, которыми можно поспешествовать нашему спокойствию, и вот немногие правила, касающиеся до сего важного пункта. Число их невелико, и можно б хотя еще найти некоторые, но довольно б и предовольно было, естли б и сии удостоили вы, дорогой читатель, надлежащего уважения и о наблюдении оных постарались. Теперь осталось мне предложить последние и к третьему роду принадлежащие средства или, по прежней аллегории говоря, представить пред вас остальные пять блюд кушанья, о вкусе которого не могу также наперед ничего сказать, кроме того, что в сих, кроме питательных соков, находится будет некая и врачебная против душевных недугов сила, и они почтены могут быть отчасти уже и лекарственными.

РАССУЖДЕНИЕ XVI

Содержащее в себе правила и руководство
к уменьшению наших прискорбностей и неудовольствий

Наконец, дошел я до третьего и последнего класса правил, чрез наблюдение которых может приобретаемо быть временное наше благополучие. В предследующих двух рассуждениях говорил я о средствах, которыми можно нам умножать количество наших увеселений и уменьшать количество наших прискорбностей, и чрез то поспешествовать нашему спокойствию, а в сем главным моим предметом будет уменьшение самой жестокости наших прискорбностей и неудовольствий в то время, когда они нас постигнут.

Падение Адамово и последующая от того великая перемена во всем, что до нас касается, причиною тому, что нам того и требовать и желать не можно, чтоб в нынешнюю нашу жизнь не постигали нас никогда никакие противные и несчастные приключения, могущие в нас произвести всякого рода неприятные и прискорбные чув-

ствия, как, например, досады, неудовольствия, горести, печали и, наконец, самые болезни. Почему как бы мы ни остерегались и как бы ни старались от того убежать, но нет способа совсем от них освободиться. Никакие чины, никакие достоинства, никакие достатки и сокровища, никакие дарования счастья, никакая власть, никакой разум и никакое искусство нас от них сохранить и защитить не могут; но они постигают, как последнего раба и подданного, так равно и государя, и величайший иногда философ им бывает подвержен, сколько наипростейший человек в свете.

Сколь истина сия ни справедлива, однако не должно из того заключать, чтоб сие зло было вовсе без лекарства, и мы лишены б были всех способов к убежанию оных и к уменьшению силы сих душевных прискорбностей. Правда, вовсе от них убежать нет для нас никакого способа; однако количество их уменьшить, как я выше доказал, нам довольно есть способов, а и в рассуждении прочих есть еще, по крайней мере, возможность уменьшать значным образом степени их жестокости и свирепства, и чрез то делать их себе сноснейшими.

При размышлениях моих с сей стороны о жизни человеческой удивительное примечал я обстоятельство, и обстоятельство такое, которое по справедливости достойно примечания, а именно, я находил, что между нынешнею жизнью всех людей вообще находится великое сходство с бываемою между народами вещественною войною, и сходство такое, о котором чем более я размышлял, тем казалось оно мне быть не только больше, но и показывало след ко многим и весьма нужным открытиям и уподоблениям. Одним словом, оно так меня прельстило, что я не усомнился основать на нем все почти следующие мои о уменьшении прискорбностей наших правила и рассуждения, и идти сею нечаянно мне попавшейся тропею, которою потом, могу сказать, что был и доволен, она вывела меня, так сказать, на удивительный театр и представила такое зрелище, которого я до того времени еще не видывал и на которое зрением не мог довольно насытиться. Жизнь человеческая и сопряженные с нею счастливые и несчастные обстоятельства и происшествия были на нем так живо и натурально изображены, что я одним почти взглядом мог все их осмотреть и проникнуть во многие примеча-

ния достойные вещи и обстоятельства, а особливо усмотреть, как источники наших бед и несчастий и соединенных с ними горестей и печалей, так и те, из которых могут почерпаемы быть те способы и средства, которыми жестокость последних уменьшаема быть может. А все сие принесло мне ту выгоду и пользу, что мне никакого уже почти труда не стоило находить и вымышлять оные: они шли ко мне сами на встречу, и сама натура казалась вещать мне их равно как изустно.

Теперь не сомневаюсь, что многие из читателей моих пожелают короче знать, в чем бы собственно состояло примеченное сие сходство, о котором я упоминаю, и будут ожидать от меня дальнейшего тому изъяснения. Сие изъяснение конечно и нужно, и не только нужно, но необходимо и надобно; ибо как сие сходство положил я за главное основание моим правилам и рассуждениям, то надобно мне и доказать одного натуральность, тем паче, что само сие не только объяснит многие последующие места, но и в великую иным пользу обратиться может. Чего ради, не распространяя слов, приступим к изъяснению оному.

Я говорю, любезные читатели, что нынешняя жизнь человека вообще великое сходство имеет с войною; а каждый человек в рассуждении душевного своего состояния великое сходство имеет с находящимся на войне и стоящим против неприятеля на сражении воином. Справедливость сего, надеюсь, вы сами усмотреть можете, ежели последуете теперь за мною в уподоблении находящегося на баталии воина с человеком.

Прежде всего, говоря вообще, спрошу я вас, дорогие читатели, находящийся на баталии и в огне войн не принужден ли видеть, что со всех сторон летят на него и ядры и пули, картечи и стрелы, и не подвержен ли он ежеминутно опасности, чтоб которая-нибудь его не зацепила, не ранила и не убила?.. Ежели так, то скажите, не точно ли таким же образом, живучи в сей жизни, принуждены и мы видеть, что она подвержена тысяче несчастных и противных приключений, и не должны ли ежеминутно опасаться, чтоб которое-нибудь в нас не попало, не ранило нашу душу горестью и печалью и не лишило самой нынешней жизни? Ежели пойдем сею стезею далее, то найдем, что и прочие обстоятельства, касающиеся до че-

ловека, находящегося на сражении, весьма способно могут приравнены быть к человеческой жизни, а именно:

Во-первых, как на сражении не все места равномерно подвержены опасности, но на иных, как, например, в задней линии, одаль или под каким-нибудь прикрытием стоящий воин гораздо меньше подвержен опасностям, нежели тот, который стоит в передней и в самом огне, то не точно ли так и человеческие разные чины и состояние не равно подвержены бедствиям и опасностям противных приключений, но одно меньше, а другие больше? Размышляя о сем далее, нахожу я, что с стоящими в задней линии и одаль могут наиудобнее сравнены быть низкого и подлого состояния люди; с находящимися под каким-нибудь прикрытием и защитою — те, которые живут под особливым Божеским покровительством и защитою; с находящимися в самом огне — люди, находящиеся в высших чинах и знатнейшем пред прочими состоянии. Почему первые далеко не претерпевают столько противных приключений, сколько последние, и кто оспорит ту истину, что простой крестьянин и понятия о многих из тех противных приключений не имеет, каким знатные люди подвержены бывают? Ежели скажут мне на сие, что часто и простого и низкого состояния люди подвержены бывают великим бедствиям и противным приключениям, так на то скажу, что и того забывать не надобно, что и на сражении не все, стоящие одаль и назади, совершенно освобождены от пуль, ядер, картечей и бомб, но часто случается, что и спереди они к ним долетают, да и сзади и с сторон бывают атаки и нападения. Самые прикрытия не могут иногда воинов от того совершенно освободить, но случается иногда, что и там их достают. В сходствие того постигают иногда и находящихся под покровительством Божеским разные несчастные и противные приключения, которые Бог по непостижимым своим судьбам и для святых своих намерений с ними случаться попускает.

Во-вторых, как стояние на помянутых разных местах зависит не от произвола воинов, но от распорядка, сделанного полководцем, и от его повеления, так равно и чины и состояния наши зависят не от нас, а от распорядка, сделанного богом. Перемены, бываемые в оных, могут сравнены быть с переменою мест во время баталии,

когда иные воины либо по повелению полководца в сикурс и на подпору куда-нибудь посылаются, либо сами, из назначенных себе мест произвольно отлучаясь, идут вперед и к огню из любопытства, либо по стремлению храбрости для собственной иногда своей пагубы приближаются.

В-третьих, как на сражении не может никто твердо и бессомненно на безопасность своего места положиться, но заключает только по одной вероятности, так и нам в жизни ни на какое состояние твердо положиться не можно, но остается только заключать по вероятности, а прочие неожиданные случаи передавать во власть Божескую.

В-четвертых, как на баталии вредящие и поражающие нас орудия не все одинаковы, но одни других сильнее и более или менее вредить нас могут, например, великая разница пуля от ядра, бомба от картечи или сабля от стрелы; так равно и случающиеся с нами в нынешнюю жизнь бедствия и противные приключения не все равны и не одинакий вред и прискорбие нам производить могут, но иные подобны ядрам, совсем нас раздробляющим, другие пулям, картечам и стрелам, нас много или мало ранящим или только одну контузию причиняющим.

В-пятых, как получаемые в сражениях раны не все нам равно бывают чувствительны и вредны, так равно не все противные приключения нам одинаковые прискорбия произвести могут, но иные нам без дальнего труда перенести можно, а другие, напротив того, сопряжены с превеликим мучением и страданием.

В-шестых, как получаемые в сражениях раны не все смертоносны, но многие могут и исцеляемы быть, так равно и противные приключения не все нас умерщвляют, но причиненный ими нам вред и душевные наши раны, то есть горести и печали, могут таким же образом исцеляемы быть.

В седьмых, с какими обстоятельствами сопряжены телесные раны, с таковыми же точно соединены и душевные, то есть наши прискорбности. Как всякая вещественная рана меньше будет чувствительна и скорее исцелена быть может, если взята наперед уже предосторожность, и как лекарства, так и бинты готовы, и временно без допущения до излишнего истечения крови и до разго-

рения и нагноения раны употреблены самим, или искусным врачом будут, так равно и прискорбия наши тем легче и скорее уменьшены быть могут, если заготовятся наперед потребные духовные лекарства и печали не дастся времени гораздо усилиться и совершенное действие возыметь.

Наконец, в восьмых, как в рассуждении ран не все лекарства могут одинаковую приносить пользу, и великая разница лечить их по своему рассудку, и великая разница, когда искусным лекарем лечены или в лечении его советам последовано будет, так равно и в случае наших печалей употребление надлежащих и удобнейших средств весьма различно и полезнее, нежели употребление развратных и неприличных, чрез которые иногда равно как рана, так и печаль, сделается еще жесточе и несноснее.

Сим образом сравнивая и прочие обстоятельства войны с жизнью человеческой, найдем и в оных такое же во всем сходствие; но я не хочу читателя утруждать дальнейшим исчислением оных, довольно будет и сих к нашему намерению, тем паче, что прочие сами собою в последствии окажутся. Теперь время обратиться мне к моему предмету.

Итак, из предследующего сравнения не трудно, надеюсь, уже заключить, до чего собственно касаться будет дело в сем рассуждении. Всякому легко усмотреть можно, что главным предметом моим будет врачевание душевных наших ран, то есть прискорбий, а в собственности исследование удобнейших и лучших к тому лекарств, или способов, к чему, не распространяя далее слов, теперь приступим.

В вышеупомянутом сравнении, а именно, в седьмом пункте, упомянул я, что всякая рана тем способнее и скорее залечена быть может, ежели употреблена будет заблаговременно предосторожность и заготовлены будут бинты и лекарства, из которых первыми тотчас по получении раны можно бы было ее перевязать и приступить к лечению. Сие обстоятельство великого примечания достойно, и ничто не может приравнено быть к предосторожности, потребной для врачевания, или уменьшения наших прискорбностей. Сия предосторожность состоит в том, чтоб мы в добрые наши дни готовились к несчастным, и запасали себя, колико можно, лучши-

ми и множайшими такими мыслями или рассуждениями, которые бы после при прискорбных наших обстоятельствах могли дух наш утешать и успокаивать.

Сие общее и предварительное правило поистине достойно уважения. Нельзя довольно изобразить, сколь великую пользу точное оного наблюдение нам после принести может; ибо на досуге и не претерпевая еще зла, можем мы с ним, так сказать, в чужих людях познакомиться заблаговременно, поговорить с ним полюбовно, порассмотреть свойство его и нрав и потому приготовиться наперед, как принять и угостить лучше сего незванного к нам и неприятного гостя, буде он к нам заехать вздумает. Разберите, что и с злыми людьми мы так обходимся, и узнав его не у себя, получше уже знаем, как с ним поступить, ежели он к нам незванный пожалует или насильно станет у нас на квартире. Не будем ли мы уже в состоянии лучше остерегать себя от всех его нападков и не допускать до того, чтоб он нам мог учинить слишком чувствительный вред? Равно так можем уже лучше и скорее сладить и с прискорбием, нас постигшим, и скорее уменьшить силу его действия, ежели заблаговременно себя к тому приуготовим. Как в человеческом сожитии можем мы иногда неприятного такого гостя тотчас отбоярить или чрез употребление разных и заблаговременно выдуманных средств до того довести, что он сам не будет иметь охоты долее у нас медлить, так тоже и с большею частью наших прискорбностей и печалей учинить можно; все только от того зависит, чтоб мы заблаговременно выдумали и снабдили себя приличными во всяких печальных случаях утешениями, которые не инако можно почесть, как на душевные наши раны лекарствами, или другими и приятнейшими нам гостями, друзьями и защитниками, которых мы в то время тотчас к себе приглашать и помощью их пользоваться можем. Сие вспоможение их в том состоять будет, что ежели незваной неприятный гость, или прискорбие, не гораздо важен, то выталакивают его и взашей; если же посильнее, то присутствием своим свяжут ему руки и не дадут по своей воле ворочать и колобродить; естли ж сего учинить будут не в состоянии, так станут, по крайней мере, нас защищать от его нахальства и не допускать до нас все его удары и поражения; напротив того, в праздное время, когда, на-

пример, злодей наш будет спать, то будут утешать и забавлять нас своими советами и разговорами и сделать к претерпению дальнейших ударов твердейшими и к сношению оных великодушнейшими и терпеливейшими.

Аллегория сия так ясна и удобопонятна, что не требует от меня изъяснения; чего ради, предпослав предварительное в рассуждении всех прискорбностей правило, приступлю теперь к предложению дальнейших, из объяснения которых всякому довольно можно будет усмотреть и весь тот порядок, которым душевные наши раны, или случающиеся в жизнь нашу и неизбежные горести и печали, прискорбия и неудовольствия, должны быть лечимы, или сила и жестокость оных уменьшаема, а не менее означится и все, что и о самых оных толь нужных нам утешениях знать и примечать надобно.

Итак, когда зло действительно уже наступит и противное приключение или какое-нибудь бедствие и несчастье произойдет, то от точного наблюдения следующих правил великую пользу получить можно, а именно:

1.

Первое правило, наблюдением которого нам печали прискорбности уменьшать можно, есть следующее.

Помышляй о причинах твоей печали и прискорбия в том намерении, чтоб получить как можно тончайшее и яснейшее понятие как о состоянии, так истинной цене, причине и действиях зла, тебя поразившего или поразить готовящегося.

Нельзя довольно изобразить, сколь правило сие великую важность составляет, и наблюдение одного сколь великую пользу нам приносить может; ибо ежели, последуя оному, мы в самой точности прилежно и беспристрастно о состоянии, истинной причине, цене и действиях зла, нас угнетающего или поразить нас готовящегося, размышлять и сами о себе рассуждать станем, то найдется, что мы либо какого-нибудь в мыслях только воображаемого вещества и самой пустоты боимся, или то, от чего мы имеем отвращение, когда она действительно вещь есть, либо отнюдь не истинное зло, либо, по крайней мере, не столь великое есть, каким мы его себе

воображаем; или в состоянии будем причину зла легко отвратить и удалить и либо себя вовсе от того освободить, либо уменьшить чувствуемое от того прискорбие.

Чтоб все сие более изъяснить, то спрошу я каждого, не случается ли того часто, что нас самая пустота и ничтожная вещь и такое зло и несчастье в превеликую печаль ввергает, которое мы только в уме себе воображали, после же — и очень иногда скоро после того — сами усматриваем, что ничего того не бывало, и что мы сами себя только обманывали? Коль много таких случаев бывает с нами, и коль часто смеемся мы сами потом своей слабости и малодушию! Не успеет какая-нибудь безделица произойти, не успеет вид приближения какого-нибудь несчастья сделаться, не успеет какой-нибудь неприятный нам слух пройти, распущенный иногда на смех нам каким-нибудь бездельником, не успеет любимая нами особа в отсутствии за чем-нибудь позамедлиться, и мы об ней в назначенный день известия не получим, и прочее тому подобное, как сходим мы уже с ума, приходим в трепет и ужас, не знаем, что делать, и лишаемся хлеба. Целые горы несчастий представляются в уме нашем, и мы крушимся уже об них, равно как бы они действительно уже совершились, и ни мало не разбираем, подлинно ли все так, как мы думаем, и не может ли того еще миновать и сделаться тому противное, и не самая ли пустота нас тревожит и печалит. Поистине, если бы мы были осторожнее и, не дав печали собою овладеть, наперед ее в тонкость разбирали, или, так сказать, анатомили, то есть рассматривали ее состояние, какого она рода, от каких причин происходит, основательны ль они или неосновательны, достоверны ль или сомнительны; так же все мнимое нами несчастье стоит ли действительно того, чтоб так об нем печалиться, и действительно ли могут от него произойти для нас все те вредные следствия, какие мы себе воображаем, и не обманывает ли нас наше воображение, и так далее; то за верное сказать можно, что многих бы печалей мы совершенно избавились или чувствовали бы только начало оных, а опамятававшись, стали б сами себе и обману воображения своего смеяться.

Так, скажете вы, такие обманчивые случаи действительно с нами бывают, однако нельзя же того сказать, чтоб все такие были;

напротив того, не большая ли часть таких, которые действительным вредом для нас почестся могут и о которых не можно нам никак не печалиться и не горевать, и что в рассуждении таких помогут нам такие разбирательства и помышления. Не спорю в том, ответственю на сие; большая часть печалей и неудовольствий наших действительно таких, которые заслуживают извинение; однако польза мысленных разбирательств и в рассуждении их останется не без пользы; ибо, рассматривая причины, нередко будем мы находить, что и самые существительные несчастья и бедствия далеко не таковы велики, как мы их сперва почитали, и что причина зла не так неотвратима, как мы думали, но нам легко ее истребить или, по крайней мере, печаль и неудовольствие свое уменьшить можно. Часто, говорю я, будет сие случаться; потому что ни в каком случае воображение наше нас так скоро и легко обмануть не может, как в то время, когда дойдем до какой-нибудь печали или неудовольствия. Тут мы так заключениями нашими хромаем, как больше быть не может, и от того самую иногда пустоту, или малое зло, ужасным бедствием себе представляем, и малейшая дробинка кажется нам превеликим ядром, нас поразившим. Мы даем волю стремлениям нашего сердца мучить нас, как оно хочет, и не прежде опаматываемся, как тогда, когда оно уже утомиться само, хотя бы нам и третьей доли такого прискорбия чувствовать не было нужды, естли б мы оное рассмотрели.

Ведаю, что многие из вас, дорогие читатели, пожелают знать, какие же бы точно были те причины, о которых я столь часто упоминаю и которые рассматривать советую. Признаюсь, что для меня нет приятнее такого испытательного любопытства; чего ради с охотою моею вам на сие ответствовать буду. Я, размышляя о всех могущих с нами случиться несчастьях и противных случаях, то есть таких, которые подают нам повод на тогдашнее состояние свое жаловаться, быть им недовольным, грустить, досадовать, вздыхать и печалиться, нахожу, что они великому многообразию подвержены и удобно могут на несколько классов разобраны и разделены быть. К сему различению оных могут основанием служить либо разнота причин, от которых они происходят, либо разнота действий оных на нас, либо разность самого состояния и существа оных,

либо разнота в существительной величине и мализне оных, либо, наконец, разнота в удобности отвращения оных и уменьшения производимых ими нам прискорбностей. Легко может стать, что многим из вас, дорогие мои читатели, такие умозрительные тонкости не понравятся, однако я прошу вас взять на часок терпение и не поскучить. Они необходимо и для собственной же вашей пользы надобны; ибо в таких тонких умозрительных разбирательствах и состоит первое и важнейшее лекарство на сии наши душевные раны; поелику из самого того, равно как из кладезя, можем мы почерпать наши утешения. Чего ради коснемся всех помянутых различий несколько поближе и начнем рассмотрением различия причин печалей наших и их происхождения.

Причины наших противных случаев, или так называемых бед и несчастий, или, собственнее сказать, источники, из которых истекают все наши неудовольствия, прискорбности, досады и печали, бывают разные. Я, размышляя об них с сей стороны, нахожу, что их может быть родов пять или шесть, а именно:

Во-первых, причиною многим нашим прискорбностям никто иной, как сами мы, или, лучше сказать, наши страсти. В сем случае делаемся сами мы собственными своими мучителями и наводим на себя — ни дай, ни вынеси — тысячи досад, прискорбностей и неудовольствий, например, Сильвестр терзается и мучится помышлением, для чего он в низком состоянии родился, а не в благородном — графском и княжеском. Он почитает себе то превеликим несчастием и весь свой век о том горюет, и почитает зло свое неисцельным. Смешная, поистине, печаль и неудовольствие! Бедный Сильвестр престал бы, верно, тужить и горевать, естли б когда-нибудь вошел сам в себя и собственную причину своей печали рассмотрел; он нашел бы, что всему несчастию и гореванию его никто иной, как он сам, причиною. Естли б он на честолубие свое надел уздечку, а разум свой, немного прочистив, подумал, что это уже от устройства натуры и от непосредственной воли Божеской произошло, и притом мнимое сие зло совсем неотвратимо, и сколько б он плетью по обуху ни стегал, но никогда его не разобьет, так бы скоро, устыдившись самого себя, глупости своей смеяться стал. Тысячу б резонов мог он найти, чем бы себя утешить и истребить

из себя вовсе сие мучительное орудие... Матвей с ума сходит, что у него средства отняты мстить своему недругу и напоить руки свои его кровью; он терзается, кусает губы, скрежешет зубами, мычит, рвется и терзается досадою и готов неведомо б что дать, если б мог только б получить случай отмстить своему злодею; но его нет, и он не может. Ах, какая беда! Надобно сие великим несчастьем почитать... Бедный Матвей! Если б ты вздумал сам в себя войти и причину сего несчастья разобрать, то нашел бы, что не столько тебя твой злодей оскорбил, сколько ты сам себя терзаешь и оскорбляешь, и что зло сие далеко не таково велико, как ты думаешь. Пообуздай немного свое любомщение, опомнись, что ты не зверь, а человек, поищи кой-что, могущее тебя в сем случае утешить, так сам в том признаешься и рассмеешься своей глупости... Феопемпт горюет весь свой век, для чего он в деревне родился и вырос и для чего так не богат, как другие. Егор мучится ежеминутно, для чего у него дом худ и мал и достатка нет построить лучшего. Полиевкт бесится, для чего он в низком чине весь свой век провожать должен и никак в люди продаться не может. Антон еды лишился, дни и ночи не спит, для чего ему того чина не дали, которого он добивался, и который он спал и видел. Петр жалуется и горюет, для чего у него нет денег, для чего достатка столько нет, чтоб мог себя, как люди добрые, вести и содержать. Афанасий терзается и мучится, для чего сосед его счастливее и благополучнее... Все они мучатся печальями и ежедневными неудовольствиями, все говорят: не несчастные ли мы на свете люди? Все люди богаты, все знатны, все благополучны, одни только мы согрешили и к нам только фортуна обратила свою спину! Государи мои! Что это вы затеяли? Истинно, есть несметные тысячи, которые б с радостью хотели быть на вашем месте. Чем вы себя крушите? Не сами ли вы себя орудием своего несчастья и мучения делаете? Не от прихотей ли вы своих, не от вожделений ли в неудовольствие приходите? Не состоит ли все несчастье в одном воображении вашем и так ли оно велико, как вы думаете, и не легко ль бы могли вы от всех сих досад и неудовольствий избавиться, если б только похотели? Что поможете вы своими жалобами? Не заградите ли тем только себе сами путь к тому, чего желаете? Не зависит ли все сие от Бога, и не противны

ли ему такие пустые жалобы и неудовольствие на него самого? Поверьте, что естли б вы надели уздечку на свои страсти, так бы дело было лучше, и вы сами тем довольны б были. Кирило почитает себе за великое несчастье, что вспыльчив, сердит и такого несноснейшего нрава, что его всякая безделица может встревожить. Часто доходит он до того, что животу своему не рад... Бедный Кирило, истинно сожаления достойный человек! Но жаль только того, что все несчастье твое более от самого тебя проистекает. Естли б ты, опомнившись когда-нибудь и вошед сам в себя, отведал, не можно ли себя немного от того поотучить, и не поскучил бы неудачными началами, то скоро бы ты престал винить натуру, что она таким тебя сделала, и узнал бы, что зло сие не столь неотвратно, как ты думал.

Вот немногие примеры таких несчастий, которым причинами наиболее сами мы и которых отвращение состоит в нашей власти, потому что все существительное зло лежит в нашем только воображении. Теперь пойдем далее.

Другой род причин наших печалей происходит также хотя от нас и от наших пристрастий, однако с другой стороны, и поводом к тому бывают собственные наши проступки, погрешности и неосторожности, например, Макарь поручился по векселю о не гораздо надежном человеке и принужден платить сам после заимодавцам. Ефим, будучи в компании, заврался и говорит, что не надобно, и терпит от того после беды и несчастья. Максим играл в карты и дал страсти сей так себя ослепить, что от желания отыграться проиграл великую сумму денег. Тимофей без умысла говорил предосудительное о каком-нибудь соседе, приятеле и знакомом человеке и навлек чрез то к себе от него ненависть, злобу и несчастье. Климент поиграл неосторожно с огнем и сжег целый дом, или деревню, или сам себя повредил. Ксенофонт неосторожно обходился с больным в прилипчивой болезни и сам от того занемог. Иван, не рассудив наперед хорошенько, предпринял какое-нибудь силы, знание, искусство и достаток его превосходящее дело и от того пришел в превеликие убытки и разорение. Ефрем, имея в ведомстве у себя казну, от лени и небрежения положился на своих подкомандующих и счетчиков или сам, следуя пристрастиям, неосторожно с нею, как со своею,

обходился и принужден после сам платить великие суммы или терпеть беды и напасти. Игнатий нерадиво нес свою должность и терпит за то после истязание. Ипполит от неосторожности вверился бездельникам и дал себя за нос водить обманывать и от того терпит после великие несчастья и беды. Сидор поленился с горы сойти пешком и получает чрез то великий вред: лошади его разбивают, повозки его летают стремглав и самому ему руки и ноги ломают. Андроник поспешил чрез реку ехать и от оплошности потопляет все, что имел, и насилу сам спасается, и прочее тому подобное.

Вот примеры несчастных случаев, которым собственно сами мы или паче одна оплошность и неосторожность наша причину! Признаться надобно, что они составляют уже существительное зло, тем паче, что печали и досады, последующие от того, бывают нам отменно чувствительны; потому что основание свое имеют на собственном нашем, но тщетном уже раскаянии. Кому не известно, коль много досадуем мы на себя при таких случаях, коль сильно терзает сие зло наше сердце и коль долго мы не можем позабыть и выбить из головы сии досадительные мысли? Но кто же в том виноват? Когда б были мы осторожнее, когда б были не таковы оплошны и получше во всем с разумом своим советовали, а поменьше стремлениям страстей своих следовали, то не было бы и несчастий сих с нами. Но как же быть, скажут мне некоторые. Так и быть, отвечаю я; однако и сие зло не так велико, как нам думается, есть средства, могущие уменьшить жестокость печали и в сих случаях. Последующие за сим другие правила подадут у тому руководство, а теперь, по крайней мере, то скажу, что не должно в таких случаях обвинять натуру, Бога и других людей, как то мы часто делаем, и тем только приумножать наше мучение.

Третий род причин наших печалей и прискорбностей и бедствия и несчастья, от которых они проистекают, имеют свое происхождение от злости и пороков других человеков; сами ж мы тому или мало, или вовсе не причиною. Такого рода суть, например, следующие противные случаи. Кир лишается великой суммы по векселю и теряет половину имения своего; должники его впадают в несчастье и не оставляют ему надежды получить когда-нибудь свои деньги. Трифон несчастлив тем, что имеет жену злого и ни к чему

годного обычая, которая мучит и беспокоит его ежечасно. У Семена увезли жену его бездельники. У Сидора жена непотребная. Агап по несчастью имеет дочь такую. Вукол претерпевает зло и несчастье от того, что друг ему сделался неверен. Парфен за несчастье себе считает, что люди неблагодарны; все милости и благодеяния, оказываемые от него им, ему не пользуются, но они злодейством ему за то соответствуют. У Федора рабы ни к чему годные, неверные, непослушные и мошенники. От Никифора люди и крестьяне его уходят без всякого к тому от него повода. Харламбий орудием несчастья своего и желчию дней своих почитает беспокойного соседа своего; всякой день подает он ему поводы к досадам и неудовольствиям. Влас имеет по несчастью многих у себя злодеев и неприятелей, от которых претерпевал, терпит и ждет впредь себе бед и напастей, и тем мучиться. Мелетий жалуется, что его все ненавидят, и почитает себя несчастным. Алексей негодует на то, что все его презирают. У Мартиниана начальник и командир строг и зол, он мучит его ежеминутно и делает жизнь его несчастною. У Авксентия мачеха зла и сущим врагом ему; у Онисима отец слишком жесток и хуже варвара; Памфил имеет непослушного и ни к чему годного сына; у Льва, любезный друг его отлучается в дальний путь, и он должен с ним расстаться; у бедного Архипа дом бездельники зажгли, и он лишился всего имения своего; Поликарп за несчастье себе почитает, что навалено на него много работы, и он слишком отягощен оною; Тарасий несчастьем почитает, что принужден дело иметь с гордыми и презирающими его знатными господами; Профирия воры покрали; Прокофья разбойники разбили и лишили наилучшего имения его; Василия мошенники ограбили; Федота бездельники цыгане и купцы обманули; Евтропия неправосудие судей сводит с ума; он проклинает жизнь свою, что принужден иметь судебные дела и таскаться по коллегиям и видеть неправильное решение дела его; у Герасима, наконец, отнимают обидчики все имение его и пускают по миру, и так далее.

Вот случаи, происходящие от других человеков. Нельзя сказать, чтоб они не были существительными нашими несчастьями и злом такого рода, от которого по справедливости чувствуем мы печали и неудовольствия. Однако не можно ж и того сказать, чтоб мно-

гие и из сих случаев не сыскались такие, которых зло увеличивает с излишком единое воображение наше. Многие, говорю, найдутся, которые далеко недостойны того, чтоб мы так об них горевали и печалились, как мы то делаем. Есть многие, которым к происшествию мы сами много помогли; есть такие, которых зло увеличивает страсти наши; наконец, есть много таких, от которых происходящую печаль нам гораздо способнее уменьшить можно, нежели мы думаем. Обо всем том надлежало бы мне много говорить, если бы не предвидел я, что впереди о том упоминать будет довольно еще случаев; а здесь как я исчисляю только разные роды причина наших печалей, то поспешу к четвертому роду оных.

Четвертый род причин наших печалей проистекает от таких происшествий, которые зависят непосредственно от воли и попущения Божеского. Такого рода суть, например, следующие противные случаи. Конон почитает себе то великим несчастьем, что он родился дурен, имеет нескладные и непропорциональные члены и другие части тела. Феофилакт от рождения своего получил слабое и болезненное состояние тела: весь он век провождает в непрерывных почти болезнях и припадках, и считает себя несчастнейшим человеком в свете. Кондратий родился уже на свете калекою и уродом, и не находит никакого утешения. Софрон родился в рабстве или в другом каком низком и подлом состоянии и бедности, и считает себя несчастным. Феофан претерпевает превеликие убытки, но которым ни он, ни другие люди не подали поводов: люди и крестьяне, например, у него помирают, деревни погорают и прочее тому подобное. Он все сие наивеличайшим себе несчастьем почитает. У Никифора детей много; он не знает, что с ними делать, горюет и за великое несчастье себе то признает, что они у него на шее. Венедикта, напротив того, то с ума сводит, что у него нет детей или они не стоят, а умирают в малолетстве. Агапий неудачное имеет супружество, сие его тревожит; у Савина любезная его жена, у Хрисанфа отец, у Якова мать, у Никона любимое дитя, у Захара брат, а у Гаврилы лучший его друг и приятель и благодетель больны, умирают или уже умерли; у Илариона дом сгорел, а никто не знает от чего; Марка болезнь нечаянно постигает, он лежит и терпит превеликую боль и находится в опасности жизни. Напротив того,

Ипат мучится другою, хотя не столь жестокою, но долговременною скорбью или припадком: ему сие еще несноснее первого, он рад бы вытерпеть наихудшую горячку, а не мучится такою скучною скорбью. Тит теряет по несчастию глаза и лишается наидрагоценнейшего сего чувства; Никита приходит в глухоту; Осип лишается употребления языка, и они не могут утешиться и почитают себя наинесчастнейшими в свете. Феодул имеет худую память, Евтихий косноязычен, Родион отолстел, все сие почитается ими за несчастья, и они о том тужат и горюют. Наконец, Терентия важнейшая причина побуждает почитать себя несчастным: рана, полученная на войне, или какая-нибудь болезнь, предвозвещает ему, что жизнь его недолго продлится, и он скоро умереть будет должен, он сокрушается о том и не может иметь никакого утешения, и так далее.

Кто не согласится в том, что все сии противные случаи имеют происхождение свое от непосредственной воли и попущения Господня и что отменны они тем от прочих? Но я спрошу только, так ли мы их принимаем, как нам должно? Правда, нельзя того сказать, чтоб они не были нам прискорбны, но паче утверждаю сам, что они для нас наичувствительнейшие; однако не простираем ли мы печали и негодования свои в случае их выше меры? Не делаемся ли мы часто горшками, требующими от горшечника отчета, для чего он их не такими, как им хотелось, а такими сделал как ему заблагорассудилось? Но можем ли мы проникнуть во все намерения и судьбы Божеские и верно ли знаем, что для нас было бы лучше, если бы мы не такими сделаны были или если бы того и другого с нами не сделалось, и что мы того ничем не заслужили? Когда ж не можем, то не для чего нам в сем случае негодовать на Бога, но лучше, колико можно, с терпением сносить сии Его не иначе как праведные наслания.

Пятый и последний род причин наших печалей проистекает от таких приключений, которые, хотя в самом начале своем от власти и попущения Божеского зависят, как и все прочие приключения в свете, однако не непосредственно, а происходят более от сделанного Богом в натуре устройства и распорядка. Таковые роды суть, например, следующие противные и несчастные приключения. Антип дожил до глубокой старости, но трудности и немощи, со-

пряженные с оною, ему несносны; он почитает то великим себе несчастьем. Артемон имел в деревнях своих худой урожай хлеба: год был совсем не плодоносный; он тужит о том и почитает себе великим несчастьем. У Мартына целое его поле и лучшие его плоды градом побило. Ах! Какое несчастье, говорит он, и для чего-таки мое, а не другое? Аристарху вихрь и буря превеликий наделали вред: целые строения поломали и повредили; он тужит о том и почитает несчастьем. У Онуфрия наводнением неведомо сколько бед наделало: и хлеб его потопило, и луга занесло, и лес разбило; он мучится печалью. У Савы суда на море бурею или в реке на порогах разбило и великий вред, сделавшийся ему от того, его в смертельную печаль ввергает. У Ясона множество скота от падежа пало, и он горюет и почитает великим несчастьем. Еремей жалуется, что у него лошади не ведутся⁵⁹, и особливим то несчастьем почитает. У Иова дом грозою зажгло, и все имение его погорело; он того перенести не чает. У Исаия пруд прорвало и великое множество рыбы ушло; он не может довольно надосадовать. От Николая недалеко пожар сделался, и пламя распространилось и до его дома и вкупе и оный в пепел обратило; он сходит с ума от печали. Исаак мучится помышлением, что ему когда-нибудь умереть надобно будет и что жизнь его подвержена ежечасной опасности. Но не одни такие важные происшествия, а иногда и совсем не важные производят нам досады и неудовольствия, например, Симон несколько дней сряду мучится, досадует и находится в превеликом неудовольствии от того, что, находясь в пути, принужден ехать по дурной и пакостной дороге. Епифания испортившееся колесо, переломившаяся дрога⁶⁰ равно так печалит и досаждают, как бы какое великое несчастье. Под Патрикием лед проломился: он все подмочил и едва было сам не погиб; он досадует на то неведомо как. Фалалея комары и мухи кусают; Константину жар надоедает; Василиску стужа, Михайле ненастье несносны; Карпу крик лягушек надоедает, и все они целые дни в жалобах и неудовольствиях препровождают, и так далее.

Вот примеры противных случаев, которым ничто, как устройство натуры основанием! Со всем тем мы сие вовсе позабываем и почитаемых наряду с прочими несчастьями и прискорбностями, и так даем им себя мучить и терзать, как другим и основательней-

шим причинам. Кто не видит из вышеписанного, что многие из них могут быть такого рода, что неудовольствиям нашим, происходящим от них, не иначе, как смеяться можно, как, напротив того, другие в самом деле для нас чувствительны быть могут?

Сии-то суть пять разных родов причин наших печалей и неудовольствий. Я прошу меня извинить, если я подробным исчислением разных противных случаев кому-нибудь наскучил. Я сделал сие не без причины; ибо, во-первых, хотелось мне чрез то доказать, коль многоразличным бедствиям и противным приключениям жизнь наша здесь на земле подвержена: повсюду кругом нас летают бомбы, ядры, картечи, стрелы и пули. Коль легко и коль скоро может которая-нибудь из них попасть и в нас и причинить или телу нашему, или душе, или обоим совокупно рану и повреждение! Коль нужно ж посему запастись нам лекарствами и быть всегда в осторожности! Во-вторых, хотелось мне получить ту выгоду, чтоб впереди, говоря еще много о сей материи, можно б мне было на сие ссылаться и не было б нужды повторять. В-третьих, чтоб самым изъяснением разности сих причин показать след к толь нужному и сим правилом требуемому рассмотрению. Наконец, чтоб тем способнее можно было мне теперь изъяснить и прочие касающиеся до них различия.

Второе различие между противными приключениями примечается в рассуждении их на нас действия. Из вышеписанных примеров нетрудно всякому усмотреть, что одни действие свое простирают только на нашу душу и встревоживают наши страсти и желания, и тем производят прискорбие и беспокойство; а другие, напротив того, действуют только на наше тело и заставляют оное терпеть скорбь и боль; третьи же, наконец, действуют на душу и тело совокупно. В подробном исчислении оных нет ни малой нужды: возьмите который-нибудь из упомянутых, либо из таких примеров, которых я для краткости не упомянул, как найдете сами, к которому классу он принадлежит в самом деле. Сие, как после увидите, вам много поможет.

Третье различие, примечаемое между противными случаями, касается до существа или состояния самого того зла, которое нас тогда тревожит и печалит. Из тех же примеров легко всякому за-

ключить можно, что сие зло не при всех противных случаях одинаково, но в рассуждении одних, так сказать, вещественно, как, например, в случае пожаров, убытков, болезней и прочего; а в случае других — совсем не вещественно, но сущою ничтожностью почестся может, как, например, презрение от людей, злость, неверность и прочее тому подобное. Сие зло воображаем мы себе только в мыслях, существенного ж нам вреда от того никакого не происходит; и потому можно назвать его духовным злом. Которые происшествия к первому и которые ко второму роду принадлежат, о том также не для чего в подробности упоминать. Всякому нетрудно оные самому разобрать, а я только то напояну, что при сем разбирательстве надобно иметь великую осторожность, чтоб ничтожное какое-нибудь зло не почесть более вещественным, нежели оно в самом деле есть; ибо сие всего чаще с нами случается и бывает. И потому иногда, хотя пуля мимо нас пролетит или только коснется нашего платья, а мы уже думаем, что она нас ранила и тужим о том и горюем. Следующий пример, может быть, лучше изъяснит сие дело, например: я был бы честный человек и удален от всяких обманов, и меня бы стал какой-нибудь глупец называть обманщиком и нечестным человеком; но что мне вредит такое его несправедливое название? Я останусь всегда честным человеком, хотя бы он меня тысячу раз называл. Для чего не сердимся мы и не почитаем за обиду, когда дурак нас дураками называть станет? Мы смеемся только. Но не такой же ли и сей случай, когда я сведом сам в себе, что я нимало не достоин такого имени? Следовательно, и от сей пульки не надобно мне охать и тужить или досадовать и сердиться: она только мимо ушей прожужжала и меня нимало не ранила, а таких случаев бывает с нами очень много.

Четвертое различие, примечаемое между противными приключениями, касается до существительной величины и мализны зла, ими нам производимого. Предпосланные примеры довольно объяснить могут, сколь много они с сей стороны различны, и всякий может со мной согласиться, что некоторые из них можно сравнить с бомбами, другие с ядрами, иные с пулями, иные с дробью и стрелами. И как сии не одинакий нам вред на баталии причиняют, так и противные приключения не одинаковой величины зло нам произ-

водят. Различие сие потому примечания достойно, что рассматривание оных с сей стороны научит нас придавать всякому злу настоящую его цену и не оценивать дороже, нежели чего оно стоит; следовательно, освободимся чрез то от погрешности, к которой мы очень сродны; ибо нет ничего чаще того, что мы малейшую дробинку почитаем пулею, а пулю — пушечным ядром, или иногда малейшую тень обиды за превеличайшую себе обиду поставляем.

Пятое, наконец, различие между противными приключениями примечается в рассуждении удобства отвращения или уменьшения зла или прискорбия, ими в нас производимого; ибо, как происходящие от всех несчастных и противных приключений наши печали скорби, досады, неудовольствия и прочие неприятные чувства, весьма не одинаковы, но одни более, а другие менее нам прискорбны; то, натурально, не все они равною удобностью истреблены и уменьшены быть могут. В сем случае можем мы также пользоваться генеральным моим уподоблением; ибо ни с чем так хорошо сие обстоятельство сравнить не можно, как с ранами, на войне получаемыми: как там раны, будучи весьма не одинаково тяжелы, не равно скоро и удобно залечены быть могут, так тоже и о душевных наших ранах сказать можно. Как там иные раны, несмотря на все искусство и старание врачей, неизлечимы, но от них либо умереть мы должны, либо они на век нас будут беспокоить, так и из печалей есть такие, которые нам из себя никогда совершенно истребить не можно, и какие бы мы средства не употребляли, но всегда останутся в нас знатные остатки оных. Во-вторых, как там иные раны, хотя с трудом и не скоро, однако излечить можно, и только кой-когда, например, к ненастью будут они нам отзываться, так и тут есть печали, которые равномерно, хотя с трудом и не скоро, однако излечить можно, и они только кой-когда нам будут вспоминаться. В-третьих, как там большая часть бывает таких ран, которые не только совершенно, но и скоро и удобно залечить можно, так и тут большая часть печалей и неудовольствий наших бывает таких, которые без всякого дальнего труда совершенно истреблены быть могут. В-четвертых, наконец, как там иные раны и без всякого лечения сами собою зажить могут, так есть и печали, могущие сами миноваться, хотя на то, как и в случае ран, должайшее время и мно-

жайшее беспокойство надобно. Одним словом, все обстоятельства, касающиеся до ран, могут удобно относимы быть к душевным нашим ранам.

Вот все, чем намерен я был объяснить вышепредложенное правило и показать, что, собственно, разумею я под именем помышления о причинах наших печалей; и надеюсь, что из всего вышеописанного не трудно уже всякому усмотреть, как ему должно располагать сии помышления, а именно, как скоро произойдет какое-нибудь противное приключение, и сердца ваши начнут беспокоиться и грустить, то, не запуская вдаль, приступите тотчас к рассматриваниям и рассматривайте наперед, к какому роду принадлежат причины, от которых сие поражающие вас зло произошло, не от вас ли самих и пристрастий ваших оно происходит, не от погрешностей ли ваших собственных или от злости других человеков, также не Божеская ли непосредственная или посредственная была на то воля. Нашед и определив его в собственный ему класс, ступайте далее, смотрите, куда собственно клонится сего зла действие — на душу ли вашу одну или тело, или совокупно на обоих. Узнав же сие, продолжайте рассматривать далее — вещественное ли оно или духовное и ничтожное. А определив сие, глядите беспристрастными глазами на подлинную величину того и определяйте ему надлежащую цену. Наконец, рассуждайте, к каким ранам печаль ваша принадлежит: к тяжелым ли или легким, и может ли или не может быть исцелима, и скоро ли или не скоро. О сем можете вы рассуждать по примеру других человеков, которые таковым же душевным ранам были подвержены. Скорое и способное исцеление оных может вас уверить, что и вы можете исцелиться. Учинив же все сие и осмотрев, так сказать, сим рану, принимайтесь лечить и приступайте к дальнейшим лекарствам, между которыми надлежащий выбор делать будете вы уже способнее.

Знаю, что спросят меня теперь некоторые: какие же то были лекарства? Но пожалуйста, дайте мне время, не премину вам оные сказать; и когда за тесными пределами сего сочинения мне не можно вам услужить всеми лекарствами, пригодными ко всякой из упомянутых ран в особенности, то дам, по крайней мере, вам совет, каким образом вам самим оные и из чего составлять наиудобнее можно;

а теперь не мешайте мне окончить материю, касающуюся до сего правила; ибо мне осталось слова два сказать о пользе сего правила.

Польза, могущая произтекать из сего правила, очевидна и, конечно, больше, нежели многие сначала думали или, может быть, и теперь думают. Я сравнил ее с осмотром раны, получаемой на баталии. Всяк знает, сколь таковые осмотры нужны и сколь худые следствия произтекают иногда, естли лечение раны без всякого наперед осмотра и по несчастию неприличными лекарствами предпринимается. Не случается ли часто, что оные лекарства еще больше рану растрavляют? А хотя иногда рана с наружности и залечивается, но в последствии произойдут от того великие и вредные следствия, а особливо потому, что зло не истребляемо было из основания, например, пуля не вынута, и так далее. Все сие можно точно приравнять к сему мысленному осмотру душевных ран, умалчивая, что иногда самый сей осмотр иную небольшую ранку излечить может или, по крайней мере, узнается, что она недостойна и перевязана быть. Сверх того и та польза произойдет, что мы чрез такие осматривания сделаемся способнее и впредь скорее узнавать качество наших ран. Но теперь время идти далее.

2.

Второе правило, чрез наблюдение которого нам прискорбности наши уменьшать можно, есть следующее:

Не вдавайся в печаль далеко и не растрavляй тем более оную.

Сие правило кажется мне так ясно, что никакого дальнего объяснения не требует; чего ради довольно будет, если скажу несколько только слов об оном.

Ежели последовать предпосланному мне генеральному сравнению, то производство сего правила ни с чем иным лучше сравнить не можно, как с перевязыванием ран, на баталии получаемых; ибо как сии раны, ежели не скоро их захватить и не унять кровь перевязкой, легко могут разгореться, загноиться, произвесть опухоль, гниль, превеликую и несносную боль и, наконец, могут до того дойти, что прикинется к ним антонов огонь, и они сделаются неисцелимыми; так равно такие же обстоятельства и вредные перемены могут произойти и с душевными ранами, то есть с нашими печалая-

ми, горестями и неудовольствиями, естли дастся им совершенная воля по своему хотению усиливаться или к тому еще поспешествуемо нами будет.

Что это не пустые рассказы, а основано на самой истине, которую подтверждают собственные наши опыты, то, надеюсь, многие усмотреть могут; ибо кому не известно, коль сильно увеличиваются печали и прискорбия наши, когда мы в них выше меры вдаемся и даем полную власть стремительствам нашего сердца, и не часто ли случается, что от сего единого и небольшое бездельное неудовольствие обращается, наконец, в превеликую нам горесть и печаль, которая доводит нас до слез и отчаяния? Но хорошо, когда б то только при том одном оставалось; но вместо того не случилось ли кому видать людей, от печали повредивших свое здоровье, сошедших с ума, впадших в жестокую ипохондрию и, наконец, в самый смертельный паралич? С чем иным можно сие сравнить, как не с антоновым огнем в случае ран телесных и другими такими прикидывающимися к ранам жестокими болезнями? Но от чего иного сие происходило, как на большую часть от того, что сии люди слишком вдавались в свою печаль и не только руками и ногами отпихивали друзей своих и приятелей, старающихся их утешать и уговаривать, и не хотели слышать никаких увещаний, но паче умышленно и нарочно старались с своей стороны все то выдумывать и мыслить, что печаль их и тоску умножить в состоянии? Не можно ли их в сем случае сравнить с таким жестоко раненым человеком, который не хочет и слышать о перевязывании своей раны, но руками и ногами фельдшеров и лекарей, желающих ему подать вспоможение, отпихивает и, вместо того, чтоб ее скорее захватывать и употреблять к лечению все способы, сам умышленно стал бы рану свою раздирать и расковыривать, и вместо лекарства лить в нее яд и отраву? Но какая польза сему от того происходить может, такая и тем бывает: рана, или печаль, делается неисцелимою и доводит их тем скорее до гроба.

Сие кажется довольно доказывает, что нам всеми образами надобно остерегаться не только помянутым образом раздиранием или вливанием в рану отравы и ядовитого зелья, ее более не расправлять, но всеми образами стараться не вдаваться в печаль нашу

слишком далеко, а как можно скорее ее захватывать и, буде не случится никакого постороннего и толь надобного в сем случае врача или фельдшера, то есть утешителя, который мог бы в сем случае подать первейшую разогнанием печальных наших мыслей помощь, то самим сколько можно о том стараться и так хорошо, как умеется, или сколько тогдашние силы и состояние дозволить может, душевную свою перевязывать рану.

Ежели спросят меня, чем же таким можно сие в действо производить, ничем иным, отвечаю, как, во-первых, разгонянием и выбиванием из головы грубых и печальных мыслей о самом зле, нам приключившемся; ибо печаль нашу наиболее то самое и питает, что мы неприятный предмет, произведший оную, стараемся живо воображать в уме своем и от часу более и живее об нем помышляем, вместо того, чтоб нам всячески стараться надлежало от того убежать. Во-вторых, употреблением возможнейшей предосторожности, чтоб не помышлять о всех тех худых для нас следствиях, которые от того впредь произойти могут, равно как и о том, какими выгодами и приятностями мы прежде, не претерпев сего несчастья, от той вещи наслаждались; ибо опыты доказывают, что оба рода сих помышлений неведомо как печаль нашу растрavляют и умножают, и последний по самой справедливости сравнен быть может с раздиранием и ежечасным повреждением раны, а первый — со вливанием в нее сущего яду мышьяку и отравы.

Хорошо, государь мой, скажут мне теперь некоторые; сим образом рассуждать на досуге и с спокойным духом очень хорошо; но есть ли время тогда так рассуждать, когда нас жестокая печаль постигнет? В силах ли мы тогда сие в действо произвести? Не теснятся ли помышления такие и без званья нашего толпами нам в голову, и не набивается ли ими вся комната души нашей так тесно, что и самому хозяину, то есть разуму и рассудку нашему, нет места поворотиться, и можно ли нам в сих обстоятельствах так тонко философствовать и растабарывать?

Так, государи мои, отвечаю; не хочу в том спорить, что правда, то правда, и можно ли что против правды говорить? Однако надеюсь, что вы, по крайней мере, в том мне не поспорите, что не все противные приключения производят нам толь жестокие печали, но

что к тому немногие только способны, также что и в случае самых сих высочайшая и такая степень печали нашей, которая лишает нас употребления нашего разума и рассудка, не гораздо долго продолжается, но скоро проходит. Это приносит с собою свойство сего аффекта, или вспламеняющегося пристрастия; но когда первый жар минует и вспыхнувшее пламя прогорит, и когда разум наш свободу к своему действию несколько получит, то в то время, скажите, кто нам мешает помянутому совету следовать?

Ежели скажете, самые те же мысли, лезущие к нам поневоле в голову... Нет, государи мои, теперь уже я вам и вопреки сказать могу, что сих незваных гостей можно уже тогда хозяину и взащей выгнать. Не всегда он так сжат и притеснен бывает, что с ними сладить не может, но тогда уже он опять освободится и иную мысль тотчас и протолкать может, как скоро она и в двери покажется.

Ежели скажете, что вам аллегория сия непонятна, и вы не знаете, чем бы таким их взащей выбивать можно, то это другое дело, и на это вам скажу, что тут разуму и нашему произволу, как обоим главным хозяевам души нашей, работать надобно; слуге же их — примечанию должно стоять у дверей и тотчас сказывать, как скоро такой ненадобный гость покажется. И тогда хозяину надобно тотчас разбудить других своих детей и наполнить ими так всю свою комнату, чтоб тому не можно было никак водраться, и тогда он, как не солоно хлебав, принужден будет прочь идти. Одним словом, оставив аллеорию, надобно возбуждать в себе тотчас тогда другие какие-нибудь и приятнейшие мысли и помышлять как можно живее; ибо как душа не может быть никогда без мыслей, и те имеют всегда верх, которые живее действуют, то никакое другое средство к тому не может быть сего способнее. Приятные же и способные к тому мысли не трудно всякому найти, ежели только он похочет, ему нужно только вспомнить какие-нибудь приятные бывшие с ним в прежние времена происшествия и стараться вообразить их живейшим образом и так, как бы настоящими; или напомнить что-нибудь такое, чего он себе в предбудущее время усердно желает и чем впредь веселиться думает, и вообразить себе то также живее и равно как уже полученное; или воображать себе настоящие и те выгоды и преимущества, которых то несчастье его еще не лишило,

и коими он еще наслаждаться может. Из сих трех источников почерпая, может он во всякое время снабжать себя сими толь надобными для прогнания недругов своих орудиями и в один миг прогонять от себя оных.

Вот в чем состоит наблюдение сего правила, или перевязка душевных наших ран. Я окончу, сказав, что сие не только не допустит раны до разгорания и тотчас их прохладит, но помянутые приятные мысли произведут вкупе и другую пользу и послужат уже неким целительным бальзамом, влитым на первый случай в рану и много уже к исцелению оных вспомоществующим. По учинении ж сего можно уже далее приступать к врачеванию оных.

3.

Третье правило, наблюдением которого нам прискорбности свои уменьшать можно, есть следующее:

Как скоро заметишь зло, тебя постигать готовящееся, то, не ужасаясь оного, того часа помышляй о средствах, чрез которые бы можно тебе было оное предварить или себя от оного освободить, или колико можно оное уменьшить.

Предследующие разные примечания и объяснения других правил освобождают также меня от труда объяснять и сие в подробности. Однако некоторые обстоятельства оного требуют уже того, чтоб я сказал несколько слов об оном.

Опыты доказывают нам, что мы многих несчастных приключений действительно могли избежать или, по крайней мере, сделать зло происходящее себе гораздо сноснейшим, если б в самой точности наблюдали предписание сего самую натурою нам даваемого правила. И то за подлинно сказать можно, что когда не все, так, по крайней мере, не малая часть противных приключений бывает с нами от того, что мы не стараемся оные никогда предусматривать; а когда случится предвидеть зло, готовящееся нас уже поразить, то приходим только в страх и ужас, главу же свою от него не уклоняем и не ищем никаких средств к предварению оного или к наискорейшему себя от того зла освобождению, или, по крайней мере, к уменьшению оного. Коль часто случается, что мы, находясь иногда в опаснейших и таких обстоятельствах, в которых мы со всех

сторон окружены опасностями, и когда б надлежало нам ежечасно опасаться, чтоб нас не постигло какое несчастье, живем так беспечно, как бы находились за каменною стеною и не имели причины ничего опасаться. Возьмите в пример порочного и в беззакониях запутавшегося человека: не долженствовало ль бы ему ежеминутно опасаться, чтоб в него не попала какая-нибудь пуля или ядро, повредить его могущее? Ибо чего лучшего можно ожидать от злой и непотребной жизни, как не того, что долго ли или коротко, а постигнут его определенные самой натурою за то наказания, то есть бедствия, напасти, разные болезни и печали? Тысячу примеров видит он ежедневно, доказывающих ему сию истину, и знает сам, за чем что необходимо и бесспорно или, по крайней мере, вероятно и очень легко последовать может. Он видит многих людей, впадающих от того в превеликие несчастья, и нельзя ему не знать, что он сам находится не в лучших обстоятельствах и не имеет пред ними никаких особливых выгод, защитить его от разных бедствий могущих. Однако, несмотря на то, он все сие позабывает, живет беззаботно и нимало о своей безопасности не думает. Возьмите в пример богохульника и законопрезрителя; возьмите в пример картежника, мота, расточителя имения своего, присовокупляющего всякий день свои долги; пьяницу, непотребного сластолюбца, несправедливого и издоимного судью, худого казначея, обидчика, грабителя, утеснителя бедных, строгого, беспутного и немилосердного господина, клеветника, злоязычника, поносителя, обманщика, вора, разбойника или другого какого, к шайке таких негодных людей принадлежащего человека, как найдете вы живое тому изображение, и увидите картину, помянутую истину изображающую. Не все ли они знают, что от таких дел зла ожидать должно? Не все ли видят и слышат сохудожников своих от того бедствиями пораженных и с душою, иногда и с телом, погибающих? Но со всем тем сие их не трогает; они всего меньше о том помышляют, но еще и нарочно углубляются в пороки и из доброй воли на встречу бегут и спешат к своему несчастью и ему поспешествуют сами. Что иное причиною тому, как не это одно, что они редко и никогда живо все оные могущие произойти худые следствия не воображают, но паче, сняв оброть⁶¹ с своих страстей, пускают их рыскать и мыкаться по

своей воле; сами же только на тех взирают, до которых не дошла еще очередь упасть, и кои еще в мнимом или удачном и завистном состоянии находятся. Не можно ли по справедливости сравнить их с такими людьми на баталии, которые слепо и без рассудка спешат сами в жесточайший огонь и не смотрят на тех, которые лежат уже без дыхания или без рук и без ног, но взирают только на тех, которые еще не повалились? Правда, не все бывают побиты, а многие остаются живы, однако и то не ложно, что немногие же из тех остаются, которым при продолжении войны на всех баталиях и в самом огне несколько раз побывать случится. Каковы бы храбры удалцы ни были, но когда-нибудь не на той, так на другой баталии или стычке, а находят себе гроб или теряют руки и ноги, так равно и с помянутыми господами бывает.

Со всем тем, не одни исчисленные выше сего пороки приносят с собою таковые худые следствия; есть много и других дел и таких поступков, от которых не освобождены и разумные и самые постоянные и добродетельные люди, которые равномерные ж худые следствия за собою приносят, и к коим они неосторожным подражанием помянутым самим себя забывшим людям, и мнимыми от того выгодами себя побуждают, и к несчастьям своим подают сами повод. Но было бы слишком пространно и многим оскорбительно, если б оные теперь подробно исчислять, сами они могут оные найти, если беспристрастно обо всем рассудят. Собственная их совесть, если ей дать волю, может им на ухо шепнуть, что худо, что хорошо, и от чего худо и от чего добро произойти может. Чего ради, умолчав о том, то только скажу, что они благоразумнее и безопаснее бы поступили, если б не всем кичливостям своего сердца слепо следовали, но приводили бы всякое предприятие свое наперед пред суд разума и совести. Тысячи бы хлопот и тысячи б досад и неудовольствий они чрез то избавились и были б верно благополучнее; но я удалился от своего предмета — время уже опять к нему приблизиться.

Таким образом, неоспоримо то, что ко многим своим несчастьям, печалям и неудовольствиям мы сами подаем повод, а другие от единой нашей неосторожности и непредусматривания оных благовременно нас постигают. Но посмотрим теперь, что мы делаем

и как поступаем тогда, как несчастье или зло какое уже так близко к нам приблизится, что мы его, так сказать, ошупью узнать и никоим образом не видеть не можем. Посмотрим, на что употребляем мы малое оставшееся нам еще время между тем, покада оно нас не поразило? К тому ли, чтоб употребить оное себе на пользу, и когда заблаговременно не опаслись и по нечаянности не могли себя привести в безопасность, то чтоб тогда уже искать возможного себе спасения, например, осматриваться, нет ли такого места, куда бы можно было спрятаться и уйти, и там себя защитить от оногo; или нет ли чего-нибудь такого подле нас, чтоб можно было ухватить и тем ему воспротивиться и отогнать, или, по крайней мере, нет ли какой брони и оружия, которое бы можно было по примеру военных людей в то время на себя надеть, дабы нам поражения зла не так сильно могли быть чувствительны? Одним словом, подражаем ли мы в сем случае военным людям? О сих не известно ли всякому, что они, находясь в расплохе и безопасности и увидев приближающуюся к себе неприятельскую партию, грозящую им поражением, не употребляют ли последних оставшихся минут на скорейшее и возможное ополчение? Не вспрыгивают ли из сладкого своего сна, не бросаются ли к ружью, не строятся ли и не помышляют ли либо о какой-нибудь защите, либо о храброй встрече неприятеля? Не заряжают ли своих ружей и пушек, не приводят ли все в порядок и не избирают ли лучших и возможных средств к своему спасению? Не долженствовало ль бы и нам таким же образом поступать в такое время, когда духовный какой неприятель к нам приближается и на нас напасть и поразить нас хочет? Но поступаем ли мы так и не делаем в чем-нибудь упущения?

Не думаю, чтоб вы похотели утверждать, что мы верно и всегда ничего не упускаем надобного, но паче надеюсь, что вы сами со мною согласитесь, что мы в таких случаях поступаем иногда против всякого рассудка и разума. Скажите, не случается ли часто того с нами, что мы не успеем неприятеля своего, то есть какой-нибудь беды, напасти или несчастья, зазреть, как приходим в превеличайшую робость, сердца наши напаяются страхом и отчаянием, все члены наши трепещут, и смертельный ужас проникает все кости наши; мы воем, плачем, тоскуем, мечемся, вздыхаем, рыдаем, не знаем,

что делать и как быть, приносим тщетные жалобы, ропщем на судьбу, на свет и на все в свете; а между тем, покуда мы драгоценные минуты на такие бесполезные упражнения теряем, не постигают ли уже нас часто удары несчастья столь скоропостижно, что нам не остается уже времени помышлять и искать своего спасения или вооружить себя каким-нибудь оружием и броней? Не то же ли самое в сем случае с нами бывает, как с такою малодушною военною командой, которая, будучи атакована врасплох, вместо требуемого приготовления и вооружения, впав в превеликую робость, стала бы только плакать, вздыхать, горевать, отчаиваться и приносить тщетные на злой рок жалобы, дабы дать время между тем неприятелю приблизиться и разбить себя на голову?

Но как справедливо сие сравнение, так не менее и следствия, проистекающие от того, подобны тем следствиям, какие от осторожности и оплошности нашей в вещественной обороне бывают. Кому не известны обе те истины, что, во-первых, в случае проворного и неустрашимого приготовления может и малое число войск против большого не только долго устоять, но и прочь его отогнать или, по крайней мере, не допустить учинить себе дальнего вреда и поражения; напротив того, во-вторых, что и большее число малым количеством неприятеля разбивается, буде по несчастию застанет оно его врасплох, трусости и малодушии и не даст времени учинить ни малейшей обороны? Кому, говорю, не известны сии истины?.. Но точно то ж бывает и с нами в случае духовной войны; и потому одного человека и большее несчастье не так сильно поражает, как другого наималейшее.

Но как же быть? Какие же средства нам употреблять? Куда деваться? Что хватать? Чем себя защищать и чем обороняться?.. Многим и разным. Натура, или, лучше сказать, бесконечный Создатель наш не оставил нас в сем случае без всяких средств, потребных к нашей обороне; всяким оружием мы довольно снабжены, есть у нас пушки, есть ружья, есть порох, есть свинец, есть сабли, копыя и стрелы, есть рогатки, есть лопатки, кирки и мотыги, чем в случае нужды себя окапывать; наконец, есть подле нас укрепление, есть каменная стена, есть замок, куда в случае нужды или тотчас для лучшей безопасности ретироваться можем, и все зависит только от

того, чтоб мы не ослабевали и употребляли руки свои и хотение с надлежащим проворством.

Знаю, что многие из вас пожелают яснейшего сему истолкования. Аллегория сия сколь ни удобопонятна, однако требует изъяснения. Итак, скажу вам в коротких словах, любезные читатели, что прежде всего требуется не ослабевание нашего духа, но мужество и великодушие, то есть чтоб мы не давали себя утешить великости несчастья и мнимой невозможности защитить себя от оногo, но бодрственно б и твердо предприняли испытать все свои силы. К ружью, к ружью надобно нам тогда, по примеру воинов, самим себе закричать. Бей тревогу и возбуждай всех спящих наших воинов, то есть мыслей. Командир наших войск, то есть разум, должен больше всех не робеть, но возбуждать сердца своих воинов к храброй обороне и делать как можно скорее все нужные распоряжки и приуготовления. Помощник его, произвол, должен помогать ему в сем случае: ему надобно воинов возбуждать, становить в шеренги и ряды и раздавать мелкое оружие, то есть правильные рассудки. Между тем, командир должен рассматривать в скорости и сколько можно всю величину и состояние неприятельской партии, то есть несчастья, нам угрожаемого, и по тому принимать уже свои и такие меры, которые ему пристойнее и состоянию неприятеля приличнее быть кажутся. Узнав и рассмотрев неприятеля в самую подробность, должен он уже рассуждать, тут ли ему стоять и презирать неприятеля или переменить место и приготовить все нужное к обороне, или заранее убираться в надежное место и укрепление. Увидит естли он, что неприятельская партия мала и не составляет дальней важности, то не для чего ему много о том и заботиться; он должен плюнуть на него и возвращаться к своему покою, приказав наперед для безопасности постоять солдатам несколько в ружье, или мыслям быть осторожным, или пустить по неприятелю несколько ядер из пушек, то есть послать навстречу ему несколько утешений, и тем собьет тотчас с пахвей⁶² неприятеля и его прогонит. Когда же неприятель великоват и достоин уважения, тогда должен он того момента заряжать ружья и пушки, готовить снаряды, раздавать патроны и прочее тому подобное и то делать и предпринимать, чем он способнее неприятеля

встретить, отогнать, ему противиться и себя защитить может. Сие значит, чтоб мы в то время запасались и собирали в мысли или для лучшей удобства записывали на клочке бумажки всякого рода и такие утешения, какие мы можем в скорости найти и какие состоянию несчастья приличнее. Когда же, учинив сие, увидит он, что неприятель еще не так близко, и он имеет еще время и удобность переменить то место, на котором стоит его корпус, и ему можно перейти на какое-нибудь лучшее и выгоднейшее, то немедля должен переходить он на оное и там обноситься рогатками, окапываться или другие какие защищения, буде ему есть время, способы и удобства, делать. Сие можно уподобить употреблению всех наружных средств к лучшему вспоможению себе в случае несчастий, как, например, исканию и требованию помощи от других людей, употреблению сил своих и своего имения, и достатка, и прочее тому подобное, чем мы иногда от несчастий себя некоторым образом защитить можем. Но как пременение места не всегда может нам пользоваться, но в случае только, если снабдены мы потребными оружиями, и притом оно неприступно, очень выгодно и такое, до которого неприятель с трудом добраться может; так равно и человеческая и вещественная помощь не всегда равно может помогать нам в несчастиях и напастях. Когда же, наконец, увидит он, что неприятель слишком велик и так велик, что никакая перемена места и ни малое укрепление, то есть вся человеческая и наружная помощь, защитить от него не в состоянии, то нечего медлить: он должен заранее убираться в укрепленный и непреодолимый замок, в близости его находящийся, и там запершись и все свои орудия расставив по стенам, спокойно уже дожидаться неприятеля. Учинив сие, может он уже сказать: «Слава Богу! Теперь и мы уже не спим, а и сами восстали и исправились; атакуй, как хочешь, у нас у самих руки, пушки и ядры, ружья и пули, то есть разные роды утешений есть». Выгода сего последнего убежища и средства натурально ему всех прочих надежнее; почему как всякий командир, не хотя подвергнуть себя нечаянной опасности, охотнее согласится ретироваться в замок, сколь скоро хотя несколько великоват неприятель: так и разуму нашему всегда надежнее уходить в тот душевный замок, который всегда у него вблизи находится.

Теперь многие нетерпеливо пожелают ведать, что б это был за замок, в который бы нам в случае угрожаемых несчастий ретироваться было можно... Великая и уважения наидостойнейшая вещь, но притом такая, которую не всякий человек имеет, хотя то от самого его зависит. Замок этот такого свойства, что не всякому в оный вход дозволен и известен, но только достойным того и таким, которые оказали себя на войне довольно храбрыми, спознались с обладателем оного и усердием своим сделались любви и благоволения его достойными, и чрез самое то узнали те тайные ворота, которыми в него входить можно. Блаженны те, которые нашли сие сокровище! От сего самого и происходит то, что, хотя многие о сем замке слышали и к нему в случае несчастий бегут, но не находя в него входа, остаются за стенами и, будучи без всякого оружия, малую от него получают пользу и терпят от неприятеля ужасные поражения.

Предпослав сие нужное о сем замке предуготовление, скажу теперь, что он такое. Под сим замком не иное что я разумею, как упование на Бога и бессомненную надежду на Его помощь и покровительство; а под уходом в сей замок разумею возвращение печали своей на Господа или совершенное предавание себя во власть Творца и Бога нашего.

Ведаю довольно, что как предследующая аллегория услаждала, может быть, уши моих читателей, так, напротив того, сей конец оной будет некоторым не по вкусу. Нежный их вкус и слух как-то отвык уже от разговоров о Боге и обо всем, что до Него касается, и не может сносить того с терпением; он заставляяет их тотчас зевать и вселяет в сердца их того момента отвращение, понуждающее их либо согнуть книгу и более не читать, либо, того еще хуже, сказать: «ну! теперь пошло несносное вранье», и потом поднять все на смех... Так, государи мои, можно ли спорить против вас, когда вы имеете разум и вкус столько превосходный? По крайней мере, я не отважусь того сделать и скажу, что с Божьею помощью зевайте и говорите, что хотите, переставайте читать и сгибайте книгу, лучшие и важнейшие и вашему слуху приятнейшие материи вас ожидают: о модах, платьях, собаках, лошадях, о светских делах, и кто худо, кто хорошо живет, не все еще переговорено; вам и того на весь ваш век будет; по крайней мере, не будете вы чувствовать

неприятности. Итак, принимайтесь скорее за любую и такую материю, которая вам всех приятнее; а я, пожелав вам веселиться, поговорю, между тем, с теми людьми, которые имеют еще ту глупость, что материя, касающаяся до Бога и до наших к нему должностей, не столь им отвратительна и противна, как вам, но как-то подлому их духу мила, и они имеют предрассудок почитать ее себе существенно полезною.

Итак, любезные мои в сем случае товарищи, буду я с вами говорить. Вам изъясню я далее, что я под помянутым выше сего описанием замка разумею. Вы, может быть, остановясь, подумаете, почему ж бы нам всем не можно было входить в сей замок и пользоваться его защищением, то есть уповать и возвергать печаль свою на Бога? Но я прошу вас, вникните хорошенько в точное разумение оных слов, также и во все описание свойства замка, и вы увидите скоро всю тому причину. Кто в том спорит, чтоб нам не можно было всем в несчастиях наших прибегать к Богу и возвергать на Него печаль свою? Я и сам говорил, что многие в несчастиях к сему замку бегут, но ту только разницу положил, что одни могут во внутренность его входить, и прямо пользоваться защитою непреодолимых стен его, а другие сего не могут и остаются за стенами и получают малую от него пользу. Ежели спросите, для чего и почему ж бы это так было? Потому, отвечаю, что к тому требуется великое условие, а именно то, чтоб упование наше на Бога было совершенное и надежда на Его помощь и неоставление бессомненная. Не заключайте так легко и скоро о сих словах, но достаивайте их дальнейшего внимания; они заключают в себе великую важность, и скорее сие сказать, нежели сделать можно. Великая разница между упованием таким, которое только словами выражается, а сердце наше о том ничего не знает, и между таким, которым вкупе и наше сердце преисполнено. Сие последнее, а не первое, может приносить нам пользу, и оно-то по справедливости достойно называемо быть прямым упованием на Бога; а упование, состоящее в одних только словах, ничего не значит. Сим образом все уповают на Бога, и не найдется ни одного христианина, или паче сказать, ни одного человека, который бы не сказал в несчастии, что он уповает на Бога; но прямо чтоб уповать, такой едва ли из тысячи один найдется. От того

и происходит, что не все равную пользу от того упования получают, но многим оно вовсе ничего не пользует; и сих-то людей сравнил я с находящимися за замком и только подле стен одного.

Рассуждая о сем пункте, поистине признаюсь, что сил моих не достает изобразить важность одного по достоинству. Твердое и совершенное упование на Бога и бессомненная надежда на Его помощь и неоставление есть такое для нас сокровище, которого выгоды и пользы никакое человеческое перо изобразить не в состоянии; чего ради сошлюсь только на собственные чувства и признание тех, которые выгоды одного из практики знают. Вас, наслаждающиеся сим небесным даром и владеющие сим неоцененным сокровищем, я спрошу: признайтесь вы и скажите беспристрастно, не сущим ли и не сладчайшим ли нектаром напаяет оно всю нашу душу? Не надлежащею ли подпорою и защитою служит оно нам при всех опасностях, бедах и напастьях? Не лучшим ли на свете утешением, не лучшим ли лекарством и бальзамом всех зол и ран, нашу душу поражающих? Не тихое ли во всяких случаях и не необуреваемое ли пристанище, куда мы тотчас уходя, покой находить можем? Наконец, не сущий ли источник, из которого бесчисленные радости и чистейшие душевные увеселения и удовольствия проистекают для нас во всякое время могут? Верно, должны вы все сие не иначе, как подтвердить, буде вы прямо когда-нибудь упование на Бога имели и выгоды Его чувствовали.

Очень изрядно, скажут мне теперь некоторые, всему тому поверим и охотно скажем, что блажен тот человек, кто такую благодать и дарование имеет. Но как быть и что делать, когда мы того лишены? Желали б, конечно, и мы, чтоб могли иметь такое твердое и совершенное на Бога упование, и душою бы и сердцем того хотели, но что делать, когда слабости наши до того нас не допускают, и мы, как ни стараемся, того учинить не можем? Пустое, государи мои, пустое, и это только одни пустые слова наши: скажем лучше, что мы никогда не начинали и не пробовали иметь на Бога прямое упование. Не гневайтесь на меня за сие возражение; я говорю правду и всегда скажу, что это только обыкновенная наша отговорка, которою мы, равно как под покрывалом, суетность нашего сердца и нехотение скрыть стараемся, в самом же деле не может никоим

образом быть сие справедливым, но не иное что, как пустота; ибо когда то такая ж неоспоримая истина, что Богу, яко всесовершеннейшему Существу, ничего нестройного и развратного сделать не можно, какова неоспорима та, что в треугольнике три, а не четыре угла, так каким образом Богу самую натурою, а потом откровенным своим словом чрез пророков и апостолов своих толь именно требовать от нас, чтоб мы на Него совершенно уповали?.. Не сущая ли нестройность выйдет из того, когда б Он стал от всех нас требовать невозможного и такого, к чему б мы были неспособны? Подумайте, государи мои, о сем и признайтесь, что мы тем только ужасным образом грешим против нашего Создателя, обвиняя Его невозможною Ему погрешностью, а пользы от того никакой себе не получаем.

Что это? Все ничего (скажет мне, может быть, теперь иной и такой читатель, которому все сие не по вкусу и страсти наши милы); ты что ни говори, а что слабости наши слишком велики и что нам за ними до сего достигать с трудом или вовсе нет возможности, то останется всегда правда... Бог знает, государь мой, скажу ему в ответ: не погрешаете ли вы? Ежели вы не хотите верить христианскому закону; ежели отвергаете все откровенное нам Божеское слово; ежели поучились по несчастию не гораздо здоровой философии, которая втайне побуждает вас делаться деистом или натуралистом; ежели последуете вы сбору тех людей, которых вы мнимыми вашими великими духами именуете; ежели последуете мнением своим взгромощенной странным образом их системе и вместе с ними мятежниками против Творца и Бога своего без всякого опасения делаться хотите, не вспрыгнувшись наперед, нет ли и против них чего-нибудь говоренного, и все мнения их не опровергнуты ль яснейшими доказательствами, то нечему дивиться, что вам сие невозможным кажется. В удивительной системе своих мнений вы верно того не найдете, и не только сего, но и многого другого, и признаться принуждены будете, что разум ваш со всею остротою в иных случаях туп и не может проникнуть в многие вещи. Что касается до нас, то мы, не будучи столь остроумны, но помня, что наш разум имеет пределы, не суется туда, куда не велено; но чего не знаем, о том спрашиваемся у презиравшей вами книги, и имея предрас-

судок думать, что когда эта книга да и разум наш одною рукою работаны, так надобно, конечно, быть им между собою согласными, и соглашаем всегда разум свой с написанными в ней Божескими словами, а ко всему тому имеем подозрение, что разум бы один стал нам сказывать, ведая довольно, что он, будучи не бесконечным, легко может иногда и погрешить в своих заключениях. Помянутая же книга и в сем случае делает нам желаемое объяснение, шепнув нам, так сказать, на ухо: от человека-де не все, а от Бога все возможно; да и сказывает нам именно, каким образом и возможность сия произойдет, то есть, что где нашей силы не достанет, там Бог сам нечувствительно нам поможет. А можно ли нам сему обещанию верить или нет, то я вас самих спрошу, прикажете ли вы поверить нам, что морская вода действительно горька и солонa, когда б, например, нам при многих случаях ее самим отвеживать случалось?

Но я удалился опять от моего предмета; извините меня вы, прочие дорогие читатели. Ревность к закону, известная мне и ныне всюду свирепствующая некая духовная зараза и сожаление о впадающих в нее незнающих людях меня до того довела; но я теперь говорить буду уже все с вами. Итак, напомните, любезные товарищи, уверения священного писания и не отчаивайтесь о достижении до желаемого совершенного упования на Бога. Бог нам сам в том невидимо помогать обещал, и обещания Его всегда верны, попросите только Его о том хорошенько и сделайте сами к тому такое начало, какое надобно, то есть предпослав наперед все то, чему необходимо предследовать надобно, да и после соединяйте с ним, что потребно, а без того вы никогда до того не достигнете.

Ежели спросите меня теперь, чему ж бы, собственно, предследовать тому надлежало, также что именно вам с оными сопрягать следует, так скажу, что о сем не моя должность вам сказывать, да и теперешнее место не позволяет: читайте о сем учения христианского нашего закона, вникните во всю связь одного — все вы там сие найдете. А для теперешнего случая довольно будет, когда вам скажу, что вам прежде всего надобно стараться познать Бога, Творца и Господа своего, то есть узнать все то о Его бесконечных свойствах и совершенствах, что нам по ограниченности разума на-

шего узнать можно. Без сего не можете вы никогда на Него твердо уповать; ибо как вам на того уповать, кого вы знать не будете? Особливо же надобно вам о Его бесконечной любви к нам стараться получить сколько можно ясное и полное понятие; ибо самое сие упование имеет на ней свое основание. Потом надобно вам колико можно себя исправить и предпринять к тому твердое и исполнительное намерение, и тем удостоиться в особливости Божеской любви и о себе попечения; ибо без добродетели будет упование наше тщетно. Учинив сие, должно вам однажды про все разы, но совершеннейшим образом все устроение своей судьбы и всех своих на свете приключений вверить Его деснице и бессомненными остаться, что Он их так располагать станет, как по премудрому Его усмотрению будет для вас лучше и полезнее, и ни малой уже в том Ему не делать недоверки. Сей пункт составляет наивеличайшую важность в рассуждении упования; ибо без сего предания себя во всем во власть Божескую упование наше будет весьма на слабом фундаменте; а что Ему в сем случае поверить можно, в том, надеюсь, вы сами не поспорите. Кому лучше, как не Ему, знать, что для нас худо и хорошо, и на кого лучше можно нам в сем случае положиться, как не на Него? Учинив сие, можете вы уже во всем твердо на Него, как на всемогущего и всепремудрого Господа, Творца, Бога Отца, Учредителя и Распорядителя всех счастливых и несчастливых приключений, и как на верного Защитника и Отвратителя всех могущих вам в действительный вред обратиться бедствий и напастей уповать и надеяться, и Его о том просить с бессомненною надеждою, что молитва ваша услышана будет. Однако все сие упование должно сопрягаемо быть с тем великим и важным условием, чтоб оно нами во зло употребляемо и чрез то суетно и неосновательно не было. Сие условие состоит, во-первых, в том, чтоб с нашей стороны соответствовало было Богу возможнейшим старанием о своем исправлении и о добродетели. Во-вторых, чтоб мы ничего такого от Бога не ожидали, что не истинным благом и добром почестся может. В-третьих, чтоб мы ничего именно такого от Бога не требовали и не ожидали, о чем не знаем, подлинно ли оно истинно нашу пользою будет и согласно ли оно с тем концом и званием, на который мы в сем свете жить назначены?

От такого упования натурально проистекнут все те бесчисленные великие выгоды и пользы, о которых было упоминаемо, а именно, во-первых, совершенное и наиприятнейшее удостоверение, что мы, например, живем под покровительством великого, всемогущего и нас любящего Господа; следовательно, всех могущих произойти с нами несчастий не будем иметь причины так опасаться, как прочие; потому что будем уже в бессомненной надежде, что сей Охранитель наш по любви своей к нам оные непременно отвратить не упустит, а по всемогущию своему отвратить может, когда только по всеведению своему предусмотрит, что они нам существенный вред причинить могут. Во-вторых, в рассуждении будущего своего пропитания и счастья и несчастья освободимся вдруг всех тех мучительных и заблаговременных забот, которыми мы так сильно завсегда тревожимся и покой свой нарушаем; но верно будем надеяться и знать, что Бог постарается уже о том, чтоб не были мы ни голодны, ни холодны и имели все нужное, только б по приказанию Его трудились и работали, и мыслями своими слишком вдаль не залетали и не прихотничали, а оставляли дальнейшее на произвол Божеский. В-третьих, когда сделается с нами какое противное приключение или очевидно нас угрожает, то можем уже оное почитать произволением Божеским и притом так, например, заключать: Бог обо мне имеет попечение, меня любит и знает, что для меня надобно и что вредно и полезно; ничего же без Его воли и попущения не делается, так поэтому и это несчастье по Его воле со мной приключается или приключилось. Когда ж по Его воле, так что мне много о том говорить? Он знает уже, для чего на меня его насылает. Конечно, для меня это надобно, только я того не усматриваю, а имею только причину заключить, что верно скрывается под тем какое-нибудь Божеское полезное со мною намерение, которое может быть и сам после увижу и за то Его благодарить буду. Может быть, надобно то для моего исправления, может быть, для иных каких непредвидимых мною причин. По крайней мере, знаю я, что происходит оно от той руки, которая меня любит и пользу мою совершенно знает и об ней старается: так не должно ли мне то сносить с терпением и лобызать десницу, меня наказующую? Впрочем, имею ли я причину слишком опасаться, чтоб мне несчастье

сие великий вред причинило? Бог не найдет на меня более, нежели я снести могу, и сам меня в том подкрепит. Одним словом, буди Его со мною святая воля, и делай он со мною, что Ему угодно!.. Сим и подобным сему образом заключая, можем мы на многие печали смотреть непоколебимым почти оком; а когда и наступят, то чувствовать зло от оных гораздо меньше; до отчаяния ж никогда не дойдем, если только твердое и непоколебимое иметь будем на сего всесильного Защитника упование.

Сего, надеюсь, довольно будет для изъяснения сего правила; я более наговорил, нежели сам ожидал; теперь пойдем далее.

4.

Четвертое правило, наблюдение которого нам много при печалях и несчастьях наших вспомоществовать может, есть следующее:

Чего не можно нам никак переменить, то предпринимай с терпением сносить.

Правило сие так ясно, что не для чего мне на объяснение одного терять ни трудов, ни времени; чего ради упомяну только несколько слов о великой одного важности.

Что оно важно, что для нас необходимо и что во всех печалях, каковы б они ни были, нам от наблюдения одного великая польза происходить может, то знали уже все древние философы и учителя. Никакое правило во всех нравоучительных книгах не находим мы толь часто повторяемое и толь много выхваляемое, как сие. И как основано оно на самой истине, то нравоучители и до скончания света тоже говорить и выхвалять будут.

Ежели прямо рассудить, то как первые имели, так и последние иметь будут всегда величайшую причину внушать и напоминать сие полезное правило человеческому роду; ибо кому не известно, коль много пользует нам великодушное терпение в несчастных наших случаях, как подкрепляет наши силы и сколь непоколебимыми делаемся мы чрез оное? Напротив того, не всякому ли также известно, коль бесполезно все наше малодушие в таких случаях, когда уже несчастье совершилось или совершенно неотвратимо? Что, помогают нам все наши жалобы, вздохи, горевание, грусть, печаль, тоска и досада, и иное ли что от того проистекает, кроме того, что

мы умножаем только тем зло, нас и без того иногда довольно сильно угнетающее, пользы же ни малейшей от того не получаем? Не точный ли пример представляем мы тем колодника, который, будучи посажен в тюрьму и скован в цепи, от досады на свое заключение и желая освободиться, не сидит с покоем, но цепи свои рвет, тянет, бьет себя ими и уязвляет все свое тело? Скажите, освободится ли он чрез то, хотя бы все себе кости цепями переломал? Не тщетная ли его в сем случае будет ярость и бешенство, и не приумножит ли он тем только жестокость своего прискорбия?

Не стали б ли мы в сем случае глупости такого человека смеяться? Не стали б ли говорить: не с ума ли сей человек сошел, что несчастье свое приумножает? Может ли ему уже это хоть мало пособить?.. Оглянемся только на себя, поистине увидим, что мы ничем не лучше сего заключенного, и столь же глупо, как и он, во время наших несчастий с собою поступаем. Мы сердимся, досадуем, надрываем свое сердце, плачем, вздыхаем, стенаем, жалуемся, ропщем, произносим клятвы, а иногда бьемся, колотимся, терзаем на себе волосы, кусаем губы, бьем себя в груди и другие подобные тому нестройности делаем, хотя тем не только ни на волос несчастья своего не уменьшаем, но паче приумножаем только зло, нас угнетающее, и будучи недовольны тем, которое и так уже есть, и так иногда довольно велико и тяжело, но хотим еще его вдвое или втрое более и мучительнее для себя сделать. Скажите, на что походит сия поступка? Согласна ли она хоть мало с разумом, и не такая ли, которой бы мы сами со смеху надселись, если б можно было тогда нам с стороны и с спокойным духом на себя посмотреть?

Так, скажете вы, это мы довольно знаем и не можем в том запересться, что мы дурно в сих случаях поступаем; но что делать, когда жестокая горечь нас до того доводит, и когда угнетающее нас зло так велико, что мы всего рассудка лишаемся и сами не знаем, что делать? Верно так, и извинение наисправедливейшее. Однако скажите, государи мои, все ли наши несчастия и бедствия такого рода, чтоб могли или долженствовали необходимо горечь нашу, сие мучительное пристрастие, до такого высокого градуса воспалить, чтоб мы всего употребления своего разума лишились, но не большая ли часть таких, которые по существу своему далеко бы того учинить

были не в состоянии, естли б мы сами к тому повода не подали и сами ему с своей стороны в том не способствовали? Не приводит ли иногда и гораздо сносная беда и самая безделица нас в такое ж дурачество, и не столько ли ж мы иногда о самой пустоте грустим и печалимся, как в самой великой беде и напасти? Скажите, не бывает ли сего часто со всеми нами, и какое оправдание принесем мы в таком случае?

Но сего еще не довольно: рассмотрим поступки наши в сих случаях далее. Скажите, долго ли продолжается первое и великое стремление печали нашей, не ослабевает ли пламя оной с каждою последующею минутою и не начинает ли уже само собою погасать?.. Я спрошу самих вас, вас, которые в жизнь свою удары великих печалей принуждены были несколько раз над собою чувствовать: так ли жестока печаль наша была в последующий час, как в тот, в который вы впервые то узнали, увидели или услышали, и когда вас она так поразила, что вы без памяти упали и лишились употребления всех душевных и телесных чувств своих? Признайтесь чистосердечно, досужно ли тогда вам было вымышлять жалобы и делать многообразные изъяснения своей печали? Верно нет, и верно вам тогда не до того было; но вы не прежде к тому приступали, как уже в то время, когда пламя печали вашей немного уже прогорело и потише сделалось, и когда разум и чувства ваши к вам возвратились, и вы могли ими опять действовать, и буде бы только хотели, то без дальнего труда либо совсем его погасить, или, по крайней мере, час от часу более уменьшить? Но то ли мы тогда делаем? Ах! Нет, совсем тому противное. Мы досадуем еще, для чего оно мало горело, для чего скоро погасло; мы разгребаем жар, льем на него масло, поджигаем соломою, бросаем порох и стараемся его, и — ах! — что смешнее и нестройнее всего, иногда с натугою и с собственным себя принуждением воспалить оное сами опять. Признайтесь, не правду ли я говорю, и не точно ли то делаем мы, возобновляя иногда печаль свою несколько раз на день, а особливо тогда, как случится кому вновь прийти к нам для посещения? Куда мы тогда забродим и что делаем?.. К чему такие повторения, к чему такие новые каждому о жестокости своей печали уверения, и не постыдно ли в таком случае хотя малейшее притворство, или,

лучше сказать, себя к тому насильное принуждение? Чем мы тогда щеголяем? Тем ли, чтоб все видели, как хорошо умеем мы печалиться, как изрядно рваться и делать удивительные жесты и телодвижения, вымышлять толь уразительные жалобы и оплакивания, и так далее? Странный поистине род щегольства! Чем бы нам стыдиться надлежало, тем мы величаемся.

Ведаю, что многие в сем случае подумают, что де пустое говорить; как де нам того не делать? Свет на том уже основан, и иногда самая почти неволя велит сие делать. Не оказать когда хорошенько своей печали, то не скажут ли, что нам того человека, например, не жаль, что мы не любили его или что несчастье нам не чувствительно было, и так далее? Но сие еще того хуже... Рассмотрим мимоходом сие дело... Что ж думаете вы, разве тем совершенно от критики и переговоров избавитесь, что хорошенько попечалитесь? Обманываетесь, государи, вы еще более ей себя подвергнете; вы обманете только тех, которые действия печалей их опытов не знают; кто же их знает, тот тотчас скажет, что это уже притворство, как скоро вы завоюете и причитать станете. Таковые скоро могут различить истинную печаль от ложной. По несчастию мастерство сие нам всем довольно знакомо, все мы его работывали, и трудно уже всякого провести и обмануть в сем случае. Когда же сие так, то не сущих ли комедиантов вы тогда представляете и не то же ли делаете, что они на театре? О, когда б вы уже, по крайней мере, получали такую ж пользу, как они! Но вы и того не получите. Тех, по крайней мере, хвалят за то, что они умеют хорошо печаль представлять; а вас, напротив того, всякий осуждать только станет. Итак, для сего ли только одного нам печаль свою возобновлять и тем самопроизвольно увеличивать жестокость зла, нас поразившего?

Но хорошо, когда бы при том одном только и оставалось, пускай бы такое малодушие при одних только великих несчастьях оказывали; пускай бы в сих только случаях отчасти по необходимости и без умысла, отчасти по другим каким-нибудь побуждениям несколько себя подурачили; пускай бы нас до того наши пристрастия довели и пускай бы это только в первые дни нашей печали было: так бы уже и быть; но что скажем мы, когда, тем не удовлетворяясь, мы целые недели, месяцы и годы в бесполезных таких вздо-

хах, горестях, печалях, жалобах и клятвах иногда препровожаем? Что скажем мы, когда до того доходим, что и малейшее иногда и не только малейшее, но совсем ничтожное, состоящее в одном воображении нашем и никакой важности не составляющее, но паче смеха, нежели печали достойное, противное приключение перенести без слез и превеликого неудовольствия не можем?.. Что скажем, когда нас всякая безделица в печаль ввергает, когда всякое лыко мы в строку становим, и когда укушение комара мы столько ж уважаем, как уязвление змеи? Что скажем мы на сие и сему подобное? Не должны ли мы истинно самих себя стыдиться и малодушие свое осмехать?.. Скажите, государи мои, хрустальные ли мы, чтоб ничему до нас уже и не дотрагиваться? Творцы ли мы сему свету, чтоб всему в нем по нашему делаться? Властелины ли мы такие, чтоб не смело к нам ничто приближаться и касаться? В оковах ли у нас сидит и рабом ли у нас так называемое счастье, чтоб нам одним служило? Салвогвардия⁶³ ли или охранительное письмо какое нам дано, чтоб никакое зло не смело до нас касаться и дух наш встревоживать? Отменные ли мы какие и из золота, а не из земли сделанные создания, чтоб нам только одним освобожденным быть от всего того, что нам неуютно? Право ли какое особенное имеем мы того требовать, и мы ли, наконец, одни только ледяные, а другие люди каменные, что нам только одним не можно никакой теплоты перенести, а другим можно?.. Войдите, государи мои, сами в себя и рассмотрите, тысячу причин найдете вы, могущих побудить вас к терпеливому сношению того, чего переменить не можно. Лед, сколько б ни досадовал на то, что лето приближается и он от солнца начинает таять, но тем ни мало себе нее поможет. Не смешно ль бы было, если б он вздумал тогда с досады в теплую избу или на печь идти, и не лучше ль бы ему было убираться заблаговременно в ледник и там опять дожидаться свойственного себе градуса стужи? Сей пример много походит на наш случай.

Но сколь ни удивительно то, что мы так слепо и грубо себя обманываем, предпринимая невозможное делать возможным и сделавшиеся противные приключения возвратить своими жалобами, печальми, прискорбиями и неудовольствиями, но все бы было еще ничто, если б только при том одном и оставалось и не происходи-

ло нам от того никакого иного вреда, кроме только того, что мы тем себя немного подурачим и поприбавим тоски своей и печали. Не на кого бы в сем случае иного и пенять было, как только на самих себя, но жаль того, что есть еще гораздо важнейший, гораздо существеннейший вред, от того для нас происходящий. Жаль того, говорю, что сие наше дурачество, сие произвольное нежелание своего здоровья и покоя сопряжено еще с другим наиужаснейшим и таким обстоятельством, о котором и одно напоминание долженствовало бы нас в страх и трепет приводить. Скажите пожалуйста, государи мои, что иное суть наши жалобы, вздохи, гнев, досада и неудовольствие в несчастных наших случаях, как не некоторый род негодования и роптания? Но скажите, на кого негодуем и ропщем мы тогда, на кого сердимся, на кого досадуем и на кого и кому жалуемся? Осмелимся ли мы без трепета имя его назвать? Не на верховнейшее ли, не на создавшее ли нас и не на то ли всемогущее Существо, которое всем управляет, без которого власти ни один волос с головы нашей пропасть не может, и у которого не только наше имение и достаток, но самая жизнь, душа и тело наше в полной и совершеннейшей власти состояла, состоит и впредь состоять будет, и которое во всякое время с нами то сделать может, что похочет? Одним словом, не на Бога ли, не на сего ли нашего великого Господа и Владыку? Войдите сами в себя и, опомнившись, подумайте, что это вы делаете. Ах! Такая ли это безделица, какою мы уже привыкли ее почитать? Но не составляет ли она величайшую на свете важность? Собственный ваш пример изъясняет вам всю гнусность сего поступка.

Представьте себе, что вы милостивым, справедливым и разумным господином многих рабов и подданных были, и об них во всякое время, как отец о детях, старались. Добродетель бы и долг ваш побуждал вас за ними всегда иметь смотрение и стараться не только того не допускать, чтоб они вашим намерениям какого препятствия не делали, но чтоб и друг другу не вредили и не обижали, а не менее того и сами себе, впадая в пороки и шалости, какого вреда не причиняли. Вообразите далее, чтоб многие из них были непослушные, неблагодарные и негодные рабы, не соответствующие ни в чем вашим милостям, награждениям, стараниям, любви и, одним словом, всем намерениям вашим, но старающиеся, впадая ежеми-

нотно в новые шалости и пороки, не только самих себя вредить, но делая пакости и другим своим товарищам, во всем домашнем порядке подавать повод к великим замешательствам и беспокойствам. Вообразите сие, скажите теперь, не стало б ли ваше сердце снестаться о том от любви человеколюбия и истинного сожаления к ним? Не часто ли принуждены б вы были для отвращения всего того и для сохранения порядка в доме вашем многих, смотря по вине и по надобности обстоятельств, разными большими и малыми наказаниями наказывать и тем как самих их отучивать вперед того не делать, так и другим подавать повод того остерегаться? Теперь вообразите далее, чтоб провинился который-нибудь раб из оных и вам для вышеупомянутых причин следовало б его наказать каким-нибудь родом наказания, и чтоб это такой был, которого б вы много уже раз уговаривали и милостиво увещевали, чтоб он того не делал. Положите далее, чтоб вы без всякого гнева, призвав его к себе, стали ему выговаривать, для чего он презирует ваши повеления, к собственной пользе его и всего общества домашнего служащие, и скажите, чтоб произошло, если б стал он запирасться и упорно в том стоять, что он либо того не делал, либо что то не худо, а хорошо, несмотря на то, что вы и худобу действительно знаете? Не осердились ли б вы на него и не сказали б ли: «Ах, мошенник! Смеешь ли ты еще запирасться и насильно делать худое добрым и мне то еще сказывать?..» Положите далее, чтоб раб тот не только сей выговор ваш, или легчайший род наказания от вас не принял охотно, и так, как надобно, в вине бы своей не признался, не раскаялся б, не стал бы просить у вас прощения и не обещал бы впредь от того остерегаться, дабы тем побудить вас к дальнейшему терпению и отпущению вам вины своей, но вместо того сделал бы вам косую рожу — чтоб вы тогда сделали? Не умножился б ли ваш на него гнев и не ударили б ли вы за то его в щеку? Положите далее, чтоб и сие не привело его в чувство, но он, осердившись, замычал и заворчал бы себе что-нибудь под нос — не принудило ль бы вас сие потаскать его за то за волосы и прибавить еще оплеух несколько? Но положите, чтоб раб ваш имел такое негодное и своенравное сердце, что и сие бы его не тронуло и не принудило молчать, но он бы еще стал вслух изъяслять негодование

свое, для чего вы с ним так несправедливо поступаете; скажите, не привело ли бы вас сие в совершенное сердце, не кликнули б ли вы «плетей», и не сказали б ли: «Постой, мой друг, я тебя заставляю иным образом говорить и дам тебе несправедливость, тебе меня уже не выучить справедливейшим быть, я и без того справедлив». И действительно б его за то, хотя с милостью, стали наказывать. Вообразите теперь, чтоб и сие негодного вашего раба не проняло, но он, хотя бы и кричал в то время, когда его секли: «батюшка, помилуй, государь, смилуйся», но на сердце б у него не то было, но не успели б перестать, как он стал бы изъяслять досаду свою киданием и рвaniem своего платья, кривлянием лица, мычанием под нос и ворчанием самых противнейших слов, отвращением от вас лица, и так далее — не побудило бы вас сие еще более на гнев? Не велели бы вы еще его положить, и когда он тем недоволен, еще прибавить? Положите, чтоб вы его еще стали сечь, но хотя и сие его от злонравия не уняло и в чувство не привело, однако вы для опасности, чтоб его не умертвить, наконец, сечь перестать принуждены были, и скажите, что б произошло, естли б сей бездельник еще и тем не унялся, но вышедши вон, и нарочно в слух, чтоб вы могли слышать, стал всем товарищам и прохожим, знакомым и незнакомым людям или не только людям, но самым бессловесным вещам, стенам, ветру и всему жаловаться на свое несчастье, обвинять вас несправедливостью, напрасным и незаслуженным наказанием, оправлять себя невинностью, почитать себя несчастным, укорять свой рок, проклинать день рождения и так далее; помогли ль бы ему такие пустые жалобы что-нибудь или нет? А вам приятно ли или неприятно было бы это слышать? Не должны ли вы признаться, что жалобы его не только никакого облегчения, кроме глупого удовольствия своенравного сердца, ему не принесут, но паче, приводя вас на дальнейший гнев, в вящее зло обратятся? Ибо как самое сие составляет уже великую проступку, то коль скоро может сие преодолеть вашу терпеливость, возбудить на новый гнев и побудить к дальнейшему его наказанию? Не случается ли часто, что мы таких непокорливых рабов сажаем в стулья, облагаем кандалами, морим голодом, отбрасываем от себя, лишаем их тех преимуществ, которые имели они по милости нашей

пред другими, и употребляем все средства к тому, чтоб привести их в чувство и сделать покорными, послушными и лучшими?

Вот пример, могущий наияснейшим образом как вышеупомянутую, так и многие другие полезные вам истины истолковать и доказать, и быть собственным вашим учителем и наставником, и лучшим советником, и утешителем во всех ваших счастливых и несчастливых приключениях в свете! Рабами никто иные, как все мы, а помянутый справедливый, милостивый, нас любящий и о исправлении нашем и благополучии пекущийся Господин наш есть Бог. В каком содержании находятся рабы против господина, в таком мы против Бога. Как господин делает между рабами по заслугам и не по заслугам различие и употребляет в разные должности и чины, и того туда на приказ и в такую должность посылает и определяет, в какую кто способен и какого обстоятельства его деревни и состояние жителей требуют, так равно и Бог раздает нам по своему премудрому усмотрению согласно с концом благосостояния всего общества разные наши состояния. Как раб не может знать все предприятия и намерения господина своего и потому по одному наружному виду не может заключить, что худо, что хорошо, что надобно и что не надобно, и всего скорее может в том, не провидя в тонкость намерений господина, ошибиться; так равно не можем и мы судить и рядить дела Господни, но будучи далеко не в состоянии проникнуть во всю связь Его экономии, или домостроительства, то есть правления всем человеческим обществом, имеем причину уверенными быть, что оно наипремудрейшее и совершеннейшее, и заключать можем сие потому, что, несмотря на всю нашу непокоривость, на всю нашу злость и на все своенравие, находится оно толико тысяч лет, то есть с самого начала света в порядке, и не разрушается, но во всякой Божией деревне, то есть государстве, примечаем мы хотя в некоторых случаях особливые, однако благоустроенные порядки, споспешествующие целости оных и не претерпевающие от всего своенравия нашего и делания помешательств дальнего нарушения. Рассуждая далее, найдем мы, что как мы наказуем рабов своих столько за проступки, столько ж для собственного их исправления, а не менее и для подания тем другим поводу к исправлению; так равно и Бог наказует иногда нас

и за наши вины и для исправления нас и других человеков. Наконец, как рабы не имеют права негодовать во всем на хорошего, разумного и милостивого господина, и негодованием своим не только ничего не произведут, но оное не иначе, как противно быть может их господину и приумножит вины их, так равно не имеем и мы права негодовать на Бога, и таким же образом и наше роптание и негодование не произведет нам никакой пользы, и не иначе быть может, как противно Богу, и новую вину пред Ним произведет. Одним словом, все почти обстоятельства можно нам приравнять, и разница только в том состоит, что Бог не такой господин, каковыми мы бываем, но бесконечный, премудрый и такой, Которого никакая тварь не может обвинить самонаименьшею несправедливостью; также в том, что гнев Его не такого свойства, как наш, и не может Его доводить до неразумных и таких дел, какие мы иногда в сердцах делаем, но Божественный, справедливый, сопряженный с долготерпением и благостью.

Однако не думайте, что сие обстоятельство мешало в тонкость приравнять вышеописанный пример к наказаниям Господним в случае, когда мы, будучи от Него наказываемы, нетерпеливостью своей пред Ним грешить и к дальнейшему наказанию себя Его побуждать можем. Правда, из вышеупомянутого примера явствует, что раба мы для того более наказывали, что гнев наш от упорства и негодования его от часу более воспламенялся, чего Богу в самой точности приписать не можно; однако не позабудьте ж и того, что собственное того раба своеобразие и упорство само собою уже вину пред господином делает и он за то достоин уже наказания, и мы можем наказывать его и с холодною кровью. Таким-то образом и о Боге заключать должно, с тем особливим примечанием, что Он бесконечно справедлив и никакую вину без наказания оставить не может. Что ж мы не тотчас за то умножительные наказания получаем, тому причиною бесконечное Его благоутробие, любовь и долготерпение.

Из всего сего можете уже вы, любезные читатели, сами заключить, коль опасно гневить нам Бога малодушием своим, роптанием и жалобами при наших несчастиях или наказаниях, получаемых от Бога. Мы счастливы еще и бесконечно счастливы, что имеем тако-

го Господина, у которого сердце не таково, как наше, и не может воспалиться таким скоропостижным и великим гневом и яростью, как наше. Куда б годились мы, если бы не имели долготерпеливого и такого Бога, который нас бесконечно любит, сопрягает наказания свои с милостью, не выходит никогда из пределов, и к исправлению нашему не столько наказаниями, сколько милостивыми только увещеваниями, легкими выговорами и благодеяниями нас побуждает? Надобно ли нам презирать такое Его благоутробие, и руками и ногами оное от себя отпихивать?

Теперь судите сами, дорогие читатели, пользу ли или вред приносит нам малодушное несчастий наших сношение, и лучше ли нам приносить тщетные и пустые — на кого же? на Бога, кому? слабым и немощным человекам, самым стенам и ветру, жалобы, и тем зло к злу приумножать, хотя бы того ничто не мешало нам освободиться, или, последую сему правилу, с терпением сносить то, чего переменить не можно? Подумайте, государи мои, сами, не лучше ль и не полезнее ль для нас было б, естли б мы, в несчастных наших случаях великодушием ополчась, оные без роптания и негодования сносить стали? Что из того последовало бы, можете вы из того же примера заключить, который я выше сообщил. Ибо представьте себе, естли б давешний провинившийся раб еще в самом начале, когда господин его начал ему за проступки его выговаривать, вместо запирательства, мурчанья⁶⁴ и делания кривой рожи, тотчас бы признался, пал господину в ноги и сказал: «виноват милостивый государь, и так виноват, что не смею на вас взирать; много раз вы не приказывали мне этого делать, но слабости мои меня к тому побудили: отпустите мне или наказывайте, как угодно, впредь буду я усердно стараться того не делать. Помогите мне сами, милостивый государь, и дайте наставление, как мне от того удалиться!..» А когда бы господин его за необходимое почел слегка его за то наказывать, то во время наказания сносил бы то терпеливо, твердил бы только, что он виноват и того достоин, и тотчас бы вскочив, поцеловал у господина руку и с радостным лицом, а не с негодованием все то вытерпел, то не избавился б ли он чрез то всех дальнейших наказаний, и не претерпел ли бы только такое, какое вина его заслужила; также не приятна ль бы господину была его поступка, не побужден

ли бы он мог быть к дальнейшему долготерпению и к люблению такого усердно и прямо раскаивающегося раба? Спросите теперь вашу совесть, послушайте, не шепчет ли она, что этому так воследовать надобно? Когда ж так, то сравните себя теперь с рабами, а Бога с господином, как уверитесь уже вы, что тоже последует, когда вы в несчастиях и наказаниях, получаемых от Бога, таким же образом против Его поступите; ибо совесть наша ничто иное есть, как всегдашний напоминатель и толкователь воли Божеской нам, и на нее можно как в сем, так и во многих других случаях положиться.

Подобным образом можете вы, дорогие читатели, и в других случаях заключать и всегда напоминать сие сравнение. Смотрите всегда на Бога и на себя с сей стороны, почитайте, любите, усердствуйте и обходитесь с Ним не иначе, как с Господином, но притом таким, который вкупе и Отец ваш; почитайте себя действительно за Его рабов и подданных, и не стыдитесь тем, что вы Его рабы и подданные. Не следуйте в сем случае высокопарным умам, которых нежному вкусу противно такое название. Не забудьте, что пылинке непристойно высокомериться, а червяку пред человеком превозноситься. Когда раб и знатного господина неведомо что о себе думает, так нам верно уже не стыдно быть и называться рабами такого великого и всемогущего Господина, каков Бог наш.

Ежели спросите, наконец, каким же образом вам наиспособнее доводить себя до сей добродетели, то есть терпеливого сношения противных наших приключений, то на сие я вам в коротких словах скажу, что нужно вам, все вышеупомянутое напомнив и попросив самого Бога себе о помощи, принять твердое намерение испытать в том свои силы и самим себе сказать: отведаем вправду сие в действо произвести, испытаем свои силы, неужели мы вправду восковые и ледяные и тотчас растаем? Неужели малодушнее всех прочих? Не стыдно ли нам вправду делать такой вздор и пустоту, и ужели мы нимало не в состоянии себя преодолеть? Не испытав, что говорить? Сем-ка отведаем! И так далее.

Сим образом когда в предприятии себя утвердите, то поверьте, что самое сие уже много вас подкрепит и силу печалей ваших много поправить может, а частое напоминание всех убедительных причин и утешений, наконец, и совсем, да и прежде, нежели вы думаете,

вас успокоит. Но сего уже довольно о сем правиле, надобно поспешить мне к последнему.

5.

Пятое и последнее правило, наблюдение которого к уменьшению наших прискорбностей много поспешествовать может, есть следующее:

Делай неотвратимое зло средством к добру.

Сие правило не столь толковито, как преследующее, и потому уже требует некоторого объяснения.

Бесконечная премудрость нашего великого Создателя, предвидя наше падение и то следствие, что мы за то необходимо должны будем терпеть и в будущей и нынешней жизни различные наказания, не преминула с своей стороны учинить все, что к совершенному нас от того освобождению служить может, так что мы в сем пункте никакой не можем приносить на нее жалобы. Пространно о сем говорить — не моя должность, да и не принадлежит сие к теперешнему намерению. Учение христианского закона может всякому довольно изъяснить великую сию и важную истину; а я только коснусь одного употребленного ею к тому весьма примечания достойного и к нашему предмету принадлежащего средства, а именно, учреждения самой природы нашей так, чтоб самые претерпеваемые нами в нынешнюю жизнь наказания могли нам служить в пользу и предохранять нас от множайших могущих впредь над нами воспоследовать наказаний, и тем поспешествовать нам к достижению того неизреченного благополучия, которое нам в будущую жизнь получить можно. Одним словом, она сделала уже наперед такое в душе нашей распоряжение, чтоб несчастья и противные наши случаи и проистекающие от того для нас печали и прискорбия служили средствами к нашему толь надобному исправлению, оставив, впрочем, нам совершенный произвол, похотим ли мы сему мано-вению ее десницы следовать и сими средствами пользоваться или не пожелаем.

Сие в состоянии уже уничтожить всякое сомнение, которое мы находить можем в том общем и у всех затверженном положении, что Бог несчастья на нас для исправления нашего насылает и лю-

блжшм Его обращает в пользу; ибо из самого сего источника протекают все те несчастные нам приключения, в рассуждении которых мы не в состоянии бываем провидеть и догадываться, какие бы могли нам проистечь от них наружные, или вещественные, пользы, и от того грешим иногда, сомневаясь в сей Богом в священном писании толь часто нам подтверждаемой истине.

Чтоб сие далее изъяснить, то скажу, что помянутое учреждение состоит в том, что всякая печаль и прискорбие, чувствуемое нами при помянутых наказаниях, сама собою низлагает пышность или жестокость действия наших страстей и уменьшает их до того, что разум наш и произвол, находившиеся прежде в великом от них утеснении, получают тогда на несколько времени свободу действовать всею своею силою. Первый тогда, так сказать, прояснится от того тумана, которым страсти наши его помрачают, и сделается внимательным, отчего человек получает тогда случай входить в самого себя и рассуждать о истинном себе добре беспристрастно и усматривать всю суетность своих страстей и прихотей, научиться собственным вредом умнее впредь быть и ту необходимость познавать, что ему прямое благополучие и блаженство души своей не в свете и не в тех вещах искать надобно, в которых он прежде, следуя стремлению своих страстей, полагал, но в себе и во внутренности души своей и в приведении ее в такое расположение против Бога, какое необходимо к тому надобно, буде хотим мы некогда быть и наслаждаться тем благополучием, для которого, между прочим, созданы; одним словом, познавать, что ему жизнь свою необходимо исправить и так расположить надобно, как тот главный конец требует, на который нынешняя наша жизнь назначена. Что касается до второй и той преимущественной силы души нашей, о которой я впереди много раз под именем произвола упоминал, то она по причине, что страсти и желания тогда уменьшатся, находится будет в состоянии оные преодолевать, естли бы только к тому человеком была употребляема. Итак, зависит тогда от человека, пожелает ли он сим случаем и драгоценными сими минутами пользоваться и советам разума своего повиноваться и помощью произвола не допускать уже впредь низложенным желаниям опять усилиться или, пренебрегши сие, дать волю оним

опять прийти в свое прежнее стремительство и связать разуму, так сказать, опять руки.

Что все вышеупомянутое основано на самой истине, то доказывают нам опыты. Кому не известно, в какой упадок духа приходим мы от всякой печали, а особливо когда она великовата и нас гораздо тронула? Не чувствуем ли мы сами, что тогда во внутренности души нашей происходит превеликая как в желаниях, так и мыслях перемена? Не оставляем ли мы тогда на несколько времени все свои прихоти и страсти? Не схоронятся ли они так далеко в глубину нашего сердца, что и следов их почти не видно будет? Где девается тогда наше честолубие, где гордость, где любострастие, где роскошь со всем прибором своим, как нас какое-нибудь несчастье и печаль хорошенько поразит? Пойдут ли нам тогда чины и знатные достоинства на ум? Помышляем ли мы уже о богатствах и сокровищах? Думаем ли о роскошах телесных? Напротив того, не просвещается ли тогда весь разум наш, не приходит ли в свое натуральное состояние и не начинаем ли мы порядочно мыслить, о вещах здраво рассуждать и познавать, что доброе и что худое, а произвол наш не в совершенной ли силе своей тогда находится? Не становится ли сердце наше так гибко тогда, что мы, куда хотим гнуть и что хотим, то из него делать можем, например, не напоминает ли тогда самый неверный Бога, не покидает ли на время все свое неверие и сомнительство, не принимает ли к Нему свое прибежище и не говорит ли: «О, Боже мой! Тебя я прогневал?» Не делается ли ленивый прилежным, не позабывает ли нежный свою негу, не бросает ли роскошный свои роскоши, не презирает ли себя самолюбивый, не выходит ли интерес у корыстолюбивого из головы, не делается ли вертопрашный степенным, сердитый — смирным и вспыльчивый — тихим? Не забывает ли мот щегольство свое, игрок — карты, шпынь — шутики, лакомый — лакомство, сластолюбивый — любодейство, пригожий — пригожество? Не делается ли любочестный кротким, гордый — низким и смиренным, скупой — чивым⁶⁵ и так далее? Что иное все сие доказывает, как не то, что разум наш истинную суетность всех сих худых склонностей и желаний наших усмотреть, а произвол одолевать мог быть в состоянии? И поистине, не можно ли тогдашнее состояние души

сравнить с раскаленным железом, в котором все бывшие крепкие до сего частички сделались мягки и гибки и могли б молотом в такую форму приведены быть, в какую только захотелось?

Доказав теперь опытами сию истину, скажу, что самая сия делающаяся в душе нашей и продолжающаяся несколько времени перемена, какую, впрочем, и из доброй воли мы нескоро произвести можем, есть та сущительная польза, которую нам наши несчастья и печали приносят. Намерение Создателя нашего клонится к тому, чтоб мы таких удобных случаев никогда из рук не упускали, но ковали бы сие железо, покуда оно горячо и мягко, и не давали б ему мало-помалу опять застывать и в прежней своей форме остаться. Надлежало ль бы нам сему мановению десницы Всевышнего следовать и сими выгодами пользоваться или нет, о том легко можно всякому рассудить. Я то только скажу, что у нас всего меньше сие делать на уме; но, напротив того, мы до тех пор только хороши, до тех пор благорассудительны, и до тех пор и Бога помним, и любим, и почитаем, покуда печаль наша мало-помалу не ослабеет; но как скоро она минется, то вдаемся опять во все пороки и погрешности, и иногда еще пуще прежнего свирепствуем. Но тому уже не Бог, а мы сами причину; с Его стороны учинено было все: Он разогнал туман, который прямую дорогу от очей наших закрывал; просветлил на время ночь; в которую мы, путешествуя, заблуждались, дабы мы могли увидеть все лежащие пред собою места и дороги, также и то, в которой стороне лежит храм нашего благополучия; указал нам путь, туда прямо ведущий, и взведя нас на оный, равно как еще раз подтвердил, чтоб мы им шли, и чтоб лучше не сбиться, взяли бы с собой факел, который от Него дан нам уже прежде, то есть священное писание. Но Он ли виноват, когда мы, все сие пренебрегши, опять в сторону с показанной и нам скучною показавшейся дороги сходим и на прежнюю широкую возвращаемся и опять начинаем в темноте и ощупью бродить, то есть когда мы советам просвещенного нашего тогда разума не будем следовать, а освобожденным произволом действовать, но сняв наложенную на страсти наши узду, опять скинем и дадим им совершенную волю, которые не преминут тотчас прийти опять в прежнюю свою величину и своевольность

и начать нас по прежнему мыкать и носить, куда влечет собственно их стремительство.

Но как все сие справедливо, так напротив того и то неложно, что не все таковые Божеские напоминания и с наказанием за наши прежние проступки сопрягаемые нам особливового рода милости и выгоды остаются без всякого действия. Кому не известно, что есть многие люди, которые ими не так пренебрегают как прочие? Не видим ли мы из опытов разные тому примеры? Нет ли людей, которые несчастьями и печальми на истинный путь обратились? Нет ли таких, которые чрез болезни и несчастья от многих пагубных пороков освободились? Нет ли многих, которые, претерпев какое-нибудь несчастье, во многом жизнь свою исправили? Сколько пьяниц сделалось чрез сие трезвыми, сколько мотов постоянными, сколько роскошных воздержанными, сколько нечестивых христианами и так далее? Наконец, не видим ли многие примеры, что люди, не хотя добровольно добродетелям следовать, несчастьями почти поневоле от зла к добру приводятся? Сколько людей болезнями лишившись своего здоровья, поневоле почти принуждены стали жить воздержано? Сколько иных, кои, несчастьями лишившись всего имения, чести, богатства и всех благ светских, вкупе с тем почти поневоле освободились безмерного своего честолюбия и корыстолюбия, которое до того одними их идолами было, и не отменно бы их погубило, и прочее тому подобное?

Все сие доказывает ли премудрость Божеских с нами намерений, и не заставляет ли нас удивляться его промыслам, толь иногда нам непостижимым? Но при одном ли том надобно нам оставаться? Не следует ли паче из всего того извлекать то важное для нас правило, что нам колико можно стараться надобно не упускать таких удобных и самим Богом подаваемых нам случаев к нашему исправлению, и колико в силах наших состоять будет, ему в том надлежащим и желаемым им образом соответствовать?

Теперь пожелают, может быть, иные знать, каким образом нам удобнее сие в действо произвести можно. Я удовольствую их желание, сказав, что все дело состоит в том, чтоб мы твердое намерение приняли не упускать ни одного противного случая и приключения, какое бы оно ни было, мало или велико, без того,

чтоб напаятовав все вышеупомянутое, в самих себя заглянуть и посмотреть, не можем ли мы из того зла извлечь что-нибудь доброе и нам полезное, и говорить, например, таким образом: сей случай конечно остерегает меня от какого-нибудь порока, которому я до сего времени был подвержен, или от какой-нибудь пропасти, подле которой я без осторожности хожу. Без пользы своей быть ему никак не можно; надобно мне быть осторожну и осмотреться... Когда последуешь сему собственному своему совету, и разбирая в тонкость несчастье свое, по предписанию предследующих правил пойдешь к самому источнику твоей печали и прискорбия, то есть станешь изыскивать самое то желание, которому тогда противодействуется, то нетрудно тебе будет сыскать стезю, по которой тебе далее идти и понемногу добираться до того, от чего собственно тебя то несчастье остерегает. Ты найдешь либо многие, либо одно какое-нибудь худое желание в себе, которое исправления и уменьшения требует. Последуй сему и старайся впредь как можно его уменьшить. Тогдашние чистые мысли помогут тебе найти множество побудительных причин, которые в тебя к тому охоту вложат. Ты воображай себе все те пользы, которые тебе от того произойти могут, если ты сие исполнишь, на пример от каких-нибудь худых дел и пороков избавишься, или всю жизнь свою исправишь. В тебе произойдет чрез то надежда к получению оных польз, а чрез нее можешь ты по силе предследующих правил удовольствовать в себе многие хорошие желания, и тем сугубую от всего такого рассмотрения получить пользу: во первых чрез удовольствие сих желаний надеждою, можно произвести в себе приятное удовольствие и увеселение; во вторых, самая твоя печаль и настоящее зло принуждено будет само собою необходимо уменьшиться и тебе сделаться сноснее; потому что самое сие усматривание и извлечение польз из несчастий принадлежит к числу наизнатнейших утешений в наших несчастьях.

Вот краткое и общее к тому руководство и вкупе доказательство, почему правило сие принадлежит к числу уменьшающих великость наших печалей и прискорбий. Последуя сей тропе, можно всякому идти далее и самому заключать, как ему во всех особенных случаях изыскивать и усматривать сию пользу. Признаться надоб-

но, что к тому требуется немалое искусство и проворство мыслей; но к чему не можно себя приучить, буде только желание и охота будет?

Сим окончу я изъяснение сего правила и скажу, что мог бы окончить тем, и все сие рассуждение, если бы не должен был еще читателю одним обещанием, которое мне надобно исполнить, а именно: во всех объяснениях предследующих правил твердил я очень часто об утешениях отчасти под именем лекарств на душевные наши раны, отчасти под именем орудий и оружия против сих духовных наших неприятелей, то есть печалей и прискорбностей, и обещал сообщить о том ниже мое мнение. Бесспорно многие читатели, сие тогда заметив, может быть нетерпеливо того ожидали; ибо как при уменьшении зла, происходящего нам от противных приключений, наиболее все от употребления хороших утешений зависит, а не всякий оные удобно находить может: то нельзя, чтоб не сыскались многие охотники, желающие по крайней мере ведать, какие генеральные правила и средства можно употребить для скорейшего и удобнейшего ими себя в нужную пору снабжения. И как сие место почел я наиспособнейшим для удовольствия их желаний, то и приступлю теперь к оному.

РАССУЖДЕНИЕ XVII О утешениях

Ежели спросят меня, что такое собственно мы под именем утешений разумеем, то скажу, что утешения не иное что суть, как умозрительные помышления, поставляемые против прискорбия для успокоения нашего духа, или яснее сказать, мысленные, или духовные лекарства на душевные наши раны и болезни; по которой причине выше сего и сравнивал я оные с обыкновенными лекарствами, которыми врачуются получаемые в сражении раны. Сие сравнение очень удобно, и обстоятельства оных могут во многих случаях приравнены быть к духовным лекарствам. Из ниже следующего более сие усмотрено быть может, а именно:

Как вещественные лекарства могут быть не только сами собою весьма различные, но и употребляемы при врачевании не одинаким

образом, а так, как свойство, величина и обстоятельства каждой раны требуют: так равно и утешения могут также быть не только сами собою различные, но и употребляемы нами разными манерами. Одним словом, они должны согласоваться с разностию, состоянием, величиною и обстоятельствами наших несчастий, противных приключений и происходящих от того нам печалей, прискорбий и неудовольствий. Из сего легко можно всякому заключить, что если бы подробно о всех родах утешений и о разных манерах их употребления говорить, то из одного того могла бы составиться целая книга; ибо натурально должно было бы мне пройти все известные и обыкновенно с нами случающиеся несчастные и противные приключения, разбирать их в подробность, и говоря о каждом в особенности, сказывать, чем, и как удобнее нам себя в оном утешать можно. Сие доказывает вкпе, что мне в такое пространство теперь впускаться никакого нет способа, да и читателю не можно того от меня требовать.

Однако как в рассуждении телесных ран и лекарств, не смотря на всю оных разницу, могут все лекарства на несколько общих родов разделены быть и состоять, на пример: либо в целительных спиртах, маслах, мазях, порошках, припарках и пластырях, которые в раны вливаемы, всыпаемы, или к ним прикладываются быть, либо в надобном осмотре ран, расчищении, вынимании пуль и косточек, отрезывании гнилых, негодных, или помертвелых частиц, и прочее тому подобное, на тот конец, чтоб мази и пластыри могли лучшее иметь действие и рана не увеличилась, но из основания могла быть вылечена: так равно и духовные лекарства могут на подобные тому два главных сорта разделены быть, и о сих можно уже мне дать читателям моим краткое и общее понятие.

Первый сорт духовных лекарств может сравнен быть с помянутым осматриванием, расчищением, разгноиванием наших ран, с выниманием и отделением из них ненадобных и более вред умножающих частей. Сего рода утешения называются возразительные, и состоят в таких помышлениях, которые нам доказать и нас уверить могут, что зло, угнетающее нас совсем не истинное, а ложное, или так сказать мнимое, или по крайней мере что оно не так велико, как мы думаем.

Второй сорт может сравнен быть с живительными лекарствами, как-то пластырями, мазями и порошками, которыми очищенные части раны побуждаются скорее заживать. Сего рода утешения называются возбуждательными, и состоят вообще в таких помышлениях, которые могут в нас возбудить одно, или многие хорошие и такие желания, которые наше прискорбие победить могут.

Легко можно заключить, что оба сии рода утешений необходимо должны соединяемы быть вместе, также что при употреблении оных, равно как и при лечении телесных ран, требуется от врача искусство, осторожность, неустрашимость, проворство и знание, а без того, особливо же в случае, когда рана ни порядочно не осмотрена, ни расчищена, а к тому же развратными лекарствами пользована будет, либо еще более растравится, либо лекарства малое и худое будут иметь действие; а от того самого и бывает, что многим печальным никакие утешения не помогают.

Идучи далее, находим мы, что как врачи при всем лечении ран поступают вообще по некоторым общим правилам, так можно и нам при лечении наших душевных ран поступки свои учреждать по некоторым общим правилам. Какие сии правила, о том много уже говорено выше сего в сем рассуждении, где вкупе и многие лекарства в подробности описаны. Но как пункт, касающийся до лечения душевных наших ран, всего важнее, и наблюдение надлежащего при том порядка всего надобнее: то усердно бы желал я сообщить читателям моим подробнейшее ко всему тому наставление, равно как и описать им все лекарства и утешения. Но как сие по упомянутому выше сего уже причинам завело бы меня в великое и сюда далеко неудобовместимое пространство, то другого не нахожу, как удовольствоваться в сем случае читателей отчасти и сколько пределы сего сочинения дозволить могут, и для ближайшего и лучшего руководства, каким образом всякому в случаях печалей поступать, и что за чем при лечении сих ран предпринимать надобно, сообщить вкратце наиглавнейшие из общих до обоих родов утешений касающиеся правила, расположа их так, чтоб они показывали вкупе и те следы, которыми идучи, всякому бы можно было самому при каждом случае находить и составлять себе утешения, и тем равно как самим для себя составлять и приготавливать духовные лекар-

ства, чем, надеюсь, наградится уже по нужде недостаток подробнейших и всякой печали в особенности свойственных утешений.

Общие правила в рассуждении возразительных утешений

Итак, приступая теперь к моему намерению, начну с показания, каким образом и порядком нам первого рода лекарствами пользоваться, и читателям моим скажу, что если кто из них хочет в случае какого-нибудь нещастия, или противного случая, чувствуемую от того печаль и неудовольствие свое скорее и колико можно уменьшить и восстановить в душе своей опять мир, тишину и спокойствие, тот наблюдай следующие правила, а особливо те, которые состоянию его нещастия и печали будут свойственное.

1.

Прежде всего и как можно скорее старайся рассмотреть несчастье и печаль свою наитончайшим образом. При сем рассматривании не давай собою обладать предрассудкам, и не слушай отнюдь стремлений своего сердца; прогони мрак и туман, помрачающий твои мысли, или душевные очи; смотри и примечай, с которой стороны сия пуля прилетела, подлинно ли она в тебя попала и тебя глубоко и существенно поранила, в какое собственно место, и не одно ли только воображение тебя обманывает, не пролетела ли она мимо тебя и не зацепила ли только платья, не сделала ли только контузии, или по крайней мере не ранила ли, да не так сильно, как ты думал. Каким точно образом тебе сие рассматривать и узнавать, о том не для чего мне тебе теперь пространно сказывать: из объяснения как первого, так и прочих правил, находящихся в сем рассуждении, равно как и из последующего за сим, можешь ты сам многое, касающееся дот сего общего и предварительного пункта, усмотреть; а я то только скажу, что такое рассматривание тебе великую пользу принесет, и иногда одно в состоянии будет прогнать всю печаль твою. Для лучшего же в том успеха привыкай в сих случаях мысленно выходить из себя и смотреть на себя со стороны и рассуждать, как о постороннем человеке. Сия особливая хитрость не только в сем, но и во многих других случаях тебе великую пользу прине-

сти может; чего ради старайся заблаговременно сему искусству научиться. Какие вещи в особенности тебе рассматривать, и что далее делать, нижеследующие подробнейшие правила покажут.

2.

Паче всего рассматривай беспристрастно, не лежит ли все зло, которым ты себя мучишь, в едином только твоём воображении: то есть, несчастье твоё не сущая ли пустота и не такая ли вещь, которая ничтожностью назваться может и тебе никакого действительного вреда не причиняет и причинить не может. ... Таковых противных случаев и досад, нам неудовольствие причиняющих, бывает с нами очень много. Иногда мучимся мы самою небылицею, и о чём не удостоверены мы ещё, сделается ли то так, или не сделается, а верим одному только слуху, обманщикам, клеветникам, поносителям или только догадываемся, что так тому быть надобно, не разбирая нимало, что мы в том всего скорее обмануться можем. Ежели найдёшь, что оно такое, или сему подобное, так сочти сие мечтою, или что это один только звук, а пуля, или ядро, мимо тебя пролетела: рассмейся сам себе, что ты пустоте и самой мечте дал себя встревожить и так от того устранился и мучишься. Встрепенись, так сказать, скажи: «Тыфу, как она меня испугала! Я думал, что она в меня попала, а она только мимо ушей моих прожужжала; но слава Богу, что она мимо пролетела, а я ещё цел и все тот же! Лети она себе куда хочет, что мне о том прежде времени беспокоиться?» И так далее. Таковые и сему подобные мысли в состоянии в один миг уничтожить печаль, от единого воображения происходящую.

3.

Рассматривай прилежно, не происходит ли вся твоя печаль, тоска, досада и неудовольствие, единственно от того, что в тебе одно, или многие какие негодные желания и прихоти не удовольствованы, или раздражены, и им противное сделалось. Ежели найдёшь что от того, то сравни себя с таким человеком, который бы, находясь на баталии, бесился и досадовал, для чего неприятели отваживаются его бранить, его атаковать, по нему стрелять, и для чего нейдут к нему, не упадают к его ногам и не отдаются сами в руки,

и от досады бы ярился, сердился, терзал бы на себе платье, рвал волосы, кусал свои руки и члены, и далее сим образом безумствовал, но что смешнее еще того, сам бы на причиненные собою себе раны и язвы и боль, проистекающую от того, жаловался; и как мы находимся тогда точно в таком состоянии, то рассмейся сам себе и скажи: «Не с ума ли я сошел, и что это я делаю, и кто тому виноват, что я за пустое сержусь и сам себя грызу? Вольно мне яриться и беситься и самого себя мучить. Престал бы я, когда этого хотеть и требовать, ничего бы и не было. Вольно мне неведомо чего захотеть и того еще более прихотничать: так не всею же так и делается. Свет и обстоятельства оного и распоряжение оных не в моей еще власти; я не велик еще боярин, чтоб в удовольствие моих пустых прихотей нарушиться всему порядку и тому одному делаться, чего бы мне хотелось. Наполнил бы я сердце еще по более такими пустыми желаниями и прихотями, так и более еще печалей и досад нажил, и они готовы бы меня в гроб согнать, или с ума свести». Таковые и подобные тому себе возражения и самого себя осмеяния не только в состоянии очень скоро прогнать досады и печали, к сему классу принадлежащие, но и наставить нас на лучшую тропу и сделать впредь осторожнейшими.

4.

Поразит тебя, когда какое-нибудь зло действительно, то смотри и разбирай, не такое ли еще оно, которое не только ты сам заслужил, но оно к великой и множайшей пользе служит, то есть, не сам ли ты тому виноват, и не достоин ли того, чтоб такое зло и несчастье над тобою учинилось? Не подал ли сам к тому прежними своими поступками повода? ... Рассматривай себя в сем случае беспристрастно, оставь на часок самолюбие и не давай обманывать себя гнездящимся в сердце твоём и тебя о противном уверить старающимся страстям. И буде найдешь, что оно такое и ты сам к тому причину подал и виновен, и несчастье к твоей же впредь пользе служит: то сравни себя либо с таким человеком, который, на баталию вышедши, из назначенного себе места зашел бы туда, куда не надобно и где его тотчас убить, или в полон взять могут, и что командир, увидев то, стал бы прогонять его на свое место пал-

кою, как наказывая его за преступление, так остерегая от погибели и сохраняя, чтоб он целее был; либо с рабом, которого господин за первое воровство и на тот конец наказывает, чтоб он впредь от того исправился, и привыкнув к сему ремеслу, не сделался бы совсем негодным и неспособным к той должности и чину, в который определить его было на уме у господина. Тогда рассмеявшись своему дурачеству. Так, например. Сам себе говори: «Не с ума ли я сошел, что я досажую, сержусь и грущу за то, что мне поневоле добро делают? Сам я забрел неведомо куда, и оскользнувшись полетел было уже в ту пропасть, подле которой по неосторожности своей бродил и шатался. И на то ли мне досадовать, что меня за руку схватили, и не допусая стремглав низринуться, вытащили? Великая беда! Вытаскивая повихнули немного руку, разбередили на ней чирей, разодрали и замарали платье, и за неосторожность меня немного пожурили и наказали. Но лучше ли бы когда бы я туда упал и погиб навеки? Не смешна ли поистине моя досада и негодование? Кто тому виноват, что я в такие опасные места забрел, где мне погибнуть было можно? Не должен ли я еще благодарить, что мне временно вспоможение учинили, и с охотою еще снести достойное и самому же мне впредь в осторожность делаемое наказание? Уже ли я захочу дать над собою преимущество самоподлейшим людям? И сии сносить наказания терпеливо, когда уверены, что они их заслужили; а я так малодушен, что сего снести не могу. Уже ли похочу, чтоб они меня в сем случае были разумнее, великодушнее и рассудительнее? Нет, нет, опомнюсь, ободрюсь, не допущу сего, и учиню то, что мне должно, то есть снесу несчастье сие с терпением и благодарением». Сим и подобным сему образом рассуждая, скоро можно в таком случае самого себя утешить и сделать печаль менее чувствительною.

5.

В случае, когда несчастье твое от злости и пороков других людей произошло, то смотри, не злоба ли и досада на них тебя терзает и составляет наиболее печаль и неудовольствие твое. Ежели так, ежели ты наиболее только тем мучишься и сам себя крушишь, для чего люди так злы, так несправедливы, лукавы, хитры, обманчивы,

злоковарны, бессовестны, вероломны, нечестивы и прочее тому подобное, и ежели тебе не столько причиненный вред, сколько досада на них чувствительна: то представь себе в мыслях такого человека, который бы не столько тужил и горевал о том, что волки, или другие хищные звери у него несколько скота порезали и ему убыток причинили, сколько о том, для чего они так хищны, для чего стараются вкрадываться в овчарни и в стада, и похищать скотину, и который бы от досады на них все рвал и метал, проклинал свою жизнь и ругал их всеми клятвами. И как ты натурально рассмеешься глупости такого человека, то, напомнив, что ты тогда то же самое сам делаешь, рассмейся же и себе, и устыдясь своей поступки, скажи: «Изрядное дело! Смеюсь я тому, а сам что делаю? Хочу, чтоб люди были таковыми, каковыми они уже рождаются. Не того же ли я почти хочу, чтоб волки свою природу позабыли, и овец и свиней похищать перестали? Не на то же ли досаую, для чего они благонравнее не делаются? Не сущая ли это глупость, и можно ли мне сие уже переменить? Напротив того, не принадлежу ли и сам я к сотовариществу их? Нет ли и во мне самом участка сей волчьей, или иного какого зверя природы и нрава? Не подаю ли повода и сам и сам я многим на себя жаловаться и досадовать и тем же себя обвинять, чем теперь я сих обвиняю? А когда так, то что мне досадовать на то? Может это платеж мне от других такую же монетою, какою платил я некогда их товарищам. Не выходит ли из сего то, что каково кликнулось, таково и отзывается, и что красны долги отдачею? Не лучше ль бы было, когда бы я по пустому не досадовал, а помышлил бы лучше о том, как бы мне самому впредь подобным сему голосом не кричать, чтоб впредь не откликалось, и в такие долги не вплетаться». Сим и подобным сему образом надобно помышлять в несчастиях сего рода, и тем стараться себя утешать и уменьшать великость зла, тогда претерпеваемого.

6.

Рассматривай прилежно, подлинно ли зло и несчастье твое так велико, как ты думаешь. Обнажи, так сказать, ту часть тела и посмотри, подлинная ли это рана, или только контузия, и что тебя ранило, ядро ли, или пуля, и так ли много, как тебе сперва показалось,

и достойна ли она того, чтоб о том так много говорить и тужить. Ежели найдешь, что она самая безделица и только тебя оцарапала, или небольшую контузию, или ранку сделала, то подумай, пристало ли тебе таким воином быть, который не хотел бы уже и маленькой ранки на баталии иметь и с великодушием вытерпеть, но от бездельной попавшей в него дробинки, или царапинки, в такое малодушие и в такой обморок входил, как от того, как бы ему ядром руку, или ногу оторвало? Или кстати ли тебе быть таким рабом, который бы от господина ни одного бранного слова, щелка, или заушины снести терпеливо не хотел, хотя бы заслужил гораздо величайшее наказание? Представив же все сие, рассмейся, и сам себя, равно как постороннего человека, за руку схватив, скажи: «Стой, стой, мой друг! Опомнися, что ты делаешь и затеваешь? ... Ай! Ай! Постыдись по крайней мере сам себя. ... Ведь и стены тебе смеяться будут, что ты так малодушен и как маленький ребенок, или хуже еще старой бабы. Ведь ты не хрустальный и от этого верно еще не расшибешься». И так далее.

7.

Смотри, не такое ли твое несчастье и зло, которое недолго продолжается, но пресекается в скором времени. Буде найдешь, что оно такое и не долговременное, так приведи давешний пример себе на ум и представь себе, что это только такая контузия, которая хотя очень чувствительна, но по крайней мере недолго продлится, и ты от нее скоро освобожден будешь. Как быть, что она уже сделалась! Но неужели от того и с ума сходить? Неужели ты так нежен, что и короткое время не хочешь нужды потерпеть? Сравни себя с таким рабом, которого господин в ненастье куда-нибудь в дорогу посылает, или в холодную воду войти и рыбы половить велит, и сам себе скажи: «Быть потерпеть, когда миновать не можно. От сего я еще, как лед от огня не растаю. Не все быть ведру и красным и приятным дням: надобно когда-нибудь и дождю и туче побывать. Но слава Богу, что это не ненастье, а тучка, и после ее скоро опять проведрится⁶⁶ и просияет солнце! Беда еще невелика, что я принужден теперь обмокнуть и озябнуть. Говорится в пословице: который Бог обмочил, тот и высушит: так равно и мое несчастье скоро

минует и опять восстановится благополучное время. Неужели мне столь глупо быть и дать над собою рабам преимущество? И те иногда столь благоразумны, что ни слова не сказав, едут и идут, куда господа их посылают, не разбирая ни мало, хороша ли, или худа погода, и приятно ли, или неприятно, и господам своим ни малейшего знака неудовольствия не оказывают; а во мне неужели и столько разума нет, как в них, чтоб без досады и с терпением перенести то, что мне Бог и мой великий Господь повелевает, и неужели я глупее их и не смогу рассудить, что роптание и негодование мое Ему крайне противно и негодно будет?» И так далее.

8.

Рассматривай, не такое ли это зло и несчастье, которое легко истреблено, или отвращено быть может, например: не такое ли, которого отвращение собственно от тебя и от твоего произволения зависит, или не такое ли, которое употреблением каких-нибудь средств без дальних трудов исправить, уменьшить, или совсем отворать можно? И так далее. И если увидишь, что оно такое, то скажи ты сам себе: «Что ж я медлю и по пустому время на жалобы и гореванье трачу? Не тоже ли я буду, как такой человек на войне, который бы сильным неприятелем был атакован, и многие способы имел от него укрыться, или ретироваться куда-нибудь в лучшее и безопаснейшее место, но того не делает, а потеряв время на бесполезные жалобы и горевания, попадает в полон и терпит несчастье? Или не такой ли караульный, который бы мог от трудных и тяжелых часов избавиться, имев деньги, которыми ему другого вместо себя нанять и послать можно, но того не делает». И так далее.

9.

Смотри, не такое ли твое зло и несчастье, которое имеет в себе еще много приятного и хорошего, на пример: не такое ли, которым ты хотя с одной стороны каких-нибудь выгод и увеселений лишился, но с другой получишь многие иные и ими можешь пользоваться. Таких случаев бывает очень много, и мы видим примеры, что многие люди тем были после чрезвычайно довольны и благодарили за то Бога, что прежде почитали себе великим несчастьем и не могли

утешиться. И для того рассматривай прилежно все то, что хорошего полезного и приятного может быть сопряжено быть с твоим несчастьем. И утешайся тем заблаговременно, представляя оные себе в мыслях и стараясь как можно более сии выгоды увеличивать.

10.

Рассматривай прилежно, не такого ли чего-нибудь еще, то зло и несчастье тебя лишило, что в самом деле не твое собственное было, но кому-нибудь другому принадлежало, а ты сам себе только в голову взял, что это твое собственное былою правило сие великого примечания достойно и утешение, происходящее от него принадлежит к наиважнейшим утешениям; почему оное в особенности и уважать надобно. Ибо не смешно ль бы было, есть ли б раб стал досадовать и печалиться о том, что у него господин ливрею его взял и дал ему худшую, когда она никогда ему не принадлежала, а была господская? Или не глупо ль бы поступил барабанщик на войне, когда б от того с ума сходить стал, что в барабан его ядром попало и его испортило? Однако, не должно думать, чтоб подобного сему с нами часто не случалось. Я осмелюсь утвердить, что большая часть несчастий наших такого рода, что при оных, исполняя сие правило в точности, великое утешение себе находить можно: дело только в том состоит, чтоб мы потоньше мыслили и не одно только смотрели, что у нас перед глазами, или как мы мыслить привыкли, но мысли свои немного по далее и повыше простирали. Тогда увидим мы скоро, что много таких чужих вещей есть, которых о потере мы с ума сходим, и не лучше того воина поступаем, которой бы в осел⁶⁷ стал от того метаться, для чего та квартира сгорела, на которую он поставлен был. Ибо, ежели в тонкость рассудить, то большая часть имений наших не такого ли рода? Не имеем ли много такого, чего сами никогда не приобретали и что по особливому и от нас ни мало не зависящему случаю нам досталось или, так сказать, на время только на управление дано? Все наши наследственные имения, которые мы от отцов и сродников получили, не такого ли рода? Принадлежали ль они нам прежде рождения нашего, и почему ж бы они тотчас уже наши сделались, как скоро мы родились, когда и к рождению своему мы нимало способствовали

и ни мало не способствовали и ни мало то от нас не зависело, чтоб родиться нам точно от сих, а не от других родителей? Следовательно, не имеем мы и дальнего права называть его точно собственным, и право наше не далее на них простирается, как солдата; поелику он квартиру может называть своею собственною и в том с другими спорить. Не Бог ли настоящий Хозяин всему нашему имению, а мы не приказчики ль и не управители ль только его, которым он за благо рассудил оное в управлении и до тех пор только верить покуда ему угодно? Скажите же теперь, имеет ли право приказчик досадовать и печалиться о том, когда господину его вздумается ту деревню продать, или кому-нибудь иному отдать, над которою он имел только управительство? Ежели далее сею стезею пойдем и на все вещи с сей стороны и в тонкость посмотрим, то найдем, что не только наследственные имения, но и все, что имеем, да и сама нынешняя жизнь, как не от нас зависящая и не в нашей совершенной власти состоящая, не наша а есть всему побольше нас хозяин, которой к распоряжению, перемене, отнятию, и окончанию оной тогда, когда ему за благо рассудится, побольше нас иметь права. Нам же собственно принадлежат одни толь ко добродетели и порок, как такие вещи, которые от произвола нашего зависят и нашими собственностями почестся могут. И о пороках ли тужить и горевать когда мы их каким-нибудь случаем лишимся; но не лишение ли добродетели есть одно и то, что прямо нашим злом и того достойным почестся может, чтоб нам о том тужить и горевать? Вот источник, из которого всякому и всегда наилучшие и скорейшие утешения почерпать и ими печали свои уменьшать можно.

Сии суть наиглавнейшие правила в рассуждении возразительных утешений, могущие всякому довольно уже показать, каким образом ему далее несчастья и печали свои рассматривать и сим рассмотрением пользоваться можно: теперь пойдем далее.

Общие правила в рассуждении возбудительных утешений

В рассуждении сего рода утешений, как выше упомянуто, вся важность состоит в возбуждении и увеличивании одного или многих каких-нибудь добрых желаний, которые б могли печали нашей

быть предполагаемы, и чрез то сила и жестокость ее одолеваема, а дух в прежнее спокойство приводим быть. Каким образом можно нам желания наши возбуждать, о том твержено выше сего уже довольно много, и читателю не можно уже быть безизвесным, что сие производится, чрез посредство мыслей. И для того, не входя в самую подробность, нужно мне дать к тому некоторое хотя краткое руководство, или показать какого рода при несчастных случаях должны быть способные к уменьшению жестокости печалей и к возбуждению некоторых надобных желаний мысли. И я надеюсь, что последующие правила в состоянии будут к тому показать след моим читателям.

11.

В случае совершившихся несчастий помышляй живо о неизбежности и неотвратимости того зла, или несчастья, и сколь непристойно нам малодушествуя хотеть, чтоб невозможное сделалось возможным. Когда несчастье уже неотвратимо, когда оно уже сделалось, когда ломоть от хлеба отрезан, вода пролита, порох вспыхнул, и слово из уст наших вылетело: то, скажите, пожалуйста, что уже нам делать? Не глупость ли будет, когда хотеть обух плетью перебить, камень плавать заставить, от реки требовать, чтоб она вверх потекла, вода б не мокра была, огонь не светел и не горяч, а свинец чтоб не тяжел был? Но ребячиться ли поистине мы будем, когда сего требовать или усиленно того добиваться предпринимать станем?

Сим образом должно тогда думать, когда несчастье невозвратимо, и как можно более выдумывать и находить таких невозможных примеров, дабы тем как можно живее изобразить нестройность и глупость нашего требования и хотения; ибо, чем живее станем мы стараться в мыслях сами себя осмеивать и одурачивать, тем более увеличится в душе нашей природное наше отвращение от всякой дурноты и нашего несовершенства, равно как возрастет главное стремление к нашему совершенству и побудит нас делаться умнее, а чрез самое то уменьшит жестокость нашей печали. И для того не только выдумывай все такие нескладицы, но сам себе смейся, поднимай на смех, передразнивай, брани, называй язвительными

именами; а ежели еще к тому одну полезную хитрость присовокупить хочешь, то выйди мыслями на минуту сам из себя и посмотри со стороны на тогдашние свои дела и старания; или вообрази себе, что ты видишь пред собою другого какого человека, делающего которую-нибудь из помянутых нескладниц, например: приставляющего отрезанный ломоть к хлебу, старающегося подбирать пролитую воду на земле, секущего плетью обух, и так далее, и не только сие делающего, но грустящего и досадующего на то, для чего не по его делается: ломоть не пристает, обух все еще цел и так далее. Не рассмешил ли бы он тебя, есть ли б ты застал его в таком упражнении? Не рассмеялся б ли ты его глупости? Ежели всего того не довольно, то употреби, когда хочешь, еще одну хитрость: заставь при себе кого-нибудь делать подобную тому какую нескладницу, дабы ты видел, и этот бы пример ежечасно приводил тебе на память собственное твое дурачество, и тебя на разумнейшие мысли наставляя, побуждал к терпеливому сношению такого несчастья, которое уже совершилось и которое уничтожить и возвратить ты всеми своими жалобами, роптами, слезами и вздохами не можешь.

12.

Помышляй, что не с тобою одним в свете это сделалось, а бывает то и со многими другими. Нельзя довольно изобразить, как много помогают нам такие мысли в наших несчастьях, и коль способны к утешению нас в горестях и печалях. Чего ради надобно как возможно мысль сию делать в себе живее, и помышлять, сколь много на свете прежде было, ныне есть, и впредь будет таких людей, которые точно такое ж несчастье претерпевали, терпят и впредь претерпевать будут, и сколь много таких, которые все то с терпением сносили и далеко так не малодушествовали, как ты. Напоминай все известные и знакомые тебе примеры; думай, что и все прочие люди от таких же опасностей и несчастий не освобождены, но легко тому ж подвержены быть могут. Все такие мысли возбуждают в тебе нечувствительно многие нужные желания. Какие они, о том знать тебе нет нужды, а довольно, что они в состоянии будут не приметно уменьшить печаль твою и довести до того, что ты сам себе скажешь: «Куда это я забрел? Не такой же ли я человек, как

они, и не тому же ли всему подвержен? Но что я за выдачка⁶⁸, что за зверь, и что за птица особливая, что хочу, чтоб того только со мною одним никогда не было? Разве прочие люди не такие ж, как я? Разве все они меня хуже и из глины, а не из земли сделаны? Нет ли напротив того таких, которые в тысячу раз и получше, и познатнее, и почестнее меня, но совсем тем не освобождены ж точно от таких же несчастий, но часто самое то ж и над ними бывает? И мне ли одному так горду, так вымысленну, так глупу и нерассудительну быть, чтоб не хотеть претерпеть никакого зла в такую жизнь, которая тем наполнена? Смешной поистине я солдат, когда хочу быть на баталии, и на оной по необходимости случиться, но хочу, чтоб никакая пуля в меня не попадала и не ранила, а чтоб только другие тому подвержены были. Но чем я их лучше, и кто мне такое право дал, чтоб требовать пред ними преимущества?» И так далее.

13.

Утешайся тем, что с тобою еще хуже того не сделалось. Говори: «Вот пуля в меня попала и руку у меня ранила, но слава Богу, что она попала в руку, а к тому ж на излет. Но, ну когда б она мимо руки да в ногу меня трафила, не принужден ли б я упасть, и тогда не мог ли б растоптан быть лошадьми, или взять в полон, или убит от неприятеля? Теперь, слава Богу, я еще жив и отделался от теперешней баталии со сносною ранюю. И нахожусь еще спокоен в лагере. Что мне мешает веселиться вместе с прочими о полученной победе?.. Истинно должен я благодарить Бога, что так, а не иначе еще сделалось. Ну, когда б пуля эта не в руку и не в ногу, а куда-нибудь подальше залетела! Ну, когда б в грудь, когда б в живот или в самое сердце, или в голову трафила! Чтоб со мною тогда было?.. Сию рану можно еще, слава Богу, залечить; но, ну когда б ухо, когда б нос у меня отстрелила сия пуля. Ну, когда б зубы выбила или в глаза с боку пришлось: куда бы я годился? Не на век ли калекою пошел?.. Но ах! Сколь легко могло сие со мною учиниться! Требовалось и не доставало очень немногого: пуль стоило бы только немного либо вверх, либо налево податься, как бы то уже совершилось со мною. Благодарю Бога, что тот, кто выстрелил, не так ружье держал: ну, есть ли б немного в иную сторону и не нарочно наклонил, чтоб со мною

тогда было?.. но что я говорю? Ну, когда б в меня не пуля, но пушечная картечь попала; ну когда б пушечное ядро вместо этой пульки тут летело и меня бы зацепило: где б я уже был? В состоянии ль бы я был таким образом растабарывать⁶⁹, как теперь говорю?.. Да велика милость Господня, что еще того со мною не сделалось; а сколь легко могло сие учиниться! Не видел ли я сам, в сколь многих они попадали? Не вижу ли теперь целое поле укрыто мертвыми телами? Не вижу ли без рук и без ног ползающих стнящих? Не вижу ли самых командиров моих, самых Генералов, самых знатнейших особ, такое ж бедствие претерпевших? Не вижу ли иного без руки, иного без ноги, а иного в числе побитых? Но когда пули и ядра командиров не разбирают, так что уже мне маленькому человеку говорить, и не стыд ли с таким малодушием такую малую и сносную рану, какую я имею?»...

Сим образом, рассуждая и несчастья и печали сравнивая с пулями и ядрами, легко можно себя побудить к терпеливейшему сношению своей печали. Все искусство только в том состоит, чтоб не обращать мысленные свои очи на тех, которые остались целы и от того освободились, но на тех, которые претерпели еще чувствительнейшие несчастья.

Воображай себе все разные и великие несчастья, бывающие в жизни над человеком. Помышляй, сколь много несчастливейших и таких людей было и теперь есть на свете, которые с неописанною радостью готовы б были переменить свое состояние на твое тогдашнее и охотно бы хотели быть на твоём месте. Берегись помышлять, что они того достойнее и несчастья свои сами заслужили: ты поистине ничем их не лучше; а ежели в тонкость наши поступки против Бога разобрать, то может быть ты еще в тысячу раз многих хуже и виновнее, и должен будет признаться, что великая милость Господня, что ты не так еще наказан, как много винами своими заслужил. Сравни себя, наконец, с такими провинившимися и множество проступков наделавшим и великую причину большого наказания ожидать имевшим рабом, которой получением легкого и сносного наказания за то от господина отделался: с какою радостью выходит он тогда от господина! Последуй же его примеру, и не употребляй во зло сию Господина твоего милость.

14.

Помышляй, о тщетности всей твоей горести и печали, и что ты тем себе ничего не поможешь. Солдат сколько б не печалился, ни досадовал, ни плакал, ни вздыхал о том, что его ранили, однако всею своею досадою истинно ни на волос себе не поможет; а надобно ему что-нибудь иное делать, буде хочет чтоб зло сие меньше ему чувствовать: равно так и мы всеми слезами, вздохами печалью и тоскою своею ни на синь порох помочь себе не в состоянии. Когда ж так, то на что ж нам в такую пустоту углубляться и тщетно о том тужить, чего переменить не можем, но паче не смеемся ли мы и прочим, когда увидим, что они какую-нибудь пустоту и совсем пустое дело делают? На что ж хотим мы подражать им в таком непохвальном деле и произвольно впадает в такой самими нами осуждаемый поступок? Когда мы в прочих случаях все поступки и дела свои благоразумно учреждать обыкновение имеем, то не уже ли этот один пункт, в котором мы глаза свои зажать и явную бесполезность дела видеть не хотим? Не уже ли в нас столько разума нет, чтоб ее усмотреть, и столько силы, чтоб себя преодолеть и от такого неблагоприятия освободиться не могли? Малые ли мы дети, и им ли подражая, хотим о всякой безделице плакать и рыдать?

15.

Помышляй, сколь вредно для тебя тщетное твое малодушие, и сколь полезно напротив того могло б быть мужественное несчастье твоего сношения. Смотри с сей стороны на себя, напоминай не только все то, что и выше о сем пункте при многих случаях говорил, но и все то, что тебе в жизнь твою о том слышать, самому видеть, или читать случалось. Воображай себе, на пример, какое множество людей от неумеренной печали, и нехотя себе в сем случае сделать для преодоления оной никакого насилия, в множайшие беды, напасти и несчастья впали. Сколько от печали здоровья потеряли, сколько в ипохондрию, параличи, водяные и другие тяжкие болезни впали, и самую смерть, может быть еще далеко от них отстоящую, насильно ближе к себе притянули!.. Сколько головную боль на весь свой век нажили, сколько глаз потеряли, сколько грудью немощны сделались, и сколько иных таких долговременных припадков полу-

чили! Далее сколько таких людей на свете было, которые нехотя перенести маленького и бездельного иногда досаждающего им противного приключения, но дав волю своим пристрастиям, от того в бесчисленные многие несчастья, беды и напасти пришли и гораздо к чувствительнейшим печалям повод подали! Ежели все наши несчастья в тонкость разобрать и до самого первого их источника исследовать, то найдется, что большая часть оных в самом начале своем от самой безделицы и от нехотения нами малой какой обиды, или противного приключения перенести произошла, и весь последующий потом великий и ужасный пожар ни от чего иного, как от малой и такой искры сделался, которую мы не приметив не погасили в самом ее начале и тогда, когда нам погасить ее ничего еще не стоило. И так, сколь нужно нам ловить сначала сию искру и не допускать ее до разгорания! Не велит ли все сие нам употреблять в сем случае возможнейшую предосторожность. Не думай, чтоб одни только большие печали и несчастья такие вредные следствия приносили. Никак, и самые малейшие прискорбности оставляют печальные следы в нашем сердце и теле, и могут почтены быть иногда опасными искрами, производящими потом болезни. Вообразив все сие как можно живее и довольно о всем вышеупомянутом помыслив, ступай далее и воображай себе, как это похвально, как разумно и как славно, чтоб быть в несчастьях терпеливу и сносить оные великодушно! Напомни, сколь много прославился тем Сократ, сколь много Эпиктет, и другие в древние и новые времена разумные люди! Не приобрели ль они тем бессмертную себе и истинную славу? Не служат ли и поныне нам несравненными примерами и доказательства, что человеку несчастья свои терпеливо сносить можно? Но когда язычники до сего совершенства достигнуть были в состоянии. То неужели не можно нам то сделать, когда мы христиане и бесчисленные пред ними имеем в том выгоды и способнейшие к тому средства? Одним словом, ты сам себя спроси: похулить ли тебя хотя один разумный человек за то, что ты великодушно свои несчастья сносить будешь? Не одни ли глупцы тебя в том критиковать будут? Но есть ли резон тебе в угождение им самого себя глупцом делать, и для смешного угождения им делать противное своей истинной пользе, а что важнее всего досаждать тем тому, у кого

в руках и жизнь, и все счастье и несчастье наше? Разберите теперь и войдите сами в себя: вы увидите, что я правду говорю, и что нам тысяча причин есть сносить несчастья свои терпеливо, и стараться всегдашним состоянием своим быть довольным. Когда ж так, то за-чем дело стало? Не за одним ли только приемом и началом?

16.

Напоминай, что тебе самой долг велит несчастья свои сносить терпеливо и во время их не малодушествовать. О сем пункте не для чего мне говорить: слишком довольно упоминал я впереди; и так скажу только немного о сем, а именно, что нам и то великим утешением служить может, когда вообразим себе, что нам печали и прискорбия свои не простирать вдаль сама натура, сложение нашего тела, самой наш разум, самая польза и самой истинной интерес, самое наше благополучие, и наконец, и что всего важнее и всего более уважаемо быть должно, сам Бог, сам великий наш Производитель именно повелевает и обязует должностью. О всех первых довольно можно усмотреть из всего предследующего; а что касается до Бога, то кому неизвестно, какие точные, сколь частые и какие подтвердительные повеления находим мы о том в Священном Писании? Сколь строго запрещается нам излишнее малодушие и коlikою добродетелью изображается терпение! Но скажите, государи мои, в век ли нам почитать все сии повеления и запрещения безделицами, в век ли нам играть и шутить ими, как детскими игрушками, в век ли нам быть малыми детьми и играть горячими угольками и обжигаться?... Будет ли когда-нибудь этому конец? Или же нет способа нам никогда опаматоваться? Или уже мы вправду так все ослабели, что ни к чему не годимся, и столько уже силы не имеем, чтоб и разум свой принудить помыслить о том несколько, что для нас прямо вредно и что полезно, и порассмотреть, не обманывает ли нас в сем случае кичливое наше сердце и заблуждающее воображение? Ах! Мы скоро бы то нашли и узнали, что мы сами себя клепем⁷⁰ небылицей и далеко еще сильнее нежели думаем, а не хотим только быть сильными... Подумай, любезный читатель, можешь ли ты судить о том, силен ли ты, или не силен, и сколько пуд можешь поднять, когда во весь свой век не случалось тебе отве-

дывать поднимать более двух, или трех футов; отведайте, так может быть другое окажется, и вы сами своей силе удивитесь.

17.

Старайтесь напоминать все то, что та вещь, лишение которой тебя в печаль приводит, имела в себе худое и тебе неприятное. Наблюдение сего правила может почестся особливою хитростью и искусством, которым можно нам по нужде пользоваться в случае тяжких наших печалей; однако оно сопряжено должно быть с тем условием, чтоб наблюдение оно не далее простиралось, как до ложных благ, которых лишившись, мы в жестокую печаль приходим. В существительных же злах может оно разве только при начале наших утешений вместе с прочими употребляемо быть, а после того будет не надобно и излишнее. Сия хитрость состоит в том, чтоб нам на ту вещь смотреть с худой ее, а не с хорошей стороны и напоминать неприятности и противности ее, например: Терентий домогался б какого-нибудь чина, но не получил; Антип же лишен был бы чина, в котором до того находился, и оба бы они от того в неудовольствии находились. И так обоим им не надобно отнюдь воображать себе те выгоды и пользы, с какими те чины сопряжены, но напротив того воображать и напоминать и сколько можно увеличивать все то, что бывает обыкновенно с тем чином трудного, худого и неприятного сопряжено. Второму же напоминать все то худое, какое он от того действительно претерпел, и говорить, например, таким образом: «Вот то и то было в нем худое, вот то да то навело мне часто беспокойство и досаду, сие да сие было мне много раз слишком несносно!» и так далее. Польза от того произойдет та, что чрез сие нечувствительно в мыслях наших умалится цена оным лишенным вещам и уменьшит на тот час наше об них сожаление. Что сие справедливо и что способ сей к уменьшению жестокостей наших печалей чрезвычайно действителен, о том читателей уверять за излишнее почитаю; потому что они мне может быть не поверят, хотя бы я стал подтверждать то собственными своими опытами; а лучше да соблаговолят они сами искутиться в том собственными опытами, и тогда не сомневаюсь я, что они справедливость сего сами подтвердят и с удовольствием признаются, что всякая такая

мысль в один миг низлагает печаль нашу и облегчает нам неведомо как ее бремя.

18.

В случаях, когда несчастье или противной случай от устройства и течения природы произошел, упрекай себя сущим неблагоразумием твоей о том печали. Ибо, как многие наши печали проистекают от сего рода несчастий, то, между прочим, ничто так сильно оные уменьшить не может, как живое воображение всей той глупости и неблагоразумия, в какое мы тогда, досадуя на те приключения, ввергаем. Вы сами рассудите, может ли что глупее того быть, как тужить и досадовать, на пример на то, что град поле выбил, громовой удар в дом попал, или какую скотину убил, или что погода стоит не такая как нам надобна, и прочее многое тому подобное? На кого мы в сем случае жалуемся и чего требуем? Смешного поистине, а именно того, для чего натура такое течение имеет, какое ей велено; для чего часы идут, когда они заведены и исправны; для чего вода не вверх, а вниз течет; для чего она имеет свойство от холода замерзать, а от теплоты лед таять; для чего часы тогда бьют, когда час дойдет, а не прежде; для чего капелька воды во время дождя, или градинка во время града туда упадет, куда ей по порядку упасть должноствовало и было способнее, а не туда куда бы на пример нам хотелось и так далее...

Но, государи мои, когда вы таковы своенравны, так укажите им, куда падать и как лучше им действовать; переделайте сии часы по своему вкусу и рассудку, буде вы можете, и сделайте в них получше устройство, когда у вас столько искусства есть. Буде же не можете, буде ж не в состоянии и одной пылинки сделать, то молчите ж ради Бога, схоронитесь со своими затеями, критиками и мудрованиями; вы истинно тем не только ничего переменить не можете, но приводите себя в посмеяние всей твари. Каждая бы травинка, каждая бы песчинка стала вас на смех поднимать, есть ли б говорить умела. Не лучше ль бы было, когда б вы не будучи в состоянии не только сами лучше учредить, но и в сделанное учреждение проникнуть, охотно все то принимали, и целовали б ту руку, которая на вас чрез посредство оного насылает столь очевидно свои наказания?

19.

Помышляй, что несчастье твое произошло по воле или по попущению Божескому. Нельзя довольно изобразить, сколь великую пользу может нам приносить наблюдение сего правила, а особливо когда в самой своей точности будет наблюдаемо, а не так как мы оное наблюдать обыкновение имеем; ибо есть ли прямо разобрать, то выйдет, наконец то, что все наблюдение оного у нас в одном только прочитывании, или только в пустых словах состоит, с которыми никаких мыслей мы не сопрягаем от самого чего и не получаем той пользы, какую оно принести нам в состоянии. Не слова одни пустые к тому надобны, но требуются мысли, и мысли сколько можно живейшие. Тут надобно не другим это сказывать и твердить, что божеская на то была воля, божеское соизволение? Но надобно бесспорно во внутренности сердца своего в том и удостоверенным быть, что это не иначе, как по воле божеской произошло; и потому следующим, на пример, образом с самим собою говорить: «Когда я в том удостоверен, что все по воле, либо по попущению божескому делается, и когда я не сомневаюсь в том, что и один волос с головы моей без Его воли пропасть не может; когда мне сие не только вся натура кричит, но и сам Бог сказывает и обмануть меня в сем случае не может: так не должен ли я заключить, что и сие мое несчастье по его воле со мною приключилось? Когда же это так и бесспорно, так что же это я делаю? Не погрешаю ли я тем, что грущу, плачу, досадную, рвусь и жалобы творю?.. Что это иное значит, как не то, что я изъясняю неудовольствие и досаду на то, для чего это так сделалось и для чего не учинилось по-моему ты меня не обманешь; поговорим еще более...»

Сим и подобным сему образом должно нам говорить самим с собою во время наших печалей и несчастий; а к вящему приведению себя в чувство и для нагнания на себя полезного ужаса должно то и дело воображать себе Божеское вездесущие. Нельзя довольно изобразить в какой трепет и сколь скоро на другие мысли прийти мы можем, когда живо вообразим себе близкое присутствие того великого Существа, того Бога с которым мы вышеупомянутым образом судимся, и которого жалобами своими несправедливостью обвиняем. Не успеваем мы себя твердо и живо уверить, что он под-

ле нас и слова наши слышит, и не только нас, но и помышления наши видит, как ужас проникнет во все кости наши, а сердце придет в содрогание. И тогда верно уже мы другое заговорим и скоро признаемся, что судишься с ним с лица на лице нам, таким пылинкам, и ничтожностям очень дурновато; но паче скоро дойдет до того, что мы упадем к Его стопам и будем просить помилования.

20.

Наконец, возлагай печаль твою на Господа, и уверяй себя живейшим образом, что он тебя не оставит. Какие выгоды для нас имеет упование на Бога, о том я впереди пространно упоминал; а теперь только то скажу, что это лекарство должно быть и первое и последнее; с него должны мы начинать и им всегда оканчивать, и поистине можно сказать, что это наидрагоценнейший бальзам для всех ран нашей души и ее прискорбий. Надежда на всемогущую помощь нашего Бога, упование на него, как на Отца, и Отца такого, которой нас любить, ищет нашей истинной пользы, отводить нас от всяких заблуждений, старается возвести на истинной путь, желает нашей пагубы, не наказывает нас инако, как по необходимости и для нашей же пользы, и не более, сколько мы снести можем, и далеко не столь много, сколько мы того достойны, и наконец такого Отца, которой одним своим словом нас из глубины пропасти и со дна морского вынуть и опять на берег посадить и бесчисленными милостями нас осыпать может, и не только может, но и верно то сделать захочет и сделает, когда-то нам полезно и мы того достойны будем; надежда, говорю, на такого Бога в состоянии уже утешить нас и во время наихудших печалей...

Однако, признаться надобно, что сему много преследовать надобно. Сей бальзам действует только тогда в полной своей силе, когда рана наша уже довольно очищена и вся лишняя гниль, сукровица и гной чрез наблюдение предследующих правил из нее вынута будет. Тогда-то можем мы уже вливать в нее сие целительное лекарство и ожидать скорого и верного исцеления! А без того хотя и может оно действовать, однако не таково сильно и хорошо, и рана может подвержена быть все еще опасности опять разболеться. Кроме сего сопряжено с сим бальзамом еще и другое обстоятельство:

ему надобно быть чистому и ничем иным не подмешанному; ибо всякая примесь может уже много отнимать у него силы и сделать его не столь действительным. Я разумею под сим, что упованию нашему надобно быть чистому и совершенному, и что нам надобно печаль свою совершенно и без всякого изъятия возвергнуть на Господа, то есть препоручить Его деснице, и твердо о том уверенным быть, что Он нас не оставит и учинит все надобное и возможное. Одним словом, чтоб мы твердо и бессомненно в том Ему поверили, когда Он нам говорит: *призови мя в день скорби твоя, и изму тя, и прославиши мя*⁷¹. О сколь утешителен для нас с сей стороны закон Бога нашего! И какого сокровища лишаются те, которые Ему либо не верят, либо не стараются следовать Его предписаниям! Какого сокровища, говорю, лишаетесь вы, ненавистники добродетельной жизни и обожающие только пороки! Хотя не мой долг приводить места из Священного Писания, однако не могу, чтоб не привести сюда следующих за вышеупомянутыми столь утешительными для добродетельных словами; ибо, когда не слова слабого человека, так может быть слова, сказанные некогда самим Производителем нашим, убедят некоторых придти самих в себя и получше о своей пользе подумать и опомниться. Послушайте вы, исповедующие закон одними только устами своими, что и вам сам Творец ваш тотчас после вышеупомянутых утешительных слов говорит: *грешнику же рече Бог: вскую ты поведаеши оправдания моя, и восприемлещи завет мой усты твоими; ты же возненавидел еси наказание, и отверг еси слова моя вспять. Аще видел еси татя, текл еси с ним, и с прелюбодеем участие твое полагал еси. Уста твоя уможиша злобу, и язык твой сплетае лъщение. Седя на брата твоего клеветал еси, и на сына матери твоя полагал еси соблазн. Сия сотворил еси; (аз) умолчах: вознепщевал еси беззаконне, яко буду тебе подобен. Обличу тя и представлю пред лицем твоим грехи твоя. Разумейте убо сия забывающие Бога, да некогда похитить и не будет избавляй. Жертва хвалы прославить мя и тамо путь, им же явлю спасение мое*⁷² (*).

(*) Я сожалею, что сии столь великого уважения достойные слова, по привычке нашей слышать их почти ежедневно в читаемых Псалмах,

Вот все, любезной читатель, что мог я на сей случай сказать вам о правилах, которые должно нам наблюдать при снискивании себе утешений. Правда мне можно бы еще к числу сих присовокупить несколько других, но мне казалось, что и сих будет довольно. Можно и сими уже пользоваться при всяких родах случающихся нам несчастий и бываемых от того горестей, печалей и неудовольствий. И довольно, когда и сии за благо рассудится кому затвердить в память, и ими, равно как лекарствами, запастись для нечаянных случаев. Впрочем сие полагает вкупе предел и всему рассуждению моему о средствах к уменьшению прискорбностей, а вместе с тем почти и всей книги; ибо, мне осталось теперь присовокупить только ко всему предследующему последнее рассуждение о должностях, которыми обязаны мы в рассуждении веселий и неудовольствий наших, и тем окончить сие сочинение.

РАССУЖДЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

О предосторожностях при искании благополучия,
и других нужных вещах

И так, сказал я теперь вам, дорогой читатель, все, что был намерен. Вы видели и узнали, в чем состоит истинное благополучие; могли сами заключить, до какого градуса нам в рассуждении оно-го достигнуть можно, и видели все средства, которыми его приобретать удобнее. Одним словом, теперь то кушанье, о котором я в предисловии моем упомянул, совсем уже и готово и пред вас поставлено и вы не только его отведали и можете о сладости, или

так сделались нам обыкновенны, что мы их ни малым вниманием не удостоиваем, но пуская мимо ушей, всего меньше уважаем. Я говорю сие для того, что может быть и ты, любезный читатель, зная их понаслышке наизусть, пробег их и здесь скороговором и только сказал: да! Это знаю: это из Псалтыри... Остановитесь, государь мой, прочтите их еще раз со вниманием и приметьте как всю связь оных, так и значение каждого слова по одиночке. Бог говорил и что слова Его не уважать дурно, не отделяйтесь одним только тем, чтоб сказать: ах!... а более ничего (*Прим. А. Т. Болотова*).

противности, также о совершенствах или несовершенствах оного судить, как вам угодно, но можете уже усмотреть и все те специи, из каких оно составлено, и потому о искусстве того доктора заключить, которого предписания полагал я приуготовлению оного основанием.

Ежели вы, дорогой читатель, сами ученый врач, то есть философ, и нашли в сем кушанье такие специи, которые вам незнакомы, и с первого взгляда вам сомнительны и с правилами вашего искусства несогласными показались; или лучше сказать, нашли в сей книге многое с мнением и философическими вашими правилами не согласующееся: то пожалуйста, освободите меня от дальних взысканий и требований в том отчета. Вы легко можете заключить, что самые правила, которые я предлагал, не дозволят мне входить с вами в философические споры и терпеть все происходящее от того следствия. Спокойствие мое мне дороже, нежели, чтоб согласился я подавать сам к нарушению оного дальние поводы; и потому в сем случае не гораздо меня раззадорить можете. А если есть у вас охота в том любомудрствовать, то обратитесь к самому источнику, то есть к тому доктору или философу, которого систем я во всем сочинении сем следовал; он может быть еще жив, и может вам желаемой отчет дать, для чего он особливою, а не такую методю лечит, какую вы за лучшую почитать издавна уже привыкли. А хотя б уже и в числе мертвых находился, так остался он не без наследников и таких учеников, которые мнение учителя своего довольно защитить и на все ваши возражения по желанию вашему отвечать могут. Слава приобретенная им в свете, и основательность системы в состоянии была многих лишить прежних их предрассудков, и протереть мысленные из очи для сделания их способными усматривать недостатки прежних систем, и охотными к подражанию сей новой и, по мнению их с истинною более согласующейся, или, по крайней мере, не столь великий вред в свете причинить могущей как прежние. Если ж вам то неудобно, и вы в такую даль пуститься не захотите, то прочтите наперед всю его систему, вникните во всю связь и глубину оной, прочтите все деланные ей возражения и на них ответы, и тогда уже о сем моем сочинении рассуждайте. Я уверен, что вы тогда не таковы жестоки

будете; и если бы беспристрастно все рассмотрите, то сами другие мысли может быть получите. А по сему сочинению можно ли вам что заключать? Я не писал в нем всю цепь философической системы, а только пользовался одним звеном оной, да и то без всякой философических доказательств; потому что я писал не для философов, а для простых и не так много ученых людей, и имел предметом себе одно нравоучение. Буде ж хотите, чтоб я вам всю оную систему изъяснил, то признаюсь, что я не так в сей философии силен, чтоб мог желание ваше совершенно удовлетворить; а довольствовался тем, что мне основания оной по случаю сделались несколько известны и меня освободили от многих предрассудков, которыми я, следуя наперед иным системам, заражен был, и от того существенно и многие другие практические получил себе пользы. Все сие не допустит меня входить с вами в дальние ученые хлопоты, и вы тщетно предпримете дело, когда к тому меня побуждать станете. Я оставляю вас с покоем любомудрствовать по желанию, и буду утешаться тем уверением моей совести, что у меня ничего худого на уме не было, а предпринял все сие дело для одной только пользы любезных моих сочеловеков.

Но сего для вас будет довольно... Извините меня вы, прочие дорогие читатели, которым говоренное мною теперь не очень понятно, что я вас затруднил такую неприятною бестолковицею. Это дело не до вас, а до господ ученых касается; вы же всего того не ведаете, да и ведать вам никакой дальней нужды нет, какие происхождения идут и бывают в ученом свете. Что ж касается до вас, то вы смотрите только на пользу и не скоро верьте тем, которые вздумали б, на пример, вас уверять, что в сей книге не наблюдаемы были правила философические во всем их пространстве, и говорено все вздорное и с оным несогласное, и тем отвращать вас, чтоб вы кушанья сего не кушали и им не пользовались. Но будьте уверены, что это от того происходит, что таковым господам может быть совсем неизвестна та новая и славная философия, которая пред недавним временем в свете проявилась, и совсем не согласна с мнениями той, которая вошла в наше отечество; в самом же деле к истинной пользе человеческого рода служить. А что она дурна, или не дурна, то вы можете по тем следствиям заключить, какие от

обеих сих философий происходят. От прежней происходит то, что ежели человек, не удовольствуясь тем, что он от учителя слышит захочет сам далее мыслить и любомудрствовать, то очень легко может с пути сбиться и сделаться деистом или впасть в сомнение о христианском законе, которое несчастье в самом деле очень со многими случилось, и от того самого и видим столь многих противников христианского закона; также и ту пословицу слышим: что кто прямо философ, тот уже худой христианин. Напротив того последующий сей новой, хотя также, как и та ни мало до христианского закона не касающейся философии, не может быть подвержен такому бедствию, но чем более в оную вникать будет, тем вероятнее делается ему слово Божье, и тем более получит он побуждения почитать оное в надлежащей его святости, и чрез то, так сказать, необходимо должен будет сделаться христианином. Сие самое и меня в том оправдит, для чего я в иных местах моего сочинения не только ссылался, но и приводил некоторые слова из Священного Писания; ибо, мне рассудилось: для чего мне того не сделать, когда оное не противно учениям моей философии, но паче собою учениям оной великое подкрепление сделать может? Но полно о сем, а надобно мне с вами еще об одном дельце поговорить, и тем окончить мою книгу.

Кушанье пред вас поставлено, дорогие читатели, теперь зависит от вас, угодно ли вам будет оное кушать и им пользоваться или неужгодно. В последнем случае не останется мне с вами ничего более говорить. Что ж касается до первого, то есть когда оно вам полюбилось и вы захотите его кушать, то долг мой, как повара, велит вас предостеречь от одной погрешности, в которую вы очень легко впасть можете и на ухо вам шепнуть, чтоб вы кушали его порядочно, а не берибердою, и отвеदывали всех специй, из которых оно составлено, а не так чтоб есть только одни, а другие оставлять. Паче же всего не надобно вам слишком его обкушиваться, и самим от себя иных приправ не прибавлять. Я говорю сие для того, что может быть иные вещи вам слишком полюбятся: так боюсь, чтоб вы не вздумали сами от себя прибавлять в него каких-нибудь приправ и тем, по мнению своему, сделать для себя его вкуснейшим. Вы легко можете в том ошибиться, и либо слишком пересолить,

либо перекусить, и тем все дело испортить; ибо, тогда не только не получите себе никакой пользы, но паче вред себе причините.

Знаю, что вам сие непонятно, и для того надобно мне вам необходимо сию загадку истолковать. Вот что я чрез сие разумею. Вы напомниме, надеюсь, что я существо благополучия полагал в веселии, и разные степени оного сделал состоящими в разных количествах наших увеселений и неудовольствий, и выводил следствие, что тот человек будет тем благополучнее, чем более может он умножать свои увеселения, а уменьшать свои прискорбности и неудовольствия. Знаю, что многим сей пункт, к благополучию ведущий, покажется приятным, и найдутся такие, которые охотно захотят оному следовать. Но как на сем пути находятся многие по сторонам рвы, а на дороге камни, о которые всего скорее от поспешности и неосмотрительности можно споткнуться, упасть и зашибить либо руку, либо ногу, и камни сии не от меня, но от натуры уже положены, и сверх того легко статься может, что вы сами себе оные вперед на дорогу накидаете, то жаль мне будет, когда вы от неосторожности такому несчастью себя подвергнете; и потому долг велит мне вас предостеречь и вам сказать, чтоб вы, идучи сим путем не вверх, а под ноги смотрели, и рассматривали все хорошенько, оные камни и рвы обходили, или чрез них перепрыгивали и не гораздо б скоро по сей приятной дороге бежали, а не менее того и в другие побочные дороги и тропинки не заблуждались. Какие сие камни, рвы и побочные тропинки, сие не трудно вам усмотреть из всего моего сочинения, или так сказать, маршрута и ландкарты. Я нарочно старался их означивать. Но то моя беда, что многие люди сродны к легкомысленности и неосторожности, так я боюсь, чтоб кто-нибудь из вас, дорогие читатели, таким не был; и для того за нужное почел еще вам о том в кратких словах напомнить и вкупе сказать, как вам от них лучше остерегаться. Дело в том состоит, чтоб вы по вышеописанному общему описанию благополучия не заключали, что уже и всякие увеселения, какого бы они рода ни были, должныствовали бы уже быть частями вашего благополучия и служить оному поспешествованием, и чтоб вы из того не выводили такого следствия, что вам дозволено уже все то употреблять, чем только можете вы произвести себе увеселе-

ние, а убегать уже без разбора всего того, что вам неудовольствие причинить может. Нет, государи мои, это бы был слишком великий скачек, и такой скачек, от которого, с дозволением сказать, головку сломить можно. Таким советником не намерен я вам был никогда делаться, но напротив того во всем сочинении своем твердил, что между увеселениями есть великая разница, и что их разбирать и не всякого искать без разбора надобно, а только те, которые не мешают вам приобретать верховнейшее благо, или достигать конца, на который жизнь наша назначена. Для которой причины я и твердил, что я не веселие, а добродетель верховнейшим нашим благом, а веселие побочным только концом нашей жизни, или такую вещь почитаю, которая нам награждением за труд служить должна, и которою нам на пути, к главному концу ведущем, пользоваться позволено. Сие не надобно вам никогда позабывать, но паче помнить, что все нынешнее благополучие не иначе, как путем почестся может, которым бы нам доходить до настоящего и совершенного, или того, какое мы не иначе, как в будущей жизни получить можем. Самое сие и отразит от меня все упрекания, и зажмет рот тем, которые бы вздумали обвинять меня эпикуризмом, от чего я, как небо от земли, удален, и не только на уме не имею утверждать, чтоб роскоши составляли наше благополучие и были верховнейшим нашим благом, но паче их рушителями нашего благополучия и самыми теми камнями, рвами, трясынами, болотами и стремнинами почитаю, которыми путь, ведущий к благополучию, отчасти усыпан, отчасти сот всех сторон в близости окружен.

Для самого того и советую всякому читателю, чтоб ему их как огня, или моровой язвы бегать и от них остерегаться, буде ему мило его благополучие и он хочет им прямо пользоваться. Средств и кроме их тысяча есть, которыми можно умножить свои увеселения и отогнать скуку, грусть и неудовольствие. Что ж касается до них, то хотя они нам сладки и увеселительны, но в самом деле яд и мышьяк, облепленный сахаром; и вы, предпринимая умножить увеселения свои оными, то самое сделаете, чего я опасаясь, то есть, желая более кушанью моему придать сладости, насыплете в него сих ядовитых сахарных катышков, и тем, мне сделать лучше, делаете хуже и здоровье свое повредите. Но я ли тому уже виноват

буду? С моей стороны я вас предостерег, чтоб вы того не делали, и в вашей воле состояло тому не следовать.

Итак, буде хотите сохраниться от сей погрешности и прямую пользу получить от сего лекарственного кушанья, то кушайте его умеренно, то есть в искании своих увеселений и в удалении от неудовольствий следуйте воздержанности и наблюдайте во всех вещах умеренность. Помните, что всякая хорошая вещь делается худою, если употреблена будет выше меры. Соль какова ни полезна роду человеческому, но может служить ядом, если ее слишком неумеренно есть. И так кладите всякое увеселение наперед на вески, и смотрите, не перевешивает ли оно добродетель, то есть не противно ли оной. Ежели противно и с нею несогласно, то бросайте оное, как негодное: а равно так и всякое прискорбие наперед рассматривайте, не такое ли оно, которого убегать противно добродетели. И ежели такое, то не для чего вам оно и убегать, но к сношению одного себя приневоливать надобно; обоих же сих случаев весьма много быть с нами может.

Было бы слишком пространно, если бы хотеть вам в подробности о том сказывать и все те мелочи исчислять, в каких мы в сем случае погрешить можем. Чего ради, предав то на собственное благоразумие читателей, упомяну только о наиглавнейших и обыкновеннейших родах увеселений, в которых мы неумеренностью погрешить, и с пути сбившись, о какой-нибудь камень ногу зашибить, в ров зайти, в стремнину оскользнуться и стремглав упасть можем.

Из чувственных, или телесных увеселений, принадлежат к сему роду во-первых увеселения, происходящие от насыщения венерического стремительства, во вторых, увеселения, происходящие от удовольствования вкуса, и некоторые другие. Из мысленных же, или духовных, ни которые такого рассмотрения от нас не требуют, как увеселения, происходящие от удовольствования нашего честолюбия и корыстолюбия. Сии четыре рода увеселений могут почестся опаснейшими стремнинами, которыми окружен путь, ведущий к благополучию, и теми камнями, которыми он усыпан, от которых к спасению себя не можно употребить довольно предосторожностей. Или уподобить их можно четырем различным ядам, покрытым наисладчайшим сахаром, из которых один другого нам

опаснее и вредительнее, и разными своими наружными прелестями соблазнительнее. Что касается до неудовольствий, от которых убегание противно добродетели, то между прочими многими, о которых в пространстве упоминать не дозволяет место, можно наидостойнейшим примечания почесть то отвращение, которое многие имеют от всякого рода трудолюбия, и та чувствуемая тягость, которую мы в себе при предпринимании каких-нибудь добродетелью, или законом естества, или откровения нам предписываемых должностей и дел примечаем.

Нельзя довольно изобразить, сколь много осторожен должен быть человек в рассуждении всех оных пунктов, и коль многим рассмотрением должен удостаивать он все разные и частные увеселения и неприятности, происходящие из сих главных источников. Но было бы слишком пространно о всех сих в подробности упоминать и все те многоразличные должности исследовать, которыми обязаны мы в рассуждении оных. Чего ради, чтоб не наскучить читателю, упомяну я только вкратце, до каких собственно пределов должно искание оных простираемо быть, если не быть им противными добродетели и нашему истинному благополучию, оставляя впрочем, о подробнейших должностях осведомляться в других нравоучительных книгах.

Первый из помянутых родов увеселений должно нам не более умножать стараться, как поелику то без нарушения всех должностей исполняться может которыми мы концом нашей жизни, также законом естества и натуральным правом и, наконец законом откровенного слова Божия обязаны, то есть, чтоб совершалось тем только то, к чему в нас сие стремление собственно натурою вложено и назначено, то есть размножение нашего рода и облегчение сопряженных с супружеством и с воспитанием детей трудностей, отнюдь же бы не простиралось оное до того, чтоб оно могло быть вредно нашему здоровью, уничтожительно нашему благополучию, предобидно другим человекам, и наконец разрушительно тому порядку, устройству и связи того великого домостроительства, которое Бог в правлении всем миром и человеками отправляет. Яснейшее истолкование сего есть такой пункт, который неприятен может быть иным слуху; чего ради я более о сем не хочу говорить, но пре-

дав то на собственное и мысленное рассмотрение каждого, обращусь к другому.

Пределы искания второго рода, или происходящих от удовольствования нашего вкуса увеселений, суть следующие: во первых, чтоб чрез то не сделали мы вреда нашему телу и здоровью; во вторых, чтоб не затмевали они так сильно наш разум, чтоб он уже неспособен сделался к такому употреблению, какого непрерывное исполнение добродетели требует; в третьих, чтоб не упускали чрез то случаев к другим нужнейшим делам; в четвертых, чтоб не теряли на то более времени и нашего имения, как сколько можем то уточнить без предосуждения других должностей, которыми мы к другим людям обязаны, а особливо, чтоб чрез то не нарушались должности человеколюбия и благодетельства. От неумеренности в сих увеселениях проистекают известные пороки: прихотливость, объедение и пьянство.

Пределы искания третьего рода увеселений, то есть проистекающих от насыщения нашего честолюбия, состоят в том, чтоб мы, во первых, не иначе, как такой чести искали, которая бы была истинная и действительно нами заслуженная, а не ложная и несправедливая. Во вторых, чтоб мы оной не иначе, как законным и дозволенным образом искали и домогались. В третьих, чтоб искание сие не могло быть предосудительно нашему истинному благополучию, и неудовольствия и беспокойства, бываемые при том, не превышали бы количество искомых увеселений. В четвертых наконец, чтоб не служило то нам поводом к нарушению многих других и важнейших дел и должностей, а особливо той специальной добродетели, которая под именем кротости и смиренномудрия известна.

Пределы искания четвертого рода увеселений, или происходящих от удовольствования нашего корыстолюбия, состоят в следующем: во первых, чтоб искание вещественного нашего стяжания не занимало так наши мысли, чтоб не оставалось им времени помышлять о существительной нашей пользе и о истинных благах, то есть духовных сокровищах. Во вторых, чтоб искание сие не иначе было, как законное и дозволенное, отнюдь же бы не было предосудительно другим и важнейшим нашим должностям. В третьих, чтоб мы чрез то не делали сами себе препон в благополучии,

и не приуготавливали себе путь к бесчисленным неудовольствиям и прискорбиям, превышающим далеко количество искомых увеселений. В четвертых, чтоб не могло то сопряжено быть с великим предосуждением других человеков, и так далее.

Ежели спросите меня теперь, дорогой читатель, каким же образом можно бы нам от сих толь много сродных человекам слабостей себя предостерегать и отучать: то самое сие доказывает уже, что сие не принадлежит к собственному предмету сей книги, но до собственного практического нравоучения, которое во всем своем пространстве никоим образом сюда вмещено быть не может. Итак все, чем я могу сей достохвальный вопрос некоторым образом удовольствовать, состоит в напоминании вам, чтоб вы о сем смотрели то рассуждение, в котором говорил я о способах к истреблению нравственного зла, или к своему исправлению, которое я нарочно для того впервой части сей книги предпослал, что оно будет вам необходимо надобно. Ибо как неумеренное желание и искание помянутых увеселений ничто иное есть, как нравственное зло, то читатель может уже в нем найти генеральные правила, по которым ему в сем случае поступать и от того пользу иметь можно. Ежели ж, не смотря на то, пожелаете хотя краткого и малого к тому руководства, то следующим можете по нужде довольствоваться:

Когда желаете вы сохранять себя в надлежащих пределах в рассуждении первой известной и той страсти, которую именовать нет мне нужды, то наблюдайте следующее: во-первых, удаляйтесь сколько можно от тех предметов, которые в вас оную обыкновенно возбуждают; представляйте себе, что вы порох, а они зажигательные стекла, или что вы лед, а они солнце, и бегайте всех случаев попасть в центр соединения лучей стекла зажигательного. Во-вторых, удаляйте самые мысли, к тому вас возбуждающие, хватайте их в самом начале и гоните взашей вон, как скоро они в двери хранины разума вашего покажутся. Не льстите наружную их приятностью и истощаемыми к вам ласками; не верьте их словам; напомните, что они враги ваши и злейшие злодеи; одним словом, разбойники, просящиеся только обогреться; но как скоро пустите, свяжут вам и руки и ноги и поведут туда, куда вам не хотелось бы, и заставят, то делать, к чему впрочем, вы никогда бы не согласились. Держите

двери, сколько можете и запирайте их покрепче на крючок, приставляйте тотчас к ним других сторожей, то есть возбуждайте какие-нибудь другие мысли; начинайте что-нибудь делать, пойдите куда-нибудь, или вспоминайте какую-нибудь нужду. Одним словом, набивайте скорее голову другими и такими мыслями, какие в скорости найти можете. Или когда хотите вы скорее их отогнать, или употребить наиудобнейшее средство, то разбудите от сна и пустите на них льва, того момента их растерзать могущего, то есть возбудите скорее в себе мысль о вездесущии Божеском. Представьте себе как можно живее, что вы находитесь в присутствии с Богом, что он подле вас, вас видит, все слышит и знает внутренние ваши помышления, и что смотрит Он на то с превеликим гневом, и вам не только не велит сего делать, но грозит, буде вы не послушаете. Такая мысль может поистине почесться львом против всех наших негодных мыслей, и можно сказать, что и следов их не найдется, как скоро только он против них выпущен будет, или только проснется. Все сие повторяйте каждый раз, как скоро они к вам показываться будут, и не упускайте первого случая. В-третьих, выгоняйте предмет, возбуждающий в вас страсть, как можно из головы. Не думайте о его прелестностях, не исчисляйте оные и не входите мыслями отнюдь в такую подробность: все они такие же обманщики и ваши враги и неприятели; но паче смотрите на него с худой стороны, которую он не отменно иметь должен. Исчисляйте все его пороки, недостатки и худобы, какие он имеет; затверживайте их в память, не извиняйте ни одного, но паче увеличивайте сколько можно каждое, и становите их насупротив мыслей о прелестностях. Сколько будет их, столько будете вы иметь охранителей дверям и ваших помощников. В-четвертых, буде все сие не поможет, и вы, дверей не удержав, их впустите, то не вдруг поддавайтесь еще оным; карабкайтесь сколько можно, и не давайте им вязать себе руки и ноги, кричите, зовите на помощь к себе льва и обоих хозяев души вашей, то есть разум и произвол. Первый пускай советует и разбуждает прочих ваших помощников, равно как ободряет и укрепляет вышеупомянутых; а второй да помогает вам своею силою и силится выгнать их скорее опять вон, в чем он верно и успех иметь будет, если только вы захотите и ему сами не воспрепятствуете. В-пятых, если по сла-

бости оных и по допущении льва опять заснуть, и по вашему небрежению и упущению нужного первого времени негодные мысли вами овладеют, и связав руки, вас туда уже поведут, куда им хочется, а в самом деле куда не надобно: то еще не отчаивайтесь, но знайте, что помянутые хозяева ваши за вами всюду следуют, и вы можете помощью их пользоваться, когда их к тому призовете. Правда, они уже тогда не таковы сильны, однако если вы возмужаетесь, их кликнете и сами их от себя не оттолкнете, то могут еще вас из рук похитителей ваших вырвать и опять домой возвратить, освобождая из уз, на вас наложенных. В шестых. Если же вы, упустив все то, допустите с собою однажды сделать, что им было надобно, то и сие не должно вас в отчаяние приводить, но положите впредь того уже получше остерегаться и действительно то делайте. «Нет, — скажите вы сами себе, — в другой раз вы, мошенники, меня не обманете, я буду осторожнее». И так далее. И будьте уверены, что в другой раз вы в состоянии будете уже более отпор сделать, а в третий раз того более, и чрез то мало помалу и отводите их от себя. В противном же случае чем чаще станете сих гостей к себе пускать, тем больше возьмут они над вами силу и тем слабее будут становиться все ваши защитники.

Вот краткое аллегорическое руководство, каким образом должно отучать себя от сей жестокой страсти. Все зависит от того, чтоб хватать ее сначала, когда она начинается, или когда стремление ее по какому-нибудь случаю начинает в вас действовать. Тогда-то должно прямо работать мыслями, а после они мало помогают. Стремление усилившись заставит разум наш производить не такие мысли, какие бы ему можно и надобно было, но такие, какие страсти надобны. В праздное же время, когда не чувствуем мы сильных нападков от оной, должно уже помышлять и рассуждать в подробности 1) о всей гнусности тех дел, к которым она нас доводит; 2) о всех худых следствиях, которые от того обыкновенно проистекают; 3) о том существительном вреде, какой мы чрез то получить можем; 4) о возможности от того освободиться, если только мы похотели; 5) о похвальных примерах других людей, тому не подверженных, или благополучно преодолевших; 6) о всех тех пользах и выгодах, какие мы чрез то получим, когда от того избавимся;

7) наконец, о кратковременности и ничтожности самых получаемых чрез то увеселений, и коль мало достойны они того, чтоб на них променивать наидрагоценнейшие сокровища как в нынешней, так и в будущей жизни. Такие и сему подобные размышления будут уже в состоянии побудить человека к лучшему и рачительнейшему впредь убеганию от всех опасных и соблазнительных случаев, равно как укрепить его силы и сделать к сопротивлению и к мысленной войне способнейшими. Одним словом, прилежное и точное исполнение всего вышеписанного может человека довести до того, что он самую влюбительную и впрочем за непреодолимую почитаемую страсть без дальнего труда одолевает и себя от уз ее освобождать может, как тому многие и действительные примеры бывают.

Что касается до того, как отучать себя от неумеренности в желаниях таких увеселений, которые происходят от удовольствования нашего вкуса, как на пример, от излишней прихотливости в естве и питии и самом пьянстве, то и в рассуждении их не иначе, как на пред следующее руководство сослаться можно, потому что они из такого же источника проистекают, то есть происходят от того, что мы желаниям к тому допускаем в нас усилиться выше меры, превзойти силу нашего произвола и обратиться в привычку, или страсть; а страсть всякую должно таким же образом начинать одолевать, как выше упомянуто. Дело только в том состоит, чтоб наперед хорошенько как о гнусности того порока, так и о худых следствиях, о существительном вреде, о возможности от того освободиться, о примерах других человеков, о пользах и выгодах противной тому добродетели, и о содержании, в каком изящность ее с гнусностью того порока находится, помыслить, а потом при помощи Божеской к тому противоборствованию приступить, какое выше вкратце, а в первой части подробно описано. Впрочем, одно только то в рассуждении сих увеселений присовокупить за нужное нахожу, что великим и нужным в сем случае вспомогательным средством почестся может, когда человек научиться тому искусству, как малым можно довольным быть, а худою и простою на пример пищей и питием не менее почти наслаждаться, как самыми драгоценнейшими кушаньями и напитками. Тут много зависит от наших мыслей и воображений, и кто ими обладать и в нужном

случае их как надобно распорядить и ими пользоваться умеет, тот может великую от того получить выгоду и пользу. Но о сем странно говорить не дозволяет мне место.

Что ж принадлежит для того, как нам в пределах себя содержать в рассуждении мысленных увеселений, происходящих от удовольствования нашего честолюбия и корыстолюбия, или как нам наиспособнее умеривать в себе обе сии страсти, которые как известно, столь сильно и обыкновенно над людьми господствуют, то было бы также пространно, есть ли б упоминать о том в самой подробности. Не сие, а особливо к тому назначенное сочинение по справедливости требовалось; но здесь другого не остается, как вкратце сказать, что и он мыслями ж должны быть преодолеваемы, из которых наизнатнейшие могут быть следующие: в рассуждении честолюбия 1) помышляй и рассуждай чаще, на сколь многом обмане, заблуждении и незнании основывается честь, оказываемая людьми друг другу; 2) со сколь многими беспокойствами сопряжено приобретение и хранение оной; 3) сколь великое обыкновенно участие имеет в том слепое счастье, а малое напротив того истинные достоинства, качества и заслуги; 4) сколь мало в нашей власти состоит снискание оной; 5) сколь малое число почитающих нас людей против числа тех, кои нас презирают, или совсем не знают; б) сколь тщетна честь, есть ли она не будет почитаема только средством для дальнейших намерений, и сколь малое вспомоществование может она учинить нам в сем случае к достижению главного конца нашей жизни; 7) наконец, сколь великим соблазном служит она и самым лучшим людям, и какую приманкою служила им к заблуждению с пути добродетели; сколь много людей испортилось, ее получивши, и из прежних добродетельных и всеми любимых людей сделались злыми, порочными и всеми ненавистными; сколь многим служила она камнем преткновения, о которой они споткнувшись, стремглав полетели и всего своего благополучия лишились и погибли невозвратно, и прочее тому подобное. В рассуждении ж корыстолюбия или богатолубия, помышляй о следующих вещах: 1) сколь со многими трудами и беспокойствами сопряжено владение великими имениями; 2) сколь мало приобретение оных зависит от нашей власти, и сколь часто обращаются в ничто все наши

о том старания и домогательства; 3) сколь скорому и легкому потере могут подвержены быть и наивеличайшие приобретения и достатки; 4) сколь великой соблазн подают они ко всем порокам и невоздержностям; 5) сколь много способов и времени отнимает у нас искание оных и управление ими, потребного для других и важнейших должностей и дел; 6) сколь легко мы можем, сделавшись богатыми, перемениться, и погнавшись за сими тленными, лишиться нетленных и лучших сокровищ, то есть добродетелей; 7) сколь великим количеством приумножаются вместе с богатствами и суеты, заботы, хлопоты, досады и неудовольствия наши; 8) наконец сколь множайшими должностями обязаны мы бываем в то время, которых исполнение тем для нас труднее и тяжелее, и так далее. Таковые помышления, а особливо есть ли они порядочно и колико возможно пространнее и беспристрастно будут почаще повторяемы, в состоянии уже будут побить много спеси с сих обеих наших неугомонных страстей, привести нас на разумнейшие мысли, лишить многих излишних замыслов и прихотей, а вкупе с тем и повода к бесчисленным неудовольствиям.

Наконец, что касается до того, каким образом нам можно приучить себя к трудолюбию и преодолевать лень и празднoлюбие, также доводить себя до того, чтоб мы при исполнении наших должностей и добродетельных дел не чувствовали обыкновенной и столь много нам мешающей тягости: то на сие коротко ответить можно, а именно: что к тому требуется только сначала твердое предприятие и с некоторым трудом сопряженное самих себя преодоление. Впрочем нужно только несколько раз себя по неволе принудить и тем не поскучить, как после нас к тому пробужденное сим образом природное к тому стремление само собою побуждать станет. Вышеписанное руководство может и в сем случае некоторым образом употреблено с пользою.

В сем состоит все то, что хотел я вам, дорогой читатель, сказать в предосторожность и совет при окончании сей моей книги. Пределы ее и обстоятельство, что она и без того против чаяния моего увеличилась более нежели я думал, не позволяют мне о сей материи говорить более; чего ради поспешу к окончанию и скажу вам на последи еще об одной великой, но такой добродетели, которую же-

лающим искать истинное свое благополучие необходимо приобретать надобно. Она проистекает из обоих тех должностей, которыми в рассуждении увеселений и неудовольствий обязаны и называется собственно удовольствием.

Чтоб вам лучше можно было понять, в чем именно состоит сия добродетель, то опишу я ее таким образом: человек тогда имеет будет сию добродетель, когда приобучит себя всегда быть тем довольным, что он по состоянию своих обстоятельств снискать и получить может. Таковой человек никогда не завидует тем, которые имеют его больше, на пример, богаче или знатнее, равномерно и не тужит и не скорбит о том, что он более не имеет и получить не может, хотя сие ни мало не мешает ему иметь старание о поправлении своих обстоятельств потоплику, поелику средства к тому имеет и находить может. Легко можно всякому заключить, сколь выгодна может быть сия добродетель для каждого человека, а особливо для такого, которой не ложное, а истинное свое благополучие приобретать намерен. Самое сие будет к тому уже великим началом и составит немалую часть его благополучия. Она приобретается, как выше упомянуто, навывчку и чрез работы мыслей, и полезность ее так велика, что я не за излишнее, но паче за надобное почел сообщить здесь и те роды помышлений, которые к тому наиспособнейшими средствами быть могут, и тем заключить мою книгу, положив чрез то равно как последнюю отживку на моей картине.

Итак, есть ли хотите вы, дорогой читатель, довести себя до такого состояния, чтоб вы могли всем довольны быть, то имеете, и ни мало о том не скорбеть, чего не имеете, и никому в том не завидовать: то старайтесь почаще иметь следующие мысли: во-первых, помышляйте, что все те приключения, которые в человеческую жизнь важное имеют содействие и производят в обстоятельствах и состоянии нашем великие перемены, управляются Божеским промыслом или провидением, что как вы, так и никто не имеет права предписывать оному законы или насильно чего-нибудь требовать; но напротив того всякой человек великою благодарностью Богу обязан за то, что он его произвел и одарил человеческим, то есть таким существом, которое способным его делает к получению вечного блаженства. Во-вторых, помышляйте и рассуждайте о тех вещах, кото-

рые имеете, смотря на собственную их доброту, а не в сравнении с теми людьми, которые имеют более. В-третьих, воображайте себе суету и несовершенство всего временного благополучия, и что оно не принадлежит к существительному и главному концу, на которой наша жизнь назначена. В-четвертых, напоминайте, что не все люди в самом деле таковы благополучны, каковыми они с наружного вида нам быть кажутся, но что мы очень часто за недостатком довольно-го вникновения в их обстоятельства и точного оных знания приписываем им всегда величайшую степень временного благополучия, нежели они действительно имеют, и что мы есть ли б все точнее знали, усомнились бы еще и не захотели быть на их месте. В-пятых наконец, что в рассуждении как всего человеческого общества, так и собственно самих нас мы дело не лучшим, а худшим еще сделаем, ежели не захотим быть довольными тем, что имеем, и либо у других их права похищать, либо завистью и тоскою себя мучить и терзать станем; ибо, тем никому иному, как самим себе досадим и вред сделаем; пользы ж от того не произойдет ни малой... Такие и сему подобные помышления могут уже вам много помочь снискивать помянутую добродетель. Вот все, что намерен я был упомянуть в сем последнем моем рассуждении: теперь время мне окончить. Картина нарисована вся и осталось только в последний раз черкнуть кистью и тем придать ей последнее совершенство и живность, то есть читателю моему еще раз и в последние напомнить, что хотя все показанные средства к приобретению благополучия в сей жизни в самом деле не инако, как действительны быть могут, есть ли их по всем предписанным правилам употреблять; однако та истинна останется навек непоколебима и неоспорима, что как бы человек ни был премудр, разумен и в предприятиях своих рачителен и усерден, или как бы духом ни бодрствовал, но плоть его всегда будет немощна, то есть слабость его слишком более нежели чтоб мог он ее совершенно преодолеть. Сие зло так глубоко в сердцах наших вкоренено, что никогда сил наших не достанет не только к совершенному его искоренению, но ниже к уменьшению знатным градусом. От того самого и происходит то следствие, что сколько б мы сами собою не старались исправить свое сердце и победить свои страсти и желания, но никогда в том дальнего успе-

ха иметь не будем, есть не призовем в помощь себе того великого Существа, которое нас сотворило, и с которым живем, движемся и есьмы. Он один всемогущим своим может и хочет подкрепить в сем случае наши немощные силы и подать к преодолению страстей, сих внутренних наших злодеев, и к приобретению желаемого благополучия невидимую руку помощи. И действительно то учинить, есть ли мы с верою к Нему прибегнем, о том его просить и сами не только первое начало учиним, но и в продолжении всевозможные свои силы к тому присовокуплять станем.

Конец третьей и последней части

П р и м е ч а н и я

ПУТЕВОДИТЕЛЬ К ИСТИННОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ СЧАСТИЮ, или Опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго

Публикуется по изданию: *Болотов А. Т.* Путеводитель к истинному человеческому счастью, или Опыт нравоучительных и отчасти философических разсуждений о благополучии человеческой жизни и о средствах к приобретению онаго. М.: Изданием Н. Новикова и Компании: Унив. тип., у Н. Новикова, 1784. Ч. 1–3.

Текст приводится в соответствии с современной орфографией и пунктуацией, за исключением некоторых лексических особенностей автора.

¹ Аврелий Августин (Augustinus, 354–430) — религиозный мыслитель, философ; Кратет Малльский (Пергамский) (II век до н. э. — около 145 до н. э.) — древнегреческий философ-стоик и грамматик, глава пергамской грамматической школы, создатель космографической теории Ойкумены и модели глобуса; Симонид Кеосский (ок. 556–468 до н. э.), древнегреческий лирический поэт; Архип (Архипп) — имя одного из 70 апостолов, сподвижника ап. Павла (I Кол. IV, 17, Флм. I, 2); Эпикур (ок. 341–270 до н. э.) — древнегреческий философ, полагавший, что философия должна излечить от страхов и страданий и научить человека наслаждаться жизнью; Антисфен (ок. 450 — ок. 360 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель школы киников; Фемистокл (ок. 525 — ок. 460 до н. э.) афинский государственный деятель и полководец.

² Конец — цель, следствие.

³ Веселие — радость, счастье, довольство, наслаждение, развлечение.

⁵ Произвол — своя воля, добрая воля, свобода выбора и действия, хотение, отсутствие принуждения.

⁶ Т. е. каютой, корабельным помещением.

⁷ Аспид — ядовитая змея, риноцер — носорог.

⁸ Пашевать — уступать, пасовать (от фр. *passer*).

⁹ Пыха — гордость. Быть в пыхах (в попыхах) — быть гордым, надменным в связи со случайно доставшимся высоким положением.

¹⁰ Пробный (пробильный) камень, оселок — камень для испытания драгоценных металлов.

¹¹ Камерир — камердинер. В другом значении — чиновник камер-конторы, ведающий сбором государственных доходов.

¹² Телематология — учение о воле.

¹³ Мамон, мамона — богатство, нажива, земные блага.

¹⁴ Т. е. в узком смысле. Знаменование — значение, смысл.

¹⁵ Вертопрах — легкомысленный, ветреный человек

¹⁶ Великолепие — пышность, роскошь.

¹⁷ Т. е. в широком смысле.

¹⁸ Статочный — могущий статья, случиться.

¹⁹ Т. е. волю. Произвол — собственный выбор.

²⁰ Сикурс (от фр. *secours*) — помощь, поддержка. Ср.: «Кои долгохвостой стратегии, сикурсной тактики и парадирного строя крепко держатся, таковых нарочито прочь на особые неважные дела усылать» (Суворов А. В. Наука побеждать. СПб., 1913. http://abratsk.ru/victory65/suvorov/nauka_1913/nauka_pob.htm).

²¹ Ср. это описание А. Т. Болотовым «шестого обстоятельства войны нашей» с известной тактикой российской армии на первом этапе войны с Наполеоном в 1812 г.

²² Магазин — склад, амбар.

²³ Цейхгауз — воинский склад оружия, обмундирования, снаряжения и т. п.

²⁴ Т. е. одиннадцатое.

²⁵ Двенадцатое.

²⁶ Кольми паче — тем более.

²⁷ Надыматься — надуваться, раздуваться; становиться гордым, важным, надменным.

²⁸ Отпящать — отталкивать.

²⁹ Картаун — большая осадная пушка с коротким стволом.

³⁰ Т. е. гаубиц.

³¹ Т. е. хорошо, прицельно стреляют.

³² Отшатиться — уклониться в сторону, посторониться.

³³ Отсовывать — отодвигать, отталкивать, отпихнуть, отдалить.

³⁴ Дефи́ле, дефи́лей (*фр.*) — узкий проход.

³⁵ Опешить — начать ходить пешком, лишившись лошади, оробеть.

³⁶ Неоплошный — усердный.

³⁷ Карказ, каркас — зажигательный снаряд, употреблявшийся с XVII в. в парусном флоте; содержал начинку из пороха, зажигательного состава с добавлением иногда пуль или картечи.

³⁸ Деташи́ровать (воен. от фр. *détacher* или нем. *detaschieren*) — маневр, производимый частью войска. Дета́шмент (ташемент) — сама эта часть.

³⁹ Растаба́рывать — разговаривать о том, о сем; от безделья рассуждать о чем придется.

⁴⁰ Нады́мать — наполняться, раздуваться, делаться гордым, важным, укреплять дух.

⁴¹ «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13:1–3).

⁴² Апосто́ла Павла.

⁴³ Благоу́тробие — милосердие, милость, щедрость (Бога, государя и т. п.).

⁴⁴ 1 Кор. 13:1 (см. примеч. 40).

⁴⁵ Речь идет о молитве «Отче наш» (Матф. 6:9–13).

⁴⁶ «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Матф. 7:12).

⁴⁷ Своя, свояси — дом, жилище, родина.

⁴⁸ Николи́же — никогда.

⁴⁹ «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13:4–8).

⁵⁰ «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Матф. 5:44).

⁵¹ «Да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Матф. 5:45).

⁵² «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Матф. 5:46–47)

⁵³ «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5:48).

⁵⁴ Поспешествовать, споспешествовать — способствовать, помогать.

⁵⁵ «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Матф. 6:19–20).

⁵⁶ Мундштук (нем. *Mundstück*) — металлическая часть уздечки, применяемая дополнительно к удилам при выезде лошади.

⁵⁷ Поводливый — охотно идущий на поводу, послушный.

⁵⁸ Вестись — жить, водиться (о животных).

⁵⁹ Дроги — продольные полосы для соединения передней оси повозки с заднею.

⁶⁰ Обротъ — недоуздок, конская узда без удил и с одним поводом, для привязи.

⁶¹ Пахва (или пахви, пахвы) — на(под)хвостник, ремень с очком, от седла; в него продевается хвост лошади, чтобы седло не съехало коню на шею; сбить кого с пахвей, с пахвы или с пахов — с толку, ладу, панталыку (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. <http://slovar-dalja.ru/slovar-dalya/paxva/24456/>).

⁶² Салвогвардия — охранный лист отпущенному из плена.

⁶³ Мурчать — урчать, ворчать, бормотать.

⁶⁴ Чивый — щедрый, тороватый.

⁶⁵ Проведрится — прояснится. Ведро, ведрие, ведренье, краснопогодье — ясная, тихая, сухая, хорошая погода;

⁶⁶ Осел — сюда, в эту сторону; по этой дороге.

⁶⁷ Выдаться, выдаваться, т. е. показать свои качества перед кем-л., выдвинуться.

⁶⁸ Растабарывать — вести пустые разговоры; болтать.

⁶⁹ Клепать — ложно и несправедливо обвинять.

⁷⁰ «И призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49:15).

⁷¹ «Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя? Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься; уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство; сидишь и говоришь на брата твоего, на сына матери твоей клеветуешь; ты это делал, и Я молчал; ты подумал, что Я такой же, как ты. Изобличу тебя и представлю пред глаза твои [грехи твои]. Уразумейте это, забывающие Бога, дабы Я не восхитил, — и не будет избавляющего. Кто приносит в жертву хвалу, тот чтит Меня, и кто наблюдает за путем своим, тому явлю Я спасение Божие»» (Пс. 49:16–23).

СОДЕРЖАНИЕ

Страсти души Андрея Болотова (Т. И. Артемьева, М. И. Микешин)	5
---	---

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ,

или нравоучительные разговоры между одною госпожою
и ее детьми, сочиненные для поспешествования
истинной пользе молодых людей

ЧАСТЬ I	35
ПРЕДИСЛОВИЕ	35
РАЗГОВОР I МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ ФЕОНОЮ И КЛЕОНОМ	40
РАЗГОВОР II МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ	45
РАЗГОВОР III МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ	52
РАЗГОВОР IV МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц** И ЕЕ ДЕТЬМИ	63

РАЗГОВОР V	
МЕЖДУ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ,	
а потом и с Луциною, одной старушкою	76
РАЗГОВОР VI	
МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц**	
и ЕЕ ДЕТЬМИ	95
РАЗГОВОР VII	
МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц**	
и ЕЕ ДЕТЬМИ	116
РАЗГОВОР VIII	
МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц**	
и ЕЕ ДЕТЬМИ	131
РАЗГОВОР IX	
МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц**	
и ЕЕ ДЕТЬМИ	146
РАЗГОВОР X	
МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц**	
и ЕЕ ДЕТЬМИ	161
РАЗГОВОР XI	
МЕЖДУ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ,	
а потом приехавшею к ним гостью,	
госпожою Мелиною, дочерью одной соседки	180
ЧАСТЬ II	196
ИЗВЕСТИЕ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ	196
РАЗГОВОР XII	
МЕЖДУ ФЕОНОЮ	
и УЧИТЕЛЬНИЦЕЮ ГОСПОЖИ БЕТИДЫ,	
в котором равно и сия девица,	
а после и Клеон имели свое участие	199

РАЗГОВОР XIII

МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц**

И ЕЕ ДЕТЬМИ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ.

ИЗВЕСТИЕ 212

РАЗГОВОР XIV

МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц**

И ЕЕ ДЕТЬМИ 235

РАЗГОВОР XV

МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц**

И ЕЕ ДЕТЬМИ ФЕОНОЮ И КЛЕОНОМ 259

РАЗГОВОР XVI

МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц**

И ЕЕ ДЕТЬМИ 278

РАЗГОВОР XVII

МЕЖДУ КЛЕОНОМ И ФЕОНОЮ,

а потом госпожою Луциною. ИЗВЕСТИЕ 300

ИЗВЕСТИЕ 318

РАЗГОВОР XVIII

МЕЖДУ ГОСПОЖОЮ Ц**

И ЕЕ ДЕТЬМИ 318

РАЗГОВОР XIX

МЕЖДУ ГОСПОЖОЙ Ц**

И ЕЕ ДЕТЬМИ 333

**ПУТЕВОДИТЕЛЬ К ИСТИННОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ
СЧАСТИЮ, или опыт правоучительных
и отчасти философических разсуждений
о благополучии человеческой жизни
и о средствах к приобретению онаго**

ЧАСТЬ I	353
ПРЕДИСЛОВИЕ	353
ВСТУПЛЕНИЕ	356
РАССУЖДЕНИЕ I	
О благополучии вообще и о искании онаго	362
РАССУЖДЕНИЕ II	
О том, в чем бы собственно состояло благополучие человеческое?	369
РАССУЖДЕНИЕ III	
О разных степенях благополучия человеческого	379
РАССУЖДЕНИЕ IV	
Касающагося вообще до средств к достижению до благополучия	385
РАССУЖДЕНИЕ V	
О существе и свойствах желаний человеческих вообще	396
РАССУЖДЕНИЕ VI	
О начальных и врожденных желаниях и о происходящих от них других желаниях	429
РАССУЖДЕНИЕ VII	
О состоянии, в каком находятся в нас наши главные желания вообще	442
РАССУЖДЕНИЕ VIII	
О нравственном зле, или о худых наших склонностях	451

РАССУЖДЕНИЕ IX

О вредных следствиях, происходящих от худых наших
склонностей и желаний 468

РАССУЖДЕНИЕ X

О возможности уменьшения нравственного зла
и о исправлении нашем вообще 479

РАССУЖДЕНИЕ XI

О существе и порядке исправления вообще 492

ЧАСТЬ II 508

РАССУЖДЕНИЕ XII

Содержащее в себе подробнейшее и общее,
хотя краткое, руководство к исправлению нашему,
или показание практических способов к побеждению страстей
и к увеличиванию хороших склонностей 508

РАССУЖДЕНИЕ XIII

Содержащее в себе предварительное уведомление
о способах к приобретению благополучия и правилах,
к тому принадлежащих, вообще 601

РАССУЖДЕНИЕ XIV

Содержащее в себе собственные правила и руководство
к умножению веселия, как существительной
части благополучия нашего 607

ЧАСТЬ III 703

РАССУЖДЕНИЕ XV

Содержащее в себе правила и руководство
к поспешествованию спокойствия,
или к уменьшению количества наших неудовольствий
и прискорбностей 703

РАССУЖДЕНИЕ XVI

Содержащее в себе правила и руководство
к уменьшению наших прискорбностей и неудовольствий 743

РАССУЖДЕНИЕ XVII

О утешениях 801

РАССУЖДЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

О предосторожностях при искании благополучия,
и других нужных вещах 825

Андрей Тимофеевич Болотов

ДЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ответственный за выпуск С. Батюто.

Компьютерная верстка В. Фролов.

Дизайн обложки Е. Данилова

Издательский Дом «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16,

офис-центр 1, 2 эт., пом. 22

Тел.: (812) 336-50-34

www.petropolis-ph.ru

E-mail: info@petropolis-ph.ru

Подписано в печать 26.11.2012.

Формат 60x88/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 53,37. Тираж 1000 экз.

Заказ № 8

Отпечатано в типографии «Град Петров»

ООО ИД «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург, ул. Б. Монетная, д. 16